
Г.В. Костырченко

ТАЙНАЯ
ПОЛИТИКА
СТАЛИНА

ВЛАСТЬ И АНТИСЕМИТИЗМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт российской истории

Г.В. Костырченко

ТАЙНАЯ
ПОЛИТИКА
СТАЛИНА

ВЛАСТЬ И АНТИСЕМИТИЗМ

Москва
«Международные отношения»
2003

УДК 323.12 (=924) (47+57)
ББК 63.3 (2)-36
К72

...Антисемитизм — это не еврейская проблема. Это — наша проблема. Поскольку мы... еще не стали его жертвами — да, мы тоже — мы, должно быть, поистине слепы, если не видим, что это наше дело, как никакое другое.

*Жан-Поль Сартр
«Антисемит и еврей»*

ISBN 5-7133-1071-X

© Г.В. Костырченко, 2003
© Подготовка к изданию и оформление изд-ва «Международные отношения», 2003

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА 12

ВВЕДЕНИЕ 13

Глава I

**РЕШЕНИЕ «ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА»
ПРИ ЦАРЯХ И БОЛЬШЕВИКАХ** 25

Явление «чудесного грузина» 25

Молодой Сталин и антисемитизм 25

Взгляд в историю 27

Еврейские партии 31

Большевики и Бунд 33

Позиция Столыпина 35

Новый теоретик партии 36

Начало судьбоносных испытаний 43

Война 43

Революция 45

От национальной теории к практике 48

Ученик обретает самостоятельность 48

Курс на «коренизацию» кадров 53

Евреи и большевистский режим 55

На защиту еврейской бедноты 55

На службе новой власти 57

Евсекции, Бунд, сионисты 60

*В погоне за призраком
«еврейской социалистической нации»* 87

Советизация еврейства 87
Южный проект 90
Всплеск антисемитизма в 1928-е 100
Биробиджанская альтернатива 111
Закрытие «вопроса» на фоне «большого террора» 123

Глава II

ВЫЗРЕВАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО АНТИСЕМИТИЗМА В СССР 140

*Государственно-патриотическая альтернатива
Сталина* 140

Идеологическая мутация режима 140
Генерация сталинских идеологов 152
Шовинизация национальной политики 162

Первые признаки госантисемитизма 177

СССР—Германия: перипетии отношений 177
Проблема польских евреев 184
Фактор нацистского влияния 194
Антисемитизм как элемент власти 196
Робкая попытка перелицовки пропаганды 218

Евреи и власть в годы войны 222

«Еврейский синдром» советской пропаганды 222
Усиление еврейской общественной активности 229
«Дело Эрлиха—Альтера» 232
Еврейский антифашистский комитет в СССР 236
Вспышка антисемитизма в советском тылу 242
Противоречия пропаганды патриотизма 249
Интриги на историческом и философском «фронте» 252
За национальную чистоту русского искусства 258
Антисемитский нажим на журналистику
и литературу 266
Реакция на травлю 271

Глава III

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, ВЛАСТЬ, ПРОПАГАНДА 276

Перегруппировка внутри номенклатурной элиты 276

Интриги в Кремле 276
Ахматова и Зощенко как жертвы аппаратной игры 284

Триумф и падение Жданова 290

Пропагандистская альтернатива 290
«Дело «КР»» 292
«Суды чести» 298
Обновление руководства Агитпропа 300
Лебединая песня главного идеолога 303

Удар по «космополитам» 310

К «теории» вопроса 310
Вначале были «антипатриоты» (Нусинов и др.) 314
Шепилов против Фадеева 319
Агитпроп перестраивается... 328
Начало кампании 333
В ССР 337
Апогей кампании и ее свертывание 340

Глава IV

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ 351

*Закрытие Еврейского антифашистского комитета
и что этому предшествовало* 351

Ликвидация ЕАК 351
Проблема антисемитизма после войны. Каганович на Украине 353
Чистка в Совинформбюро 361
Попытки закрытия ЕАК в 1946-1947 годах 365
«Рука Вашингтона» 369
«Еврейский вопрос» в семье правителя 372
«Сионистский заговор» Михозлса—Алпилуевых 381
Убийство Михозлса 388
Провокационная роль МГБ 395
Развязка еврейской проблемы в Палестине
и ее кульминация в СССР 399
Зренбург и его выбор 407
Объявление войны сионизму 417

«Дело ЕАК» 422

Первые аресты 422

Крах мечты о Крыме и арест Позовского 428

Расправа над Жемчужиной 445

Следствие продолжается... 450

Козни «сионистов» в МГБ и чистка «органов» 455

Новый этап следствия 464

Судьба «Черной книги» 465

Процесс 469

Карательная ассимиляция в действии 474

Тотальный натиск 474

Расправа над литераторами 475

Ликвидация еврейских театров 484

Аресты в Биробиджане 488

Гонения на иудаизм 494

Удар по сионизму в Восточной Европе 499

Глава V

АНТИСЕМИТСКАЯ АГОНИЯ ДИКТАТОРА 508

*Запуск механизма тотальной чистки
и ее параметры* 508

Ключевая роль партаппарата 508

Положение еврейской суперэлиты 515

Без права отказа от еврейства 518

*Удаление евреев из культурно-идеологической
сферы* 521

Масс-медиа 521

Литература и около нее 536

Музыкальное искусство 542

Кино 553

Положение дел в науке и образовании 555

Руководство чисткой 555

Философия 561

Экономика 572

Право 575

История 581

Педагогика 591

Биология 594

Физика 601

Ситуация в промышленности 610

Военное производство 610

Судьба знаменитого танкостроителя 616

«Дело ЗИСа» 619

Последний сталинский расстрел («Дело КМК») 626

«Экономическое» «дело Метростроя» 628

«Дело врачей»: правда и вымысел 629

Как все начиналось 629

«Рюминская система» доказательств 634

Тимашук в роли «винтика» 638

Аресты главных участников «заговора» 642

Сталинская режиссура предполагает шпионаж и террор 646

Тайное «дело» перерастает в открытую акцию 654

Эскалация репрессий 660

Пропагандистское сопровождение 663

Реакция в стране и мире 667

Миф о депортации 671

Финал «дела» и роль Берии 685

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 695

ПРИМЕЧАНИЯ 710

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 750

ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 775

Предлагаемая читателю книга представляет собой значительный вклад в освещение важного периода в истории нашего государства и общества и, естественно, в ту полемику, которую по сей день вызывают поднятые в ней проблемы.

Нет сомнения в том, что сочинение Г.В. Костырченко — масштабное разносторонне документированное исследование, и его достоинство состоит прежде всего в том, что антисемитизм в политике Сталина рассматривается как неразрывная составная часть режима тоталитарного господства, как его инструмент, а не как самодовлеющая проблема или цель политики.

Разумеется, последнее слово в суждениях о книге, в том числе об отдельных оценках автора и персональных характеристиках ряда государственных и общественных деятелей, представителей культуры, принадлежит читателю. Не предвосхищая их, можно с уверенностью сказать, что книга вызовет неравнодушную реакцию и острую дискуссию, которых она вполне заслуживает.

Думается, прав был русский писатель Д.С. Мережковский, когда в 1915 году утверждал, что «вопрос еврейский есть русский вопрос»¹. Эта мысль справедлива хотя бы потому, что проблема антисемитизма, которой посвящено данное исследование, наложила свой мрачный отпечаток на несколько столетий совместного бытия русских и евреев. Да и избавиться от подобного социального недуга вряд ли возможно без обоюдных усилий этих проживающих рядом друг с другом народов. Жизненно важная необходимость такого общего освобождения от вековой вражды и предрассудков на национальной почве продиктована уже тем, что истории известны случаи, когда под натиском генерируемой антисемитизмом ненависти уничтожалась культура народов и гибли целые государства. Сила этого порока, помимо прочего, состоит и в том, что он почти так же стар, как и сама человеческая цивилизация, ибо в его основе лежит ксенофобия (инстинктивный страх перед чужаками), которая, являясь первобытной составляющей человеческого инстинкта самосохранения, искони присуща психологии людей. В каком-то смысле прав был Альберт Эйнштейн, считавший антисемитизм неизбежным злом, тенью еврейства, сопровождающей его повсюду, а также своеобразной детской болезнью, корью человечества, с трудом избавляющегося в ходе цивилизационного процесса от первородных животных инстинктов. Наряду с этой образной, с налетом скепсиса, дефиницией антисемитизма, суть его можно определить проще и рациональней — как комплекса убеждений и действий, направленных против евреев как этноса. Или, выражаясь более академично, антисемитизм — это одна из форм национальной нетерпимости, проявляющаяся во враждебном отношении к евреям (от третирования в быту, правовой дискриминации, пропагандистского поношения до погромов и геноцида^{*}).

Древнейшим видом антисемитизма принято считать такое конкретное проявление ксенофобии, как юдофобия, то есть нетерпимость к евреям, так сказать, на уровне индивидуального и коллективного бессознательного. Юдофобию еще называют бытовым антисемитизмом^{**}. Существует также мнение, которого придерживался, в

^{*} Гитлеровская политика геноцида евреев Европы в годы Второй мировой войны получила название Холокоста (от греч. holokaustosis — жертва всеожжения).

^{**} На Западе бытовой антисемитизм называют также народным (popular) или плебейским (plebeian).

частности, один из российских идеологов сионизма XIX века и врач по профессии Л.С. Пинскер, что юдофобия — это наследственное психическое заболевание, что, конечно, верно применительно к отдельным клиническим случаям, но вряд ли правильно, когда речь идет о социальном явлении в целом.

Другим уходящим корнями в глубь истории видом антисемитизма является идеологический, проявляющийся как в религиозной форме (скажем, как исходившие в прошлом от христианской церкви трагические гонения против евреев за их отказ признать Иисуса Христа Богом), так и в светской, под которой подразумевается прежде всего так называемый национальный, или расовый, антисемитизм. Этот последний появился в XIX веке, когда в Европе развернулся инициированный французской революцией 1789 года и поддержанный в 1806 году Наполеоном I активный процесс уравнивания евреев в гражданских правах (эмансипация), ознаменовавшийся выходом их из духовной изоляции и гетто и последующей инфильтрацией в европейскую социально-культурную элиту, часть которой (весьма значительная и авторитетная) реагировала на это негативно. В какой-то мере подобная интернационализация человечества породила не потерявшую своей значимости и в следующем столетии коллизию между либерализмом, ставящим во главу угла права личности как таковой, и идеей национального государства, свято блюдущего во всем лозунг «почвы и крови». Так под прикрытием романтических призывов к возрождению исконных традиций и созиданию этнически «чистой» культуры народов рождался шовинизм, объявивший евреев инородными и вредоносными элементами, паразитирующими на теле нации. Не случайно поэтому в самой этимологии термина «антисемитизм», предложенного в 1880 году немецким журналистом и ненавистником евреев В. Марром, содержится расовый смысл, заключающийся в неприятии евреев как представителей «чуждой расы» семитов. Наиболее радикальным и вместе с тем идейно обоснованным ответом интеллектуальной элиты европейского еврейства на антисемитский вызов конца XIX века стала публикация австрийским журналистом Т. Герцлем в 1896 году книги «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса», написанной под впечатлением знаменитого «дела А. Дрейфуса». В ней в качестве панацеи от антисемитизма выдвигалась идея сионизма, прокламировавшая концентрацию еврейства в своей собственной стране как главное условие его национального выживания.

Если посмотреть на антисемитизм сквозь призму типологии, то несложно вычленил его социальную и политическую составляющие. К первому типу относятся такие вроде бы совершенно различные виды антисемитизма, как бытовой (юдофобия) и идеологический (философско-религиозный). Последний, впрочем, в случае его тайного или явного использования в сфере борьбы за власть (скажем, для

соответствующего «теоретического» обоснования политических программных установок или действий), переходит из сферы абстрактного мудрствования в качественно иную ипостась (в партийно-пропагандистский антисемитизм) и рассматривается уже как составная часть политической модели. Другим видовым элементом той же модели является государственный (официальный) антисемитизм, который следует рассматривать как наиболее тяжелую форму этого социального недуга. Даже при схематичном рассмотрении генезиса государственного антисемитизма легко обнаруживается, что он, как правило, «вырастает» из партийно-пропагандистского антисемитизма, переходящего таким образом в следующую фазу развития. Например, Гитлер сначала использовал антисемитизм для пропагандистской обработки общества, мостя тем самым себе и своей партии путь во власть, а достигнув этой цели, возвел его в ранг государственной политики. Аналогичным образом примерно в это же время поступал и Сталин, утверждая свое единовластие в СССР посредством спекуляций на русском патриотизме и тайного поощрения толков о «еврейском характере» партийной оппозиции. Однако в действиях двух диктаторов имело место и существенное различие, обусловленное тем, что в Германии официальный антисемитизм принял открытый, откровенно агрессивный характер, а в СССР — закамуфлированный, латентный. Чтобы наглядно представить себе разницу между тайной и явной формами государственного антисемитизма, можно сопоставить их с течением некоего смертельно опасного для человека недуга, соответственно, в период инфицирования, когда заболевание носит скрытый характер (тогда организм имеет еще возможность как-то сопротивляться прогрессирующей болезни), и в стадии, когда эта болезнь принимает ярко выраженную клиническую форму, практически не дающую человеку шанса на выживание. Классический пример гибели общественно-го организма вследствие открытой формы антисемитизма явила собой нацистская Германия, где это уродливое явление приняло самый разнужданный и варварский характер. И хотя конец Советского Союза не был таким же катастрофическим, тем не менее не будет преувеличением сказать, что проводившаяся в нем в течение десятилетий политика негласного антисемитизма нанесла существенный вред не только гражданам еврейского происхождения, но и всему обществу и государству. Во всяком случае, она, очень долго отравляя социальную атмосферу, тем или иным образом негативно воздействовала на психику нескольких поколений советских людей, причем различных национальностей. Такой моральный прессинг испытал на себе и автор этих строк, которому да простится нижеследующий краткий рассказ-воспоминание от первого лица.

Первое извлечение из моей памяти относится к концу 50-х годов, когда я, еще дошкольник из семьи с весьма скромным достатком, жил в коммунальной квартире, расположенной в корпусе одной из

московских детских клиник. Тогда в летнее время я любил бродить по больничной территории, густо заросшей деревьями, кустарниками и прочей зеленью, и во время прогулок ловить как магнитом притягивавших меня разноцветных бабочек. Поскольку никаким «охотничьим» снаряжением я не располагал, то делал это руками или в лучшем случае с помощью головного убора. И вот однажды, когда я, как обычно, занимался этим увлекательным для каждого ребенка промыслом, передо мной вдруг возникла пожилая женщина, которая, ласково улыбаясь, протянула мне марлевый сачок. Не помню сейчас, что конкретно она сказала, передавая мне свой подарок, но смесь радости и удивления, которые я испытал в тот момент, памятна мне по сию пору. Горя желанием поделиться с кем-то своей нечаянной радостью, я поспешил домой. Встретив по дороге одну из соседок по квартире, величаемую всеми бабушкой Феней, я не упустил возможности похвастаться перед нею новеньким сачком, заочно благодаря при этом незнакому человеку, мне его подарившую. Выслушав мой восторженный и сбивчивый рассказ, бабушка Феня почему-то не спешила радоваться вместе со мной. Помолчав минуту и, видимо, определив за это время по моему описанию личность дарительницы, она только холодно заметила: «Но ведь она же жидовка». Тогда я впервые услышал это слово и, конечно, не знал, что оно означает, но по той недоброй интонации, с какой оно было произнесено, я инстинктивно почувствовал, что это отнюдь не похвала, а, скорее наоборот, ругательство.

Так я впервые столкнулся с антисемитизмом, который был тогда обычным бытовым явлением. А может быть, и не только бытовым, поскольку, спустя много лет узнав о «деле врачей» 1953 года и о той антиеврейской вакханалии, которая тогда захватила в первую очередь лечебные учреждения страны (в том числе и нашу больницу), я понял, что недоброе слово, услышанное мною когда-то от бабушки Фени, было не только следствием вековых предрассудков, но и своеобразным отзвуком недавних организованных сверху акций.

Другой памятный эпизод имел место в одном из министерств оборонной промышленности, где я начиная со второй половины 70-х годов возглавлял центральный отраслевой архив. Однажды у меня, тогда еще молодого специалиста, состоялась беседа с моими кураторами из «режимно-секретного органа», двумя «сидевшими» у нас на кадрах полковниками госбезопасности в отставке, которые наряду с прочим занимались «фильтрацией» личного состава с учетом «пятого пункта». Гордо именуя себя бывшими «бойцами вооруженного отряда партии», они «по-дружески» принялись учить меня, что называется, уму-разуму, пытаясь в доверительно-благожелательном тоне втолковать мне, что все зло в стране происходит от евреев и потому-де государство по отношению к ним должно быть

особенно бдительным. И опять же прошло немало лет, прежде чем до меня, крепкого, как и большинство людей, задним умом, дошел истинный смысл этого разговора, имевшего, как теперь я понял, явную государственно-антисемитскую подоплеку.

Подобный личный жизненный опыт позволил автору, профессионально занявшемуся в конце концов историей советского общества, понять, что проблема официального антисемитизма для недавнего прошлого нашей страны была отнюдь не такой надуманной и умозрительной, как ее еще и поныне пытаются представить некоторые ностальгирующие по ушедшей эпохе политики и ученые.

Но полное прозрение наступило после того, как в 1991 году произошел крах прежнего режима, в результате чего приподнялась завеса тайны над тщательно засекреченными архивами высших органов компартии и советского государства и рухнувший «железный занавес» уже более не скрывал достижения западных ученых в области истории СССР. Знакомство с их работами стало для автора своего рода откровением. Ибо если со второй половины 30-х годов тема антисемитизма находилась в СССР под строгим запретом*, то на Западе ее никогда не переставали изучать, привлекая все доступные для тамошних историков источники — в основном советскую периодическую печать, свидетельства эмигрантов и перебежчиков, а также труды диссидентов. Одно из самых полных исследований такого рода опубликовал еще в 1952 году в Нью-Йорке С.М. Шварц, товарищ министра труда при Керенском. Его изданная на русском языке книга «Антисемитизм в Советском Союзе», будучи написанной в строгой аналитической манере и на основе объективно поданного обширного фактографического материала, до сих пор не утратила научной ценности. Ее автор хоть и не имел в силу известных причин доступа к советским архивам, тем не менее, располагая солидным комплексом свидетельств и косвенных фактов, пришел к выводу, что «ползучий антисемитизм советской бюрократии... начал отчетливо складываться во второй половине 30-х годов». Именно так характеризовалось в книге происходившее с того времени «оттеснение евреев на задний план во всех областях жизни Советского Союза», что также условно обозначалось термином «новый антисемитизм»². Будучи весьма осторожным в оценках и выводах, а кроме того, придерживаясь социалистических взглядов и с симпатией относясь к советскому народу, победившему ценой огромных жертв гитлеровский фашизм, Шварц так и не решился прямо назвать антиеврейскую политику советских властей государственным антисемитизмом.

* До этого в Советском Союзе был издан целый ряд книг, бичующих антисемитизм с исследовательских и пропагандистских позиций, в том числе такие, как: Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. — М.—Л., 1929; Луначарский А.В. Об антисемитизме. — М.—Л., 1929; Радищев Л. Яд. Об антисемитизме наших дней. — Л., 1930 и др.

Другие западные исследователи не были столь шепетильными в выборе формулировок и предпочитали называть вещи своими именами. В частности, израильские ученые, которых всегда интересовала общественно-политическая ситуация в СССР, складывавшаяся вокруг их соплеменников, прямо утверждали, что те в той или иной мере страдают от политики государственного антисемитизма. Ее возникновение они связывали с последствиями «большого террора» 1936–1938 годов и советско-германским пактом о ненападении 1939 года*. Впрочем, опять же из-за того, что эти исследователи не располагали советскими архивными материалами, их выводы о характере антисемитских проявлений в Советском Союзе были лишены полноценного фактического обоснования и потому, греша подчас различными абберациями, не могут считаться ныне безукоризненными в научном плане. К тому же, основное содержание трудов как израильских ученых, так и их американских коллег еврейского происхождения** посвящено исключительно еврейскому аспекту истории СССР, и в них недостаточно глубоко исследуются общие процессы, протекавшие в недрах высшей советской бюрократии, которая, собственно, сформировала и проводила политику государственного антисемитизма. В какой-то мере этот пробел был устранен после появления на Западе в начале 80-х годов книги советского невозвращенца М.С. Восленского «Номенклатура». В ней возникновение официального антисемитизма в СССР вполне резонно увязывалось с террором в конце 30-х годов и приходом к власти после него новой генерации высшего чиновничества, которая в отличие от предыдущей была менее образованной, зато более циничной и, самое главное, в полной мере подвластной воле Сталина³. Однако поскольку Восленский также не имел доступа к советским архивам и к тому же особо не интересовался историей решения «еврейского вопроса» в СССР, его книга лишь наметила (хотя и довольно правильно) один из векторов будущего специального исследования.

То же самое можно сказать и о фундаментальных трудах известных американских историков Р. Пайпса и Р. Такера***. Причем книги последнего, представлявшие собой обстоятельную биографию Ста-

* См., например: Pinkus B. The Jews of the Soviet Union. The History of the National Minority. —Cambridgshire: Cambridge University Press, 1988. — P. 138–139. Idem. The Roots of Ideological Anti-Semitism in the Soviet Union under Gorbachev // SHVUT. — 1996. — No 3 (19). P. 58; Gilboa Y.A. The Black Years of the Soviet Jewry, 1939–1953. — Boston, 1971.

** См., например: Gitelman Z.Y. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881— to the Present. — New-York, 1988.

*** Пайпс Р. Россия при большевиках. — М.: РОССПЭН, 1997; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. — М.: Прогресс, 1991; Его же. Сталин у власти. 1928–1941. История и личность. — М.: Весь мир, 1997.

лина, были особенно важны для данного исследования, поскольку роль этого диктатора в формировании тайного антиеврейского курса внутренней политики Советского Союза являлась ключевой. Интересно, что Такер считает, что главный герой его научных сочинений стал убежденным антисемитом еще задолго до Октябрьской революции, и причиной тому послужило свойственное его характеру «презрительное отношение ко всему небольшому, слабому», коим в его глазах представлялось и тогдашнее российское еврейство⁴. Однако автору ближе точка зрения другого видного американского ученого, Р. Конквеста, который склонен думать, что в дореволюционный период в поведении Сталина обнаруживаются лишь «зачатки антисемитской демагогии». Характеризуя же общее отношение диктатора к еврейской проблеме, Р. Конквест полагает, что в этом смысле тот «был глубже и сложнее Гитлера», и поскольку «его взгляд на человечество был циничным», то практикуемый им «вслед за Гитлером антисемитизм... был скорее политикой, чем догмой»⁵. Аналогичного мнения придерживался и историк А. Авторханов, который в молодости имел возможность непосредственно познавать тайные механизмы власти в СССР и который потом утверждал, что «... сталинский антисемитизм не был зоологическим, как у Гитлера, а прагматическим»⁶.

Наряду с этим в западной историографии имеет место и тенденция механистического уподобления подходов Гитлера и Сталина к решению «еврейского вопроса». Представляя собой по сути пропагандистский реликт времен холодной войны, такая позиция тем не менее громко заявила о себе главным образом в последнее десятилетие. Логично предположить поэтому, что «второе дыхание» она получила во многом под воздействием произведений в жанре эмоциональной исторической публицистики, которые в массовом порядке стали издаваться в период кануна падения советского коммунистического режима и первых лет после этого исторического события. С энтузиазмом вскрывая «язвы» «проклятого прошлого», некоторые авторы принялись разоблачать тогда последнее преступление Сталина, известное как «дело кремлевских врачей». В частности, они утверждали, что диктатор намеревался использовать его в качестве повода для осуществления уже в марте 1953 года крупномасштабной депортации советских евреев в Сибирь, устройства публичных казней наиболее выдающихся и авторитетных представителей этой национальности на Красной площади в Москве и тому подобных антисемитских зверств*. При этом в погоне за исторической сенсацией и давая волю чувствам, никто из них, за редким

* См., например: Шейнис З.С. Провокация века. — М.: изд-во ПИК, 1992. — С. 122–123; Эттингер Я.Я. К сорокалетию «дела врачей» // Еврейская газета. — 1993. — № 4 (91), 5 (92); Ваксберг А.И. Нераскрытые тайны. — М.: Новости, 1993. — С. 293–294.

исключением*, не утруждал себя соблюдением научно-исторических методов исследования (если, конечно, они имели представление о таковых). И вот опираясь на подобного рода откровения, не подтвержденные ни единым документально зафиксированным фактом, некоторые западные исследователи уже на «научной основе» стали доказывать, что в конце своей жизни Сталин намеревался пойти по проторенному ранее Гитлером пути «окончательного решения еврейского вопроса». В обоснование столь смелого умозаключения они, компенсируя отсутствие конкретных фактов, прибегли к абстрактным рассуждениям в том роде, что поскольку Сталин был таким же тоталитарным диктатором, как и Гитлер, и так же, как и он, считал своих ближайших соратников неспособными реализовать им задуманное, то значит, уходя с политической сцены, должен был действовать опять же как германский фюрер, то есть форсировать расправу над ненавистными ему евреями⁸. Проще говоря, на основании объединяющего тиранов всех времен и народов общего сходства (почти все они подозревали своих ближайших слуг или в предательстве, или в нерадивости) априори предполагается тождественность их конкретных политических действий. При этом ученые, ставящие во главу угла исследования подобный «компаративистский» метод, совершенно «не замечают» той огромной разницы, которая существовала между нацистским режимом в Германии и советским в России, как, впрочем, ими не принимается в расчет и то немаловажное обстоятельство, что в отличие от Гитлера, который еще в 1919 году объявил во всеуслышание о своем основанном на «рациональном антисемитизме»** плане «непрерывно удалить» (т.е. депортировать. — *Авт.*) из страны «евреев вообще»⁹, Сталин — если верить фактам, а не домыслам — никогда ничего подобного не говорил и не собирался предпринимать.

Настаивающие на реальности «депортационного» мифа историки и публицисты дают тем самым в руки своих оппонентов из лагеря патриотов-почвенников сильный козырь, который те, ссылаясь на незабвенную мудрость Козьмы Пруткова — «единожды солгавши, кто тебе поверит», используют для того, чтобы — тоже вопреки очевидным фактам — вообще отрицать как досужую выдумку либералов существование когда-либо в СССР политики государственного антисемитизма. Примерно по такой схеме действовал, скажем, пи-

* Известный писатель и публицист А.М. Борщаговский, который на себе познал тяжесть антиеврейских гонений конца 40 — начала 50-х годов и который, работая потом над этой темой, довольно долго и активно занимался сбором соответствующей архивной информации, высказывает сомнения относительно реальности планов Сталина депортировать евреев весной 1953 года (7).

** «Рациональным» Гитлер называл государственный антисемитизм, а «эмоциональным» — бытовой.

сатель В.В. Кожин, который, обладая глубокой эрудицией и несомненным талантом блестящего полемиста, весьма убедителен как популяризатор исторических знаний¹⁰.

Дистанцируясь от обозначенных выше диаметрально противоположных точек зрения (либеральной и консервативной), автор, объективно и тщательно исследовав немалый объем доступных ему по теме фактов, полагает, что, во-первых, антисемитизм несомненно присутствовал в официальной внутренней политике руководства страны как при Сталине, так и при его преемниках; во-вторых, этот феномен имел свои особые исторические корни и специфические черты и потому не поддается упрощенческому уподоблению аналогичным социально-политическим явлениям в других странах. В определенном смысле эта концепция созвучна достижениям отечественной исторической науки последних лет. В частности, она соответствует методологической основе таких недавно вышедших в свет трудов, как детально документированная монография Р.Г. Пихои «Советский Союз: история власти, 1945–1991» (М.: изд-во РАГС, 1998) и выпущенный под редакцией А.К. Соколова «Курс советской истории. 1941–1991» (М.: Высшая школа, 1999). Интересно, что автор первой работы, возглавлявший в недавнем прошлом государственную архивную службу страны и потому имевший широкий доступ к самым засекреченным архивам коммунистического режима, еще в 1993 году отрицал существование документов, подтверждающих намерение Сталина «окончательно» решить «еврейский вопрос» путем депортации¹¹. Во второй же книге прямо утверждается, что при Сталине «... в государственную политику был внесен элемент антисемитизма»¹².

Под напором документальной правды, недавно еще томившейся за семью печатями, но в последние годы все больше и больше становящейся достоянием общества*, постепенно разрушаются сотворенные на песке домыслы, эмоций, непрофессионализма и политических спекуляций апокрифы истории сталинизма. И такая тенденция внушает определенный оптимизм автору, чье методологическое кредо выражается формулой: политически неангажированное, независимое и объективное исследование, основанное на научно-критическом анализе исторических источников, плюс следование традициям классиков мировой и русской исторической науки, основу творчества которых составляли стремление к глубокому проникновению в суть событий и явлений прошлого, а также императив всестороннего

* См., например, сборники документов: **Неправедный суд. Последний сталинский расстрел: стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета** / Отв. ред. В.П. Наумов. — М.: Наука, 1994; **Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история** / Под ред. Ш. Редлиха и Г.В. Костырченко. — М.: Международные отношения, 1996.

осмысления и исчерпывающего объяснения сопряженных с ними причин и следствий*. С точки зрения автора, профессионализм исследователя состоит в том, чтобы, образно выражаясь, с помощью острого скальпеля фактов вскрыть историческую полость общества и затем по представшей глазам социально-анатомической картине попытаться мысленно реконструировать процессы, протекавшие когда-то в общественном организме. Такой метод исторической «вивисекции» предполагает осуществление сначала объективного анализа (очищение фактов прошлого от различных наслоений и aberrаций), а потом — научного синтеза (формулирование выводов на основе исторической правды).

Исповедуя такого рода профессионально-творческие принципы, автор считал первоочередной задачей данного исследования формирование его полноценной источниковой базы. В результате ее основу составили документы фонда ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС и некоторых других фондов, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Особую важность именно этих материалов для подготовки монографии предопределило то обстоятельство, что центральный аппарат партии являлся ключевым звеном в формировании политики государственного антисемитизма в стране. Поскольку одну из ведущих ролей в этом процессе играли также органы государственной безопасности, в ходе исследования широко использовалась и фактография, полученная из Центрального архива ФСБ РФ (главным образом материалы следственных дел жертв политических репрессий). Наряду с этим автору помогли и сведения, почерпнутые им из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Правда, материалы из этих архивохранилищ представлены в работе в значи-

* К примеру, К. Тацит писал: «... тем, кто решил непоколебимо держать ся истины, следует вести свое повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти» (*Историки античности*. — Т. 2. Древний Рим. — М.: Правда, 1989. — С. 187). Метод политически нейтрального исторического исследования был в какой-то мере навеян автору следующим, на первый взгляд, незамысловатым четверостишием, на которое он в бытность свою студентом случайно наткнулся, перелистывая дореволюционный сатирический журнал: «Винного и правого / Всегда ты различай./ Ругай за дело «правого» / И «левого» ругай». Однако «центристы» от истории навлекают на себя порой двойной удар. Ибо когда они фонарем правды пытаются осветить потемки прошлого, то в них летят камни критики из лагерей как «левых», так и «правых», для которых эти потемки и привычней, и удобней. Не случайно поэтому вышедшая в конце 1994 года книга автора «В плену у красного фараона» была названа крайними националистами в Израиле «антисемитской», а ура-патриотами в России — «сионистской».

тельно меньшем объеме, чем, скажем, фактографические данные из РГАСПИ, так как основной массив сосредоточенных в них документов либо в значительной мере выходит за хронологические и тематические рамки данного исследования, либо в той или иной мере продублирован информацией из фондов все того же РГАСПИ, либо остается засекреченным: в РГАНИ полностью закрыты основные фонды — 3-й (президиум ЦК), 4-й (секретариат ЦК), а 5-й (аппарат ЦК) — приоткрыт лишь самую малость. К сожалению, до сих пор остается недоступной и потому мертвой для науки основная масса материалов Архива Президента Российской Федерации. Правда, находящиеся там наиболее важные документы по данной теме все же время от времени рассекречиваются, а также тем или иным способом (публикации, выставки и т.п.) вводятся в научный оборот и потому были задействованы в работе. Значительно обогатили данное исследование и совсем недавно опубликованные материалы советской и израильской дипломатических служб*.

Помимо архивных источников при написании книги широко использовались и материалы мемуарного характера (как опубликованные, так и не публиковавшиеся ранее)**.

Следует особо отметить, что в какой-то мере данное исследование вобрало в себя ранние наработки автора, с которыми читатель имел уже возможность ознакомиться в ранее изданной монографии «В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие» (М.: Международные отношения, 1994)***. Основное отличие этой старой монографии от новой заключается в том, что семь лет тому назад автор, выступая в роли своеобразного первопроходца, считал главной своей целью предание гласности как можно большего объема только что рассекреченной архивной информации. Теперь же, когда, так сказать, заканчивается время разбрасывать камни и пришла пора их собирать, на передний план выходит необходимость всестороннего осмысления и глубокого анализа всего комплекса фактов по теме (как уже введенных, так и впервые вводимых в научный оборот), а также формулирования более или менее основательных выводов по результатам исследования, предпринятого, кстати, в значительно более широ-

* *Советско-израильские отношения*. Сборник документов. — Т. 1. Кн. 1, 2. 1941–1945. — М.: Международные отношения, 2000.

** Например: Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. — М.: Советский писатель, 1991; Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. — М.: Книга, 1988; Маркиш Э. Столь долгое возвращение... — Тель-Авив, 1989 и др.

*** Позже были изданы английская и французская версии этой книги: *Out of the Red Shadows. Anti-Semitism in Stalin's Russia*. — Amherst (USA): Prometheus Books, 1995; *Prisonniers du Pharaon Rouge*. — Arles (France): Solin / Actes Sud, 1998.

ких, чем прежде, хронологических рамках и в ином проблемном аспекте.

Решая эту задачу, автор преследовал прежде всего цель реконструировать исторический процесс зарождения, возникновения и развития государственного антисемитизма в СССР, то есть, исследуя конкретные социально-политические условия и общественную среду, в которых протекал такой процесс, стремился проследить генезис этого явления, а также дать развернутую картину изменений, происходивших под его влиянием в институтах власти и общественном сознании. Причем в целях соблюдения принципов историзма и объективности исследования изучаемая проблема была рассмотрена в контексте основных политических событий и процессов, которые протекали в период сталинского правления как в стране и мире в целом, так и в советском бюрократическо-номенклатурном слое в отдельности. Хотя автор вполне осознавал ограниченность своих возможностей по изучению личной роли Сталина в формировании и проведении политики государственного антисемитизма в СССР (латентность этого явления предопределила его слабую документированность), он все же на основе известных ему фактов попытался внести определенную ясность и в этот аспект проблемы, тем более что до сих пор не существует научно обоснованного ответа на ключевой вопрос о соотношении патологической параноической юдофобии и макиавеллиевского прагматизма в личном антисемитизме Сталина.

Поскольку это первое фундаментальное научное исследование, посвященное теме государственного антисемитизма в СССР, автор, разумеется, не претендовал на ее исчерпывающее изучение. Он также не ставил перед собой задачу представить историю евреев Советского Союза как таковую, хотя по понятным причинам не мог пройти мимо отдельных наиболее важных сюжетов этой истории. Данное исследование, которое, думается, будет способствовать национальной толерантности в обществе, нацелено прежде всего на то, чтобы, глядя сквозь призму «еврейского вопроса», нарисовать объективную картину идейно-политической динамики, а потом и деградации сталинского режима или по крайней мере очертить в научно-историческом плане главные контуры этого процесса. Как это получилось — судить читателю.

Автор признателен за содействие в работе руководству Федеральной архивной службы Российской Федерации в лице В.П. Козлова, руководству и сотрудникам Центрального архива ФСБ РФ, а также всем тем, кто поделился с ним ценной информацией или дал квалифицированный совет, прежде всего И.И. Наумову, Л.Л. Мининбергу.

Особая благодарность руководству Федерации еврейских организаций и общин России (Вааду) в лице М.А. Членова, оказавшему поддержку автору в издании данной книги.

Решение «еврейского вопроса» при царях и большевиках

Явление «чудесного грузина»

МОЛОДОЙ СТАЛИН И АНТИСЕМИТИЗМ

Когда в конце 1879 года в небольшом грузинском городе, расположенном на окраине обширной Российской империи, появился на свет мальчик по имени Сосо, одному лишь Провидению, наверное, было известно, что это дитя бедных бесправных простолюдинов со временем станет всевластным вершителем судеб не только многих людей, но и целых народов. Его, взявшего потом звучный псевдоним «Сталин», будут сначала возвеличивать, называя великим борцом с вековым национальным угнетением и отцом народов, а затем начнут разоблачать, проклиная как тирана и кровавого палача этих народов.

Кем же был на самом деле этот человек? Был ли он искренен, когда в пору своей революционной молодости писал такие строки:

«Стонут постоянно преследуемые и оскорбляемые евреи, лишённые даже тех жалких прав, которыми пользуются остальные российские подданные, — права жить везде, права учиться в школах, права служить и т.д.»¹

Или уже тогда это сочувствие Сталина дискриминируемому царизмом народу было не более чем обычное лицемерие начинающего политика, своего рода камуфляж амбициозного молодого марксиста, желающего продемонстрировать приверженность социал-демократической партии, в которую вступил, и ее революционным лозунгам, клеймившим имперскую Россию как тюрьму народов? Из-за скудости источниковой базы дать однозначный ответ на такой вопрос весьма непросто, если вообще возможно. Одно лишь очевидно: к положению евреев и отношению к ним царских властей Сталин проявил интерес довольно рано, возможно, еще в первой половине 90-х годов XIX века, когда, будучи воспитанником Тифлисской духовной семинарии, начал увлекаться революционным марксизмом. Хотя известна и версия о том, что он столкнулся с евреями еще в детские годы в родном Гори, где те держали сапожные мастерские и

конкурировали с его отцом, занимавшимся тем же ремеслом. На этой почве якобы возникали частые конфликты, которые-де и заронили в душу будущего диктатора семена антисемитизма. Но так как «факт» этот впервые был приведен в признанном фальшивкой «дневнике» М.М. Литвинова, опубликованном в Нью-Йорке в 1953 году, надуманность и несостоятельность подобных сведений не вызывает сомнения².

Вопрос о том, был ли Сталин антисемитом и если да, то когда и вследствие каких причин он им стал, всегда интересовал и до сих пор интересует историков, которые так и не пришли к однозначному ответу. Ведь Сталин, будучи волевым и вместе с тем чрезвычайно недоверчивым человеком, умел скрывать свои истинные чувства, в том числе и в отношении евреев. Достоверно известно лишь то, что публично он осуждал антисемитизм как проявление крайне реакционных взглядов, несовместимых с коммунистическими идеалами. Сказать что-либо более определенное нельзя, но возможны варианты предположительных ответов, которые тем не менее могут приближаться к истине, особенно если они всесторонне документированы и научно аргументированы.

Немало исследователей стремилось заглянуть в душу загадочного диктатора, однако справиться с этой задачей хотя бы частично смогли лишь единицы. Наиболее удачную попытку такого рода предпринял известный американский историк Р. Такер, но и не все его доводы выглядят достаточно убедительными. В научной биографии советского диктатора он воспроизводит фрагмент из воспоминаний одного из идейных его противников меньшевика Р. Арсенидзе, где говорится о том, что в 1905 году Сталин, выступая перед грузинскими рабочими Батуми, якобы сказал: «Ленин возмущен, что бог послал ему таких товарищей, как меньшевики! В самом деле, что за народ! Мартов, Дан, Аксельрод — жиды обрезанные. Да старая баба В. Засулич. Поди работай с ними. Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься. Трусы и торгаши!»³.

На основании этого явно небеспристрастного свидетельства и некоторых других соображений американский историк делает вывод, что уже в молодые годы Сталин был антисемитом⁴. Анализирует Такер и известную статью Сталина с его впечатлениями о V («лондонском») съезде РСДРП 1907 года⁵. При этом внимание читателей обращается на пассаж, где тот приводит шутовское замечание делегата съезда Г.А. Алексинского о том, что «меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская» и «стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром»⁶. Далее для того чтобы интерпретация приведенного эпизода как антисемитского проявления выглядела более весомой и убедительной, утверждается, что Сталин не в шутку, как Алексинский, а всерьез считал, что фракция большевиков является фракцией истинно русских⁷.

На самом деле все обстояло не совсем так. В «записках делегата» Сталин, анализируя национальный состав фракций меньшевиков и большевиков и констатируя, что в первой доминируют евреи, а во второй — русские, которые составляют «громоздкое большинство», тем не менее указал, что вслед за ними по численности следуют большевики-евреи. И только потом приводится переченная фраза Алексинского с выражениями «истинно русские» и «погром», которые в начале века ассоциировались с реакцией и черносотенством. Повторив брутальный анекдот, Сталин, конечно же, продемонстрировал свой дурной вкус, а также ярко проявившиеся впоследствии бестактность и грубость, но воспринимать этот, как, впрочем, и другие подобные факты, приводимые в книге американского исследователя, в качестве бесспорных и достаточных доказательств антисемитских убеждений молодого Сталина, было бы в научном плане некорректно. Да и вряд ли скрытный и амбициозный кавказец стал бы так легкомысленно и публично саморазоблачаться, зная, что его кумир Ленин назвал на II съезде РСДРП антисемитизм «гнусным раздуванием расовой особенности и национальной вражды, производимой правительством и эксплуататорскими классами»⁸.

Очевидно лишь то, что в начале века Сталин в целом считал евреев (как, впрочем, и родных ему по крови грузин), вовлеченных в большинстве своем в мелкокустарное производство, потенциальной опорой меньшевиков. Тогда как русских, составлявших основу рабочих кадров крупной промышленности, — социальной базой большевизма. Не вызывает сомнений и то, что Сталин не испытывал особых сантиментов, когда рассуждал о бесправном положении российского еврейства. Для него эта национальность была прежде всего легковоспламеняющимся человеческим материалом, идеально подходящим для раздувания революционного пожара на просторах обширной империи, благо дискриминационная политика царизма в отношении евреев как нельзя лучше подготовила их к этой роли.

Сами по себе такие взгляды, которые разделяли тогда многие большевики, считать антисемитскими, конечно, нельзя. Другое дело, что подобные прагматические циничные подходы той или иной личности к оценке исторической роли целого народа могли способствовать антисемитскому ее перерождению в будущем.

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Что касается исторического процесса формирования в России государственной еврейской политики, то он был довольно сложен и не поддается однозначной оценке. Хронологически исходный пункт проблемы следует отнести к концу XVIII — началу XIX столетий, когда в результате проходивших тогда разделов Польши в состав

империи стали включаться земли, населенные в том числе и евреями. Правившая в то время Екатерина II поначалу не только гарантировала этим новым своим подданным права на свободное вероисповедание и владение собственностью, но и «совершенно их под державою своей усыновляя», обещала наделить остальными «правами, вольностями и преимуществами, каковыми древние... подданные пользуются»⁹. Этот довольно либеральный для своего времени жест хоть и был в значительной мере декларативным, тем не менее свидетельствовал о широте взглядов продолжательницы преобразований Петра Великого. Во всяком случае, налицо был известный прогресс в сравнении с временами Елизаветы Петровны, однажды начертавшей на представлении Сената о пользе допуска евреев в пределы империи следующую резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»¹⁰.

Но оказалось, что даже самодержавная властительница не в состоянии противостоять силе вековых предрассудков, питавших межнациональную и межрелигиозную вражду. Со временем она вынуждена была пойти навстречу настоятельным требованиям столичных купцов, жаловавшихся на то, что в Москве появилось «жидов число весьма немалое», которые-де наносят торговле «весьма чувствительный вред и помешательство». 23 декабря 1791 г. Екатерина подписала указ, ограничивавший предоставление евреям прав «гражданства и мещанства» (запись в купечество и пр.) территорией Белоруссии, Екатеринославского наместничества и Таврической области¹¹. Тем самым было положено начало установлению в империи «черты постоянной еврейской оседлости». В нее, просуществовавшую вплоть до февраля 1917 года, вошли в конечном итоге 15 западных и южных губерний.

В течение XIX века положение российских евреев то улучшалось, то ужесточалось. Царствование внука Екатерины II Александра I прошло в целом под знаком умеренности в выработке законодательства, регламентировавшего жизнедеятельность евреев. 9 декабря 1804 г. царем был утвержден указ, вводивший в действие «Положение для евреев». В нем закреплялись права евреев на приобретение незаселенных земель для занятия хлебопашеством и предусматривалось бесплатное выделение неимущим для тех же целей казенных земель; еврейские дети теперь могли обучаться в государственных учебных заведениях. Вместе с тем под предлогом радения о нравственности христианского населения и необходимости оградить его от экономических «утеснений» со стороны евреев, им запрещалось содержать в сельской местности питейные заведения, постоялые дворы, заниматься арендаторством, а также намечалось их выселение отсюда в города и местечки.

Правивший после Александра I Николай I, при котором милитаризация и бюрократизация российской жизни приняли запредельные формы, заслужил у евреев недобрую память тем, что с 1827 года стал

резко ужесточать рекрутскую повинность, наложенную на евреев. Он учредил так называемые солдатские школы кантонистов, куда принудительно набирались малолетние евреи (с 12-летнего возраста), которые должны были перейти в православие и отбыть 25-летний срок воинской службы. В 40-е годы этот император упразднил еврейское самоуправление (кагалы), запретил ношение традиционной еврейской одежды, повел борьбу с хедерами (еврейская начальная школа). С кончиной Николая I и воцарением Александра II положение евреев стало меняться к лучшему. 26 августа 1856 г. был упразднен институт кантонистов. В итоге в еврейском общественном мнении об Александре II сложилось представление как о гуманном царе, печальнике гонимого народа. Тем более, что в рамках предпринятых им «великих реформ» некоторые слои еврейства получили право селиться вне черты оседлости, в том числе купцы первой гильдии (1859 г.), интеллигенция с ученой степенью (1861 г.) или высшим образованием (1879 г.), ремесленники (1865 г.), армейские ветераны, в основном нижние чины (1867 г.)¹².

После убийства Александра II народолюбцами и восшествия на престол в марте 1881 года Александра III для российских евреев настали трудные времена. Пока новый царь вступал в свои права, в апреле по югу и юго-западу страны прокатилась волна погромов, захватившая десятки населенных пунктов в семи губерниях. Интересно, что, исходя из того, что «народ громит евреев вовсе не как евреев, а как жидов, эксплуататоров народа», руководство революционно радикальной «Народной воли» первоначально поддержало эту разрушительную и негативную социальную стихию¹³. Власти же отнеслись к еврейским погромам как к проявлению революционной смуты и, преодолев кратковременную растерянность, принялись наводить порядок силой. Войсками, участвовавшими в подавлении антиеврейских эксцессов, было убито 19 погромщиков. Подобные действия во многом были следствием позиции самого нового императора, который хоть и не питал, мягко говоря, особой симпатии к иудейским подданным, но в интересах восстановления «нормальной жизни» в государстве вынужден был встать на их защиту. 11 мая он принял в гатчинском дворце депутацию во главе с неформальным лидером российского еврейства бароном Г.Е. Гинцбургом, который выразил «верноподданнические чувства и беспредельную благодарность за те меры, которые приняты к ограждению еврейского населения». В ответ было сказано, что монарх смотрит «на всех верноподданных без различия вероисповедания и племени», а «в преступных беспорядках на юге России евреи служат только предлогом и что это дело рук анархистов». Вскоре правительство выпустило циркуляр, где о погромщиках говорилось как об опасных преступниках, а в 1882 году в «Уложение о наказаниях» были включены специальные статьи, ужесточавшие кары в отношении лиц, совершающих

погромы («нападения одной части населения на другую»). Если говорить об экономической подоплеке еврейских погромов 80-х годов, то, по мнению историка Г.Я. Красного-Адмони, они явились следствием «капитализации» патриархальных масс населения, начавшейся после отмены крепостного права, когда тысячи крестьян стали вовлекаться в ремесленно-торговую сферу, где традиционно доминировали евреи*, и потому не могли не вступить в конфликт с ними. То же самое происходило в Германии (1878, 1884 гг.), Австрии (1890 г.), других странах Центральной и Восточной Европы¹⁵.

Но продолжительного пребывания в роли защитника иудеев царь не мог себе позволить. Вскоре при дворе возобладало мнение, что погромы суть выражение народного недовольства против чрезмерно усилившейся «еврейской эксплуатации христиан». Вместе с тем проводившаяся в предшествующие царствования политика, направленная на преодоление национально-религиозной изолированности евреев и постепенное их слияние с остальным обществом, была продолжена, хотя, вследствие возобладавших при дворе консервативно-охранительных и шовинистических тенденций, правящими кругами были предприняты отдельные шаги по ужесточению соответствующего законодательства, что получило официальное закрепление во введенных 3 мая 1882 г. «Временных правилах о евреях». Отныне им запрещалось возвращаться в селения, из которых их ранее выдворили, а также приобретать там недвижимость. Спустя пять лет для лиц иудейского вероисповедания вводится процентная норма при приеме в средние и высшие учебные заведения**, а еще через два года ограничивается их доступ в адвокатуру. Принятые вскоре земское и городское положения фактически отстранили евреев от участия в органах местного самоуправления. В 1891–1893 годах по распоряжению московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича более 25 тыс. еврейских ремесленников, торговцев, отставных николаевских солдат и членов их семей были изгнаны из первопрестольной, где они проживали в основном в районе Зарядья. Если накануне выселения в Москве насчитывалось 35 тыс. евреев, то к 1897 году их осталось там 8,2 тыс. Помимо Московской губернии евреям был полностью запрещен въезд и проживание в Финляндии, Кубанской и Терской областях и некоторых других местностях¹⁶.

На притеснения властей, усиливавшийся антисемитизм и погромы евреи ответили массовой эмиграцией, благо царское прави-

* По переписи населения 1897 года, из 618 926 человек, занятых в торговле на территории империи, 450 427 (72,8%) были евреями (14).

** Хотя ограничительные квоты составляли в черте оседлости 10%, в столицах — 3%, для прочих регионов — 5%, тем не менее в 1910 году в высших технических учебных заведениях России обучалось 25 615 евреев, что составляло 10% от всех числившихся там студентов (*Еврейская энциклопедия*. — Т. 13. — С. 674).

тельство не препятствовало этому: занимавший в 1881–1882 годах пост министра внутренних дел Н.П. Игнатъев заявил, что «западная граница евреям открыта»¹⁷. Поэтому, значительно обгоняя другие государства мира по количеству подданных еврейской национальности (по переписи населения 1897 года в империи насчитывалось 5 215 800 евреев), Россия превратилась в страну массового исхода еврейства. В 1881–1914 годах ее покинули 1,7 млн. евреев, большая часть (85%) которых осела в США¹⁸.

Однако активизировавшееся при Александре III сближение России с западными демократиями (главным образом с Англией и Францией), в которых еврейство пользовалось существенным влиянием, не позволило царскому правительству пойти на значительное усиление государственного антисемитизма. Более того, эрозировавшая и ветшавшая с каждым десятилетием самодержавно-бюрократическая власть вынуждена была под напором демократических веяний в обществе идти на все бóльшие уступки. Особенно это стало очевидным в период правления последнего русского царя Николая II, который, например, в 1903–1905 годах разрешил свободное проживание евреев в 291 селении в пределах черты оседлости.

ЕВРЕЙСКИЕ ПАРТИИ

Одновременно усиливалась политизация еврейского населения, которая проходила как вне, так и внутри национальных рамок. Этот процесс характеризовался, с одной стороны, массированным притоком ассимилирующейся части еврейства в общероссийские политические партии, начиная с легально действовавшей кадетской и кончая подпольными леворадикальными эсеровской и социал-демократической*, а с другой — созданием и бурным численным ростом собственных национальных партий. Главными импульсами к формированию национальных политических структур стали прошедшие в 1897 году первый сионистский конгресс в Базеле (Швейцария), на котором была образована Всемирная сионистская организация (ВСО**), и учредительный съезд в Вильне Всеобщего еврейского

* Например, в годы первой русской революции партия большевиков состояла почти на 19% из евреев.

** Одним из основоположников и главных идеологов политического сионизма был, как известно, Теодор Герцль, на которого повлияли не только еврейские погромы в царской России, но и сама общественная атмосфера XIX века, насыщенная романтикой национализма. Достаточно вспомнить, скажем, одного из знаменитых литературных героев Ж. Верна — капитана Гранта, отправившегося на поиски острова, который он хотел предложить своим соплеменникам-шотландцам в качестве новой родины, свободной и независимой.

рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунд). На следующий год лидеры российского сионизма собрались в Варшаве для выработки общей позиции перед вторым сионистским конгрессом в Базеле. А в 1902 году на учредительной конференции в Минске, на которой присутствовало 500 делегатов от более чем 75 тыс. участников движения (так называемых шекеледателей), была образована Сионистская организация России. В ее руководство вошли Е.В. Членов, М.М. Усышкин, Н. Соколов и другие видные сионисты, пользовавшиеся немалым влиянием в ВСО.

Между еврейскими националистами (сионистами), борющимися за воссоздание национальной государственности в Палестине и возрождение древнееврейского языка иврита*, и еврейскими социал-демократами (бундовцами), придерживавшимися концепции экстерриториальности и национально-культурной автономии** и ратовавшими за сохранение и развитие идиша (разговорного языка восточноевропейских евреев, близкого к немецкому, так называемого жаргона), шла постоянная конкурентная борьба. В результате на политической арене России одна за другой стали возникать, так сказать, «симбиозные» партии, чьи программы строились на сочетании социально-классовых и национально-ориентированных приоритетов.

В конце XIX — начале XX века в Минске возникло движение поалейционизма, которое выкристаллизовалось в феврале 1906 года в построенную на принципе «пролетарского сионизма» Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей Цион» («Рабочие Сиона»). Годом ранее это движение породило также Еврейскую сионистско-социалистическую рабочую партию, которая с 1909 года стала называться партией социалистов-территориалистов. В 1917 году

* На минской конференции сионистов в 1902 году по предложению Соколова иврит был объявлен официальным языком сионистского движения и было решено, не дожидаясь международного политического решения о национальном очаге для евреев, начать приобретение земель в Палестине для их еврейской колонизации.

** Программа национально-культурной автономии в качестве партийной была официально принята на VI конференции Бунда в 1905 году. Один из лидеров российского бундизма Г.М. Эрлих (1882–1942) так объяснял принципиальную суть платформы своей партии: «Эта автономия предоставляется не территории, а группе населения, объединенной принадлежностью к одной и той же национальности. Носителем ее является добровольно образовавшийся экстерриториальный союз лиц. В компетенцию этой автономии включаются вопросы, определяющие национальное своеобразие населения (национальная культура — школы, библиотеки, музеи, театры). Все остальные вопросы должны оставаться в ведении общегосударственных законодательных органов местного самоуправления, где представлено все население без различия национальностей» (19).

она, объединившись с близкой к эсерам Социалистической еврейской рабочей партией (СЕРП, образовалась в декабре 1905 г.), получила название Объединенной еврейской социалистической рабочей партии («Ферейникте»).

Левые сионисты и Бунд, опираясь в общем-то на одну и ту же социальную базу, состоявшую главным образом из еврейских ремесленников, мелких торговцев и служащих, наемных рабочих и демократических слоев интеллигенции, всегда тяготели (несмотря на разногласия в вопросах еврейской ассимиляции) к общероссийским социалистическим партиям, видя в них естественных союзников в борьбе против общего врага — царского самодержавия. Однако влиться в единый социалистический поток, сохранив при этом организационную самостоятельность и национальную специфику, было совсем не просто.

БОЛЬШЕВИКИ И БУНД

Серьезные коллизии возникли во взаимоотношениях Бунда и РСДРП. В 1898 году именно Бунд помог в организации и проведении I съезда РСДРП в Минске, публикации его манифеста и издании печатного органа социал-демократов — «Рабочей газеты». Тогда же Бунд вошел в состав РСДРП как «автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата»²⁰. Однако впоследствии Бунд, пытаясь расширить свои автономные права до уровня федеративных, стал требовать признания его «единственным представителем еврейского пролетариата, в какой бы части Российского государства он (еврейский пролетариат) ни жил и на каком бы языке ни говорил»²¹. Претензия эта вызвала резкую критику со стороны левого крыла социал-демократии во главе с В.И. Лениным, который добивался превращения РСДРП в партию «нового типа», то есть в организацию сугубо централизованную, с жесткой внутренней дисциплиной, в которой не было бы места оппозиционным группировкам, возникающим как на идейно-политической, так и на национальной почве. В 1903 году на II съезде РСДРП объявившие себя большевиками Ленин и его сторонники при голосовании по уставному вопросу о членстве в партии нанесли поражение бундовцам, после чего те покинули съезд и вышли из партии. И хотя остальные делегаты выразили свое «глубочайшее сожаление», а также «твердую решимость» добиваться «полного слияния всех национальностей в одну РСДРП»²², Ленин, не скрывая враждебного отношения к Бунду, развернув против него кампанию дискредитации. Такая непримиримость диктовалась сугубо прагматическими соображениями: большевики хотели распространить свое влияние на всю угнетенную и бесправную массу

еврейской бедноты, которая представлялась Ленину идеальной боевой силой революции. Не случайно в том же 1903 году он писал, что «освободительное движение евреев (в сравнении с таковым в Западной Европе. — *Авт.*) гораздо глубже, гораздо шире в России, благодаря пробуждению героического самосознания среди еврейского пролетариата»²³. В последующие годы Ленин неоднократно отмечал особый вклад еврейства (естественно, ассимилированной его части, примкнувшей к большевикам) в революционную борьбу. В докладе, прочитанном им в Швейцарии в преддверии Февральской революции, были и такие строки:

«...Евреи доставляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения. И теперь евреи имеют, кстати сказать, ту заслугу, что они дают относительно высокий процент представителей интернационалистского течения по сравнению с другими народами»²⁴.

Пытаясь выбить из-под Бунда саму основу его претензий на выражение интересов еврейских трудящихся в социал-демократическом движении, Ленин, ссылаясь прежде всего на труды авторитетного немецкого марксиста К. Каутского, объявил «совершенно несостоятельной... в научном отношении» идею «об особом еврейском народе», которая, по его мысли, была «реакционна по своему политическому значению»²⁵. Более того, он обвинил Бунд в поддержке «сионистской идеи еврейской нации». Единственно правильное решение ему виделось в ассимиляции, растворении еврейства в окружающей этнической среде. Тем самым как бы по самопроизвольной логике вещей выходило, что и проблема Бунда должна решаться аналогичным образом, то есть путем поглощения его общероссийской социал-демократией. Собственно, ради обоснования этого вывода Ленину пришлось предварительно порассуждать о такой мало занимавшей его ум революционера-прагматика материи, как нациообразующие признаки (общность территории и языка), и о том, что разбросанные по миру евреи не связаны такой общностью и потому не могут считаться нацией. Правда, говоря о российских евреях, Ленин невольно вступил в противоречие со своими же общетеоретическими построениями, когда вскользь упомянул о том, что они имеют единую территорию — черту оседлости и единый язык — «жаргон». Был и еще один существенный признак или, точнее, фактор, способствовавший обособлению российского еврейства от остального населения, о котором Ленин не упомянул в своей статье «Положение Бунда в партии» (октябрь 1903 г.). Это государственный антисемитизм царских верхов, который в соединении с брутальной юдофобией социальных низов давал такие страшные плоды, как кишиневский погром в апреле 1903 года с его 45 убитыми, а также 400 ранеными и искалеченными.

ПОЗИЦИЯ СТОЛЫПИНА

Пройдет два с половиной года, и в 1905 году по России прокатится волна так называемых октябрьских погромов, которые обернутся куда более мрачной статистикой. По некоторым данным, только с 18 по 29 октября погромы произошли в 660 местечках и городах империи, где, по общественным подсчетам, погибли от 3500 до 4000 человек и 10 тыс. были ранены²⁶. По официальным же данным, тогда были убиты 810 человек и 1770 человек ранены. Некоторые исследователи утверждают, что среди пострадавших (а ими оказались представители нескольких национальностей) было только 1928 евреев, в том числе 711 убитых. Кровавые зверства продолжались и в следующем 1906 году: в начале июня за три дня печально знаменитого белостокского погрома погибли 73 еврея и 11 христиан (были приняты за евреев)²⁷. Главной причиной этой вакханалии стал некоторый паралич власти, наступивший после известного царского манифеста от 17 октября: в атмосфере вседозволенности и безнаказанности всегда и всюду творится беззаконие, наблюдается всплеск жестокости, от чего страдают в первую очередь незащитные простые люди*.

Стремясь противодействовать черносотенному разгулу, председатель Совета министров П.А. Столыпин, взявший курс на модернизацию страны, попытался пересмотреть наиболее одиозные законоположения об инородцах и иноверцах. В частности, в октябре 1906 года он, утверждая, что «евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия», предложил Николаю II отменить некоторые существовавшие в отношении евреев ограничения в правах. Однако царь отклонил инициативу премьера, ссылаясь на свой внутренний голос, который-де подсказал ему не брать этого решения на свою совесть²⁹. Тем не менее Столыпин продолжал действовать в том же направлении. В целях обуздания погромной пропаганды он приказал расследовать происхождение пресловутых «Протоколов сионских мудрецов», опубликованных в 1905 году членом одной из черносотенных организаций С.А. Нилусом. В результате было установлено, что они с начала и до конца были сфабрикованы**. Когда премьер доложил об этом императору, тот якобы распорядился: «Избавьтесь

* В этом плане весьма показателен кровавый погром, произошедший 22 октября в Вятке. Причем жертвами его стали не евреи (их проживало в этом северном городе очень немного), а случайные русские обыватели, которых растерзала беснующаяся толпа (28).

** Впоследствии П.Н. Милюковым и В.Л. Бурцевым было доказано, что «Протоколы» появились на свет по указанию заведующего заграничной агентурой царского МВД П.И. Рачковского. Одним из непосредственных исполнителей этого указания стал скандально известный журналист И.Ф. Манасевич-Мануйлов (30).

от «Протоколов». Нельзя святое защищать подлыми средствами». Впрочем, даже если эти слова действительно имели место, то скорей всего они носили во многом вынужденный, ситуационный характер, и были произнесены под давлением волевого премьер-министра, уже давно раздражавшего своим прагматизмом мистически настроенного Николая, вплоть до последних своих дней верившего в существование всемирного еврейского заговора*.

Жизнь Столыпина закончилась трагически. В начале лета 1911 года он разработал проекты реформ, открывавших перед Россией перспективу превращения в правовое государство. Поскольку премьер-министр полагал, что «все народы, населяющие Россию, должны быть полноправными гражданами», он хотел отменить черту еврейской оседлости, другие национальные ограничения, создать министерство национальностей. Однако свои замыслы Столыпин так и не успел осуществить. По злой иронии судьбы 1 сентября он был смертельно ранен евреем Д.Г. Богровым, сотрудничавшим с охранным отделением, но совершившим это преступление по личной инициативе, в силу «импровизации»**31.

НОВЫЙ ТЕОРЕТИК ПАРТИИ

Понимая, что в условиях реакции, наступившей после революции 1905 года, выживание возможно только в союзе с общероссийскими демократическими силами, руководство Бунда приняло решение вновь войти в РСДРП. Новый союз с русскими социал-демократами был заключен в 1906 году на IV (объединительном) съезде в Стокгольме, причем без особых трений, благо тогда национальный вопрос благо разумно решено было оставить открытым, отложив его разбирательство, так сказать, до лучших времен³⁴. Достигнутый компромисс был вынужденным и потому не мог быть прочным. Особенно им были недовольны большевики во главе с Лениным, терпение которого окончательно истощилось после того, как в 1911 году на XI конференции Бунда был взят курс на законодательную секуляризацию

* 7 апреля 1918 г. бывшая императрица Александра Федоровна записала в своем дневнике: «Николай читал нам протоколы франкмасонов» (31).

** В семье Богрова исповедовались умеренно-либеральные взгляды. Дед будущего террориста писатель Г.И. Богров выступал за ассимиляцию евреев и незадолго до своей смерти перешел в православие. Отец Д.Г. Богрова одобрительно относился к деятельности Столыпина. Однако молодой Богров видел в последнем только реакционера и слугу царя-угнетателя. За полтора года до убийства Столыпина он признался одной своей знакомой: «Я ненавижу одного человека... Столыпина. Быть может, оттого, что он самый умный, талантливый и самый опасный враг, а все зло в России — от него» (32).

религиозной еврейской общины и превращение ее в главный институт национально-культурной автономии. Кроме того, лидеры Бунда продолжили свои попытки организационно перестроить РСДРП на основе принципа национального федерализма. В качестве образца, достойного подражания, ими использовался опыт Австрийской социал-демократической партии, трансформировавшейся вследствие принятых в 1897–1899 годах новых программных установок из унитарной организации в федеральный союз шести национальных социалистических групп. Допустить подобное в РСДРП Ленин и его сторонники категорически не желали и потому пошли на давно назревавший и по другим причинам организационный разрыв как с бундовцами, так и с поддерживавшими их меньшевиками. Произошло это в начале 1912 года на Пражской общепартийной конференции, на которой Бунд (в отсутствие его делегатов) был осужден за то, что «открыто содействовал ликвидаторам и пытался организовать раскол в РСДРП»³⁵. В феврале Бунд выступил против решений Пражской конференции и не признал избранный ею состав ЦК. А через несколько месяцев он образовал так называемый Августовский блок вместе с меньшевиками-плекановцами, группой Л.Д. Троцкого и другими противниками большевиков в российской социал-демократии.

Симптоматично, что на той же Пражской конференции, ознаменовавшей окончание процесса превращения большевизма в самостоятельную политическую силу, в состав ЦК был заочно избран И.В. Сталин, находившийся тогда в вологодской ссылке. Когда в ноябре 1912 года он, нелегально выехав из России за границу, встретился в Кракове с Лениным, тот поручил ему написать статью, разоблачающую попытки «оппортунистов» из Бунда перенести на почву российской социал-демократии австромарксистскую модель национально-культурной автономии*. Выбор вождя большевиков не был

* Австромарксизм родился в 1907–1908 годах и объединял молодых венских теоретиков социализма, таких как Отто Бауэр (выходец из ассимилированной еврейской семьи, ученик К. Каутского), Карл Реннер (видный функционер австрийской социал-демократии, писал под псевдонимом «Рудольф Шпрингер», в 1945 году был избран президентом Австрийской республики), Виктор Адлер и др. Исходя из теоретической посылки марксизма об отмирании в будущем наций, Бауэр, например, считал нецелесообразным дробление существующих многонациональных государств. Поэтому, предлагая ограничить национальные права областью культуры, он, в частности, полагал, что «Австрия должна быть преобразована в демократическое союзное государство национальностей», в котором «должны быть созданы национальные автономные самоуправляющиеся общины». Каутский критиковал Бауэра за включение им в определение нации такого признака, как «национальный характер», считая его реакционным и сходным с «немецким духом» Ф. Ницше. Между прочим, Каутский высказывал мысль, что при определенных условиях возможно преобразовать российскую империю в демократи-

случаен. Он понимал, что по крайней мере половина успеха гарантирована, если бой националистам даст не великоросс, а именно «национал». К тому же Сталин неоднократно демонстрировал ему ранее полную лояльность и жесткую напористость на поприще борьбы с врагами партии. Еще в сентябре 1904 года им публикуется на грузинском языке статья «Как понимает социал-демократия национальный вопрос». В ней он выступил за «разрушение национальных перегородок и тесное сплочение русских, грузинских, армянских, польских, еврейских и прочих пролетариев», а также обрушился с критикой, в частности, на армянских «федералистов-социал-демократов», поставивших себе целью «во всем подражать Бунду»³⁷. А в октябре того же года Сталин поддержал Ленина в его противоборстве с меньшевиками, назвав его в пафосном восточном стиле «настоящим горным орлом»³⁸. Так что еще до первой их встречи в декабре 1905 года в Таммерфорсе (Финляндия) Сталин относился к Ленину с величайшим пиететом, видя в нем идеал героя-революционера.

Поэтому задание, полученное в Кракове, Сталин воспринял как проявление его кумиром высочайшего доверия к нему. Во второй половине января 1913 года он приезжает в Вену и с большим подъемом начинает работать над статьей. В феврале Ленин сообщил А.М. Горькому:

«У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр[очие] материалы»³⁹.

Уже весной того же года упомянутое Лениным издательство выпустило в свет этот плод сталинской мысли, который впоследствии получил широкую известность как статья «Марксизм и национальный вопрос», ставшая одной из основополагающих в марксистско-ленинской теории. В этой работе Сталин впервые говорит о сионизме, причем упоминается он перед «шовинизмом в Польше», панисламизмом и другими националистическими течениями, составлявшими пеструю картину тогдашней политической жизни России. Вроде бы на первый взгляд мелкая деталь, но думается, то была не просто случайность, которую, как известно, Сталин считал вслед за Г. Гегелем непознанной закономерностью. Ведь по сути основное содержание статьи — это бичевание Бунда за «скатывание» на позиции так называемого еврейского буржуазного национализма, под которым большевики прежде всего подразумевали сионизм.

Продолжение сноски со стр. 37
ческие «Соединенные штаты России». Интересно, что в секретной книге «История Австрии в 1918–1934 годах» (была издана нацистской «исторической комиссией» после аншлюса) австромарксисты характеризовались как «еврейская руководящая клика», ставившая целью борьбу против законности (36).

Стремясь сказать от имени партии новое слово в научном осмыслении национального вопроса и тем самым самоутвердиться в качестве ее теоретика в этой области, Сталин попытался свести в единую систему предшествующие идейные наработки большевизма. И хотя в то время рука Сталина всецело была послушна ленинской мысли*, тем не менее это был его первый крупный шаг на пути к созданию собственной национально-государственной доктрины, которая в законченном виде сформируется к середине 30-х годов.

Ознакомившись с рукописью статьи и оценив ее очень высоко, Ленин поспешил сообщить Л.Б. Каменеву об успехе своего ученика:

«Статья очень хороша. Вопрос боевой и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи»⁴¹.

С блеском выполнив заказ лидера партии, Сталин добился искомого: стал ведущим ее теоретиком, пока, правда, только в одной области. Впоследствии статья «Марксизм и национальный вопрос» разоится по стране миллионными тиражами и будет превозноситься как откровение, как прорыв в научном поиске путей решения национальных проблем, стоящих перед человечеством. Признавая эту работу действительно бесспорным пропагандистским достижением большевизма, логично задать вопрос, какой реальный вклад внес ее автор в осмысление привлечшей его внимание проблемы и был ли он прав в своих выводах? То, что Сталин назвал четыре нациообразующих признака (общность языка, территории, экономической жизни и психического склада людей) и дал им определения, думается, было все же не его заслугой, а скорее К. Каутского, который сделал примерно то же самое десятью годами ранее⁴². Впрочем, использование и развитие чьих-либо интеллектуальных наработок в общем-то обычная и в определенных случаях даже необходимая и полезная вещь. Но пытаясь пойти дальше своих предшественников, Сталин в итоге приходит к выводам, корректность которых более чем сомнительна. Он, например, выступая против государственности как еще одного признака формирования нации и против ее обретения в будущем несамостоятельными народами, утверждал, что процесс создания новых государств уже завершен, ибо характерен для переходного периода от феодализма к капитализму, и потому-де «проснувшиеся к самостоятельной жизни» нации «опоздали»⁴³. Начавшаяся вскоре Первая мировая война, в резуль-

---

* В начале 1948 года в беседе с будущим югославским диссидентом М. Джиласом Сталин, имея в виду вклад Ленина в создание статьи «Марксизм и национальный вопрос», скромно скажет: «Это точка зрения Ильича. Ильич книгу и редактировал» (40).

тате которой на развалинах некоторых старых империй образовался ряд новых государств, опровергла на практике этот тезис. Тем не менее, опасаясь, по-видимому, ревизией собственных взглядов поколебать свой авторитет гениального теоретика марксизма, Сталин до конца жизни остался верен однажды сформулированной им дефиниции*, полагая, что нации, получив статус неких современных удельных княжеств, могут сосуществовать в составе единой страны (империи), отказавшись навсегда от суверенных прав. Между тем исторический опыт свидетельствует об обратном: в одном нормально развивающемся государстве могут ужиться, и даже очень гармонично, несколько народов, но при этом должна существовать, будучи политическим субъектом, только одна нация, пусть даже полиэтническая. Поэтому формально солидаризировавшись в своей работе с лозунгом о праве наций на самоопределение, известном еще со времен Великой французской революции и включенном в программу РСДРП на II съезде, Сталин скорее противоречил сам себе, чем был оригинален. Не отличался новизной и его вывод об объективной неизбежности ассимиляции евреев, который делался со ссылкой на К. Каутского и О. Бауэра, написавшего в 1907 году книгу «Национальный вопрос и австрийская социал-демократия»⁴⁵. Для пущей убедительности своих выводов автор подверстал под них и авторитет К. Маркса, точнее, его работу 1843 года «К еврейскому вопросу». В ней, как известно, утверждается, что основным препятствием к общественной эмансипации и ассимиляции еврейства является его экономическая роль в обществе, традиционно ассоциирующаяся в сознании окружающего населения со всевластием денег и торговельством («Деньги — это ревнивый бог Израиля»), что «химическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека», поэтому «эмансипация евреев... есть эмансипация человечества от еврейства (т. е. от торговельства. — *Авт.*)»⁴⁶.

Пожалуй, единственной новацией в статье Сталина были рассуждения о национально-культурной автономии. Но его критика этой австромарксистско-бундовской платформы не отличалась глубиной, ибо строилась на узкопартийных сиюминутных тактических соображениях. С точки зрения как Сталина, так и Ленина, этих князей новоявленной коммунистической церкви, концепция национально-культурной автономии была чем-то вроде раскольнической ереси, ставившей под сомнение их право вести за собой всю абсо-

* Когда в конце 20-х годов в партии раздался голоса, призывавшие Сталина восполнить отмеченный выше теоретический пробел, он жестко одернул непрошенных советчиков, заявив: «Я думаю, что предлагаемая вами схема с ее новым, пятым признаком (национальная государственность. — *Авт.*) понятия «нация» — глубоко ошибочна и не может быть оправдана ни теоретически, ни практически» (44).

лютно покорную им пролетарскую паству, без различия национальностей, и использовать ее в качестве монолитной силы в борьбе за завоевание власти.

Впоследствии, когда большевики успешно исполнили это свое намерение, Сталин высокомерно отчитал своих теоретических оппонентов и тем самым как бы невольно саморазоблачился:

«Тупость социал-демократов Австрии типа Бауэра и Реннера в том, что они не поняли непрерывной связи национального вопроса с вопросами о власти, стараясь отделить национальный вопрос от политики и замкнуть его в рамки культурно-просветительных вопросов...»⁴⁷.

Альтернативой бундовско-австромарксистской программе должен был стать, по Сталину, территориальный способ решения национального вопроса в России, краеугольным камнем которого являлся принцип «областной автономии», предусматривающий передачу центром некоторых властных полномочий по самоуправлению таким, например, «определившимся единицам», как Польша, Литва, Украина и Кавказ. Они же в свою очередь должны были обеспечить на своих территориях реализацию комплекса гуманитарных прав («язык, школы и пр.») национальных меньшинств⁴⁸. Тем самым изначально большевиками проповедовалась иерархичность, неравенство национальных прав, которые ставились ими в зависимость в первую очередь от таких факторов, как численность народов, а также размеры и местоположение занимаемых ими территорий. Поэтому уже в советское время получилось так, что, с одной стороны, «титульные» народы образованных на окраинах новой империи союзных республик, будучи объявленными так называемыми социалистическими нациями, оказались в привилегированном положении, а с другой, — не имеющие собственной территории и распыленные по всей стране национальные меньшинства, наоборот, оказались обделенными в национально-правовом смысле и были обречены на растворение в окружавшем их населении.

В сравнении с советской теорией и практикой национального строительства программа культурно-национальной автономии Бунда отнюдь не была такой «курьезной», каковой ее пытался представить Сталин в 1913 году⁴⁹. Она содержала в общем-то рациональную схему решения национальных проблем: при однородном административно-территориальном делении страны (на губернии) основная социально-политическая и экономическая жизнь населения направляется и регулируется центральными, а также унифицированными региональными и муниципальными органами, и только гуманитарная сфера (культура, образование, информация, религия) регулируется на основе национальной специфики. На местах эти гуманитарные вопросы решаются национальными общинами, которые в свою очередь организуют избрание центральных общественных национальных сове-

тов (культурно-национальных парламентов) со штаб-квартирами в столице государства. Благодаря этому гарантируется свобода культурного развития той или иной национальности не только в местах ее компактного проживания, но и на территории всей страны. К тому же поскольку культурно-национальная автономия проектировалась на основе принципа экстерриториальности, она не могла не дать существенный импульс центристским тенденциям и не стать фактором сдерживания национального сепаратизма, присущего как раз территориальным автономиям.

То, что бундовская программа препятствовала революционизации национальной бедноты и, отражая ориентацию евреев на имперский центр и их враждебность сепаратизму и национализму окраинных народов (поляков, украинцев и др.), объективно способствовала консолидации царской России, которую Ленин и его соратники хотели разрушить, как раз меньше всего и устраивало в ней большевиков. Сетую на распространение «националистического тумана»⁵⁰ в рабочем движении, они в сентябре 1913 года провели специальное совещание ЦК партии в Поронино (Польша) и приняли там резолюцию, осуждавшую принцип культурно-национальной автономии и одновременно поддерживавшую право угнетенных царской монархией наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства⁵¹. В написанной спустя несколько месяцев статье «Критические заметки по национальному вопросу» Ленин заявил, что «буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримых враждебных лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира»⁵². Здесь же он выступил и по еврейскому вопросу, причем в значительно более резкой форме, чем это ранее сделал Сталин. Со ссылкой на объективность и прогрессивность неизбежного процесса ассимиляции еврейства, которое-де не может считаться нацией, а только «кастой», утверждалось, что «еврейская национальная культура — лозунг раввинов и буржуа, лозунг наших врагов» и что «против «ассимиляторства» могут кричать только еврейские реакционные мещане, желающие повернуть назад колесо истории»⁵³.

Когда писались эти строки, Сталин вновь находился в ссылке, на сей раз в Туруханском крае, куда попал через несколько месяцев после ареста в Петербурге, произведенного предположительно по доносу провокатора Р.В. Малиновского. Пребывая в суровой сибирской глуши, Сталин продолжал интересоваться национальным вопросом. К февралю 1916 года он подготовил статью «О культурно-национальной автономии», которую вроде бы пытался переправить за границу Ленину. Однако осталось неизвестным, дошла ли она до адресата или затерялась где-то в пути.

Начало судьбоносных испытаний

ВОЙНА

Первая мировая была встречена социально активной частью еврейства неоднозначно. Его отношение к происходившим драматическим событиям представляло собой довольно пестрый спектр мнений, окаймленный, с одной стороны, леворадикальным большевистским лозунгом военного поражения России с последующим свержением самодержавия, а с другой — позицией либерального охранительства, в духе которой была составлена, к примеру, декларация, зачитанная депутатом IV Государственной думы от фракции кадетов Н.М. Фридманом. Заканчивалась она так:

«В настоящий час испытаний, следуя раздавшемуся с высоты престола призыву, мы, русские евреи, как один человек, станем под русские знамена и положим все свои силы на отражение врага»⁵⁴.

То, что это были не просто сказанные по случаю громкие слова, свидетельствует хотя бы тот факт, что в России, где к началу войны проживало примерно $\frac{2}{3}$ евреев мира, в качестве нижних чинов под ружье было поставлено около полумиллиона представителей этой национальности⁵⁵. Часть бундовцев во главе с членом ЦК В. Коссовским также поддержала лозунг защиты отечества. В мае 1916 года на совещании Бунда в Харькове была принята резолюция, гласившая:

«Российский рабочий класс, в том числе и еврейские рабочие... не может быть равнодушен к тому, удастся ли избежать всех ужасных последствий, которые должно повлечь за собой для страны поражение в современной войне».

То же совещание сочло «безусловно важным» участие еврейских рабочих в военно-промышленных и продовольственных комитетах, во всех организациях, противостоящих расстройству хозяйственной жизни в стране⁵⁶.

Однако для большинства евреев все же не были характерны верно-подданнические настроения. Скорее наоборот, несмотря на внешнюю лояльность, в еврейской массе преобладало негативное отношение к правительству, порожденное дискриминационной политикой последних двух царствований. Хотя большинство ЦК Бунда придерживалось центристской позиции Л.Д. Троцкого: «Ни побед, ни поражений», в его руководстве, особенно заграничном, сильны были прогерманские симпатии. Стоявший на крайне левом политическом фланге Ленин так комментировал эту ситуацию:

«Для нас и франкофилы и герmanoфилы, одинаково = патриоты, буржуа или их лакеи, а не социалисты. Бундовцы, например, большей частью герmanoфилы и рады поражению России. Но чем же они лучше Плеханова? Оба — оппортунисты, социал-шовинисты, только разных цветов»⁹⁷.

Что до далеких от политики еврейских обывателей, то они не выказывали открытой враждебности к властям предрержащим. Во всяком случае, они не совершали ничего такого, что, скажем, оправдывало бы начавшееся их насильственное выселение из западных прифронтных районов в глубь страны. Депортация проводилась военными, пытавшимися найти козла отпущения за боевые неудачи весны — лета 1915 года. Возможно, но без их участия распространялись тогда нелепые слухи о том, что евреи переправляют золото врагу на аэропланах, в гробах, под крыльями птиц, во внутренних сетях гусей, что они передают различные сигналы противнику посредством ветряных мельниц и даже путем поджигания собственных домов, загоравшихся на самом деле вследствие боевых действий. В нагнетание юдофобских страстей внес свою лепту и департамент полиции, который разослал циркуляр, обвинявший евреев в намеренном сокрытии разменной монеты, имевшем якобы целью подрыв русской валюты. Реагируя на произвол чиновников, 3 августа 1915 г. социал-демократическая фракция Государственной думы внесла запрос правительству «по поводу незаконных действий властей по отношению к еврейскому населению». Протестовали и либеральные политики, которые для облегчения положения евреев-беженцев пытались соответствующим образом воздействовать на царскую администрацию. В ход были пущены и придворные связи влиятельного еврейства*. В результате после произошедшего вскоре смещения с поста главнокомандующего российской армией великого князя Николая Николаевича, который в наибольшей степени отличился в травле евреев, административные наскоки на них прекратились, более того, тем из них, кто принудительно был выселен из прифронтной полосы, разрешили даже поселиться в городах вне черты оседлости (в том числе и в Москве), что стало фактически началом ее ликвидации.

В целом же самодержавная власть, несмотря на многочисленные предпринимавшиеся ею на протяжении всего XIX и в начале XX веков попытки «коренным» образом решить еврейскую проблему, оказа-

* В частности, использовался следующий весьма эффективный канал влияния на царя: первоначально жалобы поступали к купцу первой гильдии А.С. Симановичу, который, будучи ювелиром-консультантом императрицы и секретарем пресловутого «старца» Г.Е. Распутина, передавал их последнему, а тот в свою очередь «решал вопросы», обращаясь уже непосредственно к царице или царю. «Еврейский вопрос должен быть решен при помощи подкупа и хитрости, — простодушно откровенничал Распутин перед просителями-евреями и добавлял: — Что касается меня, то будьте совершенно спокойны. Я окажу вам всяческую помощь» (58).

лась не в состоянии справиться с этой задачей. Понимая, что конечным результатом такого решения должно стать уравнивание евреев в правах с остальным населением империи, царская бюрократия так и не решилась на этот шаг. Евреи оставались гражданами второго сорта: не могли жить, где им хотелось, были ограничены в правах на собственность, не допускались на государственную службу и т.п. И главной причиной тому был отнюдь не экономический аспект проблемы (межнациональная конкуренция в сфере бизнеса), как полагают некоторые исследователи*, а то, что царский режим, покоившийся на такой социально-политической архаике, как абсолютистская монархия, феодально-сословная структура общества, институт государственной церкви, оказался не в состоянии кардинально самореформироваться, в том числе и отказаться от имевшего средневековые религиозные корни** государственного антисемитизма.

РЕВОЛЮЦИЯ

Коренные законодательные изменения в отношении властей к еврейскому населению произошли только с крушением самодержавия в начале 1917 года в результате Февральской революции. 22 марта Временное правительство приняло декрет, гласивший:

«Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальностью, отменяются».

Были аннулированы 140 действовавших до этого «особых о евреях правил», в том числе и такое одиозное, как процентная норма при приеме в учебные заведения, и архаичное, как черта еврейской оседлости. Была запрещена также легальная деятельность черносотенных организаций, которые со времен первой русской революции вели погромную антисемитскую пропаганду. На этот декрет Сталин, возвратившийся 12 марта в Петроград из сибирской ссылки, откликнулся в «Правде» статьей, в которой утверждалось, что с победой революции в России и устранением от власти старой аристократии, насаждавшей национальный гнет, возникли «фактические условия, необходимые для национальной свободы»⁹⁹. Тогда же Сталин, как бы напоминая соратникам по партии о своем неофициальном статусе теоретика по национальному вопросу, провозгласил курс на вве-

* Миндлин А.Б. Правительственные комитеты, комиссии и совещания по еврейскому вопросу в России в XIX — начале XX века // Вопросы истории. — 2000. — № 8. — С. 60.

** На основании Свода законов Российской империи (т. IX, ст. 776) на иудея, принявшего христианство, не распространялось действие ограничительных законов, изданных для евреев, ибо таковым он уже не считался.

дение политической автономии для отдельных национальных окраин (подразумевались прежде всего Украина, Закавказье, Прибалтика) и предоставление права на самоопределение таким геополитически не вписывавшимся в новое Российское государство провинциям бывшей империи, как Финляндия и Польша⁶⁰. Причем программа эта была явно рассчитана на реализацию в рамках буржуазно-демократического унитарного государства. Убежденность в том, что социализму в России будет предшествовать продолжительный период капиталистического развития, появилась у Сталина скорее всего под влиянием Л.Б. Каменева, с которым он познакомился еще в девятисотые годы на Кавказе, а в начале 1917-го вместе с ним приехал в революционную российскую столицу из ссылки.

Однако очень скоро Сталин резко переменял свою точку зрения. Произошло это по приезду в Петроград Ленина, возвратившегося из эмиграции глубоко убежденным в необходимости и возможности скорого перерастания демократической революции в социалистическую. Убедившись в том, что Ленин продолжает крепко держать в своих руках бразды правления партией, Сталин не колеблясь вышел из-под опеки Каменева и солидаризировался с вождем, что наглядно продемонстрировал на открывшейся 24 апреля VII Всероссийской конференции РСДРП (б), избравшей его вновь членом большевистского ЦК. Выступив с докладом по национальному вопросу, он дополнил старую партийную установку на предоставление «областной автономии» отдельным регионам страны программным положением о признании за ее народами права на полное отделение⁶¹. Вполне очевидно, что это было сделано под влиянием Ленина. Еще в апреле 1916 года в тезисах «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» тот подчеркивал, что борьба за социализм требует признания права угнетенных наций на самоопределение, то есть «на свободное политическое отделение от угнетающей нации»⁶². В еще более решительной форме то же самое было повторено им незадолго до открытия апрельской конференции в проекте платформы пролетарской партии⁶³. А на самой конференции вождь большевиков, считавший, что создание благоприятных условий для социалистического переворота способствовало бы максимально возможное усиление национально-сепаратистских тенденций в стране и как следствие этого разрушение основ ее государственности, заявил без обиняков:

«Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист»⁶⁴.

Поддержав учителя, Сталин тем не менее, будучи по характеру осторожным и осмотрительным, в душе не разделял его радикализма и потому в докладе прибегнул к подобного рода оговоркам:

«Вопрос о праве наций на свободное отделение неопозволительно смешивать с вопросом об обязанности отделения наций в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки»⁶⁵.

Если для Сталина такая неопределенность в выражениях была вполне приемлемой, то Ленина, человека ясных и последовательных мыслей, подобные формулировки вряд ли могли удовлетворить. Во всяком случае, он настоял на принятии резолюции в следующей редакции:

«За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке захватов или аннексий»⁶⁶.

Но, подыгрывая центробежным националистическим силам и надеясь использовать их в случае необходимости для захвата власти в стране, большевики все же вынуждены были заботиться и о том, чтобы по достижении этой цели сохранить для себя по возможности территориально более крупную страну. Поэтому несколько позднее с их стороны стали предприниматься попытки создать привлекательный образ будущего пролетарского государства, базирующегося не только на принципе социальной справедливости, но и национального равноправия. В качестве главного аргумента, подкреплявшего эти благие пожелания, была использована идея перехода от унитарного государства к федеративному, хотя в теории все социалисты (начиная с Маркса) выступали против этого. Но подобный компромисс не особенно смущал прагматика Ленина, который, выступая в июне 1917 года на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов*, заявил: «Пусть Россия будет союзом свободных республик»⁶⁷.

Уже после Октябрьской революции принцип федерации был официально провозглашен в «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа» и закреплен в постановлениях, принятых III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 года⁶⁸. Однако это не могло остановить уже начавшийся развал бывшей империи, ослабленной многолетней войной и не прекращавшимися внутренними распрями, тем более что ранее, 2 (15) ноября 1917 г., советским правительством в «Декларации прав народов России» было официально провозглашено право национальностей «на свободное самоопределение вплоть

* Этот съезд признал право народов России на самоопределение, но осудил одновременно попытки одностороннего решения национального вопроса до созыва Учредительного собрания. Между прочим, ВЦИК, избранный I съездом Советов, на 22 % состоял из членов еврейского происхождения.

до отделения и образования самостоятельного государства»⁶⁹. Большевики тогда попали в весьма противоречивую ситуацию. С одной стороны, оказавшись хозяевами страны, они хотели во что бы то ни стало остановить процесс ее распада, а с другой — не могли открыто отказаться от своих же лозунгов, этот процесс провоцирующих. Впрочем, предложенная ими формула решения национального вопроса (добровольный федеративный союз народов России) была, наверное, единственно возможной в тот период практически полного бессилия центральной власти. Ведь не мог же Ленин, подобно русским националистам-великодержавникам, открыто ратовать за единую и неделимую Россию. Хотя, конечно, не исключалась возможность и определенных компромиссов: одно дело — лозунги и пропаганда, а другое — реальная текущая политика, которой в той или иной степени присущ макиавеллизм. Не исключено, что именно это обстоятельство и предопределило выбор Ленина в пользу Сталина, когда сразу же после захвата власти стал решаться вопрос, кого сделать главным (теперь уже не только в теоретическом плане, но и практически) по национальным отношениям в советской республике.

От национальной теории к практике

УЧЕНИК ОБРЕТАЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

На следующий день после захвата власти Ленин включил Сталина в состав первого советского правительства в качестве председателя по делам национальностей. А когда по решению II Всероссийского съезда Советов был создан Наркомат по делам национальностей, он сделал его руководителем вновь образованного ведомства. Этим назначением Ленин явно преследовал цель приобрести в лице Сталина энергичного, толкового и исполнительного помощника, могущего стать надежным проводником национальной политики, выработанной под его, Ленина, непосредственным руководством. Такая строго «вертикальная» схема отношений тогда, безусловно, устраивала Сталина, который хоть и вошел в высший эшелон новой власти, но еще не обладал таким политическим весом и влиянием, как, скажем, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев или Л.Б. Каменев. Время решительных аппаратных схваток за передел власти на кремлевском олимпе было еще впереди, и Сталин, будучи блестящим тактиком, предпочитал пока «не высовываться», исподволь наращивая свой политический

вес. Оставаясь в тени учителя и сдерживая собственное честолюбие, он покамест не хотел публично обнаруживать свои властные амбиции. Сталин не мог не понимать, что в его положении всякая самостоятельная, независимая позиция в таком сложном и даже, можно сказать, взрывоопасном (в тех критических условиях) вопросе, как национальный, чревата самыми нежелательными последствиями. И все же, может быть, в силу южного темперамента, он не мог порой скрыть внутреннего несогласия с Лениным, особенно когда тот пытался призвать своих соратников по партии не на бумаге, а на деле поделиться с правом наций на независимость. Если в апреле 1917-го Сталин лишь пунктиром обозначил свое особое отношение к этому вопросу, то в ходе дискуссии, развернувшейся в начале 1918-го, он выразил более определенно, хотя и с налетом демагогического политиканства, сказав что приоритетное значение для партии имеет «самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации»⁷⁰. Позже, в марте 1919 года, на VIII съезде РКП(б) со Сталиным фактически солидаризировались «левые большевики» Г.Л. Пятаков и Н.И. Бухарин, которые еще до революции квалифицировали лозунг самоопределения наций как «утопичный» и «вредный». Подвергая сомнению право отдельной нации решать свою судьбу вне классового контекста, Бухарин сказал: «В комиссии я, опираясь на заявление, сделанное т. Сталиным на III съезде Советов, предлагал формулу: самоопределение трудящихся классов каждой национальности». Решительно отвергнув эту ревизионистскую попытку, Ленин в сердцах заметил: «Поскрести иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста»⁷¹. Сталин предпочел тогда благоумно отмолчаться, понимая, что последнее слово в этом споре будет за Лениным. Тем более, что лозунг самоопределения наций превращался фактически в пустой звук после того, как VIII партсъезд окончательно отверг идею организации партии по федеративному принципу, приравняв центральные комитеты национальных компартий к обычным территориальным комитетам⁷². Тем самым партия с ее централизованной структурой и жесткой дисциплиной взяла на себя роль основной несущей конструкции нового государства, прочно скреплявшей в единое целое все народы, оказавшиеся под властью большевиков. И Сталин не мог этого не осознавать. Еще до официального назначения главой аппарата партии он, в полной мере оценив огромные возможности этой властной структуры как основной интегрирующей силы в стране, писал в июле 1921 года*:

* Симптоматично, что примерно в это время политбюро поручило Сталину вести организационную работу в ЦК, доверив ему подготовку пленумов ЦК и сессий ЦИК, то есть фактически наделило его полномочиями секретаря ЦК. А 13 сентября 1921 г. политбюро обязало его «около трех четвертей своего времени уделять партийной работе» (73).

«Компартия как своего рода орден меченосцев (выделено в тексте. — *Авт.*) внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одужотворяющий их деятельность»⁷⁴.

Став в апреле 1922 года генеральным секретарем ЦК РКП(б), Сталин максимально использовал этот пост для реализации уже собственной национально-государственной концепции, воплотившейся первоначально в известный «план автономизации», который стал причиной первой серьезной размолвки между ним и Лениным. Подготовив в августе проект резолюции пленума ЦК РКП(б), признающей «целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР», а также предусматривающей распространение компетенции органов власти и управления России на аналогичные структуры этих республик⁷⁵, Сталин впервые рискнул продемонстрировать самостоятельность в решении крупных государственных проблем, бросая тем самым открытый вызов Ленину. Он полагал, что успех его плану будет обеспечен благоприятной конъюнктурой на советской бирже власти, где курс политических акций новоиспеченного генсека стремительно шел в гору, а его тяжело заболевшего и потому терявшего влияние учителя — неуклонно снижался. Однако, как оказалось, Сталин переоценил свои силы, чрезмерно понадеясь на то, что «плану автономизации», вобравшему в себя как исторический опыт традиционной российской централистской государственности, так и новоявленный постреволюционный советский прагматизм* не может быть серьезной альтернативы.

Пребывая в таком заблуждении, он 22 сентября 1922 г. направил Ленину письмо, в котором пытался убедить его в том, что «существующий порядок отношений между центром и окраинами, то есть отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нетерпимыми...». Приводился и наглядный пример, подкреплявший этот вывод:

«Недавно Грузинский Цека... решился без ведома ЦК РКП разрешить оттоманскому банку (англо-французский капитал) открыть свое отделение в Тифлисе, что несомненно повело бы к финансовому подчинению Закавказья Константинополю (уже теперь в Батуми и Тифлисе турецкая лира является господствующей, вытесняющей с рынка грузинские и русские деньги), причем решительное запрещение со стороны Цека... вызвало... бурю возмущения среди грузинских национал-коммунистов»⁷⁶.

* Сталинская автономизация стала одним из проявлений того, что после кронштадтского восстания и введения НЭПа в русской эмигрантской печати стали называть «русским термидором», который, по словам одного из идеологов сменовеховства Н.В. Устрялова, представлял собой не что иное, как «отлив революции», ее «спуск на тормозах от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности...» (77).

В послании особо подчеркивалось, что страна переживает «такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы». На этом основании предлагалось прекратить «игры в независимость» советских республик и выбрать одно из двух — «либо (здесь и далее выделено Сталиным. — *Авт.*) действительная независимость и тогда невмешательство центра... либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое... то есть замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик...»⁷⁸.

Известно, что в том или ином виде все независимые советские республики, за исключением Грузии, поддержали план Сталина. К тому же в 1920–1921 годах советские республики заключили договоры о военно-экономическом и дипломатическом союзах с РСФСР, что де-факто означало их отказ от суверенитета в пользу последней. Оставалось только оформить это де-юре, что, собственно, и собирался сделать Сталин. Однако Ленин, имевший по всем крупным проблемам свой вариант решения и всегда добивавшийся во что бы то ни стало его принятия партией как единственно правильного, и на сей раз прибег к такому способу самоутверждения. 26 сентября он встретился в Гержах со Сталиным и после почти трехчасовой беседы категорически отверг «план автономизации», выдвинув идею создания так называемого «Союза советских республик Европы и Азии». На деле это означало, что в качестве альтернативы проекту с относительно простой и логичной схемой наделения всех национальных республик единого государства одинаковыми автономными правами — «в смысле языка, культуры, юстиции, вну[тренних] дел, земледелия и прочее...» (Сталин) — предлагался чрезмерно усложненный вследствие своей идеологизированности вариант декларативно-федеративного государственного устройства. По сути планировалось возвести «многоэтажную» национально-иерархическую конструкцию, на верхнем (самом привилегированном) ярусе которой должны были располагаться ранее «независимые» Россия, Украина и Белоруссия, ступенькой ниже — Грузия, Азербайджан, Армения, входившие в союз в составе Закавказской федерации, еще ниже — автономные республики в составе союзных и т. д. по нисходящей. Разумеется, что без жесткой партийно-административной скрепы такая модель национально-государственного устройства вряд ли могла нормально функционировать, ибо сама по себе была мало жизнеспособна. Однако это обстоятельство, кажется, меньше всего беспокоило ее создателя, который как всякий революционный романтик грезил наяву глобальными идеологемами. Для него создание СССР было началом реализации грандиозного проекта под названием «Всемирная федеративная республика Советов», о которой он заявил еще в марте 1919 года⁷⁹. К тому же, с конца 1922 года воображение «кремлевского мечтателя» и его ближайших соратни-

ков находилось во власти утопических планов относительно «пробуждающегося Востока», «с сотнями миллионов... народов Азии, вот-вот готовых к выступлению»⁸⁰, а также призрака такой желанной для российских большевиков пролетарской революции в Германии, победа которой связывалась ими с началом триумфального шествия коммунизма по странам Европы.

Все это «работало» против Сталина, который к тому же, имея, по замечанию Ленина, «немного устремление торопиться»⁸¹, действительно несколько поспешил с устройством, говоря современным языком, презентации своей политической самостоятельности. Ведь несмотря на быстро прогрессирующую тяжелую болезнь, напрягавший последние силы Ленин пока что удерживался на капитанском мостике советского государственного корабля. Недаром многоопытный Л.Б. Каменев, вступивший во временный, направленный против Л.Д. Троцкого союз со Сталиным, пытался уговорить последнего отказаться от «плана автономизации», приводя и такой резон: «Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться»⁸².

Уже 27 сентября Сталин вынужден был уступить, что, впрочем, не сняло напряжения, возникшего в его отношениях с Лениным. В качестве своеобразной моральной компенсации амбициозный генсек обвинил тогда дряхлевшего учителя и бывшего покровителя в «национальном либерализме», а тот, в свою очередь, имея в виду прежнего протезе и его креатуру, объявил великорусскому шовинизму «бой не на жизнь, а на смерть»⁸³. Для Ленина, этого фанатичного пророка новой веры, мучительно страдавшего от мысли, что дни его сочтены и что вместе со здоровьем он теряет и власть в огромной стране, великорусский шовинизм был чем-то вроде кошмарного призрака так нелюбимой им старой России. И, отдавая последние силы такой страстной и бескомпромиссной борьбе, он был подобен Катону Старшему, закливавшему древнеримских сенаторов разрушить ненавистный ему Карфаген, или Мартину Лютеру, неустанно искоренявшему крамолу папизма. Но помимо эмоций Лениным руководил и тактический расчет. Проклятия в адрес великодержавного шовинизма необходимы были Ленину и для обоснования им своего проекта преобразования преимущественно русского государства в некую безнациональную конструкцию, сугубо идеологизированную (в коммунистическом духе) и лишенную историко-религиозных корней. В сравнении с этим намерением далеко не идеальный сталинский план, ставивший на первое место Россию как основу будущего государственного образования, был более реалистичен, практичен и органичен (особенно в историческом контексте), а значит, и жизнеспособнее во временной перспективе.

Несмотря на эмоциональный накал, борьба умиравшего вождя с бывшим учеником носила преимущественно скрытый, закулисный

характер. Для партии и народа Сталин оставался единомышленником Ленина, близким ему человеком, другом и одним из наиболее вероятных его преемников. Разумеется, не в интересах Сталина было разрушать этот образ, поэтому, публично демонстрируя во всем приверженность идеям Ленина, он, выступая на учредившем СССР I Всесоюзном съезде Советов, назвал созданную по его воле советскую федерацию прообразом «грядущей Мировой Советской Социалистической Республики» и заклеил дореволюционную Россию как «жандарма Европы» и «палача Азии»⁸⁴.

Однако совсем по-другому был настроен Ленин. Он готовился дать открыто решающий бой Сталину на ближайшем съезде РКП(б) и хотел отстранить его от руководства партией. И только новый приступ болезни, приковавший Ленина к постели и лишивший его возможности говорить, помешал осуществлению этого намерения.

Ободренный таким благоприятным для него развитием событий и уже не сомневавшийся в том, что хозяин Горок в одночасье превратился в политический труп, Сталин в апреле 1923 года весьма уверенно держался на XII съезде партии. В докладе по национальному вопросу он хоть и солидаризировался с угасавшим тем временем учителем в нападках на великорусский шовинизм (назвал его «опаснейшим врагом», «основной опасностью», порождением разросшегося в условиях НЭПа сменовеховства), тем не менее не забыл и о местном национализме, который, по его словам, также питал и взращивал «НЭП и связанный с ним частный капитал»⁸⁵. Однако Сталин не ограничился ритуальной риторикой о великодержавном шовинизме и местном национализме, самое главное, что теперь он мог позволить себе без всяких опасений, ровным и уверенным голосом заявить, что право народа на самоопределение должно быть подчинено праву «рабочего класса на укрепление своей власти»⁸⁶.

КУРС НА «КОРЕНИЗАЦИЮ» КАДРОВ

Продолжая таким образом свою изначальную стратегическую линию в духе государственного централизма, Сталин в то же время в интересах укрепления своей власти в Кремле вынужден был прибегать к тактике заигрывания с национальной бюрократией. Идя на союз с этой силой, он объявил о начале практической реализации предложенного еще в 1921 году X съездом партии курса на так называемую «коренизацию» кадров в национальных республиках. Подтверждая серьезность своих намерений, Сталин провел с 9 по 12 июня в ЦК представительную конференцию по обсуждению конкретных вопросов «коренизации». Удовлетворяя тем самым властные амбиции национал-бюрократии и передавая ей из своих рук право формировать региональные аппараты управления «по преимуществу

из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов»⁸⁷, Сталин тем самым обеспечил нейтрализацию своих непримиримых критиков из числа радикальных национал-коммунистов, прежде всего уроженца Башкирии М.Х. Султан-Галиева и грузина П.Г. Мдивани.

На Украине патронируемая Сталиным политика стала называться «украинизацией». В этой второй по значимости после России советской республике национально-кадровая ситуация была признана тогда неудовлетворительной и благоприятствующей росту местного национализма. Ибо, как отмечалось, в 1923 году в коллегиях республиканских наркоматов украинцы были представлены всего 12%, тогда как русские — 47%, а евреи — 26%. Примерно такой же была картина и по чиновничеству республиканского госаппарата в целом: украинцев — 14%, русских — 37%, евреев — 40%. Не составляло исключения и положение дел в области подготовки руководящих кадров. Например, среди слушателей Коммунистического университета им. Артема (Харьков) насчитывалось 30% русских, 41% евреев и только 23% украинцев⁸⁸.

Как и следовало ожидать, «украинизация» практически свелась к остракизму служащих из числа русских и евреев. Особенно пострадали последние, ибо таковая судьба им готовилась уже давно. Выступая 1 декабря 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна, председатель его исполкома Г.Е. Зиновьев нашел нужным озвучить слова Ленина времен конца гражданской войны:

«У нас на Украине слишком много евреев. К осуществлению власти должны быть привлечены истинные украинские рабочие и крестьяне»⁸⁹.

В 1926-м один из высокопоставленных коммунистов-евреев, А.Н. Мережин отмечал, что «с XII съезда мы проводим усиленно снятие евреев с ответственных постов»⁹⁰. Подводя в том же году первые итоги «украинизации», генеральный секретарь ЦК КП(б)У Л.М. Каганович привел следующую статистику: коллегии республиканских наркоматов теперь состояли на 38% из украинцев, при наличии 35% русских и 18% евреев; среди обучавшихся в Коммунистическом университете им. Артема доля украинцев поднялась до 46%, русских — до 35%, а евреев снизилась до 11%. Та же тенденция была характерна и для Коммунистической партии Украины, в которой количество украинцев за период 1923–1926 годов увеличилось с 33 до 47%⁹¹.

Аналогичный процесс протекал и в Белоруссии, правда, там темпы «коренизации» («белорусизации») значительно отставали от украинских. В частности, менее интенсивно шла замена еврейских кадров служащими «титупной» национальности. Согласно данным, приведенным в докладе ЦКК и РКИ на XV съезде партии (декабрь 1927 г.), в БССР среди работников управления насчитывалось 30,6% евреев,

тогда как на Украине — 22,6%. К тому же если на Украине по декрету республиканского ЦИК от 1 августа 1923 г. украинский язык являлся главным на территории УССР, то в Белоруссии постановлением ЦК КП(б)Б от 15 июля 1924 г. было подтверждено провозглашенное четырьмя годами ранее равенство четырех официальных языков республики: белорусского, русского, еврейского и польского. Что же касается национального состава компартии Белоруссии, то на 1 января 1926 г. количество евреев в ней составляло 3992 человек (23,4%). Если же посмотреть на то, кто избирался в ЦИК БССР, то обнаружится в какой-то степени даже парадоксальная картина: в 1925 г. в этом высшем законодательном органе республики было 14% евреев, а в 1929 г. — уже 20,7%⁹².

Евреи и большевистский режим

НА ЗАЩИТУ ЕВРЕЙСКОЙ БЕДНОТЫ

Оказавшись хозяевами России, большевики, дабы обрести социальную опору в борьбе против своих основных политических противников в лице монархистов-великодержавников, сразу же объявили себя освободителями дискриминируемых при царизме национальных меньшинств. В подписанной 2 (15) ноября 1917 г. от имени советского правительства Сталиным и Лениным «Декларации прав народов России» провозглашалась отмена «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений... свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп...» Поскольку в те же дни антисемитские лозунги и агитация широко распространились как форма контрреволюционной борьбы с новой властью, та сразу же назвала гонителей еврейства своими врагами.

Уже в ночь с 26 октября (8 ноября) на 27 октября (9 ноября) 1917 г. большевики добились одобрения II Всероссийским съездом Советов «Постановления о борьбе с контрреволюцией», в котором местным советам поручалось «принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, «антиеврейских» и каких бы то ни было погромов»⁹³.

В последующем, когда на просторах России запылала гражданская война и бедствия евреев, особенно в местечках на юге страны, достигли катастрофического уровня, советская власть объявила, что готова защитить своих естественных союзников в борьбе с контр-

революцией. 27 июля в «Правде» и «Известиях» был опубликован декрет Совнаркома, в который Ленин собственноручно включил абзац, предписывавший «всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения», а погромщиков и всех «ведущих погромную агитацию» предлагалось «ставить вне закона». В конце марта 1919 года для массового распространения Ленин записал на граммофонную пластинку речь «О погромной травле евреев», в которой упор делался на классовый характер антисемитизма. Борьба с антисемитизмом стояла в центре внимания объединенного заседания политбюро и оргбюро ЦК, проходившего 2 июня с участием лидера большевиков. А через три дня под его председательством советское правительство рассмотрело вопрос об оказании помощи жертвам погромов⁹⁴.

Однако поскольку центр не контролировал тогда ситуацию во многих провинциях бывшей империи, все эти меры носили не столько практический, сколько пропагандистский характер, и в условиях социального катаклизма, набиравшего силу на просторах страны, они не могли уберечь сотни тысяч евреев от погромной вакханалии.

По данным из еврейских источников, в годы гражданской войны было совершено 1236 актов насилия против еврейского населения, из которых 887 носили массовый характер. Наибольшее количество погромов — 493 (40%) было делом рук тех, кто воевал на стороне Директории так называемой Украинской народной республики во главе с С.В. Петлюрой, хотя формально тот вроде бы не был причастен к этому. Более того, провозгласив политику национальной автономии, он выступил за предоставление евреям всех национально-политических прав, создал министерство по еврейским делам, а в июле 1919 года даже издал универсал, запрещающий антисемитскую пропаганду. 307 (25%) погромов было на совести различных маргинальных формирований, руководимых украинскими «батьками», напоподобие Н.И. Махно и Н.А. Григорьева. Они верховодили вооруженными отрядами местного крестьянства («полупартизанство, полубандитизм», по определению Х.Г. Раковского), которое, руководствуясь в основном грабительскими интересами, демагогически оправдывало зверства над евреями тем, что в зависимости от ситуации заявляло, что мстит или за капиталиста-кровососа Льва Бродского, или за коммуниста Льва Троцкого. 213 (17%) погромов было совершено белогвардейцами генерала А.И. Деникина, который, как и ряд других руководителей Южной армии (В.З. Май-Маевский), стоял на кадетско-эсеровских позициях и стремился пресечь бесчинства своего воинства. Однако эти попытки были малоэффективны, и не только потому, что носили эпизодический характер и ограничивались в основном призывами и увещаниями, но и вследствие того, что они встречались в штыки консервативным офицерством. Тем не менее в первый год существования белого движения в нем

практически не было антисемитизма (во всяком случае, массовых его проявлений), и евреи даже служили в рядах Добровольческой армии. Но в 1919 году под влиянием некоторых факторов положение резко изменилось. Во-первых, после победы Антанты над Германией массовая убежденность белогвардейцев в поддержке немцами большевиков сменилась мифом о евреях как главной опоре большевизма. Во-вторых, заняв Украину, белые оказались под влиянием местного оголтелого антисемитизма, что и способствовало их повальному вовлечению в антиеврейские эксцессы. Последнее обстоятельство в значительной мере спровоцировало и антиеврейские насилия со стороны частей Красной армии, находившихся на украинской территории. В общей сложности 106 (8,5%) погромов лежат на совести Первой конной армии С.М. Будённого и других находившихся там советских войск.

Поскольку точных подсчетов не велось, существуют только приблизительные данные о евреях, пострадавших в годы Первой мировой и гражданской войн: от 150 до 200 тыс. были в этот период убиты или ранены в результате погромов и боевых действий; 300 тыс. еврейских детей остались сиротами⁹⁵.

НА СЛУЖБЕ НОВОЙ ВЛАСТИ

Как только большевики оказались хозяевами России, они постарались в полной мере использовать так долго сдерживавшийся царизмом потенциал самоутверждения и самовыражения еврейства, заключавший в себе огромную и созидательную, и разрушительную энергию. Наиболее горячий отклик идеи большевизма нашли в сердцах беднейшей части еврейства из местечек и городов в пределах бывшей черты оседлости, пережившей в годы Первой мировой и гражданской войн настоящую трагедию. С 1914 по 1921 год почти 500 тыс. евреев вынуждены были, спасая жизни и в поисках лучшей доли, покинуть родные дома и мигрировать по стране⁹⁶. Получилось так, что вызванные войной голод и разруха заставляли обычных горожан бежать в деревню, тогда как обитатели разоренных местечек, гонимые страхом насильственной смерти, наоборот, устремились в города близлежащие, а также прежде недоступной им Центральной России, восполняя образовавшийся там дефицит населения. Правда, в таких мегаполисах, как Москва, где выжить было особенно непросто, численность еврейского населения с 60 тыс. на лето 1917 года сократилась к 1920 году до 28 тыс., что составляло 2,2% от всего тогдашнего населения столицы в 1 270 тыс. человек. В последующие годы, когда восстановилось свободное и безопасное транспортное сообщение центра с Белоруссией и Украиной, поток еврейских переселенцев в центр России стал нарастать. По переписи

конца 1926 года, в СССР насчитывалось 2 562 100 евреев, причем 21% из них проживал в России, 61% — на Украине и 16% — в Белоруссии. К этому времени еврейское население Москвы составляло уже 130 тыс. человек, или 6,5% от всех ее жителей⁹⁷.

Хотя в связи с разрухой и хаосом получить какую-либо работу в больших городах было чрезвычайно трудно, одна часть приезжих евреев нашла выход из положения, занявшись тем, что тогда называлось спекуляцией, а другая — более или менее грамотная, главным образом из Белоруссии — сравнительно легко находила себе применение, устраиваясь в аппаратные структуры новой власти, бойкотируемой тогда старым чиновничеством. В разговоре с одним старым большевиком Ленин так характеризовал эту ситуацию:

«Большое значение для революции имело то обстоятельство, что в русских городах было много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции... Еврейские элементы были мобилизованы... и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы»⁹⁸.

На май 1919-го присутствие евреев в коллегиях центральных наркоматов составило 21%. Немало представителей этой национальности оказалось и в бюрократических структурах столицы. Там, по данным на 1 января 1927 г., их доля в аппарате Советов равнялась 10,3%, органах юстиции — 7,8%, государственной торговли — 13,2%, в общественных организациях — 19,3%⁹⁹.

Происходил и интенсивный приток евреев в первооснову советской власти — коммунистическую партию. Если к началу 1917 года среди примерно 23 тыс. членов этой организации насчитывалось около 1 тыс. евреев (4,3%), то к началу 1921-го — около 17,4 тыс. (2,5%). К концу следующего года этот показатель возрос до 19,6 тыс. человек, что составляло 5,2% от общей численности партии, а на январь 1927 года обладателями партийных билетов считались 45,3 тыс. евреев (4,3%). Еще значительной была прослойка представителей этой национальности в столичной партийной организации — 6,5% (на конец 1926 года)¹⁰⁰, что, впрочем, точно соответствовало доле живших в столице евреев в общей численности населения города. Но самым большим было «представительство» евреев в руководящих партийных органах. На XI съезде РКП(б), прошедшем в конце марта — начале апреля 1922 года, делегаты-евреи в количественном отношении (77 человек, или 14,8%) уступали только русским (341 человек, или 65,3%). Примерно такой же национальный расклад имел место и через год, на XII съезде (60,8% русских и 11,3% евреев)*.

* На последующих съездах партии данные по национальному составу делегатов не публиковались.

Что касается исполнительных органов партии, то, скажем, Московский комитет в начале 1926 года состоял на 11% из евреев, а политбюро ЦК ВКП(б) (члены и кандидаты в члены) — и того более: на 20%¹⁰¹.

Явное усиление еврейского фактора в общественно-политической жизни страны не могло не вызвать ответной реакции со стороны довольно широких слоев населения. Л.Д. Троцкий*, сам немало способствовавший росту антисемитских настроений, возглавив в начале 1922 года правительственную комиссию по изъятию церковных ценностей, признавал впоследствии, имея в виду первые годы становления советской власти:

«Даже априорно невозможно допустить, чтобы ненависть к бюрократии не принимала антисемитской окраски, по крайней мере там, где чиновники-евреи составляют значительный процент населения...»¹⁰².

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что для Троцкого это была не просто оценка минувшего с позиции стороннего наблюдателя. Например, 18 апреля 1919 г. он на заседании политбюро в присутствии Ленина, Сталина и Н.Н. Крестинского потребовал как нарком по военным и морским делам срочно разобраться, почему «огромный процент работников прифронтовых ЧК и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи», в то время как «процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведется и находится некоторый отклик шовинистская агитация». Позже тот же Троцкий напишет, что «новая бюрократия национальных меньшинств стала затем немаловажной опорой Сталина»¹⁰⁴.

На Западе же особую тревогу вызвало то обстоятельство, что руками «еврейских мальчишек» (выражение А.М. Горького), представлявших собой, по мнению экономиста Б.Д. Бруцкуса, «незрелые и нередко преступные элементы населения», советская власть бесцеремонно расправлялась с русской культурой, национальными святынями и традициями. Там обоснованно опасались, что подобные действия этих функционеров нового типа, решительно порвавших с еврейством ради химеры пролетарского интернационализма, могут навлечь новые беды на многострадальный народ, из которого они вышли. К. Каутский, квалифицировавший власть большевиков как «диктатуру парвеню», отмечал в июле 1923 года:

* Троцкого и ему подобных революционеров еврейского происхождения имел в виду историк С.М. Дубнов, когда писал в ноябре 1905 года: «Та многочисленная армия еврейской молодежи, которая занимает видное место в рядах Российской социал-демократической рабочей партии и выдвигает там даже своих лидеров, формально порвала всякие связи с еврейством. Это последовательные ассимиляторы в силу своих партийных и интернациональных убеждений» (102).

«...Успех единичных евреев, занимающих важные правительственные посты в России, еврейскому народу не принес и не принесет как нации ничего хорошего. Как необычайное явление это бросается в глаза и заставляет несознательные массы смешивать большевиков с евреями. Дошло до того, что широкие массы начинают усматривать в большевистском господстве еврейское господство»¹⁰⁵.

Но тех, кому была адресована эта критика, мало волновали подобные заключения. Они прагматически использовали обездоленный народ сначала, выражаясь словами сиониста В.Е. Жаботинского, как «грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России»¹⁰⁶, а потом, сразу же после Октябрьского переворота, без особых сантиментов поставили себе на службу легионы маргинальных местечковых жителей, рекрутировав их под знамена с броским лозунгом «Кто был ничем, тот станет всем!». В отличие от немногочисленной старой еврейской интеллигенции эта малообразованная масса была чужда русской культуре, языку, национальному быту, к тому же враждебно относилась к прежнему режиму и потому представлялась большевикам идеальным орудием в задуманном ими гигантском эксперименте по радикальному переустройству сначала России, а потом и всего мира.

ЕВСЕКЦИИ, БУНД, СИОНИСТЫ

Проводником большевистского влияния на еврейскую бедноту стал Комиссариат по еврейским национальным делам (Еврейский комиссариат, Евком), образованный 19 января (1 февраля) 1918 г. в составе Наркомнаца специальным декретом, подписанным Лениным. Руководителем (комиссаром) этого национально-бюрократического образования назначили старого большевика С.М. Диманштейна. Выходец из бедной еврейской семьи, он родился в городке Себеж Витебской губернии. Его отец был кустарем-медником, развезжавшим по окрестным деревням и чинившим самовары и другую металлическую утварь. Когда мальчику исполнилось 12 лет, его направили к законоучителю для получения традиционного еврейского образования. Однако сдав в 18 лет экзамен на раввина, он разочаровался в религии и стал учиться ремеслу обувщика, а затем занялся слесарным делом. Примкнув в конце 1904 года к большевикам, он за свою революционную деятельность четыре раза брался полицией под стражу, но каждый раз быстро освобождался. Так продолжалось до 1909 года, когда в результате очередного ареста был приговорен Рижским временным военным судом уже к четырем годам заключения в Саратовском центре, откуда в 1913-м был отправлен в сибирскую ссылку. Вскоре, как и многие политические ссыльные той поры, бежал за границу. Осел сначала в Германии, откуда из-за начав-

шейся вскоре войны был как русскоподданный выслан во Францию. Там, начав работать на заводе слесарем, вступил во Французскую социалистическую партию и, войдя в парижскую секцию большевиков, включился в левое антивоенное циммервальдское движение. После Февральской революции возвратился в Россию и был отправлен ЦК большевистской партии сначала в Ригу редактором «Окопной правды», а в сентябре, будучи отозванным Я.М. Свердловым в Петроград, — в ЦК профсоюза металлистов. Принял активное участие в Октябрьской революции и сразу же стал членом коллегии Наркомата труда и заведующим биржей труда. И вот в январе 1918-го Сталин, взяв Диманштейна к себе в Наркомнац, назначил его комиссаром по еврейским делам, а также членом коллегии наркомата*, что позволило ему иногда замещать наркома: например, в 1920 году, когда тот выезжал в штаб Юго-Западного фронта, созданного в ходе развернувшейся тогда польской кампании¹⁰⁷.

Весной 1918 года было принято решение о создании территориальных единиц центрального Еврейского комиссариата в составе губернских советов. В качестве таких органов сначала стали формироваться местные евкомы, а с лета — так называемые еврейские секции — общественно-политические структуры, агитировавшие на родном языке за советскую власть и объединявшие как коммунистов, представителей других левых партий, в том числе поалейционистов, так и «сочувствующий» беспартийный актив.

Наряду с прочими выгодами новая власть без риска быть заподозренной в антисемитизме приобретала в лице этих организаций идеальное орудие в борьбе с сионизмом (прежде всего правым), с которым ее разделяли антагонистические противоречия во взглядах на фундаментальные основы еврейской национальной жизни. Коммунисты и сионисты резко расходились во взглядах на социальный идеал еврейства, на место, роль и будущность его исторически сложившихся, традиционных органов самоуправления и религиозных институтов, на перспективы национальной государственности и проблему объединяющего всех евреев мира языка. Поэтому с момента возникновения центральный Евком и его периферийные структуры повели прежде всего борьбу с правоориентированной Сионистской организацией России и поддерживаемыми ею органами еврейского общинного самоуправления. Первой пробой сил противоборствующих сторон стали события, развернувшиеся вокруг Всероссийского еврейского конгресса, о созыве которого объявил 14 февраля ЦК Сионистской организации. Несмотря на все попытки

* Коллегия Наркомнаца согласно постановлению политбюро ЦК РКП(б) от 14 ноября 1919 г. состояла из четырех человек: нарком (председатель) и три члена, один из которых в обязательном порядке должен был быть мусульманином, а другой — евреем (107).

властей сорвать проведение этого форума, его тем не менее удалось созвать в июне в Москве. На конгрессе было избрано Центральное бюро еврейских общин, а также принято решение о развитии на базе иврита еврейской культуры, самоуправления и образования.

Конечно, при желании большевики могли и разогнать конгресс, арестовав его участников, однако этого не произошло. Новая неокрепшая власть явно не желала обострять отношения со странами Антанты, и прежде всего с Великобританией, признавшей по настоянию сионистов право евреев на создание своего национального очага в Палестине. Произошло это 2 ноября 1917 г., когда было опубликовано письмо английского министра иностранных дел лорда А. Д. Бальфура банкиру Л. У. Ротшильду*. В этом документе, вошедшем в историю как «декларация Бальфура», в частности, провозглашалось:

«Правительство Его Величества относится благоприятно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и готово принять все меры, чтобы облегчить достижение этой цели, причем само собой разумеется, что не будет предпринято ничего такого, что могло бы причинить ущерб гражданским и религиозным правам существующих нееврейских общин в Палестине...»¹⁰⁸.

По случаю такого знаменательного события, на которое большевики, занятые подготовкой восстания, кстати, никак не отреагировали, в Лондон отправился руководитель российских сионистов и член исполкома ВСО Членов. Там он встретился с главным разработчиком декларации Х. Е. Вейцманом, эмигрировавшим в свое время из России и ставшим теперь президентом Английской сионистской федерации.

Внешне индифферентно восприняли большевики и то, что все российские сионисты — от правых до левых — отказались признать законным захват ими государственной власти, хотя заявление, которое принял на своем экстренном заседании 26 октября (8 ноября) ЦК Сионистской организации России, носило довольно резкий характер и в нем содержался призыв к борьбе с «узурпаторами». И даже развернувшаяся вскоре критика сионистами советско-германского антиантантовского Брестского договора не вызвала сколько-нибудь серьезной ответной реакции новой власти. Сдержанность Ленина

* Появление этого документа, возможно, было обусловлено и тем, что Великобритания преследовала цель привлечь на сторону Антанты многомиллионное восточноевропейское еврейство, которое в большинстве своем симпатизировало Германии, и тем самым как-то помочь вот-вот готовой выйти из войны России. Тем более, что в дипломатических кругах ходили упорные слухи о том, что Германия готовится публично поддержать ориентированных на нее сионистов, оказав давление на Османскую империю с тем, чтобы та открыла Палестину для еврейского переселения.

была явна вызвана его опасениями спровоцировать карами против той или иной еврейской организации рост и без того сильных антисемитских настроений в стране и тем самым оказать невольную услугу черносотенно-монархическим силам, этим борцам с «жидокоммунизмом», мечтавшим о реванше и потому заинтересованным в максимальной общественной дезорганизации и хаосе.

Именно поэтому советское партийное и государственное руководство, не успев как следует сформироваться и окрепнуть, приступало к выкорчевыванию антисемитизма, отлично понимая, что погромная агитация направлена прежде всего против коммунистического правления, которое существенной частью населения воспринималось тогда как власть евреев и других инородцев над русскими. И такого рода массовые настроения большевики вынуждены были учить. В ноябре 1919 года, после разгрома белых на Украине, Ленин даже направил украинскому советскому руководству секретное предписание «не допускать евреев в органы власти (разве в ничтожном проценте, в особо исключительных случаях, под классовый контроль)...»¹⁰⁹. Такой негласный метод борьбы с антисемитизмом обрел потом легальный статус как элемент провозглашенной вскоре политики «коренизации» кадров.

Представив себя в общественном мнении в образе последовательного защитника гонимого и терроризируемого еврейства*, большевистское руководство как бы обрело моральное право на принятие в последующем решительных мер против сионистов. Особенно интенсивно такие шаги стали готовиться в аппаратах ЦК РКП(б) и ВЧК после разгрома в июле 1918-го мятежа левых эсеров в Москве и ликвидации их коалиции с большевиками. В те дни вместо издававшейся с 3 марта совместно с левыми эсерами еврейской газеты «Вархайт» Еврейский комиссариат стал выпускать новый печатный орган «Дер эмес». Тогда же началась и политическая перестройка евсекций, которые преобразовывались в сугубо коммунистические: первая была организована в июле в Орле, вторая — в Витебске, а потом подобные им появились еще в 11 городах.

Открывшаяся 20 октября в Москве I конференция еврейских коммунистических секций и еврейских комиссариатов, на которую съехались 64 делегата, в том числе 33 большевика, знаменовала собой начало конца Еврейского комиссариата как универсального государственно-национального органа, подверженного, как полагали большевики, заражению «опасной болезнью» буржуазного нацио-

* Помимо большевиков на защиту евреев встала и Русская православная церковь, которая в отличие от советских вождей боролась за жизни всех евреев, а не только «еврейских трудящихся». Патриарх Тихон писал в опубликованном 21 июля 1919 г. послании, что «насилие против евреев — это бесчестье для тебя, бесчестье для Святой Церкви» (110).

нализма. В конце года Евком передал свои культуртрегерские функции в Наркомпрос, в структуре которого в связи с этим был образован еврейский подотдел (бюро). Поменяли ведомственную принадлежность и провинциальные евкомы, которые в начале 1919-го были переподчинены национальным отделам губисполкомов. Сам же Еврейский комиссариат, оставшись в структуре Наркомнаца, осенью 1920 года был преобразован в еврейский отдел*, заведующий которого одновременно являлся председателем Центрального бюро евсекций (ЦБ ЕС).

Впервые этот руководящий орган был избран на упомянутой выше I конференции 1918 года в составе Диманштейна (председатель), Ю.А. Шимелиовича, С.Х. Агурского, М. Альского, Криницкого-Бампи (члены). Само название — «центральное бюро» как бы подчеркивало политико-идеологический характер евсекций. Не случайно в первую очередь ЦБ поставило на повестку дня вопрос о характере и формах взаимоотношений с РКП(б). Но поскольку ЦК РКП(б) практически не мог взять тогда евсекции под свою опеку (формирование центрального аппарата РКП(б) — создание политбюро, оргбюро и секретариата ЦК — началось только весной 1919 г.), на конференции прозвучало предложение придать евсекциям характер самостоятельной национально-политической организации. Главным средством достижения этой цели должно было стать сближение с Бундом, о чем, собственно, и было заявлено. Конечно, этот проект родился не на голом месте, предложившие его делегаты — бывшие левые сионисты и бундовцы — явно исходили из отчетливо обозначившейся тогда тенденции полевения Бунда. И действительно, с тех пор как в ноябре 1917 года его представители на II Всероссийском съезде Советов осудили захват власти большевиками, изменилось очень многое в политической ориентации этой крупной социал-демократической еврейской партии, насчитывавшей в своих рядах от 33 до 38 тыс. членов. Происшедшие в течение 1918 года события заставили руководство Бунда пересмотреть свое отношение к новой центральной власти в России. Этому в немалой степени способствовало то, что в ходе начавшейся гражданской войны советское правительство сумело показать себя единственной политической силой, способной хоть как-то противостоять погромной стихии. К тому же, уже в первые месяцы этой войны бундовцы имели возможность разочароваться в своих естественных социалистических союзниках (эсерах и меньшевиках), потерпевших крах как некая «третья сила», альтернативная красным и белым. Созданные ими вместе с либералами так называемые демократические правительства (в Самаре,

* В октябре 1920 года в коллегию еводела Наркомнаца входили Диманштейн (зав. отделом), М. Мандельберг, И.Я. Хургин, Беренгольц, Чарный, Крашинский.

Уфе—Омске) оказались недолговечными и очень скоро сдали свои полномочия генералам-диктаторам Добровольческой армии.

События, развернувшиеся в дальнейшем внутри и вокруг Бунда, полностью оправдали чаяния тех руководителей евсекций, кто стремился к организационному единению с ним. На состоявшейся в марте 1919 года XI конференции Бунда было декларировано признание советской власти, но с оговоркой, что за ее политику Бунд не может нести ответственность, так как остается в оппозиции. То же самое было повторено товарищем председателя ЦК Бунда и лидером левого его крыла М.Я. Фрумкиной (Эстер) на состоявшемся в декабре VII съезде Советов. Лояльность большевикам Бунд демонстрировал не только на словах. В апреле он объявил о мобилизации своих членов в ряды Красной армии и организовал их отправку на передовую. Потом на Западном фронте даже действовали отдельные воинские части, целиком состоявшие из евреев. Весной 1919-го левые бундовцы пошли на образование в Белоруссии самостоятельной Еврейской коммунистической партии, а на Украине они провозгласили создание так называемого Коммунистического Бунда (Комбунда), который вскоре вместе с левыми из Объединенной еврейской социалистической рабочей партии («Фарейникте») сформировал Еврейский коммунистический союз (Комфарбанд). Эти новые политические образования, объявившие о своем намерении войти в скором будущем в РКП(б), призвали ее членов из числа евреев немедленно объединиться с ними. Разумеется, этот порыв негативно был воспринят большевистским руководством и вызвал замешательство в ЦБ ЕС, которое, увидев во вновь образованных еврейских коммунистических партиях опасных конкурентов, в мае на II конференции евсекций потребовало роспуска новых еврейских коммунистических организаций, так как они-де только вносят дезорганизацию в еврейские пролетарские массы.

Страхи руководящих «евсековцев» оказались напрасными. По мере формирования центрального аппарата РКП(б) устанавливался все более жесткий организационный контроль, в том числе и за еврейским коммунистическим движением. В декабре на VIII Всероссийской партийной конференции был принят устав партии, закреплявший образование при ЦК и территориальных комитетах РКП(б) отделов пропаганды и агитации среди национальных меньшинств¹¹¹, коим и вменили непосредственное руководство евсекциями. К тому же сами левые бундовцы, как оказалось, не особенно ратовали за свою самостоятельность и готовы были поступиться многим, чтобы оказаться под надежным крылом мощной большевистской партии. В апреле 1920 года на XII конференции Бунда они добились принятия решений о разрыве союза своей партии с меньшевиками, о признании программы РКП(б) и присоединении к Коминтерну. Одновременно было провозглашено создание общероссийского Ком-

фарбанда. Однако не все бундовцы были настроены просоветски. Правые и центристы, хоть и придерживались лозунга «мира с большевиками», тем не менее не желали, в отличие от своих левых соратников, слишком тесного сближения с ними, что и предопределило неизбежность распада Бунда. Созвав конференцию в Витебске, правые подтвердили верность социал-демократическим идеалам и союзу с меньшевиками. Противопоставив себя таким образом властям, Р.А. Абрамович и некоторые другие лидеры правых бундовцев вскоре вынуждены были эмигрировать. Их единомышленники, оставшиеся в России, впоследствии подверглись репрессиям.

Ознакомившись с резолюциями XII конференции Бунда, Ленин направил их членам политбюро ЦК РКП(б), приложив записку:

«Прошу прочесть. Интересно. Я за отыскание компромисса с ними»¹¹².

«Отыскание компромисса» продолжалось почти целый год. Выторговывая условия своего вхождения в РКП(б), левые бундовцы добивались автономного статуса на правах ассоциированного членства, сохранения исторического названия своей партии и настаивали на полном подчинении им евсекций. Но объединенная комиссия ЦК РКП(б) и Коминтерна, созданная для определения порядка вхождения Бунда в коммунистическую партию, весьма жестко отнеслась к этим претензиям. По ее предложению политбюро 15 мая постановило зачесть партийный стаж членам Бунда и Объединенной еврейской социалистической рабочей партии, переходящим в ряды РКП(б), «в самых скромных размерах». Конкретно стаж решено было исчислять с апреля 1920 года, то есть с момента признания бундовцами программы партии большевиков. Чтобы как-то подсластить горькую пилюлю, политбюро 7 июля решило «признать необходимым дать средства коммунистическому Бунду, строго проверив смету». Спустя несколько месяцев большевики предложили Комбунду объявить о самороспуске, что и произошло в марте 1921 года на XIII чрезвычайной конференции этой партии. Вскоре последовало самоупражнение руководящих органов Бунда, а также входивших в него организаций, в том числе Югендбунда¹¹³.

Только к претензии Бунда на руководство евсекциями большевики проявили некоторую снисходительность, обусловленную, впрочем, скорее не их доброй волей, а тем обстоятельством, что к началу 1921 года, то есть к моменту вхождения бывших бундовцев в евсекции, центральный партийный аппарат установил полный контроль за деятельностью ЦБ ЕС, которое было включено в качестве структурной части подотдела национальностей в состав отдела агитации и пропаганды (Агитпропа) ЦК РКП(б), а избрание членов ЦБ по меньшей мере уже как год утверждалось ЦК. Преемником Диманштейна на должности руководителя (теперь — секретаря) ЦБ ЕС стал бывший бундовец А.И. Чемерисский, которого вскоре

сменил на этом посту один из инициаторов создания Комбунда А.Н. Мережин. Вместе с ними в новый состав ЦБ ЕС вошли также А.И. Вайнштейн (председатель ЦК Бунда в 1917–1919 гг.) и М.Я. Фрумкина (лидер Комбунда), а кандидатом в члены — журналист и литератор М.И. Литваков (один из основателей партии «Фарейникте») ¹¹⁴.

В лице влившихся в ряды РКП(б) бундовцев, выступавших прежде за экстерриториальную, так называемую персональную, автономию для евреев, советская власть приобрела временных союзников в борьбе с сионистами и их международным проектом устройства еврейского национального очага в Палестине. Отношения между этими еврейскими политическими движениями стали обостряться сразу же после Февральской революции. Произошло это потому, что был повержен их общий враг — царизм, после чего отпала необходимость в солидарных действиях, которые в условиях наступившей демократии сменила конкурентная борьба за симпатии евреев. Характерно, что летом 1917 года один из лидеров еврейской социал-демократии Г.М. Эрлих, будучи направленным исполкомом Петроградского совета в страны Западной Европы, выступил на проходившей тогда в Англии международной социалистической конференции с резким протестом против принятия резолюции, поддерживавшей палестинские планы сионистов. А он отнюдь не принадлежал к левому крылу Бунда, которое, как мы убедились, сочло за благо найти общий язык с пришедшими к власти большевиками. Но прежде чем был заключен этот политический союз, левые от имени ЦК Бунда должны были 11 декабря 1919 г. предать во всеулышание анафеме сионистов в специальном радиообращении «К рабочим всего мира»¹¹⁵.

Это обращение стало ответом на сотрудничество лидеров сионизма со странами Антанты, которое особенно активизировалось сразу же по окончании войны, в том числе и благодаря российским сионистам. На проходившей в конце 1918 — начале 1919 года IX сессии президиума Центрального бюро еврейских общин они решили направить своих представителей на Парижскую мирную конференцию. В качестве делегатов во Францию отправились Б.Д. Гольдберг, А.И. Идельсон и Олейников, которые должны были поддержать требование ВСО к странам-победительницам подтвердить ранее данные обещания, касающиеся Палестины. Голос сионистов был услышан: на конференции евреи были признаны в качестве союзной воюющей нации, а через год, 20 апреля 1920 г., Верховный совет Антанты на международной конференции в Сан-Ремо предоставил Англии мандат на управление Палестиной, предусматривавший создание там еврейского национального очага.

Чувствуя поддержку мирового сообщества и зная о предпринятых тогда Англией и советским правительством попытках дипломатического сближения, руководство Сионистской организации России

обратилось в середине 1919 года к властям с ходатайством о предоставлении ей легального статуса. Примерно в это же время в президиум ВЧК за подписью председателя ЦБ ЕС Диманштейна ушла депеша, гласившая, что «согласно постановлению последней конференции еврейских коммунистических секций и комиссариатов, утвержденному ЦК РКП(б), буржуазные сионистские организации подлежат ликвидации»¹¹⁶. Не поддержав ни того и ни другого требования, большевистское руководство после бурной дискуссии пришло к следующему компромиссному решению: принимая во внимание международное признание сионистов и в то же время осознавая, что внутри страны сионизм по идеологическим соображениям принципиально терпим быть не может, одобрить в качестве оптимальной тактику негласной борьбы с Сионистской организацией России путем тайных арестов ее предводителей, административных репрессий и финансового давления. Во исполнение этой установки 27 июня тайно был создан «еврейский стол при секретном отделе ВЧК», который стал помогать чекистам в проведении «оперативных мероприятий» против сионистов. Официально же 21 июля от имени президиума ВЦИК Сионистской организации было разъяснено, что, поскольку она ранее не объявлялась контрреволюционной, нет и оснований для принятия специального акта о ее юридической легализации и что советские органы не будут чинить препятствий культурно-воспитательной деятельности сионистов¹¹⁷.

Однако сионисты не склонны были доверять подобным заверениям властей, тем более что еще в середине июня Сталин как нарком по делам национальностей утвердил постановление о закрытии Центрального бюро еврейских общин, подготовленное заместителем председателя Евкома С.Х. Агурским. И если еврейские общины рассматривались большевиками как социально-политический инструмент сионизма, то древнееврейский язык иврит — как его идеологическое оружие. Поэтому 11 июля по инициативе ЦБ ЕС Наркомпрос распространил циркуляр, предписывавший проводить обучение еврейских трудовых масс только на идише, а также объявлявший иврит иностранным языком и потому необязательным для изучения в советских школах. Однако такая формулировка показала руководство евсекции чересчур либеральной, и в августе оно добилось от Наркомпроса введения категорического запрета на преподавание иврита в школах¹¹⁸. Вскоре вне закона было объявлено культурно-просветительное общество «Гарбут», созданное в 1915 году для организации курсов изучения иврита. А 23 апреля 1921 г. тот же Наркомпрос с подачи ЦБ ЕС принял новое постановление, теперь уже о закрытии таких традиционных религиозных еврейских учебных заведений, как хедеры и ешиботы. Антитрадиционалистская ретивость евсекции даже привела к тому, что одно время в начале 20-х годов оказался под официальным запретом обряд обрезания, однако под

напором мусульманской общественности это решение властей было вскоре аннулировано¹¹⁹.

Антисионистские ограничения подкреплялись и репрессивными акциями, носившими поначалу преимущественно показательный характер и рассчитанными главным образом на достижение эффекта устрашения. Так, 1 сентября 1919 г. петроградской ЧК были схвачены руководители центрального бюро Сионистской организации, конфискованы ее архив и партийная касса (12 тыс. рублей), а помещение штаб-квартиры опечатано. На следующий день аресты сионистских деятелей начались и в Москве. Правда, через непродолжительное время всех взятых под стражу освободили, а в ноябре бюро сионистов даже разрешили возобновить свою деятельность¹²⁰.

Тем не менее это были лишь кратковременные послабления перед новыми, куда более жесткими акциями, спровоцированными в значительной мере тем, что Антанта, покровительствовавшая ВСО, все глубже вовлекалась в гражданскую войну в России. С конца 1919 года советские власти все решительней стали обвинять правых сионистов в сотрудничестве с мировым империализмом, белогвардейским движением и националистическими правительствами государств, образовавшихся на окраинах бывшей империи. Конкретно сионистам инкриминировалось то, что они добивались допуска еврейских офицеров на службу в армию генерала Деникина, помогали наступающим на Минск полякам (в частности, тем, что распространяли воззвание американского сиониста Генри Моргентау), включили своих представителей в состав Директории Украинской народной республики (товарищ министра труда С.И. Гольдельман, министр по еврейским делам правый поалеицист Авром Ревуцкий), возглавлявший С.В. Петлюрой. За связь с последним советской печатью был заклеен один из лидеров российского и международного сионизма В.Е. Жаботинский, создавший в 1917 году в Лондоне воинский Еврейский легион. Недовольство большевиков вызвало участие легионеров Жаботинского в английском десанте в Архангельске весной 1918 года, но особенно им не понравился его договор, подписанный осенью 1921 года с Директорией о создании в составе Украинской народной армии еврейской самообороны («Брит Гаяхат»), которая, как утверждала советская пропаганда, была призвана не столько защищать еврейское население от погромов, сколько вести борьбу с евреями-коммунистами*¹²¹. Кроме того, большевиков не могло не раздражать активное участие в белогвардейской пропаганде таких талантливых еврейских интеллектуалов, как С.А. Ауслендер и Д.С. Пасманник.

* В 1926 году, когда Петлюра пал в Париже от руки еврейского анархиста и террориста Ш. Шварцборда, Жаботинский, искренне переживая эту смерть, возложил венки на его могилу.

Исходившие от Кремля антисюионистские выпады рефреном звучали в пропагандистских акциях евсекций, руководство которых разработало специальные тезисы «О сионизме», где, в частности, утверждалось, что сионистское движение представляет собой «исключительно вспомогательную организацию империализма, вдохновенную англо-американской еврейской плутократией»¹²². Используя такую риторику как идеологическое прикрытие от возможных обвинений в антисемитизме, весной 1920 года власти перешли к решительным действиям против еврейских националистов. В Петрограде, Гомеле, Витебске и других городах прошла волна арестов правых сионистов. В Москве репрессивная акция началась 13 апреля, когда в здании Политехнического музея были схвачены делегаты нелегальной всероссийской конференции сионистов, на которую съехались со всей страны под видом служащих, командированных в центр, 50 делегатов и 25 почетных гостей и наблюдателей. Большинство арестованных, демонстративно исполнявших сионистский гимн «Гатиква» («Надежда»), чекисты отконвоировали в находившуюся неподалеку тюрьму на Лубянке, а потом перевезли в Бутырский замок. Других — престарелых и больных (раввина Я.И. Мазе*, председателя московской сионистской организации Э. Чериковера) — освободили сразу же.

6 мая политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «Об аресте съезда сионистов», которым предусматривалась публикация пропагандистского материала, компрометировавшего делегатов съезда. Главным исполнителем этого постановления Сталину и Диманштейну поручалось «переговорить» друг с другом «о необходимости привести в соответствие политику в еврейском вопросе с нашей общей национальной политикой»¹²³. Тем самым как бы давалось понять, что тактика особого, более или менее терпимого отношения к сионизму как специфической форме еврейского национального движения исчерпала себя и должна уступить место жестким методам подавления, обычно практиковавшимся карательными советскими органами в отношении «контрреволюционных» организаций. 1 июня ВЧК за подписью начальника секретного отдела М.Я. Лациса направила своим местным органам циркуляр, предписывавший активизировать тайную борьбу с «еврейскими буржуазными националистами, состоящими на службе у Антанты», и содержащий следующую оценку их эмиграционных планов:

«...Сионизм, охватывающий почти всю еврейскую интеллигенцию, если бы ему суждено было осуществиться, немедленно лишил бы нас огромнейших кадров, необходимых для воссоздания нашего народного хозяйства»¹²⁴.

* В 1923 году Мазе обратился к Дзержинскому с протестом против намерения евсекции закрыть Московскую хоральную синагогу и организовать в ее здании еврейский коммунистический клуб.

Тем не менее вследствие присущей бюрократии инертности, а возможно, и благодаря заступничеству представителей «Джойнта»* в России Гарри Фишера и Макса Пайна, официальное решение, определившее дальнейшую судьбу арестованных делегатов сионистского съезда, оказалось сравнительно мягким. Принятое президиумом ВЧК 29 июня 1920 г., то есть тогда, когда на свободу уже и без того были выпущены в общей сложности 67 человек, оно предусматривало в отношении оставшихся в заключении и признанных виновными в «контрреволюционных и враждебных советской власти действиях» восьми сионистских руководителей следующие меры наказания: Ю.Д. Бруцкус, Г.И. Гительсон, А.И. Идельсон, Р.Б. Рубинштейн, Е.М. Стеймацкий, Н.А. Шахманович приговоривались к пяти годам, а Э.М. Барбель — к шести месяцам принудительных работ без лишения свободы. Л.И. Слицин ввиду преклонного возраста вообще освобождался от наказания. В тот же день всех их выпустили на волю, амнистировав по декрету от 1 мая 1920 г. и взяв подписку с обязательством воздерживаться впредь от антисоветских выступлений¹²⁵.

Создавалось впечатление, что атмосфера успешно заканчивавшейся для большевиков гражданской войны больше настраивала их в борьбе с сионизмом на умеренность и постепенность, чем на принятие жестких и экстренных мер. Подтверждением тому может служить принятая чекистами с легкой руки Ленина тактика выдавливания лидеров сионизма за границу, которая призвана была обезглавить это движение. В результате в начале 20-х годов Россию вынуждены были покинуть Бруцкус, Либерман, Добрынин, Лурье и другие сионистские деятели.

В сравнении с официальными властями значительно больше решительности и бескомпромиссности в отношении сионизма выказывало руководство евсекций. Особенно это стало заметно после того, как летом 1920 года II конгрессом Коминтерна с подачи Ленина был принят следующий тезис:

«Ярким примером обмана трудящихся масс угнетенной нации, произведенного совместными усилиями империализма, Антанты и буржуазии соответствующей нации, может служить палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм».

Войдя в роль передового отряда партии в борьбе с сионизмом, ЦБ ЕС так декларировало эту новую свою ипостась в письме, направленном 29 октября 1920 г. секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому**:

«Ввиду неосведомленности многих советских учреждений о сущности деятельности сионистских организаций им часто удается скрывать свое на-

* «Джойнт» (American Jewish Joint Distribution Committee) — еврейская благотворительная организация, созданная в США в 1914 году для оказания помощи пострадавшим от войны евреям Европы, России и Палестины.

** Крестинский, в свою очередь, переслал это письмо Ленину.

стоящее лицо и использовать советские власти... Центральное бюро еврейских секций находит нужным познакомить советских деятелей с деятельностью сионистских организаций и регулярно представлять материалы, касающиеся данного вопроса»¹²⁶.

Особую настойчивость в такого рода «просвещении» советского руководства ЦБ ЕС проявило в связи с на шумевшим делом о государственных дотациях ивритскому драматическому театру «Габима». Этот театр, существовавший в Москве в 1917–1926 годах, пользовался популярностью в кругах столичной творческой интеллигенции. В 1918 году художественным руководителем «Габимы» стал известный режиссер Е.Б. Вахтангов, чьи постановки в этом театре высоко оценил его учитель К.С. Станиславский. Имея влиятельных покровителей в лице русской культурной элиты, театр был включен в состав субсидируемых правительством учреждений искусства. Однако в конце 1919 года, то есть с началом гонений на сионистские организации, заведующий еврейским подотделом Наркомпроса и активный евсековец М. Левитан обратился к наркому по просвещению А.В. Луначарскому с предложением приостановить государственную поддержку «Габимы» на том основании, что он-де имеет «целью не просвещение масс, а затемнение посредством национально-романтической идеологии». Демарш Левитана поддержал его непосредственный начальник заведующий отделом просвещения нацменьшинств Наркомпроса Ф.Я. Кон, с кем, в свою очередь, солидаризировался председатель ЦБ ЕС Диманштейн, заявивший, что «трудовые деньги не могут пойти на поддержку буржуазной прихоти»¹²⁷.

Луначарский, этот теоретик и идеолог нового советского искусства, не стал защищать эстетически чуждый ему театр. 16 февраля 1920 г. он санкционировал постановление подведомственного ему Центрального театрального комитета (Центротейатра) о лишении «Габимы» государственной дотации.

23 июля на проходившем под эгидой ЦБ ЕС I Всероссийском съезде еврейских деятелей просвещения и социалистической культуры была одобрена резолюция, гласившая:

«... Театр “Габима” возник еще при старом режиме для улагодворения еврейских меценатов — биржевых спекулянтов. С устранением этого паразитического класса волей пролетарской диктатуры “Габиму” пыгаются перевести на содержание советской власти... чтобы использовать его авторитет для сионистско-гебраистских целей... В настоящий период социальной революции, когда искусство должно поднять боеспособность пролетариата, моральная или материальная поддержка такого учреждения, как “Габима”, является преступлением».

А уже 31 июля стараниями заведующего еврейским отделом Наркомнаца М. Мандельсберга в протоколе заседания наркоматской коллегии появилась следующая запись:

«Слушали: жалоба представителя древнееврейского театра “Габима” на постановление Центротейатра о лишении его государственных субсидий и ходатайство его о возобновлении субсидий.

Постановили: а) древнееврейский театр “Габима” как по языку, так и по своему духу и идее совершенно чужд еврейским народным массам и потому не может служить источником просвещения этих масс; б) “Габима” служит рассадником буржуазно-националистической культуры и идеологии, а отнюдь не революционной идеи.

Постановлено: считать невозможной государственную поддержку “Габимы” и постановление Центротейатра считать правильным»¹²⁸.

Встревоженное таким развитием событий руководство «Габимы» стало искать защиты у культурной общественности столицы. Оно обращалось к заведующей театральным отделом Наркомпроса О.Д. Каменевой (жене Л.Б. Каменева и сестре Л.Д. Троицкого), к режиссеру В.Э. Мейерхольду, пользовавшемуся тогда влиянием в советских верхах. В Кремль на имя Ленина была направлена петиция в поддержку театра, подписанная К.С. Станиславским, В.И. Немировичем-Данченко, А.Я. Таировым, К.А. Марджановым, А.И. Южиным, Ф.И. Шаляпиным, А.М. Эфросом и другими авторитетными театральными деятелями. Вряд ли Ленин, который в январе 1922 года чуть было «в целях экономии» не закрыл Большой театр, ознакомился с этим обращением, хотя руководитель «Габимы» Н.Л. Цемах настаивал потом в мемуарах на обратном. Но точно известно, что оно было вручено члену политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменеву, благожелательно начертавшему на нем: «Вполне присоединяюсь». Далее бумага была спущена в Наркомнац Сталину, который в то время был склонен не возражать тем (в том числе и Каменеву), от кого зависела реализация его тайных властных амбиций. Поэтому на обращении театральные деятели он не колеблясь написал:

«Протест еврейского подотдела национальных меньшинств считать отпавшим. Против выдачи субсидий на общих основаниях не возражаю»¹²⁹.

Но поддержав своего влиятельного коллегу по политбюро, Сталин вызвал на себя поток резких обвинений и критики со стороны гонителей «Габимы», включая таких его ближайших помощников в Наркомнаце, как член коллегии М.Х. Султан-Галиев** и новый

* Со стороны Сталина это был весьма предусмотрительный шаг: ведь именно Каменев в апреле 1922 года предложил Ленину избрать Сталина генеральным секретарем ЦК партии.

** Султан-Галиев был наиболее последовательным и бескомпромиссным критиком Сталина. В апреле 1923 года с трибуны XII съезда РКП(б) он резко обрушился на сталинский проект «автономизации» независимых советских республик, по сути обвинив его автора в великодержавном шовинизме. За свою дерзость уже 4 мая Султан-Галиев был исключен из партии и как «антипартийный и антисоветский элемент» препровожден в тюрьму ГПУ (130).

заведующий еврейским отделом А.Н. Мережин. Их особенно возмутило то, что своим решением Сталин фактически дезавуировал направленное ими ранее, 13 ноября, письмо Луначарскому, в котором подтверждалось действие решения по «Габиме» от 31 июля, а также рекомендовалось руководству Наркомпроса решительно пресечь «домогаательства» театра. 7 декабря к хору критиков Сталина присоединился и преемник Диманштейна на посту руководителя евсекций А.И. Чемерисский, обвинивший наркома по делам национальностей в потворстве театру «еврейских спекулянтов», «гурманов», театру, служащему интересам «плутократов-сионистов». Однако состоявшийся на следующий день пленум ЦК РКП(б), поддержав Сталина, оставил протест евсекции «без последствий»¹³¹.

После этого руководство Наркомпроса, ведавшего финансированием театров, в лице Луначарского сочло «невозможным протестовать против состоявшегося уже пленума ЦК» и 19 марта 1921 г. предложило коллегии «просто принять к сведению, что субсидирование («Габимы». — *Авт.*) будет продолжено через управление академическими театрами* впредь до пересмотра этого дела в ЦК»¹³².

Тем не менее из-за бедственного общеэкономического положения в стране реальных денег театр так и не получил. Точку в этом деле поставила комиссия президиума ВЦИК под председательством Ю. Ларина, созданная по требованию Ленина, который в августе 1921 года посоветовал Луначарскому «все театры... положить в гроб», а потом назвал в записке В.М. Молотову «верхом безобразия» принятое решение выделить театрам дотации в размере 1 млрд. рублей¹³³. В октябре «Габима» был снят с государственного субсидирования, а через три года перестал считаться академическим театром. В январе 1926 года в атмосфере усиливавшихся гонений на ивритскую культуру коллектив «Габимы» отправился в зарубежные гастроли и в большинстве своем так и не возвратился назад.

Эпизод с решением вопроса о дотациях «Габиме», с одной стороны, показал, что успешное для большевиков завершение гражданской войны способствовало в какой-то мере их временному отходу от жесткой позиции в отношении сионизма, а с другой — что принципиальным изменениям эта позиция была вряд ли подвержена.

О некоторой либерализации советского режима («в смысле серьезных умягчений») свидетельствовала и последовавшая после постановления политбюро ЦК от 1 декабря 1921 г. реорганизация спецслужб, в результате которой 23 января 1922 г. вместо ВЧК создали Государственное политическое управление НКВД РСФСР**, наделенное

* В начале 1921 года «Габиму» перевели в разряд государственных академических театров.

** С 15 ноября 1923 г. — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

значительно меньшими карательными полномочиями. Вместе с тем, поскольку центральная задача аппарата советской политической полиции осталась по сути неизменной — «изучение всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях», — его, наряду с Наркомюстом, продолжали использовать против «политических врагов советской власти» и «агентов буржуазии», в том числе и против не желавшей идти в услужение большевикам интеллигенции. 8 июня по указанию Ленина политбюро была образована даже специальная комиссия «для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке из России верхушек враждебных интеллигентских группировок». В результате насильственной эмиграции подверглось около двухсот русских ученых, философов, литераторов, в том числе и известный экономист Б.Д. Бруцкус, брат уже находившегося за границей сиониста Ю.Д. Бруцкуса¹³⁴.

Тем не менее лишённые вождей сионистские группировки правого и центристского направлений продолжали свою деятельность в России, правда главным образом в подполье, а также полулегально, используя свои, так сказать, дочерние, официально разрешённые общественные и национально-культурные организации. Наиболее массовыми из них были спортивная «Маккаби», которая, действуя до 1924 года в рамках всеобщего, особенно была сильна на юге Украины, и «Гехалуц» («Пионер»), созданный для подготовки еврейской молодежи старше 18 лет к труду и вооружённой борьбе в Палестине и заявивший о себе в России в начале 1918 года на учредительном съезде в Харькове. Руководителем всероссийского «Гехалуца» был избран соратник Жаботинского по мобилизации еврейской военной помощи союзникам И. Трумпельдор. «Гехалуц», открывший свои отделения в Харькове, Москве и Петрограде, сразу же развернул вербовку еврейской молодежи и ее отправку через Одессу в Палестину, откуда под руководством Усышкина координировалась эта работа. Поскольку советские власти отнеслись негативно к такого рода активности, в январе 1919 года по решению проходившей в Петрограде конференции «Гехалуц» его ЦК был переведен из Москвы в Минск, столицу «независимой Литовско-Белорусской социалистической советской республики». Однако не прошло и года, как и там «Гехалуц» оказался под запретом. После этого Трумпельдор был вынужден возвратиться в Палестину, а его детище в России перешло на нелегальное положение. По окончании гражданской войны «Гехалуц» попытался выйти из подполья, созвав в январе 1922 года очередную, третью по счету, конференцию. Однако ее делегаты были арестованы, а в августе «Гехалуц» был запрещен не только де-факто, но и де-юре. Это вызвало брожение внутри организации, и вскоре от нее откололось левое крыло, стремившееся легализоваться путем сотрудничества с коммунистами. Левый «Гехалуц» стал заниматься не столько переселенческой деятельностью в Палестину,

сколько созданием стационарной сети сельскохозяйственных коммун и производственно-технических артелей в районах компактного проживания советских евреев. Подобная переориентация прошла не только с ведома властей, но и при активном их давлении. Подтверждением тому может служить хотя бы то, что 19 марта 1923 г. оргбюро ЦК распорядилось легализовать организации левого «Гехалуца», действовавшие на территории РСФСР. Правда, Сталин настоял на включении в это решение, которое не затрагивало Украину и Белоруссию, пункта о предоставлении ГПУ «права бороться с контрреволюционными элементами» в случае их выявления в легальном «Гехалуце»¹³⁵. Тем не менее ЦБ ЕС сочло этот шаг властей чрезмерно либеральным, косвенным образом облегчавшим жизнь продолжавшей оставаться в подполье правой «Национально-трудовой организации «Гехалуц»», находившейся под влиянием сионистской социалистической партии «Цеирей Цион»*. В качестве фактического обоснования такой позиции в политбюро была направлена выписка из отчета Фрумкиной о посещении Гомеля, в котором утверждалось, что существует «целый ряд указаний на теснейшую связь между всеми формами сионистского движения и «Гехалуц» как одной из них»¹³⁶.

На отмене легального статуса «Всероссийской трудовой организации «Гехалуц»», поддерживавшей из Москвы связь с ЦК всемирного «Гехалуца», настаивало и ОГПУ. Но добиться этого удалось только 28 января 1928 г., когда НКВД СССР было издано соответствующее постановление¹³⁷.

Произошло это уже в период активного свертывания НЭПа, когда советские верхи перешли к леворадикальным способам решения проблем общества. А до той поры даже руководство госбезопасностью старалось проявлять известную умеренность, в том числе и по отношению к сионистам. Заслуживает внимания тот факт, что глава ОГПУ Ф.Э. Дзержинский** (с 1924 г. еще и председатель ВСНХ

* «Цеирей Цион» («Молодежь Сиона») заявила о себе как о движении в 1905 году. После февраля 1917 года оно стало самым массовым (до 300 тыс. членов) и влиятельным в сионистском политическом спектре. В составе этого движения существовали три партийные группы: «социалисты» (наибольшая и самая левая), «трудовики», «демократы» (наименьшая и самая правая). Вскоре движение преобразовалось в политическую партию. На съезде «Цеирей Цион», состоявшемся в мае 1920 года в Харькове, произошел раскол партии, и ее левое крыло («социалисты» + «трудовики» = «народная фракция»), идеологически примыкавшее ко II Интернационалу, объявило себя Сионистской социалистической партией.

** Будучи поляком, Дзержинский до революции тесно соприкасался с видными деятелями Бунда. Об отношении Дзержинского к евреям можно судить по тому факту, что из четырех его ближайших помощников в ОГПУ трое были евреями.

СССР), являясь ярким приверженцем НЭПа и ратуя за относительное смягчение режима, одно время добивался пересмотра однозначно негативного отношения властей к сионизму. 15 марта 1924 г. он поделился мыслями на этот счет со своими заместителями В.Р. Менжинским и Г.Г. Ягодой:

«Программа сионистов нам не опасна, наоборот, считаю [ее] полезной. Я когда-то был ассимилятором, но это «детская болезнь». Мы должны ассимилировать только самый незначительный % [евреев], хватит. Остальные должны быть сионистами. И мы им в этом не должны мешать, под условием не вмешиваться в политику нашу... Пойти также сионистам навстречу и стараться давать не им должности, а считающим СССР, а не Палестину, своей родиной».

Через год, 24 марта 1925 г., он риторически вопрошал в записке к Менжинскому:

«Правильно ли, что мы преследуем сионистов?».

И потом давал свой ответ:

«Я думаю, что это политическая ошибка. Еврейские меньшевики, то есть работающие среди еврейства, нам не опасны... Надо пересматривать нашу тактику. Она неправильна».

А еще через два месяца Дзержинский, обращаясь все к тому же Менжинскому, пришел к еще более радикальному выводу:

«Ведь мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов. Надо этот вопрос изучить и поставить в Политбюро. Сионисты имеют большое влияние в Польше и в Америке. Зачем их иметь себе врагами?»¹³⁸.

Однако подобные благие пожелания отдельных прагматически мыслящих советских политиков носили больше дискуссионный, чем практический характер. Советская социально-политическая система была запрограммирована на моноидеологичность и отторгала все идеи (и, разумеется, их носителей), отличные от официальной догмы. Поэтому даже в годы НЭПа, в период этой первой советской «оттепели», сионисты продолжали подвергаться репрессиям. В марте 1923 года секретный отдел ОГПУ доложил, например, в ЦК РКП(б) об обысках, произведенных у активистов сионистского движения и арестах 49 человек из их числа. Подобные акции проходили на фоне развернувшейся тогда массовой высылки из Москвы в административном порядке так называемого социально-паразитического элемента. Под эту категорию в большинстве своем подпали безработные евреи, нахлынувшие в столицу из разоренных гражданской войной украинских и белорусских местечек и вынужденные поддерживать свое существование с помощью мелких торгово-посреднических операций, официально квалифицировавшихся как криминальный промысел — спекуляция. Против подобных высылки

выступили тогда Евобщестком* и видные представители еврейской культуры, направившие Л.Б. Каменеву петицию с выражением протеста. А вскоре благодаря информационному сообщению нью-йоркского Еврейского телеграфного агентства (ЕТА) произвол, чинимый ОГПУ в отношении еврейского населения, стал известен и мировой общественности. Опасаясь обвинений в государственном антисемитизме, советские власти вынуждены были пойти на попятную. Раздосадованный вмешательством из-за границы, Дзержинский, теперь уже изволив гневаться на сионистов, в марте 1924-го спрашивал у Менжинского:

«Что это за общественный комитет? Как реагировать на эту мерзость? Может быть, передать весь материал Евсекции для использования в процессе против сионистов Общественного комитета? Не использовать ли через суд ходатайство Шора?»¹³⁹.

Упомянутый главным чекистом страны профессор Московской консерватории Д.С. Шор был видным московским сионистом. В 1923 году он стал инициатором обращения группы деятелей науки и культуры к руководству Наркомнаца в защиту иврита. Вместе с ним соответствующую петицию подписали востоковед М.И. Тубянский**, редактор журнала «Шторм» и член центрального оргбюро «Культур-лиги»*** писатель Д.Н. Гофштейн, литератор М.О. Гершензон, композитор М.Ф. Гнесин и академик Н.Я. Марр. Как ни странно, но демарш интеллектуалов был воспринят в наркомате сочувственно. Заместитель наркома Г.И. Бройдо в пересланном 27 декабря в президиум ВЦИК мнении своего ведомства по этому вопросу предложил «особым циркуляром воспретить какие-либо стеснения в пользовании древнееврейским языком и литературой и... предоставить право преподавания древнееврейского языка в советских школах как предмета необязательного там, где будет выражено желание учащихся. И за их счет»¹⁴⁰.

Однако подобным пожеланиям не суждено было осуществиться. Реальная политика в отношении сионистов проводилась не Наркомпросом или Наркомнацем, а ЦК РКП(б) и органами госбезопасности,

* Еврейский общественный комитет помощи пострадавшим от погромов, войны и стихийных бедствий был образован из представителей еврейской интеллигенции 18 июня 1920 г.

** Расстрелян в 1937 году.

*** Литературно-художественное и театральное объединение деятелей еврейской культуры на языке идиш. Возникло в 1917 году в Киеве. В него входили, например, художники Натан Альтман и Марк Шагал, писатель И. Добрушин, журналист М. Литваков и др. После того как в 1924 году «Культур-лига» была ликвидирована властями, часть входивших в нее актеров переехала в Москву и поступила в Государственный еврейский театр.

в недрах которых тогда полным ходом шла подготовка к массовой акции против «еврейских буржуазных националистов». По сообщениям начальника секретного отдела ОГПУ Т.Д. Дерибаса, к 1 января 1924 г. его ведомство взяло на оперативный учет 750 сионистов. В последующие месяцы этот показатель увеличился до 2270. Кроме того, велось «12 агентурных групповых разработок» сионистских организаций, по которым проходило 372 человека. В производстве же находилось 986 «одиночных агентурных дел» и 55 «групповых»¹⁴¹.

В общем все было подготовлено для того, чтобы при необходимости можно было запустить машину политических репрессий на полную мощность. К активным действиям чекистов подтолкнул нелегально состоявшийся в феврале в Ленинграде IV съезд Сионистской социалистической партии, по окончании которого ее активисты распространили десятки тысяч листовок, обличавших большевистскую власть в терроре и насилии и требовавших демократизации общества и предоставления «частному капиталу фактических возможностей участия в промышленном возрождении страны». С 13 марта по 1 мая по всей стране были арестованы 3,5 тыс. сионистов, главным образом молодежь от 17 до 23 лет. Только на Украине ко 2 сентября было взято под стражу до 2 тыс. человек, а в Белоруссии ко 2 февраля 1925 г. — 500. Правда, большинство арестованных через некоторое время было освобождено под подписку о прекращении политической деятельности¹⁴². Но наиболее активных сионистов в административном порядке сослали на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Таковых, по данным ОГПУ на конец мая 1925 года, было не так много: 132 человека. По тем же сведениям, еще меньше было тех, кого заключили в концентрационные лагеря: 15 сионистов (главным образом из числа руководителей) подверглись этому наказанию сроком на три года каждый. Применялась и такая мера «социальной защиты», как высылка в Палестину, которая подавалась властями внутри страны как своеобразная милость, а на международной арене — как жест доброй воли и вклад в международное решение еврейского вопроса. Такой привилегии тогда были удостоены 152 сиониста из так называемого менее активного элемента¹⁴³.

Столь относительно либеральные методы подавления большевиками «идеологически чуждого» общественно-национального движения были в общем-то характерны для периода расцвета НЭПа. В то время сионистская верхушка еще питала определенные иллюзии, надеясь наладить диалог с властями и благодаря этому как-то сдержать репрессивный азарт органов госбезопасности. Одна такая попытка была предпринята Шором и руководителем «Маккаби»*

* С 1923 года действовала в составе сионистской молодежной организации «Ха-Шомер ха-Цаир» («Молодой страж»), запрещенной в Советском Союзе в 1927 году.

И. Рабиновичем, направившими 30 мая 1925 г. в президиум ЦИК СССР протест против усиления репрессий в отношении их единомышленников, в котором утверждалось, что сионистское движение не носит политического характера и лояльно государственному строю в СССР. В ответ руководство ОГПУ решило в качестве своеобразного отвлекающего маневра продемонстрировать миролюбие. 29 июня на заседании президиума ЦИК, на котором обсуждалось обращение Шора—Рабиновича, Менжинский заверил присутствующих, что чекисты откажутся от преследования сионистов, если те не будут устраивать население против советской власти. Ободренный таким развитием событий, Шор обратился 25 августа к заместителю председателя ЦИК СССР П.Г. Сидовичу, пытаясь повлиять через него на руководство евсекций, занятое, как отмечалось, «беспольной» борьбой с сионизмом, «за которым большинство евреев и будущее»¹⁴⁴.

Сионистам, в общем-то, было за что сетовать на лидеров евсекций, которые с начала 1925 года повели против них массированное пропагандистское наступление. 26 января по инициативе ЦБ ЕС секретариатом исполкома Коминтерна было принято постановление, предлагавшее «развернуть энергичную борьбу против сионизма» на международной арене, «разоблачая при этом подлую роль членов II Интернационала, содействующих сионистам». Одновременно нагнетались страсти и по поводу роста влияния сионистов внутри страны. Секретарь главного бюро евсекций при ЦК российского комсомола Д. Монин, докладывая 31 июля партийному начальству о поездке на Украину, отмечал, что, по сведениям ОГПУ, в Одесской губернии насчитывалось более 2,5 тыс. молодых сионистов, в Подолии — 5 тыс., на Киевщине — 2 тыс. И они, по словам предводителя комсомольской евсекции, не сидели сложа руки, а активно действовали: не только агитировали за массовую эмиграцию евреев в Палестину, но уже отправили из Жмеринки, Калиновки, других местечек Киевщины и Подолии на Кавказ, к границе с Персией, несколько пеших групп (по 15 переселенцев в каждой); устраивали массовые молодежные демонстрации под лозунгом «Долой евсекцию!»; распространяли среди своих сторонников сионистскую литературу, изданную как за границей, так и нелегально в Москве, Одессе, Киеве, Харькове¹⁴⁵.

Подобные тревожные сигналы на фоне ужесточения общеполитической ситуации в стране заставили власти перейти от обсуждения своего отношения к сионистам к активным действиям против них. С марта 1926 года начались новые аресты и высылки сионистов. Именно тогда был арестован и упомянутый выше И. Рабинович, которого отправили на один год в Кзыл-Орду*.

* В 1929 году он выехал в Палестину.

После нового удара буржуазные сионисты так и не оправились. То, что раньше составляло более или менее единое целое, теперь организационно распалось и оказалось распыленным по ссылкам, лагерям, глубокому подполью и зарубежью. Тем не менее это не успокоило сталинское руководство, которое, взяв вскоре курс на решительное подавление всякого политического инакомыслия, стало готовиться к тому, чтобы покончить с сионизмом в стране полностью и окончательно.

Когда подошло время реализации этого намерения, власти не пощадили даже такую немногочисленную и, в общем-то, безобидную левую сионистскую организацию, как «Поалей Цион». Наряду с правящей ВКП(б), она оставалась, наверное, единственной легальной партией в стране. Официально учрежденная в феврале 1906 года как Еврейская социал-демократическая рабочая партия («Поалей Цион»), она в июле 1919 года приняла на совещании в Витебске платформу, в которой признавала советскую власть как форму диктатуры пролетариата. Вместе с тем партия не отказывалась от сионистской идеи «перемещения еврейских масс на Ближний Восток», что, по мысли авторов этой платформы, должно было «содействовать процессу разрушения внутри Палестины феодальных основ и раскрепощению арабских рабочих и крестьян, а также созиданию там могучего... еврейско-арабского рабочего движения, способного к революционной борьбе против английского империализма»¹⁴⁶. Но уже в августе партия раскололась, и на базе ее левой фракции образовалась Еврейская коммунистическая партия («Поалей Цион»), отказавшаяся впоследствии от «палестинизма» и влившаяся в декабре 1922 года в состав РКП(б). То, что осталось от ЕСДРП («ПЦ»), с октября 1923 года стало именоваться Еврейской коммунистической рабочей партией («ПЦ»). В основе такой политической мимикрии лежало стремление к выживанию в условиях советской идеологической системы, для чего необходимо было прежде всего отречься от социал-демократического идеала, дистанцировавшись тем самым от гонимого большевиками меньшевизма.

Желавших сохранить свою легальность и призрачную независимость поалейционистов заставляла действовать подобным образом и поступательно усиливавшаяся «опека» спецслужб, утеснения со стороны которых начались сразу после 28 октября 1921 г. Тогда была отменена осуществлявшаяся ранее властями материальная поддержка ЕСДРП («ПЦ») и она стала считаться «частной организацией». 29 марта 1923 г. политбюро ЦК РКП(б) дало санкцию ГПУ на право «производства в государственном масштабе» массовых арестов, обысков и чисток в отношении меньшевиков, бундовцев и поалейционистов. В том же году ведомство Держинского предложило ликвидировать «Поалей Цион», мотивируя это тем, что, несмотря на все

попытки «использования коммунистического флага», сущность этой партии осталась меньшевистской. Однако в ЦК тогда рассудили по-иному: поскольку «Поалей Цион» насчитывает в своих рядах всего около 50–60 членов, то не сегодня-завтра этот политический карлик умрет собственной смертью и потому нет особой надобности в запрете¹⁴⁷.

Но вроде бы дышавшая на ладан партия вопреки ожиданию большевиков вовсе не спешила добровольно покинуть политическую сцену. Напротив, месяц от месяца она крепла и численно росла. С 1924 года ЕКРП («ПЦ») начала работать в легальном «Гехалуце». Активно готовился и ее кадровый резерв в рядах Еврейского коммунистического союза рабочей молодежи («Югенд Поалей Цион») и детских кружках. Кроме того, по мере ужесточения репрессий против правых сионистов некоторые из них вынуждены были примкнуть к «Поалей Циону». На усилившуюся активность левых сионистов власти, разумеется, не собирались смотреть сквозь пальцы. То по надуманной причине Главлит вдруг задерживал выход «Еврейской пролетарской мысли» (печатный орган ЦК ЕКРП («ПЦ»)), а то неожиданно сверху начинались чиниться препятствия в работе партийного издательства «Гамер» («Молот»). В ответ руководство «Поалей Циона» пыталось протестовать, обращаясь к секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву (июль 1925 г.), С.В. Косиору (май 1926 г.) и другим высокопоставленным партийным чиновникам. Выслушав жалобы, те обыкновенно выражали «полное недоумение» и обещали «разобраться». Однако гонения на «Поалей Цион» не только не прекращались, а, напротив, все нарастали. Отчаявшись, руководство левых сионистов в лице Л.Я. Берлинраута и С.А. Кивина решило в начале 1927 года искать защиты у Сталина. Но тот их не принял, поручив переговорить с ними своему помощнику И.П. Товстухе, который, в свою очередь, прибег к бюрократической уловке, заявив визитерам, что претензии будут рассмотрены по их представлению в письменном виде¹⁴⁸.

Учитывая, что со второй половины 20-х годов политический режим в Советском Союзе стремительно стал трансформироваться в жесткую единоличную диктатуру, попытки поалеиционистов как-то выжить в этих условиях были с самого начала обречены на провал. И мало кто из власть имущих большевиков сомневался в том, что запрет «Поалей Циона» — это лишь вопрос времени. Симптоматично, что П.Г. Смилович, ведавший в советском руководстве еврейскими делами, в конце 1926 года заявил:

«Совершенно ясно, что если меньшевики и социал-революционеры у нас не имеют возможности проводить в жизнь своей программы и даже формулировать ее, то было бы несправедливо, если бы те же течения под флагом сионизма, то есть исходящие из среды еврейской мелкой буржуазии, получили бы эту возможность»¹⁴⁹.

Из сферы дискуссионной вопрос о запрете «Поалей Циона» должен был рано или поздно перейти в практическую. Произошло это 15 июня 1927 г., когда руководство госбезопасности в лице заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, начальника секретного отдела Т.Д. Дерибаса и заместителя последнего Я.М. Генкина* направили Косиору совершенно секретную записку, в которой «в связи с усилением ЕКРП» просили ЦК «решить вопрос о ее дальнейшем существовании». А чтобы в партийных верхах особенно не раздумывали над этим «вопросом», авторы послания, между прочим, гарантировали, что, «поскольку в еврейских массах эта партия («Поалей Цион»). — *Авт.*) маловлиятельна, ее ликвидация... пройдет совершенно незаметно и не вызовет ни с чьей стороны никакого протеста»¹⁵⁰.

Однако ничего определенного по этому обращению сразу на Старой площади так и не решили. Сталина и его ближайшее окружение тогда куда больше занимала подготовка к решительной схватке с троцкистско-зиновьевской оппозицией, чем судьба маленькой национальной партии. Спуская дело на тормозах, Сталин поручил Косиору продолжить вплоть до принятия окончательного решения по «Поалей Циону» переговоры с его руководством. Понимая, к чему идет дело, Косиор вскоре в жесткой форме потребовал от левых сионистов покаяться в таких прегрешениях, как самозванное представительство интересов еврейского пролетариата, агитация за еврейскую эмиграцию в Палестину, интриги против Коминтерна и евсекции и, наконец, недопустимое уподобление основоположника поалеиционизма Б. Борохова Ленину. В том же ключе действовало и ЦБ ЕС, секретарь которой А.И. Чемерисский 20 декабря вновь обратился в ЦК, настаивая на разгоне ЕКРП¹⁵¹.

Тем не менее прошло еще несколько месяцев, прежде чем в истории российского поалеиционизма была поставлена логическая точка. Произошло это 24 мая 1928 г., когда политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее постановление с высшим грифом секретности «особая папка»:

«Утвердить постановление Оргбюро от 21 мая 1928 г.: «Согласиться с решением МК о необходимости ликвидации легально существующей партии ЕКРП («Поалей Цион»)»¹⁵².

Во исполнение данного решения чекисты более месяца тщательно подготавливали соответствующую операцию. В ночь с 25 на 26 июня они одновременно нагрянули с обысками во все московские поалеиционистские организации. Взломав замки в дверях и шкафах, оперативники изъяли и вывезли на Лубянку документы, литературу,

* В секретном отделе ОГПУ Генкин руководил отделением по борьбе с сионизмом.

знамена, печати и другое имущество запрещенной партии. После чего были закрыты и опечатаны помещения ЦК и МК ЕКРП («ПЦ»), Еврейского коммунистического союза рабочей молодежи («Югенд Поалей Цион»), партийного клуба им. Борохова. В ту же ночь прошли также обыски в квартирах руководителей и активистов «Поалей Цион». Все они на утро были вызваны на Лубянку, где от имени советского руководства от них потребовали прекращения политической деятельности. Некоторые руководители ЕКРП, в том числе З.М. Брейтер и Кивин, наивно полагали, что все происходящее с ними и их партией не более чем результат недоразумения или провокации, вызванных интригами «евсековцев» или отдельных не в меру ретивых чиновников. Они даже пробовали протестовать против «неслыханного произвола в отношении коммунистической партии еврейского пролетариата СССР, секции Всемирного еврейского коммунистического союза (“Поалей Цион”))» и направили 3 июля возмущенное письмо М.И. Калинину. Однако им прямо дали понять, что решение о роспуске ЕКРП было принято на самом верху и не подлежит не только пересмотру, но и какому-либо обсуждению¹⁵³.

Поскольку с этого момента с легальным сионизмом в России было покончено, перед левыми приверженцами этой идеи встал закономерный вопрос: что делать дальше? Как бы отвечая на него своими поступками, одни вынуждены были отойти от политики и затаиться. Другие (очень немногие), оставшись верными своим общественным идеалам и уйдя в глубокое подполье, продолжали свою прежнюю деятельность. Третьи же (из числа «прикормленных») прежде властями партфункционеров) попытались примкнуть к стану победителей. Среди последних были те 27 бывших членов ЕКРП, которые в феврале 1930 года обратились в ЦК ВКП(б) и исполком Коминтерна с просьбой принять их в коммунистическую партию. Это решение они мотивировали следующим образом:

«Выступление нашей группы... может и должно быть использовано Коминтерном для встряски идеологических основ “Поалей Циона”, а следовательно, для откола в конечном счете от партий Всемирного еврейского коммунистического рабочего фарбанда (“ПЦ”) действительно коммунистических элементов с постепенным вовлечением их в местные компартии. Свою деятельность группа направит на демонстрацию банкротства идеологии «Поалей Циона» в СССР и придание этому факту значения показательного урока для заграничных партий “Поалей Циона”».

«Заявление 27-ми» поддержал один из бывших руководителей евсекций Диманштейн, заверивший ЦК, что оно будет иметь политический резонанс, особенно в Польше, Палестине и США, где «Поалей Цион» была весьма популярна в еврейской рабочей среде. 11 апреля секретариат ЦК «признал целесообразным» опубликование этого

заявления в «Правде»* и еврейской коммунистической печати. Прием же бывших членов ЕКРП в ряды ВКП(б) решено было проводить тем не менее «на общих основаниях, установленных для выходцев из других партий»¹⁵⁴.

Ведя тихой сапой тотальную войну против сионизма, власти стали наносить решительные удары по всему, что так или иначе было с ним связано или служило для него «питательной средой». В результате выхода в 1928 году нового «Положения об обществах и союзах, не предусматривающих целей извлечения прибыли», а также принятия 30 августа 1930 г. постановления ЦИК СССР о «коренной реконструкции форм работы» общественных организаций одна за другой стали закрываться самодеятельные ассоциации еврейской общественности, занимавшиеся просветительской, благотворительной и культурной деятельностью. Происходило это в ходе так называемой перерегистрации общественных организаций, проводимой НКВД РСФСР. По его представлению были ликвидированы как буржуазные Еврейское историко-этнографическое общество (председатель Л.Я. Штернберг), комитет Общества по распространению просвещения среди евреев (председатель С.М. Гинзбург) и другие негосударственные еврейские объединения. Одновременно в ходе развернувшейся тогда новой антирелигиозной кампании начались гонения на иудаизм, официально квалифицировавшийся как потенциальный союзник сионизма. Председатель центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР Е.М. Ярославский так напутствовал участников состоявшегося в 1931 году совещания по антирелигиозной работе среди евреев:

«Выкорчевывайте крепко и основательно корни и корешки затхлого, отжившего старого мира... Выкорчевывайте вместе с религиозностью и национализмом... Разоблачайте воинствующий сионизм, покажите его служебную роль помощника империализма»¹⁵⁵.

Наряду с православными храмами безжалостно уничтожались сотни синагог. В РСФСР, на территории которой до революции действовало 447 синагог, к 1 декабря 1933 г. было закрыто, по сведениям Комиссии по вопросам культов при президиуме ВЦИК, 257. В одной только Одессе из 48 синагог, существовавших там до установления советской власти, закрыли 47. Многие религиозные деятели иудаизма подверглись репрессиям. Так, в 1937 году расстреляли главу московской общины любавичских хасидов М. Бен-Айзика¹⁵⁶. Со свертыванием НЭПа было ликвидировано и легальное

* Заявление не было опубликовано: советское руководство опасалось то ли подогреть тем самым юдофобию, то ли быть поставленным в мировом общественном мнении на одну доску с Великобританией, которая в это время, заигрывая с арабами, пошла на ряд антисионистских акций.

приготовление богослужбной ритуальной пищи, которой в иудаизме традиционно придается большое значение. И даже попытки зарубежных еврейских религиозных организаций как-то обеспечить своих единоверцев в СССР, например, мацой встречались властями в штыки. Правда, под нажимом мирового общественного мнения советское руководство в конце концов пошло в этом вопросе на компромисс, причем не без выгоды для себя: решением политбюро от 3 ноября 1931 г. Наркомату внешней торговли разрешалось включить в номенклатуру посылочных операций Торгсина* мацу («какую-нибудь принимать в порядке индивидуальных посылок из-за границы»), с тем чтобы «председателю Торгсина т. Шкляр выручить за эту операцию не менее 1 млн. рублей в иностранной валюте»¹⁵⁷.

В первой половине 30-х годов вследствие массированных репрессивных акций властей были в основном ликвидированы подпольные центры более или менее крупных сионистских групп, партий, обществ («Цейрей Цион», «Гехалуц» и др.). После этого сионистское движение в СССР окончательно перестало существовать в более или менее массовой организованной форме. К этому времени почти полностью была уничтожена и ивритская культура. В 1934 году были арестованы и потом сосланы в глубь страны Хаим Ленский, Абрам Фриман и другие гебраистские литераторы. Именно тогда ожесточение против ивритской литературы как культурного компонента сионизма достигло в Советском Союзе своего пика. По вполне понятным причинам наиболее наглядным индикатором такого отношения стало поведение еврейских писателей-коммунистов. Один из них, «пролетарский поэт» И.С. Фефер, вошедший в августе 1934 года в президиум правления созданного тогда Союза советских писателей СССР, так высказался на I съезде этой творческой организации об известном ивритском литераторе:

«Возьмите Бялика — этот крупный талант в течение последних двух десятков лет ничего не дал. Перед смертью он заявил, что гитлеризм является спасением, а большевизм — проклятием еврейского народа»¹⁵⁸.

Отличительной особенностью антисионистской борьбы в Советском Союзе в этот период являлось то, что она проходила на фоне установления Сталиным единоличной диктатуры и генерального наступления этого режима на так называемый буржуазный национализм. Конечно, Сталина тогда волновали проблемы роста не столько еврейского, сколько украинского, белорусского или татарского национального самосознания, чреватые широкомасштабными внутренними потрясениями и сепаратизмом, но в это время значи-

* В магазинах Торгсина («Торговля с иностранцами»), открытых в 1931 году, товары (в основном дефицитные) отпускались за драгоценные металлы и иностранную конвертируемую валюту.

тельно усилилась его возникшая еще до революции подозрительность по отношению к еврейской национальной активности. Все большему перерастанию этой подозрительности в ненависть и страх в немалой степени способствовало то обстоятельство, что вплоть до начала Второй мировой войны советское руководство склонно было считать сионизм проводником политики своего злейшего в тот период врага на международной арене — британского империализма.

В погоне за призраком «еврейской социалистической нации»

СОВЕТИЗАЦИЯ ЕВРЕЙСТВА

Еврейскими руками или, точнее, с помощью еврейских секций и контролируемых ими национальных организаций велась не только борьба с сионизмом, но предпринимались попытки найти так называемое социалистическое решение еврейского вопроса. Поскольку с самого начала большевики действовали в жестких рамках коммунистической идеологии, то во главу угла в качестве своеобразной панацеи от поразившего еврейство в прошлом социального недуга буржуазности (массовое вовлечение в финансово-торговую сферу, мелкий бизнес и т.п.) был поставлен императив приобщения еврейского населения к производительному, в первую очередь физическому, труду. Идеалом такого труда для руководства коммунистической партии и созданных в 1918 году евсекций было участие в крупном промышленном производстве, то есть осуществление так называемой пролетаризации еврейского мелкого мещанства, состоящего из торговцев, ремесленников, кустарей, бывших служащих. Но из-за того, что крупная индустрия, и так недостаточно развитая в России, в результате гражданской войны оказалась почти полностью парализованной, единственно реальным способом решения проблемы трудоустройства евреев могла стать только их аграризация, благо в России всегда в избытке было пустующих земель, пригодных для сельскохозяйственного использования. К тому же начиная с первой половины XIX века был уже наработан кое-какой опыт сельскохозяйственной колонизации евреями земель Новороссии¹⁵⁹.

В мае 1919 года II конференция евсекций приняла резолюцию, поощрявшую еврейское землеустройство, а 1 июня Еврейский комисариат выпустил воззвание «К еврейским беднякам и работающим

массам», предлагая евреям заняться земледелием вместо торговли. Однако реализовать этот лозунг в условиях страны, еле выжившей после революции и двух войн, когда большинство городов и местечек, где веками проживали евреи, оказалось разоренными в результате боевых действий, погромов и хозяйственной разрухи, было делом нелегким. Положение усугублялось еще и тем, что к концу гражданской войны большевики почти полностью блокировали свободный выезд граждан за границу* и сотни тысяч обнищавших евреев вынуждены были в поисках средств к существованию мигрировать внутри страны, устремляясь главным образом в Москву и другие крупные города России, Украины и Белоруссии. В результате еврейское население Великороссии возросло со 153 тыс. в 1897 году до 533 тыс. в 1923-м. А еще через три года в РСФСР проживало уже 590 тыс. евреев, в том числе 554 тыс. в городах. К этому времени еврейские местечки в пределах бывшей черты оседлости обезлюдели на 50%**¹⁶¹.

По окончании гражданской войны на страну обрушилось еще одно тяжкое испытание — массовый голод, охвативший 35 губерний Украины и европейской части России с населением 90 млн. человек.

* Впрочем, даже если бы границы были открыты, о массовом выезде евреев из России не могло быть и речи. Направиться в Палестину они не могли, потому что эта малоразвитая и бедная тогда страна, заселенная к тому же враждебно настроенными арабами, не могла предложить иммигрантам ни работы, ни средств к существованию. Заказан был путь и в США, куда ранее шел основной поток еврейских переселенцев из России. В 1921 году там был принят закон о квотах, ограничивавший иммиграцию всех национальностей, в том числе и евреев, до уровня 3% от численности каждой из них в стране к 1910 году. Интересно, что за три недели декабря 1920 года только в Нью-Йорк прибыло 18 тыс. украинских и польских евреев. Это, по-видимому, был один из последних всплесков еврейской эмиграции с территории бывшей Российской империи. К тому же в США начал поднимать голову антисемитизм. Начиная с 1921 года в газете «Dearborn Independent», финансируемой промышленником Г. Фордом, стали появляться статьи о «Вечном жиде» и «еврейском заговоре» против Америки и всего мира, которые потом вышли отдельным сборником «Международное еврейство». В США публиковались в переводе на английский и черносотенные «Протоколы сионских мудрецов».

** Характеризуя в августе 1926 года ситуацию в еврейских местечках, С.М. Диманштейн отмечал:

«...От революции в большинстве своем евреи даже проиграли, а не выиграли. Если возьмем общее положение евреев в местечках до революции и сейчас, то получится, что 15–20% улучшили свое положение после революции, 30% осталось в том же положении и у 50% положение ухудшилось. Главная масса евреев жила ремеслом, торговлей, теперь это у них исчезло из рук... еврейское население в местечках вымирает, молодежь уходит в контрабанду, где находит себе исход человек ни к чему не приспособленный» (160).

В 1921–1922 годах, когда в результате этого бедствия в общей сложности погибло более 5 млн человек, в местечках Украины, по неполным данным, умерло от тифа и голода от 12 до 14% жителей¹⁶².

Откликаясь на призыв Максима Горького спасти голодающих в России, министр торговли США и председатель Американской администрации помощи (American Relief Administration, АРА) Герберт Гувер извещил 26 июля 1921 г. русского писателя о том, что готов договориться с советскими властями об оказании продовольственной, медицинской и другой гуманитарной помощи. 20 августа такое соглашение было подписано в Риге уполномоченными АРА У. Брауном и Совнаркома РСФСР М.М. Литвиновым. Уже 24 августа инициативу АРА поддержали с американской стороны несколько благотворительных организаций, в том числе и «Джойнт», который в рамках проекта АРА решил прийти на помощь бедствовавшим евреям России. Для этой цели в США был организован сбор пожертвований, сумма которых к марту 1922 года составила 14 млн. долларов¹⁶³.

С советской стороны непосредственным распределением американской помощи евреям занимался Евобщестком, которому в соответствии с учредившим его постановлением политбюро от 18 июня 1920 г. разрешалась организация «еврейских комитетов помощи жертвам еврейских погромов в центре и на местах, при условии обеспечения в них большинства за коммунистами»¹⁶⁴. Соблюдая перед Западом видимость демократического характера Евобщесткома, куда вошли представители от Бунда, «Поалей Циона», ЕКОПО (Еврейский комитет помощи нуждающимся евреям), ОЗЕ (Общество охранения здоровья еврейского населения) и других еврейских общественных организаций, власти тем не менее сразу же отрешили от распределения иностранной помощи правых сионистов и синагогу.

К июлю 1922 года Евобщестком, уже имевший уполномоченных с аппаратами служащих в 300 городах России, Украины и Белоруссии, получил из-за границы в общей сложности 350 железнодорожных вагонов с гуманитарными грузами¹⁶⁵. С этим комитетом активно сотрудничали такие известные впоследствии еврейские общественные деятели, как журналист Д.И. Заславский, врачи Б.А. Шимелиович, М.С. Вовси, В.Е. Незлин, литератор И.М. Нусинов. Однако весной 1923 года эта уже успевшая отладиться система оказалась под угрозой свертывания. Дело в том, что в начале апреля ГПУ направило в политбюро следующее негативное заключение о полугодовой деятельности АРА в России:

«Американские сотрудники АРА — в большинстве квалифицированные военные, которые в случае надобности смогут стать первоклассными инструкторами контрреволюционных восстаний. Сто процентов сотрудников АРА являются людьми ярко антисоветски настроенными. Русские сотрудники (на 75% бывшие офицеры, 20% помещиков и чиновников)... являются

превосходными проводами и каналами, через которые к американцам текут необходимые о России сведения и поддерживаются связи с контрреволюционными белогвардейскими кругами Республики. Через АРА российская белогвардейщина и контрреволюция сносятся со своими единомышленниками и эмигрантами за границей. АРАВская диппочта — надежный аппарат связи. АРА занимается широкой экономической разведкой».

На основании этих резких, но не подкрепленных вескими фактами обвинений делался вывод:

«Учитывая, что в случае возможных осложнений в Республике АРА может стать центром, снабжающим, инструктирующим и вдохновляющим контрреволюцию, ГПУ считает дальнейшее пребывание ее в России нежелательным»¹⁶⁶.

Уже 12 апреля политбюро постановило:

«Начать ликвидацию АРА, когда ее грузы, находящиеся в пути и портах, будут развезены по местным базам, то есть с июня месяца».

Как и было запланировано, в июне (14-го) благотворителям из США было предложено прекратить свою деятельность на территории СССР, а для подслащения этой горькой пилюли по предложению Л.Б. Каменева американцам были вручены «художественные подарки» и в их честь перед отъездом был устроен банкет¹⁶⁷.

ЮЖНЫЙ ПРОЕКТ

Ужесточение политики властей в отношении контактов с иностранцами подвигло руководство евсекций обратиться 2 мая в секретариат ЦК РКП(б) с обвинениями против Евобщесткома и курирующего его полномочного представителя СНК РСФСР при всех зарубежных организациях помощи К.И. Ландера, которые-де смотрят сквозь пальцы на то, как «Джойнт», оказавшись предоставленным самому себе, снабжает материальными средствами не столько бедствующее еврейское население, сколько сионистов, правых бундовцев-меньшевиков и еврейское духовенство и клерикалов, потворствуя тем самым восстановлению власти еврейских религиозных общин»¹⁶⁸.

Однако за «Джойнт» вступился Каменев, который, исполняя обязанности заместителя председателя СНК СССР, 20 июля поддержал компромиссное предложение Ландера, настаивавшего на дальнейшей деятельности «Джойнта» в России, если тот согласится предоставить «не менее 50% всех средств в качестве помощи нееврейскому населению при надлежащем контроле с нашей стороны». Советскую верхушку, по-видимому, мало впечатлили тогда страхи, нагнетаемые евсекцией вокруг «тайных происков» «Джойнта». Но зато несомненно соблазнило данное им в октябре 1922 года обещание

ассигновать вместе с ОПТОМ* и ЕКО** 1 млн. 240 тыс. долларов на землеустройство российских евреев. К 1923 году от земли (точнее от 153 298 гектаров обрабатывавшихся площадей) кормилось в общей сложности 75 911 евреев (работники и члены их семей). Это означало, что еврейское земледелие, в том числе и благодаря иностранной помощи, распределяемой Евобщесткомом (евсекции были отстранены от этого) за короткий срок сумело не только восстановиться после разорительной гражданской войны, но и существенно перекрыть аналогичные показатели 1917 года (119 403 гектаров; 52 758 человек)¹⁶⁹.

После того как большевики согласились на дальнейшее сотрудничество с «Джойнтом», встал вопрос о разработке под обещанные им средства соответствующего проекта. Тогда и возникла идея выделения под еврейскую колонизацию малонаселенных территорий на юге Украины и в Северном Крыму***. Авторство этой идеи приписывается директору русского отдела «Джойнта», известному агроному и общественному деятелю, уроженцу Москвы Жозефу Розену. Согласно собранным им сведениям, в этом регионе евреи владели до революции 1200 тыс. гектарами земли, в том числе 208 тыс. в Крыму (имение барона Д.Г. Гинцбурга и наделы евреев-колонистов). Но официально инициировали рассмотрение этого проекта в совет

* Основано в 1880 году в Петербурге предпринимателем и филантропом С.С. Поляковым как Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России. После Первой мировой войны преобразовалось во всемирный ОПТ (Association for Handicrafts and Agricultural Labor among the Jews) со штаб-квартирой в Берлине.

** ЕКО — Еврейское колонизационное общество (Jewish Colonization Association), основано в 1891 году в Лондоне на средства барона М. Д'Гирша.

*** Благодатный климат Крыма, его удачное географическое положение способствовали тому, что на протяжении столетий многие народы пытались закрепиться на этих землях. После победы над Крымско-Татарским ханством и присоединения полуострова к Российской империи Екатерина II писала: «Благословен тот час, когда Крым будет очищен от этого дикого племени и заселен благородной породой». После Октябрьской революции в Крыму образовалась Советская социалистическая республика Тавриды, председателем Совнаркома которой стал Антон Слуцкий. В апреле 1918 года он был расстрелян татарскими националистами, после того как возглавляемое им правительство советской Тавриды пало под напором интервентов Антанты. Восстановление советской власти в Крыму в конце 1920 года ознаменовалось массовыми казнями белых офицеров, санкционированными председателем Крымского областного ревкома Б. Куном и секретарем обкома Р.С. Землячкой. В октябре 1921 года на полуострове была провозглашена Крымская автономная советская социалистическая республика, в руководстве которой ведущие позиции заняли представители татарского населения.

ских верхах журналист А.Г. Брагин* и заместитель наркома по делам национальностей Г.И. Бройдо, в результате обращения которых в политбюро в декабре 1923 года была образована специальная комиссия под председательством заместителя председателя СНК СССР А.Д. Цюрупы. В январе 1924 года в состав этой комиссии была введена от ЦБ ЕС М.Я. Фрумкина. Тем самым руководство евсекций, в котором еще сильны были старые бундовские антиассимиляционные настроения, поддержало идею еврейского переселения в Крым и на юг Украины, так как это обеспечивало в какой-то мере возрождение национальной жизни в пределах прежней черты оседлости. Но по той же самой причине оно выступило против уже тогда обсуждавшихся предложений о создании автономного еврейского поселения в одном из отдаленных регионов азиатской России, в том числе и на Дальнем Востоке¹⁷¹. 8 февраля на заседании комиссии Цюрупы было решено создать государственный Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КомЗЕТ), половина руководства которого должна была состоять по предложению Фрумкиной и Г.Л. Пятакова из евреев¹⁷². С подключением советских номенклатурных верхов и евсекций к организации еврейского землеустройства роль Евобщесткома в этом деле стала резко падать, и 11 октября он был распушен.

20 февраля Еврейское телеграфное агентство в Нью-Йорке сообщило, что такие видные советские политики, как Троцкий, Каменев и Бухарин, расценили крымский проект положительно. Той же позиции придерживались нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, председатель ЦИК СССР М.И. Калинин и председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский. Очевидно, и Сталин поддерживал на первых порах крымский вариант еврейской колонизации. Но самым горячим сторонником и пропагандистом этой идеи стал Ю. Ларин. Выходец из интеллигентной еврейской семьи, уроженец Крыма, он уже в юности вступил на путь революционной борьбы, став одним из организаторов в начале века Крымского союза РСДРП. Хорошо знавший Ларина Ленин высоко ценил его организаторские способности и горячую увлеченность порученным делом, но вместе с тем отмечал авантюризм и эмоциональную неуравновешенность, присущие натуре этого человека. Еще более тесные отношения сложились у Ларина со Сталиным, которого он в записках, относящихся к 1926 году, позво-

* Журналист А.Г. Брагин (1893–1937) был выходцем из партии «Циерей Цион», после Октябрьской революции работал в Наркомземе, сотрудничал с «Правдой», в которой публиковался под псевдонимом «Беспартийный». В 1923 году Брагина назначили заведующим Всероссийской сельскохозяйственной и промышленно-кустарной выставкой, которую 19 октября посетил Ленин, когда в последний раз приезжал из Горок в Москву. В 1924 году вместе с журналистом М.Е. Кольцовым выпустил брошюру «Судьба еврейских масс в Советском Союзе» (170).

лял себе называть «дорогой Коба» (позже на смену этому несущему на себе печать революционного побратимства обращению пришло более сдержанное — «дорогой товарищ») и даже поучать:

«Близоруко, друг мой: не так генеральный секретарь должен сколачивать все здоровые партийные элементы основного кадра работников в эпоху... потрясений партии»¹⁷³.

В это время Ларин горячо поддержал Сталина в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией, а потом в проведении насильственной коллективизации.

Видимо, Ларину главным образом и принадлежала идея еврейской автономии в Северном Причерноморье. Однако в советском руководстве существовала и сильная оппозиция этому намерению. 13 февраля нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов решительно выступил как против создания КомЗЕТа, так и еврейской крымской автономии, мотивируя свою позицию тем, что «сильное выпячивание устройства еврейских масс было бы явной несправедливостью по отношению к остальному населению и политически совершенно недопустимым делом, так как сыграло бы на руку антисемитам», а «образование автономной еврейской единицы на чуждой территории из пришлых со стороны элементов явится совершенно искусственным и в этом отношении самым резким образом разоидется с принятым порядком образования автономных областей в СССР, который основывается на началах самоопределения национальностей...»¹⁷⁴. Такой же точки зрения придерживались и некоторые украинские руководители, например нарком юстиции Н.А. Скрыпник, а также секретарь ЦК КП(б)У Э.И. Квиринг, который, выступая в мае на VIII Всеукраинской партийной конференции, заявил:

«Мы ничего не имеем против того, чтобы образовывались те или иные республики национальных меньшинств, но специально собирать евреев в одно место — это не логично, это пахнет сионизмом»¹⁷⁵.

Однако Ларин и его единомышленники не обращали внимания на подобные выпады. Заручившись поддержкой в верхах, они действовали решительно и оперативно. Не дожидаясь выхода законодательного акта о создании КомЗЕТа (таковой в составе 15 человек — П.Г. Смидовича, М.А.(Ю.) Ларина, А.П. Смирнова, М.М. Литвинова, Л.Б. Красина и др. — будет официально образован при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР 29 августа 1924 г.), они уже 2 июня провели заседание этого органа и постановили:

«В качестве районов поселения еврейских трудящихся наметить в первую очередь свободные площади, находящиеся в районе существующих еврейских колоний на юге Украины, а также Северный Крым»¹⁷⁶.

Создавалось впечатление, что сторонники крымского проекта в СССР и за границей координировали свои действия. Уже 21 июля

специально для ведения дел, связанных с еврейским землеустройством в России, постановлением исполкома «Джойнта» была создана Американская еврейская агрономическая корпорация «Агро-Джойнт». Назначенный ее руководителем д-р Розен начал через несколько месяцев переговоры о заключении соответствующего договора с председателем КомЗЕТа П.Г. Смидовичем* и Ю. Лариным, ставшим в 1925 году первым председателем вновь созданной общественной организации по еврейскому землеустройству — ОЗЕТ**. Чувствуя большую заинтересованность советской стороны в получении американских финансовых средств, д-р Розен, пообещав от имени «Джойнта» выделить на еврейское землеустройство в СССР в общей сложности 15 млн. долларов, занял жесткую позицию, основанную на следующих предварительных условиях: выполнение циркуляра советского правительства от 21 июля 1919 г. о терпимом отношении к сионистам, прекращение гонений на иудаизм и ивритскую культуру, создание в Москве эмиграционного бюро для отправки евреев в Палестину (прежде всего арестованной сионистской молодежи) и открытие в советской столице отделения банка «Джойнта»¹⁷⁹. Хотя не все из этих предложений были приняты, в конце 1924 года договор все же был подписан.

Достигнув принципиального согласия о сотрудничестве с советскими властями, «Джойнт» должен был теперь изучить практическую сторону дела. Для этого в конце 1924 года д-р Розен предпринял деловую поездку на Украину для встречи с наркомом земледелия этой республики И.Е. Клименко. Однако в Харькове американского визитера ждал отнюдь не радушный прием. В ответ на его предложение ускорить выделение под еврейское землеустройство дополнительно 100 тыс. десятин земельных угодий заместитель наркома земледелия Украины М. Вольф заметил, что следует сначала освоить 30 тыс. десятин, ранее уже предоставленных республиканскими властями для этих целей. Он также заявил гостям, что Всеукраинский

* Имевший русско-польское дворянское происхождение Смидович был членом партии с 1898 года. Помимо руководства землеустройством евреев он возглавлял в президиуме ВЦИК Комитет содействия северным народностям и Секретариат по делам культов (с 1929 г. — Комиссия по вопросам культов). Известно, что в подведомственных ему сферах, в том числе таких, как иудаизм и еврейское землеустройство, он проводил довольно умеренный курс. Поскольку Смидовичу приходилось заниматься практически всеми проблемами еврейской жизни, в номенклатурных верхах его даже в шутку окрестили «ученым евреем при губернаторе» (должность эта была введена Николаем I в 1850 году) (177).

** Общество по землеустройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ) — массовая общественная структура по пропаганде еврейской аграризации и сбору средств на нее как внутри страны, так и особенно за рубежом. Численность ОЗЕТ с 80 тыс. членов в 1926 году возросла до 200 тыс. в 1929 году (178).

ЦИК принял решение возобновить перемещение на восток СССР неиспользуемых трудовых ресурсов, в том числе и безработного еврейского населения, которое, как он выразился, будучи в массе своей «городским мещанством, теперь объективно перемалывается жерновами истории». Последний пассаж пришелся явно не по вкусу Розену, который обвинил Вольфа в антисемитизме. Присутствовавший на этой встрече С.Е. Любарский (руководитель плановой комиссии республиканского Наркомзема и представитель «Агро-Джойнта» на Украине), поддержав Розена, заметил:

«Восток нас не устраивает, он требует энергии украинца-пионера, а евреям нужны уже обжитые районы — Украина, Крым, и хорошо бы... Крым присоединили к Украине, так как с украинским правительством легче практически вести дело»¹⁸⁰.

Вынужденный объясняться по происшедшему инциденту с секретарем ЦКК РКП(б) Е.М. Ярославским Вольф позже заявил:

«Я как специалист, уже несколько лет интересующийся еврейским переселением и четыре года работающий в Наркомземе Украины, утверждаю: землеустройство евреев на Украине будет проходить в исключительно тяжелой обстановке, так как коренным земледельцам-переселенцам не дают кредитов, а евреям — много денег, хотя бы из-за рубежа. Это не может не вызвать нежелательных толков среди населения»¹⁸¹.

Еще более негативное отношение к еврейскому переселению выказывали крымско-татарские власти, которые склонны были подозревать центр в желании наказать автономию за националистические выступления в мае 1924 года, закончившиеся расстрелом 132 участников «контрреволюционного заговора».

Между руководством КомЗЕТа и ОЗЕТа, соответственно в лице Смидовича и Ларина, с одной стороны, и председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым — с другой, развернулась тихая кабинетная война, переходившая время от времени в громкие скандалы, обсуждавшиеся на страницах газет и с трибун различных общественных форумов. Арбитрами в этом противостоянии были ЦК партии и ЦИК СССР, куда Смидович и Ларин обычно жаловались после срыва Ибраимовым ранее согласованных решений, а тот, в свою очередь, направлял встречные претензии, настаивая на приоритете репатриации в Крым сотен тысяч татар, выехавших в Турцию и другие страны в XIX — начале XX века. В этом споре симпатии центра были не на стороне последнего, против которого у Москвы возникли серьезные подозрения. Сталин склонен был считать Ибраимова скрытым пантюркистом и сепаратистом, симпатизирующим «национал-уклонисту» Султан-Галиеву, арестовывавшемуся сначала в мае 1923 года, а потом, по подозрению в шпионаже в пользу Турции и связях с Троцким, — в декабре 1928-го. Опасения советского руководства многократно усиливались фактором стратегической важ-

ности Крыма в системе обороны южных рубежей страны. Поэтому когда 18 января 1926 г. члены КомЗЕТа (А. Мережин, А. Вайнштейн, А. Чемерисский, Ю. Ларин, Ю. Гольде) обратились в политбюро с просьбой «предрешить принципиально предоставление достаточно сплошной территории для заселения евреями с предвидением возможности ее превращения в дальнейшем в автономную область», в ответ последовала положительная реакция. 11 февраля была создана комиссия под председательством Калинина, по представлению которой 18 марта политбюро приняло постановление, ключевое положение которого гласило:

«1. Держать курс на возможность организации автономной еврейской единицы при благоприятных результатах переселения».

В последующих пунктах говорилось о передаче евреям для сельскохозяйственного использования свободных земель в Джанкойском и Евпаторийском уездах Крыма и Приазовских плавней между Кубанью и Азовским морем, а также изыскании для этих целей подходящих территорий на Алтае и Северном Кавказе (в Новороссийском округе)¹⁸².

Против этого постановления опять тщетно протестовал нарком земледелия Смирнов, заявляя, что оно вызовет со стороны крымских татар и кубанских казаков самое энергичное противодействие¹⁸³. Прошло всего несколько дней, и пессимистический прогноз Смирнова стал сбываться. Возмущенное решением центра руководство Крымской автономии энергично потребовало его пересмотра. Однако Ибраимову удалось добиться лишь незначительной уступки: в новой редакции постановления, утвержденной политбюро 8 июля, еврейское переселение на полуостров оговаривалось необходимостью «полного учета потребностей татарского и прочего крымского населения»¹⁸⁴.

А в это время набирала обороты государственная машина исполнения партийных директив. Еще 15 июня Калинин провел через президиум ЦИК постановление, одобрявшее явно нереальный и пропагандистский по характеру план КомЗЕТа о землеустройстве в течение десяти лет 100 тыс. еврейских семей. 30 июля был принят закон, переводивший северокрымские земельные угодья в фонд Всесоюзного переселенческого комитета, который, в свою очередь, 1 сентября утвердил оперативный план переселения в 1927 году первых 8 тыс. еврейских семей в Евпаторийский и Джанкойский районы Крыма.

Все это подлило масла в тлеющий огонь татарского национализма. В сентябре Ибраимов в решительной форме выступил в газете «Красный Крым» против передачи северокрымских земель КомЗЕТу и призвал татар явочным порядком расселяться на пустовавших землях полуострова. В ответ Ларин, выступая 15 октября на всекрымском съезде ОЗЕТа, обвинил Ибраимова в натравливании татарского

населения на переселенцев-евреев, а 28 октября направил в Кремль резкое по тону заявление, в котором отмечалось, что противодействие КрымЦИКа переселению евреев «имеет характер охраны кулацких интересов на юге Крыма» (кулаки-де выселением татарской бедноты на север полуострова хотят предотвратить раздел своих земельных владений) и «служит националистическо-шовинистическим чаяниям ориентирующейся на Турцию части татарской буржуазии»¹⁸⁵.

Кульминационным пунктом накалявшихся страстей по Крыму стал открывшийся 16 ноября всесоюзный съезд ОЗЕТ. Выступивший на нем Ларин прямо призвал «путем организации массовых еврейских поселений... создать в конечном счете в Северном Крыму национальную еврейскую республику». Для этого он предложил, во-первых, переселить на полуостров 100 тыс. евреев и столько же славян (чтобы не давать повода для антисемитских толков на бытовом уровне, типа: «Для евреев — Крым, а русским — Нарым»), а во-вторых, землеустроить 200 тыс. евреев в Приазовье и 50 тыс. евреев в Белоруссии. Присутствовавший на съезде Калинин приветствовал идею автономии в рамках «большой задачи» сохранения еврейской национальности, для решения которой, по его словам, необходимо было «превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское, земледельческое, компактное население, измеряемое, по крайней мере, сотнями тысяч»¹⁸⁶. Заявление советского «всесоюзного старосты» в западной прессе окрестили по аналогии с декларацией Бальфура «декларацией Калинина».

Возникший вокруг Крыма пропагандистский ажиотаж свидетельствовал о том, что советское руководство не прочь было использовать еврейскую карту в своей международной политической игре. Показательно, что нарком иностранных дел Чичерин, выступая тогда в Берлине перед еврейской общественностью, решительно поддержал крымский проект. Примечателен и следующий комментарий, появившийся в те же дни в лондонской «Jewish Chronicle» (№ 2950):

«В лице Англии Москва видит своего архиврага... Покровительствуя сионизму и являясь доброй защитницей Палестины, Англия завоевала... ценные симпатии и моральную поддержку. «Крымский проект», представленный миру в виде самого великодушного и щедрого оказания помощи евреям, имеет целью лишить Англию ее престижа единственной покровительницы евреев и поместить Россию рядом как равную соперницу... Советское руководство, выдвигая и поддерживая этот проект, сумело войти в хорошие отношения с американскими евреями, которые... нашли проект замечательным для использования в своих интересах... Цель американских финансистов в настоящее время разрушить Британскую империю...»¹⁸⁷.

Последняя фраза звучала слишком эффектно, чтобы быть правдой. Тем не менее еврейские круги в США действительно проявляли

большую заинтересованность в колонизации Крыма. Ведь они успели убедиться в том, что благодаря существенной государственной поддержке еврейское землеустройство в СССР набрало хорошие темпы. Если в 1913 году сельским хозяйством в стране занималось, по данным ОРТа, 52 758 евреев, то к концу 1925-го, несмотря на имевшие место крупномасштабные социальные катаклизмы, соответствующий показатель перевалил за 100 тыс. В 1925–1927 годах для 14 170 еврейских семей было выделено 325 133 гектаров свободных земель. Всего же в 1925–1928 годах в СССР на землеустройство евреев было затрачено 22 497 468 рублей, из которых госбюджетные средства составили 4 294 608 рублей, а остальные поступили из-за границы, главным образом из США¹⁸⁸.

В то же время еврейская колонизация Палестины вследствие обострения экономических и национальных проблем в этом регионе заметно пробуксовывала. По темпам она в четыре раза отставала от еврейского землеустройства в России. Дело дошло до того, что в 1927 году реэмиграция из Палестины превысила иммиграцию на 87%. 16 мая 1926 г. в Яффе бывшие российские подданные даже организовали некий «Союз возвращения на родину». И хотя 3 января 1927 г. комиссия Совета Труда и Оборона СССР приняла постановление, в котором «содействие массовой эмиграции евреев из Палестины» было признано нецелесообразным, тем не менее, например, в следующем году группе в 100 человек удалось переселиться оттуда в Крым и создать там коммуны «Воля нова»¹⁸⁹.

Оценив сложившуюся в мире ситуацию, «Джойнт», руководитель которого Джеймс Розенберг в 1926 году специально приезжал в Москву, решил сделать ставку на Россию, хотя этому и противодействовало руководство ВСО, настаивавшее на бесперспективности еврейских проектов в России, в этой «стране погромов». 31 декабря 1927 г. «Агро-Джойнт» заключил с советским правительством новый трехлетний договор, который 15 февраля 1929 г. был продлен на срок до 1953 года. «Агро-Джойнт» обязался предоставить правительству СССР заем в 9 млн. долларов под 5% годовых и с 17-летним сроком погашения. Еще большая сумма выделялась советской стороне в виде безвозмездной финансовой помощи. Соглашение было поддержано как официальными кругами США — президентом Г. Гувером (бывшим главой АРА), так и финансовыми — Дж. Рокфеллером¹⁹⁰.

Сталина не могли не радовать эти денежные вливания в реконструировавшуюся советскую экономику, тем более что выгодная сделка с американцами была заключена в период серьезного ухудшения отношений между СССР и Великобританией, приведшего к разрыву дипломатических отношений между ними в мае 1927 года. Тем самым Советский Союз как бы способствовал раз-

витию той важнейшей в понимании Сталина тенденции в мировой политике, которую он формулировал как «обострение противоречий между двумя гигантами империализма, между Америкой и Англией»¹⁹¹.

Однако внешнеполитический фактор лишь отчасти определял настоящее и будущее крымского проекта. В значительно большей степени его реализация зависела от дальнейшего развития политической и экономической ситуации внутри страны. В этом смысле события, происходившие в Советском Союзе в конце 20-х годов — резкое свертывание НЭПа, переход к директивной и централизованной экономической модели развития, насильственная коллективизация сельского хозяйства, перерождение диктатуры партии в диктатуру вождя, происходившее на фоне разгрома партийной оппозиции, закручивания идеологических гаек и ужесточения террора политической полиции, — вряд ли сулили благоприятную перспективу крымскому эксперименту. Впрочем, и без учета этой очередной кровавой смены вех его будущее вырисовывалось весьма проблематичным, особенно если иметь в виду национальную структуру населения Крыма на конец 1926 — начало 1927 года. Тогда на полуострове проживало всего 40 166 евреев, в том числе 3353 занятых в сельском хозяйстве. В относительных цифрах евреи составляли всего 1% от населения полуострова, в то время как русские — 44%, татары — 37, немцы — 10, болгары — 3, греки — 2,6%¹⁹². К тому же, причерноморские земли, на которых планировалась организация еврейской автономии, входили в состав двух союзных республик — РСФСР (Крым) и УССР (юг Украины), что также осложняло ситуацию. Не способствовало успешному развитию проекта и то, что в связи с депрессией, поразившей в 1929 году мировую экономику, объемы его финансирования со стороны «Агро-Джойнта» были сокращены. И это при том, что ранее даже при существенных инвестициях и трудовых затратах доходность и производительность еврейских земледельческих хозяйств в условиях Северного Крыма (с его засушливым климатом, малоплодородными солончаковыми почвами) были чрезвычайно низкими.

Существовал и еще один, возможно, наиболее важный фактор, препятствовавший созданию еврейской автономии в Северном Причерноморье. На юге Украины, где, как и в Крыму, проводилось землеустройство евреев, насчитывалось до 5 млн. безземельных крестьян из числа коренного населения. Если учесть, что на их глазах еврейские колонисты получали бесплатно земельные угодья, заграничную сельскохозяйственную технику, семена и породистый скот, тогда как им власти предлагали искать лучшую долю на обширных пространствах за Уралом, становятся очевидными некоторые причины, вызвавшие взрыв массового антисемитизма в стране во второй половине 20-х годов.

В официальные учреждения, редакции газет и журналов тогда пошел поток крайне эмоциональных писем. В одном из них, написанном неким крестьянином М.И. Калинину, были и такие слова:

«Наши сыны и братья боролись под Перекопом, десятки тысяч легло там наших братьев... и что же теперь мы видим, на наши заявления о переселении в Крым нам отказали и предлагают переселиться в Сибирь, чем же заслужили евреи такое внимание, что им разрешают селиться в Крыму?».

Или вот фрагмент из еще одного письма, опубликованного 24 августа 1928 г. в газете «Труд»:

«Почему евреям отпускают самые хорошие земли в Крыму*? Все равно они не будут работать, а будут сдавать земли в аренду и будут ходить, заложив руки в карманы, а русские будут на них работать».

Антисемитская волна, поднятая крымским проектом, была столь значительна, что поэт В.В. Маяковский откликнулся на эту злобу дня, выступив в ноябре 1926 года на съезде ОЗЕТА с хлестким стихотворением «Бывало начни о вопросе еврейском...».

Возбуждению массовой юдофобии во второй половине 20-х годов способствовали и другие обстоятельства. Выступая в 1926 году на упоминавшемся выше съезде ОЗЕТ, М.И. Калинин попытался заглянуть в корень произошедшего тогда антисемитского перерождения части интеллигенции:

«Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем было при царизме? ... В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления»¹⁹³.

По мнению Ю. Ларина, выпустившего в 1929 году довольно объемный труд «Евреи и антисемитизм в СССР», существенным фактором, провоцирующим антисемитизм, являлась сложившаяся к этому времени социальная структура еврейства, обусловливавшая неизбежность его конкуренции с остальным населением. Скажем, в государственных и общественных учреждениях работало почти 30% трудоспособных евреев, или 8% от всех советских служащих. Но еще более разительным было присутствие евреев в сфере свобод-

* Под еврейские поселения отводились 2,5% пустовавших земель, в основном в засушливых районах Северного и Северо-Восточного Крыма. Даже из выделенных наркомземом Крымской АССР под еврейское переселение 12,8 тыс. десятин земли КомЗЕТ принял только 8,1 тыс. десятин, а от остальных площадей вынужден был отказаться из-за их полной непригодности для земледелия.

ной торговли, которая в массовом сознании ассоциировалась со спекуляцией, различными махинациями и нечестным промыслом. Непропорционально широкое участие евреев в частном секторе при НЭПе было обусловлено в первую очередь тем, что они наработали богатый опыт выживания в этой сфере еще со времен Российской империи, когда в неблагоприятных для этой национальности социальных условиях мог преуспеть только человек исключительной деловой хватки и изворотливости. Поэтому «новая буржуазия» в СССР в 20-е годы оказалась в значительной мере еврейской. В декабре 1926 года каждый пятый частный торговец страны был евреем, а всего в эту сферу было вовлечено 125 тыс. евреев. В торговом бизнесе Москвы им принадлежало 75,4% всех аптек, 54,6% парфюмерных магазинов, 48,6% магазинов тканей, 39,4% галантерейных магазинов. Из 2469 крупных столичных нэпманов 810 были евреями. В западных районах страны доля предпринимателей-евреев в частной торговле была еще более значительной: на Украине — 66%, в Белоруссии — 90%. Другими традиционными для евреев занятиями были кустарный промысел и ремесленничество. На конец 1926 года в этих сферах было задействовано 216 тыс. евреев, что составляло 40% от общего количества кустарей и ремесленников страны. Негативную общественную реакцию провоцировал и сравнительно высокий уровень представительства евреев в высших учебных заведениях. В РСФСР на начало 1927 года доля студентов-евреев в педагогических вузах составляла 11,3%, в технических — 14,7, медицинских — 15,3, художественных — 21,3%¹⁹⁴.

Поскольку частнопредпринимательская деятельность квалифицировалась властями как пережиток капитализма и основная форма эксплуатации человека человеком, многие евреи оказались тогда в положении социальных изгоев: их, в отличие от других безработных, не регистрировали на биржах труда, дети «буржуазии» не принимались в вузы. Две трети еврейского населения в местечках, нося на себе клеймо «эксплуататорский элемент», были лишены избирательных и других гражданских прав и превратились в так называемых «лишенцев». На Украине доля таковых среди евреев составляла 29,1%, тогда как среди остального населения — 5,4%. Характеризуя ситуацию конца 20-х годов, когда госсектор стал решительно вытеснять из экономики частное предпринимательство, экономист-эмигрант Б.Д. Бруцкус отмечал, что «борьба советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной мере борьбой против еврейского населения». В 1928 году в Белоруссии до 72% местечковых евреев, лишившись традиционных занятий (ремесленничество, кустарничество и пр.), не работало, существуя на случайные мизерные доходы (4–6 рублей в месяц). Нищета же способствовала росту преступности в еврейской среде, что также подпитывало антисемитские настроения¹⁹⁵.

В какой-то мере антиеврейские настроения провоцировали и низкий в целом уровень жизни населения, и почти общая бытовая неустроенность. В письме одного москвича, датированном ноябрем 1925 года, читаем:

«Проклятый квартирный вопрос так и не могут разрешить... Все переполнено евреями. Для нас помещения нет, а для них моментально готова комната»¹⁹⁶.

Обострение в 1927 году внешнеполитической ситуации (разрыв советско-английских дипломатических отношений, убийство в Польше полпреда П.Л. Войкова) еще более подогрели в обществе все те же негативные эмоции. Тогда официальная Москва заговорила о подготовке Западом новой интервенции против Советской России. В связи с чем, как констатировалось в одной из сводок ОГПУ, «наблюдалась активизация черносотенных элементов». На собраниях рабочих, протестовавших против убийства Войкова, звучали и такие реплики: «Мы воевать не пойдем, пусть жида идут». В отличие от дореволюционного времени, когда в рабочей среде антисемитизма почти не наблюдалось, в 20-е годы эта разновидность национальной ненависти проникла на очень многие заводы и фабрики. Возникновение такого феномена было связано с тем, что в период массовой безработицы, характерной для НЭПа, перебравшиеся из местечек в города евреи стали трудоустраиваться в производственной сфере. В результате обострилась конкурентная борьба за рабочие места, а в более или менее массовом обыденном сознании закрепилось суждение о том, что евреи «хлеб отнимают»¹⁹⁷.

Пришедшиеся на 1927 год решающие схватки Сталина и его единомышленников с партийной оппозицией тоже не обошлись без антиеврейских проявлений. Повторяя потом многократно, что «антисемитизм поднимал голову одновременно с антитроцкизмом», Троцкий отмечал случаи в Москве, когда на заводах рабочие чуть ли не открыто заявляли, имея в виду оппозиционеров: «Бунтуют жида»¹⁹⁸. За всем этим, по его мнению, стоял Сталин, настраивавший таким образом трудящихся против оппозиции. Однако приводимые в эмоциональной публицистике Троцкого факты, которых, кстати, не так уж много, либо не поддаются однозначной трактовке (как, например, «антисемитское» заявление Сталина о том, что «мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры»), либо сомнительны в смысле их достоверности. Так, Сталин обвинялся в том, что в ходе процесса над Зиновьевым и Каменевым в 1936 году якобы распорядился раскрыть в официальных документах их еврейские фамилии¹⁹⁹. Однако это не подтверждается материалами суда, опубликованными в советской печати. Впрочем, если даже в смертном приговоре по делу Зиновьева и Каменева и были бы упомянуты их настоящие фамилии,

это вряд ли можно считать бесспорным доказательством антисемитизма Сталина*.

Тем не менее из этого не следует, что Сталин не использовал антисемитизм в качестве политического инструмента. Но при всей своей беспринципности и неразборчивости в средствах диктатор разыгрывал еврейскую карту отнюдь не так грубо и топорно, как пытался изобразить Троцкий, который, считая себя выдающимся революционером-марксистом XX века, стремился к максимальной дискредитации своего главного политического противника и потому не упускал случая, чтобы наградить того такими, например, уничижительными эпитетами, как «наиболее выдающаяся посредственность нашей партии», «упорный эмпирик, лишенный творческого воображения», «политический кругозор» которого «крайне узок», «теоретический уровень совершенно примитивен»²⁰¹.

Потерпев в конечном итоге в битве за власть поражение от Сталина, Троцкий, естественно, предпочитал объяснять свое фиаско какими угодно причинами, только не собственными ошибками и упущениями, а также не достоинствами своего главного соперника. Будучи не в состоянии абстрагироваться от перманентного политического противоборства с ним, он не мог, разумеется, объективно оценить его личность, хотя в характеристике отдельных деталей психологического портрета и поведения диктатора демонстрировал порой удивительную точность и глубину мысли. Думается, прав был во многом меньшевик-эмигрант Н.В. Валентинов, когда утверждал, что «Троцкий, защищая и прославляя самого себя, в своих мемуарах дает многому совершенно искаженное представление (выделено в тексте. — Авт.)»²⁰².

Впрочем, разобравшись в делах и поступках такого искусного лицедея, как Сталин, человека, тщательно скрывавшего свое истинное лицо под той или иной маской, было под силу лишь очень немногим из его современников. Он был поистине человеком-оркестром, использовавшим все возможные инструменты в своей политической игре. И потому ему удавалось одинаково естественно и убедительно выглядеть в таких вроде бы взаимоисключающих образах, как революционер-интернационалист и новоявленный охранитель патриотических ценностей. Так кем же был на самом деле Сталин? Человеком, искренне преданным идеалам революции и ее вождю — Ленину, как прокламировала советская пропаганда, или тайным могильщиком

* Примечательно, что руководитель Американской сионистской организации и Всемирного еврейского конгресса С. Уайз отказался участвовать в работе комиссии по расследованию московских процессов, созданной сторонниками Троцкого в феврале 1937 года в Нью-Йорке, мотивируя это тем, что Троцкий ведет себя недобросовестно, поднимая в связи с процессами, названными им «превентивной гражданской войной», еврейскую тему. «Если и другие его обвинения, — заявил Уайз, — столь же беспочвенны, как его жалоба по поводу антисемитизма, ему вообще нечего сказать» (200).

Октября, термидорианцем, как утверждал Троцкий? Думается, он не был ни первым и ни вторым, а принадлежал к тому типу вождей, которых принято называть лидерами «третьей силы», то есть являлся типичным цезаристом-прагматиком, действовавшим исходя из анализа текущей ситуации и одинаково легко изменявшим любым политическим партнерам, сохраняя приверженность только собственным властным амбициям. Предпочитая действовать решительно и жестко, Сталин не был инертен в следовании какому-либо политическому курсу, в любой момент он в зависимости от обстоятельств готов был круто изменить его направленность и содержание. Как будто о Сталине сказал задолго до его рождения император Александр I: «Тонок, как игла, остер, как бритва, и изменчив, как пена морская».

Поскольку доверявший только самому себе Сталин вынужден был вечно скрывать свои мысли и истинные намерения, решительность в его характере парадоксальным образом уживалась с психологической амбивалентностью, проявившейся и в отношении к проблеме антисемитизма, что отмечал позже, например, Н.С. Хрущев²⁰³. Вот почему так ценны те немногочисленные свидетельства современников вождя, в которых он предстает в истинном свете.

Достаточно рельефный образ ловкого интригана, тайно прибегавшего ради достижения своих политических целей к такому грязному методу, как антисемитская провокация, вырисовывается в документе, вышедшем из-под пера коммуниста-политэмигранта А.В. Гроссмана. 13 октября 1927 г. он направил в столичный Замоскворецкий райком партии заявление, в котором обвинил лидера «контрреволюционной децистской организации» Т.В. Сапронова в том, что на одном из собраний оппозиционеров тот поделился следующим воспоминанием:

«Однажды говорил я со Сталиным, и вдруг он мне говорит со свойственным ему грузинским акцентом: «Большой антисемитизм!». Я (Сапронов. — *Авт.*) спрашиваю Сталина: «А что же делать?». На это Сталин отвечает коротко: «Слишком много евреев в политбюро. Надо их выбросить. Вот такой русский человек, как ты, должен быть представлен в политбюро», — сделал мне комплимент Сталин»²⁰⁴.

Трудно однозначно утверждать, был ли в действительности такой разговор между Сталиным и Сапроновым (тем более что он происходил с глазу на глаз) и не выдумал ли его последний, чтобы дискредитировать своего политического противника. Но учитывая, что подобные свидетельства исходили и от других лиц*, мож-

* Например, в одном из писем Н.В. Валентинова к Б.И. Николаевскому читаем: «Из бесед с Рыковым могу сообщить, как он возмущался антисемитизмом Сталина, говорившего, что «мы теперь всех жидков из Политбюро удалили». После устранения из политбюро Троцкого, Каменева, Зиновьева в народе родилась острота: «Раньше в политбюро пахло чесноком, а теперь — шашлыком» (205).

но с большой долей уверенности говорить о достоверности этого факта.

Используя антисемитизм как некое тайное оружие в верхушечной борьбе за власть, причем в строго дозированном виде, Сталин, как это ни парадоксально звучит, отнюдь не «формально», как утверждал тот же Хрущев, боролся с открытыми проявлениями бытовой юдофобии. И тут он руководствовался не столько античной абстрактной мудростью о Юпитере и быке, сколько злободневным соображением, что рядовой обыватель, проклиная в 20-е годы евреев, часто имел в виду не столько саму эту национальность, сколько отождествляемую с нею ненавистную ему советскую власть. Проявлялось это и в открытой форме, когда из темных и невежественных слоев народа*, еще далеко не вышедших из-под остаточного влияния дореволюционной черносотенной пропаганды, неслись такие вот призывы: «Бить коммунистов и жидов, доведших страну до гибели», «Даешь войну, вырежем евреев, а потом очередь за коммунистами»²⁰⁷.

Недовольство «еврейским засильем» в ключевых общественно-политических институтах страны широко распространилось не только в социальных низах, но и в определенных (прежде всего «почвеннических») кругах старой интеллектуально-культурной элиты, ратовавшей за «сохранение национального лица России». Антиеврейские лозунги широко использовались и основными силами антисоветского подполья, от монархистов до анархистов. Вот почему Сталин не мог допустить разгула антиеврейской народной стихии. Как и Александр III, не испытывавший добрых чувств к евреям, но силой оружия быстро подавивший погромный разгул 1881 года, вождь не мог не осознавать, что массовый антисемитизм, способный породить хаос и анархию в стране, — серьезная угроза власти. Поэтому, выступая в декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б), он счел необходимым акцентировать внимание делегатов на опасности проникновения антисемитизма в рабочую среду и партию:

«У нас имеются некоторые ростки антисемитизма не только в известных кругах средних слоев, но и среди известной части рабочих и даже среди некоторых звеньев нашей партии. С этим злом надо бороться, товарищи, со всей беспощадностью».

На том же съезде в поддержку этого призыва высказался верный соратник Сталина, председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР Г.К. Орджоникидзе, приведший в своем отчете подробные данные о национальном составе государственных служащих и сделавший на их основании вывод о том, что «аппарат в своем огромном большинстве состоит из русских» и потому «всякие разговорчики о еврейском засилье и т.д. не имеют под собой никакой почвы»²⁰⁸.

* К 1930 году в стране насчитывалось еще около 30% неграмотных, о чем доложил Сталин на XVI съезде партии (206).

Еще раньше, 26 августа 1926 г., в Агитпропе ЦК состоялось специальное совещание, обсудившее меры борьбы с антисемитизмом прежде всего в рядах ВКП(б), которую вследствие начавшегося с 1924 года массового наплыва в ее ряды льющей к власти молодежи мещанско-крестьянского происхождения (так называемый «ленинский призыв») достаточно серьезно поразил этот социальный недуг. Выступивший на совещании журналист М.Е. Кольцов подчеркнул, что искоренить антисемитизм в стране можно, только уничтожив его вначале в партии, «где он носит характер мелкобуржуазного уклона». Взявший след за ним слово Смидович упрекнул присутствовавшего здесь же заместителя председателя ОГПУ М.А. Трилисера в том, что его ведомство не борется с антисемитизмом в партии. Тот же парировал: «ГПУ не наблюдает за партиями». На что включившийся в дискуссию Ларин заметил, что антисемитизм отмечается и среди сотрудников ОГПУ.

По итогам совещания было принято решение подготовить проект постановления ЦК о борьбе с антисемитизмом. Кроме того, руководством Агитпропа была направлена в секретариат ЦК объемная записка, в которой рисовалась следующая нерадостная картина:

«Представление о том, что советская власть мирволит евреям, что она «жидовская власть», что из-за евреев безработица и жилищная нужда, нехватка мест в вузах и рост розничных цен, спекуляция — это представление широко прививается всеми враждебными элементами трудовым массам. Разговоры о «еврейском засилье»... о необходимости устроить еще одну революцию против «жидов» — эти разговоры встречаются сплошь и рядом. События внутрипартийной борьбы воспринимаются некоторыми коммунистами и всей обывательщиной как национальная борьба на верхах партии. В распространении антисемитизма видна направляющая рука монархических группировок, ставящих борьбу с «жидовской властью» краеугольным камнем почти всех своих листовок и прокламаций... Не встречая никакого сопротивления, антисемитская волна грозит в самом недалеком будущем предстать перед нами в виде серьезного политического вопроса»²⁰⁹.

В ходе инициированной сверху борьбы с антисемитизмом большими тиражами стала издаваться соответствующая пропагандистская литература, а чтобы придать кампании как можно более массовый общественный характер, Агитпроп организовал 2 декабря в помещении Московской консерватории широко освещавшийся в печати диспут, в котором приняли участие Ларин, Смидович, Брагин, нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко и др. Один из ведущих тогдашних партийных пропагандистов Е.М. Ярославский выступил в печати с серией статей, в которых помимо лозунговых утверждений о том, что «нельзя быть коммунистом, будучи антисемитом», прозвучала и мысль о том, что восприятие некоторыми рабочими оппозиции как рвущегося к власти еврейства есть «сползание с классовой, единственно правильной точки зрения на националистическую»²¹⁰.

В мае 1928 года Агитпроп вновь вернулся к проблеме антисемитизма. В ходе ее обсуждения на агитпропколлегии ЦК предлагалось даже исключить из партии «за злостный антисемитизм». И опять было принято решение вынести этот вопрос на рассмотрение руководящих органов ЦК, однако, как и раньше, до этого дело так и не дошло. Тем не менее после того как в начале ноября, накануне очередной годовщины Октябрьской революции, наряду с другими главными лозунгами политического момента в газетах опубликовали призыв к борьбе с антисемитизмом, к кампании были подключены и «приводные ремни партии»: ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и всесоюзным слетом пионеров были приняты соответствующие обращения к общественности. Пустили в ход и пропагандистскую артиллерию главного калибра. В сентябре 1929 года великий пролетарский писатель и давний защитник гонимого еврейства Максим Горький, утверждавший, что антисемитизм — это религия дураков, опубликовал в «Правде» статью, в которой негодовал по поводу распространения антисемитских листовок в преддверии 12-й годовщины Октября. А в 1930 году он заявил: «Антисемитизм у нас резко усилился. Против него нужно бороться»²¹¹.

С 1927 года в Москве на русском языке стал издаваться журнал «Трибуна», который был задуман как рупор советской еврейской общественности и источник информации о жизни евреев в СССР и за рубежом. В течение последующих пяти лет в его номерах детально фиксировались все случаи проявления антисемитизма в Советском Союзе.

Размах пропагандистского наступления на антисемитизм был столь впечатляющ, что даже С.М. Будённый, командовавший в годы гражданской войны Первой конной армией (участвовавшей, кстати, не только в крупных битвах, но и в еврейских погромах), заявил тогда: «Хочу быть членом ОЗЕТА, потому что замечаю антисемитизм»²¹².

Не остались в стороне и карательные органы. Квалифицируя в соответствии с законом действия по возбуждению ненависти на национальной почве как государственное преступление, ОГПУ не только организовало сбор агентурной информации о проявлениях антисемитизма во всех слоях советского общества, но и производило показательные-устрашающие аресты представителей наиболее социально активной почвеннической интеллигенции. Еще в ноябре 1924 года возникло так называемое дело «Ордена русских фашистов», по которому были взяты под стражу 13 человек. Главой «вскрытого» «тайного общества» был объявлен друг поэтов С.А. Есенина, С.А. Клычкова и П.В. Орешина начинающий литератор А.А. Ганин, который в написанных им незадолго до ареста тезисах провозгласил себя и своих единомышленников русскими националистами, восставшими против коммунистическо-еврейской власти. Один из пунктов программы «ордена», между прочим, предусматривал «переселение

евреев на свою родину в Палестину». 30 марта 1925 г. Ганин вместе с шестью поделщиками был расстрелян. Были также репрессированы и участники группировки эсеровского толка «Центр», призывавшие к борьбе с еврейским засильем» во властных структурах...

Во введенный в действие в 1926 году Уголовный кодекс была включена статья 59⁷, гласившая, что «пропаганда и агитация, направленные к возбуждению национальной и религиозной вражды или розни... влекут за собой лишение свободы на срок до двух лет», а «те же действия в военной обстановке или при массовых волнениях — лишение свободы на срок не ниже двух лет, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества». Правда, на практике эта статья применялась не часто. Ибо если антисемитские проявления квалифицировались правоохранительными органами как политическое деяние, то в действие вступала статья 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация), а если как преступление на бытовой почве, то руководствовались постановлением пленума Верховного суда РСФСР от 28 марта 1930 г., согласно которому «выпады в отношении отдельных лиц, принадлежащих к нацменьшинствам, на почве личного с ними столкновения» должны караться по статьям о нанесении оскорбления (ст. 159) или о хулиганстве (ст. 74)²¹³.

Достигнув своего апогея в 1929 — начале 1930 года, кампания борьбы с антисемитизмом затем стала ослабевать, пока не сошла на нет в 1932 году, что было обусловлено не только началом процесса «патриотизации» идеологии, но и тем, что значительно укрепившемуся к тому времени режиму власти уже не составляло большого труда сначала пресечь открытые проявления антиеврейских настроений, а затем прекратить (якобы в интересах консолидации общества) публичное обсуждение и самой проблемы антисемитизма. Активно использовались и экономические рычаги: в рамках перехода от нэповской экономики к командно-плановой была ликвидирована в директивном порядке безработица, а значит устранена чреватая многочисленными конфликтами на национальной почве ожесточенная конкуренция в сфере труда. Нейтрализации антисемитизма в рабочей среде способствовало еще и то обстоятельство, что в ходе развернувшейся широкомасштабной индустриализации страны в народное хозяйство вовлекалось (главным образом путем вербовки рабочей силы в сельской местности) множество представителей таких нацменьшинств, которые в большинстве своем не владели русским языком и еще больше, чем евреи, выделялись по своему внешнему облику, культуре и традициям на фоне основного славянского населения. Поэтому они теперь становятся главными объектами травли обывателей-шовинистов.

Что касается верхов, то, будучи диктатором-популистом и чутко прислушиваясь поэтому к так называемому гласу народа, требовавшему очередных жертвоприношений, Сталин предпринял в «переломные» 1929–1930 годы ряд утолявших антисемитский зуд плембас репрессивных акций, направленных главным образом против нэпманов и спекулянтов из еврейской среды. 1 апреля 1929 г. ЦК, например, приказал ОГПУ «арестовать в ближайшие дни 100–150 заведомых спекулянтов* по Москве, являющихся фактически организаторами паники на рынке потребительских товаров и «хвостов», и выслать их в далекие края Сибири»²¹⁴. Позднее Москву и другие крупные города страны захватила так называемая «золотуха» — кампания по насильственному изъятию золота, валюты и драгоценностей у бывших «эксплуататоров», среди которых было немало прежних нэпманов еврейского происхождения. Все началось с того, что, ссылаясь на необходимость сбора средств на индустриализацию, власти предложили населению обменять хранившиеся у него ценности на облигации госзайма. Однако добровольно расстались с таковыми далеко не все. И тогда партия подключила к делу ОГПУ, которому политбюро среди прочих давало такого рода указания:

«...Продолжить срок работы ОГПУ по сбору валюты до 1 апреля [1930 г.] с тем, чтобы собрать к этому времени 2500 тыс. рублей в валюте».

«Сбором валюты» или, точнее, ее выбиванием путем массовых арестов занималось экономическое управление (ЭКУ) ОГПУ. Первоначально, чтобы принудить арестованных к сдаче сокрытых ценностей, сотрудники этого управления применяли угрозы, шантаж, пытки жадой, лишением сна и изнурительными допросами. Однако потом в ход были пущены различные изощренные методы, воздействовавшие главным образом на психику узников. Как вспоминал непосредственно участвовавший в этой кампании бывший сотрудник экономического отдела московского постпредства ОГПУ М.П. Шрейдер, руководство ЭКУ из числа евреев (начальник Л.Г. Миронов, его ближайший помощник М.О. Станиславский и др.) дало указание следователям провести с арестованными «валютчиками» еврейского происхождения душевспасительные беседы о том, что их деньги пойдут на созидание нового общества, где не будет места антисемитизму. В случае, если и это не давало искомого результата, в ход шел еще более тонкий прием: исполнение специально приглашенными музыкантами трогательных национально-религиозных мелодий («Плачь Израиля», «Кол нидре» и др.). Это дьявольское средство воздействия на струны еврейской души действовало, как правило, безотказно²¹⁵.

* Характерно, что предусмотренная уголовным кодексом статья, каравшая спекуляцию, называлась в народе «еврейской статьей».

Благодаря устранению из советской повседневности так называемого нэпманства, которое в обывательском сознании ассоциировалось с еврейством, власти удалось значительно притушить антисемитские настроения в обществе, которые рассматривались ею как дезорганизующие и деструктивные. В определенной мере та же цель преследовалась в ходе репрессий против обвиненных во вредительстве «буржуазных специалистов», среди которых также было немало евреев. Наиболее жестокая расправа такого рода произошла осенью 1930 года. 22 сентября «Известия» сообщили об аресте, а через три дня уже о казни 48 крупных советских специалистов — «участников вредительской организации в области снабжения населения продуктами» и «организаторов голода в СССР». Эта варварская акция, жертвами которой стали и восемь евреев, вызвала бурю возмущения на Западе. 12 октября по инициативе экономиста Б.Д. Бруцкуса, высланного в 1922 году из СССР, 86 немецких интеллектуалов, в том числе такие известные общественные деятели, как Альберт Эйнштейн и Томас Манн, выступили с протестом. В ответ советские власти использовали свой главный в противоборстве с Западом пропагандистский козырь: 11 декабря Максим Горький заклеил в «Известиях» западных «гуманистов», вставших на сторону «сорока восьми преступников, организаторов пищевого голода в Союзе Советов...». И надежды большевиков, сделавших ставку на высокий авторитет русского писателя в зарубежных лево-либеральных кругах, полностью оправдались. Первым дрогнул Эйнштейн, снявший свою подпись под протестом, заколебались и другие, после чего начатая было кампания осуждения советского государственного террора сама собой сошла на нет²¹⁶.

Несмотря на свертывание пропагандистской кампании борьбы с антисемитизмом в начале 30-х, в последующие годы это зло все же продолжало открыто осуждаться общественностью и преследоваться в партийном и судебном порядке, но уже не как политическое, а как социально-бытовое явление, носящее единичный личностный характер. Скажем, 10 мая 1935 г. снятому месяцем ранее с поста начальника Управления комендатуры Московского Кремля Р.А. Петерсону пришлось объясняться перед секретарем партколлегии Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятовым, почему, будучи комендантом Кремля, он, по словам одного из бывших его сотрудников, говорил, что при подборе на службу по охране рабоче-крестьянского правительства «не нужно принимать нацменнов, главным образом евреев», само наличие которых-де возбуждает антисемитские настроения среди красноармейцев. А 24 мая того же года в «Правде» появилась статья, обвинявшая поэта П.Н. Васильева в антисемитской выходке, направленной против его коллеги по перу Д.М. Алтаузена. Этот инцидент широко обсуждался тогда общественностью и завершился тем, что Васильева приговорили к полуто-

ра годам тюрьмы. В дальнейшем суды все реже и реже наказывали за подобные вещи, а с конца 40-х годов, с началом массовой кампании борьбы с космополитизмом и еврейским буржуазным национализмом, официальное преследование за антисемитизм фактически прекратилось совсем.

БИРОБИДЖАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

То обстоятельство, что борьба государства с антисемитизмом постепенно оборачивалась репрессиями против самих же евреев, воспринималось созидавшимся Сталиным аппаратом отнюдь не как нелепый парадокс, а как своеобразная диалектика жизни, ибо наверху с годами крепло убеждение, что массовую юдофобию порождает не столько шовинизм, сколько провоцирует сама еврейская общественная активность.

В зачаточном виде такой «диалектическо»-номенклатурный подход проявился уже в общественно бурном 1927 году, когда исподволь началось свертывание еврейского землеустройства в Крыму. И хотя в этом случае власти действовали исподволь и осторожно (чтобы не лишиться финансовой подпитки, получаемой от «Агро-Джойнта»), тем не менее их намерение «прикрыть» южный проект отчетливо обозначилось, когда 8 апреля ЦК ВКП(б) объявил Ларину выговор и вынудил его вскоре сложить полномочия председателя ОЗЕТА. Поводом к принятию такого решения послужили обострение хронической болезни* Ларина, а также его «безответственное выступление» на всекрымском съезде ОЗЕТ 15 октября 1926 г. с обвинениями в адрес В. Ибраимова²¹⁷. Правда, потом выговор сняли, так как 15 января 1928 г. последний был арестован по подозрению в шпионской деятельности в пользу Турции и 28 апреля расстрелян**.

Отмена партийного взыскания как будто открыла Ларина, который опять, исполненный надежд и решимости, попытался вдохнуть новую жизнь в свое детище — еврейский Крым. Он участвует в подготовке постановления президиума ВЦИК от 13 августа, которым был окончательно определен размер крымских земель, выделяемых под еврейскую колонизацию. Но поскольку отведена была более чем скромная территория — примерно 2,5% пустовавших засушливых земель полуострова, Ларин в мае 1929 года направил в ЦК пред-

* Ларин был инвалид с детства и страдал прогрессирующей атрофией мускулов.

** Официально Ибраимову было предъявлено обвинение в организации убийства революционера, партизана Гражданской войны, и растрате крупной суммы денег. Постановлением президиума Верховного суда РСФСР от 20 июня 1990 г. дело В. Ибраимова было прекращено за отсутствием состава преступления.

ложение о выделении КомЗЕТу в степном Крыму дополнительных земель (235 тыс. гектаров), ставших бесхозными в связи с произведенным там раскулачиванием, а также предпринятым переселением немецких колонистов в их национальную республику в Поволжье. Кроме того, Ларин для этой же цели предложил провести осушение 125 тыс. гектаров территории озера Сиваш, а также настаивал на закреплении за КомЗЕТом всех земельных переселенческих фондов на Таманском полуострове для создания там хлопкового хозяйства²¹⁸.

Однако новая инициатива Ларина была отвергнута в верхах. Максимум, на что пошли власти РСФСР и УССР, было создание в 1927–1930 годах еврейских национальных районов: трех — на юге Украины и двух — в Крыму.

В дальнейшем роль этого региона в решении еврейского вопроса в СССР неуклонно падала, чему в немалой степени способствовали и проблемы, возникшие в ходе начавшейся коллективизации. Ситуация особенно осложнилась после того, как 10 декабря 1930 г. в ЦК обратился секретарь Крымского обкома партии Е.И. Вегер, который сетовал на «засоренность» еврейских переселенцев «социально-чуждыми элементами», что подкреплялось следующими данными: в составе 1046 семей, прибывших в 1930 году в Джанкойский район, оказался 531 «лишенец». Вина за это возлагалась на КомЗЕТ, работники которого, по мнению крымского партийного руководства, не увидели «обострения классовой борьбы в деревне» и считали, что «кулака в еврейской деревне нет». КомЗЕТ обвинялся также в том, что «фактически сдал свои позиции «Агро-Джойнту» — «капиталистической американской организации». «В результате, — возмущался Вегер, — получается дикая картина, когда местные работники КомЗЕТа совместно с «Агро-Джойнтом» выступают в качестве защитников еврейских переселенцев от советской власти и партии, проводящих хлебозаготовки и собирающих налоги»²¹⁹.

Для разбора этого «сигнала» была создана специальная комиссия под председательством А.С. Енукидзе, который занял в общем-то благожелательную позицию в отношении КомЗЕТа. Пытаясь защитить Смидовича и других руководителей этой организации, он включил в комиссию Ларина, подготовившего обстоятельную записку о шестилетней работе КомЗЕТа в Крыму и отметившего в качестве его достижений то, что площадь пашни еврейских хозяйств на полуострове выросла за это время в 20 раз, составив к 1930 году 94 тыс. гектаров, то есть 10% от всех посевов.

Однако Л.М. Каганович, который в ту пору верховодил в аппарате ЦК, был настроен явно против КомЗЕТа. Подобно главе испанской инквизиции Торквемаде*, в жилах которого также текла

* Инициатор изгнания евреев из Испании в 1492 году.

еврейская кровь, он готов был порой пожертвовать соплеменниками, чтобы доказать собственную правоверность. Выступив на заседании комиссии, Каганович заявил без экивоков: «Я считаю, что в КомЗЕТе имеются элементы сионизма...». На помощь Смидовичу и другим сторонникам крымской аграризации евреев невольно (а может быть, и вольно) пришел д-р Розен, когда 30 января 1931 г. направил в адрес КомЗЕТа резкое по тону послание, гласившее:

«Усилившаяся в последнее время активная агитация против работы в СССР иностранных общественных организаций, в частности «Агро-Джойнта», принявшая особенно резкие формы на последнем съезде ОЗЕТ, вызвала большое недоумение в США. Эта агитация чрезвычайно затрудняет нашу работу здесь и может сделать ее совершенно невозможной... Быть в положении «терпимой» организации для нас совершенно неприемлемо. Мы вынуждены просить КомЗЕТ сообщить нам специально, как относится в настоящее время Правительство к работе нашей организации в СССР с тем, чтобы мы могли информировать по этому вопросу наше правление в Нью-Йорке»²²⁰.

Немедленно по получении этого демарша КомЗЕТом он был переправлен советскому руководству, в то время очень дорожившему американской технической и финансовой помощью, тем более что с США еще не были установлены дипломатические отношения. Возможно, поэтому принятое 1 февраля решение ЦК по КомЗЕТу оказалось не слишком жестким. Ему предлагалось «укрепить» собственные кадры, а также совместно с Крымобкомом, чье мнение в вопросе переселения евреев было названо правильным, предписывалось, наращивая общие усилия по коллективизации, «усилить работу по классовому расслоению в еврейской деревне» и «очистить местные органы КомЗЕТа от элементов, защищающих кулака и скатывающихся к шовинизму».

Известный своим относительным либерализмом Смидович, которого Сталин подозревал в симпатиях к Бухарину и другим «правым», вынужден был после этого как-то приноравливаться к ужесточившимся условиям политической жизни. 1 июля он следующим образом отчитался перед ЦК:

«За зиму 1930/31 года раскулачено во Фрайдорфском районе 280 дворов, из них 6 евреев-переселенцев; выслано 44 семьи, в том числе одна еврейская. Степень коллективизации в Крыму еврейских хозяйств — 97%»²²¹.

В последующие годы роль Крыма в аграризации евреев продолжала падать. Особенно это стало заметным после смерти в 1932 году Ларина, прах которого по указанию Сталина был замурован после пышных похорон в кремлевскую стену. Такую почесть Ларин заслужил исключительной преданностью вождю, возможно, обусловленной стремлением искупить свое меньшевистское прошлое. Умирая, он сказал жене:

«Передай привет товарищу Сталину, я всегда любил и ценил его. Я всегда был верен партии, и Сталин не подозревает, что за него готов был всегда умереть»²²².

За все годы переселения в Крым туда было направлено 47 740 евреев, однако на начало 1939 года в тамошнем сельском хозяйстве из них продолжали работать только 18 065. А всего на полуострове перед войной проживало 65 452 еврея, что составляло 5,8% от общего его населения²²³.

То, что крымская еврейская автономия так и не была создана, объясняется прежде всего тем, что еще весной 1927 года в качестве альтернативы ей было избрано переселение евреев на Дальний Восток. Этот вариант решения еврейского вопроса в СССР представлялся тогда сталинскому руководству оптимальным, особенно в пропагандистском плане. Во-первых, евреям как бы предоставлялась реальная возможность национально-государственного строительства, что называется, с чистого листа, на необжитой, но собственной территории и превращения в перспективе в соответствии со сталинским учением в полноценную социалистическую нацию. Во-вторых, радикально решалась проблема трудоустройства десятков тысяч разорившихся и оказавшихся безработными вследствие свертывания НЭПа еврейских торговцев, кустарей и ремесленников, которые теперь могли помочь государству в решении важных экономических* и военно-стратегических задач на отдаленной и неосвоенной территории. В-третьих, в отличие от Крыма дальневосточный регион находился на значительном удалении от центров мировой политики, и Сталин мог без особой оглядки на внешний мир ставить там свои национальные эксперименты. Наличие там по соседству, на другой стороне советско-китайской границы, поселений казаков-эмигрантов власти в СССР не смущало. Наоборот, это воспринималось ими как весьма удачное обстоятельство: ведь благодаря присутствию евреев, мягко говоря, не симпатизировавших бывшим белогвардейцам, надежность охраны границы могла только усиливаться. В-четвертых, поскольку начиная с 1927 года вооруженные силы Японии все активнее вмешивались во внутренние дела бурлившего от внутренних распри Китая и в 1931 году начали оккупацию его северо-восточной провинции Маньчжурии, советское правительство должно было укрепить общую обороноспособность Приамурья, в том числе и за счет переселения туда евреев. В-пятых, дальневосточный проект в отличие от крымского не только не стимулировал рост антисемитизма, но, наоборот, благодаря перемещению евреев из густонаселенной европейской части СССР, с ее исторически сложившимися очагами юдофобии, в почти безлюдный край достига-

* В этом регионе были обнаружены богатые залежи графита, золота, марганцевой и железной руд.

лось сокращение масштабов этой социальной болезни. И, наконец, захвативший страну с конца 20-х годов пафос индустриализации сделал как бы «немодным» решение еврейского вопроса аграрным способом, который, как уже было сказано выше, в условиях Крыма показал свою экономическую несостоятельность, так как был сопряжен с крупными финансовыми издержками. К тому же после разгрома «правых» аграризация как бы ассоциировалась с осужденной партией «бухаринщиной».

Учитывая эти и другие моменты и соображения экономической, пропагандистской и политической целесообразности, руководство страны постановлением СНК СССР от 28 марта 1928 г. удовлетворило подготовленное КомЗЕТОм ходатайство о закреплении за ним примерно 4,5 млн. гектаров приамурской полосы Дальневосточного края и санкционировало начало массового переселения туда евреев. Произошло это после предварительного признания обнадеживающими результатов проектно-изыскательных работ побывавшей там в 1927 году экспедиции КомЗЕТа во главе с агрономом Б.Л. Бруком. Планировалось в течение первых пяти лет переместить на новое место 12–15 тыс. хозяйств, а потом довести их количество до 35–40 тыс. Вскоре в район железнодорожной станции Тихонькая, где началось строительство города Биробиджана — будущей столицы еврейской автономии, потянулись первые составы с переселенцами. Однако желающих добровольно отправиться в дикий таежный край с суровым климатом, девственными лесами и топкими болотами нашлось не так уж много. В 1928–1929 годах туда прибыло только 2825 евреев. Положение несколько улучшилось после того, как 20 февраля 1930 г. Диманштейн (в следующем году он возглавит ОЗЕТ, прежнее руководство которого делало ставку на Крым) обратился в ЦК с просьбой санкционировать восстановление в гражданских правах тех евреев-«лишенцев», которые согласятся переселиться в Биробиджан. Уже 25 апреля ВЦИК удовлетворил это ходатайство, приняв соответствующее постановление²²⁴.

Следующим шагом по пути следования дальневосточному варианту решения еврейского вопроса в СССР стало образование 20 августа 1930 г. Еврейского национального Биробиджанского района. Тем самым для практического воплощения принималась сталинская территориальная модель формирования социалистической нации, что как бы подводило черту под многолетней дискуссией о путях к еврейскому национальному будущему. Правда, думается, что сам верховный вдохновитель этого судьбоносного решения не мог с самого начала не понимать, что еврейская мечта об обретении собственной национальной очага вряд ли осуществима в условиях сурового и отдаленного от центров цивилизации региона. Тем не менее планы концентрации евреев в Приамурье были впечатляющими: 60 тыс. человек — к концу первой пятилетки (к 1933 г.) и по завер-

шению второй (1938 г.) — достижение показателя в 150 тыс., при общей численности населения района в 300 тыс. Впрочем, проблема реальной достижимости этих цифр вряд ли особо волновала Сталина. Для него еврейский Биробиджан был скорее всего лишь демагогическим формальным жестом, который, с одной стороны, должен был убедить советское и мировое общественное мнение в его искреннем стремлении обеспечить полноценное национальное будущее для евреев в СССР, а с другой — послужить своеобразным прикрытием его ассимиляторской политики, этой действительной цели вождя в отношении евреев и других нацменьшинств Советского Союза. Ибо если до революции Сталин открыто провозглашал ассимиляцию прогрессивным и единственно правильным решением еврейской проблемы, то, оказавшись во главе большого многонационального государства и заботясь о своем имидже отца всех советских народов, он вынужден был на словах отстаивать нечто совершенно противоположное. В написанной в 1929 году статье «Национальный вопрос и ленинизм» Сталин, критикуя «дилетанта в национальном вопросе» и сторонника ассимиляции Каутского, заявлял, что «политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная»²²⁵.

Став к концу 20-х годов полновластным хозяином в стране, получившим наряду с прочим никем и ничем не ограниченную возможность проводить по собственному усмотрению национальные эксперименты, Сталин больше не нуждался в услугах таких в общем-то компромиссных организаций, как еврейские секции, состоявших в значительной мере из бывших бундовцев. К этому времени евсекции полностью исполнили определенное большевиками предназначение: установили пролетарскую диктатуру на «еврейской улице», помогли советской власти побороть сионистов и до минимума свести общественную значимость и влияние еврейской религии. Тем самым еврейскую массу удалось оторвать от традиционного уклада жизни и вывести на дорогу интенсивной ассимиляции. Сами же по себе евсекции не представляли для властей особой ценности, будучи в организационном плане чем-то вроде крупной аппаратной головы, управлявшей тщедушным телом рядового членского состава, объединявшего в своих рядах на 1927 год всего от 2000 до 3500 человек. Тогда как в общепартийных рядах в то время насчитывалось 49 627 евреев-коммунистов²²⁶. Но самое главное, евсекции не только по своему кадровому составу, но и структурно-функциональному построению представляли собой второе издание Бунда. Не случайно в свое время Ларин обвинил руководство ЦБ ЕС в подмене большевистской национальной политики старой бундовской идеологией экстерриториализма и национально-культурной автономии. Произошло это после того, как в конце декабря 1926 года на всесоюзном совещании

евсекций выступил секретарь ЦБ ЕС А.И. Чемерисский, который наряду с тем, что раскритиковал поддержанный Калинин курс на образование территориальной еврейской единицы, потребовал также от сотрудников ОЗЕТА отказаться от национального идеала в виде создания еврейской автономии. Не забылось также, что верхушка евсекций вела себя довольно самостоятельно в прежние годы: в достаточно резкой форме нападала на Сталина и только в 1924 году ЦБ ЕС, преодолев левацкий «загиб», поддержало давно введенный в стране НЭП²²⁷.

Однако вещи, терпимые прежде, стали совершенно недопустимыми в 1930-м, когда в политике, идеологии и экономике советского режима четко обозначился крен в сторону ужесточения. В этих условиях даже сама прошлая связь евсекций с Бундом стала восприниматься властью как некий инкубационный период развития такой страшной в ее глазах социальной болезни, как буржуазный национализм. Поэтому в ходе начавшейся 5 января реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) наряду с другими национальными структурами Отдела пропаганды, агитации и печати без лишнего шума было ликвидировано и еврейское бюро (так в это время называлось ЦБ ЕС)²²⁸.

Оказавшись в одночасье низложенным, начальство евсекций восприняло неожиданно происшедшую с ним метаморфозу как серьезное предупреждение свыше. В дальнейшем бывшие руководители евсекций использовали любой повод, чтобы продемонстрировать свою преданность Сталину и безоговорочную приверженность его политическому курсу. Скажем, выступая в январе 1931 года на втором всесоюзном съезде ОЗЕТА, М.Я. Фрумкина, которая продолжала возглавлять Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, заявила о приоритете Биробиджана в вопросе еврейского переселения, поскольку-де Дальний Восток определен партией как район созидания еврейской национальной автономии²²⁹.

Между тем, несмотря на значительные усилия властей (материальные и пропагандистские) по еврейскому обустройству в Биробиджане, дела там шли далеко не лучшим образом. Из 20 тыс. евреев, направленных туда начиная с 1928 года, к 1934-му осталось на постоянное жительство меньше половины. Возникли проблемы и с иностранными переселенцами. Вначале международное политическое леворадикальное еврейство активно откликнулось на призыв Коминтерна помочь своим братьям в СССР. В 1924 году в США была создана даже специальная общественная организация ИКОР (The Organization for Jewish Colonization in Russia), которая в следующем году заключила с советским правительством договор об оказании помощи в освоении евреями Дальнего Востока. Тогда же она направила в Биробиджан экспедицию во главе с профессором Чарльзом Кунцом, которая дала заключение о том, что обследованная ими местность вполне пригодна к заселению. Массовое переселение в Биробиджан евреев

из-за границы (главным образом из Аргентины, Польши, Литвы, Палестины) началось после принятия политбюро 25 мая 1931 г. соответствующего постановления. К началу 1932-го на советский Дальний Восток прибыло 870 иностранцев, которые трудились в основном в сельскохозяйственной коммуне ИКОР. Однако уже к концу того же года более 500 человек из них уехали обратно, не сумев приспособиться к суровому таежному климату и преодолеть бытовые трудности. Следующий крупный отток иностранцев произошёл после того, как в 1933 году на Дальнем Востоке разразился голод. Тогда Советский Союз покинул и сам профессор Кунц, а созданная им коммуна распалась²³⁰.

Чтобы не ударить в грязь лицом перед международной общественностью (как «прогрессивной», так и сионистской) и вдохнуть жизнь в чахнувший на корню проект, сталинское руководство пошло на беспрецедентный шаг: 4 мая 1934 г. политбюро преобразовало Биробиджанский национальный район в Автономную еврейскую национальную область (ЕАО), хотя ставшая вдруг «титულიной» национальность была представлена на этой территории весьма незначительно. Примерно в то же время Калинин, принимая делегацию рабочих московских предприятий и работников еврейской печати, заявил, что «образование Еврейской автономной области подвело фундамент под еврейскую национальность в СССР»²³¹.

Принятые правительством кардинальные решения, а также нагнетавшийся пропагандой переселенческий энтузиазм способствовали некоторому увеличению количества евреев, пожелавших переехать в Биробиджан. В 1934 году туда прибыло 5267 переселенцев из Одессы, Москвы, Харькова, Киева и других городов. В ЕАО началось бурное строительство областного центра, промышленных объектов, дорог и мостов. Постепенно налаживалась и культурная жизнь. Стала выходить газета на идиш «Биробиджанер штерн», редактором которой 7 июля 1935 г. был утвержден Г.Л. Казакевич. Годом ранее в Биробиджане открылся Еврейский государственный театр, которому в 1936 году присвоили имя Л.М. Кагановича. «Железный нарком» путей сообщения побывал в Биробиджане в феврале того же года в ходе инспекционной поездки по Транссибу. Выступив на совещании областного и городского актива, он, согласно официальному сообщению, «подробно остановился на достижениях ленинско-сталинской национальной политики и истории борьбы с различными национальными буржуазными партиями, в частности, с сионистами, бундовцами, поалейсионистами и др.»²³².

Власти не скрывали, что еврейская автономия на советском Дальнем Востоке учреждена как коммунистический ответ на проект сионистов в Палестине. 10 мая 1934 г. в «Известиях» была опубликована передовица, которая заканчивалась на следующей мажорной ноте:

«Не сладенькие разговоры о «земле обетованной», не националистический обман, а подлинную пролетарскую помощь дает страна строящегося социализма всем народам, ее населяющим, в том числе и еврейскому».

Эта пропаганда, несмотря на всю ее нарочитость и ходульность, была серьезно воспринята левыми и центристскими еврейскими кругами на Западе, которые после прихода Гитлера к власти надеялись на советскую поддержку ставшего гонимым немецкого еврейства, тем более что положение его усугублялось с каждым месяцем. Уже к концу 1934 года 60 тыс. евреев вынуждены были эмигрировать из Германии, и только 17 тыс. из них смогла принять Палестина*, остальные же пытались осесть в демократических странах Европы или добиться выезда в Новый Свет, прежде всего в США. Но практически все эти страны, еще не оправившиеся от последствий экономического кризиса, закрыли свои границы для массовой еврейской иммиграции. В таких условиях западной общественности, занимавшейся судьбой еврейских беженцев, оставалось только надеяться, в том числе и на гуманизм советского правительства, рекламировавшего себя защитником угнетенных народов. В какой-то мере эти упования начали оправдываться после того, как «Джойнту» удалось добиться разрешения у НКВД на переезд в Советский Союз из Германии для нескольких групп евреев, состоявших в основном из специалистов — инженеров, врачей, ученых. Чтобы изучить возможности массовой еврейской иммиграции в СССР, представители «Агро-Джойнта» и ОРТа побывали в Биробиджане, а по возвращении оттуда высказались о его пригодности для этих целей. В Нью-Йорке, Париже и Лондоне заговорили о необходимости создания специальных фондов поддержки переселения еврейских беженцев на советский Дальний Восток, тем более что советское руководство обнародовало планы обустройства там в 1935 году 4000 семей советских и 1000 семей иностранных евреев. 21 декабря 1934 г. советский полпред в Англии И.М. Майский проинформировал заместителя наркома иностранных дел Н.Н. Крестинского, что его посетил лорд Марлей и вручил меморандум, в котором содержалась просьба к советскому руководству рассмотреть вопрос о возможности размещения еврейских беженцев в ЕАО. В случае положительного решения предлагалось на средства западных благотворительных организаций создать в Париже, Варшаве и других европейских городах советские консульско-проверочные пункты для выдачи въездных виз

* Правда, в 1935 году еврейская иммиграция в Палестину, достигнув своего максимума, составила 65 тыс. человек, что превратило этот регион в главное убежище от холокоста. Лидер сионистов Х. Вейцман заявил в 1936 году, что от уничтожения в Европе могут спастись только два миллиона евреев, при условии, что один миллион иммигрирует в Палестину, и еще один — в другие страны.

прошедшим отбор беженцам. В тот же день руководитель советской внешнеторговой компании в США Амторг П.А. Богданов сообщил М.И. Калинин о состоявшейся накануне беседе с председателем правления «Джойнта» Д. Розенбергом, который сравнил создание ЕАО в СССР с работой сионистов в Палестине. В ответ на открытие СССР своих границ европейским евреям, следующим в Биробиджан, он предложил переадресовать туда деньги, которые советское правительство должно было уплатить «Агро-Джойнту» в счет погашения полученного ранее займа, а также пообещал организовать дополнительный сбор средств, обратившись к таким богатым семействам Америки, как Варбурги, Розенвальды и Леманы²³³.

Реакция советских властей на эти предложения была неоднозначной. Сталин вроде бы был не прочь на фоне жестокостей, чинимых Гитлером в отношении евреев, проявить к ним гуманизм и тем самым содействовать моральной реабилитации своего режима в глазах международной общественности. Вместе с тем сложившаяся к середине 30-х годов внутренняя ситуация в Советском Союзе с присутствием ей массовым террором, ксенофобией и всеобщей подозрительностью отнюдь не способствовала открытию границ социалистической державы. Противоречие это наложило свою печать на постановление политбюро «О переселении евреев в Биробиджан» от 28 апреля 1935 г. Хотя в нем и разрешался в течение 1935–1936 годов приезд в ЕАО 1000 семейств из-за рубежа, но это оговаривалось следующими жесткими условиями:

«а) все переселяемые из-за границы принимают советское гражданство до въезда в СССР и обязуются не менее трех лет работать в пределах Еврейской автономной области; б) отбор переселяемых производится ОЗЕТОм в основном на территории, входившей до империалистической войны в состав Российской империи; в) переселяющиеся в СССР должны иметь при себе 200 долларов».

Еще более существенные ограничения содержались в секретных «Правилах о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в Еврейскую автономную область», утвержденных политбюро 9 сентября. Ими предусматривалось обязательное участие в предоставлении гражданства иностранцам органов НКВД, которые должны были тщательно проверить иммигрантов, в том числе выяснить их классовое происхождение, то есть принадлежность к трудящимся (рабочим, служащим, кустарям или земледельцам, не использовавшим наемный труд), а также определить, способны ли они к тяжелой физической работе²³⁴.

Все попытки «Агро-Джойнта» развернуть более или менее самостоятельную деятельность в ЕАО окончились безрезультатно. Этой организации было лишь позволено взять на себя доставку переселенцев на советскую границу и их передачу там представителям

КомЗЕТа. Не был принят и предложенный «Агро-Джойнтом» план перемещения на советский Дальний Восток в 1936–1937 годах нескольких тысяч еврейских беженцев. Его представителю было разъяснено, что в Биробиджане смогут принять не более 150–200 семей, причем только из Польши, Литвы и Румынии, да и то после тщательной проверки. А 17 сентября 1936 г. все дела, связанные с направлением иностранцев в Биробиджан, были переданы переселенческому отделу НКВД СССР²³⁵. Тем не менее в период с 1931 по 1936 год в Биробиджан смогло прибыть 1374 иностранца. Многие из них после недолгого пребывания там уехали обратно, а те, кто не последовал их примеру, стали с 1937 года постепенно исчезать в недрах ГУЛАГа.

Политические заморозки, начавшиеся в стране в середине 1936 года, сказались не только на связях ЕАО с внешним миром, но и на ситуации в самой области. В сентябре секретарь партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Шкирятов проинформировал секретаря ЦК Н.И. Ежова о результатах проверки ОЗЕТ, в ходе которой выяснилось, что его председатель Диманштейн вел с начала 1935 до середины 1936 года «закулисные» переговоры с ИКОР, а председатель исполкома ЕАО И.И. Либерберг направил от своего имени руководству этой организации приглашение, которое потом было опубликовано в американской печати. Шкирятов предложил дезавуировать это приглашение и примерно наказать его инициаторов²³⁶. Это был явный признак приближавшейся политической грозы, которая очень скоро разразилась над головами как участников этого скандала, так и других представителей еврейской номенклатурной элиты. Одной из первых жертв самого кровавого в советской истории вала репрессий и стал упомянутый Либерберг, ученый-историк, который в 1929–1934 годах был директором Института еврейской пролетарской культуры Всеукраинской академии наук. Его, делегата XVII партсъезда «победителей», направили в Биробиджан, поставив во главе советской власти области. Приняв за чистую монету пропаганду о пролетарском Сионе на Дальнем Востоке, Либерберг с энтузиазмом включился в новую работу. Но уже в октябре 1935 года, когда он попытался придать еврейскому языку (идишу) статус официального языка ЕАО, в его адрес посыпались обвинения в национализме, и ему пришлось покаяться в своем «прегрешении», однако это не помогло. В августе 1936 года Либерберг был неожиданно вызван в Москву «для отчетного доклада», но по прибытии в столицу его немедленно арестовали. Теперь уже бывшего председателя исполкома ЕАО обвинили в активном участии в 1933 году в троцкистской террористической организации, «руководителей» которой, Я.С. Розанова и Н.В. Билярчика, взяли к тому времени под стражу на Украине. Два месяца Либерберг все отрицал, но потом, видимо, подвергшись допросам «с пристрастием», признал предъявленные ему обвинения, подтвердив 9 марта 1937 г. свою вину

на заседании военной коллегии Верховного суда СССР, приговорившей его к расстрелу²³⁷.

Не удержался на своем посту и первый секретарь обкома партии ЕАО М.П. Хавкин. Его травля началась после того как корреспондент «Тихоокеанской звезды» С.М. Кремер направил 23 октября 1936 г. вновь назначенному наркому внутренних дел Н.И. Ежову донос, в котором сообщил, что Хавкин в декабре 1923 года, в бытность его первым секретарем Гомельского горкома РКП(б), критиковал Сталина, встав в ходе проходившей тогда партийной дискуссии на сторону Л.Д. Троцкого и Е.А. Преображенского. 4 мая 1937 г. Хавкина сняли с должности. Сменивший его А.Б. Рыскин, возглавлявший ранее Минский горком, не долго продержался на посту первого секретаря ЕАО. В начале сентября его арестовали и через несколько недель расстреляли. Тем временем мытарства Хавкина продолжались. В начале 1938-го его взяли под стражу, но судили только 30 января 1941 г. За «руководство правотроцкистской организацией и проведение вредительской работы» он получил по приговору трибунала Дальневосточного фронта 15 лет лагерей. Хавкина не расстреляли только, видимо, потому, что следствие проводилось в провинциальной глуши и длилось целых три года. Так что судьба подарила бывшему партийному главе ЕАО счастливый шанс пережить большой ежовский террор и дожить до спасшей его бериевской мини-реабилитации. На суде Хавкин заявил о «неслыханно зверских» допросах в Хабаровской тюрьме, проводившихся следователями Малкевичем и Цевилевым, уже арестованными к тому времени «за нарушение норм социалистической законности». Наказание Хавкин отбывал на Чукотке, в Певек-е, работая лагерным портным. В 1950 году его отправили в ссылку в Магадан, а окончательно освободили в 1953-м²³⁸.

Произшедший в 1938 году советско-японский вооруженный конфликт на Дальнем Востоке перечеркнул планы организованного заселения ЕАО. Несмотря на то, что на 1939 год было намечено переселение в область 250 еврейских семей, никто из них туда так и не приехал. По переписи того же года население ЕАО составляло 108 938 человек, в том числе 17 695 евреев (16,2%), из которых в городах области проживал 13 291 человек. Сменивший Рыскина на посту первого секретаря партии ЕАО Г.Н. Сухарев неоднократно обращался в Москву с просьбами возобновить переселение евреев в область. В записке к Маленкову (апрель 1940 г.) он бил тревогу по поводу того, что идет «непрерывный процесс снижения доли еврейского населения... еврейские школы не укомплектованы учителями... областная газета на еврейском языке издается тиражом в 1 тыс. экземпляров». Сухарев предлагал в «ближайшие два—три года» направить в ЕАО 30–40 тыс. евреев из западных областей Украины и Белоруссии²³⁹. Однако этим грандиозным планам не суждено было сбыться.

ЗАКРЫТИЕ «ВОПРОСА» НА ФОНЕ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Символично, что начало репрессий в отношении бидобиджанского руководства совпало с появлением официальной декларации об успешном решении еврейского вопроса в Советском Союзе. Произошло это 29 августа 1936 г., когда президиум ЦИК СССР принял специальное постановление, в котором утверждалось, что «впервые в истории еврейского народа осуществилось его горячее желание о создании своей национальной государственности»²⁴⁰. Перед этим, в январе, Диманштейн отрапортовал второй сессии ЦИК СССР VII созыва о том, что «наша Страна Советов, страна диктатуры пролетариата — единственная в мире страна, правильно разрешившая национальный вопрос, в том числе и еврейский вопрос»²⁴¹. Такое сочетание победных реляций с очередным политическим кровопусканием отнюдь не казалось странным советскому человеку, которому уже с 1928 года был известен постулат Сталина о том, что «по мере нашего продвижения вперед... классовая борьба будет обостряться»²⁴².

Для самого же советского вождя, тем временем подчинившего себе всю страну, все более важным становился внешнеполитический фактор. Поэтому, развернув беспрецедентную по жестокости перетряску номенклатурной элиты, он все чаще склонен был отождествлять ее с «пятой колонной». Это понятие, родившееся тогда же на охваченном гражданской войной Пиренейском полуострове, моментально перенеслось в Россию, где в виде политической «испанки» отлично прижилось в атмосфере кровавой пандемии террора. НКВД фабриковал тогда десятки крупных и сотни мелких «контрреволюционных» заговоров, причем во всех сферах, от армии до культуры. Тщанием этого ведомства возникло и «дело» о «преступной деятельности еврейского националистического подполья», возглавлявшегося бывшим руководством Бунда. Роль «главаря» этой «контрреволюционной организации» отводилась А.И. Вайнштейну (в прошлом председателю Бунда), которого взяли под стражу 2 февраля 1938 г. Однако последний спутал карты следствию тем, что через десять дней после ареста свел счеты с жизнью в тюремной камере*. Замену ему на Лубянке искали недолго. 20 февраля арестовали председателя ОЗЕТа и редактора журнала «Революция и национальности» Диманштейна. Этот выбор Ежова не был случаен. Коммунист с дореволюционным стажем, хорошо знавший Ленина, Диманштейн являлся своеобразным лидером советского еврейства и потому был обречен, как и большинство других доживших до «большого террора» так называемых «малых» вождей, составлявших в свое время конкурен-

* По официальной версии — умер от сердечного приступа.

цию Сталину на партийном, экономическом, идеологическом, национальном и других «фронтах». И хотя Диманштейн раньше в Бунде не состоял, Ежову, видимо, не пришлось долго уговаривать «хозяина» дать санкцию на арест этого в душе преданного ему старого большевика. К несчастью для Диманштейна, еще 28 ноября 1937 г. заведующий отделом печати и издательств ЦК Л.З. Мехлис обвинил его в том, что возглавлявшийся им тогда журнал «Трибуна», выступив с передовой статьей, посвященной двадцатилетнему юбилею Октябрьской революции и предстоящим выборам в Верховный совет СССР, «в замаскированном виде протащил... явно буржуазно-националистические антисоветские тезисы»: «красной нитью провел мысль о том, что выбирать нужно только людей, говорящих на одном языке с избирателями». 2 января 1938 г. оргбюро ЦК утвердило подготовленное Мехлисом решение о конфискации злополучного номера, закрытии журнала «Трибуна» («как оторванного от читательских масс и дублирующего еврейские газеты») и снятии Диманштейна с работы за «пропаганду густопсового национализма»²⁴³.

На случай, если бы Сталин вдруг заколебался с принятием решения по аресту Диманштейна, у Ежова было заготовлено такое *ultima ratio*, в эффективности воздействия которого на вождя тот не сомневался. Подчиненные наркома сфальсифицировали доказательства о преступной связи Диманштейна в 1920–1921 годах (в бытность того руководителем Наркомпроса и Наркомнаца Туркестана) с «буржуазно-националистической организацией» Султан-Галиева, который находился с 19 марта 1937 г. под очередным арестом. По поводу последнего Сталин дал тогда следующее указание Ежову: «Всю эту сволочь (султан-галиевцев. — *Авт.*) надо расстрелять». То, что это была действительно провокация Ежова, выяснилось в 1955 году в ходе подготовки реабилитации Диманштейна. Тогда было установлено, что в материалах следствия 1937–1939 годов по делу Султан-Галиева и его «сообщников» Диманштейн упоминается только в показаниях бывшего председателя ЦИК Туркестана Н.Т. Тюрякулова, да и то как «либеральный человек», и никаких данных о «преступлениях» Диманштейна не имеется²⁴⁴.

Ежов приписал также Диманштейну «активное участие в антисоветской, бундовской, диверсионной и шпионско-террористической организации», вредительскую работу, дискредитацию ЕАО и шпионаж в пользу английской разведки. Очутившись в застенках НКВД, старый большевик первое время держался мужественно и стойко, решительно отвергая предъявленные ему облыжные обвинения. Поэтому, чтобы сломить его волю, следователи пустили в ход методы физического воздействия. Но только почти два месяца спустя им удалось добиться желаемого. 16 апреля они вынудили морально и физически изувеченного узника подписать первый официально оформленный протокол с признательными показаниями. Теперь на

Лубянке располагали «доказательством» того, что при ОЗЕТе существовала законспирированная еврейская националистическая организация, в которую входили редактор «Дер эмес» М.И. Литваков, его заместитель Ф.П. Шпрах, бывшие секретари ЦБ ЕС А.Н. Мережин и А.И. Чемерисский и др. Все они, за исключением последнего, были к тому времени или арестованы, или уже отправлены в мир иной. Некоторые из них под нажимом следствия измыслили свои версии деятельности еврейского националистического подполья в СССР. Так, Шпрах «сознался», что в Советском Союзе долгое время активно функционировал нелегальный Бунд, которым руководили Вайнштейн, Литваков, Фрумкина, Мережин и М.Г. Рафес. Однако он отказался от этих показаний в марте 1939 года на заседании военной коллегии Верховного суда СССР, приговорившей его тем не менее к расстрелу.

Давнишнего члена меньшевистской партии (с 1905 г.) Мережина препроводили на Лубянку 30 октября 1937 г. Перед тем как очутиться там, он какое-то время работал на скромной и незаметной должности преподавателя обществоведения в учебном комбинате Моснарпита, однако это не спасло его от тяжелого и вздорного обвинения. По воле следователей Мережин превратился в одного из участников мифической троцкистской террористической группы, тайно наблюдавшей за проездами Сталина по Красной площади и готовившей покушение на него во время одной из праздничных демонстраций. Для этой цели, как констатировалось в обвинительном заключении, Мережин «хранил револьвер браунинг с боевыми патронами к нему». Кроме того, ему, как работнику управления общественного питания, приписали намерение предпринять на столичных фабриках-кухнях крупномасштабную акцию по массовому отравлению рабочих. Постановлением «тройки» Московской области от 20 декабря 1937 г. Мережин был приговорен к 10 годам лагерей²⁴⁵.

Более суровое наказание постигло Б.С. Боярского, старого бундовца (с 1904 г.), который перед арестом в марте 1938 года работал заместителем председателя правления Сельскохозяйственного банка СССР (в 1934–1937 гг.) и начальником ревизионного управления ГУЛАГ НКВД СССР (в 1937–1938 гг.). Его расстреляли за участие в антисоветской диверсионно-террористической организации бундовцев, якобы действовавшей в Биробиджане. По аналогичным обвинениям были казнены и некоторые бывшие сионисты-социалисты: председатель Биробиджанского горсовета И.М. Рашкес (в 1918–1919 гг. член украинской Центральной рады; в 1921–1923 гг. с целью сбора средств для российских евреев — жертв погромов и голода нелегально находился в США под фамилией «Михайлов»; летом 1936 г. должен был поехать от КомЗЕТа в Литву и Польшу для вербовки переселенцев в ЕАО, однако эта поездка не состоялась; расстрелян 16 сентября 1938 г.), заместитель директора Коммунисти-

ческого университета национальных меньшинств Запада А.З. Брахман, а также бывший член Бунда М.Н. Кипер (в 1921–1923 гг. наркомнац БССР, в 1933–1935 гг. секретарь Сталиндорфского райкома партии Днепропетровской области, расстрелян в 1938 г.).

«Главаря бундовского подполья» Диманштейна казнили 25 августа 1938 г., сразу же по вынесении ему смертного приговора военной коллегией Верховного суда СССР. При его реабилитации в 1955 году выяснилось, что Диманштейн под пытками оговорил себя, «признавшись» в связях с иностранными спецслужбами. Однако в захваченных Советской армией в годы Второй мировой войны немецких секретных архивах он как один из видных советских государственных деятелей лишь упоминался в картотеках гестапо и французской контрразведки, причем никаких других, в том числе компрометирующих его данных, в этих документах обнаружено не было. В заключении комиссии по реабилитации констатировалось также, что вопреки вынесенному приговору Диманштейн никогда не входил в Бунд и не был сионистом, а, наоборот, вел борьбу с этими политическими течениями, получая соответствующие директивы, в том числе и от Ленина²⁴⁶.

Последовавшая через несколько месяцев после расправы с Диманштейном смена руководства НКВД способствовала прекращению расстрелов бывших бундовцев. Новый нарком внутренних дел Л.П. Берия распорядился провести переследствие по делам еще оставшихся в живых бывших руководителей Бунда и ЦБ ЕС Фрумкиной* и Рафеса**. В результате первоначально предъявленные им обвинения в шпионаже и подготовке свержения советской власти были пересмотрены и переквалифицированы по статье 58, п. 10, Уголовного кодекса РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Военная коллегия Верховного суда СССР, разбиравшая их дело 2 июня 1940 г., решила ограничиться определением каждому 10-летнего срока лагерного заключения. Однако отбыть и такое наказание в бесчеловечных условиях тогдашнего ГУЛАГа было не под силу престарелым Фрумкиной и Рафесу. Первая умерла в карагандинском лагере в 1943 году, а второй — в Желдорлаге Коми АССР годом ранее.

Такая же участь постигла еще одного бывшего руководителя ЦБ ЕС — А.И. Чемерисского, который умер в Устьвымлаге Коми АССР 17 февраля 1942 г. Арестовали его уже после «ежовщины», 8 апреля

* В 1925–1936 годах Фрумкина работала ректором Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, затем директором Московского педагогического института иностранных языков. В декабре 1937 года «за связь с врагами народа» ее исключили из партии, сняли с работы и выслали в Новосибирск, где через несколько месяцев арестовали.

** С 1924 года и до ареста в мае 1938 года Рафес сменил множество мест службы: работал в Коминтерне, в иностранном отделе ТАСС, в Наркомлесе, на кинофабрике в Ялте.

1939 г., и то, можно сказать, случайно. В марте Чемерисский направил в президиум XVIII съезда партии письмо, в котором ходатайствовал об отмене решения ОГПУ от 16 июня 1934 г. о высылке его в Казахстан. Незадачливому жалобщику, перебравшемуся к тому времени в Ярославль и работавшему там неприметным ретушером в артели «Фототруд», было невдомек, что по воле случая ему удалось, затерявшись в провинциальной глуши, выпасть из поля зрения столичных органов и что своим обращением в Москву он невольно помогает властям устранить это их «упущение».

На Лубянке Чемерисскому предъявили длинный перечень его прегрешений начиная с 1899 года. В тот год он принял предложение начальника московского охранного отделения С.В. Зубатова о сотрудничестве и стал его секретным агентом под кличкой «Сашка». По заданию охраны Чемерисский, а также арестованная полицией и завербованная в 1900 году социалистка-бундовка М.В. Вильбушевич создали в июне 1901-го в Минске легальную Независимую еврейскую рабочую партию (НЕРП), пытавшуюся с помощью экономических лозунгов отвлечь еврейскую молодежь от соблазна революционного радикализма и терроризма. После того как в июле 1903 года Зубатова отправили в отставку, а на его проекте «легалного социализма» поставили крест, НЕРП была распущена. Оказавшись не у дел, Чемерисский через два года вступил в Бунд, его же бывшая единомышленница Вильбушевич направилась в США, а оттуда — в Палестину, где развернула активную сионистскую деятельность. После Октябрьской революции Чемерисский примкнул к большевикам. Произошло это в 1919 году, тогда же он, чтобы скрыть свое прошлое сотрудничество с полицией, изменил одну букву в фамилии и стал Чемеринским. Однако эта хитрость, как, впрочем, и прежние контакты с охранкой, впоследствии обнаружились, что и послужило причиной его исключения в мае 1934 года из партии и произошедшей вскоре высылки в Казахстан. Помимо этих старых грехов Чемерисскому вменили в вину следующее: 1) работая секретарем ЦБ ЕС, «с 1920 года группировал вокруг себя контрреволюционные националистические кадры» и обеспечил принятие на всероссийском совещании евсекций в 1921 году решения «о сохранении бундовских кадров и продолжении борьбы против коммунистической партии»; 2) «в период профсоюзной дискуссии в 1921 году выступил как активный троцкист и по заданию троцкистов (Крестинского, Преображенского и Серебрякова) стал разъездным агитатором и организатором по троцкистским тезисам о профсоюзах»; 3) «с момента запрещения легального существования Бунда в СССР... совместно с другими создал подпольную контрреволюционную организацию, объединив в ней все буржуазные течения: сионистов, эсеров, меньшевиков, полейционистов... и в 1931 году на нелегальном совещании контрреволюционного центра бундовцев... вместе с дру-

гими принял решение о свержении Советской власти при помощи интервентов, установив связь с Абрамовичем* (Берлин)»; 4) «проводил вредительскую работу в Биробиджане и контрреволюционную националистическую агитацию среди трудящихся евреев за создание еврейской республики в Крыму, с отчуждением ее к Англии и Биробиджана — к Японии».

В августе 1939 года по делу Чемерисского было составлено обвинительное заключение, квалифицировавшее совершенные им деяния по статье 58-й, 13-й пункт которой предусматривал наказание в виде смертной казни. Однако в связи с бериевской «мини-реабилитацией» дело направили на исследование, и только 7 июля 1941 г. приговором военной коллегии Верховного суда СССР Чемерисский «как активный участник подпольной контрреволюционной бундовской организации» был заключен в лагерь сроком на десять лет²⁴⁷.

Поскольку основные идеологи и организаторы евсекций и еврейского землеустройства один за другим объявлялись преступниками, дальнейшее существование таких организаций, как ОЗЕТ и КомЗЕТ, стало невозможным. Логическая развязка пришлась на весну 1938 года. 4 мая политбюро распорядилось о закрытии КомЗЕТа и свертывании деятельности на территории СССР «Агро-Джойнта», ОРТа и ЕКО. Контроль за исполнением данного решения был возложен на заместителя председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР З.М. Беленького**, который 27 мая представил Сталину компромат против последнего руководителя КомЗЕТа С.Е. Чуцкаева (старый русский большевик, который был назначен на эту должность после смерти Смидовича в 1935-м, а до того работал с конца 20-х годов председателем Дальневосточного крайисполкома), обвинив его во вредительстве и преступных связях с ЕКО. Конкретно ему инкриминировалось то, что 22 апреля он приватно проинформировал центральное правление ЭКО в Париже о 40–50 тыс. долларах, которые тому будут причитаться от советского правительства после реализации имущества ликвидируемого московского отделения. За это «предательство» государственных интересов и «преступную деятельность» Чуцкаев 31 мая был исключен из рядов партии²⁴⁸. Опальному престарелому функционеру Сталин все же сохранил свободу и жизнь, рассудив, наверное, что тот ему не опасен. Какое-то время Чуцкаев даже еще работал на второстепенных должностях на ряде московских предприятий. Умер он в 1944 году в эвакуации в Свердловске.

* Р.А. Абрамович (Рейн) — лидер правого Бунда, выехал за границу в октябре 1920 года.

** В 1940 году был расстрелян по сфабрикованному обвинению, а до этого жестоко пытаем помощником начальника следственной части НКВД СССР Д.М. Никитиным.

11 мая, то есть ровно через неделю после ликвидации КомЗЕТа, аналогичное решение было принято политбюро и в отношении ОЗЕТа. Формальным основанием для этого послужила проверка, предпринятая по заданию заведующего отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова. 5 мая по результатам обследования ОЗЕТ тому было доложено, что эта общественная организация, насчитывавшая в своих рядах 250 тыс. членов, а также располагавшая 20 полкустарными предприятиями в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе и других городах, «является замечательным притоном для всяких контрреволюционных бундовских элементов, перебежчиков и шпионов». Кроме того, сообщалось, что в центральном совете ОЗЕТа с 1931 по 1937 год «сидел враг народа Диманштейн» и были представлены еще десять арестованных вместе с ним сотрудников*. Запрограммированный изначально вывод гласил, что, поскольку переселение в Биробиджан практически прекратилось (из-за обострения положения на границе с Маньчжоу-Го), дальнейшее существование ОЗЕТа, «пережившего свои функции и не соответствующего данному политическому моменту», нецелесообразно²⁴⁹.

Официально деятельность «Агро-Джойнта» на территории СССР намечено было прекратить с 1 июня, о чем 23 мая поставили в известность председателя СНК СССР В.М. Молотова его заместитель В.Я. Чубарь и З.М. Беленький, сообщившие при этом, что «все без исключения принадлежащие «Агро-Джойнту» в СССР активы передаются на безвозвратные расходы по мероприятиям, направленным на улучшение производственных, культурных и бытовых условий трудящихся евреев...». Но фактически свертывание работы «Агро-Джойнта» началось еще с октября 1937 года, когда разгрому подверглось его московское отделение. Тогда почти все его работники из числа советских граждан оказались в застенках Лубянки. Д-р Розен, пытаясь как-то защитить своих подопечных, обратился 16 декабря 1937 г. к руководству НКВД СССР, а 8 июня 1938 г. — к Молотову, прося последнего о личной встрече и заверяя, что возводимые на его арестованных сотрудников обвинения являются «результатом недоразумения и злостных оговоров». Но надеждам Розена на то, что хотя бы из благодарности за немалый вклад его организации в советскую экономику (около 20 млн. долларов безвозмездной помощи и 5 млн. долларов в виде долгосрочного займа) его мольбы будут услышаны в Кремле, не суждено было сбыться.

* Были арестованы, в частности, заместители Диманштейна С.Е. Вейцман (брат будущего первого президента Израиля Х. Вейцмана; расстрелян в 1939 г. как английский и немецкий шпион) и Б.И. Троицкий (ранее — Троицкий), а также ответственный секретарь ОЗЕТ Г.Н. Эйдельман и другие руководящие работники.

Известно, что 1 сентября 1938 г. был расстрелян заместитель Розена С.Е. Любарский. Такая же судьба постигла юриста «Агро-Джойнта» И.А. Гроера и некоторых других его бывших коллег²⁵⁰.

Пострадали, впрочем, не только сотрудники «Агро-Джойнта», но люди, тем или иным способом (иногда и тайно) контактировавшие с Розеном. Так, в 1937–1938 годах в Москве были арестованы некоторые еврейские религиозные деятели, в том числе главный раввин, хасид Ш.Я. Медалье*, председатель правления столичной иудейской общины М.Д. Брауде, его заместители Э.Я. Шептовицкий, Б.С. Рабинович, член правления общины А.Л. Фукс и др. Следствием было установлено, что начиная с 1922 года Розен негласно финансировал советское иудейство, в том числе и созданный им «сионистский подпольный центр еврейских клерикалов и националистов», представлявший собой, по версии Лубянки, нелегальную организацию основанной в 1902 году религиозно-сионистской партии «Мизрахи» («Восток»). Выяснилось, что религиозное подполье поддерживало связь с заграницей (Лондоном) и через исполнительный орган — «мерказ» («центр») распределяло средства по периферийным общинам в Киеве (раввин Шехтер), Саратове (раввин И.Я. Богатин) и других городах, а также финансово поддерживало нелегальные ешиботы и членов семей репрессированных религиозных евреев.

Тайную материальную помощь еврейским религиозникам в СССР Розен стал оказывать с начала 20-х годов и в основном через А.Л. Фукса, бывшего фабриканта, открывшего в 1924 году в Москве кооперативно-кредитное товарищество «Трудкредит». Когда через пять лет товарищество было закрыто, Фукс вместе с членами правления был арестован по обвинению в экономической контрреволюции и негласном финансировании еврейской религиозной общины под прикрытием кооперативной организации еврейских кустарей. Однако вскоре его выпустили на свободу, и он вплоть до нового ареста продолжал тайно сотрудничать с Розеном.

* Аресты Медалье, его сына и зятя были произведены после того, как в конце 1937 года негласный информатор НКВД сообщил на Лубянку, что годом ранее Медалье вместе со своим помощником И.С. Урысоном выступили на одном из нелегальных собраний со следующим заявлением: «Еврейская религия в СССР все время репрессирована, она загнана в подполье, в то время как там, на Западе, она прогрессирует. Еврейский народ как нация уже не существует. Биробиджан — советская колония. Еврейскому народу необходимо сплочение... чтобы спастись от наступления коммунизма в СССР». Медалье инкриминировали также «преступные связи» с раввинами из рода Шнеерсонов, причем не только в СССР (Днепропетровск, Николаев), но и за рубежом (Рига). 26 апреля 1938 г. Медалье как «активный участник антисоветского религиозного центра» был расстрелян по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

После краха своего проекта в СССР Розен тем не менее остался верен главной цели своей жизни — расселению европейского еврейства на новых землях. Вплоть до своей смерти в 1949 году он пытался использовать накопленный в России опыт в Британской Гвиане и Доминиканской Республике.

По мере того как в СССР искоренялись сионистское движение и нелегальный иудаизм, настаивали нелегкие времена для официальной идишитской культуры, которая поддерживалась советскими властями только как альтернатива сионистскому гебраизму. Поскольку идишизм не мог не препятствовать полной ассимиляции еврейского населения (а именно в этом заключалась истинная суть решения еврейского вопроса по-сталински), он со временем стал все больше восприниматься советским руководством как нечто подобное уничтоженному сионизму — потенциально питательная среда еврейского национализма, объявленного вне закона. Поэтому на смену преференций в отношении идишитской культуры приходит латентная политика ее постепенного удушения.

Весомым объективным аргументом в пользу такого курса стал широкомасштабный ассимиляционный процесс, который захватил еврейскую среду еще начиная с 1917 года, то есть со времени отмены черты оседлости и объявления советской властью «свободного развития национальных меньшинств»²⁵¹. Причем открывшаяся тогда перед веками дискриминировавшимся народом широкая возможность общественного роста и жизненного преуспевания меньше всего требовала знания собственного национального языка и культуры. Даже наоборот, чтобы занять в новых условиях место под солнцем, необходимо было, если так можно выразиться, максимально русифицироваться. Ускоренной ассимиляции способствовали также почти полное переселение евреев из исполненных национальной специфики местечек в города и мегаполисы с доминирующим русскоязычным населением, массовый их отход (в том числе под воздействием сильного бытового антисемитизма и советской интернационалистической пропаганды) от национальной религии и традиций, постоянно растущее количество смешанных браков и т. п. Если в 1897 году родным языком владели 97% евреев, живших в Российской империи, а в 1926-м — менее 70% евреев СССР, то к 1939-му эта цифра уменьшилась до 40%. В то же время доля евреев, определявших русский язык как родной, увеличилась с 25% в 1926 году до 55% в 1939 году²⁵².

Отход еврейства от национальной культуры хотя и был во многом вполне естественным процессом, тем не менее не означал, будто власти его не стимулировали со своей стороны. Отдельные административные меры в этом направлении стали приниматься с конца 20-х — начала 30-х годов. Именно тогда начали сгущаться первые грозные тучи над идишитской культурой, причем главным обра-

зом в Белоруссии и на Украине, то есть там, где она была развита в наибольшей степени. Показателен в этой связи совершенно секретный доклад, направленный 15 июля 1929 г. Сталину председателем ЦКК КП(б)У и наркомом рабоче-крестьянской инспекции УССР В.П. Затонским, в котором делался многозначительный вывод о том, что «еврейский вопрос в целом и в частности в области идеологической требует специального исследования как в Белоруссии, так и на Украине»²⁵³.

Но это были лишь первые тревожные для идишистской культуры звонки, а жесткий прессинг на нее начался с середины 30-х годов. Не будучи по характеру своему антисемитским, он проводился в рамках массивного генерального наступления на права советских национальных меньшинств. Наиболее сильный удар пришелся тогда по полякам, финнам, грекам, немцам, эстонцам, литовцам и другим нацменьшинствам — выходцам из сопредельных и в то время враждебных СССР стран. С 1936 года началось их массовое выселение (главным образом немцев и поляков) из западных приграничных районов. А в период с лета 1937 по зиму 1938 года ЦК ВКП(б) и НКВД СССР был издан ряд директив о борьбе с румынскими, иранскими, греческими и другими «буржуазными националистами — агентами иностранных спецслужб». Из 1 602 000 человек, арестованных в 1937–1939 годах по политическим статьям Уголовного кодекса, 346 000 человек были представителями нацменьшинств, причем 247 000 из них были расстреляны как иностранные шпионы. Из арестованных чаще других казнили греков (81%) и финнов (80%). В трагической череде уничтожавшихся нацменьшинств евреи занимали тогда одно из последних мест. Всего в 1937–1938 годах их было арестовано НКВД 29 тыс., что составляло приблизительно 1% от общей численности этого нацменьшинства (такой же процент репрессированных был характерен для русских, украинцев и других основных народов СССР). В то же время в заключении оказались 16% всех проживавших в стране поляков или, скажем, 30% латышей²⁵⁴.

Одновременно шла ликвидация культурно-образовательных и территориально-управленческих институций нацменьшинств. По подготовленным под руководством Г.М. Маленкова* постановлениям политбюро от 7 декабря 1937 г. и 20 февраля 1939 г. была проведена сначала частичная, а потом и почти полная ликвидация национальных районов и сельских советов, за исключением, может быть, только еврейских, которые были официально упразднены в 1944 году²⁵⁵.

* Инициировала этот процесс записка Маленкова от 29 ноября 1937 г., в которой, в частности, отмечалось: «Сейчас полностью установлено, что в ряде случаев национальные районы были созданы по инициативе врагов народа, для того чтобы обеспечить успешное развертывание своей контрреволюционной и шпионско-диверсионной деятельности» (256).

В отношении же закрытия учебных и культурно-просветительных учреждений нацменьшинств таких исключений не было. 20 апреля 1936 г. прекратил свою деятельность Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского. В этом учебном заведении, обучавшем как советских граждан, так и эмигрантов — членов зарубежных компартий, функционировал и еврейский сектор, где преподавались еврейский язык и литература, история революционного движения и другие дисциплины. В 1932 году среди питомцев этой кузницы коминтерновских кадров был польский еврей Л.З. Треппер, который состоял в разные годы в компартиях Польши, Франции и Советского Союза. Преподававший ему Диманштейн любил на лекциях повторять слова Ленина о том, что антисемитизм — это контрреволюция. По окончании института в 1935 году Треппер был распределен на работу в отдел международных связей Коминтерна, откуда через год был направлен на службу в иностранный отдел Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Приехав в 1938 году под видом канадского бизнесмена в Бельгию, Треппер координировал отсюда создание в Западной Европе разветвленной советской разведывательной сети, состоявшей в основном из агентов еврейского происхождения, преданных идеям коммунизма и ненавидевших нацистов. Впоследствии эта разведывательная группа, названная гитлеровцами «Красной капеллой», вошла в историю Второй мировой войны, совершив ряд крупных и успешных операций.

После того как 17 декабря 1937 г. вышло постановление политбюро «О национальных школах»*, повсеместно началось массовое закрытие этих учебных заведений. Развернутое обоснование этих действий содержалось в появившихся примерно тогда же решениях оргбюро ЦК от 1 декабря 1937 г. и 24 января 1938 г., в которых утверждалось, что «враждебные элементы, орудовавшие в наркомпросах союзных и автономных республик, насаждали особые национальные школы... превращая их в очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей». В первую очередь подлежали реорганизации в учебные заведения обычного типа финские, эстонские, латышские, немецкие, греческие и другие «искусственно созданные» национальные школы, дальнейшее существование которых было признано «вредным». Ликвидировались и еврейские школы, правда далеко не все и не сразу, и мотивировалось это не «засорением преподавательского состава враждебными элементами» (как при закрытии, к примеру, финских и эстонских школ), а такими причинами, как сокращение контингента учеников или желание

* На конец 1937 года в национальных школах, действовавших в областях и краях РСФСР (без учета автономных республик), обучалось около 520 тыс. детей (257).

родителей перевести их в обычные школы. Если в 1927 году в еврейских школах СССР обучалось 107 000 учеников, то в 1939-м — 75 000²⁵⁸. Параллельно происходило свертывание системы подготовки кадров преподавателей. Ссылаясь на постановление ЦК от 19 марта 1938 г. «О ликвидации особых национальных педагогических техникумов, педагогических училищ и национальных отделений при институтах», нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин обратился 13 августа на Старую площадь с предложением упразднить существовавшее с 1926 года при литературном факультете Московского государственного педагогического института еврейское отделение, подготовившее за время своего существования 200 учителей еврейского языка и литературы. Через десять дней эта инициатива получила нормативное оформление в ЦК ВКП(б), который, кроме того, количественно урезал подготовку учителей для еврейских школ в педагогических институтах Витебска, Минска и Одессы. За несколько месяцев до этого были закрыты также Одесский и Харьковский еврейские машиностроительные техникумы, что, впрочем, больше обуславливалось сокращением в них количества студентов и отсутствием учебных пособий на родном языке, чем политической конъюнктурой²⁵⁹.

С середины 30-х годов в Москве, Ленинграде, Минске и Киеве стали упраздняться еврейские научно-гуманитарные структуры, действовавшие в академической системе²⁶⁰. Некоторым из них, впрочем, удалось выжить, но в ином, менее значимом виде, например Институту пролетарской еврейской культуры Украинской академии наук, преобразованному в начале 1936 года в Кабинет еврейской культуры.

Умеренность советского руководства в действиях, направленных против еврейских образовательных и научных учреждений, говорит о том, что это была не антисемитская акция, а рутинное «мероприятие», проводившееся в рамках общего наступления на права нацменьшинств. Конечно, во всем этом уже ощущался душок поднимавшего голову великорусского шовинизма, но страдали от него все без исключения нацменьшинства, причем в отдельных случаях на некоторых из них тогда обрушивались более жестокие гонения, чем на евреев.

Ограничениям подверглась и ранее опекавшаяся и дотировавшаяся идишитская культура. По судьбам некоторых ее деятелей, особенно тех, кто был в той или иной мере ранее связан с оппозицией (прежде всего с троцкистской), прошелся каток «большого террора». Недавние правофланговые в борьбе с «контрреволюционным» гебраизмом теперь по закону конвейера все чаще оказывались сами в роли подозреваемых, гонимых, уничтожаемых. 7 сентября 1937 г. ЦК ВКП(б) неожиданно запретил поездку в Париж на конгресс по защите еврейской культуры уже укомплектованной делегации в

составе идишитских литераторов Д.Р. Бергельсона, И.С. Фефера, И.Д. Харика, журналиста М.И. Литвакова и театрального режиссера и актера С.М. Михозлса. Очевидно, на Старой площади стало известно, что в качестве главного организатора этого международного антинацистского форума подвизался лидер еврейского социализма эсеровского толка Х.И. Житловский, предложивший обсудить идею так называемого «Идишланда» — некой символической духовной родины, способной объединить вопреки классовым и государственным границам всех евреев мира, говорящих на идиш, и помочь им выстоять под натиском как ассимиляции, так и сионизма²⁶¹.

Кульминационным моментом гонений на идишитскую культуру стал арест ее признанного авторитета Литвакова. На долю этого прекрасно образованного человека (обучался в Сорбоннском университете) выпала сложная и насыщенная трагическими событиями судьба. Порвав в 17 лет с традиционной религией, он в конце 90-х годов XIX в. стал приверженцем так называемого духовного сионизма Ахад Гаама, потом, примкнув к сионистам-социалистам, объединил часть этого движения в основанную им партию «Ферейникте», от которой в 1917 году вошел в украинскую Центральную раду. В 1919 году, возглавляя левое крыло этой партии, Литваков вступил в Комбунд, а через два года — в РКП(б). Связав свою судьбу с большевиками, он вскоре стал ответственным редактором газеты «Дер эмес» (идишитского аналога «Правды») и пребывал на этом посту с небольшим перерывом* вплоть до ареста 14 октября 1937 г. На Лубянке ему инкриминировали проведение вредительской работы в печати и участие начиная с 1933 года в контрреволюционной троцкистской террористической организации, в которую он якобы был завербован деканом исторического факультета Московского университета Г.С. Фридляндом (арестован в мае 1936 г.). Но главным пунктом выдвинутого против Литвакова обвинения стало приписанное ему руководство террористической группой в Минске, в которую по воле следствия были включены такие известные белорусские еврейские литераторы, как Я.А. Бронштейн, Х.М. Дунец и М.С. Кульбак. Примечательно, что все они до ареста были яркими литературными противниками Литвакова, причем первые двое критиковали его с левацких, «белорапповских» позиций, а последний, будучи так называемым «попутчиком», — с «право-оппортунистических». Используя эти межличностные противоречия, следствие надеялось быстро получить обличившие Литвакова показания и не ошиблось в своих расчетах. Однако это не спасло тех, кто вынужден был оговорить своего коллегу.

* В 1931 году за «ошибки националистического характера» Литваков был отстранен от редактирования «Дер эмес», однако после того, как в 1932 году он покаялся, его восстановили в прежней должности.

В конце 1937 года расстреляли Дунца. Этот бывший член партии сионистов-социалистов (с 1913 по 1920 г.) в 20-е и первой половине 30-х годов успел поработать главным редактором минской еврейской газеты «Октябрь», заместителем наркома БССР по просвещению и начальником Главискусства республики. В начале 1935 года его исключили из партии «за протаскивание в печати троцкистско-зиновьевской контрабанды» и буржуазный национализм, потом, вплоть до ареста, он состоял в рядовой должности культработника на станкоинструментальном заводе им. Кирова в Минске.

Вслед за Дунцом отправили на тот свет и теоретика еврейской пролетарской литературы Бронштейна. Несколько иной конец был уготован его литературному антиподу Кульбаку. Еще осенью 1936 года казалось, что судьба улыбается ему. Тогда в Московском государственном еврейском театре с триумфом прошла премьера его пьесы «Разбойник Бойтре», а в печати появились восторженные отклики на это событие: статьи Михозлса и критика В.И. Голубова. Но уже через год, после того как в театре побывал Л.М. Каганович, пьеса была исключена из репертуара, а впоследствии ее назовут «тживой»²⁶². Жизнь оболганного автора закончилась трагически: в 1940 году он умер в одном из лагерей ГУЛАГа.

Ошельмованного и психологически сломленного Литвакова подручные Ежова заставили раскаться в своих «преступлениях». 19 декабря 1937 г. на заседании выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян по месту вынесения приговора, то есть в Минске. В Белоруссии были репрессированы тогда же и такие еврейские литераторы, как И.Д. Харик и И.П. Ошеревич. Вообще же белорусское руководство в сравнении с другими региональными и даже центральными властями отличалось особой жесткостью в проведении политики подавления еврейской культуры. Поэт П.Д. Маркиш показал в конце 40-х годов на следствии, что когда в конце 1935 — начале 1936 года он приехал в Минск и встретился там с Хариком, Кульбаком и другими еврейскими литераторами, то они уже тогда сетовали по поводу грубого ассимиляторства белорусского начальства²⁶³.

Однако несмотря на тяжкие и кровавые испытания, которым подверг Сталин еврейскую культурную элиту, он пока что не спешил покончить с ней окончательно: она еще была нужна ему в идеологических целях, и прежде всего в антифашистской пропагандистской борьбе. Радикальные антиеврейские настроения наберут силу в верхах только спустя десятилетие. Поэтому в период «большого террора» еврейские общественные и культурные деятели уничтожались властью не как «буржуазные националисты», а как «террористы», «троцкисты», «контрреволюционеры». Даже прекращение издания центральной еврейской газеты «Дер эмес», санкционированное 13 сентября 1938 г. непривычно сверхкратким и не содержавшим

каких-либо мотивировок постановлением оргбюро ЦК, объяснялось, видимо, тем, что эта газета стала восприниматься руководством не как рассадник национализма, а как детище «контрреволюционера» Литвакова. Ведь в это же время в СССР помимо другой периодики продолжали выходить на еврейском языке три ежедневные газеты: «Дер штерн» в Киеве, «Октябрь» в Минске и «Биробиджанер штерн» в ЕАО. Правда, последняя с начала 1940 года перестала печатать оригинальные материалы, превратившись в издание, полностью идентичное выходившей там же русскоязычной «Биробиджанской звезде», но это было сделано для удобства контроля со стороны цензуры²⁶⁴. Вместе с тем не исключено, что в закрытии «Дер эмес» какую-то роль сыграли и набиравшие силу шовинистические настроения.

Пережив террор конца 30-х, продолжал ставить спектакли коллектив Государственного еврейского театра (ГОСЕТ), который с 1929 года возглавлял Михозлс*. Чтобы сохранить уникальный коллектив, он вынужден был включиться в хор обличителей «матерого негодяя» Бухарина и других «правотроцкистских убийц»²⁶⁵. Популярный в еврейской среде, этот талантливый актер и режиссер занял в конце 30-х как бы освободившееся после устранения Диманштейна и Литвакова место общественного и культурного лидера советского еврейства. Большое значение имело тогда для Михозлса покровительство со стороны П.С. Жемчужиной, жены второго человека в государстве — Молотова. В 1939 году не без ее поддержки глава ГОСЕТа был удостоен звания народного артиста СССР, награжден орденом Ленина и избран депутатом Моссовета. Такой же орден получил и поэт П.Д. Маркиш, также находившийся тогда в фаворе у власти. А в 1940 году в Государственном издательстве художественной литературы вышли в свет книги Шолом-Алейхема, Д.Р. Бергельсона, С.З. Галкина, Л.М. Квитко и других известных еврейских поэтов и прозаиков.

Но именно в то время, в конце 30-х — начале 40-х, на этих пока что благополучных деятелей еврейской культуры в тиши служебных кабинетов на Старой площади и на Лубянке стали собирать компромат, который свидетельствовал о зарождении в СССР официального антисемитизма и который в свое время будет пущен в ход. Так, 14 марта 1941 г. в ЦК ВКП(б) на имя А.А. Жданова поступил страннный донос от сотрудника ГОСЕТа Н.А. Белиловского, который обвинил Михозлса в национализме и противопоставлении им «реакционной теории о жизненности и вечности еврейского народа» сталинскому учению об объективной неизбежности ассимиляции

* Прежний руководитель и основатель театра А.М. Грановский, выехав в июле 1927 года в Западную Европу для организации гастролей своего коллектива, стал невозвращенцем.

евреев²⁶⁶. Показательно, что этот материал был сдан в архив только в ноябре 1948 года, то есть когда Михоэlsa уже не было в живых, а в стране развернулась большая антиеврейская чистка.

* * *

Торжественно прозвучавшее на весь мир в середине 30-х годов заявление из Москвы о благополучном решении «еврейского вопроса» на одной шестой части земной суши явилось громадным пропагандистским успехом большевиков. Успех этот был тем более впечатляющим, что подкреплялся такими очевидными достижениями советского руководства, как укрощение массового бытового антисемитизма, обеспечение полного равноправия евреев в образовательной, социальной, культурной и других сферах жизнедеятельности общества. Основным следствием такого реального гражданского равенства евреев явилась их интенсивная ассимиляция, которая тогда носила естественный добровольный характер и не была насильственной. Творцом новой счастливой судьбы советских евреев был объявлен «отец народов» Сталин, увенчанный лаврами создателя нового Основного закона страны, самого демократического в мире. И действительно, вклад этого человека в преодоление многовекового проклятия, тяготевшего над евреями, казался многим, причем не только в Советском Союзе, огромным. Как утверждалось, именно он сначала теоретически обосновал возможность реального решения национальных проблем посредством территориальной автономии и последующего формирования на ее территории полноценной нации, а затем на практике предоставил евреям таковую автономию на Дальнем Востоке. Однако Биробиджанский проект, представлявший собой на самом деле не более чем пропагандистскую акцию, очень скоро обнаружил свою очевидную нежизнеспособность. Но это обстоятельство скорее всего мало беспокоило Сталина. Ведь для него, располагавшего огромными возможностями для манипуляции общественным мнением как внутри страны, так и за рубежом, не составляло большого труда выдать любую фикцию за чистую монету. В дальнейшем пропагандистская шумиха вокруг Биробиджана стала использоваться советским диктатором для стратегического прикрытия подготовлявшегося им с конца 30-х годов реального способа решения проблемы советских евреев: их негласной форсированной ассимиляции, механизм которой будет запущен в полную силу в конце 40-х. Предпосылкой перевода проходившего до этого естественным путем процесса постепенного растворения еврейского населения в русском и других крупных советских этносах на административные рельсы послужили репрессии, обрушившиеся во время «большого террора» на головы идишистских общественных и культурных деятелей. Парадокс ситуации заключался в том,

что в основном это были люди, которых власть сначала использовала в борьбе с сионизмом и еврейским традиционализмом, а потом, когда эта задача была выполнена, цинично и без сожаления обрекла на смерть.

Вместе с тем тогдашнее уничтожение представителей еврейской культуры и общественности, а также партийно-государственных функционеров еврейского происхождения вряд ли будет правомерным квалифицировать как проявление целенаправленной антисемитской политики, ибо террор против них проводился в рамках общей чистки номенклатурной элиты и генерального наступления сталинского руководства на права советских нацменьшинств.

Впрочем, репрессивные действия властей наряду с избранным Сталиным тайным курсом на целенаправленную ассимиляцию и заложили основу сформировавшегося вскоре в СССР государственного антисемитизма, на процессе вызревания которого в нашей стране следует остановиться особо.

Вызревание официального антисемитизма

Государственно-патриотическая альтернатива

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МУТАЦИЯ РЕЖИМА

Одерживая в 20-е годы одну за другой победы в борьбе с оппозицией, добиваясь абсолютного лидерства в стране, Сталин постепенно прибирал к рукам основные бразды правления обществом, и прежде всего стремился установить свою единоличную власть над партийно-государственным аппаратом, армией и политической полицией. Для достижения этой цели он использовал такой идеологический архимедов рычаг, как взятая им на вооружение теория построения социализма в отдельно взятой стране. Назвав эту теорию ленинской*, Сталин начиная с 1924 года активно использовал ее в полемике с главным конкурентом в борьбе за верховную власть — Троцким, который потом охарактеризовал установку на построение социализма в одной стране как социал-патриотическую¹. Вступив в открытое идейное противоборство с таким видным партидеологом и блестящим оратором, Сталин, не обладавший особым опытом да и талантом партийного теоретика, вынужден был до 1928 года отражать интеллектуальные наскоки оппозиции в союзе с Н.И. Бухариным. Тот по сути руководил советской пропагандистской империей (был ответственным редактором таких ведущих партийных органов, как «Правда» и «Большевик») и при активном содействии Сталина оказался в октябре 1926 года на посту генерального секретаря Коминтерна. Однако этот тандем не мог быть прочным и тем более долговечным. Бухарин хоть и подходил, по выражению Троцкого², для роли

* Внешняя, если так можно выразиться, оболочка этой теории, ее декларативно-лозунговая основа действительно была позаимствована прежде всего из таких работ Ленина, как «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.) и «О кооперации» (1923 г.), однако авторство самого главного в ней — конкретной интерпретации ключевых положений — принадлежало исключительно Сталину.

медиума и мог блестяще исполнить тот или иной идеологический заказ, но в то же время сам претендовал на лидерство в партии, прежде всего в теоретических вопросах. Это, конечно, было неприемлемо для Сталина, причем не только в принципе, но и в силу конкретных разногласий, существовавших между ним и Бухариным, чью, скажем, концепцию «аграрно-кооперативного социализма», который предполагалось строить «черепашьим шагом», преодолевая государственный монополизм в экономике путем запуска механизма «свободного рынка»*, он отвергал. Сталин делал ставку на использование в социалистическом строительстве жестких административных методов, которые казались ему не только более эффективными, но и единственно возможными в той крайне напряженной внутри- и внешнеполитической ситуации, которую переживала страна начиная с 1927 года (внутрипартийные распри, разрыв дипломатических отношений с Англией, переход Чан Кайши на сторону Запада и Японии, предпринявших вооруженную акцию «умиротворения» в Китае и т. д.). Сталина поддерживало подавляющее большинство партбюрократии, ибо его методы, в отличие от бухаринских, в оптимальной степени обеспечивали выживание созданной большевиками общественно-политической системы. Ведь в советских верхах была хорошо известна вышедшая в 1925 году в Харбине книга лидера сменовеховства Н.В. Устрялова «Под знаменем революции», в которой автор, предсказывая скорую реставрацию прежнего социального строя в России, отмечал, что русская революция, пройдя весь предначертанный ей историей цикл развития, подошла к стадии, когда уже все более явным становится конечный итог этой крупномасштабной социальной метаморфозы: под покровом коммунистической идеологии слагается новая буржуазная демократическая Россия³. И номенклатурный слой в большинстве своем как раз и ассоциировал такую опасную для него перспективу развития страны с экономической программой Бухарина.

Поняв изошренным политическим чутьем, что теперь вновь и с той же остротой, как и в годы гражданской войны, встал вопрос «кто кого?», Сталин решил на «третью революцию»**. И предпринял ее отнюдь не во имя торжества предвосхищаемого сначала сменовеховцами⁴ и потом Троцким «термидора», а скорее наоборот, чтобы предотвратить грозившую России капитализацию. Сделать это можно было, установив в стране жесткий авторитарный режим и превратив ее в некую социалистическую империю.

* Эта теоретическая модель была соткана из противоречий. К примеру, в ней сочеталось требование экономической либерализации с категорическим отказом от института частной собственности. К тому же ее практическая реализация была рассчитана на нереальную в то время перспективу долговременного мирного развития страны.

** Выражение, пущенное в ход троцкистами.

Воистину, чтобы все (т.е. социальный строй) оставалось прежним, необходимо было многое изменить. В экономической сфере это обернулось насильственной коллективизацией в сельском хозяйстве и «сверхиндустриализацией»⁵ — в промышленности. В позаимствованной у Е.П. Преображенского и других троцкистов идее «большого скачка» в развитии тяжелой индустрии Сталин видел панацею от поражения СССР в уже определенно начавшей назреть тогда новой мировой войне. В 1931 году он довольно точно определил срок, отпущенный историей на промышленную модернизацию страны:

«Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁶.

Как не признать после этого справедливость утверждения, что тоталитаризм зачастую возникает там и тогда, где и когда на повестку дня ставится проблема форсированной индустриализации?

Главнейшим же политическим императивом для Сталина стала замена власти номенклатурной олигархии (так называемой диктатуры партии*) его единоличной диктатурой. Поливождизм должен был уступить место правлению, созвучному традиционной для России автократии. И это было в интересах широкого «среднего» слоя неокрепшей советской бюрократии, видевшего в Сталине сильного политика («хозяина»), способного железной рукой устранить верхушечную междоусобицу, подтачивавшую коммунистическую власть, и установить такой порядок, который бы обеспечил его служителям не только выживание, но и стабильный материальный уровень существования за счет гарантированных привилегий. Облачившись в тогу диктатора, Сталин первым делом отбросил за ненадобностью некоторые внешние атрибуты революционного демократизма большевистских вождей, издав, например, постановление политбюро от 20 октября 1930 г., как бы обязавшее его «немедленно прекратить хождение по городу пешком». Тогда же личная канцелярия Сталина (так называемый секретный отдел ЦК) была переведена со Старой площади в Кремль, который К.Е. Ворошилову было приказано «очистить от не вполне надежных жильцов»⁷.

Освятить кардинальные системные преобразования и консолидировать раздираемое социально-политическими противоречиями общество могла только новая национально-государственная доктрина, направлявшая «переходное» и во многом еще не устоявшееся общественное сознание в облицованное гранитом марксистской догмы русло слепой веры в достижимость великой цели всеобщего процветания.* И такая доктрина, основанная на теории построения социализма в одной стране и идее патриотизма (разумеется, в ста-

* Диктатура партии была осуждена Сталиным в августе 1927 года как возвращение Г.Е. Зиновьевым ленинизма (8).

линской интерпретации) была с конца 20-х годов взята властью на вооружение. При этом Сталина, считавшего себя единственным душеприказчиком ленинского теоретического наследия, несколько не смущало высказанное в свое время его учителем предостережение о том, что «в соединении противоречивых задач патриотизма и социализма была роковая ошибка французских социалистов»⁹. Более того, ему, главному теперь идеологу партии, все ясней становилось то, что революционный космополитизм, проповедовавшийся большевиками-ленинцами, уже в значительной мере выработал свой пропагандистский ресурс, да и одухотворявший коммунистический интернационализм, но так и не воплотившийся в реальную действительность лозунг мировой революции, тоже серьезно обветшал и нуждался в корректировке. Тем более, что в своем изначальном, так сказать ортодоксальном, виде он явно ассоциировался с преданным анафеме троцкизмом.

Понимая, что преодолеть инерцию революционного сознания масс будет не просто, Сталин проводил идеологическую ревизию, что называется, исподволь, придерживаясь тактики осторожных шагов. Думается, для него, человека хорошо знакомого с религиозной догматикой, не составляла особого секрета та истина, что приспособить то или иное учение к собственным нуждам можно и не прибегая к радикальному его обновлению, достаточно в нем просто несколько сместить смысловые акценты. Отсюда понятно, почему Сталин, в конце 1924 года вслед за Лениным утверждавший, что «мировая революция будет развертываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран», в июле 1928 года уже, что называется, с точностью до наоборот упирал на то, что «пролетарии всех стран имеют некоторые довольно серьезные обязанности в отношении пролетарской диктатуры в СССР», которые «состоят в поддержке пролетариата СССР в его борьбе с внутренними и внешними врагами...»¹⁰.

В общем, оставаясь вроде бы приверженным прежним ортодоксальным ценностям большевизма, Сталин тихой сапой осуществлял подмену в этой сфере в духе «национал-реформизма»*. Это дало в руки главного политического противника Сталина и оракула мировой революции Троцкого сильный дополнительный козырь, которым тот, будучи высланным за границу, не преминул воспользоваться, утверждая, например, следующее:

«Печать время от времени возобновляет предположение, что Сталин стремится к международной революции. Нет более ошибочной мысли. Международная политика полностью подчинена для Сталина внутренней. Внутренняя политика означает для него прежде всего борьбу за самосохранение».

* Выражение Л.Д. Троцкого.

Происходившая в СССР идеологическая метаморфоза была очевидной и для представителей старой русской эмиграции. В 1935 году мыслитель и публицист Г.П. Федотов отмечал в Париже, что «мечта о мировой революции погребена окончательно... политика и идеология Советов вступили в фазу острой национализации»¹¹.

С самого начала проводившейся Сталиным идеологической перестройки стало очевидным, что в отличие от Ленина он претендовал не только на роль пролетарского, но и национального вождя. Поэтому для него, как, впрочем, для любого авторитарного лидера, было так важно морально подчинить себе наряду с партией все общество, во всем его социальном и национальном многообразии. Готовя прочную социальную основу для своего режима, диктатор в соответствии с логикой вещей, которая, по его же словам, «сильнее логики человеческих намерений», вынужден был следовать заповеди своей мудрой предшественницы у кормила российской власти Екатерины II: «Боже, избави играть печальную роль вождя партии, — напротив, следует постоянно стараться приобрести расположение всех подданных»¹². Устранение социальной и национальной разобщенности, достижение «морально-политического единства» советского общества и сплочение его вокруг общенародного вождя как раз и должна была обеспечить создаваемая впервые в послереволюционной России национально-государственная идеология. Выкристаллизовавшись вскоре в так называемый советский патриотизм и претендуя в известной мере на некое откровение и исключительность, она тем не менее по сути базировалась на тех же элементах, что и ее «праподательница» — «величественная триада» («православие, самодержавие, народность»), сотворенная в 1833 году министром народного просвещения С.С. Уваровым. Эта, как говорят, заимствованная у немецкого философа и поэта Ф. Шлегеля формула антидемократической государственности, ставшая своего рода консервативным ответом на лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство и братство» (что с самого начала придало ей оттенок реакционности и изоляционистского охранительства), призвана была освящать режим бюрократической автократии. Поэтому адаптировать ее к специфике сталинского правления не представляло большой сложности: первый компонент формулы был механически заменен на марксизм-ленинизм, второй уступил место сталинскому единовластию, а третий, выполнявший «дежурную» декоративно-демагогическую роль и призванный глянец ниспосланной сверху «национальной идеи» — вождь (царь) есть выразитель и защитник интересов народных («народ и партия — едины!») — скрадывать полное отсутствие в государстве реального народоправства, мог быть оставлен без изменений.

Чтобы придать своему генеральному идеологическому наступлению наибольшую эффективность, Сталин заметно нарастил и ужесточил репрессивные акции. Тогда, в конце 20-х, ксенофобия была

по существу возведена в ранг государственной политики* (как, кстати, и при Николае I), а жертвами массового террора стали в первую очередь такие главные хранители остатков общественной самостоятельности, как крестьянство и старая интеллигенция. На деревню обрушился топор «великого перелома», а в городах начались аресты так называемых буржуазных специалистов и «старорежимной» профессуры. ОГПУ поставило на поток фабрикации политических провокаций наподобие «дел» «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков», «Трудовой крестьянской партии». Следуя своей излюбленной тактике «гнилого компромисса» (выражение Троцкого), Сталин широко использовал в этих акциях гвардию интернационального большевизма, хотя та и не вписывалась в идеологические рамки новой национально-государственной концепции и потому сама была обречена стать следующей жертвой политического террора.

Немалую активность в травле своих коллег, заклеянных как выходцы из буржуазной научной школы, проявил академик М.Н. Покровский, который был фигурой номер один на советском историческом фронте. Ему, старому большевику ленинского космополитического склада, принадлежала заслуга введения «Интернационала» в качестве государственного гимна советской России. Произошло это 4 сентября 1918 г. на закрытии Первого всероссийского съезда по просвещению. Тогда Покровский торжественно заявил: «Теперь у нас нет национального гимна. Пусть же революционный «Интернационал» будет нашим революционным национальным гимном»¹⁴. В 1922 году этот законодатель в советской исторической науке резко критиковал Троцкого и поначалу заслужил благорасположение Сталина. Однако уже с конца 20-х годов новопеченного диктатора перестал устраивать национальный нигилизм мэтра от истории, утверждавшего, скажем, что «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и «единой и неделимой»¹⁵. И даже активное сотрудничество Покровского с ОГПУ в фальсификации так называемого «академического дела», по которому как заговорщики и великорусские шовинисты были тогда арестованы С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Е.В. Тарле и другие историки старой школы, не было записано ему в актив. Скорее наоборот: то, что Покровский выказал в этом деле значительно больше усердия, чем полагалось

* 21 ноября 1929 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило с поправками Сталина проект закона о перебежчиках, объявлявший всех находившихся за границей советских граждан, отказавшихся возвратиться в страну по требованию правительства, преступниками. Этим драконовским нормативным актом, имевшим и обратную силу, предусматривался даже расстрел в течение 24 часов после установления личности, если «перебежчик когда-либо в будущем окажется на родине» (13).

в таких случаях, способствовало только дальнейшей его дискредитации в глазах Сталина, который в кругу приближенных называл ученого невеждой и дураком¹⁶. К тому же, вопреки чаянию Покровского, Сталин отнюдь не собирался ставить крест на историках-государственниках, уцелевших с дореволюционных времен. Он хотел лишь сбить с них академический снобизм и гонор и с помощью таких сильнодействующих средств, как аресты и ссылки, «излечить» их от синдрома высокомерия, проявлявшегося в том, что они не переставали считать большевистских вождей случайными правителями великой России. Проще говоря, вождь хотел припугнуть старую профессуру, а потом загнать ее в свое идеологическое стойло, заполнив тем самым дополнительную «тягловую силу» для уже тронувшейся в путь имперской колесницы. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в 1937 году Сталин, расстреляв историков Н.Н. Ванага, Г.С. Фридлянда и других учеников тогда уже покойного Покровского, простил и возвратил из ссылки всех оставшихся в живых историков старой школы. Как бы объясняя этот парадокс, Сталин в марте того же года заявил:

«...Между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница»¹⁷.

О том, что конкретно стояло за этой фразой вождя, можно судить по тому, как сложилась в 30-е годы судьба одного из «вредителей шахтинского периода» академика Тарле, в жилах которого, кстати, текла и еврейская кровь. Будучи арестованным в конце января 1931 года, тот был обвинен в том, что, входя в мифический «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», пытался организовать иностранную интервенцию и свергнуть советскую власть. В будущем «буржуазном» правительстве России он якобы зарезервировал для себя пост министра иностранных дел и потому-де по поручению заговорщиков «вступал в сношения» с французским премьер-министром Р. Пуанкаре, Папой Римским Пием XI... Подобными откровениями изобиловало сфабрикованное ОГПУ «дело» Тарле, закончившееся в августе его высылкой в Алма-Ату. Однако уже через год историку разрешили возвратиться в Ленинград и преподавать в ЛГУ. Новые грозные тучи сгустились над ним летом 1937 года, когда 10 июня одновременно в «Правде» и «Известиях» появились разгромные рецензии на его монографию «Наполеон». Поскольку она вышла годом ранее под редакцией К.Б. Радека и о ней успел положительно отозваться Бухарин (оба были вскоре репрессированы и объявлены врагами народа), то понятно, почему «Правда», не стесняясь в выражениях, назвала Тарле «изолгавшимся контрреволюционным публицистом, который в угоду троцкистам

преднамеренно фальсифицирует историю». Опасаясь нового ареста, Тарле обратился за помощью к Сталину, и тот взял его под свою защиту. Уже на следующий день, 11 июня, «Правда» опубликовала сообщение «от редакции», в котором книга Тарле была названа «самой лучшей» из немарксистских работ, посвященных Наполеону. А 30 июня Тарле получил теплое, ободряющее письмо от Сталина, по настоянию которого 25 апреля 1938 г. политбюро рекомендовало АН СССР восстановить ученого в звании академика¹⁸.

Описанная история была одним из закономерных следствий нового идеологического курса советского руководства, краеугольным камнем которого с 1931 года стал открыто провозглашенный патриотизм. Выступая тогда на всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин торжественно заявил:

«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»¹⁹.

В интерпретации Сталина патриотическая идея представляла собой нечто эклектичное, амбивалентное, причудливым образом соединившее в единое целое коммунистическую догматику и парадигму русского исторического величия*. Причем из этих двух идейных источников было почерпнуто лишь то, что обеспечивало укрепление милитаризованной и чиновно-аппаратной государственности и консолидацию общества вокруг всевластного вождя, и, наоборот, решительно отброшено все, не служившее этой цели. Скажем, значительно больше был востребован из прошлого дух самодостаточности и изоляционизма старой Московии, чем западничество Петра Великого. Или, к примеру, был резко осужден русский либерализм, и в то же время с удивительной точностью воспроизводились полицейско-бюрократические порядки периода царствования Николая I, о которых М.Е. Салтыков-Щедрин писал:

* Эта амбивалентность доктрины государственного патриотизма Сталина наглядно проявилась в его беседе в декабре 1931 года с немецким писателем Эмилем Людвигом, которому он заявил, между прочим, что «Петр Великий — это капля в море, а Ленин — целый океан». В ходе той же беседы (да и не только в ней) Сталин старался не единожды подчеркнуть свою, пускай не кровную, но духовную русскость, употребляя, к примеру, такие выражения, как «мы, русские большевики», или вопреки реальным фактам утверждая, что его первыми учителями марксизма были русские революционеры, проживавшие в Закавказье. Эта потребность идентифицировать себя с русскими еще больше усилилась в последующие годы. Как свидетельствует дипломат О.А. Трояновский, Сталин, принимая в марте 1947 года министра иностранных дел Англии Э. Бевина, несколько раз использовал словосочетание «мы, русские» (20). Все это свидетельствовало о наличии у Сталина устойчивого комплекса национальной неполноценности, который заставлял его постоянно демонстрировать свое русофильство.

«Время было глухое и темное. Правительство называли «начальством», а представление о внутренней политике исчерпывалось выражениями: «ежовые рукавицы» и «канцелярская тайна»²¹.

Апеллируя к великому прошлому России, Сталин не собирался возрождать национальную духовность, неразрывно связанную с историей русского православия. Его прагматический ум надеялся обрести в прежнем величии этой державы прежде всего идеологическое обоснование своим властным амбициям. По свидетельству родственного окружения Сталина, тот в 1935 году высказал мысль о «фетишизме народной психики, о стремлении иметь царя»²². Как бы оправдывая необходимость своего единоличного лидерства в партии и государстве, Сталин вызывал из небытия тени великих преобразователей России — Ивана III, Ивана Грозного, Петра Великого и на их примере убеждал общество, что для решения грандиозных задач современного социалистического строительства необходима куда более сильная власть, чем та, которой обладали когда-то эти монархи-реформаторы. Вместе с тем, поскольку реабилитация дореволюционной истории была выборочной, сохранялась возможность клеймить «проклятое» прошлое России и с выгодой для себя оттенять на фоне минувшего собственные достижения. Исторические парадигмы помогали оправдывать и жестокое, бесчеловечное отношение советских властей к собственному народу, и любые жертвы с его стороны, понесенные якобы во имя достижения великих целей. Как не вспомнить здесь о Ромуле Августуле, последнем императоре Западной Римской империи, однажды с горькой иронией сказавшем: «Когда государство начинает убивать людей, оно всегда называет себя родиной». Примечательно, что в 1934 году почти одновременно были приняты постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая «О преподавании гражданской истории в школах СССР»*, хотя и в урезанном и искаженном виде, но возвратившее народу его историческое прошлое (кроме того, вошли вновь в повседневный лексикон подвергшиеся было революционному ostrакизму такие слова, как «родина», «отечество»), и решение политбюро от 4 мая «О включении в законы СССР статьи, карающей за измену родине»²³, позволившее сталинскому руководству «законным образом» расправиться потом с тысячами ни в чем не повинных людей.

Русский философ И.А. Ильин, рассуждавший как рациональный умеренный националист и полагавший, что «безумию левого боль-

* После 1926 года, когда в школах была введена военная подготовка, постановление от 15 мая 1934 г. представляло собой как бы второй крупный шаг советского руководства в воспитании молодого поколения в традиционном для всего остального мира патриотическом духе. Таким образом, интересы защиты собственного отечества все более настойчиво требовали отказа от романтической химеры всемирной пролетарской солидарности.

шевизма Россия должна противопоставить не безумие правого большевизма, а верную меру свободы...», весьма скептически относился к патриотическо-идеологическим экзерсисам Сталина. Он был глубоко уверен в том, что «патриотизм можно пробудить и расшевелить в людях, для того чтобы он свободно загорелся в них, но навязать его невозможно», поскольку «и самый высший героизм, и самое чистое самоотвержение являются проявлением свободной, доброй воли». По Ильину, «государственная власть, подавляющая свободу человека, строящая все на тоталитарности и терроре, подтачивает свои собственные силы и силы управляемого ею народа» и потому обречена в исторической перспективе²⁴.

Впрочем, подобные философские материи вряд ли занимали тогда Сталина. Используя патриотическую риторику, он решал более конкретные и насущные для себя задачи, и прежде всего такую, как дискредитация явных и потенциальных политических противников. Наиболее наглядным примером такого рода может служить инспирированная сверху моральная травля Бухарина, предшествовавшая его аресту и казни. Названный в свое время Лениным «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии»²⁵ и считавшийся после его смерти ведущим партийным идеологом, Бухарин уже в силу этого обстоятельства обречен был пасть жертвой властных амбиций Сталина. Завязка политической драмы пришла на 1929 год, когда Бухарин был изгнан из политбюро, исполкома Коминтерна и отстранен от руководства редакцией «Правды». Это было время, когда идеологический маятник от социального авангардизма все стремительней смещался в сторону консервативного традиционализма. Чтобы политически выжить, Бухарину пришлось потом в течение нескольких лет беспрестанно каяться в своих ошибках и заблуждениях. И только в 1934 году в награду за это ритуальное унижительное самобичевание он был поставлен ответственным редактором «Известий», обретая вновь, как казалось, право на политическую жизнь. Однако это назначение вовсе не означало отпущения прошлых грехов, Сталин просто дал своей жертве расслабиться, прежде чем добить ее новым пропагандистским оружием — патриотическо-пропагандистской дубинкой, пущенной в ход в начале 1936-го. Тогда в «Известиях» появилась статья Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных и несостоятельных взглядах тов. М.Н. Покровского)»²⁶, которая должна была знаменовать собой начало кампании по идейному развенчанию так называемой школы Покровского. Однако главной мишенью новой пропагандистской атаки суждено было стать не столько давно умершему ученому и его последователям, сколько самому ее невольному инициатору, спровоцированному на это выступление заказавшим статью партийным аппаратом. Уже через несколько дней «Правда» нанесла двойной удар по Бухарину, обвинив его в номерах от 30 января и

10 февраля в глумлении над русским народом (тот назвал его «нацией Обломовых»). Внимательному читателю не составляло особого труда понять, кто выступает в данном случае в роли верховного защитника русских от нападок бывшего оппозиционера, проповедующего ныне антипатриотическую «гнилую концепцию». Конечно, им был Сталин, чье пришедшее весьма кстати высказывание 1924 года о «русском революционном размахе» воспроизводилось в «Правде». Он же, очевидно, являлся и главным вдохновителем, а может быть, в какой-то мере и даже непосредственным автором этих антибухаринских статей. Уж слишком много в них было личных выпадов, в которых с уничижительной издевкой говорилось о высокомерной «высоколобости» Бухарина, в том числе и такой эмоционально окрашенный пассаж: «Словечка в простоте не скажет — все с ужимкой», а «ужимка все получается в сторону от ленинизма». И хотя Сталин официально величался учеником Ленина, но, расправляясь с Бухариным, опосредованно как бы сводил старые счеты и со своим покойным учителем, не стеснявшимся в свое время проклинать «русских дураков» и «паршивую российскую коммунистическую обломовщину»²⁷.

В ответ Бухарину не оставалось ничего другого, как опубликовать 14 февраля в «Известиях» краткое покаяние, которое вряд ли могло умиловить Сталина, уже, видимо, тогда решившего окончательно расправиться со своим бывшим соратником. Но вождь не торопился с исполнением мысленно вынесенного смертного приговора. Он действовал как всегда постепенно и наверняка, изо дня в день методично подталкивая жертву к краю смертельной пропасти. Первым делом Бухарина фактически отстранили от руководства «Известиями», направив сначала под благовидным предлогом в длительную командировку во Францию, а когда тот, не поддавшись соблазну невозвращенчества, вернулся в страну, контроль за делами в редакции уже фактически был возложен на заведующего отделом печати и издательств ЦК Б.М. Таля*, официально считавшегося с 11 августа заместителем ответственного редактора «Известий».

За три месяца до ареста Бухарина в печати опять начались нападки на него, на сей раз посредством прозрачных намеков на некоего деятеля, «кто смеет болтать об обломовщине как “универсальной черте характера в России”»²⁸. Теперь с обличениями выступили сами

* Известность в стране Талья получил после того, как 9 января 1937 г. появился на помещенной в «Правде» фотографии рядом со Сталиным и немецким писателем Л. Фейхтвайгером, гостившем тогда в Советском Союзе. Но это не спасло его от пришедшего на 2 ноября ареста органами НКВД. Фотография же продолжала широко публиковаться, правда, изображение ставшего «врагом народа» Талья с нее исчезло посредством нехитрого технического приема.

«Известия», хотя формально Бухарин продолжал руководить газетой вплоть до 16 января 1937 г.

Добиваясь полной гегемонии в политике и утверждая патриотическую доктрину в общественном сознании, Сталин расправился не только с бывшим «любимцем партии», но и между делом преподал урок послушания и покорности «любимцу народа» — революционному поэту Демьяну Бедному и иже с ним десяткам других деятелей литературы и искусства, «увлекшихся» разоблачением связанного с «прогнанным» царизмом национального прошлого. Повод для выволочки дал сам литератор, когда в 1930 году опубликовал ряд фельетонов, где Сталин усмотрел увлечение «сверх меры» критикой «недостатков жизни и быта в СССР», которая «стала перерастать ... в клевету (здесь и далее выделено в тексте. — *Авт.*) на СССР, на его прошлое, на его настоящее». За такие переходящие за грань допустимого вольности Д. Бедного чувствительно одернули в специальном выпущенном по этому поводу постановлении секретариата ЦК. Взыскание было настолько неожиданным и суровым, что поэт, думая, что «пришел час... катастрофы», «оказался в парализованном состоянии». Исполненный тревоги и отчаяния, 8 декабря он обратился к Сталину, жалуясь на несправедливое к нему отношение «товарищей» со Старой площади. Тем самым поэтом, далеким от условностей и хитросплетений аппаратной игры, под сомнение была поставлена непогрешимость руководства партии и правильность принимаемых им решений, что только подлило масло в огонь конфликта. Выйдя из тени и заговорив открытым текстом, Сталин 12 декабря направил Бедному ответ, в котором с высокомерным пафосом отчитал того за «клевету» «на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата», заметив особо, что негоже «возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла собой сосуд мерзости и запустения... что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще...»²⁹.

Казалось, что внушение вождя возымело действие: чтобы заслужить прощение партии, поэт-агитатор не только стал решительно клеймить троцкистов и других оппозиционеров, но и примкнул ко все разрастающемуся хору славящей Сталина творческой интеллигенции. Наверху это было замечено и должным образом оценено: Бедный был удостоен чести встречать новый 1936 год вместе с вождем. Однако вскоре выяснилось, что самого главного — сути нового идеологического курса он так до конца и не осознал. В противном случае поэт не взялся бы за написание либретто к новой постановке шуточной оперы А.П. Бородина «Богатыри», осуществленной осенью 1936 года режиссером А.Я. Таировым в Московском камерном театре и вызвавшей взрыв негодования у В.М. Молотова, побывавшего на премьере спектакля. На сей раз Демьяна Бедного подвергли словес-

ной порке публично. В центральной печати его обвинили в глумлении над русским народным эпосом, выразившимся в показе Ильи Муромца, других былинных богатырей как пьяниц, кутил и трусов. Серьезные нарекания вызвало также ёрническое изображение крещения Руси, совершенное будто бы «по пьяному делу». Сверх того поэту припомнили прежние высказывания о «российской старой горе-культуре — дуре» и то, что он «пинал» русскую историю³⁰. И хотя после вторичной проработки он, стараясь во что бы то ни стало остаться на плаву, подготовил даже в июне 1937 года для «Правды» стихотворное проклятие М.Н. Тухачевскому и другим расстрелянным тогда военачальникам, добиться этого ему не удалось. Единственное, что поэт вымолил у Сталина, — это жизнь и свободу, что, впрочем, по тому времени было щедрым подарком судьбы. Революционный пафос в культуре уходил в прошлое, и поэтому вполне закономерным стало исключение Бедного в августе 1938 года из партии, а потом и изгнание его из Союза советских писателей.

НОВАЯ ГЕНЕРАЦИЯ ИДЕОЛОГОВ

Патриотическая перестройка пропаганды, конечно, была бы немислима без установления Сталиным полного контроля над партийно-идеологической сферой. Для этой цели в 1930 году в Институт им. В.И. Ленина, занимавшийся хранением и изданием теоретического наследия умершего вождя, он направил в качестве заместителя директора своего помощника И.П. Товстуху*. А 1 декабря 1931 г. было принято постановление политбюро, предписывавшее «пополнить редакцию сочинений Ленина т. Сталиным»³¹. Параллельно проводилась и ревизия истории большевизма, сигналом к началу которой послужило направленное Сталиным в конце октября 1931 года директивное письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция». В нем троцкизм квалифицировался как «передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР», и объявлялся крестовый поход против авторов трудов по истории партии, подозревавшихся в «протаскивании» «троцкистской идеологической контрабанды». Персонального нагоняя не избежал даже такой авторитетный историк партии, как Е.М. Ярославский, который был обвинен в ошибках «принципиального и исторического характера». Главным объектом разносной критики стал вышедший под его редакцией в 1926–1929 годах четырехтомник по истории ВКП(б). В итоге в конце 1931 — начале 1932 года политбюро решило приос-

* Этот самый давнишний в аппарате ЦК помощник Сталина был рекомендован ему еще Лениным.

тановить издание подобных сочинений Ярославского и «организовать немедленную проверку» всех остальных учебников по истории партии и рабочего движения³².

Однако поскольку в начале 30-х годов Сталин только готовился стать единственным непререкаемым законодателем в историко-партийной науке, он еще вынужден был считаться с мнением своих соратников из ближайшего окружения, часть которых в отличие, скажем, от Кагановича не была в восторге от намерений новоявленного «хозяина» произвести радикальную чистку в идеологической сфере. Так, секретарь ЦК П.П. Постышев допускал применение крайних мер только в отношении убежденных троцкистов и призывал по-товарищески помочь «честным», но оступившимся по недомыслию партийцам³³. На первых порах партверхушка поддержала Сталина (да и то не безоговорочно) только в борьбе с такими явными идейно-политическими противниками, как, например, Троцкий или М.Н. Рютин (автор известной антисталинской «платформы»). Тем не менее это не повлияло на решимость вождя довести дискредитацию Зиновьева, Каменева, Бухарина и других бывших, но еще не окончательно, как ему казалось, «разоружившихся перед партией» оппозиционеров до конца. Вместе с тем маловлиятельные в широких партийных массах функционеры, наподобие Ярославского, после примерного наказания* и публичного покаяния были им пощажены. Однако те из них, кто не захотел идеологически перековаться в духе слепой личной преданности вождю (скажем, другой историк партии В.И. Невский), поплатились за это жизнью в годы «большого террора». Такая неоднозначность ситуации с кадрами в идеологической сфере и предопределила характер принятого по инициативе Сталина постановления политбюро от 8 января 1932 г. «О кампании по борьбе с фальсификаторами истории нашей партии», в котором партиякам рекомендовалось уделять больше внимания «углубленному изучению ленинизма», но пока запрещалось заниматься сведением счетов с «отдельными членами партии, признавшими к тому же свои ошибки»³⁴.

Первые итоги начального этапа предпринятой Сталиным идеологической перестройки были подведены Агитпропом в конце того же года, когда на оргбюро ЦК было доложено о том, что в программы социально-экономических дисциплин институтов красной профессуры, комвузов и втузов «включены вопросы, характеризующие роль вождя и теоретика партии и Коминтерна т. Сталина в дальнейшей разработке марксизма-ленинизма»³⁵.

Следующий этап идейной метаморфозы режима, начавшийся с середины 1936 года, характеризовался, как известно, применением

* Решением политбюро Ярославский был освобожден 7 июня 1932 г. от работы в редакции «Правды».

куда более жестких методов политической борьбы. В ходе начавшегося тогда «большого террора» физическому истреблению подверглись все, в ком Сталин видел как действительных, так и потенциальных претендентов на обладание верховной властью в стране. Директива политбюро от 29 сентября прямо объявила «троцкистско-зиновьевские элементы» и проповедовавшиеся ими идеи контрреволюционными и служащими интересам международной буржуазии и фашистских государств. На состоявшемся через несколько месяцев декабрьском пленуме ЦК партии к «врагам народа» были фактически причислены Бухарин и другие «правые»³⁶. Ставший к этому времени доминантой общественно-политической жизни страны культ Сталина знаменовал собой окончательный закат постреволюционного поливождизма, причем не только в идеологии. Известно, что генезис единоличной власти предполагает замену соратников диктатора на лично преданных ему слуг. Сама политическая основа вновь создававшейся империи — всевластие вождя, стяжавшего мощью всеохватного и безликого аппарата власти покорность и послушание подданных, — органически отторгала такие, например, популярные в народе личности, как Г.К. Орджоникидзе, Постышев, Горький, Бухарин и Диманштейн, каждый из которых стал в свое время признанным лидером в той или иной области: в экономике, региональной политике, культуре, идеологии, межнациональных отношениях.

Триумф же Сталина как главного и теперь единственного теоретика партии пришелся на 1938-й, год расстрела Бухарина и выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», этого своеобразного евангелия сталинизма, выпрессованного (говорят, с подачи А.А. Жданова) «энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма».

Таким образом, полностью оправдала себя примененная Сталиным политическая технология, ориентированная не на воспитание молодых интеллектуалов-единомышленников, как это делалось, скажем, в так называемой бухаринской школе, а исключительно на использование идеологического аппарата партии с его армией присяжных пропагандистов, призванных служить активными проводниками и распространителями идей вождя. Беспрекословная исполнительность — вот что прежде всего требовал Сталин от сотрудников Агитпропа. Правда, чтобы воспитать генерацию таких чиновных идеологов, Сталину пришлось предварительно немало потрудиться, особенно на ниве аппаратных интриг. Обращает на себя внимание тот факт, что в 20-е годы, когда он, еще не обладая всей полнотой власти над аппаратом ЦК, был не заинтересован в том, чтобы независимые от него руководители Агитпропа укоренились в руководящей партийно-идеологической сфере и приобрели там заметное влияние, особенно долго никто не задерживался в кресле главы

этого партийного ведомства. В 1922–1929 годах на этом посту успели побывать А.С. Бубнов (1922–1924), В.Г. Кнорин (1924–1927), А.И. Криницкий (1927–1929). Потом, когда Сталин уже безраздельно контролировал ключевые звенья власти в стране, в том числе и аппарат ЦК, должность руководителя Агитпропа на довольно продолжительное время (1929–1938) была доверена А.И. Стецкому, заведовавшему ранее агитпропотделом Ленинградского губкома партии.

Все эти люди были для Сталина в той или иной мере компромиссными фигурами, на которые он не мог, разумеется, полностью положиться. Если говорить о Стецком, то выбор вождя пал на него не только потому, что в 1929 году ему было всего 33 года (подчинить и держать в повиновении не обремененного годами и не имеющего карьерных достижений политика куда легче, чем зрелого и умудренного профессиональным и жизненным опытом). Существенную роль сыграло и такое обстоятельство, что ранее тот «запятнал» себя пребыванием в «бухаринской школе»* и во искупление этого «греха» молодости готов был пойти на многое в разоблачении своих вчерашних единомышленников. «Приручение» с помощью шантажа «проштрафившихся» функционеров было излюбленным приемом Сталина. Надо полагать, что Стецкий при своем назначении, которое состоялось всего лишь через два дня после того как 17 ноября 1929 г. Бухарина вывели из состава политбюро³⁷, не питал каких-либо иллюзий относительно уготованной ему роли, тем более что к тому времени его бывший покровитель был также изгнан из «Правды», где всеми делами с мая 1930 года заправлял Л.З. Мехлис**, помощник Сталина и глубоко лично ему преданный человек, назначенный тогда секретарем редакции центрального партийного органа³⁹.

Но кардинального решения задачи подготовки собственного идеологического кадрового резерва Сталину удалось достичь уже после осуществленного в 1931 году слияния научно-исследова-

* В связи с этим применительно к входившим в эту школу молодым политикам нарицательным стало выражение «Стецкие—Марецкие» (братья Д.П. и Г.П. Марецкие — близкие соратники Бухарина, к тому же Д.П. Марецкий был его заместителем в редакции «Правды»).

** Происходил Мехлис из одесских евреев, однако, подобно Троцкому, любил повторять, что он не еврей, а коммунист. Возможно, таким национальным нигилизмом он старался наряду с прочим заслужить прощение за свое пребывание в 1907–1910 годах в еврейской националистической партии «Поалей Цион». В ноябре 1924 года Мехлис заменил слабого здоровьем Товстуху на посту руководителя бюро секретариата ЦК РКП(б), которое в 1925-м было преобразовано в особый, а потом и в секретный отдел ЦК. Таким образом, он стал старшим и самым доверенным помощником Сталина (38).

тельских структур Института красной профессуры* и Коммунистической академии**, находившихся ранее в «сфере влияния» Бухарина, и создания под эгидой Комакадемии на объединенной научно-гуманитарной базе нескольких самостоятельных ИКП (с лета 1932-го — научно-исследовательские институты) — аграрного; мирового хозяйства и мировой политики; естествознания; советского строительства и права; философии, литературы, истории, языка. В том же году по постановлению политбюро от 15 марта в Комакадемии началась чистка, имевшая целью удаление приверженцев «правых» и направленная на «решительное выдвигание молодых сил»⁴¹.

Кадровая перетряска явилась хоть несколько запоздалым, но все же сильным ответом Сталина на триумфальное избрание в 1929 году действительными членами АН СССР Бухарина и директора Института философии Комакадемии А.М. Деборина. А непосредственной реакцией вождя на это событие стала организация летом 1930 года в Комакадемии и ИКП философской дискуссии, острие которой было направлено против «формалистских, абстрактно-схоластических тенденций» в трудах Деборина и в работах его совместных с Бухариным учеников — Н.А. Карева, И.К. Луппола, Я.Э. Стэна и некоторых других. В качестве ниспровергателей этих непрерываемых прежде советских научных авторитетов выступили такие «молодые бойцы философского фронта», как М.Б. Митин***,

* Институт красной профессуры (ИКП) был создан в 1921 году, когда старая гуманитарная профессура в большинстве своем относилась враждебно к советской власти. Это высшее учебное заведение готовило преподавателей общественных наук для вузов, а также поставляло в партийный и государственный аппарат элитные кадры, которые помощник Сталина Б.Г. Бажанов определял впоследствии как «резерв молодых партийных карьеристов, чрезвычайно занятых решением проблемы, на какую лошадь поставить»⁽⁴⁰⁾. Учебные ИКП были ликвидированы в 1938 году.

** Комакадемия была создана в 1918 году в противовес «старорежимной» Российской академии наук (с 1925 года — Академия наук СССР). После ликвидации Комакадемии в 1936 году ее научно-исследовательские институты вошли в систему АН СССР.

*** Митин родился в 1901 году в еврейской семье Житомира, где в 1914–1919 годах работал мелким служащим в одном из банков. После прихода в город Красной армии вступил в РКП(б) и стал комсомольским активистом. В 1921 году переехал в Москву, через год закончил краткосрочные курсы при Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова и был направлен в качестве пропагандиста на ткацкую фабрику «Трехгорная мануфактура». Там в 1923-м допустил «колебания троцкистского характера», после чего был мобилизован в политорганы РККА, которые через два года рекомендовали его к поступлению на отделение философии ИКП. По окончании учебы остался в институте в качестве преподавателя.

П.Ф. Юдин*, М.Д. Каммари, Ф.В. Константинов, начинающий партийный функционер П.Н. Поспелов, молодой историк А.М. Панкратова и др. Все они учились или преподавали в ИКП и теперь впервые заявили о себе на всю страну как о новой идеологической элите. В июне в «Правде» была опубликована статья М. Митина, П. Юдина и В. Ральцевича «О новых задачах марксистско-ленинской философии», ставшая по сути своеобразной пропагандистской артподготовкой перед произошедшим в следующем месяце весьма знаменательным событием: заседанием бюро партячейки философского отделения ИКП, на котором Деборин и его единомышленники были раскритикованы за то, что прошли «мимо разоблачения методологических основ троцкизма и троцкистско-зиновьевской оппозиции». И хотя потом, в октябре, Деборин на президиуме Комакадемии повинился в этой своей «самой тяжелой ошибке», это не спасло его от еще более серьезного обвинения. На состоявшейся 9 декабря встрече Сталина с членами бюро партячейки ИКП философские взгляды Деборина были определены вождем как проявление «меньшевистствующего идеализма»**. Столь экзотический для политики ярлык был запущен в массовый пропагандистский оборот широко распубликованным постановлением политбюро от 25 января 1931 г. «О журнале “Под знаменем марксизма”», подготовить которое Сталину помогли М.Н. Покровский и А.И. Стецкий⁴².

С этого времени в пропагандистском сленге закрепилось выражение «новое философское руководство», в которое помимо уже упоминавшихся выше Митина, Юдина, назначенных в 1931 году соответственно заместителем директора и директором ИКП философии, вошел наряду с некоторыми другими и Э.Я. Кольман***, ставший с начала 1932 года директором ИКП естествознания.

* Юдин родился в 1899 году в бедной крестьянской семье. С 10 лет батрачил у кулака в селе Апраксино Нижегородской губернии. В 1913 году переехал в Нижний Новгород, где работал сначала подручным токаря, а потом токарем в паровозных мастерских. В 1918 году вступил в компартию, а в 1921-м переехал в Петроград для поступления в комвуз. По окончании учебы в 1924 году возвратился в Нижний Новгород, где стал редактировать губернскую газету «Звезда», а потом работал под началом А.А. Жданова (тогда первого секретаря губкома) заместителем заведующего губернским агитпропом. В 1927 году получил путевку в московский ИКП, где обучался до 1930-го на отделении философии.

** Изобретая этот термин, Сталин, по-видимому, имел в виду меньшевистское прошлое Деборина и его «чрезмерное увлечение» идеалистической философией Гегеля.

*** На судьбе этого коммуниста-интернационалиста отразились, наоборот, все противоречия века. Родился Кольман в еврейской семье в Праге в 1892 году. Участвуя в составе австро-венгерской армии в Первой мировой войне, попал в 1915 году в русский плен. После Октябрьской революции примкнул к большевикам, а с начала 30-х преданно служил им на «фило-

Однако молодую «красную профессию» Сталин не допустил к разработке тактики и стратегии идеологической политики партии. Для этого он использовал тех особо доверенных людей, которые входили в его ближайшее окружение, прежде всего А.А. Жданова, ставшего с середины 30-х годов ведущим советником вождя в вопросах пропаганды. Троцкий по этому поводу позже отмечал: «Если Сталин создан аппаратом, то Жданов создан Сталиным»⁴³. Правда, первоначально, после того как в начале 1934 года Жданов (тогда секретарь Горьковского крайкома партии) был переведен в Москву и назначен секретарем ЦК и членом оргбюро, ничто не свидетельствовало о том, что Сталин стремится сделать его тем, кем был, скажем, А.В. Луначарский при Ленине. Поскольку Жданов получил в юности некоторые биологические знания (обучался в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии), то по переезде в Москву ему было доверено руководство сельскохозяйственным отделом ЦК, а с июня 1934 года он как секретарь ЦК помимо этого подразделения стал курировать планово-финансово-торговый и политико-административный отделы, а также управление делами, отдел руководящих партийных органов и секретариат ЦК⁴⁴. Однако уже тогда Жданов сумел продемонстрировать Сталину не только, а может быть, не столько способности партийного администратора, сколько амбициозное намерение утвердиться на ниве руководства партийной пропагандой, благо он, сын скромного инспектора народных училищ из провинциального Мариуполя, слыл в среде большевистского начальства культурным человеком, в какой-то мере даже эстетом, знатоком классической музыки, авторитетом в области искусств и литературы. Эти гуманитарные склонности Жданова оказались востребованы Сталиным, имевшего своего рода талант оптимально использовать людей, попадавших в его поле зрения, и понимавшего, что уже предрешенное устранение с политической сцены таких, например, партийных интеллектуалов-ленинцев, как Бухарин, требует адекватной компенсации. Уже 15 мая политбюро поручило Жданову руководить оргкомитетом по подготовке I Всесоюзного съезда советских писателей, на котором он выступил 17 августа с разъяснением объявленного единственно правильным метода социалистического реализма⁴⁵.

В лице Жданова Сталин обрел активного и деятельного помощника в государственно-патриотической перестройке советской духов-

Продолжение сноски со стр. 157
софском фронте». После Второй мировой войны возвратился на родину и преподавал в Пражском университете. В 1948-м вновь оказался в Москве, но теперь в качестве заключенного. С этого времени для него началась мучительная переоценка тех политических и идейных ценностей, которым он прежде поклонялся. Итогом стало осуждение им в 1968-м советской оккупации Чехословакии. Умер Кольман в 1979 году в эмиграции в Швеции, полностью разорвав с коммунистическим прошлым.

ной сферы. Именно его он привлек в том же 1934-м к считавшейся чрезвычайно важной работе по введению преподавания гражданской истории в учебных заведениях страны и разработке новых учебников истории*. Показательно, что после убийства С.М. Кирова именно Жданова Сталин послал своим заместителем во вторую столицу — Ленинград. А в феврале 1935 года он сделал Жданова кандидатом в члены политбюро, в заседаниях которого тот, впрочем, регулярно участвовал уже с начала с 1934 года даже не имея этого статуса.

Тем не менее Сталин, несмотря на все благоволение к новому фавориту, не спешил передавать в его ведение полный контроль над партийной пропагандой. Осуществляя в этой сфере радикальную кадровую чистку и одновременно переводя ее на патриотические рельсы, вождь, видимо, не хотел раньше времени рисковать и потому 4 июня 1934 г. при распределении обязанностей между секретарями ЦК взял на себя «наблюдение» не только за политбюро и особым сектором, но и за отделом культуры и пропаганды. То же самое произошло и при следующем распределении обязанностей внутри секретариата ЦК 10 марта 1935 г.⁴⁶

Нейтрализуя в переходный к новой идеологической доктрине период старые пропагандистские кадры интернационалистского пошиба, Сталин 13 мая 1935 г. расформировал Агитпроп, разбив на пять самостоятельных отделов: печати и издательств, партийной пропаганды и агитации, школ, науки, культурно-просветительной работы⁴⁷. Последним подразделением стал руководить А.С. Щербаков, которому Сталин покровительствовал наряду со Ждановым, включив в своеобразный «страховой» кадровый резерв руководства партийной пропагандой. Правда, Щербаков в отличие от Жданова, происходившего из культурной дворянской семьи и окончившего реальное училище, был выходцем из рабочих и до революции сумел осилить только начальную школу. Зато в 1930–1932 годах он получил хорошую пропагандистскую закалку в просталинском духе в историко-партийном ИКП. И этот факт биографии подающего надежды партийного функционера был оценен наверху отнюдь не как маловажный. Будь по-другому, Щербаков навряд ли оказался бы в 1932 году в аппарате ЦК ВКП(б) и через два года стал бы оргсекретарем Союза советских писателей СССР (ССП)**. В то время Жданов,

* Интересно, что и жена Жданова, Зинаида Александровна, включившись с мужем в это дело, руководила подготовкой иллюстрированных изданий по истории СССР.

** Возможно, что назначению Щербакова на эту должность способствовал в какой-то мере его проявившийся еще в молодости интерес к литературе, о чем, в частности, свидетельствовала опубликованная им в газете «Нижегородская коммуна» от 5 января 1926 г. статья с откликом на смерть С.А. Есенина, написанная с симпатией к русскому поэту, между прочим, сугубо почвеннического склада (48).

очевидно, еще не угадывал в только осваивавшемся в коридорах высшей власти Щербакове будущего самого опасного своего конкурента в борьбе за лидерство на партийно-пропагандистском олимпе. Да и сам Щербаков, работавший когда-то (в 1925–1930 гг.) под началом Жданова в Нижегородском обкоме, пока что продолжал считать себя его ведомым. Оценив такую лояльность, Жданов в 1936 году пригласил Щербакова к себе в Ленинград на должность второго секретаря обкома партии. Даже получив через год повышение и возглавив Иркутский обком, Щербаков все еще испытывал известный пиетет по отношению к Жданову. 18 июня 1937 г. он обратился к нему из Сибири, направив такое вот характерное для той поры послание:

«Партийное и советское руководство целиком было в руках врагов. Арестованы все руководители областных советских отделов, заведующие отделами обкома и их заместители (за исключением пока двух), а также инструктора, ряд секретарей районных комитетов, руководители хозяйственных организаций, директора предприятий и т. д. Таким образом, нет работников ни в партийном, ни в советском аппарате. Трудно было даже вообразить что-либо подобное. Теперь начали копать в НКВД. Однако я не только не унываю, но еще больше укрепился в уверенности, что все сметем, выкорчем, разгромим и последствия вредительства ликвидируем. Даже про хворь свою и усталость забыл, особенно когда побывал у тт. Сталина и Молотова. Очень прошу, помогите кадрами из Ленинграда...»⁴⁹.

В отличие от своего бывшего подопечного, более рафинированный и образованный Жданов не проявлял такой деловитой свирепости, за что и слыл в кремлевских кругах «мягкотелым». Во всяком случае, в январе 1938 года Жданов высказался за свертывание репрессивной деятельности НКВД⁵⁰. Правда, призыв этот не остановил кровавые разборки даже на подконтрольном Жданову идеологическом фронте: лишившись должности заведующего отделом партийной пропаганды и агитации ЦК, 1 августа был расстрелян Стецкий, о прежней принадлежности которого к своей «школе» напомнил на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК Бухарин⁵¹; через два месяца умер в Лефортовской тюрьме заведующий отделом науки К.Я. Бауман; 17 сентября по приговору военной коллегии Верховного суда СССР казнили бывшего заведующего отделом печати и издательств Б.М. Талая; летом 1939 года, уже по окончании «ежовщины», был репрессирован очередной руководитель отдела печати и издательств А.Е. Никитин.

Тем не менее в конце 1938 года, когда Н.И. Ежов, олицетворявший жесткую репрессивную политику властей, был устранен из НКВД, государственный террор в стране стал ослабевать. Совсем не случайно именно в это время (21 ноября) состоялось утверждение «умеренного» Жданова заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК, в котором вновь объединились в единую структуру ранее самостоятельные пропагандистские подразделения. Как секретарю ЦК

по идеологии Жданову 27 ноября были переданы и такие функции, как «наблюдение и контроль за органами печати и дача редакторам необходимых указаний». А еще через несколько месяцев, в марте 1939 года, Жданов добился давно вожаемого им членства в политбюро⁵².

Возвышение Жданова и расширение его властных полномочий не только ассоциировалось с политическим потеплением в стране, но и свидетельствовало о том, что Сталин, завершив в основном в соответствии с доктриной государственного патриотизма идейно-структурную трансформацию партийной пропаганды и добившись посредством чистки нужных ему кадровых изменений в этой сфере, уже не видел необходимости в личном, непосредственном контроле за ней. К этому времени практически сложился тот сохранявшийся потом почти десятилетие идеологический тандем, в котором Сталин определял главную политико-патриотическую линию, а Жданов, считавшийся в среде высшей партноменклатуры знатоком искусств, — вспомогательную, художественно-эстетическую.

Не упуская из своих рук главные рычаги, регулировавшие идейно-политический курс партии, Сталин очень скоро (после начала осенью 1939 года Второй мировой войны) вновь активно воспользуется ими, но уже для закручивания идеологических гаек. Именно с этого времени к делам партийной пропаганды все активнее подключается Щербаков. Известный своей прямолинейностью и отсутствием щепетильности в принятии и исполнении жестких решений, он начинает использоваться Сталиным как своеобразный противовес влиянию «либерального» Жданова. Правда, последний, став вторым секретарем ЦК, то есть заместителем Сталина по партии, мог пока быть уверенным в своей защищенности от интриг Щербакова, тем более что тот, заменив в декабре 1938 года А.И. Угарова (кстати, ставленника Жданова) на посту первого секретаря МК и МГК ВКП(б), должен был заняться укреплением своих позиций в столичном партаппарате. Да и особой поддержки в кругах пропагандистского истеблишмента страны Щербаков пока еще не имел. Тогда как авторитет Жданова в этих кругах был довольно высок и почти на всех командных высотах «идеологического фронта» находились его «люди» — М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, П.Н. Поспелов, Б.Н. Пономарев, Я.С. Хавинсон* и другие «выдвиженцы» начала 30-х годов. Представители этой партийной генерации, среди которых было и немало евреев, несмотря на усиливавшийся патриотический пафос пропаганды, продолжали

* Будучи первым заместителем ответственного руководителя ТАСС, Хавинсон 19 июня 1937 г. уведомил Сталина, что большинство заграничных корреспондентских кадров и работников центрального аппарата ТАСС не внушают политического доверия. А через два года он после ареста ответственного руководителя ТАСС Я.Г. Долецкого был назначен на его место (53).

сохранять приверженность, хотя во многом догматичную и декларативную, принципам пролетарского интернационализма. Если они и считали себя патриотами, то только советскими, и их не могли не настораживать начавшие проявляться уже тогда откровенно шовинистические взгляды Щербакова. Ответом «ждановцев» на этот своеобразный вызов коммунистического почвенничества стала их нарочитая демонстрация Сталину своей кипучей деятельностью, в первую очередь в том, что касалось инициированных самим вождем ревизии истории большевизма и создания мифа о «великом вожде и учителе». Ведь именно Митин, ставший в 1939 году академиком (без защиты кандидатской и докторской диссертаций) и директором Института Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ), а также Поспелов, назначенный к тому времени первым заместителем Жданова по Агитпропу, представили Сталину на просмотр текст его краткой биографии с просьбой санкционировать ее издание⁵⁴. Выход этой откровенно хвалебной книги был приурочен к 60-летию юбилею вождя, который праздновался широко и помпезно. Теперь, после устранения всех более или менее значимых конкурентов в борьбе за власть, Сталин мог себе такое позволить. Интересно, что пятью годами ранее, когда физическое устранение бывших руководителей оппозиции еще только предстояло, Сталин вынужден был, намеренно демонстрируя личную скромность, настоять в политбюро на принятии следующего постановления:

«Уважить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря в день пятидесяти-пятилетнего юбилея его рождения никаких празднеств или торжеств или выступлений в печати или собраниях не было допущено»⁵⁵.

ШОВИНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Однако почему-то именно после принятия такого вот решения началось нагнетание славословий вокруг имени вождя. Особенно это стало заметным в 1936 году, когда после реабилитации гражданской истории Сталин, будучи объявленным «отцом народов» СССР⁵⁶, даровал этим народам гражданскую конституцию собственного имени. Выступая 25 ноября на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, одобрявшем проект нового Основного закона страны, Сталин под бурные аплодисменты делегатов возвестил о построении в стране в основном социализма, о предоставлении всем гражданам равных политических прав независимо от их социального положения (тем самым автоматически разрешилась среди прочих проблема «лишенцев» из числа евреев), а также заявил о победе «ленинской национальной политики» в СССР, который «есть свободный союз равноправных наций»⁵⁷.

Однако реально национально-государственная доктрина, претворявшаяся тогда в жизнь, не предусматривала действительного равноправия наций, и «ленинской» в ней была лишь сама идея образования СССР. На самом деле национальное строительство в 30-х зиждилось на сталинской теории «старшего брата», базировавшейся на принципе этнической иерархичности советских народов. Основной момент этой теории сводился к следующему: поскольку русские и по занимаемой ими территории, и по численности доминируют над другими народами СССР, а также лидируют в культурно-историческом и экономическом плане, они призваны исполнить миссию империобразующего человеческого материала, и посему им поручается роль «руководящей силы Советского Союза»*. В передовице «Правды» от 1 февраля 1936 г. так и провозглашалось:

«В созвездии союзных республик первой величиной является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. И первым среди равных является русский народ»**.

Однако этот народ представлялся Сталину отнюдь не как нечто самоценное, достойное особого почитания и процветания, хотя он и рассматривал его как одну из наиболее многочисленных и великих мировых наций. Для него русские служили прежде всего цементом, скрепляющим остальные народы империи. Другое понимание исторической миссии русских, подразумевавшее, в частности, отстаивание ими собственных прав на национальную и культурно-религиозную самобытность, Сталин пресекал решительно и беспощадно.

Уровнем ниже в сталинской иерархической схеме находились украинцы, еще ниже — белорусы, затем по нисходящей шли другие народы, имевшие собственную государственность в виде союзных республик, потом следовали так называемые титульные народы автономных республик и так далее, вплоть до самой нижней ступени этой национальной пирамиды, которую занимали евреи и другие экстерриториальные национальные меньшинства. Характерно, что вошедшее в советский новояз сокращение «пацмен» именно с этого

* Именно так выразился Сталин 24 мая 1945 г., поднимая тост за здоровье русского народа на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии (58).

** Нельзя не отметить, что сталинская теория «старшего брата» каким-то образом перекликалась с дореволюционной доктриной русских правых национал-радикалов. В уставе «Союза русского народа», например, говорилось о том, что «русская народность, как собирательница земли Русской и устроительница Русского государства, есть народность державная, господствующая и первенствующая». Когда с середины 30-х годов стали проводиться этнические чистки в отношении поляков, немцев и других национальностей, обозначилась и другая параллель между сталинской национальной политикой и взглядами черносотенцев, которые делили народы, жившие вместе с русскими, на «дружественные» и «враждебные» (59).

времени стало приобретать уничижительно-пренебрежительный, а в просторечии и ругательный смысл.

В условиях неотвратимо приближавшейся новой мировой войны советского вождя все чаще тревожил призрак «лоскутной» Австро-Венгрии, развалившейся в результате предшествовавшего политического катаклизма, о чем он, кстати, вспомнил, выступая на том же Чрезвычайном VIII съезде Советов⁶⁰. Чтобы застраховать свое детище — Советский Союз от столь мрачной перспективы, Сталин с середины 30-х годов предпринял ряд радикальных мер по консолидации своей полиэтнической империи, в том числе запустил действовавший на основе русской национальной доминанты механизм языковой гомогенизации многонационального советского общества. И хотя новая языковая политика и несла на себе определенный шовинистический налет той классической русификации, которая проводилась в период правления Александра III и которую познал на себе сам Сталин, обучаясь в 90-х годах XIX века в Горийском духовном училище, она тем не менее была обусловлена не столько идеологическими (как это было в царской России), сколько сугубо прагматическими причинами и потому отличалась большей гибкостью и не содержала элементов явного лингвистического насилия. Проще говоря, в этнически разнородном советском обществе Сталин, насаждая языковое единство, хотел прежде всего укрепить национально-социальную сплоченность, жизненно важную в условиях приближавшейся войны. В 1936 году Г.П. Федотов писал:

«Россия знает грозящую ей опасность. Правящий слой делает усилия, чтобы встретить войну не только технически, но и морально подготовленным. Восстанавливается частично, кусками старая русская культура. Делаются попытки примирить массы с властью различными поощрениями, поощрениями, смягчением рабства. Но и отсюда видно, что уступки недостаточны, восстановление медленно. Время не терпит. Успеют ли перестроиться, примириться, когда пробьет двенадцатый час?»⁶¹.

Вместе с тем, сталинская русификация, несмотря на ее обусловленность в целом благими намерениями, явилась в чем-то конкретным проявлением почвеннической антикосмополитической тенденции, отчетливо обозначившейся тогда же в идеологической сфере. Именно с середины 30-х началось свертывание проводившейся уже несколько лет в духе интернационального большевизма политики латинизации языков народов СССР. Идея перевода на латинскую основу письменности нерусских народов (прежде всего тюркоязычного населения, пользовавшегося арабским алфавитом) возникла еще в 1922 году, когда в связи с образованием СССР во весь рост встала проблема налаживания коммуникаций и культурного обмена между европейско-славянским центром и азиатско-мусульманскими окраинами. Ленин и его присные, будучи в душе адептами западно-

европейской цивилизационной модели, не сомневались в том, что мусульманским подданным бывшей Российской империи необходимо в максимально сжатые сроки освободиться от «вековой азиатской отсталости» и приобщиться к достижениям передовой (читай: европейской) человеческой мысли. В ходе начавшейся тогда дискуссии о путях, ведущих к этой цели, решено было в первую очередь избавиться от арабской письменности как идейно-культурной первоосновы всего «феодално-реакционного» на мусульманском Востоке. О том, чтобы предложить в качестве альтернативы кириллицу, тогда, в период шумной пропагандистской кампании против великодержавного шовинизма, не могло быть и речи. Поэтому решили остановиться на латинице, тем более что аналогичная реформа готовилась Кемалем Ататюрком в соседней Турции. В 1926 году состоялся первый тюркологический съезд, который одобрил этот план. А в следующие два года были созданы Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) и его региональные комитеты в республиках и национальных областях. Дело пошло так споро и с таким административным напором, что к началу 30-х годов латинизация арабской письменности была успешно завершена. В результате 17 мусульманских народов получили новые алфавиты и следом развернулась работа по переводу на латинскую графику древнееврейской, монгольской и ассирийской письменности.

В 1930 году по инициативе А.В. Луначарского, возглавлявшего тогда Ученый комитет при ЦИК СССР, в верхах стала изучаться возможность латинизации русской письменности. Обосновывая свой проект, Луначарский писал:

«Отныне наш русский алфавит отделил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной мере нами же и разбуженного... Выгоды, представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он дает нам максимальную международность, при этом связывает нас не только с Западом, но и обновленным Востоком»⁶².

Созданная при Главнауке Наркомпроса подкомиссия по латинизации русской письменности действовала еще более решительно, объявив русский алфавит «идеологически чуждой социалистическому строительству формой графики», а также «пережитком классово-графической русификации русских феодалов-помещиков и буржуазии XVIII–XIX веков... графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма и насильственной русификации». Однако поскольку в официальной идеологии дух национального нигилизма начал быстро вытесняться пропагандой патриотизма, чиновники из ВЦКНА успели лишь перевести с кириллицы на латиницу письменности нескольких малочисленных народов, в том числе коми и удмуртов, которые вскоре возвратились к старым алфавитам, составленным еще русскими православными миссионерами⁶³.

Лингвистический поворот произошел достаточно драматично, так как в силу обстоятельств языковая проблема оказалась в эпицентре идеологического противостояния «Сталин—Бухарин». Ибо в январе 1936 года Бухарин в «Известиях» поместил статью под выразительным заголовком «Крупные успехи латинизации алфавита», в которой рапортовалось о переходе на новую языковую графику 68 национальностей, или 25 млн. советских граждан. Следом президиум Совета Национальностей ЦИК СССР предложил созвать всесоюзное совещание по вопросам развития языка и письменности национальностей СССР. Однако Сталин и Молотов неожиданно выступили против. В том же духе стал действовать и партаппарат. 15 мая заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК К.Я. Бауман направил секретарям ЦК А.А. Андрееву и Н.И. Ежову записку, в которой сетовал на то, что ВЦКНА и его местные органы «возвели латинизацию в какой-то абсолютный принцип», а также обвинил уже покойного к тому времени Луначарского и руководство Наркомпроса в том, что они, «прикрываясь разговорами о международном характере латинской основы, отставали ориентацию на буржуазную культуру Запада». Логический итог этой явно обозначившейся (между Сталиным и Бухариным) лингвистической бифуркации подвело постановление политбюро от 2 июля 1937 г., ликвидировавшее ВЦКНА как учреждение, «выполнившее свою задачу»⁶⁴.

С этого же времени латинская графика, ранее введенная в союзных и автономных республиках, стала заменяться на русскую. Особенно этот процесс активизировался с конца 1938 года, после перевода на кириллицу татарской письменности. В середине 1939-го то же самое произошло в Азербайджане, в конце того же года — в Таджикистане и Узбекистане, в мае — октябре 1940-го — Туркменистане и Казахстане, а еще через год — даже в Монголии⁶⁵.

Официальное осуждение латинизации письменности послужило одним из поводов к началу давно назревавшей чистки кадров в Наркомпросе, который считался инициатором и проводником этой политики. Кроме того, и А.В. Луначарский, и сменивший его в 1929 году на посту наркома А.С. Бубнов (ранее работал заведующим Агитпропом ЦК и начальником политуправления РККА), да и замнаркома Н.К. Крупская культивировали в этом ведомстве дух интернационального большевизма и слишком слабо откликнулись на патриотические веяния в партийной пропаганде*. Кампания при-

* Но совсем игнорировать подобного рода идеологические новации (точнее, реминисценции) Наркомпрос не мог: в декабре 1935 года он участвовал в подготовке постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) об установлении, как и до революции, единой формы одежды для учащихся школ, а в 1936-м дал указание о переименовании школьных групп в классы, а заведующих школами — в директоров (66).

дирок к руководству Наркомпроса началась с того, что 27 июня 1936 г. Жданов предложил на заседании политбюро осудить чрезмерное увлечение в этом ведомстве западной «буржуазной наукой» — педологией в ущерб развитию традиционной педагогики. Уже 4 июля последовало соответствующее постановление, отменявшее преподавание педологии, а также запрещавшее учебники по этой дисциплине и тестирование умственных и психических возможностей учеников, «обусловленных якобы наследственными факторами, биологической и социальной средой»⁶⁷.

После того как 12 октября 1937 г. Бубнов, «как не справившийся со своей задачей и систематически срывавший работу по просвещению...», был отстранен от руководства Наркомпросом, вместо него назначили ставленника Жданова П.А. Тюркина, работавшего перед этим председателем Ленинградского облисполкома, а еще ранее — в Нижнем Новгороде. Дабы продемонстрировать свое усердие, новый нарком сразу же развил энергичную деятельность по разоблачению «преступлений» бывшего руководства Наркомпроса. К 25 октября Тюркин подготовил для председателя СНК РСФСР Н.А. Булганина записку на имя секретарей ЦК Жданова и Андреева, в которой на Бубнова возлагалась ответственность за такие «последствия вредительства», как неуспеваемость учащихся и «нестабильность» учебного процесса. А еще через два дня оргбюро ЦК отменило «все вредительские и неправильные приказы» бывшего руководства Наркомпроса и благословило кадровую чистку его личного состава. К тому времени Бубнов уже несколько дней как пребывал на Лубянке (был арестован 23 октября), что, впрочем, не заставило Сталина отказаться от выполнения формальной процедуры: 4 декабря (то есть задним числом) он через политбюро вынес на голосование «опросом» членов и кандидатов в члены ЦК предложение о выводе из его состава Бубнова и некоторых других «врагов народа», оказавшихся «немецкими шпионами и агентами царской охранки». 1 августа 1938 г. Бубнов был расстрелян по приговору военной коллегии Верховного суда СССР. Такая же участь постигла почти всех, кто входил в его «команду» — членов коллегии Наркомпроса М.С. Эпштейна и М.А. Алексинского, а также А.П. Пинкевича, С.М. Каменева, М.М. Пистрака, С.А. Гайсиновича и других видных ученых-педагогов и организаторов народного образования. Волна массовых арестов прокатилась и по аппаратам региональных органов народного образования — в республиках, краях и областях. 9 июня 1938 г. оргбюро ЦК приняло решение о ликвидации существовавшего при Наркомпросе Союза эсперантистов СССР, входившего в состав Интернационала пролетарских эсперантистов. В обоснование этого шага утверждалось, что «переписка между эсперантистами СССР и капиталистических стран проходит без надлежащего контроля, что позволяет использовать эсперанто для шпионской и контрреволюционной

работы». Очень скоро арестовали бывшего генерального секретаря ЦК Союза эсперантистов СССР Э. Дрезена и других видных лингвистов⁶⁸. Так в пароксизме шпиономании Сталин, сам увлекавшийся когда-то эсперанто, поставил крест на романтической идее академика Н.Я. Марра создать «всемирный коммунистический язык».

На смену лингвистическим проектам в духе революционного космополитизма приходит осознание советскими верхами особой роли русского языка в консолидации народонаселения СССР. Еще в 1935 году в программы национальных школ РСФСР вводится обязательное его преподавание. Однако это решение выполнялось отнюдь не везде и не в полном объеме; максимум, чего удалось первоначально добиться, причем далеко не во всех школах, — это проведение четырех уроков русского языка в неделю. Тем не менее на октябрьском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), списавшем эти недостатки на козни «врагов народа», пробравшихся в Наркомпрос и его местные органы, было решено пойти еще дальше: начать обязательное изучение русского языка во всех национальных школах Советского Союза. К середине февраля 1938 года соответствующий проект постановления был представлен Тюркиным на рассмотрение специально созданной в ЦК комиссии, в которую вошли сам нарком просвещения, секретари ЦК Жданов и Андреев, а также Н.К. Крупская⁶⁹. Последняя довольно скептически отнеслась к готовящемуся нововведению. К состоявшемуся 7 марта в ЦК совещанию по этому вопросу она подготовила на имя Сталина эмоциональную по тону записку, в которой были и такие строки:

«...мы вводим обязательное обучение русскому языку во всем СССР. Это хорошо. Это поможет углублению дружбы народов. Но меня очень беспокоит, как (выделено в тексте. — *Авт.*) мы это обучение будем проводить. Мне сдается иногда, что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм... Среди ребят появилось ругательное слово «жид», малышка говорит: «Дедушка, я не хочу быть латышкой». Правда, пока это отдельные случаи, но все же нужна известная осторожность»⁷⁰.

Однако Сталин, и прежде мало считавшийся с мнением вдовы своего учителя, теперь не желал замечать его совсем. 13 марта он вместе с Молотовым подписал постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), которым предусматривалось введение с 1 сентября преподавания русского языка со 2–3 классов «как предмета изучения в школах национальных республик и областей». Местным властям предписывалось, «разоблачая и в корне пресекая буржуазно-националистические тенденции к подрыву русского языка в школах», «уделить должное внимание» выполнению этой директивы, в которой вместе с тем подчеркивалось, что «родной язык остается основной преподавания в национальных школах и не подлежит ущемлению»⁷¹.

Что же до Крупской, то летом того же года Сталину подвернулся удобный случай одернуть ее за излишнее прямодушие. 5 августа по воле вождя появилось на свет постановление политбюро «О романе Мариэтты Шагинян «Билет по истории», часть 1-я — «Семья Ульяновых»». В нем в резких эпитетах осуждалось «поведение» Надежды Константиновны как «недопустимое» и «бестактное». Имелось в виду то, что та «давала о рукописи политические отзывы... превращая... общепартийное дело — составление произведений о Ленине — в частное и семейное дело и выступая в роли монопольного истолкователя обстоятельств общественной и личной жизни и работы В.И. Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал». Было решено апокриф Шагинян «из употребления изъять» и впредь «воспретить издание произведений о Ленине без ведома и согласия ЦК ВКП(б)»⁷².

Серьезность сделанных в постановлении выводов свидетельствовала о том, что при его подготовке Сталин руководствовался отнюдь не только желанием излить застарелую неприязнь к вдове Ленина. Дело в том, что в книге Шагинян раскрывалась, хотя и не полностью, генеалогия рода Ульяновых, на основании которой читатель мог сделать вывод о том, что предками Ленина были не великороссы, а калмыки, шведы и представители других национальностей. Тогда как Сталин при каждом удобном случае утверждал, что Ленин, да и он сам принадлежат к великой и передовой в культурно-историческом отношении нации мира — русским. К тому же хотя предки Ленина по материнской линии и были обозначены в книге как малороссы, Сталин имел все основания подозревать писательницу, широко знакомившуюся с архивами и близко общавшуюся с родственниками пролетарского вождя, в том, что она не может не знать, что в жилах его матери текла отнюдь не украинская, а еврейская кровь. Раскрытия же этой семейной «тайны» Ульяновых популист Сталин, знавший не понаслышке о массовом бытовом антисемитизме в стране, не мог допустить ни при каких обстоятельствах.

Самому же Сталину о еврейских корнях своего учителя стало известно еще при его жизни. Как рассказал в июне 1923 года А.И. Рыков меньшевику Б.И. Николаевскому, советское руководство, идя тогда навстречу пожеланиям врачей, лечивших Ленина и не исключавших, что причиной его тяжкого недуга может быть наследственное заболевание, направило на Украину «целую экспедицию» для сбора сведений о родственниках больного. В результате, в частности, «по вопросу о сифилисе ничего определенного» добыто не было, однако старый большевик А.Я. Аросев (работал в Институте В.И. Ленина), принимавший участие в той экспедиции, позднее поведал Николаевскому, что ему тогда удалось кое-что узнать о деде Ленина — «еврее из кантонистов»⁷³. Проверить эти данные и начать широкий сбор документальных материалов для написания научной истории семьи

Ульяновых секретариат ЦК РКП(б) поручил 14 ноября 1924 г. сестре Ленина и одному из организаторов его музея А.И. Елизаровой. Та вместе с другой сестрой, М.И. Ульяновой, сразу же выехала в Ленинград, где в архиве департамента полиции царского Министерства внутренних дел были уже выявлены документы об отце матери Ленина. Теперь уже точно удалось установить, что это Сруль (Израиль) Бланк, рожденный в семье житомирского мещанина-торговца Мойше Ицковича Бланка. После крещения в 1820 году по православному обряду он, взяв имя Александр и отчество Дмитриевич (по имени своего крестного отца Дмитрия Баринова), получил разрешение на поступление в Императорскую медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Потом была государственная служба по медицинской части в Смоленской, Пермской и Казанской губерниях. Дослужившись до чина статского советника, А.Д. Бланк в 1847 году вышел в отставку и уже как дворянин приобрел небольшое поместье Кокушкино, в котором впоследствии неоднократно и подолгу бывал Владимир Ульянов-Ленин, кстати, так до конца жизни, если верить документам, никак не проявивший своей осведомленности в том, что касалось национального происхождения его деда по матери.

Еврейский момент генеалогии Ленина ЦК РКП(б) распорядился держать в строгом секрете. Хотя Елизарова и резко возражала против такого решения, но как член партии вынуждена была ему подчиниться. Однако совсем смириться с такой, по ее мнению, несправедливостью она не могла, и 28 декабря 1932 г. направила письмо Сталину, в котором настаивала на предании гласности всех документов о еврейских родственниках Ленина и последующем их использовании при подготовке его научной биографии. В ответ вождь, сославшись на неблагоприятную политическую ситуацию, приказал Елизаровой о своем архивном открытии молчать «абсолютно». Но та, продолжая оставаться при своем мнении, через два года вновь обратилась к Сталину. «Вообще же, я не знаю, — недоуменно сетовала она, — какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта. Логически это из признания полного равноправия национальностей не вытекает»⁷⁴. Однако теперь, после прихода к власти в Германии нацистов, которые давно мусолили в своей пропаганде слухи о еврейском следе в происхождении Ленина, Сталин еще более утвердился в намерении во что бы то ни стало сохранить семейную «тайну» учителя, тем более что круг посвященных в нее с каждым годом сужался. В 1935 году умерла неугомонная А.И. Ульянова-Елизарова, через два года не стало М.И. Ульяновой, которая, правда, считала, что о еврейских корнях Ленина народу можно будет сообщить лет через сто. В 1938 году расстреляли Рыкова и Аросева, а в 1939-м умерла Крупская. Когда в 1942 году вышла наконец в свет первая научная биография Ленина, то в ней о его национальном

происхождении вообще ничего не говорилось*. Тогда многонациональная страна, переживая годину тяжких испытаний, вопреки предсказанию Гитлера, не развалилась, подобно колоссу на глиняных ногах, а выстояла и в конечном счете победила, что Сталин потом использовал в пропаганде как практическое доказательство правильности его предвоенной внутренней политики, в том числе и идеологической.

В формирование того пропагандистского курса немалый вклад внес Л.З. Мехлис, «без лести преданный» порученец вождя. Занимая после Б.М. Таля пост заведующего отделом печати и издательств ЦК, он, например, в октябре 1937 года обратился в секретариат ЦК по поводу того, что на Украине, в отличие от других союзных республик, не издавалось ни одной республиканской газеты на русском языке, а из 12 областей этой республики только одна Донбасская имела русскоязычную газету. Учитывая то, что в восточных и южных регионах УССР проживало много русских, ЦК ВКП(б) по предложению Мехлиса распорядился начать с 20 декабря в Киеве выпуск всеукраинской, а в Харькове, Николаеве, Днепропетровске и Одессе — областных ежедневных газет на русском языке⁷⁵. Нечто подобное, причем в более явных и сугубо директивных формах, происходило и в многонациональной Красной армии. Добиваясь лучшей управляемости ее боевыми частями и более эффективного взаимодействия между ними, 7 марта 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о расформировании национальных частей, появившихся еще в период гражданской войны. А 6 июля 1940 г. вышло решение политбюро «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную Армию и не знающих русского языка»⁷⁶.

Понимая, что подобные шаги могут быть восприняты номенклатурой из числа коренного населения республик как проявление великодержавия центра, Сталин старался уравновесить их мерами, демонстрировавшими «националам» его готовность сдерживать рост великорусского шовинизма. 6 декабря 1940 г. по его настоянию политбюро распорядилось срочно исправить «негодное положение», которое заключалось в том, что «многие руководящие партийные и советские работники» в союзных и автономных республиках не знают и не изучают язык коренной национальности⁷⁷. В то же время, пытаясь в преддверии новой войны как можно сильнее сплотить вокруг русского центра национальные окраины своей империи, Сталин шел на самые жесткие шаги в борьбе с сепаратизмом, хотя его проявления носили не столько реальный, сколько потенциальный характер. Особую озабоченность у него всегда вызывали «происки»

* Вплоть до падения коммунизма в России в 1991 году во всей издававшейся советской литературе о Ленине об отце его матери сообщалось только то, что он был врачом.

буржуазных националистов, действительных и мнимых, на все той же Украине, второй по значению после России республики в составе СССР.

До конца 20-х годов, когда Сталин еще не обладал всей полнотой власти в стране, его политика в отношении этой республики носила сложный многовекторный характер и была в зависимости от развития политической ситуации подвержена определенным колебаниям. Если весной 1923-го, после XII съезда РКП(б), Сталин благословил уже упоминавшийся выше курс на «коренизацию» кадров на Украине («украинизацию»), то спустя два года, в апреле 1925-го, он добивается назначения на пост генерального секретаря ЦК КП(б)У своего преданного клеврета Л.М. Кагановича, которого напутствовал указанием призвать к порядку не в меру увлекшихся самостоятельностью украинских товарищей⁷⁸. Очень скоро наместник вождя, установив контроль над аппаратом власти республики, повел решительное наступление на набравший силу украинский национализм, имевший в номенклатурных структурах довольно влиятельных приверженцев. Одним из них был А.Я. Шумский — нарком просвещения республики, входивший в состав ЦК КП(б)У и его оргбюро. Осенью 1925 года он, приехав в Москву, добился аудиенции у Сталина, в ходе которой, обвинив Кагановича в грубости и провоцировании «серьезного конфликта» в украинском руководстве, потребовал его отъезда из Украины. Избрав для себя на сей раз роль третейского судьи, находящегося над схваткой, Сталин вынужден был, с одной стороны, несколько умерить административный пыл своего наместника в Харькове, признав при этом, что «целый ряд коммунистов на Украине не понимают смысла и значения» «широкого движения за украинскую культуру и украинскую общественность», но с другой — не упустил случая одернуть Шумского, «серьезным» ошибкам которого посвятил большую часть своего письма, направленного 26 апреля 1926 г. «тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У». В нем Шумский обвинялся в стремлении насильственно украинизировать русских рабочих, составлявших значительную часть городского населения республики, а также порицался за поддержку той части украинской интеллигенции, которая выступала за культурную «самостоятельность» Украины, и особенно писателя-коммуниста Н.Г. Хвелевого, выдвинувшего лозунг «Геть від Москви»⁷⁹.

Письмо Сталина отнюдь не потушило конфликт в украинском руководстве, скорее наоборот, — только подлило масла в огонь антагонизма между Шумским и Кагановичем. Последний от имени украинского «руководящего ядра» (Г.И. Петровского, В.Я. Чубаря и др.) направил ответ Сталину, в котором заверил вождя, что заявление его оппонента о «системе зажима» критики абсолютно беспочвенно и «вызывает... чувство негодования против человека, посмеявшегося выступать... в качестве уполномоченного... от имени политбюро».

Вместе с тем Каганович, чтобы умерить недовольство националистически настроенной части ЦК КП(б)У, вынужден был уделять впредь больше внимания проблеме «украинизации». 12 мая он выступил на заседании украинского политбюро с докладом, в котором похвастался успехами в этом деле. Тем не менее раздоры в украинском руководстве не прекращались, они то затухали на время, то разгорались с новой силой, о чем Каганович регулярно информировал Москву. В конце концов в феврале 1927 года он добился от центра снятия Шумского с должности наркома просвещения и его перевода на работу в Ленинград. Только после этого Кагановичу удалось отменить республиканский закон о главенстве украинского языка. Тем не менее сменивший Шумского на посту наркома просвещения республики Н.А. Скрыпник, подобно своему предшественнику, пытался не на словах, а на деле защищать политику «украинизации», за что в декабре на XV съезде партии был подвергнут критическому разному. Последовавшие в ответ оправдания Скрыпника только усугубили его положение, превратив в мишень саркастических колкостей выступившего на этом форуме Ю. Ларина. Тот, будучи поддержан Кагановичем, назвал Скрыпника «очень опасным конкурентом для римского папы», известного своей претензией на непогрешимость⁸⁰.

Тем временем, готовясь посредством политического «великого перелома» прибрать к рукам все бразды правления в центре и потому будучи заинтересованными в поддержке регионов, Сталин вынужден был еще раз продемонстрировать украинской партийной элите добрую волю. 24 мая 1928 г., уступая давлению противников Кагановича в украинском руководстве, он одобрил постановлением политбюро решение республиканского правительства об обязательном изучении служащими всех предприятий и организаций Украины, в том числе и союзного подчинения, украинского языка и ведении на нем всей служебной переписки. А вскоре Сталин сделал еще один подарок украинской номенклатурной верхушке: нелюбимый ею за свои откровенно сатрапские методы руководства Каганович был убран из республики. Летом Сталин отозвал его обратно в Москву, где концентрировал преданных ему людей, готовясь нанести решающий удар по Бухарину, Рыкову и другим «правым». 12 июля Каганович был назначен секретарем ЦК ВКП(б) и в последующие два года, не жалея сил и здоровья, безоговорочно поддерживал Сталина в проведении массовой коллективизации сельского хозяйства и в борьбе с бухаринской оппозицией, заслужив тем самым не только признательность вождя, но и особые знаки внимания с его стороны: 10 ноября 1930 г. было принято специальное постановление политбюро о поддержании расстроенного из-за напряженной работы здоровья Кагановича, который обязывался пройти курс лечения в Германии и «строго соблюдать предписанный врачами режим (обед

не позже 5 часов, отдых до обеда — 1/2 часа, после обеда — 1 1/2 часа)». Одновременно жене Кагановича, Марии Марковне, давалось партийное поручение «иметь строгое наблюдение» за мужем и о случаях нарушения им предписанного политбюро режима «немедленно сообщать в ЦК»⁸¹.

Став полновластным хозяином в стране, Сталин больше не утруждал себя заигрываниями с националами. Уже начиная с 1929 года он все решительнее и жестче пресекал любые более или менее заметные проявления «самостийности» на Украине. Поскольку разворачивалась кампания борьбы с вредителями из числа так называемых буржуазных специалистов, первый удар набравших силу политических репрессий пришелся по наиболее авторитетным представителям старой национальной интеллигенции. По сфабрикованному тогда органами госбезопасности «делу СВУ» («Спілки визволення України») был арестован ряд известных украинских ученых и общественных деятелей, в том числе вице-президент Всеукраинской академии наук С.А. Ефремов и составитель словаря живого украинского языка А.В. Никовский (бывший министр иностранных дел в правительстве С.В. Петлюры)*. Обоим дали в 1930 году по десять лет лагерей. В марте следующего года в Москву, под надзор ОГПУ, вынудили уехать на постоянное жительство другого украинского академика, действительного члена АН СССР (с 1929 г.), известного историка и бывшего председателя Центральной рады М.С. Грушевского, автора многотомной «Истории Украины — Руси», написанной в эмоционально-националистическом ключе. В Москве его почти сразу арестовали по делу «контрреволюционного» «Украинского народного центра», однако по постановлению политбюро от 28 января 1932 г. выпустили на свободу и позволили посвятить последние годы жизни работе в столичных архивах и научной деятельности⁸².

Решающий удар по украинскому национализму Сталин нанес, воспользовавшись широкомасштабным и катастрофическим по последствиям голодом, разразившимся в начале 30-х на юге страны. Возложив ответственность за это бедствие на руководство УССР, а также на тамошних кулаков и вредителей, он, начав радикальную чистку республиканских кадров, принял меры к фактическому спертыванию «украинизации», хотя формально об этом объявлено не было. В изданном 14 декабря 1932 г. постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной Сибири» украинскому руководству лишь предписывалось «обратить серьезное внимание на правильное проведение украини-

* Известно, что, работая в республиканской Академии наук, Ефремов и Никовский строили козни против кафедры еврейской литературы. Из подготавливаемого ими словаря украинского языка были исключены слова «хохол» и «малоросс», но зато включено слово «жид».

зации, устранить механическое проведение ее в жизнь, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций... обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации»⁸³. На деле эти указания центра обернулись снятием в феврале 1933 года Скрыпника, наиболее активного и последовательного сторонника «украинизации», с поста наркома просвещения УССР. Не перенеся травли, 7 июля он застрелился. Еще раньше, 13 мая, свел счеты с жизнью писатель Хвелевой, чьи многолюдные похороны превратились в демонстрацию протеста против «москалей». Примерно тогда же был исключен из партии и арестован А.Я. Шумский*, занимавший в Москве пост председателя ЦК профсоюза работников просвещения. На состоявшемся 20 ноября пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У республиканское начальство рапортовало в Москву о разгроме «националистической агентуры в партии — антипартийной группы Шумского» и «разоблачении националистического уклона Н.А. Скрыпника». В январе 1934 года XII съезд КП(б)У высказался по этому поводу еще резче. В одном из принятых на нем документов подчеркивалось, что национал-уклонисты в республиканской парторганизации «облегчали и помогали деятельности контрреволюционных националистов... и прямо с ними смыкались»⁸⁴.

По аналогичному сценарию развивались события и в Белоруссии. В августе 1929 года местные органы госбезопасности приступили к ликвидации контрреволюционной организации так называемых национал-демократов. В октябре по подозрению в принадлежности к ней были сняты со своих постов непререкаемый секретарь Академии наук Белоруссии В.У. Ластовский и вице-президент С.М. Некрашевич. К сентябрю следующего года, когда операция по уничтожению «нацдемковского подполья» вступила в самую драматическую фазу, были взяты под стражу десятки представителей национальной интеллигенции, в том числе шесть видных белорусских академиков (ректор Минского университета В.И. Пичета и др.). Опасаясь расправы, покончил жизнь самоубийством президент АН Белоруссии В.М. Игнатовский. Копируя опыт украинских коллег, белорусские чекисты, не мудрствуя лукаво, объявили всех арестованных деятелей науки и культуры (всего 86 человек) членами «Союза освобождения Белоруссии» («СВБ»). Тогда же в качестве тайных покровителей «заговорщиков» были исключены из партии и арестованы секретарь ЦК КП(б)Б И.А. Васильев, республиканские наркомы земледелия и просвещения А.Ф. Адамович и А.В. Балицкий, другие высшие чиновники. С новой силой чистка республиканского партийно-государственного аппарата от нацдемовцев возобновилась после того,

* Как стало известно совсем недавно, Шумский был убит в 1946 году по дороге из места ссылки на Украину сопровождавшими его чекистами.

как 2 марта 1933 г. было принято постановление политбюро ЦК ВКП(б) «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии», в котором отмечались «факты запрещения пользования русским языком в обращениях в государственные органы БССР и даже преследования за пользование русским языком в частной обстановке», а также подчеркивалось, что «белорусские партийные и советские органы в ряде случаев потворствуют буржуазно-кулацким националистическим тенденциям». Для разбирательства на месте в Минск была направлена комиссия под председательством члена президиума ЦК ВКП(б) Н.К. Антипова, которая сама творила суд и расправу, причислив свои жертвы к мифическому «глубоко законспирированному» «Белорусскому национальному центру»⁸⁵.

Проходивший в СССР в конце 20 — начале 30-х годов переходный период от коммунистической республики к коммунистической империи обернулся для Белоруссии, Украины и других союзных республик существенным урезыванием их автономных прав, сопровождавшимся применением жестких методов укрощения национальной управленческой и культурной элиты. Как бы формулируя теоретическое обоснование развернутого советским руководством генерального наступления против тайных националистических сил в стране, Сталин, упомянув в выступлении на XVII съезде партии (январь 1934 г.) о «грехопадении Скрыпника и его группы на Украине», особо подчеркнул:

«Следует заметить, что пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме»⁸⁶.

В конечном итоге терзавший вождя страх перед национальным сепаратизмом в определенной мере predetermined ту радикальную смену руководства на Украине, в Белоруссии и других союзных и автономных республиках, которая произошла в период «большого террора» конца 30-х годов. Тогда на Украине было инспирировано дело «Антисоветского националистического центра», жертвами которого стали председатель СНК УССР А.П. Любченко (покончил жизнь самоубийством 30 августа 1937 г.), нарком просвещения В.П. Затонский, начальник управления по делам искусств А.А. Хвилья и другие высшие чиновники. Как участники других рожденных фантазией НКВД подпольных группировок — «Польской организации войсковой» и «правотроцкистского центра» были расстреляны секретари ЦК КП(б)У М.М. Хатаевич и Н.Н. Попов. Позже разделались с бывшими первым и вторым секретарями ЦК КП(б)У С.В. Косиором (был объявлен главой все той же «Польской организации войсковой») и П.П. Постышевым. Примерно то же самое происходило и в Белоруссии, где в июне 1937 года были объявлены польскими

шпионами председатель ЦИК А.Г. Червяков (покончил жизнь самоубийством), председатель СНК Н.М. Голодод (расстрелян) и другие руководители. Следом за ними расправились с первым секретарем ЦК КП(б)Б В.Ф. Шаранговичем (арестован 27 июля 1937 г., а казнен в 1938-м вместе с Бухариным, Рыковым и другими «правыми»). Всего же под флагом борьбы против национал-уклонизма и национал-демократизма в этот период в республике было репрессировано 99 секретарей райкомов из 101, 80 литераторов, а также множество деятелей искусства и науки⁸⁷.

Первые признаки госантисемитизма

СССР—ГЕРМАНИЯ: ПЕРИПЕТИИ ОТНОШЕНИЙ

В течение 30-х годов советско-германские отношения были подвержены существенным колебаниям. До начала 1933 года на них благотворно влиял конструктивный дух договора, заключенного этими странами в 1922 году в Рапалло. Однако сразу же после прихода к власти А. Гитлера, провозгласившего Третий рейх передовым бастионом Запада в борьбе с большевизмом и тогда же публично обещавшего за шесть — восемь лет совершенно уничтожить марксизм⁸⁸, ситуация диаметрально изменилась. Если еще в апреле 1932 года Сталин, встречаясь с немецким писателем еврейского происхождения Э. Людвигом, говорил, что в Советском Союзе испытывают симпатии к немцам⁸⁹, то не пройдет и года, как в Советском Союзе заговорят о Германии совсем по-другому. 22 марта 1933 г. в «Известиях» появилась статья К. Радека, в которой прямо утверждалось, что «национал-социалисты развили программу внешней политики, направленную против существования СССР...». Начавшееся со вступления СССР в сентябре 1934 года в Лигу наций активное его сближение с западными демократиями повлекло за собой дальнейшее охлаждение в советско-германских отношениях. При этом советское руководство, избрав этот новый для себя курс во внешней политике, особенно болезненно и ревниво воспринимало любую уступку Германии со стороны западных демократий, справедливо полагая, что это отнюдь не «умиротворяет» нацистов, как утверждалось в Лондоне или Париже, а, наоборот, поощряет их реваншизм и агрессивность. После передачи Саарской области рейху в «Правде» 31 марта 1935 г. появилась осуждавшая это событие статья заместителя наркома по

военным и морским делам М.Н. Тухачевского «Военные планы Германии», подготовленная по указанию Сталина и тщательно им отредактированная. Последний как бы пытался еще раз продемонстрировать Западу трезвый прагматизм советского коммунизма, благоприобретенный за почти два десятка бурных послереволюционных лет, и в то же время предостеречь от опасных заигрываний с авантюристическим нацистским режимом с расистской и экспансионистской идеологией. Однако подобные увещания не могли быть особенно эффективными, будучи нейтрализованными более динамичной внешней политикой Гитлера, максимально использовавшего преимущества срединного географического положения Германии между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. Предвосхищая одобрительную реакцию Запада, Гитлер в ноябре 1936 года увенчал свой антисоветский курс сколачиванием так называемого Антикоминтерновского пакта, и это было разрекламировано им как первый шаг к созданию своего рода антикоммунистического интернационала.

В свою очередь Сталин стремился извлечь выгоду из обострившихся противоречий между нацистской Германией и западными демократиями, в том числе и по еврейскому вопросу. В личном архиве вождя сохранились тексты перехваченных ОГПУ весной 1933 года телеграмм британских дипломатов. К примеру, в одной из них, датированной 9 апреля, английский посол в Берлине сэр Румбольд предостерегал британский Форин офис:

«По моему мнению, было бы большой ошибкой приглашать Геринга в Лондон... Геринг несет полную ответственность за действия своих приверженцев, которые не останавливаются перед физическим истязанием евреев. Ввиду этого приглашение Геринга в Лондон, безусловно, встретило бы враждебное отношение со стороны общественного мнения, особенно в еврейских кругах, и, возможно, привело бы к инцидентам»⁹⁰.

Ориентироваться в хитросплетениях германской внешней политики помогали Сталину и регулярные доклады наркома иностранных дел М.М. Литвинова. В декабре 1935 года тот ознакомил вождя с мнением советского полпреда в Германии Я.З. Сурица о Гитлере; в действиях которого тот усмотрел «три пункта помешательства: вражда к СССР, еврейский вопрос и аншлюс». В ответ на развернутую нацистами антисоветскую кампанию, принимающую «совершенно гомерические размеры», Литвинов предложил тогда «дать нашей прессе директиву об открытии систематической контркампании против германского фашизма и фашистов»⁹¹.

Поскольку необходимость адекватного пропагандистского ответа СССР на нацистский вызов была более чем очевидной, Сталин активно наращивал усилия своего идеологического аппарата в этом направлении. Причем в содержательном плане акцент делался на

всесторонне выигрышном для Советского Союза противопоставлении парадигме советского миролюбия и интернационализма таких крайних форм германского национализма, как воинствующий расизм и антисемитизм. Еще в начале 30-х годов по распоряжению Сталина была переведена на русский язык и издана ограниченным тиражом «для служебного пользования» вышедшая в Германии в 1925–1926 годах книга Гитлера «Моя борьба», которую раздали высшим партийно-государственным сановникам и руководству пропагандистского ведомства. Содержавшиеся в ней основополагающие для нацистской идеологии саморазоблачительные откровения фюрера — гремучая смесь геополитики и «расовой теории»* — были широко востребованы советской антифашистской пропагандой. А когда в конце 1936 года был созван Чрезвычайный VIII съезд Советов и на нем был устроен грандиозный пропагандистский спектакль под названием «Принятие сталинской Конституции», Молотов впервые ознакомил советскую публику с ответом, данным еще 12 января 1931 г. Сталиным на запрос Еврейского телеграфного агентства в США**. Он также процитировал фрагмент из принятых гитлеровцами в 1935 году так называемых нюрнбергских расовых законов, гласящих, что «еврей не может быть гражданином Германской империи... лишается права голоса по политическим вопросам... не может занимать государственных должностей». Затем, используя эффект риторического контраста, торжественно заявил:

«...Наши братские чувства к еврейскому народу определяются тем, что он породил гениального творца идей коммунистического освобождения человечества и научно овладевшего высшими достижениями германской культуры и культуры других народов — Карла Маркса, что еврейский

* В «Майн кампф», этой библии антисемитизма, содержались и такие «откровения»: «В политическом отношении еврей бьет целые государства тем, что лишает их нужных средств, разрушает все основы национальной защиты, уничтожает веру в государственное руководство, начинает позорить всю предыдущую историю данного государства и забрасывает грязью все великое и значительное. ... Еврейский народ — при всем том, что внешне он кажется очень развитым — на самом деле никакой истинной культуры не имеет, а в особенности не имеет никакой собственной культуры. ... Евреи живут как паразиты на теле других наций и государств» (92).

** Этот лаконичный, хотя и несколько витиеватый по форме ответ, получивший позже заголовок «Об антисемитизме» и широко использовавшийся в СССР для пропаганды сталинской национальной политики, гласил: «Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма... В СССР строжайше преследуется антисемитизм, как явление, глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются законом СССР смертной казнью» (93).

народ, наряду с самыми развитыми нациями, дал многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства, дал много славных героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает все новых замечательных и талантливых руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма. Всем этим определяется наше отношение к антисемитам и антисемитским зверствам, где бы они ни происходили»⁹⁴.

Подобные декларации вовсе не означали, что сталинское руководство реально собиралось встать на защиту преследуемого нацистами германского еврейства (впрочем, его судьба тогда не особенно волновала и правящие круги западных демократий), просто в ход был пущен еще один пропагандистский козырь, работавший на положительный образ Страны Советов в мире. Но зато внутри страны последовали антигерманские действия верхов. Принятое было в 1934 году решение об открытии немецкого национального театра в Москве было аннулировано. В следующем году НКВД будет раскрыт «фашистский заговор» в Московском педагогическом институте иностранных языков и взяты под стражу пять преподавателей во главе с заведующим кафедрой немецкого языка. Осенью 1936-го ЦК ВКП(б) предпримет проверку преподавания иностранных языков в средних школах, техникумах и вузах. В результате будет подсчитано, что в школах РСФСР работают 8883 учителя немецкого языка и только 253 — английского. Выяснится также, что в Москве лишь в 40 школах из 565 идет обучение английскому языку, еще в 30 — французскому, тогда как во всех остальных — немецкому, и что в Белоруссии из иностранных языков преподается только немецкий. В принятом в итоге постановлении ЦК такое положение было названо ненормальным и его предлагалось срочно исправить путем расширения подготовки учителей английского и французского языков⁹⁵.

Тогда же все более массовый характер стали принимать аресты немецких граждан, подозревавшихся в принадлежности к подпольным фашистским организациям. Размах этих репрессий даже побудил германское посольство в Москве выступить несколько раз с протестами. Однако подобные демарши не могли смягчить антигерманский настрой советского руководства. 11 марта 1937 г. политбюро признало нецелесообразным дальнейшее существование советско-германского общества «Культура и техника»⁹⁶. Однако кульминацией германофобии в Советском Союзе стало разоблачение так называемого военно-фашистского заговора, о чем поведал 2 июня Сталин на расширенном заседании военного совета при наркомате обороны. Им было названо 13 имен политиков и военных (М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич и др.), составивших якобы «ядро военно-политического заговора... которое имело систематическое сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое

приспосабливало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов». На состоявшемся вскоре закрытом судебном заседании восемь «заговорщиков», входивших в высшее командование Красной армии, были приговорены к смертной казни как немецкие шпионы. На Западе потом, возможно, с подачи германских спецслужб, стали распускаться слухи о том, что процесс этот стал следствием фабрикации шефом СД и политической полиции Р. Гейдрихом документов, избличавших верхушку советских вооруженных сил как германскую агентуру, и передачи им этого компромата Сталину через чехословацкого президента Э. Бенеша*. В этой провокации участвовали и некоторые немецкие генералы, которые намеренно распространяли дезинформацию (в том числе и через военных представителей Англии и других западных стран в Берлине) о том, что советская военная элита настроена против евреев, Коминтерна и марксизма и готова после смерти Сталина установить в России военную диктатуру. Вообще же главари нацистов часто выдавали желаемое за действительное. Как бы забегая вперед, они пытались связать «ежовщину» с антисемитским перерождением власти в Кремле. Показательно, что 25 января 1937 г. Й. Геббельс записал в своем дневнике:

«В Москве опять показательный процесс. На сей раз почти исключительно против евреев. Радек и другие. Фюрер еще сомневается, имеется ли в процессе скрытая антисемитская тенденция. Возможно, Сталин все же желает избавиться от евреев. И среди военных, кажется, присутствует сильный антисемитизм. Итак, со вниманием будем следить за дальнейшим»⁹⁷.

На самом деле налицо был прежде всего всплеск антинемецких репрессий. 20 июля 1937 г. политбюро поручило Ежову «дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах, и высылке части арестованных (видимо, немецких граждан. — *Авт.*) за границу». Об особо серьезном характере этого документа свидетельствовало содержавшееся в нем требование к Ежову представлять ежедневные сводки в ЦК о ходе арестов и количестве арестованных. В марте 1938-го очередь дошла и до центрального аппарата Наркомата оборонной промышленности, руководству которого совместно с НКВД было предписано срочно «очистить» военно-промышленный комплекс от еще работавших в этой сфере немцев, а также от поляков, латышей и эстонцев. А с 21 июня в

* Эта легенда, родившаяся, возможно, и не без участия Кремля, оказалась чрезвычайно живучей и была развеяна только в 1989 году, когда реабилитационной комиссией политбюро ЦК КПСС после тщательного изучения дела Тухачевского было заявлено, что никаких следов передачи Сталину документов по этому делу из-за границы не обнаружено. (Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 4. — С. 61).

соответствии с директивой наркома обороны немцы и представители других считавшихся тогда неблагонадежными нацменьшинств (латыши, литовцы и др.) стали изгоняться из политорганов Красной армии⁹⁸.

Своего пика достиг антифашистский и антинемецкий настрой советской пропаганды. В области кино, в котором Сталин видел «величайшее средство массовой агитации»⁹⁹, в ряду историко-патриотических игровых лент — «Петр I» (1937–1939 гг., режиссер В.М. Петров), «Минин и Пожарский» (1939 г., режиссеры В.И. Пудовкин и М.И. Доллер) — был создан фильм «Александр Невский» (1938 г., режиссер С.М. Эйзенштейн), которому социальным заказом была придана определенная антигерманская направленность*. На современную тематику производились главным образом фильмы, бичевавшие политику государственного антисемитизма в Германии. В качестве литературной основы для них использовались в основном сценарии, написанные немецкими евреями-эмигрантами. Лион Фейхтвангер**, например, подготовил таковой по своему роману «Семья Оппенгейм», за что Сталин распорядился выплатить ему в

* На создание этой картины Эйзенштейн был «мобилизован» специальным постановлением политбюро, поручившим 9 мая 1937 г. начальнику Главного управления кинопромышленности Б.З. Шумицкому «использовать Эйзенштейна, дав ему задание (тему), предварительно утвердив его сценарий, текст и пр.». Не содержавшие в отличие от «Александра Невского» антинемецких выпадов фильмы «Петр I» и «Минин и Пожарский» были куплены Германией у СССР в начале 1940 года за 15 тыс. марок, причем «Минин и Пожарский» — для использования в антипольской пропаганде (100).

** Фейхтвангер был одним из многочисленной плеяды западных левых интеллектуалов, которые были использованы Сталиным в пропагандистских целях. 8 января 1937 г. советский вожь принимал в Кремле немецкого писателя как самого почетного гостя. Возвратившись на Запад, Фейхтвангер опубликовал в Амстердаме положительный, а местами и восторженный отзыв о стране победившего социализма в виде книги «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей», которая тут же была переведена на русский язык и издана «для служебного пользования» в количестве 250 экземпляров Особым бюро НКВД СССР. После ознакомления с книгой номенклатурной верхушки ее в ноябре 1937 года выпустили в свет уже массовым тиражом. Тем не менее в издательском предисловии отмечалось, что «книжка содержит ряд ошибок и неправильных оценок». Среди прочего советским властям пришлось наверняка не по вкусу слишком уж «непосредственная» форма, в которой излагалось в книге советское решение еврейского вопроса. В частности, в ней с простотой, которая, как известно, бывает хуже воровства, «в лоб» утверждалось, что Советский Союз «ассимилировал большую часть своего пятимиллионного еврейского населения», которое якобы навсегда распрощалось с «вредной иллюзией еврейской народности» (101). В конце 40-х годов, когда Фейхтвангер был причислен в Советском Союзе к «заправникам» международного космополитизма, его книга стала повсеместно изыматься из библиотек и книготорговой сети.

виде гонора до 5 тыс. американских долларов¹⁰². Фильм по этому сценарию поставил в первой половине 1939 года режиссер Г.Л. Рошаль. Годом ранее была пушена в прокат картина Г.М. Раппапорта «Профессор Мамлок», созданная по сценарию немецкого писателя еврейского происхождения Фридриха Вольфа.

Бесспорно, антифашистская пропаганда, развернутая в Советском Союзе, сыграла значительную роль в разоблачении истинного, зверского лица германского нацизма. Однако следует иметь в виду, что в проекции на политическое закулисье взаимные пропагандистские пикировки СССР и Германии не только давали возможность этим странам каждой по-своему укреплять свой престиж в западном общественном мнении (первой — на пропаганде антифашизма, второй — антикоммунизма), но и помогали им под покровом внешней непримиримости скрывать какое-то время тенденцию к взаимному политическому тяготению, четко обозначившуюся с осени 1938 года. На путь сближения с Германией Сталина во многом толкнуло разочарование в политике западных демократий, наступившее после заключения ими пресловутого мюнхенского соглашения с Гитлером. И хотя, выступая на XVIII съезде партии, он еще продолжал называть страны «оси» «государствами-агрессорами», а их политическое руководство — «фашистскими заправками», но острота его критики все же было направлено против правительств Англии и Франции, которые упрекались в том, что «немцам отдали район Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом...»¹⁰³.

Сомнения в искренности Запада и его способности принять на себя и тем более исполнить союзнические обязательства заставили руководство Советского Союза полагаться только на собственные силы и умение маневрировать в стремительно ухудшавшейся международной ситуации, когда, по словам Сталина, «новая империалистическая война стала фактом»¹⁰⁴. Эгоизм (с его принципом «своя рубашка ближе к телу») и политика с позиции силы, доминировавшие в межгосударственных отношениях, в значительной мере и породили советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. Заключивший эту сделку Сталин считал, что действует вполне согласно правилам, установленным «старыми прожженными буржуазными дипломатами» с их циничным лозунгом «политика есть политика», и в духе времени, когда «со слабыми не принято считаться, считаются только с сильными»¹⁰⁵. Показательно, что такой традиционный политик, как У. Черчилль, очень высоко оценив результаты предвоенной активности советских руководителей на международной арене, писал впоследствии:

«Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была также в этот момент в высокой степени реалистичной»¹⁰⁶.

ПРОБЛЕМА ПОЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ

Разразившаяся вскоре новая мировая война принесла народам Земли невиданные ранее бедствия и страдания. Для европейских евреев это грозное событие стало самым страшным периодом национальной катастрофы (Холокоста), переживаемой с момента фашизации Германии. Особый трагизм положения евреев, оказавшихся под властью нацистов, заключался в том, что мировое сообщество в лице западных демократий, не сумев преодолеть эгоистической озабоченности собственной безопасностью, не предприняло сколько-нибудь действенных мер для их спасения. Правда, в июле 1938 года по инициативе президента США Ф. Рузвельта и под эгидой Лиги наций во французском городе Эвиане собирались представители 32 стран для решения проблемы беженцев, прежде всего еврейских. И тогда даже была создана Международная коллегия по делам беженцев со штаб-квартирой в Лондоне, однако она так реально и не развернула свою деятельность. Ибо, когда от слов нужно было переходить к действиям, ни одно из государств-участников не пожелало принять гонимых евреев. Более того, весной 1939 года правительство премьер-министра Н. Чемберлена пересмотрело обязательства Великобритании в отношении Палестины, предложив в так называемой «Белой книге» создать там в течение десятилетнего срока новое государство, но не еврейское и не арабское, а двунациональное, федеративное, а также в течение ближайших пяти лет ограничить еврейскую иммиграцию на Ближний Восток суммарной квотой в 75 тыс. человек; в последующие же годы ее размер вообще подлежал согласованию с арабской стороной. Предусматривались также жесткие меры борьбы с незаконной иммиграцией. Почти так же действовали и США, где большим политическим влиянием пользовались изоляционисты: из-за введенных лимитов на прием иностранцев туда в 1933–1939 годах удалось въехать только 165 тыс. евреев. В мае 1939 года у южных берегов этой страны был сыгран первый акт драмы, участниками которой оказались 930 евреев-беженцев, прибывших в Новый Свет из Гамбурга. Судно «Сант-Луис», на борту которого они находились, должно было доставить их из Германии в Гавану (пассажиры имели кубинские въездные визы), однако диктатор Р.Ф. Батиста в последний момент запретил им сойти на берег. И тогда беженцы решили попытаться счастья в порту Майами, но американские власти остались глухи к мольбам скитальцев. Несчастливым не оставалось ничего другого, как отправиться обратно в Европу, где их только под сильным нажимом мировой общественности согласились 17 июня принять власти Бельгии, Франции, Голландии и Англии¹⁰⁷.

Отстраненность мирового сообщества от проблемы еврейских беженцев и обусловленная этим трагическая безысходность их положения толкали порой представителей этой национальности на от-

чаянные поступки. Желая отомстить за родителей, которых вместе с другими 17 тыс. польских евреев немецкие власти насильственно депортировали на покинутую ими в свое время из-за антисемитизма родину, 17-летний Гершель Гриншпан проник 7 ноября 1938 г. в германское посольство в Париже и смертельно ранил первого попавшегося ему на глаза дипломата, которым оказался третий секретарь Эрнст фон Рат. Воспользовавшись этим случайным инцидентом, который Гитлер назвал «одним из ударов мирового еврейства», шеф СД и гестапо Р. Гейдрих подготовил секретную директиву о повсеместном проведении в рейхе в ночь на 10 ноября еврейских погромов, которые решено было представить как стихийные народные выступления. На следующий день после этой варварской акции, вошедшей в историю под названием «хрустальной ночи», Гейдрих конфиденциально сообщил Г. Герингу следующие предварительные ее итоги:

«Результаты разрушения еврейских магазинов и домов пока сложно выразить в точных цифрах... 815 разрушенных магазинов, 171 сожженный или разрушенный дом — это только часть уничтоженного вследствие поджогов... 119 синагог было сожжено, 76 полностью разрушены... Арестованы 20 тыс. евреев. По донесениям, убито 36 человек, столько же тяжело ранено. Все убитые и раненые — евреи...»¹⁰⁸.

Разбойничий антиеврейский террор, развязанный нацистами, вызвал возмущение советской общественности. В здании Московской государственной консерватории состоялся митинг деятелей культуры, который транслировался по радио на весь мир. Среди выступавших был и С. Михозлс, который тогда принял эстафету культурно-национального лидерства в среде советского еврейства. Аналогичные мероприятия прошли и в других городах, в том числе во Фрунзе, Калинин, Красноярске и Пятигорске.

Еще более острой была реакция на «хрустальную ночь» на Западе, особенно в Америке. Временный поверенный в делах СССР в США К.А. Уманский сообщал 1 декабря наркому иностранных дел Литвинову:

«По США прокатилась волна возмущения нацистским варварством, которое, по мнению знатоков, может сравниться только с антинемецкими настроениями периода вступления США в войну в 1917 году. Своими заявлениями и отозванием посла Рузвельт отразил и подогрел народное возмущение».

Другой советский полпред И.М. Майский, комментируя спустя месяц с небольшим в одном из своих донесений из Лондона ноябрьские события в Германии, отмечал, что они «сыграли особенно крупную роль в деле отрезвления... руководящих кругов Англии от Мюнхена»¹⁰⁹.

Однако протесты Запада нимало не обеспокоили Гитлера. Более того, выступая 30 января 1939 г. в рейхстаге, он разразился угрозой

полного уничтожения евреев, заявив, что «если международные еврейские финансисты в Европе и за ее пределами сумеют еще раз втянуть народы мира в мировую войну, то ее результатом будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе»¹¹⁰.

То, что за этими словами стояли реальные планы, показали события, развернувшиеся после вторжения нацистов 1 сентября в Польшу. Спустя месяц вооруженные силы этой страны были разгромлены, и под властью немецких оккупантов оказались западные земли уже бывшего Польского государства с находившимся на них почти 2-миллионным еврейским населением. 17 сентября в соответствии с секретным протоколом к пакту Молотова-Риббентропа советские войска вошли в Западную Белоруссию и на Западную Украину (земли, частично отторгнутые от России Польшей в 1920 г.). Официально Москва мотивировала свои действия тем, что «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать... тем самым прекратили свое действие договора между СССР и Польшей» и «советское правительство не может безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными»¹¹¹. Но заявив о своем намерении позаботиться о белорусском и украинском населении разгромленной восточноевропейской страны, советское руководство ни словом не обмолвилось о гарантиях безопасности для населявших ее евреев, хотя еще 14 сентября «Правда» упоминала их наряду с украинцами и белорусами как национальные меньшинства, составлявшие в совокупности 40 % населения Польши. Вместе с тем евреи бывшей польской Западной Украины и Западной Белоруссии (свыше 1 млн. чел)* могли не беспокоиться за свои жизни: они стали теперь достоянием СССР, как, впрочем, и 196 тыс. квадратных километров присоединенных земель вместе с проживавшими на них более чем 11 млн. украинцев, белорусов и поляков. Эти цифры приобретенных Советским Союзом территориальных и людских ресурсов были приведены Молотовым, выступившим 31 октября на сессии Верховного совета СССР с подведением итогов западного осеннего похода Красной армии¹¹³.

Судьба же евреев из отошедшей к рейху Западной Польши Сталина не волновала. Созданной в двадцатых числах октября советско-германской смешанной комиссией по эвакуации, в которую от СССР вошли такие высокопоставленные чиновники, как

* По произведенным впоследствии подсчетам, количество евреев, проживавших на территориях, присоединенных к СССР осенью 1939 года, составляло примерно 1 270 000 человек, а с учетом беженцев из Западной Польши — почти 1,5 млн. человек (112).

М.М. Литвинов, Г.П. Аркадьев (НКВД), И.И. Масленников (НКВД), И.Д. Злобин (Наркомфин), еврейская проблема вообще не рассматривалась. В подготовленном этой комиссией соглашении от 16 ноября говорилось только о советско-германском обмене русским, украинским, белорусским и немецким населением¹¹⁴. Поэтому сотням тысячам польских евреев пришлось на свой страх и риск решать вопрос о выборе места проживания. Из образовавшихся нелегальных потоков еврейских беженцев наиболее массовым был тот, который двигался в восточном направлении. Руководствуясь волей фюрера*, нацисты не только не препятствовали еврейскому исходу со своих земель, но, наоборот, в обход официальных соглашений всеми правдами и неправдами содействовали этому исходу. И хотя власти СССР противодействовали этому, на советскую территорию просочилось 150—200 тыс. беженцев. Вот что сообщал 5 декабря 1939 г. в германский МИД начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-полковник В. Кейтель:

«Выдворение евреев на русскую территорию проходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте, в лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу, в 15 километрах от этого места они снова вернулись к границе с русским офицером, который хотел заставить немецкого офицера принять их обратно»¹¹⁶.

А вот какая картина предстала взору одного из очевидцев драмы еврейских беженцев на новой советско-германской границе:

«Зимой 1939/40 года вдоль всего течения Буга разыгрывались невообразимые сцены, в которых содержалось едва лишь предчувствие того, что уже неуклонно надвигалось, чтобы погрузить миллионы жителей Польши в пятилетнюю агонию медленной смерти. Немцы не задерживали беглецов, но дубинками и прикладами давали им на дорогу последний показательный урок своей философии «расового мифа»; по ту сторону демаркационной линии в длинных тулупах, буденовских остроконечных шлемах и со штыками наголо стояли стражники «классового мифа», приветствуя скитальцев, бегущих на землю обетованную, спущенными с поводка овчарками или огнем ручных пулеметов. На двухкилометровой нейтральной полосе вдоль Буга в течение декабря, января, февраля и марта — под голым небом, на ветру и морозе, под снегопадом — располагались обозом толпы бедолаг, укрытых перинами и красными одеялами, жгущих по ночам костры либо стучащих в крестьянские хаты с просьбой о помощи и убежище. На дворах устраивались небольшие ярмарки: за еду и помощь в переправе через Буг платили одеждой, драгоценностями и долларами... Большинство возвращалось обратно, под немецкую оккупацию, где в течение следующих лет

* Еще 5 января 1939 г. Гитлер на встрече с польским министром иностранных дел Ю. Бекком заявил, что преисполнен твердой решимости выбросить евреев из Германии. А 24 января Геринг издал указ, требовавший принять «все меры для ускорения эмиграции евреев из Германии» (115).

они почти все без остатка погибли в крематориях Освенцима, Майданека, Бельзена и Бухенвальда; часть, однако, не сдавалась и упорно ждала удобного момента... В течение этих нескольких месяцев сквозь щели в демаркационной линии все-таки удалось протиснуться большому числу беженцев*...»¹¹⁸.

Чтобы хоть как-то решить проблему тех евреев, которые в силу различных причин оказались в «чужой» зоне (советской или германской), то есть не по месту своего основного жительства, германской стороной была выдвинута, а советской принята инициатива, оформленная 27 декабря 1939 г. в Москве в виде следующего постановления политбюро:

«1. Поручить НКВД сообщить германскому посольству о согласии советского правительства на предложение правительства Германии касательно пропуска на территорию германских интересов до 60 тыс. беженцев. 2. Разрешить пропуск с германской стороны на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии до 14 тыс. беженцев».

Нарком внутренних дел Украины И.А. Серов, который, находясь во Львове, руководил там составлением совместно с германскими представителями (в основном сотрудниками гестапо) списков подлежащих обмену лиц, докладывал тогда первому секретарю ЦК КП(б)У Хрущеву:

«У пункта регистрации желающих вернуться на польскую территорию (германскую зону. — *Авт.*) стоят огромные очереди. Когда я подошел туда, мне стало больно: ведь главным образом очередь состояла из еврейского населения. Что с ними будет? И настолько люди преданы всяким там бытовым мелочам — квартире, вещам. Они давали взятки гестаповцам, чтобы те помогли им поскорее выехать отсюда и вернуться к своим очагам»¹¹⁹.

В сторону запада следовали и опасавшиеся ареста члены Бунда и сионистских партий. Между тем нацистами предпринимается новая попытка давления на Москву. На сей раз инициатива исходила из структур Центральной имперской службы по делам еврейской эмиграции, которой также руководил Гейдрих. Но, как и следовало ожидать, советские власти ответили категорическим отказом,

* Части беженцев посчастливилось пробраться в Вильно. В октябре 1939 года этот бывший польский город был передан Советским Союзом Литовской республике и переименован в Вильнюс. К концу года там скопилось более 15 тыс. еврейских беженцев. Некоторым из них, в том числе и семье будущего историка Р. Пайпса, с помощью японского консула в Каунасе С. Сугихары удалось выехать в Палестину, США и другие страны. Отправкой евреев за границу в Литве занимались также общественный комитет беженцев, созданный представительствами «Джойнта», и комитета им. Гувера, деятельность которых позже, 12 декабря 1940 г., постановлением политбюро была признана «нежелательной» на территории Советской Литвы (117).

обоснованным начальником Переселенческого управления Е.М. Чекменевым в записке к Молотову от 9 февраля 1940 г.:

«Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР — конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаю, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты»¹²⁰.

Воистину оказался прав советский дипломат — невозвращенец Ф.Ф. Раскольников, объявленный 17 июля 1939 г. Верховным судом СССР вне закона и потом тайно убитый за границей советским агентом. В сентябре он через русскую эмигрантскую прессу во Франции обратился к Сталину с открытым письмом, в котором обвинял:

«Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов»¹²¹.

Тем временем просочившимся нелегально на территорию СССР беженцам пришлось иметь дело с НКВД, по предложению которого 10 ноября 1939 г. политбюро образовало специальную комиссию под председательством Берии. Ей поручалось «точно учесть количество беженцев и организовать работу по целесообразному использованию части беженцев как рабочей силы, а также рассмотреть вопрос об обратной эвакуации остальной части их»¹²².

«Обратной эвакуации» подлежали в первую очередь «социально чуждые» и политически неблагонадежные «элементы», а также престарелые, больные и другие нетрудоспособные беженцы. Тем же, чья биография не содержала компрометирующих данных и кто был пригоден к труду, была предложена альтернатива: либо «добровольная» вербовка на тяжелые работы на севере и востоке страны и получение советского паспорта, либо принудительная депортация за советско-германскую границу. Часть беженцев, в основном молодежь, уступив нажиму властей, отправилась работать в советскую глубинку. Другие же — примерно 25 тыс. человек — категорически отказались от советского гражданства, предложенного бывшим польским гражданам указом президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г., и потребовали отправить их в демократические страны Западной Европы или Палестину. Вскоре все они были возвращены в германскую зону. Третьи, а их было большинство, пытались, избегнув решения их судьбы властями, явочным порядком обосноваться на постоянное жительство в приграничных городах Украины и Белоруссии. Многих из них власти до поры до времени не трогали, так

как занимались первое время выявлением, арестами и отправкой в исправительно-трудовые лагеря тех евреев с вновь присоединенных к СССР территорий, кто имел компрометирующее социальное и политическое прошлое (то есть принадлежал к богатым слоям еврейской буржуазии или входил в сионистско-бундовские и клерикальные организации). По некоторым данным, за период с 1939 по май 1941 года в Западной Белоруссии и на Западной Украине таковых было арестовано 23 590 человек. По другим сведениям, к июню 1941 года в исправительно-трудовых лагерях пребывало примерно 11—12 тыс. евреев из вновь присоединенных к СССР западных регионов¹²³.

С конца июня 1940 года, то есть после того как советские войска вошли в Литву, Латвию, Эстонию, Бессарабию и Северную Буковину, где также проживало значительное количество евреев*, руководство СССР, решив с учетом разгоравшейся в Европе войны (поражение Франции и т.д.) максимально обезопасить западные рубежи страны, форсировало выселение оттуда «социально-опасных элементов» и чистку этого региона от беженцев, среди которых евреи составляли 82—84 %. Всего вывозу в глубь страны подверглась около 100 тыс. еврейских беженцев. Они депортировались как спецпереселенцы на основании особой инструкции НКВД, утвержденной 10 апреля, но вступивший в действие только после того, как 5 июня во Львове закончила работу немецкая комиссия по рассмотрению индивидуальных прошений на выезд в германскую зону¹²⁵.

Этапирование в основном осуществлялось на лесозаготовки европейского севера России. Какая там была уготована жизнь переселенцам, становится ясным из их имевшего 152 подписи коллективного письма, отправленного 7 августа в ЦК ВКП(б) из райлеспункта Ильма Елецкого района Архангельской области. Обращение это, написанное на идиш, было исполнено отчаяния и безысходности:

«...Мы работаем босыми в болотах до колен, зарабатывая от одного до трех рублей в день, при очень плохом отношении к нам, работая вместе с различными преступниками. Мы все люди с профессиями, работая по своей специальности, могли бы зарабатывать значительно больше, принося пользу советской власти... На наше обращение к нашим начальникам с просьбой об улучшении нашего положения они отвечают: умирайте, достаточно земли здесь для того, чтобы вас похоронить... Какие грехи мы совершили по отношению к советской власти, что нас так тяжело карают? Мы удрали из быв-

* В Литве (без Вильнюсского края) — 150 000, Латвии — 95 000, Эстонии — 5 000, Бессарабии и Сев. Буковине — 325 000 (124).

шей Польши, удирая от аэропланов и бомб, симпатизируя советской власти. Мы рассчитывали на помощь со стороны Советского Союза, прибывая на советскую территорию, мы немедленно начали работать на различных фабриках... И вот 29 июня ночью, после работы, нас взяли, поместили в вагоны и послали сюда на работу при таких условиях, что никто из нас не может заработать даже на еду. И поэтому мы вынуждены голодать целыми днями. Это заставило нас обратиться к вам. Докажите нам наши грехи, и мы возьмем на себя самые тяжкие наказания. Если нет, мы просим разослать нас в различные города, где каждый смог бы работать по своей специальности и где сумеем принести пользу советской власти, а также спастись от голодной смерти».

Письмо попало к Маленкову, который направил его «для принятия необходимых мер» в НКВД СССР. Там этим вопросом занялся начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний В.В. Чернышов, чиновник, по воспоминаниям знавших его людей, рассудительный и осторожный. 19 декабря им сообщил в ЦК, что по жалобе евреев-спецпереселенцев была проведена проверка, в ходе которой сообщенные ими факты «частично подтвердились». Как докладывал генерал, были приняты меры «для устранения выявленных недочетов», по улучшению санитарного обслуживания спецпереселенцев и привлечению виновников их тяжелого положения к уголовной ответственности. В феврале—марте 1941 года центральный аппарат НКВД вновь заинтересовался проблемой архангельских спецпереселенцев и проверил на сей раз положение дел в Плесецком районе, где было выявлено 11 случаев проявления антисемитизма со стороны работников леспромхозов и членов их семей. С началом войны условия режима, установленного для спецпереселенцев, были несколько смягчены: им было разрешено покинуть спецпоселки и свободно проживать в пределах Архангельской области¹²⁶.

Проблемой беженцев, разумеется, не исчерпывались трудности, с которыми столкнулись власти, налаживая жизнь более 2 млн. евреев с вновь приобретенных территорий. Почти все они в отличие от остальных 3 млн. евреев СССР, имевших за плечами более чем 20-летний багаж советской жизни, практически не подверглись ассимиляции, сохранив в большинстве своем приверженность к традиционному укладу жизни, национальной культуре и родному языку. Принимая это во внимание, советское руководство пошло на открытие в Западной Белоруссии и на Западной Украине довольно значительного количества еврейских школ. К началу 1940 года их насчитывалось, скажем, в Барановичской области — 46, в Вилейской* — 32, Пинской — 18, Волынской — 33. Такими же причинами было обусловлено и увеличение в августе 1940 года тиража издававшейся на

* Потом вошла в Минскую область.

еврейском языке в Киеве газеты «Дер штерн»^{*128}. Для этих новых граждан СССР ушла в прошлое введенная в 1932 году при Ю. Пилсудском в высших учебных заведениях Польши так называемая *pumegus clausus* («процентная норма») для евреев. Ранее ограниченные в своем праве на получение высшего образования, теперь они обладали таковым наравне с основными национальностями СССР. Предоставлялись им во всей полноте и политические права. Но поскольку таковые гарантировались советским законодательством лишь формально, в результате состоявшихся 24 марта 1940 г. на присоединенных западных территориях выборов в Верховный совет СССР в числе 55 вновь избранных депутатов евреев вообще не оказалось, хотя их немало проживало в таких крупных городах, как Львов, Гродно, Белосток¹²⁹.

Тем не менее, усматривая в событиях 1939–1940 годов залог грядущего обновления еврейской национальной жизни, известный литературовед и критик И.М. Нусинов, выступая в Москве, отмечал, что рост еврейского населения в Советском Союзе благодаря освобождению западных областей Украины и Белоруссии «должен повлечь там за собой бурное возрождение еврейской культуры, а отсюда это возрождение должно перекинуться сюда». Чтобы на месте ознакомиться с проблемами еврейства вновь присоединенных территорий, Нусинов, который до 1939 года руководил еврейской секцией в Союзе советских писателей, вместе со своим преемником на этом посту поэтом П.Д. Маркишем, а также с другими еврейскими литераторами — А.Д. Кушнировым, Л.М. Квитко, С.З. Галкиным и И.М. Добрушиным — выехал в феврале 1940-го в Белоруссию. В Минске они были приняты первым секретарем ЦК КП(б) П.К. Пономаренко, присланным в 1938 году из Москвы руководить этой республикой. Потом в сопровождении секретаря еврейской секции ССП Белоруссии поэта З.М. Аксельрода московская делегация отправилась в Белосток. Там в честь столичных гостей был организован «большой еврейский вечер», на который пришли представители местной еврейской общественности. А на следующий день москвичам показали ряд еврейских школ и культурно-просветительных учреждений. Душой этой поездки был упомянутый выше Аксельрод, который активно пытался убедить белорусские власти в необходимости содействия развитию еврейской культуры в западных областях республики, мотивируя это тем, что вновь созданным там культурно-просветительным очагам будет сподручней заниматься

* Однако Москва пошла на это очень неохотно, дав санкцию только на минимальное увеличение тиража «Дер штерн»: с 20 до 25 тыс. экземпляров. Когда же в ноябре 1940 года первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев попросил увеличить тираж газеты еще на 10 тыс. экземпляров, ЦК ВКП(б) ответил отказом (127).

«социалистической перековкой» «зараженного мелкобуржуазной психологией» местного еврейского населения. Во многом благодаря его усилиям была учреждена еврейская секция при Институте литературы и языка* в Минске и начала выходить новая газета на идиш «Белостокер штерн», которую он же и редактировал. На беду Аксельрода такая его активность была истолкована властями как проявление национализма. Вскоре поэта арестовали, препроводив в минскую тюрьму, где он и погиб в 1941 году.

Возвратившись в Москву, Нусинов и другие побывавшие в Белоруссии литераторы стали ходатаями по жалобам, поступившим от местных жителей. Ими было составлено письмо в правительство с просьбой о прекращении выселения в административном порядке польских евреев в северные районы СССР. Тогда же, в начале 1940 года, Нусинов вместе с Маркишем побывали на приеме у заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского** и проинформировали его о том, что к проживавшим в Белостоке евреям обращаются многочисленные родственники из варшавского гетто и умоляют их помочь выехать в Советский Союз. В ответ Лозовский пообещал помочь¹³¹. Правда, вряд ли он был уверен в положительном результате. Ведь ему, высокопоставленному чиновнику, было известно, что высшее руководство страны не только не заинтересовано в оказании помощи «чужим» евреям, пусть даже и оказавшимся под нацистским господством, но с некоторых пор все более подозрительно относится к «своим» собственным.

* В какой-то мере эта секция стала правопреемницей последовательно существовавших в Белоруссии в 1922–1936 годах еврейского отдела Института белорусской культуры, еврейского сектора Белорусской академии наук, Института еврейской пролетарской культуры (130).

** Лозовский (Дрицко) родился в 1878 году на Украине в семье бедного еврейского учителя (меламеда). Включившись в революционное движение, в 1901-м вступил в РСДРП. В 1906-м был арестован. Но в 1908-м по дороге из Александровского централа (Иркутск) в ссылку сумел бежать и выехать за границу. С 1911-го был в группе большевиков-«примиренцев» в Париже, редактировал вместе с Троцким газеты «Голос», «Наше слово». Возвратившись в 1917-м в Россию, в июле примкнул к большевистской партии, но в декабре был исключен из нее за призыв к созданию «однородного социалистического правительства» и выступление против партийного руководства профсоюзами. В феврале 1918-го возглавил РСДРП (интернационалистов), довольно малочисленную политическую группу, которая в конце 1919-го вошла в РКП(б). Возглавляя в 1921–1937 годах Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн), помогал Сталину бороться с троцкистами и правыми. До назначения в НКВД работал директором Гослитиздата.

ФАКТОР НАЦИСТСКОГО ВЛИЯНИЯ

Заклучив в конце августа 1939-го сделку с Гитлером, Сталин помимо трезвого расчета и прагматизма проявил еще и те качества, за которые в свое время Наполеон назвал Александра I «настоящим византийцем». Желая выиграть время и накопить достаточно сил для ведения большой войны и потому стремясь как можно долее не ввязываться в неизбежную схватку со своим новоиспеченным непредсказуемым союзником, претендовавшим на лавры Карла Великого — покорителя континентальной Европы, советский вождь должен был не только прибегать к политическим мистификациям, но и в который уже раз поступиться принципом большевистского интернационализма. Еще до того как пакт Молотова—Риббентропа стал политической реальностью, Сталин решил отмежеваться в глазах Гитлера от его главных внутренних врагов — немецких коммунистов. 3 июля 1939 г. политбюро распорядилось прекратить издание в Москве газеты немецких антифашистов «Die Deutsche Zeitung», редактор которой был вскоре арестован. Тем самым через казавшуюся еще вчера непреодолимой идеологическую пропасть стал наводиться связующий оба режима мост обоюдновыгодного компромисса. На устроенном 26 июля приеме в честь советских дипломатических представителей в Берлине эксперт германского МИД по вопросам экономики Восточной Европы К.Ю. Шнурре отметил позитивные, с точки зрения германского руководства, изменения, «произшедшие в русском большевизме в последние годы». Конкретизируя свою мысль, он пояснил следом, что в СССР «Коминтерн уже заменен политбюро, которое следует теперь совершенно другой политике»: «Слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов (празднование годовщины Полтавской битвы Петра Первого, битвы на Чудском озере Александра Невского), изменило интернациональный характер большевизма... особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию». А 2 августа глава МИД Германии И. Риббентроп прямо заявил приглашенному для беседы временному поверенному в делах СССР Г.А. Астахову:

«Не кажется ли Вам, что национальный принцип в Вашей стране начинает преобладать над интернациональным? Это вопрос, который наиболее интересует фюрера...»¹³².

Настоящим подарком для фюрера стала передача германским властям немецких и австрийских политэмигрантов (в том числе и еврейского происхождения), взятых под стражу НКВД начиная с 1937 года. Эта акция приняла массовый характер в первые месяцы 1940-го. В том же году в сталинском руководстве серьезно обсуждалась и возможность роспуска Коминтерна, но его ликвидацию

решено было отложить, чтобы это не выглядело как явная уступка немцам.

Соответствующим образом перестраивалась и советская пропаганда. С осени 1939 года стали запрещаться печатные издания, кинофильмы, радиопередачи, театральные постановки, обличавшие фашизм или содержавшие антигерманские выпады. Существенный импульс этой кампании был дан выступлением 31 октября на заседании Верховного Совета СССР Молотова, который осудил Англию и Францию, ведущих «войну» за «уничтожение гитлеризма»¹³³, и тем самым как бы дал понять, что существовавший до августа 1939 года антагонизм между СССР и Германией носил не столько идеологический характер, сколько межгосударственно-политический. Именно это выступление главы советского правительства подвигло студентов ГИТИСа В. Королева и О. Левина обратиться к нему 13 ноября и сообщить, что готовившаяся к постановке в Московском еврейском театре пьеса П.Д. Маркиша «Пир» «подставляет национал-социалистскую Германию», так как «не может не вызвать ярость зрителя, в особенности еврейского, против нее». Тем более, как доносили студенты, представители Комитета по делам искусств, присутствовавшие на предпремьерном прогоне спектакля, заявили им, что эта постановка является ответом театра на еврейские погромы в Германии в 1938 году. Однако в ходе произведенного по этому «сигналу» расследования ничего крамольного в пьесе, посвященной событиям гражданской войны на Украине, не обнаружилось. Председатель Комитета по делам искусств М.Б. Храпченко сообщил тогда в Кремль, что обвинения, выдвинутые авторами письма против сотрудников его ведомства, являются необоснованными¹³⁴. Премьера «Пира» с большим успехом прошла 16 ноября, и в тот же день в «Вечерней Москве» даже появился весьма благожелательный отзыв на нее. Вместе с тем другую пьесу того же автора «Клятва», принятую было к постановке на сцене ГОСЕТа, зритель так и не увидел: ее сюжет о тяжелой судьбе еврейской семьи, бежавшей из гитлеровской Германии в Палестину, вряд ли понравился бы в Берлине¹³⁵. По той же причине потерпели неудачу и попытки Л.Р. Шейнина, руководящего сотрудника Прокуратуры СССР, автора популярного в те годы детектива «Записки следователя», начать съемки художественного фильма по написанному им на основе архивных документов сценарию о знаменитом судебном процессе 1913 года в Киеве над Менделем Бейлисом, обвиненным в ритуальном убийстве русского мальчика Андрея Ющинского. В картине должны были сниматься актеры ГОСЕТа, а за ее постановку брался С.М. Эйзенштейн, который вместе с Шейниным обратился в Агитпроп за соответствующим разрешением. Но 11 января 1941 г. киорежиссеру позвонил Жданов и сказал, что предлагаемая им тематика «не представляет интереса».

Это был уже не первый отказ, с которым столкнулись Эйзенштейн и Шейнин в верхах. В мае 1940 года они также тщетно пытались добиться у И.Г. Большакова согласия на съемки фильма о шпионских похождениях знаменитого Д. Лоуренса Аравийского¹³⁶. Видимо, Кремль не желал поступаться провозглашенным им 17 сентября 1939 г. нейтралитетом в войне и не хотел так или иначе вмешиваться в германо-английское соперничество на Ближнем Востоке. Взамен знаменитому кинемастеру предложили поставить в Большом театре оперу Р. Вагнера «Валькирия». Премьера любимого Гитлером произведения состоялась 21 ноября. Но на реверанс Москвы Берлин отреагировал с холодным высокомерием: присутствовавшие на спектакле немецкие дипломаты назвали его «еврейско-большевистским»¹³⁷. Эта странная постановка продержалась на главной сцене страны всего три месяца, последнее представление оперы состоялось 27 февраля 1941 г. А Эйзенштейн приступил вскоре к выполнению нового сталинского заказа, начав работу над фильмом «Иван Грозный». Так на конкретной судьбе и творчестве бывшего пролеткультовца и создателя киногоимна пролетарской революции «Броненосец “Потемкин”» отразилась общая метаморфоза, произошедшая в 30-х годах в советской пропаганде, которая все меньше апеллировала к таким символам, как ленинский броневик, и все больше — к державной мощи Медного всадника.

АНТИСЕМИТИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЛАСТИ

Как показали последующие события, курс сталинского руководства на возрождение имперского шовинизма, последовательное уничтожение в партии интернационалистского духа и ленинских кадров, курс, увенчавшийся официальной проповедью примиренчества с нацистской идеологией на международной арене и жестокой расправой с противниками этой идеологии у себя в стране, в конечном итоге обернулся переходом к негласной политике государственного антисемитизма. Очевидные признаки такого перехода проявились в начале мая 1939 года. Тогда Сталин освободил от обязанностей наркома иностранных дел Литвинова, тяготевшего к союзу с западными демократиями и получившего известность в мире хлесткими антифашистскими выступлениями в Лиге наций, и передал этот пост председателю СНК СССР Молотову, который потом вспоминал:

«...Когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: «Убери из наркомата евреев». Слава Богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи... И каждый за собой целый хвост тащил»¹³⁸.

В результате чистки в НКВД, начатой в 1937-м Ежовым и законченной в 1939-м Молотовым и Берией, была репрессирована большая часть его руководящего состава, в который действительно входило много евреев. В наркомате арестовали, в частности, следующих заведующих отделами: печати — Е.А. Гнедина (сына А.Л. Гельфанда-Парвуса, деятеля германской социал-демократии, скандально известного тайным посредничеством между Лениным и германским генеральным штабом в годы Первой мировой войны), экономического — Б.Д. Розенблюма, второго западного — Г.И. Вайнштейна, дипломатической связи — Г.К. Грикмана. Правда, 13 мая 1939 г. Молотов взял к себе заместителем в НКВД еврея Лозовского. Но это назначение пришлось на момент, когда официальный антисемитизм только формировался, и стало одним из тех последних исключений, которые лишь подтверждали все более закреплявшееся правило. Решение Молотова было продиктовано тем, что он хорошо знал Лозовского еще с дореволюционного времени по совместной подпольной работе в Казани и потому, безусловно доверяя ему, считал «своим человеком», за что потом серьезно поплатился.

Немецкая дипломатия сразу же отреагировала на ставшую сенсационной кадровую перестановку. Временный поверенный в делах Германии в СССР В. Типпельскирх сообщил 4 мая в Берлин, что отставка Литвинова представляется результатом неожиданного решения Сталина, так как Литвинов еще накануне как ни в чем не бывало принимал британского посла, а сменивший его «Молотов (не еврей) считается «наиболее близким другом и ближайшим соратником» Сталина».

А вот более поздний отклик на это событие такого лидера западной демократии, как У. Черчилль:

«Еврей Литвинов ушел, и было устранено главное предубеждение Гитлера. С этого момента германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской и обратило всю свою брань в адрес «плутократий»¹³⁹.

Советские верхи, до которых, возможно, доходили публиковавшиеся тогда Ю. Штрайхером (патологический антисемит из окружения Гитлера) в «Der Stürmer» провокационные призывы силами вермахта искоренить в России еврейство, живо интересовались произведенным ими на немцев эффектом, нацелив посольство в Берлине на получение соответствующей информации. 5 мая один из высокопоставленных сотрудников германского МИД Шнурре констатировал в своем меморандуме, что посетивший его временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов «коснулся смещения Литвинова и попытался, не задавая прямых вопросов, узнать, приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза» и что тот «особенно подчеркивал

большое значение личности Молотова... который будет оказывать большое влияние на будущую советскую внешнюю политику»¹⁴⁰. Тот же Астахов, сообщая спустя четыре дня в Москву о встрече с заместителем заведующего отделом печати МИД Германии Б. Штуммом, отмечал, что его собеседник «не удержался от того, чтобы не развить мысли о том, что, мол, уход Литвинова, пользующегося репутацией главного вдохновителя комбинаций, направленных против Германии, также может благотворно отразиться на советско-германских отношениях»¹⁴¹.

Начавшийся с взаимного дипломатического зондирования политический роман между Москвой и Берлином развивался столь бурно и стремительно, что уже 23 августа в Москву в качестве восприемника родившегося в результате советско-германского договора о ненападении прилетел германский министр иностранных дел И. Риббентроп. Принятый Сталиным, тот был приятно удивлен не только предложенным им тостом за здоровье Гитлера. Не менее отрадным сюрпризом стало для гостя и вроде бы прозвучавшее из уст советского вождя замечание о том, что тот «ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые пока еще ему нужны»¹⁴³.

Для таких цинично-прагматичных рассуждений (если они действительно имели место) у Сталина были свои резоны. Ведь не мог он не считаться с тем, что на начало 1939 года из каждой тысячи евреев 268 имели среднее, а 57 — высшее образование, тогда как для русских такие показатели выражались соответственно цифрами 81 и 6¹⁴⁴. Хотя это обстоятельство, разумеется, не мешало ему, и возможно раньше препятствовать под различными предлогами назначению евреев на высшие аппаратные посты**. Исходившие от вождя национально-кадровые веяния быстро проникали в высшие номенклатурные сферы. Показательно в этой связи свидетельство Густава Вехтера, высокопоставленного эсэсовца, направленного осенью 1939 года на

* О резонансе в рейхе на такого рода доверительные откровения советских руководителей телеграфировал в Нью-Йорк корреспондент «The Nation» в Германии О.Г. Виллард: «В ответственных кругах Германии распространена уверенность, что соглашение со Сталиным предусматривает применение нюрнбергских законов по отношению к русским евреям и что это будет осуществлено в течение шести месяцев со дня подписания пакта» (142).

** Говорят, что когда однажды Л.М. Каганович, уже будучи наркомом путей сообщения, принес в конце 30-х — начале 40-х годов Сталину список кандидатов на руководящие должности в своем ведомстве, тот отказался его одобрить из-за обилия в нем еврейских фамилий. При этом «хозяин» назидательно заметил, что в свое время ему в аналогичной ситуации пришлось выслушать от Ленина следующее наставление: «Товарищ Сталин! Запомните раз и навсегда и зарубите себе на носу, батенька: если у вас начальник — еврей, то зам непременно должен быть русским! И наоборот!» (145).

советско-германскую границу для решения вопросов о беженцах. Тот однажды разоткровенничался с контактировавшим с ним советским уполномоченным В.С. Егноровым (был уволен в запас из органов МВД в чине генерал-майора в июле 1956 г.) на тему о том, что рейх быстрее очистился от евреев, если бы Советская Россия, где нет антисемитизма, более активно принимала беженцев. Это пожелание не вызвало особого энтузиазма у советского представителя, который, завершая разговор, сказал: «Мы у себя найдем другие способы устранения евреев»¹⁴⁶.

Даже если усомниться в достоверности этих конкретных фактов, существует еще и такой объективный и надежный источник, как архивные материалы секретариата и оргбюро ЦК. Документы этих органов, ведавших назначением и перемещением руководящих кадров, свидетельствуют о том, что примерно с лета 1938 года в святая святых партии — аппарате ЦК прекращаются кадровые назначения чиновников еврейского происхождения, а с конца того же года, то есть с началом советско-германского сближения, оттуда исподволь стали устранять евреев (на первых порах по одному и почти незаметно), уцелевших после «большого террора». Причем увольняли их, как правило, под благовидными предлогами, без скандалов и, как правило, с последующим трудоустройством на престижные должности в наркоматы и другие государственные учреждения, откуда их начнут убирать спустя несколько лет¹⁴⁷. Эта тенденция в кадровой политике Кремля заметно усилилась после заключения советско-германского пакта и продолжала развиваться в дальнейшем по нарастающей. Свою роль в этом процессе сыграли и желание Сталина на «деле» опровергнуть тем самым расхожий штамп геббельсовской пропаганды об СССР как об «иудейско-коммунистическом царстве», и усиление его подозрительности в отношении собствен-

* Идеино-теоретическую основу пропаганды Третьего рейха помимо гитлеровской «Майн кампф» составлял и объемныйopus заместителя фюрера по духовной и идеологической подготовке членов нацистской партии А. Розенберга «Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени» (1930 г.) о всемирном еврейском заговоре, ставшем причиной всех бед, обрушившихся на арийские народы начиная с падения Римской империи и кончая поражением Германии в Первой мировой войне. Будучи уроженцем Ревеля и прослушав до революции курс лекций в Московском университете, Розенберг много внимания уделял России, воцарение большевиков в которой представлялось ему как следствие все того же заговора во главе с «Троцким (Бронштейном), Зиновьевым (Апфельбаумом), Радеком (Собельсоном) и Кагановичем (мифическая сестра последнего Роза была объявлена нацистской пропагандой третьей женой Сталина. — Авт.), вступившими в сговор с сионистскими плутократами Ротшильдами, Варбургами и Шиффами и подчинившими своей власти податливых и ленивых русских, не способных сохранить чистоту своей расы».

ного еврейства, обусловленное помимо прочего и тем, что в результате заключения пакта с Гитлером советское государство, как и в 1918 году, после «Бреста», оказалось противопоставленным как западным демократиям, так и тесно связанным с ними международным сионистским кругам. Существовали также побудительные причины, так сказать, внутреннего порядка, вызванные постоянно прогрессирующей личной юдофобией Сталина*, предпринятой им государственно-патриотической перестройкой идейной сферы и «большим террором» конца 30-х годов, который, не будучи по сути своей антисемитской акцией, тем не менее устранил из высшего и среднего слоев советской номенклатуры (от членов ЦК ВКП(б), наркомов и заведующих отделами ЦК до начальников главков и отделов в наркоматах и директоров предприятий и их заместителей) достаточно много евреев, сделавших карьеру в благоприятные для них первые послереволюционные и 20-е годы. Правда, в ЦК ВКП(б), состоявшем на март 1939-го из 71 члена, количество евреев по сравнению с февралем 1934-го даже незначительно возросло — с 10 до 11. Однако того же нельзя сказать о динамике еврейского присутствия в высших органах представительной государственной власти. Так, если в 1935 году среди избранных в ЦИК СССР 608 членов было 98 евреев (16%), то в сформированном в конце 1937 года Верховном Совете СССР, состоявшем из 1143 депутатов, их оказалось всего 47 (4%)¹⁴⁹. Много евреев выбыло в годы «большого террора» и из советского министерского корпуса. Были расстреляны такие руководители союзных наркоматов, как А.Д. Брускин (машиностроения), И.Я. Вейцер (внутренней торговли), Г.Н. Каминский (здравоохранения), И.М. Клейнер (комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР), М.И. Калманович (зерновых и животноводческих совхозов), А.З. Гишинский (пищевой промышленности), А.П. Розенгольц (внешней торговли), М.Л. Рухимович (оборонной промышленности), Г.Г. Ягода (внутренних дел) и др. С окончанием «ежовщины», в период относительного смягчения режима кадровый террор хоть больше и не свирепствовал так, как прежде, тем не менее все же продолжался. В предвоенные годы были сняты со своих постов такие союзные наркомы еврейского происхождения, как Н.М. Анцелович (лесной промышленности), М.Д. Берман

* В личной библиотеке Сталина в Кремле хранилась книга немецкого журналиста К. Гейдена «История национал-социализма» (Берлин, 1932 г.), в которой вождь подчеркнул следующие слова, сказанные Гитлером в 1922 году: «В правом лагере евреи стараются так резко выразить все имеющиеся недостатки, чтобы как можно больше раздражить человека из народа; они культивируют жажду денег, цинизм, жестокосердие, отвратительный снобизм. Все больше евреев пробираются в лучшие семьи, в результате ведущий слой нации стал по существу чужд собственному народу» (148).

(связи), Б.Л. Ванников (вооружения), С.С. Дукельский (морского флота), М.М. Каганович (авиационной промышленности). Некоторым из них пришлось расстаться с жизнью, но большинству все же удалось отделаться тогда понижением в должности.

Не миновала сия участь и наркома рыбной промышленности СССР П.С. Жемчужину, единственную тогда в Советском Союзе женщину-министра. Настоящее ее имя — Перл Карповская. Родившись в 1897 году в Екатеринославской губернии, она в 21 год вступила в большевистскую партию, а после Гражданской войны приехала в Москву, где начался ее стремительный взлет наверх. Там она познакомилась с Молотовым, за которого вышла замуж в 1921 году. Это был союз на всю жизнь не только единомышленников, беззаветно преданных большевизму и его вождю Сталину, но и двух любящих сердец, наполненных глубоким романтическим чувством. В первые дни Великой Отечественной войны, собираясь с дочерью в эвакуацию, Жемчужина напишет мужу:

«Вяченька, родной, любимый мой! Уезжаем, не повидав тебя. Очень тяжело. Но что делать, другого выхода нет. Желаю вам всем много сил и бодрости, чтобы помогли вашими решениями и советами победить врага. Береги себя, береги нашего дорогого нам всем т. Сталина. Рука дрожит. О нас не думай. Думай только о нашей родине и ее жизни. Всей душой всегда и всюду с тобой, любимым, родным. Целую бесконечно много раз».

В ответ Молотов слал жене такие же трогательные теплые письма, начинавшиеся с приветствия: «Полинька, милая, родная моя!»¹⁵⁰.

Войдя в привилегированный круг высшей советской иерархии, Жемчужина сделалась лучшей подругой жены Сталина, Надежды Аллилуевой, оказавшейся по воле случая хозяйкой соседней квартиры в Кремле. После трагического ее ухода из жизни в ноябре 1932 года Жемчужина становится как бы первой среди кремлевских жен. В основном только ей дозволялось присутствовать в мужской компании кремлевских бонз — Сталина, Ворошилова и других членов политбюро — в правительственных ложах Большого и прочих академических театров. Однако она не только отражала свет, излучаемый ее сановным супругом, но стремилась сделать собственную карьеру. Была управляющей парфюмерным трестом «Жиркость» (ТЭЖЭ). В качестве таковой посетила косметические фирмы Германии и Франции. Осенью 1936 года Жемчужина побывала и в США. Есть сведения, что там она выполняла задание Сталина, поручившего ей организовать с помощью ее брата С. Карпа, проживавшего в Нью-Йорке, лоббирование в американских правительственных кругах промышленного заказа стоимостью до 200 млн. долларов на строительство двух мощных линкоров для советских ВМС. В ноябре 1937-го Жемчужина стала заместителем наркома пищевой промышленности, а в

1938-м возглавила этот наркомат. В следующем году она уже руководит рыбной промышленностью. На XVIII съезде партии ее избирают кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Это был пик служебного роста Жемчужиной, после которого началось ее медленное, но верное падение с административных вершин. Летом 1939 года НКВД обнаружил в ее наркомате массу «вредителей» и «саботажников» и раскрыл целую сеть «немецкой агентуры». 10 августа этот вопрос был вынесен на политбюро, которое «за проявленную неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей (в силу чего в окружении тов. Жемчужиной оказалось немало враждебных шпионских элементов)» признало необходимым «предрешить» ее освобождение от поста наркома «в порядке постепенности». Последняя фраза была сформулирована в типичном для Сталина стиле, часто подвергавшим свои жертвы мучительным психологическим попыткам неопределенности. В «подвешенном» состоянии Жемчужина находилась вплоть до 21 октября, когда политбюро наряду с лицемерным подтверждением непричастности Жемчужиной к преступной деятельности утвердило тем не менее следующие решительные «выводы»:

«1. Считать показания некоторых арестованных о причастности т. Жемчужиной к вредительской и шпионской работе, равно как и их заявления о необъективности ведения следствия, клеветническими...

3. Освободить т. Жемчужину от поста наркома рыбной промышленности, поручив секретарям ЦК тт. Андрееву и Жданову подыскать работу Жемчужиной».

Ровно через месяц такая работа была найдена и состоялось назначение Жемчужиной на пост начальника главного управления текстильно-галантерейной промышленности Наркомата легкой промышленности РСФСР¹⁵¹. То, что с Жемчужиной обошлись тогда относительно мягко, в значительной мере заслуга Молотова — второго после Сталина человека в государстве. Как бы предвосхищая печальные последствия, он в свое время возражал Сталину, когда тот назначал Жемчужину наркомом. И вот в 1941 году на XVIII партийной конференции снова вынужден был не согласиться с вождем и, защищая жену, демонстративно воздержался при голосовании о выводе ее из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б). Накал эмоций тогда был так силен, что с отлученной от партийного синклита Жемчужиной случился нервный припадок и Молотову пришлось тут же, в зале заседаний, в окружении любопытствующих делегатов разжимать упавшей в обмороке жене зубы, чтобы влить в рот лекарство¹⁵².

Поскольку Сталин разумеется не единолично творил, так сказать, суд и расправу, над лицами еврейского происхождения, то налицо был важнейший признак, дающий применительно к советским ре-

лиям конца 30-х годов основание говорить о государственном антисемитизме как социально-политическом явлении, пережившем начавшийся десятилетием ранее инкубационный период и достигшем уровня полностью сформировавшегося политического недуга. Речь идет об аппаратной движущей силе этой политики*, которая представляла собой чиновную генерацию, состоявшую главным образом из людей, вышедших из социальных низов и в силу возраста приобщившихся к большевизму уже после смерти Ленина (так называемый ленинский призыв), в период сильнейшего всплеска в обществе бытового антисемитизма. Формирование этой генерации осуществлялось синхронно с радикальными переменами в партии, инициированными Сталиным в конце 20-х годов. Именно тогда, примеряя на себя «шапку Мономаха» общенационального лидера, новоявленный диктатор стал пересматривать свой прежний взгляд на партию как на «орден меченосцев», построенный на основе принципа рыцарского братства. Предусмотренную этой парадигмой ключевую роль, заключающуюся в захвате власти сообществом идейных единомышленников, ее удержании в своих руках и подавлении силой оружия и террора «эксплуататорских» классов, партия выполнила и не было более смысла в том, чтобы она и дальше, подобно опричнине времен Ивана Грозного, противостояла всему остальному обществу. Поэтому партийный аппарат, функционировавший до этого как обособленный от всех остальных бюрократических структур организм, подлежал, сохраняя свое главенство, преобразованию в составную часть единого партийно-государственного управленческого комплекса, послушного державной воле вождя. Не считая посему партию более «священной коровой», «неприкасаемой» в смысле репрессивного воздействия и живущей по своим особым законам, Сталин, добиваясь ее полного подчинения себе, подверг эту привилегированную корпорацию замешанной на крови реорганизации. В решающую фазу процесс укрощения партии вступил в 1933 году, когда в нее был приостановлен прием новых членов и началась чистка. А 17 января 1934 г. через секретариат ЦК было проведено решение, устанавливавшее порядок, при котором прием или увольнение «всех без исключения» работников аппарата ЦК производился «лишь с утверждения т. Кагановича или т. Сталина»¹⁵⁴.

Хотя формально прием в партию возобновился только в ноябре 1936 года, массовое пополнение ее рядов новыми членами началось

* Примечательно, что на важность соответствующей подготовительной, и прежде всего «кадровой», работы для реализации воли правителя в свое время обращала внимание и Екатерина II, как-то сказавшая: «Недостаточно... иметь... намерения и даже власть исполнить их. Надобны еще обдуманные приемы действия, подходящие исполнители, подготовленные умы и слаженные интересы» (153).

только в 1939-м. В тот год в ВКП(б) влились 1 535 060 человек, причем половина из них были служащими. В партию, таким образом, хлынул бурный поток молодой бюрократии, свободной от ставших ненужными, а иногда и опасными идейных предрассудков своих предшественников, и руководствовавшейся главным образом карьеристскими соображениями. Примерно к тому же 1939 году полностью завершился процесс сращивания партийной и государственной бюрократии и образования прочно слитого воедино номенклатурного слоя чиновничества. Значительным шагом в этом направлении стало принятие решения секретариата ЦК от 27 марта 1935 г. «О номенклатуре должностей, утверждаемых ЦК»¹⁵⁵.

Выступая через два года на февральско-мартовском пленуме ЦК, Сталин изложил новую, альтернативную парадигме «ордена меченосцев» концепцию организационно-кадрового построения партии в соответствии с автократической схемой строго иерархичной власти чиновничества:

«В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3–4 тыс. высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии. Далее идут 30–40 тыс. средних руководителей. Это наше партийное офицерство. Далее идут около 100–150 тыс. низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство»¹⁵⁶.

Конечно, все эти цифры были взяты отнюдь не с потолка. К тому времени был уже организован централизованный учет номенклатурных кадров, базировавшийся на списках должностей, все назначения на которые должны были утверждаться в ЦК. Конкретно компетенция ЦК распространялась на 8255 партийных, 1485 промышленных, 1135 транспортных, 10 267 сельскохозяйственных, 224 редакционно-издательских и 450 научно-культурных управленческих должностей. Весной 1937 года аппаратом ЦК был составлен «расширительный» справочник на 3–4 тыс. руководящих партийно-советских, хозяйственных и профсоюзных работников, которых скорей всего и имел в виду Сталин, говоря о «генералитете» партии.

Главной отличительной особенностью советской номенклатуры, основы которой были заложены еще весной 1919 года с образованием аппарата ЦК, являлось ее самопроизвольное стремительное разрастание, причем с середины 30-х годов это увеличение происходило не столько за счет так называемых партократов, сколько технократов, то есть руководителей наркоматов и других государственных управленческих структур. Наиболее явственно эта тенденция обозначилась после принятия в сентябре 1938 года постановления политбюро «Об учете, проверке и утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников Наркомвнудела, Комитета обороны, Наркомата обороны, Наркомата военно-морского флота, Наркоминдела, Наркомата

оборонной промышленности, Комиссии партийного контроля и Комиссии советского контроля»¹⁵⁷.

Аппаратным сердцем номенклатурной политики являлся отдел руководящих партийных органов (ОРПО), образованный в 1934 году по решению XVII съезда ВКП(б). Первым его руководителем стал Д.А. Булатов, возглавлявший до этого отдел кадров ОГПУ, а еще ранее — организационно-инструкторский отдел ЦК. Несмотря на столь внушительный послужной список, это была тем не менее проходная, временная фигура. Уже в марте 1935 года Булатова* отослали в Омск руководить обкомом, а заведование ОРПО было поручено вновь назначенному секретарю ЦК и председателю Комиссии партийного контроля Н.И. Ежову, что говорило об особой значимости этой структуры в глазах Сталина. Однако поскольку по воле последнего Ежов все глубже увязал в делах по подготовке большой политической чистки, его решено было «разгрузить», и 4 февраля 1936 г. у ОРПО появился новый руководитель в лице Г.М. Маленкова¹⁵⁸. Несмотря на относительную молодость, этот честолюбивый и достаточно образованный чиновник уже подавал большие надежды. Родился Маленков, согласно метрическим данным, 23 ноября 1901 г. в Оренбурге и через два дня был крещен в местном Дмитриевском православном храме. Отец его, дворянин, служил на железной дороге, а мать, дочь кузнеца, вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. В июне 1919 года Маленков закончил Первую городскую гимназию, получив аттестат зрелости с наивысшими оценками по всем дисциплинам, кроме немецкого языка, по которому была выставлена отметка баллом ниже¹⁵⁹. В то время Оренбург находился в руках белогвардейцев, и хотя ничто не свидетельствовало о сотрудничестве с ними Маленкова, тем не менее по этому деликатному периоду своей биографии ему пришлось впоследствии, в мае 1937-го, давать малоприятные для него объяснения делегатам московской городской партийной конференции¹⁶⁰. С приходом в Оренбург большевиков Маленков был мобилизован в Красную армию и вскоре оказался в Ташкенте в политотделе 1-й бригады 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии 1-й революционной армии. В качестве инструктора-организатора он включился в работу по ликвидации неграмотности среди красноармейцев. В 1920 году был принят в коммунистическую партию, а в сентябре 1921-го, демобилизовавшись, поступил в Туркестанский государственный университет. Через год переехал в Москву и был зачислен без экзаменов на первый курс Московского высшего технического училища. Правда, окончить его Маленкову так и не удалось: в 1925 году он был направлен на работу в ЦК партии. Там ему доверили весьма ответственный участок, на-

* В годы «большого террора» Булатов был арестован и 18 октября 1941 г. расстрелян в Куйбышеве.

значив протокольным секретарем политбюро и допустив тем самым к важнейшим документам партии и государства. Когда в 1930 году Л.М. Каганович, непосредственный начальник и покровитель Маленкова, возглавил московскую партийную организацию, молодой партфункционер последовал за ним в Московский комитет ВКП(б), заняв там кабинет заведующего отделом. Возвратившись через четыре года в центральный аппарат партии, Маленков оказался в кресле заместителя руководителя нового перспективного отдела руководящих партийных органов, где на должности другого заместителя пребывал А.С. Щербаков. Совместная работа способствовала тогда сближению этих людей, кстати, ровесников, что наглядно проявилось особенно начиная с 1939 года, когда их обоих ввели в состав руководящих органов ЦК — оргбюро и секретариата, а значит, и в ближайшее окружение Сталина. Оказавшись во главе самого крупного* и самого важного в функциональном плане отдела ЦК, Маленков, образованный, полный жизненной энергии и амбиций руководитель, очень скоро стал по сути дела главным помощником Сталина по реализации его номенклатурной политики. Не случайно 11 мая 1937 г. политбюро возложило на него «обязанность давать заключения по всем предложениям отделов ЦК, касающимся назначения и перемещения работников». Со временем власть руководителя ОРПО стала все шире распространяться за пределы Старой площади, чему в немалой степени способствовало решение политбюро от 20 сентября 1938 г., вводившее во всех наркоматах СССР должность заместителя наркома по кадрам и предусматривавшее ежегодную отчетность назначенных на эту должность людей перед Маленковым¹⁶¹. Чутко уловив государственно-патриотические веяния, исходившие из Кремля, Маленков с 1935 года начал вводить в аппарате ЦК новую форму учета номенклатурных кадров (так называемые справки-объективки), в которой впервые была предусмотрена графа «национальность»**. Вчера еще не бравшаяся в расчет, эта позиция очень быстро стала приближаться по степени важности к такому главному началу, как «социальное происхождение». По указанию свыше «национализация» кадровой работы происходила и в государственных учреждениях. Циркуляром НКВД СССР № 65 от 2 апреля 1938 г. в паспортах, а также в свидетельствах о рождении и других официальных документах, выдаваемых орга-

* По состоянию на декабрь 1937 года, ОРПО занимал в здании ЦК 53 комнаты общей площадью 1488 кв. метров, то есть больше, чем, к примеру, отдел пропаганды и агитации, отдел печати, отдел культурно-просветительных организаций и политико-административный отдел, вместе взятые.

** Поскольку в официальных кадровых документах (анкетах, справках-объективках и т. п.) графа «национальность» была предусмотрена пунктом № 5, евреи потом с горькой иронией ее назовут «инвалидностью пятой группы».

нами ЗАГСа, национальность граждан стала записываться не произвольно, не по желанию самих граждан, как практиковалось с момента введения паспортов в 1933 году, а на основании соответствующих бумаг (копий метрических записей и т. д.) с информацией о национальности родителей*. Первые данные по национальному составу узников ГУЛАГа относятся к октябрю 1937 года¹⁶².

Выражая уже в силу занимаемого в аппарате ЦК положения интересы партийной элиты, Маленков, конечно, не мог не тревожиться, наблюдая, как повиновавшийся только воле Сталина НКВД, как некая преторианская гвардия при диктаторе, вел начиная с 1936 года настоящую войну против партийной аристократии. Положение последней усугублялось еще и тем обстоятельством, что бывший шеф Маленкова по ОРПО Ежов, в отличие от Ягоды, своего предшественника на посту руководителя карательных органов, одновременно занимал крупные посты в партии, был кандидатом в члены политбюро, секретарем ЦК и председателем КПК. Тем самым, заручившись поддержкой Сталина, он мог диктовать свою волю не только Маленкову, который не был тогда даже членом ЦК, но куда более крупным партийным иерархам. Влияние Ежова на партийные структуры еще больше усилилось после того, как Сталин установил порядок, по которому кандидаты на все должности в партаппарате подлежали предварительной проверке службами НКВД. Стремясь восстановить старый (в пользу партии) баланс власти, Маленков неоднократно исподволь пытался противопоставить огульным репрессиям, проводимым политической полицией, умеренную кадровую политику или, по крайней мере, смягчить обескровливавший партию террор. 29 октября 1937 г. он направил Сталину проект постановления ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Сначала тот отнесся к этой самодельности Маленкова несколько скептически, начертав напротив одного из пунктов проекта помету «слабо», а рядом с другим (там, где предлагалось про изводить исключения из партии только в присутствии самих исключаемых) — говоривший сам за себя вопрос: «А если исключенные

* Принятие постановления политбюро от 15 ноября 1932 г. о введении в течение 1933 года единой паспортной системы в крупных городских центрах СССР мотивировалось необходимостью их «разгрузки... от лишних... а также от скрывающихся в городах кулацких, уголовных и других антиобщественных элементов». Утвержденным 16 декабря положением о паспортах предусматривалось занесение в них в качестве обязательных данных о национальности граждан (РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 907. — Л. 10; Д. 911. — Л. 17). Во время Второй мировой войны это сыграло роковую роль: на оккупированной территории нацисты, в том числе как раз и по паспортам, выявляли евреев, которых потом уничтожали.

уже арестованы?». Однако в конечном итоге вождь решил, что документ, если его хорошенько отредактировать, может стать отличным камуфляжем для проводимой им большой чистки и добился его утверждения на январском (1938 г.) пленуме ЦК¹⁶³.

Как известно, противоборство Маленков—Ежов завершилось поражением последнего, удаленного «по личной просьбе» в ноябре 1938 года из НКВД. К этому времени этот «мавр» уже сделал очень нужное для Сталина дело: расчистил номенклатурно-кадровое поле от влиятельного и авторитетного в прошлом чиновничества из числа старых членов партии. Это, естественно, было выгодно и Маленкову: пока такие сталинские «терминаторы», как Ежов и Мехлис, направляли свою энергию на составление все новых проскрипционных списков, он активно заполнял собственной креатурой возникавшие во множестве в результате репрессий аппаратные вакансии. Формируя тогда (в 1937–1938 гг.) костяк своей цековской команды, Маленков принял на работу в ОРПО Н.Н. Шаталина, П.К. Пономаренко, С.Н. Круглова, Г.М. Попова, В.М. Андрианова и других чиновников, занявших со временем высокие посты в партийно-государственном аппарате. Характерно, что, став впоследствии кто секретарем ЦК, а кто и министром, все они потом ушли в политическое небытие примерно в одно время с их покровителем.

Положение Маленкова еще более укрепилось, когда в марте 1939 года его избрали секретарем ЦК и назначили начальником вновь образованного на базе ОРПО управления кадров (УК) ЦК — мощной структуры (из 47 отделов), по сути дела, аппаратного монстра, занимавшегося в масштабах страны реализацией номенклатурной политики партии, то есть ведавшего всеми назначениями и перемещениями в руководящих слоях советского чиновничества — от наркомов до директоров совхозов. Именно это управление, олицетворявшее окончательное сращивание невероятно разросшейся партийной* и государственной бюрократии, и выступило в аппарате ЦК в роли своеобразного генератора, который посредством отправления сталинской кадровой политики начал тайно нагнетать сверху антисемитизм в стране.

Но поскольку «монтаж» этого политического агрегата начался незадолго до ликвидации ОРПО, весьма показателен один документ, рожденный в недрах этого отдела. Это справка «О засоренности аппарата Наркомздрава СССР» от 27 ноября 1938 г., в которой впервые в практике работы аппарата ЦК к разряду людей, «не заслуживающих политического доверия», были причислены почти исключительно одни евреи. И чтобы не возникло никаких сомнений в том, что именно объединяет людей, якобы виновных в кадровом неблагопо-

* Между XVII съездом (1934 г.) и XVIII съездом (1939 г.) ВКП(б) партийный бюджет увеличился примерно в шесть раз (164).

лучии в медицинском ведомстве, в справке после соответствующих фамилий следовало уточнение: «еврей», «еврейка»¹⁶⁵. Одним из авторов этого примечательного документа был ответственный организатор ОРПО Б.Д. Петров, который в УК занял более высокую должность заведующего отделом здравоохранения. Грубые антисемитские выкладки этого высокопоставленного чиновника породили впоследствии со стороны медицинских работников еврейской национальности немало жалоб, которые, впрочем, руководство ЦК оставляло без «движения». В одной из них, поступившей в ЦК на имя Маленкова 19 июня 1944 г., например, говорилось о том, что Петров устроил настоящий разнос партийному секретарю Центрального онкологического института, обвинив его в создании «еврейской партийной организации».

Почему антисемитские гонения начались и достигли потом наибольшего размаха именно в сфере медицины? Поскольку соответствующие факты не принято было документировать, исчерпывающе точно ответить на этот вопрос нельзя, но попытаться разобраться в этом можно. Конечно, сыграло какую-то роль то обстоятельство, что этой сфере «повезло» на таких начальников, как Петров. Но не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что доля кадров еврейского происхождения в этой области (на конец 30-х гг.) была наибольшей — 15,9 %.

Говоря о кардинальной номенклатурной пертурбации конца 30-х годов, как не вспомнить своего рода пророчество известного монархиста-антисемита В.В. Шульгина, который в 1927 году писал буквально следующее:

«Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запыет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют. Так было и с нами: классом властителей. Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз «из жидов». Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже «избацают»»¹⁶⁶.

Стержнем новой номенклатурной «дружины», сформировавшейся под эгидой Сталина в конце 1938 — начале 1939 года, стал бюрократический тандем Маленков—Берия. В этом политическом дуэте особенно примечательной была вторая фигура. Чтобы лучше оценить ее роль в номенклатурных играх того времени, необходимо сделать некоторое отступление.

Для провинциального политика Берии, перебравшегося в августе 1938 года в Москву в связи с назначением на пост первого заместителя наркома внутренних дел, тесное сотрудничество с уже довольно влиятельным тогда Маленковым было чрезвычайно важно для закрепления в кругу столичной номенклатурной элиты. Когда в ноябре

Берия возглавил НКВД, в наркомате шел интенсивный процесс смены руководящих кадров, среди которых было немало евреев. Если в период с 1 января 1935 г. по 1 января 1938 г. представители этой национальности возглавляли более 50% основных структурных подразделений центрального аппарата внутренних дел, то к 1 января 1939 г. — только 6%. Но началось вымывание евреев из чекистских рядов еще в ходе предшествовавшего кадрового «освежения» («органов» в сентябре 1936 года, когда Ежов сменил Ягоду на посту наркома внутренних дел. В период с 1 октября 1936 г. по 1 января 1938 г. из органов убыло 5229 оперативных сотрудников (1220 из них были арестованы), вместо них было принято на работу 5359 новых сотрудников. Хотя чистка не носила тогда антиеврейского характера, среди уволенных и арестованных было довольно много евреев, что объяснялось прежде всего высокой их концентрацией в органах, образовавшейся вследствие того, что до конца 20-х годов представителей этой национальности довольно охотно брали в карательные структуры. Только в областных УНКВД служило на 1 марта 1937 г. 1776 евреев, или 7,6 % от всех работавших там сотрудников. Однако положение стало меняться после выхода в мае 1938 года специального указания ЦК ВКП(б) об удалении из органов всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из «мелкобуржуазных» семей. И поскольку таковых было особенно много среди евреев, с этого времени они постепенно стали «выдавливаться» из системы НКВД, и в первую очередь с оперативных должностей. Особенно интенсивно этот процесс происходил на Украине, где нарком внутренних дел А.И. Успенский (расстрелян в 1939 г.) прямо распорядился: «Евреев из аппарата НКВД убрать!». В этой республике, известной своим традиционным антисемитизмом, так перегнули палку, что преемнику Ежова Берии политбюро в конце декабря 1938 года даже поручило разобраться со сфабрикованным украинскими и молдавскими чекистами (Молдавская АССР входила тогда в состав УССР) «делом» заговорщицкой организации учителей, к которой причислили «сионистов» во главе с неким Ленгинером. Расследование закончилось расстрелом фальсификаторов из числа бывших чекистов.

С приходом нового наркома общая чистка кадров в системе НКВД приобрела как бы второе дыхание. За 1939 год оттуда было уволено 7372 оперативных сотрудника (22,9 % от их общего состава). В то же время на оперативно-чекистскую работу было принято 14 506 человек, в том числе 11 062 по партийно-комсомольским путевкам. Участь приговоренного к расстрелу Ежова разделили и некоторые его бывшие заместители по Народному комиссариату внутренних дел из числа евреев: Я.С. Агранов, М.Д. Берман, Л.Н. Бельский, С.Б. Жуковский. Однако Берия избавлялся таким образом не от представителей нежелательной национальности, а от креатуры своих предшествен-

ников на посту наркома. Это подтверждается хотя бы тем, что при Берии в руководстве НКВД находилось немало евреев: начальник главного транспортного управления С.Р. Мильштейн, начальник главного управления лагерей и железнодорожного строительства Н.А. Френкель, начальник Главгидростроя Я.Д. Рапопорт, начальник управления военного снабжения войск НКВД А.А. Вургафт и др. И среди представленных Берией в июне 1941 года к награждению орденами за ликвидацию в Мексике Троцкого (операция «Утка») также были евреи: Н.И. Эйтингон и И.Р. Григулевич. Кроме того, на начало 1940 года в центральном аппарате НКВД продолжали работать 189 евреев (5%)¹⁶⁷.

Создание долговременного союза руководителей партаппарата и мощной государственной карательной структуры обуславливалось не столько их властными амбициями, сколько необходимостью взаимопомощи в борьбе за самовывживание в условиях жестокой и непредсказуемой единоличной диктатуры Сталина. Незадолго до ухода в мир иной последний, поняв, какую угрозу его власти таит в себе тандем Маленкова с Берией, будет тщетно пытаться его разрушить. Однако в 1939 году вождь не мог этого предвидеть, и поэтому 3 мая он со спокойной совестью назначил их наряду с Молотовым ответственными за наведение «порядка» в НКВД. Особой ретивостью в развернувшейся там вслед за этим антиеврейской чистке отличался первый заместитель Маленкова Н.Н. Шаталин, возглавлявший в УК отдел дипломатических кадров. Вскоре он стал руководителем другого, уже самостоятельного отдела ЦК, что способствовало распространению «заражения» бациллой антисемитизма все новых структур центрального аппарата партии¹⁶⁸.

В наибольшей степени этот недуг поразил тогда управление пропаганды и агитации ЦК (УПиА), образованное, как и УК, решением XVIII съезда партии. Однако на первых порах оно, продолжая находиться в ведении Жданова, мало чем отличалось от старого Агитпропа. Это объяснялось тем, что Жданов и его креатура в Агитпропе (П.Н. Пospelов, назначенный заместителем заведующего Агитпропом еще в октябре 1937 года, а в августе 1939 года — первым заместителем начальника УПиА; Д.А. Поликарпов, возглавивший тогда же в УПиА отдел культурно-просветительных учреждений, а ранее работавший заведующим областным отделом народного образования в Ленинграде; А.А. Пузин, получивший пост заведующего отделом агитации УПиА) придерживались в основном умеренной партийно-идеологической линии, делая упор больше на пропаганду советского патриотизма, чем на возрождение традиций национального великодержавия. Однако в условиях, когда другие страны, стремительно скатывавшиеся в пучину новой мировой войны, все решительней делали ставку на шовинизацию пропаганды, такой идеологический курс уже не мог удовлетворить Сталина. Его трево-

жило и то, что Жданов, возглавлявший Ленинградскую партийную организацию и часто болевший, подолгу не бывал в Москве и поэтому не мог уделять достаточно времени и сил делам пропаганды. И это в то время, когда Агитпропу по утвержденной политбюро 4 августа 1938 г. новой структуре были приданы все атрибуты мощного идеологического ведомства и необходимо было (для Сталина) как можно быстрее наладить работу новой, исполненной имперским духом бюрократической машины.

Выполнение этой миссии было доверено молодой генерации идеологических функционеров «ленинского призыва» и сталинской выучки, сознание которых не было обременено ортодоксальным коммунистическим интернационализмом, как, впрочем, и какой-либо другой идейностью. В основном это были выходцы из социальных низов, которые не замутили свой мозг политическими убеждениями, но зато с избытком были наделены цинизмом и беспринципностью парвеню. Пробившись наверх на волне «большого террора», покончившего с идейным большевизмом, они, для того чтобы уцелеть, а также обрести высокое общественное положение и сопутствовавшие ему материальные блага, готовы были на многое.

Наиболее ярким представителем новой плеяды карьерных парт-идеологов был Г.Ф. Александров, которого с подачи ОРПО назначили 21 января 1939 г. заместителем руководителя Агитпропа. Родился он в 1908 году в Санкт-Петербурге в семье рабочего-монтера. Оставшись в годы Гражданской войны сиротой, беспризорничал, потом в 1921–1924 годах воспитывался в детском доме и трудовой колонии в г. Борисоглебске Воронежской губернии. Окончив позже в Тамбове губернскую совпартшколу, Александров в 1928 году вступил в ВКП(б) и переехал в Москву. Здесь он стал студентом, а потом и аспирантом Историко-философского литературного института. Получив ученую степень и занявшись преподаванием марксистско-ленинской философии, с энтузиазмом, присущим молодости, громил с ученой кафедры политических врагов Сталина — троцкистов и бухаринцев. В 1938 году его как «политически и идейно выдержанного... коммуниста, проводившего активную борьбу с врагами народа» назначили заведующим редакторско-издательским отделом Коминтерна¹⁶⁹.

Придя на работу в ЦК в период его основательной реорганизации и сделав ставку на Маленкова, Александров не только сохранил за собой в новом УПиА пост заместителя руководителя, но и возглавил там отдел пропаганды. Став в некотором роде «тройным конем» Маленкова в «ждановском» Агитпропе, Александров всемерно содействовал росту влияния своего патрона в этой структуре ЦК. Этому же в немалой степени способствовало и продолжительное переключение Жданова, оставшегося главным идеологом партии, с внутрипартийных дел на международные, связанные с разразив-

шейся в конце 1939 года советско-финляндской войной, а также с последовавшим летом следующего года присоединением к СССР прибалтийских стран и их советизацией. Логическим оформлением нового статус-кво, складывавшегося тем временем в пропагандистской сфере, стало подготовленное Маленковым решение политбюро от 6 сентября 1940 г., утвердившее Александра новым начальником УПиА. Отставленному от этой должности Жданову поручалось не совсем понятное «наблюдение за управлением пропаганды», из которого был также удален Пospelов (стал редактором «Правды»), а потом (летом 1941 г.) и Поликарпов, назначенный председателем Радиокomiteта. Произошедшее в конце февраля 1940 года отстранение от должности наркома просвещения РСФСР Тюркина, ставленника Жданова, также свидетельствовало о падении влияния последнего в духовно-идеологической сфере и соответственно об усилении в ней позиций маленковско-щербаковской группировки. Интересен как своеобразный показатель новых антисемитских веяний наверху тот факт, что перед этой отставкой Тюркину наряду с массовым изгнанием кадров Наркомпроса (всего им было изгнано из этого ведомства более 400 работников) вменили в вину и покровительство «врагам народа» с еврейскими фамилиями — Шифрину, назначенному им начальником управления детских домов Наркомпроса, и Герцовичу, которого он «пригрел» на посту заведующего отделом руководящих кадров¹⁷⁰.

Новым наркомом просвещения стал В.П. Потемкин, занимавший ранее пост заместителя наркома иностранных дел. Это назначение было весьма симптоматичным, если иметь в виду продолжавшуюся тогда перестройку идеологии в духе традиционной для России государственности. Потемкин, окончивший Московский университет, вышел из среды старой профессуры. До революции продолжительное время преподавал в престижных московских гимназиях, а после октябрьского переворота примкнул в 1919 году к большевикам. Тогда же, будучи начальником политуправления Южного фронта, познакомился и сблизился со Сталиным, в то время членом реввоенсовета этого фронта. Короткое время по окончании гражданской войны Потемкин руководил в Одессе губернским отделом образования. Затем был отозван в Москву и направлен на дипломатическую работу, получив тогда назначение возглавить советское генконсульство в Стамбуле. Потом он сменил ряд европейских столиц, пребывая в качестве полпреда в Греции, Италии и Франции. В 1937-м возвратился в Москву в обескровленный ежовской чисткой центральный аппарат НКВД, где занял пост первого заместителя наркома. Возглавив Наркомпрос, Потемкин с благословения Сталина стал вводить в советской школе хорошо знакомые ему еще с дореволюционного времени гимназические порядки (в 1943 году, например, при его активном участии вышло постановление политбюро от

17 июля о введении раздельного обучения в школах по половому признаку*¹⁷¹).

Застрельщиком реанимации консервативного традиционализма в бюрократических сферах выступил тогда уже перестроенный в этом духе Агитпроп. Осваиваясь в роли его главы, Александров тем временем избавлялся от все еще пребывавших в нем немногочисленных сотрудников еврейской национальности и одновременно обрастал собственной креатурой. Наряду с выполнением рутинных для Агитпропа задач** вверенное ему пропагандистское ведомство все более энергично направляло нагнетавшийся сверху шовинизм и ксенофобию в русло практических действий. Одной из первых жертв Александра стал профессор Вольф Евнович Мотылев, президент организованного в 1934 году Тихоокеанского института СССР. В конце марта 1941 года глава Агитпропа, обратившись в секретариат ЦК, предложил сместить ученого с занимаемого им поста, мотивируя это тем, что тот, будучи в сентябре 1940 года исключенным из партии за опубликование во втором томе «Большого советского атласа мира» «секретных оборонных материалов», «не заслуживает политического доверия». Положение Мотылева усугублялось еще и тем обстоятельством, что Тихоокеанский институт входил в состав основанного в 1924 году в США Международного института тихоокеанских сношений, который Александров (и не только он) определил как «политическую и, очевидно, разведывательную организацию». В результате в конце мая Тихоокеанский институт был ликвидирован «как не оправдывающий своего назначения». Низложенного Мотылева тогда не репрессировали (на дворе стояла политическая мини-оттепель), он даже стал преподавать в МГУ, пока в 1949-м его не изгнали оттуда как космополита¹⁷³.

Вышеописанный инцидент может показаться малозначительным в сравнении с событиями, развернувшимися примерно тогда же вокруг академического Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХиМП). Все началось с того, что 7 февраля 1941 г. заместитель

* После того как в 1946 году Потемкин умер, в школьной среде получило распространение едкое «подражание Пушкину»: «Старик Потемкин нас заметил и, в гроб сходя, разъединил».

** Главнейшей из этих задач оставался цензурный контроль, который в предвоенные годы все более ужесточался. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что 8 января 1941 г. по представлению УПиА оргбюро ЦК распорядилось изъять из книготорговой сети и библиотек сборник переписки П.И. Чайковского «Письма к родным». Причиной такого решения стало включение в книгу нескольких интимных писем композитора, в которых тот, говоря словами официальной справки Агитпропа, «раскаивается в своем пороке — гомосексуализме» и сообщает, что «вполне решился на известный крутой поворот образа жизни» и «хочет уйти от такой жизни, переродиться» (172).

директора этого института А.Ф. Бордадын направил Сталину письмо, в котором бил тревогу по поводу «нездоровой» кадровой обстановки в ученом коллективе, возникшей вследствие семейственности, насаждавшейся другим заместителем руководителя института — Р.С. Левиной. Как сообщалось далее, последняя имела «очень сильное влияние» на директора института Е.С. Варгу и в свое время поддерживала тесные связи с «врагом народа» К.Б. Берман-Юриным, расстрелянным в 1936 году по «делу Зиновьева—Каменева». Удар, таким образом, косвенно наносился и по весьма авторитетному в то время в глазах кремлевского руководства ученому. Ведь Варга, возглавляя «фронт» экономической науки, котировался, скажем, наравне с Митиным в марксистско-ленинской философии или Т.Д. Лысенко в мичуринской биологии. Путь Варги, происходившего из венгерских евреев, к номенклатурным вершинам советской науки был сложным, хотя и логичным для человека, увлекшегося в юности идеей революционного обретения человечеством социальной справедливости. В 1906 году он вступил в социал-демократическую партию Венгрии, что, впрочем, не помешало ему стать потом профессором политической экономии Будапештского университета. Социалистическая революция 1919 года привела Варгу в ряды коммунистов и сделала наркомом финансов и председателем ВСНХ Венгерской советской республики. После поражения революции он вынужден был покинуть родину и эмигрировал в Советскую Россию, где очень тепло был встречен Лениным и направлен им на работу в Коминтерн. В 1922 году Варга уже работает в Берлине в качестве научного советника советского полпредства. А через пять лет он возглавил сформированный в 1924-м в системе Коммунистической академии ИМХиМП.

И вот теперь ему, продолжительное время консультировавшему Сталина по экономическим вопросам и в 1939 году избранному действительным членом АН СССР, надо было как-то противостоять скандалу, затеянному одним из его заместителей, тем более что упомянутый выше донос в Кремль был только началом разраставшейся, как снежный ком, многоходовой и имевшей далеко идущие цели интриги. О том, что это было действительно так, свидетельствовало то обстоятельство, что 1 марта на имя Берии был направлен новый донос на руководство института. Его автор, аспирант Бордадына А.И. Турмилов, прямо возложил ответственность за «затхлую атмосферу семейственности и круговой поруки в институте» на Варгу, который-де окружил себя «своими людьми, злоупотребляющими его доверием и авторитетом».

Разобраться с дрызгами в ИМХиМП было поручено Агитпропу. И вот, как бы соревнуясь с Александровым в новомодной национально-кадровой бдительности, его заместители Д.А. Поликарпов и А.И. Маханов 11 апреля доложили покровительствовавшему им

Жданову о результатах проверки, произведенной по полученным из ИМХиМП «сигналам». Как и следовало ожидать, научная деятельность института была оценена ими как «совершенно неудовлетворительная». Констатировалось также, что его руководство и научные сотрудники, оказавшись «целиком в плену буржуазной статистики», приукрашивают экономическое и социальное положение в Германии и других капиталистических странах. Но наибольшее неблагополучие отмечалось в кадровых делах, причем факты подавались под явно шовинистическим соусом, что было пока еще внове для документов ЦК. И хотя о «еврейском засилье» в документе по понятным причинам прямо не говорилось, тем не менее его скрытый антисемитский подтекст очевиден. Для наглядности, думается, будет нелишним дать выдержки из следующего наиболее «новаторского» фрагмента записки:

«...В институте лишь незначительная часть должностей, как правило второстепенных, замещены русскими людьми. Так, из 68 старших научных сотрудников русских только 20 человек. Из 16 референтов — пять человек, из 13 аспирантов — четыре человека. Особенно неблагополучно обстоит дело с руководящими кадрами института. Из 15 человек руководящих кадров... восемь человек по социальному происхождению торговцы, четверо — выходцы из других партий, один исключался из партии, четверо имеют близких родственников за границей. Среди руководящих работников (дирекция, заведующие секторами) — только два человека русских... Приводим некоторые данные о некоторых руководящих работниках:

Левина Ревекка Сауловна — заместитель директора института, член ВКП(б) с 1918 года. Родители живут в Америке, в 1931–1932 годах ездила туда к родителям...

Леонов Исаак Соломонович — ученый секретарь, член ВКП(б) с 1919 года.

Геллер Лев Наумович — руководитель сектора рабочего движения, член ВКП(б) с 1904 года, в 1917–1919 годах — в группе интернационалистов.

Лемин Иосиф Михайлович — руководитель сектора международных отношений... Член ВКП(б) с 1925 года, в прошлом — троцкист, сын купца.

Мендельсон Лев Абрамович — руководитель промышленного сектора, член ВКП(б) с 1918 года. В 1917–1918 годах — в «Поалей Ционе», троцкист.

Мельман Софья Моисеевна — руководитель колониального сектора, член ВКП(б) с 1919 года. В 1917 году — в партии эсеров.

Варьяш Ирма Альбертовна — руководитель конъюнктурного сектора, член ВКП(б) с 1928 года. Мать, две сестры и два брата — в Венгрии.

Гельбрас Петр Соломонович — руководитель французского сектора, член ВКП(б) с 1920 года.

Фаргаши Бела Самуиловна — руководитель немецкого сектора... член ВКП(б) с 1930 года. В 1918–1919 годах — в социал-демократической партии Венгрии».

Ревизоры из Агитпропа предлагали «решительно очистить кадры института от бездельников и не заслуживающих политического доверия и направить туда группу свежих, молодых и способных работ-

ников». Одной из первых в числе конкретных кандидатов на увольнение была упомянута Р.С. Левина. Однако сделанный авторами записки весьма прозрачный намек на доминирование евреев в ИМХиМП был воспринят Ждановым сдержанно. Возможно, ему претило ввязываться в сомнительную, отдающую антисемитским духом кадровую чистку. Он также не мог не знать, что Сталин, несмотря ни на что, продолжает покровительствовать руководителю института. Да и к тому же в условиях все более осязаемой угрозы войны с Германией возникали куда более важные проблемы, чем борьба за национальную чистоту кадров советской экономической науки. Поэтому по распоряжению Жданова записка подверглась существенной переработке. В ее новой редакции, разосланной 12 мая всем секретарям ЦК, уже не было назойливого перечисления еврейских фамилий, а упор был сделан на такой более актуальный тогда момент, как «некритическое» использование сотрудниками ИМХиМП «пропагандистских материалов фашистской печати о военно-экономической мощи Германии», и это интерпретировалось как популяризация «распространяемой фашистской пропагандой легенды о непобедимости германской армии». Тем самым стремительно назревавшее советско-германское военное столкновение парадоксальным образом перечеркнуло планы антиеврейской чистки в институте Варги, готовившейся крайними шовинистами в аппарате ЦК. В итоге причудливым манером восторжествовала в какой-то мере справедливость: в принятом 29 мая постановлении осуждалась главным образом статья инициатора всего этого скандального разбирательства Бордадына «Организация военного хозяйства в Германии». В этом опусе главного доносителя усмотрели восхваление «фашистской четырехлетки, объявленной в Германии в 1936 году»¹⁷⁴.

Несмотря на вроде бы благополучный оборот (но не финал!), «дело ИМХиМП», в которое были непосредственно вовлечены такие номенклатурные иерархи, как Сталин, Жданов, Берия, Маленков, Щербаков, тем не менее говорило о том, что в своем развитии антисемитизм советских верхов вступил в фазу государственной политики. Этот вывод подтверждается тем, как развивалась эта история в последующем. Оказалось, что в Агитпропе на ней вовсе не собирались ставить крест. Весной 1943 года Александров подготовил на имя Сталина новую записку и проект постановления ЦК о «неблагоприятном» положении в институте. В этих документах подчеркивалось, что штат института заполнен «политически сомнительными иностранцами — людьми немецкого языка (немцы, венгры, немецкие и венгерские евреи)... из 44 старших научных сотрудников русских всего 6 человек... в составе руководящих кадров нет ни одного русского ученого». Предлагалось сместить Варгу с поста директора института, назначив вместо него В.П. Потемкина. Кроме того, вновь ставился вопрос об устранении Левиной с должности заместителя

руководителя. Однако и на сей раз, в разгар войны, прагматик Сталин не пошел на кадровую перетряску в авторитетном научном коллективе. И только весной 1945 года шовинистам из ЦК удалось взять частичный реванш: тогда их усилиями Левина была выведена из руководства ИМХиМП¹⁷⁵.

РОБКАЯ ПОПЫТКА ПЕРЕЛИЦОВКИ ПРОПАГАНДЫ

Возвращаясь к описанным выше событиям весны 1941 года вокруг института Варги, резонно будет задаться вопросом: почему они завершились тогда на такой ярко выраженной антигерманской ноте? Дело в том, что наметившаяся с конца 1940 года переориентация экспансионистских устремлений гитлеровской военной машины с запада на восток не осталась незамеченной в Кремле, обитатели которого стали задумываться о необходимости моральной подготовки народа к грядущим испытаниям. Объектом первостепенного внимания советских верхов в этой связи явилась по понятным причинам армия. Еще в сентябре 1940 года Сталин назначил новым начальником Главного управления политической пропаганды Красной армии А.И. Запорожца*, которому протезировал Щербаков, выступавший за скорейшую перестройку армейской идеологической работы путем обращения к исторической парадигме российской воинской славы.

Предшественник Запорожца на посту главного пропагандиста вооруженных сил Мехлис, хоть и пытался подстроиться под новый пропагандистский курс, заявляя о необходимости вести воспитание личного состава Красной армии «на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа»¹⁷⁷, оставался в душе приверженцем ортодоксального интернационалистского большевизма и поэтому был переведен на другую работу.

Оправдывая, как говорится, оказанное ему доверие, обновленное руководство армейских политорганов приняло экстренные меры по поднятию морального и боевого духа военнослужащих, на который негативным образом повлияли недавние массовые репрессии против начальствующего состава и бессмысленные людские потери в ходе советско-финляндской кампании. 22 февраля 1941 г. армейский комиссар второго ранга Запорожец подписал совершенно секретную директиву № 0024 «Об укреплении партийно-политической и воспи-

* До назначения на пост главного военного комиссара Запорожец был членом военного совета Московского военного округа и входил в бюро МК ВКП(б) (176).

тательной работы в частях Красной Армии и борьбе с чрезвычайными происшествиями». В ней с небывалой до сих пор откровенностью описывалась весьма неутешительная морально-психологическая ситуация в армейских коллективах. Констатировалось, в частности, что чрезвычайные происшествия в ряде частей Красной армии принимают угрожающие размеры; случаи самоубийств, убийств, ранений военнослужащих, дезертирства, рукоприкладства, порчи и утери боевого оружия, аварий, катастроф, пожаров продолжают иметь место во всех военных округах, особенно в Ленинградском, Северо-Кавказском, Приволжском и Западном Особом; за 20 дней января 1941 года в результате «ЧП» вышло из строя убитыми, ранеными около трех рот личного состава; 30,2% покончивших жизнь самоубийством в 1940 году были представителями начальствующего состава, 13,5 — коммунистами, 35% — комсомольцами; доля начальствующего состава среди участников пьянок и дебошей, зафиксированных в 1940 году, составила 51%, причем этот показатель за две декады января 1941 года возрос до 84%. Было также установлено, что в 1940 году 10% аварий и катастроф боевых транспортных средств произошло вследствие употребления алкоголя¹⁷⁸.

Знакомясь с подобными документами, Сталин не мог не понимать, что приведенные в них факты в определенной мере — следствие той двусмысленной ситуации, в которой оказалась советская пропаганда после подписания советско-германского пакта о ненападении. Получалось, что, с одной стороны, СССР не мог вести пропаганду против нацистов без риска спровоцировать преждевременное вооруженное столкновение с Германией. А с другой стороны, отказ от такой пропаганды был сопряжен с еще большей опасностью, которой была чревата порожденная этим моральная неподготовленность армии и всего советского общества к грядущим испытаниям. Ненормальность положения, в котором оказался Советский Союз по вине своего руководства, была столь очевидна, что не могла не тревожить интеллектуальную общественность страны, в том числе и еврейского происхождения. В октябре 1940 года в ЦК поступил донос, в котором сотрудник газеты «Труд» З.С. Шейнис и преподаватель Высшей дипломатической школы Б.Е. Штейн обвинялись в распространении слухов об ухудшении отношений между СССР и Германией. «Сигнализировалось» также о разговоре Шейниса с И.Г. Эренбургом о том, что статья последнего «Трагедия испанского народа», как и другие материалы, имевшие антигерманскую направленность, запрещаются цензурой потому, что в «Управлении пропаганды и агитации сидит идиот, который извращает решения ЦК». Поскольку донос был передан («на рассмотрение НКВД»), то казалось, что упомянутых в нем лиц ждут очень серьезные неприятности. Однако события неожиданно приняли другой оборот. 8 января 1941 г. «Труд» по звонку из секретариата Сталина начал публикацию серии статей всемирно известного

обличителя нацизма Л. Фейхтвангера, напечатанных ранее в американском журнале «Post Meridiet». Правда, продолжения не последовало: в Кремле, видимо, решили не осложнять проходивших тогда советско-германских экономических переговоров. Но подспудное развитие антигерманской тенденции в советской пропаганде тем не менее вскоре продолжилось с новой силой. В начале весны режиссер С.М. Эйзенштейн и другие создатели фильма «Александр Невский» (осенью 1939 г. картина вместе с другими 4 200 «антигерманскими» произведениями литературы и искусства была запрещена цензурой) неожиданно получили за него Сталинскую премию. 16 марта в «Правде» появилась статья Л.А. Кассила с высокой оценкой этой картины, для которой вновь открывался путь на широкий экран. Был снят запрет и с показа таких, например, антифашистских лент, как «Семья Оппенгейм» и «Профессор Мамлок», которые незадолго до войны стали опять демонстрироваться публике, правда, только военной, в частях Красной армии. А 24 апреля Сталин позвонил Эренбургу, имя которого с августа 1939 по август 1940 года вообще не появлялось в советской прессе, и дал добро на публикацию его книги «Падение Парижа» в полном объеме, вместе с главами третьей части романа, посвященными гитлеровскому вторжению во Францию, которые не пропускались цензурой, в том числе и из-за употребления в диалогах слова «фашист»¹⁷⁹.

Нараставшая тем временем угроза втягивания Советского Союза во Вторую мировую войну заставляла Сталина действовать все более решительно. 4 мая состоялась передача ему поста председателя СНК СССР, мотивированная «современной напряженной международной обстановкой». Одновременно произошло упрочившее положение Маленкова* освобождение Жданова «от обязанности наблюдения за Управлением пропаганды и агитации» и назначение более энергичного и молодого А.С. Щербакова секретарем ЦК по идеологии. В соответствующем постановлении Жданов как бы в утешение объявлялся заместителем Сталина по секретариату ЦК, хотя и без того был им несколько лет. Уже на следующий день последовал сигнал к началу форсированной милитаризации пропаганды. Произошло это в ходе выступлений Сталина в Большом Кремлевском дворце по случаю очередного выпуска командиров, окончивших военные академии. Он обвинил руководство Германии в переходе от «лозунгов освобождения от цепей Версаля» к захватнической

* Об усилении позиций Маленкова в кремлевских верхах свидетельствовала и кадровая рокировка, состоявшаяся в марте 1941 года, когда его ставленник М.З. Сабуров заменил на посту председателя Госплана СССР человека из команды Жданова Н.А. Вознесенского, которого перевели хоть и на престижную, но фактически менее значимую должность первого заместителя председателя СНК СССР по Экономсовету.

политике, и, желая, видимо, приободрить присутствующих, заявил также, что не следует преувеличивать мощь германской армии («в мире нет и не было непобедимых армий»)¹⁸⁰, после чего потребовал «перестроить... пропаганду, агитацию... печать в наступательном духе». По сути, это означало возрождение известного еще с ленинских времен большевистского лозунга о наступательной войне*, особенно активно пропагандировавшегося до заключения пакта Молотова—Риббентропа.

Несмотря на столь воинственные заклинания в узком кругу военных, Сталин не мог не понимать, что советские вооруженные силы, находясь в стадии технического перевооружения, не готовы к большой войне, и поэтому, надеясь во что бы то ни стало оттянуть неизбежное нападение нацистов на СССР, не хотел давать повод германской стороне для обвинений Советского Союза во враждебных намерениях. По этой причине так решительно объявленная им пропагандистская перестройка на деле не вышла за стены номенклатурных кабинетов и фактически свелась к обсуждению в бюрократической тиши Агитпропа очень осторожных по намечавшимся практическим шагам секретных директив «в свете последних указаний т. Сталина».

Задавая отнюдь не боевитый тон этой бумажной работе, новый шеф пропаганды Щербаков озвучил на проходившем 8–9 мая в ЦК совещании руководителей средств массовой информации наставление вождя о том, что контрпропаганду в отношении Германии следует строить так: «Осторожно, не дразнить, повода не давать, аналогии и намеки, но систематически, капля по капле»¹⁸¹.

Нерешительность кремлевских верхов привела к тому, что психологическая подготовка населения к войне так и не началась в сколько-нибудь осязаемом виде и широких масштабах. Готовясь тайне перейти к пропаганде в наступательном духе, Агитпроп в то же время продолжал через печать и радио убеждать народ в том, что СССР благодаря «мудрой сталинской внешней политике», не удастся втянуть во «вторую империалистическую войну». Лейтмотивом передовой «Правды» от 15 мая стали следующие поэтические строчки: «Бурна вода истории, угрозы и войну мы взрежем на просторе, как режет киль волну». А 14 июня в печати появилось умиротворяющее (не агрессора, покорившего почти всю Европу, а советский народ) заявление ТАСС о том, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...».

* Говоря об этом лозунге, следует иметь в виду, что наступательные войны далеко не всегда являются захватническими, довольно часто они преследуют оборонительные цели, направленные на предотвращение уже подготовленной агрессии.

Даже 22 июня, если судить по содержанию вышедших в тот день газет, на советской пропагандистской Шипке все было спокойно. «Правда» в тот день пестрела такими пасторальными заголовками: «Травы перестаивают», «Сахарной свекле образцовый уход», «Все колхозы должны иметь свои навозохранилища»...

Евреи и власть в годы войны

«ЕВРЕЙСКИЙ СИНДРОМ» СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Вторгшись в пределы СССР и используя преимущества нападающей стороны, гитлеровские войска развили стремительное наступление. На отдельных направлениях немецкие бронетанковые и моторизованные части вклинивались буквально за часы на десятки километров в глубь советской территории. В таких условиях, особенно в западных областях СССР, не могло быть и речи о сколько-нибудь организованной эвакуации людей и имущества: в большинстве случаев там имело место хаотическое и паническое бегство от врага предоставленных самим себе мирных жителей. Очень немногим беженцам удалось уйти на восток, большинство из них очень быстро оказалось в тылу немецких войск и вынуждено было возвратиться назад. В результате за несколько недель значительная часть советского населения, в том числе и еврейского, оказалась под властью агрессора. Уже после войны на Западе появились свидетельства, исходившие от левых сионистских кругов, о том, что в 1941 году советские власти предприняли специальные меры (даже якобы был издан указ президиума Верховного совета СССР за подписью Калинина) по спасению еврейского населения из угрожаемых районов путем их первоочередной эвакуации. Однако сколько-нибудь убедительных документальных доказательств эти утверждения под собой не имеют. Вместе с тем известно, что, скажем, секретарь ЦК КП Белоруссии П.К. Пономаренко*, докладывая Сталину в начале июля о том, что вся агитация вторгшегося врага «идет под флагом борьбы с жидами и коммунистами, что трактуется как синонимы», мягко говоря, не очень лестно отзывался о евреях, утверждая, что панический исход беженцев на восток «объясняется в известной степени большой еврейской прослойкой в городах: их обьял животный страх перед Гитлером,

* До отъезда в Белоруссию в 1938 году Пономаренко был в аппарате ЦК ВКП (б) заместителем Маленкова по ОРПО, который, как мы помним, являлся тогда ключевым в формировании политики госсантисемитизма.

и вместо борьбы — бегство». Официально проведение эвакуации регламентировалось строго секретным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня, согласно которому первоочередному вывозу на восток подлежали важнейшие промышленные, сырьевые ценности, продовольствие, ответственные партийные и советские работники, квалифицированные рабочие, инженеры, служащие. Из остального гражданского населения эвакуировались прежде всего молодежь, годная для военной службы, а также женщины и дети, при этом национальный фактор не играл практически никакой роли. Но он брался во главу угла в ходе развернувшихся тогда в прифронтовых районах насильственных этнодепортаций советских граждан, таких, например, национальностей, как немцы и финны, которые в условиях войны стали считаться потенциально опасными¹⁸².

Поэтому все разговоры о попытках Кремля в годы войны предпринять специальные акции по спасению советских евреев от гитлеровского террора можно однозначно квалифицировать как политическое мифотворчество. Реальность же была такова, что стремительность германского вторжения и как следствие этого неразбериха и хаос, сопутствовавшие отступлению частей Красной армии в первые недели войны, были главными факторами, изначально предопределившими неотвратимость трагедии советского еврейства. Наименьшими шансами на выживание располагали евреи с западных земель, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 годах, где таковых насчитывалось около 2 млн. человек. Только 10–12% из них удалось бежать или эвакуироваться на восток, а основная часть еврейского населения осталась на оккупированной территории. Евреям, проживавшим восточнее советской западной границы 1939 года, где эвакуация происходила более или менее организованно, повезло больше. Примерно половине из них удалось переместиться в глубь страны. Всего под властью оккупантов оказались территории, на которых перед войной проживало 2 175 тыс. евреев. Сейчас невозможно определить точные цифры потерь, так как в Советском Союзе национальный признак не учитывался не только при эвакуации граждан, но и при подсчете человеческих жертв. По приблизительным данным, война унесла жизни около 2,8 млн. советских евреев, в том числе 1 млн. человек, погибших в результате целенаправленных нацистских акций истребления. А всего, согласно последним фундаментальным научным изысканиям, за годы Второй мировой войны было уничтожено от 5,29 до более чем 6 млн. евреев¹⁸³.

Колоссальные гекатомбы были в какой-то мере запрограммированы уже тем формальным *casus belli*, который содержался в декларации Гитлера, зачитанной по радио министром пропаганды Й. Геббельсом 22 июня 1941 г. и содержавшей следующий тезис:

«...Никогда германский народ не испытывал вражды к народам России. Однако, иудейско-большевистские правители Москвы пытались в течение более 20 лет разжечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе... Ныне наступил тот час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-англосаксонских поджигателей войны и точно так же против еврейских властителей большевистского московского центра»¹⁸⁴.

Таким образом, в первый же день войны руководство рейха еще раз подтвердило, что воинствующий антисемитизм является краеугольным камнем нацистской пропаганды, призванной обосновывать и освящать любые, даже самые жестокие меры в отношении покоренных народов, и прежде всего геноцид евреев, который стал осуществляться с самого начала нацистского вторжения. Уже 2 июля Р. Гейдрихом была подписана секретная директива с «наиболее важными инструкциями» руководству так называемых эйнзацгрупп СС (созданы в 1938 г.), команд полиции безопасности и СД о проведении «экзекуций» против советских партфункционеров, сотрудников Коминтерна, народных комиссаров, а также евреев*¹⁸⁵.

Массовое истребление евреев нацистская пропаганда представляла остальному советскому населению оккупированных областей как составную и необходимую часть освободительной миссии, взятой на себя германскими властями в борьбе с «жидо-большевизмом», «жестоко угнетавшим народы России». Причем следуя античной формуле «разделяй и властвуй», гитлеровцы объявляли, например, украинцам, что «по крови» они выше русских, так как в средние века испытывали на себе «живительное влияние арийской расы» и к тому же украинский кобзарь Тарас Шевченко «был против москалей и являлся другом немцев». Белорусов же убеждали в том, что и в царской России, и в СССР они жили под тройным национальным гнетом: с запада их теснили поляки, с востока — русские, а в самом крае хозяйничали евреи. Генеральный комиссар Белоруссии В. Кубе заявлял:

«В царские времена Белоруссия была еврейской областью. Девяти миллионам белорусов приходилось терпеть присутствие одного миллиона самых дрянных евреев, грязных духом и телом... Однако в белорусах сохранилась здоровая северная кровь»¹⁸⁶.

Все это, впрочем, не помешало нацистам причислить тех же украинцев и белорусов к представителям «неполноценной славянской расы», так называемым Untermenschen («недочеловекам»), подлежащим частичному истреблению и вытеснению за Урал. Что касается рус-

* Фактически уничтожение евреев гитлеровцами началось в первые дни войны. Так, входившая в состав эйнзацгруппы «С» зондеркоманда 4а, состоявшая из 80 эсэсовцев, развернула свою деятельность на Украине уже 23 июня. Ею были расстреляны по 5 тыс. евреев в Луцке и Житомире, 30 тыс. евреев в Киеве. Она участвовала в «экзекуциях» в Переяславле, Харькове, Миллерове, Бердичеве, Курске и других городах.

ских, то, будучи самым многочисленным в СССР народом, они стали объектом особого внимания со стороны гитлеровских «специалистов» по национальному вопросу. Последние заблаговременно снабдили части вторжения вермахта целой массой псевдонаучных рекомендаций, наподобие инструкции «О поведении немцев на востоке и их обращении с русскими». В ней германским военнослужащим давались и такие советы: будьте твердыми и жестокими в отношении русских, ибо по своей генетической природе они сентиментальны и женственны и им импонирует сила и действие; остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской, ибо она хоть и не способна на решительные поступки, но обладает особым обаянием, которое может отрицательно влиять на характер немца; помните, что русские всегда хотели быть управляемой массой, таковыми их сформировала собственная история, в которой были и призвание варягов, и господство монголов, поляков, литовцев, самодержавие царей, а начиная с Петра Великого они видели в немце высшее существо¹⁸⁷.

Следует признать, что массивная психологическая обработка нацистами советских людей не проходила бесследно. Характерная деталь: осенью 1942 года от многих жителей деревень даже советской прифронтовой полосы можно было услышать суждения, замешанные не только на дремучем невежестве, но и явно подсказанные фашистской пропагандой. «Немцы ведут войну против евреев и коммунистов, — утверждали эти крестьяне (согласно информации агенты НКВД), — они грамотный и чистый в быту народ, уважают православие и хотя распустили колхозы»¹⁸⁸. Эти и подобные им умонастроения, всегда сопутствующие историческим катаклизмам, философ Н.А. Бердяев, используя известный литературный образ Ф.М. Достоевского, метко окрестил «смердяковщиной», имея в виду утрату национальной чести и достоинства, а также апологию поражения, которое малодушно обосновывалось помимо прочего и тем, что «“умная” нация немецкая покоряет теперь “глупую” нацию русскую»¹⁸⁹.

Образованное 24 июня под началом Щербакова Советское информационное бюро (СИБ), одним из направлений деятельности которого стала «организация контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды»¹⁹⁰, должно было в первую очередь нейтрализовать демагогию нацистов об их миссии «освободителей народов России» от гнета «жидокоммунистов». Для начала Эренбург предложил Щербакову поместить в центральной печати статью какого-нибудь известного русского общественного деятеля (М.А. Шолохова или А.Н. Толстого) с разоблачением «басни» о том, что «гнев Гитлера направлен только на евреев»¹⁹¹. Однако в советских верхах решили максимально упростить себе задачу и стали изымать из открытой печати и радиопередач всякое упоминание о зверствах,

чинимых фашистами в отношении советских евреев. В редких случаях (когда надо было произвести впечатление на западных союзников) советское руководство позволяло себе нарушать это правило. Выступая 6 ноября 1941 г. по случаю очередной годовщины Октябрьской революции, Сталин, пожалуй, единственный раз за годы войны публично осудил нацистов за массовый антиеврейский террор, да и то довольно своеобразным образом: уподобив гитлеровский геноцид евреев с не идущими с ним ни в какое сравнение черносотенными погромами в царской России¹⁹². Больше других советских руководителей еврейской трагедии уделял внимание В.М. Молотов, поскольку как нарком иностранных дел отвечал за сотрудничество с союзными державами. В подписанной им 6 января 1942 г. ноте НКВД германские власти осуждались за массовые убийства евреев в Бабьем Яру в Киеве, во Львове, Одессе и других городах Украины. Но в прамбуле следующей ноты Молотова (от 28 апреля 1942 г.), где подчеркивалось, что гитлеровцы поставили себе задачей «истребление советского населения... независимо от... национальности», уже не говорилось прямо о целенаправленном истреблении евреев оккупантами, а использовалась обобщенная формулировка об уничтожении нацистами «мирных жителей» в Таганроге, Керчи, Минске, Витебске, Пинске. Так введение термина «мирные советские граждане» стало своеобразным способом замалчивания гитлеровского геноцида евреев.

Однако нежелание советских властей посвящать население в то, как гитлеровцы осуществляли план «окончательного решения еврейского вопроса», мотивировалось не только, так сказать, рациональным резонансом не лить воду на мельницу нацистской «антижидокоммунистической» пропаганды. Имея в виду, что начиная со второй половины 1942 года на курируемой Щербаковым агитпроповской ниве дали обильные всходы семена посеянного перед войной государственного антисемитизма (материал об этом приведен ниже), можно утверждать, что замалчивание фактов Холокоста советскими средствами массовой информации происходило еще и по этой причине. Этот второй фактор наглядно проявился в практике информационной работы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), созданной 2 ноября 1942 г. Из семи опубликованных в 1943 году ЧГК официальных сообщений о гитлеровских зверствах только в одном были упомянуты евреи. Это исключение, лишь подтверждавшее общее правило, стало возможным благодаря авторитету члена ЧГК писателя А.Н. Толстого, который лично руководил близ Минеральных Вод вскрытием рва, куда фашистами были свалены трупы более шести тысяч евреев, в том числе видных представителей ленинградской интеллигенции, эвакуированной на Северный Кавказ в начале войны. Потрясенный писатель написал об увиден-

ном им наяву кошмаре статью. Она была опубликована в «Правде» 5 августа вместе с очередным сообщением ЧГК, в котором уже нельзя было не сказать об истреблении евреев на Ставрополье¹⁹³. В следующем году составители сообщений ЧГК продолжали скрывать факты массовой гибели советских евреев. И лишь в отдельных случаях (сообщение об уничтожении минского гетто в «Правде» от 20 сентября) препарированная и урезанная информация о еврейской трагедии все же проникала сквозь завесу умолчания. Правда, в самом конце 1944 — начале 1945 года вдруг неожиданно появились полноценные и довольно подробные сообщения ЧГК об антиеврейских зверствах фашистов во Львовской области и Латвии, причем на сей раз национальная принадлежность жертв террора не маскировалась ставшим уже привычным выражением «мирные советские граждане»¹⁹⁴.

Такой информационный «прорыв» стал возможным, очевидно, вследствие некоторого цензорского благодушия, наступившего в преддверии окончания войны, тем более что в это время главный партидеолог А.С. Щербаков — наиболее ярый противник «выпячивания» еврейской темы в пропаганде — отошел от дел вследствие серьезного недуга. Но в период кратковременного улучшения самочувствия он, видимо, попытался исправить свое упущение. Именно тогда, в начале мая 1945 года, появилось сообщение ЧГК о лагере смерти Освенцим, в котором о евреях не было сказано ни слова¹⁹⁵.

Будучи весьма осторожной в предании гласности антиеврейских преступлений гитлеровцев, советская пропаганда тем не менее пыталась противодействовать стремлению геббельсовского ведомства разжечь вражду между народами СССР, в том числе и посредством психологической обработки населения «восточных территорий» разглашением о «гнете большевистско-жидовской клики», «единстве коминтерновского еврейства и международной сионистской плутократии» и т.п. Однако не все попытки такого рода можно назвать успешными. В 1941 году московское издательство литературы на иностранных языках выпустило книгу австрийского коммуниста и работника Коминтерна Эрнста Фишера «Фашистская расовая теория», в одной из глав которой («Вопрос о еврействе») наряду с осуждением зверской нацистской юдофобии имелись и неуместные доводы, в какой-то мере ее оправдывающие: утверждалось, скажем, что провоцирует антисемитизм «сохранение средневекового мира и даже древности в иудаизме». Даже Г.Ф. Александров, которого трудно было заподозрить в филосемитизме, вынужден был назвать эти положения книги «спорными». Правда, при этом он похвалил автора за критику сионистских призывов к еврейскому переселению в Палестину и за утверждение, что еврейский вопрос нашел решение только в Советском Союзе, «где большие массы евреев предпочли полностью слиться с русскими или другим советским народом, к которому они с давних пор принадлежат»¹⁹⁶.

Впрочем, можно привести примеры и более удачной деятельности советской контрпропаганды. Так, чтобы нейтрализовать попытки нацистов представить великого русского писателя Ф.М. Достоевского кем-то наподобие Ф. Ницше*, Агитпропу, ранее откровенно третировавшему отечественного литературного гиганта, пришлось существенно перестроиться в оценке его творчества. В результате в 1942 году в «Большевике» появилась статья Ярославского «Ф.М. Достоевский против немцев», в которой по дореволюционному изданию собрания сочинений русского классика** воспроизводились следующие его мысли:

«А за русский народ поручиться можно: о, он примет еврея в самое полное братство с собой, несмотря на различия в вере, и с совершенным уважением к историческому факту этого различия, но все-таки для братства, для полного братства»; «...когда и чем заявил я ненависть к еврею, как к народу: так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я с самого начала и прежде всякого слова с себя это обвинение снимаю раз и навсегда...»***.

Тем же пафосом была проникнута и опубликованная примерно тогда же статья Эренбурга, утверждавшего:

«Напрасно немцы науськивали наши народы на евреев. В каждом полку есть бойцы-евреи, которые вместе с другими бойцами отважно защищают общую родину, а там, где пролита общая кровь, бессильны чернила клеветы»¹⁹⁷.

Но все же всенародную популярность Эренбург заслужил прежде всего исполненным гнева хлесткими обличениями вторгшегося в родные пределы врага. В 1942 году, когда на всю страну прозвучал его призыв «Убей немца!», в одной из сочиненных им армейских листовок были и такие порожденные самой героической и самой жестокой в истории войной грубые слова ненависти:

«Немцы рвутся вперед. Они торопятся. За их спиной — призрак расплаты. Немцев нужно остановить. А немецкую дворню пора высечь. Довольно макаронники с петушиными перьями топтали русскую землю. Все знают, что итальянцы — мастера бегать, пора им об этом напомнить. Пора добить вшивых румын: довольно они грабили нашу землю... Пришли к нам пьяные венгры. Один венгерский журналист утверждал, что он произвел раскопки

* В частности, Ницше утверждал в свое время, что «никогда не встречал немца, который бы любил евреев».

** Издательство А. Маркса. — СПб., 1895. — Т. XI.

*** Объективности ради необходимо отметить, что эти тщательно отобранные выдержки из дневника Достоевского за 1877 год, конечно, лишь в очень слабой степени отражали сложные, противоречивые и несущие на себе, в том числе и печать национальных предрассудков того времени, мысли писателя по еврейскому вопросу.

и убедился, что вся Россия некогда принадлежала мадьярам. Этих пьяных нахалов необходимо убрать. Они раскапывают. А мы их закопаем. Но главное ни на минуту нельзя забывать о немцах. Их необходимо остановить. Их необходимо перебить»¹⁹⁸.

Что же касается советских пропагандистских материалов, шедших на Запад, то в них описания фактов гитлеровского геноцида евреев на территории СССР, разумеется, не подлежали цензурированию и тем более изъятию. Как следствие порой возникали казусы, чреватые серьезными международными осложнениями. Конкретно это выглядело так: время от времени по чьему-либо недосмотру материал, переданный западным информационным агентствам, появлялся потом в советской прессе, причем в отредактированном почти до неузнаваемости виде. Один такой скандальный случай, возмутивший информационные службы союзников, произошел в сентябре 1941 года, когда «Правда» в официальной сводке СИБ поместила выдержки из отправленного ранее за границу дневника одного из убитых на Восточном фронте немецких солдат¹⁹⁹. В публикации помимо изъятия упоминаний о евреях были сгущены при редактировании краски, живописующие бесчинства оккупантов. В ходе начавшегося в ЦК разбирательства были сопоставлены следующие тексты подлинных и препарированных газетой дневниковых записей:

Подлинный текст

«24 июня. Проходя через местечко, принял участие в очистке одной еврейской лавки.

5 июля. В 10 часов мы были в Круско. Сначала у меня не было охоты отправляться на поиски добычи, но после того как я прочел все бульварные романы, я тоже поднялся и начал обыскивать покинутые евреями дома. Двери взламывались ломами, топорами и другими орудиями. Кругом бегали насадки и свиньи. Наша еда была скудной, поэтому после обеда началось опять. Опять мы отправились в еврейский квартал...»²⁰⁰.

Отредактированный текст

«24 июня. Проходя через Слоним, вместе с Вальтером принял участие в очистке лавок и квартир.

5 июля. В 10 часов мы были в местечке Клецк. Сразу же отправились на поиски добычи. Выламывали двери топорами и ломами. Всех, кого находили в запертых изнутри домах, приканчивали. Кто действовал пистолетом, кто винтовкой, а кое-кто штыком и прикладом. Я предпочитал пользоваться пистолетом...».

УСИПЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ

Предоставляя с первых же месяцев войны Западу максимум информации о трагедии и героизме советского еврейства, Кремль преследовал главным образом две цели: во-первых, политическую — противо-

действие проискам весьма влиятельной в США изоляционистской оппозиции, пытавшейся представить информацию о Холокосте в Европе и России как фальсификацию евреев и либералов, стремящихся втянуть Америку в мировую войну; во-вторых, утилитарную, сводящуюся к получению материальной помощи от новых союзников, прежде всего от Соединенных Штатов, страны с многочисленной, экономически крепкой и политически влиятельной еврейской общиной. И поскольку реализация этих задач напрямую зависела от степени воздействия на западное общественное мнение советской пропаганды, то было решено поднять ее эффективность с помощью прежде всего авторитетных деятелей еврейской культуры в СССР. В иселе 1941 года по указанию Щербакова состоялась встреча Лозовского, назначенного заместителем начальника СИБ по внешнепропагандистской деятельности, с еврейскими литераторами Маркишем, Нусиновым, Квитко и Шахно Эпштейном. Им было предложено начать сбор материалов о трагической участи советских евреев на оккупированной врагом территории, с последующей литературной обработкой этих документов и отправкой на Запад. Выполняя это указание, Квитко и Нусинов сразу же предприняли поездку по местам сосредоточения эвакуированных евреев.

В дальнейшем именно вокруг СИБ и его «вдохновителя» (выражение Эренбурга²⁰¹) Лозовского, который с этого момента как бы занял пустовавшее после ареста Диманштейна место главного ходатая по еврейским делам в советском руководстве, общественно-культурная активность советского еврейства концентрируется. Не случайно среди евреев Лозовского станут за глаза уважительно величать «габэ» (староста еврейской общины). По-своему оценили Лозовского и специалисты из геббельсовского ведомства, которые, прибегая к вульгарной антисемитской демагогии, на протяжении всей войны пытались дискредитировать этого руководителя советской пропаганды.

Покровительство Лозовского, считавшегося своим в коридорах кремлевской власти, придавало национальной еврейской элите чувство уверенности в себе и своих возможностях. Именно через него в первые же месяцы войны еврейские литераторы стали настойчиво добиваться разрешения на возобновление издания в Москве центральной еврейской газеты, которая, по их мнению, должна была сыграть «большую роль в организации еврейских масс на защиту нашей родины». ЦК поддержал эту идею, однако начавшаяся осенью массовая эвакуация из столицы помешала ее реализации. Кстати, ЦК ВКП(б) встал тогда на сторону еврейских писателей и в их конфликте с ОГИЗом (Объединение государственных книжно-журнальных издательств), намеревавшимся по причинам военного времени закрыть «Дер эмес» — единственное еврейское издательство в стране²⁰².

Неожиданно блажелательная по отношению к евреям позиция ЦК меньше всего была вызвана внезапным ростом симпатий к ним

в советских верхах. Просто это было следствием принятого там решения, нацеленного на пропагандистскую обработку союзников. Своеобразным сигналом к началу этой игры стал радиомитинг «представителей еврейского народа», транслировавшийся 24 августа на США и другие союзные страны. Конечно, Михозлс, Маркиш, Эренбург, С.Я. Маршак, С.М. Эйзенштейн и другие участники этой акции отнюдь не догадывались о ее глубинной политической подоплеке. И хотя тексты их выступлений были предварительно тщательно отредактированы в ЦК, это не помешало им, исполненным патриотических чувств, искренне заклеить варварские преступления гитлеровцев²⁰³. В результате произведенный на Западе эффект превзошел самые оптимистические ожидания Москвы. В ответ на прозвучавшее из советской столицы «Обращение к мировому еврейству» в странах-союзниках стали создаваться еврейские организации по сбору средств для нужд Красной армии: в США, где проживало свыше 5 млн. евреев, — Комитет еврейских писателей, артистов и ученых во главе с А. Эйнштейном и классиком еврейской литературы Ш. Ашем, а также Еврейский совет помощи России во главе с адвокатом Л. Левиным; в Англии с ее 400-тысячным еврейским населением — Еврейский фонд для Советской России во главе с лордом Натаном; в Мексике — Еврейская лига помощи Советскому Союзу. Аналогичные благотворительные структуры возникли также в Южной Африке, Австралии, Палестине, странах Южной Америки.

За годы войны евреями во всем мире было передано в фонд помощи СССР около 45 млн. долларов. Так с 1941 года началось продолжавшееся потом в течение семи лет сотрудничество советских властей с мировым сионизмом. В тот год такие видные деятели этого международного еврейского движения, как Х. Вейцман, Д. Бен-Гурион и другие, провели деловые встречи с советскими послами в Англии и США И.М. Майским и К.А. Уманским*. Руководство Всемирной сионистской организации пошло на эти контакты не только потому, что предвосхищало послевоенное превращение СССР в великую мировую державу, способную сыграть существенную роль в решении палестинской проблемы, но еще и для того, чтобы попытаться смягчить жесткую антиссионистскую внутреннюю политику большевиков. Ободренные тем, что СССР вступил в военный союз с западными демократиями, сионистские лидеры, питая иллюзии по поводу возможной либерализации сталинского режима, стали добиваться от Кремля освобождения арестованных и сосланных сионистов (так называемых узников Сиона), а также подняли вопрос о

* В дальнейшем регулярные контакты с сионистами Кремль осуществлял сначала через советское посольство в Турции, а с весны 1944 года — через посольство в Египте.

выезде в Палестину советских евреев, имеющих там близких родственников, и о массовой эмиграции из СССР польских евреев²⁰⁴.

Принимая во внимание то, что налаживание сотрудничества с мировым еврейством превратилось для руководства страны в важную задачу и могло обернуться уже в ближайшем будущем крупными политическими и материальными дивидендами, свою лепту в развитие еврейского пропагандистского проекта решил внести и всеильный НКВД, вступивший тем самым в негласную конкуренцию с аппаратом ЦК. Нарком внутренних дел Берия быстро понял, что влиять на международную еврейскую общественность куда сподручнее через специально созданную для этих целей национальную организацию, чем с помощью митингов и других эпизодических акций.

«ДЕЛО ЭРЛИХА—АЛЬТЕРА»

Важное место в этих планах Берии занимали находившиеся на «почечении» его ведомства два польских гражданина еврейского происхождения — Генрик Эрлих* и Виктор Альтер. Оба являлись видными руководителями Бунда и потому были арестованы советской контрразведкой вскоре после присоединения к СССР в 1939 году западных областей Белоруссии и Украины. Эрлиха взяли под стражу 4 октября в Брест-Литовске, а Альтера — неделей раньше в Ковеле. Как важных политических пленников их привезли сразу же в Москву и обвинили в связи с польской контрразведкой, принадлежности к буржуазно-националистическому подполью и критике внешней политики Советского Союза, в частности пакта Молотова—Риббентропа. После нападения Германии на СССР в силу бюрократическо-следственной инерции ни одно из этих обвинений так и не было пересмотрено, и в конце июля — начале августа 1941 года Эрлиху и Альтеру были вынесены смертные приговоры. Однако вместо приведения их в исполнение 27 августа им неожиданно объявили о замене смертной казни 10 годами тюремного заключения и даже стали обещать скорое освобождение, одновременно интересуясь, как они относятся к идее создания в СССР еврейской антинацистской общественной организации, которую они могли бы возглавить. На предложение сотрудничать с НКВД, которое предположительно исходило от Берии, время от времени присутствовавшего на допросах, Эрлих и Альтер ответили согласием. И 13 сентября они были освобождены, превратившись в одночасье из бесправных заключенных в особо уважаемых иностранцев. В гостинице «Метрополь» им были предоставлены комфортабельные апартаменты, но не для отдыха после

* Г. Эрлих был женат на дочери еврейского историка С.М. Дубнова, погибшего в декабре 1941 года в рижском гетто.

пережитого в тюрьме стресса, а для работы. Вскоре там объявился капитан НКВД В.А. Волковысский, который не только ранее вел следствие по их делу, но и, курируя в своем ведомстве польское направление, был назначен офицером связи между советскими властями и руководством формировавшейся на территории СССР польской армии генерала В. Андерса. Выразив для проформы сожаление своим бывшим подследственным по поводу трудностей, перенесенных ими в заключении, он сразу же перешел к обсуждению конкретных вопросов формирования еврейского комитета. А через несколько дней помощник Волковысского капитан Хазанович организовал встречу польских бундовцев с Михозлсом, Маркишем и другими деятелями советской еврейской общественности. В результате этих консультаций было решено создать в СССР международный Еврейский антигитлеровский комитет, председателем которого должен был стать Эрлих, вице-председателем — Михозлс, а ответственным секретарем — Альтер. По совету Берии эти соображения были в виде письма направлены в начале октября Сталину. Теперь, прежде чем дальше что-то предпринимать, необходимо было по неписаному номенклатурно-придворному этикету дожидаться ответа из Кремля. Однако опьяненные свободой польские бундовцы и не думали следовать этому правилу, а все более активно действовали на свой страх и риск. Эвакуировавшись вместе со столичным чиновничеством в Куйбышев, они вошли в контакт с переместившимися туда же западными дипломатическими представителями, и в рамках своего проекта стали прорабатывать идею создания дочерних антифашистских комитетов в странах антигитлеровской коалиции, предложив, в частности, сформировать в США Еврейский легион с последующей отправкой его на советско-германский фронт. Особенно тесные взаимоотношения сложились у Альтера и Эрлиха с послами Великобритании и Польши — сэром С. Криппсом и проф. С. Котом, который передал им задание своего лондонского правительства, возглавлявшегося генералом В. Сикорским, принять участие в розыске рассеянных по Сибири польских офицеров, интернированных советскими властями в 1939 году. Дело зашло так далеко, что польские бундовцы, несмотря на принятое ими советское гражданство, стали самостоятельно готовиться к выезду на Запад: Альтер намеревался отправиться в Лондон и стать там представителем Бунда при польском эмигрантском правительстве, а Эрлих — в США. Однако этим планам не суждено было сбыться. Сталин хотя и надеялся на то, что с помощью сговорчивых лидеров Бунда ему удастся расширить западную мощь, тем не менее не мог не опасаться нежелательных последствий, которыми был чреват союз с независимыми от Москвы еврейскими «социал-реформистами». К тому же он не мог не знать о том, что оба деятеля Бунда несколько самонадеянно полагали (и не скрывали этого от окружающих), что им удастся реформировать советскую

систему в сторону политической либерализации, пробив «первую брешь», как они выражались, в «советской практике отстранения социалистов от участия в любой общественной деятельности...». Подозрения вождя, конечно, не укрылись от Берии, который подкрепил их информацией о связях Эрлиха и Альтера с иностранными спецслужбами, что и предопределило дальнейшую их судьбу. Вскоре они были вновь арестованы, причем в типичном для НКВД стиле. 3 декабря им позвонил капитан Хазанович, который, сообщив, что из Москвы прибыл представитель с ответом от Сталина*, попросил их ознакомиться с ним в управлении НКВД. На следующий день Эрлих и Альтер отправились туда, но обратно уже не вернулись. Прибывший из столицы полковник Л.Ф. Райхман вместо пакета из Кремля предъявил им ордера на арест, подписанные Берией. После этого их препроводили во внутреннюю тюрьму и заключили в одиночные камеры, номера которых (№ 41 и № 42) теперь стали как бы секретным кодом этих особо важных узников, используемым вместо имен в служебной переписке.

5 декабря польскому послу С. Коту была вручена подписанная заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским официальная нота, в которой арестованные руководители Бунда обвинялись в том, что действовали как «германские агенты». А после того как 7 декабря США вступили в войну и Красная армия осуществила удачное контрнаступление под Москвой, советское руководство, ободренное этим, решило, что может особенно не церемониться с польско-еврейскими узниками. В середине 1942 года, накануне отъезда Кота из России, Вышинский многозначительно заметил ему, что «Варшава обойдется без Эрлиха и Альтера». Тем самым как бы давалось понять, что они обречены. Это были не просто слова, а по сути смертный приговор, не оставлявший никакой надежды на освобождение, во всяком случае шестидесятилетнему Эрлиху. Психологически сломленный вторичным пребыванием в советской тюрьме,

* В тот же день в Москве Сталин и Молотов приняли польскую делегацию в составе В. Сикорского, С. Кота и генерала В. Андерса, с которыми среди прочего состоялся следующий обмен мнениями по поводу формировавшейся на территории СССР армии из числа польских граждан:

«Андерс: Я полагаю, что в моем распоряжении будет около 150 тыс. человек, но среди них много евреев, не желающих служить в армии.

Сталин: Евреи плохие солдаты.

Сикорский: Среди евреев, вступивших в армию, много торговцев с черного рынка и контрабандистов. Они никогда не будут хорошими солдатами. В польской армии мне такие люди не нужны.

Андерс: 250 евреев дезертировали из военного лагеря в Бузулуке, когда поступили ошибочные сообщения о бомбардировке Куйбышева. Более 50 евреев дезертировали из пятой дивизии перед раздачей оружия.

Сталин: Да, евреи плохие солдаты (205)».

он впал в отчаяние и 14 мая покончил жизнь самоубийством, повесившись на оконной решетке тюремной камеры. Эту смерть решено было держать в секрете, прежде всего от Альтера, который в том числе и в письмах к Сталину продолжал настаивать на объяснении причин своего ареста. Это требование он подкреплял угрозами предпринять «отчаянные меры». 10 июля он попросил у тюремного фельдшера цианистый калий, о чем тюремная администрация немедленно сообщила Берии, а тот, в свою очередь, приказал вести тщательное наблюдение за узником, улучшив его содержание.

После эвакуации в августе армии Андерса из СССР отношения советского руководства с польским лондонским правительством стали ухудшаться (особенно после образования в СССР в январе 1943 г. Союза польских патриотов) и окончательно расстроились после того, как 13 апреля германское радио сообщило об обнаружении в Катынском лесу под Смоленском захоронения останков 10 тыс. польских офицеров, расстрелянных «еврейскими комиссарами»*. На этом политическом фоне «дело Эрлиха—Альтера» стало приобретать на Западе скандальный антисоветский привкус. С протестами выступили не только лондонские поляки, но и правые еврейские социалисты в США. Из Нью-Йорка советский генеральный консул В.А. Федонин доложил в Москву Лозовскому, что «местные реакционные еврейские организации... ведут... разнузданную кампанию, направленную против Советского Союза». А в начале 1943 года нобелевский лауреат А. Эйнштейн и президент Американской федерации труда У. Грин прямо обратились к Молотову с просьбой об освобождении Эрлиха и Альтера. Чтобы утихомирить союзников и международную общественность, советское руководство решило поставить их как бы перед свершившимся фактом. Для этого МИД подготовил официальное сообщение о казни арестованных бундовцев, якобы совершенной еще более года тому назад. 14 февраля 1943 г. Молотов направил проект этой ноты на согласование Берии, уведомив его при этом, что ее текст уже одобрен Сталиным. А через три дня, чтобы спрятать концы в воду, в куйбышевской тюрьме расстреляли Альтера, после казни которого майор НКВД С.И. Огольцев доложил заместителю Берии В.Н. Меркулову: «Все документы и записи, относящиеся к арестованному № 41... изъяты. Вещи сожжены».

Из опубликованной вскоре советской ноты мир узнал, что «в октябре и ноябре 1941 года Эрлих и Альтер систематически вели предательскую деятельность, призывая войска прекратить кровопролитие и немедленно заключить мир с фашистской Германией», и что за это по приговору военной коллегии Верховного суда СССР

* Речь идет о расстрелянных НКВД весной 1940 года по постановлению политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта пленных польских офицерах, находившихся в Козельском лагере.

от 23 декабря 1941 г. они были расстреляны. Скорее всего надуманный и демагогический вердикт был изготовлен задним числом для юридического обоснования исчезновения Эрлиха и Альтера и для сохранения советским руководством своего лица в глазах международного общественного мнения. Хотя также не исключено, что смертный приговор мог быть действительно вынесен в конце 1941 года, но не был тогда исполнен.

Поскольку престиж Советского Союза достиг после сталинградской победы наивысшего уровня на Западе, руководство союзников не оставалось ничего другого как поверить советской ноте. Администрация президента Рузвельта, старавшаяся не испортить отношений со Сталиным и загасить отравлявший их конфликт, попросила руководителя американского профсоюза швейников Д. Дубинского отказаться от готовившегося им митинга протеста. Такое же давление испытал на себе и У. Грин, ранее ходатайствовавший за Эрлиха и Альтера, а теперь обратившийся к Бунду с просьбой прекратить антисоветские выпады в связи с делом двух своих бывших членов²⁰⁶.

ЕВРЕЙСКИЙ АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ В СССР

Отказавшись от рискованного пропагандистского эксперимента с иностранцами, Сталин решил сделать ставку на полностью подвластную ему советскую еврейскую общественность. Тут-то и пригодился соответствующий вариант, давно подготовлявшийся Агитпропом. 15 декабря 1941 г. по предложению Щербакова на пост председателя пока что существовавшего в проекте Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) был назначен хорошо известный за границей выдающийся деятель еврейской культуры Михозлс (кстати, беспартийный), его заместителем и ответственным секретарем стал бывший бундовец и евсековец (член РКП с 1919 г.) Ш. Эпштейн, который долгое время жил в США, выполняя под личиной редактора коммунистической газеты секретные разведывательные задания по линии Коминтерна. В последующие месяцы развернулось организационное формирование ЕАК. 5 февраля Лозовский направил Щербакову предложения о принципах построения и функциях нового пропагандистского органа, который наряду с другими вновь созданными международными комитетами — всеславянским, женским, молодежным, советских ученых — должен был стать структурной частью СИБ. К апрелю—маю был определен персональный состав как самого комитета, так и его руководящего коллегиального органа — президиума, в который наряду с Михозлсом и Эпштейном вошли поэты И.С. Фефер, С.З. Галкин, П.Д. Маркиш, физиолог академик Л.С. Штерн, врач Б.А. Шимелиович, писатели Д.Р. Бергельсон, Л.М. Квитко и некоторые другие видные представители

еврейской общественности. Тогда же от ЦК было получено разрешение на издание центральной газеты на еврейском языке «Эйникайт» («Единение»), которая вначале выходила еженедельно, через год — еженедельно, а с ноября 1944 года — три раза в неделю. Силами ЕАК и редакции «Эйникайт» была создана разветвленная корреспондентская сеть, охватывавшая почти всю советскую территорию, и привлечены к сотрудничеству на долговременной основе авторы, пишущие на еврейские темы, что позволило в короткие сроки организовать отправку за границу статей и других пропагандистских материалов о трагедии и героизме советских евреев. Причем с самого начала было решено публиковать эти материалы на Западе не в коммунистической, а леволиберальной прессе, чтобы не получилось, как выразился Лозовский, «второго издания Коминтерна».

Перед ЕАК, который рассматривался Сталиным как потенциальный генератор еврейского национализма в стране и потому изначально был ориентирован исключительно на заграницу, прежде всего ставилась задача установить контакты с «прогрессивными» международными еврейскими организациями и вместе с ними просоветски настраивать мировую общественность. Немаловажной для Кремля была и перспектива использовать комитет как отмычку к богатствам Америки. Идея эта казалась столь заманчивой, что в конце концов ее перевели на практические рельсы, благо что в начале марта 1943 года Лозовский получил из Нью-Йорка от Еврейского совета Фонда военной помощи России (The Jewish Council for Russian War Relief) телеграмму, в которой настаивалось на приезде Михозлса и Фефера в США, где фонд, как было сказано, сможет собрать «огромные суммы» на нужды Красной армии. Лозовский поддержал эту идею и добился ее одобрения от Молотова и Щербакова²⁰⁷. После этого через коминтерновские каналы были установлены контакты с руководителем Еврейской секции Международного рабочего ордена (Jewish Section of the International Workers Order) в США Р. Зальцманом, который от имени Американского комитета еврейских писателей, артистов и ученых (The American Committee of Jewish Writers, Artists and Scientists) и Еврейского совета Фонда военной помощи России организовал официальные приглашения в Америку Михозлсу и Феферу. Поездка мыслилась как широкоовещательное пропагандистское турне по североамериканским городам. Всю организационную часть визита брал на себя левый американский журналист и общественный деятель Б.Ц. Гольдберг. Выходец из России (эмигрировал в 1907 г.), к тому же зять известного еврейского литературного классика Шолом-Алейхема, он начиная с 20-х годов тесно сотрудничал с советскими властями, и не только в делах, связанных с публикацией произведений своего прославленного родственника. Это тем не менее не помешало советской госбезопасности обвинить его позднее в связях с американ-

скими спецслужбами и инкриминировать руководству ЕАК контакты с ним.

Но это было потом, а пока Гольдберг, считаясь «лучшим другом» Советского Союза, в середине июня 1943 года встречал прилетевших через Тегеран в Нью-Йорк Михозлса и Фефера. Сразу же после официальной церемонии встречи прибывшие направились в советское генеральное консульство, где после обеда уединились для беседы с резидентом советской разведки в США В.М. Зарубиным. Тот соответствующим образом проинструктировал Михозлса и Фефера, обязав их для согласования действий с разведслужбой поддерживать с ним и его сотрудником Клариним постоянную связь²⁰⁸. А потом пестрой чередой последовали встречи, банкеты, приемы, многолюдные митинги, устраиваемые в честь советских гостей различными международными и американскими еврейскими общественно-политическими, культурными и благотворительными организациями. Кроме Нью-Йорка Михозлс и Фефер побывали в 14 крупных городах США, в том числе Питсбурге, Чикаго, Детройте, Бостоне, Лос-Анджелесе. В Нью-Йорке на стадионе Поло-Граунд с их участием прошел грандиозный митинг, собравший около 50 тыс. человек. На нем выступили еврейский писатель Шолом Аш, афроамериканский певец Поль Робсон, писатель Эптон Синклер и другие видные общественные деятели США. 16 июля «Правда», отмечая «крупный успех» этого митинга, упомянула, что на нем «особенно горячие овации вызывали упоминания имени товарища Сталина и советского народа как примера единства и сплочения вокруг своего вождя». В университетском городке Принстон Михозлс и Фефера принимал Альберт Эйнштейн. Во время состоявшегося между ними разговора хозяин, как бы реагируя на неоднократные публичные заявления в Америке своих гостей о полной ликвидации антисемитизма в СССР, скептически заметил, что антисемитизм — это тень евреев, сопутствующая им в любой стране. На западном побережье Соединенных Штатов, куда потом отправились делегаты советского еврейства, их встретили 10-тысячная аудитория в Сан-Франциско и виртуозное приветствие Иегуди Менухина, исполненное на скрипке. Потом был 7-тысячный митинг в Лос-Анджелесе, где гости посетили американскую киностолицу Голливуд. Там помимо таких известных кинодеятелей, как Чарли Чаплин, Жан Ренуар, актер Эдди Кантор, их приветствовали писатели Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Теодор Драйзер. Между прочим, Чаплин поведал тогда Михозлсу историю о том, как осенью 1941 года он был вызван в Вашингтон для объяснений в сенатской комиссии, обвинившей его в подстрекательстве к войне против Германии²⁰⁹. Впоследствии, в разгар маккартизма в 1952 году, Чаплин, обвиненный в симпатиях к коммунистам, вынужден был перебраться в Европу. Возвратился он в США только через 20 лет, после смерти

директора ФБР Э. Гувера, стараниями которого на всемирно известного артиста было создано полицейское досье, насчитывавшее более 1,5 тыс. страниц.

Руководителей ЕАК принимали также лидер сионизма — президент ВСО Хаим Вейцман, с которым Михозлс познакомился еще в 1928 году во время гастролей ГОСЕТа в Париже, а также руководители Всемирного еврейского конгресса (World Jewish Congress; ВЕК) Нахум Гольдман и раввин Стифен Уайз. Состоялась и встреча с представителями американской иудейской общины во главе с раввином Эпштейном, который просил содействия в установлении связей с председателем иудейской общины в Москве Самуилом Чобруцким и раввином Соломоном Шлифером.

Далее путь Михозлса и Фефера лежал в соседнюю Мексику. Эту поездку организовали местный писатель и журналист Маркос (Мордехай) Корона, придерживавшийся левосионистских взглядов и возглавлявший Лигу помощи Советскому Союзу (League for the Soviet Union), и посол СССР в Мексике К.А. Уманский. В середине августа они встречали Михозлса и Фефера в аэропорту Мехикосити, расцвеченном советскими, мексиканскими и бело-голубыми еврейскими флагами.

Михозлс хорошо знал Уманского, который рекомендовал его североамериканским сионистам как человека, пользовавшегося большим авторитетом в советских правительственных кругах. Уманский был незаурядной и в то же время трагической личностью. Отличный знаток русского авангарда в живописи, друг журналиста М.Е. Кольцова, он в 30-е годы работал корреспондентом ТАСС в странах Западной Европы, потом был направлен в НКВД, где занял должность заведующего отделом печати, которую наследовал после него Е.А. Гнедин. В 1939 году Уманского направили послом в США. А в критические для Советского Союза дни ноября 1941 года Уманский был отозван в Москву, передав свои полномочия более маститому дипломату М.М. Литвинову, имевшему ранг заместителя наркома иностранных дел. В НКВДе Уманскому предложили должность члена коллегии, курирующего ТАСС. Известно, что он совместно с П.А. Судоплатовым активно участвовал в подготовке «Сообщения информбюро НКВД СССР» о зверствах нацистов в отношении европейских и советских евреев, опубликованного 19 декабря 1942 г. Через несколько месяцев после этого в семью Уманского вошло большое горе. Его дочь Нина, учась в школе для детей высшей номенклатуры, подружилась с Володей Шахуриным, сыном наркома авиационной промышленности, и между ними возникло романтическое чувство, ставшее причиной последовавших вскоре трагических событий. Когда в мае 1943 года стало известно, что Нина уезжает в Мексику, куда ее отец получил назначение в качестве посла, молодые люди договорились о прощальной встрече. Во время их свидания на Камен-

ном мосту произошло бурное объяснение, закончившееся тем, что сын наркома в порыве отчаяния от предстоящей разлуки застрелил сначала девушку, а потом смертельно ранил себя самого. Расследование этого наделавшего немало шума происшествия поручили начальнику следственного отдела Прокуратуры СССР Л.Р. Шейнину Тот, установив, что орудием убийства послужил пистолет «Вальтер», переданный Володе Шахурину его другом Ваню Микояном (сыном А.И. Микояна), тем не менее не обнаружил в этом случае никаких признаков политического заговора, хотя жена наркома А.И. Шахуринина С.М. Лурье и утверждала, что имела место провокация гестапо. Это заявление могло показаться на первый взгляд странным и даже абсурдным, если бы не одно обстоятельство. Ведь согласно записям обнаруженного в ходе обыска дневника Володи Шахуринина он и его друзья из семейств А.И. Микояна, А.С. Аллилуевой, хирурга А.Н. Бакулева, американского бизнесмена А. Хаммера и других, начитавшись позаимствованной у отцов «Mein Kampf» (русский перевод книги был распространен по указанию Сталина в узком кругу советских руководителей), создали организацию «Четвертая империя» и тайно величали друг друга «рейхсфюрерами» и «группенфюрерами». Разумеется, расследованием этих обстоятельств занялись органы госбезопасности. Всего по этому скандальному делу, которое, конечно же, власти предпочли не предавать гласности и побыстрее замять, было арестовано восемь юношей, которые по окончании следствия были высланы из Москвы.

Возникла эта история не на пустом месте, ее истоки следует искать в предвоенной ситуации, сложившейся после подписания договора Молотова—Риббентропа, давшего довольно сильный импульс двухстороннему советско-германскому сотрудничеству, открытому — в экономике и негласному (на уровне обоюдодоприемлемого компромисса) — в сфере идеологии, выразившемуся, в частности, в замалчивании в СССР антиеврейского террора в Германии. К тому времени отца Володи Шахуринина, выходца из задавленной нуждой мещанско-крестьянской среды, волна «большого террора» вознесла на верхние этажи власти, ибо ему, 35-летнему и в общем-то еще малоопытному функционеру, Сталин доверил руководство такой важной и сложной оборонной отраслью, как авиационная*. Тогда от Наркомата авиационной промышленности в Германию было направлено несколько делегаций специалистов, которых в этой стране поразили не только высокий уровень развития авиации и изобилие

* До Шахуринина наркомом авиационной промышленности был брат Л.М. Кагановича М.М. Каганович. Подписывая постановление о его отставке, Сталин дал ему такую целостную характеристику: «Какой он парком? Что он понимает в авиации? Сколько лет живет в России, а по-русски как следует говорить не научился!» (210).

высококачественных товаров ширпотреба, но и тот внешний порядок во всем, которого за короткий срок смогли добиться новые властители этой страны. Возвращаясь домой, они не скрывали от коллег, родных и близких своего восхищения от увиденного за границей. Пиетет перед европейским шиком, так впечатлившим представителей новой («рабоче-крестьянской») советской технократии в Германии, видимо, передался их «кремлевским детям», породив в них увлечение призрачной нацистско-эсэсовской романтикой загадочной империи.

Еще одним следствием этой драматической истории стало введение уже упоминавшегося выше раздельного обучения в школах, где мальчикам и девочкам теперь предлагалось больше думать об учебе, а не о любви.

Жизнь К.А. Уманского, который активно сотрудничал с североамериканской еврейской общественностью*, также закончилась трагически. В январе 1945 года он погиб при загадочных обстоятельствах во время перелета в Коста-Рику. Четыре года власти Мексики проводили расследование и не пришли ни к чему определенному относительно причин авиационной катастрофы. Есть свидетельства, что к смерти дипломата был причастен резидент советской разведки в Мексике полковник Л.П. Василевский, который воевал летчиком в Испании, потом под фамилией «Тарасов» был консулом в Париже, а затем принял участие в операции по ликвидации Троцкого. Так или иначе, но в любом случае Уманский был скорее всего обречен. Его случайная или кем-то подстроенная смерть только приблизила неизбежный финал. Позже Эренбург напишет: «Может быть, и об Уманском следует сказать, что он умер вовремя?»²¹².

Думается, что гибель Уманского была каким-то образом связана с той державно-шовинистической кадровой кампанией, которая охватила советские внешнеполитические структуры с июня 1943 года, то есть сразу же после роспуска Коминтерна, чье делопроизводство было передано во вновь образованный и возглавленный А.С. Щербаковым отдел международной информации ЦК ВКП(б). Вскоре в Москву были отозваны со своих постов послы в США и Англии М.М. Литвинов и И.М. Майский, которые, правда, оставались на почетных, но реально малозначимых постах заместителей наркома иностранных дел, пока в 1946 году (когда государственный антисемитизм стал резко прогрессировать) не были отправлены на пенсию²¹³.

* В частности, Уманский встречался 15 августа 1944 г. с представителем Еврейского агентства для Палестины («Сохнута») Н. Гольдманом, заявив ему в самом начале, что хочет поговорить с ним («не в качестве посла, но как человек, заинтересованный в определенных вопросах и как русский, и как еврей»). Затем он высказался за участие советских евреев в конференции Всемирного еврейского конгресса в ноябре 1944 года в Атлантик-Сити и в пользу поездки Гольдмана в Россию (211).

...В Новом Свете Михозлс и Фефер помимо США и Мексики побывали еще в Канаде, где, например, в Монреале их приветствовал 10-тысячный митинг общественности. Возвращаясь на родину, они провели к тому же несколько недель в Англии. В Москву руководители ЕАК вернулись в декабре 1943 года. Пребывая в эйфории после своего триумфального заграничного турне, они какое-то время видели мир вокруг себя в радужном свете. Даже возникшая как бы вдруг проблема усилившегося антисемитизма в СССР казалась им тогда вполне преодолимой.

ВСПЫШКА АНТИСЕМИТИЗМА В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ

На самом деле до «полной победы» советских людей над этим злом, о чем Михозлс и Фефер возвестили на митинге в Лос-Анджелесе, было еще далеко. Ибо колоссальный социальный стресс военного времени (среди причин которого можно назвать массовую эвакуацию, в том числе и еврейского населения, на восток, трудности, связанные с размещением на новых местах и обеспечением всем необходимым), а также просачивавшаяся через линию фронта вражеская расистская пропаганда обусловили быстрое превращение юдофобии во все более массовое и социально обостренное явление советской жизни. Так называемый бытовой антисемитизм, впавший в летаргию со времени установления в начале 30-х годов сталинской диктатуры, теперь вновь ожил на фоне общей неустроенности, разлуки, других тягот и лишений, порожденных войной. В такие критические периоды всегда ищут и находят козлов отпущения.

На первый взгляд кажется странным, что особенно неблагоприятными в этом отношении были расположенные за тысячи километров от линии фронта такие области глубокого советского тыла, как Западная Сибирь, Казахстан, Средняя Азия. Но именно сюда с запада хлынули основные потоки сначала еврейских беженцев, а потом раненых фронтовиков и военных инвалидов, которые, участвуя в боевых действиях, зачастую подвергались воздействию гитлеровской пропаганды. Бытовой антисемитизм подогревался еще и тем, что в эти регионы была эвакуирована большая часть польских евреев, которые уже одним своим «экзотическим» видом и полной неприспособленностью к специфике советской жизни вызывали раздражение местного населения. К тому же многие из них, чтобы как-то прокормить себя и свои семьи, вынуждены были торговать на рынках и базарах, где часто вовлекались в конфликты с покупателями. Впрочем, негативную реакцию испытывали на себе и отоваривавшиеся на тех же рынках, так сказать, русские евреи (главным образом состоятельные служащие с эвакуированных предприятий и учреждений), готовые платить за все втридорога и тем самым способ-

ствовавшие росту и без того высоких цен. В одном из совершенно секретных сообщений 3 управления НКВД СССР, направленном в августе 1942 года на имя Берии, говорилось о том, что в Узбекистане в связи с приездом «по эвакуации значительного количества граждан СССР еврейской национальности антисоветские элементы, используя недовольство отдельных местных жителей уплотнением жилплощади, повышением рыночных цен и стремлением части эвакуированных евреев устроиться в систему торгующих, снабженческих и заготовительных организаций, активизировали контрреволюционную работу в направлении разжигания антисемитизма. В результате в Узбекистане имели место три случая избияния евреев, сопровождавшиеся антисемитскими выкриками». Несмотря на то, что тогда были произведены аресты хулиганствующих антисемитов и подстрекателей погромов, еврейское население Самарканда, Ташкента и других среднеазиатских городов было серьезно обеспокоено за свою безопасность.

Нечто подобное творилось тогда и в Казахстане. 15 октября прокурор СССР В.М. Бочков проинформировал через секретную почту заместителя председателя СНК СССР А.Я. Вышинского о том, что если по всей республике за первое полугодие 1942 года за погромную агитацию, подстрекательство и хулиганские действия против эвакуированных евреев было осуждено 20 человек, то за период с 1 августа по 4 сентября только в Алма-Атинской и Семипалатинской областях — уже 42 человека²¹⁴.

Однако не везде власти принимали предусмотренные законом меры к обузданию страстей на национальной почве. Кое-где местное начальство, явно пользуясь попустительством центра, предпочитало «не замечать» проявлений юдофобии. Вот что сообщал, например, в мае 1943 года редактору газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенбергу писатель А.Н. Степанов, находившийся тогда в эвакуации в г. Фрунзе (Киргизия):

«Об антисемитизме. Демобилизованные из армии раненые являются главными его распространителями. Они открыто говорят, что евреи уклоняются от войны, сидят по тылам на тепленьких местечках и ведут настоящую погромную агитацию. Я был свидетелем, как евреев выгоняли из очередей, избивали даже женщин те же безногие калеки. Раненые в отпусках часто возглавляют такие хулиганские выходки. Со стороны милиции по отношению к таким проступкам проявляется преступная мягкость, граничащая с прямым попустительством»²¹⁵.

Ортенберг сразу же направил эту информацию в ЦК для принятия надлежащих мер. Впрочем, 30 июля он сам был вызван на Старую площадь, но не по описанному выше делу. Принявший его Щербаков объявил ему о постановлении ЦК назначить вместо него другого редактора «Красной звезды». На вопрос же обескураженного таким решением Ортенберга, как объявить сотрудникам редакции о мотивах столь неожиданной отставки, тот невозмутимо

ответил: «Скажите, что без мотивировки». Размышляя впоследствии о причинах своего смещения, Ортенберг вспомнил, как за несколько месяцев до этого Щербаков также вдруг вызвал его и без объяснений потребовал очистить центральную армейскую газету от евреев²¹⁶.

Единственный, кто мог бы заступиться за Ортенберга, был покровительствующий ему Мехлис, содействовавший его назначению 30 июня 1941 г. ответственным редактором «Красной звезды»*, однако тот все еще ощущал на себе недовольство Сталина**, возложившего на него как представителя Ставки Верховного Главнокомандования ответственность за разгром в мае 1942 года советской группировки на Керченском полуострове. Тогда Мехлис был смещен с поста заместителя наркома обороны и вынужден был передать Щербакову свои полномочия руководителя Главпура.

Изгнанный из газеты Ортенберг тем не менее продолжал служить на других должностях в армейских политорганах, пока в 1949 году, в разгар борьбы с космополитизмом, вновь не почувствовал себя неуютно. Желая предотвратить нежелательное для него развитие событий, он счел тогда за благо продемонстрировать свою преданность Сталину и написал ему письмо, в котором наряду с прочим просил ответить, в чем он был виноват в 1943 году и за что его сняли тогда с должности редактора «Красной звезды». Вместе с другой корреспонденцией, адресованной Сталину, это послание попало к Поскребышеву, прочитавшему следующую предназначенную для него приписку Ортенберга:

«Вы меня осчастливите на всю жизнь, если доложите это письмо товарищу Сталину. Отдаю судьбу письма полностью в Ваши руки и прошу Вас, дорогой Александр Николаевич, как родного отца, чуткого и отзывчивого, о снисхождении: если письмо скверное, вернуть его мне, чтобы больше к нему никогда не возвращаться».

Однако несмотря на столь уничижительное обращение, письмо так и не дошло до адресата, как, впрочем, и не было отправлено обратно автору. Развитие дальнейших событий показало, что предчувствие не обмануло Ортенберга: в апреле 1950 года его отстранили от исполнения обязанностей заместителя начальника политуправления Московского района ПВО, а 29 июля демобилизовали из армии, и опять без объяснения причин²¹⁹.

Набиравший силу государственный антисемитизм проявлялся не только в виде закулисных кадровых люстраций, но иногда даже в открытой печати, и опять же в завуалированной форме. В январе

* По версии самого Ортенберга, Мехлис тогда вызвал его в Главпур и сказал: «Решение о вашем назначении принято лично Сталиным при активной поддержке Жукова» (217).

** Потом Мехлис как-то признался: «После Керчи Сталин полгода со мной не разговаривал» (218).

1943 года в журнале «Большевик» появилась статья председателя президиума Верховного совета РСФСР и заместителя председателя президиума Верховного совета СССР А.Е. Бадаева*, в которой этот старый большевик, бывший депутат IV Государственной думы, предварительно процитировав слова Сталина о том, что «дружба народов СССР — большое и серьезное завоевание», привел статистику национального состава военнослужащих, награжденных боевыми орденами и медалями. Указав отдельно, сколько было таковых среди русских, украинцев, белорусов, он в самом конце этого списка, перечисляя уже чехом, без конкретных цифр, все другие национальности, чьи представители удостоились государственных наград за полтора года войны, упомянул после бурят, черкесов, хакасов, аварцев, кумыков, якутов — и евреев. Налицо было явное стремление принизить заслуги последних в вооруженной борьбе с врагом. Ведь по данным главного управления кадров Наркомата обороны СССР на 15 января 1943 г., евреи находились на четвертом месте по числу награжденных (6767) после русских (187 178), украинцев (44 344) и белорусов (7 210). Более того, через полгода евреи опередили по полученным наградам белорусов и вышли на третье место**²²².

Возмущенные пренебрежительным отношением к боевым заслугам целого народа, руководители ЕАК Михоэлс и Эпштейн направили 2 апреля записку Щербакову, в которой высказали опасение, что подобная подача информации может быть использована «гитлеровскими агентами», распространявшими слухи о том, что «евреи не воюют». Однако этот демарш не имел последствий. Подобно многим аналогичным документам, письмо сразу же было направлено Щербаковым в архив***²²⁴. Недовольство секретаря ЦК по идеоло-

* Карьера Бадаева, над чьим образом мужественного борца с царизмом и несгибаемого большевика, преданного делу Ленина — Сталина, изрядно потрудилась советская пропаганда, вскоре потерпела неожиданный и позорный крах: в апреле 1943 года Бадаев за непотребное и скандальное поведение в Туве и Монголии, куда был направлен во главе делегации Верховного Совета РСФСР, был снят с занимаемых постов и отправлен в отставку (220).

** На 1 июня 1943 г. среди удостоенных боевых наград уже числилось 11 908 евреев, а на 1 января 1944 г. — 32 067 евреев, а всего за годы войны боевые ордена и медали получили 123 822 еврея (221).

*** О том, какие чувства испытывал Щербаков, сплавляя это послание в архив, можно судить по жирному вопросительному знаку, начертанному им, видимо, в раздражении рядом со словами о том, что «второй пленум ЕАК прошел под знаком Вашего указания (то есть указания Щербакова. — *Авт.*): больше и ярче подчеркнуть героизм еврейских масс Советского Союза против фашизма...». Между прочим, зная об особой озабоченности Щербакова «еврейским вопросом», Молотов и другие члены политбюро, случалось, над ним подтрунивали в присутствии Сталина, называя то Щербаковером, то Щербаковским (223).

гии было вызвано, наверное, и тем обстоятельством, что в ходе второго пленума ЕАК, открывшегося 18 февраля в Москве принятием приветствия Сталину*, впервые во всеуслышание было сказано о растущем антисемитизме внутри страны. Инициатором постановки этой проблемы выступил Эренбург, призвавший начать борьбу с «микробами антисемитизма», распространяющимися как во фронтовых частях, так и в глубоком тылу. Позднее он прямо заявил, что «ради пропаганды против фашизма среди евреев за рубежом нечего было создавать Еврейский антифашистский комитет, ибо евреи меньше всего нуждаются в антифашистской пропаганде» и что «главная задача ЕАК — в борьбе против антисемитизма у нас в стране». И хотя подобная дискуссия находила свое отражение разве только на страницах малотиражной еврейской «Эйникайт», тем не менее сама несанкционированная сверху попытка руководства ЕАК заняться наряду с внешнеполитической пропагандой еще и внутренними проблемами советского еврейства не могла не встревожить Старую площадь. И аппарат ЦК, не надеясь более только на Эпштейна, этого давнего осведомителя органов, решил усилить надзор над ЕАК. С этой целью было произведено кадровое «укрепление» СИБ: вместо В.С. Кружкова, «ослабившего» контроль за еврейским комитетом**, 9 июня 1943 г. на должность ответственного секретаря был направлен заместитель Александрова Н.И. Кондаков, который должен был более жесткими методами, чем его предшественник, негласно противостоять «либерализму» Лозовского. Помимо этого, выступая месяцем позже в СИБ, Щербаков потребовал расширить круг авторов, пишущих для агентства «за счет русских людей, за счет украинцев и белорусов», так как «каждый из этих народов... располагает высокограмотной интеллигенцией»²²⁶.

Данное ему поручение Кондаков выполнял с усердием, присущим недалекому и твердолобым натурам. Уже через несколько месяцев после своего назначения он без обиняков заявил руководителям ЕАК, что они «приспосабливаются к сионистам» и что дальнейшее существование комитета «излишне»²²⁷. В 1944 году нападки на «еаковцев» со стороны Кондакова, считавшего себя глазами и ушами ЦК в стане замаскированных еврейских националистов, заметно усилились. Не довольствуясь более мелкими доносами, он подготовил объемную докладную записку на имя Щербакова с характерным названием

* В этом приветствии были и такие строки: «Миллионы наших братьев и сестер, как и сыны и дочери других народов, подпавших под ярмо людоеда Гитлера, истекают кровью. Нет границ страданиям еврейских народных масс. Гибель и уничтожение нависло над их головами. Горе матерей и стоны детей, заживо погребенных, потрясают мир («Эбен микир миз'ак!» — «Камни стен вопиют!»)» (225).

** В наказание за нерасторопность Кружков был направлен на менее значимый пост заместителя редактора журнала «Война и рабочий класс».

«О националистической линии в работе Еврейского антифашистского комитета», которая впоследствии была приобщена в качестве уличающего материала к «делу ЕАК»²²⁸. Однако вскоре деятельность Кондакова в СИБ завершилась так же неожиданно, как и началась. Очередная финансовая ревизия, проводившаяся там летом 1944 года, выявила серьезные корыстные злоупотребления с его стороны, и он с позором был отправлен на низовую работу, причем проигнорированы были его истеричные письма, которыми он, угрожая покончить жизнь самоубийством, пытался воздействовать на Щербакова и на заместителя председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова²²⁹.

Ожегшись на Кондакове, в ЦК прибегли к более тонкой тактике сдерживания «националистической тенденции» в деятельности ЕАК: в июле в состав президиума комитета были введены такие далекие от еврейской культуры, но всецело преданные идее сталинского большевизма функционеры, как М.И. Губельман (председатель ЦК профсоюза работников государственной торговли, брат Е. Ярославского), Л.А. Шейнин (начальник Высших инженерных курсов Наркомата путей сообщения, личный друг Л.М. Кагановича), который сначала отказывался от этого назначения, ссылаясь на незнание еврейского языка, но потом дал согласие под нажимом Щербакова, С.Л. Брегман (заместитель наркома государственного контроля РСФСР) и З.А. Бриккер (председатель ЦК профсоюза кинофотоработников). Оценивая последующую их работу в ЕАК, можно сказать, что они оправдали оказанное им «доверие» (особенно Брегман), став проводниками усилий партаппарата, направленных против «националистического перерождения» ЕАК и превращения его в «наркомат по еврейским делам»²³⁰.

Вместе с тем за призывы бороться с внутренним антисемитизмом был чувствительно одернут Эренбург, который хоть и критиковал только бытовое юдофобию, но никак не антисемитизм сталинских верхов, о котором если бы даже и знал, то вынужден был помалкивать, тем не менее, сам того не сознавая, вторгся в опасную для непосвященных сферу тайной государственной политики. Правда, наказание последовало не сразу. Пока война была в разгаре, Эренбурга ограждала от мести номенклатурных верхов, нагнетавших антисемитские настроения в стране, его огромная популярность в народе, заслуженная талантливым, эмоционально насыщенной и шедшей, что называется, от души антифашистской и антинемецкой публицистикой*, и, конечно же, то, что он был в фаворе у Сталина.

* В одном из писем марта 1944 года Эренбург признавался: «Я не люблю немцев (не только нацистов, но и нацию)». Правда, еще раньше он признал, что и среди немцев есть добрые и порядочные люди, но в условиях войны, развязанной агрессивным нацизмом, они подобны божьей коровке на спине обезумевшего разъяренного слона, уничтожающего на своем пути все, живое (231).

Однако когда боевые действия перекинулись на территорию рейха и скорый разгром гитлеризма стал очевидным, некоторые обстоятельства, раньше оберегавшие Эренбурга, теперь обернулись против него. Ему, утверждавшему с начала войны, что «немец по природе своей зверь», была уготована роль козла отпущения, на которого сталинское руководство решило переложить ответственность за издержки пропаганды бескомпромиссной ненависти к врагу. 14 апреля 1945 г. в «Правде» появилась статья Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», в которой писатель выставлялся чуть ли не главным виновником вспышки антинемецких настроений и эксцессов, ознаменовавших вступление советских войск на территорию Германии. Тем самым руководитель УПиА одним выстрелом убивал двух зайцев: преподал строптивому литератору публичный урок послушания и выполнил указание Сталина начать психологическую перестройку армии*.

Обескураженный показательной моральной поркой, Эренбург уже на следующий день обратился к Сталину. «Я выражал не какую-то свою линию, а чувства нашего народа... — писал он. — Ни редакторы, ни Отдел печати мне не говорили, что я пишу неправильно... Статья, напечатанная в Ц[ентральном] О[ргане], естественно, создает вокруг меня атмосферу осуждения и моральной изоляции. Я верю в Вашу справедливость и прошу Вас решить, заслужено ли это мной»²³³. Однако это послание благодаря сложившейся системе номенклатурного прикрытия, когда помощник Сталина Поскребышев не докладывал своему шефу «малозначительную» информацию, критикующую ЦК, так и не дошло до адресата. Оно сразу же оказалось в секретариате Маленкова, а оттуда попало по уже ставшему традиционным в таких случаях маршруту в архив**.

Именно с этого времени Эренбург дистанцировался от ЕАК и еврейских проблем и уже остерегался во всеуслышание обличать антисемитские настроения в стране, поняв окончательно, что в противном случае он рискует противопоставить себя весьма могущественным силам. Ведь в еврейской среде уже несколько лет ходили упорные слухи о том, что главные антисемиты засели в ЦК и именно оттуда исходят циркуляры со странными дискриминационными новациями

* Характерно, что 20 апреля появился приказ Ставки Верховного Главнокомандования, потребовавший от наступающих войск «изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и гражданскому населению, и обращаться с ними лучше», ибо, как объяснялось далее, «более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне» (232).

** Правда, возможно, чтобы предотвратить повторное обращение Эренбурга к Сталину, чиновники со Старой площади вынуждены были пойти с ним «на мировую», дав санкцию на публикацию уже 10 мая его большой статьи в «Правде».

в области национальной политики*. И хотя в действительности никаких письменных антиеврейских директив не рассылалось (так как такое действие формально подпадало под статью закона о преследовании за возбуждение национальной розни), устные указания такого характера, несомненно, были, что подтверждается многочисленными свидетельствами.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОПАГАНДЫ ПАТРИОТИЗМА

Тем временем шовинизация власти, начавшаяся еще с конца 30-х годов, прогрессировала с каждым месяцем. Происходил этот процесс под прикрытием патриотической пропаганды, интенсивное наращивание которой обычно сопутствует критическим для любой нации периодам. Весьма примечательно на сей счет мнение известного обличителя коммунистической утопии Джорджа Оруэлла, писавшего в годы войны:

«А отчего русские с такой яростью сопротивляются немецкому вторжению? Отчасти, видимо, их воодушевляет еще не до конца забытый идеал социалистической утопии, но прежде всего — необходимость защитить Святыню Русь («священную землю отечества» и т.п.)... Энергия, действительно делающая мир тем, что он есть, порождается чувствами — национальной гордостью, преклонением перед вождем, религиозной верой, воинственным пылом — словом, эмоциями, от которых либерально настроенные интеллигенты отмахиваются бездумно, как от пережитка»²³⁵.

В этой связи невольно вспоминается знаменитое четверостишие К.М. Симонова, написанное в критические дни ноября 1941 года:

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем:
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.

* Впервые о подготовленном аппаратом ЦК «секретном постановлении» и «конфиденциальной инструкции» о введении процентной нормы для евреев, поступающих в вузы, а также о снятии их с ответственных постов в учреждениях и на предприятиях, было упомянуто со ссылкой на анонимные свидетельства в изданной в начале холодной войны книге перебежавшего в сентябре 1945 года на Запад советского военного разведчика И.С. Гузенко «The Iron Curtain» («Железный занавес») (New York, 1948, p. 157). В период «перестройки» нечто похожее стал утверждать публицист Р.А. Медведев, в одном из сочинений которого говорится, в частности, о том, что осенью 1944 года ЦК якобы разослал всем парткомам так называемый маленковский циркуляр, положивший начало дискриминационной политике советских властей в отношении евреев (234).

Позднее поэт вспоминал:

«То значение, которое имел для нас Сталин в тот момент, когда писались эти стихи, мне не кажется преувеличенным... оно исторически верно»²³⁶.

Даже специалисты из геббельсовского ведомства видели в Сталине некую «spiritus gestos» («вдохновляющую силу»), стимулирующую патриотический настрой народов СССР²³⁷. Сам же советский вождь предпочитал использовать для укрепления морального состояния общества пропаганду национально-культурных достижений и ратной славы предков. В ноябре 1941 года он благословил защитников отечества славными именами Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Пушкина, Льва Толстого и других выдающихся представителей «великой русской нации»²³⁸.

Такая апелляция к патриотизму русских, на чьи плечи легло основное бремя войны, была не только оправдана, но и необходима в то судьбоносное время. Уместно было и учреждение в конце июля 1942 года новых боевых орденов — Суворова, Кутузова и Александра Невского, а потом, в октябре 1943 года, — и ордена Богдана Хмельницкого, символизировавшего единство славянских народов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками²³⁹. Получалось, что сталинский режим в интересах самовывживания в критический для него период вынужден был поощрять и направлять в конструктивное русло здоровый патриотизм народа, который инстинктивно проявился в тяжкую годину. Но поскольку социально-политическая природа режима оставалась неизменной, параллельно он прибегал и к спекуляциям на патриотических идеалах, в том числе и для прикрытия все более усиливавшейся внутриаппаратной борьбы. Ведь высшая номенклатура не была некой аморфной безликой массой; слепым орудием вождя. За внешним идилическим единством верхнего слоя партийно-государственной бюрократии была скрыта перманентная борьба существовавших в нем группировок, имевших свои специфические интересы. И Сталин не только не препятствовал этой внутриноменклатурной грызне, а наоборот, в интересах укрепления собственного единовластия постоянно срамливал своих придворных, чтобы в решающий момент, поддержав ту или иную сторону в очередной подковерной схватке, определить победителей и покорить побежденных.

Начало нового раунда закулисной борьбы в сталинском окружении пришлось на лето 1942 года. В сфере идеологии эту борьбу с переменным успехом вели еще с довоенного времени «ленинградская» умеренно-патриотическая группировка, возглавлявшаяся Ждановым, и стоявшие на более жестких позициях (порой явно шовинистических) партаппаратчики во главе с Щербаковым, поддерживаемым Маленковым. Предпоследний, будучи одновременно секретарем ЦК по пропаганде, первым секретарем МК и МГК ВКП(б), начальни-

ком ГлавПУ Красной армии, председателем Совета военно-политической пропаганды, заместителем наркома обороны и начальником СИБ, и пользуясь при этом явным благорасположением Сталина, сосредоточил в своих руках немалую власть. Д.Т. Шепилов, хорошо знакомый с нюансами придворной жизни при Сталине и впоследствии отмечавший, что вождь «мог осуществлять и осуществлять... монополию власти через доверенных лиц — фаворитов, которые периодически менялись», подчеркивал:

«Фаворит, всегда нагруженный большим количеством высших постов и облеченный полным доверием, сам на определенное время становился монополистом»²⁴⁰.

Именно с середины 1942 года благодаря усилиям Щербакова и стоявшего за ним Александрова стала набирать обороты ура-патриотическая идеологическая кампания, отличительными особенностями которой явились, с одной стороны, безудержное (порой даже, что называется, с усердием сверх разума) восхваление всего русского — в истории, науке, культуре и т.д., а с другой — насаждение исподволь* антизападных настроений, подпитывавших идиосинкразию ко всему иноземному и породивших после войны яростную пропагандистскую атаку против «космополитов».

Симптоматично, например, что в январе 1943 года Щербаков и опекаемый им Александров забраковали текст статьи «О мировом значении русской культуры», подготовленной для печати председателем правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) В.С. Кеменовым, продолжавшим по инерции утверждать (может быть, вследствие своей неосведомленности в идеологических переменах наверху), что, рассматривая русскую культуру вне связи с культурой других стран, «очень легко впасть в славянофильство»²⁴¹.

Такая точка зрения больше не имела права на существование, о чем вскоре без экивоков было заявлено в одной из передовиц газеты «Литература и искусство». Воспитываемому «в глубоком уважении к русской национальной культуре советскому народу», утверждалось в этом рупоре Агитпропа, «чуждо нигилистическое отношение к художественным богатствам своего народа, которое обычно сопровождается рабским преклонением перед всем заграничным и характеризует людей без почвы, без родины, без племени»**²⁴².

* Пока шла война, сталинское руководство воздерживалось от явной ксенофобии, дорожа тогда отношениями с западными союзниками.

** Следует напомнить, что в годы Первой мировой войны уже наблюдалось нечто подобное. Тогда черносотенная газета «Русское знамя» взывала к «сферам»: «Нынешние дни надлежит считать временем могучего пробуждения национальной гордости и самосознания русского народа. Немец — это только повод. России пора освободиться от всякой иноземщины» (242).

ИНТРИГИ НА ИСТОРИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ «ФРОНТАХ»

Не случайно именно тогда по инициативе Щербакова началось нагнетание патриотического пафоса в сферу общественных наук. Выступая 31 июля 1942 г. на заседании бюро МГК ВКП(б), секретарь ЦК по пропаганде вдруг вспомнил, что «уже в конце 1935 года по указанию Центрального комитета был поставлен вопрос о Минине и Пожарском, о том, что Минин и Пожарский полячишек из Москвы гнали». «...Поставленные вопросы многих удивили, — развивал он свою мысль далее. — ...Много было нигилизма к своей русской истории (непонимание наследства), а затем поняли. После постановления ЦК партии было издано много книг о Минине и Пожарском, об Александре Невском... Это указание ЦК партии было связано с разгромом троцкистских и бухаринских историков, с разгромом школы Покровского — вот это куда вело»²⁴³.

Практической перестройкой пропаганды в духе интерпретируемых Щербаковым указаний Сталина занялся непосредственно Александров, все более активно заявлявший о себе на руководящей партийно-идеологической ниве. Заботясь о своем патриотическом имидже, он взял под свое покровительство ту часть университетско-академической профессуры, которая, приняв за чистую монету новые спекулятивно-патриотические веяния в ЦК, стала активно выступать за полную реабилитацию русской истории, со всеми ее царями, государственными и военными деятелями, заклеятыми после революции как душители свободы, тираны и реакционеры. Это были такие историки-государственники, как Е.В. Тарле, А.Е. Ефимов, А.И. Яковлев, Б.И. Сыромятников, С.К. Бушуев, П.П. Смирнов, а также армянский писатель-публицист Х.Г. Аджемян. Им противостояла группа ученых, стоявших на большевистско-интернационалистических позициях, объединившихся вокруг заместителя директора Института истории АН СССР А.М. Панкратовой — ученицы М.Н. Покровского, развенчанного Сталиным еще в 1936 году. Наиболее заметными фигурами среди ее единомышленников были И.И. Минц, М.В. Нечкина, С.В. Бахрушин, В.И. Лебедев, Н.Л. Рубинштейн и некоторые другие историки. Они обвиняли своих оппонентов в приверженности антимарксистским методам исследования, «выхолащивании классового содержания исторического процесса». В частности, Тарле они упрекали за призыв отказаться от использования в научных трудах таких ярлыков применительно к дореволюционной России, как «жандарм Европы», «тюрьма народов». Профессору Бушуеву, руководившему тогда Дипломатической академией, ставили в вину то, что под лозунгом «Добить национальный нигилизм» он потребовал исторического оправдания для таких столпов русского самодержавия, как

граф А.А. Аракчеев, консервативный издатель М.Н. Катков, оберпрокурор Священного синода К.П. Победоносцев²⁴⁴.

Страсти накалились летом 1943 года, когда под редакцией Панкратовой вышли учебник для средней школы «История СССР» и монография «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Особое недовольство Агитпропа вызвал последний труд, содержание которого там сочли противоречащим сталинской концепции о завоевательной политике царизма как «наименьшем зле» в сравнении с сепаратистским национализмом, провоцировавшимся на окраинах империи Великобританией и другими конкурировавшими с Россией колониальными державами. Прямо назвав эту книгу «антирусской», Александров организовал написание историками-государственниками негативных отзывов на нее. Наиболее неприемлемую позицию в отношении Панкратовой занял член корреспондент АН СССР Яковлев, обвинивший ее в том, что она вместе со своим соредктором М. Абдыкалыковым* льет воду на мельницу казахских националистов и проявляет «недоброжелательство не только к политике русской императорской власти, но к самому русскому народу»²⁴⁵.

Подобная критика Панкратовой не была случайной. Искушенный в перипетиях кремлевской политики, Александров** знал о «больном месте» Сталина, крайне озабоченного тогда ростом разбуженного войной национального самосознания народов СССР, или, проще говоря, стихийного национализма (казахского, украинского, башкирского, еврейского и любого другого, в том числе, как ни парадоксально, и русского), что воспринималось им как главная угроза единству красной империи. Этому политическому вызову советское руководство противопоставило неординарные решения в рамках принятого в середине 30-х годов государственно-патриотического курса в идеологии. Важнейшим из них стал отказ в начале 1944 года от революционного «Интернационала» и принятие нового государственного гимна, начинавшегося словами: «Союз неруши-

* До июля 1942 года Абдыкалыков был наркомом просвещения Казахстана, а потом секретарем ЦК КП(б) республики по идеологии.

** В подтверждение того, что Александров не только отлично разбирался в хитросплетениях сталинской национальной политики, но и педантично следовал ей в практических делах, можно привести следующий конкретный факт. Когда после состоявшегося в Киеве 29 ноября 1943 г. митинга по случаю освобождения города от гитлеровцев его участники направили Александрову на согласование текст принятого ими послания «Украинский народ — великому русскому народу», тот запретил его публиковать только на том основании, что русский и украинский народы называются в нем равными. Тогда как, по мнению Александрова (основанном на доктрине Сталина), «всеми признано, что русский народ является старшим братом в семье народов Советского Союза» (246).

мый республик свободных сплотила навеки великая Русь». Примечательно, что первоначально как один из самых удачных рассматривался значительно более «прорусский» вариант гимна, представленный поэтом еврейского происхождения О.Я. Колычевым:

Славься Россия, наша Держава!
Славьтесь народы русской земли!
Нашей державы стяг величавый
Сквозь испытания мы пронесли.
Слава народам, в дружбе живущим!
Славься Россия — дружбы оплот!
Славься вовеки наш всемогущий,
Непобедимый русский народ!²⁴⁷

На этой великорусской волне критика Панкратовой еще больше усилилась. Стремясь найти защиту от коллег-оппонентов и, самое главное, от стоявших за их спинами Щербакова и Александрова, она 2 марта 1944 г. направила письмо Жданову (с кем была знакома с середины 30-х годов как руководителем разработки учебников по гражданской истории) с просьбой об аудиенции «для личных и более детальных объяснений»²⁴⁸. В то время Жданов, будучи в столице наездом из Ленинграда, по-видимому, встретился с историком и решил ей помочь. Правда, второго человека в партии скорее всего волновала не столько судьба этой женщины, сколько нежелательные для него последствия дальнейшего усиления конкурирующей группировки в ЦК. На первых порах Жданов действовал не так активно, как, наверное, хотел бы: дела в Ленинграде отнимали почти все его время и силы. Тем не менее ситуация на «идеологическом фронте» и так складывалась для него благоприятным образом, чему способствовали следующие обстоятельства.

В начале 1944 года вокруг начавшей выходить еще перед войной под эгидой Агитпропа многотомной «Истории философии» разгорелся громкий скандал. Поводом к нему послужило письмо Сталину философа З.Я. Белецкого, который подверг резкой критике вышедший в 1943 году третий том этого издания. В частности, он утверждал, что в нем содержатся крупные ошибки в освещении истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX века и имеет место не критический подход создателей к теоретическому наследию Г. Гегеля, И. Фихте и других германских мыслителей, «реакционные воззрения» которых были взяты на вооружение нацистскими идеологами. Особую пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что несколькими месяцами ранее редакторы тома — Александров, Митин, Юдин и Б.Э. Быховский получили за него Сталинскую премию. Боясь усугубить свое положение, Александров, смирив аппаратную гордыню, решил на время затаиться и не реагировать на критику. Но не бездействовал, а, отводя удар от себя и направляя его на дру-

гих, спровоцировал на ответные действия своих соредкторов — Митина и Юдина, которые вскоре предоставили на его имя записку в ЦК, в которой Белецкий обвинялся во всех смертных грехах, в том числе в вульгаризации марксизма, «покровщине», в демагогическом выстраивании «примитивной» идейно-философской логической «цепочки»: Кант—Фихте—Шеллинг—Гегель—Ницше—Геббельс. Кроме того, они выступили против антинемецкой истерии*, поразившей советскую пропаганду и выразили опасение по поводу усиливающейся в ней из месяца в месяц тенденции возвеличивать все русское. Своим неосторожным призывом к умеренности, к отказу от явных проявлений германофобии и шовинизма Митин и Юдин, сами того не ведая, в одночасье превратили себя в козлов отпущения в этой истории. Дело оставалось за малым: представить их таковыми в глазах кремлевского руководства, что и было сделано Александровым, который переслал письмо своих бывших соредкторов Маленкову, снабдив его соответствующим комментарием. Тот в свою очередь ознакомил с этим материалом Сталина, получив от него полномочия навести порядок на «философском фронте». И вот закономерный итог: на прошедшем в феврале—марте 1944 года под председательством Маленкова совещании в ЦК Митин и Юдин предстали в качестве главных обвиняемых. На нем умеренный антигерманизм последних, обосновываемый известным высказыванием Сталина о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»²⁵⁰, подвергся особенно яростным словесным атакам со стороны таких известных партпочвенников, как Щербаков и Шаталин**. С нападкаими выступили и коллеги-

* В частности, они призывали прекратить использование в печати уничижительной клички немцев «фрицы» и критиковали выступивших осенью 1943 года на сессии АН СССР историка Тарле и писателя А.Н. Толстого за то, что первый заявил, что история Германии только в том и состояла, чтобы подготовить нападение на Россию, ее захват и колонизацию, а второго — за эмоциональное высказывание о том, что «крылатые девы Валькирии — прообраз «фокке-вульфов» и «мессершмиттов» — есть то, что вечно реет над безумным взором немца, известного врага гуманитарной цивилизации» (249).

** На заседании в ЦК 11 марта 1944 г. Шаталин, обращаясь к Митину и Юдину, в частности заявил: «Почему вы сейчас нашли время для того, чтобы защищать немцев? Немцы сами себя защищать будут, когда мы их будем вешать, а вы нашли время — на трех заседаниях все немцев защищаете. И это в Отечественную войну». Выступивший затем Щербаков сказал: «Наш враг — немцы. Выиграть такую небывалую войну нельзя без того, чтобы не ненавидеть наших врагов-немцев всем своим существом. В этом направлении известную работу проделали Толстой, Эренбург, Тарле. Разве не главное сейчас разбить немцев? А Юдин сидит в башне из слововой кости, проповедует принцип «наука ради науки» и не хочет видеть, что творится в жизни» (251).

философы, доказывавшие прямую связь идеологии нацизма с классической немецкой философией*.

Так началась атака на тех, кто в начале 30-х годов, сокрушив «меньшевиствующий идеализм», захватил руководящие позиции в советской философии. Представляя казенно-догматическую философскую школу, оперировавшую в основном цитатами классиков марксизма-ленинизма и прикрывавшую свою интеллектуальную убогость быстрой освоением талмудизмом и начетничеством, Митин и Юдин в период почти всеобщей идейной шовинизации не смогли проявить «диалектическую гибкость» и преодолеть советский академический снобизм и марксистско-ленинскую ортодоксальность** (в том числе и ленинский постулат о немецкой классической философии как об одном из гносеологических источников марксизма), за что и поплатились.

Все это было на руку Александрову, который, подставив под огонь критики Митина и Юдина, а также сам приняв участие в их травле на совещании в ЦК, свел к минимуму обвинения в свой адрес. Вместе с Пospelовым и с замом по Агитпрому П.Н. Федосеевым он подготовил и направил Маленкову и Щербакову справку «по затронутому в ходе обсуждений по истории философии вопросу о «школе Покровского»», в которой детально разбирались «неосознанные рецидивы покровщины» в выступлениях Митина и Юдина в ЦК. С целью более основательного опорочивания последних, да и не только их (косвенным образом удар наносился и по Панкратовой), в документе приводился длинный перечень уже полузабытых прегрешений самого Покровского: отрицал прогрессивное значение крещения Руси, называл Петра I «неудачным реформатором» и «пьяницей», начало войны 1812 года охарактеризовал в том духе, что «русские помещики напали на Наполеона»; утверждал, что патриотизма нет, а существует только национализм («Наука не имеет никаких оснований проводить резкую черту между «несимпатичным»

* На первом заседании в ЦК 25 февраля Белецкий обратился к Митину со следующими словами: «Вы доказывали в третьем томе, что фашистская философия не имеет никакого отношения к прошлой идейной истории Германии... Вам известно, что перед войной фашисты ежегодно устраивали гегелевские философские конгрессы... и организовывали фихтевские научные общества?...». Тогда же Белецкого поддержал Кольман: «Я сам видел в трофейных походных библиотеках гитлеровских офицеров литературу с выдержками из Фихте, подстегивающими их против нас. Это не случайность...» (252).

** По этому поводу выступивший на совещании будущий преемник Юдина по руководству Институтом философии АН СССР В.И. Светлов ехидно заметил: «Об Институте философии говорят как о замкнутой и отгороженной от жизни и от других наук «вещи в себе» на Волхонке» (253).

национализмом и «симпатичным» патриотизмом. Оба растут на одном корню»), в 1912–1914 годах сотрудничал с Троцким, издав к юбилею основания дома Романовых совместный сборник «Триста лет позора нашего»²⁵⁴.

Тем не менее, несмотря на головоломное интриганство, полностью выйти сухим из воды Александрову все же не удалось. Подготовленное при участии Жданова постановление ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 г. «О недостатках в научной работе в области философии» содержало не только кары в отношении Митина и Юдина*, но и отстраняло начальника Агитпропа от дальнейшего редактирования многотомной «Истории философии». Кроме того, аннулировалось ранее принятое решение о присуждении коллективу создателей третьего тома Сталинской премии, и его стали изымать из книготорговой сети и библиотек²⁵⁶.

Ободренная таким поворотом событий, Панкратова 12 мая обратилась к Сталину, Жданову, Маленкову и Щербакову с письмом, в котором обвинила Александрова и работников его аппарата в существенных упущениях на «историческом фронте», одновременно предложив по примеру проведенного в ЦК обсуждения философских вопросов созвать там же и совещание историков. И таковое вскоре состоялось. Однако находившийся в Ленинграде Жданов не принял в нем участия (только 19 июля он окончательно переедет в Москву). Тем не менее, ознакомившись с материалами дискуссии и используя полученные от Панкратовой обстоятельные письма о ситуации в исторической науке, он быстро вошел в курс дела, а затем перешел в наступление против Щербакова и Александрова — своих главных конкурентов в борьбе за идеологическое лидерство в партии. Первое, чего он добился, было отклонение проекта постановления политбюро, предложенного Александровым по итогам совещания историков в ЦК. Вместо него Жданов в августе—сентябре подготовил несколько вариантов тезисов «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР», в которых в осторожной (после продолжительного отсутствия его положение в Москве не было еще особенно устойчивым), но все же достаточно откровенной форме одернул Александрова. Он даже осудил антисемитизм как «неотъемлемую принадлежность великодержавной политики царизма», а опекаемых Агитпропом историков старой школы подверг критике за их попытки «идеализировать» царский режим, основанный «на унижении, звер-

* Митин не только был снят с поста директора Института Маркса—Энгельса—Ленина, на который был назначен ставленник Александрова В.С. Кружков, но и освобожден от должности редактора журнала «Под знаменем марксизма», закрытого, правда, вскоре по постановлению оргбюро ЦК от 26 июля 1943 г. Юдину же пришлось поплатиться креслом директора Института философии (255).

ском угнетении всех нерусских народов, раздувании ненависти ко всем нерусским... насаждении резни и погромов». Для проформы Жданов слегка пожурил и Панкратову за повторение ошибок школы Покровского. Одновременно в целях укрепления идеологической основы национального единства в стране он обозначил свое видение советского патриотизма, который, согласно его трактовке, с одной стороны, «вырос на почве интернационализма», а с другой — «не имеет ничего общего с безродным и беспочвенным космополитизмом» и базируется на «любви всех советских народов к своему социалистическому отечеству — СССР»²⁵⁷.

Этот изощренный демагогический маневр пришелся, очевидно, по душе Сталину, которого Жданов, видимо, смог убедить в том, что дальнейшая массивированная пропаганда идеи русского великодержавия чревата негативной реакцией других советских народов и угрозой целостности большевистской империи. О взаимопонимании в этом вопросе между Сталиным и Ждановым свидетельствовало хотя бы то, что сформулированное последним определение советского патриотизма «Правда» 17 ноября процитировала как «классическое» и приписала, разумеется, вождю.

Поскольку положение Жданова как главного интерпретатора идей вождя заметно укреплялось, осознавший это Александров обратился 30 августа к нему, а также Маленкову и Щербакову (в записке начальника Агитпропа была соблюдена именно такая неслучайная последовательность имен секретарей ЦК) с жалобой на Панкратову, обвиняя ее уже в антипартийных и фракционных методах борьбы против аппарата ЦК и принадлежности сначала, в 1917–1918 годах, к партии левых эсеров, а потом к «троцкистской группировке Фридлянда — Ванага». Удар был нанесен, что называется, «ниже пояса». Запахло крупным скандалом, перед угрозой которого спасовал и сам Жданов, вынужденный пойти на временный компромисс с группировкой Щербакова. Лишившейся высокого покровительства Панкратовой пришлось теперь поплатиться за свой дерзкий вызов главе Агитпропа. Дальнейшая ее судьба была решена 5 сентября в ходе недолгого разговора Жданова с Щербаковым, по окончании которого в кабинет второго секретаря ЦК были приглашены ожидавшие в приемной Александров и Панкратова и последней было объявлено о ее увольнении с поста заместителя директора Института истории²⁵⁸.

ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ЧИСТОТУ РУССКОГО ИСКУССТВА

В случае с Панкратовой, как в капле воды, отразилась та полная хитросплетений аппаратная игра, без проникновения в суть которой трудно разобраться в том, почему одновременно с активизацией

цековской группировки крайних партпочвенников и нарастанием в пропаганде ура-патриотической риторики с бюрократической неуклюжестью и прямолинейностью возобновилось приостановленное было с началом войны так называемое национальное регулирование руководящих кадров. Призванная, по мысли организаторов, обеспечить приоритет русских в ключевых сферах жизнедеятельности общества, эта политика была по сути своей шовинистической, причем с весьма ощутимым антисемитским душком. Еще перед Второй мировой войной, обличая немецких нацистов, как, впрочем, и их явных и тайных последователей в том, что касается преследования евреев, русский философ Н.А. Бердяев писал:

«В основе антисемитизма лежит бездарность. Когда изъявляют претензию на то, что Эйнштейн, открывший теорию относительности, еврей, что еврей Фрейд, еврей Бергсон, то это есть претензии бездарности. В этом есть что-то жалкое... Борьба с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И униительно думать, что свобода оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для неевреев»²⁵⁹.

Подобные резоны вряд ли брались в расчет сталинским руководством. В противном случае в наиболее драматические дни битвы под Сталинградом не закипели бы вдруг в ближайшем окружении вождя страсти вокруг вопроса «о подборе и выдвижении кадров в искусстве». Именно так была озаглавлена докладная записка УПиА, направленная 17 августа 1942 г. Александровым секретарям ЦК Маленкову, Щербакову и Андрееву. Начиналась она с определения сути проблемы:

«...Отсутствие правильной и твердой партийной линии в деле развития советского искусства в Комитете по делам искусств при СНК СССР и имеющийся самотек в работе учреждений искусства привели к извращениям политики партии в деле подбора, выдвижения и воспитания руководящего состава учреждений искусства, а также вокалистов, музыкантов, режиссеров, критиков и поставили наши театры и музыкальные учреждения в крайне тяжелое положение».

Далее краски, живописующие кадровую ситуацию в сфере культуры, еще более сгущались, и делался вывод о том, что там правят бал «нерусские люди (преимущественно евреи)», а «русские люди оказались в меньшинстве». Затем следовал подбор подкреплявших это фактов. Начав с Большого театра, названного в записке «центром и вышкой русской музыкальной культуры и оперного искусства СССР», ее авторы утверждали, что «руководящий состав» этого театра «целиком нерусский». Столь решительный тезис иллюстрировался для наглядности следующей таблицей:

«Исполняющий обязанности директора Большого театра	Леонтьев	еврей	беспартийный
Главный режиссер и дирижер	Самосуд	еврей	беспартийный
Дирижер	Файер	еврей	член ВКП(б)
Дирижер	Мелик-Пашаев	армянин	беспартийный
Дирижер	Штейнберг	еврей	беспартийный
Дирижер	Небольсин	русский	беспартийный
До последних дней был зам. директора филиала Большого театра	Габович	еврей	член ВКП(б)
Художественный руководитель балета	Мессерер	еврей	беспартийный
Зав. хором	Купер	еврей	беспартийный
Зав. оркестром	Кауфман	еврей	беспартийный
Главный концертмейстер	Жук	еврей	член ВКП(б)
Главный администратор	Садовников	еврей	беспартийный».

Не лучше, по мнению партийных культуртрегеров, обстояли дела в Московской государственной консерватории, где все «почти полностью находится в руках нерусских людей»: директор Гольденвейзер — «еврей, его заместитель Столяров — еврей... основные кафедры в консерватории (фортепиано, скрипка, пение, история музыки находятся в руках евреев... Фейнберга, Ямпольского, Мострас, Дорлиак, Гедике, Пекелиса и др.». Не забыли авторы записки упомянуть и руководителей Ленинградской государственной консерватории еврейского происхождения — Островского, Штейнберга, Эйдлина, Гинзбурга. Констатировалось, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народной песне, а большинство известных музыкантов и вокалистов — Ойстрах, Э. Гилельс, Л. Гилельс, Флиер, Фихтенгольц, Гинзбург, Пантофель-Нечецкая имеют в своем репертуаре главным образом произведения западноевропейских композиторов.

«Волюющие извращения национальной политики» были обнаружены и в деятельности московской филармонии, где «всеми делами вершат делец, не имеющий никакого отношения к музыке, беспартийный Локшин — еврей, и группа его приближенных администраторов-евреев: Гинзбург, Векслер, Арканов и др.» «В результате... — говорилось далее в записке, — из штата филармонии были отчислены почти все русские: лауреаты международных конкурсов — Брюшков, Козолупова, Емельянова; талантливые исполнители и вокалисты — Сахаров, Королев, Выспрева, Ярославцев, Ельчанинова и др.

В штате же филармонии остались почти все евреи: Фихтенгольц, Лиза Гилельс, Гольдштейн, Флиер, Эмиль Гилельс, Тамаркина, Зак, М. Гринберг, Ямпольский и др.».

Столь же негативно оценивалась и музыкальная критика, в которой также отмечалось «преобладание нерусских»: Шлифштейн, Рабинович, Гринберг, Коган, Альтванг, Гольденвейзер, Житомирский, Мазель, Цукерман, Хубов, Долгополов, Келдыш, Глебов, которые в своих статьях якобы замалчивали, в частности, творчество «лучшего советского пианиста Софроницкого (русского)» и давали «пространные отзывы о концертах Э. Гилельса, Ойстраха, Фихтенгольца и др.».

Рассуждения о «еврейском засилье» в искусстве подкреплялись выводом о том, что «неправильному, тенденциозному, одностороннему освещению в печати вопросов музыки... способствует то обстоятельство, что во главе отделов литературы и искусства... газет стоят также нерусские»:

«Правда»	зав. отделом литературы и искусства	Юнович	еврейка
«Известия»	—	Войтинская	еврейка
«Вечерняя Москва»	—	Орликова	еврейка
«Литература и искусство»	зав. музыкаль- ным отделом	Рабинович	еврей
—	зав. отделом театра	Бассехес	еврей
—	секретарь редакции	Горелик	еврей
Директор издатель- ства «Музгиз»		Гринберг	еврей

Записка заканчивалась требованием «вменить в обязанность Комитету по делам искусств при СНК СССР проводить последовательную и неуклонно правильную политику в области искусства», для чего предлагалось «разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров» и «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства»²⁶⁰.

Столь подробное цитирование этого любопытного документа, думается, позволит читателю составить представление о менталитете шовинистского крыла высшего партчиновничества, тем более что подобное аппаратное творчество дало серьезные политические плоды, подняв мутную волну антисемитизма в сфере культуры. Спровоцированная номенклатурно-партийными верхами негласная кампания борьбы за «чистоту русского искусства» помимо прочего стимулировалась таким специфическим пороком советской культурной сферы, как прогрессирующий интеллектуальный конформизм твор-

ческой элиты, внутри которой шла перманентная борьба за место под солнцем.

Как непосредственный отклик на записку Агитпропа от 17 августа 1942 г. следует рассматривать последовавшее 19 ноября решение председателя Комитета по делам искусств М.Б. Храпченко заменить А.Б. Гольденвейзера*, «имеющего преклонный возраст», на посту директора Московской консерватории композитором В.Я. Шебалиным. Масштабы антиеврейской чистки в консерватории могли бы быть более значительными, если бы в защиту преследуемых не выступила элита музыкальной культуры страны, в том числе выдающиеся русские музыканты. Когда, например, в сентябре 1943 года над профессором по классу скрипки Е.М. Гузиковым нависла угроза увольнения, такие известные композиторы, как Н.Я. Мясковский, Д.Д. Шостакович и Ю.А. Шапорин подписали петицию в его поддержку**.

Но однажды запущенный механизм чистки продолжал набирать обороты. Тот же Храпченко 22 мая 1943 г. представил Щербакову «Список руководящих работников в области искусства евреев по национальности», содержащий 14 кандидатур на увольнение, среди которых значились директора ведущих московских и ленинградских театров²⁶³.

Уловив суть веяний на олимпе власти, руководитель другого ведомства, управлявшего культурой, — Комитета по делам кинемато-

* В дальнейшем Гольденвейзер, лишенный административного поста, более уже не рассматривался чиновниками как «засоритель» кадров консерватории. В 1946 году ему даже присвоили звание народного артиста СССР, а в 1947-м вручили Сталинскую премию. Когда после постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» Шебалин, обвиненный в формализме, был смещен с должности директора Московской консерватории, творчество Гольденвейзера как представителя старой академической школы стало котироваться особенно высоко. Однако игры с «пятым пунктом» для него не закончились. В 1950 году, когда музыканту исполнилось 70 лет, его решили представить к награждению орденом Трудового Красного Знамени. Но чтобы соответствующее решение прошло через политбюро, Комитету по делам искусств пришлось пойти на маленькую хитрость: указать в документах, направленных в ЦК, что «Гольденвейзер Александр Борисович — русский», хотя при этом и уточнить на всякий случай: «отец — еврейского происхождения» (261).

** Так же решительно протестовали деятели музыкальной культуры и против антисемитов в собственных рядах. Скажем, 9 октября 1944 г. на заседании президиума оргкомитета Союза советских композиторов (ССК) выступили композиторы А.И. Хачатурян, Д.Б. Кабалевский, Н.Я. Мясковский и некоторые их коллеги, которые осудили Б.А.М., известного в будущем композитора-песенника, который незадолго до этого, ворвавшись в сильноном подпитии в бильярдную клуба ССК с криками «долой жидовское царство» и «бей жидов — спасай Россию», устроил там антисемитский дебош (262).

графии при СНК СССР И.Г. Большаков решил внести свою лепту в дело национально-кадрового очищения искусства. 24 октября 1942 г. он доложил Щербакову об отклонении им предложения С.М. Эйзенштейна утвердить актрису Ф.Г. Раневскую на роль княгини Ефросинии Старицкой в снимавшемся им фильме «Иван Грозный». Свое решение чиновник мотивировал тем, что «семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах». А чтобы у секретаря ЦК не возникло сомнений в справедливости этого довода, к письму прилагались фотографии (анфас, профиль) кинопроб Раневской. Столь веские в то время аргументы сделали свое дело, и дочь зажиточного коммерсанта и старосты таганрогской хоральной синагоги Григория Фельдмана так и не сыграла в фильме Эйзенштейна, несмотря на все старания режиссера и его помощников на Алма-Атинской киностудии²⁶⁴.

5 апреля 1943 г. Большаков с чувством гордости за работу вверенного ему ведомства рапортовал Маленкову, что из числа молодых режиссеров, кинооператоров, художников и сценаристов, подготовленных в последнее время Всесоюзным институтом кинематографии, Кинокомитет «отобрал наиболее одаренных и способных товарищей, главным образом русских...». «Это, — отмечалось далее, — будет иметь огромное значение в деле освежения кинематографических кадров...»²⁶⁵.

Примерно в это же время, видимо не без участия руководства Комитета по делам кинематографии, была выдвинута идея переименования киностудии «Мосфильм» в «Русьфильм» с последующей переориентацией этой крупнейшей в стране кинофабрики на производство продукции по исключительно русской национальной тематике. Русскими должны были быть и кинематографические кадры — режиссеры, актеры и другие специалисты, работающие на этой киностудии. Одни известные кинорежиссеры (например, И.А. Пырьев) благосклонно отнеслись к этому проекту, другие, напротив, стали протестовать. Среди последних наиболее мужественно держался М.И. Ромм, направивший свои возражения Сталину в виде пространного письма. В нем известный киномастер обращал внимание вождя на то, что его «детище — советская кинематография находится... в небывалом состоянии разброда, растерянности и упадка», причем, по мнению Ромма, причины кризисных явлений в кино коренились отнюдь не в трудностях военного времени, а носили во многом субъективный характер. В качестве главного виновника этой искусственно созданной негативной ситуации в письме назывался Большаков, и вот почему:

«За последние месяцы в кинематографии, — писал Ромм, — произошло 15–20 перемещений и снятий крупных работников (в частности, приказом Большакова были смещены тогда со своих постов художественные руководители Алма-Атинской киностудии Ю.Я. Райзман и Л.З. Трауберг. — *Авт.*)...

Все... перемещения и снятия не объяснимы никакими политическими и деловыми соображениями. А так как все снятые работники оказались евреями, а заменившие их — не евреями, то кое-кто после первого периода недоумения стал объяснять эти перемещения антиеврейскими тенденциями в руководстве Комитета по делам кинематографии».

Завершая свое послание, Ромм с горечью писал о собственных противоречивых чувствах:

«Проверяя себя, я убедился, что за последние месяцы мне очень часто приходится вспоминать о своем еврейском происхождении, хотя до сих пор я за 25 лет советской власти никогда не думал об этом, ибо родился в Иркутске, вырос в Москве, говорю только по-русски и чувствовал себя всегда русским, полноценным. Если даже у меня появляются такие мысли, то, значит, в кинематографии очень неблагоприятно, особенно если вспомнить, что мы ведем войну с фашизмом, начертавшим антисемитизм на своем знамени»²⁶⁶.

Позже Ромм был приглашен в ЦК к Александрову, который хорошо поставленным профессорским голосом разъяснил ему политику партии по национальному вопросу, а также пообещал возвратиться на «Мосфильм» некоторых уволенных оттуда работников-евреев. У режиссера тогда сложилось впечатление, что цеховское начальство стремится как можно быстрее замять нежелательный для него скандал. Возможно, поэтому проект создания «Русьфильма» очень скоро был свернут.

Произошли сбои в антиеврейской чистке и на «вышке русской музыкальной культуры», как витиевато называл Александров Большой театр. Вместо предложенной им тотальной замены кадров еврейской национальности были уволены только исполнявший обязанности директора Я.Л. Леонтьев, а также художественный руководитель и главный дирижер С.А. Самосуд. Видимо, это было связано с опасением Сталина (тот часто бывал в Большом, считавшемся с мая 1930 г. правительственным театром, и контролировал лично ситуацию в нем), как бы борьба «за чистоту русского искусства» не привела к дезорганизации и развалу ее главного очага. К такой мысли вождя, возможно, подвел Жданов, который был в курсе этого дела. Ведь по его рекомендации новыми директором и художественным руководителем Большого театра были утверждены, соответственно, Ф.П. Бондаренко и А.М. Пазовский, которые занимали аналогичные должности в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова. И если первый был русским, то второй — сыном крещеного еврея-кантониста²⁶⁷.

Явно неудовлетворенный такими результатами, Александров вместе со своим заместителем по Агитпропу Т.М. Зуевой* направил

* С 1940 по 1945 год Зуева работала заведующей отделом культурно-просветительных учреждений УПиА, затем председателем Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР. В 1949 году была назначена заместителем председателя СМ РСФСР, находясь одновременно в руководстве Комитета советских женщин.

15 июля 1943 г. в секретариат ЦК новую записку, озаглавленную «О работе Государственного академического Большого театра Союза ССР». И опять все тот же псевдопатриотический пафос, что и в аналогичном послании годичной давности, все те же таблицы «руководящего состава, подобранного односторонне по национальному признаку», в которых преобладали еврейские фамилии. И в заключение — истеричный вывод о том, что «Большой театр стоит перед угрозой серьезного кризиса и требует укрепления руководящими работниками»²⁶⁸.

Однако на сей раз вообще никакой реакции сверху не последовало, что, впрочем, не смутило неугомонного Александрова, который принялся наводить порядок в другом бывшем императорском театре — Малом. Здесь в качестве главной жертвы он избрал старого мхатовца, соратника К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко И.Я. Судакова. Добившись ранее его смещения с поста директора Малого театра, Александров 20 июля поставил перед Щербаковым вопрос об отстранении Судакова и от должности художественного руководителя. Но так как приведенные Александровым доводы о том, что «творческий стиль» Судакова «чужд» Малому театру, не убедили Сталина (поскольку и тут последнее слово было за ним), захлебнулась и эта агитпроповская атака. Правда, чтобы взять реванш, высокопоставленным недоброжелателям Судакова не пришлось ждать слишком долго. Благоприятный случай подвернулся, когда осенью 1944 года в Малом театре прошла премьера пьесы А.Н. Толстого «Иван Грозный». На спектакле побывал и Сталин, которому он не понравился, возможно, из-за эмоционального перехлеста в сцене прощания царя Ивана с мертвой царичей. Пользуясь благоприятным случаем, 25 октября Щербаков представил Сталину рукопись подготовленной для «Правды»* статьи крупного в будущем партидеолога Л.Ф. Ильичева, который желчно раскритиковал новую работу Судакова, используя такие уничижительные эпитеты и оценки, как «грубый провинциализм», «пошленькая аффектация», «режиссер сбивает... актеров с реалистического пути»²⁶⁹.

Расчет руководства партпропаганды на то, что Сталин не стерпит театральных «издевательств» над любимым им персонажем русской истории, оказался верным. Вскоре новым художественным руководителем Малого театра был назначен П.М. Садовский. Однако на этом травля Судакова не закончилась. Весной 1947 года с подачи Александрова его изгнали и из МХАТа, где он работал еще с 1916 года. После этого режиссер оказался отлученным от любимого искусства,

* В этой газете 15 марта 1940 г. появилась статья Судакова, которую он посвятил 50-летию юбилею своего талантливого соплеменника С.М. Михозлса, о чем, конечно, не забыли в Агитпропе.

занимаясь исключительно педагогической деятельностью. И только через три года директор автомобильного завода им. Сталина И.А. Лихачев рискнул взять его руководителем театральной самодеятельности в Доме культуры предприятия²⁷⁰.

АНТИСЕМИТСКИЙ НАЖИМ НА ЖУРНАЛИСТИКУ И ЛИТЕРАТУРУ

Тем временем карьера члена редколлегии «Правды» Ильичева, соучаствовавшего в травле Судакова, наоборот, пошла в гору. 22 ноября 1944 г. его назначили главным редактором «Известий». Прежний руководитель этой газеты Л.Я. Ровинский незадолго до этого подвергся нападкам со стороны УПиА, инкриминировавшего ему целый набор прегрешений: «безответственное отношение к редактированию газеты» («почти в каждом номере имеют место грубые грамматические ошибки», «уродуется русский литературный язык», «без надобности употребляются иностранные слова»), опубликовал «хвалебную» статью о художнике Л.В. Сойфертисе, чье творчество отмечено «грубыми формалистическими тенденциями», обошел молчанием всероссийский смотр русских хоров, проводившийся по постановлению политбюро от 15 мая 1944 г., и, наконец, допустил «засорение» редакции такими кадрами, как О.С. Войтинская, С.Г. Розенберг, В.В. Беликов, Б.Л. Белогорский-Вайсберг. Кроме того, Ровинскому припомнили его пребывание в 1917–1918 годах в партии меньшевиков. Впрочем, из-за особенно острого в годы войны дефицита квалифицированных журналистов всех евреев тогда из «Известий» не уволили, временно отложив завершение чистки. С новой силой она возобновилась с конца 1946 года, после того как Ильичев представил в ЦК следующие данные о национальном составе редакции: из 184 сотрудников газеты 144 — русские, 27 — евреи, пять — украинцы, восемь — представители других национальностей²⁷¹.

Проводить кадровые перетряски в редакциях газет, журналов и в издательствах кадровикам со Старой площади было и проще, и сподручней. Во всяком случае, им не приходилось преодолевать тех проблем, которые обычно возникали при увольнении, скажем, известных деятелей искусства нежелательной национальности (из-за заступничества влиятельных покровителей, коллег и т.п.). Очень оперативно и деловито прошла, например, проверка национального состава сотрудников Учпедгиза. Руководивший этим «мероприятием» первый заместитель начальника управления кадров ЦК Шаталин доложил в мае 1943 года Маленкову о том, что в издательстве выявлена большая «засоренность» кадров «нерусскими людьми» (назывался в том числе и видный специалист по русскому

языку Д.Э. Розенталь), за что предлагал сделать внушение руководству Наркомпроса РСФСР, в чьем ведении находился Учпедгиз: «Хорошо бы вызвать т. Потемкина на секретариат и втолковать ему это дело». Нетрудно догадаться, какое именно «дело» собирались «втолковать» в ЦК наркому просвещения Потемкину, которому уже в силу того, что он принадлежал к старой рафинированной интеллигенции, да к тому же еще являлся крупным гебраистом, защитившим в начале века докторат о еврейских пророках, с большим трудом давалась антисемитская «наука» сталинского аппарата. Во всяком случае, 17 мая секретариат ЦК признал «ненормальным» положение дел в Учпедгизе и поручил Александрову предложить соответствующие «оргвыводы» по этому издательству²⁷².

Шовинистический угар, нагнетавшийся сверху прежде всего в гуманитарную сферу, конечно, не обошел стороной и святая святых соцреализма — Союз советских писателей СССР (ССП) и все его структуры. Причем и тут руководству ЦК при проведении в жизнь новой национально-кадровой политики пришлось столкнуться с определенными трудностями, главная из которых была связана с руководителем союза А.А. Фадеевым. Став в 1926 году секретарем Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и издав вскоре роман «Разгром», этот литератор приобрел популярность в широких массах и поддержку в верхах. На встрече в 1932 году бывшего руководства РАППа* (распущенного к тому времени) с членами политбюро (знаменитое свидание в особняке М. Горького) Фадеева заметил Сталин. Вождь, назвавший тогда советских писателей инженерами человеческих душ, стал покровительствовать молодому литератору, назначив его в следующем году заместителем председателя оргкомитета ССП, а в январе 1939 года — секретарем президиума правления союза. С этого времени и начал вызревать конфликт между новоиспеченным литературным генералом, бравировавшим своими особыми отношениями с вождем, и чиновниками со Старой площади. Последние с тех пор использовали всякий удобный случай, чтобы опорочить в глазах Сталина его строптивного фаворита, благо тот сам подавал для этого немало поводов. Яркой иллюстрацией к этим отношениям служит постановление политбюро от 23 сентября 1941 г., утвердившее решение бюро КПК о вынесении Фадееву партийного взыскания за многодневный запой и невыход по этой причине на работу в СИБ²⁷⁴.

К осени 1943 года в ЦК накопилось на Фадеева достаточно много компромата, причем не только о его личных похождениях (на что

* Роспуск РАПП произошел 23 апреля 1932 г. по инициативе Сталина, который, видимо, имея в виду левацкий экстремизм этой организации, обвинил ее в том, что она отпугивала от партии огромную массу беспартийных, «страх пушала» (273).

Сталин смотрел сквозь пальцы), но и касавшегося такого серьезного дела, как руководство «литературным фронтом». Добиваясь теперь уже отстранения Фадеева от руководства ССП, его недоброжелатели в ЦК стали наряду с прочим использовать и аргументы, замешанные на стремительно набиравших силу шовинизме и антисемитизме. В конце сентября Александров и Шаталин представили в секретариат ЦК записку о беспорядках в редактируемой Фадеевым газете «Литература и искусство». Среди основных причин «неудовлетворительного состояния» дел в редакции называлось и то, что в ней «подвизались» «люди, мало понимающие в искусстве и путаники», а также «политически сомнительные сотрудники». А далее, как это обычно практиковалось в подобных случаях, следовал длинный шлейф, сотканный главным образом из еврейских фамилий. В приложенном проекте постановления ЦК предлагалось «освободить от работы в газете гг. Крути, Рабиновича, Мирскую, Кальма (Кальмеера), как явно непригодных для этой работы», а также предусматривалась замена Фадеева Н.С. Тихоновым на посту редактора²⁷⁵.

На сей раз Сталин внял волеизъявлению своего напористо действовавшего партаппарата. В начале февраля 1944 года Фадеев был выведен из руководства ССП, а вместо него на вновь учрежденную должность председателя правления союза был назначен предложенный ЦК Тихонов, хотя и беспартийный, но зато послушный аппарату литератор. Как английской королеве, ему предстояло больше представлять, чем править, а реальным главой ССП стал первый заместитель Александрова Д.А. Поликарпов, назначенный тогда секретарем правления писательского союза.

Драматических последствий такого внедрения агитпроповцев в руководство творческой организации долго ждать не пришлось. Уже через несколько месяцев после того, как это произошло, благодаря их стараниям родилось «дело» Литературного института — высшего учебного заведения, существовавшего при ССП с 1934 года. Возникло оно после информации из МГК ВКП(б) о том, что группа студентов этого института выдвинула в качестве альтернативы социалистическому реализму новую «литературную платформу», именуемую «необарокко», которая, «базируясь на поэзии И.Л. Сельвинского и других конструктивистов»*, призвана служить своеобразным противовесом реалистической поэзии Симонова. «Сигналом» этим в ЦК заинтересовались, хотя особенно и не удивились его появлению, ибо Литературный институт уже успел за-

* Еще в конце 1937 года секретарь президиума ССП В.П. Ставский направил Мехлису доклад о деятельности «Литературного центра конструктивистов», созданного в 1926 году якобы по указанию Троцкого «через его племянницу» поэтессу В.М. Инбер, которая организовала тогда встречу с ним в Главконцеском творчески близких ей Сельвинского, К.Л. Зелинского и А.К. Воронского (276).

рекомендовать себя на Старой площади как рассадник непопозволенного вольномыслия. Еще в 1941–1942 годы в нем за антисоветскую пропаганду было арестовано шесть студентов (в том числе будущий скульптор Ф. Сучков). Тем не менее, предвкушая получение солидных политических дивидендов от разоблачения якобы опасной для государства крамолы, проверкой института занялись лично Александров и Поликарпов. 18 мая 1944 г. они положили на стол Щербакову справку «О состоянии Литературного института при Союзе советских писателей». Антисемитский подтекст этого довольно примечательного и ранее не публиковавшегося документа станет очевидным при детальном его рассмотрении. Начинаясь он с констатации тревожного факта: Литературный институт работает в настоящее время крайне неудовлетворительно, в нем появляется группа антисоветски настроенных людей, оказывающих разлагающее влияние на неустойчивую часть студентов. Согласно справке, наиболее активную антисоветскую деятельность в институте вели студенты Белинков, Эльштейн и Ингал, что подтверждали краткие характеристики этих возмутителей институтского спокойствия:

«Белинков*, двадцати двух лет, по национальности еврей. Сын бухгалтера, дипломник, учился в семинаре Сельвинского, называет его своим апостолом и учителем; посещал писателя Шкловского и находился под его влиянием; в настоящее время арестован органами государственной безопасности; представил как дипломную работу рукопись «Черновик чувств», что является антисоветской вылазкой; открыто симпатизирует философам-идеалистам Платону, Канту, Бергсону, Ницше; пишет о себе как о заговорщике и конспираторе: «От своих друзей я требую партийности... Кроме того, в душе я заговорщик и конспиратор...».

Эльштейн, двадцати двух лет, по национальности еврей, отец юрист, творческим руководителем был О. Резник; в апреле сего года Эльштейна исключили из Литературного института, а потом он был арестован органами государственной безопасности; написал роман «Одиннадцать сомнений»; это ряд рассуждений автора о жизни и главным образом об искусстве; подражает, как и Белинков, Шкловскому и Сельвинскому; злопыхательствует по отношению к советскому строю. «Литература не есть отражение действительности, — заявляет Эльштейн. — Предупреждаю, я не зеркаль-

* А.В. Белинков считался лидером нонконформистского студенчества Литературного института. 30 января 1944 г. был арестован и приговорен к восьми годам лагерей. До «посадки» на коллективных читках у себя на квартире успел ознакомить 250 студентов со своим написанным в стиле «необарокко» романом «Черновик чувств», названным так по совету М.М. Зощенко. Незадолго до окончания срока наказания получил еще 25 лет за литературную деятельность в лагере. Вышел на свободу в 1956 году. Летом 1968-го, находясь в творческой командировке в Югославии, бежал на Запад. Через двадцать шесть лет после смерти автора, в 1996-м, «Черновик чувств», извлеченный из архива КГБ, издали в Москве (277).

ных дел мастер»; как и Белинков, поднимает на щит западных декадентов Пруста, Поля Валери и Андре Жида.

Иггал, двадцати трех лет, по национальности еврей, близкий друг Белинкова; вместе с Белинковым и Эльштейном пытался пропагандировать свои антисоветские взгляды среди студентов института, давая читать им свои произведения.

Затем в документе живописались настроения в студенческой среде вообще:

«Студент первого курса Музис (еврей) из семинара Зелинского пишет:
...Человек-зверь огрубел теперь
И в ночную тьму он глядит, как зверь.
И лелеет он только мысль одну:
«Черт бы побрал эту войну».

Студент первого курса **Сикорский** по национальности русский (семинар Зелинского) в стихотворении «К кому» заявляет: «Ни мне, ни потомкам, ни дедам тем более жизнь моя не нужна». Стихотворения студентки **Елены Николаевской** (семинар Сельвинского) эротичны и написаны с откровенно пацифистских позиций. **М. Рапопорт** (семинар Сельвинского), по национальности еврейка, в своих произведениях осуждает войну вообще. Упаднические произведения пишут **Р. Тамаркина** (еврейка) и **Ш. Сорокко** (еврейка) из семинара **О. Брик**. Студенты пренебрежительно оценивают (с эстетических позиций) творчество **Симонова**, **Бориса Горбатова**, **Суркова**. Массовое увлечение поэзией **Пастернака**. Это считается естественным и не вызывает у руководителей института никакой тревоги. По национальному составу среди студентов русских 76 человек (67%), евреев — 28 человек (24%), украинцев — четыре человека, армян — два человека».

Потом авторы записки предлагали свой критический разбор преподавательского состава:

«Большинство руководителей студенческих творческих семинаров — Сельвинский, Шкловский, Асеев, Брик в прошлом были формалистами, и в свое время некоторые из них (Зелинский, Сельвинский) активно боролись с марксистским литературоведением. Шкловский, ознакомившись с антисоветским произведением Белинкова (роман «Черновик чувств». — *Авт.*), написал в отзыве: «Мальчик талантлив, его роман значителен». Эльштейн на семинаре Резника положительно отозвался о клеветнической повести Зоенко «Перед восходом солнца».

В итоге предлагалось снять с работы директора института **Г.С. Федосеева**, а также преподавателей **Н.Н. Асеева**, **И.Л. Сельвинского**, **К.Л. Зелинского** и **О.М. Брика**²⁷⁸.

Когда результаты проверки были доложены Щербакову, тот распорядился, придав «делу Литературного института» максимальный размах, подготовить соответствующую информацию для Сталина и жесткий проект постановления ЦК. Уже 26 июля секретариатом ЦК было принято предложение Агитпропа о «нецелесообразности дальнейшего существования Литературного института при Союзе советских писателей». Казалось, институт неминуемо должны закрыть,

но в решение его судьбы вмешался **К.М. Симонов**, который после наложения опалы на **Фадеева** все более завоевывал благорасположение Сталина. В интересах прежде всего талантливых фронтовиков с «богатым жизненным опытом» он предложил сохранить это уникальное в своем роде учебное заведение, обеспечив его «сильным руководством» и освободив от «накипи» в виде «прилитературных девушек и зеленых юнцов, не видевших жизни». Возможно, принимая во внимание эту позицию **Симонова**, но прежде всего скептическое мнение оппонентов **Щербакова** и **Александрова** в партийном руководстве (особенно **Жданова**), Сталин не одобрил радикального решения секретариата ЦК, и дело было спущено на тормозах. Только 30 декабря секретариат ЦК, чтобы «закрыть вопрос» о Литературном институте, принял новое постановление, в котором уже речь не шла о ликвидации, а содержались формальные, дежурные фразы («усилить идеологическую и политико-воспитательную работу среди студентов» и т.п.)²⁷⁹.

РЕАКЦИЯ НА ТРАВЛЮ

То, что антисемитская подоплека этого и других вышеописанных эпизодов тщательно скрывалась от глаз непосвященных, позволяло властям действовать с особым цинизмом и без особой тревоги даже за отдаленные последствия своих шовинистических кадровых экспериментов. Однако это не ограждало их от реакции жертв такой политики и людей, ею крайне возмущенных. Многие терялись в догадках, предлагая собственные объяснения причине возникновения этой проблемы. Тогдашнее смятение еврейской общественности отразилось в датированном 13 мая 1943 г. письме Сталину ветерана партии **Я. Гринберга***, в котором тот «выражал чаяния большой группы художественной интеллигенции»:

«Дорогой вождь и учитель **И.В. Сталин!** Чем можно объяснить, что в нашей советской стране в столь суровое время мутная волна отвратительного антисемитизма возродилась и проникла в отдельные советские аппараты и даже партийные организации? Что это? Преступная глупость не в меру ретивых людей, невольно содействующих фашистской агентуре, или что-либо иное?.. Существуют собственные измышления и догадки о том, что, возможно, сверху было дано какое-то указание о развитии русской национальной культуры, может быть, даже о проведении национального регулирования выдвигаемых кадров. В органах, ведающих искусством, об

* Возможно, что автор этого послания — журналист **Я.С. Гринберг**, трудившийся до войны в «Комсомольской правде» и упомянутый в постановлении оргбюро ЦК от 20 ноября 1940 г. вместе с **Б.Р. Изаковым**, **М.Л. Гурманом** и другими евреями, работавшими в этой газете, как «не заслуживающий политического доверия» (280).

этом говорят с таинственным видом, шепотом на ухо. В результате это породило враждебное отношение к евреям, работающим в этой области. На практике получилось так, что секторы кадров в Комитете по делам искусств и ему подведомственных аппаратах подбирают только русских работников вплоть до администратора передвижного театра. Еврей любой квалификации сейчас не может рассчитывать на получение самостоятельной работы даже самого скромного масштаба. Эта политика развязала многим темным и неустойчивым элементам языки, и настроение у многих коммунистов очень тяжелое... Знаю, что с большой тревогой об этом явлении говорят народный артист тов. Михозлс, народный артист А.Я. Таиров... Известно, что ряд представителей художественной интеллигенции (евреев) обратились к писателю И. Эренбургу с просьбой поставить этот вопрос. Со мной об этих явлениях говорил писатель Борис Горбатов. Уже дошло до того, что отдельные коммунисты (русские) и даже секретари низовой партийной организации (например, в Управлении по делам искусств Мосгорисполкома) начинают совершенно официально ставить вопрос о «засоренности» аппарата евреями, выдвигают обвинения в «протаскивании евреев». В Управлении по делам искусств пришлось даже делать подсчет и определять, нарушена ли еврейская норма: четыре еврея на 30 работников аппарата!».

В конце автор утверждал, что возникновение вновь со времен «Союза русского народа» «еврейского вопроса» — не случайность, ибо «в руководящих партийных органах многое известно», и потому просил Сталина лично разобраться в этом деле²⁸¹.

Действуя по установившейся методе, Поскребышев, не доложив о письме Сталину, сразу же направил его «по принадлежности» Щербакову, тот — А.А. Андрееву, который в свою очередь — в УПиА, а оно благополучно спланило неприятное послание в архив²⁸².

Примерно тогда же к Сталину обратилась и Л.С. Штерн*, первая женщина-академик в СССР, приехавшая в страну социализма в 1925 году и в 1929-м возглавившая основанный ею Институт физиологии. В своем письме она поведала вождю, что однажды к ней в служебный кабинет зашел профессор Штор, который работал в ее институте и одновременно заведовал кафедрой в МГУ. Он пожаловался на ректора университета, который, ссылаясь на якобы существующее постановление правительства, предложил ему отказаться от руководства кафедрой, так как-де «неудобно, когда в университете Ломоносова у руководства кафедрой стоит еврей». Штерн сообщила

* Родившись в 1878 году в Либаве (Лиепая), Штерн до восьми лет воспитывалась дедом-раввином в строгой религиозной атмосфере. Затем была взята родителями, попав в семью, совершенно ассимилированную (отец учился на медицинском факультете Кёнигсбергского университета), и в результате отошла от религии и стала атеисткой. В 1898 году поступила на медицинский факультет Женевского университета. В Швейцарии познакомилась с Х. Вейцманом, однако, будучи аполитичной, к сионизму отнеслась равнодушно. Дружна была с семьями Г.В. Плеханова и биохимика А.Н. Баха, по совету которого переехала в Советский Союз.

также, что вскоре и сама была приглашена к директору Тропического института АН СССР П.Г. Сергиеву, который от имени наркома здравоохранения СССР Г.А. Митерева потребовал от нее как главного редактора «Бюллетеня экспериментальной биологии и медицины» уволить двух сотрудников-евреев, работавших в редакции журнала. Таинственно намекнув затем на некое принятое наверху постановление о сокращении евреев в руководстве медициной чуть ли не на 90%, он пояснил: «Видите ли, Гитлер бросает листовки и указывает, что повсюду в СССР евреи. А это унижает культуру русского народа». В тот же день содержание этого странного разговора Штерн передала Ярославскому, который, засомневавшись по поводу существования подобной директивы, порекомендовал ей написать обо всем Сталину, что она и сделала.

Через несколько дней Штерн вызвали в ЦК, где по поручению Сталина ее приняли Маленков и Шаталин. Не знакомая с аппаратным полетом, она в резкой форме заявила им, что известные ей факты гонений на евреев — «это дело вражеской руки и, возможно, даже в аппарате ЦК завелись люди, которые дают такие указания». Явно не ожидая столь категоричных выводов, Маленков растерялся и, не сообразив ничего другого, заявил, что разговоры об официальном антисемитизме это происки «разного рода шпионов-диверсантов», которые во множестве забрасываются гитлеровцами в советский тыл. По словам Штерн, Маленков тогда «сильно ругал Сергиева, а потом сказал, что необходимо восстановить редакцию в таком виде, в каком она была прежде».

Вскоре нарком Митерев получил нагоняй от ЦК: там не понравились его грубые методы антиеврейской чистки, вызвавшие нежелательный для властных структур скандал. Тем не менее когда в 1944 году создавалась Академия медицинских наук СССР, среди ее 60 членов оказалось только 5 евреев, что, конечно, не вполне соответствовало той довольно существенной роли, которую играли представители этой национальности в советской медицине²⁸³.

* * *

Тайно дискриминируемая еврейская элита тогда верила или, точнее, хотела верить, что гонения на нее носят случайный характер и что они суть проявление юдофобии отдельных чиновников и следствия трудностей военного времени, обострившего все проблемы и вдохнувшего вторую жизнь в такую вроде бы уже побежденную в СССР социальную болезнь, как антисемитизм. Казалось, что закончится война, быстро наладится нормальная жизнь, и с этим «пержитком прошлого» будет покончено навсегда. Однако оптимистическим мечтам не суждено было сбыться, поскольку оказалось, что антисемитизм в Советском Союзе — это далеко не только наследие

дореволюционного времени. Ведь с идеологией официального антисемитизма царей, имевшего главным образом религиозные корни, большевики покончили в 20-е годы, полностью разгромив ее последнее убежище — подпольные черносотенно-монархические организации. Однако «свято место» долго не пустовало: параллельно с созданием режима единовластия Сталина началось формирование качественно иной разновидности политического антисемитизма. Первые его побеги взошли во второй половине 20-х годов в виде советского партийно-пропагандистского антисемитизма, который явился предтечей государственного антисемитизма. Эта промежуточная форма проявила себя в основном как дозированная и строго избирательная устная пропаганда, проводившаяся сталинским руководством главным образом против партийных оппонентов еврейского происхождения. То был своеобразный популистский отклик диктатора на массовую бытовую юдофобию, которая широко проникла тогда и в партийные ряды. К концу 30-х годов сталинский антисемитизм, тайно вызревавший в тени насаждавшегося сверху казенного патриотизма, окончательно сформировался как государственная целенаправленная и систематическая политика. Ее социальной базой, опорой и проводником стала новая генерация партийно-государственной бюрократии, пришедшая к власти на волне «большого террора», развязанного во второй половине 30-х годов против большевистских функционеров, придерживавшихся интернационалистских убеждений. В результате начавшегося накануне Второй мировой войны межгосударственного сближения правящих режимов СССР и фашистской Германии советский официальный антисемитизм получил мощную идеологическую подпитку извне. Уже через год после вступления СССР в войну эта политика, несмотря на свой латентный характер, заявила о себе достаточно определенно, особенно в идеологической сфере. Имевшая там место кампания «за чистоту русского искусства» наглядно показала, что пропагандистские спекуляции на русском патриотизме чреваты усилением официального антисемитизма, развитие которого вместе с тем отличалось в этот период определенной противоречивостью. Ибо многое зависело от такого субъективного момента, как изменчивая и прихотливая воля вождя, покровительствовавшего попеременно то одной, то другой группировке в своем ближайшем окружении. Например, усиление позиций группы Маленков—Щербаков—Александров почти всегда означало ужесточение антиеврейских кадровых чисток. А когда в фаворе оказывались Жданов и те, кто за ним стоял, то наблюдалось частичное свертывание этих акций. Это означает, что некоторое подобие либерализма или, точнее, вынужденного лавирования, было присуще и такому жесткому авторитарному режиму, как сталинский, тем более что допускаемые им время от времени определенные послабления способствовали усиле-

нию его жизнестойкости. Так даже самой знойной и засушливой пустыне ради поддержания скудного жизненного баланса необходим хотя бы раз в году освежающий дождь.

Самое серьезное, что могло тогда произойти, — это легализация скрытого аппаратного антисемитизма и слияние его в едином мутном потоке со стихийной юдофобией масс — к счастью, не случилось. Пока шла война, Сталин не решался на публичные антиеврейские действия, хотя его завуалированный личный антисемитизм, чутко угаданный ретивым в исполнении любой прихоти «хозяина» придворным окружением*, скорее всего и спровоцировал ту же кампанию борьбы «за чистоту русского искусства». Но вождь не мог не отдавать себе отчета в том, что подобная авантюра была чревата для советских верхов нежелательными последствиями: самодискредитацией в глазах международного общественного мнения, неизбежными осложнениями во взаимоотношениях с союзниками**, усилением межнациональных трений внутри общества, подрывом его единства и сплоченности, и, наконец, дальнейшее нагнетание антиеврейских страстей означало бы солидаризацию с человеконенавистнической идеологией и политикой гитлеровцев. Для Сталина такой вариант развития был неприемлем. В отличие, скажем, от Гитлера он был больше прагматиком, нежели антисемитом. Поэтому в интересах дела (точнее, сохранения собственной власти) он не только сумел заглушить в годы войны свою личную антипатию к еврейству, но даже пошел, например, в конце 1941 года на создание ЕАК и извлек из этого немалую политическую выгоду. Однако после войны в мире и стране сложилась принципиально иная ситуация, чреватая, как оказалось, немалыми бедствиями для советского еврейства.

* Характерный пример. Однажды при очередном просмотре материалов, подготовленных к публикации в «Правде», у Сталина вдруг возникла причуда проставить точки над встретившимися ему в тексте буквами «ё». Эта самая молодая в русском алфавите буква, введенная двести лет назад по предложению президента Российской академии Е.Р. Воронцово-Дашковой, после Октябрьской революции была изъята из употребления. Благоволение вождя к ранее третируемой литере, разумеется, не осталось незамеченным его приближенными. На другой день, 7 декабря 1942 г., в «Правде» появилась передовица с целым набором «ё» в заголовке и тексте. И хотя тогда шла решающая для судьбы отечества битва на Волге, аппарат Агитпропа во главе с Александровым немедленно занялся разработкой специального постановления правительства о восстановлении употребления буквы «ё» в правописании и формированием комиссии во главе с Потемкиным для выработки соответствующих правил (284).

** В ЦК ВКП(б), например, очень всполошились, когда в 1943 году в Палестине в издательстве газеты «Давар» вышла книга проживавшего в Нью-Йорке Я. Лещинского, в которой утверждалось, что «фашисты истребляют евреев физически, а Советы — духовно» (285).

Холодная война, власть, пропаганда

Перегруппировка внутри номенклатурной элиты

ИНТРИГИ В КРЕМЛЕ

Победный 1945-й явился для Сталина не только годом военного триумфа, ознаменовавшегося увенчанием его имперской короной в виде преподнесенного ему маршалами* звания генералиссимуса, но и апофеозом его национально-государственной доктрины, опиравшейся на пропагандистское использование традиций русского патриотизма. Не случайно, выступая 24 мая в Кремле на приеме в честь командующих войсками Красной армии, он провозгласил тост «за здоровье русского народа», который «заслужил в... войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов... страны»¹. Однако интересы мощной империи, которая, выйдя за пределы одного государства и установив контроль над Восточной Европой, превратилась в мировую державу, не позволяли Сталину почивать на лаврах триумфатора. Покоившаяся на единодержавии верховная власть требовала обеспечения соответствующего ей баланса политических сил внутри страны, тем более что здесь образовался явный перекося в пользу значительно окрепшего в годы войны партийно-государственного тандема Маленков—Берия, выражавшего интересы военно-промышленного комплекса. Такая тенденция стала беспокоить Сталина задолго до победного мая 1945-го. Уже начиная с середины 1944 года он стал негласно противодействовать дальнейшему росту влияния этой группировки, используя в качестве политического противовеса Жданова и его «ленинградцев». Правда, в связи с тем, что в сентябре того же года Жданов был назначен уполномоченным от политбюро на мирных переговорах с Финляндией и отбыл в Хельсинки, его позиции на столичной «бир-

* Известно, что первоначально в Древнем Риме почетный титул императора присваивался военачальникам их соратниками за победы в битвах.

же власти» временно ослабли. Тем не менее фортуна ему благоволила: в декабре его главный соперник в борьбе за лидерство на «идеологическом фронте» Щербаков серьезно заболел, а 10 мая 1945 г. скончался от «паралича сердца»*. Это была ошутимая потеря для его сторонников в ЦК, и прежде всего для Маленкова. И хотя последнему удалось тогда присовокупить к многочисленным своим обязанностям по секретариату ЦК еще и руководство идеологической сферой и сохранить фактически перешедший к нему в годы войны от Жданова статус второго секретаря ЦК партии, однако в отличие от Щербакова он не был силен в вопросах организации пропаганды и не мог в этом новом качестве соперничать на равных с таким опытным партидеологом, как Жданов. Это обстоятельство заметно облегчало стоявшую перед Сталиным задачу.

Всю вторую половину 1945 года вождь посвятил тайным приготовлениям к новой закулисной баталии. Для нанесения удара ослабленной смертью Щербакова маленковско-бериевской группировке были использованы серьезные недостатки, якобы имевшие место в военной авиации и авиапроизводстве в недавнем прошлом. Летом 1945 года об этом уведомил Сталина его сын Василий, тогда полковник ВВС, который, встретившись с отцом в Потсдаме, доложил ему, что в годы войны руководство авиационной промышленности, вступив в «преступный сговор» с командованием военно-воздушных сил, будто бы отправляло на фронт в массовом количестве «летающие гробы» в виде дефектных истребителей Як-9².

Существенную закулисную роль в раскручивании интриги сыграл главный конструктор этих машин А.С. Яковлев, занимавший в то время пост заместителя наркома авиапромышленности. Всегда старавшийся быть на виду у сильных мира сего, тот первые свои серийные самолеты конца 20-х годов назвал АИРами в честь тогдашнего председателя СНК СССР А.И. Рыкова и примерно тогда же сблизился с заместителем последнего Я.Э. Рудзутаком, женившись с пользой для карьеры на его воспитаннице. Правда, когда по воле Сталина те превратились во «врагов народа», молодому авиаконструктору пришлось переименовать свои машины и развестись. Способный, гибкий, умный и приятный в общении Яковлев понравился Сталину, делавшему ставку на молодых, циничных и даровитых карьеристов, и стал фактически его советником по авиационным делам. Поскольку старые беспартийные конструкторы (А.Н. Туполев, Н.Н. Поликарпов) особого доверия вождю не внушали, Яковлев очень скоро превратился в фигуру «номер один» в сталинской авиации.

* Произошло это после того, как 9 мая уже выздоравливавший после инфаркта миокарда Щербаков приехал в Москву из санатория «Барвиха», чтобы отметить День Победы. Кремлевские медики, разрешившие эту поездку, потом будут арестованы по «делу врачей».

Этому в немалой степени способствовало то, что после замены в начале 1940 года М.М. Кагановича на посту наркома авиапромышленности А.И. Шахуриным Яковлев был назначен его заместителем по опытному самолетостроению и науке. Открывшиеся возможности он использовал прежде всего с целью получения привилегий для своего конструкторского бюро и в борьбе с конкурирующими фирмами. В годы войны конструктор близко сошелся с Василием Сталиным, запросто приезжал к нему на дачу в Зубалово и даже изготовил для него персональный закамуфлированный Як-3, самый скоростной истребитель в те годы. Судя по всему, не кто иной, как Яковлев, помог Василию Сталину в сборе компромата, который тот передал отцу. А 6 сентября 1945 г. Яковлев сам направил письмо Сталину, в котором руководимый Шахуриным Наркомавиапром выступался основным виновником провалов в области создания реактивных самолетов и дальних бомбардировщиков³. Пока эта информация проходила через бюрократическую круговерть и на ее основе готовились репрессивные решения, у Сталина в середине сентября случился инсульт: сказалось психологическое перенапряжение, накопленное за годы войны, а последней каплей стал атомный «сюрприз» американцев. Правда, удар был не очень сильным, и болезнь вскоре отступила. Прибыв в начале октября на отдых в Сочи, где проводил тогда свой отпуск и Шахурин, Сталин принялся по своему обыкновению усыплять бдительность будущей жертвы. Однажды, а это было в начале ноября, он пригласил наркома авиапромышленности отметить 70-летие М.И. Калинина. На торжестве, состоявшемся на даче юбиляра у горы Малый Ахун, Сталин был подчеркнуто приветлив с Шахуриным. А по окончании отпуска, когда нарком возвращался в Москву, Сталин в знак особого благорасположения поручил проводить его Поскребышеву.

Сам же диктатор вернулся в столицу 17 декабря и сразу же стал деятельно готовиться к осуществлению задуманного, задействовав в свои планы и Жданова, прибывшего в Москву из Хельсинки 26 декабря. Реализация аппаратной интриги началась 29 декабря, когда впервые за продолжительное время Сталин провел в Кремле полноценное заседание политбюро*, на котором предложил отстранить Шахурина от занимаемой должности и взял на себя поручение «наметить» кандидатуру нового наркома авиапромышленности. Интересно, что накануне вечером Сталин почти полтора часа беседовал с Яковлевым, очевидно, обсуждая с ним детали своего предстоящего выступления на политбюро. Уже 30-го новым руководителем авиапромышленной отрасли был утвержден М.В. Хруничев, работавший ранее первым заместителем наркома боеприпасов⁴.

* Обычно, особенно в годы войны, заседания политбюро не проводились, решения принимались его членами, как правило, заочно, «опросом».

Первоначально в целях обоснования отставки Шахурина в ход было пущено обвинение в махинациях с трофейным имуществом, тогда широко использовавшееся Сталиным как повод для расправы с негодными. 9 января оргбюро ЦК приняло постановление «О недостойном поведении Шахурина А.И.», в котором бывшему наркому инкриминировался, в частности, вывоз из Германии и использование в качестве личной собственности семи легковых автомобилей. В то же время не были забыты и услуги тех, кто тайно участвовал в подготовке смещения Шахурина. 13 января Яковлева назначили первым заместителем к новому наркому авиапромышленности, а 2 марта в печати появилось сообщение о присвоении Василию Сталину генеральского звания⁵. В один день с Шахуриным лишился министерского кресла и Берия, против которого наряду с Василием Сталиным интриговал начальник личной охраны вождя генерал Н.С. Власик. Оставаясь заместителем председателя СНК СССР, Берия был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел «в связи с перегруженностью... другой центральной работой»⁶.

Союзник Берии Маленков хотя и был назначен тогда же председателем комиссии по передаче дел новому наркому авиапромышленности*, не мог не почувствовать неладное. Пытаясь как-то укрепить свое реноме в глазах вождя, этот партийный царедворец решил воспользоваться подвернувшимся весьма кстати благоприятным случаем, связанным с вышедшей в то время в свет книгой избранных произведений грузинского большевика и литературоведа А.Г. Цулукидзе. Дело в том, что Сталин, ознакомившись с этим изданием и пригласив к себе отвечающего за идеологию Маленкова, как бы невзначай то ли спросил, то ли посетовал: «Кажется, было решение и о моих сочинениях?». Дав сразу же указание своим сотрудникам порыться в архивах, Маленков установил, что в середине 30-х годов такое решение действительно принималось, но ничего конкретного по нему так и не было сделано. Исправляя это упущение и демонстрируя одновременно свою исполнительность, Маленков 19 января вынес на политбюро проект постановления об издании до 1949 года 16-томного собрания сочинений Сталина⁷. Однако даже такой эффектный шаг уже не мог предотвратить неизбежного. И хотя 18 марта Сталин предложил на пленуме ЦК повысить партийный ранг Маленкова и Берии до полноправного членства в политбюро, это было, скорее, отвлекающим маневром, чем проявлением неожиданного благорасположения к ним, тем более что в тот же день новым секретарем ЦК был назначен ставленник Жданова А.А. Кузнецов. Ну и поскольку в связи с недавней болезнью Сталина уж очень громко стали говорить о Молотове как о наиболее вероятном преемнике вождя, на том же

* Примечательно, что помимо Маленкова и Хруничева в комиссию входили также А.А. Жданов и А.С. Яковлев.

мартовском пленуме упразднили занимаемую последним должность первого заместителя председателя правительства и перевели его в обычные заместители. А спустя два дня еще один протеже Жданова — М.И. Родионов сменил А.Н. Косыгина на посту председателя Совета министров РСФСР. 29 марта заместителем Родионова был назначен вроде бы уже прощенный Шахурин, что, как показали последующие события, было не более чем еще одной уловкой Сталина⁸.

То, что положение маленковско-бериевской группировки весьма шатко, стало очевидным 7 апреля, когда неожиданно был взят под стражу Шахурин. Непосредственным поводом к его аресту послужили показания бывшего командующего 12-й воздушной армией маршала авиации С.А. Худякова (А.А. Ханферянца), который был ранее препровожден в Лефортовскую тюрьму и в ходе допросов «с пристрастием» оговорил Шахурина и руководство ВВС. Примерно тогда же оказались за решеткой заведующие отделами управления кадров ЦК А.В. Будников и Г.М. Григорьян, курировавшие авиационную промышленность, а также руководители военно-воздушных сил А.К. Репин, Н.С. Шиманов, Н.П. Селезнев. 11 апреля, то есть после того как от них теми же методами были получены дополнительные «признания», Сталин своим письмом (с приложенной подборкой показаний арестованных) известил членов и кандидатов в члены политбюро, секретарей ЦК, руководство вооруженных сил и авиационной промышленности о разоблачении крупного антигосударственного заговора, в результате которого в годы войны «фронт получал недоброкачественные самолеты... и расплачивались за это своей кровью наши летчики». Сообщалось также об арестах «заговорщиков» из числа высокопоставленных военных и гражданских функционеров. Последним под стражу взяли 23 апреля командующего ВВС А.А. Новикова, который во многом пострадал из-за того, что Василий Сталин считал его личным врагом⁹.

Испытывая недоверие к ставленнику Берии на посту наркома государственной безопасности В.Н. Меркулову*, Сталин назначил руководителем расследования «авиационного дела» начальника

* «Человеком» Берии Меркулов стал еще в 20-е годы, работая под его руководством в органах ГПУ Грузии. Будучи выходцем из дворян и получив хорошее образование, Меркулов участвовал в редактировании так понравившейся Сталину книги Берии «К вопросу о создании большевистских организаций в Закавказье» (1935 г.). Переехав в Москву и став наркомом внутренних дел СССР, Берия в 1938 году перевел Меркулова с поста заведующего промышленно-транспортным отделом ЦК КП(б) Грузии на должность своего первого заместителя, а в 1941-м рекомендовал его на пост наркома государственной безопасности СССР. Увлекаясь художественным словом и издав под псевдонимом «Всеволод Росс» ряд драматических произведений, Меркулов покровительствовал литераторам и считался в их среде либеральным чиновником.

Главного управления контрразведки Красной армии «Смерш» и своего заместителя по Наркомату обороны В.С. Абакумова*, который особо отличился в январе 1945 года, возглавляя операцию по тайному захвату в Будапеште известного шведского дипломата, сотрудничавшего с американской разведкой¹⁰, Рауля Валленберга, спасшего тысячи евреев, обреченных на смерть в гитлеровских концлагерях. Оказывая грубый нажим на арестованных, Абакумов ударными темпами закончил следствие, и уже 10 мая дело стало объектом разбирательства военной коллегии Верховного суда СССР, заседавшей под председательством В.В. Ульриха. На следующий день был вынесен вердикт, гласивший:

«Подсудимые протаскивали на вооружение ВВС заведомо бракованные самолеты и моторы крупными партиями и по прямому сговору между собой, что приводило к большому количеству аварий и катастроф в строевых частях ВВС, гибели летчиков...».

Что касается приговора, то тут, думается, не обошлось без присутствующего Сталину черного юмора. Сроки заключения были определены в соответствии с нисходящей кривой, понижавшейся почти с анекдотической равномерностью. Шахурин, как главный обвиняемый, получил семь лет, Репин — шесть, Новиков — пять, Шиманов — четыре года, Селезнев — три, а подчиненным Маленкова Будникову и Григорьяну, наверное потому, что те «орудовали» в ЦК «на пару», дали по два года каждому. Издевательский характер этого приговора очевиден еще и потому, что все осужденные по нему, несмотря на разные сроки заключения, были одновременно выпущены на свободу только после смерти Сталина**.

В благодарность за свой труд Абакумов 4 мая был назначен министром государственной безопасности СССР. Его предшественника на этом посту Меркулова, как не оправдавшего «возложенных на него ЦК задач», перевели из членов в кандидаты ЦК и с пони-

* Родился Абакумов в Москве в 1908 году в семье истопника и прачки. До 1916 года учился в церковно-приходской школе. В 1930-м, работая грузчиком на складе «Центросоюза», вступил в партию и через два года начал карьеру в органах внутренних дел. В 1939 году на волне чистки «ежовских» кадров в центральном аппарате Наркомвнудела был взят оперуполномоченным в секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, а через несколько месяцев отправился руководить региональным управлением НКВД в Ростов. Еще через год возглавил Управление особых отделов НКВД СССР. А с марта 1943 года, после передачи особых отделов в армию, возглавил созданное в РККА Главное управление контрразведки «Смерш», и его как перспективного руководителя спецслужб стал персонально опекать Сталин.

** Произошло это во многом благодаря тому, что 26 мая 1953 г. Берия направил в ЦК записку, в которой утверждалось, что в судебно-следственных материалах осужденных по авиационному делу «МВД не нашло состава преступления».

жением назначили начальником Главного управления советским имуществом за границей при Совете министров СССР¹¹. Решая в те же дни дальнейшую судьбу Берии и Маленкова, Сталин по поводу будущности первого не испытывал особых сомнений, полагая, что его неуемная энергия и амбиции еще долго будут поглощены руководством атомным проектом, во главе которого тот был поставлен в августе 1945 года сразу же после атомной бомбардировки американцами Японии. Что же касается второго, то тут Сталин, не видя в Маленкове соперника в борьбе за власть (тот был сильным и энергичным исполнителем, но слабым лидером), склонился к тому, чтобы лишь для острастки наказать этого опытного функционера и, наложив на него временную опалу, найти ему применение вне аппарата ЦК, переданного под контроль Жданова и его «ленинградцев». Тем самым вождь в который уже раз решил прибегнуть к излюбленной тактике арбитра в противоборстве своих фаворитов.

Отправной датой в осуществлении задуманного Сталиным стало 13 апреля, когда решением политбюро Маленков сдал, а Жданов принял руководство идеологической сферой. Тогда же первый заменился на посту начальника ключевого в аппарате ЦК управления кадров А.А. Кузнецовым. Однако за Маленковым пока сохранялось председательствование на заседаниях оргбюро ЦК (прерогатива второго секретаря ЦК), и как бы в утешение за утраченные полномочия ему был передан контроль за работой компартий союзных республик. Постепенно лишая Маленкова партийной власти, Сталин все больше загружал его ответственными поручениями по линии Совета министров СССР. Еще 22 марта состоялось назначение Маленкова председателем комиссии по постройке стратегического бомбардировщика Ту-4*, способного нести атомное оружие. Стремясь вернуть себе благорасположение вождя, Маленков так энергично взялся за дело, что уже вскоре отрапортовал о полной готовности четырех новых машин, собранных на казанском заводе № 22, к демонстрационному полету на первомайском параде¹². Однако Сталин неожиданно нанес ему еще один чувствительный удар. Получив от Абакумова заявления, подписанные Шахуриным, Новиковым и Шимановым с их вынужденными «признаниями» о том, что Маленков, зная в годы войны о беспорядках в авиации, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б), Сталин 4 мая, то есть одновременно с назначением Абакумова министром госбезопасности, провел через политбюро решение о выводе Маленкова из состава секретариата ЦК. Мотивировалось это тем, что тот, будучи шефом «над авиационной промышленностью и по

* По приказу Сталина этот самолет был целиком скопирован с американской «суперкрепости» Б-29, которая попала в руки советских конструкторов после вынужденной посадки в 1944 году трех этих самолетов на Тихоокеанском побережье Советского Союза.

приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов)...»¹³. На самом деле это обвинение носило надуманный характер и было использовано Сталиным как формальный предлог для атаки на властные позиции военно-промышленного комплекса*. В действительности, если вождь и был недоволен работой авиастроителей в годы войны, то только в связи с тем, что они уступили немцам и американцам в создании новой реактивной техники. Не случайно в принятом 26 февраля 1946 г. засекреченном постановлении СНК СССР подчеркивалось, что «Наркомавиапром допустил серьезное отставание в развитии новой авиационной техники... особенно... в деле создания реактивной техники»^{15**}.

Казалось, что Маленкова ждут серьезные неприятности, может быть, даже арест, однако уже 13 мая Сталин, как бы давая ему возможность искупить прошлые ошибки, назначил его на пост председателя вновь созданного Специального комитета по реактивной технике («Комитет № 2»)^{***}. А 2 августа произошло утверждение Маленкова в качестве заместителя председателя Совета министров СССР и введение в состав бюро этого государственного органа. В тот же день постановлением политбюро было закреплено и ведущее положение Жданова в аппарате ЦК, где он, продолжая руководить идеологической сферой, получил право председательствовать на заседаниях оргбюро¹⁸. Тем самым волей Сталина как бы завершился «развод» Маленкова и Жданова, в результате которого первый стал кем-то вроде заместителя вождя по руководству государственными делами,

* Маршал авиации Новиков впоследствии отмечал, что «вопрос о состоянии ВВС являлся лишь ширмой», а он лишь «орудием в руках тех, кто хотел с помощью ложных показаний скомпрометировать некоторых видных государственных и политических деятелей советского государства». Того же Новикова Абакумов и его подручные принудили в фальсифицированном следствии заявлении Сталину оклеветать маршала Г.К. Жукова. Используя эти показания, Сталин 9 июня 1946 г. выпустил приказ по Министерству вооруженных сил СССР, в котором объявлялось о смещении Жукова с постов заместителя министра вооруженных сил и главнокомандующего сухопутными войсками, а также об отправке его в провинциальную Одессу в качестве командующего местным военным округом (14).

** 30 апреля 1951 г. Сталин на совещании с руководителями оборонной промышленности, как бы решив приоткрыть завесу таинственности над обстоятельствами возникновения «авиационного дела», сказал: «Шахурин и Новиков ведомственные интересы ставили выше государственных, загубили дело и после них пришлось много работать, чтобы наладить производство реактивных самолетов» (16).

*** Оставался на этом посту до мая 1947 года. Р.А. Медведев ошибочно полагает, что вскоре после вывода Маленкова из секретариата ЦК его отправили как бы в ссылку в Среднюю Азию (17).

а второй — партийными. При сложившейся диспозиции аппаратных сил приоритетным было положение Жданова, причем не только в силу того, что партия продолжала главенствовать над государством, но и потому, что и в самом Совете министров СССР ленинградскую группировку представляли такие влиятельные политики, как, например, председатель Госплана СССР и кандидат в члены политбюро Н.А. Вознесенский. Тем не менее Маленков сохранял шансы на реванш, так как Сталин, высоко оценивая деловые и организаторские способности этого несколько задвинутого в тень фаворита, продолжал использовать его в качестве политического противовеса Жданову.

Происходившие в верхнем эшелоне власти кадровые пертурбации особо не повредили руководителю Агитпропа Александрову. Скорее наоборот: пока политические маршалы давали кабинетные сражения друг другу он, укрепляя собственные позиции, развил кипучую деятельность на идеологическом фронте. При его активном участии в июле 1946 года Высшая школа партийных организаторов была преобразована в Высшую партийную школу. Тогда же Сталин и Жданов представили Александрову возможность создать свой ведомственный печатный орган — газету «Культура и жизнь», которая вскоре за разносный стиль критики идеологически «незрелых», «чуждых», а то и так называемых враждебных произведений и их авторов стала негласно именоваться в кругах интеллигенции «Александровским централом». Венцом карьерных достижений Александрова стало получение в 1946 году Сталинской премии за книгу «История западноевропейской философии» и звания действительного члена Академии наук СССР¹⁹.

Сохраняя по необходимости видимость лояльности к Жданову, Александров скорее всего не обольщал себя иллюзиями относительно перспектив дальнейшей работы под его руководством, справедливо полагая, что тот, видя в нем «человека» Маленкова, рано или поздно «выдавит» его из аппарата ЦК. Единственный шанс дальнейшего карьерного процветания на Старой площади мог появиться у Александрова только в случае победоносного возвращения туда Маленкова. Поэтому глава Агитпропа, преодолев некоторую растерянность, вызванную шоком от удара по его покровителю, возобновил закулисное партнерство с ним, благо тот не только быстро оправился от понесенного поражения, но и готов был к контратаке на позиции враждебной аппаратной группировки.

АХМАТОВА И ЗОЩЕНКО КАК ЖЕРТВЫ АППАРАТНОЙ ИГРЫ

На сей раз в качестве орудия борьбы была использована рутинная агитпроповская практика периодической директивной порки редакций литературных журналов за публикацию очередных «аполитич-

ных» и написанных в духе «наплевизма и безыдейности» произведений. Причем чем резче и зубодробительнее звучала критика, тем меньше она имела отношение собственно к литературе. Так было, скажем, в апреле 1946 года, когда, отстраняя Маленкова от руководства идеологией, Сталин и Жданов сетовали на то, что московский «Новый мир», издающийся под контролем Агитпропа (а значит, и Маленкова), превратился в «худший» журнал²⁰. Действуя по той же схеме, Александров (совместно со своим заместителем А.М. Еголиным) подготовил 7 августа 1946 г. записку «О неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”», в которой критиковались в общей сложности 15 авторов, главным образом ленинградских, в том числе А.А. Ахматова и М.М. Зощенко. И если первая никак не выделялась из общего ряда «провинившихся» литераторов, то рассказ второго «Приключения обезьяны», опубликованный в журнале «Звезда», удостоился резкого эпитета «порочный». В целом же формулировки носили достаточно умеренный характер. Даже о вине Ленинградского горкома, «проглядевшего ошибки» журнальных редакций, говорилось в осторожном тоне (может быть, потому, что записка адресовалась Жданову, всегда защищавшему «своих ленинградцев») ²¹. Стараясь пока не раздражать своего нового шефа, Александров, видимо, считал, что сперва нужно поманить его возможностью вновь продемонстрировать свои качества несгибаемого борца за идейную чистоту советской литературы и тем самым спровоцировать на развертывание крупной пропагандистской акции. А потом уже, когда накалятся страсти и этот самодовольный любитель морализаторско-эстетической риторики забудет за эмоциями о бдительности, можно будет нанести по нему неожиданный удар.

Расчет Александрова оказался верным. Узрев в записке описание новых «литературных хулиганств» давно нелюбимого им Зощенко, Жданов, войдя в раж (Александров потом проговорился, что «чашу весов переполнил рассказ “Приключения обезьяны”»), потребовал немедленно начать расследование и сбор компромата на этого «пошляка», что и начали лихорадочно исполнять аппарат ЦК и МГБ.

Для пущей важности в разряд главных жертв готовящейся пропагандистской кампании решено было включить и Ахматову, чей вышедший после семнадцатилетнего перерыва сборник стихотворений Жданов еще в 1940 году приказал изъять из продажи, квалифицировав эту публикацию как «блуд с молитвой во славу божию»²². Сталин поддержал своего заместителя по партии в намерении сурово

* Перефразировка мысли Б.М. Эйхенбаума в работе «Анна Ахматова. Опыт анализа» (Пг., 1923) о том, что поэтессе присущ стиль «монашки и блудницы».

и примерно наказать именно этих двух литераторов, широко известных и популярных среди интеллигенции, но не желавших поставить свой талант на службу режиму*. Он даже сам собирался преподать наглядный урок покорности и послушания вечно неугомонной интеллигенции, непозволительно осмелевшей за годы войны. Главное зло виделось ему в том, что интеллектуальная элита, подобно беспечной и неблагодарной птице, пыталась выпорхнуть из золотой клетки, построенной для нее заботливыми руками партии, и устремиться навстречу растлевающему все и всех Западу. К тому же необходимо было выветрить «буржуазный душок», привнесенный в общество в ходе контактов советских людей с иностранцами в освобожденной Европе, а также трюфельным ширпотребом и кино (то и другое было качественным и потому притягательным).

В том, что Ахматова оказалась одним из основных объектов официальных пропагандистских нападков, большую роль сыграло также стремительное нарастание в общественной атмосфере такого производного от холодной войны момента, как ксенофобия, вследствие которой даже самые невинные контакты с внешним миром влекли за собой серьезные подозрения со стороны власти. Еще в конце 1945 года Сталину донесли, что Ахматова без санкции сверху принимает в своей ленинградской квартире важных иностранцев. Дело в том, что в ноябре ее трижды посетил специально приехавший из Москвы

* Советское руководство не могло простить Ахматовой ее литературного аристократизма, демонстративной отстраненности от официальной литературной жизни. Как явствует из донесения ленинградского управления госбезопасности, в августе 1944 года она заявила «источнику»: «Я вообще перестала печатать сейчас стихи, так как, по-видимому, участь русской поэзии сейчас — быть на нелегальном положении...» (23). Правда, оказавшись после войны во власти иллюзорных надежд интеллигенции на возможность выстраданной народом свободы, Ахматова на короткое время вышла из творческого затворничества. Стала устраивать публичные поэтические концерты, встречи с читателями. В мае 1946 года она специально приехала в Москву, где в Колонном зале Дома союзов в ее честь был устроен литературный вечер, на котором присутствовали сливки столичного общества и иностранные дипломаты. Встреча поэта с публикой была поистине триумфальной, что не могло понравиться наверху. Зощенко же раздражал власть имущих тем, что своей едкой сатирой срывал старательно наносимый официальной пропагандой глянец на убогую советскую повседневность, которую та пыталась выдать за многообещающий зародыш коммунистического будущего. Вместе с тем ни Ахматова, названная Ждановым «представителем безыдейного реакционного литературного болота», ни «пошляк» и «подонок литературы» Зощенко так и не были арестованы: несмотря на весь шум, поднятый властями вокруг их «дела», обвинения против них носили во многом случайный (на их месте могли оказаться и другие литераторы) и сугубо пропагандистский характер.

второй секретарь английского посольства Исая Берлин*. Причем нанес он эти визиты не по долгу службы, а движимый большим интересом к русской литературе, переросшим потом в профессиональную научную деятельность и принесшим ему в итоге широкую известность в ученом мире и рыцарский титул.

Согласно сводкам наружного наблюдения, на первую встречу с Ахматовой Берлин прибыл в сопровождении ленинградского литературоведа В.Н. Орлова. Будучи представленным поэтессе, английский гость прямо с порога несколько высокопарно заявил:

«Я приехал в Ленинград специально приветствовать вас, единственного и последнего европейского поэта, не только от своего имени, но и от имени всей старой английской культуры. В Оксфорде вас считают самой легендарной женщиной. Вас в Англии переводят с таким уважением, как Сафо».

И хотя Сталину, скорее всего, докладывали о литературоведческом характере этих встреч, однако он предпочитал рассматривать их как замаскированную шпионскую деятельность английского дипломата. В этом убеждении он наверняка укрепился после того, как с Лубянки ему сообщили о том, что Берлин пытался договориться с Ахматовой об установлении «нелегальной связи», а потом был замечен у дома поэтессы в обществе Рэндольфа Черчилля, сына бывшего премьер-министра Великобритании, гостившего в Ленинграде. По городу поползли тогда слухи о том, что англичане хотят выманить Ахматову за границу и даже тайно прислали для этой цели самолет. Есть свидетельства, что, узнав об этом, Сталин, еле сдерживая ярость, произнес:

«А, так нашу монашку теперь навещают иностранные шпионы...»²⁵.

... Механизм новой идеологической кампании был запущен 9 августа 1946 г. на заседании оргбюро ЦК, проходившем под председательством Жданова. С основным докладом выступил Александров. Присутствовал и Маленков, сохранивший членство в оргбюро. Он внимательно следил за ходом дискуссии, развернувшейся после

* Исая Берлин (1909–1997), родившись в России, в 1919 году покинул ее вместе с родителями, перебравшимися в Англию. Окончив в 1935 году Оксфордский университет, преподавал философию. В 1941–1946 годах находился в США как представитель министерства информации Великобритании при английском посольстве. Приехав осенью 1945 года в СССР в качестве английского дипломата, помимо Ахматовой встречался с К.И. Чуковским, С.М. Эйзенштейном, А.Я. Таировым, И.Л. Сельвинским. В Перedelкине Берлин навещил тогда Б.Л. Пастернака. Этот поэт, еще в 1934 году призванный своих коллег-литераторов не жертвовать лицом ради положения, как никто другой понял, по мысли Г.П. Федотова, что «в государстве Сталина, как и в Риме Тиберия, молчание есть единственно достойное существование независимого человека». Возможно, поэтому он отказался обсуждать с гостем еврейскую тему, заявив, что является сторонником ассимиляции. «Он говорил со мной как верующий христианин», — напишет потом Берлин (24).

выступления руководителя Агитпропа, выбирая подходящий момент для того, чтобы предпринять то главное, ради чего, собственно, и затевался новый раунд закулисной политической игры, в которой для Зощенко и Ахматовой отводилась роль не более чем случайных фигурантов. На сей раз опальный царедворец подготовил для своего противника неприятный сюрприз: добытое с помощью аппаратных связей постановление Ленинградского горкома от 26 июня, которым «ленинградские товарищи» самовольно, без согласования с ЦК, включили Зощенко во вновь создаваемую редколлегию журнала «Звезда». И вот когда в познискшем тем временем на заседании диалоге между Сталиным и поэтом А.А. Прокофьевым (членом редколлегии «Звезды») образовалась пауза, Маленков решил, что пора действовать. Как бы дополняя список прегрешений руководства журнала, он громко, чтобы привлечь всеобщее внимание, произнес не без ехидства: «И обиженных приютили. Зощенко критиковали, а вы его приютили». А когда Сталин, озадаченный этим ранее неизвестным ему обстоятельством, поинтересовался, кто же сие дозволил, Маленков с готовностью ответил: «Это Ленинградский комитет разрешил». Столь неожиданное откровение резко изменило характер дискуссии. И хотя Жданов попытался вернуть ее в русло ритуального резонанса на тему мелкобуржуазных извращений принципа партийности в литературе, сделать ему этого не удалось. Как и надеялись Маленков и Александров, внимание Сталина и других членов оргбюро переключилось с этого момента на разбирательство «неожиданно» вскрывшегося факта игнорирования центра подопечными Жданову «ленинградцами». Маленков мог торжествовать: Сталин, по достоинству оценив предпринятый им демарш, включил его в комиссию по подготовке решения ЦК по ленинградским журналам. И этот шанс Маленков использовал максимально, проследив, чтобы в утвержденном 14 августа постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» присутствовали пункты с «оргвыводами» в отношении нерадивых ленинградских руководителей²⁶.

Эта неприметная вроде бы победа Маленкова дорогого стоила. Он как никто другой знал, что для Сталина Ленинград, этот символ русского европеизма и западничества, то же самое, что вольный Новгород для Ивана Грозного, — вечно саднящая и незаживающая душевная рана. Даже лишенный большевиками столичного статуса, этот город еще сохранял космополитический дух Петра Великого и европейский архитектурный лоск, как бы бросаая тем самым символический вызов традиционно почвеннической Москве, в основном хаотично и убого застроенной. И это также не могло не задевать Сталина, высоко оценивавшего историческую миссию Москвы как «основы объединения разрозненной Руси в единое государство, с единым правительством, единым руководством». Известно, что подозрительный правитель называл Ленинград «заговорщицким го-

родом», и, думается, до него дошли бродившие в народе с 1944 года слухи о Ленинграде как о будущей столице РСФСР и о руководителях этого города как без пяти минут республиканских, а может быть, и союзных правителях. Тем более, что толки эти имели под собой определенное основание. Как вспоминал впоследствии Хрущев, незадолго до своей смерти Жданов, однажды встретившись с ним, печально произнес:

«Знаете, Российская Федерация... такая несчастная, в каком она положении!.. Надо создать Российское бюро ЦК ВКП(б)»²⁷.

Романтику русофильства подпитывал в Жданове главным образом председатель Совета министров РСФСР М.И. Родионов, который тщетно пытался через своего покровителя получить добро от Сталина на введение гимна России. Проект этого вновь предлагаемого атрибута российской государственности, к созданию которого были причастны композитор Д.Д. Шостакович и поэт С.П. Щипачев, заканчивался следующим куплетом:

«Славься, Россия, — отчизна свободы!
К новым победам пойдем мы вперед.
В братском единстве свободных народов
Славься, великий наш русский народ!»²⁸.

Но в отличие от утвержденных тогда же гимнов других союзных республик, этот элемент государственной символики РСФСР так никогда не обрел права на существование. Ибо для Сталина, да и его преемников по руководству СССР, если и существовала такая страна, как Россия, то только в ипостаси Советского Союза, другой они не воспринимали. К несчастью для себя, Жданов и другие «ленинградцы» этого не поняли. Как знать, быть может, в том числе и вследствие этого их заблуждения Сталин в конце своей жизни предпринял очередную кровавую акцию, известную как «ленинградское дело», по которому в 1950 году будут расстреляны Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, другие высокопоставленные чиновники, связанные с умершим к тому времени Ждановым. Это тем более печально, что «ленинградская» политическая ветвь, питаемая соками робко возрождавшегося после войны российского самосознания и так безжалостно обрубленная с древа национальной государственности, могла бы в перспективе стать для страны весьма плодотворной. Правда, реализация ждановской идеи возрождения государственности России чревата была распадом империи, чего, впрочем, так и не удалось избежать.

Спровоцировав, таким образом, в грозные предвоенные и военные годы рост русского самосознания и прагматично использовав его в том числе и в интересах сохранения собственной власти, Сталин из страха перед возможной перспективой выхода этого самосознания за рамки дозволенного безжалостно его растоптал.

Триумф и падение Жданова

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Возвращаясь к событиям второй половины 1946 года, к обстоятельствам последнего карьерного взлета Жданова, логично будет задаться вопросом, почему он произошел в то время, когда исторический локомотив истории на всех парах въезжал в мрачный и весьма длинный (по времени) тоннель холодной войны. Позади была фултонская речь У. Черчилля, заявившего 5 марта, что от Штеттина на Балтике и до Триеста на Адриатике железный занавес опустился на Европейский континент²⁹. А впереди — такие знаменательные вехи начала этой эпохи, как американские «доктрина Трумэна», «план Маршалла» и советская блокада Западного Берлина. Мир раскололся на две противостоящие и враждебные друг другу политические силы — предводительствуемый США «свободный мир» и, по определению Жданова, «лагерь антиимпериалистический и демократический во главе с СССР»³⁰. В этой обстановке идеологические различия, приглушенные было войной, вновь вышли в международных отношениях на передний план, став лейтмотивом набиравшей силу глобальной конфронтации.

В действиях Сталина явственно обозначилось стремление осуществить в кратчайшие сроки тотальную психологическую мобилизацию общества, возродив в населении господствовавший в стране в первые послереволюционные десятилетия дух защитников осажденной со всех сторон крепости. Но достижению этой цели препятствовала инерция победной эйфории народа, принесшего неисчислимые жертвы за право на достойную мирную жизнь и продолжавшего в большинстве своем симпатизировать бывшим союзникам. То же самое можно сказать и о подспудной деидеологизации советского общества, которая заметно усилилась с конца 30-х годов (с момента заключения пакта с Германией и укрепления позиций в советском руководстве номенклатурной технократии во главе с Маленковым и Берией), достигнув своего пика в годы войны (ропуск в угоду западным демократиям Коминтерна, частичная реабилитация Русской православной церкви*).

* То, что Сталин осенью 1943 года пошел на восстановление патриаршества, стало во многом следствием того патриотического вклада, который внесла Русская православная церковь в борьбу с врагом. Тем не менее даже несмотря на то, что будущий патриарх Сергей еще в ноябре 1942 года назвал Сталина «богоизбранным вождем воинских и культурных сил России», тот не позволил ему использовать прежний титул — патриарх Московский и всея России, и потому руководству церкви пришлось заменить присутствовавшее в нем дореволюционное название страны на архаичное — Руси.

Чтобы пресечь дальнейшее всенародное «почитание на лаврах», Сталин уже в конце 1946 года отменил празднование Победы над Германией, сделал выходным вместо 9 мая новогодний день 1 января. К тому же, как всегда в периоды ужесточения режима, начал отлаживаться и настраиваться на большие обороты механизм репрессивной машины. В принятом 20 августа 1946 г. постановлении политбюро министру госбезопасности Абакумову вменялось в обязанность помимо укрепления внешней разведки «проверенными и опытными чекистами» «организовать ... централизованный учет антисоветских элементов, проходящих по агентурным разработкам, а также централизовать учет массового осведомления». Одновременно наряду с давно существовавшим Особым совещанием при МВД СССР, осуществлявшим внесудебные репрессивные акции (отправляло в ГУЛАГ на основании заключения следствия, без опроса обвиняемого), таковое же учреждалось и при МГБ СССР, где для руководства ведомственными тюрьмами создавался также тюремный отдел³¹.

Закономерным результатом начавшейся пропагандистской перестройки стало и отстранение в том же 1946 году технократа-хозяйственника Маленкова от руководства идеологической сферой. Сталин резонно полагал, что с «закручиванием гаек» в духовной сфере успешней справится такой опытный партфункционер гуманитарного склада, как Жданов. И вождь не ошибся. Его избранник, сохранивший приверженность революционно-большевистской догме, несмотря на слабое здоровье, с таким энтузиазмом взялся за реализацию послевоенного идеологического курса диктатора, что данный политический феномен вошел потом в историю под мрачноватым названием «ждановщина». И хотя на самом деле Жданов лишь публично разыгрывал те сценарии, закулисным автором которых был Сталин, это не мешало ему воспринимать их как собственные. Фанатично убежденный в государственной важности порученной ему миссии, он, по заслуживающему доверия свидетельству, рассуждал примерно так:

«Положение достаточно серьезное и сложное. Намерение разбить нас на поле брани провалилось. Теперь империализм будет все настойчивей разворачивать против нас идеологическое наступление... И совсем неуместно маниловское прекраснотушие: мы-де победители, нам все теперь нипочем... Наши люди проявили столько самопожертвования и героизма, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Они хотят теперь хорошо жить. Миллионы побывали за границей, во многих странах. Они видели не только плохое, но кое-что такое, что заставило их задуматься. А многое из виденного преломилось в головах неправильно, односторонне... Среди части интеллигенции, и не только интеллигенции, бродят такие настроения: пропади все пропадом, всякая политика, хотим просто хорошо жить. Зарабатывать. Свободно дышать. С удовольствием отдыхать... Настроения аполитичности, безыдейности очень опасны для судеб нашей страны. Они ведут нас в трясины... В литературе, драматургии, кино появилась какая-то плесень. Эти настроения становятся еще опаснее, когда они дополняются угодни-

чеством перед Западом: «ах, Запад!», «ах, демократия!», «вот это литература!», «вот это урны на улицах!». Какой стыд, какое унижение национального достоинства!»³².

Пробой нового идеологического пера стала уже упомянутая выше пропагандистская кампания, развернувшаяся вокруг имен Ахматовой и Зощенко. Не случайно в принятом по ее результатам постановлении ЦК от 14 августа 1946 г. впервые прозвучала резкая критика литераторов за дух «низкопоклонства по отношению ко всему иностранному»³³. Осознав именно тогда, какую роль сыграл Александров в подготовке этого постановления, Жданов, видимо, окончательно решил избавиться от этого «тройского коня» Маленкова в аппарате ЦК. К тому же, противоречивым образом исповедуя как революционный пуризм, так и окрашенную в умеренно патриотические тона русскую национально-культурную эстетику, главный партидеолог не без основания полагал, что Александров и его креатура в пропагандистских структурах («александровские мальчики»), отказавшись на деле от революционных идеалов, марксизма, духовной культуры, погрязли в стяжательстве, циничном карьеризме и устройстве собственной «красивой жизни» (скупка антиквариата, картин, погоня за гонорарами, премиями и т.п.) и скатились в болото аполитичности и безыдейности³⁴. Рассуждая таким образом, Жданов не мог объективно не выступить против шовинизма и антисемитизма, «привитых» «александровским мальчикам» их своеобразным духовным отцом Сталиным. Не понимая или не желая понять этого важного обстоятельства, Жданов заранее обрек себя на поражение в номенклатурной борьбе, которое, в свою очередь, обернулось для его ближайших сподвижников трагедией.

«ДЕЛО “КР”»

В подготовке и проведении следующей крупной пропагандистской акции, явившейся как бы своеобразным ответом Сталина на известную «доктрину Трумэна» — декларацию американского внешнеполитического курса о поддержке «свободных народов» и «сдерживании коммунизма», с которой президент США выступил в конгрессе 12 марта 1947 г., ведущая роль отводилась уже не Александрову, устранение которого с поста начальника Агитпропа стало вопросом времени, а ставленнику Жданова М.А. Суслову, назначенному 22 мая секретарем ЦК*³⁵.

* Под непосредственным руководством Жданова Суслов начал работать с 1944 года, когда его, первого секретаря Ставропольского крайкома и горкома ВКП(б), назначили председателем бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР и поручили «проведение мероприятий по решительному пресечению деятель-

Непосредственный повод к развертыванию новой кампании дало инспирированное сверху «дело Клюевой—Роскина», советских ученых-микробиологов (кстати, супругов), активно работавших с конца 30-х годов над проблемой биотерапии рака. Их исследования, а также публикации в советских научных журналах (в том числе и издававшихся за границей) не остались незамеченными. После войны деятельностью ученых заинтересовался новообразованный Национальный раковый институт США, который в сентябре 1945 года обратился через американское посольство в Москве к профессору Г.И. Роскину с предложением начать совместную работу. Столь заманчивая перспектива развернуть мирное советско-американское научное сотрудничество по такой глобальной проблеме, как борьба с раком, казалась вполне реальной в тот краткий период, когда «горячая» война уже закончилась, а «холодная» еще не началась. Поэтому Н.Г. Клюева, избранная в том же 1945-м членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР (АМН СССР) и наделенная честолюбивым и волевым характером, решила использовать этот шанс. Занявшись поисками высокопоставленных покровителей, способных поддержать антираковый проект, она обратилась к А.И. Микояну. Потом через посредство некоего В.Н. Викторова, работавшего в свое время заведующим губздравотделом в Нижнем Новгороде, вышла на Жданова. После того, как в марте 1946 года Клюева и Роскин заявили на общем собрании АМН СССР о том, что после полуторагодичной работы им удалось получить препарат, способный бороться с раковой опухолью (саркомой), сообщение об этом, ставшее сенсацией, сразу же появилось в центральной печати³⁷. Ажиотаж, возникший вокруг еще сырого и находившегося лишь в начальной стадии эксперимента свидетельствовал не только о характерном для того времени общественном чаянии чудесных прорывов в постижении тайн природы, но и о том, что в дело вмешалась большая политика. Уже 3 апреля по представлению Жданова секретариат ЦК принял

ности буржуазных националистов и других антисоветских элементов». Весной 1946-го Суслов по представлению Жданова был введен в состав оргбюро ЦК и утвержден заведующим отделом внешней политики ЦК. 17 мая 1947 г., то есть незадолго до назначения его секретарем ЦК, Суслов направил Жданову секретную справку о работе ВОКС, в которой отметил факт «засоренности» этой организации евреями и вскрыл «крупные политические ошибки» в ее деятельности, в том числе «укоренившееся низкопоклонство и угодничество перед заграницей и иностранцами, потеря бдительности и чувства советского патриотизма». Чтобы не быть голословным, Суслов сослался на «возмутительный случай», который имел место на заседании в ВОКСе 27 февраля по случаю 100-летия Т. Эдисона. Выступивший тогда академик М.В. Кирпичев, оказывается, «договорился» до того, что назвал Эдисона «тем идеалом, к которому все стараются стремиться», а американцев «замечательной нацией», которой следует подражать (36).

специальное постановление, призванное обеспечить исследованиям Ключевой и Роскина государственную поддержку. По распоряжению министра здравоохранения СССР Г.А. Митерева для работы над чудо-препаратом в Центральном институте эпидемиологии, микробиологии и инфекционных заболеваний (ЦИЭМ) АМН СССР создавалась специальная лаборатория, которую предполагалось оснастить передовым импортным оборудованием³⁸. Для этого по официальным каналам 26 июня было организовано посещение ЦИЭМ послом США в Москве У.Б. Смитом*. Как докладывалось потом в секретариат ЦК, «из вопросов, из грамотного и правильного употребления узкоспециальных терминов было видно, что Смит хорошо знает историю открытия и его значение»³⁹. Гость предложил объединить усилия советских и американских ученых в борьбе с общим злом, а также пообещал в обмен за информацию о технологии изготовления противоракового препарата содействовать быстрым поставкам советской стороне американского лабораторного оборудования.

Такая схема сотрудничества, исходившая от представителя державы — вчерашней союзницы в войне, показалась тогда не только приемлемой, но и выгодной руководству Минздрава СССР и его кураторам в ЦК. 20 июня Политбюро утвердило решение секретариата ЦК командировать в США академика-секретаря АМН СССР В.В. Парина, которому были переданы рукопись подготовленной Ключевой и Роскиным книги «Биотерапия злокачественных опухолей», ампулы круцина («КР») — их антиракового препарата, а также эритрина — вещества, которое синтезировал профессор Л.А. Зильбер, руководивший в ЦИЭМ отделом иммунологии и злокачественных опухолей⁴⁰.

Однако начавшиеся в стране идеологические заморозки не могли не сказаться на зарождавшемся советско-американском медицинском проекте. Сталин вскоре поручает Жданову расследовать «подозрительный» факт посещения американским послом ЦИЭМа. И хотя 3 августа заместитель начальника УК ЦК Е.Е. Андреев доложил в секретариат ЦК, что данный визит был предварительно согласован с МИД, санкционирован руководством МГБ СССР и прошел без нарушения установленных правил, Сталин тем не менее не успокоился. По его указанию 7 августа Жданов направил материалы расследования на перепроверку в МИД, наложив на них недвусмысленную резолюцию: «...Я думаю, что Смита не нужно было пускать в институт...». Разумеется, чиновники МИДа быстро поняли, чего от них ждут наверху. В подготовленном ими новом экспертном заключении уже рекомендовалось, отказавшись от предложения Смита,

* Американский генерал Смит пробыл послом в Москве до лета 1949 года, потом, возвратившись в США, находился в 1950–1953 годах на посту директора ЦРУ.

противопоставить стремлению американцев заполучить образец «КР» «соответствующие меры предосторожности к недопущению просачивания какой-либо информации об этом препарате» за границу.

Добившись своего, Жданов переслал документы по «КР» В.М. Молотову⁴¹. Вряд ли это было просто бюрократической процедурой или аппаратной вежливостью. Известно, что в это время Сталин и Молотов вырабатывали позицию СССР в отношении американского проекта соглашения о международном контроле над атомным оружием. Этот так называемый «план Баруха»* должен был рассматриваться в конце года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. По мнению Сталина, выраженному в интервью английскому журналисту А. Верту, существовало два варианта выхода из атомного тупика: принятие международной конвенции о запрещении и уничтожении ядерного оружия или установление баланса в этой сфере путем ликвидации тем или иным способом атомной монополии одной страны⁴². Будучи прагматиком, Сталин скорее всего считал более реальным второе решение. Осуществить его можно было либо самостоятельно, изготовив собственную атомную бомбу, либо заставив американцев поделиться атомными секретами. Добиться последнего было задачей сложной, но в условиях международной политической ситуации лета — осени 1946 года выполнимой. К тому времени разработка советского ядерного устройства, осуществлявшаяся, кстати, с помощью тайно добытых американских секретов, находилась на начальной стадии, и конечный успешный результат этой титанической деятельности отнюдь не был гарантирован. Поэтому Сталин вынужден был хитрить и намеренно принижать военно-стратегическую значимость атомного оружия, заявляя, к примеру, что «атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных»⁴³. Совсем не случайно и то, что 28 октября советская печать широко публикует письмо бывшего американского вице-президента Г. Уоллеса, известного своими просоветскими симпатиями, в котором тот попросил президента Г. Трумэна предать гласности секрет атомного оружия и уничтожить его на основании международного договора. На следующий день, выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, Молотов потребовал того же самого, назвав «план Баруха» эгоистич-

* Американский финансовый и политический деятель Бернард Барух (1870–1965), являвшийся в свое время неофициальным советником президента Ф. Рузвельта и назначенный в марте 1946 года представителем США в комиссии ООН по атомной энергии, известен помимо прочего тем, что, выступая 16 апреля 1946 г. в г. Колумбия штата Южная Каролина, одним из первых произнес сакраментальное выражение «холодная война», ставшее символом целой эпохи новейшей мировой истории. В начале 1947 года Барух вышел в отставку. В политику возвратился в 1953 году, став советником президента Д. Эйзенхауэра.

ным документом, призванным служить прикрытием американской атомной монополии. Впрочем, 6 ноября он несколько скорректировал свою позицию, сделав специальное заявление о том, что секрета атомной бомбы «давно уже не существует»⁴⁴.

Судя по всему, увлекшись этой политической игрой, советское руководство решило в качестве дополнительного аргумента в диалоге с американцами об атомном оружии использовать и препарат «КР», представляя его как возможную панацею от онкологических заболеваний, вызванных в первую очередь радиоактивным заражением. Показательно, что в советских верхах об этой вакцине говорили как о «биологической атомной бомбе». Тот же Молотов связался из Нью-Йорка с Москвой для выяснения возможности передачи американцам препарата «КР». В ответ руководство Минздрава СССР подтвердило свое позитивное отношение к этой идее, сославшись на то, что продолжавшееся пребывание в США советских ученых во главе с Париным уже положительно отразилось на получении от американцев новейших приборов, оборудования, научной литературы. Зная благожелательную позицию Молотова и не сомневаясь в том, что министр здравоохранения Митерев добьется в ближайшее время соответствующей санкции от ЦК ВКП(б), Парин 26 ноября на свой страх и риск передал американской стороне рукопись книги Ключевой и Роскина, а также десять ампул их препарата. Однако рассмотрение этого вопроса специально созданной комиссией политбюро во главе со Ждановым неожиданно застопорилось, поскольку тот, учитывая важный внешнеполитический аспект проблемы, направил в декабре все материалы Сталину и счел за благо ожидать его решения.

Между тем очень скоро стало окончательно ясно, что договориться с Вашингтоном не удастся. Он явно не желал расставаться с ядерной монополией. И потому виды советского руководства на «КР» как на крупный козырь в достижении ядерной сделки с американцами оказались несостоятельными. У Сталина оставалась только надежда на успешное завершение отечественного атомного проекта, благо, советские ученые порадовали его крупным достижением: 25 декабря в Лаборатории № 2 в Москве был пущен первый в стране уранографитовый реактор, с помощью которого впервые в СССР была осуществлена цепная ядерная реакция. Когда И.В. Курчатов, руководивший научной разработкой советского атомного оружия, доложил об этом Сталину, тот прежде всего потребовал максимально усилить режим секретности проводившихся работ, чтобы, как он выразился, заграничная разведка не разнюхала об этом успехе СССР⁴⁵.

Под воздействием стремительно усложнявшейся международной ситуации вождь все больше впадал в шпиономанию, ввергая общество в пучину ксенофобии. 15 февраля 1947 г. появился указ президиума Верховного совета СССР «О воспреещении регистрации браков граж-

дан СССР с иностранцами»*. В последующие месяцы были введены в действие новый, более объемный по сравнению с предыдущим, перечень сведений, составляющих государственную тайну (8 июня 1947 г.) и инструкция по обеспечению государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР (1 марта 1948 г.).

Нагнетавшаяся сверху атмосфера политической паранойи обрекла Парина, возвратившегося 17 февраля 1947 г. из командировки в США, на немедленный арест по обвинению в шпионаже. Именно так был квалифицирован советскими спецслужбами факт передачи им американцам препарата «КР» и рукописи Ключевой и Роскина. Только благодаря тому, что 26 мая 1947 г. смертная казнь в стране была отменена, Парина не расстреляли. 8 апреля 1948 г. Особое совещание при МГБ СССР определило ему наказание в виде 25-летнего тюремного заключения**.

Стремясь использовать в пропагандистских целях историю с «КР», Сталин распорядился ее «размазать погуще», поручив Жданову разослать соответствующую закрытую директиву на места. И весной 1947 года такой документ был направлен. В нем региональное партийное начальство уведомлялось о том, что «за последнее время иностранные разведки, особенно английская и американская, стремятся расширить свою работу в СССР как по линии шпионажа, так и по линии собирания всякого рода материалов для организации анти-советской клеветы и пропаганды». В директиве предписывалось:

«Покончить с беспечностью и ротозейством, а тем более с низкопоклонством в отношении приезжающих иностранцев... обеспечить через соответствующие организации слежку за пребыванием иностранцев в республике, крае, области, городе, с тем чтобы знать о каждом их шаге и предупреждать возможность их встречи с людьми болтливыми, не умеющими хранить государственную тайну, склонными к раболепию перед иностранцами»⁴⁷.

Вокруг же Ключевой и Роскина события развивались более чем странно. 18 февраля, то есть на следующий день после ареста Парина, секретариат ЦК принял решение выпустить в свет их книгу «Биотерапия злокачественных опухолей» массовым тиражом, а Агит-

* Непосредственным поводом к принятию этого указа послужил вызвавший недовольство Сталина брак, заключенный в конце 1946 года советской гражданкой Тamarой Вегер и югославом Жарко Брозом, сыном И.Б. Тито. С большим трудом Т. Вегер в августе 1947 года все же удалось выехать из СССР на родину мужа. В отместку ее отца, руководящего сотрудника Министерства строительства предприятий тяжелой промышленности И.М. Вегера, исключили из партии и отправили с понижением в должности на работу на Северный Урал (46).

** Определением военной коллегии Верховного суда СССР от 13 апреля 1955 г. Парин был выпущен на свободу и реабилитирован «за отсутствием состава преступления». В 60-е годы действительный член АН СССР Парин руководил медико-биологическими экспериментами в космосе.

пропу поручалось организовать хвалебные рецензии на нее в периодической печати, что и было исполнено. Возможно, что Жданов, который главенствовал тогда в секретариате ЦК, пытался с помощью ура-патриотической шумихи о «выдающемся достижении советской науки», выводящем СССР в лидеры в соревновании с Западом, как-то защитить супругов-микробиологов, которым покровительствовал. Но, скорей всего, такая нестыковка в действиях ЦК и МГБ была результатом того, что руководство «органов», пользуясь особым благорасположением вождя, зачастую игнорировало партаппарат и не согласовывало с ним своих акций. Однако после того, как вскоре Жданов был вызван Сталиным и получил от него указание использовать «дело Ключевой—Роскина» для «приведения в чувство» оторвавшейся от родной почвы интеллигенции, ведомственный «раздрай» был устранен. Позже в своей записной книжке Жданов зафиксировал такие наставления и мысли вождя:

«Вдолбить (интеллигентам. — *Авт.*), что за средства народа должны отдавать все народу»; «у крестьян больше достоинства и духа, чем у Ключевой»; «расклевать преувеличенный престиж Америки с Англией».

По тем же записям главного идеолога партии выходило, что основными причинами возникновения прозападных настроений у «некоторой части» интеллигенции Сталин считал, во-первых, «пережитки проклятого прошлого царской России» (начиная с Петра Великого страна «была наводнена иностранцами, которые вели себя как представители высшей расы и высшей культуры») и, во-вторых, «влияние... капиталистического окружения», главным образом, происки США и Великобритании и их агентов, которые «не щадят сил для того, чтобы иметь внутри СССР опорные пункты для своей разведки и антисоветской пропаганды»⁴⁸.

«СУДЫ ЧЕСТИ»

Новая массовая «промывка мозгов» была инициирована изданием 28 марта постановления Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах и центральных ведомствах», подписанного Сталиным и Ждановым.

Идея «судов чести», этих своеобразных общественно-бюрократических трибуналов, названных советским руководством «мощным рычагом» «политического воздействия», была заимствована из прошлого царской армии. На них возлагалось «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР, центральных ведомств, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке...»⁴⁹.

Одним из первых «суд чести» был сформирован в Министерстве здравоохранения СССР, который, собственно, и должен был рассмотреть «дело Ключевой—Роскина». Поскольку этот общественный процесс задумывался Кремлем как важная показательно-пропагандистская акция, его подготовка поручалась идеологическому руководству ЦК. Жданов, лично участвовавший в допросах Ключевой, Митерева и Парина, взял на себя составление своего рода обвинительного заключения, которое после одобрения Сталиным было направлено в виде обращения парткома Минздрава о привлечении Ключевой и Роскина к «суду чести» новому министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову, назначенному вместо Г.А. Митерева. Этот документ послужил основой разосланного в руководящие партийные и государственные структуры «закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина» от 16 июля 1947 г.^{*}, автором которого был также Жданов.

5 июня в переполненном клубе Совета министров СССР, располагавшемся в серой громаде печально знаменитого «дома на набережной», началось общественное аутодафе над Ключевой и ее мужем-евреем Роскиным. В зале присутствовали светила советской науки, известные всей стране медики. Некоторые из них в ходе прений с энтузиазмом клеймили «продавших родину антипатриотов», не догадываясь, что завтра сами могут получить «черную метку» в виде клейма «космополит» или того хуже — «убийца в белом халате». Особенно старался арестованный впоследствии академик Б.И. Збарский. Обращаясь в конце своей обличительной речи к обвиняемым, он патетически воскликнул:

«Снимите позор и стыд, который вы навлекли на себя своими поступками, — патриотами вы никогда не были».

Другой академик, ученый секретарь Минздрава И.Д. Страшун** подвел под инспирированное сталинским руководством действие эффектную историософскую базу:

* Интересно, что в этот же день политбюро запретило издание «Journal of the Physics USSR» (редактор академик П.Л. Капица) и другой научной академической периодики, выходившей на иностранных языках, мотивируя это тем, что их выпуск «весьма облегчает зарубежной разведке следить за достижениями советской науки». Примерно тогда же была введена цензура всей литературы (в том числе и научно-технической), поступающей в страну из-за границы. Предварительному просмотру Главлитом не подлежали только иностранные издания, предназначенные для ЦК ВКП(б), МИД СССР, МГБ СССР (50).

** В 1949 году Страшуна, женой которого была литератор В.М. Инбер (двоюродная сестра Л.Д. Троцкого), объявили космополитом и уволили с работы.

«Прошли те времена, когда «окно в Европу» доносило в нашу страну свежий ветер. С октября 1917 года свежий ветер дует не с Запада на Восток, а с Востока на Запад. «Новый Свет» перестал быть новым светом — теперь наша страна светит всему миру».

Доведенная до истерики такого рода ритуальными заклинаниями Клюева заявила, что перед передачей за границу технологической документации на изготовление ее антиракового препарата она внесла в нее такие изменения, которые гарантируют, что американцы получат вместо лекарства яд, от которого «больные будут получать шок или умирать». Возможно, учитывая такие вот откровения и государственную важность проводимых Клюевой и Роскиным научных исследований, «суд чести» объявил им только общественный выговор. Свои эксперименты они смогли продолжить в лаборатории биотерапии рака АМН СССР. Правда, вскоре выяснилось, что лечебный эффект от применения их препарата «КР» практически равен нулю⁵¹.

Среди немногих, кому на том процессе удалось сохранить здравый смысл и независимость суждений, была Л.С. Штерн, сказавшая в кулуарной беседе: «Этот суд — страшное дело»⁵².

13–14 августа по такому же сценарию состоялась и гражданская экзекуция бывшего министра здравоохранения Митерева, низведенного 24 июня до уровня директора Научно-исследовательского санитарного института им. Эрисмана. В ходе ритуальных самобичеваний он вынужден был заявить: «Я оказался не на высоте — не государственным деятелем, а делягой»⁵³.

Пропагандистского запала кампании с использованием «судов чести», которые были организованы в более чем 80 министерствах и центральных ведомствах, хватило примерно на год. Со второй половины 1948 года их деятельность постепенно стала сходиться на нет, а в 1949-м они прекратили свое существование. Столь непродолжительная жизнь этих «гуманизированных» аналогов показательных политических процессов 1936–1938 годов обуславливалась прежде всего тем, что бюрократия, уже в силу своей социальной природы предпочитавшая громким публичным разбирательствам келейные решения, очень скоро превратила эти общественные новообразования в безвредный для нее аппаратный придаток. Сталину пришлось на время отступить, чтобы вскоре под флагом новой пропагандистской кампании дать бой не только интеллигентам-«космополитам», но и вновь сразиться с гидрой бюрократической корпоративности и круговой поруки.

ОБНОВЛЕНИЕ РУКОВОДСТВА АГИТПРОПА

Но в 1947 году «суды чести» представляли собой достаточно острое политическое оружие, которое, во всяком случае, помогло Жданову в давно готовящемся им сведении счетов с Александровым. Еще не

улеглись страсти вокруг нашумевшего процесса над Клюевой и Роскиным, в подготовке которого Александров принял деятельное участие (написал проект речи общественного обвинителя кардиохирурга П.А. Куприянова), как он из, так сказать, загонщика сам превратился в объект аппаратной охоты. 24 июня на организованной ЦК дискуссии по книге Александрова «История западноевропейской философии», годом ранее с таким фурором отмеченной Сталинской премией, выступил Жданов и нещадно раскритиковал ее автора за «профессорский объективизм» и аполитичность. А 17 сентября Александров был заменен на посту начальника УПиА ЦК Сусловым, бесцветным чиновником, представлявшим собой своеобразную психологическую разновидность византийского евнуха с кастрированной претензией на верховную власть⁵⁴.

В ходе начавшегося следом «освежения» кадров Агитпропа, принятого для устранения креатуры прежнего руководителя, прежде всего избавились от его заместителей: П.Н. Федосеева, С.Г. Суворова, А.М. Еголина. Образовавшийся в результате кадровый вакуум Жданов заполнял своими людьми. С его подачи первым заместителем начальника Агитпропа был назначен Д.Т. Шепилов. Родившись в 1905 году в отдаленной провинции, в семье рабочего-токаря, тот окончил гимназию в Ташкенте, потом, перебравшись в столицу и поступив в МГУ, получил в 1926 году диплом юриста. Затем в 1931–1933 годах учился в Аграрном институте красной профессуры, после чего был направлен в Западную Сибирь начальником политотдела одного из тамошних животноводческих совхозов. В апреле 1935 года молодого энергичного партфункционера переводят в аппарат ЦК ВКП(б) заместителем заведующего сектором науки сельскохозяйственного отдела. Однако в июле 1937-го в ЦК поступил донос от первого секретаря Западносибирского крайкома партии Р.И. Эйхе, в котором сообщалось о «троцкистских колебаниях» Шепилова во время его работы в Сибири⁵⁵. Началось служебное расследование, в результате которого Шепилова изгнали из ЦК. Войну он встретил, работая в Институте экономики АН СССР. Оттуда пошел на фронт, вступив политработником в ряды московского народного ополчения. День Победы член военного совета 4-й гвардейской армии, генерал-майор Шепилов отмечал в Австрии. В 1946 году он вновь в Москве, сначала на должности заместителя начальника управления пропаганды и агитации Главпура вооруженных сил, а в августе был утвержден редактором «Правды» по отделу пропаганды. Незадолго до своего назначения в Агитпроп ЦК вошел в круг друзей сына Жданова, Юрия, вокруг которого группировалась тогда «золотая молодежь» из числа отпрысков представителей высшей номенклатуры.

Тем временем для подхлестывания аппаратной чистки 23 сентября 1947 г. на политбюро было решено создать в ЦК «суд чести». На открывшемся через несколько дней под председательством Суслова

собрании работников аппарата ЦК, которое должно было избрать состав суда, с основным докладом выступил секретарь ЦК А.А. Кузнецов. Главные обвинения, прозвучавшие из его уст, были направлены в адрес старшего руководства Агитпропа. Упомянув о «порочной» кадровой политике Александрова (тот, оказывается, «зациклившись» на профессионализме и игнорируя классовый подход, жаловав в своем ведомстве прежде всего специалистов-гуманитариев, а не партфункционеров), Кузнецов сосредоточил свое внимание на конкретных плодах такой практики, направив острие пафосного негодования против бывшего заместителя заведующего отделом УПиА Б.Л. Сучкова*. Главным «обвиняемым» тот стал потому, что, будучи в 1947 году директором Государственного издательства иностранной литературы (ГИИЛ), был арестован по подозрению в передаче американцам секретных сведений о разработке советской атомной бомбы и информации о послевоенном голоде в Молдавии. Кроме того, Сучков в 1946 году, пытаясь помочь бывшему сокурснику Л.З. Копелеву (будущему диссиденту, эмигрировавшему в 1980 г. в ФРГ), получившему десять лет лагерей «за контрреволюционную деятельность», обратился в прокуратуру с просьбой о пересмотре его дела. Концовка выступления Кузнецова прозвучала почти как заклинание:

«Бдительность должна явиться необходимым качеством советских людей. Она должна являться, если хотите, национальной чертой, заложенной в характере русского советского человека»⁵⁷.

* До войны Сучков был аспирантом на кафедре всеобщей литературы в Московском государственном педагогическом институте у И.М. Нусинова. Потом какое-то время исполнял обязанности секретаря парторганизации СП СССР и редактировал журнал «Иностранная литература». После закрытия в 1943 году этого издания как «рупора англо-американской пропаганды» в СССР был взят Александровым на работу в Агитпроп ЦК. Работая с апреля 1947 года директором ГИИЛ, выпустил в свет такие чрезвычайно популярные после войны книги, как «Тайная война против Америки» и «Тайная война против Советской России» М. Сейреса и А. Кана, а также «Его глазами» Э. Рузвельт. 25 июля оргбюро ЦК признало работу ГИИЛ неудовлетворительной, главным образом потому, что при подборе кадров в издательстве отдавалось предпочтение «людям нерусской национальности» (кстати, то же самое констатировалось и в начале 1945 года, когда заместитель начальника Агитпропа П.Н. Федосеев обнаружил, что из 20 работников русской редакции издательства 18 — евреи). В феврале 1948 года под наблюдением Сулова была предпринята новая антиеврейская чистка ГИИЛ, а с 1951-го начались аресты издательских работников еврейской национальности. В середине февраля 1953 года по запросу ЦК на Старую площадь были отправлены следующие данные о национальном составе сотрудников ГИИЛ: 168 русских, 17 евреев, 4 украинца. После смерти Сталина чистки в ГИИЛ прекратились. Что же касается Сучкова, то в 1955 году он был освобожден из лагеря, став потом директором Института мировой литературы и членом-корреспондентом АН СССР (56).

Испугавшись перспективы быть привлеченным Ждановым к цековскому «суду чести», Александров уже в качестве директора Института философии АН СССР направил 10 октября Сталину следующеe покаянное письмо:

«...Только тяжелое состояние заставляет меня обратиться за помощью о поддержке. Меня сурово и справедливо наказал ЦК, освободив от работы в Агитпропе... Много переудав за эти дни и тяжело переживая уход с пропагандистской работы, я отчетливо понимаю смысл и своевременность этой меры... К тому же на работу Агитпропа бросил тень совершенно исключительный факт, связанный с деятельностью такого мерзавца и врага, каким оказался Сучков... И вот теперь меня собираются еще раз наказать в суде чести за мою крупнейшую ошибку, когда я не сумел распознать в Сучкове врага... Мой доклад на предстоящей сессии Академии наук... отменяется, у меня выключают телефон, отбирают машину. Дорогой товарищ Сталин! Я полон энергии, имею знания и опыт, горю желанием самым активным образом расшевелить наши философские кадры. Очень прошу Вас дать мне возможность два-три года поработать в области философии, чтобы это не было временем непрерывных наказаний за мои прежние ошибки»⁵⁸.

Сталин внял мольбам опального фаворита и защитил его от аппаратных козней. На прошедшем 23–24 октября в ЦК «суде чести» в качестве обвиняемых предстали только бывшие заместитель Александрова по Агитпропу К.С. Кузаков и заведующий отделом кадров печати управления кадров ЦК М.И. Щербаков. За потерю политической бдительности и покровительство разоблаченному «врагу народа» Сучкову им был объявлен общественный выговор, и они были исключены из партии.

Ликвидировав осенью 1947 года остатки влияния Маленкова в аппарате ЦК, Жданов и его сторонники могли считать себя там полными хозяевами. Под руководством Жданова началась подготовка к очередному съезду партии и шло составление новой партийной программы. Показательно, что одновременно с изгнанием Александрова из Агитпропа (17 сентября) на секретаря ЦК Кузнецова было возложено «наблюдение» за работой МГБ СССР, и его ввели в оперативную комиссию политбюро по рассмотрению важнейших государственных вопросов — так называемую «девятку». Другой видный «ленинградец» Н.А. Вознесенский фактически становится правой рукой благоволившего ему первого заместителя Сталина по Совету министров СССР Молотова, исполняя в отсутствие последнего (отпуска, командировки и т.п.) его обязанности⁵⁹.

ПЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ ГЛАВНОГО ИДЕОЛОГА

Аппаратные победы Жданова, рост его популярности в народе и властных структурах партии и государства не только еще больше настроили против него и стоявшей за ним группировки Маленкова,

Берию и их единомышленников, но и не могли не вызвать глухого недовольства у подозрительного Сталина, который стал заметно охладевать к «ленинградцам» и их лидеру. Как не согласиться тут с К. Тацитом, писавшим в своей «Истории»: «...Правители всегда подозревают и ненавидят тех, кто может прийти им на смену...».

Не случайно, думается, на состоявшуюся в конце сентября в Польше учредительную конференцию Коминформа вождь направил Жданова в сопровождении Маленкова, хотя тот был далек от проблем международного коммунистического движения, да к тому же уже больше года как не работал в аппарате ЦК. Вскоре после этого, находясь на отдыхе на Черном море, Сталин, зазвав однажды на свою дачу Жданова, вдруг неожиданно накричал на него:

«Сидит, как Христос, как будто это его не касается! Вот смотрит на меня, как Христос!».

Дочь Сталина, Светлана, оказавшаяся очевидцем этой сцены и удивленная взрывом ничем не спровоцированного гнева отца, подметила и другой не менее красноречивый эпизод:

«Я помню, — писала она впоследствии, — как тогда же Поскребышев говорил отцу, кто будет к обеду, и назвал имя Алексея Кузнецова... Отец не возразил ничего. Но когда гости приехали и молодой красивый Кузнецов улыбаясь подошел к отцу, тот вдруг не подал ему руки и сухо сказал: «Я вас не вызывал». Кузнецов мгновенно потемнел лицом, весь съежился и вынужден был уехать»⁶⁰.

Свою лепту в разжигание неприязни «хозяина» к «ленинградцам» внесли, разумеется, Маленков и Берия, которые использовали для этого и ночные застолья на подмосковной даче вождя, благо на них Жданов в связи с ухудшением здоровья появлялся все реже и реже. В конце 1947 года, серьезно озабоченный усилением интриг вокруг его персоны, Жданов перенес очередной инфаркт миокарда. Однако, собрав волю в кулак и быстро встав на ноги, вновь стремится заявить о себе как о ведущем партийном идеологе, которого еще рано «списывать в архив». Воспользовавшись недовольством Сталина оперой В. Мурадели «Великая дружба»*, премьеры которой состоялась в Большом театре 7 ноября 1947 г., он решил напомнить вождю о своих способностях организатора крупномасштабных пропаган-

* Конкретно Сталину не понравилось, что в фабуле оперы, посвященной событиям 1918–1920 годов на Северном Кавказе, неправильно, по его мнению, было отражено отношение отдельных кавказских народов к русским и установлению советской власти. В частности, Сталин был против негативного показа в опере грузин и осетин, считая, что основное зло в этом регионе исходило от чеченцев и ингушей. Кроме того, ему, поклоннику музыкальной классики XIX века, явно пришлись не по вкусу элементы модернизма («какофония!»), присутствовавшие в музыке оперы.

дистских кампаний. К подготовке новой идеологической акции Жданов привлек Шепилова, амбициозного, образованного чиновника, внешне представительного и обаятельного, увлекавшегося с юности русской музыкальной классикой и не упускавшего случая блеснуть своими вокальными данными в кругу друзей и знакомых, в первую очередь из числа столичной творческой элиты. Это было первое крупное задание, порученное ему по работе в ЦК, своеобразное «боевое крещение», дававшее шанс выдвинуться в Агитпропе на первые роли, потеснив бесцветного Сулова, своего непосредственного начальника. О последнем Шепилов был невысокого мнения. И, памятуя его «фирменную» фразу «нам не поручено», считал про себя главу Агитпропа безынициативным замшелым ретроградом, «человеком в футляре»⁶¹.

Взяв инициативу на себя, Шепилов с помощью большой группы ведущих столичных музыковедов и других экспертов подготовил проект директивы ЦК, написанный в том духе, что необходимо «оградить советское музыкальное творчество от... западнических течений», которые олицетворяют собой «по существу распад музыкальной формы, патологическое ее перерождение». Этот материал, представленный Жданову, скорее всего и лег в основу принятого 10 февраля 1948 г. постановления ЦК «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Впоследствии доживший до 1995 года Шепилов, по понятным причинам, старался преуменьшить свой вклад в одиозную кампанию*. Этот сановник, находившийся при Сталине и Хрущеве в гуще придворных интриг, до конца жизни оберегал сложившуюся в кругах столичной интеллигенции репутацию тайного покровителя и защитника деятелей культуры от грубой, бездушной и малообразованной бюрократии, в рядах которой он оказался как бы по воле случая, сохранив в душе любовь к высокому искусству.

Активное участие принял Шепилов и в подготовке совещания деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), которое предшествовало выходу постановления. Оно открылось в 13-00 13 января 1948 г. и продолжалось в течение пяти часов. К тому часу в беломраморном зале на пятом этаже здания на Старой площади помимо партийного руководства, представленного Ждановым, Суловым, Кузнецовым, Поповым, Шепиловым, собралось более 70 композиторов, музыкальных критиков, музыковедов — вся столичная музыкальная элита. Выступивший первым Жданов вначале обрушился с резкой крити-

* Делясь с композитором Т.Н. Хренниковым воспоминаниями об обстоятельствах выхода постановления ЦК от 10 февраля 1948 г., Шепилов утверждал, что подготовленный им проект, не содержащий резких выпадов и ярлыков, не понравился Сталину, который приказал помощнику Жданова А.Н. Кузнецову ужесточить текст постановления. Однако в вышедших после смерти Шепилова его собственных мемуарах уже ничего не говорится о Сталине и утверждается, что отверг подготовленные Агитпропом документы о музыке Жданов, который счел их «академическими» (62).

кой на автора оперы «Великая дружба», затем отчитал Д.Д. Шостаковича, С.С. Прокофьева, В.Я. Шебалина и некоторых других композиторов за «формалистические выверты», допущенные ими в последних сочинениях, от которых, как выразился оратор, «отдает духом современной упаднической буржуазной музыки Европы и Америки» «Надо сказать прямо, — уточнил главный идеолог партии, — что ряд произведений современных композиторов настолько перенасыщен натуралистическими звуками, что напоминает, простите за неязгущее выражение, не то бормашину, не то музыкальную душегубку. Просто сил никаких нет...». В заключение он призвал композиторов обратиться к русскому классическому музыкальному наследию, потребовал от них создавать «красивую, изящную музыку... способную удовлетворить эстетические потребности и художественные вкусы советских людей», а не «кучки эстетствующих гурманов»⁶³.

Однако, выступив правофланговым нового пропагандистского похода против видных деятелей советской музыки, Жданов отнюдь не укрепил своего положения в кремлевской иерархии, как наверняка надеялся. Скорее наоборот, шумиха вокруг прозападного формализма в музыке, поставив его в центр всеобщего внимания, только разожгла ревность, питаемую с некоторых пор вождем к своему заместителю по партии, неосмотрительно любившему повторять перед подчиненными: «Я и товарищ Сталин решили». На политическом небосклоне единовластия должна красоваться только одна звезда, а все другие, пусть даже светящие отраженным светом, обречены на затухание. Не для того Сталин в 30-е годы отправил в небытие Бухарина, Постышева, Рыкова и других «малых» вождей, чтобы потом допустить возрождение поливождизма. К тому же в рассуждениях главного партидеолога о формализме, о «проповеди атональности, диссонанса и дисгармонии» в музыке не было ничего принципиально нового. Он явно повторял самого себя и свои более чем десятилетние давности разносные статьи в «Правде» — «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь»⁶⁴. Отсюда, несмотря на широкий общественный резонанс, вызванный этой своеобразной лебединой песнью Жданова, как бы сам собой напрашивался вывод: одряхлевший идеолог мыслит категориями вчерашнего дня и исчерпал свой интеллектуальный ресурс.

Требовался лишь провоцирующий повод, чтобы недовольство вождя главным идеологом вышло наружу. И его вскоре дал 27-летний сын Жданова Юрий. В декабре 1947 года этого сановного отпрыска, окончившего МГУ и работавшего там ассистентом на кафедре органической химии, назначили заведующим отделом науки УПиА ЦК. Преисполненный кипучей энергии и желания самоутвердиться, он был полон благих намерений и проектов по улучшению положения дел на порученном ему участке руководящей работы. С самоуверен-

ностью, свойственной молодому человеку, опекаемому к тому же влиятельным отцом, и с безрассудством человека, не умудренного в тонкой науке аппаратных интриг, Юрий Жданов сразу же взялся за решение самой вопиющей и бросившейся в глаза проблемы, связанной с монополизацией руководства биологической науки в руках Т.Д. Лысенко, ловкого авантюриста, демагога и более чем посредственного ученого, возглавлявшего с 1938 года Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ). Активно консультируясь с классическими генетиками, недовольными антинаучными методами руководства Лысенко, новый заведующий отделом Агитпропа получил от них конкретную информацию о безотрадном положении дел в отечественной агробиологии. Быстро обобщив эти материалы, Ю. Жданов решил дать открытый бой Лысенко, предполагая выступить с докладом на тему «Спорные вопросы современного дарвинизма» в Политехническом музее, где 10 апреля 1948 г. должен был состояться семинар лекторов обкомов партии. Предварительно он решил посоветоваться со своим начальником по Агитпропу Шепиловым, который, отлично зная о давних симпатиях, питаемых Сталиным к Лысенко, тем не менее «без колебаний поддержал» опасную затею своего подчиненного, намереваясь, вероятно, использовать того как таран в своей политической игре. Доклад, в котором на свет Божий были извлечены тайные методы Лысенко по опорочиванию конкурентов в науке, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Раздосадованный такой самодеятельностью молодого Жданова вождь, к которому за защитой обратился перепуганный Лысенко, приказал расследовать разразившийся скандал и обсудить его на политбюро. А.А. Жданов тогда в сердцах попенял Шепилову:

«...Как вы могли разрешить такой доклад, не посоветовавшись со мной? Мне было бы грех жаловаться на Юрия. Он воспитанный человек и очень почтителен дома, в семье, но страшно увлекающийся романтик. Он ни слова не сказал мне о предстоящей лекции. Действовал от чувства. А как вы, зрелый политработник, не оценили, к чему может привести такой доклад?»

На что Шепилов невозмутимо ответил в том духе, что кто-то же должен был выступить против лысенковской абракадабры⁶⁵.

Заседание политбюро, на котором обсуждалось «дело» Юрия Жданова, открылось 31 мая. С самого начала Сталин, не скрывая своего возмущения, заявил, что Жданов-младший поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко, забыв, что тот сегодня является Мичуриным в агротехнике. Затем вождь стал выяснять, кто разрешил доклад в Политехническом музее. Как потом пытался представить дело Шепилов, он, якобы первым нарушив последовавшее за этим вопросом всеобщее молчание, которое «становилось тягостным и невыносимым», «встал и громко по-военному ответил»: «Это я раз-

решил, товарищ Сталин». В правдивости подобного утверждения заставляет сомневаться свидетельство главного действующего лица этой истории — Юрия Жданова, который тоже присутствовал на заседании и впоследствии сетовал на то, что его очень подвел Шепилов, отказавшийся взять на себя ответственность за одобрение доклада в Политехническом музее. Подводя итоги, Сталин, по словам Шепилова, очень тихо и со «зловещей» нотой в голосе произнес, что надо примерно наказать виновных, но не Юрия Жданова, еще молодого и неопытного, а отцов, указав при этом мундштуком трубки на Жданова-старшего. Для подготовки соответствующего решения тогда же была сформирована комиссия политбюро, в которой главная роль отводилась Маленкову⁶⁶.

Заканчивалась эра Жданова. Происходило это не только потому, что из-за тяжелого недуга тот с каждым днем физически угасал, а Сталин к тому же с некоторых пор склонен был подозревать «ленинградцев» в вынашивании далеко идущих планов. Существовали и объективные причины: летом 1948 года «холодное» противостояние Востока и Запада настолько усилилось, что разразился так называемый Берлинский кризис. Тогда же детище Жданова — Коминформ, не успев родиться, дал серьезную трещину: от него откололись югославские коммунисты во главе с Тито. Ужесточение внешнеполитической ситуации диктовало Сталину курс на окончательное и решительное свертывание послевоенных послаблений внутри страны, и тут он уже не мог больше полагаться на «мягкотелого» Жданова. Для опоры диктатору требовалась более надежная, работоспособная и менее рефлектирующая аппаратная фигура. Всеми этими качествами обладал Маленков, воплощавший собой тип чрезвычайно исполнительного и энергичного бюрократа-менеджера. 1 июля «ввиду расширения работы ЦК» он был восстановлен в должности секретаря ЦК. А через пять дней политбюро приняло постановление отправить с 10 июля Жданова, «согласно заключению врачей», в двухмесячный отпуск. Служебные полномочия последнего по секретариату ЦК, естественно, передавались Маленкову, которого Шепилов охарактеризовал потом как «непревзойденного организатора и исполнителя воли Сталина». Последнее, что сделал Жданов перед тем как отправиться на лечение, было представление Сталину совместно с Маленковым проекта сообщения ЦК «О положении в советской биологической науке», подготовленного Шепиловым и Митиным. Жданову, вынужденному дополнить этот документ выпадами против собственного сына, видимо, нелегко далась следующая фраза:

«...т. Ю. Жданов встал на неправильный путь, пытаюсь примирить и объединить... реакционное направление в биологии с передовым и прогрессивным мичуринским направлением, развиваемым академиком Лысенко...»⁶⁷.

Уже находясь в санатории на Валдае, Жданов, знакомясь 7 августа со свежим номером «Правды», неожиданно для себя натолкнулся на опубликованное в нем покаянное письмо сына, в котором тот, ссылаясь на свою «неопытность» и «незрелость», униженно просил у диктатора отпущения грехов, заверяя того, что делом исправит совершенные ошибки. Думается, что этот сюрприз, подготовленный Сталиным*, немало способствовал приближению последовавшей вскоре кончины Жданова. Однако известный бережным отношением к нужным ему кадрам и жестоким ко всем остальным Сталин, поставив крест на Жданове-старшем, взял под покровительство его сына. Он не только позволил Юрию и дальше работать на прежней должности в ЦК, но в 1949 году породнился с ним, женив на своей дочери Светлане**. Благодаря этому молодой Жданов стал непосредственно обращаться к вождю и получать от него указания в связи с очередными «мероприятиями» партии на «научном фронте».

Другой вновь обретенный Сталиным фаворит — Шепилов-также не был обойден его вниманием. По постановлению политбюро «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)», принятому 10 июля 1948 г., то есть сразу же после возвращения Маленкова на Старую площадь, тот был назначен заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК (ОПиА), в который было преобразовано тогда УПиА⁷⁰. Однако восстановленному в правах главного чиновника цеховского аппарата Маленкову, видевшему в Шепилове не только человека Жданова, но и глаза и уши самого «хозяина», вряд ли пришлось по нраву такое назначение. Поэтому отношения между ними сразу же не сложились. В последовавшей войне нервов уступил Шепилов, который вскоре из-за серьезного нервного расстройства был госпитализирован. Тем самым неизбежная развязка этого межличностного конфликта как бы откладывалась на 1949-й, год инспирирования так называемого ленинградского дела, начавшегося под аккомпанемент пропагандистского наступления на «космополитов-антипатриотов».

* Позднее Ю. Жданов утверждал, что в «Правде» была опубликована подготовленная им 7 июля, то есть после майского заседания политбюро, объяснительная записка, не предназначенная для печати. И для него было совершенно неожиданным ее появление в центральном органе партии в виде открытого письма (68).

** Этот брак, заключенный, что называется, по расчету, не был долговечным и прочным. В 1952 году он распался. В феврале того года Светлана писала отцу: «Нет, уже довольно с меня этого сушеного профессора, бессердечного «эрудита», пусть закопается с головой в свои книжки, а семья и жена ему вообще не нужны, ему их вполне заменят многочисленные родственники» (69).

Удар по «космополитам»

К «ТЕОРИИ» ВОПРОСА

Грозвые тучи над головами будущих жертв борьбы с космополитизмом стали сгущаться задолго до 1949 года, когда началась масштабная идеологическая атака на них. Само слово «космополит» вошло в советский пропагандистский обиход еще в период войны, но, употребляясь тогда от случая к случаю, оно пока не олицетворяло собой один из образов врага и не приобрело еще характера расхожего ярлыка, который потом будет навешиваться властью на всех тех, в чьей преданности родине или, точнее, советскому государству она усомнится. Однако уже в те годы под этим выражением подразумевалось совсем не то, что в него вкладывал, скажем, римский император-стоик Марк Аврелий, во II веке с гордостью сказавший о самом себе: «Ты — гражданин мира, ты — космополит». Говорят, что Александр Македонский, живший за 500 лет до этого императора, тоже считал себя гражданином мира. Таковыми были и апостол Павел, сказавший, что нет ни эллина, ни иудея, а также другие первые христиане. Да и теоретики коммунизма — Маркс, Энгельс, Ленин — были по своим взглядам космополитами. Но в восприятии сталинских пропагандистов космополиты, конечно, никогда не ассоциировались с гражданами будущего мира, лишенного государственных границ, да и самих наций, слившихся в единое человеческое сообщество, говорящее на одном языке и оставившее в прошлом войны, вражду и предрассудки на национальной почве. Так далеко те не заглядывали, предпочитая видеть в космополитах людей, достойных лишь презрения и осуждения, жалких отщепенцев, в силу моральной испорченности и комплекса национальной неполноценности отвергших культуру своего народа и пресмыкающихся перед достижениями «более передовых» наций.

В том, что неофициальная «презентация» этого нового для советской пропаганды термина прошла в годы войны, не было ничего случайного. Именно тогда наблюдался первый всплеск государственного антисемитизма, который проявился в виде настойчивых попыток начать сверху так называемое национально-кадровое регулирование, означавшее на практике прежде всего постепенное вытеснение евреев из управленческих структур. И поскольку антисемитизм власти носил латентный характер, для публичного обоснования такой политики очень удобно было обвинять ее жертвы в недостаточном патриотизме или его полном отсутствии. Показательно, что примерно тогда же в номенклатурной среде появилось присловье: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом».

Корни этой цинично-шутливой сентенции уходят в прошлое, когда над русской духовностью тяготел пришедший из Европы легендарный образ Агасфера, этого «Вечного жида», бессмертного грешника и проклятого Богом и людьми скитальца во времени и пространстве. В середине 1850-х годов писатель И.А. Гончаров, например, мог совершенно спокойно поставить в цикле путевых очерков «Фрегат «Паллада»» знак равенства между космополитом и «жидом». Однако то, что воспринималось естественным образом в XVIII—XIX веках, когда антисемитизм открыто проповедовался, к примеру, такими выдающимися европейскими мыслителями, как Вольтер, Кант, Гегель, Шопенгауэр, к середине XX столетия, отмеченного бурным прогрессом во всех областях и страшной трагедией Холокоста, превратилось в отживший и вредный анахронизм. Тем не менее когда и по окончании Второй мировой войны в сталинском Советском Союзе пропагандисты заговорили о еврейском историке Иосифе Флавии как о первом космополите и стали проклинать «бандитского космополита» Троцкого, стало очевидным, что вековой предрассудок отнюдь не канул в прошлое вместе с поверженным гитлеровским нацизмом⁷¹. Он выжил и даже как бы обрел второе дыхание, в том числе, как ни парадоксально, и в государстве, внесшем наибольший вклад в разгром фашизма.

В СССР в среде так называемого простого народа, где истинный смысл иностранного термина «космополит» вряд ли был понятен*, это слово, зазвучавшее благодаря пропаганде особенно часто после войны, воспринималось как одно из обозначений евреев. В основе такого отождествления лежало то, что в результате кардинальных социальных изменений, произошедших с начала века на территории бывшей Российской империи, евреи, оторвавшись в массе своей от национальных корней, как никакой другой народ утратили родной язык, самобытную культуру, религию, традиционный уклад жизни. За сравнительно короткий исторический период произошла как бы почти полная их денационализация. Точнее, советскими евреями был пройден первый этап ассимиляции, в результате которого они, еще не вполне идентифицируя себя с доминирующей национальностью, в данном случае с русскими (процесс полного растворения в инонациональной среде, как правило, происходит в течение жизни нескольких поколений), в то же время в значительной мере интернационализировались и, если угодно, космополитизировались. Русский философ и историк Л.П. Карсавин, погибший в 1952 году в ГУЛАГе, писал, что «ассимилирующийся и отрывающийся от своего народа

* Вспоминается эпизод из фильма М.М. Хуциева «Весна на Заречной улице» (1956 г.), в котором водитель грузовика провинциального промышленного городка говорит приехавшей из Москвы молодой учительнице: «Да, красоты здесь не наведешь. У нас космополитических кабинетов нет».

еврей неизбежно становится абстрактным космополитом... не находит себе места ни в одном народе и остается в пространстве между нациями, [как] интернационалист»^{72*}.

Конечно, в СССР в результате интенсивной межэтнической интеграции, происходившей посредством межнациональных браков, миграции населения, официальной пропаганды о дружбе народов и формировании единого советского народа, а также вследствие борьбы с так называемым буржуазным национализмом, одновременно интернационализировались («советизировались») и другие народы, в том числе и русские. Однако в случае с последними, обладавшими значительной, так сказать, национальной инерцией (в силу существенной численности населения и его коренного характера), это происходило более медленными темпами, чем с таким экстерриториальным национальным меньшинством, как евреи.

Такая неравномерность «денационализации» народов СССР привносила в общество болезненные противоречия, усугубляемые затеянными Сталиным пропагандистскими играми вокруг русского патриотизма, вектор которого был направлен в противоположную от интернационализации сторону. Выступая за внутреннюю интеграцию народов империи вокруг доминирующей русской национальности, диктатор в условиях холодной войны воспринимал космополитизм прежде всего как эманацию агрессивного и стремящегося к глобальной гегемонии американского буржуазного национализма, как своеобразный инструмент идеологической и культурной экспансии США, в том числе и против России.

Обвиненными в космополитизме в принципе могли быть представители любой национальности (прежде всего интеллектуалы), тем или иным образом контактирующие с Западом (профессиональные, научные связи и интересы) или конструктивно апеллирующие к нему. Показательны в этой связи перипетии отношений власти с архитектором И.В. Жолтовским, имевшим польские корни. Выходец из среды старой дореволюционной интеллигенции (в 1917 г. ему исполнилось 50 лет), он еще с конца 20-х годов стал в архитектуре главным выразителем духа сталинской имперской государственности, начавшей созидаться тогда взамен ленинского большевизма. Возводимые по его проектам помпезные в стиле неоклассики здания становились эталоном нового официального канона, метко названного в народе «сталинским ампи-

* Интересно в этой связи, что в 1997 году специалистами Института социологических исследований РАН было установлено, что около 15% респондентов из числа евреев при определении национальной идентичности назвали себя космополитами или гражданами мира, 41% было ближе межуточное понятие «русский еврей» и только 18% и 0,5% из числа опрошенных сочли себя соответственно полностью евреями и русскими.

ром». В 1932 году Жолтовскому присвоили звание заслуженного деятеля науки и искусства РСФСР. В то же время его оппоненты, творившие в рамках аскетического в использовании выразительных средств конструктивизма, подверглись нападкам сверху. После войны положение стало меняться. В честь 800-летия Москвы в 1947 году было решено возвести в столице ряд высотных зданий, стилизованных под старинные башни Кремля. Некоторые начальники от архитектуры поспешили объявить эти проекты истинным воплощением народности и советского патриотизма в градостроительстве. Одновременно они, ссылаясь на новые архитектурные веяния, стали утверждать, что «классика» Жолтовского — это нечто, не укорененное в русской культурной традиции и истории, а значит, космополитическое. Стараниями прежде всего секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) Г.М. Попова, почему-то невзлюбившего Жолтовского, последнего обвинили в идеализме, в отрицании национальной самобытности советской архитектуры, отстранили от преподавания и фактически лишили творческой мастерской. Однако подобные действия не встретили поддержки со стороны Сталина, консервативному вкусу которого куда более соответствовали классические колонны и портики, чем небоскребы, чье американское происхождение нельзя было скрыть никакими шатровыми завершениями в древнерусском стиле. В марте 1949 года он произвел смену руководства Академии архитектуры СССР, новым президентом которой был назначен А.Г. Мордвинов, ученик Жолтовского, отношение к которому сразу же переменилось: Совет министров РСФСР принялся оказывать «необходимую помощь» мастерской маститого архитектора, чуть было не ставшего «космополитом», а Агитпроп дал «указание газетам и журналам прекратить публикацию материалов, тенденциозно освещающих творчество академика архитектуры Жолтовского И.В.»⁷³.

Столь благополучный для Жолтовского финал стал возможен отчасти и потому, что, будучи вызванным в 1949 году в ЦК «для беседы», он первым делом заявил, что является «горячим патриотом Родины». Однако далеко не все интеллектуалы могли похвастаться такой «гибкостью». Некоторые из них несмотря ни на что сохраняли верность убеждениям, уходящим корнями в мировоззрение дореволюционных либералов-западников, для которых слово «патриот» было сопряжено с официальной идеологией «народности» и потому имело негативный смысл. Такие люди в первую очередь подверглись публичному осуждению как космополиты. И хотя через это прошли представители различных национальностей, но все же наиболее уязвимыми для таких обвинений были евреи, потому что имели многочисленных родственников за границей, а их соплеменники были достаточно ярко представлены в интеллектуальной элите США и стран Западной Европы.

ВНАЧАЛЕ БЫЛИ «АНТИПАТРИОТЫ» (НУСИНОВ И ДР.)

Так получилось, что у истоков новой пропагандистской кампании, первоначально стоял не Агитпроп ЦК, начальник которого Александров дискредитировал себя в глазах советского руководства, а Союз советских писателей во главе с Фадеевым. Новое возвышение последнего пришлось на разгар громкого литературно-политического скандала, связанного с Ахматовой и Зощенко. 13 сентября 1946 г. Фадеев, вернув себе благорасположение Сталина, был назначен генеральным секретарем писательского союза, а в феврале 1947 года — председателем комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Карьерная реабилитация писателя обуславливалась не только тем, что он был фанатично преданным Сталину человеком, а также своеобразным медиумом, улавливавшим каждое его желание и слово, но еще и тем, что вождю именно тогда понадобился авторитетный интеллигент, способный, реализуя его волю, преодолеть подспудное сопротивление инертной бюрократии и инициировать очередную пропагандистско-кадровую кампанию.

Непосредственная выдача нового социального заказа власти произошла 13 мая 1947 г. на встрече в Кремле Сталина, Жданова и Молотова с руководством ССП в лице Фадеева, Симонова и Горбатова. Вначале, когда речь зашла об улучшении материального положения литераторов и об увеличении штата служащих союза, Сталин, сделав широкий жест, заверил гостей, что все их запросы будут удовлетворены. После чего без долгих предисловий перешел к другому, более насущному для него вопросу:

«А вот есть такая тема, которая очень важна... которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию... профессоров, врачей... у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая. Она идет от Петра... это был период преклонения перед немцами... потом французы...»⁷⁴.

Зерно высказанной выше мысли вождя упало в давно уже подготовленную почву. Еще 1943 году Фадеев в ноябрьском номере журнала «Под знаменем марксизма» рассуждал о «ханжеских поповедях беспочвенного космополитизма». Так что писательская верхушка была готова к подобному наказу вождя и восприняла его как сигнал к действию. Выступая в конце июня 1947 года на XI пленуме правления ССП, Фадеев направил свой обличительный пафос против «отдельных представителей... интеллигенции», среди которой «далеко еще не изжито преклонение перед... всем заграничным...».

Переходя затем, что называется, на личности, он, рисуя образ типичного представителя низкопоклонников, обрушился с критикой на И.М. Нусинова. Его, возглавлявшего до войны в ССП секцию еврейских писателей, литературный генсек заклеил словами В.Г. Белинского*:

«Признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве».

Родоначальником «концепции Нусинова» Фадеевым был назван академик А.Н. Веселовский (1838–1906), возглавлявший в течение 25 лет кафедру западноевропейских литератур Петербургского университета и изучавший русскую литературу в контексте «антинаучной и реакционной идеи «единого мирового потока» развития мировой культуры» (слова Фадеева. — *Авт.*) и во взаимосвязи со славянской, византийской, западноевропейской литературами.

По воле литературного генсека на авторитетного русского ученого был навешан ярлык «раба» романо-германской филологии и создателя школы, ставшей «главной прародительницей низкопоклонства перед Западом в известной части русского литературоведения в прошлом и настоящем». «От традиций Веселовского идет и формализм Нусинова, — развил далее свою мысль Фадеев, подытоживший ее уже политической инвективой: — К позитивисту Веселовскому профессор Нусинов пришел потому, что этот последний оказался ему ближе, чем марксизм»⁷⁶.

В одномоментности нападков на советского профессора еврейского происхождения и давно умершего русского филолога-«западника» как бы проявилась очевидность заимствования поздним сталинизмом дореволюционного идейного наследия почвеннического консервативного охранительства с присущим ему антисемитизмом. Корреляция двух разделенных десятилетиями идейно-политических феноменов, когда прошлое вдруг начинает прорастать в настоящем,

* Существенно усеченное и умело препарированное литературное наследие Белинского, эмоционального критика, метавшегося в поисках своего кредо между западничеством и славянофильством, советская пропаганда триумфально подняла на щит летом 1948 года, когда отмечалось столетие со дня смерти этого критика-демократа. Тогда повсюду цитировалось его следующее «провидческое» высказывание: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящей во главе образованного мира, дающей законы и науке, и искусству, и принимающей благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества». Тогда же в пропагандистский обиход вошло и другое его высказывание: «Космополит есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека» (75).

не была столь умозрительной, как может показаться на первый взгляд. Эта идейная переключка была вполне реальной, ибо между двумя эпохами — дореволюционной царской и послевоенной сталинской — временной зазор был относительно невелик. Наглядным подтверждением тому может служить хотя бы эмоциональное выступление ответственного руководителя ТАСС Н.Г. Пальгунова по случаю создания «суда чести» в этой организации. В пространной речи, произнесенной, кстати, в тот же день, когда в печати появился доклад Фадеева на XI пленуме ССП, он, используя в качестве эпиграфа двестише из «Горе от ума» А.С. Грибоедова («Как с ранних лет привыкли верить мы, \\\\ Что нам от немцев нет спасенья...»), поведал коллегам следующую историю из своего прошлого:

«В юные годы я работал в издательстве «Просвещение». Впоследствии оно развернулось в большое прогрессивное издательство. В 1905 году оно выпустило марксистскую литературу, потом перешло на выпуск русских классиков — Пушкина, Островского и др. Но оно начинало работу на германские капиталы. В издательстве был специальный немецкий отдел. Служащие там были только немцы. В большом количестве издавались в переводах сочинения немецких ученых. Эти издания буквально наводняли Россию. Немцы имели большие прибыли. А русские ученые не могли найти издателя для своих трудов. Вот однажды из Германии приехал «хозяин», профессор Мейер. Было устроено собрание служащих. Немцы стояли по одну сторону, русские — по другую. Этот профессор произнес большую политическую речь. Обращался он только к немцам. Говорил на немецком языке. Он говорил о высокой провиденциальной миссии, которую господь Бог возложил на немцев, нести культуру в отсталую, варварскую страну, осуществлять культурный «Дранх нах остен». Немцы зычно кричали «Хох». А мы стояли, как оплеванные, оскорбленные в своем национальном достоинстве»⁷⁷.

Говоря о травле Нусинова Фадеевым, справедливости ради необходимо отметить, что ее непосредственным инициатором был писатель Н.С. Тихонов. Неся свою долю ответственности перед Кремлем за «дело Ахматовой—Зоценко»*, он в сентябре 1946 года был смещен с поста руководителя ССП, передав свои полномочия Фадееву. И вот, чтобы как-то укрепить свой пошатнувшийся авторитет и продемонстрировать власти свою полезность, Тихонов 9 мая 1947 г. опубликовал в «Культуре и жизни» статью «В защиту Пушкина». В ней он в резко полемической форме обрушился на изданную еще в 1941 году книгу Нусинова «Пушкин и мировая литература», раскритиковал ее за то, что в ней «все настоящее русское, народное, пушкинское принесено в жертву безудержному некритическому преклонению перед Западом».

* К тому же Тихонов в молодости был членом литературного содружества «Серапионовы братья», в которое входил и Зоценко.

Выступить в печати Тихонова надоумила некая Е.Б. Демешкан, снабдившая его соответствующими материалами. Дочь полковника царской пограничной охраны, расстрелянного в Крыму красными, она, скрыв свое дворянское происхождение, в 1934 году поступила в Московский государственный педагогический институт, где после получения диплома осталась на кафедре западной литературы, возглавлявшейся Нусиновым. В 1941 году защитила под его руководством кандидатскую диссертацию. Потом была эвакуация в Ульяновск, из которой Демешкан в 1943 году помог возвратиться обратно в МГПИ все тот же Нусинов, устроивший ее доцентом на своей кафедре. Однако, чутко уловив нагнетавшиеся сверху антисемитские настроения, молодая специалистка направила в ЦК ВКП(б) доклад на своего благодетеля, уличив его в придании руководимой им кафедре «известного национального профиля». Вскоре приехала комиссия со Старой площади, и в начале 1945 года Нусинов был снят с работы. Такой результат окрылил Демешкан, которая, заявляя теперь, что ее поддерживают видные работники из ЦК, открыто стала проповедовать в институте антисемитские взгляды. В частности, она убеждала коллег в том, что в институте «орудует» «еврейская лавочка» и вообще «евреи хуже, чем фашизм», что «еврейская нация повредила русскому народу, так как они повинны в том, что захирело производство там, где они заволокли управленческий аппарат». Неоднократные попытки администрации и общественных организаций МГПИ как-то урезонить Демешкан только еще больше распяляли антисемитку, сетовавшую на то, что ее преследуют за правду. С каждым годом ее юдофобская агитация становилась все более вызывающей, а попытки «разоблачить антипатриотическую деятельность в институте троцкистско-бундовского охвостья» более масштабными. В мае 1948 года терпение руководства МГПИ наконец истощилось и оно, решив власть употребить, уволило Демешкан из института. И вот тогда та написала Сталину, упомянув среди прочих своих заслуг перед партией то, что ее «материал послужил основой для известной статьи Н. Тихонова в газете «Культура и жизнь»». Не надо обладать особой проницательностью, чтобы предугадать дальнейший ход событий. Как и следовало ожидать, Демешкан через какое-то время по указанию заместителя заведующего ОПиА ЦК Ф.М. Головенченко* была восстановлена на работе в МГПИ⁷⁸.

Пик антисемитской активности Демешкан пришелся на начало 1953 года. Тогда ее доносы в ЦК КПСС, Совет министров СССР и МГБ СССР, в которых уже говорилось о наличии в стране «невидимого сионистско-бундовского центра», приобрели характер параноического бреда. В письме в правительство от 27 февраля,

* В 1950 году Головенченко был назначен деканом литературного факультета МГПИ.

которое Берия сразу же переслал в ЦК Маленкову, она кликушествовала:

«Постепенно передо мной открылась страшная картина... Целый ряд командных и ответственных участков нашего просвещения и науки оказался сданным на откуп нескольким лавочникам, космополитам, буржуазным националистам во главе с Нусиновым, Старцевым, Исбахом, Мотылевой, Эйхенгольцем и др. Нусинов был непосредственно связан с мировым сионизмом через Еврейский антифашистский комитет и другие организации... В течение нескольких лет я была безработной, так как повсюду сидели приспешники Нусинова, которые занесли меня в какой-то свой черный список. Преподавательница МГПИ Е.А. Василевская как-то даже сказала мне: «Ваше имя, конечно, известно сионистам Америки. У них есть особые книги, куда они заносят имена своих врагов»».

Свой праведный гнев Демешкан обрушила и на головы власть имущих, обвинив в ротозействе и недостаточном противодействии сионистам даже таких явно не склонных к юдофилии чиновников, как министр просвещения РСФСР И.А. Каиров, бывший заместитель Г.Ф. Александрова по Агитпропу Д.А. Поликарпов (работал с июля 1951 года директором МГПИ) и секретарь Фрунзенского райкома партии Москвы Е.А. Фурцева. Однако после смерти Сталина шовинистической активности Демешкан был положен предел. В дело пришлось вмешаться первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву, по указанию которого в октябре 1953 года было составлено следующее экспертное заключение:

«Обращает на себя внимание тот факт, что приемы и направленность аргументации Демешкан имеют много общего с махровыми установками черносотенного пошиба... В своих «доказательствах» стремлений подозреваемых ею лиц к «физическому уничтожению» неугодных людей Демешкан приводит, так сказать, «теоретическое обоснование», якобы содержащееся в талмуде и гласящее «лучшего из гоев (то есть не-евреев) уничтожь». Как известно, такого рода аргументация не нова и напоминает методы обвинения, с которыми выступали в свое время погромщики-черносотенцы в ходе нашумевшего провокационного «дела Бейлиса» (Киев, 1913, стеногр. отчет, т. 1, с. 31–33; т. 2, с. 303, 327). Считаю необходимым снять Демешкан с работы в МГПИ и предупредить ее, что если впредь она не изменит своего поведения, то будет поставлен вопрос о передаче ее дела в судебные органы».

После того как эти выводы получили одобрение Сулова, Демешкан 15 декабря была наконец уволена из МГПИ. Но уже всем надоевшая скандалистка и не думала сдаваться: через суд она восстановилась на прежней работе. И только вынесенный вскоре не в пользу Демешкан вердикт Верховного суда РСФСР поставил точку в этом деле. Заметая следы, Демешкан уехала на Дальний Восток, преподавала в педагогическом институте в Магадане, выйдя там замуж, стала Калаповой. Но не остепенилась, а спровоцировала новый скандал, о чем был опубликован фельетон в «Известиях»⁷⁹.

ШЕПИЛОВ ПРОТИВ ФАДЕЕВА

Новый прилив массовой ура-патриотической истерии, спровоцированный с трибуны XI пленума ССП и поддержанный властями*, явно говорил за то, что Фадеев и другие литературные генералы справились с заданием вождя. Теперь им предстояло закрепить достигнутый успех, во всеоружии подготовившись к новой, на сей раз решающей битве, которую должен был дать «антипатриотам» следующий, XII пленум, намеченный на конец 1948 года. Поскольку этот форум планировалось посвятить обсуждению итогов выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», то в эпицентре взрыва новой идеологической бомбы должны были оказаться драматурги и театральные критики, что, собственно, и произошло впоследствии. Руководя за кулисами подготовкой новой пропагандистской акции, Сталин, как известно, считал театр по эффективности воздействия на массы вторым после кино идеологическим инструментом. В свое время он, вдохнувший в советскую литературу и искусство дух «непревзойденного византизма», наставлял приближенных к нему «инженеров человеческих душ»:

«Не пишите длинных романов, рабочий их все равно не одолеет. Пьесы сейчас тот вид искусства, который нам нужнее всего. Пьесу рабочий легко просмотрит. Через пьесы легко сделать наши идеи народными. Пьесы — самый массовый вид искусства в литературе. Вот почему пишите пьесы!»⁸¹.

Что касалось организации пропагандистского действия, то, следуя излюбленной методе постоянно подпитывать дух соперничества внутри своего ближайшего окружения, Сталин к приготовлению очередного «острого блюда» подключил как нового главу отдела пропаганды ЦК Шепилова, стремившегося зарекомендовать себя в глазах вождя преемником Жданова, так и другого своего фаворита — Фадеева (со стоящими за ним структурами ССП), постоянно фрондировавшего с Агитпропом и его руководителями. Возникшее между ними противоборство, основанное на стремлении любой ценой дискредитировать друг друга в глазах вождя, придало потом «изнаночной» стороне антикосмополитической кампании характер ожесточенной аппаратной разборки. В этом столкновении Шепилова, который покровительствовал либерально настроенным (условно говоря) столичным театральным критикам, поддерживали подчиненные ему сотрудники Агитпропа, прежде всего заведующий сектором искусств Б.С. Рюриков

* Выступая по случаю 30-й годовщины Октябрьской революции, Молотов призвал народ осудить все проявления низкопоклонства перед Западом и капиталистической культурой. А в январе 1948 года Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ввел в пропагандистский лексикон выражение «безродный космополит» (80).

и работники того же сектора В.Н. Прокофьев и Д.С. Писаревский, которые скорее являлись учеными-искусствоведами, нежели парт-функционарами*.

Насколько важна была для критиков такая опека влиятельных друзей в условиях тотального бюрократического контроля, можно судить, скажем, по записке наркома госбезопасности Меркулова Жданову, относящейся к первой половине 1945 года, то есть ко времени еще относительно мягкому в сравнении с последующими годами. Вот что сообщалось в этом документе:

«Многие представители литературной интеллигенции заявляют, что критика мертва и «переживает эпоху безвременья». Зафиксированы в агентурных материалах высказывания критиков: М.О. Гельфанда («Страшна не цензура, страшна государственная опека. Из-за нее наша литература упала, а критика и вовсе дышит на ладан...»); О.С. Резника («Когда читаешь рецензии во всех газетах, опускаются руки. Находятся и равнодушные перья, которым все равно, как и что писать. Критики не может быть без известной свободы эстетических оценок»); Л.М. Субоцкого («Я пригляделся к обстановке редакционной работы и вижу, что при теперешних условиях делать там мне нечего. Обстановка самая грустная. Редактор, составляя номер журнала, не столько думает о том, чтобы его заполнить, сколько о том, чтоб заранее приготовить замену, ибо снятие каких-то вещей predetermined... Чем ярче вещь, тем меньше шансов у нее пройти. Верстка идет в ЦК. Над ней с карандашом в руке сидит и мучает инструктор»⁸²).

Именно тогда, сразу после войны, при созданном в 1943 году Всероссийском театральном обществе возникло объединение критиков, чем-то напоминавшее западную гильдию пишущих о театре профессионалов. Несмотря на то, что объединение театральные критиков, входя в ССП, обладало некоторой организационной и творческой автономией и даже находилось в известной оппозиции к руководству союза в лице Фадеева, его на свой страх и риск поддерживали руководитель комиссии ССП по драматургии А.А. Крон и, самое главное, молодой, но уже знаменитый тогда писатель К.М. Симон, занимавший пост заместителя генерального секретаря союза. Высокое покровительство окрыляло критиков и рождало в них иллюзии широких возможностей и даже претензии на не всегда конформистские оценки и суждения. Их статьи часто публиковались на страницах массовых престижных периодических изданий**, с редакциями которых они имели давно налаженные связи или были штатными сотрудниками некоторых из них. Особенно охотно их печатали в газетах «Культура и жизнь», главным редактором которой

* Прокофьев, например, был театроведом, исследователем творчества К.С. Станиславского.

** Так, критик А.М. Борщаговский 24 ноября 1948 г. опубликовал в «Известиях» положительную рецензию на постановку театром им. Е. Вахтангова пьесы американского драматурга А. Миллера «Все мои сыновья».

был Шепилов, «Советское искусство», в журналах «Новый мир» и «Театр». Однако терпимая в первые послевоенные, относительно либеральные годы прозападная эстетика театральные критиков, среди которых было немало евреев*, к концу 1948 года уже явно не вписывалась в жесткие идеологические рамки, обусловленные набравшей силу к тому времени холодной войной.

Такое внутрисполитическое развитие как нельзя устраивало стоящую за Фадеевым группу драматургов и писателей, набивших руку на создания несложных и даже порой примитивных по сюжету и диалогам пьес на злобу дня. Выявить художественную никчемность этих опусов не составляло большого труда, и театральные критики не упускали случая сделать это, публикуя на них едкие, а порой и ядовитые рецензии. На что авторы посредственных пьес, будучи ловкими демагогами, объявившими себя истинными приверженцами метода социалистического реализма, ответили тем, что, еще теснее сплотив свои ряды, стали посредством беззастенчивых манипуляций падким на лесть и алкоголь Фадеевым захватывать одну за другой ключевые позиции в ССП. Негласный лидер создателей пьес «для народа» драматург А.В. Софронов в 1947 году возглавил партийную организацию ССП, а в апреле следующего года сменил критика Л.М. Субоцкого* на посту секретаря правления писательского

* Это обстоятельство было взято на заметку в ЦК давно. Еще в июне 1946 года один из руководящих сотрудников управления кадров ЦК докладывал секретарю ЦК А.А. Кузнецову, что из 29 критиков, выступающих в печати по вопросам театра, только 6 русских. При этом подразумевалось, что большинство остальных критиков — евреи (83).

** В профессиональную литературу Субоцкий пришел в 1932-м, совмещая работу секретаря оргкомитета ССП и помощника главного военного прокурора РККА Н.С. Розовского (репрессирован в 1941-м.). Потом он занимал должности заведующего отделом литературы и искусства в «Правде» и редактора «Литературной газеты» (1935–1937 гг.). Однако 26 сентября 1937 г. Субоцкого арестовали за то, что в мае—июне того года он, оставаясь помощником главного военного прокурора по надзору за законностью и будучи привлеченным прокурором СССР А.Я. Вышинским к допросам М.Н. Тухачевского и других «военных заговорщиков», уклонился от присутствия на приведении в исполнение вынесенных им смертных приговоров. Однако 31 декабря 1939 г. дело Субоцкого за недоказанностью вины было прекращено и он был выпущен на свободу. Когда в марте 1948 года комиссия ЦК проводила проверку ССП, всплыли вроде бы забытые данные о том, что Субоцкий «происходит из семьи владельца аптеки» и в 1917-м сотрудничал «в меньшевистских и эсеровских газетах гор. Сызрань». Вскрылось и то, что его сестра Александра вместе с белогвардейцами бежала за границу и осела в Южной Америке, а старший брат Михаил, друживший с «зинувьевцем» Я. Стэнном и работавший в «Правде», в 1938-м был расстрелян за «участие в подпольной эсеровской организации и военно-фашистском террористическом заговоре». Оказавшись на посту секретаря ССП, Субоцкий, как констатировалось далее в записке комиссии ЦК, принял

союза⁸⁵. Софронов и его единомышленники — А.А. Суров (в 1952 г. этот автор пьесы «Порядочные люди» был разоблачен как плагиатор и исключен из ССП), А.А. Первенцев, Б.С. Ромашов*, М.С. Бубенков и некоторые другие — также имели своих покровителей в ЦК, а их пьесы с подачи Фадеева довольно часто отмечались Сталинской премией.

Конфликт между двумя творческими группировками, усугубляемый характерными для творческо-бюрократических организаций nepотизмом и клановыми интересами, с каждым месяцем обострялся, пока не настал момент, когда Агитпроп решил, что пришло время примерно наказать Фадеева, обвинив его в упущениях в области драматургии, а если удастся, то и сместить с поста генерального секретаря ССП. «Властолюбивый генсек», как потом назовет Фадеева М.А. Шолохов, всегда раздражал чиновников со Старой площади тем, что, бравируя особыми связями со Сталиным, не скрывал высокомерного и пренебрежительного к ним отношения. Как-то на одном из заседаний комитета по Сталинским премиям Суслов поставил под сомнение кандидатуру малоизвестного татарского поэта, выдвинутого в лауреаты Фадеевым. Реакция последнего была мгновенной и довольно резкой:

«Товарищ Суслов, а вы читали его стихотворения? Читать нужно, товарищ Суслов, а уже потом высказывать свое мнение»⁸⁷.

Оставлять безнаказанными подобные выходы «неуправляемого» Фадеева руководство Агитпропа не собиралось, тем более что не существовало проблемы с поиском альтернативной кандидатуры на пост литературного генсека: толерантный и уравновешенный Симонов, кстати также являвшийся любимцем Сталина, вполне устраивал в этом качестве чиновников со Старой площади.

Продолжение сноски со стр. 321.

расставлять в аппарате союза «своих людей исключительно нерусской национальности», в результате чего там образовался так называемый «хор Субоцкого», который стал «затирать многих талантливых русских писателей». Через несколько месяцев после снятия Субоцкого в печати появилась статья З.С. Паперного, который назвал его безродным космополитом, что, пожалуй, было сделано впервые применительно к конкретному человеку. Однако такая своеобразная тактика самозащиты автора статьи (еврея по национальности), в начале 1949-го не только вновь раскритиковавшего Субоцкого, но и других соплеменников, не сработала. 25 февраля он сам был обвинен «Правдой» в космополитизме (84).

* Ромашов еще в апреле 1946-го пожаловался Маленкову на то, что «увлечение иностранщиной засоряет репертуар советского театра» и существует якобы предвзятое и пренебрежительное отношение к современной советской драматургии (особенно к «здоровой и острой комедии»), свидетельствующее о наличии «эстетского настроения» у критиков, «с мешанским уклоном относящихся к искусству...» (86).

Атаку на Фадеева организовали в ЦК в духе традиционной аппаратной тактики. Сначала, ссылаясь на необходимость подготовки для секретариата ЦК итогового документа по проверке выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», Агитпроп обратился к столичным литераторам (прежде всего к знакомым театральным критикам) за помощью в сборе соответствующих материалов. А 27 ноября 1948 г. с санкции Шепилова в секторе искусств Агитпропа прошло уже рабочее совещание по этому вопросу с участием театральных критиков В.Ф. Залесского, Я.Л. Варшавского, Г.Н. Бояджиева, И.Л. Альтмана, И.И. Юзовского, А. П. Мацкина, А.М. Борщаговского, Л.А. Малюгина, редактора журнала «Театр» Г.С. Калашникова, драматурга А.А. Крона и др. Поскольку все выступившие на совещании говорили о «серьезном неблагополучии в области современной советской драматургии», было принято решение поручить присутствовавшим на нем театральным критикам представить в ЦК через неделю информацию по этому вопросу.

Чувствуя себя обремененными высоким доверием партии, некоторые театральные критики, считая свою победу обеспеченной, перешли к открытой конфронтации с Фадеевым и опекаемыми им драматургами. Это проявилось уже 29 ноября, когда в Москве под эгидой Всероссийского театрального общества, Комитета по делам искусств и комиссии ССП по драматургии открылась творческая конференция, на которой обсуждались спектакли, поставленные столичными театрами к очередной годовщине Октябрьской революции. Выступивший в качестве основного докладчика Борщаговский, заявив, что драматургия последних лет за редким исключением идейно и художественно беспомощна, прямо возложил вину за это на Софронова, Сурова, руководство МХАТа и Малого театра, поставивших их пьесы, а также на Комитет по делам искусств. Борщаговского поддержали Малюгин и театральные режиссеры Ф.Н. Каверин, А.Д. Попов, И.Н. Берсенева. Несмотря на то, что руководство Комитета по делам искусств было шокировано «развязным поведением» Борщаговского на конференции, 4 декабря о ней появился краткий отчет в «Литературной газете», в котором позиция критиков явно одобрялась. Но критической риторикой дело не ограничилось. В те же дни сотрудники отдела пропаганды и агитации Рюриков и Прокофьев явились во МХАТ и потребовали от его художественного руководителя М.Н. Кедрова приостановить спектакли по пьесе Сурова «Зеленая улица», так как она-де нуждалась в доработке. Вскоре те же Рюриков и Прокофьев, а также их коллега Писаревский, обобщив представленные критиками материалы о положении дел на «театральном фронте», положили на стол Шепилову проект докладной записки в секретариат ЦК, в которой на руководство ССП возлагалась вина за «провал» в драматургии⁸⁸.

Наряду с подготовкой главного удара по Фадееву его недруги в ЦК использовали любую возможность для того, чтобы навредить ему. 14 декабря руководство Агитпропа обвинило литературного генсека в том, что подчиненное ему издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы» книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», которые объявлялись пасквильными, порочащими советскую действительность и государственный аппарат с позиций «буржуазно-интеллигентского высокомерия» и «пошлого зубоскальства». Шепилов и его подчиненные в связи с этим подготовили проект постановления ЦК, в котором предлагалось «указать секретариату Союза советских писателей СССР (т. Фадееву) на неудовлетворительный контроль с его стороны за издательской деятельностью...». И хотя этот документ и был отвергнут Маленковым, Фадееву все же пришлось доложить ему 26 января 1949 г. о том, что для «наведения порядка» в издательстве намечено отстранить от работы его директора Г.А. Ярцева*. Одновременно, желая потрафить партийному начальству, Фадеев сообщил, что из издательского плана на 1949 год исключено около трех десятков книг, признанных «идейно порочными», в том числе сборник избранных стихотворений С.А. Есенина и сказка Ю.К. Олеши «Три толстяка»⁹⁰.

Отражая усиливавшиеся наскоки противоборствующей стороны, Фадеев начал концентрировать силы для ответного удара. Ему удалось заручиться поддержкой председателя Комитета по делам искусств при Совете министров СССР П.И. Лебедева, секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) Г.М. Попова, который покровительствовал драматургу Софронову, второго секретаря ЦК Маленкова, давно мечтавшего полностью прибрать к рукам пропагандистское ведомство партии, бывшую вотчину его недавнего соперника в борьбе за власть — Жданова. Но самое главное, Фадеев по-прежнему был в чести у верховного арбитра аппаратных битв — Сталина, о чем свидетельствовали хотя бы придворные слухи о том, что тот, побывав во МХАТе и Малом театре, остался доволен шедшими там спектаклями по пьесам Сурова и Софронова, но посетовал в адрес «эстетствующих критиков», создавших «некое литературное подполье», а также взявших моду охаивать все лучшее, что появляется в советской драматургии и устаивается высшей в стране премией⁹¹.

Имея такую солидную поддержку в верхах, сторонники Фадеева все же предпочитали действовать по принципу «маслом каши не испортишь». На «всякий случай» они организовали письмо на

* Фактически Ярцев был уволен постановлением секретариата ЦК только 28 октября 1949 г., когда о нем вспомнили после закончившегося к тому времени очередного раунда внутриаппаратной борьбы в ЦК (89).

«высочайшее имя» от некоей Анны Бегичевой*, журналистки, работавшей в редакции «Известий». Подбор автора не был случаен. К вождю обращалась женщина-интеллигент, вышедшая из гущи народной (родилась в крестьянской семье), в недавнем прошлом собирательница народных песен на Украине, а теперь травимая и третируемая «космополитами-снобами» за свою приверженность принципам социалистического реализма. Ее экзальтированное послание-донос, датированное 8 декабря, начиналось истеричным обращением:

«Товарищ Сталин! В искусстве действуют враги. Жизнью отвечаю за эти слова».

Далее в письме эти «враги» разоблачались с бескомпромиссной решительностью:

«Виновники дезориентации театров... группа ведущих критиков, замаскированных космополитов, формалистов, занимающих основные позиции в критике, направляющих мнение недалеких руководителей даже таких газет, как «Советское искусство» и «Известия». Их главарь: Юзовский, Мацкин, Гурвич, Альтман, Бояджиев, Варшавский, Борщаговский, Гозенпуд, Малюгин. Эти критики поднимают низкопробные пьесы, пристраивают в театры таких пасквильянтов на нашу действительность, таких ловкачей и дельцов, как Масс, Червинский, братья Тур, Прут, Финн, Ласкин и проч. Космополиты пробрались в искусство всюду. Они заведуют литературными частями театров, преподают в вузах, возглавляют критические объединения: ВТО, Союза писателей, проникли в «Правду»... «Культуру и жизнь»... в «Известия»... Эта группа крепко сплочена. Скептицизмом, неверием, презрительным отношением к новому они растлевают театральную молодежь и людей недалеких, прививая им эстетские вкусы, чему, кстати, очень помогают пошлые заграничные фильмы, заливающие экраны (низкопоклонничество перед Западом, отрицательное отношение к явлениям нового в нашей жизни). ... Борьба с ними трудно. Они уважаемы и занимают ответственные посты. Людей, осмеливающихся выступить против них, подвергают ostrакизму через своих приверженцев и ставленников во всех нужных местах, создают вокруг протестующих атмосферу презрения, а их принципиальную борьбу расценивают как склоничество. Вокруг советских партийных пьес сознательно устраивают заговоры молчания**.

* О том, что это была отнюдь не случайная фигура в истории противоборства критиков и драматургов, свидетельствует следующее: еще в начале 1948 года Бегичева выступила с разоблачениями против ответственного секретаря газеты «Культура и жизнь» Е.И. Ковальчик, обвинив ее в дружбе с «американским шпионом» Сучковым и «эстетствующими» критиками Юзовским, Бояджиевым, Альтманом и др. (92).

** Практика, когда гонения подвергались не только те, кто одобрительно отзывался о достижениях Запада, в том числе и в области культуры, но и те, кто в силу личной порядочности не желал присоединиться к конформистскому хору славословий или проклятий, базировалась на иезуитской установке Сталина о том, что «метод замалчивания, как особый метод игнорирования, является тоже формой критики, правда, глупой, смешной, но все же формой критики».

насушный», «Обида», «Московский характер» эти знатоки не рекомендовали писать рецензии, а в газете слушались их «квалифицированных советов». ...Все эти космополиты-деляги не имеют любви к советскому, «мужичьему» (Юзовский о Л. Леонове) искусству. У них нет национальной гордости, нет идей и принципов, ими руководит только стремление к личной карьере и к проведению европоамериканских взглядов о том, что советского искусства нет. Эти «тонкие» ценители страшно вредят, тормозят развитие искусства. ...Товарищ Сталин! Личных интересов я уже не имею. Мне 50 лет. Жизнь прожита. Даже мое богатырское здоровье больше не выдерживает той борьбы, которую честно веду с врагами в искусстве всю свою сознательную жизнь. Лично я ничего не достигла, потому что меня хоть и считали талантливой, но отовсюду изгоняли за нетерпимый характер. Иголкой копаю колодезь, но тем радостней бывает, когда вдруг брызнет из него животворная вода, если Ваше око направляется в эту сторону»⁹⁵.

Тем временем приближался день открытия XII пленума правления ССП. Решением политбюро от 16 ноября это должно было произойти 15 декабря. Однако вследствие закулисной борьбы, развернувшейся между Фадеевым и Агитпропом, требовавшим отложить пленум и не одобрявшим доклад руководства писательского союза на нем, пленум начал свою работу только 18 декабря. Игнорируя запрет Шепилова, с основным докладом выступил Софронов. Хотя тот и держался уверенно и даже с некоторой бравадой, не сомневаясь в тайной поддержке сверху, однако дальше общих фраз и ответных выпадов в адрес отдельных критиков, ругавших его пьесы, все же не пошел. Потом слово взял Фадеев, который был настроен более решительно. Он обвинил театральных критиков не больше и не меньше как в идеологическом вредительстве, которое, по его словам, выразилось в том, что они «в первую очередь стремятся подбить ноги

* Послание Бегичевой покажется мягким и даже сентиментальным, если сопоставить его с тем, что за полгода до нее написала А.А. Жданову некто Л. Краскова. Ее донос, озаглавленный «Против засилья евреев в печати», содержал и такие откровенно юдофобские пассажи: «... Во всех издательствах, если не на первых, то фактически на первых ролях сидят евреи. В Союзе советских писателей заправляют они, в «Литературной газете» — они... Нет от них спасения! Вопрос этот серьезнее и глубже, чем может показаться. Дело не в антисемитизме. Евреи мешают переделывать психологию советских людей в коммунистическом духе. Во все области нашей жизни они вносят дух торгашества, личной корысти, беспринципной круговой поруки, подхалимства и лицемерия. ... Народ наш терпелив. Он терпит евреев из уважения к партийным принципам большевистской партии. Но терпение может лопнуть, особенно, если, не дай бог, разразится война. А когда лопается терпение у нашего народа, он страшен в гневе своем. Нельзя ли все-таки укоротить аппетиты евреев, хотя бы на идеологическом фронте?.. Говорить об этом вслух нельзя, да и не с кем, да и толку мало, поэтому и пишу в ЦК ВКП(б)» (94).

советским драматургам, отражающим новое в советской жизни»⁹⁵. Тем самым был задан агрессивный тон развернувшейся следом дискуссии и predetermined характер принятой потом резолюции, резко осуждавшей группу театральных критиков.

Возмущенная неповиновением в подведомственной сфере, агитпроповская верхушка, пребывая в первые дни после пленума во власти начальственного гнева, не могла трезво разобраться в происшедшем и тем более понять, что скрывается и кто стоит за вызывающим поведением Фадеева и его сторонников. Захлестнутый негодованием Шепилов запретил редакциям «Литературной газеты», «Культуры и жизни», «Советского искусства» и «Известий» печатать материалы писательского пленума. Сотрудникам «Советского искусства» пришлось поэтому снять перед самым выходом номера уже сверстанный доклад Софронова и речь Фадеева, заменив их кратким отчетом о пленуме. Когда же руководство этой газеты обратилась в ОПИА за официальным разъяснением, то получило хотя и витиеватый, но достаточно ясный ответ:

«Союз советских писателей — творческая организация, и его решения для газеты «Советское искусство» не обязательны, у нее должна быть своя линия»⁹⁶.

И только после того, как 22 декабря «Литературная газета» дала «вдруг» пространное изложение выступления Фадеева, а на следующий день «Правда» разразилась объемной статьей Софронова*, в которой утверждалось, что подконтрольные Агитпропу издания («Театр», «Советское искусство») «предоставляют свои страницы снобистской, чуждой советскому искусству критике», до Шепилова и его сотрудников начал доходить истинный смысл складывавшейся ситуации. Почуввав неладное, они бросились обзванивать знакомых критиков, прося их подготовить письма советскому руководству о том, что Фадеев и его окружение обманывают партию. Однако большинство из них, будучи напуганными и подавленными происходившим, наотрез отказались. Не потеряли присутствия духа лишь И.Л. Альтман, прозванный друзьями «наш пламенный Иоганн», а теперь заявивший, что «мы еще поборемся», и А.М. Борщаговский, которого Симонов и работник Агитпропа Прокофьев уговаривали обратиться к Сталину. Но все оказалось напрасным. Агитпроп и

* Позже Симонов так охарактеризует «разделение труда» между Фадеевым и Софроновым в развертывании антикосмополитической кампании: «Начало истории с критиками-антипатриотами, не предвидя ужаснувших его потом последствий, положил...Фадеев... Из Софронова, оценив его недолжную энергию, но не разобравшись нисколько в сути этого человека, Фадеев сделал сначала послушного подручного, при первой же возможности превратившегося во вполне самостоятельного литературного палача» (97).

театральные критики потерпели поражение. Последовавшие вскоре события* заставили всех их убедиться в этом.

АГИТПРОП ПЕРЕСТРАИВАЕТСЯ...

В первой половине января 1949 года Шепилов, желая «прощупать» настроение «хозяина», в ходе очередного визита к нему осторожно упомянул о жалобах театральных критиков на гонения со стороны руководства ССП и в доказательство своих слов выложил на стол письмо Борщаговского. Однако Сталин, даже не взглянув на него, раздраженно произнес: «Типичная антипатриотическая атака на члена ЦК товарища Фадеева». Оказывается, накануне «хозяин» принимал партийного руководителя Москвы Попова, имевшего репутацию грубого солдафона и крайнего шовиниста. Докладывая о положении дел в столице, тот как бы между прочим обмолвился, что Фадеева-де при попустительстве Агитпропа затравили космополитствующие критики, а он из-за своей скромности не смеет обратиться к товарищу Сталину за помощью⁹⁹.

Окрик вождя поверг Шепилова в шок, а запоздалое прозрение породило панику. Ему, баловню судьбы, лихо вскарабкавшемуся на идеологический олимп партии, было что терять и за что опасаться. Если раньше глава Агитпропа и его сторонники действовали сообща, то теперь стали спасаться в одиночку и любой ценой. Желая продемонстрировать Сталину верноподданнические чувства и вымолить у него прощение за неосмотрительные заигрывания с театральными критиками, Шепилов представил на утверждение политбюро не первой свежести проект решения о ликвидации советской англоязычной газеты «Moscow News». Это издание, воспринимавшееся номенклатурными ура-патриотами как некий осколок западного либерализма

* В конце декабря решением политбюро на пост главного редактора журнала «Знамя» был назначен близкий Фадееву и Софронову В.М. Кожевников, который сменил на этом посту В.В. Вишневого. Последнему инкриминировали такие «крупные ошибки», как опубликование «гнилой» и «идейно-порочной» «повестушки» Н. Мельникова (Мельмана) «Редакция», в которой «работники... фронтовой печати изображены ... тупицами и чванливыми самодурами...», а также новой работы Э.Г. Казакевича «Двое в степи», построенной «на вымученных психологических домьслах, заимствованных из образцов упаднической буржуазной литературы». Особо отмечалось, что выходу в свет этих вещей содействовали критики Борщаговский и Варшавский, «захваливавшие» Вишневого. Наказание пошло «впрок» Вишневскому. Если в мае 1948 года он, обращаясь к Софронову, просил выдать бесплатные путевки работникам («людям большого труда») своей редакции Л. Коган и Ф. Левиной, то в марте 1950-го в письме к тому же Софронову уже восклицал: «А как превосходно, что мы в лепешку «рассадили» космополитов, всех этих Гурвичей, Юзовских и К⁰¹!» (98).

и рассадник космополитических идей, давно уже дышало на ладан. Еще 5 января 1948 г. Шепилов настоятельно рекомендовал Жданову закрыть его, обосновывая это «нежелательным» национальным составом работников редакции: русских — 1, армян — 1, евреев — 23, прочих — 3. Однако тогда Жданов, видимо, колебался. Только 12 июля, когда тот фактически уже сдал дела Маленкову, его удалось уговорить пойти на эту меру, и он завизировал проект соответствующего решения. Но с последовавшей вскоре смертью Жданова аппарат ЦК погрузился в решение куда более насущных для него кадровых вопросов и документ положили под сукно, решив ограничиться паллиативом — чисткой в редакции*. И вот теперь, с выходом в свет постановления политбюро от 20 января 1949 г. в истории о «Moscow News» была поставлена логическая точка¹⁰¹.

Вскоре расправились и с главным редактором этого издания М.М. Бородиным (Грузенбергом), личностью весьма примечательной. Начало его биографии было связано с Витебском, где он юношей освоил профессию молотобойца и вступил в Бунд. В 1903-м присоединился к большевикам, став профессиональным революционером (партийная кличка — «Кирилл»). Выехав в 1904-м за границу, в Берне познакомился с Лениным. Через два года был избран делегатом IV (объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме. Затем находился в США, пока в мае 1918 года не был вызван в Советскую Россию Лениным, который направил его со специальным заданием по линии Коминтерна через скандинавские страны и Англию в Новый Свет. Туда Бородин доставил известное письмо Ленина «К американским рабочим». В 1919-м Бородин уже в качестве дипломата представляет Советскую Россию в Мексике. Потом с пропагандистской миссией отправляется в Европу, но был схвачен английской полицией, и 1921–1922 годы провел в тюрьме Глазго. С 1923 года находился в Китае в качестве главного советника от правительства СССР при Гоминьдане, принимал участие в руководстве Национальной революционной армией во время ее Северного похода летом 1926-го. Однако в следующем году, после неожиданного антикоммунистического маневра Чан Кайши и его переориентации на капиталистический Запад, Бородин был отозван в Москву. Там ему пришлось расплачиваться за провал стратегической установки Сталина, предполагавшей большевизацию Гоминьдана и последующее его вступление в Коминтерн. В мае 1929 года политбюро инкриминировало Бородину «крупнейшие политические ошибки оппортунистического

* Тогда же антиеврейская чистка была проведена и в родственном «Moscow News» издании — журнале «Новое время», выходившем на русском, французском, английском и немецком языках, где была выявлена следующая структура национального состава литературно-редакторских кадров: «русские — 21 чел. (48,8%), евреи — 19 чел. (44,2%), белорусы, украинцы, литовцы — по 1 чел. (7%)» (100).

характера и крупнейшие дисциплинарные проступки...», якобы совершенные им в Китае. Поскольку тогда же было признано недопустимым в дальнейшем поручать опальному коминтерновцу «ответственную работу специфически политического характера», он вынужден был заняться журналистской деятельностью. С 1932-го и вплоть до конца 40-х жизнь Бородина была связана с редакцией «Moscow News» (правда, после войны он работал еще и в Совинформбюро заведующим отделом печати Китая). В декабре 1948 года, когда начались антиеврейские гонения, Бородин, случайно встретив на улице бывшего коллегу по Совинформбюро И.С. Юзюевича (рассказ о нем впереди), обреченно произнес:

«Мы с вами, Иосиф Сигизмундович, отрезанные ломти...».

Арестовали его в феврале 1949-го. Произошедшее потом проясняет заявление, направленное 24 марта 1950 г. властям этой очередной ни в чем не повинной жертвой режима:

«... Мне инкриминировали преступления, которые я никогда не совершал, как-то: вражеская деятельность, в том числе шпионаж в пользу Америки и Англии. После моих чистосердечных признаний, что это абсолютно ни на чем не основано, меня увезли в Лефортово и там подвергли моральной и физической пытке, площадной брани. Избиению дубинкой по разным частям тела... несмотря на мой возраст (65 лет тогда) и мои болезни. ... Я уверен, что долго не выдержу этой пытки и что смерть моя неминуема и неизбежна, и стал давать несуразные показания, не сознавая, что делаю...».

Ответа на этот вопль отчаяния не последовало. 29 мая 1951 г. Бородин умер, не дожив до окончания следствия. За решеткой оказался и сын старого большевика, Н.М. Бородин, которого предварительно отстранили от руководящей работы во 2-м главном управлении МГБ СССР¹⁰².

Однако продолжим хронику метаний обуреваемого страхом Шепилова. 23 января 1949 г. он и его заместитель А.Н. Кузнецов (бывший помощник А.А. Жданова) направили Маленкову, возглавившему по поручению Сталина расследование «дела» о критиках-космополитах*, записку, в которой не только отмежевались от своих

* Почему Сталин сделал именно такой выбор, становится ясным из характеристики, данной впоследствии Маленкову Шепиловым: «... Маленков по своей натуре был лишен каких-либо диктаторских черт... он не был честолюбивым человеком. Он был мягок, податлив всяким влияниям и всегда испытывал необходимость притулиться к какому-нибудь человеку с сильной волей... Он был идеальным и талантливым исполнителем чужой воли, и в исполнительской роли проявлял блестящие организаторские способности, поразительную работоспособность, размах и рвение... Когда он получал какое-либо указание от Сталина, он ломал любые барьеры, мог идти на любые жертвы и затраты, чтобы исполнить это задание молниеносно, безукоризненно и доложить об этом Сталину» (103).

вчераших протезе, но и обрушились на них с серьезными обвинениями, не забыв при этом особо намекнуть на «актуальную» тогда деталь — еврейское происхождение большинства критиков:

«ЦК ВКП(б) в ряде документов и указаний подчеркивал серьезное неблагополучие в области литературной критики. Факты показывают, что особенно неблагополучно обстоит дело в театральной критике. Здесь сложилась антипатриотическая буржуазно-эстетская группа, деятельность которой наносит серьезный вред делу развития советского театра и драматургии. Эта группа, в состав которой входят критики Ю. Юзовский*, А. Гурвич, Л. Малюгин, И. Альтман, А. Борщаговский, Г. Бояджиев и др., заняла монопольное положение, задавая тон в ряде органов печати и таких организациях, как Всероссийское театральное общество и Комиссия по драматургии Союза советских писателей. Критики, входящие в эту группу, последовательно дискредитировали лучшие произведения советской драматургии, лучшие спектакли советских театров, посвященные важнейшим темам современности. ... Основной тон в указанной группе задают критики А. Гурвич и Ю. Юзовский. А. Гурвич, два года тому назад разоблаченный газетой «Культура и жизнь», с тех пор почти не выступал по вопросам советской драматургии. Ю. Юзовский выступает в печати лишь со статьями о Шекспире и Горьком, проявляя барско-пренебрежительное отношение к советскому театру и драматургии. Однако эти критики сохраняют влияние на остальную группу театральных критиков. ... Указанная группа критиков сумела проникнуть на страницы центральных газет. Так, А. Борщаговский и Л. Малюгин печатались в «Правде», Ю. Юзовский, Г. Бояджиев, А. Борщаговский — в газете «Культура и жизнь», А. Мацкин, Л. Малюгин, А. Борщаговский — в «Известиях» и т.д. ... О положении во Всероссийском театральном обществе в сентябре 1948 года. Отдел пропаганды и агитации докладывал ЦК ВКП(б); было принято решение о смещении руководства общества. В указанном обществе сложилась затхлая, гнилая обстановка, способствующая проявлению антиобщественных, буржуазно-эстетских настроений. Вместо борьбы с проявлениями формализма и безыдейности в театральном искусстве руководство общества примиренчески относится к этим чуждым влияниям.... В декабре 1948 года проходили перевыборы бюро секции критиков ВТО. Перевыборное собрание прошло под знаком засилья указанной группы, которая почти целиком вошла в избранное бюро секции критиков... Из девяти избранных оказался лишь один русский. Следует отметить, что национальный состав секции критиков ВТО крайне неудовлетворителен: только 15% членов секции — русские. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) дал указание Комитету по делам искусств при Совете Министров РСФСР и новому руководству ВТО отменить указанные выборы и рекомендовать сосредоточить работу с театральными критиками в Союзе советских писателей**. Эстетствующие критики окопались в газете «Советское искусство» и журнале «Театр». Редактор газеты В. Вдовиченко и член редколлегии, руководящий освещением вопросов драматургии и театра, Л. Ма-

* Он же — И.И. Юзовский.

** В начале февраля 1949 года на заседании президиума совета ВТО были утверждены решения о выводе Юзовского из состава президиума и ликвидации объединения критиков (104).

люгин предоставили страницы газеты критикам типа Бояджиева, Борщоговского, Мацкина и др. Штатные сотрудники газеты Я. Варшавский и К. Рудницкий выступали в газете под тремя-четырьмя псевдонимами, не давая печататься молодым авторам...»¹⁰⁵.

На следующий день, 24 января, под председательством Маленкова состоялось заседание оргбюро, на котором выступил Шепилов, изложивший содержание приведенной выше записки и предложивший принять разработанный Агитпропом проект постановления ЦК «О буржуазно-эстетских извращениях в театральной критике». Однако Маленков, смекнув, что таким образом Шепилов пытается, перехватив инициативу, выйти сухим из воды, отклонил заготовку конкурента. Тем самым, во-первых, он дал понять, что не желает делиться ни с кем славой укротителя космополитической крамолы*, а во-вторых, выразил Шепилову, возмнившему себя партменеджером (вместо того, чтобы держать деятелей литературы и искусства в ежовых рукавицах), недоверие как руководителю, претендующему на участие в выработке важнейших решений партии. Но самое главное, Сталину не нужно было еще одно закрытое, кулуарное постановление, о котором через неделю забыли бы все, в том числе и те, кто его готовил. Он хотел встряхнуть общество и бюрократию массовой политической кампанией, пусть даже с элементами публичного скандала. И потому задействовал самый эффективный и авторитетный пропагандистский инструмент той поры — «Правду», дав соответствующее задание Маленкову и Поспелову. Поэтому в качестве альтернативы предложению Шепилова было решено опубликовать в «Правде» передовую директивную статью, разоблачающую «безродных космополитов» в театральной критике и сигнализирующую о начале ширококомасштабной пропагандистской кампании против антипатриотических сил в стране¹⁰⁷.

«Правда» находилась в непосредственном ведении Маленкова, а главный ее редактор П.Н. Поспелов, педантичный кабинетный чиновник, думается, не случайно подготовил к упомянутому выше заседанию оргбюро на имя Маленкова записку «О неправильной позиции работников агитпропа ЦК в связи с активизацией антипатриотической группы театральных критиков»¹⁰⁸. 21 января он даже выступил с основным докладом на торжественно-траурном собрании, посвященном 25-летней годовщине со дня смерти Ленина, что считалось особо почетным поручением. Не испытывавший особых симпатий к Поспелову, Сталин оказал ему такую милость, очевидно уступив настоятельной просьбе Маленкова, которому весьма импонировало то, что главный редактор «Правды» был не в ладах с Шепиловым.

* Маленкову приписывается следующее эмоциональное указание, данное им якобы на заседании оргбюро в отношении критиков-космополитов: «Не подпускать на пушечный выстрел к святому делу советской печати» (106).

НАЧАЛО КАМПАНИИ

То, что инициатива опубликовать в «Правде» статью против критиков-космополитов принадлежала «непосредственно» Сталину, утверждал потом Симонов, который, вместе с тем, так и не обмолвился в мемуарах о личном вкладе в исполнение этого задания вождя. Более того, ссылаясь на отсутствие под рукой соответствующих дневниковых заметок (в то время как другие записи оказались на месте), вообще обошел молчанием свою роль в истории с космополитами, которая, видимо, для него была связана с неприятными воспоминаниями¹⁰⁹.

Вместе тем работавший в то время в «Правде» писатель Кожевников свидетельствовал, что «одними силами редакции статью... нельзя было сделать», и потому сотрудникам газеты (тому же Кожевникову, а также поднаторевшему на искоренении идеологической ереси Д.И. Заславскому и другим «правдистам») помогали Симонов, Фадеев, Софронов, которым, как он выразился, пришлось дневать и ночевать в редакции. Не вызывает сомнения и участие в этом деле Шепилова и его аппарата: тот же Симонов 19 февраля в объяснительной записке главе Агитпропа упомянет о своей работе «над статьей, которой... был занят по Вашему заданию...».

Из-за минимального срока, отпущенного Сталиным на подготовку статьи, работа над ней действительно была напряженной. В более или менее законченном виде она была представлена Поспеловым Маленкову в 3 часа 55 минут утра 27 января. Верстка передовицы наверняка была доложена и Сталину, который, видимо, и заменил предлагавшееся первоначально несколько вычурное название («Последыши буржуазного эстетства») на вариант, звучавший просто и без изысков: «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Кроме того, «для разнообразия» текста в него решено было включить три формулировки разоблачавшегося «зла»: «ура-космополитизм», «оголтелый космополитизм» и «безродный космополитизм»¹¹⁰.

Публикация статьи, которой суждено было стать заметной вехой в послевоенном генезисе сталинизма, была осуществлена в центральном печатном органе партии 28 января. Пропагандистский масштаб, высокий обвинительный пафос и инквизиторский дух говорили читателю о незримом присутствии за ее строчками Сталина. Благодаря такой «рекламе» названные в ней имена театральных критиков (ранее известные лишь узкому кругу специалистов) — А.С. Гурвич, И.И. Юзовский, А.М. Борщоговский, Я.Л. Варшавский, Л.А. Малюгин, Г.Н. Бояджиев, Е.М. Холодов — сразу узнала вся страна. Этих людей, обвиненных в том, что они «утратили свою ответственность перед народом» и «являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополи-

тизма», партийный рупор превратил в символы злокозненных антипатриотических сил, разрушающих монолитность советского общества. Вышедший на следующий день номер «Литературной газеты» пополнил группу преданных анафеме критиков еще одним именем — И.Л. Альтман. А 31 января редактируемая Шепиловым «Культура и жизнь» добавила весьма показательный штрих, проставив после псевдонима «Холодов» настоящую фамилию литератора-«космополита» — Меерович и спровоцировав тем самым антисемитские страсти вокруг раскрытия подлинных имен еврейских интеллектуалов.

В развернувшейся новой охоте на ведьм испытания, ниспосланные по воле диктатора, каждый переносил по-своему. «Главари антипатриотической группы театральных критиков» Юзовский и Гурвич покаяться, направив письма с признанием ошибок руководству ССП и в редакцию «Правды». Молодой литератор Борщаговский по совету своего покровителя Симонова на время затаился от «глаз общественности», перестав появляться на собраниях и вообще на публике. Но о нем не забыли. 31 января решением секретариата ЦК он был выведен из состава редколлегии журнала «Новый мир» (куда летом 1946 г. был приглашен Симоновым из Киева*), а также уволен из Центрального театра Красной армии, где заведовал литературной частью. Только после смерти Сталина Борщаговский вышел из литературного подполья, опубликовав историко-патриотический роман «Русский флаг». Аналогичная судьба постигла и критика Малюгина: 16 февраля он был освобожден от обязанностей члена редколлегии газеты «Советское искусство». Но больше других пришлось пострадать Альтману, члену партии с 1920 года (вступил в РКП(б) после кратковременного пребывания в рядах левых эсеров), фанатично преданному идее коммунизма. Еще в январе 1938 года его сняли с поста редактора газеты «Советское искусство» как «не обеспечившего политического руководства». По настоянию Г.Ф. Александрова, явно невзлюбившего Альтмана, последний потом был изгнан из редакции журнала «Книга и пролетарская революция» (сентябрь 1940 г.), несколько позже отстранен от редактирования журнала «Театр» (январь 1941 г.) и, наконец, выведен с подачи В.В. Вишневого из редколлегии журнала «Знамя» (июнь 1947 г.)¹¹¹. Вероятно, по просьбе Фадеева, старого друга Альтмана с рапповских времен, тот не был упомянут 28 января в «Правде» среди «главных» космополитов. Однако уже на следующий день, подчиняясь диктату Софронова, «Литературная газета» дезавуировала эту «либеральную» потачку, заклеймив Альтмана как отъявленного антипатриота. Другая газета, «Советское искусство», пошла еще дальше.

* Необходимость перевода Борщаговского в Москву Симонов мотивировал тем, что в ЦК КП(б)У готовится «антисемитский удар» по «молодому талантливому критику».

9 февраля в ней за подписью Г. Гурко появилась статья «Буржуазный националист Альтман». В этой пропитанной духом 1937 года провокационной публикации, во многом предопределившей дальнейшую судьбу критика, были и такие строки:

«Альтман ненавидит все русское, все советское, поклонник деградирующей культуры Запада. Он старательно группирует, консолидирует все реакционные антипатриотические силы театральной критики. Советский народ называет альтманов живыми трупами. Мы очистим атмосферу советской культуры от их смердящего запаха».

Героя (или, точнее, — антигероя) статьи, обвиненного в связях с «сионистскими заговорщиками», по сути дела объявили лидером группы критиков-антипатриотов. Но он не покаяться, что привело к тому, что с осени 1949 года Фадеев под давлением «софроновского» окружения стал добиваться исключения бывшего друга из ССП. 22 сентября литературный генсек писал в секретариат ЦК:

«Следует дополнительно проверить факты тесного общения Альтмана с буржуазно-еврейскими националистами в Еврейском театре и в Московской секции еврейских писателей, поскольку тесная связь Альтмана с этими кругами широко известна в литературной среде. Тов. Корнейчук А.Е.* информировал меня о том, что Альтман частным путем, пользуясь своим знакомством и связями в кругу видных деятелей литературы и искусства, распространяет абонементы Еврейского театра**, то есть активно поддерживал этот искусственный метод помощи театру путем «частной благотворительности», а не путем улучшения его репертуара и качества исполнения спектакля»¹¹².

Спустя год Фадеев добился своего: 9 сентября 1950 г. Альтмана исключили из ССП. Лишившись последней жизненной опоры и профессиональной защиты, строптивый критик 6 марта 1953 г. как «буржуазный националист, двурушник в партии, главарь группы критиков — безродных космополитов в драматургии»^{***} был взят под стражу по указанию руководства МГБ СССР. Правда, уже 29 мая его выпустили на свободу. Однако груз незаслуженных обид и пере-

* 14 ноября 1946 г. Корнейчук стал председателем ССП Украины. Его пьесы «Макар Дубрава» и «В степях Украины» (последняя поправилась Сталину) также критиковались «космополитами».

** В 1947 году Альтман был назначен (кстати, по настоянию Фадеева) заведующим литературной частью Московского еврейского театра. Когда весной 1948 года этот театр лишили государственной дотации, он, подобно другим театрам, оказавшимся в такой же ситуации, выпустил для поддержания своего финансового положения абонементы, распространение которых тогда не считалось чем-то предосудительным и тем более преступным.

*** Кроме того, ему инкриминировалось следующее: избрание в 1918 году от партии левых эсеров в Бакинский городской совет; связь в 1934–1937 годах с «правыми», в том числе с Бухариным; знакомство с Михозлсом, с которым он будто бы совместно проводил «вражескую работу» (113).

житых испытаний не позволил ему долго радоваться жизни: через два года его не стало. Альтман, пожалуй, был единственным из московских театральных критиков, кто был исключен из ССП и потом оказался в тюрьме*.

Почему же в отличие от тех, кто представлял еврейскую национальную литературу, искусство, общественные организации и подвергся в это время повальным репрессиям, преследование «космополитов» ограничилось в основном рамками административных мер (увольнением с работы, исключением из партии, запретом публиковаться в печати)? Даже когда в мае 1949 года Агитпроп попросил Сулова санкционировать изъятие Главлитом из библиотек и книготорговой сети произведений Юзовского, Малюгина, Альтмана и других критиков-«антипатриотов», тот начертал на этом запросе: «Нет необходимости в этой мере». В то же время с согласия ЦК Главлит провел ту же акцию в отношении книг еврейских писателей, вошедших в список запрещенной литературы из 540 наименований¹¹⁴.

Такая разница в подходах продиктована была, видимо, тем, что в носителях еврейской культуры власти видели буржуазных националистов и рассматривали их как уже состоявшихся или потенциальных агентов западных спецслужб, ведущих в контакте со всемирным еврейством сепаратистскую и другую подрывную деятельность против правительства СССР, и потому они как бы автоматически причислялись к разряду государственных преступников, в том числе и изменников родины, подлежащих суровому наказанию вплоть до физического уничтожения. Деятельность же «космополитов» не выходила за рамки советской культурно-интеллектуальной сферы. К тому же их нельзя было заподозрить в покушении на политические устои советского государства. Они обвинялись главным образом в том, что своей антирусской проповедью национального нигилизма и низкопоклонством перед Западом содействовали империалистической (то бишь американской) пропаганде в ее далеко идущих намерениях навязать всему миру англосаксонскую культуру, или, проще говоря, провести глобальную американизацию человечества. Поэтому «нейтрализация» космополитов как потенциальных проводников американского влияния не шла далее изгнания их из идеологических институций (увольнений из редакций газет, журналов, театров, бюрократических структур и научных учреждений), если,

* В Ленинграде, где в это время правил махровый шовинист В.М. Андрианов, который в ходе борьбы с космополитизмом переименовал даже Международный проспект, был арестован и приговорен к десяти годам заключения театральный критик С.Д. Дрейден. Незадолго до этого он вместе с некоторыми другими своими коллегами был разоблачен как «адвокат» антипатриотов на собрании ленинградских драматургов и критиков (115).

конечно, МГБ не предъявляло им, как в случае с Альтманом, более веских обвинений*.

В таком «дифференцированном» отношении сталинского режима к так называемым еврейским буржуазным националистам и безродным космополитам проявилось его изощренное лицемерие и коварство. Если одних он уничтожал за их приверженность национально-религиозной традиции, родной культуре и языку, то других — а это были в значительной мере ассимилированные евреи — преследовал как раз за обратное: за стремление отказаться от своего национального лица и раствориться «в мировом всечеловеческом единстве народов», квалитизируя это как практику космополитизма. Именно таким изощренным способом на деле и претворялась в жизнь политика государственного антисемитизма.

В ССП

В начале 1949 года, когда Союз советских писателей поразила лихорадка новой пропагандистской кампании, непростые времена настали для партийного секретаря правления этой творческой организации писателя Б.Л. Горбатова. В те дни он стал объектом нападков со стороны Софронова, который обвинил его в «непартийном поведении», выразившемся в том, что тот вел с ним ранее такого рода разговоры:

«Напрасно ты, Софронов, ориентируешься на Фадеева. Он здесь человек не вечный. Будущее не за ним, а за Симоновым. По-товарищески советую поддерживать Симонова и опираться только на него».

Сразу вспомнилось, что в 1937 году Горбатов исключался из партии («за принадлежность к троцкизму»). Плюс ко всему МГБ арестовало его жену, популярную киноактрису и красавицу Т.К. Окуневскую, обвиненную в шпионаже и интимных отношениях с югославским дипломатом. Личная драма, переживания в связи с угаром антисемитизма в стране, а также нежелание участвовать в разборе персональных дел изгонявшихся из партии коллег-«антипатриотов» заставили этого литератора еврейского происхождения отказаться от переизбрания на партийный пост, который он занимал**, и на

* Так, в 1950 году был арестован Я.Н. Эйдельман (отец литературоведа Н.Я. Эйдельмана), работавший в Радиокomitee как театральный критик и журналист. Однако конкретно ему инкриминировали в качестве преступления еврейский буржуазный национализм (сионизм).

** Новым руководителем парторганизации правления ССП избрали ставленника Софронова поэта Н.М. Грибачева, автора поэмы «Колхоз "Большевик"», отмеченной Сталинской премией.

время уйти в тень. Почти на полгода Горбатов уехал из Москвы, чем навлек на себя обвинения коллег в том, что «нигде, ни разу, ни единым словом не определил своего отношения к борьбе с критиками-космополитами, что позволяло последним считать его своим человеком»¹¹⁶.

Однако были и примеры иного поведения. Обвиненный в космополитизме критик Варшавский, работавший в газете «Советское искусство», «страха иудейского ради» стал фактически подручным такого отъявленного шовиниста и лично нечистоплотного человека, как драматург Суров. Будучи членом редколлегии этого издания, последний с помощью шантажа и угроз превратил Варшавского в своего рода «литературного негра», заставив сочинять для себя все, начиная с пьес и кончая личными письмами. В начале февраля 1949 года Варшавский представил Сузову для доклада наверх записку-донос о, так сказать, истории возникновения антипатриотической группы критиков. Суть навета передают следующие строки:

«Группа как целое существовала при ВТО в форме объединения театральных критиков. ВТО финансировало Юзовского и Гурвича, которые годами бездельничали, не имея возможности высказывать свои взгляды в печати. Долгое время председателем объединения был Юзовский, потом Бояджиев... Г. Бояджиев как лидер объединения конфиденциально предложил критикам собираться ежемесячно по первым числам в кабинете ресторана «Арагви» для разговора «по душам». Мысль этих сборищ — только «маститых», по строгому отбору, без «молодежи» — безусловно заключался в том, чтобы сколотить касту театральных критиков, не желающих подчиняться «господствующим» мнениям. Это должна была быть своего рода фронда, противопоставляющая себя «официальной» точке зрения на события театральной жизни. Я был на первом таком сборище, где председательствовал И. Альтман»¹¹⁷.

Очень скоро эта провокационная бумага попала в руки Шепилову, а через него — Маленкову. От себя глава Агитпропа приписал к ней следующее:

«Представляю... на Ваше (Маленкова. — *Авт.*) рассмотрение письмо Я. Варшавского г. Сузову, в котором, в частности, сообщается важный факт о том, что антипатриотическая группа критиков пыталась организационно особо оформиться (возможно, и оформилась) на идейной платформе, глубоко враждебной нашим советским порядкам... Об особых сборищах антипатриотической группы в «Арагви» я сообщил г. Абакумову»¹¹⁸.

В свете этого и подобных ему документов становится понятным, почему Шепилов в посмертно изданных мемуарах никак не обозначил (подобно Симонову) свою роль в событиях начала 1949 года, ограничившись по поводу развернувшейся тогда травли «антипатриотов» лишь следующим несколькими странными замечанием:

«До сих пор не знаю, как и почему родилась идея этой позорной кампании»^{119*}.

Что касается последствий обращения Шепилова в МГБ, то, видимо, там сочли сообщенные им «факты» легковесными, и заговорщиками гонимые критики объявлены не были. Однако общественная расправа над ними не могла не состояться. Произошла она на закрытом партийном собрании ССП, открывшемся 9 февраля. На нем присутствовало в общей сложности 300 литераторов. Фадеев, временно выведенный из строя очередным приступом хронического алкоголизма, так и не появился в президиуме. Не было и Симонова, который, воспользовавшись благовидным предложением (творческий вечер в фонд помощи детям погибших писателей), уехал в Ленинград. Из руководства писательского союза присутствовал только Софронов. Задавая тон собранию, он выступил с основным докладом. Из его уст на сей раз прозвучали не только обличения театральных критиков, уже несколько недель травимых за антипатриотизм, но и хула в адрес целой группы литературных критиков еврейского происхождения — Д.С. Данина, Ф.М. Левина, А.М. Лейтеса, Л.М. Субоцкого, А.И. Эрлиха,

* Такое утверждение Шепилова вряд ли можно списать на его плохую память. Ведь вплоть до мельчайших деталей он воспроизвел в мемуарах, например, состоявшееся 21 января 1949 г. в Большом театре выступление П.Н. Пospelова по поводу очередной годовщины со дня смерти Ленина. Показателен в этой связи и телефонный диалог, произошедший в 1994 году между Шепиловым и автором данного исследования:

— Дмитрий Трофимович, сможете ли вы встретиться со мной, чтобы поговорить о кампании борьбы с космополитизмом в начале 1949 года?

— А есть ли в этом необходимость? Ведь Борщаговский в последней книге («Записки баловня судьбы». — *Авт.*) все уже рассказал, и довольно точно, об этих событиях.

— Извините, Дмитрий Трофимович, но в последнее время в бывшем Центральном партийном архиве был рассекречен ряд важных документов, которые вносят много нового в то, что написал Борщаговский в 1991 году. Могли бы вы ознакомиться с этими материалами и прокомментировать их?

И тут в разговоре произошла небольшая пауза. На том конце провода мой собеседник, говоривший до этого в доброжелательно-снисходительном тоне, видимо, переваривал услышанное. Когда наша беседа продолжилась, его благодушие куда-то улетучилось, и в голосе послышался металл, выработанный годами былого партийно-государственного начальствования:

— Какие еще там документы вы обнаружили?

Спросил он строго, а потом сухо добавил:

— К сожалению, я не смогу с вами встретиться, так как в ближайшее время ложусь в больницу. Позвоните мне потом.

Когда через несколько месяцев я опять обратился к Шепилову и вновь получил отказ, то понял, что моя надежда на встречу нереальна.

Б.В. Яковлева*. Софронов, Суров** и их единомышленники явно стремились расширить круг своих жертв, спекулируя на их национальной принадлежности к еврейству.

Выступившие в прениях писатели В.В. Вишневский, М.С. Шагинян, Л.В. Никулин, редактор «Литературной газеты» В.В. Ермилов и другие не только солидаризировались с Софроновым, но некоторые из них, следуя его примеру, также добавили от себя имена новых претендентов на ярлык «безродного космополита». А 10 февраля «Известия» вышли с передовицей, так и названной «Безродные космополиты», что знаменовало собой пик пропагандистской кампании. В тот день продолжавшие заседать литераторы-коммунисты проголосовали за изгнание из партийных рядов Альтмана, Субоцкого, Левина и Данина. Такая же участь потом постигла и Борщаговского, который стоял на партийном учете в Центральном театре Красной армии. Что касается Гурвича, Юзовского, Бояджиева, Малюгина, Холодова, то подобная форма гражданской казни им по причине их беспартийности, к счастью, не грозила¹²².

АПОГЕЙ КАМПАНИИ И ЕЕ СВЕРТЫВАНИЕ

С этого времени пропагандистская акция приобрела всеобъемлющий характер. Охота на «космополитов» поделила на «загонщиков» и «загоняемых» архитекторов, литературоведов, философов, историков, журналистов, деятелей искусства, работников государственных и общественных учреждений, промышленных предприятий, преподавателей и студентов вузов и техникумов. Антиинтеллектуальная и антисемитская истерия, набирая обороты, день ото дня ширилась, захватывая все новые имена, регионы, сферы деятельности. Многие тогда были поставлены перед необходимостью сделать в жизни решающий выбор. И, к сожалению, немало было тех, кто ради карьеры или сохранения общественного статуса и материального достатка готов был пойти на сделку с совестью. Для того, чтобы

* Еще 29 января 1949 г. Шепилов вместе со своим заместителем «по литературе» Головенченко, сообщая Маленкову о том, что «в сигнальном № 1 журнала «Новый мир»... опубликована статья Бориса Яковлева (Боруха Хольцмана)», в которой тот «самонадеянно берет на себя роль истолкователя ленинских высказываний...», потребовали от Симонова снятия этой статьи и увольнения ее автора из редакции «Нового мира» (120).

** Выступая в те же дни в издательстве «Искусство», Суров особо отмечал: «Корни космополитизма следует искать в буржуазном национализме (еврейском. — *Авт.*). Именно на этой почве произрастали такие двурушники и предатели, как Юзовский, Гурвич и им подобные. Этим презренным выродкам нет места в наших рядах» (121).

самим остаться на плаву, они, примкнув к стану победителей, помогали им творить расправу.

Среди прочих такую линию поведения избрал для себя главный редактор газеты «Советское искусство» В.Г. Вдовиченко. Выходец из крестьян Орловской губернии, поднявшийся по служебной лестнице от чернорабочего (в 1918–1922 гг.) до начальника Главреперткома Всесоюзного комитета по делам искусств (1938 г.), он после войны, как и Шепилов, переместился из политорганов армии в партийно-идеологическую сферу. Вначале Вдовиченко беспрекословно выполнял все указания главы ОПИА, воспринимая их как установки высшей партийной инстанции. Но когда Шепилова стали обвинять в покровительстве театральным критикам и тот попытался перевести гнев начальства на своих подчиненных, в том числе и на редактора «Советского искусства» (даже подготовил проект постановления секретариата ЦК о его увольнении), Вдовиченко уразумел, что спасение утопающих — в руках самих утопающих. 12 февраля он направил Маленкову пространную записку, в которой с истеричным надрывом загнанного в угол человека изобразил деятельность критиков как широко разветвленный сионистский заговор, приложив для наглядности список «подозреваемых» с 83 еврейскими фамилиями. Причем, чтобы у начальства не возникло никаких сомнений по поводу национального характера «заговора», Вдовиченко не включил в свой перечень даже официально объявленного космополитом русского Малюгина. Значительное место в доносе занимало и перечисление прегрешений Симонова, который выставлялся главным защитником и ходатаем еврейства. Свои подозрения на сей счет юдофоб-редактор обосновал основательно:

«На XII пленуме ССП К. Симонов по совершенно непонятным причинам не выразил своего отношения к обсуждаемым вопросам драматургии и критики и не поддержал Фадеева. Во время ответственного партийного собрания... созванного с целью разгрома антипатриотической группы критиков и ее охвостья, К. Симонов не нашел ничего лучшего, как уехать в Ленинград. И это в то время, когда отсутствовал т. Фадеев, заместителем которого является Симонов и на обязанности которого лежала ответственность за проведение линии ЦК ВКП(б) по разгрому антипатриотической группы. Положение фактически спас т. Софронов, взявший на себя всю ответственность за проведение собрания и принятие соответствующих решений... Следует обратить внимание на состав редколлегии и аппарат редакции «Нового мира». Вопросы советского искусства решал Борщаговский, заместителем Симонова является Кривицкий, в редакции работают на ответственных участках Лейтес, Хольцман, Кедрина и ряд других людей без роду и племени. Личные друзья Симонова Эренбург (юбилей которого устроил Симонов, протасив этот вопрос контрабандным способом через президиум ССП), Дыховичный, Раскин, Ласкин, Слободской и др. К. Симонов всячески поддерживает космополитов. Он с пеной у рта защищает

пьесы Галича* и Исаева «Вас.вызывает Таймыр», Масса и Червинского «О друзьях-товарищах»¹²³.

Однако ни ретивое доносительство, ни погромный характер статей, публиковавшихся в редактируемой им газете («Двурушник Борщаговский», «Враг советской культуры Гурвич» и др.)¹²⁴, не спасли Вдовиченко от участи «мальчика для битья», тем более что он стал интриговать против своего бывшего покровителя Шепилова, от которого вроде бы стала отворачиваться аппаратная фортуна. Тем не менее последний все же нашел в себе силы для самозащиты. 30 марта он уведомил Маленкова:

«Тов. Вдовиченко не проявляет большевистской принципиальности и партийности в вопросах советского искусства. Он шарахается из одной крайности в другую. До недавнего времени т. Вдовиченко всячески привлекал к работе в газете критиков-антипатриотов, широко рекламируя их. После того как была разоблачена антипатриотическая группа в театральной критике, т. Вдовиченко поднял в газете «Советское искусство» крикливую шумиху, пытаясь изобразить дело так, что космополиты проникли всюду...».

Незадачливый редактор явно перестарался. 7 апреля он был снят со своего поста и отправлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК ВКП(б)¹²⁵.

Что касается Симонова, то инвективы Софронова**, Сурова, Вдовиченко и других недоброжелателей серьезно его встревожили. Понимая, что над ним нависла реальная угроза, он вынужден был

* А.А. Галич за свой нонконформизм и участие в правозащитной деятельности в конце 1971 — начале 1972 года был исключен из ССП, Союза композиторов и Литфонда. В 1974-м был вынужден эмигрировать на Запад, где умер 15 декабря 1977 г. в результате несчастного случая.

** Софронов к тому времени фактически взял в свои руки бразды правления ССП. В агентурном донесении «источника» о беседе с драматургом Н.Ф. Погодиным, составленном начальником 2-го главного управления МГБ Е.П. Питоврановым и отправленном 9 июля 1949 г. Абакумовым Сталину, читаем: «...Погодин ответил: «Я скажу вам откровенно... что Софронов в ССП — полный хозяин. Даже во времена РАППа мы могли выступать с критическими замечаниями, а теперь за каждое критическое слово о пьесах Софронова и Кожевникова приходится расплачиваться... Софронов и Кожевников сосредоточили в своих руках все руководство подбором репертуара для наших театров. Начальник управления театров Комитета по делам искусств В.Ф. Пименов почти через день бывает у Софронова на даче... Софронов находится вне критики... У всех создается впечатление, что Фадеев верит только Софронову. Симонов, после того как Софронов на собрании назвал его пособником космополитов, почти не вмешивается в эти дела. Фадеев же почти не бывает в Союзе... Ведь мы все знаем, что Фадеева надо беречь и ни в коем случае не приглашать его выпить... У нас, старых писателей, создается впечатление, что Софронов просто спаивает Фадеева...» (126).

пойти на спасительную ложь, обратившись 15 февраля к Шепилову с заявлением, в котором утверждал, что высказываемые в его адрес обвинения в поддержке антипатриотической группы театральных критиков, и в частности циркулирующие слухи о редактировании им письма Борщаговского Сталину, являются «клеветническими и провокационными»¹²⁷.

Чтобы развеять сомнения властей на его счет, Симонов по заданию Фадеева, или, точнее, Софронова, выступил 18 февраля, по сути дела, с погромным докладом на собрании драматургов и критиков Москвы. Еще недавно опекаемых им литераторов, причисленных потом к группе «космополитов», он назвал «ядром» сил, занимающихся «преступной работой», «враждебной советской драматургии». Желая, видимо, перещеголять в интеллектуальном плане своих конкурентов в руководстве ССП, Симонов стал обличать космополитизм как глобальное политическое явление.

«Нельзя, говоря о космополитизме, — сказал он, — ограничить его вредоносную деятельность только сферой искусства или науки, нужно прежде всего рассмотреть, что такое космополитизм политически. Пропаганда буржуазного космополитизма выгодна сейчас мировой реакции, поджигателям новой войны. Космополитизм в политике империалистов — это стремление ослабить патриотическое чувство независимости сразу во многих странах, обессилить, связать народы этих стран и выдать их с головой американским монополиям. Космополитизм в искусстве — это стремление подорвать национальные корни, национальную гордость, потому что людей с подрезанными корнями легче сдвинуть с места и продать в рабство американскому империализму»¹²⁸.

Представлявший собой тип преуспевающего литературно-партийного сановника, Симонов имел повышенную чуткость к социальному заказу властей. Еще до войны, будучи студентом Литературного института, он написал в духе тогдашнего времени патриотическую поэму «Ледовое побоище». Названный впоследствии поэтом Д.С. Самойловым «любимцем и идеологом советской полуинтеллигенции»¹²⁹, Симонов зимой 1949-го после некоторых метаний уже не сомневался в том, что Париж, то бишь весьма завидное положение при сталинском дворе, стоит мессы. Под напором суровой прозы аппаратных нравов очень быстро улетучилась романтическая преданность единомышленникам по литературному цеху, а вместе с нею и последние колебания в душе поэта. На собрании творческих работников кинематографии Симонов уже во всю распекал «буржуазных космополитов и эстетов от кино» за то, что те «проповедовали... позорную теорию о том, что якобы духовным прародителем советского киноискусства является американская кинематография, которая начала с декаданса и кончила «Ку-Клукс-Кланом»¹³⁰.

Подобного рода пропагандистский стиль Симонов освоил давно. Посетив в июне 1946 года США, он не проникся, мягко говоря,

симпатией к этой стране, подавившей и поразившей его, приехавшего из разоренной войной России, своей мощью и бьющим в глаза богатством. Под впечатлением от поездки за «железный занавес» литератор написал пьесу-памфлет «Русский вопрос» и стал после этого в ССП как бы главным специалистом по антиамериканской пропаганде. В период антикосмополитической кампании он был назначен ответственным в ССП за подготовку предложений к «Плану мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды», который разрабатывался в ЦК, а 19 марта 1949 г. сообщил Маленкову, что готов написать пьесу «Горький в Америке», дающую «возможность ударить по космополитам»¹³¹.

В это же время в сотнях тысяч экземпляров была выпущена в свет книга бывшей сотрудницы американского посольства в Москве и агента-двойника Анабеллы Бюкар (Лапшиной) «Правда об американских дипломатах». В ней утверждалось, что верхушка американского дипломатического представительства в советской столице принадлежит к «антисоветской клике», заправляющей делами в государственном департаменте США под идейным руководством Дж.Ф. Кеннана. Последний еще во время войны появился в Москве как советник американского посольства, а 22 февраля 1946 г. направил в Вашингтон так называемую длинную телеграмму, в которой обосновал необходимость перехода к «силовой» политике в отношении Советского Союза и жизненную важность для США борьбы с коммунизмом во всем мире. Обвинения против Кеннана содержались и в книге бывшего корреспондента американского журнала «Times» Ральфа Паркера «Заговор против мира» («Кеннан всегда смотрел на Россию как на страну, которую американцам еще предстоит завоевать и колонизировать»), также опубликованной в 1949 году московским издательством. Как бы в противовес подобной литературе на Западе была издана книга «Музыкальный скандал в Москве». Ее автор, Александр Верт, который в годы войны был председателем англо-американской ассоциации корреспондентов в советской столице, писал:

«В России космополитизм стал теперь философской концепцией и занимает видное место в словаре русской политической литературы наряду с формализмом, антисоветскими настроениями... гегельянством и преклонением перед Западом»¹³².

Пропагандистские страсти еще более накалились, когда по решению советских властей из страны была выслана «старая разведчица» Анна-Луиза Стронг, левая американская журналистка и писательница, а также корреспондент американского информационного агентства (National Broadcasting Corporation) Р. Магидов, которому, как утверждалось советской стороной, «было поручено собирать шпионскую информацию об СССР». А в апреле 1949 года в Париже был

созван Всемирный конгресс сторонников мира, на проведение которого решением политбюро было ассигновано до 100 тыс. американских долларов¹³³. Это был своеобразный реванш советской пропаганды за то поражение, которое она потерпела чуть ранее, когда в парижском Дворце правосудия был объявлен приговор по делу В.А. Кравченко, бывшего советского гражданина, не возвратившегося на родину по окончании служебной командировки в США в 1944 году и написавшего потом антисоветское сочинение «Я выбираю свободу». Эту книгу прокоммунистическая газета «Lettres française» назвала в 1947 году фабрикацией американских спецслужб, а ее автора — агентом последних. По иску Кравченко к газете состоялся шумный процесс, в ходе которого сторона ответчика была поддержана всей мощью советской пропаганды (по социальному заказу Москвы на стороне «Lettres française» выступили знаменитый физик и коммунист Фредерик Жолио-Кюри и коммунистический же интеллектуал Роже Гароди). Однако перебежчик выиграл дело.

Симонов также активно участвовал в нападках на Кравченко, которого заклеил в «Правде» как «платного агента американской разведки, лишённого родины выродка, отребье, изменника и предателя»¹³⁴. Но главное внимание писателя оставалось прикованным к тем, кого советская пропаганда пыталась представить врагами внутренними. 28 марта он вместе с Софроновым уведомил Сталина и Маленкова:

«Секретариат Союза советских писателей ставит вопрос об исключении из рядов Союза писателей критиков-антипатриотов Юзовского И.И., Гурвича А.С., Боршаговского А.М., Альтмана И.И., Малюгина Л.А., Бояджиева Г.Н., Субоцкого Л.М., Левина Ф.М., Бровмана Г.А., как не соответствующих п. 2 Устава Союза советских писателей...».

Однако власти на сей раз предпочли умыться руки, и решение об «очищении» ССП поручили руководству самого этого органа, которое, как уже отмечалось выше, подвергло остракизму только Альтмана¹³⁵.

Кремлевское начальство могло быть довольным. Круг, что называется, замкнулся. Вчерашний либерал и романтик Симонов и громный ура-патриот Софронов плечом к плечу сражались на идеологическом фронте, исполняя волю партии и ее вождя. Впоследствии Симонов, желая, быть может, как-то оправдать себя задним числом за участие в антиеврейской по преимуществу расправе над так называемыми космополитами и заодно переложить часть своей вины на сами жертвы этой кампании, писал:

«Проблемы ассимиляции или неассимиляции евреев, которые просто-напросто не существовали в нашем юношеском быту, в школе, в институте до войны, эти проблемы начали существовать. Евреи стали делиться на тех,

кто считает свою постепенную ассимиляцию в социалистическом обществе закономерной, и на тех, кто не считает этого и сопротивляется ей. В этих послевоенных катаклизмах кроме нагло проявляющегося антисемитизма появлялся скрытый, но упорный ответный еврейский национализм, который иногда в некоторых разговорах квалифицировался как своего рода национализм в области подбора кадров — все это наличествовало и в жизни, и в сознании»¹³⁶.

Достигнув желаемого устроителями результата, шумная антикосмополитическая кампания в печати и других средствах пропаганды пошла на убыль. С этого момента рука партии легла на директивный стоп-кран. Как по мановению волшебной палочки, в печати и на радио исчезли чрезмерно крикливые и воинственные публикации и передачи. А руководство ЦК в лице Маленкова и Сулова не скрывало заинтересованности в том, чтобы побыстрее избавиться от наиболее ретивых и оголтелых исполнителей, наподобие Вдовиченко, ратовавших за легализацию антисемитизма, на что сталинский режим, заквашенный на коммунистическо-интернационалистской догматике и опасавшийся за свою репутацию в глазах мирового общественного мнения, пойти явно не мог. Последняя передовица «Правды», посвященная «антипатриотической» группе театральных и литературных критиков, появилась в номере от 10 апреля. Статья как бы подводила итог такой же странной (на взгляд простого человека, который, если и выговаривал слово «космополит», то с трудом), как, впрочем, и безусловно необходимой (прежде всего с точки зрения Сталина) кампании, умиротворяюще констатируя, что в ней «нашла свое выражение забота партии о правильном, здоровом развитии советской литературы и искусства по пути социалистического реализма».

Теперь, когда пропагандистская акция, предпринятая по заданию вождя, была успешно выполнена и Шепилов оказался в положении мавра, сделавшего свое дело, ничто больше не мешало Маленкову свести с ним старые счеты. Тем более, что тот оголил свой кадровый тыл, будучи вынужден ранее письменно признать «недостатки в работе» своих сотрудников. Он даже заявил Маленкову, что не имел никакого отношения к совещанию с театральными критиками в ноябре 1948 года в Агитпропе, а всего лишь поручил своим подчиненным посоветоваться с такими писателями, как Б.С. Ромашов, Л.М. Леонов, В.В. Иванов, и «о ни о каких юзовских, борщевских даже и речи не было»¹³⁷. Если Шепилова и мучили сомнения по поводу дилеммы — взять на себя всю полноту ответственности за попустительство критикам и тем самым поставить крест на своей карьере, или выгородить себя, свалив вину на подчиненных, — то очень недолго. В те дни «за покровительство антипатриотической группе театральных критиков» из ОПиА были уволены консультант И.В. Сергиевский, заведующий сектором искусств Рюри-

ков* (отправлен в распоряжение Горьковского обкома партии), его заместитель Прокофьев (направлен на работу в Свердловский обком партии), заведующий сектором Писаревский (был сначала понижен в должности до инструктора, а в 1950 году направлен в Литовскую ССР «для усиления массово-политической работы среди населения»); был снят с поста редактора журнала «Театр» бывший агитпроповец Г.С. Калашников. Правда, справедливости ради необходимо упомянуть, что Шепилов потом пытался как-то отыграть назад, помогая бывшим подчиненным возвратиться в Москву. Однако Маленков быстро одернул его, издав 19 марта постановление секретариата ЦК, обязавшее руководителя Агитпропа в трехдневный срок «исправить это дело»¹³⁸. А в начале апреля он добился, чтобы Шепилов сдал полномочия редактора газеты «Культура и жизнь» П.А. Сатюкову, который потом долгие годы будет руководить «Правдой»¹³⁹. Но решающий удар по Шепилову был нанесен 13 июля, причем как по «человеку» Жданова, чьи выдвиженцы весной 1949 года превратились в фигурантов вновь инспирированного Сталиным «ленинградского дела». В тот день вышло постановление политбюро о реформировании редколлегии журнала «Большевик», поводом к чему послужило то, что в опубликованную в этом теоретическом и политическом органе ЦК статью первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии В.М. Андрианова случайно вкралась цитата из запрещенной к тому времени книги Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Основная тяжесть ответственности за эту «грубую политическую ошибку» и была возложена на Шепилова, которого также обвинили в том, что в свое время он через «Культуру и жизнь» рекомендовал указанную книгу для использования в качестве учебника в системе политической учебы руководящих партийно-пропагандистских кадров. Расправиться с Шепиловым Маленкову активно помогали секретарь ЦК Сулов, заместитель заведующего ОПиА Л.Ф. Ильичев, а также снятый тогда же с должности главного редактора «Большевика» П.Н. Федосеев (списывал с себя таким образом свою долю ответственности за недосмотр) и исключенный из редколлегии этого журнала Г.Ф. Александров. В те дни Шепилов зашел к Маленкову и стал упрашивать отпустить его «с миром», на что тот со спокойной и даже добродушной издевкой в голосе заметил: «Мы давно добираемся до вас. Но все не удавалось, а теперь не сорветесь». Эти слова Маленков сопроводил выразительным жестом, изображавшим трепыхание рыбы на крючке¹⁴⁰. 20 июля Шепилов был снят с должности заведующего ОПиА, передав полномочия секретарю ЦК Сулову¹⁴¹.

* В марте 1950 года Рюрикова возвратили в Москву, направив заместителем к Симонову, назначенному тогда главным редактором «Литературной газеты».

В последующие годы атаки на буржуазный космополитизм как орудие американской идеологической экспансии время от времени возобновлялись, но уже не имели такого размаха, как в начале 1949 года. 28 октября 1951 г. в «Правде» появилась редакционная статья «Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике», в которой содержались новые обвинения в адрес «космополита» Гурвича. Последний всплеск «антикосмополитизма» наблюдался в начале 1953 года, в период знаменитого «дела врачей», о котором разговор еще впереди. 28 февраля в ЦК поступил обстоятельный донос от «группы студентов», возмущенных тем, что критики-«космополиты», разоблаченные было в 1949-м, опять «свили себе гнезда в литературных журналах» («Новый мир», «Октябрь», «Знамя»), где «процветают сионистские настроения, семейственность и групповщина». Авторы (или автор) анонимного послания, ссылаясь на то, что «еврейские сионисты разоблачили себя как агенты американского империализма и враги советского государства», считали недопустимым, чтобы «русская критика находилась в руках еврейских проходимцев». К сему прилагался объемный, в 62 фамилии, список зловердных «космополитов». О том, как отнеслись на Старой площади к этому письму, говорит начертанная на нем резолюция Маленкова: «Лично. Т. Михайлову Н.А. (тогда секретарь ЦК по идеологии и руководитель Агитпропа. — *Авт.*)... Дело важное. Надо посоветоваться». Однако Михайлова вскоре перевели на другую работу. Тем не менее ставший после него главным идеологом партии П.Н. Поспелов, вероятно, не из простого любопытства затребовал 24 марта для личного ознакомления этот материал. И только 21 августа его отправили в архив¹⁴².

Как видим, и после смерти Сталина сконструированный и запущенный им аппаратный генератор ненависти продолжал излучать какое-то время смертоносную энергию. Образ врага в виде космополита не был полностью исключен из советского пропагандистского арсенала даже к концу 1954 года. Выступая тогда на II всесоюзном съезде писателей, уже бывший генсек ССП Фадеев заявил:

«Необходимо, чтобы мы все помнили, что борьба с проявлениями национализма и космополитизма, с обывательской безыдейностью, упадничеством, которую мы вели на протяжении ряда лет, была справедливой борьбой, и если бы мы не проводили ее со всей решительностью, наши идейные противники могли бы принести большой вред развитию советской литературы»¹⁴³.

Однако после разоблачения «культы личности» Сталина «космополитов» публично больше не поминали. Символично, что Фадеев, олицетворявший в значительной мере alter ego Сталина, вскоре добровольно присоединился к своему учителю и покровителю в мире инном.

* * *

Когда вскоре по окончании войны аполитичные технократы Маленков и Берия ушли на время в тень, по воле Сталина начался крен в сторону форсированной идеологизации общества в духе большевистской идейности и бдительности. Практическая реализация этого курса была доверена Жданову, который путем завинчивания идеологических гаек помог Сталину инициировать под лозунгом борьбы с безродным космополитизмом новую большую чистку, быстро обретшую тотальный характер и охватившую все звенья политических, административных, идеологических и общественных структур государства, от политбюро и Совета министров СССР до заводоуправлений и захолустных провинциальных контор. Идеологическая артиллерия главного калибра, пущенная в ход 28 января 1949 г., выстрелила отнюдь не по политическим воробьям, как могло показаться неискушенному наблюдателю, а содействовала достижению жизненно важных для режима целей. Под сурдинку пропагандистских стенаний об угрозе, исходящей от космополитизма, сталинский режим противопоставил значительно усилившемуся в мире после войны объективному процессу глобальной интернационализации курс на дальнейшую изоляцию страны. Эти попытки еще больше отгородиться от внешнего мира были в какой-то мере закономерным ответом СССР, его, так сказать, защитной реакцией на жесткий вызов, брошенный ему в ходе начавшейся холодной войны Западом, и прежде всего США, с их претензией на гегемонию в мире. Вместе с тем такой ответ, давший мощный импульс нагнетанию в стране политической ксенофобии, был продиктован и стремлением сталинского единовластия к самовыживанию. В результате сталинизм, прибегший ранее к великодержавному шовинизму и латентному антисемитизму, включил теперь в свой политико-идеологический инструментарий и антизападничество, причем в варианте, созвучном традиционному российскому почвенничеству.

Вместе с тем ура-патриотическая шумиха, развернутая в средствах массовой информации в конце 40-х годов, служила своеобразным прикрытием разворачивавшихся в то время репрессивных акций — так называемого ленинградского дела и ликвидации еврейской национальной культуры вместе с наиболее яркими ее представителями. Скоординированные пропагандистская и полицейская атаки имели ни с чем не сравнимый устрашающий эффект и оказали сильное психологическое воздействие на ассимилированное еврейство, занимавшее важные позиции в искусстве и интеллектуальной сфере страны и в наибольшей степени пострадавшее от антикосмополитической кампании. По подсчетам современного израильского историка Б. Пинкуса, просмотревшего 56 советских периодических изданий за 1948–1953 годы, евреи составили 71% всех представите-

лей интеллигенции, обвиненных в космополитизме¹⁴⁴. Однако происходивший в то время интенсивный социальный выброс завуалированного антисемитизма, негативный заряд которого накапливался еще со времен войны, не мог быть чем-то самоудовлетворяющим. Он не первопричина, а скорее индикатор, один из классических признаков ужесточения тоталитарного режима. Исходным же объективным пунктом всего того, что происходило тогда в советской империи, было извечное противоречие в человеческой истории между глобализмом и локализмом культуры, языка, экономики и других основополагающих атрибутов цивилизации. Значительную роль сыграли и моменты субъективного плана. Это был, во-первых, вызванный внешним (холодная война) и внутренним (аппаратная борьба за власть) факторами очередной приступ сталинской паранойи: кремлевскому властелину повсюду стала мерещиться американско-сионистская опасность. И, во-вторых, определенное значение имело и то обстоятельство, что послевоенный курс Сталина на превращение СССР в великую мировую державу, противостоящую Западу, вызвал глухое неприятие советской интеллигенции либерального толка, имевшей прозападную ментальность. Речь идет прежде всего о выживших после всех большевистских репрессий представителях старого русского интеллектуального слоя, имевшего в дореволюционные времена широкие контакты с коллегами в Европе и Америке, а также об интеллигенции еврейского происхождения, значительная часть которой получила образование на Западе и была связана этническими корнями с восточной окраиной зарубежной Европы — Польшей, где Россия воспринималась зачастую как фактор угрозы с востока. Главным образом представителей этих социально-национальных категорий населения Сталин и объявил космополитами в 1949-м, так как не мог не ощущать их затаенных симпатий к Западу и скепсиса в отношении его великодержавного курса.

Таковы глубинные истоки и причины той пропагандистской кампании, которая началась с внешне вроде бы заурядной интриги, одной из многих, что тогда готовились и разыгрывались в коридорах власти и творческих организациях.

Национальная трагедия

Закрытие Еврейского антифашистского комитета и что этому предшествовало

ЛИКВИДАЦИЯ ЕАК

Пропагандистское развенчание «безродного космополитизма» сначала в театральной критике, а потом и в других сферах культуры и общественной жизни не просто совпало, как свидетельствуют документы, с проводившимися параллельно арестами еврейских писателей и общественных деятелей, но и было в значительной мере спровоцировано этим генеральным наступлением на так называемый еврейский буржуазный национализм. То были две стороны одной и той же медали. Аверс — шумная пропагандистская кампания, бичующая оторвавшихся от родной почвы антипатриотов, — находился в центре всеобщего внимания и как бы прикрывал, прежде всего от мировой общественности, реверс — негласную репрессивную акцию по уничтожению носителей еврейской культуры, исходным пунктом которой стало постановление политбюро «О Еврейском антифашистском комитете». Подписанное 20 ноября 1948 г. и имевшее высший партийный гриф секретности — «Особая папка», оно гласило:

«Утвердить следующее решение бюро Совета Министров СССР:

“Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать, пока никого не арестовывать”.

Секретарь ЦК И. Сталин»¹.

Думается, нет особой нужды комментировать этот документ. И без того ясно, что судьбой ЕАК единолично распорядился сам вожь, избрав для этого наиболее подходящую, с его точки зрения, бюрократическую форму.

Поскольку исполнять постановление было поручено министру госбезопасности Абакумову, тот уже утром следующего дня, хотя это было и воскресенье, направил оперативную группу на Кропоткинскую, 10, для производства обыска в помещении ЕАК и его печатывания. Все документы комитета были вывезены на Лубянку и превратились в улики по возбужденному там следственному делу. То же самое произошло и в редакции газеты «Эйникайт», последний номер которой вышел 20 ноября. Для сотрудников и руководства газеты то был гром среди ясного неба: исполнявший обязанности ответственного редактора «Эйникайт» Г.М. Жиц, строя планы на будущее, еще 6 ноября обращался в ЦК к Маленкову с просьбой увеличить со следующего года тираж газеты с 10 до 30 тыс. экземпляров.

Помимо документов в ЕАК и редакции «Эйникайт» было изъято свыше трех тысяч различных книг на еврейском языке, а также большое количество иностранных газет и журналов².

25 ноября постановлением политбюро было закрыто издательство литературы на еврейском языке «Дер эмес». Чтобы избежать разговоров об антисемитизме и гонениях на национальную культуру, ликвидацию обосновали нейтральной формулировкой: «...В связи с тем, что круг читателей на еврейском языке крайне незначителен» и «большая часть книг, выпускаемых издательством «Дер эмес», не находит распространения»³.

Разгром ЕАК произошел не вдруг и не в одночасье. Грозные тучи над ним стали сгущаться задолго до ноября 1948-го. Недовольство этой национально-общественной структурой стало накапливаться в верхах, как уже отмечалось выше, еще в годы войны. Однако после ее окончания власти не пошли на роспуск ЕАК. Причин тому было несколько. Во-первых, закрытие единственной в стране еврейской общественной организации, наладившей обширные международные связи, могло быть воспринято в мире (в первую очередь в правящих кругах стран бывшей антигитлеровской коалиции, с мнением которых, особенно в первые послевоенные годы, Сталин вынужден был считаться) как проявление неуважения к народу, серьезно пострадавшему от гитлеровских зверств. Во-вторых, существовала солидарная поддержка ЕАК влиятельным международным еврейством, которую тоже нельзя было игнорировать. В-третьих, советско-еврейскую карту Сталин пытался разыграть в послевоенной политике на Ближнем Востоке, используя ее как инструмент влияния на сионистов, значительно активизировавшихся в своем стремлении воссоздать государство Израиль. В-четвертых, возможно, власти опасались стимулировать тем самым бытовой антисемитизм, существенный всплеск которого и без того произошел в стране в годы войны. К тому же евреев, несмотря на гекатомбы периода войны, было достаточно много в рядах коммунистической партии. На 1 января 1946 г. в ней состояло 202 878 евреев при общей численности в 5 513 649 человек

(для сравнения: на 1 января 1941 г. приведенным показателям соответствовали цифры 176 884 и 3 872 465)⁴. Сталину куда легче было объявить предателями украинских и прибалтийских националистов, запятнавших себя сотрудничеством с гитлеровцами, чем сделать то же самое в отношении лидеров еврейства, которое плечом к плечу с русскими сражалось на фронтах войны. Кроме того, вплоть до конца 1947 года в стране находилось много подлежащих репатриации польских евреев, которые могли стать нежелательными свидетелями в случае проведения репрессивной акции против их советских соплеменников.

Поэтому сталинский режим не пошел на немедленную и радикальную ликвидацию ЕАК, хотя под его эгидой возникло сначала элитное, верхушечное, а потом все более растущее вширь еврейское национальное движение. Власти вынуждены были избрать в отношении так называемого еврейского национализма выжидательную тактику, предполагавшую постепенное, но верное его удушение.

Сразу после войны в целях практической реализации такой политики был установлен тотальный контроль за еврейской общественной активностью, и прежде всего за деятельностью ЕАК. Вводилась повальная слежка с помощью широко разветвленной агентуры информаторов, и были приняты меры к постепенной изоляции советского еврейства от внешнего мира. На повышенную скорость был запущен механизм ассимиляции, использовавший пропагандистские лозунги «коммунистического интернационализма» и «советского патриотизма». При этом общественная активность евреев сдерживалась посредством запугивания и даже тайного физического устранения наиболее ярких и авторитетных еврейских лидеров. Наконец, усилилась дискриминация евреев с помощью различных бюрократических ухищрений, уловок и аппаратных интриг.

Дожидааясь удобного момента для затягивания петли на шее пробудившегося еврейского самосознания, власти не предпринимали активных шагов, более того, вынуждены были разбирать многочисленные жалобы на проявления бытового антисемитизма, который расцвел буйным цветом, в том числе и благодаря попустительству тех же властей.

ПРОБЛЕМА АНТИСЕМИТИЗМА ПОСЛЕ ВОЙНЫ. КАГАНОВИЧ НА УКРАИНЕ

Осенью 1945 года на имя Сталина, Берии и редактора «Правды» Пospelова в ЦК поступило письмо из Киева от группы демобилизованных фронтовиков-евреев. В нем сообщалось, что в городе, лежащем еще в руинах, совсем недавно произошли кровавые межнацио-

нальные столкновения, ставшие «первым в условиях советской власти еврейским погромом».

«Здесь сильно чувствуется влияние немцев, — писали они. — Борьбы с политическими последствиями их политического вредительства здесь не ведется никакой. Здесь распоясались всякого рода националисты, порой с партийным билетом в кармане... Здесь свирепствует еще невиданный в нашей советской действительности антисемитизм. Слово «жид» или «бей жидов»... со всей сочностью раздается на улицах столицы Украины, в трамваях, в троллейбусах, в магазинах, на базарах и даже в некоторых советских учреждениях. В несколько иной, более завуалированной форме это имеет место в партийном аппарате, вплоть до ЦК КП(б)У».

Для авторов письма было очевидным, что в подобной атмосфере достаточно небольшой искры, чтобы произошла трагедия. Так и случилось.

«В первых числах сентября с.г., — говорилось далее в письме, — на одного еврея... посреди улицы напали два антисемита в военной форме и после нанесения ему оскорбления тяжело избили его. Не выдержав всех этих издевательств и, видимо, морально тяжело переживая за все то, что сейчас переживают в Киеве все евреи, а вместе с ними и демократический элемент других наций в связи с разгулом антисемитизма, тот, находясь в состоянии аффекта, убил из револьвера двух антисемитов. Этот выстрел послужил сигналом к началу еврейского погрома. Похороны антисемитов были особо организованы. Их проносили по наиболее многолюдным улицам. А затем процессия направилась на еврейский базар. Эта процессия была манифестацией погромщиков. Началось избиение евреев. За один только день было избито до 100 евреев, причем 36 из них были отвезены в тяжелом состоянии в больницы г. Киева, и пять из них в этот же день умерли. Попутно пострадали несколько русских, которые своей внешностью были очень похожи на евреев, и погромщики избивали их наравне с евреями. После этих событий атмосфера в городе Киеве стала еще более накаленной. Погромщики начали подготавливать погром еще более солидный... но местные органы пока предотвратили это. Была установлена охрана синагоги, еврейского театра, еврейского базара. ... Как все это могло случиться после столь успешно закончившейся войны над коварным немецким фашизмом, когда весь наш народ независимо от расы и национальности был един в этой борьбе и завоевал себе равное право на спокойную мирную жизнь? ... Нарушителями Сталинской конституции, главными виновниками ее опозления стали руководители ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР. Это они установили особый режим в отношении евреев, это они организовали изгнание евреев из советского и партийного аппаратов... В ЦК КП(б)У и в СНК УССР взят какой-то новый, совершенно чуждый нашей партии политический курс в отношении евреев, и это считается сейчас здесь одним из важнейших дел на Украине. ... Кто же занимается помимо ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР во всех звеньях партийного и советского аппарата проведением этой особого рода национальной политики, а главным образом насаждением антисемитизма? ... Это «руководящие» кадры, в большинстве своем люди со звонкой украинской фамилией, но зато с весьма сомнительной в прошлом полити-

ческой репутацией, это люди весьма слабые, порой совершенно неграмотные по своей деловой квалификации, но зато это люди весьма опытные по делам украинского национализма, антисемитизма. ... Как отразилось на евреях это «открытие» в области национальной политики на Украине, столь активно проводящейся под непосредственным руководством ЦК КП(б)У и СНК УССР?... Есть случаи, когда... отдельные евреи, познав на себе все прелести этого нового курса, кончали... жизнь самоубийством. Есть еврей-коммунисты, которые приходили в райкомы партии и рвали или бросали свои партийные билеты, так как считали себя недостойными быть в рядах такой партии, которая проводит расовую политику, аналогичную фашистской партии. Есть евреи, которые бегут из Украины, из Киева, как ошумелые, чтобы поскорей избавиться от этого антисемитского омута... причем некоторые бегут в другие советские республики, а некоторые пытаются пробраться за границу, в Польшу, Америку. ... Есть евреи, которые раньше, до войны, считали себя интернационалистами и не чувствовали себя евреями, даже порой забывали об этом... и только теперь, в связи с этим новым курсом, исходящим из ЦК КП(б)У и СНК УССР, они почувствовали, что они евреи, и в них заговорило национальное чувство. ... Особенно тяжело этот новый курс переживают дети. Антисемитизм пробрался уже в пионеротряды, в школы, в фабзавуч. Ничего не звавшие до сих пор еврейские дети почувствовали к себе вражду со стороны тех детей, у которых родители националисты... Дух интернационализма у нашей молодежи на Украине начинает быстро исчезать. ... Нам кажется, что такому положению должен быть положен конец... ибо иначе это может превратиться в политический скандал международного значения. Не случайно на пресс-конференции в Сан-Франциско т. Мануильскому (нарком иностранных дел Украины. — *Авт.*) был уже... задан вопрос о положении евреев на Украине... Но т. Мануильский дипломатично обошел этот вопрос. ... Мы обращаемся к Вам, т. Сталин, к нашему большевистскому органу печати — газете «Правда», к Вам; тов. Берия, в надежде, что, может быть, к кому-нибудь из Вас все же дойдет это письмо и станут ясными причины прозвучавшего в Киеве выстрела, приведшего в дальнейшем к еврейскому погрому. Мы верим, что Вы своим вмешательством быстро положите конец тем издевательствам над советскими гражданами-евреями, которые с каждым днем принимают на Украине все более опасные формы».

В результате начавшегося в Киеве расследования выяснилось, что инициаторами антиеврейских беспорядков были двое молодых военнослужащих, которые, находясь в краткосрочных отпусках, прибыли в украинскую столицу для того, чтобы помочь родным одного из них не допустить возврата занимаемой ими жилплощади старым хозяевам — реэвакуированной с востока еврейской семье. Однако сделать этого не удалось. И обозленные на всех евреев молодые люди решили залить горе вином в одной из киевских закусок, где они, разгоряченные спиртным, выместили гнев на некоем посетителе еврейской наружности, которого сначала принялись оскорблять, а потом жестоко избили. Однако, на горе дебоширов, жертвой их издевательств оказался одетый в гражданское платье лейтенант НКВД Розенштейн. На следующий день тот, установив место пребывания своих

обидчиков, уже в служебной форме явился к ним домой и потребовал следовать вместе с ним в милицию. Те оказали сопротивление, и в возникшей потасовке Розенштейн пустил в ход табельное оружие... Трибунал войск НКВД Украинского округа приговорил Розенштейна к расстрелу. Пострадали и авторы направленного в Москву письма: по некоторым сведениям, все они были арестованы⁵.

Доходившие до Сталина жалобы представителей притесняемого народа вряд ли могли его особенно тронуть. Тем не менее он наверняка понимал, что изнанкой антисемитизма, заметно усилившегося в годы войны во второй по значимости в СССР республике, является национальный сепаратизм. Рост массовой юдофобии на Украине продолжал восприниматься центром как опасный симптом активизации сил местных националистов, которые всегда относились к евреям как к прислужникам «москалей». Нарастанию тревоги в Кремле способствовал и отчет комиссии УПиА ЦК ВКП(б), проверявшей положение дел на Украине в июне 1946 года. В нем, в частности, констатировалось, что Агитпроп ЦК КП(б)У «примиренчески относится к националистическим настроениям», усиливающимся в среде творческой интеллигенции. Особенно насторожило столичных эмиссаров то, что некоторые украинские ученые открыто придерживались исторической концепции академика М.С. Грушевского, утверждавшего, в частности, что поскольку украинский народ существует с IV века н.э., то Киевская Русь — это не древнерусское, а украинское государство. Наибольшее идеологическое неблагополучие отмечалось в научно-культурных центрах Западной Украины, прежде всего во Львове, где в местном университете преподавал такой «отъявленный националист, выступавший в период немецкой оккупации с погромными фашистскими брошюрками», как профессор Иван Крипякевич⁶.

О серьезности отношения центра к ситуации на Украине свидетельствовало также то, что в это время Сталин поручил Жданову подготовить доклад о положении дел с тамошними руководящими партийными и советскими кадрами. По запросу из Москвы Киев 3 июля представил среди прочего национально-кадровую статистику, согласно которой из 2734 секретарей горкомов и райкомов КП(б)У 1918 (70%) были украинцами, 739 (23,4%) — русскими, 53 (1,9%) — белорусами, 4 (0,2%) — евреями⁷.

Но в борьбе с бациллой национализма на Украине, чьи западные земли были охвачены ожесточенной вооруженной борьбой сепаратистов, Сталин не мог полностью положиться на Н.С. Хрущева, тогдашнего первого секретаря ЦК КП(б)У и председателя Совета министров республики. Слишком долго тот был правителем в Киеве (с 1938 г.), чтобы не обрасти местными связями и потому не быть заподозренным Кремлем в потере политической бдительности. Позднее Хрущев отмечал, что в 1946–1947 годах Сталин считал его «подав-

шимся местному украинскому влиянию» и ставшим в результате «чуть ли не националистом, не заслуживающим доверия».

В какой-то мере эти подозрения вождя не были безосновательными. Во всяком случае, с украинскими националистами Хрущева, безусловно, роднила проявлявшаяся у него время от времени нелюбовь к евреям. Еще в 1939 году Хрущев устроил довольно грубый разнос директору Киевского государственного еврейского театра Ильицкому, возмущаясь, как тот, в прошлом бундовец, создавший в театре «кублосионистов», может обвинять некоторых республиканских руководителей в национализме и антисемитизме. А в состоявшемся в начале 1947 года телефонном разговоре с руководителем компартии Узбекистана У.Ю. Юсуповым Хрущев, настаивая на уменьшении потока евреев, резвакуировавшихся из этой среднеазиатской республики на Украину, и используя при этом отнюдь не интернационалистическую лексику, заявил что «евреи слетаются на Украину, как вороны» и что в разрушенном войной Киеве могут начаться погромы.

В послевоенном наступлении на украинский национализм Сталин, не мудрствуя лукаво, применил старые средства, успешно опробованные им во второй половине 20-х — начале 30-х годов: организация массовых репрессий, голода и использование такого испытанного борца с местным сепаратизмом, как Л.М. Каганович. 27 февраля 1947 г. тот в целях «укрепления партийной и советской работы» на Украине был утвержден первым секретарем республиканского ЦК КП(б). Поскольку сам возглавлявший во всесоюзном масштабе партию и правительство Сталин тем не менее не желал более мириться с чреватой сепаратизмом и набравшей силу в годы войны (особенно на территориях, подвергшихся оккупации) тенденцией регионального вождизма, в то же решение политбюро он включил и пункты о нецелесообразности совмещения постов председателя Совмина и первого секретаря ЦК на Украине и в Белоруссии. В результате отодвинутый на второй план Хрущев вынужден был довольствоваться должностью председателя республиканского Совмина⁸.

Быстро воскресив в памяти опыт, приобретенный в 1925–1928 годах в бытность генеральным секретарем ЦК КП(б)У, Каганович начал свое второе наместничество в Киеве с того, что объявил украинский буржуазный национализм главной опасностью в республике. В адресованном секретарям местного ЦК К.З. Литвину, И.Д. Назаренко и курирующему пропаганду члену украинского политбюро Д.З. Мануильскому записке он изложил собственное видение этой проблемы:

«...Большую роль во возвращении буржуазного национализма на Украине, — утверждал он, — сыграло то, что в течение трех лет на Украине хозяйничали немецко-фашистские захватчики... Немцы упорно и систематически отравляли сознание оставшегося на Украине населения и особенно... интеллигенции ядом фашизма, прививали им ненависть к русским, евреям, другим народам СССР».

Далее, характеризуя современные последствия нацистского влияния, Каганович отмечал, что «дело доходит до того, что отдельные преподаватели вузов не только хранят у себя, но и преподносят своим коллегам в виде подарка библию людоедов — “Майн кампф”».

Поскольку предпринятое Кагановичем идеологическое наступление встретило скрытое противодействие со стороны верхушки республиканской номенклатуры, тот обвинил особо недовольных его действиями И.Д. Назаренко (секретарь ЦК КП(б) в потворстве украинскому национализму, а М.М. Стахурского (первый секретарь Винницкого обкома партий) — в антисемитизме. Запуганному таким образом местному руководству не оставалось ничего другого, как одобрить составленный Кагановичем проект постановления ЦК КП(б)У «Об улучшении идейно-политического воспитания кадров и о борьбе против проявлений буржуазно-националистической идеологии», в котором особо отмечалось, что националистические силы в республике используют «самое гнусное оружие фашистского мракобесия — антисемитизм». 29 мая этот документ был направлен Сталину⁹.

Идеологические меры воздействия на ситуацию в УССР вскоре были подкреплены и административно-карательными. 13 августа МГБ СССР было предоставлено право «высылать в отдаленные места СССР семьи активных националистов и бандитов, убитых при вооруженных столкновениях, осужденных и находящихся на нелегальном положении, с территории Волынской, Ровенской, Черновицкой, Львовской, Станиславской, Тернопольской и Дрогобычской областей Украины»¹⁰.

Впоследствии Хрущев обвинял Кагановича, с которым у него в 1947 году сложились «ну просто нетерпимые отношения», в том, что тот «развернул бешеную деятельность в двух направлениях: против украинских националистов и против евреев». Данное утверждение можно признать корректным, только пояснив его немаловажным уточнением: на Украине от Кагановича пострадали главным образом те евреи, которые входили в креатуру Хрущева. Этот нюанс очень важен для объективной оценки деятельности Кагановича в тот период, как, впрочем, и то существенное обстоятельство, что он близко к сердцу воспринимал не только любые антисемитские проявления, но даже невинные вроде бы шутки на еврейскую тему. Однажды Сталин поинтересовался у него: «А почему вы, когда мы смеемся над евреями, становитесь грустным, мрачным по лицу?». На это известный своей беспредельной преданностью вождю соратник, не став на сей раз кривить душой, откровенно ответил:

«Видите, товарищ Сталин... видимо, в характере евреев сказалось то, что их очень много били, и они, как мимоза. К ней только притронься, она сразу закрывается».

Интересно также, что при ликвидации ЕАК МГБ обнаружило в его архиве неотправленное письмо Кагановичу, подписанное Михозлом и Фефером. В нем они, утверждая, что с 1937 года в СССР начался упадок еврейской культуры, жаловались на республиканских руководителей Украины и Белоруссии, препятствующих, по их словам, возрождению этой культуры¹¹.

Если Кагановичу, несмотря на всю тонкость и ранимость его национальной ментальности, и пришлось бороться на Украине с еврейским национализмом, то исключительно, что называется, по долгу службы и только в той мере, в какой на этом настаивало МГБ УССР, руководимое тогда генералом С.Р. Савченко. 27 мая это ведомство, которое наряду с республиканским партаппаратом служило проводником кремлевской политики государственного антисемитизма, направило первому секретарю ЦК КП(б)У, в частности, следующую информацию:

«... Среди еврейской интеллигенции заметно активизировали свою националистическую деятельность сионистские элементы... Некоторые представители еврейской интеллигенции из числа писателей, журналистов, врачей и адвокатов, пользуясь популярностью и авторитетом, ведут линию на националистическое единение евреев, разжигают вражду к украинцам и русским. В кругах этой еврейской интеллигенции возводится антисоветская клевета на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, которыми якобы не созданы необходимые условия для национального существования евреев в СССР и что по окончании Отечественной войны так называемый еврейский вопрос, по их мнению, принял острую форму. В связи с этим высказываются пожелания о создании самостоятельного еврейского государства и организации эмиграции еврейской молодежи в Палестину. Наиболее активные еврейские националисты создают нелегальные группы среди еврейского населения, обрабатывают его в антисоветском духе, развивая тенденции к выезду в Палестину. МГБ УССР вскрыты и частично ликвидированы во Львове и Черновцах сионистские переправочные пункты, через которые нелегально переправлялись за границу еврейская молодежь и кадровые сионисты. Через эти же пункты в СССР проникали, имея при себе крупные денежные суммы, сионистские эмиссары»¹².

В качестве неформальных лидеров еврейской националистической общественности Киева спецслужбы особо выделяли писателей Д.Н. Гофштейна, И.Н. Кипниса, академика АН УССР М.М. Губергрица и заведующего кабинетом еврейской культуры при АН УССР Э.Г. Спивака. «Кадровый сионист» Гофштейн навлек на себя подозрения тем, что «... в своих произведениях призывал ... к созданию еврейской государственной самостоятельности при помощи Англии», а «находясь в творческой командировке в Черновцах в апреле 1947 г. ... дважды выступал с националистическими речами». Кипниса в «подручные» к Гофштейну органы записали из-за того, что тот был «известен своими антисоветскими сионистскими взглядами»: еще в 1930 году, будучи непоколебимым сторонником возрождения иврита,

он подписал письмо советскому правительству о необходимости изучения этого языка в вузах, за что поплатился исключением из Ассоциации пролетарских писателей. К тому же имел неосторожность в присутствии «источника» обмолвиться в том роде, что «еврейская нация чужда коммунизму». Что касается профессора-терапевта Губергрица, то, «будучи еврейским националистом, он объединил вокруг себя националистические элементы из числа медработников еврейской национальности»; в его «группу» входили профессор Берлянд, доцент Пинес, подполковник медицинской службы Франкфурт и другие лица, которые «регулярно устраивали антисемитские сборища на квартире Губергрица» и «специально коллекционировали случаи ущемления евреев по линии жилища, прописки, работы». Оснащенный компромат был собран органами госбезопасности и в отношении еврейского лингвиста и литературоведа Спивака, в частности, было зафиксировано следующее его высказывание:

«... Я получаю десятки писем с просьбой о защите, жалобами, что практически вводится старая «процентная норма», что сверху из Москвы, из ЦК есть указание о том, чтобы на Украине не ставить евреев на руководящие посты, что в Киеве и областных и районных центрах восприняли с радостью. Антисемиты торжествуют. В Киеве в ряде руководящих учреждений угнездился антисемитизм. И на места даются соответствующие указания. Новый курс большевиков в еврейском вопросе известен в США, что вызывает там серьезные нарекания».

Еще более крамольные слова позволил себе демобилизовавшийся из армии поэт-переводчик М. Д. Зисман:

«Советский Союз — это изолгавшаяся страна, страна мрака и ужаса. В СССР все находится в рабстве. Господствует крепостное право. Людям нашим живется хуже, чем бывшим крепостным. Коммунистическая партия — это партия шкурников... хотел, чтобы прилетели американские «летающие крепости» и английские «ланкастеры» и смели с лица земли украинско-антисемитское гнездо — Киев»¹³.

К тайному «наблюдению» за неблагонадежной еврейской интеллигенцией на Украине прибавилась вскоре явная и очень решительная их пропагандистская травля. Сигналом к ней послужило выступление председателя Союза писателей УССР А. Е. Корнейчука на пленуме правления этой организации 15 сентября. Открывая данный форум, он заявил, что Кипнис в рассказе, посланном в польскую сионистскую газету, оклеветал советских евреев, якобы желающих носить на груди сионистский символ — звезду Давида — рядом с красной звездой. В нападка на Кипниса украинское писательское начальство с готовностью поддержали еврейские литераторы Г. И. Полянкер, М. А. Талалаевский и Х. Лойцкер. Последний специально подсчитал, что в одном из рассказов Кипниса слово «еврей» повторялось 13 раз.

В отличие от середины «интернационалистских» 20-х годов, когда Каганович руководил Украиной около трех лет, его правление в этой республике три десятилетия спустя продлилось всего несколько месяцев. Видимо, Сталин полагал, что, запустив механизм жесткой борьбы с местным национализмом, Каганович выполнил свою миссию и дальнейшее его пребывание в Киеве будет иметь обратный эффект, негативно воздействуя на украинское самосознание и местную бюрократию. Уже 15 декабря 1947 г. ему было приказано, передав полномочия первого секретаря КП(б)У вновь Хрущеву, возвратиться в Москву и опять занять пост заместителя председателя Совета министров СССР¹⁴.

Рост бытового антисемитизма отмечался не только на Украине, но и на других, ранее захваченных нацистами территориях, где все еще ощущалось остаточное влияние их антисемитской пропаганды. Впрочем, юдофобия продолжала провоцироваться и чисто житейскими проблемами (трудоустройство, жилье), обострившимися в военное время, особенно в местах концентрированного проживания евреев в эвакуации. Примерно в одно время с протестом евреев из Киева поступило в ЦК и аналогичное коллективное послание из г. Рубцовска Алтайского края. В нем подробно описывалось несколько антисемитских эксцессов, в том числе и тот, что произошел 8 июля 1945 г. во время футбольного матча на местном стадионе. При этом обращалось внимание на то, что в провоцировании антиеврейских беспорядков существенную роль сыграло странное бездействие городских властей — партийных органов, прокуратуры, милиции¹⁵.

Масштабы обыденной юдофобии социальных низов были бы значительно меньшими, если бы по закону сообщающихся сосудов она не подпитывалась государственным антисемитизмом политических верхов, что, кстати, не утаилось, как мы уже имели возможность убедиться, от отдельных представителей еврейского населения.

ЧИСТКА В СОВИНФОРМБЮРО

Завершение войны, что называется, развязало руки специалистам в ЦК и МГБ по негласной борьбе с так называемым еврейским буржуазным национализмом, и они, чувствуя поддержку Кремля, действовали все решительней и смелей. Первый удар они нанесли по Совинформбюро (СИБ) и Лозовскому, возглавившему эту пропагандистскую структуру после смерти А. С. Щербакова. Поскольку Лозовский, как признавал впоследствии один из лидеров еврейской общественности И. С. Фефер, являлся «вдохновителем Еврейского антифашистского комитета... был в курсе всей его деятельности и был фактически руководителем», такое действие выглядело вполне логичным, ибо преследовало цель лишить ЕАК авторитетного по-

кровителя, имевшего давние связи в кругах кремлевской элиты, и установить жесткий контроль партийного аппарата за деятельностью этой организации.

В августе 1945 года Сталин поручил Г.Ф. Александрову, у которого с Лозовским были более чем натянутые отношения, проверить СИБ, после чего там развернулся сбор компромата на его начальника. А 1 сентября состоялось заседание оргбюро ЦК, на котором начальник УПиА, ссылаясь на то, что с окончанием войны отпала необходимость освещать боевые действия, предложил с 1 октября прекратить деятельность СИБ. Был подготовлен и проект соответствующего постановления ЦК, в пользу принятия которого глава пропагандистского ведомства привел и такие аргументы:

«... За июль 1945 года по отделу профсоюзного движения ... из 225 статей и информации 170 написаны недостаточно квалифицированными и мало известными авторами. В их числе И.С. Ватенберг, И.А. Арбат, С.И. Блюм, Л.З. Беркина, Ц.З. Вайнштейн, М.Л. Берлянд, И.М. Виккер, А.Н. Кроль, В.Н. Линецкий, М.И. Некрич, Н.Л. Рудник, Е.Е. Северин, Л.Э. Сосонкин, Я.Н. Халип, А.Ф. Хавин, С.С. Хесин и другие... Многие авторы стесняются ставить свои подписи под статьями ввиду, по-видимому, явно низкого качества статей. Так, например, Броун подписывается фамилиями Стамбулов и Мельников. Гринберг выступает под псевдонимом Гриднев, Шнейерсон — под фамилией Михайлов»¹⁶.

Прочитав это лукавое обоснование, можно лишь удивляться изобретательности Александрова, которому хорошо было известно, что настоящей причиной использования евреями-журналистами русских псевдонимов было соответствующее негласное указание Сталина*, последовавшее, по некоторым свидетельствам, во второй половине 30-х годов¹⁷.

Сталин не поддержал идею немедленного закрытия СИБ, а избрал тактику ужесточения контроля над ним и постепенного вытеснения оттуда евреев. В соответствии с этой установкой Александров 22 ноября предложил Маленкову «значительно сократить» аппараты СИБ, ЕАК, других антифашистских комитетов. А еще через два дня Лозовский, не желая, вероятно, играть роль затравленного зверя в готовящейся номенклатурной охоте, обратился к Молотову с просьбой сложить с него полномочия начальника СИБ и позволить ему

* Примечателен в этой связи один эпизод, имевший место в декабре 1940 года. Тогда Сталин при утверждении нового заведующего отделением ТАСС в Берлине отругал Молотова за то, что тот предложил кандидатуру с фамилией, созвучной немецкому «юде» (еврей). Правда, вождь быстро смягчился, найдя простой выход из этого положения. Зачеркнув в документе слово «Юдин», он размашисто надписал: «Филиппов». Обладатель новой фамилии, который впоследствии был советником посольства СССР в Финляндии и послом в Люксембурге, так и остался на всю жизнь И.Ф. Филипповым (Бережков В.М. Рядом со Сталиным. — М.: Вагриус, 1999. — С. 57–58).

сосредоточиться в МИДе «на японских и других дальневосточных делах», так как в Китае «надвигается с помощью американцев гражданская война»¹⁸. Однако Молотов заверил тогда старого протеже в своей поддержке и уговорил его не давать заявлению дальнейшего хода. Приободренный Лозовский вновь воспрянул духом и даже через несколько месяцев подготовил и направил в ЦК проект постановления о преобразовании СИБ в Министерство печати и информации, надеясь на назначение на новый министерский пост. Однако этот шаг был воспринят Сталиным как проявление непростительной дерзости. По его личному указанию в июне 1946 года под председательством все того же Александрова в СИБ нагрянула новая комиссия ЦК ВКП(б), которая вскоре представила вождю так называемую справку № 8, в которой в тезисной форме были зафиксированы следующие «упущения в кадровой работе» Лозовского:

«... а) аппарат засорен; б) подбор работников по личным и родственным связям; в) недопустимая концентрация евреев».

По итогам проверки Сталину тогда же была направлена и записка с детальными табличными данными по национальному составу СИБ, подтверждавшими эту «концентрацию» (из 154 работников русских — 61, евреев — 74, представителей других национальностей — 19). Кремлевских «оргвыводов» не пришлось долго ждать. 24 июля Лозовский был снят с поста заместителя министра иностранных дел. Тем самым как бы обрубалась связь покровителя ЕАК с кремлевским руководством в лице Молотова, а значит, он не мог более рассчитывать на его непосредственную помощь. Удаление Лозовского из внешнеполитического ведомства произошло в рамках проводимой там новой чистки, в ходе которой лишились своих постов и другие заместители министра иностранных дел еврейского происхождения — М.М. Литвинов и И.М. Майский*.

Поскольку Лозовский пока оставался начальником СИБ, к нему в качестве «ока государева» переводились из аппарата ЦК бывший помощник Г.М. Димитрова по Коминтерну Б.Н. Пономарев (первым заместителем) и С.И. Соколов (заместителем по кадрам)¹⁹. При активном участии этих соглядатаев, действовавших под непосредственным руководством Александрова и Сулова, было подготовлено постановление ЦК от 9 октября «О работе Советского информбюро». В нем ведомство Лозовского обвинялось в совершении «грубой ошиб-

* В октябре 1947 года дошла очередь и до Я.З. Сурица (бывшего бундовца и меньшевика) — одного из последних евреев, работавших на руководящих должностях в МИДе. По возвращении из Бразилии после разрыва дипломатических отношений с СССР этой страной, где он с 1945 года был советским послом, ему не предложили занять ответственный пост, а направили на рядовую работу (рецензентом) в Издательство иностранной литературы.

ки», выразившейся в неспособности эффективно противостоять усилившейся англо-американской антисоветской пропаганде. Исправить подобное упущение призвана была объявленная тем же решением реорганизация СИБ, предусматривавшая закрепление за ним формального статуса учреждения «при Совете министров СССР» при фактическом подчинении его аппарату ЦК ВКП(б), осуществлявшему «политическое руководство и контроль»*. Одновременно вводилось и обязательное цензурирование Главлитом всех материалов СИБ и ЕАК, шедших за границу. Под предлогом необходимости сокращения наполовину бюрократического аппарата СИБ там началась и радикальная чистка, нацеленная прежде всего на увольнение евреев²¹.

Однако, оставаясь руководителем ведомства, Лозовский препятствовал антиеврейским гонениям. Более того, как доносил наверх Пономарев, Лозовский, несмотря на его возражения, принял на руководящие должности «неких Соркина, Евновича и Долицкого, которых по политическим соображениям нельзя было не только выдвигать в номенклатуру работников, утверждаемых ЦК, но и держать даже на рядовой работе...». В это же время в ЦК потоком пошли анонимки, в которых утверждалось, что СИБ, оставшись после смерти Щербакова без руля, превратилось в «злокачественную опухоль на здоровом теле». Дело дошло до того, что на одной из вечеринок, организованных в СИБ после работы, изрядно подвыпивший секретарь партбюро и помощник Лозовского по кадрам А.В. Волков стал вдруг кричать, что «все жида подлецы, что Лозовский подлец, троцкист, меньшевик, жид, что все жида торговцы и т.д.»²².

Неотвратимая развязка произошла летом 1947 года. 19 июня ЦК направил в СИБ новую комиссию, и через шесть дней решением политбюро Лозовский был снят со своего поста. Его преемником стал Пономарев, давно готовившийся занять это кресло. То, что удаление Лозовского произошло в это время, объясняется тем, что не доверявший ему Сталин именно тогда замыслил превратить эту пропагандистскую организацию в негласный филиал Комитета информации («комитет № 4», КИ) при Совете министров СССР, вновь созданной спецслужбы во главе с Молотовым по руководству всей

* Одним из наглядных проявлений такого «политического руководства и контроля» стало постановление секретариата ЦК от 30 октября 1946 г. об отклонении просьбы Лозовского пригласить на гастроль в СССР Бостонский симфонический оркестр под руководством известного американского дирижера еврейского происхождения С.А. Кусевицкого, кстати в годы войны активно участвовавшего в сборе помощи для СССР. Видимо, на Старой площади кому-то не понравилось то, что в 1921 году Кусевицкий эмигрировал из России во Францию, успев побывать до этого главным дирижером Государственного симфонического оркестра в Петрограде и главным дирижером Большого театра в Москве (20).

советской внешней разведкой*. 25 июня постановлением политбюро КИ предписывалось установить с СИБ «постоянный контакт в отношении использования его работников за границей в целях получения полезной для Советского Союза информации»²³.

Отстраненный от активной политической деятельности Лозовский вплоть до своего ареста в начале 1949 года находился как бы в «подвешенном» состоянии, оставаясь, впрочем, главным редактором издававшегося тогда «Дипломатического словаря» и преподавая в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

ПОПЫТКИ ЗАКРЫТИЯ ЕАК В 1946-1947 ГОДАХ

После низложения Лозовского аппарату ЦК стало значительно проще манипулировать и его детищем — Еврейским антифашистским комитетом, в котором после войны состояло 70 человек, в том числе 15 членов президиума. Повседневную деятельность комитета обеспечивали 18 сотрудников его штатного аппарата и 60 работников редакции газеты «Эйникайт». Еще в конце декабря 1945 года заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов и заместитель начальника УК ЦК Е.Е. Андреев докладывали Маленкову о «политически вредных» намерениях руководства ЕАК превратить эту организацию в «какой-то комиссариат по еврейским делам» и предлагали «неотложно» рассмотреть вопрос о его дальнейшей судьбе: если он будет существовать и далее, то «укрепить его кадрами» или «распустить как организацию, исчерпавшую задачи, возложенные на нее в годы Отечественной войны».

Впервые реальная угроза ликвидации нависла над ЕАК летом 1946 года, когда в ходе проверки СИБ в подчиненный ему комитет прибыла комиссия во главе с ответственным сотрудником ЦК А.К. Тюриным. А через несколько дней к зданию на Кропоткинской улице подъехали на нескольких крытых брезентом грузовиках сотрудники МГБ, которые погрузили архивную и текущую документацию комитета и вывезли ее в ЦК для ревизии. Тогда же руководители ЕАК Михозлс и Фефер были вызваны к заместителю начальника отдела внешней политики (ОВП) ЦК А.С. Панюшкину (будущий советский посол в США, КНР), который прямо заявил: «Есть мнение закрыть ЕАК». На что Михозлс возразил, что считает это намерение преждевременным, «так как фашизм еще не исчез и с ним нужно

* КИ был создан постановлением Совета министров СССР от 30 мая 1947 г. на базе информационных и разведывательных структур ЦК ВКП(б), МИД, Министерства внешней торговли, Первого главного управления (внешняя разведка) МГБ СССР и Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

бороться». Вообще же лидеры еврейской общественности держались с властями достаточно уверенно, умело обосновывая необходимость дальнейшего функционирования ЕАК с помощью официальной идеологической риторики о том, что демократические силы во всем мире должны противостоять американскому империализму, смыкающемуся с самыми реакционными фашистскими диктатурами. Более того, незадолго до начала проверки ЕАК члены его президиума писатели Фефер, Квитко и Маркиш, добившись приема у секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) Г.М. Попова, попросили разрешить им открыть в Москве еврейский клуб и еврейскую типографию, оборудование для которой собирался прислать из США руководитель еврейской благотворительной организации журналист Б.Ц. Гольдберг. Возможно, что в том числе и вследствие подобной активности власть не пошла тогда на ликвидацию ЕАК, а дала добро на дальнейшее его существование, но под усиленным контролем сверху: 1 августа было принято решение о выводе ЕАК из структуры СИБ и передаче его в ведение ОВП ЦК²⁴.

Возглавлявший этот отдел Суслов воспринял такое расширение своих обязанностей, а значит, и ответственности, без особого энтузиазма. Все дальнейшее поведение этого высокопоставленного партийного работника убедительно свидетельствовало о его стремлении во что бы то ни стало избавиться от так неожиданно свалившейся на него опасной обузы. В конце сентября комиссия ЦК, завершив проверку ЕАК, представила Сулову «Справку о деятельности Антифашистского еврейского комитета». В ней ЕАК обвинялся в том, что вместо того, чтобы служить рупором советской пропаганды за рубежом и вести «боевую наступательную идеологическую борьбу с западной, и прежде всего с сионистской, пропагандой», он сам «объективно... в советских условиях продолжает линию буржуазных сионистов и бундовцев и по существу... борется за реакционную идею единой еврейской нации», а также превратился в «главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами». Подозрительным показалось комиссии и то, что комитет уж слишком охотно пытался идти навстречу международным еврейским организациям, обращавшимся к нему по гуманитарным проблемам. Скажем, летом 1946 года, поддерживая ходатайства из-за рубежа об освобождении из советских лагерей пленных венгров и итальянцев еврейского происхождения (использовались немцами на Восточном фронте в составе строительных и вспомогательных команд), ЕАК направил в МВД СССР соответствующую просьбу. Примерно тогда же Михозлс и Фефер*, солидаризируясь с американскими еврейскими организациями, послали

* Фефер после смерти Ш. Эпштейна в июле 1945 года стал исполнять обязанности ответственного секретаря ЕАК.

польскому правительству телеграмму-протест по поводу антисемитских выступлений в Кракове и других городах Польши.

Комиссией не был оставлен без внимания и тот факт, что ЕАК выступил как посредник в деле налаживания связей между Комитетом украинских землячеств в Нью-Йорке и украинскими республиканскими властями²⁵. Однако самые серьезные нарекания вызвало то, что во многих статьях, посланных ЕАК в зарубежную еврейскую прессу, выражалось явное сочувствие «сионистской идее создания еврейского государства в Палестине» и идее массового переселения туда евреев. Этим, по мнению комиссии, объяснялся тот факт, что «ЕАК уделяет работе на Палестину непомерно большое внимание, направив туда за период с 1 июня 1945 г. по 27 июня 1946 г. более 900 своих статей и материалов, или в полтора раза больше, чем в Англию». Далее следовало сформулированное в очень жестких выражениях резюме:

«Работники ЕАК... не только включились в общий оркестр сионистов всего мира, но и оказались в фарватере политики американских Барухов, которые путем массового переселения евреев стремятся насадить в Палестине массовую агентуру американского империализма».

Досталось и печатному органу ЕАК — газете «Эйникайт», работники которой были обвинены в буржуазном национализме. Даже в самом названии издания («Единение» — в переводе с идиш) усматривалась какая-то скрытая крамола. «А за какое объединение евреев газета борется?» — риторически вопрошали в справке ревизоры. Общий вывод, отражавший прежде всего точку зрения Сулова, был категоричен:

«ЕАК распустить, а функции по пропаганде за границей возложить на Совинформбюро. Газету «Единение» как орган ЕАК, не оправдывающий своего назначения, закрыть. Вопрос о необходимости существования еврейской газеты для еврейского населения передать на рассмотрение отдела печати Управления пропаганды»²⁶.

«Смертный» приговор еврейскому комитету перекочевал потом в записку, которую 19 ноября Суслов представил секретарям ЦК Жданову, Кузнецову, Патолічеву и Попову. Составленный главным образом на основе материалов комиссии, этот документ содержал и приправленные изрядной дозой марксистско-ленинской догматики рассуждения самого Сулова, видимо, уже тогда готовившегося к роли главного идеолога партии, о пользе ассимиляции евреев.

«Как известно, — писал Сулов, — Ленин и Сталин считали, что нельзя говорить о евреях, территориально разбросанных по всему миру, экономически разобщенных и говорящих на разных языках, как о единой нации, что весь ход истории свидетельствует о процессе слияния евреев с окружающим населением и что этот неизбежный процесс является надежным и прогрессивным путем разрешения еврейской проблемы».

Все это отражало намерение власти в Советском Союзе решать еврейский вопрос отнюдь не посредством территориальной автономии, о чем громогласно возвестила на весь мир советская пропаганда в конце 20-х — начале 30-х годов, а путем ассимиляции, о чем свидетельствовало и следующее положение из соответствующего тома (подписан к печати 12 сентября 1952 г.) переиздававшейся тогда «Большой советской энциклопедии»:

«...Евреи не составляют нации... Ленинско-сталинская национальная политика привела к тому, что «еврейского вопроса» в СССР не существует. ... В СССР и странах народной демократии евреи особенно быстро ассимилируются народами, в среде которых они живут»²⁷.

В свете избранного властями курса дальнейшее существование еврейских национально-культурных учреждений «объективно» представлялось ненужным и даже вредным. Тем не менее, казалось бы уже предрешенный вариант разгона ЕАК не прошел, как уже отмечалось выше, на самом вершине. Не возымело действия и соответствующее представление, направленное 27 ноября Суловым как материал особой государственной важности Сталину, Молотову, Берии, Маленкову и другим членам и кандидатам в члены политбюро²⁸. Сталин, которого в свое время Бухарин назвал «гениальным дозировщиком»²⁹, и в данном случае не склонен был спешить. Он не согласился с мнением своих коллег по секретариату ЦК, видимо, полагая, что для решительных действий в отношении ЕАК время пока не наступило.

Так или иначе, но если в декабре 1946 года Михоэлсу и Феферу было дано сверху указание подготовить проект обращения к зарубежным еврейским организациям по поводу закрытия комитета и МГБ вторично изъяло и вывезло его архив, а 7 января 1947 г. Александров и Сулов представили Молотову и секретарю ЦК Кузнецову записку с предложением прекратить деятельность ЕАК в связи с исчерпанием стоявших перед ним задач, то уже 2 февраля архив был возвращен, а на следующий день в ходе телефонного разговора Сулова с Фефером последнему было заявлено, что никаких изменений пока не будет и чтобы комитет работал как и прежде³⁰. Более того, 16 апреля Михоэлс и Фефер обратились непосредственно к Молотову с просьбой принять их для «выяснения ряда принципиальных вопросов, связанных с дальнейшей деятельностью ЕАК в зарубежных странах». И хотя встреча эта так и не состоялась, руководителям комитета удалось через Жемчужину направить Молотову соответствующую записку. А спустя месяц заведующий сектором общественных организаций ОВП ЦК Г.В. Шумейко неожиданно похвалил руководство комитета за высокий уровень пропаганды³¹.

Так как в отношении еврейской национальной интеллигенции верхи решили воздержаться от применения «хирургических методов», аресты в этой среде еще носили до поры до времени исключитель-

ный и единичный характер. На ЕАК воздействовали пока посредством корректирующей щадящей «терапии»: в июне—июле 1947 года в ЦК было подготовлено несколько проектов постановлений, в которых дальнейшее существование комитета ставилось в зависимость от безусловного соблюдения принципа, гласившего, что «работа среди еврейского населения Советского Союза не входит в его обязанности». Свое внимание комитет должен был сосредоточить на «решительной борьбе против попыток международной реакции и ее сионистских агентов использовать еврейское движение за рубежом в антисоветских и антидемократических целях». Помимо развертывания антиамериканской и антиссионистской пропаганды партия потребовала от ЕАК и оказания услуг другого рода, о характере которых без труда можно догадаться по следующему упреку, содержащемуся в тексте одного из проектов постановлений ЦК:

«Свои связи с зарубежными еврейскими учеными, общественно-политическими и культурными деятелями комитет не использовал с целью получения от них полезной для советского государства информации»³².

Однако дальше проектов дело так и не пошло. В ЦК, вероятно, полагали, что ЕАК обречен и указание о его ликвидации можно ожидать от вождя в любой момент, а потому предпочли занять выжидательную позицию. Тем временем не посвященные в тайны Кремля Михоэлс и его товарищи вновь обрели некоторую хрупкую надежду, благо не знали, какие тяжкие испытания обрушатся на них очень скоро.

«РУКА ВАШИНГТОНА»

Хотя сразу же по окончании войны международные контакты ЕАК были резко ограничены и все попытки его руководителей выехать за границу для встреч с лидерами мирового еврейства так и не увенчались успехом, тем не менее некоторым иностранцам из числа просоветски настроенных еврейских общественных деятелей все же в пропагандистских целях дозволялось время от времени приезжать в Советский Союз.

В конце 1945 года в Москву из США вновь прибыл Б.Ц. Гольдберг. Формально он приехал по приглашению ВОКС по делам, касавшимся издания в СССР книг Шолом-Алейхема, приходившегося ему родственником (как наследник авторских прав еврейского классика, он получил тогда от советского государства 60 тыс. долларов). Однако опекать американского гостя пришлось Михоэлсу и Феферу, поскольку гостя интересовала прежде всего жизнь евреев в СССР. Они сопровождали Гольдберга во время его визита к М.И. Калинин, который снова повторил свое старое, но так и не выполненное с

начала 30-х годов обещание о предоставлении в будущем Еврейской автономной области на Дальнем Востоке статуса республики. Кстати, в Биробиджан Гольдберга так и не пустили, несмотря на его настойчивые просьбы, мотивировав это тем, что город находится в закрытом для иностранцев районе. Зато разрешили поездку в Сталинград, а также на Украину, в Белоруссию, Литву и Латвию — регионы исконного проживания евреев. В советской столице Гольдберг посетил хоральную синагогу, Еврейский театр, встретился во дворце культуры с евреями, работавшими на автозаводе имени Сталина. Кроме того, он попросил Лозовского помочь в сборе материалов для готовившейся им книги «Англия против мира». И тот, идя навстречу этому пожеланию, обратился в специализированный институт № 205 при ЦК ВКП(б), который составил для Гольдберга обзор внешней политики Великобритании. Американскому журналисту были также переданы для распространения в США пропагандистские материалы об экономике различных регионов Советского Союза, достижениях в области национальной политики и культуры. Тогда же была достигнута договоренность о том, что в будущем ЕАК наладит регулярную пересылку в США аналогичной информации для публикации, главным образом в просоветских изданиях Гольдберга «Дер тог» и «Эйникайт». Конечно, ни Лозовский, ни руководители ЕАК тогда не предполагали, что через несколько лет вся эта безобидная литература будет квалифицироваться в МГБ как «националистическая», содержащая «секретные сведения» и превратится в вещественное доказательство их «преступной шпионской деятельности».

В Советском Союзе Гольдберг с первого до последнего дня находился в фокусе пристального внимания советских спецслужб, концентрировавших материалы оперативного наблюдения за ним в специальном досье, озаглавленном впоследствии делом «о пребывании в Москве американского шпиона Гольдберга (он же — Бенджамин Вейф)». Они же не преминули воспользоваться и услугами своего негласного информатора Фефера, дирижировавшего многочисленными встречами, беседами, банкетами, предусмотренными московской программой визита, и сопровождавшего Гольдберга в поездке по стране. Используя собственные данные, а также отчеты Фефера, МГБ потом доложило Сталину:

«Руководство Еврейского антифашистского комитета предоставило возможность Гольдбергу иметь встречи с еврейскими националистами и клерикалами в Москве, Ленинграде, Риге, Вильнюсе, Минске, Киеве. По агентурным данным известно, что Гольдберг посещал посольство США в Москве и информировал Фефера о характере своих встреч с сотрудниками американского посольства. В частности, Гольдберг имел встречи с послом Смитом, установленными разведчиками Дэвисом и Томпсоном, которые интересовались у него разведывательными данными за время поездок по Советскому Союзу»³³.

Не дремали и армейские спецслужбы, которые, конкурируя с Лубянкой, действовали довольно топорно. Для установления контакта с американским визитером ими была отряжена некая М.В. Гордиенко — не первой молодости, но уверенная в себе дама, которой была поручена роль провокатора. Во время поездки Гольдберга по Западной Украине в аэропорту г. Мукачево была организована его якобы случайная встреча с этой советской Матой Хари. Решительно подойдя к американцу и лично представившись ему, она при этом заметила возмущившемуся такой бесцеремонностью Феферу: «...Вы делаете свое дело, а я — свое». Уже через несколько часов после столь странного знакомства Гордиенко без экивоков заявила Гольдбергу в гостиничном номере, что связана с армейской разведкой, предложив ему сотрудничать с ней. Позже, когда «органы» сфабрикуют «дело ЕАК», Гордиенко даст показания о шпионской деятельности Гольдберга, от которого якобы получала различные задания разведывательного характера и с которым находилась в интимной связи.

Накануне отбытия из России в июне 1946 года Гольдберг попытался убедить Лозовского в необходимости расширения международных связей ЕАК, ссылаясь на «всю ценность занимаемых евреями стратегических позиций в сфере общественного мнения во всем мире...». Примерно о том же самом беседовал Гольдберг и с Михозлом, когда перед отъездом побывал у него дома в гостях.

Покинув Россию, Гольдберг отправился в Палестину, договорившись там с леволиберальной еврейской общественностью о содействии в формировании на базе ЕАК в СССР и антифашистских еврейских организаций в других странах просоветского движения. В ответ от СССР ожидалась поддержка борьбы евреев за образование собственного государства в Палестине. Гольдберг даже начал подготовку к созыву соответствующей международной учредительной конференции, поставив об этом вопрос на сионистском конгрессе в Базеле в декабре 1946 года. Однако в ЦК ВКП(б) на проект создания международной ассоциации еврейских антифашистских организаций отреагировали негативно³⁴.

Поскольку на Лубянке с особой тщательностью отработывалась версия шпионских связей ЕАК с американской разведкой, помимо Гольдберга в американские шпионы волей МГБ был произведен задним числом и другой иностранец, тесно сотрудничавший с ЕАК. Это был редактор американской коммунистической газеты «Морген фрайхайд» Поль Новик, гостивший в Советском Союзе уже после отъезда Гольдберга, с сентября 1946 по январь 1947 года. Госбезопасность, отлично осведомленную о деталях биографии Новика (в 1913 году эмигрировал из России в США, потом, в 1917-м, возвратился на родину, где работал на одной из московских фабрик и стал активистом Бунда, а в 1920-м вновь выехал в США), ничуть не сму-

тило то, что с 1921 года он был членом Коммунистической партии США и так же, как Гольдберг, «разрабатывался» американскими спецслужбами в качестве «агента Москвы».

Для МГБ не было секретом и то обстоятельство, что в начале 1944-го Министерство юстиции США и ФБР за просоветскую деятельность хотели лишить Гольдберга американского гражданства, заставляя официально зарегистрироваться в качестве агента, представляющего иностранные интересы. На Лубянке были хорошо информированы и о том, что Гольдберг и Новик, не скрывавшие своих симпатий к Советскому Союзу, навлекли на себя в конце 40-х гнев маккартистов и подверглись гонениям. Более того, впоследствии выяснилось, что Гольдберг официально сотрудничал с советской разведкой и являлся «закордонным агентом МГБ СССР», что было подчеркнуто в докладе генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС по итогам проводившейся в конце 1955 года реабилитации репрессированных членов ЕАК³⁵.

Цинизму абакумовского ведомства, как видим, не было предела. Путем примитивной манипуляции фактами завербованные иностранцы, работавшие на Советский Союз, выдавались им за шпионов враждебных государств и заочно использовались как подставные фигуранты в уголовных делах, сфабрикованных для расправы с политически неугодными организациями и деятелями внутри страны.

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В СЕМЬЕ ПРАВИТЕЛЯ

Обо всех этих уловках и играх абакумовского ведомства Сталин, возможно, и не знал, потому что не все детали и «мелочи» в работе госбезопасности его интересовали. Но зато он добился того, что политическая полиция, функционировавшая как бездушная и неразборчивая в средствах карающая машина, в целом была послушна только его воле. Впрочем, сравнение аппарата госбезопасности с неодушевленным репрессивным инструментом в руках диктатора, думается, не совсем корректно. Ведь верой и правдой служа «хозяину», этот ударный отряд государственной бюрократии не забывал и о собственных интересах. В погоне за наградами, чинами и материальными благами задействованные в нем функционеры, особенно из руководящего состава, способны были и на инициативные действия, которые, правда, редко заходили дальше желания угодить вождю, демонстрации ему своего служебного рвения, личной преданности и бдительности. Однако это не исключало тонкой игры на его пристрастиях, слабостях, тайных и явных страхах, о которых отлично были осведомлены высшие чины госбезопасности. Будучи основными проводниками политики государственного антисемитиз-

ма, они не могли не знать и об обостренном восприятии Сталиным «происков еврейских буржуазных националистов», которое со временем перешло в своеобразную манию.

Особенно угнетали вождя опасения, что в тайные козни против него сионисты могут вовлечь и облеченных его доверием родных и близких. Отсюда болезненная подозрительность к любому еврею, уже вошедшему в число его родственников или пытавшемуся сблизиться с ними. Конечно, в 20-е и начале 30-х годов ничего подобного не наблюдалось. Хотя и тогда отношения Сталина с семьей и родственниками строились совсем не просто, тем не менее эти отношения в целом были вполне нормальными. Однако самоубийство в ноябре 1932 года жены Сталина Н.С. Аллилуевой оказало на психику диктатора глубочайшее негативное воздействие. С ним произошло нечто подобное тому, что испытал в свое время Иван Грозный (с кем наверняка он себя идентифицировал), когда лишился первой жены — Анастасии Романовны. Во всяком случае метаморфоза, происшедшая как с тем, так и с другим после этих утрат, была разительной и не укрывалась от окружающих их людей. По свидетельству родственников, Сталин часто горестно сокрушался при них:

«Очень она плохо сделала, она искалечила меня! Она искалечила меня на всю жизнь».

Оценивая психологическую травму, перенесенную тогда отцом, Светлана Аллилуева позднее писала:

«Смерть мамы страшно ударила его, опустошила, унесла у него веру в людей и в друзей. Он всегда считал маму своим ближайшим и верным другом, — смерть ее он расценил как предательство, как удар ему в спину. И он ожесточился»³⁶.

Перенесенное диктатором личное горе не могло не сказаться самым отрицательным образом на его характере, а значит, и на отношениях с окружающими его людьми. Особенно это стало заметным с середины 30-х годов, когда в СССР был взят курс на возрождение русского патриотизма, а геббельсовская пропаганда в Германии во весь голос заговорила о еврейском окружении большевистского вождя. Тогда в поведении Сталина, прежде всего в его контактах с родственниками и близкими, все отчетливее стали проявляться элементы прогрессирующей с годами личной юдофобии. В 1935 году он не одобрил женитьбы своего сына-первенца Якова на уроженке Одессы Ю.И. Мельцер. После того как в июле 1941 года старший лейтенант Красной армии Я.И. Джугашвили попал под Витебском в немецкий плен, его жену арестовали. Сталин, считая ее «нечестным человеком», полагал, что с ней «надо разобраться»: не причастна ли она к сдаче в плен своего мужа? Мельцер освободили только весной 1943 года, когда в результате специально проведенного следствия

диктатор убедился в ее невинности. Причиной такой его «милости» могла быть и сообщенная ему информация о гибели сына в апреле 1943-го в концлагере Заксенхаузен.

Годом ранее, в марте 1942-го, по постановлению Особого совещания при НКВД СССР была расстреляна М.А. Сванидзе (урожденная Корона) — жена также казненного (20 августа 1941 г.) А.С. Сванидзе, брата первой жены Сталина Екатерины. В прошлом она была певицей Тифлисской оперы, а в советское время работала в аппарате секретаря президиума ЦИК А.С. Енукидзе, уничтоженного в 1937-м как «врага народа».

В том же 1942-м начался роман дочери Сталина Светланы с кинодраматургом А.Я. Каплером. Их познакомил брат Светланы Василий, привлеченный Каплером в качестве консультанта к созданию нового фильма о летчиках. Вскоре между вступающей во взрослый мир 16-летней девушкой и 38-летним лауреатом Сталинской премии и автором сценариев таких популярных кинокартин, как «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», возникло неординарное чувство. Последовали романтические встречи то в Третьяковской галерее, то в театрах, то в темных и холодных кинозалах военной Москвы. Потом на некоторое время Светлана и Люся (так Алексея Каплера называли друзья) разлучились: последний в качестве военного корреспондента «Правды» был направлен во фронт в Сталинград. Томимый нежной тоской по любимому человеку, Каплер, утратив самоконтроль, жизненно необходимый в то суровое и опасное время, решился на безумную авантюру. 14 декабря он публикует в «Правде» тайное признание в любви, зашифрованное в рассказе «Письма лейтенанта Л. из Сталинграда». В этом, предназначенном по сути только для одного человека, послании влюбленный автор с нежной грустью вспоминал:

«Как закрывался музей и сторож гнал нас, звеня колокольчиком, и как мы не могли припомнить, перед какой картиной просидели весь день, потому что мы смотрели в глаза друг другу. До сих пор я так и не знаю об этой картине ничего, кроме того, что было хорошо сидеть перед ней, и спасибо художнику на этом».

Явно выбивавшейся своей непосредственностью и мягкой лиричностью за привычные рамки сукобно-казенного стиля «Правды» материал сразу же привлек к себе внимание руководства Агитпропа. Уже 15 декабря Александров отреагировал на рассказ Каплера, оценив его в докладе секретарям ЦК Маленкову, Щербакову и Андрееву как «заполненный ходульными, затасканными, как стертая монета, словами». По его инициативе было принято решение секретариата ЦК, порицающее редакцию «Правды» за публикацию материала, в котором «явно неправдиво и надуманно выведены действующие лица и их отношение друг к другу»³⁷.

Выпустившее это постановление партийно-идеологическое начальство вряд ли имело какое-либо представление о реальной подоплеке раскритикованного им рассказа, хотя, может быть, о чем-то догадываясь, на всякий случай 13 февраля 1943 г. освободило Каплера от обязанностей члена редколлегии газеты «Литература и искусство». Зато полностью в курсе дела был Сталин, которому регулярно докладывалось спецслужбами о «странном, очень странном поведении» дочери. Он и раньше был, мягко говоря, не в восторге от ее любовного выбора, однако сдерживал эмоции. Чаша его терпения переполнилась, когда ему сообщили, что свое 17-летие, пришедшее на последний день февраля, Светлана отметила продолжительным свиданием с Каплером. В ночь на 3 марта Каплера арестовали. В тот же день состоялось и бурное объяснение Сталина с дочерью. С порога он объявил ей, что Каплер арестован как английский шпион, и, грязно обзвав ее, отобрал все его письма, записки, фотографии. После прочтения Сталин с бешенством принялся рвать ненавистные ему бумаги, приговаривая:

«Писатель!.. Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!»

Вспоминая потом эту сцену, С. Аллилуева напишет об отце:

«То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего...»³⁸.

Прогневившего же вождя киносценариста в ходе следствия обвинили в том, что он, «будучи антисоветски настроенным, вел в своем окружении враждебные разговоры и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства», а также «поддерживал близкую связь с иностранцами (американскими корреспондентами в Москве Паркером и Шапиро. — *Авт.*), подозрительными по шпионажу». В конце 1943 года Каплера выслали на пять лет в Воркуту, где он стал работать в местном театре. 27 января 1944 г. он написал оттуда Сталину, заверяя его в своей невинности и прося об освобождении и отправке на фронт. Однако это послание было оставлено без последствий. Уже после отбытия ссылки Каплер в 1948 году вопреки запрещению приехал в Москву, за что получил еще пять лет, но уже исправительно-трудовых лагерей. Из-под стражи его освободили 11 июля 1953 г.³⁹

Драматический финал романа с Каплером не стал для дочери вождя, как показали последующие события, достаточно поучительным уроком. Во всяком случае, уже весной 1944 года она, вновь влюбившись, вышла, не спросив у отца совета, замуж за студента Московского института международных отношений Г.И. Морозова. Светлана и этот еврейский юноша, ставший впоследствии ученым-юристом, когда-то учились вместе в одной школе. Сталин, как и следовало ожидать, не одобрил этого брака, правда, и не препятство-

вал ему. Затаив неприязнь к зятю, он отказался от знакомства с ним и, запретив молодым жить вместе с ним в Кремле, предоставил им квартиру в жилом доме Совета министров СССР на Берсеневской набережной (печально знаменитый «дом на набережной»). Вскоре Сталин в разговоре с дочерью, дав выход своим чувствам, ядовито заметил:

«Слишком он расчетлив, твой молодой человек... Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видишь, в тылу окопался...»⁴⁰.

Недоброжелательство Сталина к родственникам, переходящее порой в явную антипатию, и стало краеугольным камнем в том мифическом сионистском заговоре, фабрикацией которого с конца 1946 года и занялся тщеславный шеф советской госбезопасности Абакумов. С этого времени он регулярно направлял диктатору ставшую для последнего кошмаром наяву информацию о контактах Светланы и Григория Морозова с неким И.И. Гольдштейном, человеком, якобы подосланным «еврейским националистом» С.М. Михозлсом для сбора личных сведений о вожде. В ходе начавшейся «оперативной разработки» Гольдштейна выяснилось, что тот работает старшим научным сотрудником Института экономики АН СССР*, а с Михозлсом познакомился через своего давнего друга З.Г. Гринберга — старшего научного сотрудника Института мировой литературы АН СССР и ближайшего помощника Михозлса по работе с еврейской научной интеллигенцией. До Октябрьской революции Гольдштейн и Гринберг состояли в Бунде. Потом последний, окончивший в свое время историко-филологический факультет Варшавского университета, стал заместителем наркома просвещения Союза коммун Северной области (так назывались тогда Петроград с губернией) и на этом поприще оказывал помощь и содействие бедствовавшим в то время литераторам и деятелям искусства, в том числе А.М. Горькому, А.Н. Толстому, С.А. Есенину, К.И. Чуковскому, В.И. Немировичу-Данченко и другим знаменитостям. Непосредственное знакомство Гольдштейна и Гринберга произошло в конце 1941 года в Ташкенте, в эвакуации. Гринберг много и часто рассказывал новому другу о Михозлсе, который в то время тоже находился со своим театром в узбекской столице, однако лично представиться последнему Гольдштейн тогда не смог. Их первая встреча состоялась уже в Москве в 1945 году в Еврейском театре, куда Гольдштейн был приглашен на вечер памяти, посвященный 30-летней годовщине со дня смерти И.Л. Переца — еврейского писателя, жившего в Польше и приходившегося Гольд-

* Гольдштейн был довольно видным ученым. Одно то, что еще осенью 1922 года он вместе с Варгой участвовал в подготовке для Сталина доклада о перспективах советско-германского экономического сотрудничества, говорит о многом.

штейну дядей. Выступив с докладом, Михозлс подошел к сидевшему в зале Гольдштейну и, представившись, попросил его чаще бывать в театре. После столь мимолетного свидания их контакты возобновились только осенью 1946 года, когда Гринберг привел Гольдштейна в Еврейский антифашистский комитет на Кропоткинскую, 10. Там состоялся уже продолжительный и серьезный разговор, в том числе и о знакомых Гольдштейну родственниках Сталина со стороны второй жены. Такой интерес к родственному окружению вождя был вызван у Михозлса, думается, тем, что посредством него он надеялся, информируя о положении евреев в СССР, как-то повлиять на правителя и со временем склонить того к принятию мер, направленных против усилившегося в годы войны антисемитизма. Видимо, для достижения этой цели руководитель ЕАК попросил своего собеседника при случае расширить соответствующий круг знакомств, включив в него Светлану Сталину и Григория Морозова. Такой случай представился через несколько месяцев, в декабре, во время одного из семейных праздников у Е.А. Аллилуевой, жившей вместе со своим вторым мужем Н.В. Молочниковым (работал главным конструктором Государственного института по проектированию заводов черной металлургии и одновременно являлся негласным информатором «органов», давно державших его «на крючке» как выходца из среды религиозных толстовцев) в том же «доме на набережной».

Е.А. Аллилуева, которую Гольдштейн знал еще с 1929 года по совместной работе в советском торгпредстве в Берлине, первым браком была замужем за братом жены Сталина П.С. Аллилуевым, неожиданно умершим в ноябре 1938-го, как говорили, от сердечного приступа. Произошло это после того, как, возвратясь из отпуска, тот узнал, что многие его сослуживцы по автобронетанковому управлению Красной армии арестованы как враги народа. Однако существовала и другая версия этой смерти, которую госбезопасность представила Сталину как наиболее достоверную: Е.А. Аллилуева, дочь новгородского попа, якобы отравила мужа, причем не без участия своего любовника Молочникова, которого знала еще с 1930 года.

Личную драму пережила тогда и сестра П.С. Аллилуева — Анна. Ее мужа, С.Ф. Реденса, руководившего столичным управлением НКВД, сначала откомандировали в Казахстан, а потом, вызвав в Москву, 21 ноября 1938 г. взяли под стражу и 12 февраля 1940 г. расстреляли как «человека» бывшего наркома внутренних дел Н.И. Ежова. В 1943 году в тюрьме оказался и старший сын А.С. Аллилуевой — Леонид, арестованный по делу о гибели детей Шахуриных—Уманских.

То ли боясь мести за санкционированные им репрессии, то ли еще по какой-то причине, но с конца 30-х Сталин больше не встречался с родственниками двух покойных жен. Те из них, кто уцелел, оказались в опале. Их не допускали больше в Кремль, на правительствен-

ные дачи, лишили некоторых других номенклатурных благ. Проворные чиновники, чутко уловив настроение «хозяина», даже «уплотнили» Аллилуевых в жилплощади, подселив к ним в квартиры в «доме на набережной» соседей. Лишившись былых привилегий и будучи вынужденным теперь прозябать в положении отверженного, беспокойный для Сталина клан Аллилуевых изливал копившиеся годами обиды в постоянных пересудах и сетованиях по поводу бед и несчастий, обрушившихся на него по воле всеильного родственника. Среди прочего довольно откровенно обсуждались различные версии гибели Н.С. Аллилуевой и другие табуированные семейные тайны. Обо всем этом регулярно докладывалось Сталину, который очень болезненно относился к разговорам вокруг смерти второй жены. Не случайно в биографической хронике за 1932 год, подверстанной к вышедшему в 1951-м очередному, 13-му тому его сочинений, Н.С. Аллилуева была названа «близким другом» вождя, а также специально указано, что Сталин проводил гроб с телом жены на Новодевичье кладбище, хотя многим было известно, что в действительности он присутствовал только на гражданской панихиде в здании, известном как ГУМ, и не участвовал в непосредственном погребении⁴¹.

Недовольство Сталина родней заметно усилилось после выхода в свет в 1946 году книги А.С. Аллилуевой «Воспоминания». Особенно не понравилось в Кремле то, что автор с целью популяризации своего сочинения стала разъезжать по городам и весям страны и с непозволительной для той поры откровенностью излагать трудящимся свою версию истории семьи руководителя партии и государства. В поездках ее сопровождала старая подруга, журналистка Р.М. Азарх, вдова венгерского писателя-коммуниста Мате Залка (Белы Франкля), знаменитого «генерала Лукача», погибшего в ходе гражданской войны в Испании в 1937-м. В 1948 году Азарх арестовали и обвинили в том, что та упросила Аллилуеву направить Михоэлсу свои «Воспоминания», а также книгу отца, С.Я. Аллилуева, «Пройденный путь».

Вне закона мемуары А. Аллилуевой были объявлены после того, как 14 мая 1947 г. в «Правде» за подписью П.Н. Федосеева* появилась статья под красноречивым заголовком «Безответственные измышления». В ней автора обвинили в противопоставлении своих «вымыслов», «искажающих историческую действительность», сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)». Интересно, что в июне

* В январе того же 1947 года Федосеев фактически наложил запрет на издание уже сверстанной в типографии книги В.Л. Швейцер «Воспоминания рядового подпольщика о Сталине». Автор — старая большевичка-подпольщица, познакомившаяся со Сталиным в 1909 году в Петербурге, помимо прочего включила в рукопись описание еврейского погрома в Ростове в октябре 1905-го (42).

1944 года тот же Федосеев вместе с шефом по Агитпропу Александровым совсем по-другому оценивали труд Аллилуевой:

«...Содержание книги возражений не вызывает. Считаем возможным разрешить издательству выпустить книгу в свет».

Правда, после этого рукопись почему-то предпочли положить в издательстве в долгий ящик, так что автору даже пришлось позвонить Сталину и попросить его о помощи.

«Ну что ты так расстраиваешься? Неужели не знаешь, что там есть сволочи? — Участиливо посочувствовал тот и решительно добавил: — Издадут твою книгу»⁴³.

Свое обещание Сталин тогда выполнил. Воспоминания его свояченицы были изданы в апреле 1946-го. И вот теперь спустя год он, видимо, в сердцах укоряя себя за мягкосердечие и либерализм, дал указание об изъятии злополучной книжки. И хоть это распоряжение было негласным, мало кто в околосемейских кругах сомневался, от кого оно исходит. Известный своей эмоциональной неуравновешенностью брат Анны Аллилуевой Федор тогда в кругу близких воскликнул: «Это поход против Аллилуевых, начатый с ведома Сталина»⁴⁴.

Эти и другие перипетии взаимоотношений Сталина с близкими главным образом и обсуждались Михоэлсом и Гольдштейном во время встреч. Однако неформальному лидеру советского еврейства пришлось распрощаться с иллюзиями о возможности повлиять на кремлевскую национальную политику посредством родственников диктатора. Еще в мае 1947 года Светлана Сталина и Григорий Морозов неожиданно расстались друг с другом*. Собственно, никакого официального развода не было. Просто в один не очень прекрасный для Григория Морозова день его выставили из квартиры в «доме на набережной». Потом он был приглашен в отделение милиции, где у него отобрали паспорт со штампом о регистрации брака с дочерью Сталина и вручили взамен новый, «чистый». То же самое случилось и с паспортом Светланы. Правда, ее в милицию не вызывали. Все формальности взял на себя брат Василий, который, между прочим, в свое время познакомил сестру с Григорием.

Драма эта произошла наверняка не столько вследствие причин «личного порядка», как писала потом С. Аллилуева, сколько из-за вмешательства ее отца, давно тяготившегося родственными узами, связывавшими его с еврейством. Именно он дал указание «органам»

* Как показал потом на следствии Гольдштейн, он, встретившись в июле 1947 года с Михоэлсом в ГОСЕТе, сообщил ему о разводе Морозова со Светланой Сталиной. На что Михоэлс, уже зная об этом, якобы сказал: «Да, печальная история для нас, Морозову так и не удалось закрепиться в семье Сталина... Но надо восстановить этот брак».

изъять переписку дочери с Морозовым, чтобы потом похоронить ее в своем архиве в Кремле. Личное благополучие дочери мало что значило для диктатора в сопоставлении с так называемыми государственным интересами, тем более, что в качестве главной угрозы этим интересам ему со временем повсюду стал мерещиться грозный призрак еврейского национализма. Однажды, уже после того как весной 1949 года Светлана вышла замуж за сына А.А. Жданова Юрия, Сталин сказал дочери: «Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька», на что та попыталась возразить в том духе, что молодежь не интересуется сионизмом. Но переубедить отца ей не удалось. «Нет! Ты не понимаешь! — резко возразил он. — Сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат...»⁴⁵.

Пресечь отношения дочери с Григорием Морозовым Сталина подтолкнул и компромат, регулярно поставлявшийся ему с Лубянки на родственников и знакомых* зятя. Особенно часто в донесениях спецслужб мелькала информация о его отце — И.Г. Морозове, родившемся в Могилеве в зажиточной еврейской семье Г.В. Мороза, выходца из местечка Мстиславичи, где тот имел собственную усадьбу с больницей и врачевал окрестных помещиков. После революции по примеру многих своих соплеменников будущей сват диктатора занялся коммерцией в Москве. В 1922 году он открыл там собственную аптеку, однако уже через два года за дачу взятки должностному лицу попал на один год в домзак. Выйдя на свободу, И.Г. Морозов бросил ставшую небезопасной частнопредпринимательскую деятельность и устроился на государственную службу. Когда его сын женился на дочери Сталина, жизнь скромного бухгалтера одного из москов-

* Среди знакомых, часто посещавших Морозова и встречавшихся с его молодой женой в «доме на набережной», внимание «органов» привлекла некая А.А. Лейкинд, работавшая у Лозовского в Совинформбюро. В ходе негласной проверки выяснилось, что эта визитерша, дававшая в 1945–1947 годах Морозову уроки английского языка, еще в детстве, до революции, вместе с родителями переехала из России в США, а в 1934-м возвратилась на родину. До 1922 года она работала во Всемирном еврейском конгрессе в Нью-Йорке, потом там же — в Еврейском телеграфном агентстве. Неоднократно встречалась с лидером сионистов-ревизионистов В.Е. Жаботинским, который время от времени приезжал в Америку из Франции для пропаганды сионизма. Анна Лейкинд, стенографировавшая выступления этого уроженца Одессы, со временем завоевала его дружбу и доверие. Кроме того, на Лубянке были осведомлены, что новый, 1947 год Лейкинд встречала на квартире с такими же, как она, реэмигрантами из США, супругами И.С. Ватенбергом и Ч.С. Ватенберг-Островской, которые были членами ЕАК. На это торжество был приглашен и американский журналист П. Новик, который, как узнала вездесущая госбезопасность, расспрашивал Лейкинд о Григории Морозове и Светлане. Конечно, обо всем этом было немедленно доложено Сталину, наверняка воспринявшему эту информацию как еще одно доказательство активизации направленных против него глобальных происков сионистов.

ских промышленных предприятий чудесным образом переменялась. Он стал частым гостем в правительственной санатории «Барвиха». Представляясь там старым большевиком и профессором, вошел в круг влиятельной советской элиты, познакомившись наряду с прочими с П.С. Жемчужиной, Р.С. Землячкой, академиком Л.С. Штерн. Последняя, будучи директором Института физиологии, в 1945 году взяла его к себе заместителем по административно-хозяйственной части. Вращаясь в высших номенклатурных кругах, И.Г. Морозов совершенно упустил из виду то, что его особа превратилась в объект повышенного внимания со стороны МГБ. В разговорах с родственниками и знакомыми он, не задумываясь о последствиях, хвастался новыми связями в правительственных структурах, не забывая при этом небрежно упомянуть о мнимых встречах со Сталиным, который якобы регулярно приглашал его на приемы в Кремль. Расплата за столь беспечные, сколь и опасные выдумки наступила в начале 1948 года, когда к И.Г. Морозову домой неожиданно нагрянули оперативники, арестовавшие и препроводившие его на Лубянку. Там ему инкриминировали «проведение антисоветской работы и распространение клеветнических измышлений против главы Советского государства»⁴⁶.

«СИОНИСТСКИЙ ЗАГОВОР» МИХОЗПСА—АЛЛИЛУЕВЫХ

Еще раньше, начиная с десятых чисел декабря 1947 года, по аналогичному обвинению стали арестовывать и окончательно вышедших из доверия Сталина его родственников по линии второй жены. Первой (10 декабря) взяли Е.А. Аллилуеву, которой вменили в вину то, что она «на протяжении ряда лет у себя на квартире устраивала антисоветские сборища, на которых распространяла гнусную клевету в отношении главы Советского правительства». Тогда же арестовали и ее мужа — Молочникова. А 6 января 1948 г. пришли за ее дочерью, артисткой Малого театра К.П. Аллилуевой (Политковской). Члена Союза Советских писателей А.С. Аллилуеву доставили в большой дом на площади Дзержинского 29 января. Помимо прочего ее подозревали в том, что «после ареста в 1938 году мужа, Реденса С.Ф., она затаила злобу против руководителей партии и Советского правительства и до дня ареста проводила антисоветскую агитацию»⁴⁷.

По тому же делу были арестованы дружившие с Аллилуевыми театровед Л.А. Шатуновская, ее муж, профессор-физик Л.А. Тумерман, Э.С. Горелик, жена заместителя министра вооруженных сил СССР по тылу А.В. Хрулева, а также проживавшие с родственниками в общей квартире специалист по радиолокации генерал-майор Г.А. Угер и его русская жена.

«Болтали много. Знали слишком много... А это на руку врагам...» — так объяснил Сталин своей дочери причину произошедшего с ее родственниками по матери⁴⁸.

Вдовение родни Сталина в застенки МГБ министр Абакумов встретил во всеоружии. Еще в июле 1947 года он отчитался перед «хозяйном» о полной готовности его ведомства к эффективной работе по раскрытию преступлений, направленных против государственной безопасности страны и ее вождя. В представленной им тогда в Кремль методике следствия по такого рода делам предусматривалось и использование следующих приемов:

«Когда арестованный не дает откровенных показаний... следователь в целях нажима на арестованного использует имеющиеся в распоряжении органов МГБ компрометирующие данные из прошлой жизни и деятельности арестованного, которые он скрывает. Иногда для того, чтобы перехитрить арестованного и создать у него впечатление, что органам МГБ все известно о нем, следователь напоминает арестованному отдельные интимные подробности из его личной жизни, пороки, которые он скрывает от окружающих. ... В отношении изблеченных следствием шпионов, диверсантов, террористов и других активных врагов советского народа, которые нагло отказываются выдать своих сообщников и не дают показаний о своей преступной деятельности, органы МГБ... применяют меры физического воздействия»⁴⁹.

Не удивительно, что после нескольких дней следственной обработки по такой «методике» Е.А. Аллилуева уже 16 декабря показала на допросе, что ее старый знакомый Гольдштейн, заходя периодически к ней в гости, рассказывал о Сталине, его дочери Светлане и том, как у нее складываются отношения с Григорием Морозовым. В результате уже через три дня Гольдштейна доставили на Лубянку, причем его арест проводился без санкции прокурора, по личному указанию Абакумова. А вскоре последний получил от Сталина конкретные инструкции, в каком направлении следует вести дальше следствие по этому делу. Их Абакумов немедленно довел до сведения заместителя начальника следственной части по особо важным делам В.И. Комарова. Тот в июле 1953 года, находясь под арестом, показал, что в конце 1947 — начале 1948 года ему в кабинет в Лефортовской тюрьме позвонил министр и заявил:

«Инстанции* считают, что Гольдштейн интересовался личной жизнью руководителя Советского правительства не по собственной инициативе, а что за его спиной стоит иностранная разведка...».

* Если до революции сам царь и высший слой правящей бюрократии обозначались на чиновничьем языке словом «сферы», то во времена Сталина и вплоть до августа 1991 года глава Советского государства и его ближайшее окружение предпочитали, чтобы их в номенклатурном обиходе называли «инстанцией» или «инстанциями».

Поскольку никаких фактических данных, подтверждающих эту версию, не существовало, следствию предстояло их добыть в виде «признания» от арестованного. Для достижения этой цели в ход были пущены все средства, среди которых был и арест жены Гольдштейна М.А. Кржевской.

Другой заместитель начальника следственной части по особо важным делам — М.Т. Лихачев сразу же по ознакомлении с указанием Кремля вызвал к себе полковника Г.А. Сорокина, ведущего дело Гольдштейна. И как только тот прибыл на Лубянку из Сухановской тюрьмы, где вел допросы, приказал ему «размотать шпионские связи Гольдштейна и выявить его шпионское лицо». То, что происходило дальше, становится ясным из письменного объяснения, данного Сорокиным 3 января 1954 г. комиссии по расследованию незаконной деятельности абакумовского ведомства:

«...Никаких материалов, изблечивающих Гольдштейна в шпионской деятельности, и даже вообще какого-либо дела против Гольдштейна я ни от кого не получал, и, как впоследствии мне стало ясно, такого вообще в МГБ не имелось. ... По истечении некоторого времени на допрос Гольдштейна явился Комаров и сказал, что он имеет распоряжение Абакумова о применении к Гольдштейну мер физического воздействия. Это указание Абакумова... Комаров выполнил в тот же вечер при моем участии. На следующий день Гольдштейн в отсутствие Комарова дал мне показания о том, что со слов Гринберга ему известно, что в президиуме Еврейского антифашистского комитета захватили руководство отъявленные буржуазные националисты, которые, извращая национальную политику партии и Советского правительства, занимаются несвойственными для комитета функциями и проводят националистическую деятельность. Кроме того, Гольдштейн показал о шпионской деятельности Михозэlsa и о том, что он проявлял повышенный интерес к личной жизни главы Советского правительства в Кремле. Такими сведениями у Михозэlsa, как показал Гольдштейн, интересовались американские евреи...».

В последнем предложении процитированного документа и заключалась та сверхзадача, которая была поставлена Сталиным перед руководством МГБ. Одно дело — в кругу родных и знакомых перемывать косточки «главе Советского правительства» и совсем другое — осуществлять целенаправленный сбор информации об этой персоне по заданию вражеской разведки. О том, как было получено это «признание» и что на деле означали так называемые меры физического воздействия, поведал 2 октября 1953 г. сам Гольдштейн в письме Маленкову, отправленном из Владимирской тюрьмы:

«19 декабря 1947 г. я был арестован в Москве органами МГБ СССР и препровожден на Лубянку, а затем в следственную тюрьму в Лефортово. Здесь без сообщения причин моего ареста от меня потребовали, чтобы я сам сознался и рассказал о своей якобы вражеской деятельности против Родины. ... Меня начали жестоко и длительно избивать резиновой дубинкой по

мягким частям и голым пяткам. Били до того, что я ни стоять, ни сидеть не был в состоянии. ... Через некоторое время мне предложено было написать протокол (якобы продиктованный мною), в котором говорилось, что я признаю себя виновным. Я... отказался подписать такой протокол. Тогда следователь Сорокин и еще один полковник (Комаров. — *Авт.*) ... стали так сильно меня избивать, что у меня на несколько недель лицо страшно распухло и я в течение нескольких месяцев стал плохо слышать, особенно правым ухом. ... За этим последовали новые допросы и новые избиения. Всего меня избивали восемь раз, требуя все новых и новых признаний. Измученный следовавшими за собой (так в тексте. — *Авт.*) дневными и ночными допросами, терроризируемый избиениями, руганью и угрозами, я впал в глубокое отчаяние, в полный моральный маразм и стал оговаривать себя и других лиц в тягчайших преступлениях»⁵⁰.

Чтобы лично удостовериться в «правильности» выбитых из Гольдштейна показаний, в Лефортовскую тюрьму сразу же прибыл Абакумов. Он не стал тратить время на подробные расспросы еле ворочавшего языком узника, а сразу спросил у него о главном: «Итак, значит, Михозлс — сволочь?». «Да, сволочь», — ответил тот. Потом последовал аналогичный вопрос в отношении Фефера, на который был дан отрицательный ответ.

Удовлетворенный услышанным, министр распорядился подготовить соответствующий протокол допроса, который стал первым официальным протоколом с момента ареста Гольдштейна. Вскоре предварительно отредактированный полковником Я.М. Броверманом, специализировавшимся в секретариате Абакумова на такого рода интеллектуальном труде, нужный документ с признательными показаниями подследственного и его подписями был составлен. В нем показания Гольдштейна были сформулированы следующим образом:

«Михозлс дал мне задание сблизиться с Аллилуевой, добиться личного знакомства с Григорием Морозовым. "Надо подмечать все мелочи, — говорил Михозлс, — не упускать из виду всех деталей взаимоотношений Светланы и Григория. На основе вашей информации мы сможем разработать правильный план действий и информировать наших друзей в США, поскольку они интересуются этими вопросами"».

Датированный 9 января 1948 г., этот материал на следующий день был представлен Абакумовым Сталину.

Гринберга, оговоренного под пытками Гольдштейном, арестовали 28 декабря 1947 г., причем также без санкции прокурора. Это и понятно: зачем Абакумову было соблюдать правовые формальности, когда указания он получал непосредственно от Сталина? Поскольку по версии следствия Гринберг служил передаточным звеном между Михозлсом и Гольдштейном, ему была уготована роль еще одного разоблачителя националистических козней руководства ЕАК. Его

дело вел полковник М.Т. Лихачев, который 26 мая 1953 г., находясь под арестом и следствием как подручный низложенного Абакумова, свидетельствовал:

«На допросах Гринберг довольно продолжительное время ни в чем не признавался, а уличить его, кроме показаний Гольдштейна, было нечем... но затем начал давать довольно подробные показания о проводимой Еврейским антифашистским комитетом деятельности. Гринберг прямо показал, что Еврейский антифашистский комитет группирует вокруг себя еврейское население, разжигает у него националистические тенденции и, таким образом, является центром еврейских националистов. Гринберг при этом назвал Лозовского, Михозлса, Фефера и ряд других лиц как основных заправил еврейской националистической деятельности, а также показал о том, что вся эта подрывная работа направляется американцами...».

Эти «признания» Лихачев получил путем не только угроз, но и циничного обмана. В заявлении от 19 апреля 1949 г. Гринберг писал ему:

«Четыре месяца назад Вы официально объявили мне, что мое дело прекращается и что я должен быть скоро освобожден, но, к сожалению, вышло не так. 16 месяцев я в заключении, а сил все меньше и меньше».

22 декабря 1949 г., так и не дождавшись обещанной милости, Гринберг умер от инфаркта миокарда во Внутренней тюрьме МГБ⁵¹.

Гольдштейна заставили лжесвидетельствовать помимо Гринберга и против Р.С. Левиной, которая не только долгие годы работала с ним в Институте мирового хозяйства и мировой политики, но и была его близким другом. В годы войны, находясь в эвакуации в Ташкенте, Левина приютила Гольдштейна в своей квартире на кухне. Потом они вместе написали монографию «Германский империализм». И вот теперь, по словам Гольдштейна, вложенным в его уста следователями госбезопасности, Левина оказалась предводителем сионистов, якобы окопавшихся в упомянутом выше институте. 10 января 1948 г. пожилую и к тому же тяжелобольную женщину арестовали. Ей припомнили все. И то, что ее отец, Саул Левин, эмигрировал в 1911 году в США и работал потом в г. Луисвилле (штат Кентукки) агентом кожевенной фирмы. И то, что она в юности, проживая в 1917–1918 годах в Пензе, состояла в «Союзе еврейской молодежи». Но не это было главным для ее мучителей. На первых же допросах следователь ошеломил Левину обвинением в том, что та с 1946 года, выполняя задание Михозлса «включиться в активную работу в пользу еврейской нации», начала группировать вокруг себя в ИМХиМП националистически настроенных евреев и агитировала их против советской власти. Заодно Левину пытались изобличить и в том, что она, зная о знакомстве Гольдштейна с родственниками вождя, упрасивала его походатайствовать через них о выдвижении ее книги на Сталинскую премию, а также добивалась освобождения своего сына Михаила, арестованного в 1944 году.

Поначалу Левина все решительно отвергала. Тогда, чтобы морально сломить упорствовавшую «националистку», Абакумов распорядился устроить ей очную ставку с соответствующим образом подготовленным Гольдштейном. В конце марта этот спектакль состоялся. Однако Гольдштейн не справился с заданием следствия: когда его ввели в помещение, где уже находилась Левина, он не смог перебороть нахлынувшие на него угрызения совести и отказался исполнять заранее отретпированную роль. Раздосадованному следователю не оставалось ничего другого, как развести узников по камерам. После этого Гольдштейна два дня усердно истязали, а потом повторили очную ставку, которая на сей раз прошла по запланированному следствием сценарию.

Испытав психологический шок от разоблачений прежнего сослуживца и друга, Левина тем не менее продолжала настаивать на своей невинности. Но у следствия еще оставались в запасе такие сильнодействующие средства, как лишение сна, многочасовые «стойки» на проводившихся методом «конвейера» допросах, заканчивавшиеся, как правило, тем, что обессиленный заключенный, потеряв сознание, валялся с ног и сразу же подвергался жестоким побоям. Все это было пущено в ход, чтобы заставить Левину повиниться. Полковники Сорокин и Лихачев истязали свою жертву самым варварским образом. Войдя в раж, они выбили у пожилой женщины все передние зубы; удары резиновыми дубинками сыпались куда попало — по голове, ногам, спине, ягодицам, половым органам. После столь изуверской экзекуции Левина вынуждена была покориться своим мучителям и дала признательные показания. 29 мая 1948 г. на основании постановления Особого совещания она получила десять лет исправительно-трудовых лагерей. Даже после того как 6 марта 1954 г. Верховный суд СССР освободил Левину из заключения, та оставалась в ссылке до января 1955 года.

В тот же день, что и Левиной, Особое совещание объявило свой вердикт и Аллилуевым. Е.А. Аллилуева получила от служителей сталинской фемиды десять лет заключения за антисоветскую агитацию. В тюрьме она тяжело заболела — страдала серьезным психическим расстройством. Ее дочери, Кире Павловне, за «снабжение информацией о личной жизни семьи главы Советского правительства лиц, работавших в американском посольстве*», дали пять лет ссылки, которую та отбывала в г. Шуе Ивановской области. На такой же срок заточили во Владимирскую тюрьму Анну Аллилуеву. Однако по отбытии наказания узницу не выпустили на свободу. 27 декабря 1952 г. Особое совещание автоматически продлило ее заточение в

* Имелся в виду знакомый К.П. Аллилуевой, негласный агент МГБ В.В. Зайцев (кличка — «Юрист»), работавший в посольстве США в Москве и объявленный «двойником» и американским шпионом.

тюрьме еще на пять лет. В качестве основания для этого решения было использовано следующее заявление одной из ее родственниц:

«Аллилуева А.С. утверждала, что с возрастом Сталин делается все более невыносимым и подвергает репрессиям неугодных ему лиц, что такого диктатора Россия еще не видела».

Освобожденная весной 1954 года Анна Аллилуева возвратилась в нормальную жизнь хотя и тяжело больной, но духовно не сломленной. В 1958 году она была единственной, кто на собрании московской организации Союза советских писателей проголосовал против исключения нобелевского лауреата Б.Л. Пастернака из этого союза.

Проходившим по «делу Аллилуевых» супругам Шатуновской и Тумерману в качестве наказания был определен 25-летний срок заключения каждому. Они также выжили в сталинских лагерях и в 1972 году выехали в Израиль. А знакомая Аллилуевых Эстер Горелик получила пять лет лишения свободы, которые провела в одиночке Владимирской тюрьмы.

Что касается главного подследственного — Гольдштейна, то его продолжали допрашивать еще полтора года. Только 29 октября 1949 г. Особое совещание подвело черту под следствием, заключив Гольдштейна как «особо опасного шпиона» в тюрьму МГБ сроком на 25 лет. 10 ноября его этапировали в Верхнеуральский централ под Магнитогорском. Потом перевели во Владимирскую тюрьму, где он скончался 30 октября 1953 г.⁵²

После того как МГБ удалось добыть «доказательства» существования в СССР американско-сионистского заговора, участь якобы возглавлявшего его Михоэлса была предрешена. Терзаемый паранойей Сталин не чувствовал себя в безопасности, пока оставался в живых этот ставший его личным врагом человек, будто бы с помощью сообщников завлекший в сети заговора легкомысленных Аллилуевых. Обрести прежнее душевное равновесие диктатор мог лишь расправившись с Михоэлсом, этим королем Лиром на сцене и королем евреев в жизни.

Именно с арестов Аллилуевых, Гольдштейна, Гринберга, Левиной политический сыск, осуществлявшийся МГБ, приобрел ярко выраженный антисемитский характер. Бывший начальник следственной части МГБ по особо важным делам М.Д. Рюмин, будучи арестованным за свои преступления после смерти Сталина, откровенно признался в июне 1953 года:

«С конца 1947 года в работе следственной части по особо важным делам начала отчетливо проявляться исходившая от Абакумова и реализуемая впоследствии Леоновым, Лихачевым и Комаровым тенденция рассматривать лиц еврейской национальности врагами Советского государства. Эта установка приводила к необоснованным арестам лиц еврейской национальности по обвинению в антисоветской националистической деятельности и американском шпионаже».⁵³

Однако, свалив всю ответственность за подобные новации в работе «органов» на Абакумова, Рюмин не сказал и не мог сказать тогда всей ставшей потом очевидной правды: главным виновником нагнетания государственного антисемитизма в стране и превращения аппарата МГБ в ударную силу этой политики был сам Сталин, что наглядно проявилось в истории физического устранения культурного лидера советского еврейства Соломона Михоэлса.

УБИЙСТВО МИХОЭЛСА

Л.А. Шатуновская — непосредственная участница описываемых событий и жертва репрессий напишет потом в вышедшей в США книге «Жизнь в Кремле», что «дело Михоэлса—Аллилуевых» задумывалось Сталиным «как важнейшая политическая антиеврейская акция и, видимо, готовился открытый процесс»⁵⁴. Думается, что это предположение — в значительной мере плод ретроспективных эмоциональных переживаний еврейской интеллектуальной элиты. Ведь даже поверхностное знание тогдашней политической ситуации в стране и мире, а также психологии диктатора позволяет заключить, что Сталин не мог пойти в то время на показательное антисемитское судилище. Во-первых, потому, что оно было чревато внешнеполитическими осложнениями для Советского Союза, активно поддерживавшего в 1947–1948 годах проект создания независимого еврейского государства на Ближнем Востоке. Во-вторых, трудно представить себе, чтобы Сталин решился предать гласности обстоятельства своей личной жизни, в особенности конфликт с родственниками покойной жены. В-третьих, открытый процесс над Михоэлсом был неприемлем для Сталина не потому, что он опасался, как пишут дочери Михоэлса, проиграть в психологической дуэли с их отцом (процессы 30-х годов показали, что морально сломить и заставить говорить то, что нужно, он мог и куда более сильных политических противников), просто тайная расправа над негодными всегда милее сердцу диктатора. Зачем рисковать, просчитывая реакцию внутри страны и за рубежом на заведомо скандальную акцию, связанную с использованием фальшивых доказательств? Куда проще и надежнее объявить поверженного тайного противника случайной жертвой несчастного случая, чем иметь дело с заведомым мучеником режима, пострадавшим за свой народ.

Подобная прагматично-циничная логика, как кажется, и предопределила негласный характер устранения неформального главы еврейской культуры в СССР. А окончательное решение о его физическом устранении Сталин скорей всего принял 10 января 1948 г., когда Абакумов представил ему полученные под пыткой показания Гольдштейна о работе Михоэлса на американскую разведку по сбору

информации о нем через родственников. Конкретная картина организации и проведения этой тайной государственно-террористической акции предстает в записке, которую Берия направил 2 апреля 1953 г. Маленкову, иницировав в качестве вновь назначенного министра внутренних дел СССР специальное расследование обстоятельств гибели еврейского артиста. Из приведенных в этом относительно недавно рассекреченном документе показаний Абакумова следует, что в начале 1948 года «глава Советского правительства И.В. Сталин» дал ему «срочное задание быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам». В то время, когда принималось это решение, руководитель ЕАК находился в Минске, где как член комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства участвовал в просмотре театральных постановок, выдвинутых на соискание этой награды. Из Москвы он выехал на поезде вечером 7 января, причем в крайне подавленном состоянии. Причиной тому были и полученные незадолго до этого угрожающие анонимные записки («жидовская образина, больно высоко ты взлетела, как бы головка не слетела» и т.п.), и недавние методичные аресты МГБ друзей и знакомых (Шатуновской, Гольдштейна, Гринберга и др.), и, самое главное, та мрачная напряженная атмосфера, которая начала сгущаться вокруг ЕАК и еврейской культуры. Единственное, что согревало душу артиста, было сознание того, что Советский Союз активно поддерживает на международной арене возрождение еврейской государственности на Ближнем Востоке. Прощаясь дома с друзьями перед отбытием на вокзал, он провозгласил в ходе импровизированного застолья тост за скорое обретение евреями своей страны.

В поездке Михоэлса сопровождал театровед еврейского происхождения В.И. Голубов-Потапов, который родился в Витебске, до войны жил в Ленинграде, потом перехал в Москву и был завербован там органами госбезопасности.

Дав «указание именно в Минске и провести ликвидацию...» Михоэлса, Сталин, по свидетельству Абакумова, распорядился срочно сформировать команду оперативников для реализации этой акции. Руководить на месте операцией было поручено заместителю Абакумова С.И. Огольцову. Возглавляя в годы войны органы госбезопасности Ленинграда, последний в самый разгар блокады сфабриковал там дело о «контрреволюционной организации» «Комитет общественного спасения», по которому с ноября 1941 по март 1942 года было арестовано 32 видных ученых этого города. Пятеро из них были казнены, а остальные получили длительные сроки заключения.

Вместе с Огольцовым, который отвечал за непосредственное устранение Михоэлса, в Минск командировался также Ф.Г. Шубняков, руководивший во 2-м главном (контрразведывательном) управле-

нии МГБ СССР подразделением, боровшимся с американской агентурой, завербованной прежде всего из числа еврейских националистов. Шубнякову поручалось «установление контактов с Голубовым в целях получения от него информации о настроениях и планах Михозлса». В Москве по согласованию со Сталиным в общих чертах был разработан план ликвидации Михозлса: он должен был стать случайной жертвой автомобильной катастрофы. Детали операции надлежало доработать в Минске совместно с министром госбезопасности Белоруссии Л.Ф. Цанавой. С этой целью с ним по телефону связался Абакумов, уведомивший, что «для выполнения одного важного решения правительства и личного указания Сталина в Минск выезжает Огольцов с группой работников МГБ СССР...», которым надлежит оказать содействие. Уже в белорусской столице Огольцов, Шубняков и Цанавы, перебрав несколько вариантов убийства Михозлса (поездка его куда-либо на автомобиле и организация «автокатастрофы», наезд на него грузовой машины на малолюдной улице), остановились на том из них, который «гарантировал успех операции наверняка». Конкретно было решено с помощью обмана совершить похищение Михозлса, пригласив его через агентуру в вечернее время в гости к каким-либо знакомым, а затем привезти на загородную дачу Цанавы, где и ликвидировать.

Начало реализации этого отдающего примитивной уголовщиной плана наметили на вечер 12 января. В тот день Михозлс и Голубов-Потапов пообедали днем в гостинице вместе с Фефером, который накануне прибыл по своим делам в Минск. Причем на сей раз ни Михозлс, обычно любивший «пропустить рюмочку», ни его спутник алкоголя не употребляли, так как у них была намечена встреча в ЦК КП(б) Белоруссии. Побывав у республиканского руководства, они возвратились в гостиницу, где в шесть часов вечера поужинали опять-таки в обществе Фефера, а также работников минских театров, предупредив их, что вечером пойдут к знакомому Голубова-Потапова, некоему инженеру Сергееву. Около 20 часов они вышли из гостиницы и пошли пешком, хотя им и предлагалась машина с шофером.

По-видимому, накануне Шубняков договорился с Голубовым-Потаповым, что тот под каким-либо предлогом выманит Михозлса из гостиницы и доведет его до заранее условленного места. О том, как будут развиваться события дальше, Голубова-Потапова, который в интересах обеспечения полной секретности операции с самого ее начала был обречен, скорее всего не информировали. Хотя неизвестно, где именно была устроена засада, однако можно предположить, что это был довольно малолюдный глухой район, где, что называется, без свидетелей Михозлс и его спутник были посажены оперативниками в автомобиль, доставивший их на дачу Цанавы. По прибытии туда (примерно в десять часов вечера) связанных по дороге Михозлса и Голубова-Потапова извлекли из легковушки, бросили на землю,

и они «немедленно» были «раздавлены грузовой автомашиной». «Примерно в 12 часов ночи, когда по городу Минску движение публики сокращается, — свидетельствовал потом Цанавы, — трупы Михозлса и Голубова были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одной из глухих улиц города. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию»⁵⁵.

Внешне все, как и задумывалось, выглядело как несчастный случай. К тому же, чтобы сразу же придать делу явно криминальный характер, расследование инцидента поручили милиции, но, разумеется, не местной. В Минск немедленно была командирована группа дознавателей Главного управления милиции МВД СССР, которая спустя месяц после гибели артиста и его спутника представила заместителю министра внутренних дел СССР И.А. Серову совершенно секретный отчет о результатах проведенного расследования.

Согласно этому документу, взорам столичных сыщиков, выехавших на место трагедии, предстала следующая картина:

«Оба трупа оказались вдавленными в снег, который шел с вечера 12 января при значительном ветре. Вся одежда покойных, деньги, документы и ручные часы (у Михозлса — золотые) оказались в сохранности. У часов Михозлса отсутствовало лишь стекло, однако часы эти, как и часы Голубова-Потапова, в момент осмотра трупов были на ходу. Судебно-медицинским исследованием трупов, произведшимся 13 января главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения БССР Прилуцким и экспертами — врачами Наумович и Карелиной, установлено, что смерть Михозлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда на них тяжелой грузовой автомашины. У покойных оказались переломанными все ребра с разрывом тканей легких, у Михозлса — перелом позвонка, у Голубова-Потапова — тазовых костей. Все причиненные повреждения являлись прижизненными. Судя по наступлению и развитию трупных явлений, смерть их наступила за 15–16 часов до момента исследования трупов, т.е. примерно в 20 часов* 12 января, вскоре после выхода из гостиницы. Состояние пищи в желудке подтвердило тот факт, что пища эта была принята за два часа до смерти, и состав пищи соответствовал той, которая подавалась им в ресторане. Никаких данных о том, что Михозлс и Голубов-Потапов погибли не от случайного на них наезда, а от каких-либо других причин расследованием не добыто. В результате проведенных агентурно-оперативных и следственных мероприятий... версия о том, что Михозлс и Голубов-Потапов перед тем, как их настигла грузовая автомашина, направлялись к знакомому Голубова-Потапова инженеру Сергееву, не подтвердилась. Все собранные материалы дали основание полагать, что Михозлс и Голубов-Потапов по каким-либо причинам намеревались посетить какое-то другое

* Несовпадение этого времени смерти Михозлса и Голубова-Потапова с тем, о котором показал потом Цанавы (22 часа), можно объяснить как результат случайной ошибки либо намеренной подтасовки экспертов, либо аберрации памяти Цанавы, дававшего показания по прошествии пяти лет с момента события.

лицо, и эту встречу тщательно зашифровали от своих знакомых и окружающих, назвав при этом вымышленную фамилию инженера Сергеева. В связи с этим был составлен план дополнительных мероприятий, утвержденных затем министром госбезопасности БССР генерал-лейтенантом тов. Цанавой и министром внутренних дел БССР тов. Бельченко. Так как контингент знакомых Михоэlsa и Голубова-Потапова состоял главным образом из среды артистического мира, разработку которых целесообразней вести органам МГБ, то добытые следственные и агентурные материалы, касающиеся этих лиц, были переданы 2 управлению МГБ СССР и вся дальнейшая проверка этих связей проводилась аппаратом 2 управления...»⁵⁶.

Иных результатов от этого довольно поверхностного расследования (другого не могло и быть), проводившегося к тому же под контролем и при участии самих организаторов преступления, трудно было ожидать. Все было сработано так, чтобы дальше формальной констатации несчастного случая милицией дело не пошло.

«За успешное выполнение специального задания правительства» в октябре 1948 года указом президиума Верховного Совета СССР (в печати не публиковался) участники ликвидации Михоэlsa удостоились государственных наград. Генерал-лейтенант Цанава получил орден Красного Знамени, полковники Шубняков, В.Е. Лебедев и старший лейтенант Б.А. Круглов — боевые ордена Отечественной войны 1-й степени, майоры А.Х. Косырев и Н.Ф. Повзун — ордена Красной Звезды*⁵⁷.

Чтобы окутать смерть Михоэlsa непроницаемой завесой тайны, МГБ в качестве так называемых активных мероприятий распространило противоречившие друг другу и сбивавшие с толку слухи о том, что Михоэлс пал жертвой банды польских националистов — «агентов Миколайчика» и что он был убит сионистами, чтобы «не выдал органам МГБ о всех проделках, связанных с сионистским движением, направленным в сторону Государства Израиль и на свержение большевиков»⁵⁸.

Основная часть еврейства, доверявшая, как и подавляющее большинство населения, советской пропаганде, не сомневалась в том, что смерть Михоэlsa произошла в результате несчастного случая. Даже Эренбург впоследствии вынужден был признать, что официальная версия гибели артиста «казалась убедительной весной 1948 года», хотя сам он вряд ли поверил тогда тому, что написали советские газеты об этой загадочной смерти. Арестованный позднее Б.А. Шимелиович показал на одном из допросов, что на похоронах еврейского артиста Эренбург многозначительно произнес: «Несколько дней тому назад Михоэлс погиб на том же месте, где уже были истреблены десятки тысяч евреев». Не верили в случайность смерти Михоэlsa и другие более или менее высокопоставленные деятели еврейского происхож-

* Руководивший устранением Михоэlsa заместитель министра госбезопасности Огольцов был награжден по указу, вышедшему ранее.

дения, которые, так или иначе соприкасаясь с властями и зная о проведении ими политики государственного антисемитизма, не могли на основании этого не делать соответствующих выводов. Так, преемник Михоэlsa на посту руководителя ЕАК Фефер, который, считая его гибель «концом» не только для комитета, был так психологически подавлен, что смог собрать первое заседание президиума только в начале марта. Он же, уже будучи узником Лубянки, признался следователю, что, встретившись в Минске сразу после гибели Михоэlsa с еврейским литератором А.Х. Платнером, услышал от него, что никто из евреев в столице Белоруссии не принимает всерьез версию о несчастном случае и что это официально организованное убийство с целью «снять голову у еврейской общественности». В мучительном недоумении находился еврейский артист В.Л. Зускин, ставший после смерти Михоэlsa художественным руководителем Московского государственного еврейского театра. Он помнил, как 24 ноября 1946 г., в день 25-летия его сценической деятельности, Михоэлс, как бы предчувствуя свой скорый конец, подарил ему портмоне с такого рода запиской:

«Хочешь или не хочешь, так или иначе, но, если я скоро умру, ты обязан занять мое место в театре. Готовься к этому со всей серьезностью».

А за два-три дня до рокового отъезда в Минск Михоэлс, усадив напротив себя зашедшего к нему в кабинет Зускина, печально произнес, указывая на свое рабочее место: «Вот здесь, на этом кресле, ты скоро, очень скоро будешь сидеть...». Однако последние сомнения относительно причин гибели друга отпали после того, как на его похоронах Зускин поговорил с П.С. Жемчужиной, пришедшей отдать последний долг человеку, называвшему ее когда-то «нашей Эсфирью» и «хорошей еврейской дочерью». Улучив подходящий момент из тех шести часов, проведенных ею на панихиде и похоронах Михоэlsa, она, отведя в сторону Зускина и Фефера, чуть слышно сказала им, выразительно взглянув на покойника: «Это было убийство».

Но, пожалуй, больше других в официальной расправе над Михоэлсом был уверен поэт Маркиш. Уже 16 января, в день похорон артиста-мученика, когда его обезображенное тело с густо загримированным лицом было выставлено в зале Еврейского театра, он сочинил поэму «Михоэлс — неугасимый светильник», в которой были и такие строчки:

Разбитое лицо колючий снег занес,
От жадной тьмы укрыв бесчисленные шрамы,
Но вытекли глаза двумя ручьями слез,
В продавленной груди клокочет крик упрямый:
— О Вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, убитый, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой парод, сберег,
Чтоб ты узнала нас, взглядевшись в эти раны.

...Течет людской поток — и счета нет друзьям,
Скорбящим о тебе на траурных поминках,
Тебя почтить встают из рвов и смрадных ям
Шесть миллионов жертв, запятанных, невинных.

Через несколько лет, на суде, Маркиш, борясь за собственную жизнь, вынужден будет заявить, что стихотворение это родилось в горячке, в состоянии аффекта, и из девяности строк, его составляющих, он написал всего двенадцать, а остальные сочинили другие поэты. К тому же, как он утверждал, стихотворение никогда не было опубликовано, что тут же было опровергнуто присутствовавшим в зале суда Фефером, сказавшим, что оно было напечатано на еврейском языке в «Эйникайт».

Входивший в окружение Сталина и знавший значительно больше простых смертных, Л.М. Каганович, который был знаком с Михоэлсом с момента своего первого посещения Еврейского театра в 1936 году, послал в те скорбные дни к родным артиста свою племянницу Юлию (дочь застрелившегося в 1941 году брата Михаила), через которую передал им настоятельный совет «никогда никого ни о чем» не расспрашивать⁵⁹.

Советское еврейство скорбело. Оно потеряло в лице Михоэлса учителя, мудрого рабби, свою национальную опору. Хотя в большинстве своем евреи в СССР к тому времени были ассимилированы и отошли от родного языка и традиционной культуры, многие из них восприняли эту кончину как национальную трагедию. Чтобы отвести от себя подозрения, власти тогда решили продемонстрировать, что разделяют это горе. Накануне похорон «Правда» вышла с пространным и прочувствованным некрологом, в котором Михоэлс был назван «активным строителем советской художественной культуры», «крупным общественным деятелем, посвятившим свою жизнь служению советскому народу». 17 января публикуется сообщение ТАСС о прощании с Михоэлсом в зале Еврейского театра. В нем был приведен фрагмент выступления Фадеева на состоявшейся там днем ранее гражданской панихиде. Ставший через год яростным гонителем еврейских литераторов и так называемых космополитов, он пока называл погибшего артиста «человеком на редкость цельным, жизнелюбивым, с кристально чистой душой». Следом на широкий экран была выпущена документальная хроника похорон Михоэлса, ГОСЕТу присваивают его имя, устраиваются вечера памяти великого артиста, на которых выступает элита русской и еврейской культуры. 27 апреля на заседании президиума ЕАК Шимелиовичу, как близкому другу Михоэлса, поручили даже обратиться в Моссовет с предложением о переименовании Малой Бронной в улицу Михоэлса⁶⁰.

Уничтожив своего личного врага, Сталин делал, таким образом, все возможное, чтобы спрятать, так сказать, концы в воду, обставив смерть Михоэлса в глазах общественности как трагическую случай-

ность. Диктатор понимал, что, если вскроется вдруг правда о гибели еврейского артиста, СССР будет грозить серьезные международные осложнения. Ведь общественный резонанс, который вызвала в мире смерть Михоэлса, был впечатляющим. Из США, Австралии, Франции, Аргентины, Палестины, Югославии, других стран были получены сообщения о массовых собраниях, посвященных его памяти. В Нью-Йорке Американский комитет еврейских писателей, художников и ученых 14 февраля организовал в Манхэттене массовый митинг в честь погибшего артиста, на котором присутствовало более 2 тыс. человек. Со всего мира в Москву стекались телеграммы с выражением сочувствия и соболезнования, подписанные в том числе А.Эйнштейном и М. Шагалом^{*61}.

ПРОВОКАЦИОННАЯ РОЛЬ МГБ

В партийных верхах в это время решался вопрос о преемнике Михоэлса, причем в аппарате ЦК ВКП(б) обсуждались не просто кандидатуры нового председателя ЕАК, а проект радикальной кадровой чистки комитета. В марте—апреле 1948 года руководство ОВП ЦК обратилось к секретарям ЦК Сулову и Кузнецову, прося их «с целью оздоровления обстановки в Еврейском антифашистском комитете и превращения его в работоспособный орган по сплочению демократических еврейских сил за рубежом» вывести из его президиума И.С. Фефера, А.Н. Фрумкина, С.З. Галкина, Л.С. Штерн, С.Л. Брегмана, Д.Р. Бергельсона, Г.М. Жица, И.С. Юзефовича, Л.М. Квитко и др. Новый состав президиума предлагалось сформировать на основе преемственности (сохраняя в нем таких прежних членов, как Я.Г. Крейзер, М.И. Губельман, Б.А. Шимелиович, В.Л. Зускин, П.Д. Маркиш, Л.Р. Гонор, Л.А. Шейнин и Г.М. Хейфец) и за счет «кадрового освежения» (путем ввода туда поэта С.Я. Маршака, архитектора Б.М. Иофана, генерала Д.А. Драгунского, композиторов М.И. Блантера и И.О. Дунаевского, скрипача Д.Ф. Ойстраха, писателя Б.Л. Горбатова, балерины М.М. Плисецкой и др.). На пост председателя ЕАК выдвигались кандидатуры Збарского, Крейзера, Маршака и Иофана. Со своей стороны, члены президиума ЕАК Шимелиович, Брегман и Шейнин, явившись в ЦК, предложили назначить главой ЕАК старого большевика Б.М. Волина⁶².

* Диссонансом в этом общем хоре прозвучал только голос еврейского писателя М. Борейшо, который 17 января опубликовал в нью-йоркской еврейской газете «Дер тог» статью, в которой напомнил о том, что в 1943 году Михоэлс прибыл в США «с определенным заданием от своего правительства» и, «исполняя некую политическую игру», повторял тогда на митингах «вызубренные ранее слова».

Однако дальше намерений дело не пошло, так как Сталин, а значит, и МГБ СССР совершенно по-иному смотрели на будущее ЕАК и их не мог устроить этот по сути паллиативный проект. Тем более, что министр Абакумов и его ближайшее окружение, окрыленные похвалой Сталина (а также посыпавшимися, как из рога изобилия, орденами, премиями, повышениями в званиях и должностях) за успешную операцию по физическому устранению Михоэлса, вошли, что называется, во вкус и сразу же стали инспирировать еще более масштабную провокацию: дело об американско-сионистском центре в СССР, сформировавшемся якобы под прикрытием Еврейского антифашистского комитета. На Лубянке была запущена машина поиска, сбора и фабрикации дискредитировавших ЕАК материалов, формально необходимых для запрета деятельности комитета и получения от Сталина санкции на арест его руководства. Заместитель начальника следственной части МГБ по особо важным делам М.Т. Лихачев стал допрашивать З.Г. Гринберга, арестованного по делу Аллилуевых, уже исключительно исходя из этих соображений. 1 марта от него были получены показания о том, что «после возвращения Михоэлса и Фефера из Америки в 1943 году ЕАК находился под влиянием американцев» и что «проводимая ими под прикрытием антифашистского комитета вражеская работа против Советского правительства направляется именно американцами». Но мастера политической мистификации на Лубянке не довольствовались этим. Поскольку после тайной расправы над Михоэлсом «сионистом № 1» в глазах руководителей МГБ стал Лозовский, то 19 апреля они заставили Гринберга подписать протокол, в котором впервые речь зашла о «преступной деятельности» бывшего руководителя СИБ. Исходя из народной мудрости про то, что всяко лыко в строку, параллельно на него велся и поиск архивного компромата. В результате в протоколе допроса давно расстрелянного А.И. Рыкова от 29 июня 1937 г. были обнаружены показания о том, что Лозовский принадлежит к «прослойке партийных деятелей, которые недовольны суровостью дисциплины пролетарской диктатуры и жаждут свободы личности». Кроме того, в конце 1947 — начале 1948 года были произведены аресты лиц, близко знавших Лозовского по работе в СИБ: руководителя отдела печати Е.И. Долицкого, редактора-переводчика Я.Я. Гуральского, заведующего отделом фотоинформации Г.З. Соркина, бывшего английского подданного Г.В. Ханна и др. Одного из них, Соркина, с 24 января по 22 февраля 1948 г. почти ежедневно подвергали в Лефортовской тюрьме зверским пыткам, истязая резиновыми палками и требуя от него показаний о шпионской деятельности Лозовского и руководителей ЕАК, которые будто бы «продались американцам и сионистам». Заодно ему инкриминировали передачу «секретных» фотоматериалов о технологии производства антиракового препарата «КР», строительстве плотины на озере Севан в Армении и Кав-

казского металлургического комбината американскому журналисту Р. Магидову, которого, обвинив в шпионаже, тогда же выслали за пределы СССР. После того как из Соркина выпотрошили все, что было можно, его приговорили к 25 годам лагерей. Такой же срок получил от Особого совещания 14 сентября 1949 г. и Ханна, а Долицкому и Гуральскому повезло больше: им дали по десять лет лагерей каждому⁶³.

26 марта 1948 г. Абакумов представил в Совет министров СССР (Сталину и Молотову) и ЦК ВКП(б) (Жданову и Кузнецову) странную записку (подготовленную, кстати, вышеупомянутым участником операции по ликвидации Михоэлса Шубняковым), в которой Лозовский характеризовался как покровитель еврейских националистов и были изложены итоги как бы первого этапа розыскных действий, имевших целью сформулировать и обосновать предварительное обвинение против ЕАК. О серьезности и тяжести этих обвинений достаточно красноречиво свидетельствуют следующие выдержки из этого документа:

«Министерством государственной безопасности СССР в результате проводимых чекистских мероприятий устанавливается, что руководители Еврейского антифашистского комитета, являясь активными националистами и ориентируясь на американцев, по существу проводят антисоветскую националистическую работу. Особенно заметно проамериканское влияние в работе Еврейского антифашистского комитета стало сказываться после поездки руководителей комитета Михоэлса и Фефера в Соединенные Штаты Америки, где они установили контакт с видными еврейскими деятелями, часть из которых связана с американской разведкой. Бывший председатель президиума комитета Михоэлс С.М., известный еще задолго до войны как активный националист, был своего рода знаменем националистически настроенных еврейских кругов. ... Михоэлс и его единомышленники, как выявлено их агентурной разработкой и следствием по делам еврейских националистов, использовали Еврейский антифашистский комитет как прикрытия для проведения антисоветской работы. ... По агентурным данным, члены Еврейского антифашистского комитета Фефер, Квитко, Бергельсон, Маркиш и другие связаны с еврейскими националистами Украины и Белоруссии... МГБ УССР в Киеве разрабатывается еврейская националистическая группа, возглавляемая членом президиума Еврейского антифашистского комитета Гофштейном Д.Н. ... В Белоруссии органами МГБ выявлена и разрабатывается еврейская националистическая группа, возглавляемая членом Союза советских писателей Белоруссии Платнером И.М. ... Агентурными наблюдениями выявлено, что участники националистических групп на Украине и в Белоруссии через Еврейский антифашистский комитет установили связь с еврейскими националистическими деятелями, приезжавшими в Советский Союз из-за границы. ... Среди арестованных в последнее время еврейских националистов МГБ СССР разоблачен ряд американских и английских шпионов, которые, будучи враждебно настроены против советского строя, вели подрывную работу»⁶⁴.

Доклад Абакумова носил информационный характер и не содержал каких-либо конкретных предложений в отношении ЕАК. Руко-

водство советской политической полиции, таким образом, сочло за благо для себя дожидаться «соответствующих» указаний сверху, нисколько не сомневаясь в том, что таковые вскоре последуют, и потому день ото дня наращивало тайную слежку и сбор компромата против «сионистского подполья» в СССР. В то же время, стремясь как можно быстрее добиться наибольшей свободы действий для себя, руководство МГБ СССР, используя министра госбезопасности Белоруссии Цанаву, инспирировало представление в Кремль еще одного материала о «происках еврейских националистов». Это была записка, направленная 13 апреля Сталину и Молотову первым секретарем компартии этой республики Н.И. Гусаровым, который бил тревогу по поводу попыток американских разведслужб и международных сионистских организаций привести эмиграционные настроения в среду белорусских евреев посредством вовлечения их в широкую переписку, другие формы общения (посылки, информационный обмен и т.д.) с сородичами за рубежом, создания еврейских нелегальных националистических организаций и религиозных общин⁶⁵.

В том виде, в каком деятельность ЕАК была представлена МГБ Сталину, последний не мог не усмотреть дерзкий вызов себе лично и созданной им системе. Ведь с самого начала комитет создавался как сугубо пропагандистская организация, специализирующаяся на информационной обработке Запада и выкачивании оттуда финансовых средств. И за такого рода деятельность руководителям ЕАК позволялось многое: иметь приличное жалованье, возможность печататься и получать гонорары за рубежом, принимать и распределять подарки и посылки из-за границы и, наконец, выезжать туда. Наряду с комфортабельными квартирами, дачами, наградами, депутатством и прочими номенклатурными благами все это полагалось за одно только послушание и неукоснительное соблюдение установленных системой правил игры. Однако Михоэлс и его единомышленники вольно или невольно перешли грань дозволенного. Их уже не устраивало фальшивое положение пропагандистов мудрой национальной политики Сталина, им хотелось на деле выражать волю, чаяния и национальные интересы своего народа. Тем самым они покушались на монополию сталинской аппаратной власти, что было вопиющей дерзостью и не могло остаться безнаказанным. Кроме того, МГБ обрисовало дело так, будто бы ЕАК стремился занять позицию легитимного представителя советских евреев и на международной арене, что воспринималось особенно болезненно сталинской системой с присущей ей ксенофобией. Однако в ответ на давление МГБ, которое как бы уже вынесло активу ЕАК предварительный смертный приговор, «инстанция» не торопилась с решительными выводами. И на то были свои причины, самая существенная из которых заключалась в том, что судьба ЕАК оказалась на весах мировой политики.

РАЗВЯЗКА ЕВРЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В ПАЛЕСТИНЕ И ЕЕ КУЛЬМИНАЦИЯ В СССР

По окончании Второй мировой войны, когда процесс создания еврейского государства на Ближнем Востоке значительно активизировался, Сталин, хотя пока и не грезил об обретении СССР военно-политического форпоста в этом стратегическом регионе мира (поскольку тот не входил в советскую сферу влияния), тем не менее рассчитывал создать условия для достижения этой цели в будущем. Помимо этого, он вполне мог надеяться на то, что, представ перед мировой общественностью в образе друга мирового еврейства (а это, разумеется, исключало одновременную открытую расправу с собственными евреями), ему, свято чтящему завет Ленина об «обязательном (выделено в тексте. — *Авт.*) самым тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании... всякой, хотя бы малейшей трещины между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран» (ПСС. — Т. 41. — С. 54–55), удастся в пику пропагандистским декларациям Запада об англосаксонской солидарности превратить Палестину в яблоко раздора между США и Великобританией*. Благо по окончании Второй мировой войны возникли некоторые трения между этими государствами в процессе разрешения проблемы европейского еврейства. Уже 31 августа 1945 г. президент США Г. Трумэн обратился к премьер-министру Великобритании К. Эттли с предложением пропустить в подмандатную Палестину одновременно 100 тыс. евреев Европы из числа перемещенных лиц. Однако британское правительство, считавшее, что оно и так уже много сделало, приняв там в 1919–1945 годах 373 тыс. евреев, отклонило эту просьбу и не пошло на отмену ранее установленной ежегодной 18-тысячной въездной квоты. Спустя год Трумэн повторил свою просьбу и вновь получил отказ. Такая настойчивость главы американского государства объяснялась в значительной мере тем, что тот находился под сильным влиянием сионистов, заметно активизировавших свою общественно-политическую деятельность в этой стране, чему способствовали и переезд после войны штаб-квартиры ВСО из Лондона в Нью-Йорк, и наличие в США самой крупной в мире еврейской общины (5 млн. человек), и то обстоятельство, что около 20% американского среднего и крупного бизнеса находилось в руках представителей этой национальности, имевших довольно сильное лобби в правительственных и представительских структурах власти страны. Только в 1947 году американские евреи пожертвовали 170 млн. долларов на Палестину⁶⁶.

* В 1928 году Сталин утверждал, что в «лагере капиталистов основным противоречием стало противоречие между капитализмом американским и капитализмом английским» (Сталин И.В. Соч. — Т. II. — С. 198).

Помимо влиятельных вашингтонских политиков на стороне сионистов стояли также крупные американские промышленники и финансисты, руководившие нефтяными компаниями, захватившими к тому времени значительную часть богатейших ресурсов углеводородного сырья на Ближнем Востоке и заинтересованных посредством создания дружественного еврейского государства в установлении американской военно-политической и экономической гегемонии в этом районе мира.

Опираясь, таким образом, на мощную поддержку заинтересованных американских кругов, сионисты сумели в первые послевоенные годы развернуть широкую нелегальную иммиграцию европейских евреев в Палестину и провести боевое оснащение сионистских вооруженных сил, прежде всего сформированной в 1920 году тайной боевой организации «Хагана» («Защита»). В результате вооруженный натиск еврейских националистов на британцев, традиционно опиравшихся на арабскую феодальную элиту, нарастал так стремительно, что уже 2 апреля 1947 г. Англия, поняв, что развитие событий в Палестине выходит из-под ее контроля, передала вопрос об этой подмандатной территории на рассмотрение ООН.

Выступая 14 мая на сессии Генеральной Ассамблеи этой международной организации, постоянный советский представитель А.А. Громыко впервые от имени СССР признал право евреев на собственное независимое государство, очень эмоционально мотивировав это теми огромными жертвами, которые понес этот народ в годы войны. Первоначально и советская делегация, и ООН в целом склонялись к созданию двуединого арабо-еврейского государства. Однако уже через несколько месяцев стало очевидным, что враждебность между 650 тыс. евреев и 1337 тыс. арабов Палестины столь остра, что этот вариант нереален. Поэтому в качестве альтернативы в конце ноября была выдвинута идея сепаратной государственности для этих народов. Советский Союз, и ранее поддерживавший еврейских националистов в пику англичанам, стал активным приверженцем этого проекта. В качестве основного аргумента в пользу восстановления еврейской государственности Громыко вновь привел в стенах ООН тот довод, что такой способ решения палестинской проблемы как нельзя лучше способствует достижению исторической справедливости, ибо «в результате войны, навязанной гитлеровской Германией, евреи как народ потерпели больше, чем какой-либо другой народ»*. В итоге 29 ноября была принята резолюция ООН № 181, предусматривавшая отмену в скором будущем британского мандата на Палестину и раздел ее на два самостоятельных государства — араб-

* По утверждению российского журналиста З.С. Шейниса, речи Громыко по палестинскому вопросу готовились советником МИДа Б.Е. Штейном (67).

ское и еврейское. Впоследствии министр иностранных дел Израиля М. Шарет* вынужден был признать:

«Если бы не их (СССР и его союзников. — Авт.) позиция тогда, то весьма сомнительно, чтобы мы получили поддержку со стороны США идеи создания еврейского государства...»⁶⁸.

И в самом деле, если СССР решительно поддержал евреев Палестины, то политика США в ближневосточном регионе не была столь однозначной. Проголосовав за резолюцию от 29 ноября, официальный Вашингтон тем не менее на деле симпатизировал англичанам, а значит, и поддерживаемым ими арабам. Такая внешнеполитическая линия во многом объяснялась антиеврейскими настроениями, царившими тогда в американском государственном департаменте. Весьма консервативное руководство этого ведомства склонно было даже считать, что между Сталиным и «сионистским большевиком» Д. Бен-Гурионом (председатель исполкома ВСО и правления Еврейского агентства для Палестины — «Сохнута»), который в начале 20-х годов восторгался Лениным («великим человеком», обладавшим «острым умом»), заключено некое тайное соглашение и будущее еврейское государство явится чуть ли не советским троянским конем на Ближнем Востоке.

Когда после одобрения ООН курса на создание отдельного еврейского государства в Палестине начались межобщинные кровавые столкновения, США вместе с Великобританией стали инициаторами введения в конце 1947 года международного эмбарго на поставки оружия на Ближний Восток. От этого запрета пострадали в основном евреи, лишившиеся оружия из США, в то время как арабы продолжали тайно снабжаться им англичанами. В американской администрации наиболее последовательными противниками идеи военной помощи палестинским евреям были министр обороны Д. Форрестол, директор ЦРУ Р. Хилленкойтер и государственный секретарь Д. Маршалл, которые в какой-то мере противопоставили себя просионистски ориентированному президенту Трумэну. Все это привносило определенную двойственность в ближневосточную политику США.

Получилось так, что единственной страной, на официальную благосклонность которой могли полностью рассчитывать сионисты, оказался в ту пору Советский Союз. Не случайно поэтому со второй половины декабря 1947 года они инициировали серию тайных встреч с советскими дипломатами в Нью-Йорке. В результате этих переговоров — сначала с временным поверенным в делах СССР в США С.К. Царапкиным, а потом с Громыко — зависимая от СССР Чехословакия прекратила налаженную ранее торговлю оружием с арабами и совместно с Югославией создала нелегальный канал поставки

* До марта 1949 года Шарет носил фамилию Шерткок.

трофейного немецкого вооружения евреям Палестины, со стороны которых за переправку вооружения из Чехословакии на Ближний Восток отвечал тайный эмиссар «Хаганы» И. Ариэль, ставший потом первым послем Израиля в Праге. По заданию Бен-Гуриона он тайно встретился в Париже с представителем чехословацкого правительства, в результате чего подписывается первый контракт на приобретение стрелкового оружия и патронов. Закупки осуществлялись в том числе и за счет тех 50 млн. долларов помощи американских евреев, которые были привезены из США Г. Меир в марте 1948 года. Всего до мая Прага поставила сионистам 24 500 винтовок, более 5000 легких пулеметов, 200 средних пулеметов, 54 млн. патронов и 25 трофейных «Мессершмиттов». Несмотря на английскую блокаду, тайная транспортировка оружия осуществлялась морем (судном «Нора») и даже дальней авиацией по воздуху. Обслуживанием авиатехники занималась группа механиков из числа американских сионистов. В этой операции в качестве пилота принял участие Э. Вейцман, племянник первого президента Израиля Х. Вейцмана, который в молодости был активным членом экстремистской «Иргун цвай леуми» («Национальная вооруженная организация», основана в 1938 г.), но став в 1993 году президентом Израиля, превратился из «ястреба» в «голубя»⁶⁹.

Помогая вооруженной борьбе евреев на Ближнем Востоке, Советский Союз одновременно продолжал содействовать сионистам и в дипломатической сфере. Он, скажем, торпедировал в Совете Безопасности ООН шедшее вразрез с резолюцией от 29 ноября 1947 г. предложение американцев от 19 марта об установлении опеки ООН над Палестиной. Вот что заявил тогда советский представитель С.К. Царапкин:

«Никто не может оспаривать высокий уровень культурного, социального, политического и экономического развития еврейского народа. Такой народ опекать нельзя. Этот народ имеет все права на свое независимое государство»⁷⁰.

Пик советско-сионистского сотрудничества пришелся на 14 мая 1948 г., когда следом за заявлением Лондона о прекращении действия мандата на Палестину и выводе оттуда своих войск в Тель-Авиве на заседании Еврейского национального совета было провозглашено создание Государства Израиль. В отличие от США* Советский Союз признал тогда Израиль де-юре. Этот дружественный жест Москвы, имевший место 18 мая, был жизненно важен для новорожденного государства, которое уже четвертый день как находилось в состоянии войны со своими соседями — странами Арабской лиги:

* Американцы признали временное правительство нового государства лишь де-факто, хотя Трумэн сделал это немедленно. Видимо, Белому дому так и не удалось тогда взять верх над проанглийски настроенными высокопоставленными чиновниками государственного департамента.

Египтом, Сирией, Ливаном, Трансиорданией, Ираком, Саудовской Аравией, Йеменом — и египетские «спитфайеры» уже всю бомбили Тель-Авив. Москва «при всем сочувствии к национально-освободительному движению арабских народов» не только официально осудила тогда эту агрессию, но и через восточноевропейских сателлитов форсировала поставки оружия и боеприпасов Израилю. Параллельно Сталин дал указание Комитету информации обеспечить с помощью тайных операций поддержку интересов СССР на Ближнем Востоке, где под прикрытием еврейского эмиграционного потока* из восточноевропейских стран развертывалась советская агентурная сеть⁷¹.

Поток оружия из Восточной Европы в Израиль был столь значителен, что Вашингтон даже выступил с нотой протеста, обвинив Чехословакию в нарушении условий еврейско-арабского перемирия, установленного Советом Безопасности ООН 11 июня. Однако коммунистический мир не отказался от военной помощи молодому государству в надежде привлечь его на свою сторону⁷².

Приветствуя 17 августа вновь назначенного советского посланника, премьер-министр Израиля Бен-Гурион заявил, что израильская армия получила значительное количество оружия из Чехословакии и Югославии, в том числе артиллерию, которой у нее прежде не было совсем. Даже писатель А. Кёстлер, выпустивший в 1940 году антисоветский роман «Слепящая тьма», вынужден был признать, что «эти транспорты вызвали среди евреев чувство благодарности к Советскому Союзу, а бевинская** политика пошатнула веру в западные демократии»⁷³.

Одновременно в советских дипломатических кругах изучался вопрос о путях примирения Израиля с арабским миром. Интересно, что постоянный представитель Украины в Совете Безопасности ООН Д.З. Мануильский предлагал осенью 1948 года даже переселить палестинских арабов-беженцев (свыше 500 тыс. человек) в советскую Среднюю Азию и создать там арабскую союзную республику или автономную область⁷⁴.

Однако вскоре Сталину пришлось убедиться в том, что его политика поддержки Израиля как бы провоцирует рост национального самосознания советских евреев, вдруг почувствовавших ответственность за свободу и независимость далекой прародины. Сотням евреев,

* Летом 1948 года только иммигрантов призывного возраста прибывало в Израиль из стран Восточной Европы около 10 тыс. в месяц. В то же время США и Великобритания чинили препятствия выезду евреев в Израиль из своих зон оккупации в Европе, стремясь таким образом затушить еврейско-арабский вооруженный конфликт.

** Бевин, Эрнест — министр иностранных дел Великобритании в 1945–1951 годах, проводивший жесткий антиеврейский внешнеполитический курс на Ближнем Востоке.

писавшим, звонившим и просто приходившим в те дни в ЕАК на Кропоткинскую улицу, казалось явно недостаточным то, что руководители этой организации отреагировали на образование Израиля лишь отправкой приветственной телеграммы Х. Вейцману. Они требовали от комитета не только словом, но и делом продемонстрировать солидарность с далеким и маленьким государством, ставшим символом национального возрождения.

Магии ближневосточного чуда оказалась подвластна и вроде бы бесповоротно ассимилировавшаяся среда советского привилегированного еврейства с его коммунистическо-интернационалистской ментальностью. Жена маршала К.Е. Ворошилова Екатерина Давидовна (Голда Горбман), фанатичная большевичка, еще в юности отлученная от синагоги, в дни создания Израиля изумила своих родственников фразой: «Вот теперь и у нас есть родина»⁷⁵.

Среди обращавшихся в ЕАК — рабочих, служащих, студентов, творческой интеллигенции и даже заключенных — было много таких, кто предлагал организовать сбор средств на закупку вооружения для израильской армии. Сотрудник Ленинградского института усовершенствования врачей им. С.М. Кирова И.Б. Клионский готов был выслать в редакцию «Правды» 1000 рублей на постройку «для сражающейся армии Палестины» авиаэскадрильи «Иосиф Виссарионович Сталин». Другие сами хотели поехать добровольцами сражаться бок о бок со своими еврейскими братьями. В те дни в ЕАК побывали дважды Герой Советского Союза, полковник бронетанковых войск Д.А. Драгунский и инженер И.Г. Рогаческий, которые предлагали сформировать для отправки на Ближний Восток специальную еврейскую дивизию*. Третьи, например жители города Жмеринка Винницкой области, ходатайствовали об эмиграции в Израиль целой общиной (более 500 человек). В еврейской среде циркулировали упорные слухи о том, что после официального признания СССР Израиля все советские евреи должны автоматически получить право туда эмигрировать. При этом ссылались на Ленина, который отпустил финнов и поляков на их исторические родины, когда после Октябрьской революции те стали независимыми.

Были и такие горячие головы, которые вместо, как им казалось, нерешительного и обюроченного ЕАК требовали создать активно действующий Еврейский комитет помощи за независимость Израиля. Некто Ю.Б. Шмерлер из Новосибирска в те дни настойчиво осаждал ЕАК решительными по духу посланиями. В одном из них он писал:

* По доносу Фефера Рогаческого потом арестовали. Помимо агитации в поддержку Израиля ему инкриминировали неоднократные «националистические» обращения к Сталину, в частности в 1946 году по поводу создания еврейской республики в Крыму и открытия еврейских школ.

«На прошлой неделе я направил Вам заявление с просьбой помочь мне получить разрешение на выезд в армию Государства Израиль, сражающегося за свою независимость. Ответа я не получил. Сейчас, когда борьба идет не на жизнь, а на смерть, когда война становится все более ожесточенной, когда льется кровь наших братьев и сестер, когда арабские фашистские банды при поддержке англо-американского империализма хотят задушить, потопить в крови героический еврейский народ, мы, советские евреи, не можем молчать и сидеть в ожидании. Мы должны активно помочь беззаветным героям добиться победы, а активно участвовать — это бороться, сражаться плечом к плечу с нашими братьями. Это наш священный долг. Когда идет священная отечественная война, нельзя ждать, нужно воевать. Поэтому прошу вторично помочь мне или указать, куда обратиться по этому вопросу»⁷⁶.

Эти призывы остались без ответа. В ЕАК все они наряду с устными обращениями тщательно регистрировались, а затем вместе с адресами и телефонами заявителей передавались властям. Впоследствии эти материалы помогли госбезопасности в проведении арестов так называемых еврейских националистов и использовались как доказательство их вины.

Но это будет потом, а пока советские евреи пребывали в эйфории от создания Государства Израиль. Своего пика эти настроения достигли в первые недели осени 1948 года, что было связано с прибытием 3 сентября в Москву первого дипломатического представителя Израиля в лице Голды Мейерсон (с 1956 г. — Г. Меир). Родилась она в 1898 году в Киеве. Спустя пять лет ее отец, Моше Мабович, отправился в «золотую страну» — Америку с надеждой разбогатеть. На заработанные им деньги его семья, оставшаяся в России, смогла в 1906 году выехать в США. Там через несколько лет юная Голда включилась в сионистское движение, что предопределило ее переезд в 1921 году в Палестину. В 30-е годы она занимала руководящие посты в еврейских профсоюзах, а после войны, будучи одним из лидеров социал-демократической партии МАПАЙ, возглавила политический департамент исполкома Еврейского агентства для Палестины. Интересно, что когда в июне 1948-го стало известно о решении Тель-Авива направить Меир в Москву, заместитель министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинский обратился к Абакумову с просьбой выяснить, «не имеется ли каких-либо препятствий к допуску ее в СССР в качестве посланника Израиля». Тогда Лубянка дала указание украинским чекистам выявить по синагогальным книгам и другим архивным документам все факты, связанные с жизнью в Российской империи семьи и родственников будущего израильского посланника. Однако поиски в киевских архивах данных о «Мейерсон Голде Мойшевне» закончились безрезультатно.

Свой вклад в сбор материалов для персонального досье на членов первой израильской дипломатической миссии в Москве внесла и советская внешняя разведка в лице Комитета информации. 8 сентября

1948 г. по сведениям, полученным от первого советского резидента в Тель-Авиве В.И. Вертипороха*, первый заместитель председателя этого комитета П.В. Федотов представил Абакумову аналитические характеристики на Меир («убежденная сионистка с большим стажем практической работы, не знает русского языка»), советника миссии Намира (Немировского) Мордехая Ицхаковича («бывший руководитель правых сионистов-социалистов в Одессе. В Советском Союзе подвергался репрессиям, настроен антисоветски... Мейерсон и Намир имеют персональное задание от руководства партии МАПАЙ наладить контакт с евреями в Советском Союзе и найти путь для включения их в активную общесионистскую деятельность»), военного атташе Ратнера Иоханна («...уроженец Одессы, профессор архитектуры, бывший солдат Третьего Самарского гренадерского полка Московской дивизии в царской армии. В Палестине находится 29 лет, из них 20 лет служит в еврейской военизированной организации «Хагана»... Имеет звание полковника генерального штаба. Назначение Ратнера в Москву связано якобы с необходимостью максимально точно и квалифицированно обрисовать истинное военно-стратегическое положение Израиля непосредственно перед советским правительством. Характеризуется положительно») и других израильских дипломатических представителей в Москве.

В качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра Государства Израиль Г. Меир 7 сентября была принята Молотовым, а спустя три дня вручила верительные грамоты в Кремле заместителю председателя президиума Верховного Совета СССР И.А. Власову. Однако, будучи профессиональным политическим пропагандистом, она придавала неформальному общению с советским еврейством куда большее значение, чем этим и другим протокольным мероприятиям. Уже 11 сентября, то есть в первую субботу своего пребывания в советской столице, Меир посетила хоральную синагогу, где от нее в торжественной обстановке были приняты привезенный из Израиля свиток Торы и благодарственное пожертвование за теплый прием в сумме 3500 рублей. Как докладывал потом Молотову председатель Совета по делам религиозных культов И.В. Полянский, далее события развивались следующим образом:

«...По просьбе советника посольства г-на Намира мужчины — члены посольства были приглашены к чтению Торы, а посол г-жа Мейерсон, находившаяся, как этого требует религиозная традиция, во время чтения молитвы на «женской половине» (на хорах), по окончании ее сошла в главный зал, подошла к раввину, церемонно поклонилась ему, произнесла на древнееврейском языке приветствие и заплакала»⁷⁷.

* В годы Второй мировой войны Вертипорох возглавлял советскую резидентуру в Иране, отвечал за обеспечение безопасности на встрече «большой тройки» в Тегеране. Из Израиля был отозван в 1953 году.

В московской синагоге Меир потом была неоднократно, и каждый ее визит туда сопровождался значительным наплывом ликующего еврейства. Массовым столпотворением был отмечен и приезд израильского посланника 16 сентября в Московский еврейский театр. Эти наглядные выплески еврейского национализма, разумеется, обратили на себя внимание Сталина, который мириться с подобной самодеятельностью, конечно, не собирался и потому, видимо, уже тогда стал задумываться об ответных радикальных мерах*.

Первым признаком надвигавшейся антиеврейской грозы стал арест в Киеве 16 сентября поэта и члена президиума ЕАК Д.Н. Гофштейна, который незадолго до этого направил Меир телеграмму о том, что мучило его начиная с 20-х годов — о необходимости возрождения иврита в СССР. Однако в Москве пока никого не трогали. Сталин, видимо, еще колебался, стоя перед выбором между силовыми методами, за которые ратовало МГБ, и бескровным сценарием административного решения еврейской проблемы, который предлагали чиновники со Старой площади.

ЭРЕНБУРГ И ЕГО ВЫБОР

В попытке справиться со стихийными проявлениями растущего еврейского самосознания сторонники умеренной линии в советском руководстве сделали ставку на Эренбурга, который, будучи, по словам поэта Д.С. Самойлова, «крайним западным флангом сталинизма»⁷⁹,

* О том, как отдельные, часто случайные, события порой толкали Сталина на принятие самых кардинальных мер в решении национальных проблем наглядно дают представление события, развернувшиеся в сентябре 1948 года вокруг пожара на теплоходе «Победа», перевозившего по Черному морю из Одессы в Батуми армянских репатриантов, прибывших из США. 13 сентября по настоянию Сталина, убежденного в том, что за всем этим стоят «американские разведчики, которые произвели диверсию...», было принято постановление политбюро следующего содержания: « 1). Обязать МГБ взять под учет и надзор всех переселенцев-армян, приехавших в Армению из Америки на теплоходе «Победа». 2). Обязать МГБ немедленно направить в Армению специальную группу ответственных чекистов для организации учета упомянутых выше армян... поручить этой группе немедленно арестовывать подозрительных лиц и во всяком случае никого из переселенцев не допускать в Баку, чтобы они не могли поджечь нефтепромыслы. 3). МГБ направить в Баку специального уполномоченного, чтобы вместе с местными чекистами вылавливать англо-американских диверсантов на нефтяных промыслах... 4). Безусловно и немедленно воспретить прием армянских переселенцев в Армению, откуда бы переселенцы ни направлялись» (78).

пользовался не только благорасположением вождя (в апреле 1948-го получил Сталинскую премию первой степени за роман «Буря»), но авторитетом и доверием как в международных и отечественных интеллектуальных кругах, так и у простых людей.

Последние часто обращались к нему за советом и помощью. В мае 1948 года домой к Эренбургу пришла группа еврейской молодежи, просившая его выступить в печати с призывом к советским евреям принять участие в борьбе за независимость Израиля. От такого предложения писатель, разумеется, сразу же отказался, а одному из молодых людей, студенту факультета восточных языков МГУ Л.Ф. Выдрину* посоветовал не обращаться больше с подобными просьбами к другим писателям и общественным деятелям, которые, по его словам, все равно на них не откликнутся. Напоследок он по-свойски предостерег молодого человека в том роде, что не надо ходить и заниматься такой опасной самостоятельностью, иначе все может очень плохо закончиться.

О степени популярности Эренбурга среди советского еврейства свидетельствовал хотя бы тот факт, что тогда в сотнях списков ходили по рукам приписываемые ему неумело скроенные, наивные стихи, в которых звучала вечная тема еврейского национального самопознания. По форме они представляли собой своеобразный поэтический диалог между Эренбургом и поэтессой М.И. Алигер, которая говорила словами из своей поэмы «Твоя победа», опубликованной в 1945 году в журнале «Знамя» (№ 9). В начале этого смоделированного коллективным народным творчеством разговора о национальной судьбе евреев слово брала Алигер:

В чужом жилище руки грея,
Я не осмелюсь спросить:
— Кто мы такие? Мы — евреи.
Как это смели мы забыть?!
Я спрошу у Маркса и Эйнштейна,
Что великой мудрости полны,
Может, им открылась эта тайна:
Нации пред вечностью войны?

* В годы войны Л.Ф. Выдрин, находясь на фронте, попал в плен к немцам. Чудом выжил в концлагере, из которого был освобожден англо-американскими войсками. Хотел по совету вербовщиков-сионистов поехать в Палестину, но, не решившись бросить стариков родителей, возвратился в СССР. Его отец, горный инженер Ф.И. Выдрин, был известным в своем кругу знатоком иврита и еврейской истории. Впоследствии тесно сотрудничавшие с Л.Ф. Выдриным такие еврейские активисты, как сотрудник газеты «Moscow News» Ц.Я. Плоткин, преподаватель техникума Минпищепрома СССР М.Д. Баазов (сын раввина Давида Баазова, арестованного в 1938 г. и высланного потом в Сибирь) и ученый-геолог Г.И. Прейгерзон, были арестованы госбезопасностью за буржуазный национализм.

Разве все, чем были мы богаты,
Мы не отдали без лишних слов?
Чем же перед миром виноваты
Эренбург, Багрицкий и Свердлов?..
Отвечайте же во имя чести
Племени, проклятого в веках,
Мальчики, пропавшие без вести,
Юноши, погибшие в боях.

Вековечный запах униженья,
Причитанья матерей и жен,
В смертных лагерях уничтоженья
Наш народ расстрелян и сожжен.
Танками раздавленные дети.
Этикетка «юде», кличка «жид»,
Нас уже почти что нет на свете,
Нас уже ничто не оживит...

Затем в разговор как бы вступал Эренбург*:

На ваш вопрос ответить не сумею,
Сказал бы я: нам беды суждены.
Мы виноваты в том, что мы евреи,
Мы виноваты в том, что мы умны.
Мы виноваты в том, что наши дети
Стремятся к знаниям и мудрости живой.
И в том, что мы рассеяны по свету
И не имеем родины одной.

И сотни тысяч жизней не жалея,
Прошли и мы, достойные легенд,
Чтоб после услышать: «Кто, кто, евреи?
Они в тылу сражались за Ташкент».
Чтоб после мук и пыток Освенцима,
Кто смертью был случайной позабыт,
Кто растерял всех близких и любимых,
Услышать мог: «Вас мало били, жид!»...

Нас задавить хотели в грязных гетто,
В печах спалить и крови утопить.
Но верю я, что несмотря на это,
Товарищ Алигер, мы будем жить. ...
И сотни тысяч новых маккавеев
Мы возродим грядущему в пример.
И я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер⁸⁰.

* Приводимый вариант стихов был направлен Эренбургу из г. Сталино (Донецк) украинской студенткой Еленой Сотник, которая случайно обнаружила их у своей подружки-еврейки, обвиненной потом в национализме.

Это были не просто стихи. За приведенными строчками без труда угадывались мучительные попытки маленького народа ответить на вопросы, порожденные войной и усилившимся антисемитизмом, стремление к самовывживанию и обретению новой национальной перспективы, причем явно вне рамок советского патриотизма и директивной ассимиляции, а на путях национально-исторического возрождения.

Наибольшую активность в этих поисках проявляла еврейская молодежь. Мало кто знает, что в сентябре 1948 года в Московском государственном университете возникла неформальная общественная группа, в которую вошли главным образом студенты-евреи старших курсов: М.А. Акивис, В.А. Эдельштейн, А.Х. Лившиц, Н.Я. Гиндина, Л.В. Гольдштейн, О.К. Будневич и другие. Лидером стал студент пятого курса механико-математического факультета Эдельштейн, член партии, инвалид советско-финляндской войны (отморозил пальцы левой стопы) и участник Великой Отечественной, на которую пошел вместе с народными ополченцами Краснопресненского района столицы. Он подготовил устав группы, ее гимн, предложил название («Тесное содружество»), эмблему и девиз. Собрания носили характер приятельских вечеринок и проходили поочередно у кого-нибудь на квартире, обычно в праздники и дни рождения. В ноябре на одной из таких встреч читалось и обсуждалось воспроизведенное выше стихотворение. Особого секрета из всего этого молодые люди не делали, беспечно полагая, что ничего противозаконного они не совершают. Однако университетское начальство, узнавшее об этих «подозрительных» посиделках в марте 1949 года, расценило их по-иному, изгнав очень скоро всех евреев, принимавших в них участие, сначала из партии и комсомола, а потом и из университета. Несогласный с таким решением Эдельштейн стал добиваться его отмены. В конце концов он дошел до заместителя председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова, которого в ходе состоявшейся между ними беседы стал наивно упрашивать положить конец антисемитизму, царившему в стенах университета. Но партийный бонза, происходивший из крестьян Тульской губернии и имевший за плечами лишь начальное образование, сразу же прервал посетителя риторическим вопросом: «Почему же все-таки русский не обижается, когда, допустим, украинец обзовет его кацапом, а еврей впадает в истерику, если его назовут жидом?» После столь циничной фразы надежды Эдельштейна на торжество справедливости и на то, что его восстановят в партии и позволят закончить университет, моментально улетучились. Так и произошло. Только в 1970 году ему все же удалось получить диплом о высшем образовании⁸¹.

Такие достаточно ассимилированные евреи, как Эдельштейн и его товарищи, относились к Эренбургу с глубочайшим пиететом, продолжая верить ему (пока их не разуверили чиновники наподобие

Шкирятова), даже какое-то время после публикации в «Правде» 21 сентября 1948 г. его статьи «По поводу одного письма», ставшей как бы последним предупреждением сверху домороженным романтикам сионизма. Статья была написана в форме ответа на письмо некоего Александра Р., студента-еврея из Мюнхена, который как бы жаловался Эренбургу на антисемитизм в Западной Германии и в качестве универсального решения еврейской проблемы предлагал эмиграцию в Израиль. На самом деле никакого Александра Р. в реальной жизни не существовало. С самого начала эта публикация была инициирована Сталиным, который с ее помощью вознамерился как бы подвести черту под семилетним периодом заигрывания СССР с мировым сионизмом. То, что это было именно так, видно из следующей записки, направленной ему Маленковым 18 сентября вместе с оттиском статьи:

«Перед отъездом (в отпуск. — *Авт.*) Вы дали указание подготовить статью об Израиле. Дело несколько задержалось из-за отсутствия в Москве Эренбурга. На днях Эренбург прибыл. Мы с Кагановичем, Поспеловым и Ильичевым имели с ним разговор. Эренбург согласился написать статью...».

Поскольку после просмотра оттиска на нем появилась сделанная рукой Поскребышева помета: «Товарищ Сталин согласен»⁸², можно заключить, что с еще одним заданием Кремля Эренбург тогда справился успешно.

Итак, благодаря нехитрой, и в общем-то обычной в журналистике мистификации Эренбург получил возможность, используя свою широкую эрудицию и талант блестящего полемиста, выполнить ту двудеятельную задачу, ради которой, собственно, он и был ангажирован сталинской пропагандой: поддержать советский внешнеполитический курс в отношении Израиля и развенчать в то же время в глазах советского еврейства сионизм как идею всемирного братства евреев. Причем, чтобы исполнить кремлевский заказ, писателю не нужно было, что называется, наступать на горло собственной песне. Имея психологию космополита и убеждения антисиониста, он придерживался того мнения, что евреи подобны соли земли, которая в малых количествах (евреи в рассеянии) придает пище вкус, а при чрезмерной концентрации (создание еврейского государства) — способна отравить почву и сделать ее бесплодной⁸³.

Лейтмотивом статьи послужил тот тезис, что солидарность евреев, их стремление к единению отнюдь не базируются на неких неопределенных и существующих лишь в воображении сионистов общенациональных узах, а вызваны реальной жизненной необходимостью коллективной защиты от общего для всех евреев зла — антисемитизма. Поясняя эту мысль, Эренбург отмечал:

«Если бы завтра нашелся какой-нибудь бесноватый, который объявил бы, что все рыжие люди или все курносые подлежат гонению и должны

Быть уничтожены, мы увидели бы естественную солидарность всех рыжих или всех курносых. Неслыханные зверства немецких фашистов, провозглашенное ими и во многих странах осуществленное поголовное истребление еврейского населения, расовая пропаганда, оскорбления сначала, печи Майданека потом — все это родило среди евреев различных стран ощущение глубокой связи. Это солидарность оскорбленных и возмущенных»⁸⁴.

Но за этими правильными в общем-то словами следовал лукавый и по сути фальшивый вывод о том, что поскольку в СССР ленинско-сталинская национальная политика давно покончила с антисемитизмом (на самом деле Эренбург еще во время войны имел возможность убедиться в обратном), значит, советским евреям нечего беспокоиться: проклятый еврейский вопрос для них просто не существует, и потому «они смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в будущее»⁸⁵.

Натужно-оптимистический пафос статьи Эренбурга, написанной им, возможно, с благой целью избежать обоюдного экстремизма на политической оси «евреи — большевистская власть», не загасил, а еще больше накалил бушевавшие страсти. Евреи, плененные магией национализма, не услышали прозвучавший призыв к благоразумию и покорности, но зато почувствовали в подтексте статьи своего рода идеологический коллаборационизм с ассимиляторским режимом. В «Правду», а также в газету «Эйникайт», перепечатавшую статью и поддержавшую ее тезисы⁸⁶, пошел вал критических писем.

«Кто дал право Эренбургу говорить от имени евреев? — спрашивал один из читателей еврейской газеты и продолжал: — Как известно, Эренбург никогда не интересовался общественной жизнью евреев. Интересно, видел ли он вообще евреев? Эренбург... из тех «парижских» советских патриотов, которые, если бы их Гитлер не вытолкнул оттуда, не вспомнил, что мать его Ханна... * Возможно, что у Эренбурга общего с евреями столько, сколько имеют курносые с курносыми или рыжие с рыжими, когда они чувствуют, что их преследуют... Эренбург сравнивает Израиль с пароходом, на котором едут евреи, спасшиеся от Майданека. Если бы француз так говорил о Франции, то французский народ разорвал бы его на куски. К сожалению, евреи этого себе разрешить не могут, они только питают злобу к нему и ненависть. Пусть Эренбург знает, что проклятие народа его настигнет и он не смеет его никогда».

Другой читатель выразился также без обиняков:

«По Эренбургу... евреи должны ассимилироваться... Если Михозлс прочитал бы на страницах «Эйникайт» статью Эренбурга, он бы содрогнулся в своей могиле от злобы и горя... Еврейский народ не желает слушать советы Эренбурга».

* В августе 1941 года Эренбург, выступая на антифашистском еврейском радиомитинге, заявил: «Я вырос в русском городе. Мой родной язык — русский. Я — русский писатель. Сейчас я, как все русские, защищаю мою родину. Но наци напомнили мне и другое: мою мать звали Ханной. Я — еврей. Я говорю это с гордостью» (87).

Приходили и стихотворные послания:

Чему верить? Где же Ваши мысли?
В строках из «Правды» или в ответе Алигер?
Где лжете Вы, еврейский Квислинг?
Где правду пишете — тогда или теперь? ...

Чего вы ищете? Почета? Денег? Славы?
Неужто мало Вам презренного добра?
Иль, может быть, попутал Вас лукавый
И вы решили заменить нам Бар-Кохба*?

Святая простота! Да Вам ли быть героем?
В вождах не может быть пластун и вечный раб.
Не Вам, писателю без родины, изгою,
Вести народ еврейский на врага...⁸⁸

И хотя в этом потоке осуждения и раздражения звучали и более умеренные нотки, однако и в них присутствовал укор Эренбургу**. Это было полное фиаско человека, попытавшегося ответить на национальный вызов сугубо прагматически, в духе изолированного оппортунизма и той расхожей формулы, согласно которой политика — это не более чем искусство возможного.

Моральное поражение писателя и стоявшей за ним умеренной советской номенклатуры стало особенно очевидным 4 октября 1948 г. В тот день в московской хоральной синагоге началось празднование еврейского Нового года (Рош ха-Шана). По такому знаменательному случаю туда прибыли израильские дипломаты во главе с Меир. Это посещение неожиданно вылилось во внушительную демонстрацию еврейского национального единства. Израильского посланника встречали как новоявленного мессию, некоторые люди в экстазе даже целовали край одежды Меир. По «приблизительному подсчету» чиновника из Совета по делам религиозных культов, в этом богослужении, по сути ставшим празднованием возрождения еврейской государственности, участвовало до 10 тыс. человек, многие из которых не вместились в помещении синагоги. Нечто подобное имело место и 13 октября, когда Меир посетила синагогу по случаю праздника Судного дня (Йом Киппур). В тот день главный раввин С.М. Шлифер так прочувствованно произнес молитву «На следующий год —

* Бар-Кохба (арам. — Сын звезды) — объявивший себя мессией вождь антиримского восстания в Иудее в 132–135 годах.

** Один аноним написал Эренбургу: «...Трудно что-нибудь возразить по существу Вашего ответа. Конечно, не Палестиной, не Израилем надо его (еврейский вопрос. — *Авт.*) разрешать, а, безусловно, только советским строем. Почему же мы, евреи, в стране Советов стали фактически подвергаться существенным ограничениям (пусть неофициальным) в смысле получения работы, образования (не среднего) и т. д. ?...» (89).

в Иерусалиме», что вызвал прилив бурного энтузиазма у молящихся. Эта сакральная фраза, превратившись в своеобразный лозунг, была подхвачена огромной толпой, которая, дождавшись у синагоги окончания службы, двинулась вслед за Меир и сопровождавшими ее израильскими дипломатами, решившими пройти пешком до резиденции в гостинице «Метрополь». По дороге кто-то из этой толпы сказал шедшему рядом с Меир М. Намиру: «Это ответ московских евреев на статью Эренбурга».

Однако не всех евреев захлестнула волна восторженных эмоций. Близкая к аппаратным структурам ЦК интеллектуальная элита, и прежде всего хорошо информированная верхушка ЕАК, отлично представляла себе, какие в данной ситуации могут последовать кары. После демонстраций у синагоги Фефер сказал жене: «Этого нам никогда не простят». А за месяц до закрытия ЕАК тот же Фефер вместе со своим заместителем Г.М. Хейфецем (бывшим разведчиком, направленным «органами» в ЕАК в 1947 году) тщетно пытались отойти от руководства этой общественной организацией, жалуясь на плохое самочувствие и ссылаясь на другие причины⁹⁰.

Совсем по-другому интерпретировались эти события Г. Меир. Предприняв в начале января 1949 года поездку в Тель-Авив, она, остановившись проездом в Риме, дала для узкого круга работников «Джойнта» и местных еврейских организаций пресс-конференцию. На ней Меир заявила, что ее визит в синагогу перешел в большую сионистскую демонстрацию советских евреев, которые очень привязаны к Израилю, гордясь тем, что их страна первой признала Израиль. «Это замечательные евреи — возможно, наилучшие!», — восклицала она, демонстрируя журналистам фотографии, снятые возле синагоги. Затем ею было прочитано письмо от одного москвича, написанное по-еврейски. Присутствовавший на пресс-конференции агент советских спецслужб направил потом об услышанном отчет в МГБ СССР, зафиксировав в нем также сетования израильского дипломата на то, что миссию в Москве евреи посещают очень редко, что в СССР нет еврейских школ и что сионисты там находятся в тюрьмах. Им было подмечено и то, что «...Мейерсон не упомянула о роли Советского Союза в палестинском вопросе и даже не высказала ни одного учтвого слова по отношению к СССР, что обычно характерно для дипломатов». Кроме того, в этом секретном отчете сообщалось со ссылкой на «заслуживающий доверия» источник в МАПАЙ, что «Мейерсон в узком кругу своих друзей выражала глубокое недовольство своим назначением в качестве посланника в Москве... она якобы заявила о том, что в Москве она абсолютно изолирована и принадлежит к тем дипломатам, за движением которых следят».

Наглядным свидетельством того, что глава израильской миссии в СССР пришлась не ко двору в советской столице, стал инцидент, отнюдь не случайно спровоцированный Эренбургом на одном из

дипломатических раутов. Произошел он в ноябре 1948 года на приеме в посольстве Чехословакии. К присутствовавшей на нем Меир подошел английский журналист Р. Паркер и спросил, не хотела бы она познакомиться с находившимся там же Эренбургом. Получив утвердительный ответ, журналист растворился в толпе, чтобы через некоторое время возвратиться со знаменитым советским писателем. Как писала потом Г. Меир, Эренбург «был совершенно пьян... и... держался агрессивно». Поприветствовав ее и выяснив, что та не владеет русским, он грубо и нарочито громко заявил, что ненавидит евреев, родившихся в России, которые говорят только по-английски. Думается, что на самом деле Эренбург был не столько пьян, сколько намеренно разыграл скандальную сцену, руководствуясь тем трезвым расчетом, что о произошедшем во всех деталях будет доложено наверх, благо при сем присутствовал Паркер, которого в среде аккредитованных в Москве западных журналистов подозревали в тайном сотрудничестве с советскими спецслужбами. За такую версию говорит и то, что, появившись вскоре в албанском посольстве, Эренбург, так же играя на публику, сначала во всеуслышание прочитал нотацию кинорежиссеру М.С. Донскому, заикнувшемуся о возможности ограниченной эмиграции советских евреев в Израиль, а затем «подружески» предупредил находившегося там же представителя посольства Израиля М. Намира о нежелательных для его государства последствиях, если оно не пожелает «оставить евреев СССР в покое и не откажется от попыток соблазнить их сионизмом и эмиграцией». После этого разговора израильский дипломат в своем донесении в Тель-Авив предположил, что «беспомощные колебания» Эренбурга между чувством, что его долг поддержать Израиль, и страхом, что сионистские идеи завоюют сердца советских евреев, отражают в какой-то мере настроения советских властей.

Такая активная демонстрация собственной благонадежности тем не менее не помешала писателю обратиться 21 ноября 1948 г. к главному редактору «Правды» П.Н. Поспелову с просьбой опубликовать материалы об антисемитской выходке заведующего отделом коммунистического воспитания «Литературной газеты» В.С. Василевского, который незадолго до этого в ресторане, находясь в подпитии, обозвал одного из посетителей «жидовской мордой». Но дело замяли, и инцидент закончился тем, что дебоширу в суде вынесли чисто символический приговор: один год тюремного заключения условно, а материал, который хотел опубликовать Эренбург, отправили в архив⁹¹.

Когда вскоре развернулась кампания борьбы с «безродным» космополитизмом, Эренбурга чуть было не подвергли гонениям. Друзья и знакомые опасались не только навещать его, но и прекратили звонить ему по телефону. В начале февраля 1949 года Агитпроп дал указание прекратить публикацию статей Эренбурга. В те дни Шепилов

направил Маленкову обзор откликов общественности («на разоблачение антипатриотической группы театральных критиков»), в котором цитировалось одно из выступлений президента Академии художеств СССР А.М. Герасимова:

«Отдавая должное заслугам Ильи Эренбурга, его боевой публицистике в годы войны, не могу пройти мимо тех гнусностей, которые он позволил себе говорить о Репине, о русской живописи вообще. Где же были тогда наши критики? Раздался ли в ответ их крик негодования?».

И далее уже от себя Шепилов добавил: «Тов. Герасимов указал на недопустимость той пропаганды творчества Пикассо, которую систематически ведет Эренбург».

Дело дойдет до того, что в конце марта заместитель Шепилова Ф.М. Головенченко даже заявит публично, что Эренбург как враг народа и космополит № 1 уже разоблачен и арестован.

Пытаясь удержаться на плаву и как бы хватаясь за последнюю соломинку, Эренбург написал тогда Сталину, прося внести ясность в его дальнейшую судьбу. Как и следовало ожидать, вождь не дал в обиду одного из талантливейших специалистов по идеологической обработке Запада. Вскоре писателю позвонил Маленков и заверил в поддержке ЦК. Перегнувший же палку Головенченко* был удален из Агитпропа. Эренбургу вновь стали заказывать статьи, и, как по команде, утомонились его недоброжелатели. А в апреле 1949 года его послали на конгресс сторонников мира в Париж. Постановлением политбюро Эренбург в июне 1950-го утверждается заместителем председателя Советского комитета защиты мира и ему поручается «руководство делом пропаганды движения сторонников мира и организация в печати пропагандистских выступлений по этим вопросам». А вскоре его избирают вице-президентом просоветского Всемирного совета мира⁹¹.

Обласканный властью Эренбург превращается в годы холодной войны в главного глашатая антиамериканизма в СССР. Теперь он если и нападает публично на антисемитов, то только на американ-

* Профессора Головенченко подвели тщеславие и та простота, которая, как известно, хуже воровства. Проявляя в первые месяцы 1949 года простобешенную активность в («мобилизации») сил научно-идеологической общественности на искоренение антипатриотической крамолы, он выступил с докладом «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте» в Академии общественных наук, Высшей партийной школе при ЦК, Военно-политической академии им. Ленина, других ведущих идеологических учреждениях страны. В конце концов профессор зарпортовался. Приехав как-то в марте на партактив в Подольске, он заявил: «Вот мы говорим — космополитизм. А что это такое, если сказать по-простому, по-рабочему? Это значит, что всякие мойши и абрамы захотели занять наши места!» (92).

ских*. Эренбург так основательно вошел в роль пропагандистского порученца Сталина, что впоследствии, в годы чутко предвосхищенной им «оттепели», не смог, несмотря на всю свою идеологическую гибкость и приспособляемость, полностью избавиться от благоприобретенного пиетета перед этой личностью, отмечая, например, что «Сталин по своей природе, по облюбованным им методам напоминает блистательных политиков итальянского возрождения»⁹⁴.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ СИОНИЗМУ

Болезненно настороженной реакции советских властей на усиление еврейской активности внутри страны в значительной мере способствовала также хрупкая неопределенность отношений между СССР и Израилем. После скоротечного «медового месяца» уже в конце лета 1948-го появились первые признаки охлаждения между этими государствами.

Не успела советская дипломатическая миссия, впервые прибывшая в Израиль 9 августа, распаковать багаж, освоиться на новом месте, как уже 21 числа произошел весьма показательный инцидент. В тель-авивском театре «Габима» в тот день давалась опера «Таис». Исполнив перед началом спектакля национальный израильский гимн, оркестр сыграл и американский, в честь находившегося в зале «особого представителя» президента США Дж.К. Макдональда, хотя тот был посланцем страны, официально не признавшей Израиль. Поскольку советский гимн так и не прозвучал, присутствовавшие там же советские дипломаты восприняли все это как провокацию и в знак протеста немедленно покинули театр. Примерно в это же время Б.Ц. Гольдберг, двумя годами ранее гостивший в СССР, писал из Нью-Йорка Феферу:

«У сионистской публики (а в настоящее время все евреи почти повсюду «сионистская публика») престиж Советского Союза чрезвычайно возрос. Этот престиж так высок, что сионистские руководители даже побаиваются признать этот факт, опасаясь, как бы не усилилось левое движение вообще. Они оправдываются тем, что этого делать нельзя, так как это может вызвать неудовольствие Америки. А восстанавливать против себя Америку опять же нельзя по двум причинам: во-первых, потому что Америка все же контролирует большинство в ООН; а во-вторых, потому что Америка может за-

* Например, в статье, опубликованной в 1949 году в «Большевике» (№ 22), Эренбург писал: «В Нью-Йорке проживают два миллиона евреев. Официально они пользуются всеми правами. На самом деле они ограничены во всех правах. В университетах существует замаскированная «процентная норма». ... Огромное большинство евреев живет в гетто: в других кварталах им не сдают квартир. В штатах Массачусетс и Коннектикут евреям запрещено купаться на пляжах, предназначенных для «арийцев»».

претить сбор денег или пересылку собранных денег. А без американских долларов Государство Израиль — не государство, и страна — не страна. Государство Израиль еще долгое время будет на хлебах у американского еврейства — пару десятков лет, если не больше»⁹⁵.

Тем не менее Советский Союз питал определенные иллюзии относительно политических возможностей ориентированных на него левых сил в Израиле, хотя коммунистическая партия этого государства получила в представительном органе первого состава (временном Государственном совете) только одно место. Правда, существовала еще надежда на союз коммунистов с левым крылом сионистско-социалистической партии МАПАМ, которым руководил бывший руководитель штаба «Хаганы», журналист М. Снэ (Клейнбаум)*. Этот общественный деятель тесно сотрудничал с советскими спецслужбами и поставлял им «ценный материал по вопросам внешней и внутренней политики» Израиля. Не случайно он был избран генеральным секретарем Лиги дружественных связей с Советским Союзом, которая стала действовать с августа 1948 года. Через эту организацию Москва тайно финансировала своих друзей в Израиле, материальная поддержка которых осуществлялась и по другим каналам, в том числе и через международный фонд помощи левым рабочим организациям при совете профсоюзов Румынии. Осенью 1948-го Снэ выезжал в США для установления связей с левыми сионистами, которые поддерживали на тогдашних президентских выборах кандидата «прогрессивной партии» Г.Э. Уоллеса. А в начале 1952-го руководимой Снэ разведслужбой МАПАМ было сообщено советской резидентуре о внедрении контрразведкой Израиля в руководящие органы компартии Израиля 28 провокаторов⁹⁶.

Однако несмотря на все эти старания, успехи просоветских сил в Израиле были весьма скромными. На состоявшихся в начале 1949 года выборах в Учредительное собрание из 120 предусмотренных в нем мест коммунисты смогли получить 4, а МАПАМ — 19. Причем эти и другие левые фракции даже не смогли сформировать «прогрессивный блок», так как в МАПАМ имелись влиятельные силы, которые наряду с осуждением американской политики на Ближнем Востоке критиковали также внутреннюю политику СССР по еврейскому вопросу, в том числе за запрет на эмиграцию в Израиль. Ибо как правые, так и левые сионисты надеялись на то, что внешнеполитическая поддержка Израиля Советским Союзом будет логично дополнена официальным разрешением на эмиграцию оттуда евреев. Однако поскольку эти ожидания оказались тщетными, в Израиле поднялась волна антисоветской пропаганды. Одновременно израиль-

* В 1953 году Снэ вместе со своими единомышленниками вышел из МАПАМ, создав самостоятельную левосоциалистическую партию, которая затем вошла в компартию Израиля. Но потом Снэ порвал с коммунистами.

ские дипломаты в Москве развернули «незаконную деятельность, побуждая советских евреев к выходу из советского гражданства и выезду в Израиль»*. Именно так квалифицировались действия Израиля в официальном представлении властям этой страны, сделанном миссией СССР в Тель-Авиве 15 ноября 1949 г. Резкое похолодание в отношениях между Москвой и Тель-Авивом побудило следующего после Г. Меир израильского посла М. Намира срочно выехать в свою страну для консультаций.

После этого натиск израильской стороны на официальную Москву несколько ослаб, но не надолго. 8 декабря 1951 г. премьер-министр Бен-Гурион в ноте правительства Израиля МИД СССР заявил, что «возвращение евреев на их историческую родину является центральной задачей Государства Израиль», которое «призывает Советский Союз разрешить выезд тем евреям, которые желают эмигрировать». Несколько месяцев понадобилось советскому руководству, чтобы подготовить ответ. Только в апреле 1952 года посланнику СССР в Израиле П.И. Ершову было дано указание сообщить министру иностранных дел Израиля М. Шарету, что «советское правительство не может рассматривать по ходатайству иностранного правительства вопрос о предоставлении советским гражданам еврейской национальности возможности переселиться из Советского Союза в Израиль, поскольку этот вопрос касается граждан СССР и является, таким образом, внутренним делом Советского Союза»⁹⁷.

Еще одним, пожалуй, главным фактором, способствовавшим подрыву советского влияния в Израиле, было постоянно нараставшее военно-политическое и экономическое присутствие США в этой стране. К сентябрю 1948 года в Израиле находилось 4000 американских военнослужащих, имевших статус наблюдателей ООН. Что же касается экономического влияния США в этой стране, то о нем красноречиво свидетельствует тот факт, что ежегодный приток американского капитала в Палестину составлял в среднем в 1920–1939 годах 4 млн. фунтов стерлингов, а в 1939–1947 годах — 7 млн. фунтов стерлингов. За первые 17 месяцев существования еврейского государства американцы инвестировали в него еще 54 млн. фунтов стерлингов. В первом квартале 1949 года в Израиль было импортировано товаров из США на сумму 3 577 767 фунтов, тогда как за этот же период из СССР — всего на 231 831 фунт. Причем израильское правительство под давлением американцев существенно ограничило выдачу

* Фактической основой такого заявления Кремля стала направленная в МИД Советом по делам религиозных культов при Совете министров СССР информация о том, что еврейские религиозные общины в Чернигове, Умани, Тбилиси получили от израильской миссии в Москве отпечатанный на русском языке бюллетень № 4, в котором говорилось о массовом наплыве еврейских иммигрантов в Израиль и о моральной и материальной поддержке этого государства евреями во всем мире.

импортных лицензий своим фирмам, желавшим торговать с Советским Союзом. Ударной силой американской экономической экспансии в Израиле являлась основанная еще в середине 20-х годов на деньги Рокфеллеров и Леманов Палестинская экономическая корпорация (Palestine Economic Corporation), в руководстве которой были представлены такие видные заокеанские сионисты, как Дж. Саймон, А. Боровой, Э. Варбург и др. Кроме того, национальным административным советом Сионистской организации США для поощрения частных капиталовложений в экономику Израиля было учреждено специальное инвестиционное общество Israel Corporation of America с уставным капиталом в 2,5 млн. долларов. В сентябре 1948 года президенту Трумэну был представлен директором Американо-еврейской лиги борьбы с коммунизмом (American-Jewish League against Communism) бригадным генералом Дж. Клайном меморандум об Израиле, в котором настаивалось на официальном его признании американским правительством и предоставлении ему 100 млн. долларов в виде займа. Выступая в мае 1949-го по случаю второй годовщины образования своей лиги, этот военный заявил:

«...Мы, естественно, все гордимся Израилем, самым молодым государством в мире. Говорят, что Россия поддерживала Израиль в ООН. Однако в самый разгар так называемой поддержки Израиля Россией сионизм являлся преступлением в России. Он и до сих пор является там преступлением»⁹⁸.

Побывавший в октябре 1948-го в Израиле известный политический деятель США Г. Моргентау* заявил, что молодое государство «будет единственным... в средиземноморском бассейне, на которое мы сможем рассчитывать как на прочный пункт обороны против коммунизма». А через год им же было сказано, что «каждый доллар, вложенный в Государство Израиль, идет на дело борьбы с коммунистической экспансией...»⁹⁹.

Вскоре в США прошли президентские выборы. Завоеванная на них победа позволила Трумэну распротиться со сковывавшим его прежде положением как бы дублера Рузвельта. Ощувив себя наконец полноправным главой великой страны, он стал действовать смелей и самостоятельней, все меньше считаясь с мнением влиятельного бюрократического окружения. Решительно шагнув в начале 1949

* Генри Моргентау-младший — в 1934–1945 годах министр финансов США, затем директор «Джойнта». Во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов пожертвовал финскому правительству 50 млн. долларов. В 1948 году возглавил «Объединенный еврейский призыв» (United Jewish Appeal) — общественную структуру, объединившую усилия «Джойнта» и Сионистской организации США, которые развернули тогда кампанию по сбору 250 млн. долларов для оказания помощи евреям в Европе и Палестине. В 1951–1954 годах руководил американской корпорацией по финансированию и развитию Израиля.

года навстречу интересам сионистов и связанных с ними политических и деловых кругов США, президент объявил об официальном признании Израиля и подписал закон о предоставлении ему долгосрочного займа в сумме 100 млн. долларов. Тогда же молодое еврейское государство попросило кредит у Советского Союза, но получило вежливый отказ*. Спустя два года между США и Израилем будет подписан договор «О дружбе, торговле и мореплавании», в преамбуле которого будет сказано о предоставлении американцам «особых прав и привилегий в сфере экономической и культурной деятельности»¹⁰¹.

Политико-экономические телодвижения США в Израиле, за которыми Москва тщательно следила**, воспринимались в советских руководящих кругах, мягко говоря, без оптимизма. 28 августа 1948 г. в «Правде» публикуется статья «Заговор против народов Палестины», которая была проникнута опасениями по поводу энергичного американского натиска на Ближнем Востоке. Кроме того, заказанный этой газетой Д.И. Заславскому, ранее солидаризировавшемуся с борьбой евреев Палестины, большой материал под названием «Государство Израиль» (текст был направлен в ЦК 5 сентября¹⁰²) так и не был выпущен в свет. Вместо него на страницах центрального печатного органа партии появилась упомянутая выше статья Эренбурга.

Сталин не мог не испытать разочарования, видя, что «империалистические хищники» США и Англия не только «не перегрызлись» друг с другом, отстаивая своекорыстные интересы на Ближнем Востоке, но, наоборот, сумели полюбовно уладить свои разногласия в этом регионе мира. Он понимал, что такой компромисс в наибольшей степени выгоден США, которые, став доминирующей политической силой на Ближнем Востоке, очень быстро установят полный контроль над вновь созданным там еврейским государством. Поэтому советский диктатор должен был распрощаться с иллюзорной мечтой вовлечь Израиль в обозримом будущем в сферу советского влияния. В то же время собственные евреи продолжали испытывать его терпе-

* Такое решение советское руководство приняло после того как 16 ноября 1949 г. первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко и министр внешней торговли М.А. Меншиков направили Сталину и Молотову следующее заключение: «Постановка этого вопроса (о кредите. — *Авт.*) вызвана, по-видимому, соображениями политического характера — правительство Израиля таким образом хочет отвести от себя критику левых за проамериканскую ориентацию. Экономически предоставление кредита Израилю не даст нам практических выгод, так как Израиль не сможет его компенсировать нужными нам товарами. Поэтому считаем целесообразным не удовлетворить просьбу Израиля о кредите» (100).

** Аналитические отчеты об Израиле, сионизме и связанной с ними американской политике сосредотачивались главным образом у секретаря ЦК Сулова, а также у Кагановича, который был назначен в политбюро ответственным за эти вопросы.

ние беспрецедентной демонстрацией возрождения своего национального чувства. Мучительное осознание того, что Запад после Второй мировой войны вновь обрел сплоченность, и ощущение определенной нестабильности внутри собственного политического организма заставило сталинскую империю прибегнуть к испытанным методам самозащиты. Подобно гигантскому моллюску, обороняющемуся от враждебной внешней среды, она стала стремиться к еще более герметичной изоляции в спасительной раковине своих владений и одновременно приступила к радикальной очистке от «бактерий внутреннего разложения». Воспринимая этот своего рода «системный инстинкт» как руководство к действию, Сталин, окончательно убедившись в малой эффективности пропагандистско-ассимиляторской терапии, предлагавшейся умеренными советниками со Старой площади, прибег для решения еврейской проблемы к радикальным «хирургическим» методам, давно уже опробованным Лубянкой.

«Дело ЕАК»

ПЕРВЫЕ АРЕСТЫ

Как мы помним, в постановлении политбюро от 20 ноября 1948 г. о закрытии ЕАК МГБ было предписано «пока никого не арестовывать». Прежде чем перейти к решительным действиям, Сталин потребовал от Лубянки еще более веских и убедительных доказательств «преступной деятельности» ЕАК. Получив в результате карт-бланш от всесильного вождя, Абакумов энергично принялся за дело. По его указанию сотрудники следственной части по особо важным делам МГБ подвергли тщательному изучению архивные материалы, вывезенные из ЕАК и редакции газеты «Эйникайт». В поисках компромата Абакумов, прихватив с собой Фефера, самолично произвел обыск в Еврейском театре, в бывшем кабинете Михоэлса, превращенном сразу после его смерти в мемориальный музей артиста, а теперь ставшем «агитпунктом». Первые результаты этой, так сказать, дознавательной деятельности Абакумов доложил Сталину, а также Молотову, Берии, Маленкову и Кузнецову уже 4 декабря. Главный вывод шефа госбезопасности гласил:

«...Обнаруженные при роспуске Еврейского антифашистского комитета документы подтверждают агентурные материалы и показания арестованных еврейских националистов о том, что комитет во главе с Михоэлсом, Фефером и другими по существу превратился в антисоветский центр, который, ориентируясь на Америку, проводил в СССР подрывную работу»¹⁰³.

Еще через две недели Абакумов представил Сталину протоколы допросов арестованных ранее З.Г. Гринберга и Д.Н. Гофштейна (был доставлен из Киева в Москву 22 ноября) с выжатыми из них новыми показаниями против руководства ЕАК. Особенно серьезные козыри дал в руки МГБ бывший член президиума ЕАК Гофштейн, который 16 декабря под давлением следствия оговорил Михоэлса, Фефера, Бергельсона и других руководителей ЕАК, охарактеризовав их как активных еврейских националистов, тесно связанных с американскими сионистами.

Имея на руках весь этот компромат, Сталин по просьбе Абакумова дал санкцию на арест двух ключевых фигур в ЕАК — Фефера и Зускина, преемников Михоэлса соответственно в комитете и Еврейском театре. Выбор шефа тайной полиции не был случаен. Ведь обвинение предполагалось построить, инкриминируя ЕАК шпионаж в пользу США и националистическую деятельность как внутри страны, так и за рубежом. Поэтому Фефер должен был дать не только показания о «преступной» работе комитета в целом, но и о поездке вместе с Михоэлсом в США и произошедшей там якобы их вербовке американскими спецслужбами, а также о «националистической пропаганде», проводившейся газетой «Эйникайт» и еврейской секцией Союза советских писателей (тут и там он играл руководящую роль). С «помощью» Зускина, который был личным другом Михоэлса, планировалось добыть в первую очередь сведения о связях покойного главы ЕАК в правительственных сферах и о его тайных там покровителях. Заодно Зускин должен был представить Московский еврейский театр как важнейший источник еврейского национализма. Было еще одно немаловажное обстоятельство, предопределившее первоочередность ареста этих двух людей: МГБ не ожидало от них серьезного сопротивления следственному натиску. Предчувствуя начало массированных антиеврейских гонений, оба были морально сломлены страхом, и заставить их признать собственную мнимую вину, а также подтвердить ложные обвинения, выдвигавшиеся против ЕАК в целом, не составляло большого труда для мастеров фальсификаций на Лубянке, тем более что вследствие хронического стресса, поразившего Зускина после гибели Михоэлса, у того развилась серьезная форма нервного истощения. А Фефер ко всему прочему был тайным информатором МГБ и считал своим партийным и гражданским долгом сотрудничество со следствием. Будучи завербованным еще в 1944 году с присвоением агентурной клички «Зорин», этот человек был фигурой противоречивой и неоднозначной. Некоторые легкие на перо и скорые на выводы авторы склонны считать его темной личностью, эдаким иудой-предателем. Однако нельзя согласиться с подобным вердиктом, не разобравшись прежде беспристрастно во всех обстоятельствах дела.

Становление Фефера как поэта и литератора пришлось на эпоху бурную и переломную, богатую социальными катаклизмами. Начало его жизни было типичным для выходца из провинциального бедного еврейства. Родился он в 1900 году в местечке Шпола на Киевщине в семье еврейского учителя и чулочницы. В своей автобиографии Фефер позже напишет:

«В 1909 году я был принят в подготовительный класс шполянской гимназии, но ввиду того что мой отец не располагал 25 рублями за правоучение, мне пришлось перейти на самообразование... В 1912 году в связи с эмиграцией тети и дяди (по линии матери) в Америку материальные дела нашей семьи резко ухудшились. Я вынужден был поступить на работу. Я был плотником, часовым мастером, счетоводом, наконец поступил в типографию учеником наборщика»¹⁰⁴.

Октябрьская революция открыла для таких прежде задавленных нуждой и национальной дискриминацией людей, как Фефер, двери в активную общественно-политическую и творческую жизнь. Вступив в ряды Бунда, он какое-то время возглавлял профсоюз рабочих и служащих Шпола. В июле 1919 года стал коммунистом. Перебравшись в 1920-м в Киев, познакомился там с еврейскими писателями Д. Бергельсоном, Д. Гофштейном и Л. Квитко. Здесь же опубликовал свои первые стихи. В 20-е и первой половине 30-х годов ему, придерживавшемуся так называемого пролетарского направления в литературе, сопутствовал карьерный успех. В 1934 году на I съезде Союза советских писателей, с трибуны которого он с резкой критикой обрушился на Х.-Н. Бялика, признанного авторитета ивритской литературы, его избрали в правление этой вновь созданной организации. Однако уже в 1938-м, когда многие друзья Фефера из числа бывших рапповцев были репрессированы, его «за проявление националистических тенденций» в творчестве смещают с поста редактора идишистского альманаха «Советише литератур». Но в годы войны он вновь на грёбне общественно-литературного успеха. Тогда он пишет свое знаменитое стихотворение «Я — еврей» (опубликовано 27 декабря 1942 г. в «Эйникайт»), в котором как бы от имени легендарного Вечного жиды воспел идею непрерывной цепи времени, связывающей пророка Исаяю, Соломона «мудрого», рабби Акиву, Маккавеев, Спинозу, Гейне, Маркса с Яковом Свердловым и «другом» Сталина Лазарем Кагановичем. Весной 1948 года Фефер восторженно приветствовал создание Израиля. И когда впоследствии на судебном процессе его спросили, правильно ли, что для него «создание еврейского государства было радостным событием», он ответил:

«Да, правильно. Меня радовало это событие, что евреи, изгнанные из Палестины предками Муссолини, снова организовали там еврейское государство».

На том же суде Фефер откровенно заявил:

«Я очень люблю еврейские традиции... Нельзя сказать, что я регулярно посещал синагогу, но у нас (у ЕАК. — Авт.) была связь с религиозной общиной»¹⁰⁵.

Что же касается сути негласного сотрудничества Фефера с МГБ, то ныне уже не секрет, что в общественных и творческих организациях, особенно связанных по роду своей деятельности с границей, вплоть до августа 1991 года были предусмотрены должности, которые как бы входили в «номенклатуру» госбезопасности. Должность ответственного секретаря ЕАК, которая являлась ключевой в организационно-управленческом плане и которую исполнял Фефер, была именно таковой. Негласными агентами госбезопасности «по должности» были и Ш. Эпштейн, предшественник Фефера на этом посту, а также заместитель последнего Г.М. Хейфец, который в свое время по заданию Коминтерна активно участвовал в создании компартии США, вел нелегальную деятельность в Германии, выполнял поручения советской разведки в Италии, работал секретарем Н.К. Крупской. В годы войны под «крышей» дипломатического статуса вице-консула в Сан-Франциско Хейфец, будучи резидентом советской разведки на западном побережье США, был задействован, по некоторым данным, в атомном шпионаже и направлял в Москву донесения, подписанные агентурной кличкой «Харон». Придя в июле 1947 года в ЕАК, Хейфец прямо заявил, что прислан «директивными органами для укрепления политической линии комитета». Вместе с тем он открыто возмущался изгнанием после войны из МИД евреев и введением для них запрета на поступление в Высшую дипломатическую школу. В 1948-м Хейфец принимал в ЕАК и регистрировал множество добровольцев, желавших воевать за независимость Израиля. Потом эти списки, разумеется, очутились в МГБ¹⁰⁶.

Агентом МГБ был и В.В. Мочалов, коллега Фефера в Славянском комитете СССР (до марта 1947-го — Всеславянский комитет), созданном в начале войны при Совинформбюро и размещавшемся вместе с ЕАК в одном здании. После того как в феврале 1949 года полковнику Мочалову было прозрачно указано из ЦК на «необходимость качественного улучшения» состава пишущих для Славянского комитета авторов, он немедленно исключил из этого состава всех евреев¹⁰⁷.

В общем сотрудничество с МГБ Фефера, Мочалова и других подобных им функционеров представляло собой рутинную работу, связанную со сбором и передачей этой секретной службе сведений о кадрах (биографические данные, устроения и т.п.). И такого рода деятельность рассматривалась в тоталитарном государстве как выполнение партийного и гражданского долга. Игнорирование этой

специфики советской бюрократической службы приводит к тому, что заурядных информаторов некоторые авторы начинают уподоблять, скажем, изоциренным провокаторам охраны времен царского режима.

Итак, 24 декабря Фефер и Зускин оказались на Лубянке, причем последнего арестовали прямо во время процедуры лечебного сна в клинике для нервных больных. Сразу же начались их интенсивные допросы с целью фабрикации новых обвинений и получения формальных оснований для арестов других членов ЕАК. С Фефером следователям не пришлось долго возиться, он сразу же начал оговаривать своих вчерашних коллег. Причины такого поведения он раскрыл потом в ходе суда:

«Еще в ночь моего ареста Абакумов мне сказал, что если я не буду давать признательных показаний, то меня будут бить. Поэтому я испугался, что явилось причиной того, что я на предварительном следствии давал неправильные показания»¹⁰⁸.

В отличие от Фефера другой член президиума ЕАК — Б.А. Шимелиович, которого забрали на Лубянку 13 января 1949 г., проявил завидную стойкость перед лицом тяжелых испытаний. Родился этот мужественный человек в 1892 году в Риге в семье синагогального служки. Один его брат, Юлиус, член центрального бюро Евсекции и секретарь Виленского совдепа, погиб в январе 1919 года, покончив с собой, не желая сдаваться наступающим польским legionерам. Другой брат, Исаак, будучи часовых дел мастером, эмигрировал в США. А третий, самый старший — Яков, был уничтожен гитлеровцами вместе с женой в Двинске (Даугавпилсе). На стезю активной общественной деятельности Б.А. Шимелиович вступил в 1919 году, когда стал членом Бунда. Однако уже через год он оказался в рядах РКП(б) и с этого времени работал в Еврейской общественной комиссии помощи голодающим и жертвам погромов, в которой распределял пожертвования, получаемые от «Джойнта». За эту деятельность в 1923 году его наградили грамотой ЦИК СССР. С 1931-го и до момента ареста Шимелиович был главным врачом московской больницы им. С.П. Боткина, где до середины 30-х годов для лечения высокопоставленных пациентов функционировало «кремлевское отделение». Из всех членов президиума ЕАК он имел самые близкие и дружеские отношения с Михозлсом, с которым познакомился в 1931 году, когда в Еврейском театре была осуществлена постановка пьесы о брате Юлиусе. Активно сопротивляясь нараставшему в стране государственному антисемитизму, Шимелиович летом 1944 года пожаловался Маленкову на заведующего отделом здравоохранения УК ЦК Б.Д. Петрова, открыто выражавшего недовольство «засильем евреев» в медицине. Протестовал он и против антиеврейской чистки, начатой в 1943 году в медицинских учреждениях по негласному распо-

ражению наркома здравоохранения СССР Г.А. Митерева. Оказавшись на Лубянке, Шимелиович, уже аттестованный там Фефером как «первостепенный консультант Михозлса», был сразу же препровожден к Абакумову. Увидев на пороге своего кабинета новую жертву, тот с глумливым злорадством воскликнул: «Посмотрите, какая рожа». Однако несмотря на грозный вид министра, мужество не покинуло Шимелиовича, и он решительно отказался давать требуемые от него показания. Тогда Абакумов приказал перевести его в Лефортовскую тюрьму и «бить смертным боем». Там известный своей жестокостью следователь В.М. Шишков вместе с подручными принялись зверски истязать неуступчивого подследственного, нанеся ему безостановочно от 80 до 100 ударов резиновыми палками. В попытке сломить у своей жертвы волю к сопротивлению Шишков цинично угрожал:

«Если вы будете не в состоянии ходить на допросы, мы будем приносить вас на носилках и будем бить и бить».

Только в марте 1949 года от Шимелиовича были получены первые «признания». О том, как это происходило, он рассказал 15 мая в заявлении руководству МГБ:

«Четыре месяца прошло со дня моего ареста. За это время я неоднократно заявлял: я не изменник, не преступник, протокол моего допроса, составленный следователем (Шишковым. — *Авт.*), подписан мною в тяжелом душевном состоянии, при неясном сознании. Такое состояние мое явилось прямым результатом методического моего избияния в течение месяца ежедневно. Днем и ночью глумления и издевательства»¹⁰⁹.

Среди оказавшихся на Лубянке еаковцев так называемые меры физического воздействия испытал на себе наряду с Шимелиовичем, пожалуй, только арестованный с ним в один день И.С. Юзефович, от которого следователи ждали оговора самого высокопоставленного кандидата на переселение в Лефортово — Лозовского, с кем тот был знаком еще со времен Октябрьской революции. Родился Юзефович (Шпинак) в 1890 году в Варшаве в семье кожевника. В 1905–1917 годах состоял в Бунде, потом примкнул к руководимой Лозовским социал-демократической организации интернационалистов-объединенцев и в ее составе в конце 1919 года перешел в РКП(б). На протяжении десятилетий Юзефович считался «правой рукой» Лозовского. После революции вместе с ним работал в Профинтерне, а в 40-е годы — в Совинформбюро. Только в 1931–1933 годах они были врозь. В это время, как записано в партийной анкете Юзефовича, он «находился на подпольной работе в США». В годы войны Юзефович удочерил сироту, родители которой были расстреляны немцами. Перед арестом работал в Институте истории АН СССР. Характеристика этого человека будет неполной, если не упомянуть того

факта, что в 1938 году он стал секретным сотрудником НКВД СССР. Однако свои обязательства в отношении этой организации выполнял, видимо, не слишком ревностно. Даже полученную в 1946 году от гостившего в СССР Б.Ц. Гольдберга важную информацию о том, что американский посол У.Б. Смит и его ближайшее окружение настроены весьма враждебно к Советскому Союзу, он сообщил не МГБ, а Лозовскому. Искренняя преданность своему долголетнему патрону и другу предопределила стойкое поведение Юзефовича в ходе первых допросов на Лубянке. В результате он не избежал пыточной, о чем и поведал потом на суде:

«В самом начале следствия я давал правдивые показания и заявлял следователям, что не чувствую за собой никакого преступления... После этого меня вызвал к себе министр госбезопасности Абакумов и сказал, что если я не дам признательных показаний, то он меня переведет в Лефортовскую тюрьму, где меня будут бить. А перед этим меня уже несколько дней «мяли». Я ответил Абакумову отказом, тогда меня перевели в Лефортовскую тюрьму, где стали избивать резиновой палкой и топтать ногами, когда я падал. В связи с этим я решил подписать любые показания, лишь бы дождаться дня суда».

Вышло так, что Юзефович, хотя и был закален еще царской пени-тенциарной системой (прошел через Варшавскую цитадель, Ломжинскую и другие тюрьмы), тем не менее, не выдержав зверских пыток советских тюремщиков, все же в конце января 1949 года подписал протокол с вынужденными наветами на Лозовского, чем облегчил расправу «органов» с последним¹¹⁰.

А в это время этот бывший заместитель министра иностранных дел и руководитель Совинформбюро допрашивался в ЦК как главный фигурант так называемой крымской истории, которой суждено было стать ключевой в «деле ЕАК».

КРАХ МЕЧТЫ О КРЫМЕ И АРЕСТ ЛОЗОВСКОГО

Планы организации еврейской автономии в Крыму появились, как нам уже известно, еще в 20-е годы. В 30-е от них вроде бы отказались. Однако во время Второй мировой войны этот проект вновь привлек внимание еврейской общественности и советского руководства. Новому всплеску вождений к благодатному полуострову в какой-то мере способствовало то, что с началом гитлеровского вторжения вокруг него стали нагнетаться националистические страсти. 16 июля 1941 г. на совещании, проведенном Гитлером с руководством рейха по вопросу о целях войны против СССР, было заявлено, что «Крым должен быть очищен от всех чужаков и заселен немцами». Подобные притязания подкреплялись исторической теорией о германских пле-

менах крымских готов, создавших в III–IV веках свое государство в Северном Причерноморье. Вместе с тем, подыгрывая союзному Берлину, радио Рима передало 6 сентября провокационное сообщение о том, что большевики намерены изгнать из Крыма всех мусульман и помешать этому способны только итало-германские «освободители». Лишить Россию Крыма не прочь были и турецкие власти. Известие о полном захвате полуострова немцами летом 1942 года вызвало в Анкаре взрыв ликования. Впрочем, новые хозяева Крыма вряд ли намерены были делиться с Турцией своей добычей. В июле того же года гауляйтер Таврии Г. Фрауенфельд предложил Гитлеру переселить на крымские земли южных тирольцев, что-де способствовало бы урегулированию давнего конфликта с Италией¹¹¹. Эти экзотические идеи, впрочем, не пошли дальше благих пожеланий. В 1943 году Красная армия, одержав ряд решающих побед над гитлеровцами, не оставила им практически никаких шансов закрепиться на захваченных территориях. Именно в то переломное в ходе войны время в Москве в кругах еврейской элиты заговорили о необходимости возрождения крымского проекта 20-х годов¹¹². Советское руководство тогда официально не поддерживало, но и не пресекало подобные устремления, прагматично полагая, что под воздействием крымского миража американские евреи будут щедрее жертвовать доллары для нужд Красной армии. Отсюда становится понятным почему, прибыв летом 1943 года в США, Михоэлс и Фефер располагали санкцией Молотова на ведение переговоров с американскими сионистами о материальной поддержке еврейского переселения в Крым после изгнания оттуда нацистов. Показателен в этой связи и тот факт, что на всех беседах руководителей ЕАК с таким, например, давним приверженцем крымского проекта в США, как Д.Н. Розенберг, постоянно присутствовал советский генеральный консул в Нью-Йорке Е.Д. Киселев. На первой такой встрече, состоявшейся в конце июня на вилле Розенберга, последний вначале посетовал на то, что «в 20–30-х годах уже «ухлопал» 30 млн. долларов на создание еврейских колоний в Крыму, который так и не стал еврейским», но потом смягчился и от имени «Джойнта» согласился взять на себя частичное финансирование переселенческого плана ЕАК. Столь быстрая положительная реакция американцев объяснялась тем, что Крым, в силу тогдашней неясности с будущим Палестины, рассматривался руководством «Джойнта» как возможное послевоенное пристанище не только для советских евреев, но и для еврейских беженцев со всей Европы¹¹³.

Возвратившись в СССР в конце 1943 года, Михоэлс и Фефер, полные впечатлений от Америки и радужных планов на будущее, сразу же направились домой к Лозовскому и проинформировали его о результатах поездки, в том числе и о договоренности с Розенбергом. Лозовский поддержал идею создания еврейской республики

в Крыму. Однако когда Михозлс и Фефер стали обсуждать этот вопрос с членами президиума ЕАК, то выяснилось, что существуют и другие мнения. Скажем, писатель Бергельсон и входившие в ЕАК литераторы Дер Нистер (П.М. Каганович) и И.М. Добрушин не видели альтернативы дальнейшему развитию Еврейской автономной области на Дальнем Востоке. В свою очередь, поэт П.Д. Маркиш предложил расселить евреев в Поволжье, откуда в начале войны было выслано местное немецкое население. Как вспоминала впоследствии его вдова Э.Е. Маркиш, такое решение он считал актом «величайшей исторической справедливости». А член ЕАК Эренбург вообще выступал против каких-либо кардинальных переселенческих проектов, полагая, что евреи должны возвратиться из эвакуаций на прежние места обитания¹¹⁴.

После недолгой внутренней дискуссии руководство ЕАК остановилось на компромиссном варианте, предусматривавшем создание еврейской автономии где-либо в европейской части СССР, предпочтительно в Крыму (в этом случае ожидалась американская помощь) или на месте бывшей Республики немцев Поволжья. Окончательное решение должен был принять Сталин и политбюро, в котором к ЕАК наиболее благожелательно относились Молотов, Каганович и Ворошилов. Но прежде чем выносить вопрос о будущей еврейской республике на правительственный уровень, Михозлс, Фефер и Эпштейн добились при содействии Лозовского аудиенции у Молотова. Тот встретил их «радушно». Так, во всяком случае, показалось Феферу, который впоследствии на суде припомнил и другие детали этого визита:

«Он (Молотов. — *Авт.*) нас принял... и мы поставили вопрос о создании еврейской республики в Крыму или на территории, где была Республика немцев Поволжья. Тогда нам это нравилось и красиво звучало: где раньше была республика немцев, должна стать еврейская республика. Молотов сказал, что это демагогически хорошо звучит, но не стоит ставить этого вопроса и создавать еврейскую республику на этой территории, так как евреи — народ городской и нельзя сажать евреев за трактор. Далее Молотов сказал: «Что касается Крыма, то пишите письмо и мы его посмотрим»¹¹⁵.

Получив такой не совсем определенный ответ, руководство ЕАК тем не менее форсировало события. Не за горами был третий пленум комитета, открытие которого намечалось на 27 февраля. Предполагалось, что на его обсуждение будет вынесено уже принятое к тому времени решение правительства о Крыме. Началась лихорадочная подготовка соответствующей записки в «инстанцию», один вариант которой составляли Фефер и Эпштейн, а за другой по просьбе Михозлса взялся Шимелиович. Когда оба проекта были готовы, их представили Лозовскому. Написанное Шимелиовичем тот отверг сразу же за резкость тона, «эмоциональность» и, самое главное, за явную

и весьма рискованную попытку изобличения власти в государственном антисемитизме^{*117}.

За основу был взят более умеренный текст Фефера и Эпштейна, который после некоторого редактирования** был подписан ими вместе с Михозлсом и в виде записки направлен 15 февраля 1944 г. Сталину. В этом послании предлагалось:

* В записке, подготовленной Шимелиовичем, в частности, утверждалось: «...Нельзя пройти мимо того неоспоримого факта, что в результате войны антисемитизм находит благоприятную почву во многих весьма ответственных учреждениях... находит свое выражение и в открытой грубой и беззастенчивой форме в виде освобождения евреев от должностей и т.д. ... Антисемитизм в СССР, у себя на родине, зачастую действует на отдельные прослойки евреев более гнетуще, чем истребление немцами более 4 млн. евреев и гибель своих близких и родных». Впоследствии этот материал госбезопасность использует как доказательство «преступной деятельности» руководства ЕАК, которому будут инкриминированы также и другие черновые варианты письма Сталину о Крыме, один из которых, например, содержал следующие «националистические» утверждения: «В Узбекистан, Казахстан и другие среднеазиатские республики эвакуировались в начале Отечественной войны около полутора миллионов евреев... Положение всей этой массы эвакуированных, бежавших уже второй раз от гитлеровских жертв, трагическое. Не только неделями, а месяцами семьи валяются на привокзальных площадях под открытым небом, голые, голодные... Процент смертности среди еврейских беженцев, особенно среди детей и стариков, от голода и эпидемий очень высок и достигает 25 или 30%. Местные органы власти почти ничего не делают для устройства эвакуированных на работу. Отношение к ним со стороны коренного населения весьма недружелюбное. ... При чтении нашей общей прессы создается впечатление, что в СССР не существует еврейского народа, который активно участвует в Отечественной войне и выдвинул из своих рядов многих славных героев. ... Предлагаем создать специальный авторитетный и компетентный государственный орган с отделами на местах, который исключительно занимался бы рациональным экономическим и бытовым устройством еврейских беженцев. ...» (116).

** Так, в окончательный вариант письма не вошел следующий абзац: «Эти настроения (националистические. — *Авт.*) дают пищу различным сионистским иллюзиям о возможности разрешения «еврейского вопроса» только в Палестине, которая будто бы является единственной исторически подходящей страной для еврейской государственности». Видимо, этим утверждением авторы хотели подчеркнуть значимость крымского проекта в контексте мировой политики и одновременно застраховать себя от обвинений в симпатиях к сионизму. Не случайно несколько лет спустя Фефер заявит на суде: «Сказать, что комитет смыкался с сионистами, трудно, ибо план создания еврейской республики в СССР был антисионистским планом уже потому, что сионисты были за то, чтобы еврейская республика была создана в Палестине». Остается гадать, почему приведенные выше строки были забракованы. Не исключено, что авторы опасались обвинений в шантаже властей угрозой возможного выезда в Палестину советских евреев, недовольных решением (в территориальном плане) «еврейского вопроса» в СССР (118).

«...1. Создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма» и «2. Заблаговременно, до освобождения Крыма, назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса. ...»¹¹⁹.

На всякий случай, чтобы быть уверенными в том, что письмо не затеряется в бюрократическом лабиринте, 21 февраля его копия была направлена Молотову через П.С. Жемчужину, с которой Михозлс как со своим «большим другом» имел соответствующую предварительную беседу. Известно, что, получив это послание, Молотов проконсультировался по существу поднятой в нем проблемы с Маленковым, Микояном, Щербаковым и Вознесенским¹²⁰. Сталин, если судить по дальнейшему ходу событий, скорее всего также ознакомился со своим экземпляром, хотя, как и в других подобных деликатных случаях, предпочел, по своему обыкновению, не фиксировать этого на бумаге.

Что же обусловило появление на свет «крымского письма», которое до сих пор одними исследователями воспринимается как вопль народного отчаяния, а другими — как проявление национального эгоизма? Думается, что ответ следует прежде всего искать в обостренной эмоциональной реакции лидеров ЕАК на ту крупномасштабную катастрофу, которую принесла евреям Вторая мировая война. В то же время нельзя не признать, что предложенный ими способ преодоления национальной трагедии явно отдавал большевистской (да и не только большевистской) догматикой. Ведь находясь под властью коммунистической идеологии и являясь убежденными сторонниками ленинско-сталинской теории формирования и развития нации и будучи тесно связанными с советской партийной номенклатурой, лидеры еврейской общественности и культуры уже давно тяготились призрачной, чисто номинальной автономией в виде захолустной и малонаселенной Еврейской автономной области с центром в Биробиджане и видели будущее своего народа в создании полноценной еврейской социалистической республики в европейской части СССР, где-нибудь в пределах бывшей черты оседлости. Ближайший друг Лозовского Юзефович, имевший непосредственное отношение к составлению «крымского письма», потом признал на суде:

«Я думал, что раз существует Автономная еврейская область Биробиджан, то почему не может существовать такая же республика в Крыму. Из Биробиджана евреи все бежали потому, что там было плохо и, кроме того, там была недалеко граница с Японией, а в Крыму они могли обосноваться. Я не видел в этом ничего особенного»¹²¹.

Нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что главный вдохновитель письма — Михозлс состоял когда-то в партии социалистов-сионистов «Ферейникте», выступавшей за территориальную автономию евреев. К тому же в ЕАК поступало немало писем от

эвакуированных на восток евреев, стремившихся после освобождения Крыма переселиться именно туда. Впрочем, того же желали не только евреи. По информации, направленной в августе 1944 года обкомом партии Северной Осетии в ЦК ВКП(б), в этой автономной республике «широко» велись «разговоры о переселении осетин в Крым якобы потому, что осетинский народ хорошо показал себя в Отечественной войне...», и более того, ходили упорные слухи о том, что идет сбор подписей под соответствующим письмом Сталину¹²².

Но все же главной предпосылкой возникновения «крымского письма» стала, как уже было сказано, гипертрофия национальных чувств евреев, порожденная в годы войны реальной угрозой их полного уничтожения, по крайней мере в Европе. Всплеск еврейского (как, впрочем, русского, украинского, татарского и другого) национального самосознания был тогда настолько силен, что многое воспринималось в ином, чем в мирное время свете. Пострадавшим в войне народам, и в особенности евреям, испытавшим на себе целенаправленный и беспрецедентный гитлеровский террор, хотелось верить, что их страдания не напрасны и что выжившие вправе надеяться на воздаяние за понесенные жертвы и лучшую жизнь. Один из авторов письма, Фефер, считавший «крайне желательным создание еврейской республики в северной части Крыма», потом гордо заявит на суде:

«Да, вы не найдете такого народа, который столько выстрадал бы, как еврейский народ. Уничтожено 6 миллионов евреев из 18 миллионов — одна треть. Это большие жертвы. И мы имели право на слезу и боролись против фашизма»¹²³.

Если верно утверждение, что национализм в своих крайних проявлениях — это своего рода патология, то также очевидно, что в основе этого социального недуга лежит защитная реакция той или иной национальной общности в период наивысшей для нее опасности. Вторая мировая война, унесшая жизни более чем половины евреев, живших в СССР¹²⁴, как раз и стала такой годиною тяжелых испытаний для этого народа. Отсюда вполне понятно, почему такие люди, как Михозлс, в которых под впечатлением от национальной трагедии пробудилась ментальность, уходящая корнями в мессианство пророка Моисея, обратились к Сталину как руководителю единственной, как они считали, в мире страны, способной спасти их народ от полного уничтожения.

Такое, что называется, последнее упование вполне понятно, если учесть, что западные демократии оказались не в состоянии противостоять нацистской политике массового истребления евреев, которая была одобрена протоколом Ваннзейской конференции, состоявшейся в пригороде Берлина 20 января 1942 г. и запланировавшей уничтожение около 11 млн. европейских евреев. Задним числом Г. Моргентгау сожалел в своих мемуарах:

«С августа 1942 года мы знали о намерении нацистов стереть всех еврейских евреев с лица земли. Несмотря на это в течение 18 месяцев госдепартамент не предпринял никаких шагов в отношении этого чудовищного плана...».

Более того, американский государственный департамент наложил запрет на передачу информации о еврейском геноциде через швейцарские дипломатические каналы. Бессильный помочь своим гибнущим в Европе соплеменникам Х. Вейцман, выступая 1 мая 1943 года в нью-йоркском Мэдисон-сквер-гарден, с отчаянием в голосе произнес:

«Когда историк в будущем соберет мрачные хроники наших дней, то две вещи покажутся ему невероятными: во-первых, само преступление, а во-вторых, реакция мира на это преступление. ...Его озадачит апатия всего цивилизованного мира перед лицом этого чудовищного, систематического истребления людей».

Фактически отказом ответило правительство Великобритании в феврале 1943 года на просьбу Х. Вейцмана принять предложение Румынии об отправке 70 тыс. евреев Транснистрии в Палестину. Отрицательной была реакция и осенью 1944 года, когда один из руководителей ВСО И. Грюнбаум обратился к высокопоставленным военным союзных держав (заместителю министра обороны США Д.Д. Макклою и британскому генералу сэру Г.М. Уилсону) с предложением разбомбить газовые камеры и крематории Освенцима. По сути дела военное командование союзников умыло тогда руки, мотивируя свой отказ «техническими причинами» и сославшись на то, что эта фабрика смерти не является военным объектом, а воздушный налет «спровоцировал бы более ожесточенные карательные действия со стороны фашистов». Впрочем, и Кремль отверг направленную через советского дипломатического представителя в Каире Д.Д. Солода просьбу сионистов уничтожить в Освенциме с помощью парашютного десанта сооружения, использовавшиеся с целью массового умерщвления людей. Против нацистских антиеврейских зверств не возвысил своего голоса и глава католической церкви Папа Пий XII*¹²⁵.

* Правда, один из иерархов Ватикана, митрополит Украинской греко-католической (униатской) церкви А. Шептицкий в 1942 году направил протест рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру, в котором выступил против уничтожения евреев и привлечения украинцев к этим акциям. Лично Шептицкий спас от смерти множество евреев, в том числе от 300 до 400 еврейских детей. В этой связи уместно будет упомянуть об одном любопытном немецком документе, захваченном наступавшими войсками 2-го Украинского фронта и направленном в октябре 1943 года в ЦК ВКП(б). Это доклад одного из сотрудников канцелярии Гиммлера. В нем важный эсэсовский чин, представленный к генералу-предателю А.А. Власову, называет «чудовищными»

Сделав, как казалось руководителям ЕАК, судьбоносный шаг в истории своего многострадального народа, они между тем впали в эйфорию. Им стало казаться (особенно после поездки Михозлса и Фефера на Запад), что при известной напористости с их стороны вполне возможно, подобно элите американского еврейства, оказывать влияние на правительственные круги, участвуя в формировании государственного политического курса в интересах советских евреев. Эти настроения, разумеется, фиксировались «органами», что потом, в начале 1948 года, им пригодилось для фабрикации «сионистского заговора» в стране. Тогда Абакумов так представил Сталину события четырехлетней давности, связанные с направлением «крымского письма» в правительство:

«Писатель Бергельсон заявлял: «Надо решительно действовать, потом будет поздно. Надо иметь смелость брать на себя ответственность и прокладывать пути. Такой момент больше не повторится... Не сомневаюсь, что мы превратим Крым в жемчужину...». Писатель Перец Маркиш ... предложил разработать свой проект письма, положив в основу тезис: «Нужно создать республику для сохранения еврейской культуры, с тем чтобы эта республика являлась духовным центром всего мирового еврейства». В этой связи Нусинов заявлял: «Судьба еврейского народа во всех странах одинакова. Мы должны приветствовать создание еврейского государства в Палестине, и если у нас будет своя республика, то между ними будет установлена самая тесная духовная связь». ... Михозлс заявлял, что «мы не делаем секрета из письма, его многие читают и еще больше о нем знают»¹²⁷.

В ожидании положительного ответа сверху члены президиума ЕАК принялись, если верить их поздним показаниям на следствии, распределять между собой министерские портфели в будущем правительстве «Крымской еврейской республики». Михозлса якобы стали называть «наш президент», в премьер-министры прочили Эпштейна, пост министра иностранных дел (по другим данным: председателя комитета по делам искусств) зарезервировал за собой Фефер. Министром здравоохранения должен был стать Шимелиович, министром просвещения — детский писатель Квитко, его заместителем — литератор С.З. Галкин, министром юстиции — правовед А.Н. Трайнин,

утверждения последнего о том, что влияние евреев на политику в Советской России чрезмерно преувеличивается немцами и что «в решающих вопросах русские проводили самостоятельно свою политику». Но больше всего высокопоставленного эсэсовца возмутило то, что Власов открыто сожалел по поводу убийства нацистами еврейских детей, говоря, что русский народ «ни в коем случае не может оправдать подобных действий». Подобные высказывания делали Власова в глазах его хозяев «неблагонадежным славянином, желающим перебраться из лагеря большевиков в лагерь русских националистов». Возможно, поэтому он был утвержден руководством рейха командующим Русской освободительной армией только 28 января 1945 г., то есть когда фашистская Германия стояла уже на краю гибели (126).

руководителем республиканских профсоюзов — Юзефович, председателем местного союза еврейских писателей — Маркиш. Возможно, что так было на самом деле, но не исключено и то, что эта странная, смахивающая на дурного вкуса оперетку игра в правительство была вымышлена задним числом в МГБ тамошними специалистами с литературным уклоном¹²⁸.

Вместе с тем нет оснований утверждать, что само «крымское письмо» также сработано госбезопасностью или его агентурой в ЕАК с целью заполучить предлог для последующих репрессий (некоторые авторы до сих пор муссируют эту интригующую, но поверхностную версию). Провокация не может быть слишком затянутой во времени, это «скоропортящийся продукт». Автором этих строк весной 1991 года в Центральном партийном архиве в Москве была найдена адресованная Молотову копия «крымского письма». Пометы на ней свидетельствовали, что она уже через неделю после регистрации в ЦК была подшита в архивное дело. Вспомнили об этом письме только через четыре года.

Скорее всего события развивались по следующей схеме: одни (руководители ЕАК) под воздействием ужасов войны и спонтанной общественной «микродемократизации» в те годы оступились, пойдя на необдуманный проект, а другие (МГБ) потом, в 1948 году, собирая компромат на «еврейских националистов», извлекли «крымское письмо» из архива и максимально использовали его в своих провокационных целях, извратив цели авторов этого послания и раздув масштаб их прегрешения.

Что касается отношения Сталина к «крымскому письму», то первоначально он, очевидно, воспринял его как дерзкую, но отнюдь не преступную выходку. К тому же, получив в 1944 году от «Джойнта» полмиллиона долларов в виде первоначальной помощи, советское руководство было заинтересовано, пока шла война, в хороших отношениях с союзниками и потому хотело тихо замять дело. По поручению Сталина Каганович в один из летних дней 1944 года встретился с руководителями ЕАК Михозлсом, Фефером и Эпштейном и в течение двух-трех часов втолковывал им, что «хозяин» недоволен их инициативой¹²⁹.

Ко всему прочему, Сталин не мог не понимать, что одобрение крымского проекта ЕАК чревато взрывом массового недовольства, особенно на разрушенной войной освобожденной территории, еще не оправившейся от нацистской антисемитской пропаганды. А вообще вождь, который не особенно церемонился с малыми народами империи, отнюдь не собирался проявлять благожелательность к советским евреям. Если он терпел разговоры о еврейской автономии в Крыму, то только до тех пор, пока они способствовали выкачиванию денег из американских толстосумов. Руководство ЕАК, напротив, наивно верило в реальность своего проекта и потому как бы

вставало на сторону той общественности Запада, которая была заинтересована в послевоенном решении проблемы европейских евреев путем размещения их в СССР. В первую очередь такой вариант потенциально мог устраивать правящие круги Великобритании и США, которые опасались того, что создание еврейского государства на Ближнем Востоке неминуемо превратит этот богатый нефтью и потому жизненно важный для них регион мира в очаг перманентной напряженности и периодических еврейско-арабских войн. Интересно, что министр колоний Англии лорд Мойн, встречаясь вскоре после нападения фашистской Германии на СССР с Д. Бен-Гурионом, заявил ему, что Палестина не разрешит проблемы еврейского народа и что альтернативой ей после разгрома нацистов должна стать Европа. Дословно он сказал так:

«Мы выгоним немцев из Восточной Пруссии, поселим там евреев и создадим еврейское государство»¹³⁰.

Поскольку проблема еврейского Крыма при определенном стечении обстоятельств могла превратиться в международную, Сталин, всегда опасавшийся даже малейшего вмешательства извне в дела своей империи, не мог не тревожиться по этому поводу, тем более что полуостров был когда-то последним оплотом антисоветских белогвардейских сил, которые хотели использовать его как опорную базу для военного натиска на большевиков. Сталину явно не улыбалась перспектива иметь у себя под боком новую «Палестину», на которую американцы наверняка постарались бы распространить свое влияние. Его, надо полагать, куда больше устраивала возможность направить поток выжившего европейского еврейства на Ближний Восток, где эта мощная националистическая сила смогла бы нанести ощутимый удар по позициям Британской империи. Кроме того, поступив так, Сталин, с одной стороны, предстал бы в глазах мировой общественности поборником исторической справедливости в отношении гонимого веками народа, перенесшего к тому же только что величайшую трагедию в своей истории, а с другой — избавился бы от, в его понимании, потенциальной «пятой колонны». Подобные соображения должны были настроить советского диктатора на то, чтобы согласиться в феврале 1945 года на Ялтинской конференции с мнением Рузвельта и Черчилля о послевоенном наделении евреев широкими правами на национальный очаг в Палестине и о неограниченной их эмиграции туда, если, конечно, такой вопрос тогда поднимался, о чем до сих пор нет полной ясности. Как бы то ни было, но эта линия была продолжена Сталиным, когда он санкционировал подписание соглашения между правительством СССР и временным правительством национального единства Польской республики от 6 июля «О праве выхода из советского гражданства лиц польской и еврейской национальности и об их эвакуации в Польшу». По этому соглашению,

действовавшему вплоть до конца 1946 года, в Польшу возвратились 145 тыс. евреев*, многие из которых, столкнувшись на своей родине с грубыми и массовыми проявлениями антисемитизма, без задержки направились в Палестину**¹³¹. Исход польских евреев из СССР был достаточно массовым и мог быть истолкован как своеобразная демонстрация нелояльности режиму Сталина, что потом не могло не сказаться на их соплеменниках, оставшихся в первой стране социализма.

Говоря о международном аспекте Крымского проекта, следует в итоге констатировать, что обсуждение такового в годы войны не вышло за рамки общественных организаций — главным образом ЕАК в СССР и «Джойнта» в США. Несмотря на отдельные свидетельства и предположения, по большому счету нет веских оснований утверждать, что эта проблема вышла на уровень межгосударственных отношений, ибо, если Сталин, по изложенным выше соображениям, был однозначно против этого, то президента Рузвельта, оппортунистически балансировавшего между сионистами и арабами, как известно, на деле мало занимали сюжеты и планы, связанные с преодолением еврейской трагедии в годы войны и после оной. Что касается премьер-министра Черчилля, то он хоть и понимал, что создание еврейского государства на Ближнем Востоке нанесет сильный удар по британским позициям в этом регионе, тем не менее как реалист в политике не мог не видеть объективной неизбежности такого развития событий.

Сталин, конечно, знал, хотя бы в общих чертах, о такой общеполитической подоплеке «крымской истории», поэтому те обвинения, которые он предъявил потом в связи с ней через МГБ Лозовскому и руководству ЕАК, нельзя расценить иначе как надуманные и провокационные. Выступая сознательно против истины, он в апреле 1952 года одобрил представленное ему руководством МГБ обвинительное заключение по «делу ЕАК», в котором крымский эпизод был квалифицирован следующим образом:

«... Действуя по прямому сговору с представителями американских реакционных кругов, обвиняемые Лозовский, Фефер, а также Михозлс и Эпштейн... при поддержке своих сообщников домогались от Советского правительства предоставления территории Крыма для создания там еврейской республики, которую американцы рассчитывали использовать в качестве плацдарма против СССР».

* В 1946–1947 годах состоялось также переселение 22,3 тыс. евреев из Черновцов (Украина) в Румынию.

** В середине сентября 1946 г. советские спецслужбы зафиксировали, что из Польши через территорию Чехословакии, советскую оккупационную зону в Австрии, а также через польские порты «имеет место массовый выезд евреев, направляющихся в Палестину». Отмечалось, что транспорты с евреями направляются в американскую зону, в Мюнхен, где вроде бы был организован сборный пункт для дальнейшей отправки евреев на Ближний Восток (131).

Данное обвинение выглядело столь абсурдным, что даже советское правосудие, стоявшее на страже интересов тогдашнего режима, вынуждено было в ходе состоявшегося следом закрытого процесса фактически признать его некорректность. Однако из-за невозможности совсем отказаться от этого ключевого пункта в судебный приговор по «делу ЕАК» включили следующую, во многом странную и парадоксальным образом не содержащую исходя из общепринятых правовых норм состава преступления, формулировку по Крыму:

«... Розенберг потребовал от Михозлса и Фефера взамен оказания материальной помощи добиться у Советского правительства заселения Крыма евреями и создания там Еврейской республики, в чем, как заявил Розенберг, американские евреи заинтересованы не только как евреи, но и как американцы»¹³².

Впрочем, на уже предрешенную сверху судьбу подсудимых это никак не повлияло. Но это произойдет через восемь лет, а в 1944 году руководство ЕАК, даже несмотря на то, что его инициатива была отвергнута, продолжало какое-то время питать иллюзии относительно Крыма. Особенно оно воспрянуло духом после того, как в мае полуостров был очищен от немцев и ведомство Берии в рамках «спецмероприятия» стало выселять оттуда крымских татар, болгар, греков и армян (всего более 230 тыс. человек)¹³³. И тогда, предвосхищая события и рассуждая в том смысле, что надо же кем-то заполнять образовавшийся этнический вакуум, в ЕАК решили действовать, направив в Крым члена президиума комитета Квитко. Он должен был на месте оценить ситуацию и представить свои соображения о реальности крымского проекта. Взору столичного эмиссара предстала безрадостная картина. Хотя от рук немцев в Крыму погибло 67 тыс. евреев, караимов* и крымчаков¹³⁵, вновь назначенную советскую администрацию мало трогало бедственное положение, в котором оказались выжившие евреи. Даже посылки, присылавшиеся им из США и других западных стран, часто разворовывались местными чиновниками или доставались другим. Возвратившись в Москву, Квитко доложил на заседании президиума ЕАК о том, что по решению властей еврейские колхозы (наряду с немецкими колониями) в Крыму восстанавливаться не будут; кроме того, он поведал о разгуле антисемитизма в местных школах, где учеников-евреев их одноклассники награждали презрительными кличками, а иногда и подвергали побоям. Еще более тревожным было сообщение выступившего следом Нусинова, предпринявшего поездку на Украину. О собранных им там фактах бедственного положения уцелевших евреев ЕАК потом неоднократно информировал советских руководителей, в том числе

* Еще в 1938 году нацистские чиновники из исследовательского отдела СД после тщательных «научных» изысканий определили, что караимов следует рассматривать как евреев (134).

Молотова, Берию и генерального прокурора К.П. Горшенина¹³⁶. В результате, в какой-то мере благодаря прохождению некоторых из этих посланий через Жемчужину, передававшую их по просьбе Михоэlsa своему мужу Молотову, острота еврейской проблемы на Украине была несколько сглажена. По распоряжению из Москвы Хрущев дал указание своему заместителю по СНК УССР И.С. Сенину оперативно проверить условия жизни евреев в местах их концентрации в республике. Уже 28 июня Хрущеву было доложено о проведении соответствующих инспекций в Бердичеве, Виннице, Могилеве-Подольске, Жмеринке, Тульчине, Ямполе, Томашполе, Балте и других небольших городах, а также в таких крупных центрах, как Киев и Харьков, где на 1 июня насчитывалось соответственно 15 644 и 24 668 евреев. По ходу дела в этих местах создавались приюты для еврейских сирот (в Могилеве-Подольске, Балте); еврейским семьям по суду возвращалось их прежнее жилье; исполкомам горсоветов в Виннице, Черновцах, Одессе и Ровно была направлена директива об оказании помощи еврейскому населению¹³⁷.

Даже начавшееся с конца 1944 года заселение Крымской АССР* славянами-переселенцами** из Украины, Воронежской, Брянской, Тамбовской, Курской и Ростовской областей РСФСР и осуществленное тогда же переименование бывших еврейских районов и населенных пунктов в Крыму***¹⁴⁰ не развеяло окончательно иллюзий руководства ЕАК. Бывший сотрудник Совинформбюро Г.З. Соркин показал потом следствию, что когда в июне 1945 года, возвратясь в Москву из командировки в Румынию, он зашел в приемную Лозовского, то застал там Михоэlsa, Фефера и Эпштейна, которые снова хотели идти к Молотову по поводу Крыма. К последнему, правда, они не пошли, но 28 августа руководство ЕАК проинформировало Маленкова о желании «Джойнта» «оказывать помощь еврейским колхозам Крыма»¹⁴¹.

Идея компактного еврейского очага в европейской части СССР не умерла в общественном сознании евреев с наступлением мирного

* По указу президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. Крымская АССР была преобразована в Крымскую область (138).

** Вопрос о «срочном переселении в Крым свежего колхозника из центральных областей СССР» ставился в ЦК ВКП(б) еще в ноябре 1938 года. Необходимость этого мотивировалось тогда главным образом наличием на полуострове многочисленных иностранных подданных (греков и др.), а также тем, что «националистические элементы (татары и др.) раньше очень ориентировались на своих единоверцев — турок (да, вероятно, и теперь не перестают питать некоторые надежды, в особенности же в связи с изменением ориентации Турции...)» (139).

*** Возможно, что переименование, скажем, Лариндорфского района в Первомайский, а Фрайдорфского — в Новоселовский произошло потому, что эти названия приняли за немецкие.

времени. Даже наоборот, колоссальные послевоенные проблемы — хозяйственная разруха, трудности в связи с реэвакуацией евреев на прежние места жительства, где находившееся в оккупации население годами обрабатывалось немцами в антисемитском духе, — в какой-то мере способствовали ее укоренению в сердцах людей. Однако стихийные попытки евреев явочным порядком осесть в Крыму решительно пресекались властями. Негодяя, «отказники» и их ходатаи обращались в Москву, наивно полагая, что та призовет к порядку местных начальников, которые, как казалось жалобщикам, действуют на свой страх и риск. Впрочем, откуда им было знать, что те, кого они обвиняли, лишь добросовестно выполняли негласные устные инструкции центра.

«Вернувшись после демобилизации из Красной Армии в Симферополь, — писал в июле 1946 года Сталину заведующий кафедрой Симферопольского медицинского института профессор-патологоанатом Я.Е. Браул, — я от многих товарищей услышал, что евреев в Крыму не берут на работу, а работающих всяческими путями пытаются уволить... У меня на кафедре есть одна вакантная должность. Я подобрал на эту должность очень знающего способного патологоанатома ...Хархурима Илью Григорьевича... Когда я обратился к директору медицинского института... с просьбой утвердить Хархурима в должности ассистента, то он мне... ответил следующее: "Что ты со мной делаешь! Меня и так в обкоме «греют» за то, что у меня много евреев"».

Обескураженный таким откровенным признанием, Браул решил посоветоваться с заведующим кафедрой марксизма-ленинизма И.К. Дехтяревым, и тот с оглядкой по сторонам ему сказал:

«Сам слышал от работников обкома о том, что Крым должен быть русским и евреев на работу не нужно брать...».

Реакция в верхах на этот, как и на десятки других подобных сигналов, была стандартной. Поскребышев направил челобитную профессору Жданову, а тот — секретарию Крымского обкома Н.В. Соловьеву, который не обинуясь обвинил Браула в клевете на областную парторганизацию, в пропаганде еврейского национализма под видом борьбы с антисемитизмом. Отвечая Жданову, он представил действия Браула не просто как навет обиженного одиночки, а почти как акцию разветвленной националистической организации. Для пущей важности Соловьев подкрепил свои утверждения фактом, имевшим место в ноябре 1944 года, когда в Симферополе с участием профессуры медицинского института состоялся еврейский религиозный митинг, организованный якобы неким проамериканским сионистским обществом¹⁴².

О послевоенном разгуле антисемитизма в Крыму свидетельствовала и некая Гордина, вынужденная в 1946 году переехать оттуда в Биробиджан, где устроилась лектором обкома. Желая посвятить

себя делу превращения еврейского народа в нацию (ибо только как нация евреи, по ее убеждению, могли избежать ужасов нового геноцида), она написала в своей служебной автобиографии:

«Обстановка в Крыму оказалась такой, что работать было невозможно. Кругом сплошной антисемитизм, и никакой борьбы с ним нет»¹⁴³.

Прошло уже достаточно времени с момента отклонения Кремлем «крымского письма», а толки о возможной организации еврейской автономии на южном полуострове не затихали. На состоявшейся 17 июля 1946 г. в Политехническом музее в Москве лекции на тему «Палестинская проблема» у выступившего с нею специалиста по Ближнему Востоку В.М. Луцкого спрашивали посредством анонимных записок:

«Каково отношение официальных органов СССР к национальной проблеме еврейского народа в смысле территориальной национально-политической консолидации, подобно другим народам СССР?»; «Почему не устроить в противовес Палестине автономное еврейское образование в СССР?.. Что, у нас земли мало? Вот, например, Крымский полуостров, который два года тому назад был совершенно свободным...»¹⁴⁴.

Вера в возможность уравнивания в правах с другими народами и обретение на территории Крыма собственной нормальной государственности не покидала советских евреев вплоть до образования в 1948 году Израиля. В ярких лучах этой осуществленной сионистской мечты, захватившей тогда воображение мирового еврейства, крымский мираж стал меркнуть, а окончательно рассеялся, когда руководителей ЕАК поглотили недра Лубянки. Правда, в протоколе допроса Фефера финал крымского проекта представлен в совершенно ином свете. Скорее всего, под давлением следователя он заявил, что палестинские события середины 1948 года актуализировали проблему создания Крымской еврейской республики, которая-де могла бы составить общий с независимым Израилем демократический «общееврейский фронт». Под этим якобы соусом и была организована тогда поездка в Крым «на разведку» писателя С.В. Гордона. Возвратясь назад, тот проинформировал вроде бы руководство ЕАК, что хотя процесс ассимиляции еврейского населения полуострова и зашел слишком далеко, тяга в нем к своей государственности еще достаточно сильна. Фефера также заставили «сознаться», что ЕАК для оживления идеи создания еврейской автономии в Крыму планировал направить в Израиль свою делегацию для встречи на «нейтральной почве» с Б.Ц. Гольдбергом и Дж. Розенбергом. «Однако, — как подытожил он свои показания, — закрытие ЕАК и аресты его членов спутали наши карты...»¹⁴⁵.

Вслед за Фефером шестеренки бюрократическо-карательной машины захватили и Лозовского, главного, как считали наверху, вдохновителя и организатора крымского проекта. Будучи вызванным

Маленковым и Шкирятовым 13 января 1949 г. на Старую площадь, он подвергся обстоятельному допросу по поводу участия в этом деле. Под напором иезуитской логики этих аппаратных зубров Лозовский был вынужден пойти на такое признание, которое, собственно, и желал получить стоявший за всем этим Сталин. В представленной ему Маленковым и Шкирятовым записке отмечалось:

«...Как видно из его объяснений, Лозовский часто встречался с Михозлсом, Фефером, Юзефовичем и другими еврейскими националистами, они шли к нему за помощью в проведении своей националистической деятельности, и он был их постоянным советчиком. Лозовский признал, что ему было известно, что руководители Еврейского антифашистского комитета... были националистически настроены, но он, являясь членом ЦК ВКП(б), скрывал это от Центрального Комитета ВКП(б). Лозовский также признал, что после возвращения из Америки Михозлс и Фефер пришли к нему и рассказали об установленных ими связях и встречах с Розенбергом, Левиным, Гольдбергом и другими еврейскими националистами в Америке и о том, что антисоветские американские круги считают необходимым, чтобы Михозлс и Фефер подняли в Москве вопрос о создании еврейской республики в Крыму. ... Лозовский должен был увидеть антисоветское лицо Михозлса и Фефера и довести об этом до сведения Центрального Комитета ВКП(б). Но Лозовский этого не сделал, а, наоборот, посоветовал Михозлсу и Феферу направить докладную записку в Правительство о создании Еврейской республики в Крыму и сам принял участие в редактировании записки».

К сему прилагался проект решения политбюро о выводе Лозовского из состава членов ЦК за «политически неблагонадежные связи и недостойное... поведение». Ознакомившись с этой заготовкой, Сталин счел ее чрезмерно либеральной. Он ужесточил текст, уснастив его формулировками, предложенными МГБ, и в окончательном виде постановление, утвержденное 18 января, звучало следующим образом:

«...Из материалов, поступивших в ЦК ВКП(б) от органов Министерства госбезопасности, видно, что член ЦК ВКП(б) Лозовский... сговаривался за спиной ЦК ВКП(б) с антифашистским еврейским комитетом о том, как выполнить план американских капиталистических кругов по созданию в Крыму еврейского государства и с каким заявлением обратиться в Советское Правительство, чтобы скорее добиться успеха в этом деле. Кроме того... Лозовский неоднократно принимал американских корреспондентов Гольдберга, Новика, являющихся американскими разведчиками, широко снабжая их секретными материалами о состоянии оборонной промышленности СССР без ведома и разрешения Правительства. ... Считая несовместимым поведение Лозовского со званием члена ЦК ВКП(б) и члена партии, исключить Лозовского С.А. из состава членов ЦК ВКП(б) и из членов партии»¹⁴⁶.

Положение бывшего главы Совинформбюро было достаточно серьезным. Фактически решался вопрос о том, оставить ли его на свободе или бросить в застенки, что в то время для таких, как он, было равносильно смертному приговору. Однако поначалу Лозовский вряд ли осознавал в полной мере нависшую над ним угрозу. Иначе он,

лишившись цековской персональной машины, не стал бы обращаться к заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому с просьбой прикрепить к нему какую-нибудь МИДовскую легковушку¹⁴⁷. Только оказавшись вне партии и ее ЦК (за что члены ЦК проголосовали «опросом» 20 января), Лозовский ощутил себя на краю бездны. В отчаянии он пишет письмо Сталину, в котором умолял:

«Я прошу Вас выслушать меня в последний раз и учесть, что я партию и ЦК никогда не обманывал».

Однако 26 января Абакумов доставил в Кремль Сталину пространный протокол допроса Юзефовича, в котором Лозовский выставился главарем сионистской «пятой колонны» в СССР, и в тот же день по указанию вождя тот был взят под стражу¹⁴⁸.

Низвержение Лозовского с номенклатурного олимпа стало помимо прочего мезью партийного аппарата человеку, который, лично зная Ленина и его точку зрения на ассимиляцию евреев как на объективный и позитивный процесс, тем не менее отступил от завета вождя и впал в грех национализма. Одной из ключевых фигур, принимавших участие в расправе над Лозовским, был Маленков, руководивший по поручению Сталина деятельностью ЦК по борьбе с еврейскими националистами и космополитами. Поэтому не удивительно, что именно тогда общественная молва (которая нередко интерпретируется некоторыми современными авторами, в том числе и учеными-историками, как вполне надежный источник) приписала ему инициативу в развертывании антиеврейских кампаний и причислила его к разряду густопсовых антисемитов. Оспаривать такое устоявшееся мнение непростое, тем более что оно вроде бы подкрепляется множеством косвенных фактов, среди которых фигурируют и изложенные выше эпизоды трагической судьбы Лозовского. Но в истории расправы с покровителем ЕАК имели место и обстоятельства другого рода.

Мало кому известно, что в аппарате ЦК вместе с Маленковым долгое время работал некто М.А. Шамберг, который являлся не только его креатурой и личным другом, но и свояком. В начале 20-х годов они вместе учились в Московском высшем техническом училище, а с 30-х — работали на руководящих должностях в МК ВКП(б). Потом на время их жизненные пути разошлись: Маленкова забирают в ЦК, а Шамберга отправляют в распоряжение Одесского обкома партии. Однако уже в марте 1936 года Маленков, возглавлявший тогда ОРПО ЦК, берет 34-летнего Шамберга к себе заместителем. В 1942 году толкового и аккуратного функционера назначают на ответственный пост заведующего оргинструкторским отделом ЦК. Когда в 1946-м карьерная звезда Маленкова несколько поблекла, Шамберг хоть и удержался в центральном аппарате партии, но только в качестве инспектора. Впрочем, он не был тщеславен и к тому же не мог не замечать усиливавшегося с каждым

годом аппаратного антисемитизма и не понимать в связи с этим деликатности своего положения. Поэтому, когда в середине 1948 года Маленкова восстановили в должности секретаря ЦК, Шамберг не претендовал на повышение, довольствуясь тем, что его сын Владимир (впоследствии преуспевающий специалист по американской экономике) женился на Воле Маленковой, дочери вновь обласканного Сталиным покровителя. Однако в начале 1949-го Сталин потребовал от Маленкова порвать с еврейской родней. И по воле вождя брак дочери царедворца был расторгнут. Стустились тучи и над самим Шамбергом, который на беду был связан родственными узами и с Лозовским: тот был женат на его сестре, С.А. Шамберг, а дочь Лозовского, В.С. Дридзо, которая в 1919–1939 годах была личным секретарем Н.К. Крупской, приходилась Шамбергу женой. Когда Лозовского изгнали из ЦК и партии, Шамберг, резонно опасаясь, что и его захватит водоворот репрессий, направил 21 января, вероятно по совету Маленкова, в ЦК записку такого содержания:

«...Сегодня утром С.А. Лозовский сообщил мне, что... выведен из состава членов ЦК ВКП(б) и исключен из партии за связь с руководителями шпионского еврейского националистического центра в бывшем Антифашистском еврейском комитете. ... О своих отношениях с Лозовским должен сказать следующее. Никакой связи с ним по служебной линии у меня никогда не было. Поэтому факты, которые теперь вскрылись, мне известны не были. ... Я, естественно, бывал у него на квартире. Во время встреч велись обычные общие разговоры на политические или литературные темы по общеизвестным по печати фактам. О его служебных делах разговоров не было. В частности, ни разу не было никакого разговора по каким-либо вопросам, связанным с работой Антифашистского еврейского комитета. ... Припоминая теперь свои встречи с Лозовским, я должен откровенно сказать, что у меня не было повода... подозревать его в антипартийных действиях и настроениях. Учитывая, что я нахожусь в родственных отношениях с человеком, исключенным из партии, считаю, что трудно будет дальше продолжать работать в аппарате ЦК ВКП(б). Прошу решить вопрос о моей дальнейшей работе»¹⁴⁹.

Маленков не оставил в беде друга-еврея и перевел его в глухую провинцию, в Кострому, на должность заместителя председателя исполкома областного совета, на которой тот пребывал вплоть до смерти Сталина.

РАСПРАВА НАД ЖЕМЧУЖИНОЙ

Наряду с Лозовским жертвой верхушечной «разборки» стал еще один «падший ангел», также в одиночасье исторгнутый из среды номенклатурной элиты. Речь идет о жене Молотова П.С. Жемчужиной. В исторической литературе распространено суждение, что, строя козни против этой женщины, Сталин злоумышлял исключительно против

ее влиятельного супруга и стремился таким образом устранить наиболее сильного конкурента в борьбе за власть. Вероятно, что в силу своего, мягко говоря, недоверчивого характера он в какой-то мере мог испытывать ревность ко второму человеку в государстве, особенно после того как, заболев осенью 1945 года, услышал, что в ближайшем окружении того стали прочить в его преемники. Однако бесспорно то, что эти подозрения не смогли поколебать веру Сталина в личную преданность ему Молотова. В противном случае он давно бы избавился от него так же, как это делал с другими. Поэтому логичней было бы утверждать, что если диктатор и был недоволен своим первым министром, то прежде всего из-за того, что тот, будто бы, попав в «сионистские сети», невольно оказывал услуги «еврейским националистам» через своего протеже Лозовского и собственную супругу, имевшую на него сильное влияние. Именно эту властную женщину, первую скрипку в семье, Сталин мог заподозрить в том, что та подговорила мужа демонстративно воздержаться при голосовании на XVIII партконференции (1941 г.) предложения, исходившего от него, вождя партии и народа, о выводе ее из кандидатов в члены ЦК, а, может быть, Сталину подумалось, что именно она, ловко используемая Михоэлсом и другими «сионистами», заставляла «подкаблучника Вячу» в качестве заместителя главы правительства мирволить еврейским националистам внутри страны, а как министра иностранных дел — проводить оказавшийся бесплодным произраильский курс во внешней политике. Так или иначе, но 21 октября 1948 г. Сталин впервые выразил открытое недовольство Молотовым. В телеграмме в ЦК ВКП(б), отправленной им с юга, в довольно резкой форме были дезавуированы уже отосланные в Германию поправки Молотова к проекту послевоенной конституции этой страны. Причем Сталин настоял, чтобы в принятом на следующий день специальным постановлении политбюро было указано, что эти поправки являются «неправильными политически» и «не отражают позицию ЦК ВКП(б)»¹⁵⁰.

А может быть, подозрения посетили вождя, когда ему стало известно о теплой и продолжительной беседе Жемчужиной с Г. Меир на приеме по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции, который для аккредитованных в Москве иностранных дипломатов устроил как руководитель МИД Молотов, предложивший израильскому посланнику выпить рюмку водки. Обе дамы говорили на идише. Объясняя собеседнице свое хорошее знание этого языка, Жемчужина с гордостью сказала: «Ich bin a iddishe tochter» («Я — еврейская дочь»). Затем она одобрительно отозвалась о посещении Меир синагоги. На прощанье жена министра со слезами на глазах пожелала благополучия народу Израиля, добавив, что если ему будет хорошо, то будет хорошо евреям и в остальном мире¹⁵¹.

Сталин не мог не быть обеспокоенным тем, что в глазах советских евреев Меир, эта проамерикански настроенная «палестинская

дама»*, превратилась в некую почти харизматическую личность, провозвестницу грядущего исхода в Землю обетованную**. Поэтому советское руководство не очень-то и скрывало свое негативное к ней отношение. Так что Меир очень скоро осознала всю деликатность своего положения. 29 марта 1949 г. на стол Сталина легла следующая информация «органов»: Меир объявила о своем скором отъезде из Советского Союза; при этом она сожалела о том, что, если с американскими евреями и правительством США дружеские связи (с получением финансовой помощи) будут развиваться и дальше, то «со стороны Советского Союза это невозможно: ни финансовая помощь, ни переселение». Такое заявление было равносильно признанию неудачи миссии первого израильского посланника в СССР. 18 апреля, накануне своего отъезда в Израиль, где Меир собирались вручить портфель министра труда в новом правительстве, она, передав полномочия временному поверенному в делах своей страны М. Намиру, собрала последнюю пресс-конференцию. На ней, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, она исполнила долг вежливости в отношении страны, которую покидала:

«Я многому научилась здесь и считаю свое пребывание здесь одним из величайших опытов моей жизни».

Между тем, разжигая подозрительность «хозяина», Абакумов 17 декабря 1948 г. представил ему протокол допроса З.Г. Гринберга, в котором впервые говорилось о причастности жены Молотова к преступной деятельности еврейских националистов. Поскольку Жемчужина состояла в партии и, самое главное, была супругой члена политбюро, Сталин подключил к расследованию, проводившемуся Абакумовым, также М.Ф. Шкирятова, фактически руководившего КПК при ЦК ВКП(б). Образовавшийся таким образом партийно-полицейский тандем 26 декабря провел на Старой площади серию очных ставок между Жемчужиной и арестованными к тому времени

* Так заглазно величали Меир в высшем номенклатурном свете Москвы.

** Примечательны несмотря на свою наивность слухи, циркулировавшие тогда в среде московского еврейства: израильского посла «евреи на руках выносили после ее посещения синагоги... крича при этом: наш посол, наш посол; «посол Израиля... отобрала с собой в Палестину 12 лучших инженеров для строительства там промышленных предприятий, но Сталин их отправил прямым ходом в ссылку в Печерский край»; вместе с Мейерсон «все московские евреи собрались было уезжать в Палестину, но советское правительство отказалось отпустить их туда, так как не хотело лишаться самых умных и самых деловых людей»; «посол Израиля вовсе не была шпионкой, и правительство СССР напрасно выслало ее из пределов России». На самом деле конкретный вклад Меир в решение проблемы эмиграции советских евреев ограничился тем, что в январе 1949 года она тщетно пыталась добиться от властей СССР согласия на выезд стариков и детей для воссоединения с родственниками в Израиле (152).

Фефером, Зускиным и членом правления московской еврейской общины (так называемой двадцатки) М.С. Слуцким, которые накануне дали согласие сотрудничать со следствием и были соответствующим образом проинструктированы. Уже на следующий день вечером Сталин ознакомился с результатами трудов Шкирятова и Абакумова. Жемчужина обвинялась ими в «политически недостойном поведении», а конкретно ей инкриминировались следующие прегрешения:

«В течение длительного времени... поддерживала знакомство с лицами, которые оказались врагами народа, имела с ними близкие отношения, поддерживала их националистические действия и была их советчиком... Вела с ними переговоры, неоднократно встречалась с Михоэлсом, используя своё положение, способствовала передаче... политически вредных, клеветнических заявлений в правительственные органы. Организовала доклад Михоэлса в одном из клубов об Америке, чем способствовала популяризации американских еврейских кругов, которые выступают против Советского Союза. Афишируя свою близкую связь с Михоэлсом, участвовала в его похоронах, проявляла заботу о его семье и своим разговором с Зускиным об обстоятельствах смерти Михоэлса дала повод националистам распространять провокационные слухи о насильственной его смерти. Игнорируя элементарные нормы поведения члена партии, участвовала в религиозном еврейском обряде в синагоге 14 марта 1945 г., и этот порочащий ее факт стал широким достоянием в еврейских религиозных кругах...»¹⁵³.

Кроме того, Жемчужиной припомнили, что в 1943 году она попросила Михоэлса встретиться в Нью-Йорке с ее братом, бизнесменом Сэмом Карпом. Не укрылось от недреманного ока власти и то, что летом 1946-го Михоэлс, придя однажды к Жемчужиной на работу, поделился с ней поступавшими к нему жалобами евреев на притеснения местного начальства, а потом поинтересовался, к кому лучше обратиться по этому поводу — к Жданову или Маленкову? На что Жемчужина ответила:

«Жданов и Маленков не помогут, вся власть в этой стране сконцентрирована в руках только одного Сталина. А он отрицательно относится к евреям и, конечно, не будет поддерживать нас»¹⁵⁴.

На состоявшемся 29 декабря заседании Политбюро Жемчужину исключили из партии. При этом было особо отмечено, что «несмотря на сделанные... в 1939 году Центральным Комитетом ВКП(б) предупреждения по поводу проявленной ею неразборчивости в своих отношениях с лицами, не заслуживающими политического доверия, она нарушила это решение партии и в дальнейшем продолжала вести себя политически недостойно»¹⁵⁵.

На сей раз Молотов голосовал «за». Потом он вспоминал, что, «когда на заседании Политбюро он (Сталин. — Авт.) прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну, у меня колени задрожали»¹⁵⁶.

К этому времени по приказу Сталина супруги уже разошлись, и Жемчужина переехала жить к брату, В.И. Карповскому, которого впоследствии арестовали. Налагая опалу на Молотова, Сталин 4 марта 1949 г. сместил старого соратника с поста министра иностранных дел. Вместо него был назначен А.Я. Вышинский¹⁵⁷, который почти сразу стал интриговать против своего первого заместителя А.А. Громыко, считая того креатурой Молотова. 29 июня новый глава МИД, направив Сталину и другим членам Политбюро информацию о встрече с посланником М. Намиром, не упустил возможности ехидно подметить, с какой симпатией в Израиле относятся к Громыко. В частности, было воспроизведено следующее вроде бы шутовское предложение израильского дипломата:

«Не примите за вмешательство в ваши внутренние дела, но наш народ и правительство были бы особенно рады принять в качестве гостя Андрея Андреевича Громыко, имя которого знает каждый школьник в Израиле».

На что Вышинский, по его словам, заметил, что «у нас не принято посылать правительственные делегации в другие страны с визитами дружбы»¹⁵⁸.

Однако Сталин тогда Громыко не тронул. Только весной 1952-го, когда отношения с курируемым им Израилем совсем расстроились, он низложил его до уровня посла, направив в своеобразную почетную ссылку в Лондон.

После расправы партийной началось уголовное преследование Жемчужиной. 21 января 1949 г. ее вызвали в ЦК и там арестовали. На Лубянке ей стали предъявлять все новые и новые обвинения, в том числе в служебных злоупотреблениях. Конкретно ей инкриминировали незаконное получение дополнительных средств, приписки в отчетности, незаконное премирование, пьянство, кумовство и фаворитизм по последнему месту работы на должности начальника Главтекстильгалантерейпрома Министерства легкой промышленности РСФСР, от которой ее освободили еще 10 мая 1948 г. «по состоянию здоровья». На допросах Жемчужина, несмотря на многочисленные телесные недуги, держалась с завидной стойкостью, решительно отвергая облыжные обвинения. Чтобы морально сломить неуступчивую узницу и одновременно позабавить кремлевского хозяина, ведомство Абакумова подготовило для нее сюрприз весьма гнусного свойства. Поскольку вместе с Жемчужиной арестовали нескольких ее бывших руководящих сотрудников, у следствия возникла идея использовать их как обличителей не только служебных, но и интимных пороков руководившей ими женщины. Вначале грязных «признаний» добивались от В.Н. Иванова, прежнего заместителя Жемчужиной и ее преемника на посту начальника главка. Следователь Г.А. Сорокин угрожал ему мерами физического воздействия, но так ничего и не добился. Однако к клевете удалось принудить другого бывшего сослуживца,

некоего Ивана Алексеевича Х. После недолгой следственной «работки» этот отец семейства на одной из очных ставок с Жемчужиной неожиданно для нее заявил, что та, используя свое служебное положение, склонила его к сожительству. Такой наглый выпад буквально ошарашил Жемчужину. Оскорбленная как человек и униженная как женщина, она назвала обидчика подлецом. Как свидетельствовал Хрущев, Сталин, чтобы «опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова», организовал стирку представленного Абакумовым грязного белья на заседании политбюро.

«Помню грязный документ, — вспоминал Хрущев, — в котором говорилось, что она (Жемчужина. — *Авт.*) была неверна мужу и даже указывалось, кто были ее любовниками. Много было написано гнусности»¹⁵⁹.

Нанеся Молотову удар ниже пояса, Сталин решил проявить к нему великодушие и потому определил для жены старого соратника относительно мягкое наказание: пять лет ссылки в Кустанайскую область Казахстана. Оказавшись на дальней захолустной окраине империи, Жемчужина, согнувшись первоначально под тяжким грузом незаслуженных обид, пристрастилась к алкоголю, но потом сумела взять себя в руки и морально не опустилась.

СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Тем временем в Москве не прекращались аресты лиц, имевших отношение к ЕАК. В двадцатых числах января и феврале 1949 года за решеткой оказались литераторы Л.М. Квитко, П.Д. Маркиш, Д.Р. Бергельсон, С.З. Галкин, заместитель министра госконтроля РСФСР С.Л. Брегман, ответственный редактор «Эйникайт» Г.М. Жиц, его заместитель С.Х. Рабинович, заведующий издательством ЕАК С.О. Котляр, главный редактор ЕАК С.Н. Хайкин, директор издательства «Дер эмес» Л.И. Стронгин, главный редактор того же издательства и руководитель еврейского театрального училища М.С. Беленький, академик-биохимик Л.С. Штерн, начальник высших инженерных курсов Министерства путей сообщения Л.А. Шейнин. Некоторые из них входили в президиум ЕАК, состоявший из 20 человек. Почти все его члены, за исключением нескольких человек*, были репрессированы. Некоторые из них обвинялись не только по линии ЕАК.

* Не были арестованы: Герой Советского Союза, генерал-полковник Я.Г. Крейзер, которого спасла боевая слава и то, что с апреля 1949-го он находился вне Москвы, командуя в Прикарпатском военном округе 38-й армией; академик А.Н. Фрумкин, который не принимал участия в работе президиума ЕАК, но тем не менее был снят с должности директора Института физической химии АН СССР; М.И. Губельман, брат Е. Ярославского, которого, правда, еще в ноябре 1947-го освободили от обязанностей

Лине Штерн инкриминировались еще контакты с иностранцами, подозреваемыми в шпионаже против СССР. Дело в том, что в основе принесшего ей после войны широкое признание и славу метода лечения туберкулеза лежало применение антибиотика стрептомицина, который она нелегальным путем получала из-за границы. Производимый только в США и отнесенный конгрессом к разряду стратегических материалов, этот препарат контрабандно переправлял в Советский Союз брат Л. Штерн Бруно, богатый американский бизнесмен. Всего она получила от него 1,2 кг стрептомицина. Благодаря брату осенью 1946 года Л. Штерн познакомилась и с прибывшими по приглашению Академии медицинских наук СССР в Москву американскими коллегами — известным микробиологом и президентом Американско-советского медицинского общества С. Маддом и издателем популярного медицинского журнала Р. Лесли. Гостям была предложена возможность посетить 11 научно-исследовательских институтов, они были также в лаборатории Ключевой и Роскина, проведя с ними переговоры по антираковому препарату «КР». Американцев принял и В.В. Парин, обвиненный потом в сотрудничестве с иностранными спецслужбами. Все это дало возможность властям взять со временем под подозрение всех, кто так или иначе контактировал с Маддом и Лесли. Разумеется, для Штерн в данном случае не сделали исключения. Тем более было установлено, что в 1944–1945 годах она принимала в возглавляемом ею Институте физиологии* еще и английского специалиста по органической химии Б. Трипп, которую задним числом тоже объявили шпионкой, поскольку та работала пресс-атташе в посольстве Великобритании¹⁶¹.

В пароксизме очередного приступа шпиономании власти СССР не пощадили не только Штерн, но и 75-летнего биохимика Я.О. Парнаса**, также встречавшегося с этими иностранцами. Этого всемирно известного ученого, действительного члена АН СССР, директора Института биологической и медицинской химии АМН СССР взяли под стражу 29 января 1949 г. Перенести столь тяжкое испытание оказалось не под силу престарелому человеку, через несколько дней он

председателя ЦК профсоюза работников государственной торговли. Кстати, еще в 1947 году, были низложены и другие евреи, входившие когда-то в крестуру Лозовского и руководившие отраслевыми профсоюзами, — З.А. Бриккер (профсоюз кинофотоработников), Х.А. Карпельсон (профсоюз кожаной промышленности).

* 4 июня 1948 г. Штерн была освобождена от обязанностей директора Института физиологии АН СССР, который тогда же был передан в систему АМН СССР (160).

** Парнас происходил из польских евреев, в 1921–1941 годах жил во Львове. В 1947-м, на заре кампании борьбы с антипатриотизмом, его книга «Успехи биологии» за лестную оценку западной науки была подвергнута резкой критике заведующим отделом ЦК Б.Д. Петровым (162).

скончался в тюрьме. За академиков Парнаса, Штерн и доктора Шимелиовича открыто вступился только 90-летний академик Н.Ф. Гамалея. 4 и 16 февраля он направил Сталину письма, в которых связал аресты выдающихся деятелей науки и медицины и «близких друзей» с антисемитизмом, который, как он писал, «пышным цветом расцвел в последнее время в нашей стране...». В этих посланиях были и такие строчки:

«Я родом украинец, вырос среди евреев и хорошо знаю этот одаренный народ, который так же, как и другие народы нашей страны, любит Россию... Мой долг, моя совесть требуют от меня того, чтобы я во весь голос заявил Вам то, что наболело у меня на душе. Я считаю, что по отношению к евреям творится что-то неладное в данное время в нашей стране. ... Судя по совершенно бесспорным и очевидным признакам, вновь появившийся антисемитизм идет не снизу, не от народных масс, среди которых нет никакой вражды к еврейскому народу, а он направляется сверху чьей-то невидимой рукой. Антисемитизм исходит сейчас от каких-то высоких лиц, засевающих в руководящих партийных органах, ведающих делом подбора и расстановки кадров»¹⁶³.

Затратив на этот исполненный благородства и гражданского мужества поступок последние жизненные силы, академик Гамалея очень скоро скончался.

Помимо руководителей в тюрьме оказались и рядовые члены ЕАК, главным образом те, кто тем или иным образом был связан в прошлом с границей и мог соответствующим манером препарированными следствием показаниями подкрепить его версию о шпионском следе в «деле ЕАК». Это Э.И. Теумин, которая, родившись в Швейцарии в семье видного бундовца, после революции приехала в Россию, а в 40-е годы работала редактором у Лозовского в Совинформбюро. Это супруги И.С. Ватенберг и Ч.С. Ватенберг-Островская, которые в 1933 году репатриировались в Россию из США, где занимались коммунистической деятельностью и работали в просоветской организации ИКОР. В 1934 году они были завербованы в качестве секретных сотрудников чекистами Я.К. Берзиным и Д.К. Мурзиным. После ареста последних в 1937 году связь супругов с госбезопасностью на время прекратилась. Однако в 1947-м их вновь стали принуждать к доносам, тем не менее они отделялись ничего не значащей информацией, и «органы» заподозрили их в «двурушничестве». И это, наконец, Л.Я. Тальми, в 1912-м выехавший из России в США, а после Февральской революции возвратившийся на родину, где включился в левосионистское движение, подготовив в начале 20-х годов материал о еврейских погромах на Украине и в Белоруссии. По линии Коминтерна в 1921 году он вновь выехал в США, где в 1925-м встречался с Маяковским, переводил его стихи на английский. В 1932-м вернулся в СССР. В годы войны и до апреля 1948-го работал в Совинформбюро. Его арестовали самым последним, 3 июля 1949 г. Возможно,

ему удалось бы избежать этого, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что его сына Владимира, работавшего в Берлине в экономическом управлении Советской военной администрации в Германии (СВАГ), 5 декабря 1947 г. взяли под стражу в ходе чистки аппарата этой организации, развернувшейся после побега к англичанам работавшего в СВАГ офицера Г.А. Токаева*. Непосредственной причиной ареста сына Тальми стало обнаружение у него книги невозвращенца В.А. Кравченко «Я выбираю свободу». За решеткой молодой Тальми оказался, видимо, не вдруг, а в результате тотальной слежки, которая особенно тщательно велась за, так сказать, потенциально неблагонадежными сотрудниками СВАГ. К разряду таковых были причислены и евреи. В документах управления кадров и секретариата ЦК, датированных апрелем 1947 года, отмечалось как тревожное то обстоятельство, что в центральном аппарате СВАГ доля работавших евреев составляла 6,5%. Но «явно ненормальной» была признана кадровая ситуация в управлении пропаганды СВАГ, в котором каждый четвертый работник был из «товарищей еврейской национальности»¹⁶⁴. 28 апреля 1948 г. военный трибунал приговорил Владимира Тальми к 25 годам лишения свободы**. По этапу его отправили в Южжубаслаг, что в Кемеровской области. Чтобы повидать сына, Л.Я. Тальми решил поехать в Сибирь и уже даже купил железнодорожный билет, но реализации задуманного воспрепятствовали люди с Лубянки, явившиеся к нему домой накануне отъезда с ордером на арест.

Расследование «преступной деятельности еврейских националистов» было поручено следственной части по особо важным делам МГБ СССР, возглавлявшейся генерал-майором А.Г. Леоновым. Под руководством Абакумова он и его заместители — полковники М.Т. Лихачев и В.И. Комаров — внесли на первом этапе наибольший вклад в фабрикации «дела ЕАК». Лихачев, например, имел обыкновение говорить подследственным: «Я сверну вам шею, иначе мне снимут голову». Но особенно усердствовал Комаров, который пришел в «органы» в 1938 году, а спустя четыре года, в возрасте 26 лет, стал у Абакумова личным секретарем, что и предопределило в дальнейшем его стремительный карьерный взлет. О том, как относился этот интеллектуально примитивный человек к находившимся в его полной власти «еаковцам», дает представление его письмо Сталину от 18 февраля 1953 г., то есть в самый разгар «дела врачей», когда этот уже бывший следователь сам волей судьбы угодил за решетку:

* В начале 1949 года Токаев был возвращен в Советский Союз путем обмена на разоблаченного английского шпиона Фрэнка Келли.

** В 1955 году В.Л. Тальми освободили и реабилитировали. В настоящее время он проживает в США в штате Мэриленд.

«Дорогой товарищ Сталин!.. В коллективе следчасти хорошо знают, как я ненавидел врагов. Я был беспощаден с ними, как говорится, вынимал из них душу, требуя выдать свои вражеские дела и связи. Арестованные буквально дрожали передо мной, они боялись меня, как огня. ... Сам министр не вызывал у них того страха, который появлялся, когда допрашивал их лично я. Арестованные враги хорошо знали и ощущали на себе мою ненависть к ним, они видели во мне следователя, проводившего жесткую карательную линию по отношению к ним, и поэтому, как докладывали мне следователи, всяким путем старались избежать встречи со мной, не попасть ко мне на допрос. ... Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов. За мою ненависть к ним не только арестованные, но и бывшие сотрудники МГБ СССР еврейской национальности считали меня антисемитом. В 1948 году я первый при допросах арестованных выявил, что еврейские националисты проявляют интерес к нашим руководителям партии, и в результате в дальнейшем вышли на Еврейский антифашистский комитет. ... Узнав о злодеяниях, совершенных еврейскими националистами, я наполнился еще большей злобой к ним и убедительно прошу Вас: дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили государству...»¹⁶⁵.

Весь 1949 год в МГБ проводились интенсивные допросы и очные ставки арестованных по «делу ЕАК». Однако с начала 1950-го интерес к ним со стороны следственной части по особо важным делам заметно снизился. В это время Абакумов и его приспешники направили свою энергию на создание новой антисемитской мистификации — «дочернего» дела о шпионаже сионистов на Московском автомобильном заводе имени Сталина (подробнее об этом будет рассказано далее). Но главные силы Лубянки тогда были сконцентрированы на подготовке судебной расправы над А.Н. Вознесенским и другими арестованными партийными и государственными деятелями, принадлежавшими к так называемой ленинградской группе. До томившихся на Лубянке «еаковцев» просто не доходили руки. В марте им было официально объявлено об окончании следственных действий и предоставлена возможность ознакомиться с протоколами допросов. Чуть позже было решено вдвое сократить количество лиц, первоначально проходивших по «делу ЕАК» (с 30 до 15), выделив в отдельные производства следствия по Жемчужиной, Галкину, Соркину и другим фигурантам, судьбу которых решило потом Особое совещание.

Из всех «еаковцев» только Фефера продолжали вызывать на допросы. Его как ключевую фигуру по множеству находившихся тогда в производстве дел по еврейским националистам даже перевели из Внутренней тюрьмы МГБ СССР в так называемую «Особую тюрьму», созданную по указанию Сталина в феврале 1950 года и размещившуюся в отдельном блоке тюрьмы московского управления МВД (улица Матросская Тишина, 18). Руководство этим новоявленным изолятором

партгосбезопасности*, где содержались узники, считавшиеся наиболее опасными политическими врагами режима («ленинградцы» и другие), осуществлялось Маленковым и Шкирятовым¹⁶⁷.

КОЗНИ «СИОНИСТОВ» В МГБ И ЧИСТКА «ОРГАНОВ»

В положении спущенного на тормозах «дело ЕАК» находилось до середины 1951 года, когда в МГБ развернулась кардинальная чистка аппарата. Поводом к этой давно назревавшей пертурбации послужило письмо, направленное 2 июля Сталину подполковником следственной части по особо важным делам М.Д. Рюминым. На подобный шаг этого чрезмерно тщеславного и амбициозного человека толкнули не только феноменальный авантюризм, но и то, что в мае в управлении кадров МГБ возникли сомнения в достоверности сведений, сообщенных им ранее о своих родственниках. Началась проверка, в ходе которой выяснилось, что при поступлении на службу в органы госбезопасности Рюмин скрыл свое «социально чуждое» происхождение: отец до революции был довольно состоятельным скототорговцем, а тесть в годы гражданской войны служил в армии А.В. Колчака. Кроме того, Рюмин незадолго до проверки получил взыскание за то, что оставил папку со следственными материалами в служебном автобусе. Не на шутку встревоженный разбирательством, грозившим ему в лучшем случае увольнением из «органов», Рюмин решил сделать ход конем. Будучи наслышанным о неприязненных отношениях, сложившихся еще с 1946 года (со времен «авиационного дела») между его начальником Абакумовым и Маленковым, он проинформировал последнего через его помощника Д.Н. Суханова, что обладает сведениями о противозаконной деятельности своего шефа. Не упустив благоприятного шанса расквитаться за прошлые обиды и заодно по мере возможности прибрать к рукам аппарат госбезопасности**,

* Подобные наглядные проявления сращивания структур партийной и государственной безопасности обычно свидетельствовали о начале крупной кампании политического террора в стране. Так было, скажем, в сентябре 1936 года, когда Н.И. Ежова назначили наркомом внутренних дел, «с оставлением его по совместительству секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии партийного контроля с тем, чтобы девять десятых своего времени отдавал НКВД» (166).

** Попытку распространить свое влияние на центральный аппарат МГБ Маленков предпринимал еще в конце 1950 года. Тогда, 31 декабря, он лично подписал, что практиковалось в редких, исключительных случаях, постановление политбюро об освобождении от должности заместителя министра госбезопасности по кадрам М.Г. Свинолупова и назначении вместо него В.Е. Макарова, до этого работавшего заведующим административным отделом ЦК. Однако хотя на Макарова были возложены и «обязанности по наблюдению за работой партийной организации органов МГБ», его быстро подмял под себя Абакумов, что свело старания Маленкова на нет (168).

Маленков предложил Рюмину обратиться непосредственно к Сталину, что тот сразу же и сделал при помощи как самого Маленкова, так и Суханова.

Уже 4 июля Рюмина вызвали к Сталину и тогда же было принято решение создать для проверки выявившихся фактов комиссию политбюро в составе Маленкова, Берии*, Шкирятова и заведующего отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК С.Д. Игнатьева. В тот же день Абакумова отстранили от обязанностей министра, возложив временное исполнение обязанностей на его первого заместителя С.И. Огольцова. 11 июля по докладу председателя комиссии Маленкова было принято постановление политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР», которое через два дня было направлено в виде закрытого письма партийным и специальным органам в регионы.

Помимо прочего, в этом документе Абакумову инкриминировалось сознательное укрывательство от руководства страны «террористических замыслов» участников еврейской антисоветской молодежной организации, арестованных в январе — марте 1951 года. Эта организация, известная как «Союз борьбы за дело революции» (СДР), возникла в августе 1950-го и состояла из учеников старших классов школ и студентов-первокурсников — в основном детей репрессированных родителей. Возглавлял СДР 18-летний студент исторического факультета Московского областного педагогического института Б.В. Слуцкий, сплотивший вокруг себя группу молодых единомышленников, в которую входили В.Л. Фурман, Е.З. Гуревич, С.С. Печуро, Г.Г. Мазур, И.И. Аргинская, М.А. Улановская, Ф.М. Воин, И.Л. Ванников, Н.Е. Уфлянд, А.Е. Рейф и др. Собираясь на квартирах друг у друга, они коллективно изучали труды Маркса, Ленина, Троцкого; вели дискуссии в том духе, что Сталин растоптал ленинские принципы диктатуры пролетариата и создал бюрократической слой «новой аристократии», в среде которой процветают взяточничество, казнокрадство, «насквозь проевшие весь государственный аппарат». Слуцкий написал политическую программу, в которой сталинский режим обвинялся в «обмане, насилии над мыслями» и «игре на религиозно-националистических тенденциях масс». Подражая большевикам-подпольщикам дореволюционной поры, ребята собрали гектограф и печатали листовки. Как выяснило следствие, в ходе состоявшегося однажды обсуждения работы Г.В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» и методов борьбы народовольцев один из членов «организационного комитета» СДР Гуревич,

* У Берии было также немало причин, чтобы ненавидеть Абакумова. Последний с целью получения компромата на Берию в конце 1948 года даже пошел на арест его бывшей любовницы, некоей Л.А. Улерьяновой, женщины легкого поведения.

отец которого был арестован «за политику», выступил за использование индивидуального террора в отношении отдельных деятелей правящего режима. Позднее он предложил организовать группу боевиков и совершить террористический акт против Маленкова, видя в нем главного виновника бед, обрушившихся на евреев. И все это, как отмечал Рюмин, Абакумов пытался представить как безобидную игру детей в политику, для чего в марте 1951 года распорядился подготовить для отправки в ЦК так называемый обобщенный протокол допроса «главаря» СДР Слуцкого, из которого изъяли «признания ... в террористических замыслах». В постановлении ЦК от 11 июля, в котором констатировалось, что Абакумов «обманул партию», новому руководству госбезопасности предписывалось возобновить следствие по «делу о еврейской антисоветской молодежной организации». В итоге в ночь с 13 на 14 февраля 1952 г. военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор, определив Слуцкому, Гуревичу и Фурману смертную казнь, десяти их товарищам — по 25 лет, а еще троим — по десять лет лагерей¹⁶⁹.

Достаточно сурово Сталин покарал и лукавых, в его понимании, слуг Абакумова как «человека, совершившего преступления против партии и Советского государства», сняли с поста министра, исключили из партии и 12 июля арестовали, отправив в «Особую тюрьму» ЦК. Там же оказалось и руководство следственной части по особо важным делам МГБ в лице Леонова, Лихачева, Комарова и др. К удовлетворению Маленкова во главе центрального аппарата госбезопасности был поставлен С.Д. Игнатьев, которого сначала назначили представителем ЦК ВКП(б) в МГБ СССР, а 9 августа — министром госбезопасности СССР. Стяжал дурно пахнущие лавры и Рюмин, который в результате своей весьма рискованной интриги был утвержден 19 октября заместителем Игнатьева, начальником следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности¹⁷⁰.

Исполняя волю Сталина и пользовавшегося его полным доверием Маленкова, Игнатьев, кстати, сохранявший за собой вплоть до 1952 года должность заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, развернул радикальную чистку «органов». 26 августа по его представлению лишились своих должностей заместители министра госбезопасности А.Н. Аполлонов, А.С. Блинов, В.Е. Макаров, Н.А. Королев, Н.Н. Селивановский. В конце октября последних двоих к тому же арестовали. Тогда же за решеткой оказались и заместитель министра госбезопасности Е.П. Питовранов, руководители 1 управления Г.В. Утехин и 2 главного управления Ф.Г. Шубняков.

В декабре стараниями Рюмина был изгнан с поста начальника 5 управления МГБ полковник А.П. Волков, которого Питовранов, Королев, Шубняков и другие взятые под стражу бывшие руководи-

тели Лубянки охарактеризовали как близкого к Абакумову человека, доносившего ему обо всем, что творилось в центральном аппарате госбезопасности. Очевидно, так и было на самом деле, ибо благодаря своему служебному положению Волков, несомненно, обладал соответствующими возможностями. Возглавляемое им 5 управление занималось в послевоенные годы сначала пересмотром «необоснованно сданных в архив» дел на «враждебные и антисоветские элементы», а в декабре 1949 года было реорганизовано в сугубо агентурно-розыскное, оперативное подразделение, наследовавшее функции существовавшего в 20–30-е годы секретно-политического отдела (управления). В новом качестве 5 управление значительно активизировало политический сыск и слежку в среде духовенства, творческой и научной интеллигенции, усиленно «опекало» лиц, ранее входивших в «контрреволюционные» партии (эсеров, анархистов, меньшевиков и т.д.) и право-троцкистскую оппозицию, а также подозревавшихся в принадлежности к националистическим организациям. Выявляя уязвимые места в психике людей, их тайные и явные пороки, применяя шантаж, угрозы, подкуп, провокацию, прикрываясь демагогией о патриотическом и гражданском долге, в общем, пуская в ход все возможные средства борьбы с «внутренними врагами», это управление постоянно расширяло глубоко законспирированную сеть тайных общественных агентов-информаторов, состоявшую по численности почти из 11 млн. человек, и оплетало ею, как невидимой паутиной, коллективы работников учреждений, предприятий, религиозных организаций, творческих союзов, научных центров.

В составе 5 управления была предусмотрена и структурная часть по борьбе с еврейским национализмом, так называемый 6-й отдел, который сначала возглавлялся И.В. Шумаковым, а с 1952 года — А.Ф. Рассыпнинским. С момента ликвидации ЕАК перед этим подразделением была поставлена задача усилить работу по искоренению еврейского политического (сионистско-бундовского) и религиозного подполья, что и было сделано. Если за 1948 год МГБ были арестованы по подозрению в совершении политических преступлений (по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР) 956 человек еврейской национальности (главным образом так называемых еврейских националистов), то в 1949-м — 1972, а в 1950-м — 1232¹⁷¹. 22 декабря 1951 г. постановлением политбюро новым руководителем 5 управления был утвержден генерал-майор А.П. Бызов, до этого руководивший 1 (разведывательным) управлением¹⁷².

Если Рюмин активно «зачищал» «органы» от «абакумовцев», то правой рукой Игнатьева по их кадровому «освежению» стал А.А. Епишев, которого в сентябре утвердили заместителем министра госбезопасности по кадрам. Незадолго до этого его назначили инспектором ЦК, переведя в Москву с поста первого секретаря Одесского

обкома*. Тогда же для «укрепления» руководства МГБ на работу в центральный аппарат «органов» были направлены с периферии и такие высокопоставленные партийные функционеры, как секретари обкомов: Херсонского — В.И. Алидин (руководил впоследствии УКГБ Москвы и области), Винницкого — В.А. Голик, Ворошиловградского — Н.Г. Ермолов, Кировоградского — Н.Р. Миронов (потом возглавил административный отдел ЦК), Тюменского — Н.К. Мажар, Тульского — С.Н. Лялин, Кустанайского — М.П. Светличный, Челябинского — А.И. Степанец¹⁷⁴.

Поскольку в результате происков Рюмина и покровительствовавшего ему Маленкова Сталин заподозрил Абакумова чуть ли не в укрывательстве еврейских террористов, чистка в МГБ вскоре приобрела характер разоблачения «сионистского заговора», якобы сформировавшегося в силовых структурах страны. Первые «доказательства» существования такого заговора были получены в ходе допросов бывшего заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ Л.Л. Шварцмана, арестованного 13 июля. Этот неудавшийся журналист пришел на работу в органы госбезопасности в 1937 году, когда работавшие там люди либо быстро сгорали в огне «большого террора», либо с большой пользой для себя грели на этом огне руки. Шварцман оказался из числа последних, сразу же выдлившись из малограмотной массы молодого чекистского пополнения той поры навыками профессионального владения пером и пришедшейся кстати склонностью к авантюризму и мистификациям. Эти его «творческие» способности сразу же были востребованы лубянским начальством, поручившим ему расследование, или, точнее, фальсификацию, важнейших политических дел, в том числе на журналиста М.Е. Кольцова, театрального режиссера В.Э. Мейерхольда, писателя И.Э. Бабеля, руководителя комсомола А.В. Косарева, которым, как известно, были вынесены расстрельные приговоры. И вот теперь, сам оказавшись в положении жертвы, бывший пыточных дел мастер первым делом заявил ни много ни мало, что вынашивал террористические намерения в отношении Маленкова, которому вроде бы хотел отомстить за разгром ЕАК. Явно пребывавший в состоянии психического расстройства, Шварцман оказался горазд и на другие, еще более странные откровения. Он «признался», что участвовал в убийстве С.М. Кирова, имел сексуальные

* Епишев был человеком Хрущева, который до войны назначил его секретарем ЦК КП(б)У по кадрам. Правда, существует и противоположная точка зрения по поводу взаимоотношений Епишева и Хрущева (например, у американского политолога А. Суллы). Тем не менее, думается, что в 1951 году рекомендовал Маленкову Епишева именно Хрущев, в свою очередь назначивший его через 11 лет начальником Главпура Вооруженных сил (173).

контакты не только с собственными сыном и дочерью и министром Абакумовым, но даже с послом Великобритании А.К. Керром, якобы проникнув однажды ночью в английское посольство. От человека, несшего подобный бред, при желании несложно было получить любые показания, чем и не преминул воспользоваться Рюмин, который, стремясь не упустить дарованный ему фортуной шанс, был заинтересован в инспирировании как можно более «громких дел». Очень скоро он представил в Кремль протокол допроса Шварцмана, в котором содержались «признания» последнего в том, что он с 1945–1946 годов являлся убежденным еврейским националистом, а позднее возглавил группу себе подобных, в которую вошли сотрудники правоохранительных органов еврейского происхождения. В результате столь немудрящей мистификации с октября 1951-го начались аресты «сионистских заговорщиков, затесавшихся в ряды вооруженного отряда партии». Были взяты под стражу начальник отдела 2 главного управления МГБ СССР С.Г. Павловский (через него Шварцман был связан якобы с английской разведкой), заместитель начальника того же главка Л.Ф. Райхман, заместитель начальника Бюро № 1 (по диверсионной работе за границей) Н.И. Эйтингон (один из руководителей операции по убийству Троцкого; через него и Райхмана Шварцмана якобы завербовали американцы), заместитель руководителя секретариата Министерства госбезопасности Я.М. Броверман, заместитель начальника отдела «К» (контрразведка) 1 управления А.Я. Свердлов, завербованный на работу в НКВД еще в середине 30-х годов после ареста по делу о троцкистской молодежной организации, заместитель начальника 1 управления М.И. Белкин (будучи в 1949 г. начальником находившегося в Вене управления контрразведки МГБ Центральной группы войск Советской армии, стал одним из главных устроителей показательного процесса над министром иностранных дел Венгрии Л. Райком; в 1951-м показал на допросе, что по воле Абакумова на ключевые посты в МГБ насаждались евреи), бывший сотрудник того же 1 (разведывательного) управления Г.М. Хейфец (в 1941–1945 гг. резидент советской разведки в Сан-Франциско, в 1947–1948 гг. заместитель ответственного секретаря ЕАК), руководящие сотрудники отдела «Д» (подделка документов, удостоверений, радиоконтрразведка и пр.) В.М. Блиндерман и А.М. Палкин*, бывший начальник токсико-

* Сразу после войны Палкин по решению политбюро выезжал со спецзаданием в Польшу «для оказания помощи» В. Гомулке и Б. Беруту в дискредитации С. Миколайчика. После ареста подвергся жестокому избиению в присутствии начальников Внутренней и Лефортовской тюрем — А.Н. Миронова и М.А. Дуринова, однако отказался подписать сфальсифицированный протокол. Тогда на допрос припожаловал Рюмин, который с криком «Я из тебя древнееврейский дух вышибу» принял участие в избиении узника (175).

кологической лаборатории МГБ СССР (до 1946 г.) Г.М. Майрановский* и др. В Прокуратуре СССР по подозрению в принадлежности к организации еврейских националистов тогда же арестовали наблюдающего прокурора при МГБ СССР А.П. Дорона.

20 октября та же участь постигла и Л.Р. Шейнина, которого Шварцман за месяц до этого оговорил как члена своей сионистской организации. На момент ареста Шейнин, будучи членом Союза советских писателей, считался как бы свободным художником. Еще в декабре 1949 года его сместили с занимаемой с 1936 года должности начальника следственного отдела Прокуратуры СССР. Уволен он был с формулировкой «в связи с переходом на другую работу». Однако никакой другой работы ему так и не предоставили, и он вынужден был существовать исключительно на средства от литературного труда, благо на этом поприще удача продолжала сопутствовать опальному следователю: в 1950 году он получил Сталинскую премию за сценарий, написанный в содружестве с братьями Тур (Л.Д. Тубельским, П.Л. Рыжей) к фильму «Встреча на Эльбе». Но в том же году руководство ССП обвинило Шейнина в протаскивании в своих произведениях космополитических и националистических «идеек», и это был уже второй (после увольнения из прокуратуры) тревожный для него звонок¹⁷⁶.

Водворенного в застенки бывшего прокурора и литератора стали первым делом допрашивать о взаимоотношениях с Михоэлсом. Следствие интересовало, почему Шейнин пытался в 1946 году организовать поездку еврейского артиста на Нюрнбергский процесс (не потому ли, что, как и в своем выступлении на этом процессе, стремился акцентировать внимание на масштабах страданий евреев в войне?). Выяснились и обстоятельства его поведения сразу же после смерти Михоэlsa. При этом были использованы добытые под пыткой показания Шимелиовича о том, что Шейнин являлся активным националистом и другом руководителя ЕАК и потому-де многие евреи высказывались за передачу расследования его гибели «своему прокурору». Проверялись и слухи о том, что Шейнин на свой страх и риск принял тогда расследование минской трагедии: вылетел вместе с бригадой следователей в Белоруссию, собирал там свидетельские показания, побывал на месте обнаружения тела Михоэlsa. При других обстоятельствах народная молва о благородном следователе, пытавшемся проникнуть в тайну смерти выдающегося соплеменника, наверняка бы польстила Шейнину, но теперь эта легенда нависла над ним дамочным мечом, и потому он решительно отрицал всякую

* Майрановский еще в августе 1937 года был по личному указанию Н.И. Ежова откомандирован в распоряжение НКВД из Всесоюзного института экспериментальной медицины для проведения «спецработ» по изготовлению отравляющих веществ и разработке способов их применения.

причастность к разбирательству «дела» Михозлса, используя в качестве алиби тот факт, что в январе 1948 года был командирован в Казахстан и потому никак не мог быть в это время в Минске.

Следствием было также пущено в ход «признание» Шимелиовича о том, что летом 1948 года тот, находясь на даче у Шейнина в Серебряном Бору, слышал от него пожелания в том роде, что хорошо бы переехать в Израиль, где можно было бы прожить остаток лет спокойно, без страха за завтрашний день. К тому же, в запасе у следствия были и, так сказать, литературные улики, якобы подтверждающие наличие националистических убеждений у Шейнина: назывались написанная им совместно с братьями Тур пьеса «Кому подчиняется время» (шла на сцене театра им. Вахтангова), в которой рассказывалось о группе подпольщиков во главе с часовщиком Рубинштейном, действовавшей в годы войны в одном из еврейских гетто на территории Литвы, а также другие драматические произведения, в которых действовали герои еврейского происхождения, — «Дело Бейлиса» и «Очная ставка». В итоге Шейнина заставили признать, что он возглавлял националистическую группу евреев-драматургов, в которую входили К.Я. Финн, А.А. Крон, Ц.С. Солодарь, М.Б. Маклярский, И.Г. Эренбург, В.С. Гроссман и другие литераторы. Теперь можно только догадываться, какие масштабы принял бы в конце концов «дело» Шейнина, если бы Сталин, «зациклившийся» тогда на происках «врачей-вредителей», не отложил его на потом. Смерть диктатора пробудила в душе узника надежду. Добиваясь освобождения, он обращался к Маленкову, Хрущеву, генеральному прокурору Р.А. Руденко, однако те остались глухи к его отчаянным мольбам¹⁷⁷. Тем не менее, в конце 1953 года Шейнин все же вышел на волю, но благодаря счастливой для него случайности. Дело в том, что за несколько месяцев до этого Л.М. Каганович стал настойчиво добиваться вызволения из ГУЛАГа своего старого друга и соратника по дореволюционной подпольной работе в Киеве Л.А. Шейнина. Этот однофамилец литератора, занимавший в президиуме ЕАК пост председателя исторической комиссии, получил в сентябре 1949 года от Особого совещания десять лет лагерей. Просьбу члена политбюро чекисты постарались исполнить как можно быстрее, но по ошибке выпустили сначала Шейнина-писателя, а потом уже, спустя месяца полтора, друга высокопоставленного ходатая¹⁷⁸.

Ликвидируя с середины 1951 года так называемый сионистский заговор в силовых ведомствах, новое руководство МГБ в лице Рюмина, который фактически подмял под себя слабовольного и болезненного министра Игнатьева, вольно или невольно нанесло ощутимый удар по креатуре Берии (Эйтингон, Райхман и др.) в этих структурах. Скорее всего, такие действия не были случайностью, ибо как раз в это время у Сталина возникли серьезные подозрения в отношении Берии. Существуют многочисленные свидетельства того, что иници-

рованное вскоре Кремлем так называемое «мингрельское дело» было направлено отнюдь не только против коррупции и nepотизма, исходящих от представителей соответствующей народности, изобиловавших в руководстве Грузии, но и в какой-то мере против их влиятельных покровителей в Москве, прежде всего против бывшего всесильного наркома внутренних дел СССР. И еще один нюанс. Хотя в принятом 9 ноября 1951 г. постановлении политбюро по «мингрельскому делу» Берия не упоминался и речь в нем шла главным образом о служебных злоупотреблениях и о снятии с постов его ставленников — второго секретаря ЦК КП(б) Грузии М.И. Барамии, министра юстиции А.Н. Рапавы и других, в тексте этого документа, явно сочиненного Сталиным, имелся пассаж о связях «мингрельско-националистической группы» с эмигрантской «шпионско-разведывательной организацией» Е.П. Гегечкори (бывший министр иностранных дел Грузии в 1918–1921 гг.) в Париже, которая, как подчеркивалось, «обслуживает своей шпионской информацией о положении в Грузии американскую разведку, получая за это доллары»¹⁷⁹. Очевидно, таким завуалированным образом Сталин выказывал определенное недоверие (или, точнее, делал серьезное предупреждение) Берии, который через свою жену был связан родственными узами с Гегечкори и, к тому же, продолжительное время после войны вел через своих доверенных лиц (П.А. Шарию и др.) переговоры во Франции с тем же Гегечкори и Н.Н. Жордания (руководитель социал-демократического правительства Грузии в 1918–1921 гг.) о возврате на родину ранее вывезенных культурных ценностей и репатриации грузинских эмигрантов. Примерно в то же время, следуя неписаному номенклатурно-аппаратному правилу «падающего — толкни», министр госбезопасности Грузии Н.М. Рухадзе проинформировал центр о том, что Берия скрывает свое еврейское происхождение. Этот выпад был, видимо, инспирирован Рюминым, который вместе с Л.Ф. Цанавой*, другим недоброжелателем Берии, не прочь был представить последнее в глазах Сталина еще одним сионистским заговорщиком.

Однако Берия, несмотря ни на что, сумел не только выстоять, а потом, возвратив благорасположение вождя, расправиться со своими врагами в МГБ**, но и продолжал даже в сложной для него ситуации покровительствовать своим бывшим выдвиненцам. Особенно наглядно такая забота о старых соратниках запечатлелась на судьбе С.Р. Мильштейна, которого еще в апреле 1937 года Берия назначил

* В октябре 1951-го Цанаву перевели из Белоруссии в Москву, назначив заместителем министра госбезопасности СССР вместо «человека» Берии С.А. Гоглидзе, которого отправили в почетную ссылку в Узбекистан для руководства тамошними органами госбезопасности.

** В период с лета 1952-го по весну 1953-го Берия добился сначала изгнания Рюмина, Цанавы и Рухадзе из органов госбезопасности, а потом их ареста.

председателем Комитета по делам физкультуры и спорта Грузии. Потом, став наркомом внутренних дел СССР, Берия во вверенном ему наркомате резервирует для Мильштейна должность начальника Главного транспортного управления, проработав на которой в течение года тот в марте 1940-го становится благодаря своему патрону председателем Московского совета спортивного общества «Динамо». Нигде подолгу не задерживаясь на одном месте, Мильштейн в марте 1941 года уже первый заместитель наркома лесной промышленности СССР, а вскоре после начала войны вновь на руководящей работе в НКВД (начальник Главного управления охраны на железнодорожном и водном транспорте). Победу Мильштейн встретил в чине генерал-лейтенанта. Однако после того как Берия ушел из НКВД, Мильштейн почувствовал себя там неуютно. В начале 1948 года его переводят на работу в Татарию и назначают начальником Управления Казанской железной дороги. Оказавшись вдали от своего покровителя, он в 1950-м превратился в объект нападок: был обвинен татарским партийным руководством в «засорении» кадров управления евреями. Ему также напомнили, что почти вся его родня (отец, мать, брат, тетья) проживают в США и еще один брат расстрелян в 1937 году за шпионаж. И вот тогда Берия пришел на выручку другу. Благодаря его протекции изгнанного с работы Мильштейна назначили в марте 1951 года заместителем начальника строительства железных рудников МВД СССР. А став в начале 1953-го министром внутренних дел, Берия посылает Мильштейна на Украину в качестве заместителя министра внутренних дел республики. Символично, что последовавший вскоре арест Берии обернулся для Мильштейна не только крахом карьеры, но и стал прологом его казни в начале 1955 года^{180*}.

НОВЫЙ ЭТАП СЛЕДСТВИЯ

Произошедшая летом 1951 года радикальная перетряска в высшем кадровом составе центрального аппарата МГБ дала новый импульс «делу ЕАК», которое новое руководство «органов» решило возобновить, прежде всего преследуя цель карьерного самоутверждения. Уже 24 августа Рюмин, временно исполнявший тогда обязанности начальника следственной части по особо важным делам, направил Маленкову и Берии подписанную новоиспеченным министром

* Существует легенда, которая, может быть, является и былью, что, когда Мильштейна, этого, видимо, довольно решительного и волевого человека, пришли арестовывать в июле 1953 года, он оказал вооруженное сопротивление офицерам госбезопасности и, убив несколько из них, погиб в перестрелке.

Игнатьевым информацию о том, что арестованные по этому делу уже больше года не допрашиваются, хотя сообщенные ими ранее сведения «представляют значительный интерес с точки зрения... шпионской и националистической деятельности обвиняемых». Далее со ссылкой на необходимость полного раскрытия шпионских связей «еврейских националистов» с американцами делался вывод о важности срочного возобновления следствия¹⁸¹.

Добиться своего, получив соответствующую санкцию от Кремля, Рюмину удалось только 19 января 1952 г. С этого момента он, а также его заместитель и помощник в следственной части по особо важным делам Н.М. Коняхин и Н.Н. Месяцев стали срочно готовить возобновленное «дело ЕАК» к рассмотрению на закрытом судебном процессе. В рамках заданной свыше версии о якобы существовавшем на территории СССР шпионском заговоре американо-сионистской агентуры была предпринята дополнительная серия допросов арестованных, а также проведены различные экспертизы по определению степени секретности и идеологической направленности материалов служебного и литературного характера, в свое время подготовленных или изданных подследственными, а теперь фигурировавших в качестве доказательств их преступной деятельности. Все эти процедуры, которые непосредственно организовывал помощник начальника следственной части по особо важным делам П.И. Гришаев, осуществлялись с грубейшими нарушениями даже тех условных правовых норм, которых хотя бы формально и показушно придерживались в МГБ на первом этапе следствия в 1949–1950 годах.

СУДЬБА «ЧЕРНОЙ КНИГИ»

Только экспертизе по идентификации пропаганды национализма, в которой принимал участие такой высокопоставленный номенклатурный литературовед, как В.Р. Щербина, были подвергнуты 122 документальные улики. Наиболее объемной и значимой из них была рукопись знаменитой «Черной книги», состоявшая из 27 томов общим объемом в 6211 листов* и вобравшая в себя многочисленные свидетельства (дневники, письма, рассказы, запротоколированные показания) жертв, очевидцев, а также устроителей (с нацистской стороны) гуманитарной катастрофы европейского еврейства в годы Второй мировой войны. Сбор этих материалов развернулся по предложению ЕАК начиная с лета 1943-го. Но как таковая идея создания «Черной книги» в рамках международного проекта родилась годом ранее в

* В 1956 году архивный отдел КГБ при Совете министров СССР передал эти материалы в ЦГАОР СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации).

США, и исходила от Альберта Эйнштейна, журналиста Б.Ц. Гольдберга и писателя Шолома Аша (Асеха). В апреле 1943 года они ознакомили со своей инициативой руководство ЕАК, а то в свою очередь — А.С. Щербакова и другое партийное начальство, которое тогда одобрило в принципе это начинание, намереваясь использовать его в антинацистской пропаганде. В ходе начавшегося вскоре визита Михозлса и Фефера в США был отработан совместный план создания международной «Черной книги». В то же время, пока руководители ЕАК вели переговоры за границей, замысел уникального издания принялся активно реализовывать Илья Эренбург. Будучи весьма популярным журналистом, часто выезжавшим на фронт, он активно общался с народом, а также получал от советских граждан и различных государственных и общественных организаций сотни документов, писем и обращений, во многих из которых речь шла о нацистских расправах над евреями. Поэтому по возвращении Михозлса и Фефера из-за рубежа Эренбург был назначен одним из руководителей ее русского издания. Весной 1944 года под его началом была сформирована литературная комиссия, в которую вошли В.С. Гроссман (заместитель председателя) и другие писатели и журналисты, занявшиеся литературной обработкой документальных материалов, предназначенных для публикации в «Черной книге». Наряду с этой комиссией действовала и редакционная коллегия «Черной книги», в которую вошли в основном члены президиума ЕАК, в том числе Михозлс и Фефер. Если Эренбург требовал, чтобы центральное место в будущем издании было отведено тематике нацистских злодеяний, совершенных на советской территории, и чтобы книга сначала вышла на русском языке и в максимально «читабельном», то есть литературно обработанном виде, то ЕАК, пропагандистская деятельность которого была ориентирована властью на за границу, выступал за издание книги прежде всего на английском и других иностранных языках, причем в форме строгой документальной публикации. Тем самым соблюдалась негласная официальная позиция, согласно которой разговоры внутри страны о евреях только льют воду на мельницу геббельсовской пропаганды об «освободительной миссии» германской армии, воюющей не с русским народом, а с «жидовольшевизмом».

Однако через несколько месяцев Эренбургу все же удалось переубедить руководство ЕАК, и оно в августе 1944-го обратилось к Щербакову с просьбой издать «Черную книгу» и по-русски для советских читателей. Однако власти были явно не в восторге от такого развития событий и предпочли отделаться от настырных просителей уклончивым и ни к чему не обязывающим ответом: «Сделайте книгу, и если она будет хорошей, она будет напечатана». Раздосадованный Эренбург какое-то время продолжал настаивать на своем, но потом, осознав тщетность своих усилий, вынужден был, к удовлетворению

чиновников из Агитпропа ЦК, махнуть рукой на русское издание «Черной книги». Произошло это следующим образом. В октябре без ведома Эренбурга (хотя тот и был введен ранее в состав международной редколлегии «Черной книги») ЕАК направил в США первый весьма сырой вариант книги (525 документов), включавший в себя и материал, подготовленный писателем. Хотя потом Эренбургу и объяснили, что сделано это было по срочной просьбе советского посла в Вашингтоне Громыко, опасавшегося, что близкое к завершению американское издание «Черной книги» может выйти в свет без советских материалов, тем не менее он воспринял действия ЕАК как личное оскорбление, заявив, что «не может быть двух «Черных книг» — для внутреннего рынка и для экспорта». Для урегулирования возникшего конфликта Лозовский вынужден был сформировать в феврале 1945 года специальную комиссию под председательством С.Л. Брегмана, отношение которого к Эренбургу и его концепции «Черной книги» позже выразилось в той фразе, что в подготовленной им рукописи «выпячивает литературщина и нет принципиальных фактов».

В начале марта Лозовский сообщил Эренбургу, что комиссия, учитывая разногласия, возникшие между ним и ЕАК, пришла к заключению о необходимости публикации как бы двух «Черных книг»: одна будет представлять собой сборник документов, подготовленный под эгидой ЕАК, а другая (под редакцией Эренбурга) — беллетризованные писательские очерки на тему о геноциде еврейского народа, причем приоритетное значение должно было иметь издание первой. Реакция Эренбурга на этот проект была взрывной и решительной. Он подал в отставку с поста председателя литературной комиссии, передав свои полномочия Гроссману. То, что идея двух книг была надуманной и направленной главным образом против Эренбурга, стало ясно уже через несколько месяцев, когда в июле было принято решение вернуться к варианту единого издания. После этого развернулась форсированная доработка рукописи: заканчивались приготовления к Нюрнбергскому процессу, на который главный обвинитель от Советского Союза должен был поехать с завершенной книгой, чтобы использовать ее в качестве документа, обличающего преступления нацистского режима.

В начале 1946 года копии рукописи были направлены в десять стран мира, в том числе США, Англию, Францию, Италию, Австралию и Палестину. А весной в Нью-Йорке вышел в свет английский вариант «Черной книги», правда, без первоначально предусмотренного предисловия А. Эйнштейна, так как советские представители в международной редколлегии в лице Михозлса, Фефера и Гроссмана, исполняя волю Кремля, выступили против публикации текста, в котором, в частности, присутствовали мысли ученого о том, что «евреев следует рассматривать как нацию...» и что «ни один народ, вовле-

ченный в катастрофу последних нескольких лет, не понес в процентном отношении таких потерь, как евреи».

Тогда, весной 1946-го, казалось, что русское издание «Черной книги» состоится еще в текущем году. Ведь многократно переработанная рукопись была наконец передана в издательство «Дер эмес» и получила благословение цензуры. Однако ближе к осени ударили политические морозы, которые применительно к ЕАК выразились в том, что тот из Совинформбюро был переведен в непосредственное подчинение ЦК. Очень скоро заведующий отделом издательства Агитпропа ЦК М.А. Морозов потребовал от директора издательства «Дер эмес» Л.И. Стронгина приостановить типографские работы по «Черной книге», пока руководство ЕАК не получит разрешение на ее издание непосредственно от Жданова. И в конце ноября соответствующее ходатайство, подписанное Михоэлсом, Фефером, Гроссманом и Эренбургом, секретарю ЦК по идеологии было направлено. Жданов поручил разобраться во всем Г.Ф. Александрову, который в феврале 1947 года доложил своему шефу, что ЕАК, используя покровительство Лозовского, якобы втайне от Агитпропа переправил в свое время рукопись «Черной книги» за границу, да и вообще издание этой книги в СССР не может быть признано целесообразным по идеологическим соображениям. И все же, несмотря на негативное мнение верхов, издательство «Дер эмес» на свой страх и риск дало указание типографии начать набор книги. Однако 20 августа, когда эта работа приближалась к концу (были набраны 33 из 38 печатных листов), бдительный Главлит распорядился ее прекратить. Но Михоэлс не опустил руки, тем более что произошедшее вскоре, 17 сентября, изгнание из ЦК Александрова (зарекомендовавшего себя шовинистом) и назначение на пост главы управления пропаганды казавшегося интернационалистом* М.А. Сулова не только его приободрило, но и подвигло на в какой-то мере даже отчаянный поступок. Спасая «Черную книгу», Михоэлс уже на следующий день вновь обратился к Жданову, но уже один, как бы заранее принимая ответственность только на себя. Ибо в своем письме он, рискованно блефуя, утверждал, что ее издание прежнее руководство Агитпропа в свое время одобрило. Однако такая нехитрая ложь во имя торжества справедливости оказалась бесполезной. Неделию спустя ЦК вынес окончательный вердикт: «книга содержит серьезные политические ошибки» и потому не подлежит публикации. Последняя, также тщет-

* Использование оценочных ярлыков для характеристики представителей номенклатурной элиты той поры носит, разумеется, условный характер. Будучи хамелеонами в политике, они меняли ипостаси «шовиниста» и «интернационалиста» в зависимости от политической конъюнктуры. Правда, такое «перекрашивание» одним удавалось лучше, а другим хуже в зависимости от внутренних убеждений и индивидуальных морально-нравственных качеств.

ная попытка ЕАК защитить свое детище была предпринята 13 февраля 1948 г., то есть ровно через месяц после убийства Михоэлса. На просьбу Фефера разрешить отпечатать до 200 экземпляров книги для передачи их на хранение в закрытые учреждения и в «спецхран» ряда ведущих библиотек страны Шепилов ответил отказом. В приговоре по «делу ЕАК» работа над «Черной книгой» будет названа «ярким примером смыкания руководителей ЕАК в националистической деятельности с еврейскими националистами США...»¹⁸².

ПРОЦЕСС

В начале весны 1952 года следствие по «делу ЕАК» было завершено. 5 марта полковником Коняхиным и подполковником Гришаевым было официально оформлено объединение дел по обвинению С.А. Лозовского, И.С. Фефера, С.Л. Брегмана, И.С. Юзефовича, Б.А. Шимелиовича, Л.С. Штерн, Л.М. Квитко, П.Д. Маркиша, Д.Р. Бергельсона, Д.Н. Гофштейна, В.Л. Зускина, Э.И. Теумин, И.С. Ватенберга, Ч.С. Ватенберг-Островской, Л.Я. Тальми в общее дело за номером 2354. К этому времени руководитель следствия Рюмин переживал звездный час своей карьеры. Еще 13 февраля он добился от Сталина передачи в ведение МГБ СССР из прокуратуры дела ненавистного ему Абакумова. А ровно через месяц вдохновленный таким доверием вождя Рюмин распорядился, чтобы следственная часть начала уголовное преследование в отношении всех лиц, фигурировавших в протоколах допросов «еаковцев». Таковых оказалось 213 человек, часть из них уже была взята под стражу, а на некоторых, в том числе писателей Эренбурга, Гроссмана и Маршака, предполагалось получить санкции на арест¹⁸³. Однако такая ретивость сверх разума не нашла поддержки у Сталина, и замысел Рюмина начать массовую посадку интеллигенции еврейского происхождения так и остался на бумаге.

Тем временем запущенный ранее механизм подготовки процесса по «делу ЕАК» набирал обороты. Вот хроника последующих событий:

22 марта — началось ознакомление будущих подсудимых с материалами следствия, составившими 42 пухлых тома;

31 марта — Рюмин утвердил подготовленное Гришаевым обвинительное заключение, в котором деятельность 15 арестованных по «делу ЕАК» квалифицировалась по Уголовному кодексу РСФСР 1926 года — ст. 58, п. 1 «а», ст. 58, п. 10 (часть 2), и ст. 58, п. 11, — как контрреволюционное преступление против государства, выразившееся в осуществлении шпионской работы, а также в развертывании широкой пропаганды буржуазного национализма среди еврейского населения СССР;

3 апреля — министр государственной безопасности СССР Игнатьев представил Сталину* обвинительное заключение «по делу еврейских националистов — американских шпионов Лозовского, Фефера и других... с предложением осудить Лозовского, Фефера и всех их сообщников, за исключением Штерн («сослать в отдаленный район страны сроком на десять лет»), к расстрелу»;

7 апреля — дело направлено в военную коллегия Верховного суда СССР**;

21 апреля — состоялось так называемое подготовительное заседание военной коллегии Верховного суда СССР, на котором было утверждено обвинительное заключение и решено провести рассмотрение дела на закрытом судебном заседании без участия представителей государственного обвинения и защиты.

8 мая в 12 часов дня в зал клуба им. Ф.Э. Дзержинского на Лубянке, заполненный следователями, другими работниками госбезопасности, заменившими собой публику, и куда ранее под конвоем были доставлены 15 обвиняемых, вошли судьи и произошло открытие процесса. Председательствовал генерал-лейтенант юстиции А.А. Чепцов, отправлявший правосудие вместе с членами военной коллегии генерал-майорами юстиции Л.Д. Дмитриевым и И.М. Заряновым.

С самого начала суду приходилось прилагать немало усилий, чтобы хоть как-то прикрыть очевидную несостоятельность обвинения, построенного в основном на выбитых из подсудимых признаниях, фальсификации и явных подтасовках фактов. Хотя на предварительном следствии все обвиняемые, за исключением Шимелиовича, виновными себя признали, однако после оглашения судом обвинительного заключения с ним полностью согласились только Фефер и Теумин, другие же — Лозовский, Маркиш и Брегман — вслед за Шимелиовичем его категорически отвергли, а третьи лишь частично признали свою вину. Топорно сработанное, фальшивое обвинение с первых же дней процесса стало трещать по швам. Выяснилось, скажем, что в ходе предварительного следствия вопреки просьбе Лозовского приобщить к делу «секретный материал» института № 205*** о внешней политике Англии, в передаче которого американскому журналисту Гольдбергу его пробовали уличить, Рюмин, отлично понимавший, что эти секреты — «липовые», приказал этого не делать. Более того, допрошенный в ходе судебного заседания бывший на-

* Копии обвинительного заключения были посланы также Маленкову и Берию.

** Созданная в 1924 году военная коллегия являлась судом первой инстанции, которому поручались дела исключительной государственной важности.

*** Научно-информационный институт при отделе внешней политики ЦК ВКП(б).

чальник института Н.Н. Пухлов заявил, что обзор английской внешней политики был составлен на основании сведений, опубликованных в иностранной печати, и не может быть секретным. Тем не менее суд признал этот пункт обвинения обоснованным, полностью приняв на веру результаты экспертиз, проведенных в ходе следствия. Вообще Лозовский, а также Шимелиович и Штерн осуществляли свою защиту на процессе в наступательной, решительной манере, а первый к тому же делал это убедительно с юридической точки зрения*. Вот, например, какой диалог возник между Лозовским и Чепцовым в ходе обсуждения обвинений по Крыму:

Ч.: «Были ли разговоры между вами, Фефером и Михозлсом о том, что Крым — это Черное море, это Балканы, это Турция?».

Л.: «Не было. Это просто бессмыслица. Если бы они мне сказали, что Розенберг говорит насчет Турции и Балкан, я бы, как дипломат, их высмеял. Ни одна из 12 тыс. газет и журналов США не ставила тогда этого вопроса, ни один государственный деятель США не думал на эту тему, и вдруг Розенберг хочет разрешить такой вопрос».

Ч.: «Они написали письмо, [вы] его редактировали карандашом. После редакции оно все же осталось документом, носящим националистический характер...».

Л.: «...Имеют же право три советских гражданина написать в свое правительство. Раз они имеют право, они написали, правильно ли, нет, но шпионаж тут ни при чем, продажа Крыма ни при чем...»¹⁸⁴.

Такое решительное опровержение Лозовским ложных обвинений вселило уверенность в собственной правоте в других обвиняемых, которые следом стали отказываться от «признаний», сделанных ими в ходе следствия. Даже Фефер воспрянул духом и назвал не соответствующими действительности свои прежние показания о преступной антисоветской деятельности руководства ЕАК. Видимо, этот человек, верой и правдой служивший «органам», понял, что вчерашние хозяева, использовав его для инспирирования ложных обвинений против так называемых еврейских националистов, избавятся от него, как от выжатого лимона, отправив вместе с теми же «националистами» на смерть.

Закрались определенные сомнения и у председательствующего Чепцова, который, убедившись вскоре в том, что «дело ЕАК» расследовано весьма поверхностно и шито, что называется, белыми нитками, решил добиваться его возвращения на следствие. Будучи опытным профессионалом, прошедшим, работая в военной коллегии, почти все ступени служебной лестницы — от старшего делопроизводителя в 1926-м до полученной в 1948-м в наследство от В.В. Ульриха должности ее председателя — он не мог не возмущаться тем, с какой

* В 1909–1910 годы Лозовский посещал лекции на юридическом факультете в парижской Сорбонне.

откровенной бесцеремонностью Рюмин относился к процедуре суда, да и к нему лично как председательствующему. Мало того, что подсудимые в перерывах между заседаниями коллегии подвергались психологической обработке со стороны следователей, судьи обнаружили, что Рюмин, пользуясь тем, что процесс проходил в здании МГБ, установил в их совещательной комнате подслушивающие устройства. И хотя перед началом процесса руководством МГБ было заявлено Чепцову, что политбюро уже принято решение о расстреле всех обвиняемых, кроме Штерн, и потому суд-де не больше чем формальность, тем не менее ему казалось, что этот выскочка Рюмин, бравадивший особым доверием к нему вождя и подмявший под себя мягкого по характеру и неопытного в делах политической полиции Игнатьева, блефует. Обуреваемый сомнениями глава военной коллегии 15 мая прервал ее заседания и в поисках защиты от наглости Рюмина стал обращаться к руководству различных властных структур*: генеральному прокурору Г.Н. Сафонову, председателю Верховного суда СССР А.А. Волину, заместителю председателя Комиссии партийного контроля М.Ф. Шкирятову, председателю президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику, заведующему административным отделом ЦК Г.П. Громову, секретарю ЦК П.К. Пономаренко. Все они вроде бы сочувствовали ему, но помочь отказались, заявив в один голос, что решить этот вопрос может только Маленков.

Встреча со вторым человеком в партии вскоре состоялась. На ней присутствовали вездесущий Рюмин и Игнатьев. Выслушав доводы Чепцова в пользу необходимости доследования дела и его сетования на самоуправство Рюмина, тут же, впрочем, парированные последним, Маленков не без истеричности в голосе подытожил:

«Что же, вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками? Ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом политбюро ЦК занималось три раза. Выполняйте решение политбюро!».

Круг замкнулся. В решительных словах Маленкова явственно звучала воля Сталина. Впоследствии на июньском 1957 года пленуме ЦК КПСС на вопрос генерального прокурора Р.А. Руденко, докладывал ли он Сталину о просьбе Чепцова доследовать дело ЕАК, Маленков ответил: «Все, что он сказал, я не посмел не сказать Сталину»¹⁸⁵.

Именно в том же 1957-м, когда открыто заговорили о послевоенных преступлениях сталинизма, имевшего к ним самое прямое отношение 55-летнего Чепцова отправили на пенсию. Так и не помогло ему рвение, проявленное в начале хрущевской «оттепели» в реабилитации М.Н. Тухачевского и других жертв политических репрессий конца 30-х годов. Оказавшись теперь не у дел и видя, как всесиль-

* По другим данным, к партийно-государственному руководству Чепцов стал обращаться в начале июля 1952 года.

ного прежде Маленкова низложили за принадлежность к «антипартийной группе», а потом отправили в Восточный Казахстан руководить электростанциями, Чепцов не мог не страшиться того, что его вновь привлекут к ответственности. Поэтому, желая воспользоваться благоприятным моментом, сложившимся в результате неожиданной схватки в кремлевских верхах, и под шумок переложить собственную вину на потерпевшего политический крах вельможу, отставной генерал направил 15 августа 1957 г. министру обороны СССР Г.К. Жукову пространную записку, в которой в благоприятном для себя свете изложил свои действия во время процесса над членами ЕАК. Рассчитывая на сочувствие боевого маршала, недавно введенного в состав президиума ЦК и громившего на пленуме Маленкова как ближайшего подручного Сталина в организации репрессий, Чепцов утверждал, что в «деле ЕАК» руководствовался исключительно стремлением «установить объективную истину» и противостоять «беззакониям» Рюмина. Однако в искренность этих заверений тогда навряд ли поверили. Ведь наверху были известны следующие показания бывшего помощника Рюмина Гришаева:

«...Во время разбирательства дела ЕАК т. Чепцов обращался в инстанцию, где говорил о недостатках и нарушениях, допущенных по делу, однако, как мне говорил Рюмин, т. Чепцов критиковал это дело не за то, что оно вообще сомнительно, а за то, что арестованные не разоблачены и корни преступлений не вскрыты»¹⁸⁶.

Впрочем, благодаря сметливости Чепцову, на совести которого было немало невинных жертв, удалось избежать воздаяния, соответствующего его прежним грехам. Дожив до преклонного возраста, он умер в почете в 1980 году.

Если возвратиться в 1952-й, точнее в 22 мая того года (день возобновления суда по «делу ЕАК»), очевидным будет вывод, что единственным результатом демарша, предпринятого Чепцовым, стал перевод отдельных закрытых допросов подсудимых, свидетелей и экспертов из клуба на Лубянке в здание военной коллегии на улице 25 Октября (ныне — Никольской). Однако вряд ли это было принципиальным достижением. Нейтрализовав в какой-то мере тотальный контроль МГБ над процессом, Чепцов и его коллеги-судьи, будучи дисциплинированными солдатами партии, должны были тем не менее исполнить волю Сталина. Поэтому в соответствии с заранее подготовленным сценарием 18 июля военной коллегией был вынесен смертный приговор Лозовскому, Фефери, Юзефовичу, Шимелиовичу, Квитко, Маркишу, Бергельсону, Гофштейну, Зускину, Гальми, Теумин, Ватенбергу, Ватенберг-Островской. Только Штерн, по воле вождя, считавшего, что научные кадры как государственное достояние следует так или иначе сохранять, посчастливилось остаться живой. Ее приговорили к лишению свободы сроком на три с половиной года с после-

дующей пятилетней ссылкой. Проходивший по «делу ЕАК» Брегман, не выдержав испытания, еще 16 июня был помещен в бессознательном состоянии в санчасть Бутырской тюрьмы, где и скончался 23 января 1953 г. от «упадка сердечной деятельности».

Суровый приговор, вынесенный военной коллегией под председательством Чепцова, ни в коей мере не соответствовал сформулированным в нем «преступлениям» 13 деятелей еврейской общественности. Смешно и в то же время горько сознавать, что, скажем, артист Зускин подлежал смертной казни только за то, что «вместе с Михоэлсом ставил в театре пьесы, в которых воспевались еврейская старина, местечковые традиции и быт и трагическая обреченность евреев, чем возбуждали у зрителей-евреев националистические чувства; направил в Америку ряд статей националистического характера о состоянии искусства в СССР»¹⁸⁷.

После процесса все осужденные, считая несправедливым вынесенное в отношении них судебное решение, направили в президиум Верховного Совета СССР просьбы о помиловании. Однако политбюро постановлением от 7 августа отклонило эти ходатайства, и через пять дней приговор был приведен в исполнение¹⁸⁸.

Карательная ассимиляция в действии

ТОТАЛЬНЫЙ НАТИСК

Разгром ЕАК в конце 1948 года положил начало организованному сверху искоренению всего еврейского в стране: культуры, литературы, общественных организаций, других национальных институций. Произошло радикальное усиление государственного антисемитизма, прежде не выходившего за рамки отдельных, тщательно закамуфлированных аппаратно-полицейских акций, а теперь начавшего принимать формы массированных и универсальных кампаний. Это был ответ сталинизма на стихийный всплеск массовой самоидентификации («буржуазного национализма») советского еврейства, последовавший вслед за образованием Израиля, и на присоединение этого государства и сионизма в целом к главному врагу СССР в послевоенном мире — лагерю империализма во главе с США. В результате советские евреи, которые все больше превращались в глазах Сталина в «пятую колонну» сионизма в СССР, стали своего рода заложниками холодной войны. Чтобы нейтрализовать этих внутренних по-

тенциальных противников режима, Сталин решил запустить механизм форсированной ассимиляции, то есть начать процесс насильственной и потому особенно мучительной и отнюдь не бескровной, как мы успели убедиться, национальной стерилизации. Основной удар был нанесен по национально-интеллектуальной элите еврейства, хранившей и развивавшей свою духовность, культуру, самобытность (т.е. то, что, собственно, и делало абстрактного человека евреем) и продолжавшей широко влиять на умы и сердца своих соплеменников, несмотря на их естественную денационализацию за десятилетия советской власти.

Сигналом к началу генерального наступления сталинизма на еврейскую культуру стало закрытое письмо, отправленное ЦК ВКП(б) 3 января 1949 г. партийным обкомам, крайкомам и ЦК союзных республик, в котором те информировались о закрытии ЕАК и решении советского правительства арестовать связанных с ним и «уличенных в шпионаже» лиц. После этого гонения на еврейскую культуру стали, подобно кругам на воде, стремительно расходиться из Москвы по другим городам и регионам страны. В Ленинграде, Прибалтике, Закавказье, Белоруссии, Молдавии, Средней Азии, Казахстане, на Украине ликвидировались еврейские культурные и научные учреждения*, шли повальные аресты всех, кто был с ними связан. А в середине февраля 1949 года прекратились передачи московского международного радио на идиш.

РАСПРАВА НАД ЛИТЕРАТОРАМИ

Поскольку в руководстве ЕАК преобладали национальные писатели и поэты, главным объектом репрессивной атаки стала еврейская литература, которая уже в течение нескольких лет, начиная с выхода громких идеологических постановлений 1946 года, служила излюбленной мишенью для агитпроповской критики. Причем первоначально «борьба с проявлениями еврейского национализма» в литературе проводилась посредством самой еврейской печати, прежде всего газетой «Эйникайт»¹⁸⁹, тогда как стоявшие за всем этим функционеры из аппарата ЦК, используя служебные каналы, бомбардировали начальство секретными бумагами соответствующего содержания. 7 октября 1946 г. заведующий отделом УК ЦК М.И. Щербаков направил секретарю ЦК Кузнецову пространную записку со следующим несколько вычурным заголовком — «О националистических и религиозно-мистических тенденциях в советской еврейской литера-

* Так, были закрыты еврейские музеи в Вильнюсе, Биробиджане, а также историко-этнографический Государственный музей евреев Грузии в Тбилиси. Директор последнего А. Крихели был арестован.

туре». В ней в резко негативном тоне давалась оценка военному и послевоенному творчеству Маркиша, Фефера, Бергельсона, Гофштейна, Фининберга, Талалаевского и других известных еврейских авторов. Особенно тщательно чиновники со Старой площади выискивали в их сочинениях «родимые пятна» сионизма, покоящегося на «идее воссоединения еврейства в одном государстве». Проявления таковой были обнаружены в стихотворениях Фефера «Тени варшавского гетто», «Турецкий шарф», «Я — еврей», в пьесе Бергельсона «Принц Реубейни», которая, как специально подчеркивалось, была напечатана в 1945 году в американском журнале «Идише культур», а также в ряде других произведений. Словесному бичеванию подверглись также те авторы, кто оказался, по мнению составителей записки, «под влиянием религиозной мистики» — Дер Нистер, С.В. Гордон, М.Н. Лифшиц. Осуждался и «раболопный» пиетет, выказанный, в частности, Гофштейном в стихотворении «День» в отношении всемирно известного соплеменника:

«Говорю вам, сердце мое трепетало от удовольствия, когда в отчете г-на Смита* об экспериментах по взрыванию (так в тексте. — *Авт.*) в США и о работах по внутриатомной энергии имя Альберта Эйнштейна я нашел на первом месте».

За все эти прегрешения предлагалось привлечь к ответственности нерадивых литературных критиков, не давших должной оценки «порочным» произведениям, еврейскую секцию ССП, редакцию газеты «Эйникайт», которая «недоглядела», печатая материалы, будто бы оставляющие «впечатление необоснованного выпячивания роли евреев»¹⁹⁰.

Прошло несколько месяцев, и в конце декабря неутомимый Щербаков вновь обратился к Кузнецову по тому же поводу. На сей раз он потребовал призвать к ответу профессора И.М. Нусинова за одобрительную рецензию в журнале «Советская книга» на книгу военных стихов Маркиша, выпущенную Гослитиздатом на русском языке. Особенно возмутила Щербакова апелляция литературоведа к восхищенному отзыву о поэме Маркиша «Война» американского еврейского писателя Я. Гладштейна, что было квалифицировано как «подобострастное расшаркивание» перед «ярким реакционером, ненавидящим Советский Союз»¹⁹¹.

Однако до разбирательства на секретариате ЦК (как предлагал Щербаков) этих «вопиющих» фактов дело так и не дошло. На защиту еврейских поэтов вдруг неожиданно встал руководитель Агитпропа

* Речь идет о сделанном 12 августа 1945 г. физиком из Принстона Г.Д. Смитом докладе правительству США по атомному проекту «Манхэттен», переведенном в 1946 году на русский язык и изданном в Москве в виде книги «Атомная энергия для военных целей».

Александров. В феврале 1947 года он ознакомил Кузнецова со следующим заключением своего заместителя А.М. Еголина:

«Управление пропаганды изучило сборник Переца Маркиша «Стихотворения и поэмы» и пришло к выводу, что утверждение о религиозно-националистической окраске, якобы присущей его творчеству, бездоказательно, наоборот, в его произведениях ярко отразилась идея братской дружбы народов нашей страны. ... Упомянутый в рецензии (Нусинова. — *Авт.*) Яков Гладштейн пользуется в прогрессивных кругах зарубежного еврейства большим авторитетом. ... Выступление против Якова Гладштейна в советской печати в настоящее время может нанести нам ущерб»¹⁹².

Казалось, подобно тому, как Савл из Тарса, этот яростный гонитель первых христиан, вдруг преобразился в апостола Павла, так и Александров вдруг неожиданно духовно переродился и воспылал любовью к преследуемым им прежде евреям. К сожалению, в реальной жизни чудес не бывает. Просто политический барометр, в том числе и из-за ситуации на Ближнем Востоке, показывал в начале 1947 года «ясно» для советских евреев, и Александров с его обостренным аппаратным чутьем уловил это. Но самое главное, он вынужден был защищать интересы руководимого им Агитпропа, в чью подведомственную сферу вторглась конкурирующая структура — управление кадров ЦК. В общем, в данном случае Александров главным образом оберегал себя и свое ведомство, а не еврейскую литературу, к которой относился так же, как к поносимой им примерно в это же время «Черной книге».

Прошло около двух лет, и внутривластная погода резко переменялась, став особенно неблагоприятной для евреев. Не прекращая атаки на космополитов, Фадеев* в начале февраля 1949 года обратился в ЦК с предложением распустить объединения еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске и закрыть литературные альманахи «Геймланд» (Москва) и «Дер штерн» (Киев). Агитпроп тут же поддержал эту «инициативу», направив Сталину соответствующее обоснование, согласованное предварительно с первыми секретарями ЦК компартий Украины и Белоруссии Хрущевым и Гусаровым. Принцип национальной однородности, положенный в основу организации объединений еврейских писателей, был назван Агитпропом ошибочным, а их деятельность — националистической. Такими же националистическими объявлялись и альманахи, что подкреплялось подборкой фрагментов опубликованных в них произведений еврейских авто-

* Показательно, что именно Фадеев был в свое время инициатором создания объединений (секций) еврейских писателей в рамках ССП, что подтверждается показаниями последнего председателя Московского объединения Квитко, данными им на закрытом процессе по «делу ЕАК». Так же по представлению Фадеева секретариатом ЦК 28 июля 1947 г. было санкционировано издание альманахов «Геймланд» и «Дер штерн» (193).

ров, снабженной тенденциозным комментарием. Нашлись и «объективные» причины: утверждалось, что объединения еврейских писателей «не имеют перспективы для роста писательских кадров», а издание альманахов финансово «убыточно».

8 февраля подготовленная Фадеевым и Шепиловым ликвидация еврейских литературных организаций и изданий была санкционирована постановлением политбюро, подписанным Сталиным¹⁹³. Однако в этом решении, носившем во многом формально-символический характер, не было особой практической нужды. К тому времени, когда оно вышло, почти все ведущие еврейские писатели и поэты были арестованы. Так что ставившийся 9 февраля на закрытом партийном собрании ССП «вполне законный вопрос об ответственности объединения еврейских писателей за то, что в его рядах орудовали нусиновы, феферы, маркиши, квитко, галкины»¹⁹⁵, ведомством Абакумова был уже решен.

Не остался в стороне и Главлит, приступивший к изъятию из библиотек и книготорговой сети книг арестованных еврейских литераторов, а также таких произведений, как книга Л.Г. Дейча «Роль евреев в русском революционном движении» (М.—Л., 1925) и изданная Гослитиздатом антология народной еврейской поэзии*. Все они вошли в черный список запрещенных изданий, фигурировавший в приказе Главлита от 6 июня 1949 г.¹⁹⁷

«Еврейские националисты от литературы» были «обезврежены» «органами» не только в Москве — И.М. Добрушин, И.М. Нусинов, Дер Нистер, С.В. Гордон, Н.Г. Лурье, М.М. Грубиан, А.Ю. Гонтарь и др., но и повсеместно, в том числе на Украине — А.Я. Каган, Г.И. Полянкер, М.А. Талалаевский, И.Н. Киинис, Х. Лойцкер, директор кабинета еврейской культуры при АН УССР Э.Г. Спивак и др., в Белоруссии — А.Х. Платнер и др., в Молдавии — Я.М. Штернберг и др.

Судьбы арестованных еврейских литераторов не были одинаковыми. Наиболее трагический конец был уготован писателю С.Д. Персову, сотрудничавшему с ЕАК с первых лет его существования. В 1943 году через комитет он получил от еврейской прессы США предложение собрать материалы о Светлане Сталиной. Американцев интересовали примечательные факты биографии дочери советского вождя, чем она занимается в свободное время, ее культурные привязанности и увлечения, отношение к Западу. Пока шла война, Персов

* Выступая в начале марта 1949 года на партсобрании редакции «Правды», писатель Кожевников возмущался до глубины души тем, что редактировавший антологию критик Лейтес, «содействуя проникновению буржуазных националистов в литературу», поместил самой первой народную еврейскую песню, начинавшуюся стихами: «Бай, бай, вырастешь большой, поедешь в Америку, там белый хлеб» (196).

много путешествовал по стране и собрал помимо прочего богатый материал о евреях-героях, начиная с рядовых бойцов, сражавшихся в партизанских отрядах, и кончая крупными военачальниками и руководителями оборонной промышленности. Потом подготовленные на его основе биографические очерки (в том числе о сыне раввина, авиаконструкторе С.А. Лавочкине, директоре артиллерийского завода в пермской Мотовилихе А.И. Быховском) были направлены в США. После войны писатель принимал участие в создании книги в свет в издательстве «Дер эмес». Однако в 1946 году, как вспоминал позже главный редактор этого издательства М.С. Беленький, ЦК счел ее содержание вредным и националистическим, и уже готовый тираж издания был пущен под нож. Тем не менее Персов не пал духом. В 1946–1947 годах он подготовил серию очерков «Евреи завода Сталина в Москве», статьи о столичном электромашиностроительном заводе «Динамо» и об управляющем трестом «Запорожстрой» В.Э. Дымшице. Все эти и другие отправленные в Америку материалы квалифицировались потом следствием как закодированная шпионская информация об оборонно-промышленном потенциале Советского Союза. Поэтому и московский автомобильный завод им. И.В. Сталина, и другие описанные Персовым предприятия превратились со временем в объекты «оперативной разработки» госбезопасности как центры американо-сионистской агентуры. 22 ноября 1950 г. на закрытом заседании военной коллегии Верховного суда СССР, которое проходило под председательством Чепцова, Персову был вынесен смертный приговор.

В тот же день военная коллегия приговорила к расстрелу и русскоязычную журналистку М.С. Айзенштадт, печатавшую свои статьи под псевдонимом «Железна», которую в свое время благословил на работу на этом поприще Эренбург. 4 апреля 1950 г. ее арестовали, инкриминируя ей в том числе и подготовку совместно с Персовым так и не вышедшей книги очерков о выдающихся представителях еврейской технической интеллигенции. Кроме того, ее обвинили в том, что она состояла в «шпионской», то бишь корреспондентской сети ЕАК, и собирала вместе Персовым в Москве и Московской области* «разведывательную информацию» для последующей отправки за границу. Будучи чрезвычайно энергичным и напористым человеком, Айзенштадт навлекла на себя беду еще и тем, что, используя связи своего мужа, Л.А. Айзенштадта (Железна), до войны работавшего ответственным секретарем в редакции «Правды», а

* Корреспондентами ЕАК в других городах были: А.Я. Каган в Киеве, А.Х. Платнер в Минске, Г.Ш. Ошеревич в Вильнюсе, И.Н. Эмиот в Биробиджане, З.Ш. Каган в Риге. Все они, за исключением последнего, были репрессированы.

после войны — ответственным редактором издававшейся Главпуrom «Иллюстрированной газеты», она проникала в военные штабы, кабинеты высшей номенклатуры, на оборонные заводы. В результате в 1943 году появился очерк о директоре сталинградского завода «Баррикады» Л.Р. Гоноре. Уже в мирное время она, наладив по заданию Михоэлса контакты с руководством наградной службы военного ведомства*, собрала материалы и написала 30 очерков о евреях, ставших в годы войны Героями Советского Союза. А всего Айзенштадт-Железновой удалось получить данные на 85 евреев, удостоенных высшей советской награды, и эта информация в апреле 1946 года была передана американскому журналисту Б.Ц. Гольдбергу. Потом на Лубянке ей это припомнят. Зафиксируют там и имевшее место в том же 1946-м ее обращение к М.А. Сулову с протестом против включения в выпущенную Гослитиздатом книгу произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина сатирической сказки о ростовщике-еврее, которую она расценила как политически вредную и антисемитскую. В апреле 1954 года Чепцов, приговоривший ранее Айзенштадт-Железнову к смерти, выдаст ее матери, Е.С. Казаринской, лживую справку о том, что журналистка была осуждена к десяти годам лишения свободы без права переписки и скончалась 10 октября 1951 г. в лагере от воспаления легких¹⁹⁸.

Одновременно с Персовым и Айзенштадт-Железновой за передачу американцам «секретов» о советских евреях поплатился жизнью и главный редактор ЕАК Н.Я. Левин, которого арестовали 17 сентября 1949 г., когда он уже работал в издательстве «Физкультура и спорт». По злой иронии судьбы, 26 января 1956 г. все тому же председателю военной коллегии Чепцову пришлось отменить свой же приговор пятилетней давности по «делу» Левина «за отсутствием состава преступления»¹⁹⁹.

В жертву репрессивной системе были принесены и другие арестованные еврейские литераторы, хотя формально они и не были приговорены к смертной казни. В основном это были уже пожилые люди, которые из-за слабого здоровья не смогли перенести издевательства тюремщиков. В 1950 году во внутренней и Лефортовской тюрьмах МГБ умерли профессора литературоведения Э.Г. Спивак (4 апреля) и И.М. Нусинов (31 октября, от «опухоли твердой оболочки мозга»), а в лагере скончался патриарх еврейской литературы Дер Нистер (в декабре), выезжавший в июле 1947 года вместе с переселенцами с Украины в Биробиджан и описавший свои впечатления в инкриминировавшемся ему потом очерке. Так и не разомкнул полностью

* В частности, она сотрудничала с заместителем начальника управления по награждению и присвоению воинских званий Министерства вооруженных сил СССР А.П. Токарем, который впоследствии был арестован и 23 июля 1951 г. приговорен к 25 годам лагерей.

цепких объятий ГУЛАГа писатель И.М. Добрушин, отбывший лагерный срок, но скончавшийся в августе 1953 года в ссылке. Редактора альманаха «Геймланд» А.Д. Кушннирова, которого арестовать не успели, также можно считать жертвой режима. В сентябре 1949 года он умер от обострившейся болезни горла.

Если одних пытка страхом уничтожала физически, то других она калечила духовно. Морально сломить удавалось, как правило, тех людей, которые, следуя закону социального дарвинизма, стремились во что бы то ни стало приспособиться к ставшей для них крайне неблагоприятной социальной среде. Ради этого они готовы были обвинить во всех смертных грехах своих репрессированных единокровных собратьев про перу. Чтобы уцелеть, пошел на сделку с совестью и поэт А.А. Вергелис. В начале 1949 года ему было всего лишь 30 лет, но в ликвидированных тогда редакции альманаха «Геймланд» и объединении еврейских писателей он занимал руководящие посты. Спасая собственную свободу (а может быть, и жизнь), Вергелис в конце того же года направил в партийное бюро Союза советских писателей пространное послание, в котором каялся в собственных ошибках, проклинал еврейскую литературу (главным образом арестованных писателей) и доносил на тех ее представителей, кто еще оставался на воле. Он вскрыл три «порочных особенности» еврейской литературы. Первая, по его мнению, состояла в том, что она, развиваясь после революции «на благодатной почве советской действительности, не смогла стать подлинно советской литературой», так как «старшее поколение еврейских писателей, составлявших... основной костяк литературы на еврейском языке, ушло своими корнями в прошлое, бережно оберегало традиции мелкобуржуазного, местечкового прошлого». Вторая «порочная особенность» заключалась в том, что еврейская литература, даже «развиваясь в семье братских советских литератур, рядом с литературой великого русского народа, тем не менее жила национально обособленной, национально ограниченной жизнью». «Не широкий и правдивый показ советской действительности, а недостойная возня с разными надуманными и давно отпавшими в нашей стране «еврейскими проблемами» — все это составляло по Вергелису «националистическую суть» еврейской литературы. И, наконец, ее третья «порочная особенность» коренилась в том, что она, не оправдав доверия советского народа, «ориентировалась на зарубежного читателя, являясь, таким образом, литературой космополитической, раболепствующей перед иностранщиной»²⁰⁰.

Сталин, любивший прокламировать свое бережное отношение к молодому поколению советской интеллигенции, не отмеченному печатью «проклятого буржуазного прошлого», Вергелиса поощрил, сохранив его в качестве наглядного опровержения «досужных домыслов» антисоветской пропаганды о политическом антисеми-

тизме в СССР. В благодарность за это еврейский поэт верой и правдой служил советскому режиму вплоть до его развала, и, дожив до преклонного возраста, и по сию пору остается на изрядно побитом жизненными бурями корабле под названием «Еврейская литература».

Но было и немало таких людей, которые, несмотря на выпавшие на их долю испытания, сумели сохранить незапятнанной свою честь и, пройдя через тюремно-лагерные ужасы, все же, пережив диктатора, вышли на свободу, утратив, правда, навсегда здоровье и радость к жизни. Это и поэт и драматург С.З. Галкин, получивший 25 января 1950 г. от Особого совещания десять лет лагерей и освобожденный из-под стражи 12 декабря 1955 г. решением бюрократической структуры с длинным названием — «Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке и на поселении». Это и писатель С.В. Гордон, чьи «преступления» потянули на 15-летний срок лишения свободы: столь строгое наказание обуславливалось тем, что в годы войны он выезжал в Куйбышев и подготовил потом для ЕАК материал об авиационном заводе № 1 и 4-м Государственном подшипниковом заводе, а в послевоенное время активно сотрудничал с «Эйникайт» и несколько раз командировался в Крым, на Украину, в Биробиджан, находившийся в закрытой, режимной зоне. Это и еврейский писатель с Украины А.Я. Каган, которому 25 февраля 1952 г. сталинская фемида определила наказание в виде 25 лет лагерей. Такой внушительный срок стал следствием того, что на Западе была опубликована его статья «Евреи в Киеве», а в 1948 году он передал в ЕАК «секретный» материал о газопроводе «Дашава—Киев». Это и писатель Н.И. Забара, который с 1945 по январь 1947 года работал в Берлине корреспондентом «Tägliche Rundschau», газеты советской военной администрации в Германии. 11 сентября 1950 г. в ходе допроса он показал, что в Берлине часто встречался с руководителем местного отделения сионистской организации «Мизрахи» Э. Нельгансом, через которого познакомился с американскими военнослужащими Айзенбергом и Рокком, представлявшими интересы «Джойнта», а также с раввином американского гарнизона в германской столице капитаном Шубовым. Все они вели активную агитацию среди советских граждан еврейского происхождения (гражданских и военнослужащих) за выезд в Палестину. Забару они снабдили сионистской литературой (тексты выступлений Х. Вейсмана и пр.), которую он в начале 1947 года ввез нелегально в СССР и передал Феферу и Михоэлсу, с которыми был хорошо знаком²⁰¹. Это и еврейский прозаик Х.А. Зильберман, находившийся в заключении с 1951 по 1956 год.

К началу 1953 года преследование еврейских литераторов набрало уже такую инерциальную силу, что даже смерть диктатора не сразу остановила эти гонения. Не в последнюю очередь это было обусловлено позицией руководства ССР, в том числе и заместителя Фадеева по союзу Симонова. Оказавшись в ходе антикоммунистической кампании в одной связке с такими завзятыми охранителями сталинизма, как Софронов и Кожевников, этот литературный маршал вынужден был наращивать свой личный вклад в борьбу с еврейской культурой. Если в июне 1948 года Симонов советует Шепилову (тогда заместителю главы Агитпропа) «вежливо» отклонить проект польских еврейских писателей Б. Геллера и Г. Смоляра об участии их советских соплеменников в организации выпуска международного литературно-художественного альманаха²⁰², то 19 марта 1953 г., то есть уже после смерти Сталина, он подготовил и подписал вместе с Фадеевым и другим заместителем последнего, А.А. Сурковым, уже неприкрыто антисемитскую по духу записку на имя Н.С. Хрущева. Имея характерный для той поры циничный заголовок «О мерах секретариата Союза писателей по освобождению писательских организаций от балласта», она содержала следующую статистику шовинистического характера: из 1102 членов московской писательской организации 662 русских (60%), 329 евреев (29,8%), 23 украинца (2,0%), 21 армянин (1,9%) и 67 представителей других национальностей. Далее в цифрах была представлена динамика приема евреев в столичную писательскую организацию начиная с момента ее создания: в 1934 году — 124 (35,3%), в 1935–1940 годах — 85 (34,8%), в 1941–1946 годах — 75 (28,4%), в 1947–1952 годах — 49 (20,3%). После чего давался следующий комментарий:

«Такой искусственно завышенный прием в ССР лиц еврейской национальности объясняется тем, что многие из них принимались не по литературным заслугам, а в результате сниженных требований, приятельских отношений, а в ряде случаев в результате замаскированных проявлений националистической семейственности (особенно в период существования в Союзе писателей еврейского литературного объединения, часть представителей которого входила в состав руководящих органов ССР СССР)».

И, наконец, следовал вывод, раскрывавший и конкретизировавший таинственный смысл выражения «писательский балласт»:

«Все руководство еврейского литературного объединения и значительная часть его членов были в свое время репрессированы органами МГБ. После ликвидации объединения и прекращения изданий на еврейском языке только четверо из 22 еврейских писателей, входивших ранее в это объединение, занялись литературной работой и эпизодически выступают в печати на русском языке. Остальные являются балластом в Московской организации Союза писателей... Близкое к этому положение существует в Ленинградской организации. Не вполне благополучно обстоит дело с состоянием творческих кадров в Союзе писателей Украины».

Излагалась и методика «лечения» кадровой болезни, и принимались обязательства по исцелению от нее организма писательской организации:

«Полностью сознавая свою ответственность за такое положение с творческими кадрами, руководство Союза советских писателей считает необходимым... последовательно и неуклонно освобождать Союз писателей от балласта... Эта работа должна проводиться постепенно, опираясь на пристальное изучение кадров. Вместе с тем мы считаем необходимым добиться того, чтобы в течение 1953–1954 годов существующее ненормальное положение с составом творческих кадров писателей было бы решительно исправлено».

В заключение рапортовалось об уже принятых практических мерах по освобождению ССП от «балласта» — исключении из числа его членов первой партии литераторов еврейского происхождения в составе 11 человек, в том числе еврейских поэтесс М.С. Хенкиной и Д.Ш. Хорол²⁰³.

ЛИКВИДАЦИЯ ЕВРЕЙСКИХ ТЕАТРОВ

С начала 1949 года один за другим стали закрываться еврейские театры, которых до войны насчитывалось десять — в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Минске, Биробиджане и других городах. Причем удушение еврейской мелпомены происходило в основном административным путем и разворачивалось на фоне изолированных аппаратных игр. Все началось с того, что Совет министров СССР постановлениями от 4 марта 1948 г. и 6 февраля 1949 г., предусматривавшими сокращение государственных дотаций театрам и меры по «улучшению их финансовой деятельности», сначала существенно урезал, а потом и совсем прекратил государственную материальную помощь многим театрам, в том числе и еврейским. Лишившись бюджетных субсидий, эти театры на первый взгляд оказались вроде бы в одинаково бедственном положении. Однако это было не так. В то время как даже ГОСЕТ (не говоря уже о других еврейских театрах), несмотря на просьбу о помощи, направленную в феврале 1948 года Молотову Зускиным, Фефером и Маркишем, так ничего и не получил, дополнительные денежные средства все же продолжали выделяться «в виде исключения» некоторым другим театрам, в том числе и национальным. 6 июля 1949 г., скажем, бюро по культуре при Совете министров СССР приняло решение об увеличении дотаций на 1800 тыс. рублей якутским театрам, на 500 тыс. рублей — Тувинскому театру и на 450 тыс. рублей — Горно-Алтайскому театру²⁰⁴.

Ссылки на убыточность еврейских театров вполне отвечали политической линии сталинского руководства на ликвидацию этих, в его понимании, идеологических рассадников сионизма. Причем регио-

нальное руководство уловило этот настрой центра еще до начала массовых репрессий против представителей еврейской культуры. В июне 1948 года Комитету по делам искусств при Совете министров СССР даже пришлось пожаловаться в ЦК (разумеется, тщетно) на первого секретаря Одесского обкома партии А.И. Кириченко, запретившего под надуманным предлогом гастроли московского ГОСЕТа во вверенном ему областном центре²⁰⁵.

В то же время нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что молодое поколение евреев, будучи своего рода продуктом послереволюционной интенсивной ассимиляции, в большинстве своем не владело родным языком и значительно дистанцировалось от культуры своего народа, что, конечно, не могло не вести к снижению посещаемости национальных театров. Тем не менее, пытаясь как-то противостоять всем этим естественным и искусственно созданным трудностям, отдельные представители столичной еврейской интеллигенции, в том числе и ассимилированной ее части, принялись активно распространять среди близких им людей платные абонементы на спектакли ГОСЕТа. Даже Г. Меир, которую 16 сентября торжественно и при большом стечении народа принимали в этом театре, украшенном с фасада бело-голубым полотнищем со щитом Давида, купила несколько таких абонементов для нуждавшихся евреев.

Как уже отмечалось выше, именно такого рода демонстрации еврейской национальной солидарности осени 1948-го, будучи восприняты Сталиным как реакционное противодействие объективно обусловленной ассимиляции, и дали ему повод прибегнуть к репрессивно-административным методам форсирования этого процесса. Вот тогда-то для обоснования необходимости ликвидации еврейских театров власти наряду с резонами экономическими стали использовать идеологические и политические. Как и прежде в подобных случаях, наибольшую ретивость опять же выказала периферийная номенклатура. 8 февраля 1949 г., то есть в тот день, когда были запрещены литературные еврейские альманахи и писательские объединения, секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Гусаров обратился к Маленкову за санкцией на закрытие Белорусского государственного еврейского драматического театра в Минске (БелГОСЕТ). При этом в ход была пущена новомодная «комбинированная» (экономическо-идеологическая) мотивация: театр «обслуживает незначительную часть населения Минска и является дефицитным»; он «пропагандировал проамериканские настроения, ставил своей целью внедрение в сознание еврейского населения мысли, что еврейский театр — не обычное культурное учреждение, а центр особого “еврейского дела”»; «среди работников театра длительное время распространялись националистические настроения, будто бы русские и белорусы повинны в смерти тысяч евреев, так как не защитили их от немцев и помогали немцам в истреблении евреев».

Маленков поручил во всем разобраться главе Агитпропа Шепилову. В свою очередь тот, имея в кругах столичных интеллектуалов репутацию либерала, не собирався и в данном случае рубить, что называется, сплеча. Ссылаясь на то, что аппарат ЦК ВКП(б), как жена Цезаря, должен быть всегда вне подозрений, а посему его сотрудникам необходимо всемерно оберегать себя от обвинений в антисемитизме, Шепилов подготовил проект постановления секретариата ЦК, относящий вопрос закрытия театра исключительно к компетенции белорусских государственных властей, которым и предлагалось принять соответствующее решение. Тем самым по сути дела Шепилов выступил за использование лицемерной тактики «цивилизованного», осторожного удушения еврейской культуры, маскировавшей причастность центра к этой акции. Новые правила аппаратной игры, предложенные Москвой, в Минске восприняли как руководство к действию. Сначала для обработки общественного мнения в республиканской печати была организована шумная кампания, направленная на дискредитацию Еврейского театра и его директора Виктора Головчинера, обвиненного в постановке националистических и космополитических пьес. А в марте 1949-го Совет министров Белоруссии принял постановление о ликвидации БелГОСЕТа²⁰⁶.

В какой-то мере благодаря тому, что теперь столичные партийные чиновники предпочитали таскать каштаны из огня чужими руками, московскому ГОСЕТу удалось продержаться почти год после начала массовых арестов еврейской интеллигенции, хотя с этого времени ситуация вокруг него постоянно накалялась. С середины января 1949-го «Известия» перестали публиковать объявления о спектаклях, шедших в ГОСЕТе имени Михозлса. Однако в апреле публикация этих анонсов неожиданно возобновилась, правда, в названии театра имя Михозлса уже отсутствовало. Внимательный наблюдатель из всего этого мог сделать вывод, что перешедшая в наступление на детище Михозлса административная рать хоть и потрепала его изрядно, но все же не нанесла ему пока смертельного удара. Если говорить конкретно об этой аппаратной атаке, то ее важнейшим эпизодом стало обращение 23 февраля председателя Комитета по делам искусств П.И. Лебедева к председателю бюро по культуре при Совете министров СССР К.Е. Ворошилову и секретарю ЦК Маленкову с предложением закрыть ГОСЕТ с 1 марта. Обоснованием служила уже знакомая читателю аргументация: театр «не оправдывает себя в финансовом отношении и работать на самоокупаемости в дальнейшем не может». В подтверждение приводились данные о том, что средняя посещаемость ГОСЕТа в 1948 году составила 45,5%, причем в январе—феврале 1949-го она упала до 20–25%. Основная же причина такого резкого снижения зрительского интереса к театру — страх получить «черную метку» буржуазного националиста и затем угодить в места не столь отдаленные — разумеется, не называлась. Констатирова-

лось только, что «дети и молодежь, за редким исключением, на спектакли на еврейском языке не ходят»²⁰⁷.

Действуя более осмотрительно и цинично, сталинская бюрократия предпочитала теперь обнаженно политизированным расправам образца 30-х годов не рассчитанную на широкую огласку технологию «тихого террора», оснащенную в том числе и «экономическими» рычагами. Так, если в 1948 году ГОСЕТ получил из госбюджета 578 тыс. рублей в качестве дотации, то в 1949 году — ни копейки. Однако не ржавело в небрежении и старое оружие из полицейского и идеологического арсеналов. Тогда же, в феврале — марте, МГБ подготовило по заданию ЦК список политически неблагонадежных работников и актеров Еврейского театра с указанием их родственных связей с границей, а Комитет по делам искусств составил справку с крайне негативными рецензиями на спектакли, шедшие на сцене ГОСЕТа. Когда эти материалы поступили на Старую площадь, то заместитель заведующего Агитпропом Ф.М. Головенченко (курировал секторы искусства и художественной литературы) подготовил по горячим следам записки на имя Сталина и Маленкова. В них говорилось о «засорении» репертуара театра идейно порочными пьесами драматургов-националистов («... поставлены пьесы репрессированных авторов Фефера, Маркиша, Добрушина»), а его кадров — «людьми, не представляющими художественной ценности и не заслуживающими политического доверия». На основании этого предлагалось ликвидировать ГОСЕТ постановлением ЦК. Соответствующий проект услужливо прилагался. Но тогда он так и не был принят. Причин тому было несколько. Во-первых, вскоре, на излете антикосмополитической кампании, ретивого сверх разума Головенченко убрали из Агитпропа. А во-вторых, ЦК, действуя так, чтобы оставаться в тени, передал устами Маленкова указание Лебедеву самому «решить вопрос» о театре, что и было сделано. 14 ноября Лебедев отчитался перед Суловым в том, что издал приказ закрыть ГОСЕТ с 1 декабря «в связи с низкой посещаемостью и тяжелым финансовым положением»^{208*}.

Таким же образом еще ранее по распоряжению Шепилова Комитет по делам искусств ликвидировал Московское государственное еврейское театральное училище им. С.М. Михозлса. А в сентябре украинские власти закрыли Театр им. Шолом-Алейхема в Черновцах.

Не избежал общей участи и Биробиджанский государственный еврейский театр им. Л.М. Кагановича, которым руководил Е.Л. Гель-

* Под тем же формальным предлогом в 1950 году был затушен и очаг русского искусства, знаменитый Московский академический камерный театр, которым в 1914–1949 годах руководил его основатель и близкий друг Михозлса А.Я. Таиров. В том же году он умер, не выдержав обвинений в космополитических и формалистических «вывертах», заведших якобы театр в тупик.

фанд. Его закрытие, последовавшее после распоряжения Совета министров РСФСР от 22 октября 1949 г.²⁰⁹, происходило в рамках всеобъемлющей акции по фактической ликвидации зачатков еврейской автономии в этом регионе.

АРЕСТЫ В БИРОБИДЖАНЕ

Одна из причин такого развития событий коренилась в том, что к концу 40-х годов стратегическая роль Дальнего Востока в сложившемся к тому времени глобальном советско-американском противостоянии резко возросла. А раз так, то по легко угадываемой логике кремлевского диктатора, в системе обороны этого региона не должно было быть ослабленных сионизмом звеньев.

Как и повсюду в Советском Союзе, послевоенные политические морозы в Биробиджане крепчали постепенно. В период со второй половины 1945-го по 1947 год включительно в отношениях этой области с центром даже наблюдалось некоторое потепление. С окончанием войны, в течение которой организованного переселения новых жителей в ЕАО не проводилось, руководство ЕАО, стремясь укрепить за счет новых сил и средств хиреющую экономику края, стало настойчиво добиваться от Москвы оказания материальной помощи. Но, самое главное, 4 декабря 1945 г. первый секретарь обкома ВКП(б) ЕАО А.Н. Бахмутский* и председатель облисполкома М.Н. Зильберштейн направили Сталину письмо, в котором наряду с просьбой о социально-экономической поддержке области содержалось предложение о ее преобразовании в самостоятельную автономную республику, напрямую подчиненную Москве. Свой проект они мотивировали тем, что «после того как советское государство спасло миллионы евреев от физического уничтожения гитлеровцами, есть прямая необходимость дальнейшего развития еврейской социалистической государственности в СССР»²¹¹.

В советских верхах это обращение было воспринято неоднозначно. Материально-технические и кадровые ресурсы области были выделены оперативно и в немалых масштабах. 26 января 1946 г. вышло специальное постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по укреплению и дальнейшему развитию хозяйства Еврейской автономной области», которым среди прочего предусматривалось направление в Биробиджан 50 учителей-евреев и 20 врачей («в первую очередь еврейской национальности»). Даже пропагандистское ведомство Александра подготовило довольно объемное решение секретариата ЦК

* До назначения в апреле 1943 года первым секретарем обкома партии ЕАО Бахмутский был заместителем председателя Хабаровского крайисполкома (210).

от 4 апреля «О мерах помощи обкому ВКП(б) Еврейской автономной области в организации массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения», на основании которого газета «Биробиджанер штерн» теперь стала выходить вместо одного три раза в неделю, а другая областная газета — «Биробиджанская звезда» — увеличивалась в объеме до четырех полос, а по тиражу — до 10 тыс. экземпляров. Кроме того, в области учреждались газетно-книжное издательство и ежеквартальный литературно-художественный и общественно-политический альманах на еврейском языке²¹².

Однако предложение о преобразовании Еврейской области в автономную республику было отвергнуто сразу и решительно как «необоснованное». Очевидно, уже тогда Сталин воспринял эту инициативу как попытку еврейских националистов взять реванш за поражение с крымским проектом. Однако когда в июне ЕАК обратился к Берии и Кагановичу с просьбой ходатайствовать о возобновлении организованного переселения евреев в Биробиджан и о предоставлении им соответствующих материальных льгот²¹³, советское руководство не ответило отказом, поскольку было заинтересовано в смягчении напряженной ситуации, сложившейся вокруг эвакуированных евреев на разоренном войной юге европейской части СССР. Первые эшелоны с переселенцами двинулись на Дальний Восток в 1947-м. В этом и следующем году в ЕАО прибыли 1904 еврейские семьи, 877 из которых были трудоустроены на предприятиях сельского хозяйства, а 1027 — в промышленности. И хотя за тот же период ЕАО покинуло 400 семей, на начало 1949 года там проживало 20 тыс. евреев (на 13% больше чем перед войной). Внешне все складывалось вроде бы нормально, даже удалось «пробить» постановление Совета министров СССР от 7 января «О мероприятиях по развитию народного хозяйства и культуры Еврейской автономной области»²¹⁴. Но на самом деле это была только видимость благополучия. Усиливавшийся тем временем государственный антисемитизм в стране должен был рано или поздно сказаться на положении дел в Биробиджане. Так и произошло. Первые придиры к руководству ЕАО начались еще в феврале 1948-го, после того как на Дальнем Востоке побывала комиссия УК ЦК во главе с Д.С. Полянским (член политбюро в хрущевско-брежневский период). Возвратившись в Москву, тот обрисовал секретарю ЦК Кузнецову положение дел в ЕАО в самых мрачных тонах, возложив ответственность за «вскрытые» им провалы, ошибки и злоупотребления в идеологической, кадровой, хозяйственной и других областях на Бахмутского и его подчиненных. Однако девятый вал критической волны пришелся на май 1949-го, когда Хабаровский крайком партии, возглавлявшийся первым секретарем А.Г. Гусевым, направил секретарям ЦК Сулову и Пономаренко целый свод обвинений против руководства ЕАО. Эти материалы были переданы в Комиссию партийного контроля Шкирятову, а тот,

как полагалось, возбудил персональное дело в отношении Бахмутского, и запущенная таким образом машина партийного следствия стала набирать обороты. В начале июня по запросу КПК Абакумов представил в ЦК компромат на Бахмутского, собранный по линии МГБ уполномоченным этого ведомства на Дальнем Востоке генералом С.А. Гоглидзе, назначенным на этот пост в марте 1948-го²¹⁵.

Видя, как над ними сгущаются тучи, биробиджанские чиновники спешно слали в Москву покаянные письма, заверяя столичное начальство в преданности и стремлении исправиться. Эта бумажная река, состоявшая из потоков обличений одних и самобичеваний других, позволяет в какой-то мере разобраться в том, что конкретно инкриминировалось руководству ЕАО. Главный пункт обвинений состоял в том, что оно, ссылаясь на обещание, данное М.И. Калининским в 1931 году повысить статус Биробиджана, когда еврейское население области достигнет 20–30 тыс. человек, обратилось к центру с предложением преобразовать ЕАО в автономную республику. Эта, а также другие инициативы Бахмутского и его окружения (просьбы создать в Биробиджане государственный еврейский университет, перевести политехническое образование в области на еврейский язык, преобразовать местную газету «Биробиджанер штерн» в общесоюзную) были расценены в верхах как проявление националистического прожектерства. Явный национализм усмотрели и в том, что летом 1947 года по указанию Бахмутского детский дом в Биробиджане был преобразован в еврейский, после чего оттуда были удалены ребята других национальностей. Кроме того, тому же Бахмутскому и новому председателю исполкома ЕАО М.Е. Левитину вменили в вину ориентацию «в основном на еврейские кадры», что подкреплялось следующими данными: среди номенклатурных партийных и комсомольских работников области евреи составляли 54%, среди советских работников — 56%, а руководящий состав идеологических учреждений был укомплектован еврейскими кадрами на 80–90%²¹⁶. Весьма серьезными были и подозрения властей по поводу сотрудничества Бахмутского с ЕАК. Чтобы выгородить себя, последний был вынужден представить в ЦК следующее покаянное объяснение:

«...Личной связи ни с кем из бывших членов антифашистского комитета у меня не было. ... Будучи членом этого комитета, мне пришлось в комитете быть всего два раза. ... До меня доходили слухи, да и во время моего посещения комитета я сам обратил внимание на нездоровую атмосферу в комитете. Это меня и побудило в начале ноября 1948 года информировать о нездоровой обстановке в этом комитете. Будучи на приеме у заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) товарища Черноусова, я ему высказал свои замечания по работе этого комитета: а) о том, что в комитете царит затхлая обстановка, что там собираются, брюзжат и сплетничают всякие недовольные элементы; б) что у руководящих работников комитета Фефера, Жица имеются бундовские настроения, что они пытаются

превратить комитет в особый центр по решению еврейских вопросов и т.д.; в) о том, что в комитете, в связи с созданием Государства Израиль, имеют место сионистские, антипатриотические и антисоветские настроения, что они собирают письма от бывших фронтовиков — советских евреев на предмет создания специального легиона на защиту Израиля, вынашивают мысль о сборе средств и пожертвований на приобретение для них оружия и т.д.; г) мною был сообщен товарищу Черноусову ряд фактов провокационной деятельности в Москве посла Израиля Мейерсон. Повторяю еще раз, что у меня никакой личной связи с преступниками и мерзавцами, врагами народа из бывшего еврейского антифашистского комитета никогда не было»²¹⁷.

Однако отчаянная попытка Бахмутского откреститься от своих бывших друзей в ЕАК успеха не имела. На Старой площади не забыли, что не без участия партийного главы ЕАО Фефер в апреле 1948-го пытался (хотя и тщетно) добиться в ЦК разрешения на приезд в СССР вице-председателя Биробиджанского комитета в США («Амбиджана») Я.П. Будиша. Последний познакомился с Фефером и Михозлсом летом 1943 года в Нью-Йорке и в отличие от руководителя «Джойнта» Розенберга выступал тогда и потом за приоритетное развитие советской еврейской автономии не в Крыму, а на Дальнем Востоке. Потом Абакумов задним числом припишет левому общественному деятелю и благотворителю Будишу следующую, якобы имевшую глубокий политический подтекст фразу: «Нас интересует не только Еврейская автономная область, но и весь Дальний Восток». Эта примитивная манипуляция не только дала повод советским властям не пустить Будишу в СССР, но и позволила выдвинуть потом серьезные обвинения против сотрудничавшего с «Амбиджаном» биробиджанского руководства. Напрасно Бахмутский пытался оправдаться тем, что начиная с момента своего основания в 1928 году «Амбиджан» помогал ЕАО машинами, оборудованием, материалами, продуктами питания, одеждой, и только за период 1945–1948 годов из США было получено для Биробиджана различного имущества и подарков на сумму свыше 6 млн. рублей. Еще в конце 1948 года советские власти «установили», что «Амбиджан» связан с сионистскими организациями, а 10 ноября МИД дал указание послу в Вашингтоне заявить официально, что СССР не заинтересован в связях с этой организацией и в самом ее существовании. В итоге руководители ЕАО были обвинены в том, что «не вели необходимой борьбы с распространением в области проамериканских, националистических настроений, против низкопоклонства перед США», более того, пытались ввести советское правительство в заблуждение, уверяя, что «Амбиджан» является прогрессивной и благотворительной организацией, а также прибегли к шантажу, говоря, что если Советский Союз откажется от его помощи, то сотни миллионов долларов пойдут Государству Израиль. Окончательно отношения с «Амбиджаном» были разорваны 30 января 1950 г. с принятием соответствующего поста-

новления политбюро, одобдившего следующий текст телеграммы, направленной от имени облисполкома ЕАО в Нью-Йорк:

«Благодарим «Амбиджан» за присланные подарки. Вместе с тем, выражая пожелания Еврейской автономной области, считаем необходимым сообщить Вам, что в присылке в дальнейшем каких-либо подарков нет необходимости»²¹⁸.

Стараниями МГБ была брошена тень не только на внешние связи биробиджанского руководства, оно также было обвинено в содействии внутренним врагам. Перед этим дальневосточные органы госбезопасности явно по команде из Москвы «вскрыли» в ЕАО разветвленное «сионистское подполье», «окопавшееся» в редакции «Биробиджанер штерн», областном радиокомитете, театре, музее и других культурно-идеологических учреждениях. Членами организации буржуазных националистов были объявлены приехавшая из Палестины поэтесса Л.Ш. Вассерман, бывший редактор «Биробиджанер штерн» Б.И. Миллер, писатель Г.Б. Рабинков, поэт из Польши И.Н. Гольдвассер (Эмиот), актер Ф.Л. Аронес, прибывший с Украины литератор И.Б. Керлер, литературовед и переводчик Б.А. Слуцкий и другие деятели еврейской культуры. В связи с тем, что многие из них публиковались в альманахе «Биробиджан», а «исключенные из рядов партии националисты» Миллер и Рабинков, кроме того, входили в состав его редколлегии, 15 июля 1949 г. бюро обкома ЕАО приняло решение о прекращении издания этого органа объединения писателей области. Спустя примерно год все вышеназванные, а также некоторые другие представители еврейской интеллигенции оказались за решеткой. Например, Миллер, который с чувством горького разочарования сказал, что «Еврейская автономная область не оправдала наших надежд, превратившись в фабрику ассимиляции евреев», был арестован 31 мая 1950 г. Особое совещание приговорило его к десяти годам лагерей за «подрывную работу против национальной политики ВКП(б), Советского правительства, за обособление ЕАО от других областей СССР, подрыв единства и дружбы народов СССР, протаскивание националистических взглядов в своих произведениях». Выжив, он в середине 50-х вышел на свободу. Выдержали испытание ГУЛАГом и некоторые из его репрессированных коллег и друзей, в том числе Керлер, который в 1971 году эмигрировал в Израиль, и Гольдвассер, который сначала выехал в Польшу, а потом в Израиль, где написал подробный отчет о своем пребывании в СССР, переданный потом спецслужбами в Иерусалимский еврейский университет²¹⁹.

Между тем Бахмутскому предъявляли все новые обвинения, как политические, так и носившие характер служебных злоупотреблений. В частности, ему вменили в вину телеграмму Сталину, опубликованную в «Правде» 30 мая 1944 г., в которой сообщалось о том, что трудящиеся ЕАО собрали в фонд помощи детям, пострадавшим от немецкой

оккупации, 1 млн. 662 тыс. рублей, и принималось обязательство создать на эти средства два детских городка для еврейских сирот на 2000–2500 мест. Однако потом выяснилось, что эти городки так и не были построены, а выделенные на них деньги были потрачены областными начальниками на другие цели, в том числе на удовлетворение личных нужд.

В общем, скопившегося на Старой площади компромата оказалось более чем достаточно для принятия 25 июня 1949 г. решения политбюро «Об ошибках секретаря обкома Еврейской автономной области Хабаровского края т. Бахмутского А.Н. и председателя облисполкома т. Левитина М.Е.», которым оба были сняты со своих постов «за допущенные политические ошибки». Обсуждению этого постановления была посвящена состоявшаяся через месяц в Биробиджане VII областная партийная конференция, прошедшая под сталинским лозунгом «Национализм — это та последняя позиция, с которой нужно сбросить буржуазию, чтобы окончательно победить ее». На конференции новым секретарем обкома партии был утвержден П.В. Симонов, присланный из ЦК ВКП(б). Одновременно был избран новый состав обкома, в который вошли 42 русских и 16 евреев. На прошедшем 18 августа под председательством Симонова* бюро обкома ЕАО Бахмутский и Левитин были обвинены в буржуазном национализме и исключены из партии. Бахмутский, кроме того, 4 октября решением политбюро был выведен из состава Верховного Совета СССР.

В процессе развернувшейся в ЕАО кардинальной кадровой чистки своих постов лишились и десятки других чиновников, в том числе председатель Биробиджанского горисполкома М.З. Спиваковский, председатель областного радиокомитета П.З. Оксенгорн, начальник областного управления МГБ И.Ф. Бранзбург. Последнему, помимо прочего, вменили в вину и то, что один из его подчиненных, некто Р.З. Кенигсберг, не только высказал сомнение в обоснованности начавшихся гонений на еврейскую творческую интеллигенцию в Биробиджане, но и открыто заявил: «Проклинаю тот день, когда я дал согласие работать в органах МГБ»²²¹.

Дальнейшая судьба твердокаменного коммуниста Бахмутского, сына аптекаря из Белгорода, трудившегося в 20-х рабочим на московском металлургическом заводе «Серп и молот», а в 30-е ставшего парторботником на заводе «Динамо», сложилась драматически. 28 января 1951 г. его арестовали, предъявив обвинение в измене родине и антисоветской пропаганде. 20–23 февраля 1952 г. на заседании военной коллегии под председательством генерал-майора юстиции А.Г. Сус-

* Однако впоследствии Симонов разочаровал московское начальство. Уж очень настойчиво он просил ЦК вновь открыть Биробиджанский еврейский театр. В результате ему пришлось распрощаться со своим постом, на который решением политбюро от 21 августа 1952 г. был назначен А.П. Шитиков, прежде работавший в аппарате Хабаровского обкома (220).

лина состоялось слушание дела бывшего руководителя ЕАО. Он был признан виновным в том, что с 1944 года «проводил контрреволюционную деятельность, направленную на подрыв и ослабление Советского Союза... поддерживал связи» с Михозлсом, Фефером и другими членами ЕАК*, «не вел борьбы с преклонением перед иностранщиной и по существу одобрял пропаганду буржуазного еврейского национализма и космополитизма», разгласил сведения, составлявшие государственную тайну (о местах залегающих олова, угля и других полезных ископаемых, о наличии в области предприятий оборонного значения, о размещении японских военнопленных). За все это ему была определена высшая мера наказания в виде расстрела. Однако 5 апреля президиум Верховного Совета СССР заменил смертную казнь 25 годами лагерей. Освободили Бахмутского незадолго до открытия XX съезда партии, 23 января 1956 г.

На том же закрытом процессе, который осудил Бахмутского, перед военной коллегией предстали в качестве подсудимых и другие бывшие руководители ЕАО: председатель облисполкома (до 1947 года) М.Н. Зильберштейн, его преемник на этом посту Левитин, секретарь обкома ЕАО по идеологии З.С. Брохин, секретарь облисполкома А.М. Рутенберг, редактор литературного альманаха «Биробиджан» Х.И. Мальтинский, ответственный секретарь «Биробиджанер штерн» Н.М. Фридман, редактор «Биробиджанской звезды» М.М. Фрадкин. Получив большие сроки заключения в лагерях, они пребывали там не очень долго. Их выпустили на свободу после 28 декабря 1955 г., когда приговор в отношении их был отменен²²².

Массированная репрессивная акция, почти полностью лишившая еврейское население ЕАО его управленческой и интеллектуальной элиты, окончательно похоронила пропагандистский в своей основе проект превращения Биробиджана в процветающий «красный Сион». В конечном счете так и не сбылось пророчество Ильи Эренбурга, сокрушавшегося когда-то по поводу того, что ЕАО может стать большим еврейским гетто Советского Союза.

ГОНЕНИЯ НА ИУДАИЗМ

Прополка номенклатурной нивы от еврейских буржуазных националистов не могла не сказаться негативным образом на положении верующих евреев. В том же Биробиджане вместе с другими функционерами был снят со своего поста заместитель председателя облисполкома А.И. Ярмицкий. Главной причиной его смещения послужило то, что в 1947 году он дал добро на создание в областном центре

* Поэтому документы по делу Бахмутского 21 марта 1952 г. были общены к делу ЕАК.

еврейской религиозной общины и открытие синагоги*, а потом поддержал инициативу верующих о разделении городского кладбища на русское и еврейское²²³.

То, что иудаизм принял на себя часть ударов, которые с конца 1948 года начали сыпаться сверху на еврейскую культуру и интеллигенцию, обуславливалось традиционным его стремлением к тесному единению с верующими не только в религиозной, но и в светской, повседневной жизни. И с этим власти не могли смириться. МГБ направило тогда в ЦК как заслуживающую самого серьезного внимания информацию о том, что главный раввин московской хоральной синагоги Шлифер заявил, что «синагога в условиях СССР есть единственное легальное учреждение, где евреи могут поднять свои голоса» и что «единение и спайка — это есть сила еврейского народа». После воссоздания Государства Израиль московская еврейская религиозная община организовала по этому случаю в июне 1948 года торжественное молебствие, на котором присутствовало 10 тыс. человек. Пришедшие на богослужение заполнили тогда не только помещение синагоги, где был вывешен израильский герб и транспарант «Еврейский народ — жив», но и запрудили весь примыкающий к ней Спасоголенищевский переулок. Под аплодисменты присутствовавших были зачитаны поздравительные телеграммы на имя президента Израиля Вейцмана и главного раввина этого государства Герцеля. Такие же службы прошли тогда в Черновцах, Ташкенте и других городах. Однако этим проявление солидарности с Израилем со стороны верующих евреев не ограничилось. В Ленинграде и Ужгороде к исполнению обязанностей Совета по делам религиозных культов явились руководители еврейских религиозных общин и заявили о необходимости оказания помощи Государству Израиль, в том числе и военной²²⁴.

Реагируя на эти тревожные «сигналы», ЦК ВКП(б), определявший общерелигиозную политику, принял ряд мер по сдерживанию социальной активности иудаизма и недопущению его сращивания с национализмом, в том числе и на международной арене. Еще в апреле 1948 года политбюро запретило выезд в Польшу для участия в траурном собрании по случаю пятилетия восстания в варшавском гетто делегации раввинов Москвы и Киева²²⁵.

Но непосредственным главным «куратором» еврейских религиозных общин оставалось МГБ СССР. После того как в дни приезда Г. Меир около столичной синагоги прошли массовые еврейские демонстрации (подобных Москва не видела со времен открытых выступлений оппозиции в 1927 году), это ведомство занимало большой

* Еврейское население главного города ЕАО особой религиозностью не отличалось. 24 сентября 1947 г. на богослужении, посвященном празднованию еврейского Нового года, в биробиджанской синагоге присутствовало от 400 до 500 верующих.

зуб на главного раввина Шлифера, видя в нем чуть ли не основного виновника произошедшего. Поэтому на Лубянке активизировался сбор на него компромата. Из архива извлекли донос Фефера, относящийся к маю 1948 года, в котором речь шла о приеме в синагоге чемпиона США по шахматам С. Решевского, многозначительно заявившего о положении евреев в СССР: «У меня есть глаза, и я вижу все». К тому же с помощью угроз от арестованного еврейского литератора Галкина были получены следующие показания:

«...Руководители московской синагоги, в частности раввин Шлифер... создали при синагоге специальное бюро, которое за незначительную плату каким-то путем устанавливало обращавшимся к ним евреям адреса их родственников или знакомых, проживающих в Америке. Таким образом была организована связь евреев, проживающих в Советском Союзе и Америке, которая, несомненно, служила подспорьем в деятельности американской разведки, направленной против СССР».

Аналогичным образом заставили высказаться и другого узника, писателя Добрушина:

«...Руководитель еврейской общины раввин Шлифер входил в состав еврейского антифашистского комитета, и вся подрывная работа, которая проводилась под его руководством в синагоге, контактировалась с деятельностью комитета».

МГБ располагало и другими подобными показаниями, скажем, арестованных тогда И.М. Авербуха (до войны состоял в руководстве «сионистского подпольного центра еврейских клерикалов и националистов»), А.М. Тверского (возглавлял в 30-е «реакционно-фанатическую секту хасидов») и других «еврейских клерикалов», с которыми Шлифер «имел близкую связь».

Эти и другие «факты» были включены начальником 5 управления Волковым в совершенно секретную справку на Шлифера, которую как обоснование необходимости ареста последнего министр госбезопасности Игнатъев приложил к записке Маленкову от 18 августа 1951 г.²²⁶

Однако ЦК не пошел навстречу желанию Лубянки. На Старой площади, видимо, решили, что находившийся под тотальным контролем госбезопасности, блокированный от притока молодежи и поставленный в положение вымирающей религии иудаизм и его служители не представляют серьезной угрозы для режима. К тому же там рассчитывали и в дальнейшем использовать деятелей еврейской религии, возносивших к Всевышнему во славу Сталина молитву «Благословен тот, кто...», в качестве пропагандистского декорума коммунистической власти, декларировавшей свою веротерпимость. В этой связи совсем не случайным выглядело в январе 1953 года выступление Шлифера с заявлением, в котором фактически поддерживались обвинения, выдвинутые тогда властями против «врачей-вредителей».

Сохраняя жесткий контроль над иудаизмом, советское руководство опиралось не только на МГБ, но и на Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР, орган формально государственный, но фактически подчиненный напрямую ЦК и укомплектованный в основном кадрами офицеров из так называемого действующего резерва госбезопасности. В своей повседневной работе это учреждение руководствовалось основополагающей установкой, требовавшей от него «неуклонно направлять деятельность религиозных объединений в СССР в сторону всемерного суживания ее масштабов и влияния на окружающую среду... ограничивать деятельность религиозных объединений пределами молитвенных зданий и только отправлением культов...». Как признавали сами власти по окончании войны, претворить в жизнь эти требования в отношении еврейских религиозных общин было непростым делом. Утверждалось, что пережитый евреями геноцид привел к заметному росту среди них националистических настроений и появлению своеобразного «советского сионизма», носители которого, явно несогласные с официальным лозунгом о «давно разрешенном в СССР так называемом еврейском вопросе объявили синагогу единственным местом национальной концентрации и единственным очагом еврейской культуры»²²⁷. И действительно, прошедшие весной в 1945 и 1946 годах с большим размахом и привлечением общественной и культурной элиты еврейства религиозные поминальные службы, посвященные памяти шести миллионов загубленных нацистами братьев, свидетельствовали о значительном росте авторитета синагоги среди евреев. Все это в сочетании с произошедшей в годы войны стихийной либерализацией режима привело к стремительному росту количества легально действующих синагог, зарегистрированных под воздействием целого шквала ходатайств верующих, обрушившегося на властные структуры. По данным Совета по делам религиозных культов, в 1946 году в государственные органы власти поступило 197 таких ходатайств, а в 1947 году — 188. Это способствовало появлению устойчивой тенденции роста количества официально учтенных синагог: на январь 1946 года — 75, на октябрь 1946-го — 124, на январь 1947-го — 162, на январь 1948 года — 181*. Однако уже со второй половины 1947 года власти начали постепенно «закручивать гайки» в том, что касалось религии, причем не только еврейской. Именно с этого времени председатель Совета по делам религиозных культов И.В. Полянский, отмечая «высокую активность, проявляющуюся в организации новых общин, в тенденциях к возрождению общинно-кагального строя и превращению синагоги в центр «еврейской общности»», потребовал от подчиненных «с особой внимательностью и повышенной требова-

* Для сравнения: на той же территории до революции действовало 3147 синагог.

тельностью подходить к каждому случаю открытия новых синагог, считая существующее их количество предельным». Тогда же было отклонено ходатайство верующих об организации в Москве всесоюзного центра иудаизма. А на Украине, где насчитывалось 73 синагоги, были приняты еще более жесткие меры, особенно в отношении «еврейских клерикалов», действовавших в западных приграничных областях: например, за нелегальную переправку за границу под видом польских граждан «еврейских националистов и участников сионистских организаций» был арестован председатель львовской еврейской общины Серебряный.

Антирелигиозный нажим сверху, а также развернувшееся с конца 1948-го фронтальное наступление властей на «еврейский национализм» обусловили сокращение зарегистрированных синагог. В апреле 1949 года их уже было 180, в январе 1950-го — 151, в январе 1951-го — 141, в январе 1952 года — 136. Но это отнюдь не привело, как надеялись власти, к автоматическому уменьшению религиозности евреев. Просто вместо закрытых легальных синагог возникали, как правило, на частных квартирах подпольные молитвенные дома, главным образом так называемые миняны, в каждом из которых имелся свиток святой Торы и объединялось не менее десяти верующих мужчин в возрасте от 13 лет и старше. О том же свидетельствовала и статистика участия верующих в открытом (!) праздновании еврейского Нового года: скажем, в ленинградской синагоге: в 1947 году — 5000 чел., в 1948-м — 6500 чел., в 1949-м — 6000 чел., в 1950 году — 7000 чел.²²⁸

И хотя наступление на иудаизм в период позднего сталинизма проводилось в рамках общей антирелигиозной кампании, начавшейся с выходом соответствующего постановления ЦК от 20 августа 1948 г.²²⁹, еврейское духовенство и верующие оказались в более тяжелых условиях, чем представители остальных конфессий, ибо на них дополнительно давил еще и пресс политических гонений, провоцируемых усиливавшимся в стране государственным антисемитизмом*.

* Нараставший в стране государственный антисемитизм даже привел к абсурдному вмешательству властей в сугубо каноническую сферу Русской православной церкви. Как рассказал автору этих строк митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (В.К. Поярко), в конце 40-х — начале 50-х годов по указанию ЦК ВКП(б) Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР в директивном порядке обязал своих уполномоченных в краях и областях запретить православным священникам впредь проносить при чтении отпевальной молитвы «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...» слова о славе народа Израиля (Евангелие от Луки, 2 : 32). Подобные факты невольно заставляют вспомнить о Германии 30-х годов. Там после принятия рейхстагом по настоянию Гитлера закона о национальной церкви рейха священников лютеранской церкви обязали дать клятву верности фюреру и им запретили использовать в богослужебных целях полностью Ветхий Завет и некоторые фрагменты Нового Завета.

УДАР ПО СИОНИЗМУ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Проводя советизацию Восточной Европы, Советский Союз постепенно вводил в зависимых от него странах этого региона монополию коммунистической власти, изгоняя из общественной сферы более или менее самостоятельные политические силы, в том числе и сионистов. Отношение к последним в Восточной Европе в первые послевоенные годы было в общем-то терпимым. В каждой стране легально действовали национальные еврейские, в том числе и сионистские, организации. Активно функционировал, например, Центральный комитет евреев Польши, возглавлявшийся левым поалейционистом А. Берманом, братом члена политбюро ЦК ПОРП Я. Бермана. Более того, с 1948 года чехословацкое правительство даже сотрудничало с сионистами, осуществляя поставки вооружения Израилю*. Однако с начала 1949 года положение стало меняться. В марте, покидая Советский Союз, Г. Меир сочла необходимым заявить, что под влиянием Советского Союза в Чехословакии, Болгарии, Польше и особенно в Румынии и Венгрии** власти стали чинить препятствия евреям в

* От вооруженных сил Чехословакии военную помощь Израилю координировал заместитель министра национальной обороны Б. Райцин. Общее же руководство в Праге комплектованием транспортов с вооружением, а также формированием для отправки сначала в Палестину, а потом в Израиль воинских групп из числа евреев-добровольцев осуществлял заведующий международным отделом ЦК Коммунистической партии Чехословакии Б. Геминдер. Происходил он из еврейско-немецкой семьи, в молодости примыкал к сионистской группе «Бело-голубые». В связи с началом оккупации Чехословакии немцами в 1938 году (после заключения Мюнхенского пакта) переехал в Советский Союз и работал там руководителем информационной службы исполкома Коминтерна. По окончании Второй мировой войны возвратился в Чехословакию, став активным проводником советской политики в этой стране. Есть данные, что первой скрипкой в февральских событиях 1948 года по захвату коммунистами всей полноты государственной власти в Чехословакии был не К. Готвальд, а именно Геминдер, напрямую получавший соответствующие указания из Москвы. Он же через своего помощника Штамбергера руководил и всеми делами в созданном в чехословацкой столице Обществе друзей Израиля, имевшем свой денежный фонд, финансирующий поставки вооружения Израилю. Показательно, что председателем этого общества был чехословацкий посол в Москве К. Крайбих. Не остался в стороне и посланник Чехословакии в Израиле Э. Гольдштюкер, который, например, 24 мая 1950 г. информировал советского посланника в Тель-Авиве П.И. Ершова о том, что израильское правительство через него пытается выяснить возможности закупки в кредит чехословацкого оружия (танков, самолетов, артиллерии) (Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 179).

** На конец 1948 года в странах Восточной Европы проживало почти 700 тыс. евреев, в том числе в Югославии — 8 тыс., Болгарии — 35–40 тыс., Польше — 70–80 тыс., Венгрии — 200 тыс., Румынии — 350 тыс. (230)

переселении в Израиль. И в самом деле, по указанию из Москвы сначала в Польше, а потом и в других странах так называемой народной демократии стали закрываться «палестайн офисы», занимавшиеся эмиграцией евреев в Израиль, и другие сионистские организации. Под флагом борьбы с западным шпионажем был распущен, скажем, Венгерский союз сионистов, насчитывавший в своих рядах около 40 тыс. членов, и запрещены сионистские центры в Румынии*. В начале декабря правительство Израиля, протестуя против политики гонений на сионистов, отозвало из Румынии своего посланника Р. Рубина, а из Венгрии — первого секретаря дипломатической миссии. Тем не менее эмиграция евреев из Восточной Европы худо-бедно продолжалась, чему активно содействовали продолжавшие функционировать местные отделения «Джойнта». Только с весны 1952 года, когда руководство СССР пришло к окончательному выводу о том, что «политика Израиля находится на службе у государственного департамента США и подчинена американскому диктату», Москвой было принято решение о полном прекращении эмиграции восточноевропейских евреев в Израиль и о лишении его политической поддержки в ООН²³¹.

Главное сражение международному сионизму, который был объявлен Москвой активным пособником империалистического лагеря поджигателей новой войны во главе с США и злостным врагом Советского Союза, Сталин дал в Чехословакии. Такой выбор, видимо, предопределило то важное обстоятельство, что эта страна являлась самым экономически и социально развитым государством Восточной Европы, в наибольшей степени связанным культурными и демократическими традициями с Западом. А это не могло не вызывать у Москвы предубежденности к пражскому правительству, даже после того как с начала 1948 года оно стало полностью коммунистическим. Не последнюю роль сыграл и тот фактор, что еврейство Чехословакии было в значительной степени германизировано, и потому в общественном сознании остального населения невольно ассоциировалось со вчерашними злейшими врагами нации — немцами. Поэтому более или менее массовая поддержка показательной антисионистской акции как бы априори гарантировалась.

Роль детонатора в адской машине, подложенной под сионистов в Чехословакии, была поручена Москвой руководителю соседней Венгрии М. Ракоши (Роту), возглавлявшему ЦК партии трудящихся этой страны. И это был отнюдь не случайный выбор. Один из членов

тогдашнего венгерского кабинета министров назвал этого человека самым хитроумным из политических деятелей, которых он когда-либо знал. Сформированный как личность и политик Коминтерном, этой сталинской школой коммунистических кадров, Ракоши тем не менее не был бездумным исполнителем, слепым орудием чужой воли. Хорошо знакомый с практикой плетения интриг в Кремле, он был способен и на инициативные «художества» такого рода. Не понаслышке зная об антисемитизме, царившем в советском партийно-государственном аппарате, Ракоши, будучи сам евреем (как М. Фаркаш, Й. Реван, Э. Герэ, Г. Петер и другие его ближайшие соратники) и желая как бы заранее отвести от себя могущие возникнуть подозрения, еще в мае 1945 года проинформировал Москву о массовом вступлении евреев в ряды компартии Венгрии, назвав это серьезной угрозой для ее будущего. Свои опасения Ракоши мотивировал пропагандой враждебных буржуазных сил, которые распространяли слухи о том, что венгерская компартия — это «еврейская фашистская партия» и что повторяется 1919 год, когда руководство коммунистов состояло исключительно из евреев во главе с Б. Куном²³².

Глубоко усвоив любимый афоризм советского диктатора — чтобы правильно руководить, надо предвидеть, Ракоши, таким образом, работал на опережение. Этот «лучший венгерский ученик товарища Сталина» первым среди руководителей восточноевропейских стран пошел на крупномасштабную кадровую чистку в своем окружении. По приказу Ракоши, разоблачительный пафос которого стимулировался и чувством самосохранения, заставлявшим спасать себя посредством человеческих жертвоприношений, в мае — июне 1949 года были арестованы 150 высших должностных лиц, в том числе пять членов ЦК ВПТ, десять генералов и полковников. Всех их выставили агентами империалистических разведок и сторонниками югославского коммунистического лидера И. Броз Тито, который в середине 1948 года вышел из повиновения Москве. По согласованию с Кремлем «главарем» венгерских титоистов был объявлен министр иностранных дел и бывший заместитель Ракоши по партии Л. Райк. Его обвинили в подготовке государственного переворота, якобы спланированного совместно с министром внутренних дел Югославии А. Ранковичем во время визита последнего в Венгрию в октябре 1948-го. Кстати, в Советском Союзе Ранковича считали сионофилом за его неоднократные публичные выступления в поддержку Израиля и переселения туда европейских евреев. Эти обстоятельства в значительной мере и предопределили потом трагический финал «дела», спровоцированного Ракоши.

В середине июня 1949 года тот же Ракоши, припожаловав в Чехословакию, передал президенту К. Готвальду список из 43 высших чехословацких чиновников (включая двух членов политбюро КПЧ), фигурировавших в показаниях венгерских «заговорщиков» как англо-

* Проблемы, возникшие с начала 1949 года с эмиграцией евреев, особенно из Венгрии и Румынии, объяснялись еще и тем, что Сталин, зная, что евреи там больше, чем основное население, пострадали от диктаторских режимов М. Хорти и Й. Антонеску, надеялся с их помощью нейтрализовать местных националистов в процессе активной советизации этих стран.

американские шпионы. Однако в Праге явно не торопились следовать примеру венгерских товарищей. Тогда в начале сентября с той же миссией Ракоши направил в Прагу своего брата З. Биро, который потом рассказал, что в ответ на его уговоры уничтожить «пятую колонну» в своем окружении Готвальд отреагировал раздраженно, сказав, что «старые заслуженные деятели партии не могут стать шпионами»²³³. И только после того как вскоре народный суд Будапешта приговорил Райка* и четырех других бывших венгерских руководителей к смертной казни, чехословацкая верхушка стала сговорчивей. В октябре по просьбе Готвальда в Прагу на несколько месяцев прибыли в качестве советников МГБ М.Т. Лихачев и В.Е. Макаров, которые до этого находились в Будапеште и участвовали там в фабрикации дела Райка.

Именно в это время в деятельности советских спецслужб меняются приоритеты: охота за агентами Тито отходит на второй план, а борьба с сионизмом в Восточной Европе приобретает первостепенное значение. В марте 1950 года заместитель председателя Комитета информации В.А. Зорин, который в 1945–1947 годах был послом в Праге, обратил внимание Суслова на то, что органы госбезопасности Чехословакии «не вели серьезной борьбы с сионистским подпольем и не организовали своевременно агентурной разработки израильской миссии», что способствовало беспрепятственному выезду из страны всех желающих евреев²³⁵. Для укрепления в том числе и антиссионистского направления в деятельности чехословацких спецслужб 14 июня по решению политбюро ЦК ВКП(б) в Прагу была командирована для работы на постоянной основе группа контрразведчиков во главе с полковником В.А. Боярским. Вскоре по прибытии на место Боярский добился согласия Готвальда на создание в структуре местной госбезопасности специального антиссионистского отдела. А 21 декабря «по просьбе» генерального секретаря КПЧ Р. Сланского из Москвы были дополнительно направлены еще четыре советника МГБ СССР для «оказания помощи министерству общественной безопасности Чехословакии». В результате уже на рубеже 1950–1951 годов прошла первая крупная серия арестов высокопоставленных чехословацких функционеров, среди которых было и немало евреев (первый секретарь Брненского обкома О. Шлинг, заместитель министра национальной обороны Б. Райцин и др.). К весне из взятых под стражу был выжат компромат на того же Сланского и Геминдера, которых предполагалось представить в качестве предводителей антигосударственного заговора в Чехословакии. Однако Сталин не спешил с решением их судьбы. Видимо, советский диктатор прагматично рассудил тогда, что, прежде чем принести Сланского в жертву Молоху антиссионистской кампании в Восточной Европе, его можно какое-то

время с выгодой использовать. Тем более, как могли убедиться в Кремле, Сланский не исчерпал еще своего пропагандистского ресурса: ведь в феврале он опубликовал в «Большевике» статью, призывавшую «разоблачать и обезвреживать вражескую агентуру, очищать партию от подрывных, вредных и чуждых элементов, воспитывать членов партии в духе революционной бдительности... повышать идеологический уровень коммунистов до такой высоты, чтобы они могли вскрывать любой буржуазно-националистический уклон, чтобы они были беспощадными ко всем отклонениям от марксистско-ленинской линии...». К тому же этот фанатичный, но, как оказалось, не очень дальновидный политик старался выказать отнюдь не только идейную преданность родине социализма. Другая сторона его сотрудничества с Кремлем отображена в одной из записок Вышинского Маленкову, в которой сообщалось, что 14 мая 1951 г. на дипломатическом приеме генеральный консул СССР в Братиславе П.П. Разыграев, будучи в нетрезвом виде, заявил министру иностранных дел Чехословакии В. Широкому: «Вилем, какой ты министр, ты доверенный Сталина». Потом шло описание того, как подвыпивший дипломат, перемежая свою речь нецензурными выражениями, разоткровенничался с Широким на тему о том, кто из чехословацкого руководства регулярно информирует советское посольство в Праге, и назвал при этом Сланского, Геминдера и др. Сразу же после этого инцидента Разыграев был отозван в Москву²³⁶.

Отсрочка с решением дальнейшей судьбы Сланского была обусловлена еще и тем, что Абакумов и его креатура в МГБ попали тогда под подозрение Сталина. Не случайно поэтому именно в июле, когда Абакумов был смещен и арестован, диктатор оценил компромат на Сланского, добытый Боярским (ставленником Абакумова), как «недостаточный» и не дающий «оснований для обвинения», а самого Боярского посчитал необходимым в ближайшее время отстранить от расследования антигосударственного заговора в Чехословакии «ввиду недостаточно серьезного отношения к этому делу»²³⁷. В ходе начавшейся вскоре проверки деятельности Боярского в Чехословакии было установлено, что тот не только допускал ошибки в работе, но и оказался нечистым на руку человеком. 2 ноября решением ЦК Боярский был отозван в Москву, где по приезду был понижен в звании до подполковника²³⁸.

В тот же день новым руководителем группы советников МГБ в Чехословакии был назначен полковник А.Д. Бесчастнов, ранее возглавлявший Сталинградское управление госбезопасности. Ему и было вскоре доверено поставить логический крест на политической карьере Сланского. 23 ноября последний по предписанию Сталина, доставленному Готвальду через приехавшего в Прагу А.И. Микояна, был арестован и обвинен в руководстве «антигосударственным заговорщицким центром». Год спустя в Праге прошел публичный про-

* Перед казнью Райк воскликнул: «Да здравствует Сталин!» (234).

цесс, на котором Сланского, Геминдера и еще 12 их «сообщников» заклеили как покровителей сионистов. 3 декабря 1952 г. всех осужденных, за исключением троих, предали смертной казни через повешение. Их тела были сожжены, а пепел развеян по ветру. Подводя итоги этого страшного аутодафе, Готвальд, выступая на общегосударственной конференции, сказал:

«В ходе следствия и во время процесса антигосударственного заговорщического центра был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию. Это — сионизм»²³⁹.

По настоянию Москвы антисионистские кампании прошли и в других странах Восточной Европы, но они отличались более умеренным характером. В Румынии, например, в мае 1952 года вывели из состава политбюро и ЦК компартии, а потом подвергли домашнему аресту министра иностранных дел А. Паукер. По злой иронии судьбы, эту заподозренную в потворстве сионистам женщину, жену расстрелянного в 1937-м Сталиным коминтерновца М. Паукера и дочь проживавшего в Израиле раввина, в октябре 1949 года Бен-Гурион на собрании актива МАПАЙ обвинил в том, что она разрушает еврейскую общину в своей стране и что для нее любой еврей является фашистом²⁴⁰. В начале 1953 года в Восточной Германии готовилось, но так и не состоялось судилище над тамошними так называемыми сионистами²⁴¹. Что касается Польши и Венгрии, то в этих странах Сталина куда больше страшил национализм коренного населения, имевший ярко выраженную антисоветскую направленность (венгры, к тому же, были союзниками фашистской Германии в недавней войне), чем угроза сионизма. Антиеврейские люстрации правящих элит там если и проводились, то в очень ограниченных рамках. Благодаря этой тактике советского диктатора, который, несмотря на быстро прогрессирующую старческую ригидность, еще сохранял такое сильное свое политическое качество, как прагматизм, в той же Польше продолжали занимать довольно высокие партийно-государственные посты Я. Берман, Х. Минц, Р. Замбровский и другие евреи. В данном случае Сталин ради укрепления западного фланга своей империи сумел совладать со своей личной юдофобией, хотя некоторые польские руководители и пытались спровоцировать его на антиеврейскую чистку в их стране. Скажем, С. Гомулка, которого на августовско-сентябрьском (1948 г.) пленуме ЦК ППР сместили с должности генерального секретаря этой партии (за приверженность идее национального пути к социализму), выждав, когда через несколько месяцев в СССР стали вовсю громить так называемых еврейских националистов, направил 14 декабря Сталину послание, в котором были и такие строки:

«Личный состав руководящих звеньев государственного и партийного аппарата (Польши. — *Авт.*), рассматриваемый с национальной точки зре-

ния, по-моему, создает преграду, затрудняющую расширение нашей базы... Можно и меня считать ответственным за ... высокий процент евреев в руководящем государственном и партийном аппарате, но главная вина за создавшееся положение вещей падает прежде всего на товарищей евреев. ... На основе ряда наблюдений можно с полной уверенностью заявить, что часть еврейских товарищей не чувствует себя связанной с польским народом... и польским рабочим классом никакими нитями или же занимает позицию, которую можно назвать национальным нигилизмом»²⁴².

Но не только остатки политической гибкости, сохранные Сталиным несмотря на преклонные лета, давали ему возможность маскировать антисемитский курс, проводившийся на территории обширной империи от Берлина до Владивостока. Не был обделен советский лидер и таким качеством, как лицемерие. 25 ноября 1948 г., то есть через пять дней после закрытия ЕАК и начала развертывания массированного наступления на еврейскую культуру в СССР, политбюро утвердило директиву советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН, в которой предписывалось добиваться включения в международную конвенцию о борьбе с геноцидом* статьи о национально-культурном геноциде. Интерпретируя оный как деяния, направленные на «запрещение какой-либо национальной, расовой (религиозной) группе пользоваться национальным языком в повседневной жизни или в школах, запрещение печатания и распространения изданий на языке такой группы, уничтожение музеев, школ, исторических памятников, зданий, предназначенных для религиозных культов...», директива поясняла, что отсутствие такой статьи в конвенции «может быть использовано теми, кто, попирая элементарные права национальных и расовых меньшинств и осуществляя угнетение и дискриминацию в отношении этих меньшинств и национальных групп, проводит преступную практику геноцида»²⁴³.

Было ли это хитрым ходом Сталина в попытке прозондировать международное общественное мнение перед тем, как применить на практике этот самый национально-культурный геноцид в отношении советской еврейской культуры на языке идиш, или пропагандистским отвлекающим маневром советской дипломатии, сказать точно сейчас невозможно. Однако можно допустить, что произошедшее тогда отклонение ООН советской инициативы (в принятой 9 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей конвенции о геноциде национально-культурный аспект отсутствовал), в какой-то мере развязало руки хозяину одной шестой части земной суши в борьбе против населявшего ее еврейства. После этого Западу и прежде всего руководству сионистского движения не оставалось ничего другого, как, осознавая собственное бессилие, время от времени сетовать на

* Проект конвенции о геноциде был разработан американским адвокатом польско-еврейского происхождения Р. Лемкиным.

проводившуюся в СССР антисемитскую политику. В отсутствие соответствующих международно-правовых рычагов воздействия на Кремль самое большое, что мог себе позволить тот же Бен-Гурион, это, выступая, к примеру, 13 октября 1949 г. на параде израильской молодежи, заявить:

«Опасность уничтожения еврейского народа не миновала. Не всегда людей уничтожают в газовых камерах. Можно уничтожить народ, убив его душу. Масса еврейского народа уничтожается теперь таким образом»²⁴⁴.

Впрочем, такие абстрактные слова вряд ли могли должным образом воздействовать на чувствовавшего безнаказанность советского диктатора. И эта его уверенность в собственной неуязвимости для критики извне жидилась не только на военной мощи державы, которой он правил, но и на циничном понимании того обстоятельства, что до тех пор, пока в мире существует колониальная система, а международная концепция прав человека пребывает в зачаточном состоянии, самые ярые его идеологические противники — западные демократии сами отнюдь не могут считать себя безгрешными в том, что касается соблюдения социальных и культурно-языковых прав многих находящихся под их властью народов.

* * *

Оказавшись вынужденным в начале войны пойти на ограниченное допущение еврейской общественной активности в виде создания ЕАК, советское руководство, все глубже погружавшееся тем временем в трясину государственного антисемитизма, через некоторое время столкнулось с нежелательными для себя последствиями такого решения. Под напором разбуженного кровавой войной и холокостом еврейского самосознания ЕАК из пропагандистской организации стал спонтанно превращаться в орган еврейской культурно-национальной автономии. Кульминацией такого развития явилась попытка лидеров ЕАК возродить проект создания еврейской республики на территории Крыма. На такого рода проявления «буржуазного национализма» власти реагировали на первых порах сдержанно, используя преимущественно административно-бюрократические меры, словесные угрозы и уговоры. Однако в послевоенный период по мере ужесточения режима и внешнего «похолодания» в ход были пущены тайные репрессивные акции. Именно тогда по приказу Сталина был тайно убит Михозлс, олицетворявший собой волю советских евреев добиться от власти предоставления прав на свободное национально-культурное развитие.

В последующем под влиянием внешнеполитического фактора (образование Израиля) этот конфликт на национальной почве обострился до такой степени, что напуганная приливом невиданного ранее

еврейского национального энтузиазма власть перешла к практике массированного террора в отношении еврейских общественных деятелей с одновременным искоренением еврейской культуры как таковой. Ассимиляции евреев, естественный процесс которой с конца 30-х годов был направлен в русло административно-бюрократической политики, был придан тогда ярко выраженный репрессивно-силовой, форсированный характер. Почти пять лет длилось незримое противостояние руководства ЕАК, этой небольшой группки людей, смело заявившей в 1944 году о правах стоявшего за ними национального меньшинства, и государственной машины подавления, не привыкшей считаться ни с чьими правами. За дерзкий вызов, брошенный созданной им системе и ему лично, Сталин жестоко отомстил, казнив в августе 1952 года 12 членов ЕАК, а также организатора и покровителя этой общественной организации Соломона Лозовского, чей брат, Григорий, был умерщвлен нацистами в Освенциме.

Трагическая гибель этих людей — это только видимая часть айсберга антиеврейских репрессий, имевших место в СССР. Менее известную, как бы подводную его часть, составляло множество других дел, сфабрикованных МГБ в связи с разгромом ЕАК. По таким «дочерним» делам было репрессировано в общей сложности 110 человек, из них 10 были расстреляны, 89 — приговорены к различным срокам заключения (от 25 до 5 лет), 1 — сослан, 5 — умерли в ходе следствия, в отношении еще 5 человек следствие было прекращено только после смерти Сталина²⁴⁵.

Репрессии коснулись не только носителей еврейской культуры. Как мигувидим дальше, в массовом порядке тем или иным преследованиям подверглись и ассимилированные евреи.

Антисемитская агония диктатора

Запуск механизма тотальной чистки и ее параметры

Ключевая роль партаппарата

Исподволь начавшаяся еще в конце 30-х под прикрытием государственно-патриотической пропаганды антиеврейская чистка различных аппаратных структур, несколько усилившись в годы войны и сразу после нее, до поры до времени практиковалась в ограниченных масштабах, в основном в сфере, курируемой Агитпропом. Вплоть до осени 1948 года существовало некое равновесие в использовании властью партийно-политических и полицейско-репрессивных средств контроля над обществом. Этот относительно либеральный период, несмотря на уже начавшееся закручивание идеологических гаек, был связан с лидерством на Старой площади Жданова, с которым Сталин считался и к мнению которого прислушивался. Проводившиеся в это время пропагандистские кампании хоть и отличались широкой масштабностью и истерическим надрывом, но их жертвы отделялись, так сказать, «малой кровью» (увольнениями с работы, исключениями из партии и в редких случаях арестами).

Тем не менее даже несмотря на принятие, скажем, 26 мая 1947 г. указа «Об отмене смертной казни», подспудно шло постепенное ужесточение режима в целом. Проявлялось это прежде всего в том, что власть, уже не довольствуясь отдельными кадровыми пертурбациями, взяла курс на массивную чистку аппарата. По отработанной в прежние годы «технологии» первым делом началось «наведение порядка» в партийных рядах, в которых на 1 июля 1947 г. насчитывалось 6 263 117 членов и кандидатов в члены ВКП(б). На три четверти это были люди, вступившие в партию в годы войны и послевоенное время. Сигналом к негласной партийной чистке послужило постановление ЦК от 25 июля, почему-то названное «О дальнейшем росте партии и мероприятиях по политическому просвещению членов и кандидатов ВКП(б)». После его выхода ежемесячное количественное увеличение партии, составлявшее в первом полугодии 1947 года в среднем 30,3 тыс. человек, ко второму полугодию 1948 года сокра-

тилось до 5 тыс. человек. И если в 1947-м в ВКП(б) было принято 298 392 человека, то в следующем году — 85 308 человек. Причем в том же 1948-м из партии было исключено 146 181 человек. Это был первый послевоенный год, когда количество выбывших из партии превысило, и притом значительно, количество принятых в нее. Такая тенденция сохранилась и в 1949-м. В тот год такие ведущие партийные издания, как «Правда» и «Большевик», запестрели в одночасье характерными заголовками: «О большевистском методе руководства хозяйственными органами», «Неустанно улучшать дело подбора и расстановки кадров» и т.п. Непосредственной подготовкой данной пропагандистской продукции ведал заместитель заведующего Агитпропом ЦК Л.А. Слепов, который и сам был автором некоторых навевавших скуку статей о «ленинско-сталинских принципах подбора и расстановки кадров по их политическим и деловым качествам»¹.

По сути разворачивалось фронтальное наступление против ставновившейся все более влиятельной аппаратной бюрократии, и это официально мотивировалось необходимостью борьбы с хозяйственными злоупотреблениями и в особенности с семейственностью, кумовством и землячеством в номенклатурных структурах. Характеризуя механизм развития этого социального недуга применительно к послевоенному времени, Д.Т. Шепилов писал впоследствии:

«...Вокруг каждого высокопоставленного работника образуется артель «своих людей» — «рязанских», «тамбовских», «украинских», «наркомтяж-промовских»... В практике они именовались... «маленковский человек», «хрущевский человек»»².

В министерствах, организациях, многочисленных конторах существовала, конечно, и «еврейская» семейственность. Это так называемое еврейское засилье, которое, собственно, и стало потом основной мишенью чистки, по сути являлось своеобразным проявлением групповой солидарности нацменьшинства, продиктованной необходимостью самовыживания в условиях все более усиливавшегося государственного антисемитизма.

Как и прежде, главным вдохновителем и организатором очередного приведения в чувство номенклатурной «проклятой касты» выступил Сталин, который ради укрепления своего авторитета «хозяйина» в народе и поддержания управленческого аппарата в «рабочем состоянии» регулярно вступал, как, впрочем, и многие государственные лидеры других стран — от тоталитарных до демократических, — в схватку с nepотизмом, чиновничьей корпоративностью и круговой порукой, а также сопутствующей им коррупцией*.

* Бичуя за потворство nepотизму Наполеона и хваля за бескомпромиссную борьбу с ним Петра Великого и Сталина, Гитлер говорил: «Повсюду, где кумовство проникает в поры государственного организма, оно влечет

Правда, делал он это с помощью своих «фирменных» методов, зачастую прибегая к ничем не оправданным кровопусканиям, иногда весьма обильным. Вот и на сей раз не обошлось без расстрелов, хотя началось все с вроде бы обычной перетряски так называемых руководящих кадров и ничто, казалось, не предвещало большой беды.

В феврале 1948 года Сталин, возложив на себя «наблюдение» за Министерством финансов СССР, которое раньше осуществлялось Н.А. Вознесенским, поставил во главе этого ведомства своего заместителя по Совету министров СССР А.Н. Косыгина. Многие руководители в Минфине лишились тогда своих постов (например, заместитель министра и председатель Госбанка СССР Я.И. Голев), однако бывший его глава А.Г. Зверев уцелел, став первым заместителем Косыгина. В марте со снятием министра торговли А.В. Любимова начались кадровые перетасовки и в этом ведомстве. В том же месяце такая же участь постигла и союзных министров связи и морского флота К.Я. Сергейчука и П.П. Ширшова, а также подчиненных им служащих (на 169 сотрудников Минморфлота из 826 был собран компромат). В августе было смещено руководство Верховного суда СССР, где, как оказалось, процветали взяточничество, семейственность и различные злоупотребления должностных лиц служебным положением. Тогда сразу отстранили от должностей председателя Верховного суда И.Т. Голякова и его заместителя В.В. Ульриха, который с 1926 года возглавлял военную коллегия. Этот последний, имея внешность добропорядочного буржуа (маленький толстый человек с розовым лоснящимся лицом и подстриженными усиками), более двух десятков лет возглавлявший высший политический трибунал страны и подписавший за это время множество смертных приговоров знаменитым и мало кому известным «врагам народа», теперь обвинялся в моральном разложении (пьянстве, сожительстве с алкоголичкой и морфинисткой) и «утрате чувства партийной ответственности за порученное дело»³.

И хотя низложение Ульриха и Голякова произошло с подачи секретаря ЦК Кузнецова, это отнюдь не означало, что он и другие «ленинградцы» будут и дальше вершить суд и расправу. Наоборот, поскольку после смерти Жданова их влияние на Сталина стремительно падало, а конкурирующей «партии» Маленкова, напротив,

Продолжение сноски со стр. 509

за собой слабость и гибель его... Проявление кумовства — это отказ от талантов». В свою очередь, Д. Эйзенхауэр, выдвигая в 1952 году свою кандидатуру на пост президента США, где, кстати, с ноября 1946 года стала проводиться «проверка лояльности» государственных служащих, заявил, что с помощью республиканского правительства и республиканского руководства штатов он вычистит агвиевы конюшни исполнительной власти от коррупции и кумовства (4).

росло, по прошествии нескольких месяцев главной жертвой очередного укрощения вождем номенклатуры оказался член политбюро и один из лидеров «ленинградцев» Вознесенский.

5 марта 1949 г. он неожиданно был снят с поста председателя Госплана, а в принятом в связи с этим постановлении Совета министров СССР предписывалось «тщательно проверить состав работников Госплана». Данная задача, выполнению которой Сталин придавал исключительное значение, поручалась заведующему административным отделом ЦК и выученику Шкирятова Е.Е. Андрееву, который 11 марта был переведен в Госплан СССР, в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам. Такие же новоиспеченные уполномоченные, «назначаемые в отдельных случаях» и «независимые в своей работе от руководителей министерств и центральных ведомств» (по положению, утвержденному постановлением оргбюро ЦК от 23 марта), были направлены и в другие отраслевые управленческие структуры. Дряхлевший диктатор таким образом пытался внедрить «своих людей», дополнительные «глаза и уши» в сердцевину претендовавшего на все большую автономию государственно-бюрократического аппарата, где, по его, вождя, мнению, в «отдельных» звеньях ведомственные интересы превалировали над государственной дисциплиной, а работники встали на путь круговой поруки и покрывали тех, «кто недобросовестно и нечестно выполняет директивы правительства»⁵.

К выполнению своей инквизиторской миссии Андреев приступил энергично и с максимальной самоотдачей, безжалостно подвергая остракизму тех, кто не внушал ему «политического и делового доверия». Из 12 заместителей Вознесенского на своих постах удержались только трое, из 72 начальников управлений и отделов были заменены 32, из 66 заместителей начальников управлений и отделов — 33, а из 113 начальников секторов — 52. Всего к маю 1951 года из Госплана СССР было уволено 300 человек. Правда, не всех из них выбросили на улицу, 50 чиновникам была предоставлена работа в других учреждениях. Примерно каждый четвертый уволенный из Госплана был евреем. Возможно, этот показатель был бы выше, но первоначально в ходе начавшейся чистки в экономических ведомствах, отраслевых министерствах и на производственных предприятиях «пятый пункт» не имел, как правило, самодовлеющего характера и «действовал» (то есть приводил к увольнению) только в совокупности с такими компрометирующими моментами, как исключение в прошлом из партии, прежние судимости, наличие родственников, подвергшихся репрессиям или эмигрировавших за границу, пребывание в свое время (личное или родственников) в «контрреволюционных» партиях или рядах оппозиции, «буржуазное» социальное происхождение. Довольно типичной была ситуация, когда в начале 1949 года из Госплана одновременно изгнали начальника сектора управления нефтя-

ной промышленности еврея Е.А. Шапиро (его дядя в 1927 г. высылался в Среднюю Азию «за спекуляцию», а другие родственники проживали в США) и начальника отдела республиканской промышленности М.А. Касперского, который был русским, но в 1918–1919 годах служил в войсках генерала А.И. Деникина и участвовал в еврейских погромах на Украине⁶.

Очевидной национальной подоплеки не имела и та вспышка кадровой паранойи, которая поразила одновременно с Госпланом и союзное Министерство геологии, а также связанные с ним академические, вузовские и подведомственные организации. В данном случае удар был спровоцирован МГБ, которое активно конкурировало с ЦК в проведении широкомасштабной чистки. В марте 1949 года сотрудники госбезопасности разоблачили очередную шпионско-вредительскую организацию, арестовав якобы входивших в нее директора Института геологических наук АН СССР, крупного исследователя рудных месторождений (в том числе и уранового сырья) академика И.Ф. Григорьева, профессора Московского геологоразведочного института* В.М. Крейтера, главного редактора журнала «Советская геология» И.С. Эдельштейна, а также еще шестерых человек. Григорьева, который служил когда-то в геологическом комитете у А.В. Колчака и которому по сценарию госбезопасности досталась роль «главаря вредительской организации», жестоко истязал следователь Л.Л. Шварцман. Не выдержав пыток, академик умер в мае после очередного допроса. Министра геологии И.И. Малышева за покровительство «врагам народа» отправили в отставку. Были уволены также все заместители министра, члены коллегии, всего 140 руководящих сотрудников этого министерства⁷.

Имевшая определенный юдофобский подтекст антикосмополитическая пропагандистская акция, проведенная в начале 1949 года по поручению Сталина Маленковым, знаменовала собой переход власти к еще более жесткой административно-силовой парадигме руководства и способствовала укреплению партийно-полицейского тандема** в организации и проведении кадровых чисток. Вновь, как в 30-е годы, пропагандистские кампании партаппарата сопро-

* В этом же институте был отстранен от заведования кафедрой член-корреспондент АН СССР Н.С. Шатский, который в 1946 году публично выступил с «космополитической» идеей интернационализации науки.

** Начиная с 1949 года Абакумов регулярно направлял Сталину и в ЦК записки (многие из них имели высший гриф секретности «Особая папка»), составленные на основании материалов проверок органами госбезопасности кадрового состава в организациях и на предприятиях страны. Например, 3 июня он проинформировал Старую площадь о «не заслуживающих доверия» работниках редакции «Учительской газеты», а 1 июля — «о засоренности кадров» в Институте организации здравоохранения и истории медицины АМН СССР и т.д.

вождались «активными мероприятиями» госбезопасности с последующей фабрикацией политических дел и проведением судебных процессов (теперь, правда, только закрытых). С весны 1949 года кадровая чистка в управленческих структурах начинает приобретать все более откровенный антисемитский характер. Ключевую роль в этом процессе сыграло подписанное Сталиным 21 июня 1950 г. секретное постановление политбюро «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в Министерстве автомобильной и тракторной промышленности», которое привнесло в спонтанные до этого антиеврейские гонения в номенклатурной сфере систематичность, универсальность и детальную регламентированность. Первоначальный вариант этой директивы, обобщившей практику устранения евреев из министерств, ведомств, органов массовой информации, учреждений культуры и искусства, был подготовлен М.А. Сусловым и подчиненным ему аппаратом Агитпропа. Однако Сталин отклонил эту заготовку за неприкрыто торчавшие в ней антисемитские «уши». Переработанный потом на основании его указаний проект директивы стал соответствовать лучшим традициям советской аппаратной казуистики, ибо, сохранив очевидный антисемитский подтекст, уже не содержал не только никаких упоминаний о евреях, но даже ссылок на пресловутый «национальный признак». Суть постановления состояла в том, что помимо традиционных абстрактных призывов укреплять партийный контроль за «делом подбора, расстановки и воспитания кадров» оно содержало весьма примечательное конкретное положение, обязывавшее министров и других руководителей ведомств ежегодно представлять в ЦК отчеты о работе с кадрами как в центральных аппаратах управления, так и в подчиненных им организациях⁸. А в эти отчеты, уже в соответствии с дополнительными устными разъяснениями сверху, должны были наряду с прочим в обязательном порядке заноситься количественные сведения о работающих и уволенных евреях. И выходило, что внешне неброский и отдававший бюрократическим формализмом пункт постановления по идее означал введение планомерной антиеврейской чистки как атрибута государственной политики и соответствующую легитимизацию задним числом проводимых ранее проверок благонадежности государственных служащих в связи с их национальной принадлежностью.

Используя данные, почерпнутые из этих отчетов министерств и ведомств, аппарат ЦК в начале 1952 года составил таблицу количественной динамики руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров еврейской национальности. Чтобы не утомлять читателя обильным воспроизведением цифри, ниже приводятся лишь некоторые позиции этой объемной таблицы⁹.

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ СУПЕРЭЛИТЫ

Несмотря на красноречивость вышеприведенных данных, верхушка еврейской политической элиты, хотя и пострадала от аппаратных пертурбаций, но, как ни странно, не так сильно, как можно было бы предположить. Если в 1946 году в Верховный Совет СССР прошло 15 евреев* (1,20% от всех депутатов), то после выборов 1950 года — только 8 (0,69%). То, что к тому времени в самом верхнем слое партийно-государственной номенклатуры евреи еще вообще оставались, можно объяснить тем, что, во-первых, их счет велся на единицы и в личной преданности себе этих людей Сталин не сомневался, а, во-вторых, они служили, так сказать, живым подтверждением «несостоятельности западной пропаганды о якобы наличии антисемитизма в первой стране социализма».

Именно благодаря абсолютной приверженности вождю, которую можно сравнить разве только с преданностью собаки своему хозяину, уцелел в ходе репрессий и сохранил членство в политбюро самый высокопоставленный еврей страны Л.М. Каганович. Однако теперь он уже не секретарь ЦК и не так влиятелен, как в 20-е — 30-е годы, да и больше не входит в самое близкое окружение Сталина, но все еще остается одним из заместителей последнего как главы правительства и занимает пост председателя Госснаба СССР. К старшему брату Лазаря Кагановича Юлию, который в 1937 году стал первым секретарем Горьковского обкома партии, а с 1938-го в течение семи лет был заместителем наркома внешней торговли, фортуна была менее благосклонна. В 1945 году он неожиданно получил незавидное назначение торгпредом в отдаленную Монголию. Через два года, правда, ему удалось возвратиться в Москву и занять пост председателя всесоюзного объединения «Международная книга», однако в разгар антикосмополитической кампании весной 1949-го он лишился и его. Утративший былое могущество Л.М. Каганович не смог защитить брата, но зато отстоял свою жену Марию Марковну, которая благодаря этому продолжала руководить ЦК профсоюза рабочих трикотажной промышленности, возглавлявшийся ею с 1934 года.

* Это Л.М. Каганович, Л.З. Мехлис, Р.С. Землячка, Р.Д. Быков (министр госбезопасности Башкирии, принимал участие в годы войны в руководстве депортацией некоторых народов Кавказа), Г.Б. Эйдинов (заместитель председателя Совета министров Белоруссии), наркомы СССР Б.Л. Ванников, С.З. Гинзбург, Б.А. Двинский, директор Челябинского тракторного завода И.М. Зальцман, 1-й секретарь Кемеровского обкома партии С.Б. Задонченко, С.А. Лозовский, М.И. Шевелев (Герой Советского Союза, полярный исследователь), А.Н. Бахмутский (первый секретарь ВКП(б) ЕАО), Ш. Кочина (колхозница из ЕАО). Депутатом Верховного Совета СССР был также заместитель министра иностранных дел М.М. Литвинов, который, хоть и был евреем, однако в анкете указал, что он русский.

Названия должностей	Количество евреев-руководителей			
	в абсолютных цифрах		в % относительно общего количества руководителей	
	на 1.1.45/46*	на 1.1.52	на 1.1.45	на 1.1.52
Руководящие кадры центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР*	516	190	12,9	3,9
Заместители министров, руководителей ведомств СССР и РСФСР	46	14	8,7	1,8
Начальники главных и центральных управлений министерств и ведомств СССР и РСФСР	98	25	14,8	3,2
Руководящие кадры предприятий и строек	481	190	11,2	4,6
Директора промышленных предприятий	261	92	12,3	4,6
Руководящие кадры союзных объединений, трестов и контор	223	91	10,9	5,6
То же НИИ, КБ и проектных организаций	47	29	10,8	2,9
Руководящие кадры центральной печати	33*	26	10,7	5,4
То же вузов и партшкол	80	59	10,9	3,1
Секретари обкомов, крайкомов и ЦК КП союзных республик	10	1	1,3	0,1
Первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик	1	—	0,6	—
Руководящие кадры областных, краевых и республиканских советских, хозяйственных и других организаций	255	76	3,9	1,5

* В эту категорию входили руководящие работники Верховных Советов, Советов министров СССР и РСФСР, министры, другие руководители ведомств СССР и РСФСР, их заместители, начальники главных управлений и основных отделов министерств и ведомств и их заместители, руководство ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, члены Верховных судов СССР и РСФСР, а также их военных коллегий, цензоры Главлита, следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР и МГБ СССР, военные прокуроры, помощники министров, члены секретариата Союза советских писателей, радиокомментаторы и некоторые другие высокопоставленные должностные лица.

Другая еврейская гранд-дама в советском истеблишменте, Д.М. Хазан, чей постоянно болевший муж А.А. Андреев во многом только на бумаге числился членом политбюро, председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и заместителем председателя Совета министров СССР, оказалась, по всей видимости, из-за этого беззащитной перед лицом усиливавшейся антиеврейской чистки. Занимая с конца 30-х годов последовательно посты заместителя наркома легкой промышленности и заместителя наркома текстильной промышленности, она, будучи потом существенно пониженной в должности, встретила 1949 год директором Центрального научно-исследовательского института шерстяной промышленности Минлегпрома СССР. Однако и в этом кресле Дора Хазан долго не задержалась. В сентябре она была изгнана из института после того, как министр легкой промышленности СССР А.Н. Косыгин проинформировал Маленкова, что коллегия министерства оценила ее работу как «совершенно неудовлетворительную»¹⁰.

В том же году, возможно под влиянием усилившихся гонений на евреев, серьезно заболел Л.З. Мехлис, руководивший с 1940 года Наркоматом (министерством) государственного контроля СССР. После этого он уже не вставал с постели и в октябре 1950 года вынужден был «по состоянию здоровья» передать свой пост человеку Берии В.Н. Меркулову. Несколькими месяцами ранее, в мае, произошла замена и главы Министерства промышленности строительных материалов СССР С.З. Гинзбурга, правда, уже 28 июня он получил назначение на другую, но низшую по значимости должность заместителя министра строительства предприятий машиностроения СССР. Новый министр промышленности стройматериалов П.А. Юдин сразу же представил в ЦК предложения по почти полному обновлению кадрового состава руководителей, принятых на работу его предшественником. Поскольку прежнего министра упрекали в семейственности и подборе кадров по принципу личного знакомства, то его соплеменники стали первыми кандидатами на увольнение. Тогда очень скоро получили расчет заместитель министра И.З. Рыхлецкий, начальники главков и управлений Н.И. Ференс, А.А. Лукацкий, С.И. Данюшевский и др.¹¹

Одновременно с заменой Гинзбурга на Юдина произошла еще одна кадровая «рокировка», парадоксальная вроде бы на первый взгляд. Дело в том, что на освободившееся после передвижки Юдина место, а это был пост министра строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, неожиданно назначили Д.Я. Райзера. Трудно понять, почему Сталин, взявший курс на очищение аппарата от евреев, сделал исключение для этого представителя гонимой национальности. Возможно, это был с его стороны пропагандистский жест, имевший целью успокоить общество, встревоженное слухами об усилении государственного антисемитизма в стране. Но скорее всего,

идя на такой шаг, диктатор руководствовался прагматическими соображениями, вняв совету Берии, который, курируя возведение высотного здания на Смоленской площади и хорошо зная участвовавшего в этом строительстве Райзера, мог охарактеризовать его как незаурядного специалиста и хорошего организатора. Не исключено, что протекцию Райзеру также составил И.Ф. Тевосян*, которого Сталин назначил в 1949 году своим заместителем в Совете министров СССР.

Однако после того как Райзеру было доверено руководство Министерством строительства предприятий тяжелой промышленности, ЦК и МГБ существенно усилили контроль за кадровой ситуацией в этом ведомстве. С целью «антисионистской профилактики» в октябре 1950 года там был снят с весьма важного поста начальника канцелярии Л.З. Шуб, увольнение которого официально мотивировалось «необходимостью укрепления этого участка более сильным работником». А через несколько месяцев после этого к партийной ответственности был привлечен заместитель Райзера В.Э. Дымшиц. Впоследствии, при Хрущеве и Брежневе, он станет видной фигурой в советском хозяйственном истеблишменте, а пока его обвинили в том, что, руководя в 1946–1950 годах на Украине трестом «Запорожстрой», он покровительствовал евреям и наводнил ими управленческие структуры этой организации, а придя потом в министерство, опять стал нарушать «большевистские принципы подбора кадров, принимая на работу лиц, не заслуживающих политического доверия». По этим и другим подобным фактам ЦК 16 сентября 1952 г. даже принял специальное постановление «О недостатках в работе с кадрами в Министерстве строительства предприятий тяжелой металлургии»¹².

В целом те, кто входил в узкий круг евреев, пользовавшихся особым доверием Сталина (в первую очередь из числа технократов), пострадали от чистки конца 40-х — начала 50-х годов значительно меньше, чем их соплеменники, находившиеся на более низких ступенях иерархической лестницы. Это, конечно, не означает, что еврейская суперэлита была застрахована от неприятных сюрпризов со стороны чиновников со Старой площади. Те, скажем, продолжительное время старались убрать с поста министра заготовок СССР Б.А. Двинского, который оказался для них «крепким орешком» из-за своих давних кремлевских связей: с конца 20-х был помощником Сталина, а с 1930 по 1937 год работал в качестве заместителя А.Н. Поскребышева опять же в личной канцелярии вождя, именовавшейся сначала секретным отделом, а затем (с 1934 г.) особым сектором ЦК.

* Райзер весьма положительно зарекомендовал себя, работая в течение нескольких лет заместителем по строительству у Тевосяна, когда тот возглавлял Министерство металлургической промышленности СССР.

Тем не менее аппарат ЦК все же добился своего, благо летом 1950 года туда поступила записка от заместителя министра заготовок по кадрам В.В. Немыкина, в которой «вскрывались» «серьезные недостатки и ошибки в деле подбора и расстановки руководящих кадров» в этом ведомстве. Выяснилось, что некоторые работники-евреи одного из заготовительных объединений министерства «ведут себя подзрительно»: «собираются в служебном помещении для чтения литературы на еврейском языке... ведут разговоры между собой не на русском, а на еврейском языке, организовали сбор денег... на венок артисту Михоэлсу... и глубокой ночью, втайне организовали посещение его могилы...». В результате в сентябре в ЦК принимается постановление «О недостатках в работе с кадрами в Министерстве заготовок», а в октябре Двинского освобождают от обязанностей министра. Ставший вакантным министерский пост занял тогда аж сам секретарь ЦК Пономаренко. Назначение этого весьма требовательного, но известного своей жесткостью по отношению к евреям чиновника свидетельствовало о том, что положение дел с кадрами в этом ведомстве было сочтено весьма серьезным. «Нейтрализованного от «еврейского влияния» Двинского, учитывая его прежние заслуги перед партией, вскоре назначили на почетную, но лишнюю реальную власть должность заместителя председателя бюро при Совете министров СССР по сельскому хозяйству и заготовкам»¹³.

БЕЗ ПРАВА ОТКАЗА ОТ ЕВРЕЙСТВА

Основной удар в ходе чистки пришелся по среднему, наибольшему в количественном отношении слою еврейской элиты — управленцам, начиная с заместителей министров и далее по нисходящей, а также журналистам, профессуре, другим представителям творческой интеллигенции. Создавалось впечатление, что, расправившись одним махом в начале 1949 года с еврейской культурой и ее представителями, власть высвободила руки, чтобы теперь вплотную заняться ассимилированными евреями, которые подозревались ею в «сочувствии» буржуазным националистам. Именно эти, так сказать, номинальные евреи, несмотря на их почти полную оторванность от национальных корней, приняли на себя один из главных ударов в послевоенной кадровой чистке. Во многом прав оказался Г.П. Федотов, писавший в 1940 году, что «ассимилированное еврейство все еще еврейство, и враг сумеет распознать его». Не ведая о первопричине свалившейся беды, некоторые евреи апеллировали к высшим руководителям страны, чаще всего к Берии, о котором шла молва как о покровителе нацменьшинств. Вот что писала ему в ноябре 1949-го некая С.Р. Хляп:

«От своего имени честного советского гражданина и коммуниста, от имени моего погибшего в боях с фашизмом сына, от имени моей сестры, заживо захороненной с ее двумя детьми нацистами, через Вас шлю проклятие всем замаскированным фашиствующим нацистам — великорусским шовинистам, антисемитам нашим, которые возродили в нашей стране великорусский шовинизм, антисемитизм. Которые заставили силами советской прокуратуры, суда и других систем, в том числе и партийной, научной печати преступно извращать нашу программу, Конституцию и законы... Которые возродили замаскированную процентную норму для евреев, которых увольняют с работы и не берут на работу... только потому, что они евреи. Которые заразили этой великорусской шовинистической чумой советских детей в школах, молодежь и развязали всю эту чумную расистскую чехарду в советских квартирах, в быту. ... Честные коммунисты и граждане недоумевают, как это могло случиться? Почему молчит ЦК? Почему молчит Правительство?.. Только негодяи, предатели Родины, пособники мирового фашизма, подготавливающие мост возврата нас в лоно мирового империализма, или обывательские корыстолюбцы могут говорить, что в нашей стране нет великорусского шовинизма, антисемитизма. ... Политбюро, ЦК, Правительство, остановите эту заразу, вырвите ее с корнем, вскройте, накажите главарей и их пособников. Советский народ вам в этом поможет. Товарищ Сталин, помогите... задыхаюсь от великорусского шовинистического антисемитского гнета, ни жить, ни работать не могу...»¹⁴.

В то время как одни евреи протестовали, другие, морально сломленные террором, который власть обрушила на головы «буржуазных националистов», пробовали идти другим путем. Самый простой и эффективный способ обезопасить собственное существование многие видели в смене национальности. Однако поскольку с конца 30-х годов сделать это официально для чистокровных евреев не представлялось возможным, некоторые из них, чтобы стать «русскими», вынуждены были прибегать к различного рода хитростям и ухищрениям. Такой путь был связан с немалым риском, так как если до войны евреям, избалованным в самовольной смене национальности, грозил разве что средней тяжести нагоняй, то с конца 40-х это было чревато крупными неприятностями. Скажем, когда в 1938 году Хрушев (тогда первый секретарь ЦК КП(б) Украины) доложил в Кремль, что первый секретарь Днепропетровского обкома партии С.Б. Задонченко не украинец, как он сам себя представлял, а еврей и настоящая его фамилия Зайончик, Сталин воспринял эту информацию «довольно спокойно». Правда, видимо, за «неискренность перед партией» Задонченко тогда понизили в должности до заведующего отделом обкома, но уже в начале войны ему было доверено руководство партийной организацией Сталинской области, затем — Башкирии, а потом Кемеровской области. В сентябре 1948 года его назначили первым заместителем министра заготовок СССР, однако в 1951-м в ходе антиеврейской чистки в этом ведомстве сняли и перевели на второстепенную должность в аппарат ЦК¹⁵.

В аналогичной ситуации, имевшей место в начале 1948 года, действия властей были жестче и решительней. Тогда разоблаченный в сокрытии своего еврейства заместитель министра электропромышленности А.И. Товстопалов был немедленно снят с этой должности как «не заслуживающий доверия». Таким же образом в конце 1950 года поступили и с начальником главстройснаба Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР А.И. Слущким. Причем при разбирательстве персонального дела последнего в КПК не было принято в расчет его объяснение, сводившееся к тому, что поскольку он принял православие еще до революции, то в соответствии с порядком, существовавшим в Российской империи, считал себя русским как бы на законном основании¹⁶. Таким образом, если при царе евреи, чтобы избежать гонений, могли перейти в лоно государственной религии или эмигрировать из страны, то при Сталине они лишились этих возможностей. Создалась поистине тупиковая и парадоксальная ситуация. Множеству евреев, искренне уверовавших в сталинскую пропаганду объективной «прогрессивности» ассимиляции и в результате обрусевших, режим отказывал в формальном праве слиться с тем народом, с языком и культурой которого они полностью сроднились. Желая прояснить для себя такое явное противоречие, некто профессор Р. Белкин обратился в июле 1952 года к Сталину, видимо памятуя, что тот, будучи чистокровным грузином, отождествлял себя с русскими. Письмо содержало два вопроса к вождю:

«1. Правильно ли определять национальность граждан СССР по их национальному происхождению, то есть по национальной принадлежности родителей, а не по основным признакам нации, которые сформулированы Вами в Вашем классическом определении нации?»

2. Имеет ли право гражданин СССР изменять в установленном порядке свою анкетно-паспортную национальную принадлежность, если по всем признакам, характеризующим нацию (родной язык, территория, на которой вырос и живет данный гражданин, условия экономической жизни и психический склад, проявляющийся в общности культуры), он принадлежит к другой нации, чем его родители, по национальности которых определена его национальная принадлежность?»

Послание завершалось еще двумя вопросами-пожеланиями:

«Не пришло ли время предоставить право определения национальной принадлежности по языку, культуре, быту, сознанию общности с данной нацией, а не по биологическим признакам, не по национальности предков? Не пришло ли время ликвидировать искусственное паспортное обособление русских людей еврейского происхождения от русского народа и тем самым разорвать формальную связь — связь... существующую между лицами еврейского происхождения, живущими в СССР и являющимися по существу русскими людьми, и зарубежными евреями?»

Это письмо попало в аппарат ЦК, где к его рассмотрению отнеслись серьезно, направив на экспертную оценку в академические институты

философии и языкознания*. На основании мнения академических специалистов чиновники ЦК в духе иезуитской казуистики разъяснили Белкину, что советские граждане не имеют права «произвольно изменять в официальных документах свою национальную принадлежность», пусть даже с нею их связывает только фамилия и отдаленное прошлое; только их детям от смешанных браков будет позволено сделать это, а кардинальное решение поднятой им проблемы произойдет после победы коммунизма во всем мире, когда в соответствии с учением марксизма-ленинизма отомрет деление людей на национальности. И еще один штрих: о содержании состоявшейся с Белкиным беседы сотрудники ЦК сочли необходимым доложить Маленкову¹⁷.

Удаление евреев из культурно-идеологической сферы

МАСС-МЕДИА

В области идеологии (редакциях газет, журналов, издательствах, учреждениях культуры и искусства, гуманитарных академических

* Вот весьма красноречивые фрагменты из представленных оттуда в ЦК «научных» заключений: «Предложения Р. Белкина ведут к путанице и извращению учения Сталина о нациях... Да, евреи не были нацией в условиях старой царской России, ибо подвергались жестокому преследованиям, которые мешали им консолидироваться в нацию... Советская власть предоставила все условия для национальной консолидации еврейскому народу... Была создана еврейская автономная область... Создание жизнеспособной еврейской социалистической нации, ее развитие целиком зависят в наших условиях от самого еврейского народа... Процесс ассимиляции евреев у нас, несомненно, происходит. Евреи больше чем другие нации подвержены этому процессу, так как они до сих пор предпочитают жить разрозненными группами среди других народов и не стремятся к национальной консолидации. Больше того, отдельные представители еврейского народа хотят как-то искусственно ассимилироваться и полностью вычеркнуть из своей памяти свою естественную национальную принадлежность. Эти люди не делают чести еврейскому народу, так как являются отщепенцами, «бродягами, не помнящими своего родства». Они хотят приписать себя к другим народам, так как им кажется, что те обладают преимуществами, которых у евреев нет. Однако в нашей стране все нации обладают полностью одинаковыми правами и никакого предпочтения какая-либо национальная принадлежность не дает... Совершенно неправильно считать искусственным отличие евреев от русского народа... Русский народ является ведущей нацией среди всех наций СССР... Товарищ Сталин назвал русский народ выдающимся народом...»

институтах и т.п.) антиеврейский остракизм стал очевиден уже в ходе антикосмополитической пропагандистской кампании начала 1949 года. В наибольшей степени, по вполне очевидным причинам, он проявился в редакции «Правды» — центральном печатном органе партии. Там с 1 по 5 марта проходил изматывающий марафон партийного собрания, на котором обнаружилось, что в коллективе «свила себе гнездо группа в составе С.Р. Гершберга, Л.К. Бронтмана, Б.Р. Изакова, А.Э. Корнблюма, Д.Г. Коссова и некоторых других руководящих работников, которые активно поддерживали космополитов». Этим людям к тому же обвинили в групповщине, националистическом уклоне, связях с руководством Еврейского антифашистского комитета. Гершбергу, Бронтману, а также заместителю заведующего иностранным отделом Я.З. Гольденбергу (Викторову), в частности, вменили в вину «протаскивание» на страницы «Правды» «рекламных материалов» о «враге народа» Шимелиовиче. Организаторы партийного судилища, не пожалев времени, просмотрели старые подшивки «Правды» и установили, что начиная с 1939 года в газете было опубликовано 16 заметок с такими материалами. Под угрозой увольнения Гольденберг, который был взят в свое время на работу в «Правду» по рекомендации заместителя наркома внутренних дел и «друга детства» Г.Е. Прокофьева, вынужден был в конце концов покаяться в том, что не дал должного отпора «националисту» Михозлсу. Правда, в свое оправдание припомнил, что когда во время войны Михозлс как-то обвинил его в сокрытии еврейства с помощью псевдонима «Викторов», то он ответил, что тем самым не льет воду на мельницу геббельсовской пропаганды, и, в свою очередь, заметил актеру, что «из-за своего ущемления (национального. — *Авт.*)» тот играет только на еврейском языке, за что был назван «старым ассимилятором»¹⁸.

Другой «правдист», Корнблюм, был уличен в связи с одним из «вожаков и идеологов буржуазно-космополитической банды» Юзовским, чью книгу «Образ и эпоха» «восхвалял» в рецензии, которую пытался опубликовать. Но, самое главное, Корнблюму не могли простить критику в адрес руководства литературного отдела «Правды» в лице писателей Б.Н. Полевого и В.М. Кожевникова. Последний, кстати, напомнил присутствующим на собрании, что Корнблюм является родственником (мужем сестры) драматурга В.М. Киршона, расстрелянного в апреле 1938 года. Возможно, что это заявление не минуло ушей Лубянки, так как через год Корнблюма арестовали, обвинив в преступной связи с группой еврейских националистов, «вскрытой органами» на Московском автомобильном заводе им. Сталина, где он работал до войны в заводской многотиражке, а потом в выездной редакции «Правды»¹⁹.

Серьезные партийные взыскания получили международный обозреватель «Правды» Изаков* и заместитель заведующего экономическим отделом редакции Коссов. Первый за то, что в 1948 году ходатайствовал вместе с другими об освобождении Л.З. Копелева. На второго же поступил донос от редактора газеты «Советское искусство» Вдовиченко о том, что он скрывает родство с американской журналисткой А.-Л. Стронг, которая в августе 1948-го с разрешения политбюро приехала в СССР, но в феврале 1949-го была арестована советскими властями и выслана как американская шпионка²⁰.

Досталось и сталинскому любимцу, гранду советской партийной журналистики и бывшему бундовцу (в 1902–1919 гг.) Д.И. Заславскому. Ему пришлось повиниться перед товарищами по партии за то, что состоял в ЕАК и в свое время, «не проявив политической бдительности», приобрел абонемент в Еврейский театр. 25 марта Заславскому пришлось также выступить с аналогичным покаянием и в стенах Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Однако там ему припомнили среди прочего, что в середине 30-х годов он поместил в «Правде» восторженную рецензию на постановку в ГОСЕТе «Короля Лира» и назвал сыгравшего заглавную роль Михозлса гениальным артистом. Заславский должен был объясниться также по поводу своего выступления в 1948 году на вечере, посвященном памяти Михозлса, после которого ему даже было предложено стать председателем ЕАК. За грехи прошлого Заславского отстранили от руководства кафедрой журналистики ВПШ, назначив вместо него Л.Ф. Ильичева²¹.

Чтобы не быть заподозренными в сочувствии к тем, кто попал под огонь критики, некоторые работники «Правды» из числа евреев не упустили случая показать себя бескомпромиссными обличителями космополитизма. Обозначил себя на этом поприще и международный обозреватель «Правды» Я.С. Хавинсон, озвучивший на партсобрании официальную версию возникновения еврейской проблемы в СССР:

«...Лидеры американского империализма из числа еврейской буржуазии используют многочисленные каналы для того, чтобы привить яд националистического шовинизма определенной прослойке еврейского населения в нашей стране, используя в этой части родственное влияние значительного количества евреев в США, вышедших из России, с тем чтобы через эти каналы, через эти связи проводить свою идеологию и насаждать свою агентуру. Под влиянием внешних воздействий контрреволюционные националистические элементы решили, что настало время поднять голову, чтобы

* Проступили и старые «темные пятна» на служебной биографии Изакова: оказалось, что, будучи в 1932–1933 годах корреспондентом «Правды» в Лондоне, он «вошел в тесную связь», с агентом английской разведки, некоей Аллен. Как только об этом стало тогда известно в советском постпредстве, Изакова отозвали в Москву, где КПК объявила ему выговор за неосторожность в знакомстве за границей.

попытаться здесь, внутри определенной еврейской прослойки, среди еврейского населения насадить свою агентуру внешних империалистических сил. Значительная группа еврейских деятелей среди критиков-космополитов примыкает к этим националистическим группировкам. Они непосредственно связаны друг с другом и питаются теми же самыми источниками»²².

В середине 1943 года, то есть в самый разгар «щербаковской» антиеврейской чистки учреждений пропаганды и культуры, Хавинсон, несмотря на то что к тому времени обзавелся по указанию сверху звучным русским псевдонимом «Маринин», был смещен с поста директора ТАСС. Это стало для него сильным потрясением, ибо, как говорят, непосредственным поводом к увольнению послужил грубый разнос, учиненный Хавинсону Сталиным, возмущенным тем, что руководитель главного информационного агентства страны не смог перевести ему телеграмму на английском языке. Душевные раны, подобные той, что нанесена была тогда Хавинсону, если и не убивают людей сразу, то обычно очень надолго вгоняют их в депрессию. Видимо, «страха иудейского ради» в июне 1950 года Хавинсон совместно с сотрудником Института истории АН СССР В.М. Луцким подготовил и представил в ЦК рукопись написанной для «Правды» статьи «Сионизм на службе англо-американских поджигателей войны», в которой утверждалось, что «зверства еврейско-фашистских сионистских банд в отношении мирного арабского населения превзошли злодеяния гитлеровских убийц». Но поскольку в то время советско-израильские отношения были еще довольно сносными, проматривавший рукопись Суслов счел подобное сравнение чрезмерным и вычеркнул эту фразу²³.

В итоге многодневных партийных бдений 11 марта из редакции «Правды» были уволены Гершберг, Бронтман, Изаков, Корнблюм. Другие сотрудники, критиковавшиеся за связь с космополитами, — Гольденберг, Заславский, Н.М. Мордкович — отделались выговорами по партийной линии. «Улучшив» таким образом «кадровое лицо» редакции, руководство «Правды» 13 марта доложило ЦК о том, что среди литературных сотрудников центрального аппарата газеты значатся 107 русских, 6 украинцев, 22 еврея и 3 представителя других национальностей²⁴. Отчетные показатели еще более «оптимизировались» после того, как 19 мая по предложению П.Н. Поспелова, который как главный редактор «Правды» осуществлял общее руководство дочерним сатирическим журналом «Крокодил», был снят с работы член редколлегии этого издания Г.Е. Рыклин, обвиненный в распространении абонементов ГОСЕТа и оказании другой помощи этому театру. Это был второй удар по Рыклину: 6 сентября 1948 г. его отстранили от должности главного редактора «Крокодила» за то, что якобы пошел на поводу у «кучки безответственных сатириков» — Л.С. Ленча, Э. Кроткого (Э.Я. Германа), Б.С. Ласкина и других²⁵.

Но проведенная Поспеловым кадровая чистка в «Правде» не укрепила его авторитета в глазах Сталина. Скорее, наоборот, вождь, и раньше недолюбливавший этого чиновника за рутинерство и облик ученого-буквоеда, теперь еще больше в нем разочаровался, видя несоответствие «деловых качеств» этой фигуры взятому им курсу на закручивание идеологических гаек в стране. На состоявшемся летом совещании в ЦК Сталин подверг Поспелова серьезной критике, заявив, что «Правду» трудно назвать органом ЦК и что она никогда не велась на таком низком уровне, как в последнее время. А вскоре последовали «оргвыводы»: 30 июля постановлением политбюро Поспелов был смещен со своего поста, его, «глубоко» раскаявшегося «ошибках», отправили на подернутую ряской догматического застоя идеологическую периферию, назначив директором в архивный Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Новым главным редактором «Правды» утвердили Сулова, а его первым заместителем — Ильичева²⁶.

Однако кадровая лихорадка в редакции главной газеты страны на этом не закончилась. В октябре с пространном посланием к Сталину обратился журналист А.С. Магид, со скандалом изгнанный в ноябре 1945 года из «Правды» за многолетнее кляузничество и личную нечистоплотность, а потом не раз заявлявший (в том числе и секретарям ЦК), что покончит с собой, если его не восстановят на прежней работе. Выставляя себя невинно пострадавшим от произвола прежнего руководства газеты и жалуясь по поводу потерянного якобы в результате этого здоровья, Магид с истерическим надрывом призывал высшее руководство страны еще раз проверить кадровый состав редакции «Правды», куда не раз «пытались проникнуть иностранные разведчики». Особое подозрение у Магида вызывали Гольденберг, И.Л. Верховцев и другие продолжавшие работать в редакции евреи*. Провокационный донос, состоявшийся в основном из параноического бреда, не только не был выброшен в мусорную корзину (как обычно делается в подобных случаях), но с ним самым серьезным образом ознакомились секретари ЦК Маленков, Пономаренко, Попов, Сулов, а также Шкирятов и Поскребышев.

* В письме еврея по происхождению Магида был даже специальный раздел «О мнимом так называемом еврейском вопросе». Вот выдержка из него: «В феврале меня встречает писатель Крейн (А.А. Крон. — *Авт.*) и говорит: «Знаешь, из «Правды» всех евреев увольняют?». Я ответил: «Не евреев, а прохвостов!». Или вот бывший инженер завода № 156 Уралов говорит: «На евреев идет гонение». А какие факты? Мол-де арестован Шимелиович, тот самый главврач из Боткинской больницы. Отвечаю: «Не еврей, а шпион». На этих фактах, Вы можете видеть, как иные за уши притягивают сюда так называемый еврейский вопрос, забывая о том, что тем самым играют на руку подлым англо-американским разведчикам и шпионам, раздувающим этот «вопрос» в своих гнусных целях» (27).

Тем не менее немедленной реакции сверху так и не последовало. Только в ноябре 1951 года Суслов направил Маленкову проект постановления ЦК «О мерах укрепления редакции газеты "Правда"», в котором под благовидным предлогом (в связи с переходом на другую работу) настаивал на удалении из газеты Гольденберга, Заславского и Хавинсона. Разыграть антиеврейскую карту на сей раз подвигло Суслова, скорее всего, желание поквитаться с Ильичевым, который ранее, 23 июня, смог добиться передачи себе полномочий главного редактора «Правды»²⁸.

То, что произошло в редакции главного пропагандистского рупора партии, потом многократно повторялось с некоторыми вариациями в других газетах и журналах. Кадровые экзекуции повсюду осуществлялись в основном по шаблонному сценарию Агитпропа, и его разработчиков отнюдь не смущало подобное единообразие, но зато серьезно беспокоила возможная «самодеятельность» снизу, чреватая нежелательными «искривлениями партийной линии в национальном вопросе». Имеются в виду случаи, когда чрезмерно твердолобые и усердные исполнители начинали открыто действовать в духе антисемитизма и тем самым невольно «подставляли» власть. Особенно это было присуще главпуровским политработникам, которые, например, задавали откровенно шовинистический настрой материалам, публиковавшимся на страницах газеты военно-морских сил «Красный флот». Еще осенью 1947 года из ее редакции были уволены «по сокращению штатов» Е.И. Каменецкий, И.В. Бару (критиковал зубодробительный тон статей о бывших англо-американских союзниках) и разъездные корреспонденты Г.С. Новогрудский и М.Б. Чарный, пробовавшие противостоять нападкам на Ахматову и Зощенко. Антикосмополитическая кампания еще больше разожгла антисемитский энтузиазм в стенах этой редакции. В ходе партийного собрания, проходившего там с 16 по 19 марта 1949 г., некоторые выступившие, критикуя коллег, впервые позволили себе нарочито именовать их «еврей Понежевский», «еврей Рудный», «еврей Ивич» и т.д. Но дальше всех пошел начальник отдела партийной жизни капитан 1-го ранга Пащенко, прямо заявивший:

«Так же, как весь немецкий народ несет ответственность за гитлеровскую агрессию, так и весь еврейский народ должен нести ответственность за действия буржуазных космополитов».

Возмущенный такой откровенно антисемитской эскападой, заместитель ответственного секретаря «Красного флота» С.А. Лившиц написал Сталину. Однако его послание к вождю не попало, а было направлено Поскребышевым Маленкову, который вынужден был предпринять формальное служебное расследование. Как и следовало ожидать, ревизоров из ЦК вполне удовлетворило признание Пащенко своего выступления «политически ошибочным», и на этом досадный

инцидент сочли исчерпанным. Но зато потом, когда страсти улеглись, администрация без лишнего шума стала по одному выдавливать из редакции беспокойных евреев. В июне был уволен ответственный секретарь газеты И.Д. Сахновский. Такая же участь, по всей видимости, постигла и искавшего справедливости у Сталина Семена Лившица. Не исключено, что его могли и арестовать, как, например, бывших сотрудников газеты Л.А. Ивича, С.М. Занде (расстрелян 21 апреля 1950 г.), А.С. Понежевского, Е.И. Каменецкого, М.В. Уманскую, И.Д. Сахновского, пострадавших за то, что ранее поставляли в ЕАК материалы о евреях, служивших в Военно-морском флоте²⁹.

Несколько иная ситуация сложилась в газете «Сталинский сокол», издававшейся политическим управлением военно-воздушных сил. Ее редактор Б.П. Павлов, наоборот, проявил «политическую беспечность» и «засорил аппарат враждебными и сомнительными элементами». В дело вмешалось МГБ, сотрудники которого 9 сентября арестовали литработника редакции Б.Л. Перельмутера, неосмотрительно заявившего, что борьба с космополитизмом напоминает ежовщину. Потом за эту словесную вольность он получил от Особого совещания десять лет лагерей. Досталось и руководству газеты. Коллективными усилиями МГБ и политуправления ВВС во главе с генерал-майором авиации В.С. Шимко было установлено, что главный редактор Павлов подпал под влияние приятельского окружения, состоявшего «почти исключительно» из работников редакции еврейской национальности. В результате он лишился своего поста, а его «еврейское окружение» было подвергнуто остракизму³⁰.

То же самое произошло и в редакции журнала «Пограничник» (орган политуправления пограничных войск МВД СССР). Его ответственный редактор Г. Белых был смещен за то, что имел дружеские контакты с «безродными космополитами» Д. Даниным, Л. Субоцким, В. Шкловским, Б. Яковлевым и печатал их произведения у себя в журнале³¹.

Нетрудно представить себе, какие панические настроения могло породить в головах идеологических церберов со Старой площади осознание ими того, что космополитический дух проник даже в святая святых — издания военных политорганов. Не исключено, что при этом их могла посетить и такая тревожная мысль: «А что же тогда творится в редакциях гражданской прессы, где процент евреев среди сотрудников значительно выше?». Подобные рассуждения как бы самопроизвольно рождали в аппаратных умах лозунг: даешь все силы на проверку и перепроверку журналистских кадров, особенно тех из них, кому доверен ответственный участок воспитания подрастающего поколения. Такой логикой, наверное, руководствовался Маленков, когда в апреле приказал очистить от «политически сомнительных кадров» редакцию газеты «Советский спорт», издания, в основном ориентированного на молодежь. За порог редакции

этой газеты были выставлены 12 сотрудников, причем почти все они были евреями. С этого же времени на страницах «Советского спорта» началась травля директора Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры Е.Ю. Зеликсона, одного из зачинателей советского физкультурного движения, еще в 1935 году награжденного по предложению Сталина орденом Красной Звезды. Все кончилось тем, что в октябре 1949-го Зеликсона, объявленного «вейсманистом и космополитом, проводившим в течение многих лет вредительскую деятельность в области физкультуры и спорта», арестовали¹².

Тогда же на Старой площади решили всерьез заняться редакцией «Комсомольской правды», главной молодежной газеты страны. Итоговый документ, составленный потом комиссией ЦК, изобилует мрачными оценками и категоричными «оргвыводами». Констатировалось, что главный редактор А.Я. Блатин «засорил» аппарат редакции «политически сомнительными людьми», а также привлек к работе как внештатных корреспондентов А.А. Аграновского, отец которого ранее арестовывался органами госбезопасности, и Ф.А. Вигдорову, имевшую родственников в Америке. На основании этого делался вывод, что порочная кадровая практика привела к тому, что половину руководящих должностей в редакции захватили евреи, причем некоторые из них прибегли к обману, скрыв свою национальность. 3 декабря политбюро постановило «принять предложение ЦК ВЛКСМ... об освобождении т. Блатина А.Я. от обязанностей главного редактора и члена редколлегии газеты «Комсомольская правда»». Спустя полгода Блатин обратился к Сталину, прося снять с него, как он полагал, необоснованные обвинения и утверждая, что стал жертвой интриги секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова, который свел с ним счеты за критику на съезде комсомола весной 1949 года.

Взыскующий к высшей политической инстанции страны бывший редактор «Комсомолки», разумеется, не добился справедливого пересмотра своего дела. Ведь приложивший руку к расправе над ним Михайлов, интуитивно угадав, что ставка на антисемитизм — самая верная и короткая дорога к сердцу дряхлевшего диктатора, находился тогда у него в милости¹³. Этот расчет комсомольского босса, насколько примитивный, настолько и беспронимательный, принес потом закономерные плоды: именно «Комсомольская правда», пройдя через горнило антиеврейской чистки, инициировала зимой 1951 года провокационную дискуссию о литературных псевдонимах. 27 февраля в ней появилась статья писателя М.С. Бубеннова, в которой тот под предлогом борьбы со «своеобразным хамелеонством» и со ссылкой на необходимость сорвать маски предал гласности настоящие имена целого ряда литераторов еврейского происхождения — Ю. Огнецвета (Э.С. Кагана). Л. Лиходеева (Л.И. Лидеса). Н. Гребнева

(Н.И. Рамбаха) и т.д. И хотя ради внешнего приличия список пережегся и некоторыми именами авторов других национальностей, сомнений в антисемитской направленности этой публикации не возникало. Тем самым была предпринята попытка возобновить практику завуалированного науськивания властей на «антипатриотов», впервые опробованная шовинистующими литераторами и журналистами еще в первые месяцы 1949 года*.

Казалось, что неминуем очередной всплеск пропагандистской охоты на интеллектуалов с еврейскими фамилиями, тем более что Бубеннов явно подстрекал к этому, утверждая, что «псевдонимами очень охотно пользовались космополиты в литературе». Однако на сей раз провокация не удалась. 6 марта в «Литературной газете» появилась полемическая заметка К.М. Симонова, в которой использование псевдонимов объявлялось частным делом литераторов. Молодой писатель высказал, разумеется, мнение, предварительно одобренное на самом вершине, что соответствовало заведенному тогда порядку публичных выступлений. Возможно, Симонова поддержал сам Сталин, чье благорасположение писателю удалось восстановить после скандала с театральными критиками. Еще 11 мая 1950 г. Сталин подписал решение политбюро, утвердившее состоявшееся в начале марта назначение Симонова на пост главного редактора «Литературной газеты». Его преемником на покинутом посту руководителя журнала «Новый мир» стал А.Т. Твардовский. То, что эти люди, слышущие либералами, оказались тогда на ключевых литературных должностях, во многом было заслугой Фадеева, который тем самым создавал противовес уже ставшему его серьезно беспокоить влиянию ура-патриотической группировки в ССП во главе с Софроновым, стремительно набравшей силу после разгрома критиков-космополитов. Бразды правления печатным органом ССП Симонов получил еще и потому, что прежний руководитель «Литературной газеты» В.В. Ермилов, несмотря на старую дружбу с Фадеевым (в конце 20-х — начале 30-х годов оба входили в руководство Российской ассоциации пролетарских писателей), вступил с ним в открытую конфронтацию** и потому стал неугодным¹⁴.

Укрепить свое положение при кремлевском дворе Симонову помогло и то, что как раз в то время он регулярно встречался с вождем

* 6 марта 1949 г. в той же «Комсомольской правде» появилась статья, раскрывавшая псевдонимы ряда «буржуазных космополитов»-евреев, «подвизавшихся» в спортивной литературе.

** В 1950 году Ермилов отказался печатать в «Литературной газете» текст заключительного слова Фадеева по докладу «О задачах литературной критики» на XIII пленуме правления ССП, но зато опубликовал 8 февраля тенденциозно препарированные прения, содержавшие личные выпады против докладчика. Фадеев пожаловался тогда Сталину, требуя «призвать к порядку» Ермилова.

на заседаниях Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Но даже будучи в фаворе, писатель тем не менее должен был следовать лицемерным правилам аппаратной игры: отражая выпады своих коллег-литераторов, делать вид, что не замечаешь их скрытой антисемитской подкладки, и в ответ вместо полновесной отповеди лишь призывать их к формальному соблюдению сугубо индивидуального права каждого автора на литературное имя. Такая осторожная, межумочная тактика обернулась против Симонова, когда в ходе разгоревшейся дискуссии о псевдонимах слово взял М.А. Шолохов, советский литературный маршал, который еще осенью 1941 года поразил Эренбурга пьяной антисемитской бранью. Отлично понимая, почему Симонов не смог назвать вещи своими именами и вынужден был прибегать к намекам и полуправде, Шолохов со страниц все той же «Комсомолки» прочел нотацию своему молодому коллеге, ловко раскритиковав его рассчитанную на чтение между строк статью как неискреннюю. Печатное выступление мэтра, принявшего сторону Бубеннова, имело поэтому красноречивый заголовок «С опущенным забралом...»³⁵.

Наскок литературного тяжеловеса не на шутку испугал Симонова. Парирова его посредством новой статьи в «Литературке» (10 марта), он одновременно обратился за защитой в ЦК. Жалуясь Маленкову на «беспримерный по грубости» выпад «Комсомольской правды», писатель квалифицировал его как «прямое выражение политического недоверия через печать, брошенное не только писателю Симонову, но в его лице и редактору «Литературной газеты», и заместителю генерального секретаря Союза советских писателей»³⁶. В верхах сжалились над высокотитулованным литературным начальником и дали отбой дискуссии, опасаясь ее непредсказуемых результатов. Видимо, Сталин, как и прежде, не желал делать тайное явным, предпочитая расправляться с обладателями псевдонимов без излишнего пропагандистского шума, посредством негласной чистки и ночных арестов. Подобная метода позволяла ему сохранять в глазах интеллигенции реноме справедливого руководителя, противника национальной нетерпимости. Симонов позднее вспоминал, что в марте 1952 года на одном из заседаний Комитета по Сталинским премиям диктатор нарочито резко высказался по поводу раскрытия псевдонимов.

«В прошлом году, — с театральной аффектацией негодовал вождь, — уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Зачем это делается?.. Зачем насаждать антисемитизм?»³⁷.

Итак, на сей раз фортуна улыбнулась не Михайлову, Бубеннову и Шолохову, а Симонову. Однако последний вряд ли мог себя чувствовать победителем, особенно если учесть, что в ЦК потоком шли письма, авторы которых обвиняли его не только в юдофильстве, но и в сокрытии якобы собственного еврейского происхождения. Напри-

мер, некто В.И. Орлов, бывший работник «Литературной газеты», обратился к Маленкову 15 июня 1951 г. с такого рода посланием:

«...В последнее время национальный состав многих редакций значительно улучшился, за что надо сказать сердечное спасибо Центральному комитету. ... Однако есть у нас еще редакции газет, где положение в этом смысле остается еще плачевным. Я имею в виду две московские газеты — «Труд» и «Литературная газета». После прихода Симонова в редакцию последней начал осуществляться курс на отстранение русских людей от работы и на укрепление и расширение в ней... сионистского ядра. ... Симонов стал почти демонстративно проводить политику как раз противоположную той, которая осуществлялась в этот момент в других редакциях. Крайне странно, что этот человек, называющий себя русским (вот уж, кажется, беспардонная ложь!), так тяготеет ко всякого рода кривичкам (З.Ю. Кривичкий — редактор раздела международной жизни. — *Авт.*) ...почти открыто заявляет себя их патроном... а они, в свою очередь, видят в нем своего лидера и превозносят до небес...»³⁸.

Другой доноситель уже без обиняков объяснял «засилье» евреев в «Литературной газете» тем, что сам Симонов вовсе не русский, а сын еврея-шинкаря Симановича³⁹.

В ЦК реагировали на такого рода «сигналы» тем, что при всяком удобном случае одного за другим убирали евреев из редакции «Литературки» (скажем, в конце января 1951 г. оттуда были изгнаны такие ведущие сотрудники, как А.А. Аграновский и Б.И. Розенцвейг). Но Симонова не трогали, зная о поддержке его Сталиным. К тому же писатель в целях самозащиты время от времени демонстрировал, что «перевоспитался» в духе государственного антисемитизма. Контраст был разительный: если в начале 1949-го он пытался как-то защитить Борщаговского и других критиков-«космополитов», то, скажем, 26 марта 1953 г., то есть уже после смерти диктатора, направил секретарям ЦК Хрущеву и Пospelову письмо, в котором настаивал на смещении с должности редактора раздела международной жизни «Литературной газеты» своего старого друга Кривичкого, с кем прошел вместе войну и кому прежде покровительствовал. В качестве обоснования использовались «некоторые данные биографии» Кривичкого: в 1937 году был репрессирован его сводный брат, а в 1949 году ему самому был вынесен строгий выговор «за приупление бдительности» в связи с дачей рекомендации сотруднику «Известий» Р.Д. Морану, арестованному по обвинению в еврейском национализме. В этом же письме Симонов как бы подвел итог своего пребывания на посту руководителя редакции «Литературной газеты». Оказывается, придя туда в 1950 году, он нашел кадровый состав органа СССР «в крайне засоренном состоянии». Но зато теперь он арпортовал, что для «наведения порядка» в редакции им были уволены директор издательства Г.В. Расин, заведующий отделом сатиры и юмора Р.Ю. Бершадский (оба потом были арестованы), заведую-

ций отделом гуманитарных наук А.И. Арнольдов-Шнейдерман, руководителем отдела естественных наук Л.И. Лерер-Баша, заместитель ответственного секретаря Р.В. Черняк-Июльский и другие сотрудники еврейского происхождения⁴⁰. Участие Симонова в подобного рода экзерсисах продолжалось по инерции еще какое-то время, пока не стало ясно, что со смертью так благоволившего ему Сталина наиболее одиозным порядкам последнего пришел конец.

Помимо «Литературной газеты» бурные антиеврейские страсти кипели и в коллективах других периодических изданий. Уже известный нам недоброжелатель Симонова Орлов не ограничился в упомянутом выше письме в ЦК сетованиями в адрес «Литературки», о редакции которой, как он выразился, «вот уж не скажешь: “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”», но и раскритиковал кадровую «тюфячную линию», проводившуюся руководством газеты «Труд». Занявшийся проверкой этого «сигнала» Агитпроп вынужден был потом оправдываться за «вскрытые» помимо него недостатки в подведомственном хозяйстве. В представленных Сусловым Маленкову сведениях говорилось, что начиная с апреля 1950 года по август 1951 года из редакции «Труда» было уволено более 40 работников. В результате доля евреев в коллективе газеты сократилась за этот период с 50 до 23%⁴¹.

Оперируя магической для бюрократического восприятия цифрой, Суслов и его команда без особого труда могли отразить любые направленные в их адрес упреки в нерадивом и нерешительном проведении в жизнь кадровой политики партии. Тем более что в отличие от того же Орлова и других критиков-радикалов, закатывавших истерики по каждому случаю «еврейского засилья» в той или иной газетной редакции и требовавших немедленных драконовских мер по «оздоровлению» обстановки, идеологическое ведомство ЦК действовало методично и последовательно, избегая, так сказать, нервной сумятицы и неразберихи в работе. Не за страх, а за совесть отрабатывая цековский хлеб, сотрудники Агитпропа охватили проверками все более или менее значимые печатные издания, и прежде всего газеты — от «Советского искусства» до «Социалистического земледелия» и «Гудка». Да и результаты этого всеобъемлющего контроля говорили сами за себя. Скажем, в июле 1952 года после кадровой чистки в том же «Советском искусстве» на пост заместителя главного редактора с подачи Агитпропа был назначен В.С. Василевский, известный тем, что в конце 1948 года был условно осужден за антисемитский дебош, учиненный в подпитии в общественном месте⁴². Как видим, подобные факты биографии претендентов на ответственные посты в пропагандистской сфере отнюдь не всегда вредили им в глазах ЦК.

Помимо создателей печатной продукции под бдительным надзором Агитпропа находились и те, кто снабжал его потребителя. В октябре 1950 года в ЦК было решено вплотную заняться Цент-

ральным управлением распространения и экспедирования печати («Союзпечать»), которое регулярно доставляло населению СССР 4638 центральных и местных газет, имевших суммарный тираж 28,6 млн. экземпляров, и 436 журналов, выходящих тиражом в 8,6 млн. экземпляров⁴³. В ходе проверки выяснилось, что из 18 начальников и заместителей начальников отделов и центральных контор столь важного ведомства 10 оказались евреями. Отвечать за это пришлось начальнику «Союзпечати» Ф.Б. Рамзину, который решением политбюро от 10 ноября был снят со своего поста за «непринятие мер к укреплению центрального аппарата квалифицированными и политически проверенными кадрами»⁴⁴.

Шла чистка и в главном информационном центре страны — Телеграфном агентстве Советского Союза. Еще в конце 1948 года оттуда был уволен «по сокращению штатов» известный фотокорреспондент Е.А. Халдей, запечатлевший для потомков водружение знамени Победы над поверженным рейхстагом и проводивший официальные съемки в ходе Потсдамской мирной конференции и Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками. В январе 1950 года Халдей, уже 18 месяцев тщетно пытавшийся хоть куда-то устроиться на работу по специальности, обратился в последней надежде к Сулову. Однако и на сей раз негативный ответ был предопределен: как доложили сотрудники Агитпропа секретарю ЦК, Халдей не мог «быть использован на работе в печати, поскольку уволен по рекомендации органов госбезопасности». Тем не менее просителю было «разъяснено» в ЦК в том роде, что «ему никто не запрещал работать в печати и продолжить деятельность фотографа...»⁴⁵. И все же можно считать, что Халдею еще повезло, ведь ряду сотрудников агентства (Г.М. Эмдину, С.П. Кантеру и др.), работавшим в редакции информации для заграницы, пришлось столкнуться с еще более тяжелыми испытаниями: в 1948–1949 годах они были арестованы органами госбезопасности.

Массовый характер изгнание евреев из ТАСС приобрело после того, как в декабре 1949 года к Маленкову обратилась секретарь партбюро агентства А.К. Жегалова, которая раскритиковала ответственного руководителя ТАСС Н.Г. Пальгунова за «порочный стиль» в решении кадровых вопросов и за то, что тот «не принял решительных мер для оздоровления аппарата». О кадровом «неблагополучии» в ТАСС свидетельствовали и поступившие оттуда в январе 1950 года в ЦК данные, согласно которым 73 из 323 сотрудников центрального аппарата агентства были евреями. Что называется, по горячим следам Агитпроп организовал вскоре проверку в главной информационной службе страны, и в результате в ней была выявлена еврейская националистическая группа, участники которой, как утверждалось, «систематически в разговорах между собой... с антисоветских позиций критикуют национальную политику ВКП(б) и советского

правительства, распространяют всевозможные клеветнические измышления о положении евреев в СССР». Само собой разумеется, что все сотрудники агентства, причисленные к этой группе (А. В. Любарский, А. М. Тейтельбаум, Л. О. Лемперт, Г. Ю. Дрейцер и др.), были тотчас уволены. В течение 1950 года доля евреев в личном составе центрального аппарата ТАСС с 23% сократилась до 19%. А всего из него только в 1949–1950 годах было отчислено 66 сотрудников, в подавляющем большинстве евреев. Такая тенденция сохранялась и в последующие годы⁴⁶.

Кадровому погрому подверглось и Радиотелеграфное агентство Украины (РАТАУ). Началось с того, что руководитель ТАСС Пальгунов, раскритикованный ранее чуть ли не за потворство евреям и потому теперь стремившийся «реабилитировать» себя в глазах ЦК, направил 30 апреля 1950 г. Сулову материалы ведомственной проверки РАТАУ. В них положение дел в украинском филиале ТАСС рисовалось в самых мрачных тонах, а вся вина за это возлагалась на его руководителя Л. И. Троскунова, который якобы проводил «неправильную, по существу, антипартийную линию в кадровых вопросах» и при подборе новых работников отдавал «предпочтение лицам еврейской национальности, часто не считаясь с деловым и политическим уровнем этих лиц». Данная оценка подкреплялась традиционной для таких случаев статистикой: из 45 сотрудников центрального аппарата РАТАУ 22 (49%) «лица еврейской национальности». В заключение рекомендовалось «с целью оздоровления обстановки» заменить Троскунова на посту руководителя РАТАУ другим работником⁴⁷. Поскольку в это время Сулов готовил по заданию Сталина важное постановление ЦК, обобщавшее первые результаты универсальной антиеврейской чистки аппарата*, то «дело Троскунова» получило благодаря стараниям Старой площади публичный резонанс. 26 мая в «Правде» появилась статья под заголовком «Плоды порочного руководства», в которой утверждалось, что при попустительстве Троскунова в РАТАУ «свила себе гнездо» «группа дельцов», и далее следовал перечень еврейских фамилий (Е. И. Горелик и др.).

В тот же день Троскунов, осознав всю тяжесть нависшей над ним угрозы, послал телеграмму Сталину и Сулову, в которой пытался доказать, что газетная статья против него грешит тенденциозностью и содержит извращенные факты. Одновременно он обратился за помощью и к Хрущеву, который давно покровительствовал ему. Познакомились они еще в середине 20-х в Юзовке, где Троскунов делал

* Упомянутое выше постановление от 21 июня 1950 г. «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в Министерстве автомобильной и тракторной промышленности».

свои первые шаги на журналистском поприще. Тогда же Хрущев дал ему рекомендацию в партию, а потом забрал к себе в Москву, где в 1936-м устроил заместителем ответственного редактора газеты «Труд». В войну их дружба еще более окрепла, ведь Троскунов опять при Хрущеве, теперь уже в качестве ответственного редактора красноармейской газеты Сталинградского фронта. В наступившее затем мирное время благодаря той же протекции Троскунов возглавил редакцию главной республиканской газеты «Правда Украины». Однако в 1947 году Каганович, на короткое время занявший кресло первого секретаря ЦК КП(б) Украины, лишил его этого поста, видя в нем «человека» Хрущева. Потом, когда благодетелю Троскунову вновь было доверено руководство республикой, фортуна опять побавляла последнего, теперь уже назначением руководителем РАТАУ.

И вот, оказавшись на грани карьерного краха, Троскунов, как и прежде, ищет защиты у старого друга. Однако на сей раз дело приняло столь широкую огласку и в него включились такие влиятельные силы, что Хрущев уже был не в состоянии ему помочь. К тому же тот больше не руководил Украиной, а его преемник на посту первого секретаря ЦК КП(б) У Л. Г. Мельников начал на «кадровом фронте» настоящий крестовый поход против евреев, которые клеймились республиканской печатью главным образом как спекулянты и махинаторы в экономической сфере. Основной удар пришелся тогда по так называемому еврейскому городу Одессе*. Поэтому когда 27 мая 1950 г. украинские власти изгнали Троскунова из РАТАУ, это было

* Побывав в 1950 году в Одессе, посланник Израиля в СССР М. Намир так описывал свои впечатления от этого города: «По оценкам, [в городе проживают] до 200 тыс. евреев, треть населения. Улицы полны евреями... Их энергичность, бурный темперамент и напористость, характерные для прежних евреев Молдаванки, производят сильное впечатление. В отличие от Москвы, на улице слышен идиш. ... В... Одессе отношения с неевреями... дружественными не назовешь, но численность [еврейского населения] и смутные воспоминания о традиционном героизме одесских евреев усиливают ощущение опасности. ... Вместе с тем ощущается упадок духа и большая тревога. ... Евреи утверждают, что продолжается процесс их вытеснения из властных структур: они уверены, что это не произвол местных чиновников, а распоряжение сверху».

Чистки в Одессе особенно интенсивно развернулись после проверки в конце 1949 года комиссией ЦК ВКП(б) профессорско-преподавательского состава вузов города. Тогда было установлено, что среди преподавателей вузов русских — 38,7%, евреев — 33, украинцев — 24,5%. В то же время отмечалось, что, например, в Одесской государственной консерватории из 263 студентов русских — 93, украинцев — 40, евреев — 117. К концу 1952 года антиеврейские гонения в городе достигли своего пика. Тогда в местном университете была арестована группа студентов по обвинению в создании сионистской организации. Многие известные профессора еврейского происхождения (историк С. Я. Боровой и др.) были отстранены от преподавания (48).

воспринято им как давно уже predetermined шаг. В качестве послесловия к этой истории остается только добавить, что в середине 50-х Хрущев назначил Троскунова на ответственный пост в Министерстве культуры СССР⁴⁹.

Изгоняемые из средств массовой информации и других государственных структур представители еврейской интеллигенции в поисках средств к существованию устраивались в таких общественных организациях, где кадровый контроль еще не успел ужесточиться. Многие из них стали зарабатывать на жизнь чтением популярных лекций, организуемых Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний, созданным в апреле 1947 года на базе всесоюзного лекционного бюро при Министерстве высшего образования СССР. В 1949 году на лекционной ниве подвизались, например, уволенные из Всесоюзного радиокomiteта журналисты З.С. Шейнис и Л.И. Элиович, а также бывший редактор отдела английской печати Совинформбюро Э.Г. Кутник, работавший там при Лозовском. Однако с начала 1950 года в ЦК стали поступать многочисленные доносы на «безродных космополитов», «обогащающихся» на чтении лекций. В результате оперативного реагирования Агитпропа на эти «сигналы» уже к началу 1951 года только в одном московском областном отделении Всесоюзного общества были отстранены от работы 98 лекторов, в основном евреи⁵⁰.

ЛИТЕРАТУРА И ОКОЛО НЕЕ

Вытеснение евреев происходило не только на «передовой фронта пропаганды», каковой считалась журналистика, тот же кадровый зуд явственно ощущался и во вроде бы идеологически «тыловом» литературоведении, в тиши академических институтов. В столичном Институте мировой литературы им. Горького АН СССР кадровая чистка проходила начиная с 1947–1948 годов под аккомпанемент обвинений в адрес скончавшегося еще в начале века профессора Петербургского университета А.Н. Веселовского, которого теперь заклеили как родоначальника «компаративизма» — формалистическо-космополитического направления в отечественном литературоведении, а созданную им научную школу объявили «главной прародительницей низкопоклонства перед Западом»⁵¹. Ну а поскольку с 1944 года директором ИМЛИ был ученик Веселовского, академик В.Ф. Шишмарев, то первый удар пришелся по нему: в начале 1948-го его сместили как «не справившегося с работой». Вместо него был назначен заместитель начальника Агитпропа А.М. Еголин. При нем, особенно в период антикосмополитической кампании, остракизму

подверглись многие сотрудники института, главным образом евреи — В.Ц. Гоффеншефер, И.И. Юзовский, В.Я. Кирпотин* (видный рапповец, влиятельный в 30-е гг. критик, возглавлявший в 1932–1936 гг. сектор художественной литературы ЦК), Б.В. Яковлев, Т.Л. Мотылева, А.И. Старцев. Последний, будучи одним из авторов первого тома «идейно порочной» «Истории американской литературы», вышедшей в свет осенью 1947-го, через два года был арестован. Оставленного в ИМЛИ профессора Б.А. Бялика заставили покаяться и осудить собственную статью «Горький и Маяковский», в которой утверждалось, что в поэзии Маяковского ощутимы мотивы лирики еврейского поэта Х.-Н. Бялика⁵².

И если вопрос о влиянии на творчество Маяковского поэзии Бялика был дискуссионным, то симпатии к последнему Горького вряд ли вызывали у специалистов какое-либо сомнение. Известно, что великий пролетарский писатель в 1921 году помог Бялику и еще нескольким еврейским литераторам выехать за границу. А в 1934 году на I Всесоюзном съезде советских писателей Горький сказал: «У евреев недавно умер почти гениальный поэт Бялик и был исключительно талантливый сатирик и юморист Шолом-Алейхем»⁵³. Возможно, что, стремясь пресечь толки о «компрометирующем» имя советского классика юдофильстве, летом 1949 года заместитель руководителя Агитпропа Ильичев призвал к себе литературоведа И.А. Груздева, работавшего в свое время литературным секретарем Горького, и приказал ему немедленно сдать в архив ИМЛИ все материалы по готовившемуся еще до войны, но так и не изданному сборнику статей «Горький о евреях»⁵⁴.

После того как в феврале 1949 года политбюро, отметив, что выходявшее в 20–30-е годы первое издание Большой советской энциклопедии (БСЭ) «имеет серьезные недостатки» и «содержит грубые теоретические и политические ошибки», распорядилось приступить к выпуску второго издания, ИМЛИ стал одним из головных исполнителей этого задания. Участие в нем специалистов института стало особенно заметным после февраля 1952 года, когда в резуль-

* По решению секретариата ЦК от 1 июля 1949 г. профессора Кирпотина отчислили и с кафедры теории и истории литературы Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Перед этим ему пеняли на всех собраниях за его «порочную» книгу «Ф.М. Достоевский» и за то, что в работе «Наследие Пушкина и коммунизм» он дерзнул «антипатриотично» утверждать, что великий русский поэт «есть дитя европейского просвещения, выросшее на русской почве». В тот же день и с той же кафедры был изгнан профессор С.С. Мокульский, обвиненный в популяризации немецкой «формалистической» школы театроведения. Незадолго до этого его исключили из партии, причем произошло это в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС), где в конце ноября 1948 года он был снят с поста директора (55).

тате проверки ЦК главной редакции БСЭ* стали срочно переделывать подготовленный ею проект словаря по литературе, в который, как оказалось, были включены Х.-Н. Бялик («реакционный» еврейский поэт, чье творчество проникнуто духом сионизма и космополитизма), поэт Н.С. Гумилев («творчество которого ничем не примечательно») и другие табуированные советской пропагандой имена⁵⁶.

Почти по тому же (как и для ИМЛИ) спущенному сверху сценарию разворачивались события и в ленинградском Пушкинском доме (Институте литературы АН СССР), созданном еще в 1899 году. В феврале 1949-го в ЦК поступило коллективное послание, подписанное группой сотрудников этого института, в котором сообщалось о происках антипатриотической группы литературоведов и филологов, якобы тайно существующей в стенах этого научного учреждения в течение 12 лет. В числе ее активных членов, захвативших, как утверждалось, до 80% мест в ученом совете, назывались такие известные ученые, как В.М. Жирмунский, М.К. Азадовский, Г.А. Бялый, Г.А. Гуковский, И.И. Векслер. Они обвинялись в формализме, космополитизме, семейственности, а также в том, что некоторые из них, скрывая свое национальное происхождение, выдали себя в анкетах за русских. В качестве давнишнего покровителя этих «эпигонов буржуазного литературоведения», «спаянных долготелными семейно-приятельскими отношениями... однородным (еврейским) национальным составом и антипатриотическими (антирусскими) тенденциями», назывался академик П.И. Лебедев-Полянский, старый большевик, руководивший после революции Пролеткультом, а в 20-е годы — Главлитом. Оказывается, возглавляя с 1937-го институт, он «благодушествуя» отстранился от дел, передав реальную власть в руки «авантюриста» Л.А. Плоткина, который после его смерти в 1948-м стал исполнять обязанности директора. В длинном перечне инкриминированных группе «космополитов» деяний самым «чудовищным» оказалось то, что они добились переименования Института русской литературы в Институт литературы. Хотя на самом деле изменение названия произошло согласно постановлению общего собрания Академии наук СССР в 1935 году, когда в составе института была организована секция западноевропейской литературы.

Стенания борцов с «еврейским засильем» в институте были услышаны властями. По указанию ЦК руководство Академии наук вскоре возвратило институту прежнее наименование. Но для инициаторов интриги не это было главным, их волновали дела куда более при-

* Главная редакция и государственное научное издательство БСЭ были созданы зимой 1949 года на базе Государственного научного института «Советская энциклопедия». И если в последнем евреи занимали 15 руководящих должностей из 21, то во вновь созданных редакции и издательстве — 5 из 26. Таков был результат этой реорганизации, сопровождавшейся фильтрацией кадров на основе национального признака.

земленные, прежде всего устройство на руководящие должности, ставшие во множестве вакантными вследствие развернувшейся в институте кадровой чистки. Что же до подвергшихся остракизму «космополитов», то некоторые из них (Гуковский, Векслер, приемный сын последнего И.З. Серман и др.) были к тому же еще и арестованы. Однако и по завершении, так сказать, «укрепления» Института русской литературы «проверенными и квалифицированными кадрами» и после прихода туда в качестве нового директора Н.Ф. Бельчикова любители скандальных разоблачений в стенах Пушкинского дома отнюдь не угомонились. Они продолжали слать доносы в ЦК. И в результате осенью 1951 года после серии доносов в ЦК лишилась должности заместителя директора института В.П. Андрианова, вдова репрессированного еще в 1934 году по «делу Российской национальной партии» («дело славистов») академика В.Н. Перетца (внука декабриста из крещеных евреев). Те, кто наускивал власть предрекающую на Андрианову, утверждали, что она установила в институте «аракчеевский режим». Досталось и ее «фавориту», сотруднику сектора древнерусской литературы Д.С. Лихачеву, к которому пытались прилепить ярлык «ярого апологета» «крупнейшего буржуазного языковеда» и видного деятеля кадетской партии» А.А. Шахматова⁵⁷.

Антикосмополитическая истерия захватила и кузницу писательских кадров — Литературный институт им. Горького в Москве. 23 февраля 1949 г. комсомольский лидер Н.А. Михайлов в обращении к Маленкову аттестовал это учебное заведение как «рассадник космополитических тенденций в среде литературной молодежи». Главным виновником якобы поразившей вуз напасти оказался руководитель кафедры советской литературы и творчества Г.А. Бровман, пригласивший в свое время в институт в качестве преподавателей своих единомышленников — критиков Ф.М. Левина (в середине 30-х был помощником А.С. Щербакова, заведовавшего тогда отделом культурно-просветительской работы ЦК), Л.М. Субоцкого, а также поэта П.Г. Антокольского. В своем наскоке на Литературный институт, названный «сборищем эстетов» и питательной средой для богемы и снобизма, Михайлов был столь решителен, что предложил его закрыть. И хотя этого не произошло, тем не менее с большим скандалом из института были изгнаны все поименованные выше преподаватели. Не осталось в стороне и студенчество, которое поделилось на гонимых — Г.М. Поженян и др., и гонителей — Ю.В. Друнина (обрушилась с критикой на «растлителя творческой молодежи» «поэта-формалиста» Антокольского*)⁵⁸.

* По воспоминаниям бывшего мужа Друниной поэта Н.К. Старшинова, эта начинавшая тогда талантливая поэтесса была случайно вовлечена в «космополитическую» историю. Ведь незадолго до ее начала она на почве личных неприязненных отношений была совершенно несправедливо отчислена «за бездарность» Антокольским из руководимого им семинара по поэзии.

Еще до начала всех этих драматических событий, 14 августа 1948 г., с третьего курса Литинститута был отчислен и по постановлению особого совещания выслан из Москвы Н.М. Мандель, известный потом как поэт Коржавин. Оказавшись в Караганде, он сблизился с отбывавшими там ссылку поэтом-переводчиком Ю.А. Айхенвальдом, О.Л. Адамовой-Слиозберг и бывшим студентом Московского педагогического института им. Потемкина А.С. Вольпиным (Есениным)⁵⁹. Кратко характеризуя условия пребывания этих ссыльных в Казахстане, где культурная и общественная жизнь, неся на себе отпечаток провинциальной затхлости, была далеко не таким мощным ключом, как в Москве, а потому и меньше свирепствовала госбезопасность, вполне уместно было бы вспомнить русскую пословицу «нет худа без добра». Правда, административный центр этой провинции — Алма-Ату все же не миновали последствия столичной антикосмополитической шумихи. 20 марта 1949 г. «Казахстанская правда» разразилась боевитым «подвалом», озаглавленным «Выше бдительность на идеологическом фронте!», в котором сосланный в Алма-Ату писатель Ю.О. Домбровский был причислен к лагерю буржуазных космополитов, а через десять дней его арестовали.

Возвращаясь к сюжету о Московском литературном институте, думается, уместно будет упомянуть, что новым его директором стал уже знакомый читателю Д.А. Поликарпов, который, если верить известному анекдоту, в бытность оргсекретарем ССП (1944–1946 гг.) пожаловался однажды Сталину на «неуправляемых» писателей, на что получил следующую ироническую отповедь: «Извольте работать с теми, кто есть, других писателей у меня для вас нет». После «наведения порядка» в Литературном институте Поликарпова в июле 1951 года послали с такой же миссией руководить Московским государственным педагогическим институтом им. Ленина.

В созданной в стране системе надзора за средствами массовой информации и литературным процессом на одной из ключевых позиций находилось цензурное ведомство — Главлит, который тогдашний его начальник, официально именовавшийся уполномоченным Совета министров СССР по охране государственных и военных тайн в печати, К.К. Омельченко с гордостью называл «последней инстанцией государственного контроля на идеологическом фронте»⁶⁰. Возможно, поэтому ЦК, форсировавший с конца 40-х ужесточение цензуры в стране, принял меры к кадровому «укреплению» аппарата Главлита, что обернулось атакой на еврейские кадры этого ведомства. Еще в 1948–1949 годах МГБ «изъяло» оттуда за связь с ЕАК старшего цензора Я.М. Пайкина и преподавателя семинара цензоров Мосгорлита С.С. Гольдентрихта. Однако массированный характер чистка приобрела после того, как в сентябре 1950 года в ЦК поступил донос от некоего «доброжелателя». Тот сообщал, что цензурный аппарат заполнили евреи «прямые» и «косвенные» (скры-

вавшие свою национальную принадлежность). Анонимщика возмущало особенно то, что «предводитель» первых, Додзин, продолжал оставаться заместителем секретаря партийной организации Главлита, хотя когда-то цензурировал материалы, отправляемые «националистами» из ЕАК за границу. Доноситель провокационно вопрошал:

«Уж не является ли Главлит замаскированным филиалом Антифашистского еврейского комитета — окопавшегося шпионского гнезда предателей родины?».

В итоге в Главлит была направлена со Старой площади комиссия Агитпропа. Входившим в нее дотошным ревизорам вскоре удалось присовокупить к ранее собранному в ЦК компромату массу новых обличающих сотрудников Главлита фактов. Было установлено, в частности, что начальником отдела иностранной литературы работает М.В. Добросельская, близкая знакомая бывшего редактора «Московских новостей» М.М. Бородина, арестованного госбезопасностью, а руководителем группы по цензурированию англо-американской литературы является бывший член американской социалистической партии Болеславский, в 1913–1917 годах проживавший в США. Этот последний вместе с «разоблаченным бундовцем» Л.Я. Аронштамом в нарушение постановления ЦК от 14 сентября 1946 г. передавал в ЕАК без предварительной цензуры «контрреволюционные материалы» и «еврейскую сионистскую литературу», поступающую из-за рубежа. Вследствие этого в открытом пользовании оказалась, в частности, «Книга путешествий» Д. Пинского (Варшава, 1938), «содержащая самую гнусную клевету на СССР и ГПУ». Но еще более подозрительными показались комиссии контакты, существовавшие до 1949 года между Лозовским и такими сотрудниками Главлита, как заместитель начальника П.С. Балашов (ранее работал заведующим отделом США в Совинформбюро) и старший цензор Эпштейн (арестован в 1950 г. как «троцкист»), который осуществлял контроль за печатной продукцией Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). В итоге Омельченко обязали освободить от работы тех его подчиненных (а это на 90% были евреи), кто «не внушил» комиссии «политического доверия»⁶¹.

Подверглась чистке и периферийная структура Главлита. 29 июля, например, на заседании ЦК КП(б) Белоруссии была отстранена от должности начальник республиканского Главлита Ф.И. Дадимова, на которую возложили ответственность за то, что в библиотеках Минска по чьему-то недосмотру не изъяли книги Бергельсона, Маркиша, Фефера, Н.М. Голодеда, Н.Ф. Гикало и других «врагов народа». Кроме того, на Дадимову, брат которой был репрессирован как троцкист, донесли, что накануне выборов в Верховный Совет СССР, состоявшихся в том же 50-м, она открыто возмущалась отсутствием евреев среди кандидатов в депутаты от Белоруссии,

объясняя это антисемитскими настроениями в руководстве республики⁶².

Из двух господ, которым Главлит служил верой и правдой, — МГБ, в компетенции которого находился надзор за неразглашением в средствах массовой информации, книгах и брошюрах государственных и военных тайн, и ЦК ВКП(б), осуществлявшим идеологический контроль, — последний внес наибольший вклад в его кадровую перетряску. Причиной тому могло послужить недовольство партийной верхушки нерасторопностью и перестраховкой цензурной бюрократии, очень неуютно себя чувствовавшей при соприкосновении с идеологией, поскольку в этой сфере отсутствовали четкие и однозначные критерии, позволявшие определить, что можно публиковать, а что нет, и, самое главное, порой нельзя было спрятаться за параграф инструкции. К тому же ЦК осаждало немало охотников уличить чиновников Главлита в недостатке политической бдительности. В августе 1952 года в Агитпроп обратился, например, от ССП Фадеев, сетовавший на то, что в театрах и особенно на эстраде довольно широко исполнялись произведения 13 репрессированных авторов (Л.Р. Шейнина, М.Б. Маклярского, Э.И. Рознера и др.), и обвинявший в этом «безобразии» Главлит, Комитет по делам искусств, а также Управление по охране авторских прав*, которое, оказываясь, продолжало выплачивать гонорары родственникам арестованных за «контрреволюционную деятельность»⁶³. Поскольку подобные упреки в Агитпропе воспринимались как косвенная критика за недосмотр в подведомственной сфере, там, чтобы застраховать себя от возможного гнева вождя, был взят курс на максимальное ужесточение цензуры, причем повсюду — в издательствах, на радио, в театрах и т.д., следствием чего в отдельных случаях стали, как мы убедимся ниже, совершенно абсурдные запреты.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Хотя музыка всегда считалась чем-то очень далеким от политики, тем не менее сталинское руководство все же полагало, что даже внешне вроде бы абстрактные звуковые образы способны конкретно воздействовать на эмоции и сознание широких масс. Такой подход особенно наглядно проявился в ходе кадровой чистки, развернувшейся в этой сфере значительно раньше, чем в остальных. Толчком к ее началу послужило уже упоминавшееся выше совещание деятелей советской музыки, состоявшееся в ЦК в январе 1948 года. После выступившего на нем с основным докладом Жданова слово было предо-

* Длительное время Всесоюзным управлением по охране авторских прав руководил Г. Хесин, который был арестован МГБ в 1950 году.

ставлено Т.Н. Хренникову. Озвучивая текст, подготовленный Шепиловым, этот еще сравнительно молодой, но уже достаточно популярный в народе композитор* обрушился с критикой на таких признанных корифеев, как Шостакович и Прокофьев, которые обвинялись в отрыве от народной музыкальной культуры, формализме и упадничестве. Уже 26 января постановлением политбюро Хренникова назначили генеральным секретарем полностью обновленного оргкомитета Союза советских композиторов. 17 февраля на общесоюзном совещании композиторов, посвященном обсуждению постановления ЦК от 10 февраля 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», Хренников, действуя по указке Агитпропа, осудил как образчики «формалистического новаторства и декадентства» Шестые симфонию и сонату С.С. Прокофьева, Восьмую и Девятую симфонии Д.Д. Шостаковича, «Патетическую увертюру» Н.Я. Мясковского, а также произведения других композиторов. На том же совещании с признаниями собственных «формалистических ошибок» были вынуждены выступить А.И. Хачатурян, Д.Б. Кабалевский, В.Я. Шебалин, другие композиторы, а заболевший Прокофьев прислал письменное покаяние. Публичному самобичеванию подверг себя и Шостакович, который, выступая на открывшемся в середине апреля в Колонном зале Дома союзов I Всесоюзном съезде советских композиторов, заявил:

«... Как бы мне ни было тяжело услышать осуждение моей музыки, а тем более осуждение со стороны Центрального Комитета ВКП(б), я знаю, что партия права, что партия желает мне хорошего и что я должен искать и найти конкретные творческие пути, которые привели бы меня к советскому реалистическому народному искусству»⁶⁴.

Пополняя коллекцию фаворитов из числа молодых творчески одаренных личностей, Сталин, выказав особое благорасположение Хренникову (понравившемуся ему своей типично русской внешностью), 12 мая провел через политбюро его утверждение генеральным секретарем новообразованного ССК⁶⁵.

Радикальному обновлению подверглось и руководство Комитета по делам искусств. Произошло это одновременно со сменой верхушки ССК в конце января 1948 года. Тогда председатель комитета М.Б. Храпченко был отставлен и вместо него назначили П.И. Лебедева. Симптоматично, что первый, будучи по профессии литературоведом, специалистом по творчеству Л.Н. Толстого и Н.В. Гоголя, а по складу характера интеллигентным и деликатным человеком, возглавил ведомство по надзору за искусством в декабре 1939 года, то есть в период спада репрессий. И вот теперь, когда внутренний тер-

* Широко известны были созданные им песни для кинофильмов «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Поезд идет на Восток» и др.

рор вновь усиливался, у режима появилась потребность в более жестких, чем Храпченко, культуртрегерах. Ведь еще в 1947 году в ЦК забили тревогу по поводу «неудовлетворительного национального состава административно-руководящих работников» в сфере искусства. Подразумевалось, разумеется, пресловутое еврейское засилье, или, как деликатно это формулировалось на бумаге, имела место «чрезмерная насыщенность аппарата работниками нерусской национальности». Таковых, согласно специально собранным данным, в руководстве московскими театрами насчитывалось 42%, дирекции художественных выставок и панорам — 40%, в Мосгорэстраде — 39%, во Всероссийском театральном обществе — 30%, во Всесоюзном гастрольно-концертном объединении — 38% и т. д.⁶⁶

Переведенный в академический Институт мировой литературы Храпченко вернулся к научной деятельности. А его преемник на посту председателя Комитета по делам искусств Лебедев начал с того, что запросил добро в ЦК на организацию суда чести над проповедовавшими «низкопоклонство перед разлагающейся западной буржуазной культурой» музыковедами С.И. Шлифштейном, Д.В. Житомирским, Л.А. Мазелем, И.Ф. Бэлзой, И.И. Мартыновым и Г.М. Шнейерсоном. Для обоснования вины, скажем, последнего в записке на Старую площадь воспроизводился следующий фрагмент из одной его статьи 1945 года:

«Меня, как человека, много лет наблюдающего за успехами американского музыкального творчества, не может не радовать широкое признание нашей массовой советской аудиторией Джорджа Гершвина. Это настоящая музыка, которая никого не оставляет равнодушным. И при том это новая музыка, свежая, полнокровная, в которой бьется пульс американской жизни»⁶⁷.

Вскоре последовали и «практические меры»: в Московской консерватории летом 1948 года было уволено все руководство во главе с директором В.Я. Шебалиным, замененным А.В. Свешниковым, хорovým дирижером, за глаза именованным Шепиловым «регентом»⁶⁸. Причем этой кадровой перетряске предшествовала произведенная Сталиным замена А.М. Пазовского на посту главного дирижера Большого театра на Н.С. Голованова. Это была во многом знаменательная перестановка. И не только потому, что происходившие по личному указанию вождя замены в руководстве Большого обычно инициировали очередное кадровое моровое поветрие в сфере культуры. Сама личность Голованова, начавшего творческую деятельность в 1907 году дирижером Синодального хора, прочно ассоциировалась в сознании элиты советской творческой интеллигенции с бескомпромиссным культурным почвенничеством и шовинизмом.

Еще в 1926 году, когда Пазовскому поручили в Большом театре постановку оперы «Борис Годунов», Голованов отреагировал на это

публичной репликой: «Русскими операми должны дирижировать только русские дирижеры». В начале 28-го в разговорах с коллегами Голованов уже возмущался «жидовским засильем» в театре, а композитора С.Н. Василенко, сочинившего оперу «Сын солнца» на сюжет и либретто М.П. Гальперина, прямо спросил: «Почему вы пишете музыку на либретто пархатого жида?». Подобные заявления в те годы, когда, по сводкам ОГПУ, антисемитизм в театральной среде был «развит чрезвычайно сильно», а в Большом по рукам артистов ходили изданные С.С. Нилусом «Протоколы сионских мудрецов», не были редкостью и не привлекали к себе широкого общественного внимания. Однако на сей раз, поскольку инцидент получил огласку и совпал с развернувшейся тогда в стране кампанией борьбы с антисемитизмом, произошел громкий, на всю страну, скандал. В первых числах апреля сначала «Вечерняя Москва», а на следующий день и «Комсомольская правда» опубликовали статьи, заголовок одной из которых был более чем красноречив: «За кулисами Большого театра. Дирижер — антисемит. Требуем вмешательства прокурора»⁶⁹. Столичная общественность, особенно комсомольская молодежь, отреагировала на эти публикации бурными обструкциями во время выступлений Голованова в консерватории и театрах. При выходе дирижера на публику перед началом концертов с верхних ярусов слышались свистки, топот, раздавались крики «Долой черносотенца Голованова!». Протестовали против так называемой головановщины и деятели культуры большевистско-интернационалистского толка. 10 апреля в той же «Комсомолке» появилось несколько провокационное заявление В.Э. Мейерхольда:

«Если факты, сообщенные в печати, подтвердятся, к Голованову надо отнестись беспощадно. Я хорошо знаком с бытом Большого театра и знаю, что часть хора привыкла, например, по «большим праздникам» выступать в церквях. Хотя религиозные убеждения дело частное, но такие «убеждения» не могут не способствовать созданию настроений, взращивающих антисемитов».

Не остался в стороне и нарком просвещения А.В. Луначарский. 12 мая он направил в редакцию «Комсомольской правды» письмо с отказом участвовать в чествовании памяти известного русского общественного деятеля и адвоката Д.В. Стасова, которое должно было пройти в Московской консерватории с участием оркестра под управлением Голованова. Однако цвет старой московской интеллигенции, ценя высокий профессионализм и мастерство Голованова, а также видя в нем жертву большевистской пропаганды, встали на его защиту. С протестом против «травли» дирижера выступили композиторы М.М. Ипполитов-Иванов, В. И. Сук, профессора Московской консерватории (Г. Г. Нейгауз, Н.Я. Мясковский, А.Ф. Гедике, А.Б. Гольденвейзер), руководство и артисты МХАТа (К.С. Стани-

славский, В.И. Качалов, И.М. Москвин, М.А. Чехов), солисты Большого театра (Н.А. Обухова, К.Г. Держинская, В.Р. Петров) и многие другие⁷⁰. Возможно, благодаря такому проявлению корпоративной солидарности с Головановым того лишь временно отстранили от работы в Большом театре (хотя Пазовскому оттуда пришлось уйти тогда совсем), но власти уже не позволили ему дальше воспитывать молодое поколение музыкантов, вынудив отказаться от преподавания в Московской консерватории. Чтобы замять скандал, политбюро по инициативе Сталина приняло 7 января 1929 г. специальное постановление, которое признало продолжение «кампании травли и бойкота Голованова...» «неправильным» и предложило всем органам советской печати («не допускать впредь подобной кампании»). Однако критики Голованова не успокаивались. Одному наиболее яростному из них, драматургу советского агитационного театра, еврею по происхождению В.Н. Билль-Белоцерковскому Сталин даже направил 2 февраля письмо*, в котором хоть и признавалось, что «головановщина» «есть явление антисоветского порядка», но при этом подчеркивалось:

«Из этого, конечно, не следует, что сам Голованов не может исправиться, что он не может освободиться от своих ошибок, что его нужно преследовать и травить даже тогда, когда он готов распроститься со своими ошибками...».

Тем не менее нападки на дирижера продолжались. Поэтому 5 января 1930 г. Л.М. Кагановичу пришлось провести через секретариат ЦК еще одно запретительное решение⁷¹.

Прошли годы, и вот, встречаясь в апреле 1944 года в Большом с его руководством, Сталин в присутствии сопровождавших его Молотова, Маленкова, Ворошилова, Берии и Щербакова неожиданно завел разговор о Голованове, за восемь лет до этого покинувшем театр и возглавлявшем теперь Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио. Начав с полушутливой фразы о том, что Голованова он не любит и что того «... в Большой театр нельзя пускать», поскольку в противном случае получится «то же самое, что козел в капусте», «хозяин», напустив на себя через минуту серьезный вид и явно работая, что называется, на публику, пояснил причину такого отношения к маститому дирижеру: «И все-таки Голованов настоящий антисемит... Вредный и убежденный антисемит»⁷².

Минует еще четыре года, и Голованова тем не менее утверждают главным дирижером Большого театра, что само по себе станет симптоматичным явлением. Если назначение в 1943-м на этот пост его предшественника Пазовского было вызвано, главным образом, тем, что Сталин хотел успокоить культурную общественность, встревожен-

* Показательно, что это письмо, защищавшее антисемитски настроенного Голованова, было впервые опубликовано в 1949 году (Сталин И.В. Соч. — Т. 11. — С. 327).

ную начавшейся было тогда антиеврейской чисткой, и показать ей, что таковая прекращается, то теперь вождь своим кадровым решением как бы демонстрировал обратное. Отступив в силу обстоятельств однажды, Сталин по своему обыкновению всегда потом стремился взять реванш. Что же до продолжавшихся на этом фоне нарочитых публичных осуждений диктатором антисемитизма, то это с его стороны была всего лишь игра, своеобразный камуфляж проводимой им тайно в масштабах страны антиеврейской политики. Такую же роль внешнего декорума играли, например, одобренное вождем решение политбюро от марта 1949-го, санкционировавшее выезд с концертами в Венгрию скрипача Д.Ф. Ойстраха и сопровождавшего его в качестве аккомпаниатора В.Е. Ямпольского, а также присуждение в 1951 году Сталинской премии* композитору Ю.С. Мейтусу за оперу «Молодая гвардия»⁷³.

С появлением нового руководства в Большом театре, служившем главной витриной советской культуры, контроль со стороны ЦК за ним отнюдь не ослаб. Тем более приближался 175-летний юбилей театра, выпадавший на 1951 год, и чиновники со Старой площади изо всех сил старались, что называется, достойно встретить эту знаменательную дату. В ходе подготовки к торжественному событию Агитпроп ЦК в октябре 1950 года затребовал либретто оперы К. Сен-Санса «Самсон и Далила», премьеры которой была включена в программу юбилейных мероприятий и должна была состояться на сцене филиала Большого театра. В секторе искусств либретто подверглось детальной экспертизе, и в результате на свет появилось пространное заключение, которое с точки зрения здравого смысла иначе как курьезным назвать нельзя. В этом документе, как в капле воды, отчетливо запечатлелась деградация клонившейся к закату сталинской власти. Впрочем, судите сами:

«...В опере, безусловно, имеются мессианские, библейско-сионистские черты. ... Новый текст оперы, улучшенный в стилистическом отношении, идеологически остается по-прежнему сомнительным. Больше того, основная тема гонимых и презираемых евреев, мстящих за свою судьбу, в некоторых случаях оказалась усиленной... В новом тексте либретто резче, острее про-

* Несмотря на то, что Сталинские премии призваны были в том числе и пропагандировать успехи «прогрессивной» сталинской национальной политики, тем не менее усиливавшийся с каждым годом шовинистический настрой в стране не мог не повлиять на механизм награждения этими премиями. Свидетельством тому могут служить результаты, полученные западным исследователем С.М. Шварцом в ходе досконального изучения данных, публиковавшихся советской печатью, по присуждению Сталинских премий в области литературы, искусства, науки и изобретений. В частности, им было установлено, что если в 1948 году среди лауреатов этой премии доля евреев колебалась в пределах от 15 до 18%, то к 1952 году она сократилась приблизительно до 6,5% (74).

тивопоставлены два лагеря — евреи и филистимляне. Так, например, Далила «повышена в ранге» и действует вместе с верховным жрецом филистимлян. Евреи, во главе с Самсоном, «снижены» во второй половине оперы до положения рабов. Но это только сильнее подчеркнуло мессианские мотивы, и слова еврейского старейшины, обращенные к евреям «как паучение толпящимся вокруг молодым»: «...Пусть око за око, зуб за зуб! Да будет так до срока дней!» (здесь и далее выделено в тексте. — *Авт.*), — приобретают совершенно определенный символический смысл. Можно привести еще целый ряд примеров из текста либретто, вызывающих аналогичные ассоциации: хор евреев «Настало наше время»; проходящий лейтмотивом в финале первого акта монолог Самсона, указывающего на «гриву назорея» — символ могущества древних евреев; или, например, такие «вещие» слова Самсона, обращенные к филистимлянам: «...Но тысячи нас и тьма нас и всех ты не сочтешь...». В тексте встречается большое количество слов-символов из Библии и древнееврейского эпоса, например «земля Ханаанская», «Назореи» или в начале первой картины: «Празднуй, Израиль, солнце вновь засияло. Пал извечный твой враг...». Следует... указать, что замена в большинстве случаев многократно повторяющегося в старом тексте либретто слова «Израиль» «Адонаем» не меняет дела, ибо Адонай — это только вариант древнееврейского слова «господь», «господин». Даже самый финал оперы вызывает большое возражение. Если в старом тексте Самсон обращался к богу и просил его дать силы разрушить храм, чтобы за него (бога) отомстить, то в новом тексте заключительные реплики Самсона приобретают опять-таки многозначительное, символическое значение: «Пришла, пришла пора отмщения!» Все эти примеры... вызывают большое сомнение в целесообразности постановки этого произведения с таким текстом на сцене Большого театра. Постановка этой оперы, отдельные ее эпизоды могут сыграть отрицательную роль... стимула для разжигания сионистских настроений среди еврейского населения, особенно если учесть некоторые известные факты последних лет»⁷⁵.

После столь негативной оценки злополучной оперы цековскими цензорами Комитету по делам искусств не оставалось ничего другого, как только распорядиться о прекращении всех работ по ее постановке⁷⁶.

Вообще же, на конец 1950 — начало 1951 года пришелся пик кадровой чистки учреждений музыкального искусства. Даже в период антикосмополитической кампании начала 1949 года прессинг на них со стороны властей был заметно слабее. Тогда ЦК действовал, скажем, на руководство ССК большей частью посредством «общественности», спровоцированной угаром шовинистической истерии в стране. Ссылаясь на хлынувшие, как по команде, на Старую площадь подметные письма с угрозами разделаться с Хренниковым за покровительство, которое тот будто-то бы оказывал евреям (прилагались даже схемы «еврейского влияния» на генсека ССК через людей из его окружения), Суслов и Шепилов настоячиво «рекомендовали» ему очистить союз от представителей «нерусской национальности». Оказавшись между молотом Агитпропа и наковальней юдофобствовавшей «музыкальной общественности», Хренников вынужден был

19 февраля на партсобрании в ССК еще раз раскритиковать «аполитетов формализма» в музыковедении — Д.В. Житомирского, Л.А. Мазеля, С.И. Шлифштейна, А.С. Оголевца, И.Ф. Белзу, а также осудить редактора двухтомной «Истории русской музыки» М.С. Пекелиса, профессора Ленинградской консерватории С.Л. Гинзбурга и других «пропагандистов западного модернизма в музыке»⁷⁷. Музыкальный генсек должен был также на время расстаться со своим консультантом в секретариате ССК композитором В.А. Белым (главным советчиком во всех делах), переведя его на профессорскую должность в Белорусскую консерваторию. Вместе с тем Хренников распорядился на свой страх и риск принять на работу в ССК бывшего начальника управления музыкального радиовещания Всесоюзного радиокомитета М.А. Гринберга, уволенного оттуда 28 февраля с выговором по партийной линии за «грубейшие политические ошибки» («протаскивал» идеи «буржуазного космополитизма» на радио). Однако долго переносить изматывавшую душу общественную истерию молодой глава творческой организации оказался не в состоянии. Вскоре он, дойдя до полного нервного истощения, тяжело заболел и потому вынужден был временно отойти от дел, взяв продолжительный творческий отпуск⁷⁸.

Но главные испытания были еще впереди. Как уже отмечалось выше, девятый вал антиеврейского натиска властей на учреждения искусства пришелся на конец 1950 года. Тогда Агитпроп осуществил серию массированных кадровых проверок в этой сфере. 25 октября чиновники этого ведомства, обследовав аппарат ССК, доложили Сулову, что среди членов этой творческой организации «на втором месте стоят лица не основной национальности Союза ССР, а именно: русских — 435, евреев — 239, армян — 89...». Приводились данные и по региональным отделениям союза: Москва — 174 русских, 116 евреев, 16 армян; Казахская организация — 6 казахов, 6 евреев; Молдавия — 8 евреев, 5 молдаван, 3 русских; Ростовская организация — 5 русских, 5 евреев и т. д. Основная ответственность за такие «неудовлетворительные» показатели возлагалась все на того же Хренникова, которого обвинили в либерализме и мягкотелости. Мало того, что он не произвел антиеврейских люстраций в аппаратах правлений ССК и Музыкального фонда, редакции журнала «Советская музыка», других центральных организациях союза, так еще из 50 музыкантов, принятых в ССК в 1949–1950 годах, 14 оказались представителями «нерусской национальности». По мнению рассуждавших так проверяющих, образовался кадровый «завал», который следует ликвидировать. В «черный список» лиц, подлежащих немедленному увольнению, они включили всех евреев из числа ближайшего окружения Хренникова в ССК, в том числе его заместителя музыковеда И.Б. Лившица, консультанта по музыке М.А. Гринберга, помощника по планово-финансовым вопросам Л.А. Векслера, главного бухгалтера Г.Д. Блейза и ответственного секретаря

секции симфонической и камерной музыки композитора А.М. Веприка. 19 декабря последнего по обвинению в антисоветской деятельности арестовали и через несколько месяцев на основании постановления Особого совещания отправили на восемь лет в лагерь⁷⁹.

Одновременно под национально-селективным «рентгеном» ЦК оказалась и кадровая ситуация в системе Комитета по делам искусств. Скрупулезно, до десятых долей процента, было определено еврейское присутствие в студенческом и профессорско-преподавательском составе Московской консерватории. Было установлено, что на декабрь 1950 года контингент обучавшихся там студентов имеет следующую национальную структуру: 67,2% русских, 15,0 — евреев, 5,3 — армян, 6,3% представителей других национальностей. В то же время констатировалось, что «наиболее засоренными одной национальностью» являются классы отделения скрипки, где преподавали профессора А.И. Ямпольский и Л.М. Цейтлин. Но наиболее «вопиющим» было названо то обстоятельство, что евреи захватили абсолютное лидерство в составе первых скрипок молодежного симфонического оркестра консерватории. Они же оказались пользователями примерно двух третей уникальных инструментов старых итальянских мастеров (Страдивари, Амати, Гварнери) из государственной коллекции⁸⁰.

Не обрадовала членов цеховской комиссии и кадровая картина, представшая их глазам в Московской государственной филармонии. Вот что они докладывали 2 января 1951 г. Маленкову:

«...В течение ряда лет, особенно в военные и послевоенные годы, в столичной филармонии скапливались артисты и руководители различных разделов концертной работы преимущественно одной национальности. Из 312 штатных работников филармонии 111 евреев. Из 33 руководящих работников, организующих концерты, 17 русских, 14 евреев...».

Критическим вниманием партийно-идеологического начальства не была обойдена и провинция. На основании затребованной от Комитета по делам искусств информации в ЦК был сделан вывод о том, что в таких крупнейших концертных организациях, как Молотовская, Уральская, Воронежская, Хабаровская, Чкаловская, Кемеровская, Владимирская областные филармонии, «руководящие должности занимают лица нерусской национальности». Аналогичное кадровое «неблагополучие» отмечалось также в театрах (столичные театры им. Ермоловой и Драмы и комедии), а также системе Главного управления цирков. Причем по циркам не поленились собрать статистику «в разрезе» «пятого пункта» по всей стране. Потом было доложено наверх, что из 87 директоров, главных режиссеров и главных администраторов цирков 44 — евреи, 38 — русские, 4 — украинцы и т.д.⁸¹

Итак, фронт кадровой чистки был обозначен, и Комитету по делам искусств было приказано перейти в наступление. Согласно посту-

пившим вскоре в ЦК первым «реляциям», был уволен «не противодействовавший» еврейскому засилью директор Московской филармонии В.П. Ширинский и некоторые его заместители. Произошла замена руководителей (как евреев, так и «сочувствующих» им) в Вологодской, Хабаровской, Куйбышевской и других областных филармониях, а также в государственном Эрмитаже (там изгнали академика И.А. Орбели), Русском музее, Третьяковской галерее, ряде цирков и т.д.⁸²

Следующий приступ кадрового психоза произошел в начале 1953 года. Хотя он и был быстротечным, однако весьма интенсивным по выбросу в общественную атмосферу национальной нетерпимости. 17 февраля композитор И.О. Дунаевский писал своему другу Д.М. Персону:

«Газеты и радио продолжают вопить о мифических «убийцах в белых халатах». И в такой момент Вы, Давид Михайлович, советуете мне «отключиться от всего» и возобновить работу над оперой. Вы что — не читали рассказа Мопассана, по которому Булгаков сочинил либретто? Не знаете, что Рашель — это модифицированная Рахиль? Я сейчас в прескверном настроении и боюсь, что зафиксирую на бумаге вовсе не то чувство, которое я испытываю к памяти Булгакова... Скажу лишь одно: если в 1939 году мне бы за «Рашель» приписали антипактовские настроения, то сегодня... я угодил бы в агенты «Джойнта». Устраивает ли Вас такая перспектива для композитора Дунаевского? Помните блистательную «Жидовку» Галеви**? Она не сходила со сцен дореволюционных театров. Можете ли Вы себе представить эту «Жидовку» на современной советской сцене? То-то. А вы говорите — «Рашель»»⁸³.

Дунаевский, этот блистательный певец социального оптимизма сталинской эпохи, как никто другой чувствовал сердцем цинизм и бесчеловечность, сокрытые за блестящим пропагандистским фасадом империи. К тому же до него, наверняка, дошли слухи об аресте 7 февраля композитора М.С. Вайнберга, мужа дочери Михоэлса Натальи. Под нажимом следователя тот «признался», что по заданию тестя начиная с 1944 года пропагандировал в ССК идею создания еврейской республики в Крыму. В этом ему якобы помогали композиторы М.Ф. Гнесин и А.М. Веприк, а также музыковеды Д.А. Рабинович (арестован в 1948 г. за «шпионскую» связь с американским корреспондентом Р. Магидовым) и С.И. Шлифштейн. Вайнбергу инкриминировали также и то, что в 1945–1946 годах он добивался создания в ССК еврейской секции, на базе которой планировал организовать еврейскую консерваторию в Крыму, для чего даже взял у Веприка два тома нотных записей синагогальной музыки. Кроме

* Речь идет о либретто оперы «Рашель», написанном в 1938 году для Дунаевского М.А. Булгаковым по рассказу Г. Мопассана «Мадмуазель Фифи» (1882 г.).

** Фроманталь Галеви — французский композитор. Опера «Жидовка» (другое ее название — «Дочь кардинала») написана в 1835 году.

того, ему напомнили создание двух циклов еврейских песен на стихи И. Переца и С. Галкина, а также данный им Ю.А. Шапорину совет написать вокализ на один из еврейских народных напевов. За Вайнберга вступился тогда Шостакович, написавший Берии, что ручается за него и знает как честного гражданина и талантливого композитора, чуждого какой-либо политики^{*84}.

Между тем в партийные и государственные органы продолжал идти поток грубых антисемитских писем. И власть, намеренно разнуздавшая в обществе темные средневековые страсти, воспринимала их как справедливый глас народа. Такое положение сохранялось даже какое-то время после смерти Сталина, виновного более чем кто-либо другой в разразившейся в стране шовинистической истерии. Вот самый пристойный фрагмент из наполненного бранью письма, отправленного 6 марта Хрущеву неким В. Антоновым (имя, очевидно, вымышленное):

«Дорогой Никита Сергеевич! То ли под впечатлением великого горя, постигшего наш советский народ, то ли под впечатлением жгучей ненависти к врагам и предателям народа, террористам-убийцам, занесшим над нашими вождями и государственными деятелями свое жало, начиненное американским ядом... я осмелюсь выразить и, надеюсь, не только свое мнение... но... многих советских граждан... не допускать в период гражданской паникиды по нашему дорогому и любимому вождю И.В. Сталину «еврейского ансамбля», именуемого Государственным Союзом ССР симфоническим оркестром, коллектив которого всегда привлекался играть траурную музыку в Колонном зале Дома союзов. Траурная мелодия этого оркестра, состоящего на 95% из евреев, звучит не искренне. После каждого похорон этот еврейский сорняк... с чувством удовлетворения подсчитывает свой «внеплановый доход». Я считаю, что этот еврейский коллектив симфонического оркестра не достоин находиться в непосредственной близости к нашему великому, любимому вождю, дорогому И.В. Сталину...»⁸⁵.

Злопыхательства густопсового антисемита были восприняты в ЦК, что называется, с пониманием. Уже 11 марта заведующий отделом художественной литературы и искусства В.С. Кружков и его заместитель П.А. Тарасов, как бы оправдываясь, докладывали Хрущеву, что в Государственном симфоническом оркестре только 35,7% евреев, тогда как русских 59%. Далее следовали заверения в том, что аппарат ЦК держал и будет держать под контролем кадровую ситуацию в этом оркестре:

«За 1951–1952 годы в оркестр было зачислено по конкурсу всего 14 музыкантов, из них русских — 11 и евреев — 3... В течение мая—июня с.г. Комитет по делам искусств переводит на пенсию 10 музыкантов (из них русских — 2, евреев — 8). В сентябре 1953 года оркестр пополнится (по конкурсу) новыми музыкантами коренной национальности»⁸⁶.

* 17 апреля 1953 г. дело в отношении Вайнберга было прекращено и его выпустили из-под стражи.

17 марта тот же аппаратный «дуэт» Кружков—Тарасов отчитался перед Хрущевым о принятых мерах по еще одному доносу, в котором речь шла о «засоренности кадров» в Музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных и «наличии у его руководства сионистско-националистических тенденций». Главным достижением, которым похвастались тогда эти чиновники перед своим шефом, была отправка на пенсию Е.Ф. Гнесиной, основателя и бессменного руководителя (начиная с 1895 г.) этого музыкального учебного заведения. Именно она, в течение долгих лет проводившая «неправильную кадровую политику»^{*}, выставлялась главной виновницей того, что около половины всех работавших под ее началом педагогов были евреями. Себе в «актив» авторы записки включили и произведенное ранее отстранение от должности заведующего кафедрой композиции института брата Гнесиной Михаила. Компроматом на него послужило то, что в 1914 и 1922 годах он побывал в Палестине и после революции был одним из «вдохновителей создания сионистской театральной студии “Габима”», а незадолго до своей отставки он предложил одному из своих учеников сочинить симфониетту на мелодию, которая, как потом было «установлено», оказалась государственным гимном Израиля⁸⁷.

И все же описанные выше антиеврейские гонения уступали — и по масштабу, и по степени жестокости — действиям властей в некоторых других отраслях культуры, скажем в кино, которое Сталин, как известно, ставил на первое место по пропагандистской эффективности воздействия на массы.

КИНО

В этой сфере искусства события разворачивались все по той же уже успевшей устояться схеме. Сначала в ходе антикосмополитической кампании по творческой киноэлите был нанесен пропагандистский удар. 3 марта 1949 г. «Правда», провозгласив лозунг «Разгромить буржуазных космополитов в киноискусстве!», подвергла травле

* Еще в феврале 1948 года Сулову докладывалось о пренебрежительном отношении Гнесиной к изучению ее студентами марксизма-ленинизма. При этом дословно воспроизводилась ее «вредная» точка зрения на этот счет: «Видите ли, Хачатурян никогда не изучал марксизма-ленинизма в таком объеме, как это поставлено у нас в училище, а между тем он прекрасный и одаренный композитор... Зачем, например, обременять этим студента Светланова (Е.Ф. Светланов — потом известный пианист, композитор и дирижер. — Авт.), ведь он же Рахманинов, уверяю вас — Рахманинов, а здоровьишко у него слабое. Ну, заставим его изучать марксизм-ленинизм и другие еще науки, это же будет во вред его главному делу» (88).

Л.З. Трауберга*, Г.М. Козинцева, Е.И. Габриловича, М.Ю. Блеймана, Н.А. Коварского, Г.А. Авенариуса, Н.Д. Оттена, Н.М. Тарабукина и других ведущих кинорежиссеров и кинокритиков. Потом настала очередь киноуправленцев. 9 марта к Маленкову обратился министр кинематографии СССР И. Г. Большаков, уже давно набивший руку на антиеврейских чистках, с доносом на начальника технического управления своего министерства Г.Л. Ирского**, которого обвинил в том, что, «рабелепствуя перед американской кинопромышленностью», тот «охлаял... кинопромышленность СССР». Вскоре Ирского сняли и следом препроводили на Лубянку. Примерно тогда же арестовали и редактора студии «Моснаучфильм» М.С. Шапрова (Шапиро), в прошлом ответственного работника Наркоминдела⁸⁹. В следующем году взяли под стражу актера студии им. Горького Я.Е. Беленького, которого помимо еврейского национализма обвинили в былых связях с репрессированными в конце 30-х братьями отца — Г.Я. Беленьким, участником троцкистской оппозиции, и А.Я. Беленьким, бывшим

* Брат Л.З. Трауберга Илья, занимавший пост председателя смешанного советско-германского акционерного общества «Дефа», в октябре 1948 года был смещен с него как «не справившийся с работой». Произошло это после того, как начальник Главного управления советским имуществом за границей В.Н. Меркулов следующим образом проинформировал Москву: «Учитывая настойчивое стремление т. Трауберга освободиться от влияния Москвы на дела «Дефы», в частности на дела идеологического порядка, держать его на этом посту становится опасно». Не перенеся такого удара, И.З. Трауберг вскоре скончался (90).

** На такое «жертвоприношение» Большакова, видимо, подтолкнуло то, что 7 февраля 1949 г. решением политбюро ему был объявлен выговор за «грубые ошибки и искажения» при дублировании на польский язык кинофильма «Русский вопрос». Дело в том, что ранее посол СССР в Варшаве В.З. Лебедев сообщил в Москву о недовольстве Б. Берута и других польских руководителей тем, что «польская речь звучит в фильме с заметным выраженным еврейским акцентом». По распоряжению Маленкова началось расследование этого «инцидента». Была образована комиссия с участием вдовы и сына Ф.Э. Дзержинского для проверки дикции тех, кто дублировал злополучный фильм. Поскольку в озвучивании реплик на польском языке принимали участие не только кино- и театральные актеры О.Н. Абдулов и М.Ф. Астангов, но и дикторы радио, наказанный Большаков решил задним числом обелить себя, переведа, что называется, стрелку на руководителя ведомства-соисполнителя, председателя Радиокomiteта А.А. Пузина. «Тов. Пузин ... — доносил министр кинематографии на Старую площадь, — нарочито скрывает от ЦК ВКП(б) тот факт, что его дикторы Сиган и Хигрин по национальности евреи и что в его художественных радиопередачах на польском языке систематически сотрудничают Мицкевич, Князев, Залуцкий, Ротбаум и Тененбаум, из которых двое последних являются евреями по национальности, и их участие в дубляже фильма, видимо, и определило провал дубляжа. Эту вину отнюдь нельзя отнести к русскому по национальности Астангову и обрусевшему Абдулову» (91).

начальником личной охраны Ленина. В 1951 году попал в заключение кинодраматург М.Б. Маклярский, бывший сотрудник разведки (до 1947 г.) и один из сценаристов популярных фильмов «Подвиг разведчика», «Секретная миссия».

С конца 1952 года, когда антисемитизм в стране усиливался, как говорится, не по дням, а по часам, МГБ приступило к фабрикации дела о коллективном заговоре еврейских националистов на студии документального кино «Моснаучфильм». Первым в октябре взяли старейшего кинорежиссера Л.Б. Шеффера. Ему инкриминировали то, что в учебном фильме для студентов Военного института иностранных языков он снял «в значительной мере лиц еврейской национальности... тем самым... не дал верного представления о многонациональном составе учащихся учебных заведений...». Следом арестовали бывшего заместителя директора киностудии М.М. Ковтунова, кинорежиссера-документалиста С.М. Левит-Гуревича, в шутку прозванного коллегами из-за своей двойной фамилии («дважды евреем»), кинорежиссера М.Я. Капчинского и других. Некоторых из них обвинили в прошлых контактах с руководством Еврейского антифашистского комитета. Плюс к этому один из свидетелей показал на Левит-Гуревича, что в доверительной беседе с ним тот подверг сомнению официальную версию смерти Михоэлса, заявив, что последний был убит по прямому указанию свыше. После того как в феврале 1953 года на киностудии прошло партийное собрание, заклеившее как еврейских националистов еще нескольких сотрудников — З.А. Бриккера (бывший председатель ЦК профсоюза фото- и киноработников и член президиума ЕАК), Б.И. Риера (бывший помощник начальника Политуправления Красной армии Я.Б. Гамарника), А.Е. Разумного (режиссер фильма «Тимур и его команда») и других, возникла реальная перспектива дальнейшего расширения «дела Моснаучфильма» за счет новых подследственных. Однако смерть Сталина перечеркнула такой сценарий развития событий⁹².

Положение дел в науке и образовании

РУКОВОДСТВО ЧИСТКОЙ

В этой сфере так называемая кадровая политика формировалась и направлялась посредством механизма, который схематически можно представить в виде следующей «цепочки»: Сталин—аппарат ЦК—руководство АН СССР и Министерства высшего образования СССР.

К перетряске интеллектуальной элиты власти приступили еще в период начала послевоенного идеологического «похолодания» в стране, после того как в 1946-м вышло постановление об Ахматовой и Зощенко. В последующие годы масштаб и интенсивность чистки в научных организациях все время нарастали, и каждый ее новый всплеск был вызван очередной инициированной Сталиным идеологической кампанией. Такие провоцирующие импульсы исходили из Кремля весной—летом 1947 года, когда были учреждены «суды чести» и появилось закрытое письмо ЦК по «делу профессоров Клюевой и Роскина», потом — в 1948-м: зимой (тогда поднялся шум вокруг музыкантов-формалистов) и в августе (был дан бой так называемым вейсманистам-морганистам); затем — в первые месяцы 1949-го, памятные развертыванием антикосмополитической кампании, ставшей кульминацией чистки; наконец, летом 1950-го, когда Сталин, занявшись на склоне лет, возможно по примеру Екатерины II*, вопросами языкознания, выступил за «свободу критики», «борьбу мнений» и против «аракчеевского режима» в науке⁹⁴.

С самого начала кадровые пертурбации в науке носили скрытый антиеврейский характер. Особенно это было характерно для учреждений, проводивших изыскания, связанные с обеспечением обороноспособности страны. В октябре 1946 года, когда такие исследования в связи с началом холодной войны стали приоритетными и особо секретными, по поручению секретаря ЦК А.А. Кузнецова было проверено «состояние работы с кадрами» в девяти ведущих академических институтах — органической химии, физической химии, химической физики, физических проблем, физическом, механике, радиовом, Ленинградском физико-техническом, географическом. Выяснилось, что из 765 научных сотрудников этих институтов 208 имели еврейское происхождение, а из 110 заведующих лабораториями таковых было выявлено 30. Может быть, под впечатлением от таких результатов ЦК вскоре обследовал все научные учреждения, входившие в академическую систему, — 51 институт, 3 специальные лаборатории, Главный ботанический сад, Главную астрономическую обсерваторию, 6 филиалов АН СССР и 6 научных баз. Проверку на лояльность режиму прошли все работавшие в них 14 577 научных сотрудников, в том числе 165 академиков, 271 член-корреспондент, 618 докторов и 1753 кандидата наук. В итоге 25 января 1947 г. на свет появилось постановление оргбюро ЦК «О подготовке, расстановке и использовании научных кадров в институтах АН СССР», в котором наряду с прочим отмечалось, что президиум академии допустил чрезмерное «засорение» евреями ряда своих подведомственных учреждений⁹⁵.

* Итогом лингвистических упражнений Екатерины II стала предпринятая начиная с 1787 года публикация труда под заглавием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы» (93).

В последующие месяцы для «исправления ненормальной кадровой ситуации» под надзором ЦК прошла так называемая аттестация руководящих сотрудников академических учреждений. Отчитываясь 3 января 1948 г. о ее результатах, академик-секретарь АН СССР Н.Г. Бруевич, среди прочего, сообщил секретарю ЦК А.А. Кузнецову:

«В национальном составе заведующих отделами, лабораториями и секторами произошли следующие изменения. До аттестации русские составляли 73,6%, после — 80%. Процент украинцев и армян остался без изменений. Наибольший процент евреев среди заведующих отделами до аттестации был в отделении экономики и права — 58,4%, после аттестации процент в отделении снизился до 18%. По отделению химических наук евреи составляли до аттестации 33%, после — 16,2%. По отделению физико-математических наук в результате аттестации их процент снизился с 27,5% до 21,7%, по отделению технических наук — с 25% до 16%»⁹⁶.

Через несколько месяцев академическое начальство еще раз проинформировало ЦК, на сей раз о «проведенных мероприятиях по улучшению подготовки научных кадров», проиллюстрировав отчет для пушей наглядности цифровыми данными о сокращении численности евреев среди аспирантов и докторантов научных учреждений АН СССР: с 317 человек (17,6%) на 1 января 1947 г. до 132 человек (9,1%) на 1 мая 1948 г.⁹⁷

Однако такие «жертвоприношения» отнюдь не умиливали Старую площадь. 11 марта 1949 г. за «проваль» в кадровой работе академик Н.Г. Бруевич* был отправлен в отставку, а ставшая вакантной должность академика-секретаря АН СССР была упразднена. Вместо нее создается целый ученый секретариат президиума АН СССР, которому помимо контроля за выполнением плана научно-исследовательских работ, проводимых академическими институтами, поручили заниматься подбором, расстановкой и проверкой кадров. Для руководства новой структурой был учрежден пост главного ученого секретаря, который занял А.В. Топчиев, специалист по химии, ранее заместитель министра высшего образования СССР. Его, занявшего ключевую в АН СССР должность, на прошедших вскоре внеочередных выборах производят в действительные члены АН СССР, а в 1950-м делают лауреатом Сталинской премии. По характеристике общавшихся с ним коллег, это был один из тех функционеров, которые не за страх, а за совесть внедряли в жизнь «сталинские методы управления». Это не означает, однако, что вся его деятельность в академии свелась к примитивному «тащить и не пущать». По тем же отзывам, Топчиев, будучи, что называется, образцовым чинов-

* Весной 1950 года по информации Абакумова, отмечавшего значительную концентрацию специалистов еврейского происхождения в секретном Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР, Бруевича отстранили от исполнения обязанностей его директора (98).

ником, довольно оперативно и четко решал вопросы организационно-кадрового и материального обеспечения развития науки. Объективно оценивая личность Топчиева, нельзя не заметить печати двойственности почти на всем, к чему он имел отношение по роду своих профессиональных занятий. Суть этой амбивалентности состояла в том, что, будучи как руководитель науки заинтересованным в ее поступательном развитии, он, с одной стороны, разумеется, старался по мере сил и возможностей защитить ее кадровый потенциал от воздействия репрессивной системы. Но, с другой, являясь частью этой системы, должен был, подчиняясь логике ее существования, соучаствовать в периодических расправах как над отдельными специалистами, так и целыми научными направлениями и школами. В такие моменты Топчиев, да и сам глава академии С.И. Вавилов, старались действовать по принципу «наименьшего зла». Ради сохранения целого они вынуждены были поступаться частью. Таков был единственно возможный компромиссный способ внутринаменклатурного выживания более или менее порядочных людей, другого, к сожалению, не существовало.

Для оперативного контроля ЦК за общей кадровой ситуацией в АН СССР и персонально над Топчиевым тогда же, в начале 1949-го, в состав ученого секретариата был введен Ю. Жданов, который оставался ученым секретарем президиума академии вплоть до 28 мая 1952 г. По его настоянию в декабре 1950 года «за неудовлетворительное руководство делом подбора и расстановки кадров в научных учреждениях Академии наук» получил расчет начальник управления кадров АН СССР П.А. Борисов. Перед этим Ю. Жданов представил Сулову обстоятельную записку о «засоренности» евреями кадров в ряде важнейших академических исследовательских центров — институтах точной механики и вычислительной техники, физической химии, физических проблем, физическом им. Лебедева, экономики⁹⁹.

Еще более значительные изменения произошли в руководстве Министерства высшего образования СССР, которое хотя и проводило начиная с мая 1948 года периодические кадровые фильтрации в вузах страны, но без того энтузиазма, на который рассчитывали на Старой площади. Ответственность за такое «нерадение» была возложена на «либерального» С.В. Кафтанава*, которого 8 февраля

* Есть свидетельство, что непосредственным поводом к смещению Кафтанава послужила его хвалебная статья по случаю 70-летнего юбилея К.Е. Ворошилова, в которой утверждалось, что тот вместе с Лениным был одним из основателей партии большевиков. Когда об этих «заслугах», приписанных задним числом его верному, но весьма недалекому соратнику, стало известно Сталину, тот вроде бы воскликнул: «Да он и поллитрамоты не знает!». Неумная лесть Кафтанава до того возмутила Сталина, считавшего даже малейшее отступление от созданной им «канонической» истории партии чуть ли не государственным преступлением, что тот распорядился немедленно гнать его из министров (100).

1951 г. на посту министра сменил жесткий и ловкий приверженец Т.Д. Лысенко В.Н. Столетов, возглавлявший до этого Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, а потом успевший еще побыть в кресле заместителя министра сельского хозяйства СССР по науке¹⁰¹.

Такого рода «укрепление» руководства академической науки и высшего образования страны в сочетании с усилением контроля со стороны ЦК за «кадровой ситуацией» в этих сферах способствовало тому, что так называемое национальное регулирование, проводимое в них первоначально от случая к случаю, от кампании к кампании, с начала 1951 года приобретает систематический, рутинный характер. Тому же содействовала и введенная с середины 1950 года ежегодная кадровая отчетность всех ведомств перед ЦК. Вот бесстрастные цифры из этой отчетности, более или менее объективно характеризующие кадровую политику, практиковавшуюся тогда властью применительно к академической науке¹⁰²:

Категории научных сотрудников	Количество научных сотрудников в системе АН СССР (в абсолютных цифрах и процентах)					
	всего		русских		евреев	
	1950 г.	1952 г.	1950 г.	1952 г.	1950 г.	1952 г.
Академики	133 (100%)	117 (100%)	106 (79,7%)	93 (79,5%)	11 (8,3%)	10 (8,5%)
Члены-корреспонденты	245 (100%)	233 (100%)	184 (75,1%)	176 (75,5%)	37 (15,1%)	35 (15,0%)
Доктора наук	941 (100%)	1061 (100%)	705 (74,9%)	806 (75,9%)	147 (15,6%)	142 (13,3%)
Кандидаты наук	2849 (100%)	3662 (100%)	2080 (73,0%)	2703 (73,8%)	428 (15,0%)	473 (12,9%)
Сотрудники без ученых степеней	3415 (100%)	4488 (100%)	2663 (77,9%)	3677 (81,9%)	365 (10,7%)	343 (7,6%)
Итого научных сотрудников	7583 (100%)	9561 (100%)	5738 (75,7%)	7455 (78,0%)	988 (13,0%)	1003 (10,5%)

И хотя, обладая сведениями всего за двухлетний период, трудно проводить полноценный анализ динамики национального состава академических научных кадров, тем не менее и они позволяют сформулировать некоторые выводы. Во-первых, данные таблицы о количестве кандидатов наук и научных сотрудниках без ученой степени свидетельствуют о существенном количественном притоке русской молодежи в науку, что особенно рельефно выделяется на фоне аналогичных показателей по евреям. Тем самым косвенно подтверждается то, что именно в эти годы власти жестко ограничили прием евреев

в научные учреждения и аспирантуры при них. Во-вторых, зафиксированные в таблице изменения относительной численности высококвалифицированных научных сотрудников (от докторов до академиков) еврейского происхождения если и отражают тенденцию к ее понижению, то в общем-то незначительному, и тем более не говорят об их массовом вымывании из науки. Так как прагматик Сталин относился к научно-кадровому потенциалу как к живому капиталу страны, можно заключить, что гонения на евреев в науке выразились в основном в том, что те целенаправленно устранялись в первую очередь с руководящих административных постов, но продолжали в большинстве своем работать по специальности в том или ином академическом учреждении. В конце 40 — начале 50-х годов именно по такой схеме складывались судьбы академиков и членов-корреспондентов из числа евреев, многим из которых пришлось распрощаться с директорскими креслами в академических институтах. Впрочем, за теми из них, кто даже оказывался тогда полностью не у дел, сохранялись довольно солидные академические материальные льготы и привилегии, что, несомненно, помогало государству камуфлировать проводимую им антисемитскую политику.

Курс на устранение евреев из руководящих структур академической науки в наибольшей степени стал проявляться в 1949 году. Так, 18 июня по решению секретариата ЦК перестал быть директором Института физической химии А.Н. Фрумкин, который до разгона ЕАК состоял в его президиуме*. Отставка академика мотивировалась тем, что он «допускал ошибки антипатриотического характера» и при приеме на работу «руководствовался не государственными интересами, а подбирал и расставлял кадры по признаку семейственности, что вызвало засорение института чуждыми людьми». В ноябре следующего года та же участь постигла родоначальника одной из основных школ советской физики академика А.Ф. Иоффе, возглавлявшего с момента основания в 1918 году Физико-технический институт в Ленинграде. Перед этим он был вызван в президиум АН СССР. После состоявшейся там длительной аудиенции у президента АН СССР С.И. Вавилова Иоффе сразу же написал заявление об отставке. Сложив с себя административные полномочия, старый профессор, видимо, испытал некоторое облегчение. Сосредоточившись исключительно на научных исследованиях (благо это не запрещалось), он, по крайней мере, теперь мог не скрывать своего национального происхождения, записывая себя в анкетах русским, как это делал начиная с 1948 года

* Фрумкин именно «состоял» в президиуме ЕАК, или, точнее, числился в нем, так как, по показаниям Лозовского следствию, не только не принимал участия в его заседаниях, но и ни разу не был в самом здании ЕАК. Это обстоятельство, наряду со значимостью для государства его научных знаний, видимо, помогло ему избежать репрессий.

под воздействием нарастающей в стране антиеврейской истерии¹⁰³. С подобными печальными примерами чистки в высших академических сферах читатель еще неоднократно столкнется в нижеследующем материале, посвященном положению дел в отдельных областях науки.

ФИЛОСОФИЯ

В продолжавшемся и после войны противоборстве на «философском фронте» двух группировок, одна из которых условно возглавлялась Г.Ф. Александровым, а другая — М.Б. Митиным, последняя одержала две крупные победы. Первую — летом—осенью 1947 года, когда в ходе философской дискуссии Александров был раскритикован Ждановым и изгнан из ЦК. Правда, его, вроде бы допустившего крупные ошибки в вопросах философии, назначили тогда почему-то директором Института философии АН СССР. Второй победой можно считать произошедший спустя год погром в биологической науке, учиненный на августовской сессии ВАСХНИЛ покровителем Митина академиком Т.Д. Лысенко, которого тот поддержал еще в 1939-м в ходе дискуссии по вопросам генетики и селекции. Поскольку за спиной Лысенко стоял сам Сталин, то с осени 1948 года Митину также стали покровительствовать глава Отдела пропаганды и агитации ЦК Шепилов и заведующий сектором Агитпропа Ю.А. Жданов, ставший в 1949-м зятем вождя. Из чиновников номенклатурным уровнем ниже Митину симпатизировал министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов. В научном мире сторонниками Митина были такие же, как он сам, ортодоксы-догматики от сталинского марксизма, сделавшие вместе с ним карьеру на философских погромах начала 30-х годов. Это близкий ему с молодых лет член-корреспондент АН СССР П.Ф. Юдин, работавший теперь главным редактором издававшейся в Бухаресте коминформовской газеты «За прочный мир, за народную демократию!», а также специалист по марксистской «натурфилософии», член-корреспондент АН СССР А.А. Максимов, которого в феврале 1949 года назначат заведующим кафедрой философии естествознания МГУ. К тому же руководивший с 1943 года в том же университете кафедрой диалектического и исторического материализма профессор З.Я. Белецкий, несмотря на прежние разногласия с Митиным, как бы вынужденно превратился в его союзника. Возможно, это произошло вследствие инстинктивного чувства самосохранения, способствовавшего коллективному сплочению представителей гонимой национальности перед лицом травли «антипатриотов», принимавшей все более антиеврейский характер.

После войны Митин, хотя уже и не был тем всемогущим инквизитором в философской науке, каким являлся в 30-е годы, тем не менее

обладал довольно солидным влиянием во властных структурах: был в отличие от Александра не кандидатом, а полноправным членом ЦК ВКП(б), участвовал в заседаниях оргбюро по идеологическим вопросам, руководил кафедрой диалектического материализма в Высшей партийной школе, был первым заместителем председателя правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и, наконец, самое главное — ничто пока не свидетельствовало о сомнениях Сталина в его личной преданности ему.

Противостоявший такому довольно сильному противнику Александров, еще будучи главой Агитпропа, методично насаждал во всех ведущих научно-идеологических центрах своих сторонников, лично обязанных ему занимаемыми должностями, учеными степенями, званиями, премиями и т.д. Отвоевывая таким образом для себя место под солнцем, «александровцы» к концу 1948 года смогли превратить в свои «опорные пункты» Институт философии АН СССР, редакцию журнала «Вопросы философии», которую возглавлял видный специалист в области философии естествознания и бывший работник аппарата ЦК Б.М. Кедров, журнал «Большевик», где главным редактором был П.Н. Федосеев (до 1947 г. заместитель Александра по Агитпропу), Академию общественных наук при ЦК, в которой тот же Федосеев руководил кафедрой диалектического и исторического материализма, ряд кафедр в МГУ, в том числе истории русской философии во главе с И.Я. Щипановым, истории западноевропейской философии, где обязанности руководителя исполнял Т.И. Ойзерман (он же возглавлял аналогичный сектор в Институте философии). К тому же Александров, несмотря ни на что, продолжал сохранять надежные связи в аппарате ЦК, где ему покровительствовал Маленков, а также целая когорта высокопоставленных номенклатурных идеологов, которые прежде работали под его руководством: заместитель заведующего Агитпропом В.С. Кружков, ответственный работник этого же ведомства, специалист по марксистско-ленинской философии В.Е. Евграфов и другие. Через Маленкова и своего личного друга, бывшего секретаря ЦК КП(б) Грузии П.А. Шарию*, Александров также был связан с Берней.

Именно групповые интересы играли главную роль в происходившей в это время закулисной борьбе на «философском фронте», в которой с обеих сторон в ход пускалось такое действенное тогда оружие, как антисемитизм. Правда, прибегали к нему чаще «алек-

* 3 июня 1948 г. бюро ЦК КП(б) Грузии приняло решение о смещении Шарии с поста секретаря ЦК по пропаганде за написание и издание в 1943 году книги стихов «религиозно-мистического характера». В 1952 году Шарию арестовали по «мингрельскому делу», а в марте 1953-го освободили по распоряжению Берии. До лета Шария работал помощником по идеологическим вопросам в секретариате Берии, а потом был вместе с ним вновь арестован.

сандровцы», поскольку в рядах «митинцев» евреев было значительно больше.

Воодушевленные шумным триумфом Лысенко в августе 1948-го, первыми в бой ринулись Митин и его сторонники. Тогда, используя «Литературную газету», в редакции которой Митин заведовал отделом науки, они усилили нападки на главного редактора «Вопросов философии» Кедрова. Их расчет был прост: Кедров был самой уязвимой фигурой среди приверженцев Александра. Его отец, М.С. Кедров, выходец из московских дворян, большевик с 1901 года, ставший после революции видным чекистом и государственным деятелем, был расстрелян в 1941-м как «враг народа». Между тем его сын в 1947-м имел неосторожность высказать через свой журнал «вредные идейки» (в интерпретации его хулителей. — *Авт.*) о том, что Ленин в определенный период находился под воздействием философии Гегеля и что вопросы национального приоритета несущественны для истории науки. Более того, Кедров на свой страх и риск напечатал статью одного из непримиримых противников Лысенко, известного потомственного русского биолога академика И.И. Шмальгаузена и даже после августовской сессии ВАСХНИЛ продолжал поддерживать изгоняемых отовсюду «антимичуринцев»¹⁰⁴.

Пока Александров интриговал против когда-то объявленного «меньшевиствующим идеалистом» А.М. Деборина, добиваясь от Маленкова его отстранения от руководства академическим печатным органом, «Вестником Академии наук СССР», Митин направил 28 октября 1948 г. тому же Маленкову критический обзор материалов, опубликованных в «Вопросах философии» в 1947–1948 годах, обосновывая тем самым якобы возникшую необходимость смены руководства этого журнала. Как по команде, в тот же день с аналогичным предложением к Маленкову обратился и Максимов. Со своей стороны, Александров попытался защитить «своего человека», уверяя Маленкова, что вновь вышедший в свет третий номер «Вопросов философии» «отличается от предыдущих в лучшую сторону». Однако отстоять Кедрова ему не удалось, поскольку 9 декабря свое веское слово по поводу журнала высказало руководство Агитпропа в лице Шепилова, его заместителя А.Н. Кузнецова и Ю. Жданова, которые предложили «укрепить» руководство «Вопросов философии». В обоснование ими был приведен такой разящий наповал аргумент: журнал никоим образом не откликнулся на выход в свет очередных томов с сочинениями Сталина. Уже 25 декабря политбюро приняло постановление «О журнале “Вопросы философии”», санкционировавшее отстранение от должности ответственного секретаря редакции И.А. Кривелева (кстати, еврея), который считался «правой рукой» Кедрова. Тогда же для «усиления» редколлегии в нее ввели Митина, директора Тимирязевской сельскохозяйственной академии и известного приспешника Лысенко В.Н. Столетова, а также заместителя

Александрова по Институту философии Д.И. Чеснокова. Этот последний и стал новым главным редактором «Вопросов философии», когда 3 марта вышло другое, давно ожидавшееся постановление политбюро, низложившее Кедрова «как не справившегося с работой»¹⁰⁵.

Звезда Чеснокова взошла на столичном номенклатурно-идеологическом небосклоне благодаря протекции Шепилова. В ноябре 1947 года тот взял этого провинциального аппаратчика, тогда секретаря Свердловского горкома партии по пропаганде, к себе в Агитпроп в качестве заместителя заведующего одного из отделов. Однако спустя какое-то время в ЦК из Свердловска поступила информация о любовных похождениях и других старых грешках Чеснокова*. Разразился скандал, и оконфузившегося чиновника в июне 1948 года без лишнего шума сплывили в Институт философии, который считался тогда в ЦК чем-то вроде номенклатурного отстойника. Тем самым Шепилов как бы убивал одновременно двух зайцев: исполнил свой моральный долг, изгнав из святая святых партийного аппарата «падшего ангела», и в то же время обзавелся дополнительными глазами и ушами в стане враждующего с ним опального царедворца.

Проиграв сражение за контроль над академическим журналом, группа Александрова тем не менее сдерживала натиск своих противников на другом участке «философского фронта» — философском факультете МГУ. Прознав о том, что министр высшего образования Кафтанов ходатайствует перед Маленковым о назначении Митина заведующим кафедрой истории философии МГУ, а Белецкого — деканом философского факультета, к тому же Маленкову 6 октября 1948 г. обратился и Щипанов. Прежде всего он постарался «открыть глаза» партийному руководству на «политически вредную деятельность» Белецкого и его «прозелитов», которые, якобы «возомнив себя в вопросах марксистской теории непогрешимыми папами», предложили ликвидировать кафедру истории русской философии. Будучи руководителем этой кафедры, Щипанов назвал это намерение «антипатриотическим актом» и потребовал вмешательства ЦК для постановки работы факультета «на партийные рельсы». Этот демарш был сразу же поддержан Александровым, который обвинил Белецкого в «воспитании студенчества в духе наплевательского махаевского отношения к прошлой русской культуре», что-де поощряется руководством Минвуза. Ответной реакцией ЦК

* В октябре 1949 года вскрылись новые скандальные факты деятельности Чеснокова на посту секретаря Свердловского горкома в 1945–1947 годах. В частности, в ЦК поступила информация о том, что, будучи в это время председателем экзаменационной комиссии Уральского государственного университета, он незаконно выдал дипломы об окончании факультета журналистики ряду руководителей обкома и горкома партии. Однако на сей раз Чеснокову удалось избежать наказания, в ЦК удовлетворились очередным его покаянием (106).

стало отклонение предложения Кафтанова и назначение в феврале 1949 года деканом профессора В.Ф. Берестнева¹⁰⁷.

В то же время ЦК обязало Кафтанова считать главной задачей возглавлявшегося им ведомства проверку национального состава кадров руководителей и преподавателей кафедр общественных наук (философии, основ марксизма-ленинизма, политэкономии, истории) в вузах страны. Работа в этом направлении была инициирована Старой площадью еще весной 1948 года. Тогда всем высшим учебным заведениям было дано указание представить к 1 июня в Минвуз в «обязательном порядке» личные листки по учету кадров, подробные автобиографии и развернутые политические и деловые характеристики на весь профессорско-преподавательский состав. Более или менее полную картину национального состава преподавателей общественных кафедр по состоянию на 28 октября Минвузу удалось составить к середине ноября. Обработав сведения, полученные от 568 вузов по 962 кафедрам общественных наук, это ведомство представило тогда в ЦК следующие «неутешительные» данные¹⁰⁸:

Названия кафедр	Количество преподавателей (в том числе в %)				
	всего	русских	украинцев	евреев	других
Философии	117	51 (43,6)	16 (13,6)	26 (22,2)	24 (20,6)
Политэкономии	737	356 (48,0)	54 (7,3)	185 (21,1)	142 (19,6)
Истории СССР	652	309 (48,0)	73 (11,0)	86 (13,0)	184 (28,0)
Марксизма-ленинизма	3341	1694 (50,6)	349 (10,5)	660 (19,8)	638 (19,1)
Итого на кафедрах общ. наук	4847	2410 (50,2)	492 (10,2)	957 (19,9)	988 (20,3)

В начале 1949 года по поручению ЦК Минвуз силами собственного аппарата провел обследование профессорско-преподавательского состава кафедр общественных наук 213 вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, Саратова, Казани и Свердловска. И опять собиралась статистика в национальном разрезе, в результате чего из 2018 подвергшихся проверке преподавателей философии, марксизма-ленинизма и политэкономии был выявлен 531 еврей (26,3%). Когда эти цифры стали известны в ЦК, там пришли к заключению, что представленные ранее вузами данные по преподавателям евреям были несколько занижены. Вскоре Шепилов подготовил проект постановления «О положении с кадрами на кафедрах марксизма-ленинизма, философии и политэкономии в высших учебных заведениях и мерах по укреплению этих кафедр», которым Минвузу предписывалось все кадровые назначения на должности преподавателей общественных кафедр осуществлять впредь только по

согласованию с региональными горкомами и обкомами партии. К проекту прилагался «черный список» из 40 преподавателей (17 из них были евреями) московских и ленинградских вузов, подлежащих первоочередному увольнению как политически неблагонадежные. Предусматривалось также проведение всесоюзного совещания руководителей кафедр марксизма-ленинизма и философии, которое состоялось в Москве в первой половине июля¹⁰⁹.

Проходившая в том же году антикосмополитическая кампания, имевшая, как уже отмечалось, скрытый антиеврейский характер, не могла не отразиться соответствующим образом на выяснении отношений между противоборствовавшими «философскими» лагерями. 2, 9 и 16 марта стараниями Митина в «Литературной газете» появилась серия материалов, разоблачавших «группу лиц, протаскивавших космополитические взгляды и подтачивавших... философский фронт». «Идейным вдохновителем» группы объявлялся Кедров, а в качестве его «подручных» были названы А.И. Кривелев, Я.З. Черняк, З.А. Каменский, М.З. Селектор, а также имевший лишь косвенное отношение к философии литературный критик В.Ц. Гоффеншефер, которого Митин скорее всего «притянул», следуя тогдашней номенклатурной моде уснащать скандальные публикации экзотическими еврейскими фамилиями.

Александров тоже не сидел сложа руки. Понимая, что дальнейшая пассивность только подзадоривает оппонентов, все громче говоривших о его собственных космополитических прегрешениях, вскрытых Ждановым летом 1947 года, и их рецидивах в последующем, он стал действовать. 2 марта бывший глава Агитпропа появился в Академии общественных наук и выступил с докладом «Задачи борьбы с космополитизмом в философии». Покаявшись вначале скороговоркой в собственных ошибках и тем самым отдав дань ритуальной самокритике, он перешел в решительное контрнаступление, обвинив в космополитизме профессора М.М. Розенталя*, одного из наиболее авторитетных ученых из конкурирующей философской группировки¹¹⁰.

После произошедшего таким образом обмена ударами в очередной раунде поединка между Митиным и Александровым была зафиксирована боевая ничья. Об этом свидетельствовал тот факт, что в передовице агитпроповской «Культуры и жизни» за 10 марта в

* В октябре 1949 года секретариат ЦК освободил Розенталя от должности заместителя руководителя кафедры диалектического и исторического материализма АОН при ЦК ВКП(б). Перед этим его несколько месяцев травил на собраниях и в печати за вышедшую в 1948 году книгу «Философские взгляды Н.Г. Чернышевского», в которой он имел неосторожность обмолвиться о том, что лучшее в мировоззрении этого писателя-демократа возникло на почве обобщения западноевропейского исторического опыта, а наихудшее — на основе изучения социальных отношений в России (111).

общий ряд с Кедровым, Кривелевым и другими «александровцами», названными ранее космополитами от философии, был поставлен и «митинец» Розенталь. Такой «паритет» был победой Александрова, с которым руководство Агитпропа, тогда сурово критикуемое Маленковым, видимо, вынуждено было пойти на компромисс. И это не могло не встревожить Митина и его друзей. 15 марта из далекого Бухареста Юдин направил Маленкову возмущенное письмо, в котором заявил, что «редакция газеты «Культура и жизнь» поступила опрометчиво, объявив Розенталя космополитом». Вместо этого надо было, по его мнению, направить огонь критики против «подлинного вдохновителя космополитизма и проповедника катедер-социализма — Александрова», который «расшаркивается перед всеми западно-европейскими философами»¹¹².

Маленков, как и следовало ожидать, пропустил мимо ушей обвинения против своего протеже, который тем временем, чувствуя поддержку второго человека в партии, действовал все смелее, используя опыт, накопленный в организации крупномасштабных демагогических кампаний, и, чтобы, так сказать, обезопасить свои тылы, принялся увольнять из Института философии сотрудников, обвиненных в космополитизме. Один за другим подверглись ostracismу Кедров (заведовал сектором философии естествознания), Каменский, Селектор, М.А. Леонов (Гуревич; руководил сектором диалектического материализма), В.С. Библер, Е.М. Вейцман и др. Только в 1949–1950 годах из института по идеологическим мотивам был отчислен 51 сотрудник¹¹³. А 18 марта 1949 г. на общем собрании сотрудников, докторантов и аспирантов Института философии был дан бой «митинской» группировке. Выступивший с основным докладом Александров направил острие своей критики против Белецкого и его кафедры в МГУ. Судя по хлестким эпитетам, которые потоком неслись из уст бывшего главы Агитпропа, тот, видимо, не забыл нападок Белецкого в 1944 году (по поводу третьего тома «Истории философии») и давно мечтал отомстить этому, как многим казалось, чрезмерно самоуверенному профессору, возмнившему себя чуть ли не главным интерпретатором философских трудов «основоположников марксизма-ленинизма». Сводя теперь старые счеты, Александров обвинил старого недруга по сути в левацком экстремизме, выразившемся в том, что тот выступал против «ленинско-сталинского» тезиса о Германии как родине марксизма, отрицал «относительную самостоятельность идеологии» при социализме, а также «пригрел» на своей кафедре «врага народа» С.С. Гольдентрихта, арестованного в 1948 году.

Оценив складывающуюся в шовинистическом угаре конъюнктуру, в одной связке с Александровым решил выступить Чесноков. На такой шаг этот ставленник Шепилова, видимо, решился, трезво рассудив, что положение последнего, особенно после полученного им от Фадеева нокдауна в истории с театральными критиками, зыбко и неопреде-

ленно. Своей мишенью Чесноков избрал академика Митина* и тех, кто поддерживал его в стенах Высшей партийной школы и Обществе по распространению политических и научных знаний, — О.С. Войтинскую, М.М. Розенталя, М.А. Лившица и некоторых других ученых. После чего общее собрание научных сотрудников Института философии потребовало от члена ученого совета Митина «развернутой критики своих космополитических ошибок». В качестве «частного определения» было зафиксировано мнение, что на философском факультете МГУ еще «не развернулась борьба против безродных космополитов, безнаказанно... орудующих на... кафедрах». О том же говорилось и в итоговой записке, направленной 21 марта Сталину и Маленкову «треугольником» Института философии — Александровым (директором института), Чесноковым (главным редактором «Вопросов философии»), Н.Ф. Константиновым (секретарем парткома института). Больше всех в этом документе досталось Белецкому, о котором было со зловещим подтекстом сказано, что он, занимая «космополитические позиции, тормозит разгром космополитов на философском факультете, опираясь на тенденциозно подобранные кадры, преимущественно еврейской национальности». Налицо была чистая вода провокация, сработанная в расчете на юдофобию Сталина, который, наверняка, был уже наслышан о «повышенной концентрации» евреев на кафедре Белецкого в МГУ (семь преподавателей из 19), о чем было сообщено в ЦК ранее¹¹⁴.

Печатью антисемитизма было отмечено и шестидневное партийное собрание на философском факультете МГУ, открывшееся 22 марта. После выступления основного докладчика слово взял Чесноков, читавший лекции в университете и, видимо, претендовавший на должность заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма. Поэтому с места в карьер он выдвинул против занимавшего ее Белецкого серьезное обвинение в том, что на его кафедре создана антипартийная группа. В том же духе выступили потом другие ораторы (видимо, заранее подготовленные), подкрепившие инвективы Чеснокова конкретными «свидетельствами». Секретарь партийной организации факультета Никитин утверждал, например, что преподаватели еврейского происхождения на «особом секретном заседании» кафедры обсудили план выдвижения в состав ЦК ВКП(б) Белецкого вместо Александрова. Фантазируя дальше, Никитин дошел до того, что заявил: Белецкий «объективно», то есть уже фактом

* Между двумя предводителями враждовавших философских группировок Митиным и Александровым существовало нечто вроде джентльменского соглашения, основанного на равновесии страха: лично не выступать с критикой против друг друга. Хорошую мину при плохой игре они были вынуждены сохранять хотя бы уже потому, что оба входили в авторский коллектив неоднократно переиздававшейся в 40-х — начале 50-х годов краткой биографии Сталина.

своего национального происхождения, содействовал сплочению и единению евреев на кафедре. В ответ некоторые сотрудники кафедры, в том числе Ш.М. Герман и В.Ж. Келле, попытались как-то защитить своего руководителя от абсурдных обвинений. Однако организаторы шовинистического действия быстро пресекли нежелательное для них развитие событий. Первый был согнан с трибуны и 21 апреля уволен из университета «в связи с организацией групповщины... и серьезными извращениями марксистско-ленинской теории». Второго же через сутки после выступления вывели из состава партийного бюро. В последний день собрания, 28 марта, было принято обращение в ректорат и «вышестоящие организации» с пожеланием немедленного снятия Белецкого с должности руководителя кафедры и его увольнения из университета¹¹⁵.

Однако вроде бы уже обреченный профессор отнюдь не думал сдаваться. 9 апреля он направил Сталину и Маленкову пространное письмо, в котором попытался обосновать марксистско-ленинскую правоту своих философских взглядов, в том числе и собственной концепции о том, что идеология в социалистическом государстве строго детерминирована развитием экономического базиса* и не обладает даже относительной самостоятельностью. Одновременно он настаивал на прекращении преследований и произвола, коим подвергся он и сотрудники его кафедры со стороны руководства философского факультета МГУ. С этой жалобой Маленков поручил разобраться Шепилову, обязав его через 10 дней доложить свои предложения секретариату ЦК. Однако дело было спущено на тормозах, и травля Белецкого продолжалась. Поэтому 12 июня тот вновь обратился к Сталину, сетуя на то, что его кафедра в течение двух с половиной месяцев «расчищается как гнездо космополитизма и антимарксизма». На сей раз реакция верхов была оперативной и действенной. Через два дня Белецкого вызвал в ЦК Шепилов и заверил, что вопрос о его снятии не стоит¹¹⁶.

С этого момента политический налет с интриги, предпринятой против Белецкого, постепенно стал сходить на нет, и она все больше приобретала характер затянувшейся склоки. В начале 1950-го беспокойный профессор вновь стал фрондировать против Александрова, который якобы сформировал на «философском фронте» «направление буржуазного объективизма, питаемого идеологией меньшевистствующего идеализма». Руководство факультета и Агитпроп ЦК тогда обратились к Сулову, жалуюсь на «нездоровую обстановку» на факультете, который погрузился в пучину бесконечных выяснений отношений, причем не только между преподавателями, но и студентами, разделившимися на «белецкианцев» и «небелецкианцев». Но возмути-

* Александров и Чесноков, придерживавшиеся обратной точки зрения, называли это воззрение Белецкого «вульгаризаторской установкой».

теля конформистского спокойствия не тронули. И только в 1955 году Белецкого под благовидным предлогом выставили из университета, после чего он стал преподавать в Московском инженерно-экономическом институте¹¹⁷.

В общем, расправа над Белецким, Митиным и другими потенциальными «космополитами» в философии не состоялась и, очевидно, потому, что привела бы к усилению позиций Александра. А это, надо полагать, не входило в планы Сталина, который не для того в 1947-м подверг его опале, чтобы спустя два года вновь сделать непререкаемым авторитетом в идеологической сфере. Для диктатора куда важнее было зыбкое равновесие и постоянное противоборство между несколькими группами ученых на «философском фронте». Поэтому Сталин, дистанцируясь от крайних позиций, решил опереться на некую «золотую середину» в советском философском истеблишменте. На роль такой межеумочной «третьей силы» вполне подходили Чесноков и «подстраховывающий» его из ЦК Ю. Жданов. Переметнувшись в начале антикосмополитической кампании на сторону Александра, Чесноков, переборов вскоре провинциальную робость и обретя некоторую самостоятельность как главный редактор «Вопросов философии», решился на собственную игру. Все настойчивее и решительнее он стал подчеркивать свою особую роль проводника официальной линии ЦК и лично Сталина в философской науке, стремясь убедить кремлевское руководство в том, что если Митин и Белецкий превратились в некий ходячий идейный антиквариат из 30-х годов, а время Александра как пропагандиста-философа закончилось вскоре после войны, то его идеологическому потенциалу еще только предстоит раскрыться. Как и все маргиналы, получившие шанс сделать головокружительную карьеру, Чесноков не был особенно щепетилен в выборе средств борьбы. Он принялся исподтишка нападать то на «митинцев», критикуя их за ортодоксальный догматизм, то на «александровцев», инкриминируя им «академический объективизм». Причем и те и другие выставлялись им в глазах руководства как «заславшиеся вельможи», получившие в свое время «от партии высокие академические звания и не давшие ей и народу, начиная с середины 30-х годов, ни одной серьезной философской книги и не разработавшие ни одной важной проблемы марксистской теории»¹¹⁸.

Такая тактика закулисной борьбы на два фронта вскоре привела к тому, что на Чеснокова посыпались ответные удары с обеих сторон. Оказавшись между двух огней (поскольку нейтралов не любят все), 5 июля 1949 г. он обратился за поддержкой к покровительствовавшему ему Суслову.

«Приступая к работе в редакции журнала «Вопросы философии», — писал Чесноков в ЦК, — я в некоторой мере предвидел, что окажусь объектом групповых наскоков со стороны ряда товарищей, и прежде всего со

стороны групп Александра и Белецкого — Митина. Однако я не ожидал, что при этом будут применяться недобросовестные приемы, в частности, такие, как необъективная информация Центрального Комитета партии. Я прошу Центральный Комитет партии оградить меня от таких приемов»¹¹⁹.

Помощь сверху пришла не сразу. Александрову тем временем удалось сместить Чеснокова с поста своего заместителя в Институте философии, а потом избавиться от другого заместителя — Ф.Н. Константинова, выступившего на стороне Чеснокова. Однако 13 сентября в «Правде» появилась статья, поддерживавшая редактора «Вопросов философии». Теперь Чесноков, взятый под защиту Агитпропом, мог вроде бы торжествовать. Но его победа не была полной. Тогда же Сталин отверг предложение Ю. Жданова о смещении Александра с поста директора Института философии. Правда, летом 1950 года другой противник Чеснокова, Митин, решением политбюро был отправлен в Бухарест исполнять обязанности шеф-редактора газеты «За прочный мир, за народную демократию!». Но произошло это, скорее, не вследствие интриг на «философском фронте» (хотя и этот момент не исключается*), а потому, что необходимо было заменить кем-то прежнего руководителя газеты П.Ф. Юдина, который был отозван Сталиным в Москву и включен в комиссию по подготовке учебника по политэкономии¹²⁰.

Между тем Чесноков бодро карабкался к вершине номенклатурной власти. В 1951 году за книгу «Мировоззрение А.И. Герцена» ему была присуждена Сталинская премия третьей степени. В июле следующего года его назначили заведующим вновь образованного в ЦК отдела по экономическим и историческим наукам. А спустя несколько месяцев, в октябре, он был избран даже членом президиума ЦК КПСС и стал главным редактором журнала «Большевик», переименованного в «Коммунист». Стремясь использовать себе во благо полученную власть, Чесноков еще раз попытался расквитаться с Александровым. Примерно тогда же он вместе с Ю. Ждановым уведомили Маленкова о том, что Александров продолжает поддерживать «космополитов» Кедрова, Крывелева, Селектора, Каменского и «травит» Максимова и других своих оппонентов. Поэтому предлагалось освободить Александра от руководства философской кафедрой в АОН. Однако никаких негативных последствий для последнего, с которым

* Осенью 1949 года к Суслову с доносом на Митина обратился Б.М. Кедров, работавший тогда заведующим редакцией естествознания и техники издательства Большой советской энциклопедии. Мстя своему обидчику, он обвинил его как члена главной редакции БСЭ в попустительстве старшему редактору, профессору Б.Э. Быховскому, который, работая над философским словарем и «отдавая дань еврейскому национализму, придумал новый вид «еврейской философии», к которой отнес великого голландского философа Спинозу...». Вскоре Быховского наряду с другими «политически сомнительными лицами» еврейской национальности убрали из редакции (121).

Маленков отнюдь не горел желанием расправиться, это обращение не возымело. Александров продолжал возглавлять Институт философии и заниматься интригами, не упуская из виду, конечно, и обычные текущие дела. В конце того же 1952-го он обратился, например, к Сулову с просьбой разрешить члену ЦК Коммунистической партии Франции Р. Гароди защиту в Институте философии докторской диссертации на тему «Материалистическая теория познания»¹²². Так пересеклись очень непохожие друг на друга судьбы двух амбициозных идеологов. Александрову вскоре был уготован, как увидим далее, позорный и жалкий конец. Что же касается Гароди, то противоречивый и извилистый жизненный путь этого поначалу сталиниста, потом (с конца 60-х) коммунистического диссидента, а ныне скандального разоблачителя «сионистского мифа» о холокосте до сих пор не окончен.

ЭКОНОМИКА

Послевоенная чистка в этой сфере, в том числе и ее антиеврейская ипостась, была связана главным образом с такой противоречивой и трагической политической фигурой, как председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. Став зимой 1947 года членом политбюро, он совместно с Агитпропом организовал летом того же года с благословения Жданова шумную, с обвинительным уклоном дискуссию по книге директора Института мирового хозяйства и мировой политики академика Е.И. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» (1946 г.)*. Этот крупный ученый, давно уже вызывавший раздражение у чиновников со Старой площади, оказывается, позволил себе в «объективистском» и «буржуазно-реформистском» духе утверждать, что в 1941–1945 годах произошло «смягчение» и даже «приостановление» борьбы двух социальных систем в антигитлеровском лагере, что в годы войны в капиталистических государствах возросла роль государства, которое стало внедрять в экономику социалистические плановые начала, а также самое «крамольное» (проповедь «оппортунистической теории» «организованного капитализма») — что капитализм показал себя постоянно развивающейся формацией, способной преодолевать проблемы, порожденные всемирным кризисом этой системы.

* В конце 1948 года Варгу обвинили еще в одной «ереси». Тогда, выступая на совещании экономистов, он заявил, что «темпы восстановления и преодоления «кризиса недопроизводства», а также предотвращение или ограничение инфляции в Европе зависят в первую очередь от экспорта американского капитала в Европу. Немедленно после этого Ю. Жданов доложил Маленкову о том, что академик «стоит на позициях оправдания “плана Маршалла”» (123).

Не сделав «должных» выводов из критики и тем самым отказываясь мыслить в рамках заскорузлой догматики, Варга вскоре представил наверх подготовленные его институтом экономические рекомендации, в которых предлагалось сосредоточить усилия на консолидации народнохозяйственного комплекса страны и отказаться от распыления ресурсов на освоение экономического потенциала Восточной Европы, чреватого, помимо прочего, политическими осложнениями с Западом¹²⁴. Этот совет академика стал последней каплей, переполнившей чашу терпения кремлевского руководства. 18 сентября постановлением политбюро Варгу сместили с должности руководителя ИМХиМП, а сам этот научный центр был слит с Институтом экономики. Созданный таким образом единый Институт экономики во главе с членом-корреспондентом К.В. Островитяновым хоть формально и был оставлен в академической системе, но фактическое («научно-организационное») руководство им стал осуществлять Госплан СССР¹²⁵.

Но прошло не так уж много времени, и гонитель сам превратился в жертву, что дало толчок новому витку чисток. После произошедшего в марте 1949-го изгнания Вознесенского из Госплана ориентировавшийся на него глава Агитпропа Шепилов стал предпринимать лихорадочные, но оказавшиеся в итоге малоэффективными усилия для собственного спасения. Некоторые из ведущих идеологов (заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Л.Ф. Ильичев, главный редактор «Большевика» П.Н. Федосеев) потом за глаза обвиняют его в принадлежности к экономической «шkolке» Вознесенского¹²⁶. Используя старые аппаратные приемы самовыживания, Шепилов старался прикрититься от направленного против него начальственного гнева с помощью козлов отпущения. В качестве таковых им были избраны руководство и ведущие сотрудники Института экономики, главным образом евреи (ведь шла антикосмополитическая кампания). Сразу после падения Вознесенского Шепилов стал бомбардировать Маленкова записками о необходимости «наведения порядка» в институте и редакции издававшегося им журнала «Вопросы экономики» И чем более усиливалось напряжение вокруг самого главы Агитпропа, тем яростнее он нападал на тех, кого наметил для отвлекающего жертвоприношения. 7 июля Шепилов представил Маленкову обстоятельный и пространственный донос на «ставленника» Вознесенского на посту директора Института экономики Островитянова, якобы неспособного и не желающего ликвидировать «монопольное» положение группы ученых, «захвативших» ключевые позиции в экономической науке и препятствующих выдвижению новых научных кадров. По этой причине, как утверждалось в записке, «не дается острой критики буржуазно-реформистских и космополитических ошибок» в трудах академика И.А. Трахтенберга, а также в работах Л.Я. Эвентова, В.И. Каплана

(Лана)*, М.Л. Бокшицкого, И.М. Лемина, С.А. Выгодского и других авторов, посвященных экономике западных стран. Что же касалось разработки вопросов политической экономии строительства социализма в СССР, то тут Шепилов углядел наличие «абстрактно-схоластического подхода» в работах Л.М. Гатовского**, А.И. Ноткина и Г.А. Козлова. Ну и как венце обвинений — сакральный вывод о том, что «состав научных работников института политически все еще засорен выходцами из чуждых и враждебных партий: бывшими троцкистами, бундовцами, исключенными из партии». К таковым Шепилов причислил всех остальных евреев института, в том числе И.М. Файнгара, и А.С. Мендельсона¹²⁷.

Большую помощь Шепилову в выметании кадрового «сора» из Института экономики оказал академик Л.Н. Иванов, назначенный в 1949 году, видимо, в награду за неутомимую борьбу за чистоту рядов советских экономистов заместителем по кадрам академик-секретаря отделения экономики и права АН СССР. Ведь не зря же тот начиная с 1943 года регулярно информировал «инстанцию» о «враждебных идеологических взглядах и их носителях» в области экономической науки. Много сил Иванов вложил и в подготовку проекта решения «Об Институте экономики Академии наук СССР», который 15 июля Шепилов провел через секретариат ЦК. Однако «отвлекающие маневры» не спасли главу Агитпропа. Буквально через пять дней, как уже отмечалось выше, Маленкову наконец удалось «выдавить» его из ЦК. Оказавшись без работы, он провел несколько месяцев в мучительных переживаниях, пока в начале 1950 года о нем не вспомнил Сталин, назначив на должность инспектора ЦК и введя вскоре в комиссию по подготовке учебника по политэкономии.

Но это произойдет потом, а пока под тяжестью обвинений, содержащихся в подготовленном Шепиловым постановлении от 15 июля 1949 г., директор Института экономики Островитянов вынужден был прибегнуть к самобичеванию. Отчитываясь 25 июля перед Маленковым и Суловым, он критиковал себя за то, что из 24 работавших в институте членов-корреспондентов и докторов наук было только

* Автор крупных монографий об экономике США Каплан был вскоре изгнан из Института экономики, после чего какое-то время работал в Обществе по распространению политических и научных знаний. В 1950 году его выставили и оттуда, дав направление на работу в Среднюю Азию. Но и там оказалось небезопасно. 26 февраля 1953 г. Каплана, тогда преподавателя политэкономии Фрунзенского медицинского института (Киргизия), арестовали как американского шпиона.

** Профессору Гатовскому каким-то чудом удалось удержаться в Институте экономики, однако в июле—сентябре 1949 года его вывели из редколлегии «Большевика», сняли с должности руководителя кафедры советской экономики в Высшей партийной школе и отстранили от преподавания в АОН при ЦК ВКП(б).

12 русских, тогда как евреев — десять, плюс два представителя других национальностей. Не мог похвастаться Островитянов и национальной структурой кадров старших научных сотрудников, которых в институте насчитывалось 83 человека (44 русских, 34 еврея, пять представителей других национальностей). Эта статистика стала темой обсуждения на расширенном заседании президиума АН СССР 25 августа. В принятом по его итогам решении подчеркивалось, что «среди научных сотрудников Института экономики слабо представлены ученые русской национальности». Не обошлось и без «орговыводов». Сначала в ЦК рассматривался вопрос об отставке Островитянова, но потом решили ограничиться тем, что забаллотировали его избрание в академики. Однако увольнения не избежали заместители директора института Г.А. Козлов и В.А. Масленников¹²⁸.

ПРАВО

В юриспруденции, как и в экономике, старт кадровым разбирательствам с антисемитским подтекстом был дан шумным развенчанием наиболее авторитетного ученого еврейского происхождения. Роль главной жертвы была уготована директору Института права АН СССР академику И.П. Трайнину, нападки на которого начались еще в январе 1948 года. Тогда «за серьезные недостатки в работе» ему было объявлено партийное взыскание. А в феврале его сместили с поста директора института, который он возглавлял с 1942 года. Причиной такого сурового наказания, судя по всему, стало то, что, увлекшись после войны темой правового построения государств так называемой народной демократии и «не заметив» существенно усилившегося в 1947 году в мире политического похолодания, он неосмотрительно решился на довольно либеральные высказывания. В частности, ученый утверждал, что в странах народной демократии социализм можно построить без монополизации власти коммунистами, на основе политического союза левых и социалистических партий.

На сей раз Трайнину не помогли неоднократно спасавшие его ранее в похожих ситуациях прежние заслуги перед партией и славное революционное прошлое. К тому же динозавры романтического до-революционного большевизма, не изощренные в аппаратной казуистике и риторике, давно уже были не в чести у циничных партфункционеров со Старой площади. Их, в большинстве своем вступивших в партию в 20-е годы, мало волновали факты биографии ученого, 17-летним пареньком примкнувшего в 1904-м к большевикам, а через два года арестованного за подпольную деятельность и заключенного в качестве политузника в рижскую тюрьму. Потом были побег из ссылки и нелегальная эмиграция в США. Там, в Нью-Йорке, он устроился рабочим в еврейскую типографию. А в 1907-м Трайнин вновь

пересек океан, на сей раз в обратном направлении. В Европе его ждала снова полная трудов и лишений жизнь рабочего-политэмигранта, завершившаяся интернированием в годы Первой мировой войны в Париже за антивоенную пропаганду. Весь этот «революционный позитив» в биографии Трайнина воспринимался цеховскими кадровиками как нечто малосущественное. Ведь перед ними стояла задача обосновать увольнение академика, и потому их в его прошлом интересовал только «негатив». Добиться искомого они смогли, раздув факт исключения Трайнина из партии на восемь месяцев в 1918 году. Тогда он поплатился за «рenegатское» обращение ко всем партиям социалистической ориентации с призывом поддержать Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) в Самаре. Но вряд ли чиновники решились бы сами на дискредитацию маститого ученого, работавшего в начале 20-х годов под непосредственным руководством Сталина в Наркомнаце (редактировал газету «Жизнь национальностей»), а в 1939-м избранного (надо полагать, не без содействия вождя) академиком без наличия даже среднего образования*.

За то, что отставка Трайнина произошла с ведома и согласия Сталина, говорит примененная в данном случае его «фирменная» технология постепенного, «дозированного» развенчания впавшего в немилость авторитета. Перестав быть директором Института права, Трайнин тем не менее продолжал оставаться академиком-секретарем отделения экономики и права АН СССР, редактором журнала «Известия отделения экономики и права», председателем правовой подкомиссии комитета по Сталинским премиям и сохранил за собой ряд других важных постов.

Тем временем вновь возглавивший Институт права член-корреспондент Е.А. Коровин, следуя директиве секретаря ЦК А.А. Кузнецова, развернул кадровую чистку. Сначала вместо члена-корреспондента М.А. Аржанова (Зильбермана) был избран новый секретарь парторганизации института. Затем оттуда были удалены бывший «член сионистской организации» (в 1916–1920 гг.) З.И. Шкундин, который находился на должности ученого секретаря, а также целый ряд научных сотрудников с еврейскими фамилиями. Нечто подобное вскоре началось и на юридическом факультете МГУ, где под сурдинку рассуждений о необходимости «коренизации аппарата» (профессор А.И. Денисов) особую ретивость проявил декан факультета Ф.И. Кожевников. Реакцией на его откровенно антисемитские действия стала анонимная жалоба, направленная в мае 1948-го в Комиссию партийного контроля Шкирятову от имени группы студентов старших курсов юрфакта, евреев и русских, в большинстве своем инвалидов войны.

* Правда, Трайнин в 1911–1913 годах был вольнослушателем в университетах Парижа и Женевы.

«Нами замечено, — писали они, — что администрация нашего факультета в последнее время проводит по отношению к лицам еврейской национальности особую тактику, направленную на недопущение на факультет и на выживание со студенческой скамьи евреев, на недопущение евреев в аспирантуру, на недопущение и выживание евреев с преподавательских постов... Такая линия проводится настолько явно и развязно, что являет собой не характер личного недоброжелательства к евреям, а характер санкционированной свыше новой политики... Неужели это новая политика нашего государства, политика дискриминации наций? Мы считаем это невозможным, так как такой крен вправо был бы чреват гибельными последствиями для нашей партии и государства — так учат Ленин и Сталин. ... Не дойдет ли это веяние до таких же форм, как политика фашизма, если не пресечь его на ранних ступенях развития?»¹²⁹

С началом пропагандистского похода против космополитов травля Трайнина и других правоведа еврейского происхождения заметно усилилась. На состоявшемся 6–7 апреля 1949 г. в Институте права партийном собрании было принято обращение в президиум Академии наук СССР с требованием сместить Трайнина со всех академических постов, что подкреплялось не только обвинением академика в «засорении» юридических кадров бывшими сионистами, троцкистами, бундовцами и меньшевиками, но и причислением к его «наиболее близким соработникам» некоего С.А. Покровского. Последний представлял собой довольно темную личность. Выходец из семьи священнослужителей, он тем не менее сумел как-то втереться в доверие к большевистской власти и в начале 30-х стал личным секретарем Г.Е. Зиновьева. Потом как примкнувшего к оппозиции его сослали на какое-то время в Уфу. Возвратившись в последствии в Москву, Покровский стал негласно сотрудничать с органами госбезопасности, причем чтобы услужить им, прибегал к такому грязному методу, как провокация. Некоторые вызванные им на откровенность, а потом оговоренные жертвы, в том числе аспирант Института права В.Я. Лифшиц, заплатились жизнями за свою излишнюю доверчивость. Хулители Трайнина, разумеется, могли только догадываться тогда об этой тайной стороне жизни Покровского, но зато в конце 1948 года, после выхода в свет очередного тома сочинений вождя, им, да и всей стране стало известно о нем нечто другое. Оказывается, в 1927 году Покровский, вступив в переписку со Сталиным, позволил себе не согласиться с ним по некоторым вопросам истории партии, за что в «Ответе С. Покровскому» был назван вождем «самовлюбленным нахалом, ставящим «интересы» своей персоны выше интересов истины»¹³⁰.

Вот это «лыко» и было поставлено в «строку» обвинений против якобы протезировавшего Покровскому Трайнина, который, не вы-

* 7 мая Шкирятов направил этот документ в Агитпроп Шепилову, по распоряжению которого он 27 мая был «сплавлен» в архив.

держав грубых словесных издевательств, скончался летом 1949 года. После этого начались нападки на «представителей трайнинской космополитической школы». Такой ярлык был припилен тогда ко многим видным специалистам-правоведам еврейского происхождения, в том числе к М.А. Аражанову, И.Д. Левину, М.С. Строговичу (последнему инкриминировали низкопоклонство перед англо-американской юстицией и юриспруденцией), А.Н. Трайнину¹³¹. Всех их рано или поздно выжили из Института права, с кафедр МГУ и юридических вузов. Особенно яростный характер имели нападки на однофамильца И.П. Трайнина, члена-корреспондента А.Н. Трайнина, руководившего сектором уголовного права. Интересно, что в 20-е годы он обосновал исходя из принципа «аналогий»* возможность применения «уголовной репрессии» и при отсутствии «вины». После войны его вместе со Строговичем командировали в Нюрнберг в качестве консультанта советских представителей на процессе над 24 главными нацистскими преступниками. Симпатизировавший Трайнину Михозелс, который привлек его вместе с Эренбургом к работе с материалами для «Черной книги», часто говаривал о нем: «Наш Арон держится героем». Потом Трайнину припомнили это, как, впрочем, и многое другое. Так, собирая компромат на ученого, в августе 1950 года в Агитпропе даже разыскали в архиве его статью за 1918 год в еженедельнике «Новый путь». Из нее были извлечены и направлены с соответствующим комментарием Сулову следующие строчки по поводу произошедшей тогда кончины известного адвоката и бывшего депутата I Государственной думы В.Р. Якубсона: «Владимир Романович верил в свой народ, верил в его прекрасную мечту о Сионе»¹³².

Примерно тогда же директор Института права Коровин** доложил Маленкову как о значительном своем достижении то, что ему удалось довести в 1950-м долю принятых в аспирантуру евреев до 8%, тогда как годом ранее таковая составляла 50%. Похвастался он и тем, что «укрепил» кадровый состав института, назначив новым заведующим сектором теории государства и права Г.И. Федькина,

* См.: Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. (М., 1929. — С. 260–261). Опираясь на принцип «аналогий», советская юстиция, например, на основании закона от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов «обосновала» необходимость привлечения к уголовной ответственности лиц, совершавших обряд обрезания, который формально не считался преступлением.

** Однако несмотря на нарочитую демонстрацию верноподданничества старый интеллигент Коровин, получивший высшее образование еще до революции, не смог удержаться на посту директора. В 1952 году в ЦК из института пошли доносы, в которых он именовался «кадетом». Тогда же его сняли, заменив П.Е. Орловским, до того работавшим заместителем председателя Верховного суда СССР.

возглавлявшего ранее главное управление юридическими вузами Министерства высшего образования СССР¹³³.

Это было достойное того времени приобретение для института. Свой яркий антисемитизм Федькин проявил начиная с 1948 года, когда руководил Московским юридическим институтом. В этом вузе юдофобия достигла максимальной отметки после того, как в августе 1949 года его проверила комиссия Краснопресненского райкома партии, которая доложила в ЦК об «угрожающей» национальной структуре профессорско-преподавательского (74 русских, 56 евреев, 12 представителей других национальностей) и студенческо-аспирантского (1685 русских, 385 евреев, 55 украинцев и 188 представителей других национальностей) состава. Главная вина за такое «серьезное упущение» была возложена на бывшего директора Б.Я. Арсеньева (Лейбмана), который с 1901 по 1919 год состоял в меньшевистской партии. Вскоре Арсеньев, а также другие участники «группировки космополитов» — заведующий кафедрой политэкономии Я.И. Пеккер (в 30-х г. был помощником Лозовского в Профинтерне), заведующий кафедрой марксизма-ленинизма А.Л. Угрюмов (фамилия приемных родителей), заведующий криминалистической лабораторией Е.У. Зицер, доцент И.Б. Стерник — были уволены из института.

Отличившийся на «кадровом фронте» Федькин пошел «на повышение» в Минвуз СССР, а его преемником на посту директора Московского юридического института стал Ф.М. Бутов, который, будучи в 1944–1946 годах председателем бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии, нес свою долю вины за поразивший эту республику послевоенный страшный голод. При нем, щеголявшем в велюровой шляпе и шерстяном двубортном костюме с брюками, заправленными в хромовые сапоги, антиеврейские гонения в институте еще более усилились. Это было торжество вульгарного провинциализма, от которого пострадали и русские интеллигенты, особенно те, кто выступил в защиту коллег еврейского происхождения: профессор А.А. Пионтковский, возглавлявший кафедру уголовного права, П.Г. Кожевникова, которая за свою позицию была смещена с поста секретаря партбюро института и др. Проверявшая в 1950 году Московский юридический институт комиссия отдела пропаганды и агитации ЦК всецело поддержала действия его администрации. Маленкову тогда было доложено, что «назрела острая необходимость оздоровления преподавательского состава за счет привлечения на работу в институт новых проверенных и растущих кадров и очищения института от преподавателей, не пригодных для работы по политическим и деловым качествам»¹³⁴.

Происходившее в юридической науке и образовании мало чем отличалось от того, что творилось в сфере практического правоприменения, в том числе в деятельности Прокуратуры СССР. Там анти-

еврейская чистка начала набирать обороты с декабря 1949 года*, когда, как уже отмечалось выше, отсюда был уволен Л.Р. Шейнин, долгое время возглавлявший следственный отдел. Остракизму подвергся также его заместитель И.М. Брославский. Радикальное кадровое обновление правоохранительных органов, предпринятое Сталиным после ареста Абакумова, как бы придало чисткам в прокуратуре второе дыхание. В августе 1951 года был снят с должности старший помощник генерального прокурора М.Ю. Рагинский, принимавший в 1946 году участие в Нюрнбергском процессе в ранге заместителя главного обвинителя от СССР. В декабре та же участь постигла заместителя начальника отдела по надзору за органами милиции М.З. Альтшуллера, а в январе 1952 года — прокурора отдела по спецделам М.Я. Львова.

Тогда же кампания очищения органов надзора за соблюдением законности в стране захватила и Московскую городскую прокуратуру. Произошло это после того, как, выступив в феврале 1952 года на заседании бюро горкома партии, Хрущев призвал ликвидировать «засоренность» в столичных прокурорских органах. В ходе последовавших увольнений в июне был смещен со своего поста первый заместитель прокурора Москвы И.Б. Каганович, хотя тот особенно и не жаловал подчиненных-евреев и относился к ним намного суровее, чем к русским сотрудникам. Возможно, что его отставка была вызвана не только национальным мотивом, но и тем немаловажным обстоятельством, что Хрущев, сняв тогда же прокурора города А.Н. Васильева, решил на всякий случай полностью «освежить» ру-

* Тогда же был снят с работы военный прокурор Н.В. Зайцев, прикомандированный к следственному отделу Прокуратуры СССР. Этот еще молодой и внешне привлекательный человек имел неосторожность влюбиться в свою подследственную, побочную дочь известного кинорежиссера Ю.Я. Райзмана, многократного лауреата Сталинской премии, но в 1948–1949 годах попавшего в опалу за «скучную комедию» «Поезд идет на Восток» (автор сценария «космополит» Л.А. Малюгин), «сработанную» якобы «по американским рецептам». По всей видимости, это было действительно неординарное чувство. Даже после того как дочери режиссера был вынесен приговор и ее отправили в один из подмосковных лагерей строгого режима, Зайцев нашел возможность видеться с ней. С помощью взяток и под предлогом необходимости «проведения воспитательной работы» он добился от лагерной администрации разрешения оставаться со своей возлюбленной наедине. Узнице привозились цветы, сладости, книги, другие подарки, а свидания нередко заканчивались под утро. Эта романтическая история, напоминающая сюжет одного из нашумевших фильмов Лилианы Кавани о страстной любви между эсэсовцем-охранником и молодой еврейкой из концлагеря, закончилась печально. Кто-то донес об этих встречах начальству. После чего дочь Райзмана перевели в отдаленный лагерь, а Зайцева с позором изгнали из партии и органов. Еще в 70-е годы он работал на московских стройках бригадиром и прорабом. Потом его следы затерялись...

ководство столичной прокуратуры. Вообще же выживание евреев из этой сферы не отличалось особой изобретательностью и деликатностью. В начале августа в отдел кадров московской прокуратуры почти одновременно были вызваны более 20 следователей и помощников районных прокуроров еврейской национальности. Всем им без объяснений причин предложили уволиться «по собственному желанию». Тем, кто не согласился подать сразу же соответствующие заявления, было сказано, что их все равно уволят, но с такой формулировкой, что потом их вряд ли где-либо возьмут на работу. Именно так поступили со следователем прокуратуры Ждановского района столицы И.И. Наумовым, отказавшимся уйти «по собственному желанию»: от него избавились, сославшись на «обнаружившуюся непригодность к работе». После нескольких безрезультатных попыток восстановиться на прежнем месте он понял, что в дело вмешалась политика (каждому увольняемому заявлялось о согласовании соответствующего приказа с партийными органами) и потому на соблюдение официальной законности рассчитывать нельзя¹³⁵.

ИСТОРИЯ

Высказанная когда-то Д. Оруэллом мысль: кто контролирует прошлое, тот контролирует и настоящее, удивительно точно отражала суть происходившего в советской исторической науке в период антикосмополитической кампании. Не случайно старт начавшейся тогда кадровой «разборке» в этой сфере был дан в АОН при ЦК ВКП(б), ведущем идеологическом учреждении партии. С 11 по 16 марта 1949 г. там состоялось расширенное объединенное заседание кафедр истории СССР, всеобщей истории и истории международных отношений, на котором было объявлено о выявлении «кучки» («группки») «безродных космополитов», «пытавшейся вести вредную работу на научно-историческом участке идеологического фронта». 17 марта эстафета разоблачений историков-«антипатриотов» была подхвачена закрытым партийным собранием исторического факультета МГУ. А в 20-х числах тем же самым занялись ученые советы Института истории АН СССР и истфака Московского университета. Главной мишенью обвинений, прозвучавших в стенах этих учреждений, стал академик И.И. Минц, названный предводителем антипатриотов от истории. Поскольку тот был заместителем академика-секретаря отделения истории и философии АН СССР, ответственным секретарем главной редакции многоименной «Истории гражданской войны в СССР» («ИГВ»), а также возглавлял кафедры истории СССР в МГУ, ВПШ при ЦК ВКП(б), сектор истории советского общества в Институте истории АН СССР, руководил подготовкой аспирантов в АОН и занимал ряд других ключевых постов, первым делом ему вменили

в вину то, что он монополизировал в своих руках разработку истории советского общества. О том, что эта «монополизация» произошла по воле власти, никто, разумеется, даже не заикнулся. Минца упрекали также в насаждении семейственности, в низкой результативности труда (подготовил два тома «ИГВ» за 18 лет работы). Но наиболее серьезными обвинениями против академика были идеологические: умалил роль русского народа и его авангарда — русского рабочего класса в новейшей истории; в качестве ученика М.Н. Покровского еще в 1928 году доказывал, что основоположниками русской исторической науки были ученые немецкого происхождения; в статье «Ленин и развитие советской исторической науки», опубликованной в первом номере журнала «Вопросы истории» за 1949 год, утверждал, что не Ленин и Сталин, а его ближайшие ученики И.М. Разгон, Е.Н. Городецкий и Э.Б. Генкина положили начало изучению советского периода отечественной науки. Из последних наиболее сильный удар принял на себя профессор Разгон, который был заместителем Минца в секретариате главной редакции «ИГВ». Ему приписали «извращенный анализ» взаимоотношений русских с осетинами и чеченцами в работе «Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе» (1941 г.) и другие научные прегрешения. «За космополитические взгляды и антипатриотическую деятельность» Разгона исключили из партии и выгнали с работы. После этого он вынужден был уехать в Томск, где почти до самой своей кончины в 1987 году возглавлял в тамошнем университете кафедру истории СССР.

По заведенному в ходе сталинских чисток ритуалу публично повиниться в своих ошибках должны были не только главные обвиняемые, но и работавшие непосредственно с ними коллеги. Повинуясь этому неписаному правилу, наряду с другими покаялась и А.М. Панкратова. Выступая, она сожалела о том, что, будучи сотрудником сектора советского общества Института истории, «своевременно не проявила большевистской принципиальности и не повела борьбы с космополитическими ошибками» Минца. Наученная еще в 1943–1944 годах горьким опытом аппаратной стычки с тогдашним руководством Агитпропа, поддерживавшим историков-«великодержавников», на сей раз она быстро сориентировалась в похожей ситуации и, вынужденная действовать в духе конформистской гибкости, опубликовала в 1952 году написанную в популярной форме книгу «Великий русский народ». Сталину издание понравилось, и он включил его автора в состав ЦК КПСС. К чести Панкратовой, чья жизнь была наполнена трагическими испытаниями и незаурядными научными достижениями, следует отметить, что у нее (и, может быть, еще у М.В. Нечкиной) хватило мужества не отшатнуться от Минца, как от зачумленного, подобно тому, как это сделали многие другие известные историки. По свидетельству историка Е.Г. Гимпельсона,

Панкратова не побоялась морально поддержать Минца в самое трудное для него время, придя однажды в начале 50-х домой к опальному ученому и поздравив его с днем рождения.

Однако случаи проявления подобного благородства были довольно редки, зато сплошь и рядом действовало житейское правило: оступившегося толкни. В этом плане не составляло исключения общество советских историков. Наибольшую активность в травле Минца и его сторонников проявил проректор МГУ А.Л. Сидоров, который, видимо, таким образом оправдывал доверие ЦК, назначившего его 25 декабря 1948 г. (вместо Минца) заведующим университетской кафедрой истории народов СССР. Хорошо знавшие Сидорова люди говорили, что это была по-своему достойная личность (хотя бы уже потому, что в 1941-м он добровольцем пошел на фронт), а также «умный и знающий» ученый, но при всем при том человек «в разные годы жизни способный на многое*». Впрочем, искушение карьерой может выдержать далеко не каждый. Возможно, поэтому, заглушив в себе голос совести, Сидоров и в Институте истории, и в МГУ, и в АОН с энтузиазмом клеймил Минца, «забыв», что тот в годы войны отозвал его из действующей армии и включил в состав созданной при президиуме АН СССР комиссии по истории Великой Отечественной войны. Историк А.З. Манфред, которому в силу обстоятельств пришлось сначала, так сказать, пассивно соучаствовать в травле космополитов (голосованием за соответствующие резолюции), а потом как еврею испытать ее на себе**, сказал тогда одному из своих аспирантов: «Придет время, и мы с чувством горечи и стыда будем вспоминать то, что сейчас происходит»¹³⁶.

Процесс развенчания мэтра советской исторической науки и его «группки», чем-то напоминавший разгром школы М.Н. Покровского в середине 30-х годов, разумеется, направлялся со Старой площади. Там в отделе пропаганды и агитации концентрировался весь компромат на Минца, который потом докладывался Сталину и Маленкову. Занимавшиеся сбором и обработкой такого рода информации глава Агитпропа Шепилов и его «правая рука» Ю.А. Жданов (возглавлял сектор науки) в те дни доложили, например, в Кремль, что из 28 научных сотрудников секретариата главной редакции «ИГВ» русских — 8, евреев — 14, представителей других национальностей — 6. Принимая «соответствующие меры», ЦК сверху вниз по

* На это «многое» Сидорова отчасти, очевидно, понуждали «грехи» молодости: в 1936 году за поддержку Троцкого в 1923-м он был исключен из партии и восстановлен в ней только через год.

** В 1949–1950 годах Манфред был лишен возможности преподавать в МГУ, а также в Московском областном педагогическом институте, откуда был изгнан и его коллега по кафедре новой истории С.Д. Куницкий, в прошлом меньшевик и участник троцкистской оппозиции. В 1950 году последний был арестован и отправлен на 25 лет в лагерь.

административной цепочке — ЦК—горком—райком—первичная парторганизация — давал устные указания о «наведении порядка» с кадрами. Вот как секретарь парторганизации истфака МГУ П.В. Волобуев по-своему пересказал тогда одному из своих друзей-аспирантов то, что ему поведали при инструктаже в райкоме партии:

«... С еврейским засильем идет борьба. Партия очищается от евреев, им никакого доверия. Использовать только некоторых и только по узкой специальности. Никакого ходу в общественную жизнь... Максимально освободить учреждения от евреев».

По воле властей Минц и причисленные к его «группе» историки были изгнаны со всех прежних престижных мест работы*. Теперь они могли зарабатывать себе на жизнь в лучшем случае чтением лекций во второразрядных вузах. Однако Минца в партии все же оставили. Как ни странно, но изгнать его оттуда не позволил ЦК, который быстро пресек соответствующие попытки, предпринятые сторонами Сидорова в секретариате главной редакции «ИГВ», где Минц состоял на партийном учете. Скорее всего, «добить» бывшего научного «монополиста» не позволил Сталин, который, видимо, не сомневался в личной преданности ему Минца, хотя и разочаровался в нем как руководителе науки, ибо тот не справился с задачей создания трудов, достойных его, Сталина, вклада в советскую историю¹³⁷.

Наряду с Минцем и его учениками гнев распаленной властями научной общественности испытал на себе и профессор Н.Л. Рубинштейн, работавший вместе с ним на одной кафедре в МГУ. Еще в 1948 году был раскритикован и запрещен созданный им учебник «Русская историография» (1941 г.), признанный «буржуазно-объективистским». И вот теперь та же самая участь постигла еще одну его работу — статью «Развитие истории СССР», помещенную в Большой советской энциклопедии. Публичные раскаяния Рубинштейна в совершенных «грубых ошибках объективистского характера» не спасли его от изгнания из университета. Тогда же, в марте 1949-го, он вынужден был покинуть и пост научного руководителя Государственного исторического музея**¹³⁸.

* В частности, в 1950 году уволили из Института истории Э.Б. Генкину. Помимо того что ей инкриминировались «троцкистские колебания», имевшие место в 1921–1923 годы, подверглась разному рукописи подготовленной ею книги «Советское государство в первый год восстановительного периода (1921 г.)», где были обнаружены «зиновьевская формулировка» и ссылка на доклад арестованного С.А. Лозовского (139).

** С гонениями на Рубинштейна связан трагический уход из жизни бывшей аспирантки МГУ, молодой преподавательницы Ивановского педагогического института Н. Разумовской. На одном из собраний та попыталась вступить за объявленного космополитом Рубинштейна, однако подверглась таким нападкам со стороны коллег и руководства института, что, придя домой, наложила на себя руки (140).

Не менее яростным было осуждение некоторых специалистов (опять-таки главным образом еврейского происхождения) по истории зарубежных стран. Поскольку академик А.М. Деборин возглавлял тогда сектор новейшей истории Института истории, ему в очередной раз была уготована роль мальчика для идеологического битья. Теперь его обвинили в том, что он содействовал выпуску «порочной книги» своего сына, Г.А. Деборина, «Международные отношения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», да еще под грифом Академии наук. Сам же автор подвергся проработке по месту основной работы в Военно-политической академии им. Ленина, где историки в погонах заклеили его как апологета американского империализма. Но столь категоричное обвинение не вывело Г.А. Деборина из психологического равновесия. За плечами этого полковника-ученого стояла многому научившая его служба в годы войны в советском посольстве в Лондоне, где он тесно сотрудничал с органами госбезопасности. Опыт прошлого подсказал ему, как надо действовать теперь. 24 марта 1949 г. Деборин направил по сути донос в политотдел академии им. Ленина, в котором, покритиковав «для порядка» самого себя, обвинил профессоров И.С. Звавича, Л.И. Зубока, Б.Е. Штейна, А.А. Трояновского, Н.Л. Рубинштейна и других в том, что те своим «космополитическим влиянием» толкнули его на путь «роковых» ошибок. Больше всех, по мнению Деборина, «навредил» ему бывший посол в Англии академик И.М. Майский (Ляховецкий), который был рецензентом-консультантом его книги. Именно он, по словам доносителя, «распинался о необходимости максимальной объективности и тщательности в характеристике США и Англии», что и способствовало обелению в книге «злейших врагов Советского Союза и всего передового человечества», к числу которых он причислил и Ф. Рузвельта¹⁴¹. Это был далеко не первый выпад Деборина против бывшего высокопоставленного дипломата, который когда-то был его шефом. В 1948 году он сообщил в МГБ, что Майский «действовал в пользу империалистических интересов Англии». И потом, когда незадолго до смерти Сталина Майского арестовали и в мае 1955 года он предстал перед военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в измене родине, Деборин, выступив на процессе как свидетель, с обличительным пафосом заявил, указывая на скамью подсудимых:

«... Близость к Черчиллю, чья связь с Интеллидженс сервис общеизвестна, недостойна советского гражданина»¹⁴².

Вторым по значимости после Майского виновником идеологических ошибок, допущенных Дебориным в своей злополучной книге, тот назвал преподавателя МГУ Л.И. Зубока, который якобы без ведома и согласия автора поставил свою подпись в качестве редактора рукописи. Этот навет, впрочем, не сыграл сколько-нибудь важной

роли в уже шедшей всюду изощренной моральной порке Зубока и некоторых его коллег из числа еврейской профессуры: атаку на них спровоцировала сама их специализация на проблематике англо-американской новой и новейшей истории. Да и сама нестандартность биографии Зубока вызвала подозрение и раздражение у его обличителей. При царившей тогда в СССР ксенофобии многим казалось невероятным, что он, родившийся в 1894 году в местечке Радомишль на Украине и с 1913 по 1924 год находившийся в эмиграции в США, где, будучи сначала членом социалистической, а потом коммунистической партии, жил и работал в Филадельфии, мог после всего этого «спокойно» преподавать теперь в советском вузе. И совсем не удивительно, что обстоятельная монография Зубока «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. 1900–1939» (М.—Л., 1948) превратилась в начале 1949-го в объект огульной критики. Утверждалось, что автор с чрезмерной симпатией оценивает государственную деятельность президента Ф. Рузвельта и «затушевывает» экспансионистский колониальный характер его внешнеполитической доктрины «добраго соседа», провозглашенной в 1933 году. К тому же ученого упрекали за то, что он охарактеризовал Ч.Э. Хьюза, государственного секретаря США в 1921–1925 годах, как поборника независимости Мексики, тогда как Сталин ранее награждал его эпитетом «висельник Юз»¹⁴³.

Лишившись работы сначала в университете, потом в ВПШ, АОН и в конце концов совсем оказавшись не у дел, Зубок ждал ареста. Однако самого худшего не произошло. Согласно наивному семейному преданию, беду отвратило заступничество Светланы Сталиной, которая училась у профессора на историческом факультете. На самом деле Зубока не тронули, возможно, потому, что арестованные Лозовский и Юзefович, которые знали его с конца 20-х годов по совместной работе в Профинтерне, решительно отрицали на допросах какую-либо вовлеченность историка в антисоветскую деятельность¹⁴⁴.

По аналогичному сценарию расправились с профессором И.С. Звавичем, работавшим вместе с Зубоком на одной кафедре в университете. Его брошюра «Лейбористская партия Англии, ее программа и политика» (М., 1947) была запрещена Главлитом из-за «социал-реформистской» позиции автора, «не разоблачившего английский лейборизм как прямую агентуру черчиллевского империализма». Изгнанный отовсюду, лишенный средств к существованию Звавич вынужден был покинуть Москву и переехать в далекий Ташкент, где преподавал в Среднеазиатском университете, пока не умер в мае 1950 года от инсульта¹⁴⁵.

Через три года после того, как отшумела антикосмополитическая кампания, жертвой ее последствий стал историк и дипломат Б.Е. Штейн, который хорошо знал Зубока и Звавича по совместному преподаванию в АОН. В апреле 1952 года в журнале «Большевик»

появилась вдруг разгромная рецензия на его книгу «Буржуазные фальсификаторы истории (1919–1939)» (М., 1951), в которой утверждалось, что монография-де пронизана «духом лженаучного объективизма». Ругательная статья, надо полагать, появилась не просто так. Ведь еще в марте Штейна, чуть ли не последнего из работавших в МИД СССР евреев, уволили оттуда, воспользовавшись предложением, что с апреля 1918 по январь 1919 года тот состоял в партии меньшевиков. А 18 сентября секретариат ЦК одобрил предложение нового ректора АОН Д.И. Надточеева выставить Штейна из этого идеологического учреждения. Примерно тогда же он был исключен из партии и лишился последнего места работы в Высшей дипломатической школе МИД СССР, где преподавал в течение 13 лет¹⁴⁶.

Навешивая на одних историков ярлыки космополитов и антипатриотов и подвергая их затем остракизму, организаторы шовинистической истории не упускали из виду и тех, кто не порывал отношений с коллегами, ставшими вдруг социально неприкасаемыми, или недостаточно усердно, лишь профформы ради, критиковал их на собраниях. К этой категории, так сказать, сочувствующих гонимым, принадлежали, главным образом, представители вымирающей элиты дореволюционной русской профессуры, познавшей на себе за годы советской власти, что значит превратиться в объект общественной травли. За такого рода неконформизм их, правда, не выгоняли с работы, но при всяком удобном случае распекали, заставляя каяться «за связь» с «космополитами». В МГУ подобным образом поступили с профессором Р.Ю. Виппером, читавшим «идеалистический» курс истории христианства, академиком Е.А. Косминским, заведовавшим кафедрой истории средних веков. Даже академик Е.В. Тарле, трижды награжденный в 40-х годах Сталинской премией*, тоже оказался не застрахованным от нападков. Его имя наряду с именами других историков — Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайнштейна, Л.И. Зубока, З.К. Эггерт — «склонялось» в постановлении секретариата ЦК от 19 ноября 1949 г. «О недостатках в работе Института истории АН СССР». Видимо, на Старой площади решили чувствительно одернуть академика, допускающего непозволительные, на взгляд партаппарата, вольности как в научном творчестве, так и в жизни (например, посещение 14 марта 1945 г., в день поминовения жертв Холокоста московской синагоги). Особенно неуютно почувствовал себя Тарле, когда летом 1951 года с подачи Ю. Жданова (тогда уже заведующего отделом науки и вузов ЦК) в «Большевике» появилась статья директора Государственного Бородинского военно-исторического музея С.И. Кожухова, хлестко критиковавшая академика за «антипатриотическую» оценку роли М.И. Кутузова в войне 1812 года, дан-

* 16 ноября 1950 г. «Правда» сообщит о награждении Тарле в связи с 75-летием еще и орденом Ленина.

ную в вышедшей еще в 1939 году книге «Нашествие Наполеона на Россию»¹⁴⁷.

Быстро осознав всю опасность нависшей над ним угрозы, Тарле решил апеллировать к Сталину, памятуя, что именно тот защитил его в аналогичной ситуации конца 30-х годов. 15 сентября 1951 г. академик отправил из Ленинграда в Кремль свою челобитную, к которой приложил копию подготовленного им для публикации ответа на статью Кожухова. Заканчивалось это письмо своего рода провоцирующим утверждением: «Но для меня ясно, что без Вашего содействия этот ответ не будет напечатан в "Большевике"»¹⁴⁸.

Мольбы Тарле и на сей раз были благопринято восприняты диктатором, который ценил академика не только как даровитого историка, но и как талантливого политолога и публициста*. Через некоторое время в «Большевике» появилось ответное «Письмо в редакцию» Тарле, в котором парировались обвинения, возведенные на него ранее на страницах журнала, и давалась отповедь выступившему с ними оппоненту. Правда, чтобы как-то сохранить лицо, Агитпроп тут же в виде послесловия поместил редакционный комментарий, в котором хоть и с оговорками, но тем не менее достаточно прозрачно давал понять, что поддерживает критику Кожуховым «серьезных ошибок» Тарле и в разгоревшейся дискуссии еще рано ставить точку¹⁴⁹. Так и произошло. Выступая в 1952 году с публичной лекцией (потом она выйдет в свет отдельной брошюрой), военный историк П.А. Жилин вновь озвучил старую критическую оценку «Нашествия Наполеона на Россию», добавив от себя, что «данная в этой книге Тарле трактовка стратегии Кутузова... по существу отражает взгляды иностранных фальсификаторов». Однако новая атака не застала Тарле врасплох, на нее он оперативно отреагировал мощным контрударом, обратившись 29 июля к Сулову с просьбой принять меры к прекращению ведущейся против него «клеветнической кампании», мешающей, по его словам, работе над трилогией «О борьбе русского народа против агрессоров в XVIII–XIX веках», подготавливаемой по заданию Сталина. Решительные действия ученого заставили его недругов пойти наконец на попятную. В августе он был приглашен на Старую площадь, где ему «разъяснили», что против него не ведется никакой кампании, и, кроме того, проинформировали, что Жилин уже вызывался «на ковер» и признал свое выступление ошибочным¹⁵⁰.

Зародившись в академических структурах и столичном университете, истерия очищения исторической науки от «скверны космо-

* В ноябре 1949 года Тарле опубликовал в «Большевике» (№ 21) хлесткую статью по поводу «фальсификации истории второй мировой войны англо-американскими историками». В ней он, в частности, со злым сарказмом отозвался об изданном в 1948 году госдепартаментом США сборнике документов «Нацистско-советские отношения в 1939–1941 гг.».

политизма» с самого начала, подобно опасной эпидемии, стала стремительно распространяться на другие ведомства и территории. С лета 1949 года лихорадка борьбы с антипатриотизмом захватила находившуюся в ведении ВЦСПС Высшую школу профдвижения. Там в числе первых указали на дверь преподавателю истории народов СССР, профессору И.П. Шмидту (Гольдшмит). Не найдя, очевидно, веских причин для обоснования своих действий, начальство прибегло к следующей иезуитской формулировке: «... В своих лекциях восхвалял русский империализм, доказывая, что на определенных этапах истории России он играл положительную роль»¹⁵¹.

От столицы не отставала и провинция, где преследование «космополитов» порой принимало еще более жесткие формы, чем в центре. По части драконовских методов расправы с неугодной интеллигенцией, в том числе и еврейской, пожалуй, лидировал Ленинград, где новое партийное руководство, особенно первый секретарь горкома и обкома В.М. Андрианов, всеми силами стремилось восстановить к городу на Неве доверие Сталина, изрядно подорванное в результате набравшего силу «ленинградского дела». Прежде всего сокрушительный удар был нанесен по преподавательскому составу Ленинградского государственного университета, который с 1941 года и до своего назначения министром просвещения РСФСР в 1948-м возглавлял А.А. Вознесенский, брат низложенного члена политбюро и председателя Госплана. Первым делом сместили декана исторического факультета молдаванина В.В. Мавродина. Его как председателя ученого совета обвинили в присвоении ученых степеней В.Я. Голанту, Е.И. Бернадской, в диссертациях которых обнаружались «грубые политические ошибки». Кроме того, Мавродину не простили, что он зачислил на истфак в качестве преподавателя известного кинорежиссера Л.З. Трауберга, которого позже в печати заклемили как космополита, а также других «не внушавших политического доверия» людей.

Еще более трагическая судьба была уготована другим университетским преподавателям, которые очутились в «большом доме» на Литейном (Ленинградском управлении МГБ). В числе арестованных профессоров оказались историки М.А. Гуковский, Л.П. Петерсон, О.Л. Вайнштейн, М.Б. Рабинович (ученик Тарле; попал за решетку за «разглашение военной тайны в период Великой Отечественной войны»), декан политико-экономического факультета В.В. Рейхардт, преподаватели политэкономии Я.С. Розенфельд (автор выпущенной в 1946 г. и потом раскритикованной книги «Промышленность США и война») и В.М. Штейн («троцкист», издавший в 1948 г. «Очерки развития русской общественно-экономической мысли в XIX — начале XX веков») ¹⁵².

Пострадали «космополиты» и в других городах. Из Киевского университета весной 1949 года уволили специалиста по новой и но-

вейшей истории Англии Л.Е. Кертмана, которому потом с большим трудом удалось пристроиться в Пермском университете. А из-за доноса бывшего студента Латвийского государственного университета в Риге А.Л. Витлина (крещеного еврея) началось разбирательство по поводу деятельности так называемой еврейско-сионистской группы, к которой был причислен ряд преподавателей и студентов университета. Организаторами и наиболее активными членами этой группы были объявлены декан исторического факультета, автор «Хрестоматии для комвузов» (1930 г.) С.А. Дудель, доцент того же факультета П.А. Гурвич¹⁵³, которому приписали «антисоветские разговоры о том, что антисемитизм в СССР насаждается сверху и его вдохновителями являются партийные и советские органы, вплоть до ЦК ВКП(б) и Советского правительства», и другие преподаватели.

Историческую науку усердно «чистили» вплоть до смерти Сталина, да и потом тоже, хотя и не так интенсивно. В последние месяцы правления диктатора особенно досталось Институту истории АН СССР. Повышенное внимание к нему чиновников со Старой площади было подогрето критикой на XIX съезде партии тех его специалистов, которые, как было сказано, «неправильно освещали ряд важнейших вопросов истории СССР», в частности присоединение различных народов к России. После закончившейся в феврале 1953 года проверки заведующий отделом экономических и исторических наук и вузов ЦК А.М. Румянцев вкупе со своим инструктором А.В. Лихолатом докладывал Маленкову, что руководство Института истории, где работали восемь академиков, четыре члена-корреспондента, 55 докторов и 101 кандидат наук, «крайне медленно и нерешительно освобождается от сотрудников, не пригодных по своим политическим и деловым качествам». Вина за это возлагалась на директора института и академика-секретаря отделения истории и философии АН СССР Б.Д. Грекова, который, будучи беспартийным и представителем старой русской профессуры (преподавал, между прочим, в Крыму при белых), оказывается, не изжил «гнилой практики либерального отношения» к ранее репрессированным и исключавшимся из партии сотрудникам, в том числе академикам Майскому, Деборину и профессору Манфреду. Но «особенно неудовлетворительным» сочли в ЦК состав научных работников Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ). В итоге 17 февраля секретариат ЦК принял специальное постановление «по наведению порядка» в институте. Захворавшего от постоянных проработок престарелого Грекова отправили в отставку, а исполняющим обязанности директора назначили А.Л. Сидорова, стяжавшего ранее славу бескомпромиссного борца с космополитизмом. По его предложению ЦК вскоре утвердил новый состав редколлегии журнала «Вопросы истории». Запущенную бюрократическую машину кадровой чистки не смогла остановить даже смерть диктатора. 20 марта было принято решение

об упразднении ЛОИИ¹⁵⁴. Правда, так продолжалось очень недолго: с уходом в небытие Сталина антиеврейский момент кадровых «мероприятий», проводившихся ЦК на «историческом фронте», постепенно сошел на нет и перестал играть сколько-нибудь заметную роль.

ПЕДАГОГИКА

Кадровые пертурбации, от которых страдали люди с еврейскими фамилиями, наибольший размах приобрели в педагогических институтах — самых массовых по числу студентов-гуманитариев вузах страны. Ужесточение проходивших там чисток, как правило, началось с замены «не оправдавшего доверия» старого начальства на новое, специально ориентированное сверху на наведение «порядка» «в подборе и расстановке кадров». Так, в марте 1949 года в связи с тем, что «борьба против космополитизма, развернувшаяся по всей стране, не нашла отклика в вузе», был снят со своего поста директор Калининградского педагогического института Н.Г. Милютин, а в апреле того же года сместили директора Московского государственного педагогического института иностранных языков И.С. Зотова, не сумевшего «очистить преподавательские кадры от политически неблагонадежных людей». 26 июля 1951 г. произошла смена руководства и в Московском государственном педагогическом институте им. Ленина. Его новым директором стал уже упоминавшийся выше Д.А. Поликарпов, который вскоре уволил доцента кафедры истории СССР Д.Ю. Элькину («за протаскивание в преподавательской работе буржуазного национализма и еврейского шовинизма»), заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Л.К. Закаржевского, профессоров В.Р. Грановского, Б.В. Неймана и других, всего 15 преподавателей. Расценив действия Поликарпова как чрезмерно крутые, чиновники из Министерства просвещения РСФСР обратились с жалобой на его «самоуправство» к председателю Совета министров РСФСР А.М. Пузанову. Последний передал вопрос на рассмотрение в ЦК, а тот в свою очередь запросил МГК ВКП(б), откуда ответили, что Поликарпов «ведет правильную линию по укреплению кадров института»¹⁵⁵.

В январе 1952 года секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов известил ЦК о «непорядках» в Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потемкина. Там на IV курсе исторического факультета было выявлено несколько студентов из числа комсомольского актива, «зараженных националистическими настроениями». После угроз и соответствующих вразумлений почти все члены «группы» (а в нее входили Р.Б. Генкина, Л.М. Пукшанская, Т.И. Дулькина, Г.В. Рябцева и Л.А. Каминская) признали ошибочность разговоров

о росте антисемитизма в стране, которые они до этого на протяжении нескольких лет вели между собой и в среде родственников, однокашников* и знакомых. Только Лина Каминская, дочь арестованного в мае 1941 года работника Наркомата авиационной промышленности, осталась непреклонной, заявив:

«У нас в стране проводится неправильная политика по национальному вопросу. После войны в стране прокатилась волна антисемитизма, как выражение фашистской идеологии. ... Моя точка зрения складывается из всего того, что я вижу и слышу... Все, что я говорю, является моим твердым убеждением. Эти взгляды разделяют мои близкие знакомые из интеллигенции — врачи, инженеры, юристы, студенты».

Назвать фамилии своих единомышленников Каминская отказалась, сказав лишь, что несколько человек среди них были репрессированы органами госбезопасности. За свою смелость Каминская поплатилась исключением из комсомола и изгнанием из института¹⁵⁶.

Свой вклад в борьбу с космополитизмом внесло и руководство педагогической наукой. С 18 по 25 марта 1949 г. прошло собрание актива Академии педагогических наук РСФСР, на котором с установочным докладом выступил ее президент И.А. Каиров**. Он подверг критике книгу профессора С.Л. Рубинштейна*** (брата историка Н.Л. Рубинштейна), в которых тот якобы продемонстрировал, что «не дорожит приоритетом русских в разработке научных вопросов». В начавшихся потом прениях проводником космополитизма в теории педагогики был назван профессор Киевского педагогического института Я.Б. Резник, обвиненный в том, что большинство своих работ написал на еврейском языке. В ЦК тогда же направили следующий «крамольный» пассаж из автобиографии этого ученого:

* Наиболее дружескими были отношения членов «группы» со студентами Л.Т. Логиновым (у него, как и у Рябцевой, мама была еврейкой) и И.С. Розенталем. Последний по окончании института летом 1950 года был направлен на работу в Хабаровский край, что было расценено Каминской и Пукшанской как проявление антисемитизма.

** Специалист по продовольствию и сельскому хозяйству, Каиров стал президентом АПН в 1946 году. Его чрезмерная ретивость в проведении в жизнь сталинской политики в послевоенные годы имела свое объяснение. Видимо, это была его плата за либеральные увлечения в прошлом: в 20-е годы он примыкал к так называемому Агрономическому союзу во главе с Н.Д. Кондратьевым и А.В. Чаяновым; в 30-е работал в сельскохозяйственном отделе ЦК под началом Я.А. Яковлева (Эпштейна). Все эти люди во время «большого террора» были репрессированы как «враги народа». Кроме того, в годы войны Каиров, по агентурным данным госбезопасности, высказывался в частных разговорах за ликвидацию колхозов, передачу земли крестьянам, допущение частной торговли, сближение с Западом (157).

*** Тогда же Рубинштейн был освобожден от обязанностей заведующего кафедрой психологии МГУ, руководителя сектора психологии Института философии АН СССР и заместителя директора этого института.

«Дедушка оказал большое влияние на мое умственное развитие. Он был выдающимся талмудистом и педагогом... Ему я обязан развитием моей способности логического мышления и ясного изложения».

Сюда же были подверстаны и почерпнутые из архива факты «низкопоклонства» Резника перед Западом, в частности его недоброжелатели напомнили начальству, что в 30-е годы он по образцу так называемых новых школ в Европе и США организовал детский дом, который посетили американцы и о котором потом очень хвально отзывались в печати. Аналогичные грехи раболепия перед «иностраницей» были обнаружены и в творчестве академика АПН РСФСР И.Ф. Свадковского, написавшего в 1929 году книгу «Социальное воспитание в Америке», а также профессоров Г.Е. Журавского и Е.Н. Медынского¹⁵⁸.

Инквизиторские способности Каирова по достоинству были оценены в партийных верхах: 12 июля 1949 г. им заменили на посту министра просвещения РСФСР А.А. Вознесенского, вскоре арестованного, а потом казненного по «ленинградскому делу». На новом поприще Каиров зарекомендовал себя активным последователем официальной шовинистической политики в образовании. Стоило его подчиненным в главном управлении вузов министерства пожаловаться наверх на известного гонителя космополитов Поликарпова, как все руководство этого главка вскоре оказалось уволенным. Зато Каиров покровительствовал таким откровенным антисемитам, как его заместитель А.М. Арсеньев, с которым приключилась однажды весьма примечательная история. В августе 1950-го он, прибыв по делам в Читу, остановился в городской гостинице. Заняв номер, Арсеньев, изрядно подкрепившись спиртным, заснул. Однако через какое-то время был разбужен из-за того, что по телефону, найдившемуся в коридоре рядом с дверью его номера, решили позвонить другие командированные постояльцы, работники Министерства сельского хозяйства СССР. Оказавшись на свое несчастье евреями, они своими громкими голосами с характерным выговором вывели Арсеньева из себя. Выскочив из номера, тот с антисемитскими выкриками набросился на невольных возмутителей его спокойствия и, называя их «торговцами Россией», стал угрожать им физической расправой. В ответ те, пытаясь урезонить пьяного буяна, пригрозили, что пожалуются в управление госбезопасности. На что последовала реплика: «МГБ — наше, и туда обращаться бесполезно». Благодаря тому, что в Чите находился тогда инспектор ЦК Г.В. Кузнецов, к которому пострадавшие обратились с жалобой, о скандале очень скоро стало известно Маленкову. Однако руководство ЦК, чтобы не связываться с этим делом, поручило «закрывать вопрос» Каирову. Тот, в свою очередь, на заседании коллегии министерства ограничился тем, что лишь слегка на словах пожурил зарвавшегося антисемита. Также умыл руки руководитель КПК Шкирятов, рассматри-

вавший дело Арсеньева 20 мая 1951 г. Потом он доложил Маленкову, что, «поскольку Арсеньев признал свою вину и допустил такой случай впервые, и учитывая, что Каиров характеризовал его по работе положительно, КПК посчитала возможным ограничиться принятыми Министерством просвещения мерами предупреждения т. Арсеньева»¹⁵⁹.

БИОЛОГИЯ

Печально знаменитая августовская 1948 года сессия ВАСХНИЛ, знаменовавшая собой триумф маргинала в науке Т.Д. Лысенко и его сомнительного «мичуринского учения», а также поражение противостоявших ему подлинных ученых-генетиков, третировавшихся как вейсманисты-морганисты, дала старт интенсивной кадровой чехарде в этой сфере. Первоначально эта кампания носила характер сведения счетов победителей с побежденными и не имела национальной окраски. Просто Лысенко и его приспешники, получив карт-бланш от благоволившего к ним вождя, торопились потеснить своих научных оппонентов с командных высот в биологической науке. Уже 9 августа, то есть спустя два дня после окончания сессии, политбюро утвердило замену академика В.С. Немчинова на посту директора Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева ставленником Лысенко кандидатом биологических наук В.Н. Столетовым. Другой сподвижник «народного академика» и его первый помощник по «идеологической части» И.И. Презент по тому же постановлению получил на биофаке МГУ сразу две должности — декана факультета и заведующего кафедрой дарвинизма, с которых были смещены соответственно С.Д. Юдинцев и И.И. Шмальгаузен*. На следующий день Кремль санкционировал отстранение профессора А.Р. Жебрака от руководства кафедрой генетики Тимирязевской академии и замену его Лысенко. В двадцатых числах того же месяца на расширенном заседании президиума АН СССР последнего также ввели в состав отделения биологических наук АН СССР. Одновременно от обязанностей академика-секретаря отделения был освобожден известный физиолог Л.А. Орбели¹⁶⁰.

Пройдет немногим более года, и осенью 1949 года, когда отмечалось столетие академика И.П. Павлова, Сталин, решая дальнейшую судьбу Орбели, преподает Жданову-младшему наглядный урок закулисной организации кадровых чисток. Произойдет это в связи с

* Эти двое, а также профессора М.М. Завадовский, Д.А. Сабинин, доценты С.И. Алиханян, Б.И. Берман, Н.И. Шапиро и некоторые другие евреи были уволены из МГУ приказом ректора от 23 августа 1948 г. Аналогичные чистки произошли тогда и в других университетах страны.

тем, что 28 сентября Ю. Жданов проинформирует вождя о том, что по вине Орбели, «монополизировавшего» исследования по физиологии*, а также академика И.С. Беритова (Бериташвили) и тогда уже арестованной Л.С. Штерн, труды которой были названы «грубейшим, вульгарнейшим извращением физиологии», имеет место «серьезное неблагополучие» в развитии павловского научного наследия. В ответ Сталин не только даст указание руководству ЦК поддержать Ю. Жданова в «наведении порядка» в сфере физиологии, но самым тщательным образом его проинструктирует (так же как в прошлом, он поучал Жданова-старшего):

«По-моему, наибольший вред нанес учению академика Павлова академик Орбели... Чем скорее будет разоблачен Орбели и чем основательней будет ликвидирована его монополия, тем лучше. Беритов и Штерн не так опасны, так как они выступают против Павлова открыто и тем облегчают расправу науки с этими кустарями от науки. ... Теперь кое-что о тактике борьбы с противниками теории академика Павлова. Нужно сначала собрать втихомолку сторонников академика Павлова, организовать их, распределить роли и только после этого собрать совещание физиологов... где нужно будет дать противникам генеральный бой. Без этого можно провалить дело. Помните: противника нужно бить наверняка с расчетом на полный успех»¹⁶¹.

Как известно, через некоторое время пожелание вождя было исполнено, и школа Орбели подверглась полному разгрому. Образовавшийся научный вакуум заполнили откровенные шарлатаны, а также такие именовавшиеся учеными деятели, как, скажем О.Б. Лепешинская, избалованная потом в дремучем профессиональном невежестве. Но в сентябре 1950 года ей, старейшей большевичке (члену партии с 1898 года), «за выдающиеся научные исследования по проблеме происхождения и развития неклеточных форм жизни и происхождения клеток» была присуждена Сталинская премия первой степени в размере 200 тыс. рублей¹⁶².

В свое время эта влиятельная и чрезвычайно активная дама, возглавлявшая лабораторию цитологии в Институте экспериментальной биологии АМН СССР, отдала немало сил борьбе с руководителем этого института и своим многолетним научным оппонентом профессором А.Г. Гурвичем. Решающую роль в их научном споре сыграла все та же августовская сессия ВАСХНИЛ, после которой Гурвич был вынужден подать заявление об отставке. Интересно, что в середине февраля 1949 года, в разгар антикосмополитической кампании, когда решение президиума АМН СССР об увольнении Гурвича от 4 октября 1948 г. проходило через бюрократическую процедуру утверждения в секретариате ЦК, никаких завуалированных

* Орбели возглавлял тогда одновременно Физиологический институт им. Павлова и Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР.

антиеврейских инвектив в адрес ученого не последовало. Ограничились тем, что обвинили его в «неспособности к научно-исследовательской работе в свете прогрессивного материалистического учения в биологии». Однако уже через год критика Гурвича приобрела совершенно иное звучание. Тогда с нападками на него выступил ленинградский профессор биологии Б.П. Токин, который в начале 30-х был активным членом «Общества биологов-материалистов». Он проинформировал ЦК о том, что еще в 1942–1943 годах покойный академик А.А. Заварзин якобы поведал ему по секрету, что в Ленинграде создана еврейская масонская ложа, почетным председателем которой избран не кто иной, как Гурвич, а секретарем при нем — Александров. Об этом таинственном помощнике «великого магистра» мифической масонской ложи — профессоре В.Я. Александрове доноситель уже от себя сообщил, что тот после войны не только «идеологически не разоружился», но даже «сколотил» в конце 40-х в Ленинградском всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ) АМН СССР «группу сионистского типа», в которую вошли директор института Д.Н. Насонов, профессора П.Г. Светлов, А.А. Браун, А.Д. Браун и другие ученые, в основном еврейского происхождения. 7 марта 1950 г. заместители заведующих Агитпропом и сельскохозяйственным отделом ЦК Д.М. Попов и В.С. Яковлев доложили Маленкову, что сведения, полученные от Токина, заслуживают серьезного внимания. После этого в ВИЭМ была отправлена комиссия ЦК, и вскоре там начались увольнения. В числе первых остракизму подверглись еврей Александров, добавивший к своим прошлым «прегрешениям» еще и «вопиющую националистическую выходку» (изобразил в стенной газете института парторга отдела морфологии, отрубаящего головы сотрудникам-евреям), а также директор института Насонов, который хоть и не был евреем (в ходе проверки это выяснилось), зато происходил из дворян¹⁶³.

Набиривший обороты антисемитский натиск был настолько силен, что под ним не устоял даже такой, казалось бы, всесильный приспешник Лысенко, как И.И. Презент. Этот беспринципный авантюрист и демагог сделал феноменальную карьеру благодаря тому, что еще в 30-х вместе с академиком М.Б. Митиным «теоретически» обосновал правильность учения Лысенко, который в свою очередь протасил его в академики ВАСХНИЛ и сделал своей «правой рукой». Но вот с конца 1949 года на ЦК, Совет министров СССР и Министерство высшего образования СССР обрушился мощный поток критических писем с жалобами на Презента. Тогда лжеученому с внешностью галантерейного красавца припомнилось многое: и то, что при заполнении анкеты он скрыл свое буржуазное происхождение (из семьи крупного торговца), и его пять браков, и то, что в 1933-м очередная его пассия застрелилась у него на квартире из его же револьвера, и то, что в 1938-м он исключался из партии за «связь

с троцкистско-зиновьевскими террористами» (потом был восстановлен). Приводились и свежие факты, собранные с учетом новых идеологических веяний преподавателями МГУ. В одном из посланий Презент характеризовался отнюдь не только как научно несостоятельный декан биофака:

«Это просто развратник молодежи во многих смыслах и отношениях... Он изгнал из Московского университета всемирно известных русских ученых: академика М.М. Завадовского, академика И.И. Шмальгаузена, профессора Д.А. Сабина, профессора А.А. Парамонова и многих других и заменил их такими неучами еврейской национальности, как Н.И. Фейгенсон, Ф.М. Куперман, И.Я. Прицкер, В.Г. Лиховицер, Б.А. Рубин и др. Эта замена является глубоко вредительским актом. В университете, носящем имя великого русского ученого Ломоносова, нет места настоящим русским ученым, а неучи евреи призваны развивать русскую науку»¹⁶⁴.

По иронии, а может быть, по логике судьбы, излюбленное оружие Презента, применявшееся им в шельмовании коллег-оппонентов, — демагогия обернулась теперь против него самого. Напрасно он потом искал защиты у Маленкова, напоминая ему о недавнем обещании: «Напутствуя меня на работу в МГУ, Вы разрешили мне беспокоить Вас, когда нужна будет Ваша личная помощь. Сейчас я чувствую такую острую необходимость...». На сей раз высокопоставленные чиновники аппарата ЦК, а также Минвуза СССР выступили против наиболее одиозного приспешника Лысенко. Их стараниями Презент вскоре лишился должностей декана биофака и заведующего кафедрой дарвинизма МГУ, а также был отстранен от руководства одноименной кафедрой в Ленинградском университете¹⁶⁵.

Шовинистические страсти вокруг Презента обернулись для многих работавших в МГУ евреев, кстати, никоим образом не связанных с Лысенко, крупными неприятностями. В конце 1950 — начале 1951 года произошло их массовое изгнание из общества испытателей природы при университете, которое возглавлял академик Н.Д. Зелинский. В июле 1952-го ЦК распорядился прекратить издание этим обществом многотомного словаря «Русские ботаники». Запрет обосновывался тем, что труд изобиловал якобы статьями-персоналиями «о лицах, в большинстве своем ничем себя не проявивших в области биологической науки» (далее следовал список ученых, главным образом с еврейскими фамилиями). Составителей обвинили также в популяризации научной школы академика Н.И. Вавилова, умершего в 1943 году с клеймом «враг народа» в Саратовской тюрьме, а также в преклонении перед «менделистами-морганистами»¹⁶⁶.

Однако за разбирательством скандальных походов Презента и рутинной антиеврейской чистки на «биологическом фронте» недруги Лысенко на Старой площади (прежде всего Ю. Жданов, жаждавший реванша за унижения, испытанные в 1948 г.) не забыли о лично для них главном деле — развенчании в глазах Сталина научного авто-

ритета «народного академика». С этой целью в аппарате ЦК запаслись основательным компроматом, почерпнутым главным образом из многочисленных доносов, в которых утверждалось, что в бытность свою студентом в Киеве Лысенко, величаемый однокашниками в глаза «Распутиным», женился на происходившей из дворян научной сотруднице кафедры физиологии растений Литвиненко-Вольгемут, что его отец — кулак из деревни Карловка Полтавской области, а брат (Павел) во время войны сотрудничал с немецкими оккупантами и потом, оказавшись на Западе, «выступал с клеветой на СССР по английскому радио».

Первый решительный шаг в дискредитации Лысенко был предпринят на Старой площади в апреле 1952 года. Обобщив многочисленные жалобы на него, руководители отделов ЦК Ю. Жданов (науки и вузов), А.И. Козлов (сельскохозяйственного), министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов подготовили на имя Маленкова записку, в которой обвинили Лысенко в насаждении «аракчеевского режима» в биологии и стремлении добиться диктаторскими методами признания всех своих научных гипотез как непогрешимых истин, в том числе и недавно сформулированного им теоретического положения об отсутствии внутривидовой борьбы (конкуренции) в живой природе. 24 апреля секретариатом ЦК было принято постановление, порицавшее Лысенко за то, что тот «не способствует развитию творческой критики среди научных работников», а также обязавшее его срочно представить в ЦК доклад о работе ВАСХНИЛ. Кроме того, Жданову и Козлову поручалось подготовить к 10 мая предложения по организационному «укреплению» ВАСХНИЛ. Что конкретно под этим подразумевалось, выяснилось, когда вскоре Козлова вызвал к себе Маленков, только что побывавший у Сталина, и ознакомил с указанием вождя: передать руководство ВАСХНИЛ от президента академии вновь созданному президиуму, в который ввести научных противников Лысенко и тем самым ликвидировать монополию последнего в биологической науке. После этого была создана правительственная комиссия по реформированию ВАСХНИЛ. Однако руководившие ее работой представители ЦК вскоре, как и все чиновники на Старой площади, занялись подготовкой съезда партии, а затем их внимание переключилось на «дело врачей»¹⁶⁷. Произшедшая вскоре кончина диктатора отвела от Лысенко нависшую было над ним угрозу, ибо его взял под защиту новый хозяин ЦК — Хрущев.

Если академику Лысенко смерть Сталина помогла более чем на десятилетие отсрочить публичное разоблачение, то другого академика (АМН СССР), биохимика Б.И. Збарского, она вызволила из узилища на Лубянке. Знаменательным событием в жизни этого ученого, окончившего еще до революции Женевский и Санкт-Петербургский университеты, стало в 1924 году участие под руководством профессора В.П. Воробьева в бальзамировании тела Ленина. С тех пор вся

его научная карьера была связана с деятельностью по физическому сохранению останков вождя. После того как в конце 1937 года внезапно скончался Воробьев, Збарский возглавил группу специалистов, занимавшихся этой проблемой. А вскоре главным распорядителем дальнейшей судьбы ученого стал вновь назначенный нарком внутренних дел Берия, на которого решением политбюро от 11 января 1939 г. было возложено «наблюдение за всей работой проф. Збарского и его группы и оказание им необходимой помощи». Любивший во всем размах и основательность Берия уже через несколько месяцев добился придания группе Збарского статуса специальной лаборатории при мавзолее¹⁶⁸. В годы войны ученому пришлось преодолевать серьезные трудности, связанные с эвакуацией тела Ленина в Сибирь. Возвратившись в 1944 году в Москву, он тем не менее смог доказать правительству о полной сохранности доставленной им обратно в мавзоль бесценной партийной реликвии, за что получил тогда Сталинскую премию. Тогда же Збарский выпустил брошюру «Мавзолей Ленина» с воспоминаниями о похоронах Ленина и своем участии в бальзамировании его тела. Мемуары выдержали несколько изданий и разошлись массовым тиражом в 330 тыс. экземпляров. Однако недолго ученый нежилась в лучах славы. Недовольство Збарским власти стали высказывать сразу после разгона Еврейского антифашистского комитета, с некоторыми деятелями которого тот был очень тесно связан. Особенно близкие отношения у него сложились с Линой Штерн, которую он еще в 20-х годах уговорил переехать на постоянное жительство в СССР. Дружил Збарский и с Михоэлсом, с которым познакомился в 1940 году и потом, через четыре года, пригласил на семейное празднество, устроенное по случаю присуждения хозяину дома Сталинской премии. После трагической гибели артиста, чье лицо Збарский гримировал перед похоронами, кандидатура ученого предлагалась среди прочих на пост нового главы ЕАК. Все это не осталось незамеченным на Старой площади, хотя чиновники там до поры до времени не высказывали своего недовольства ученым. Но вот 19 января 1949 г. по распоряжению Маленкова газете «Московский большевик» неожиданно было запрещено публиковать уже подготовленное и приуроченное к очередной годовщине смерти вождя интервью со Збарским под заголовком «Как сохраняется тело Ленина». Примерно с этого времени МГБ установило за Збарским постоянное негласное наблюдение, а Абакумов периодически стал докладывать Сталину среди прочего и об «антисоветских разговорах», которые вел со своими знакомыми и друзьями ничего не подозревавший ученый. Но кремлевский хозяин по своему обыкновению не спешил с окончательным решением, то бишь с выдачей санкции на арест. Впрочем, Збарскому оставалось недолго пребывать на свободе, тем более что в начале 1952 года он сам невольно дал в руки МГБ провоцирующий повод. Тогда под ру-

ководством Збарского было произведено неудачное бальзамирование скончавшегося в Кремлевской больнице монгольского маршала Х. Чойбалсана. Когда это выяснилось, профессора немедленно сняли с работы и 27 марта препроводили на Лубянку. Вскоре арестовали и его жену, Е.Б. Перельман, с которой тот познакомился в 1926 году в Германии на квартире у художника Л.О. Пастернака. Збарскому инкриминировали не только «вредительское» бальзамирование монгольского руководителя, а также нарушение режима секретности работ, проводившихся в его лаборатории, и тенденциозный, по «национальному признаку» подбор кадров. Ему припомнили, кроме того, эсеровское прошлое, избрание в 1918 году в состав Учредительного собрания, критику большевиков за его разгон, связь с Троцким, Бухариным, Рыковым, Ягодой, другими «главарями» оппозиции и «иностранными шпионами». К делу приобщили и выписку из протокола допроса арестованного еврейского писателя С.Д. Персова, который показал, что в 1946 году имел разговор о Збарском с приехавшим в Москву американским журналистом Б.Ц. Гольдбергом, который так был поражен услышанным, что воскликнул: «Значит, сохранность тела Ленина находится в руках евреев!».

Однако на этом фантазия следователей не истощилась. Кому-то из них показалось, что упомянутая выше брошюра Збарского, изъятая при обыске его квартиры, содержит скрытый контрреволюционный выпад: на одной из помещенных в издании фотографий с подписью «У гроба Ленина в Колонном зале Дома союзов в Москве» был запечатлен стоящим в почетном карауле человек, очень похожий на Троцкого. Поскольку брошюра была выпущена в свое время Госполитиздатом, к разбирательству этого «подозрительного» обстоятельства подключилась КПК. Оперативно предприняв расследование, ее руководитель Шкирятов доложил секретариату ЦК о том, что «фальсификацию фотографии» («подретушевку стоящего у гроба Ленина лица под врага народа Троцкого») произвел «во враждебных целях» художник С.Б. Телингатор, а заместитель директора Госполитиздата И.Г. Веритэ разрешил поместить ее в качестве иллюстрации в брошюре 1944 года. В ходе последующего исключения этих двоих из партии случайно выяснилось, что Збарский, несмотря на арест, продолжает формально числиться коммунистом. 6 мая 1952 г. это «упущение» было исправлено. А Телингатор и Веритэ очень скоро очутились в том же, что и Збарский, не столь отдаленном месте, и таким образом возникло объединенное уголовное дело. После ареста Збарского из лаборатории при Мавзолее Ленина были изгнаны все евреи. 27 января 1953 г., в самый разгар «дела врачей», заместитель министра здравоохранения СССР А.Н. Шабанов сообщил Маленкову, что кадровый состав лаборатории обновлен почти на 50% и что теперь из 96 ее работников русских — 91, украинцев — 2, мордвинов — 2, белорусов — 1. Конец этому трагифарсу был поло-

жен только в конце декабря 1953 года, когда Збарского и его подельников выпустили на свободу. Морально и физически сломленный профессор недолго прожил после этого. 7 октября 1954 г. он умер во время лекции в 1-м Московском медицинском институте¹⁶⁹.

ФИЗИКА

Наиболее драматические коллизии в этой сфере в связи с так называемым еврейским вопросом имели место в Московском государственном университете. Там еще в годы войны сформировалась из числа профессорско-преподавательского состава довольно сплоченная и активно действующая группа, которая под прикрытием патриотических лозунгов повела наступление на своих конкурентов в науке, обвиняя их в прозападной ориентации, что якобы было обусловлено еврейским происхождением большинства из них. В группу входили прежде всего преподаватели физического факультета, в том числе профессора Н.С. Акулов, А.А. Власов, Д.Д. Иваненко, В.Н. Кесених, А.С. Предводителев, Я.П. Терлецкий, А.К. Тимирязев, доценты Б.И. Спасский, В.Ф. Ноздрев. Из них особенно рьяным борцом за национальную чистоту старейшего отечественного университета показал себя последний. Человек безусловно неординарный и от природы даровитый (что называется, самородок), Ноздрев вышел из крестьянской бедноты. В 20-е годы был селькором, потом поступил на рабфак, а в 1931-м — на физико-математический факультет МГУ. В годы войны он, уже будучи кандидатом наук, добровольно пошел на фронт. Потом были ранение, госпиталь и досрочная демобилизация. Так что в 1943-м Ноздрев вновь оказался в стенах родной альма матер, теперь уже в качестве секретаря парткома. Имея от природы натуру чуткую (в юности баловался стихами, а потом даже стал профессиональным литератором, членом ССП), он тогда быстро уразумел, что именно скрывается за агитпроповской ура-патриотической риторикой. Впрочем, тут и не требовалось особой сообразительности. Как партийному руководителю столичного университета ему приходилось встречаться тогда с одним из главных идеологов партии Щербаковым и получать от него «соответствующие политическому моменту» указания. Несмотря на то, что эти инструктажи проходили, как правило, с глазу на глаз, о характере устных директив, получаемых на них Ноздревым, можно догадаться хотя бы по содержанию его последующих отчетов Щербакову. А сообщал он ему, скажем, в 1944 году о том, что под влиянием авторитетных ученых- «западников» (академик П.Л. Капицы, А.Ф. Иоффе, А.Н. Фрумкина, Л.И. Мандельштам и др.) на физфаке МГУ сложилось «тяжелое положение... с подготовкой кадров русской интеллигенции», ибо «еврейская молодежь имеет процент, достигающий по некоторым

курсам до 50%». Для пущей убедительности утверждение это подкреплялось следующими цифровыми выкладками:

Годы	Количество еврейской молодежи (в %), окончившей физический факультет, по отношению к русским
1938	46
1939	50
1940	58
1941	74
1942	98

Подытоживалась эта вызывающая некоторые сомнения (особенно показатель 1942 г.) статистика пессимистическим выводом о том, что если срочно не ввести национальное регулирование при приеме в университет, то «уже не более как через год мы вынуждены будем не называть университет «русским», ибо это будет звучать в устах народа комичным». Щербаков отнесся к этим предостережениям серьезно, и уже в 1944–1945 годах в числе вновь принятых в МГУ студентов и аспирантов евреев почти не было¹⁷⁰.

В последующем Ноздрев неоднократно доносил наверх информацию в том же роде, выставляя в качестве лидера антипатриотов в физике академика П.Л. Капицу. Ему он инкриминировал, в частности, проповедь идеи английского писателя Г. Уэллса о неизбежности в будущем универсализации власти на Земле в виде всемирного правительства интеллектуалов, не признающего национально-государственных перегородок (нынешняя теория глобализации). От Ноздрева не отставали декан физфака Предводителей, профессора Акулов, Тимирязев и другие его единомышленники. В течение 1944 года в обращениях к властям они обвинили в идеализме, западничестве и других, по их понятиям, смертных грехах, около 60 крупных ученых¹⁷¹.

Однако со смертью Щербакова в мае 1945 года отношение на Старой площади к борцам с космополитизмом в физике несколько изменилось. Прибравший к этому времени к своим рукам всю полноту власти в аппарате ЦК Маленков, будучи технически достаточно образованным человеком, не склонен был поддерживать ученых-ретроградов. Для него, руководившего в годы войны по линии ГКО рядом оборонных отраслей промышленности и имевшего практическое представление о роли современной физики в разработке новых видов вооружения, в том числе и атомного оружия, не было секретом заметное научное отставание СССР от Запада в этой области. Если в США в конце 1944 года функционировало 20 больших циклотронов, то у нас ни одного. Лаборатории МГУ располагали техникой на уровне начала века. В годы войны почти полностью были прекращены за-

купки импортного оборудования, материалов для опытов и научной литературы. В стране имелся всего лишь один электронный микроскоп собственного изготовления. На 1 сентября 1944 г. в 24 университетах страны было только 72 аспиранта физика, и эти вузы в 1945 году планировали выпустить всего 105 специалистов-физиков. Обо всем этом Маленкову было доложено сотрудниками подчиненного ему управления кадров ЦК. Глядя сквозь призму этих заставлявших серьезно задуматься цифр, он не мог не заметить скрывавшегося за патриотическими разглагольствованиями Предводителя и К^о панического страха приверженцев классической физики (в духе русской школы А.Г. Столетова и П.Н. Лебедева) перед мало известными им ядерной физикой и другими новыми бурно развивающимися научными направлениями. К тому же, как сообщил Маленкову в мае 1945-го нарком высшего образования Кафтанов, дожив до 60–70 лет, Тимирязев и Предводители «ничего существенного науке не дали»; тем не менее последний «был обижен, что его не избрали в Академию наук и не присудили Сталинской премии, хотя претендовать на это нет никаких объективных оснований». Тогда же Кафтанов потребовал срочно убрать Ноздрева, «приспособившего работу парткома в угоду групповым интересам Предводителя», из руководства партийной организации МГУ¹⁷².

Но решающее значение в этом заочном споре старого и нового, настоящего и мнимого в физической науке имел произведенный через несколько месяцев американцами взрыв атомной бомбы, ставшей отныне главным аргументом в мировой политике. Реакция на это всемирно историческое событие в Советском Союзе показала, что Сталин готов достойно ответить на вызов американцев. Уже 20 августа был сформирован Специальный комитет, которому поручается разработка в кратчайшие сроки собственного атомного оружия. Председателем этого чрезвычайного, созданного при ГКО органа Сталин назначил известного своей деловой хваткой Берия. Вождь подчинил ему не только задействованных в атомном проекте ученых во главе с И.В. Курчатовым, но и производственников, деятельностью которых ведало образованное тогда же при правительстве Первое главное управление. Поскольку прагматичный Сталин в отличие от Гитлера*,

* Тем не менее и в нацистской Германии использовался в виде исключения труд специалистов-евреев определенных категорий, которые сокращенно именовались «WVJ» («Wertvoller Wirtschaft Jude») — «Экономически полезный еврей». Говорят, что когда Г. Герингу донесли, что статс-секретарь министерства авиации генерал-фельдмаршал Э. Мильх является по матери наполовину евреем, так называемым мишлингем («Mischlinge»), он ответил: «Пусть работает и дальше. Я сам определяю, кто из моих подчиненных еврей». Правда, для страховки Геринг заполучил юридически оформленное свидетельство о том, что Мильх появился на свет в результате внебрачной связи его отца с некой немкой.

презрительно называвшего в свое время ядерную физику «еврейской физикой», относился терпимо к национальности специалистов, участвовавших в создании атомного оружия, среди них оказалось немало евреев: тот же начальник Первого главного управления Б.Л. Ванников, получивший вторую звезду Героя Социалистического Труда после успешного испытания атомного устройства в 1949 году, научный руководитель КБ-11 («Арзамас-16») и главный конструктор атомной бомбы Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, производивший основные расчеты по бомбе, И.К. Кикоин — научный руководитель комбината по диффузионному выделению урана-235 и другие. Что касается Берия, то его интересовали главным образом практические результаты работы его подчиненных и меньше всего их анкетные данные. Отвечая непосредственно перед Сталиным за реализацию атомного проекта, он никому не позволял распоряжаться судьбами задействованных в нем специалистов-евреев и при необходимости защищал их от наскоков постороннего начальства. Характерный в этом смысле эпизод описал впоследствии Харитон:

«В 1951 году приехала к нам комиссия по проверке кадров. Члены комиссии вызвали к себе руководителей на уровне заведующих лабораториями. Расспрашивала комиссия и Л.В. Альтшулера, который резко раскритиковал Лысенко... Естественно, комиссия распорядилась убрать Альтшулера. Ко мне пришли Зельдович и Сахаров, рассказали о комиссии. Я позвонил Берии. Тот спросил: «Он вам нужен?». «Да», — ответил я. «Хорошо, пусть остается», — сказал Берия. Альтшулера не тронули...»¹⁷³.

С конца 1945 года под влиянием тандема «Берия—Маленков» в МГУ стали происходить значительные перемены. Вместо Ноздрев был назначен другой секретарь парткома. В феврале 1946-го при университете создается НИИ ядерной физики и началось строительство циклотрона. 10 марта в результате обращения к Сталину ректора МГУ историка И.С. Галкина, поддержанного И.В. Курчатовым, С.И. Вавиловым, Д.В. Скобельцыным, И.М. Виноградовым и другими известными учеными, открылся новый, физико-технический факультет. Деканом этого факультета, начавшего подготовку специалистов прежде всего в области создания ядерного вооружения, был назначен профессор Д.Ю. Панов. Его непосредственным куратором стал приглашенный в университет в качестве проректора академик С.А. Христианович. Окрыленный такими инициативными сверху позитивными сдвигами Галкин 20 апреля обратился к Маленкову за поддержкой, жалуясь на то, что из-за бесконечных интриг и склок, инспирированных мнимыми борцами за «самобитность» русской науки во главе с Предводителям, «университет лихорадит, работа протекает в крайне ненормальных условиях». Прошло чуть более месяца, и Предводителем был отправлен в отставку с поста декана физического факультета. Причем физикам-«почвенникам» не

помог и предпринятый ими хитроумный маневр. Прознав, что Маленкова изгнали из секретарей ЦК, 20 мая Ноздрев направил челобитную перехватившему главенство в партаппарате Жданову, пытаясь обратить его внимание на «сионистские тенденции, процветающие в университете» и имеющие «явно выраженное антирусское направление», а также на «большую опасность монополии одной национальности в области науки, тем более обладающей рядом отрицательных качеств»¹⁷⁴.

Тем самым Предводителем, Ноздрев и их единомышленники перешли в контрнаступление на научном «фронте». То, что на их улице наступает праздник, они почувствовали уже в конце 1947 года, когда либерального Галкина, лишившегося поддержки в ЦК (там ему покровительствовали попавшие в опалу Маленков и Г.Ф. Александров), сменил на посту ректора МГУ А.Н. Несмеянов (приверженец более жесткой линии, ставший в 1951 году президентом АН СССР)¹⁷⁵. Но полную уверенность в себе истовые охранители национальной стерильности отечественной физики обрели вновь в начале 1949-го, когда страну охватила антикосмополитическая истерия. На состоявшихся в середине февраля заседаниях оргкомитета по подготовке всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики высших учебных заведений они даже отважились на резкую критику президента АН СССР С.И. Вавилова, возмущившись тем, что из прочитанного им тогда же доклада не следовало, что «космополиты — прямая агентура империалистической буржуазии»¹⁷⁶. Впрочем, еще более впечатляющие сюрпризы в том же роде были преподнесены властям несколько позднее. 11 марта профессор Акулов направил Маленкову явно бредовое откровение с намеками на шпионско-подрывные происки в прошлом некоторых «главарей» «космополитов» от науки. В частности, он поведал, что покойные радиопизики академики Л.И. Мандельштам и Н.Д. Папалекси, работавшие в свое время консультантами фирмы «Телефункен», наладили в годы Первой мировой войны тайную радиосвязь между Царским Селом, где «была создана шпионская организация Штюрмера», и Германией. Не отставал, оказывается, тогда от своих коллег и академик Иоффе, который тоже немало послужил Германии, особенно в 20-е годы, когда компания «Сименс» оборудовала для него специальную лабораторию в Берлине и снабжала его «крупными суммами в золотых марках...». Далее Акулов в той же манере «обыграл» исторический «сюжет», связанный с еще одним академиком, Капицей:

«Еще в 1923 году Иоффе направил Капицу в Англию. Там 12 лет «культивировали» Капицу, создали ему авторитет, а затем перебросили в СССР. Капица сперва работал в тесном контакте с Пятаковым, Межлауком, Розенгольцем. А недавно он поставил вопрос о создании нелегального политбюро по делам науки, куда должны были войти С.В. Кафтанов, С.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе и А.Н. Фрумкин».

С нападка на «приспешника немецкого империализма» Мандельштама Акулов выступил и на состоявшемся через несколько дней совещании в Министерстве высшего образования. Правда, взявший следом слово физик Г.С. Ландсберг дал ему такой отпор, что тот, потеряв самообладание, буквально выбежал вон из зала заседаний¹⁷⁷.

В условиях поразившего тогда страну приступа ксенофобии грубо сколоченные провокационные действия Акулова и иже с ним, если и не приводили к арестам ошеломленных ими лиц, то, во всяком случае, производили эффект психологического устрашения. Не случайно поэтому министр высшего образования СССР и один из членов мифического «политбюро по делам науки» Кафтанов направил 19 марта Маленкову пространную записку «О крупных недостатках в подготовке кадров физиков и мерах по их устранению», в которой, с одной стороны, поддаваясь на шовинистический шантаж, предложил «подвергнуть тщательной проверке весь руководящий профессорско-преподавательский состав вузовских кафедр физики», а с другой — не упустил случая отметить, что в 1930–1931 годах профессор Акулов был командирован в Германию и состоял там консультантом фирмы «АЕГ». О том, кто именно должен был стать в первую очередь объектом кадровой проверки, недвусмысленно давалось понять в приложенных к записке цифровых выкладках о национальном составе специалистов-физиков на 1 октября 1948 года¹⁷⁸:

Контингент	Русские	Евреи	Представители других национальностей	Всего
Научные сотрудники-физики в АН СССР	342	123	31	496
Зав. кафедрами физики в вузах	301	64	153	518
Преподаватели кафедр физики в вузах	1708	342	795	2845
Аспиранты-физики в вузах и НИИ	316	83	68	497

С этого времени для физиков еврейского происхождения, которые, работая в академической системе и преподавая в вузах, не были защищены зонтиком атомного проекта от обвинений в космополитизме, наступила пора тяжелых испытаний. 23 октября 1950 г. Ю. Жданов докладывал Суслову:

«В ряде институтов Академии наук имеет место тенденциозный подбор кадров по национальному признаку... Среди теоретиков-физиков и физико-химиков сложилась монополярная группа — Л.Д. Ландау, М.А. Леонтович, А.Н. Фрумкин, Я.И. Френкель, В.Л. Гинзбург, Е.М. Лившиц, Г.А. Гринберг,

И.М. Франк, А.С. Компанеев, Н.С. Мейман и др. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности».

Особенно тревожило высокопоставленного партийного чиновника положение, сложившееся в отделе теоретической физики Института физических проблем АН СССР, где «все руководящие научные сотрудники» оказались евреями. Само собой разумеется, что против возглавлявшего этот отдел беспартийного академика Л.Д. Ландау Жданов выдвинул целый букет обвинений: «подбирает своих сотрудников не по деловым, а национальным признакам»; «аспиранты нееврейской национальности, как правило, уходят от него “как неуспевающие”»; «в руководимом Ландау семинаре по теоретической физике русских нет»; «в школу академика Ландау входят 11 докторов наук, все они евреи и беспартийные»; «сторонники Ландау во всех случаях выступают единым фронтом против научных работников, не принадлежащих к их окружению»; и т.д.¹⁷⁹

Подозрения к Ландау возникли не только у чиновников на Старой площади, но и у их «соседей» на Лубянке. Там его, сына инженера «вредителя в нефтяной промышленности», осужденного в 1930-м, хорошо знали еще с весны 1938 года, когда он был арестован как член антисоветской организации «Московский комитет Антифашистской рабочей партии», участвовавший в изготовлении антисоветской листовки. Правда, спустя год, после ходатайств перед Сталиным Нильсы Бора и Петра Капицы, Берия распорядился освободить 30-летнего ученого. Однако с тех пор тайная агентура госбезопасности старалась фиксировать каждое слово и каждый шаг Ландау. В конце 1948 года от одного из таких «источников» на Лубянке стало известно следующее «крамольное» высказывание ученого:

«Я интернационалист, но меня называют космополитом. Я не разделяю науки на советскую и зарубежную. Мне совершенно безразлично, кто сделал то или иное открытие. Поэтому не могу принять участие в том утрированном подчеркивании приоритета советской и русской науки, которое сейчас проводится»¹⁸⁰.

Выступившие единым «антикосмополитическим фронтом» работники госбезопасности, физики-традиционалисты и такие функционеры из ЦК, как Ю. Жданов, сначала добились отлучения Ландау, Ландсберга, Капицы* и других «антипатриотов» от преподавания в МГУ, что повлекло за собой закрытие многих базовых кафедр на физико-техническом факультете и перевод студентов в другие вузы, а в 1951 году — ликвидации и самого этого факультета. И только когда в дело вмешались Берия и руководство курируемого им военно-промышленного комплекса, Сталина удалось убедить, что подоб-

* Капица был также смещен тогда с поста директора Института физических проблем АН СССР.

ные действия способны нанести ощутимый вред обороноспособности страны. И хотя вождь не поддержал идею восстановления в МГУ физико-технического факультета, тем не менее благословил создание на его базе нового вуза — Московского физико-технического института, где начиная с 1952 года под руководством первого ректора, генерал-лейтенанта в отставке И.Ф. Петрова, развернулась подготовка научной элиты для военно-стратегических нужд страны¹⁸¹.

Поддерживая по очереди то физиков-«патриотов», опекаемых Ю. Ждановым, то их оппонентов — физиков-«космополитов», которым покровительствовали Берия с Маленковым, Сталин не столько обеспечивал, как он выразался, «свободу мнений» и препятствовал установлению «аракчеевского режима» в науке, сколько тем самым подпитывал так выгодную ему перманентную грызню в ученом мире и внутри связанной с ним номенклатурной элиты. В результате такой «тактики стравливания» страсти вокруг сугубо научных проблем время от времени накалялись и споры выплескивались на страницы пропагандистских изданий, принимая порой скандальный характер. Нечто похожее произошло 13 июня 1952 г., когда специалист в области философии естествознания, член-корреспондент АН СССР А.А. Максимов опубликовал в совсем не «философской» газете «Красный флот» статью «Против реакционного эйнштейнианства в физике». В ней объявлялись нелепостью основные положения теории относительности, сформулированной А. Эйнштейном еще в 1905 году, и утверждалось, что «лагерь идеализма через Эйнштейна, Бора и Гейзенберга стал направлять развитие физики в тупик». С подобными нападками на величайшее научное открытие века Максимова в компании с такими учеными, как А.К. Тимирязев, выступал еще начиная с 20-х годов. Но тогда их «антиэйнштейнианство» воспринималось как частное научное мнение, и не более. Теперь же Максимова и те, кто за ним стоял, явно стремились придать своей точке зрения статус государственно-политической установки и, используя жупелы «реакционного эйнштейнианства» и «физического идеализма»*, пытались,

* Понятие «физический идеализм» как нечто антинаучное и реакционное, противостоящее, так сказать, подлинно научному диалектическому материализму, было сформулировано Лениным в работе 1909 года «Материализм и эмпириокритицизм» и с присущей ему полемической резкостью охарактеризовано как «мертвый продукт, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот» (ПСС. — Т. 18. — С. 332). Начиная с 20-х годов в большевистско-догматической философии ярлык «физического идеализма» многократно навешивался как на Эйнштейна, Н. Бора, так и на других представителей «буржуазной» физики. При этом в качестве главного приводился тот аргумент, что если верить «физическим идеалистам», то 15 млрд. лет тому назад Вселенная помещалась в объеме одного кубического сантиметра, тогда как согласно диалектическому материализму она бесконечна во времени и пространстве.

подобно Лысенко в биологии, учинить такой же погром в физике. Те, против кого был направлен этот замысел, не могли не понять его цели. Уже 7 июля академик В.А. Фок, третируемый за глаза Максимовым и иже с ним как «физический идеалист», направил из Ленинграда Маленкову рукопись своей контрстатьи под красноречивым заголовком «Против невежественной критики современных физических теорий». Утверждая в ней, что «оспаривать в настоящее время теорию относительности столь же нелепо, как оспаривать шаровидность Земли...», ученый просил Маленкова посодействовать в ее публикации. Однако осторожный секретарь ЦК, решив подстраховаться, передал рукопись Ю. Жданову (тогда заведующему отделом естественных и технических наук и вузов ЦК) для «подготовки заключения». Как и следовало ожидать, тот, взяв фактически Максимова под защиту, ответил вскоре, что «возражения Фока против взглядов Максимова на теорию относительности слабо аргументированы». В последующие месяцы Жданов как мог препятствовал появлению статьи Фока в печати, хотя ее текст и был одобрен 6 августа на заседании секретариата ЦК. Не без его участия 17 декабря в «Правде» появилась передовица под названием «Развертывать критику и борьбу мнений в науке», настраивавшая общественное мнение против «современных идеалистов» в физике. А 16 января 1953 г., в самый разгар «дела врачей», Ю. Жданов уже открыто использовал трибуну «Правды», опубликовав в ней собственную статью с разоблачением «эйнштейнианства».

Сторонники теории относительности, воспринимавшие все это как зловещее предзнаменование грядущей расправы с ними, тем не менее не пали духом, а сплотились и перешли к решительным действиям. В двадцатых числах декабря 1952 года Курчатов передал Берии адресованное ему коллективное письмо ряда видных физиков (И.Е. Тамма, Л.Д. Ландау, А.Д. Сахарова, М.А. Леонтовича, А.И. Алиханова, И.К. Кикоина и др.), которые солидаризировались с Фоком и настаивали на скорейшей публикации его статьи в центральной печати, мотивируя это тем, что «важнейшие проблемы, стоящие перед советской физикой — проблемы... ядерных сил, не могут быть разрешены без использования теории относительности». В свою очередь, Берия, которому Курчатов еще в начале 1949 года разъяснил, что создание атомной бомбы невозможно без признания теории относительности и квантовой механики, «надавил» на Маленкова, и в январе 1953-го статья Фока наконец увидела свет на страницах журнала «Вопросы философии»¹⁸².

Таким образом, благодаря прагматическим интересам обеспечения оборонной мощи державы в физике в отличие, скажем, от биологии здравый смысл возобладал еще при жизни диктатора. Правда, в затылок ему уже дышала смерть, да и силы его были на исходе.

Ситуация в промышленности

ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Если евреи, составлявшие цвет советской, прежде всего академической, науки, смогли избежать в большинстве своем гонений благодаря вовлеченности в атомный проект и важнейшие связанные с укреплением обороноспособности страны фундаментальные теоретические исследования, то того же нельзя сказать об их соплеменниках — ученых, конструкторах, управленцах, трудившихся в традиционных отраслях военной промышленности. В отличие от культурно-идеологической сферы, где ранее всего проявился шовинистический потенциал режима, а первый приступ антиеврейской кадровой лихорадки был отмечен еще в 1942–1943 годах, еврейская номенклатурная элита ВПК (производственные топ-менеджеры, руководители ОКБ и НИИ) не только могла чувствовать себя более или менее спокойно в годы войны, но и, по понятным причинам, располагала тогда довольно значительным кредитом доверия со стороны властей. Свидетельством тому могут служить следующие данные по промышленности вооружения¹⁸³:

Контингент	Русские		Еврей		Всего	
	01.06.41	01.01.46	01.06.41	01.01.46	01.06.41	01.01.46
Директора заводов	29	41	6	9	40	60
Главные инженеры заводов	22	33	8	17	33	57
Руководители КБ и НИИ	6	10*	—	4*	7	16*

Антиеврейская чистка в отраслях оборонной индустрии началась главным образом с 1949–1950 годов. С этого времени в той же системе производства вооружения на крупных артиллерийских предприятиях были смещены со своих постов директор А.И. Быховский, Б.А. Хазанов, Б.А. Фраткин, главный инженер М.З. Олевский. Оказались не у дел и другие руководители, в том числе А.А. Форштер (подмосковный радиолокационный завод № 304), М.М. Дунаевский (завод № 297 в Йошкар-Оле), С.П. Рабинович, его заместитель М.Л. Слиозберг (московский НИИ-20, разрабатывавший радиолокационную технику). Известный радиофизик академик М.А. Леонтович, оказавшись невольным очевидцем проведения такой чистки с национальным укло-

* Данные на 1 августа 1946 г.

ном в стенах ЦНИИ-18 (радиолокационной научно-исследовательской организации), прямо заявил в июле 1949 года секретарю тамошнего парткома:

«Я не согласен с тем антисемитским курсом, который сейчас принят партией... Я могу назвать институты, откуда евреев увольняют в алфавитном порядке только за то, что они евреи...».

Через месяц Леонтович был отстранен от руководства секретной лабораторией № 1, а потом и вообще вынужден был уйти из института. Но без работы он не остался. На его счастье, в 1951 году Курчатова предложил ему в своем институте должность руководителя исследований по проблеме управляемого термоядерного синтеза¹⁸⁴.

В роли защитника гонимых выступал порой и министр вооружения Д.Ф. Устинов, который, будучи заинтересованным в поддержании высокого уровня исследовательско-конструкторских работ, проводившихся в отрасли, старался, как мог, сохранить для нее наиболее талантливых специалистов. В определенной мере благодаря ему остался на своем месте руководитель ОКБ-16 А.Э. Нудельман, проектировавший в годы войны авиационные пушки, а потом управляемые противотанковые и зенитные реактивные снаряды. А в декабре 1950 года Устинов вступился за главного конструктора Свердловского артиллерийского завода № 8 Л.В. Люльева, получившего в 1948 году Сталинскую премию за создание зенитных ракет. Увольнения Люльева добивался первый секретарь Свердловского обкома В.И. Недосекин, который обвинял его в сокрытии компрометирующих данных о родственниках и особом благоволении к сотрудникам «одной национальности». Несмотря на это Устинову удалось убедить Маленкова и заведующего отделом машиностроения ЦК И.Д. Сербина в том, что Люльева трогать нельзя, ибо, лишившись этого уникального специалиста, отрасль столкнется с большими трудностями в разработке нового ракетного вооружения.

Однако несмотря на то, что с мнением Устинова в верхах считались и он был вхож к Сталину, его возможности отнюдь не были безграничными. В июле 1950 года министру вооружения пришлось «принять к исполнению» подготовленное Сербиным решение секретариата ЦК о низложении директора НИИ-88 Л.Р. Гонора*, которого он лично знал как толкового заместителя, когда еще до войны руководил ленинградским заводом «Большевик». В годы войны Гонор был сначала директором военного завода № 221 «Баррикады» в Сталинграде, потом — артиллерийского завода № 8 в Свердловске. В 1946-м он возглавил НИИ-88, созданную в Подмоскowie головную

* Тогда же в НИИ-88 подверглись гонениям главный конструктор Н.Л. Уманский, начальник отдела приборов управления Б.Е. Черток и другие руководящие сотрудники из числа евреев.

проектную организацию в области ракетостроения. Это был целый комплекс исследовательских, конструкторских, производственных и испытательных подразделений, занятых созданием дальних ракет, в том числе и на базе немецкой ФАУ-2. Здесь работали будущие академики С.П. Королев, М.К. Янгель, В.П. Мишин, Н.А. Пилюгин и другие талантливые создатели советской ракетно-космической техники. Удивительно, как во главе такого секретнейшего предприятия Гонору удалось удерживаться более полугода лет после разгона в конце 1948 года ЕАК, в президиум которого он был избран в 1944-м. Причиной тому, видимо, стало покровительство со стороны Устинова, а также репутация Гонора как одного из наиболее авторитетных представителей советского директорского корпуса, к тому же удостоенного звания Героя Социалистического Труда и награжденного Сталинской премией. Однако, оказавшись потом не у дел, Гонор, несмотря на прежние заслуги перед родиной, несколько месяцев находился в положении безработного, пока в октябре 1950-го Устинов не выхлопотал для него у Маленкова должность директора завода № 4, находившегося в далеком Красноярске. Казалось, что это предприятие в провинциальной глуши может стать надежным убежищем для Гонора. Но в конце 1951 года оно оказалось причастным к так называемому «артиллерийскому делу», возникшему после принятия 31 декабря постановления политбюро, в котором отмечалось, что изготовлявшиеся на заводе автоматические зенитные пушки «С-60» имеют конструктивные недостатки. Поскольку выяснилось, что дефекты были выявлены еще в 1949 году при испытании опытных образцов и Министерство вооруженных сил не только не настояло тогда на их устранении, а санкционировало передачу недоработанной пушки в серийное производство, основную вину за «вскрывшееся вредительство» возложили на военных: были арестованы заместитель военного министра, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев и начальник главного артиллерийского управления И.И. Волкотрубенко. Но свою долю ответственности пришлось нести и руководству Министерства вооружения (взяли под стражу заместителя министра И.А. Мирзаханова). И только особое благорасположение Сталина к Устинову спасло последнего тогда от ареста. Впрочем, его предупредили, что «в случае повторения попыток обмана правительства он будет отдан под суд». После того, как фортуна отвернулась от любимца диктатора, он уже не мог, как прежде, защищать «своих людей». Этим не преминули воспользоваться Сербин и другие недоброжелатели Гонора в аппарате ЦК. В мае 1952 года, ссылаясь на наличие «серьезных компрометирующих материалов», они добились его отстранения от руководства заводом в Красноярске. После возвращения Гонора в Москву им вплотную занялось МГБ. На Лубянке из архива следствия по делам еврейских националистов были извлечены показания журналистки М.С. Айзенштадт (Железновой), расстрелянной ранее

по обвинению в шпионаже. В них утверждалось: Гонор, являясь «домашним знакомым и приятелем» журналистки, помог ей устроиться в свое время в редакцию газеты «Сталинградская правда»; позже она, установив «преступную связь с главарями Еврейского антифашистского комитета», передала им для опубликования в американской печати очерк о том, как Гонор на посту директора военного завода «Баррикады» участвовал в обороне Сталинграда. В общем, налицо были «сношения» Гонора с «еврейскими националистами» и переправка через них за границу «секретной» информации. На основании этого абсурдного обвинения 6 февраля 1953 г. министр госбезопасности Игнатьев поставил перед Маленковым, Берией и Н.А. Булганиным (тогда первый заместитель председателя Совета министров СССР и председатель бюро Совмина по военно-промышленным и военным вопросам) вопрос об аресте бывшего директора. Через три дня те, исполняя волю Сталина, дали соответствующую санкцию, и Гонора водворили во Внутреннюю тюрьму МГБ. На его счастье, диктатору оставалось жить совсем немного, поэтому узника вскоре освободили, а потом и реабилитировали¹⁸⁵.

Еще более драматические события развернулись в другом военно-промышленном ведомстве — в системе Министерства авиационной промышленности, где от государственного антисемитизма пострадали десятки высококвалифицированных работников еврейского происхождения. Разумеется, и тут были свои «неприкасаемые», например такие выдающиеся авиаконструкторы, как С.А. Лавочкин, М.Л. Миль (создатель вертолетов), М.Р. Бисноват (разработчик первой советской крылатой ракеты), которые были защищены от ударов судьбы своим уникальным талантом и способностями.

Повальная чистка в отрасли началась с колыбели советского авиастроения — Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского. Комиссия ЦК, проводившая там проверку в мае 1950 года, доложила руководству:

«На ряде важнейших участков ЦАГИ находятся люди, которых по политическим соображениям следовало бы заменить. Они группируют вокруг себя лиц одной национальности, насаждают нравы восхваления друг друга, создавая ложное мнение о незаменимости, протаскивая «своих людей» на руководящие должности».

Чтобы не возникло сомнений, о ком идет речь, к записке, адресованной Маленкову, авторы приложили список сотрудников еврейского происхождения, подлежащих немедленному увольнению из института. Таковых оказалось около 60. Все они имели родственников за границей, главным образом в США. Один из руководителей ЦАГИ, А.А. Дородницын, пытался как-то защитить наиболее талантливых специалистов, включенных в этот «черный список». Однако его ходатайства были встречены комиссией в штыки, а ее председа-

гель тет-а-тет разъяснил ему, что надо бороться с «пятой колонной». Видимо, за недостаточную борьбу с этой «опасностью» 2 июня секретариат ЦК наложил строгие взыскания на заместителя министра авиационной промышленности по кадрам С.И. Афанасьева и начальника ЦАГИ С.Н. Шишкина, которого месяца через три после этого вообще убрали из института¹⁸⁶.

Подобные проскрипционные списки составлялись и в других научно-исследовательских институтах отрасли, скажем, во Всесоюзном институте авиационных материалов (ВИАМ), где одновременно изгнали 18 человек. А в Центральном институте авиационного моторостроения (ЦИАМ) чистку начали со снятия его начальника В.И. Полюковского. В Летно-исследовательском институте (ЛИИ) был отстранен от полетов на опытных самолетах известный летчик-испытатель М.Л. Галлай. Но наиболее изощренной кадровой проверке подверглись сотрудники сверхсекретного научного центра авиационного НИИ-1 (Научно-исследовательского института реактивной авиации), откуда были изгнаны заместитель руководителя этой организации по науке Г.Н. Абрамович и ряд других ведущих специалистов еврейского происхождения¹⁸⁷.

Как всегда, не осталось в стороне и МГБ. Еще 3 августа 1949 г. люди с Лубянки арестовали директора московского авиазавода № 339 И.И. Штейнберга, которого потом нещадно пытали. Через несколько месяцев у руководства госбезопасности, видимо, возник соблазн сфабриковать крупномасштабный сионистский заговор в центральном аппарате управления отраслью. На роль его предводителя был намечен заместитель министра авиационной промышленности по снабжению С.М. Сандлер. 8 января 1950 г. он был представлен в записке заместителя министра госбезопасности С.И. Огольцова в ЦК как руководитель, целенаправленно «засоряющий» кадры военно-промышленного ведомства. Однако плану «органов» не суждено было сбыться, так как у Сандлера оказались влиятельные покровители. Со времен войны его хорошо знал Маленков, курировавший в ГКО самолетостроение. На дружеской ноге Сандлер был с И.Ф. Тевосяном, который в 1920 году в Баку принимал его в партию. Там же он познакомился с Берией, с кем особенно сблизился летом 1948 года, когда был прикомандирован в течение двух месяцев к возглавлявшемуся им Специальному комитету при Совете министров СССР. Тогда Сандлер руководил изготовлением алюминиевых труб для сооружавшегося в Челябинской области первого промышленного атомного реактора. После успешного испытания атомной бомбы в августе 1949-го Сандлера наградили орденом Ленина. Все это и спасло потом его от ареста. Тем не менее 4 июля 1950 г. постановлением политбюро он был лишен должности заместителя министра и низведен до уровня начальника небольшого филиала ВИАМ¹⁸⁸.

Поняв, что Сандлер ему не по зубам, Абакумов все же не успокоился, а избрал другую жертву. 18 октября по его распоряжению 5 управление МГБ арестовало начальника финансового управления Минавиапрома И.Е. Хавина. Еврей, в 1918–1919 годах состоявший в Бунде, к тому же потом учившийся вместе с будущим «врагом народа» Н.А. Вознесенским в Институте красной профессуры, он также годился на главную роль в сценарии о сионистском заговоре в штабе авиаиндустрии. Однако и тут МГБ ждала неудача. На допросах Хавин держался стойко и мужественно. На вопрос следователя, выказывал ли Сандлер националистические настроения, он ответил: «Никогда и никаких националистических разговоров у меня с Сандлером не было, и националистических высказываний я от него не слышал». Поняв, что большего от Хавина не добьешься, МГБ оформило ему через Особое совещание наказание в виде десяти лет лагерей «за участие в антисоветской организации и проведение вредительства в авиационной промышленности»¹⁸⁹.

Тем временем посредством так называемых аттестаций развернулось интенсивное выживание евреев из центрального аппарата Минавиапрома. В секретный отчет этого ведомства, озаглавленный «О работе с кадрами за 1951 г.» и отправленный в ЦК, была включена таблица со следующими данными¹⁹⁰:

Национальный состав служащих	Принято на работу в 1951 г.	Уволено в 1951 г.
Русские	187	179
Украинцы	6	6
Евреи	—	13
Представители других национальностей	1	2

Что касается предприятий отрасли, то летом — осенью 1950 года редкое заседание секретариата ЦК обходилось без характерного для той поры решения об очередном смещении с номенклатурной должности того или иного функционера еврейского происхождения. 4 августа уволили директора саратовского завода № 292 И.С. Левина, в течение десяти лет руководившего этим предприятием, выпускавшим в годы войны, порой в самых драматических условиях*, истребители конструкции А.С. Яковлева. Ровно через неделю от руко-

* 23 июня 1943 г. гитлеровская авиация почти полностью разрушила это предприятие. За годы войны не было другого завода в отрасли, который так серьезно пострадал бы от бомбардировки с воздуха. Тем не менее на нем уже спустя три месяца после налета был полностью восстановлен количественный выпуск самолетов.

водства старейшим отечественным авиадвигательным заводом № 24 в Куйбышеве был отстранен другой опытный хозяйственник — М.С. Жезлов, который с 1937 года работал директором различных авиапромышленных предприятий. Помимо банальных упреков в «засорении кадров режимного объекта политически сомнительными людьми» (к этой категории были отнесены начальник серийно-конструкторского отдела М.И. Идельсон, начальник филиала завода Я.С. Вишневецкий и др.) ему вменили в вину и совершенно анекдотический факт: в 1918 году голосовал против заключения Брестского мира. Еще спустя две недели, 25 августа, сняли сразу двух руководителей подмосковных авиапромышленных предприятий: директора завода легких сплавов № 65 И.С. Выштынецкого и заместителя директора завода № 456 Д.Л. Самойловича. В сентябре такая же участь постигла директора московского завода № 315 И.Д. Соломоновича, а в октябре — главного инженера старейшего самолетостроительного предприятия России — завода № 30 (ныне МАПО «МИГ») Н.А. Шапиро. Когда Сталину доложили о «засилье» евреев на этом производстве, тот, придя в неописуемую ярость, отдал такое вот указание Хрущеву:

«Надо организовать здоровых рабочих, пусть они возьмут дубинки и, когда кончится рабочий день, побьют этих евреев».

Правда, до массового побоища дело так и не дошло, но антиеврейская чистка персонала служащих предприятия была проведена радикально. К весне 1951 года оттуда был изгнан в общей сложности 71 управленец¹⁹¹.

СУДЬБА ЗНАМИТОГО ТАНКОСТРОИТЕЛЯ

Пожалуй, наиболее крупным руководителем из числа евреев, подвергшихся в конце 40-х — начале 50-х годов чистке в оборонной промышленности, был директор Челябинского завода им. С.М. Кирова И.М. Зальцман. Родился он в 1905 году на Подольщине, с 14 до 18 лет работал на свекловичных плантациях сахарного завода в местечке Томашполь. Вступил в эти годы в украинский коммунистический союз молодежи и очень скоро выбился в комсомольское начальство. После окончания в 1933 году Одесского индустриального института перебрался в Ленинград, поступив там на Кировский завод (бывший Путиловский), где за пять лет поднялся по карьерной лестнице от мастера до директора предприятия. В сентябре 1941 года за освоение заводом серийного выпуска знаменитых танков Т-34 стал Героем Социалистического Труда. В том же году его назначили заместителем наркома, а в 1942-м — наркомом танковой промышленности. Правда, продержался он на этом посту недолго, в 1943-м Зальцман

вновь руководит Кировским заводом, который в результате эвакуации развернул свои мощности на новой промплощадке в Челябинске. Более или менее спокойная и стабильная жизнь закончилась для Зальцмана с началом антикосмополитической кампании. Тогда секретарь парткома завода, некто А. Зверев, решил воспользоваться ситуацией, благоприятной для интриги против именитого директора. 21 февраля 1949 г. он обратился к Сталину, обвинив Зальцмана в порочных авторитарных методах руководства, обмане государства, укрывательстве финансовых махинаций и хозяйственных злоупотреблений. Поскольку о подобных фактах, которые имели место чуть ли не на каждом втором предприятии, в «инстанцию» сообщалось тогда довольно часто, первоначально к этому доносу в ЦК отнеслись равнодушно. Только 13 апреля административным отделом была подготовлена записка Маленкову с предложением организовать соответствующую проверку, а 21 мая секретариат ЦК наконец утвердил это предложение. Проволочки эти отнюдь не были случайными. Если бы дело было только в Зальцмане, то по нему, не долго думая, приняли бы то или иное решение. Но, как оказалось, все это время Маленков и стоявшие за ним аппаратчики, расправившиеся тогда с конкурентами из «ленинградской» группировки, решали, видимо, как лучше использовать Зальцмана в своей политической игре. Ведь не кто иной, как А.А. Кузнецов, будучи в 1938 году секретарем Ленинградского горкома, рекомендовал Зальцмана на пост директора Кировского завода. К тому же последний, тесно общавшийся в свое время со многими руководителями города на Неве, теперь мог стать важным источником компромата против них.

Как вспоминал потом сам Зальцман, в июне 1949 года его вызвали в ЦК на бюро КПК, на котором присутствовали Маленков и Суслов. Открывая заседание, Шкирятов без обиняков заявил директору:

«В бывшем ленинградском руководстве оказались враги народа. Ты многих знаешь. Поэтому должен помочь нам и написать, что тебе известно об их преступных замыслах и действиях».

Когда на следующее заседание Зальцман принес письменные показания о совместной работе с интересовавшими Шкирятова людьми, тот, бегло ознакомившись с текстом, разочарованно заметил: «Это никуда не годится». А взявший потом слово Маленков, глядя в упор на Зальцмана, угрожающе подытожил:

«Ты берешь под защиту руководителей, которые пошли против партии. Значит, разделяешь их позицию. Что ж, будем заниматься и твоим делом»¹⁹².

Вскоре за психологическим давлением последовали конкретные действия против неуступчивого директора, причем в качестве дискре-

дитирующего аргумента цинично стало использоваться его национальное происхождение. 30 июня комиссия под председательством секретаря ЦК П.К. Пономаренко (в нее вошли также заместитель председателя Совета министров СССР В.А. Малышев и министр транспортного машиностроения И.И. Носенко) направила Сталину записку, в которую наряду с прежними были включены и новые обвинения против Зальцмана. Последние сводились к тому, что он покровительствует своим соплеменникам и назначил, к примеру, Я.Е. Гольдштейна («происходит из семьи крупного горнопромышленника») главным металлургом завода, А.А. Белинкина («происходит из семьи фабриканта... родной брат, дядя, две тетки проживают в США») — заместителем начальника производства, Я.Т. Юдиловича («уроженец Польши... проживал в Германии... родной брат арестован органами НКВД, два дяди проживают в США, один из них крупный капиталист») — экономистом планового отдела и т. д. 11 июля Сталин подписал постановление политбюро, которым Зальцман смещался с директорского поста. За поддержку последнего пострадало и челябинское областное начальство: лишились своих должностей первый секретарь обкома А.А. Белобородов и некоторые другие руководители ниже рангом. Однако этим дело не ограничилось. Так как тем же решением Шкирятову поручалось «рассмотреть вопрос об антипартийном поведении» Зальцмана, тот, продолжив «партийное следствие», 10 сентября доложил Маленкову, что арестованный к тому времени А.А. Кузнецов заявил на допросе, что в 1945 году Зальцман преподнес ему изготовленную на Златоустовском заводе именную шашку, отделанную золотом и драгоценными камнями, а также золотые часы. Такие же часы были подарены тогда и секретарям Ленинградского обкома П.С. Попкову и горкома — Я.Ф. Капустину. КПК также стало известно, что весной 1946 года Зальцман, находясь в Москве, встречался с Михозлсом и по его просьбе в виде материальной помощи отгрузил еврейскому театру для ремонтных работ пять вагонов леса, три тонны кровельного железа, 800 килограммов красок и другие строительные материалы. Всех этих прегрешений с избытком хватило для того, чтобы 17 сентября секретариат ЦК утвердил постановление КПК об исключении Зальцмана из партии «за недостойное поведение»¹⁹³.

От более сурового наказания бывшего директора уберегла, как он утверждал впоследствии, случайность — преподнесенная ранее вождо безделушка, представлявшая собой искусно сделанный письменный прибор в виде танка и артиллерийских орудий, который очень ему понравился. Но, думается, скорее всего от ареста спасло Зальцмана то, что после изгнания из партии он быстро уехал из Москвы и затерялся в провинции, устроившись в Орле простым мастером на завод № 537, изготавливавший запчасти для танков и тракторов¹⁹⁴.

«ДЕЛО ЗИСА»

Кульминацией антиеврейской чистки в промышленности стали события, развернувшиеся в 1950 году вокруг московского автомобильного завода имени Сталина и увенчанные кровавой расправой над ни в чем неповинными людьми.

Эту трагедию на заводе вряд ли кто-либо мог предвосхитить, скажем, в середине 40-х годов, когда по окончании войны на родное предприятие возвратились полные оптимизма фронтовики и заняли свои привычные рабочие места на конвейере и у станков. Тогда общественно-культурная жизнь евреев на ЗИСе заметно активизировалась. Часть из них, наиболее спаянная на национальной почве, увлекшись культурой своего народа, стала совершать коллективные походы в театр Михозлса, а когда тот погиб, делегировала на его похороны своих представителей. В мае того же 1948 года М. Лейкман, Б. Симкин и другие рабочие и инженеры ЗИСа направили Еврейскому антифашистскому комитету приветственную телеграмму по случаю образования Израила. Душой и организатором такого рода акций был помощник директора завода А.Ф. Эйдинов (Вышедский), который имел самые доверительные отношения с руководителем завода И.А. Лихачевым. В бытность Хрущева первым секретарем ЦК КП(б) Украины Лихачев вместе с Эйдиновым приезжали к нему на отдых в Крым в один из послевоенных годов. Тогда Хрущев вряд ли мог представить себе, что пройдет не так уж много времени, и его жизнь самым трагическим образом еще раз пересечется с судьбами гостивших у него когда-то директора московского автозавода и его помощника — «щупленького, худенького еврея»¹⁹⁵.

Произойдет это вскоре после того, как в декабре 1949 года Сталин назначит Хрущева секретарем ЦК и первым секретарем Московского комитета ВКП(б). То ли по собственной инициативе, то ли повинувшись указанию свыше, но в феврале 1950-го Хрущев во главе специально созданной комиссии нагрянул на ЗИС и учинил там проверку. Через несколько дней он доложил Сталину о серьезном неблагополучии, возникшем на предприятии в связи с активной деятельностью еврейских националистов, и предложил «с целью оздоровления обстановки» предпринять самые радикальные и суровые меры. Seriously встревоженный такой информацией диктатор поручит Хрущеву совместно с Маленковым и Берией срочно допросить Лихачева, которого уже давно недолюбливал*. Последний вскоре был доставлен в Кремль, и в зале заседаний бюро Совета министров СССР эта своеобразная «тройка» предъявила ему обвинения в утрате бдительности, покоро-

* По предложению Сталина в октябре 1940 года Лихачев «за недопустимую практику нарушений конкретных указаний правительства» был снят с поста наркома среднего машиностроения (196).

вительстве евреям, насаждении их на руководящие должности, что якобы обернулось возникновением на предприятии антисоветской еврейской вредительской группы во главе с его ближайшим помощником Эйдиновым. После этого от Лихачева потребовали объяснений по поводу приезда в свое время на завод американского посла У.Б. Смита, который, осмотрев выпускавшийся правительственный лимузин «ЗИС-110», подарил директору авторучку и пригласил к себе в посольство, чтобы продемонстрировать «кадиллак» нового образца. Ошарашенный такими неожиданными инвективами Лихачев потерял сознание и упал в обморок. Его, окатив водой, привели в чувство и отправили домой. Когда обо всем доложили Сталину, тот счел, что утратившему его доверие хозяйственнику преподан надлежащий урок, и ограничился тем, что сместил его с директорского поста. В июне Лихачева назначили руководителем небольшого авиационного завода в Москве*¹⁹⁷.

Тем временем в МГБ началась фабрикация «дела ЗИСа», которое решили «увязать» с еще одним «делом», возбужденным еще в январе 1949-го в отношении арестованного тогда еврейского литератора и члена ЕАК С.Д. Персова. Из его показаний было известно, что, подготавливая в 1946–1947 годах для американской печати серию очерков «Евреи завода Сталина в Москве», он познакомился с Эйдиновым, который организовал его поездку на предприятие и помог провести интервью с евреями — передовиками производства. Кроме того, обнаружилось, что во время посещения завода американским послом Смитом Эйдинов рассказал ему о технических возможностях правительственного автомобиля «ЗИС-110». Оснований для ареста последнего, таким образом, набралось предостаточно, 18 марта 1950 г. его забрали на Лубянку, хотя уже с весны 1949-го он работал на другом предприятии.

В сценарии Абакумова Эйдинов был представлен ключевым фигурантом дела, предводителем еврейских националистов на ЗИСе, ответственным за «сбор секретных сведений» для американцев. Для подкрепления версии о шпионском следе в апреле была арестована М.С. Айзенштадт (Железнова), журналистка, часто бывавшая на заводе и тесно сотрудничавшая с ЕАК и американскими изданиями. В обвинительном заключении по «делу ЗИСа» потом появится следующая формулировка:

«Установлено, что еврейское националистическое подполье, действовавшее в СССР под прикрытием Еврейского антифашистского комитета,

* После смерти Сталина Лихачева назначат министром автомобильно-го транспорта и шоссежных дорог СССР. В июне 1956 года он умер, и Хрущев, возможно, чувствуя за собой немалую долю вины за то, что произошло с покойным шестью годами ранее, присвоил его имя заводу, директором которого тот стал еще в 1927 году.

в своей вражеской работе стремилось найти поддержку националистов, свивших себе гнездо на Московском автомобильном заводе. Активные участники этого вражеского подполья Михозлс, Персов, Айзенштадт, действуя по указаниям из Америки, посещали завод, завязывали нужные связи, использовали их в преступных целях»¹⁹⁸.

Возможно, что мастера мистификаций с Лубянки намеревались соответствующим образом интерпретировать не только контакты Эйдинова с деятелями ЕАК, но и его родство с бывшим секретарем ЦК КП(б) Белоруссии Г.Б. Эйдиновым и заместителем министра авиационной промышленности С.М. Сандлером. Если это действительно было так, то можно предположить, что руководство МГБ в случае получения директивы сверху не исключало возможности трансформировать «дело ЗИСа» в крупномасштабный «сионистский заговор» в промышленности и соответствующим образом к этому готовилось. Однако этот «проект», как, впрочем, и многие другие подобного рода «заготовки» госбезопасности, так и не был воспринят Кремлем.

Допрошенный в 1955 году бывший заместитель начальника следственной части по особо важным делам К.А. Соколов рассказал, что сразу же после ареста Эйдинова Абакумов распорядился в буквальном смысле «выбить» из него показания о шпионской, вредительской и националистической деятельности. Поэтому в ходе первого допроса Эйдинов подвергся «мерам физического воздействия» (истязанию резиновыми палками), что мотивировалось необходимостью быстрого получения от него «чистосердечного признания». Помимо Эйдинова в течение нескольких месяцев арестовали десятки других работников завода, в том числе инспектора при директоре М.М. Кляцкина, начальника управления капитального строительства Г.Э. Шмаглита, начальника производства П.М. Мостославского, начальника отдела труда и зарплаты В.М. Лисовича, начальника производственно-диспетчерского отдела А.И. Шмидта, известного автоконструктора Г.А. Сонкина, заместителя главного металлурга М.А. Когана, главного конструктора Б.М. Фиттермана, директора комбината питания Б.Ю. Персина, начальника медсанчасти Д.Я. Самородницкого и других «еврейских националистов». Только непосредственно на заводе, не считая вспомогательных непромышленных подразделений (медсанчасть, клуб и т.д.), взяли под стражу 48 человек, в том числе 42 еврея¹⁹⁹. Некоторых из них, в том числе Кляцкина, Лисовича, Шмаглита, как и Эйдинова, подвергли пыткам.

Наряду с политическими подследственным инкриминировались и чисто уголовные преступления, а также «вредительско-подрывная работа»: умышленное занижение производственных планов, выпуск дефектных автомашин, строительство за счет средств завода личных дач, расхищение продуктов, предназначенных для питания рабочих, и т.д. Эйдинову, кроме того, вменили в вину проведение у себя

в кабинете антисоветских сборищ, на которых критиковалась политика партии и советского государства. В подтверждение этого следствием приводились, в частности, зафиксированные ранее негласной агентурой высказывания Е.А. Соколовской, работавшей до ареста главным ревизором завода. Утверждалось, что однажды в беседе со своими единомышленниками-«сионистами» она заявила:

«Советским евреям не нужен маленький неблагоустроенный Биробиджан. Это унижительно для еврейского народа. Нужно создать союзную еврейскую республику в Крыму или на территории бывшей республики немцев Поволжья».

Собранные Лубянкой «доказательства» «преступной деятельности» «группы буржуазных еврейских националистов» на ЗИСе были в юридическом плане не только легковесны и несостоятельны, но и имели в значительной степени сомнительное происхождение. Поэтому «дело» рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР на закрытом заседании. Председательствовал на нем генерал-майор юстиции И.О. Матулевич. Эйдинову и девяти его поделщикам — Мостославскому, Лисовичу, Персину, Кляцкину, Самородниченко, И.М. Блюмкину, А.З. Финкельштейну, Э.Л. Лившицу, Л. С. Беленькой (двое последних — руководители главнаба Минавтотракторпрома) был вынесен смертный приговор. Большинству остальных осужденных определили максимальные сроки заключения в лагеря и тюрьмы. Фиттерману, например, предстояло провести ближайшие 25 лет в особом лагере МВД СССР.

Эйдинова расстреляли 23 ноября 1950 г. Не избежала наказания и русская жена Эйдинова, Р.Г. Филиппова, которой вначале, что называется, без свидетелей попеняли за то, что «связалась с жидом», а потом объявили о высылке на пять лет в Казахстан.

В один день с Эйдиновым казнили Айзенштадт (Железнову), Персова, а также главного редактора ЕАК Н.Я. Левина, которого обвинили в том, что он поручил Персову собрать информацию о столичном автозаводе им. Сталина и потом переправил ее в США. Хотя формально эти трое проходили по другим делам, но фактически они стали жертвами все того же «дела ЗИСа», которое, таким образом, по количеству загубленных человеческих жизней (13 казненных) не уступает «делу ЕАК». Пострадавшие «зисовцы» были реабилитированы 1 октября 1955 г., после чего те из них, кто сумел выжить, обрели свободу.

Массовые репрессии, направленные главным образом против евреев, имели место и на других предприятиях автопромышленности. Еще в августе—декабре 1949 года на Ярославском автомобильном заводе, производившем дизельные двигатели, местная госбезопасность арестовала десять членов так называемой буржуазно-националистической троцкистской группы, в том числе Р.Э. Каплана,

М.М. Рабиновича, М.Я. Лимони, А.А. Булатникова и И.Я. Коппеля, осуществлявших якобы широкомасштабную вредительскую деятельность. На допросах они показали, что вели «антисоветские разговоры» о том, что под прикрытием борьбы с антипатриотизмом в стране развивается русский нацизм и пропаганда умышленно подчеркивает преобладание евреев среди космополитов, поощряя тем самым антисемитизм. От арестованных также было получено «признание», что руководил преступной группой главный инженер завода А.М. Лившиц (между прочим, талантливый специалист, награжденный в 1948 году Сталинской премией). Впрочем, заслуги эти не приняты в расчет, и 25 марта его также водворили в тюрьму²⁰⁰.

Тем не менее большей части пострадавших от чистки руководителей предприятий Министерства автомобильной и тракторной промышленности все же удалось избежать арестов, отделавшись изгнанием с работы и исключением из партии. Пожалуй, первой жертвой такого «легкого» антиеврейского поветрия в отрасли стал директор Московского завода малолитражных автомобилей А.М. Баранов. Еще в начале 1948 года его с позором уволили, обвинив в том, что начиная с 1919 года он скрывал свою национальность и настоящее имя и отчество (Абрам Моисеевич), «незаконно» называя себя Алексеем Михайловичем. Но массовый характер подобного рода действия приняли начиная с 1950 года. 3 января перестал быть директором карбюраторного завода в Ленинграде А. Окунь. В последующие месяцы лишились своих должностей начальник Государственного института по проектированию заводов автомобильной и тракторной промышленности И.Б. Шейнман, директор Ирбитского мотоциклетного завода Е.Р. Мишурис, главный инженер Харьковского тракторного завода Я.И. Невяжский и другие руководители²⁰¹.

Среди тех, кто подвергся тогда нападкам, унижению и остракизму, был Я.С. Юсим, смещенный 12 мая с поста директора Куйбышевского подшипникового завода (4-й ГПЗ). Этот незаурядный управленец, в 1937 году возглавивший столичный 1-й ГПЗ им. Л.М. Кагановича, в 1941-м быстро и организованно провел эвакуацию производственных мощностей завода и рабочих в Куйбышев и там возглавил вновь созданное предприятие. После войны 4-й ГПЗ стабильно выполнял план и считался во всех отношениях передовым. В 1948-м в Куйбышеве даже вышла книга А. Ивича «Второе рождение», рассказывавшая о достижениях завода под руководством Юсима. Потом под названием «Путь в гору» она была переиздана в Москве, причем в самый разгар антикосмополитической кампании, что имело самые неблагоприятные последствия для Юсима, невольно нарушившего главный принцип существования человека-«винтика» в тоталитарном государстве: «не высывайся». С подачи куйбышевских областных властей 14 апреля 1949 г. в записке Маленкову заместитель начальника от-

дела машиностроения ЦК И.Д. Сербин*, на котором лежит значительная доля вины за раздувание антисемитизма в промышленности, обвинил Юсима в порочной кадровой политике. Однако тот, будучи вынужденным смириться с увольнением ряда ближайших своих помощников еврейского происхождения, все же удержался тогда в директорском кресле, отделившись выговором «за непартийное отношение к подбору и назначению кадров». Однако такой паллиатив ненадолго успокоил Сербина, которого Сталин поставил в 1950-м во главе отдела машиностроения ЦК. В ответ на такую высокую оценку вождем его деятельности Сербин в том же году сначала направил Маленкову список из 17 евреев, когда-то назначенных Юсимом на руководящие должности на 4-м ГПЗ, а потом добился позорного изгнания того с завода. Заслуженного хозяйственника, чье имя еще недавно гремело на всю страну, отправили в подмосковный Серпухов директором строившегося там заводика по производству инвалидных мотоколясок. Не перенеся обид и унижений, Юсим серьезно заболел и вскоре умер²⁰².

Поощряемые иницировавшимися сверху гонениями на евреев и желавшие поживиться за счет последних мелкие и средние чиновники, предвкушавшие появление множества престижных и высокооплачиваемых вакансий, сделали немало для ужесточения чистки на предприятиях автостроения. От них потоком шли наверх подметные письма с заведомой клеветой и дезинформацией. Типичным в своем роде являлся анонимный донос, направленный в апреле 1950-го в ЦК с уральского автозавода им. Сталина (УралЗИС) в г. Миассе Челябинской области. Апеллируя к патриотическим чувствам московского начальства, некто от имени рядовых «беспартийных большевиков» заклинал:

«Мы пришли... к выводу, что социализм находится в опасности, так как все руководящие должности заняты евреями, а они все взоры устремили на Уолл-стрит и предадут нас в грядущей схватке с капитализмом. Народ возмущен и негодует... Низовой народ предан своему правительству и надеется, что наш голос будет услышан... Правды в низах не найдешь, евреи все законы Партии и Правительства приспособили для себя и безжалостно пьют нашу праведную кровь, которая пригодилась бы для успешного строительства коммунизма... Когда же наша славная Русь — родина социализма — освободится от американских наймитов, евреев-националистов?»²⁰³

Ответом на этот вопль страдальцев от «еврейского засилья» стало немедленное направление на Урал одного из ответственных контролеров КПК при ЦК ВКП(б). Не успел тот еще прибыть на место, а областные партийные власти уже готовы были отчитаться перед

* Сербин (1910–1981) был одним из цеховских «долгожителей». Если при Сталине он возглавлял отдел машиностроения, то при Хрущеве и Брежнев (в 1958–1981 гг.) — отдел оборонной промышленности ЦК.

ним, разом уволив с УралЗИСа почти всех евреев руководителей. Однако и для московского визитера осталась работа: по его ходатайству потом были сняты со своих постов главный конструктор А.С. Айзенберг и «утративший большевистскую бдительность» директор завода И.Ф. Синицын, которого, правда, вскоре направили в том же качестве на Сталинградский тракторный завод²⁰⁴.

Параллельно проводилась фильтрация кадров партийных структур, курировавших автотракторную промышленность. В конце 1949 года сложил свои полномочия заведующий отделом машиностроения МГК ВКП(б) М.З. Зеликсон. А через несколько месяцев то же самое произошло и с заведующей сектором автотракторной промышленности отдела машиностроения ЦК А.А. Павловой, от которой Сербин избавился, раскритиковав за то, что та «своевременно не реагировала на сигналы коммунистов о засоренности кадров в Министерстве автотракторной промышленности». Кстати, в самом центральном аппарате этого министерства также имели место существенные кадровые пертурбации. Особенно массовыми были увольнения в главных управлениях материально-технического снабжения и подшипниковой промышленности (в последнем 12 отделов из 16-ти возглавляли евреи). В апреле—мае 1950-го лишились своих постов министр С.А. Акопов, которого «понизили» до заместителя министра сельскохозяйственного машиностроения, и его заместитель по кадрам П.Д. Бородин*. Однако этим дело не ограничилось. Одновременно были арестованы помощник министра Б.С. Генкин, его заместитель Ю.С. Коган, начальник Главснаба Э.Л. Лившиц (потом расстрелян), заместитель начальника руководящих кадров Б.С. Мессен-Гиссер. Всех их объявили сообщниками «вредителей-националистов», разоблаченных на ЗИСе. В принятом 5 мая решении политбюро «О недостатках и ошибках в работе с кадрами в Министерстве автомобильной и тракторной промышленности СССР» руководство этого ведомства прямо обвинялось в «провале в работе с кадрами на Московском автомобильном заводе, куда проникла группа враждебных элементов»²⁰⁵.

Автомобилестроение было наиболее популярной и, если так можно выразиться, близкой населению промышленной отраслью, чья продукция, символизирувавшая для многих реальное воплощение научно-технического прогресса и роста благосостояния трудящихся при социализме, начала тогда входить в повседневную жизнь людей. Возможно, поэтому Сталин избрал именно эту отрасль для того, чтобы преподать чиновничеству наглядный урок своей национально-кадровой политики. Как уже отмечалось выше, диктатор настоял на рассылке 21 июня в обкомы, крайкомы, ЦК союзных республик, министерства и ведомства специально изданного закрытого постанов-

* В 1963–1983 годах Бородин будет генеральным директором ЗИЛа.

ления политбюро «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в министерстве автомобильной и тракторной промышленности»²⁰⁶. Этой секретной директивой власти по сути впервые, хотя и в завуалированной форме, объявляли о введении в повседневную практику целенаправленных и систематических антиеврейских кадровых чисток и тем самым легитимировали антисемитизм как государственную политику. После этого процесс кадрового остракизма евреев из управленческой сферы принял универсальный характер. Их изгоняли отовсюду, начиная с «оборонки» и кончая легкой и пищевой промышленностью. Каждое министерство и ведомство должно было теперь раз в году отчитаться перед ЦК об «улучшении» национальной структуры управленческих кадров, под которым подразумевалось постепенное уменьшение «еврейского процента». Превратившись, таким образом, в фактическое основание для увольнения евреев, «пятый пункт» тем не менее, как и прежде, формально не мог быть открыто использован в качестве такового. Администрации категорически запрещалось ссылаться на него и тем более на соответствующие указания свыше; ей следовало мотивировать свои действия такими, например, благовидными предложениями, как наличие родственников за границей, невыполнение функциональных обязанностей, действительные или мнимые злоупотребления и т.п. Когда же некоторые местные начальники, отбросив лицемерный камуфляж, начинали действовать на свой страх и риск с открытым забралом, их поведение квалифицировалось руководством как провокационное и быстро пресекалось*, ибо на бумаге антисемитизм был запрещен законом.

ПОСЛЕДНИЙ СТАЛИНСКИЙ РАССТРЕЛ («ДЕЛО КМК»)

Второй по числу жертв после «дела ЗИСа» кровавой акцией госбезопасности стала расправа, учиненная над членами «националистической сионистской организации», «вскрытой» на Кузнецком металлургическом комбинате (КМК) в Сталинске (с 1961 г. — Новокузнецк) Кемеровской области.

Началось все с того, что в ноябре 1949 года на квартире некоего И.Б. Рапопорта была раскрыта нелегальная синагога, созданная еще

* Когда в ноябре 1951 года на Одесском судостроительном заводе им. А. Марти администрация попыталась уволить сразу 26 руководящих работников-евреев, причем не утруждая себя выдумыванием каких-либо формальных обоснований, транспортный отдел ЦК добился снятия с работы инициаторов этой акции — директора завода С.Л. Сойфера и парторга Н.А. Сокирко (207).

в 1942–1943 годах евреями, эвакуированными на восток из западных областей Украины, Белоруссии, Прибалтики (главным образом беженцами из Польши). После того как в 1945–1946 годах произошла репатриация польских евреев и реэвакуация евреев, прибывших из европейской части СССР, иудаистская община в Сталинске хоть и значительно сократилась по численности, но все же продолжала свое тайное существование. Более того, в конце 40-х она даже попыталась расширить деятельность и усилить влияние на еврейское население города, направив тогда от имени более чем 70 активных членов делегацию в Москву, чтобы приветствовать первого израильского посланника в Советском Союзе Г. Меир.

В ходе начавшегося расследования было установлено, что многие руководители-евреи, работавшие на КМК, в том числе заместитель директора Я.Г. Минц, главный прокатчик С.А. Либерман, начальники отделов С.З. Аршавский (финансового), Г.Ш. Зельцер (планового), А.Я. Дехтярь (технического контроля), начальник сортопрокатного цеха З.Х. Эпштейн, заместитель начальника производственного отдела С.А. Лещинер и другие, через своих жен и родственников передавали денежные пожертвования синагоге. Собранные таким образом средства шли на вспомоществование нуждавшимся евреям, в первую очередь тем из них, кто отбывал в данной местности ссылку и чьи родственники находились в лагерях и тюрьмах. В апреле 1950-го информация о кузбасской синагоге попала через корреспондентскую сеть «Правды» в ЦК. А в сентябре—декабре все семеро вышепоименованных работников КМК, а также Рапопорт (хозяин квартиры, где устраивались религиозные собрания) были арестованы местной госбезопасностью. Всех восьмерых этапировали в Москву и передали в распоряжение следственной части по особо важным делам МГБ СССР. К апрелю 1952 года следствие по этому групповому делу было завершено, о чем министр госбезопасности Игнатьев доложил тогда Сталину. В подготовленном потом обвинительном заключении проходившим по «делу КМК» подследственным инкриминировалась националистическая деятельность, вредительство (выпуск бракованного проката и т.п.), антисоветская агитация, связь с нелегальной синагогой, «служившей центром, объединявшим националистов». Кроме того, Либерман и Лещинер, которые в 1946 году встречались в Кемерово с представителями ЕАК и передали им для публикации в американской печати статью, содержавшую «секретные сведения» о производственных мощностях КМК, обвинялись в шпионаже. 18 сентября 1952 г. дело о тайной синагоге в Сталинске было рассмотрено на заседании военной коллегии Верховного суда СССР под председательством генерал-майора юстиции И.М. Зарянова, который за несколько месяцев до этого участвовал в вынесении смертного приговора Лозовскому, Маркишу, Шимелиовичу и другим членам ЕАК. На сей раз он приговорил к высшей мере наказания четырех человек

(Дехтяря, Минца, Либермана и Лещинера), еще троих (Аршавского, Зельцера и Эпштейна) — засадил на 25 лет в лагерь; туда же отправился и престарелый пенсионер Рапопорт, получивший 10-летний срок. Сразу по окончании судебного заседания, которое длилось только один день, все четверо приговоренных к смерти были расстреляны²⁰⁸. Это была, по всей видимости, последняя кровавая расправа сталинского режима над так называемыми еврейскими националистами.

«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ» «ДЕЛО МЕТРОСТРОЯ»

Однако деятельные приготовления еще более массовых акций такого рода продолжались вплоть до марта 1953 года. Даже первое время после смерти Сталина тайная полиция не спешила свертывать негласные репрессивные операции против еврейской «пятой колонны». 16 марта был арестован бывший главный инженер—заместитель начальника Метростроя А.Г. Танкилевич*, которого обвинили в том, что в 1945–1949 годах он вместе с руководителями научно-исследовательского центра Метростроя Э.З. Юдовичем и Я.Л. Капланским организовал «шайку расхитителей» государственных средств в составе 23 высокопоставленных должностных лиц из 14 организаций. Генеральная прокуратура СССР, осуществлявшая первоначально следствие по этому делу, установила, что хищения осуществлялись путем составления фиктивных договоров с организациями и отдельными лицами (от академиков до слесарей и плотников) на проведение научно-исследовательских работ, связанных с проектированием и строительством четвертой очереди Московского метрополитена. В общей сложности таким образом махинаторами было незаконно присвоено более 2,2 млн. рублей метростроевских денег. Обо всем этом генеральный прокурор СССР Г.Н. Сафонов осенью 1952 года доложил в ЦК, после чего к расследованию подключилось МГБ СССР. В результате дело о банальной, хотя и довольно крупной финансовой афере, которая в общем-то была типичным явлением для сталинской экономики с ее землячеством, блатом, семейственностью (не только еврейской!) и прочими пороками, стало приобретать политическую окраску. Вообще же с начала 50-х годов обвинения евреев в хозяйственных преступлениях, хотя таковые и были в большинстве случаев формально обоснованными, стали широко использоваться властями в политических целях, главным образом для оправдания постоянно

* Танкилевич происходил из богатой семьи еврейских колонистов Херсонской губернии. Окончив Днепропетровский горный институт, он в 1932 году приехал в столицу строить Московский метрополитен. За руководство строительством ряда станций метро получил орден Ленина и в 1936 году удостоился личной встречи со Сталиным.

нараставшей антиеврейской чистки кадров и маскировки государственного антисемитизма. Причем превращение номинально экономических «дел» в фактически политические осуществлялось путем раздувания якобы вездесущей угрозы еврейского буржуазного национализма. В «деле» Танкилевича подобный нехитрый прием сработал без каких-либо сбоев, благо тот начиная с 1945-го регулярно посещал ЕАК, а спустя два года был введен в его президиум. Тогда же он выдвинул идею создания консультативно-технического совета по содействию Биробиджану, куда должны были войти еврей-руководители, работавшие в промышленных министерствах. Так благодаря манипуляции МГБ Танкилевич из «расхитителя социалистической собственности» превратился в марте 1953-го в «убежденного еврейского националиста», «проводящего антисоветскую националистическую агитацию и высказывающего клеветнические измышления в отношении руководителей Партии и Советского правительства...». Благодаря тому, что при новом министре внутренних дел СССР Берии такие обвинения стали, что называется, немодными, дело в отношении Танкилевича было прекращено, и 4 мая 1953 г. его выпустили на свободу²⁰⁹.

«Дело врачей»: правда и вымысел

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

«Дело врачей» вошло в историю не только как одна из многочисленных преступных провокаций Сталина, но и как символ саморазоблачающейся агонии созданного им диктаторского режима; уже обреченный и стоящий, как и его творец, на краю могилы, он потому и предпринимает все менее адекватные политико-социальной реальности шаги, пускаясь во все более опасные авантюры, способные взорвать общество изнутри. Это был апогей тотальной послевоенной чистки, которая имела значительный антиеврейский крен и которую неожиданно умерший диктатор так и не довел до конца.

Именно эта кадровая лихорадка, поразившая начиная с 1949 года практически все медицинские учреждения страны — лечебные, научные, образовательные, управленческие (от Лечсанупра Кремля, Минздрава СССР и Академии медицинских наук СССР до провинциальных больниц, поликлиник и аптек), и породила «дело врачей».

Развиваясь по принципу «домино», наибольший размах стихия чистки приобрела в крупнейшем учебном и научно-исследователь-

ском центре здравоохранения столицы — 2-м Московском медицинском институте им. Сталина. С начала 1949 года из него были изгнаны академик Л.С. Штерн, профессора Э.М. Гельштейн, И.И. Фейгель, А.М. Гринштейн, А.М. Геселевич и другие преподаватели, ставшие вдруг негодными из-за «пятого пункта» анкеты. Не избежал этой участи и профессор Я.Г. Этингер, которому суждено было стать невольным инициатором и первой жертвой будущего «дела». Осенью 1949 года его отстранили от руководства кафедрой и уволили из 2-го ММИ под надуманным предлогом. Тогда же от услуг профессора-терапевта отказалась пользовавшая высшую советскую партийно-государственную номенклатуру Кремлевская больница, куда ранее он приглашался как консультант. Впоследствии именно эта его причастность к лечению высшего руководства и послужит исходным пунктом и формальным поводом для фабрикации «дела» в недрах МГБ.

В поле зрения госбезопасности Этингер находился давно, уже начиная с 1944 года он привлек ее внимание к своей персоне тем, что регулярно навещался в ЕАК, читал поступавшие туда иностранные еврейские издания, в том числе «Jewish Chronicle», выступал в поддержку проекта создания еврейской республики в Крыму. Но, что называется, вплотную Этингер стал «разрабатываться» органами после того, как на него был получен компромат от арестованного ответственного секретаря ЕАК Фефера. На допросе 22 апреля 1949 г. тот охарактеризовал профессора как одного из предводителей группы буржуазных еврейских националистов, «окопавшихся» в советской медицине:

«...Его (Этингера. — *Авт.*) националистические взгляды полностью разделяли профессор 2-го Московского медицинского института А.Б. Топчан*, руководитель клиники лечебного питания М.И. Певзнер**, главный терапевт

* Топчан был сначала смещен с поста директора 2-го ММИ, а в конце декабря 1952 года его оттуда уволили «по сокращению штатов». Он также лишился поста главного врача 1-й Градской больницы им. Пирогова.

** 4 июля 1950 г. Абакумов направил особо конфиденциальное письмо Маленкову, в котором лично заполнил оставленные машинисткой пробелы «сверхсекретной» информацией — фамилиями подозревавшихся в нелояльности сотрудников клиники Института лечебного питания АМН СССР. Он писал: «По имеющимся в МГБ СССР данным, в результате нарушения большевистского принципа подбора кадров в клинике лечебного питания... создалась обстановка семейственности и групповщины. По этой причине из 43 должностей руководящих и научных работников клиники 36 занимают лица еврейской национальности (здесь и далее выделенные слова вписаны рукой Абакумова. — *Авт.*)... В клинику поступают в большинстве своем лица еврейской национальности... с разрешения директора клиники Певзнера М.И., его заместителя Гордона О. Л. и заведующего приемным покоем Бремениера С.М. ... По материалам проверки личного состава клиники установлено, что из 43 руководящих и научных работников в отношении десяти

Советской Армии М.С. Вовси... Этингер весьма недоволен тем, что Советский Союз не оказывает помощи Государству Израиль, и обвинял советское правительство в том, что оно ведет якобы враждебную политику в отношении евреев. Он говорил: «Мои друзья (имея в виду Збарского, Певзнера и других лиц, мною названных выше) просто удивлены этим невозможным положением. Евреи всего мира помогают воинам Израиля... а мы лишены этой возможности. Если Советское правительство не хочет помогать израильским евреям, пусть оно разрешит нам это сделать...»²¹⁰.

Чтобы эти показания выглядели более весомыми, необходимо было подкрепить их дополнительной аналогичной информацией, что оказалось делом несложным. Будучи по характеру общительным человеком, Этингер, регулярно ловивший по приемнику политические передачи западных радиостанций, любил потом обсудить услышанное с родственниками и знакомыми, не соблюдая при этом жизненно важных для того времени мер предосторожности. Этим не преминули воспользоваться оперативники 2-го главного (контрразведывательного) управления МГБ, установившие в квартире Этингера скрытые подслушивающие устройства. Очень скоро им удалось записать одну из его бесед с приемным сыном Яковом, студентом МГУ. Их весьма откровенный обмен мнениями изобилует высказываниями, критиковавшими советское руководство. Несколько позднее Абакумов доложил Сталину и об «антисоветских разговорах», которые вели между собой Этингер и профессор Збарский²¹¹.

Вопрос об аресте Этингера руководство МГБ ставило перед Кремлем неоднократно: сначала в ноябре 1949-го, потом в апреле 1950-го.

имеются компрометирующие материалы. ... Так, заведующий отделением Лимчер Л.Ф., 1888 года рождения, беспартийный, еврей, подозревается в связях с иностранцами. В записной книжке американского резидента Джона Хазарда, учившегося с 1934 по 1937 год в Московском государственном университете и приезжавшего в 1939 году в СССР в качестве интуриста, оперативным путем была обнаружена запись телефона, принадлежавшего Лимчеру. МГБ считает необходимым предложить Министерству здравоохранения СССР принять меры к оздоровлению и очистке кадров клиники лечебного питания».

Изучив эту оперативную информацию Абакумова, секретариат ЦК 11 августа поручил административному отделу совместно с Минздравом СССР ликвидировать выявленную «органами» «засоренность» кадров в клинике. Поэтому вскоре там началось массовое изгнание евреев, а потом некоторых уволенных преподавали на Лубянку, в том числе профессора Л.Б. Берлина и врача Б.С. Левина. Их как английских шпионов по приговору военной коллегии Верховного суда СССР от 15 июля 1952 г. отправили на 25 лет в лагерь. Обуреваемый страхом быть арестованным со дня на день, в мае того же года скончался престарелый профессор М.И. Певзнер, возглавлявший клинику с 1930 года. Его жену арестовали 6 декабря по «делу врачей», пытками от нее добивались признаний о связях покойного мужа с английской разведкой (212).

Однако Сталин удовлетворил просьбу Абакумова только незадолго до 18 ноября 1950 г., когда Этингера, собственно, и взяли под стражу. Препровожденному на Лубянку профессору предъявили обвинение в «клеветнических измышлениях» в адрес Щербакова и Маленкова, которых он по «оперативным данным» считал главными вдохновителями и организаторами политики государственного антисемитизма в стране. Месяцем ранее взяли под стражу пасынка профессора — Я.Я. Этингера (Ситермана), от которого потребовали дать показания против приемного отца. А 16 июля 1951 г. в тюрьму МГБ доставили жену Я.Г. Этингера Р.К. Викторovu, которую заставили подтвердить, что ее муж и сын регулярно слушали антисоветские радиопередачи Би-би-си и «Голоса Америки».

Первоначально в ходе следствия вопрос о «вредительском лечении» руководителей коммунистической партии и советского государства не возникал. Этингеру инкриминировали исключительно буржуазный национализм, но это обвинение тот решительно отрицал, настаивая на обоснованности и правомерности своих, с точки зрения госбезопасности, «преступных разговоров» о притеснении евреев в СССР. Тогда 5 января 1951 г. не желавшего «признаваться» профессора перевели в Лефортовскую тюрьму и поместили в сырую камеру, в которую к тому же нагнетался холод. Эта пытка, как и рассчитывал уже знакомый читателю подполковник следственной части по особо важным делам Рюмин, который вел дело Этингера, должна была заставить его жертву дать нужные ему показания. Добившись в конце концов своего, Рюмин направил Абакумову список «единомышленников Этингера, еврейских националистов, высказывающих недовольство советской властью и распространяющих клевету на национальную политику ВКП(б) и Советского государства». В него вошли заведующий кафедрой медицинской химии 1-го ММИ профессор Б.И. Збарский, профессор Центрального института усовершенствования врачей М.С. Вовси, заведующий кафедрой хирургии 2-го ММИ В.С. Левит, заведующий кафедрой общей хирургии Медицинского института РСФСР И.Л. Фаерман, заведующий отделением Института тропических болезней Ш.Д. Мошковский, заведующий лабораторией Института морфологии АМН СССР Я.Л. Рапопорт, директор Эндокринного института Н.А. Шерешевский, директор Клиники лечебного питания АМН СССР М.И. Певзнер, ассистент клиники 2-го ММИ Я.И. Мазель, заведующий терапевтическим отделением одной из московских районных больниц Н.Л. Вильк, заведующий отделением Института туберкулеза С.Е. Незлин, директор акушерско-гинекологической клиники И.Л. Брауде, доцент клиники 2-го ММИ М.М. Авербах, главный врач 1-й Градской больницы А.Б. Топчан, директора различных клиник Л.И. Фогельсон, Э.М. Гельштейн, В.Л. Эйнис. Всех их вскоре изгнали с работы, а некоторых потом арестовали²¹³.

2 марта, не выдержав следственного прессинга, Этингер внезапно скончался в тюрьме от, как было сказано в акте о смерти, «паралича сердца». К этому времени Рюмин по собственной инициативе успел выжать из своего подследственного и «признания» в том, что тот заведомо неправильно «вредительским» лечением способствовал в 1945 году смерти секретаря ЦК Щербакова*. Эта версия выглядела настолько вздорной и надуманной, что Абакумов с самого начала решительно отверг ее, предчувствуя, какие непредсказуемые последствия она способна вызвать, если о ней будет доложено болезненно подозрительному Сталину. Будучи человеком малообразованным и от природы прямолинейным, шеф госбезопасности опасался подобного авантюризма, предпочитая иметь дело с предельно упрощенными, хотя и грубо сколоченными сценариями. Зная, что Сталин определил буржуазный национализм как злейшего врага Советского государства, Абакумов считал, что в качестве руководителя «вооруженного отряда партии» он должен прежде всего безжалостно бороться с действительными и мнимыми приверженцами этой идеологии, будь то, к примеру, вооруженные отряды украинских националистов или еврейская интеллигентная элита — хранительница культуры и традиции своего народа. Но из-за своей психологической примитивности он не уловил того нюанса, что Сталин, да и частично аппарат ЦК, давно уже зараженные антисемитизмом, объявили тайную войну не только носителям национальной идеи, но и связанной с ними узой общего происхождения ассимилированной части еврейства. Причем, как показала кампания борьбы с космополитизмом 1949 года, эта связь устанавливалась властями совершенно произвольно и умозри-

* Соперничавший с Щербаковым Хрущев так впоследствии пересказал мнения своих кремлевских соратников о причине смерти нелюбимого им секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б), перенесшего в декабре 1944 года инфаркт миокарда и умершего 10 мая 1945 г.: «Кончил он (Щербаков. — *Авт.*) печально. Берия тогда правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и помер. Сталин, правда, говорил другое: что дураком был — стал уже выздоравливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью, когда позволил себе излишества с женой». Однако по официальной версии, смерть Щербакова произошла вследствие того, что он с согласия врачей Р.И. Рыжикова и Г.А. Каджардузова 8 и 9 мая совершил продолжительные и утомительные поездки из подмосковного санатория «Барвиха» в столицу, где любовался иллюминацией и праздновал День Победы. В 1952 году оба этих врача будут арестованы. Рыжикова, работавшего заместителем директора по медицинской части правительственного санатория в Барвихе, доставят на Лубянку 15 февраля. Припугнув Рыжикова арестом жены и детей, старший следователь полковник В.Н. Гаркуша заставит его не только признать свою вину в умышленном сокращении жизни Щербакова, но и заодно покаяться в преступной халатности, выразившейся в запоздалом диагностировании рака желудка у партийного идеолога Е.М. Ярославского, который умер в декабре 1943 года.

тельно. Рюмин же, сам махровый антисемит и к тому же авантюрист, был куда более изощрен в этих тонкостях настроений в верхах. Как уже было сказано выше, 2 июля 1951 г. он через Маленкова направил Сталину письмо, в котором обвинил Абакумова среди прочего в том, что тот наложил запрет на расследование сообщенных Этингером «фактов о вредительском лечении» Щербакова и, чтобы похерить их, распорядился содержать подследственного в заведомо опасных для здоровья условиях, чем умышленно довел его до смерти. Тем самым, заключал Рюмин, Абакумов «заглушил дело террориста Этингера, нанеся серьезный ущерб интересам государства».

Принятым 11 июля постановлением политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности» наряду со смещением Абакумова предусматривалось также возобновление следствия «по делу о террористической деятельности Этингера». Новый руководитель госбезопасности С.Д. Игнатьев, посредственный и слабохарактерный чиновник, который, по мнению П.А. Судоплатова, «совершенно не подходил для порученной ему работы», впоследствии, сразу же после смерти Сталина, заявил, что тот при назначении его на должность министра потребовал принятия «решительных мер по вскрытию группы врачей-террористов, в существовании которой он давно убежден»²¹⁴.

Именно с этого момента стали обозначаться контуры той грубой мистификации, о которой потом советская пропаганда поведает миру как о глобальном заговоре западных спецслужб, стремившихся посредством врачебного террора вывести из строя руководителей СССР. Устранение Абакумова и последовавшее затем назначение Рюмина заместителем министра госбезопасности и начальником следственной части по особо важным делам стало для последнего как бы карт-бланшем свыше на реализацию выдвинутой им инициативы (так удачно для него совпавшей с социальным заказом сталинского руководства) по переследствию дела Этингера в соответствии с версией о вредительском лечении Щербакова. Теперь Рюмину, получившему регулярный доступ к Сталину, необходимо было представить ему «доказательства» злонамеренных козней кремлевских врачей против их высокопоставленных пациентов. И он принялся добывать их всеми правдами и неправдами.

«РЮМИНСКАЯ СИСТЕМА» ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Первым делом в МГБ была создана специальная следственная группа, которая начала повальную проверку всего медицинского персонала, работавшего в то или иное время в Лечебно-санитарном управлении Кремля (ЛСУК). При этом тщательным образом были изучены поданные из архива данные агентурных наблюдений, фонограммы тай-

ного прослушивания в квартирах и служебных кабинетах врачей, истории болезней. 1 сентября 1951 г. из пересыльного лагеря на Дальнем Востоке был возвращен в Москву ранее осужденный приемный сын Этингера Яков, от которого стали добиваться показаний, подтверждавших вовлеченность его отчима во «врачебный заговор». К тому времени уже несколько месяцев проводились интенсивные допросы еще одного действующего лица этой тюремно-следственной драмы — врача С.Е. Карпай, которую арестовали как скрытую террористку 16 июля. Будучи до 1950 года заведующей кабинетом функциональной диагностики Кремлевской больницы, она в 1944–1945 годах средствами электрокардиографии контролировала сердечную деятельность Щербакова и Жданова. Несмотря на оказанное на Карпай сильное давление, она мужественно держалась на допросах и решительно отрицала инкриминировавшиеся ей заведомо неправильное диагностирование заболевания. В течение нескольких месяцев отказываясь подписывать сфальсифицированные признания во вредительстве, эта сильная духом женщина затянула следствие, и тем самым отодвинула на более поздний срок аресты других врачей, что помогло им потом выжить. Однако такое поведение ей дорого обошлось: пытки пребыванием в сырой и холодной камере подорвали ее здоровье и привели к заболеванию астмой, которая свела в могилу эту еще нестарую женщину спустя два года после освобождения из тюрьмы.

Поскольку Карпай категорически отрицала свою вину в смерти Щербакова, Рюмин попытался уличить ее в намерении приблизить кончину другого покойного соратника Сталина — «всесоюзного старосты» М.И. Калинина. Но и этот ход не удался. Неуступчивая подследственная объяснила на допросе, что была лечащим врачом Калинина с января 1940 по июнь 1942 года, то есть задолго до того как 10 июня 1944 г. профессором А.Д. Очкиным ему была сделана операция, выявившая рак кишечника. Конкретно тогда обнаружили злокачественную опухоль сигмовидной кишки, причем в очень запущенном состоянии. Новообразование достигло размера 4×5 см, и метастазы проникли уже в печень и лимфатические железы. Поэтому хирург не решился на радикальное удаление опухоли, а в обход ее соединил непораженные болезнью участки кишки, предотвратив тем самым ее непроходимость. После этого Калинин прожил еще два года и умер в июне 1946-го, когда разросшаяся опухоль наглухо сдавила артерию в кишечнике.

Правда, Карпай сообщила, что когда в июне 1942 года она предложила провести тщательное обследование Калинина (тот жаловался на боли в кишечнике), профессор В.Н. Виноградов — главный терапевт ЛСУК ограничился назначением клизмы, диеты и медикаментозного лечения.

Подобные показания открывали Рюмину ту лазейку, через которую он стремился проникнуть в самую сердцевину «заговора» при-

дворных врачей. Ведь Виноградов был самым авторитетным и маститым из них и лечил не только всех членов политбюро, но и самого Сталина, которого, к примеру, в 1943-м сопровождал в поездке в Тегеран на встречу «большой тройки». Полным доверием вождя Виноградов пользовался вплоть до начала 1952 года. Согласно истории болезни Сталина, в последний раз профессор осмотрел его 19 января и скорее всего именно тогда, обнаружив значительное ухудшение здоровья у своего пациента (высокое артериальное давление, чреватое новым инсультом), порекомендовал для восстановления сил временно отказаться от активной деятельности. Вряд ли какие-либо другие чувства, кроме бурного приступа гнева, мог вызвать у Сталина подобный медицинский вердикт, который был воспринят им не только как свидетельство неспособности врачей поддерживать и далее его работоспособность, но и как замаскированная попытка враждебных сил отстранить его от верховной власти. Ведь во все времена и у всех народов дряхлевшие тираны, постоянно треща за свою жизнь, склонны были видеть в пользовавших их врачах тайных отравителей, нанятых соперниками в борьбе за власть. Поэтому Сталин не только отдалил от себя старого профессора*, но с этого времени вообще стал избегать контактов с профессиональными медиками. Правда, в связи с возникшим насморком небольшое исключение было сделано для профессора-отоларинголога Б.С. Преображенского, который продолжал пользоваться правителя вплоть до 17 апреля²¹⁵.

Подозрительность к лейб-медикам, которая прежде лишь изредка тревожила быстро деградировавший мозг диктатора, таким образом, превратилась в постоянный и неизбывный страх. Он не только разочаровался в возможностях современной ему медицины, более того, в нем стала расти уверенность в том, что истинными виновниками его нездоровья являются пользующие его врачи. В конце концов болезненной фантазией Сталина был сотворен, как некий гомункулус, заговор врачей, который стал в его воображении стремительно разрастаться в стоглавую гидру. Уверенный в том, что ему удалось и на сей раз раньше других распознать тайные козни врагов, диктатор считал необходимым сначала убедить своих соратников и весь народ в существовании действительной опасности для государства, а потом железной рукой ликвидировать ее, стяжав, как это было неоднократно прежде, лавры победителя. Это была последняя роль, которую Сталин, несмотря на старость и обременявшие его болезни, собирался сыграть, уходя с политической сцены. И чтобы лебединая песня получилась достойной великого мастера политического театра, тот готов был не пожалеть оставшихся у него сил и энергии, ибо,

* По другой версии, Сталин решил отказаться от услуг Виноградова вследствие того, что, согласно доносу Рюмина, тот был лечащим врачом «умерщвленного» Щербакова.

как писал Милован Джилас, он так искренне переживал каждую из своих ролей, что казалось, будто в этом нет притворства²¹⁶.

Понимая, что в этой схватке время работает против него, Сталин нетерпеливо торопил исполнителей своего замысла. Зимой 1952 года он, вызвав Игнатьева, стал в припадке злобной подозрительности угрожать ему, говоря, что если тот «не вскроет террористов, американских агентов среди врачей, он будет там, где Абакумов».

«Я не проситель у МГБ! — неистовствовал кремлевский хозяин. — Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования... Мы вас разгоним, как баранов».

Разумеется, после столь явных угроз машина следствия заработала на всех оборотах, тем более что 12 февраля Сталин провел через политбюро постановление, обязывавшее Игнатьева «представить соображения о коренном улучшении работы следственного аппарата МГБ»²¹⁷.

Тем же постановлением предусматривалось изъятие из Прокуратуры СССР дела Абакумова и передача его в МГБ для ведения дальнейшего следствия. Тем самым Рюмину предоставлялась возможность заполучить ключевое доказательство, «неопровержимо» подтверждавшее правильность его версии о существовании преступного сговора между врачами-вредителями и покровительствовавшим им бывшим руководством МГБ. И такое свидетельство было представлено Сталину 9 апреля. Тогда арестованный вместе с Абакумовым прежний заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ М.Т. Лихачев, психологически сломленный после стремительного падения с вершин карательной власти до положения бесправного узника, «раскрылся» Рюмину:

«Будучи еврейским националистом, Этингер показал на допросе у Абакумова, что в силу ненависти к Щербакову задался целью сократить его жизнь... Насколько я сейчас помню, Этингер заявлял также, что при лечении Щербакова он применял увеличенную или уменьшенную дозировку лекарств и заведомо неправильно назначал время их приема больным...».

Развивая достигнутый успех и закрепляя эти инспирированные им показания, Рюмин 22 июля организовал очную ставку Абакумова и Лихачева, на которой последний «припомнил» еще следующие детали следствия по делу Этингера, «смазанного», как он выразился, бывшим шефом госбезопасности:

«...Уже в конце допроса Абакумов начал интересоваться и причастностью Этингера к умерщвлению Щербакова. Этингер в основном подтвердил то, что рассказывал Рюмину и мне. Но Абакумова это, очевидно, не устраивало, он в процессе показаний Этингера прерывал его, интересовался отдельными лицами, не имевшими никакого отношения к умерщвлению...»²¹⁸.

Чтобы придать версии лечебного вредительства более или менее обоснованный с медицинской точки зрения характер, МГБ для составления положенных в таких случаях заключений профессиональной экспертизы привлекло группу медиков, в большинстве своем негласно сотрудничавших с «органами». Одним из таких экспертов оказалась кардиолог Кремлевской больницы Л.Ф. Тимашук (1898–1983), которую потом Хрущев на XX съезде КПСС представит как человека, чуть ли не инициировавшего «дело врачей»²¹⁹. На самом деле все обстояло далеко не так однозначно.

ТИМАШУК В РОЛИ «ВИНТИКА»

Будущая «главная виновница» (по Хрущеву) несчастий, обрушившихся по воле Сталина на элиту кремлевской медицины, происходила из семьи унтер-офицера, служившего в Брест-Литовске. После революции Тимашук в Самаре и в Москве получила высшее медицинское образование, и с 1926 года работала врачом в Кремлевской больнице. В документах следствия по «медицинскому заговору» ее имя впервые упоминается 24 июля 1952 г., то есть через год после начала «дела врачей». В тот день Тимашук пригласили на Лубянку, и уже известный нам полковник В.Н. Гаркуша проконсультировался с нею по поводу медицинских материалов, присутствовавших в деле о «вредительском» лечении Щербакова. 11 августа она снова была вызвана в МГБ, на сей раз следователем И.И. Елисеевым. И именно в ходе этого визита случайно выяснилось что Тимашук, работая заведующей кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы, имела непосредственное отношение к лечению Жданова в последние дни его жизни.

Известно, что главный идеолог партии страдал от тяжелого атеросклеротического изменения сосудов сердца. Вследствие постоянно нараставших стрессов, которые Жданов пытался снять, прибегая к алкоголю, болезнь стала прогрессировать с осени 1947 года (тогда он прошел неудачный курс лечения в Сочи) и резко обострилась летом 1948-го, после того как ему пришлось уступить пост второго секретаря ЦК Маленкову. 13 июля, расстроенный происшедшим, Жданов сначала отправился отдохнуть на юг, но поскольку там стояла невыносимая жара, его вскоре перевезли в среднюю полосу России, в санаторий «Валдай». За лечебными процедурами и пешими прогулками проходили дни, и Жданов начал постепенно успокаиваться, что положительно сказалось на его самочувствии. Однако 23 июля ему позвонил заведующий Агитпропом Шепилов (осознавший, что фортуна изменила его бывшему покровителю и ставший прибывать к лагерю победившего Маленкова), и между ними состоялась продолжительная беседа. По свидетельству медицин-

ского персонала, разговор был явно неприятен Жданову: он что-то кричал в трубку в состоянии крайнего эмоционального возбуждения. А ночью у него случился тяжелый сердечный приступ. Однако прибывшие 25 июля из Москвы профессора Кремлевской больницы В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко и П.И. Егоров в присутствии лечащего доктора Г.И. Майорова и врача-диагноста С.Е. Карпай констатировали, что ничего экстраординарного не произошло и у больного имел место острый приступ сердечной астмы. При чем основной причиной недомогания был назван застарелый кардиосклероз. После чего авторитетная комиссия отбыла восвояси, не внося никаких особых изменений в ранее назначенное лечение.

Следует особо отметить, что при Сталине, да и в последующие годы качество лечения высшей сановной бюрократии, входившей в так называемую особую группу медицинского обслуживания, было далеко не идеальным. Как ни парадоксально, но в ЛСУК, в котором концентрировались сливки отечественной медицины, врачебные ошибки не были редкостью. Воистину в уродливо организованном обществе порокам подвержены все его звенья, и здравоохранение, пусть даже элитарное, не составляло исключения из этого правила. В знаменитой «Кремлевке», как и повсюду, наличествовала созданная «органами» атмосфера всеобщей слежки и доносительства, витал мертвящий дух чиновной иерархичности, корпоративности, круговой поруки. Трудно признать нормальным положение, когда на попечении каждого из обремененных многочисленными должностями профессоров ЛСУК* находились подчас десятки высокопоставленных пациентов. И неудивительно, что при таких условиях лечение порой превращалась в свою противоположность.

Конечно, никто из врачей, разумеется, не преследовал «вредительских» целей. Сталин же с его явно болезненным к концу жизни мировосприятием считал каждую врачебную ошибку умышленным преступлением, усматривая коварный умысел там, где его никогда не было. Со своей стороны, «органы» не могли и не пытались развеять подобные заблуждения «хозяина», а, наоборот, старались подкрепить их «фактически», фабрикуя все новые и новые «дела».

Очередной фиктивный «заговор» как раз и породила болезнь Жданова, в борьбе с которой номенклатурная медицина, на ее несчастье, продемонстрировала свою неэффективность. Несмотря на тяжесть

* Скажем, Виноградов, будучи до 1951 года главным терапевтом Кремлевской больницы, а потом штатным профессором-консультантом, одновременно заведовал кафедрой в 1-м ММИ, был главным редактором журнала «Терапевтический архив», заведующим электрографическим отделением Института терапии АМН СССР и занимал ряд других должностей.

заболевания, требовавшего постоянного контроля, в течение трех недель, начиная с 7 августа, у секретаря ЦК не снимались электрокардиограммы. Лечащий врач Майоров вместо того, чтобы организовать правильный уход и надлежащее лечение, перевернул все медицинской сестре, а сам часами занимался рыбной ловлей. В итоге 27 августа Жданову опять стало плохо. На следующий день на Валдае вновь вылетели профессора Егоров, Виноградов и Василенко, захватившие с собой на сей раз для снятия электрокардиограммы Тимашук (вместо врача Карпай, которая находилась в это время в отпуске). Проведя обследование, Тимашук установила «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Но ее мнение, противоречившее точке зрения профессорско-консультантов, последние сочли ошибочным и настояли на том, чтобы она переписала свое заключение в соответствии с ранее поставленным ими диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». Однако 29 августа у Жданова, которому Егоров* и лечащий врач разрешили вставать с постели, гулять в парке и смотреть кино, вновь случился сердечный приступ. Тогда Тимашук, страшась ответственности, которую могли возложить на нее в случае смерти Жданова, потребовала установления для больного строгого постельного режима. Одновременно она решила сообщить о своем первоначальном диагнозе начальнику главного управления охраны МГБ СССР Н.С. Власику, что и сделала, передав ему письмо через личного охранника Жданова А.М. Белова. Заключение Тимашук вместе с приложенными к нему листками кардиографии попало к Абакумову, и тот его вручил 30 августа Сталину. А на следующий день Жданов умер.

1 сентября газеты и радио с «великим прискорбием» известили советский народ о смерти «верного ученика и соратника великого Сталина», последовавшей «от паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких». Письмо же Тимашук тогда так и осталось без последствий. Подозрительный и обычно скорый на расправу Сталин почему-то на сей раз не стал проводить расследования, хотя на то были более чем веские основания, а собственноручной резолюцией распорядился отправить письмо Тимашук в архив. Возможно, он счел информацию, исходившую от рядового врача, малоубедительной, тем более что она опровергалась мнением маститых кремлевских медиков, которым он тогда еще доверял. Да и смерть своего соратника, который (вместе со стоявшей за ним так называемой ленинградской группой) уже какое-то время находился в опале, Сталин скорее всего воспринял без особого сожаления.

* 28 августа Егоров записал в историю болезни Жданова: «Рекомендовано... увеличивать движение, с 1 сентября разрешить поездки на машине, 9 сентября решить вопрос о поездке в Москву».

К тому же руководству ЛСУК покровительствовал главный охранник вождя Власик, которому тот пока доверял.

Находясь под таким надежным «прикрытием» и не представляя пока себе, какие страшные испытания им уготованы в ближайшем будущем, кремлевские врачи, лечившие Жданова, выполняли тем временем рутинную работу, связанную с его смертью. Вечером 31 августа в присутствии секретаря ЦК Кузнецова* было произведено вскрытие. Процедуру эту придумал патологоанатом Кремлевской больницы А.Н. Федоров, причем в неприкосновенном для этого помещении полутемной ванной комнаты одной из санаторных дач и подгоняемый начальником ЛСУК Егоровым. Последний, блюдя ведомственные интересы, настаивал, чтобы зафиксированные в заключении результаты вскрытия максимально совпадали с поставленным ранее клиническим диагнозом. Поэтому сделанное Федоровым описание обнаруженных на сердце Жданова свежих и застарелых рубцов, свидетельствовавших о нескольких перенесенных им инфарктах, содержало массу неопределенных и туманных формулировок («некротические очажки», «фокусы некроза», «очаги миомаляции» и т.п.), имевших целью скрыть эти инфаркты. Их также «не заметили» и участники организованного 31 августа в Москве консилиума, в котором участвовали профессор В.Н. Виноградов, В.Ф. Зеленин, А.М. Марков, В.Е. Незлин, Я.Г. Этингер и П.И. Егоров. Ознакомившись с соответствующей клинической и патологоанатомической документацией, а также с анатомическим препаратом сердца покойного, доставленным с Валдаи на самолете, они, оставаясь верными принципам корпоративной солидарности, подтвердили правильность официального диагноза.

Чтобы уgomонить Тимашук, продолжавшую обвинять руководство ЛСУК в неправильном лечении и смерти Жданова, 6 сентября Егоров собрал в своем кабинете совещание и заклеил возмутительницу ведомственного спокойствия как невежественного врача и «чуждого», «опасного» человека. Его поддержали Василенко, Майоров, Федоров, а также Виноградов, который особенно неприязненно относился к Тимашук, возможно, догадываясь о ее связях с МГБ. Между тем эти отношения основывались главным образом на том, что, будучи опытным и квалифицированным специалистом, Тимашук считала своим гражданским долгом сообщать «куда следует» обо всем, что, по ее мнению, могло угрожать здоровью и жизни пациентов Кремлевской больницы. Однако даже такое сотрудничество с «органами» Виноградов, интеллигент старого закала, считал более чем предосудительным. К тому же он, очевидно, не мог забыть один по-

* Инстинктивно почувствовав, что, потеряв влиятельного покровителя, необходимо сплотиться, в тот же день на Валдае прибыли также Н.А. Вознесенский и П.С. Попков.

разивший его эпизод, имевший место в конце 30-х годов. Тогда его часто вызывали на Лубянку как свидетеля и эксперта по делу его учителя, профессора Д.Д. Плетнева. Во время одного из таких визитов «железный нарком» Ежов, находившийся в подпитии, откровенно предостерег Виноградова:

«Хороший ты человек, Владимир Никитович, но болтаешь много. Имей в виду, что каждый третий является моим человеком и обо всем мне доносит. Советую тебе поменьше болтать».

Нетрудно представить себе, какое впечатление могла произвести на Виноградова столь зловеющая рекомендация. Поэтому после столкновения с Тимашук в ходе обсуждения причин смерти Жданова он поставил министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову ультиматум: «Или я буду работать в Кремлевской больнице, или она». 7 сентября Тимашук вызвали в отдел кадров и зачитали приказ о переводе в один из филиалов Кремлевской поликлиники.

Уже после смерти Сталина, когда в ходе предпринятой новым руководством МВД СССР проверки «дело врачей» начнет трещать по швам и одно за другим будут квалифицироваться как сфабрикованные собранные следствием «доказательства», профессор Виноградов в записке Берии от 27 марта 1953 г. тем не менее заявит:

«Все же необходимо признать, что у А.А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было».

Таким образом, сведения, сообщенные Тимашук следствию летом 1952 года о болезни и лечении Жданова, носили достаточно квалифицированный и в значительной мере обоснованный характер, что подтвердило данное 29 августа главным терапевтом Минздрава СССР профессором П.Е. Лукомским заключение, повторившее диагноз Тимашук²²⁰.

АРЕСТЫ ГЛАВНЫХ УЧАСТНИКОВ «ЗАГОВОРА»

Ознакомившись с результатами медицинской экспертизы, Сталин еще более укрепился в уверенности в существовании тайного врачебного заговора против высших советских руководителей. Тем более, что к этому времени недруги «ленинградцев» в его окружении наверняка «помогли» ему припомнить, что вскоре после того, как в двадцатых числах апреля 1947 года политбюро поручило Жданову «наблюдение» за Минздравом СССР, по рекомендации А.А. Кузнецова состоялось назначение Егорова, работавшего главным тера-

певтом ленинградского военного округа, начальником «Кремлевки». Такая информация превращала в глазах Сталина руководителя ЛСУК Егорова в дважды врага, опасного как врач-вредитель и как человек, тесно связанный в свое время с «преступной» «ленинградской группировкой».

Поэтому первым делом Сталин подписал 1 сентября 1952 г. постановление политбюро о снятии Егорова и назначении новым руководителем ЛСУК И.И. Куперина, до этого работавшего начальником медико-санитарного управления МГБ СССР²²¹. Еще более радикальные меры были приняты после того, как в конце того же месяца Игнатьев представил диктатору подготовленную Рюминым обобщенную справку (по результатам допросов арестованных медиков, медицинских экспертиз и т.д.), в которой со всей определенностью утверждалось, что кремлевские врачи намеренно умертвили Щербакоева и Жданова. Добившись от вождя санкции на коллективный арест первой группы подозревавшихся кремлевских врачей (не особенно именитых, от которых предполагалось получить компромат на «главных заговорщиков»), Рюмин взял тогда под стражу докторов Г.И. Майорова и А.Н. Федорова, а также профессора А.А. Бусалова, который руководил ЛСУК до 1947 года. Длинные руки «органов» достали его 28 сентября в Алуште, где он находился в отпуске.

Вновь конвейер арестов запустили 18 октября, когда угрюмые люди в штатском пришли за профессором Егоровым. Поскольку он более пяти лет возглавлял кремлевскую медицинскую службу и был наиболее информированным в этой сфере человеком, на него Рюминым делалась особая ставка. А чтобы эта «крупная рыба» не сорвалась с «крючка», начальник следственной части по особо важным делам, следуя своей циничной тактике, предварительно, еще 27 сентября, распорядился арестовать жену профессора Е.Я. Егорову и с помощью угроз заставил ее оговорить мужа.

Между тем другие арестованные, несмотря на изматывающие допросы и психологический прессинг, не спешили «признаваться» во вредительском лечении. Такое упорство тайных «злоумышленников» привело Сталина в бешенство. 18 октября он разрешил руководству МГБ применить к арестованным врачам методы физического воздействия. Но поскольку во Внутренней тюрьме на Лубянке не было приспособленного для пыток помещения, то сначала экзекуции (в основном телесные наказания с применением резиновых палок) проводились в Лефортово. Правда, уже с 6 ноября по указанию Рюмина в тюремных камерах Лубянки стали применять такую пытку, как круглосуточное содержание подследственных в металлических наручниках. Причем в дневное время руки заковывались будучи заведенными за спину, а в ночное — в положении спереди. Эти меры, впрочем, оказались недостаточными, и, чтобы не тратить время на

транспортировку узников в Лефортово, в декабре 1952 года в кабинете начальника Внутренней тюрьмы полковника А.Н. Миронова, который занимал эту должность начиная с 1937 года, была оборудована своя импровизированная мини-пыточная. Для психологического устрашения ее снабдили ширмами, металлическими столами и прочим инквизиторским реквизитом, напомиавшим по внешнему виду то ли оборудование прозекторской, то ли операционной. Для битья подследственных резиновыми палками (применение их, а также наручников производилось с санкции министра госбезопасности или его заместителей и регистрировалось в специальном журнале) тогда же была создана специальная команда из числа дюжих молодчиков, в которую входили лейтенанты Ф.И. Белов и П.В. Кунишников²²².

Получив от вождя право творить над подследственными физическую расправу, Рюмин почувствовал себя значительно увереннее. Однажды он, как рассказывал потом профессор Бусалов, заявился на допрос и заорал на последнего с порога:

«Ты что ведешь себя, как проститутка! Ты бандит, подлюга, шпион, террорист, опасный государственный преступник. Мы с тобой нянчились. Теперь хватит. Будем пытаться каленым железом. У нас все для этого приспособлено. Будет поздно, когда твой труп будет брошен туда».

Последнюю фразу Рюмин сопроводил выразительным жестом, указывая рукой на цементный пол камеры. Правда, когда сей грозный начальник удалился, проводивший допрос следователь Б.Н. Кузьмин «успокоил» изрядно разволновавшегося профессора: «Не переживайте. Пытки каленым железом у нас не применяются. А вот порка возможна».

Впрочем, Бусалову вскоре пришлось самому изведать весь ассортимент лубянок пыток. 18 ноября на него надели наручники, и он 52 дня мучился, пребывая почти постоянно со скованными руками. А 10 декабря его зверски избили резиновыми дубинками в кабинете начальника Внутренней тюрьмы.

Аналогичным образом обращались и с Егоровым, от которого наряду с признанием во врачебном вредительстве домогались сведений о шпионских связях с бывшим его покровителем — секретарем ЦК А.А. Кузнецовым. После того как Егорова избили и Рюмин угрожал пытать его одновременно на двух кострах, он перестал сопротивляться и оговорил себя, признавшись в несовершенных преступлениях. Присутствовавший тут же Рюмин, торжествуя победу и паясничая, воскликнул, указывая на поверженную жертву: «И этот тип, подумайте, был начальником Лечсанупра Кремля. Какой позор!». Егорова обвинили не только в том, что он «вывел из строя» М. Тореза, «умертвил» Г. Димитрова, А. Жданова, А. Щербакова, лишил жизни и причинил вред здоровью многих других советских

и иностранных коммунистических лидеров, но и в том, что злоумышлял против членов семьи самого вождя. Его заставили повиниться в том, что он ухудшил самочувствие Василия Сталина, страдавшего от алкоголизма и лечившегося у него в 1948–1950 годах в связи с «нервным заболеванием». Егорову также инкриминировали и то, что весной 1950 года он поручил наблюдение за беременной Светланой Сталиной профессору А.М. Маркову, который не смог потом предотвратить у нее развитие токсикоза. Роды тогда у дочери Сталина оказались преждевременными, и внучка вождя Катя появилась на свет ослабленной.

Рюмин не ограничивался только натаскиванием своих костоломов, но иногда занимался и делами, требовавшими напряжения его скромного интеллекта. 20 октября он вызвал на Лубянку профессор Кремлевской больницы М.А. Соколова, В.Ф. Червакова, С.А. Гиляревского и заместителя начальника Центральной поликлиники МГБ СССР майора медслужбы Н.Н. Купышеву и предложил им провести по истории болезни официальную экспертизу эффективности лечения Щербакова. 21 ноября их снова пригласили туда же, на сей раз для того, чтобы оценить качество лечения Жданова. Отлично понимая, чего от них добиваются, эксперты подготовили нужные следствию заключения.

Когда Игнатъев доложил Сталину, что специалисты официально подтвердили факт преступного лечения кремлевских руководителей, тот, окончательно преодолев сомнения, дал санкцию на арест остававшихся на свободе «заговорщиков». В ноябре на Лубянку водворили профессоров Виноградова, Василенко, Вовси, Б.Б. Когана, а в декабре конвейер арестов доставил туда же профессоров Гринштейна, А.И. Фельдмана, А.С. Темкина.

Когда 4 ноября оперативники пришли за Виноградовым, их поразило богатое убранство его квартиры, которую можно было спутать со средней руки музеем. Профессор происходил из провинциальной семьи мелкого железнодорожного служащего, но еще до революции благодаря успешной врачебной практике успел стать довольно состоятельным человеком, держал собственных призовых лошадей на ипподроме, коллекционировал живопись, антиквариат. Стены жилища лейб-медика украшали картины И.Е. Репина, И.И. Шишкина, К.П. Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены, кроме того, золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности, даже солидная сумма в американской валюте. По месту основной работы профессора в 1-м ММИ директор института Ф.Ф. Талызин издал 15 декабря следующий странный приказ:

«Зав. кафедрой факультетской терапии профессора Виноградова В.Н. освободить от занимаемой должности с 5 ноября 1952 г. как не явившегося на работу».

А ведь еще 21 октября в стенах этого института проходило чествование Виноградова по случаю его 70-летия и 45-летия врачебной и научной деятельности.

СТАЛИНСКАЯ РЕЖИССУРА ПРЕДПОЛАГАЕТ ШПИОНАЖ И ТЕРРОР

Однако, несмотря на столь энергичные меры, следствие продвигалось медленно и, самое главное, не совсем в том направлении, в котором хотелось бы Сталину. К тому же вождя раздражал нерешительный шеф госбезопасности Игнатъев с его мышлением заскорузлого партаппаратчика и особенно возмущали попытки этого перестраховщика постоянно информировать обо всем Маленкова и других своих покровителей в ЦК, которые в глубине души были отнюдь не в восторге от безумной авантюры хозяина с арестом кремлевских врачей, справедливо опасаясь того, что следующими его жертвами могут стать они сами.

Подобные настроения в верхах не могли не оказать влияние и на Рюмина, который с оглядкой на них несколько поумерил свой служебный пыл. Наученный горьким опытом Ягоды, Ежова и Абакумова, он отнюдь не спешил оказаться в положении мавра, сделавшего свое дело (да и очевидно было, что одряхлевший «хозяин» протянет недолго), и потому по возможности стал спускать расследование «врачебного заговора» на тормозах. Ко всему прочему, обладая небогатой фантазией, Рюмин в этом расследовании не шел дальше примитивных обвинений арестованных во вредительском лечении. Сталин же, напротив, придавал «делу врачей» огромное политическое значение. Очень похоже было на то, что его постоянно рефлектирующее большое воображение моделировало всевозможные злокозненные происки против собственной персоны с участием ближайших вероломных соратников и вездесущей агентуры иностранных разведок. Вполне может быть, что ему мерещились придворные заговоры наподобие того, что он «вскрыл» в 1938 году, когда организовал открытый процесс по делу о так называемом антисоветском правотроцкистском блоке. Тогда в качестве руководителей этой мифической подпольной организации предстали перед судьями бывшие члены высшего руководства партии и государства, в том числе Бухарин, Рыков, нарком внутренних дел Ягода. Как гласило обвинительное заключение, целями этих людей были свержение с помощью шпионских служб Запада существовавшего в СССР режима, реставрация капитализма и расчленение страны. На реализацию этих задач и были якобы направлены все помыслы и действия подсудимых до ареста. Ягода, скажем, по сценарию организаторов показательного процесса, с помощью

«врачей-отравителей» Л.Г. Левина, работавшего консультантом Кремлевской больницы, И.Н. Казакова, директора Института обмена веществ и эндокринных расстройств и Д.Д. Плетнева*, профессора Института функциональной диагностики, осуществил «злодейское умерщвление» писателя А.М. Горького, его сына М.А. Пешкова, а также видных советских государственных деятелей — В.Р. Менжинского и В.В. Куйбышева.

Видимо, на излете жизни ум диктатора стал все больше тяготеть к привычным схемам «большого террора» конца 30-х годов. Уж очень усиленно, особенно начиная со второй половины января 1953 года, советская пропаганда использовала клише, заимствованные из довоенного погромно-идеологического арсенала: «правые оппортунисты», «враги народа», «наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению классовой борьбы» и т.п. Новым во всем этом был разве что антисемитский подтекст материалов, публиковавшихся в печати и звучавших по радио.

Можно предположить (только предположить!), что Сталин, не мудрствуя лукаво, вознамерился использовать в «деле врачей» уже опробованную им прежде примитивно-криминальную схему «разборки», конечно, в несколько модернизированном виде. Достаточно было произвести несложную экстраполяцию и заменить ранее расстрелянных Левина, Плетнева, Казакова профессорами Виноградовым, Вовси, Коганом и другими врачами-вредителями. На роль, исполнявшуюся прежде бывшим наркомом внутренних дел Ягодой, вполне годился арестованный министр госбезопасности Абакумов.

* Чтобы деморализовать профессора Плетнева, 8 июня 1937 г. в «Правде» была помещена статья без подписи под заголовком «Профессор — насильник, садист». В ней говорилось о том, что три года назад во время осмотра гражданки Б., которая обратилась к Плетневу по поводу перенесенного тифа, произошел дикий случай: профессор неожиданно укусил пациентку за грудь, отчего у нее развился хронический мастит, и она, «лишившись трудоспособности, стала инвалидом в результате раны и тяжкого душевного потрясения». Провокационная статья вызвала поток гневных откликов трудящихся, а также всколыхнула медицинскую общественность, заклеившую «варварский» поступок своего коллеги. Среди обвинителей Плетнева оказались В.Ф. Зеленин, Б.Б. Коган, Э.М. Гельштейн, М.С. Вовси и другие авторитетные медики, арестованные через 15 лет по «делу врачей». Неблаговидную роль в судьбе Плетнева сыграл и его ученик В.Н. Виноградов, подтвердивший в качестве эксперта заключение обвинения о «вредительских методах» лечения, практиковавшихся Плетневым. Поскольку последний не принимал «непосредственного активного участия в умерщвлении тт. В.В. Куйбышева и А.М. Горького...», он не был казнен, а приговорен к 25 годам тюремного заключения. Наказание Плетнев отбывал в Орловской тюрьме, в подвале которой и был расстрелян 11 сентября 1941 г., перед тем как в город вошли немцы. Показательно, что протоколы допросов Плетнева, датированные декабрем 1937 года, были приобщены в 1952 году к «делу врачей».

Жертвы «предательского террора» Куйбышев и Менжинский уступили место Щербакову и Жданову, а главари разгромленной оппозиции Бухарин и Рыков — новоиспеченным «кремлевским заговорщикам» — Молотову, Микояну и некоторым другим высшим сановникам, находившимся под подозрением у Сталина в последние месяцы его жизни.

Конечно, о том, собирался ли Сталин пойти проторенным однажды путем или придумал бы что-нибудь новенькое, теперь можно только гадать. Очевидно только одно: опыт организации и проведения прошлых репрессий активно использовался им, а также руководимой им госбезопасностью. Не случайно поэтому в деле профессора Василенко появилось 15 ноября 1952 г. следующее выбитое из него «откровение»:

«...Судебный процесс по делу Плетнева... открыл передо мной технику умерщвления путем заведомо неправильного лечения больного. Из материалов процесса я понял... что врач может не только навредить больному, но и коварным способом довести его до смерти. К этой мысли я в последние годы возвращался не раз, вспоминая Плетнева, которого знал лично. Когда в июле 1948 года я оказался у кровати больного Жданова, я невольно опять вспомнил о Плетневе, о том, как он занимался умерщвлением... И я решил пойти на умерщвление Жданова А.А.».

В итоге, недовольный темпами, результатами и, главное, концептуальной направленностью следствия по «делу врачей», Сталин решил провести кадровую рокировку в МГБ СССР. Непосредственным поводом к этому послужил пространный отчет по «делу врачей», составленный Рюминым и представленный вождю Игнатьевым. В документе в который уже раз во главу угла был поставлен набивший оскомину Сталину тезис о вредительском лечении, практиковавшемся в «Кремлевке», и приводился застарелый биографический компромат на арестованных врачей:

«Следствием установлено, что Егоров и Федоров — морально разложившиеся люди, Майоров — выходец из помещичьей среды, Виноградов, примыкавший в прошлом к эсерам, Василенко, скрывавший с 1922 года свое исключение из ВКП(б), и связанная с ними еврейская националистка Карпай — все они составляли вражескую группу, действовавшую в Лесанупре Кремля... и стремились при лечении руководителей партии и правительства сократить их жизнь».

14 ноября 1952 г. Сталин без объяснения причин снял Рюмина с должности заместителя министра госбезопасности и отправил рядовым сотрудником в Министерство госконтроля СССР. Перед этим диктатор вызвал к себе Игнатьева и потребовал от него срочно «убрать этого шибздика» из МГБ (на роль палача Сталин подбирал людей ущербных не только морально, но и физически: Рюмин, как, впрочем, Ягода и Ежов, был низкорослым). Через несколько недель Рюмин, тревожась за свое будущее, направил Сталину покаянное письмо:

«Я признаю только, что в процессе следствия не применял крайних мер (здесь и далее выделено Рюминым. — *Авт.*), но эту ошибку после соответствующего указания я исправил»²²³.

По той же причине, что и Рюмин, грубому разному со стороны вождя подвергся и сам министр госбезопасности, у которого от переживаний случился сердечный припадок, и он слег, отойдя на какое-то время от дел.

Номенклатурная же элита, которая смотрела на Рюмина как на авантюриста и выскочку, отнеслась к его смещению одобрительно. Особенно был доволен Берия, с которым Рюмин испортил отношения своим участием в так называемом мингрельском деле. Возможно, что с подачи Берии новым начальником следственной части по особо важным делам и, значит, руководителем следствия по «делу врачей» 15 ноября был назначен заместитель министра госбезопасности С.А. Гоглидзе, которого тот в 30-х сделал наркомом внутренних дел Грузии и за которым тянулся кровавый шлейф организатора политических репрессий. С этого назначения следствие по «делу врачей» приобретает новую направленность. Считавшаяся до этого главной линия вредительства становится в этом деле по воле Сталина второстепенной, уступив место версии о шпионско-террористическом антигосударственном заговоре, сколоченном якобы в СССР западными спецслужбами, завербовавшими кремлевских врачей. Подняв, таким образом, ранг «дела» до высокого международно-политического уровня, Сталин, призвав к себе Гоглидзе, напутствовал его буквально теми же словами, что и Н.И. Ежова в пору начала массовых репрессий 1937 года*. В частности, он наказал ему от имени «инстанции» передать следователям по особо важным делам, что в МГБ «нельзя работать в белых перчатках, оставаясь чистенькими», и распорядился ознакомить арестованных врачей с составленным, видимо, им самим следующим официальным заявлением следствия:

«Мы имеем поручение руководства передать вам, что за совершенные вами преступления вас уже можно повесить, но вы можете сохранить жизнь и получить возможность работать, если правдиво расскажете, куда ведут корни ваших преступлений и на кого вы ориентировались, кто ваши хозяева и сообщники. Нам также поручено передать вам, что, если вы пожелаете раскаться до конца, вы можете изложить свои показания на имя вождя, который обещает сохранить вам жизнь в случае открытого признания вами всех ваших преступлений и полного разоблачения своих сообщников. Всему миру известно, что наш вождь всегда выполнял свои обязательства»²²⁴.

* В июле 1937 года Ежов направил региональным органам НКВД директиву, в ней те укорялись в слабой работе по «выкорчевке» «врагов народа», которые-де допрашиваются следователями в «белых перчатках». Одновременно давалось указание о применении методов физического воздействия к подсудимым (225).

Эта декларация тоже была из богатого арсенала политической демагогии Сталина времен большой чистки, когда, например, такие бывшие оппозиционеры, как Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев на себе познали, чего в действительности стоят подобные заверения вождя.

В случае с главным «врачом-вредителем» Виноградовым, которого с «заявлением следствия» ознакомили 18 ноября, старый коварный прием диктатора не сработал. Прожив долгую и полную трагических испытаний жизнь, тот не питал наивных иллюзий относительно верности большевистских вождей своим клятвам. Старый профессор не проронил ни слова после того, как ему торжественно был зачитан текст «заявления». «Что же вы молчите?» — последовал вопрос полковника К.А. Соколова, проводившего допрос. «Я нахожусь в трагическом положении, мне нечего сказать, — ответил Виноградов и тут же твердо добавил: — Иностранцам я не служил, меня никто не направлял, и сам я никого в преступление не втягивал».

Подобное упорство не смутило следователя, который подготовил на этот случай для своего собеседника малоприятный сюрприз: находившийся в соседнем помещении врач-«вредитель» Майоров, сломленный угрозами и пытками, готов был обвинить своего учителя и коллегу во всех смертных грехах. Когда через несколько минут началась его очная ставка с Виноградовым, то он буквально с порога озвучил, словно робот, отретпетированную накануне фразу: «Меня в преступления втянул профессор Виноградов». «А кому служил Виноградов?» — тут же задал наводящий вопрос Соколов. «Безусловно, американцам», — последовал ответ. На что Виноградов заметил не без злой иронии:

«Майоров клеветает на меня, заявляя, что я работал на американцев. Он скорее мог назвать меня немецким шпионом, так как я симпатизировал немцам в науке, был приверженцем немецкой школы, ездил в Германию, где ученые... хорошо меня принимали...».

Взбешенный такой дерзостью следователь приказал немедленно отвести профессора в кабинет начальника Внутренней тюрьмы. Там несчастного повалили на пол и стали дико избивать, перемежая удары резиновыми палками матерной руганью. Побои, продолжавшиеся в течение трех дней, были столь варварскими и ужасными, что вызвали у жертвы тяжелый приступ стенокардии, а следы от побоев прошли только через шесть недель. При этом Виноградова несколько суток держали в наручниках, предупредив, что если он и дальше будет упорствовать, то его закуют и в ножные кандалы. Избиениям, круглосуточному содержанию в наручниках, лишению сна и другим издевательствам подверглись также Василенко, Вовси, Коган и другие арестованные врачи.

Оказавшись на грани жизни и смерти, Виноградов вынужден был уступить домогательствам истязателей и подписал подготовленное

ими «признание» своей «шпионско-террористической деятельности». По вульгарно-аляповатой версии следствия, Виноградов представлялся центральной фигурой врачебного заговора и именно с ним иностранные спецслужбы якобы связывали реализацию своих главных планов по физическому устранению советских руководителей. Потом в ходе допросов Виноградова и других арестованных врачей эта заданная следствием посылка стала обрастать причудливым симбиозом сфабрикованных и изошренно подтасованных реальных фактов. В результате выкристаллизовалась следующая историческая схема «заговора»: Виноградова еще в конце 1936 года завербовал брат Б.Б. Когана, «английский шпион» М.Б. Коган, который с 1934 года работал в ЛСУК как профессор-консультант. Утверждалось, что этот «давнишний агент Интеллидженс сервис», в 1917 году состоявший в еврейской социалистической рабочей партии, был хорошо знаком с Михозлсом, Фефером, Шимелиовичем и другими руководителями ЕАК. Он лечил семью Молотова, с 1944 года являлся личным врачом П.С. Жемчужиной, которую сопровождал осенью 1948 года в поездке на отдых в Карловы Вары. После нескольких допросов «с пристрастием» Виноградов «сознался», что М.Б. Коган вплоть до своей смерти от рака 26 ноября 1951 г. требовал от него сведения о состоянии здоровья и положении дел в семьях Сталина и других руководителей, которых он лечил. В последующие месяцы, согласно той же схеме следствия, функции «куратора» Виноградова в соответствии с «секретным приказом из Лондона» были переданы директору клиники лечебного питания профессору Певзнеру. Тот, оказывается, выехав в начале 30-х годов в Карлсбад, попал там в шпионские сети, искусно расставленные его родственником, неким Менделем Берлиным, выходцем из России, получившем британское подданство. Вскоре, согласно все тому же ретроспективному сценарию, сработанному на Лубянке, в клинику к Певзнеру для непосредственного контроля за ним и как связника с резидентом английской разведки в Москве «внедряют» брата Менделя Берлина — советского гражданина, профессора медицины Л.Б. Берлина, который стал работать там заведующим отделением. И вот этот последний, встретившись в декабре 1945 года с сыном своего лондонского брата Менделя Исайей, приехавшим в Москву в качестве второго секретаря посольства Великобритании, налаживает через него регулярную отправку секретной информации за границу. Таким образом начинает функционировать канал шпионской связи, обслуживающий следующую агентурную сеть: В.Н. Виноградов—М.Б. Коган—М.И. Певзнер—Л.Б. Берлин. В 1951 году, в связи со смертью Когана, Виноградов стал контактировать непосредственно с Певзнером. Это-де было тем более удобно, так как последний входил в состав редколлегии возглавлявшегося Виноградовым журнала «Терапевтический архив».

Для того чтобы подпереть столь развесистую клюкву, 10 декабря 1952 г. в Москву из тайшетского лагеря возвратили Л.Б. Берлина, осужденного ранее как еврейского националиста. 14 декабря следователи Соколов и И.Ф. Пантелеев, обвинив его в сокрытии шпионской деятельности, заявили без обиняков, что применят меры физического воздействия, если он не сознается в передаче полученных от Виноградова сведений своему племяннику Исае в английское посольство. Тем не менее Берлин отказался возводить на себя и Виноградова напраслину. Тогда его отвели в кабинет начальника Внутренней тюрьмы, где избивали в течение четырех дней. Однако узник продолжал упорствовать. Для более основательной «обработки» его перевели в Лефортовскую тюрьму, где он был подвергнут столь изощренным издевательствам, что предпринял несколько попыток самоубийства. После чего Берлина стали круглосуточно содержать в камере в наручниках. В конце концов его удалось сломить, и он «признался» в сотрудничестве с британской разведкой начиная с момента вербовки в 1936 году и до ареста в 1952-м. В тюрьме Берлин находился до 4 февраля 1954 г., пока не был освобожден по постановлению министра внутренних дел С.Н. Круглова.

Помимо Виноградова, Берлина, Когана и Певзнера к агентуре английской разведки следствием были «приписаны» П.И. Егоров, В.Х. Василенко, А.А. Бусалов и В.Ф. Зеленин. Последний, арестованный 25 января 1953 г., оказался даже «двойным» агентом, так как показал, что с 1925 года и до начала Второй мировой войны верой и правдой служил германской разведке и получал тогда шпионские задания через «еврейского националиста» профессора М.С. Вовси. Когда столь абсурдное обвинение в шпионаже в пользу гитлеровской Германии следователь предъявил самому Вовси, арестованному еще в ночь на 11 ноября 1952 г., тот с горечью заметил:

«Вы сделали меня агентом двух разведок, не приписывайте хотя бы германскую — мой отец и семья брата в войну были замучены фашистами в Двинске».

На что последовал циничный ответ:

«Не спекулируйте кровью своих близких»²²⁶.

Поскольку Вовси, прозванный в еврейской среде «мудрым Мее-ром», являлся двоюродным братом Михоэлса, следователи окрестили его «предводителем сионистов, окопавшихся в советской медицине», и первым делом инкриминировали ему послевоенное сотрудничество с американской разведкой. От него стали требовать показания о том, кто и каким образом передавал ему директивы от «заокеанских хозяев». Для того чтобы он «заговорил», в ход было пущено все: и изматывающие многочасовые допросы, и наручники, и угрозы, в том числе и такие зверские:

«Мы тебя четвергуем, повесим, посадим на осиновый кол».

Начиная с 21 ноября, когда силы оставили профессора, он стал не читая механически подписывать составленные следователями протоколы, в которых с параноической настойчивостью проводилась идея о руководящей и направляющей роли американцев — разведывательных служб и сионистских организаций — в формировании заговора кремлевских врачей. За исходный пункт заокеанского влияния на всю эту историю было взято возвращение Михоэлса из пропагандистского турне по США. Первое конкретное задание Вовси якобы получил осенью 1946 года, когда Михоэлс, принимая его у себя дома на Тверском бульваре, приказал форсировать насаждение еврейских кадров в советской медицине. В развитие этого сюжета Вовси затем заставили «вспомнить», как в 1947 году он встретился в Боткинской больнице с профессором Шимелиовичем и тот изложил ему полученную из США директиву «Джойнта» о развертывании крупномасштабной акции по подрыву здоровья ответственных советских государственных и партийных работников. Причем Вовси заставили уточнить, что Шимелиович действовал при этом не как частное лицо, а как представитель ЕАК.

По воле следователей в ближайшие сообщники к Вовси попали профессора Б.Б. Коган и Я.С. Темкин. Они показали, что еще в 1946 году создали преступную группу, собравшись на квартире у Вовси, где признали необходимым солидаризироваться с американским и мировым еврейством и обсудили способы использования своей службы в ЛСУК в террористических целях. Правда, на первых порах в интересах соблюдения конспирации было решено действовать по возможности осторожно и осмотрительно, нанося дозированный вред номенклатурным пациентам, причем главным образом путем намеренно ошибочного диагностирования заболеваний и их неправильного лечения. В подтверждение этого мифического замысла была сочинена душераздирающая история о том, как Вовси и Коган, которые в разное время пользовали Г. Димитрова, страдавшего целым букетом хронических заболеваний, намеренно, в сговоре с другими «врачами-вредителями» скрывали стремительное развитие у больного такого грозного недуга, как цирроз печени, от которого тот, собственно, и умер в 1949 году.

Подобных «фактов» следствие сфабриковало во множестве. Вовси, который до 1949 года был главным терапевтом Министерства вооруженных сил СССР и потому консультировал, например, Ф.И. Толбухина, И.С. Конева, Л.А. Говорова, А.М. Василевского, Г.И. Левченко, Я. Н. Федоренко и других видных советских военачальников, вообще изображался диверсантом в белом халате, подрывавшим по заданию извне организационно-интеллектуальный потенциал вооруженных сил СССР. Кроме того, Вовси вменили в вину то, что под его началом профессора А.М. Гринштейн, А.И. Фельдман, Б.С. Преображенский, врач Г.И. Майоров и другие кремлевские медики, лечив-

шие члена политбюро А.А. Андреева, намеренно лишили его работоспособности на длительный срок. И поскольку тому начиная с 1947 года в связи с сильными головными болями и бессонницей был действительно назначен вкуче с большими дозами снотворного прием кокаина, то доказывать ничего и не требовалось — «вредительское» лечение являлось как бы самоочевидным. При этом следствием игнорировался тот факт, что в 1951 году самочувствие Андреева значительно улучшилось и он прекратил прием наркотика.

От допроса к допросу фантазия следователей становилась все более необузданной. Законы детективного жанра, в рамках которого по сути велось расследование, требовали от сочинителей с Лубянки все более крупных разоблачений и бередящих воображение фактов. И вот уже на «ближнюю» дачу главного вдохновителя этого творчества направляются протоколы допросов, в которых от имени Вовси и Когана утверждалось, что в июле 1952 года, они, будучи изгнанными из Кремлевской больницы, договорились направить все свои усилия на умерщвление непосредственно Сталина, Берии и особо ненавидимого ими Маленкова, которого считали главным вдохновителем антисемитского курса в стране. В качестве основного исполнителя этого дьявольского плана был намечен Виноградов, продолжавший работать в ЛСУК. Однако коварному замыслу «врачей-террористов» не суждено было сбыться. По примитивной версии следствия, это произошло потому, что «заговорщикам» не удалось окончательно договориться о деталях «операции»: в августе Вовси уехал в отпуск, а когда возвратился в Москву, то не смог встретиться с Виноградовым, который, наоборот, отбыл на отдых, а потом был арестован. Такое неожиданное для злоумышленников развитие событий и решительность действий напавших на их след чекистов, как особо отмечалось в материалах следствия, привели Вовси и его сообщников в истерическое неистовство, под воздействием которого они будто бы решили прибегнуть к крайним мерам: стали готовиться к вооруженному нападению на правительственные автомашины в районе Арбата. Но и тут бдительные «органы» оказались на высоте и в самый критический момент обезвредили преступников, устранив угрозу безопасности вождя и его соратников²²⁷.

ТАЙНОЕ «ДЕЛО» ПЕРЕРАСТАЕТ В ОТКРЫТУЮ АКЦИЮ

Резонно задаться вопросом, верил ли сам Сталин во все эти бредни? Думается, что скорее да, чем нет. И вот почему. Существуют многочисленные свидетельства того, что к концу жизни диктатора его личность под влиянием общего старения организма, серьезных хрони-

ческих заболеваний (гипертония, атеросклероз сосудов мозга) и постоянных психологических стрессов в значительной мере деформировалась. Он все чаще уединялся; боясь выпустить власть из слабых рук, стал крайне подозрительным, в том числе по отношению к тем, кто входил в его ближайшее окружение. Даже к своим детям, которые, впрочем, мягко говоря, не радовали его идеальным поведением, он испытывал все меньше доверия. Встречи диктатора с сыном Василием, которого он в августе 1952 года за пьянку и хозяйственные злоупотребления сместил с поста командующего ВВС Московского военного округа, а также с дочерью Светланой, чей брак с Юрием Ждановым развалился в конце 1951-го, становились все реже и реже. Вспоминая потом это время, Светлана Аллилуева так писала о своем отце:

«Он был душевно опустошен, забыл все человеческие привязанности, его мучил страх, превратившийся в последние годы в настоящую манию преследования — крепкие нервы в конце концов расшатались»²²⁸.

Критической для здоровья вождя стала осень 1952 года. Если в предшествовавший период (1945–1951 гг.) он обычно с конца лета и до начала зимы отдыхал на юге*, то в тот год он лишил себя отпуска, отдавая последние силы «раскрутке» «дела врачей», а также подготовке очередного съезда партии и начавшейся вслед за ним далеко идущей реорганизации в высшем руководстве страны.

Крупный и серьезный аналитик истории большевизма Б.И. Николаевский, подмечая существенную разницу между «большим террором» конца 30-х годов, который, по его словам, Сталин «вел не по безумию Калигулы, а потому, что сделал его фактором своей активной социологии», и репрессивной политикой диктатора в последний период его жизни, допускал «возможность ненормальности Сталина в 1952–1953 годах»²²⁹.

Воистину, кто многим страшен, тот и сам многих опасается. Сутками никого не принимая на своей «ближней» даче, диктатор изводил себя мрачными картинками воображаемой им глобальной террористической акции по его физическому уничтожению. Вдохновители и организаторы заговора — конечно же, империалистические разведки, которые завербовали для осуществления своих замыслов националистически настроенных евреев, проникших во все жизненно важные сферы советского общества, в том числе и в медицинские учреждения, обслуживающие высший эшелон руководства. Подчинив своему влиянию и кое-кого из наиболее авторитетных русских врачей, в основном выходцев из буржуазных слоев, западные спецслужбы приступили к уничтожению видных партийных и государственных деятелей, подбираясь все ближе к нему, главе государства.

* Например, в 1951 году Сталин был в отпуске с 11 августа по 21 декабря.

Правда, «вычистив» из структур власти «ленинградцев», арестовав Абакумова и его креатуру на Лубянке, он вроде бы нанес тайным врагам ощутимый удар. Однако торжествовать победу диктатор явно не торопился.

В феврале 1953 года диктатор избавился даже от Поскребышева, десятилетиями служившего ему не за страх, а за совесть. Другого рабски преданного ему клеветы, начальника главного управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенанта Н.С. Власика, Сталин сместил с этого поста еще в апреле 1952 года. А 16 декабря бывший главный охранник диктатора был арестован. Произошло это во многом вследствие интриги ненавидевших его Берии и Гоглидзе и после того, как примерно за месяц до этого МГБ доложило Сталину, что Власик заодно с кремлевскими «врачами-вредителями». Конкретно вождем напомнили, что Власик в августе 1948 года вместо того чтобы предпринять расследование по фактам неправильного лечения Жданова, сообщенных тогда Тимашук, что называется, замаял это дело, встав на сторону начальника ЛСУК Егорова, с которым был хорошо знаком и даже дружил домами. Более того, когда летом 1951-го арестовали Абакумова и началась повальная кадровая проверка врачей «Кремлевки», проводивший ее Власик, почувствовав опасность, не только изъясил у Егорова все документы, связанные с разбирательством жалоб и заявлений Тимашук, пытаясь тем самым утаить их от нового руководства МГБ, но потом доложил Сталину, что никаких оснований подозревать кремлевских медиков не существует. Однако, когда спустя год с небольшим Егорова арестовали, тот, разумеется, под принуждением дал следующее показание:

«Не подлежит никакому сомнению, что если бы Абакумов и Власик провели должную проверку заявления Тимашук сразу же после его поступления, то мы врачи, виновные в гибели Жданова, были бы разоблачены еще в 1948 году»²³⁰.

Компромат, собранный госбезопасностью на Власика, выглядел столь убедительным, что Сталин одобрил следующее сформулированное на Лубянке обвинение:

«Абакумов и Власик отдали Тимашук на расправу... иностранным шпионам-террористам Егорову, Виноградову, Василенко, Майорову»²³¹.

Правда, как мы помним, Абакумов буквально перед смертью Жданова успел ознакомить Сталина с запиской Тимашук и тот даже расписался на сопроводительной записке. Однако, устроив 1 декабря 1952 г. расширенное заседание президиума ЦК, Сталин заявил, что в 1948 году бывшие министр госбезопасности и начальник главного управления охраны скрыли от него лично и от руковод-

ства страны важный документ, разоблачивший заговор по умерщвлению Жданова. На этом же заседании диктатор пустился в рассуждения о том, что «чем больше у нас успехов, тем больше враги будут нам стараться вредить» и что «среди врачей много евреев-националистов», а «любой еврей-националист это агент американской разведки».

Потом последовали обвинения в адрес чекистов, у которых-де «притупилась бдительность», да и вообще они «сидят в навозе». Завершая свое выступление, Сталин принялся запугивать членов бюро, говоря, что если бы не он, то не только Жданов, но многие из тех, кто слушает его сейчас, могли погибнуть от рук «убийц в белых халатах». Войдя в роль спасителя беспечных и неразумных соратников, диктатор с чувством торжествующего превосходства подытожил: «Вы слепцы, котят, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов». В подтверждение этого откровения Сталин направил потом признательные показания арестованных врачей Маленкову, Хрущеву и другим несостоявшимся «жертвам медицинского террора»²³².

Наиболее вероятный вариант финала «дела врачей» Сталин продемонстрировал советскому номенклатурному истеблишменту 3 декабря, когда в Чехословакии были казнены 11 бывших руководителей этой страны во главе с Р. Сланским, который, как было сказано в приговоре, «предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда», подобрав «для этого лечащих врачей из враждебной среды, с темным прошлым, установив с ними тесную связь и рассчитывая использовать их в своих вражеских планах»²³³.

4 декабря, то есть сразу же после того, как на примере пражской кровавой акции, которой суждено было стать последней крупной победой злого гения Сталина, тот, нагнав страху на ближайших соратников, вынес на рассмотрение президиума ЦК вопрос «О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле», по которому выступил Гоглидзе. Основную вину за якобы многолетнюю и безнаказанную деятельность «врачей-вредителей» тот возложил на «потакавших» им Абакумова и Власика. Досталось и министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову, назначенному на этого пост в феврале 1947 года с подачи Жданова. Он обвинялся в том, что якобы «неудовлетворительным руководством и политической беспечностью» невольно потворствовал преступлениям своих коллег, с которыми «сросся на почве пьянства». В наказание его отправили в отставку, а новым министром февраля 1953 г. назначили А.Ф. Третьякова, до этого возглавлявшего ЦНИИ курортологии Минздрава СССР.

В принятом по докладу Гоглидзе постановлении ЦК «О положении в МГБ» предусматривалось решительными действиями «...покончить с бесконтрольностью в деятельности органов Министерства государственной безопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии...». Самому же руководству госбезопасности вменялось в обязанность:

«...Поднять уровень следственной работы, распутать до конца преступления участников террористической группы врачей Лечсанупра, найти главных виновников и организаторов проводившихся ими злодеяний. В короткий срок закончить следствие по делу о вредительской работе Абакумова—Шварцмана. Обновить состав следователей по особо важным делам, исключить из него негодных и заменить их новыми, свежими следовательскими силами»²³⁴.

Резкой критике подверглось также руководство разведслужбы, которое обвинялось в либерализме, «гнилых и вредных рассуждениях» о ненужности такого важного, с точки зрения Сталина, средства разведывательной работы, как террор. В результате была предпринята реорганизация МГБ СССР, в составе которого образовали Главное разведывательное управление. Уникальность этой пертурбации состояла в том, что ГРУ вобрало в себя все службы госбезопасности, имевшие отношение как к разведывательной, так и контрразведывательной деятельности. Это косвенно свидетельствовало о том, что страхи, испытываемые Сталиным в связи с «происками» спецслужб Запада (прежде всего американских), достигли к концу 1952 года (один из кульминационных пунктов холодной войны) апогея. Руководителем ГРУ 30 декабря был назначен первый заместитель министра госбезопасности С.И. Огольцов*, один из главных организаторов операции по тайному устранению Михоэlsa в начале 1948 года. Это зловещее совпадение отнюдь не было случайным. Впрочем, для воспринимавших всерьез расхожие суеверия имели место и зловещие случайности: тогда же в структуре 2 управления ГРУ был сформирован 13 («антисионистский») отдел, на который была возложена задача по борьбе с еврейской «пятой колонной» внутри страны.

Парализовав страхом партийные верхи и сотворив в недрах спецслужб управленческого монстра, Сталин для возведения «дела врачей» в разряд крупной политической акции приступил к вовлечению в нее всего населения страны. Важным шагом в этом направлении стало состоявшееся 9 января 1953 г. заседание бюро президиума

* Первым заместителем министра госбезопасности СССР Огольцов стал 20 ноября 1952 г., будучи возвращенным в Москву из Узбекистана, где руководил республиканским МГБ. Во главе вошедших в состав ГРУ 1 управления (внешняя разведка) и 2 управления (контрразведка) были поставлены соответственно Е.П. Питовранов, еще недавно находившийся под арестом как ставленник Абакумова, и заместитель министра госбезопасности В.С. Рясной.

ЦК КПСС, на котором обсуждался проект адресованного народу сообщения ТАСС «Арест группы «врачей-вредителей».

Помимо членов бюро — Л.П. Берии, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, М.Г. Первухина, М.З. Сабурова и Н.С. Хрущева — на этом заседании присутствовали секретари ЦК А.Б. Аристов, Л.И. Брежнев, Н.Г. Игнатов, Н.А. Михайлов, Н.М. Пегов, П.К. Пономаренко, М.А. Суслев, председатель Комитета партийного контроля М.Ф. Шкирятов, главный редактор «Правды» Д.Т. Шепилов, а также заместители министра госбезопасности С.А. Гоглидзе и С.И. Огольцов. Среди приглашенных не было министра госбезопасности Игнатъева, который, видимо, был болен. Примечательно, что отсутствовал и сам Сталин. В заранее составленном списке участников заседания бюро президиума ЦК Сталин значился первым, однако потом его фамилия была вычеркнута и рядом в скобках появилась отметка: «не присутствовал». Зная византийскую натуру диктатора, можно предположить, что он намеренно уклонился от участия в этом заседании, имея в виду создать себе на всякий случай не только «алиби» и тем самым снять с себя ответственность за инспирирование «дела врачей», но и иметь возможность при необходимости переложить эту ответственность на участников заседания*. В свое время Л.Д. Троцкий, отмечая эту характерную особенность в поведении Сталина «в критические дни и наиболее критические часы», утверждал, что тогда он стремится всегда «оставить за собой свободные руки для того, чтобы отойти в сторону и обвинить других». Такие маневры Сталин предпринимал и с той целью, чтобы время от времени своей непредсказуемостью «пущать страх» на высшее партийно-государственное чиновничество, которое постоянно подозревал в стремлении превратить его, как он выражался, «в факсимиле»**. Но, скорее всего, дело обстояло проще: видимо, в конце 1952 — начале 1953 гг. в результате нового сильного приступа болезни здоровье диктатора серьезно ухудшилось. Сталин не принял участия в состоявшихся 15 февраля на Красной площади похоронах Мехлиса, а чтобы это не бросалось в глаза, из высших руководителей отсутствовали также Маленков и Берия. В январе—феврале 1953 года, в отличие от ранее существовавшего порядка, все важнейшие документы, в том числе запросы

* В пользу этой версии говорит тот факт, что принятое 9 января на бюро президиума ЦК решение (протокол № 7) : «Одобрить проект сообщения в печати об аресте группы врачей-вредителей и опубликовать его вместе со статьей «Правды» по этому вопросу» было подписано не как обычно — «Секретарь ЦК И. Сталин», а иначе — «Бюро Президиума ЦК КПСС».

** В фонде Сталина в РГАСПИ сохранились образцы резиновых штампов с факсимильной подписью вождя: «Секретарь ЦК И. Сталин» и других, которые использовались сотрудниками аппарата ЦК для оформления важнейших документов.

из МГБ о санкциях на аресты наиболее значимых лиц, направлялись не Сталину, а в основном Маленкову, который тогда полностью сосредоточил в своих руках управление текущими делами в партии и государстве. Однако сила воздействия диктатора на ближайшее окружение оставалась столь гипнотической, что, даже находясь одной ногой в могиле, он продолжал задавать основные, важнейшие параметры социально-политического развития страны. Сохранилась записка, отправленная вскоре после 9 января Поскребышевым из секретариата Сталина руководителю Агитпропа Михайлову*, которая свидетельствует о том, что вождь не только определял содержание будущего официального заявления по «делу врачей», но и опосредованно давал указание, на какой странице в газетах народ должен его прочесть²³⁵.

И вот наступило 13 января, когда вся страна из широко распубликованного сообщения ТАСС узнала об аресте «группы врачей-вредителей». Одновременно «Правда» и «Известия», а несколько позднее и другие газеты напечатали передовые статьи с комментариями (если, конечно, истеричные стенания, присутствовавшие там, можно назвать таковыми) этого сообщения. Передовица в «Правде» под хлестким заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей» явно составлялась под руководством и при непосредственном участии Сталина, о чем свидетельствует специфический стиль ее текста, насыщенный характерной риторикой об усилении происков внутренних и внешних врагов советского государства по мере успешного построения социализма.

ЗСКАПАЦИЯ РЕПРЕССИЙ

Под такой воинственный пропагандистский аккомпанемент МГБ в январе — начале февраля 1953 года значительно активизировало «оперативно-следственные мероприятия» по «делу врачей». По Москве прокатилась новая волна арестов, и в результате число медиков, обитавших в камерах на Лубянке, постоянно увеличивалось. В те дни взяли под стражу профессоров В.Ф. Зеленина и Э.М. Гельштейна, Я.Л. Рапопорта, Н.А. Шерешевского, М.Н. Егорова, Б.С. Преображенского, С.Е. Незлина и других врачей, имевших отношение к «кремлевской» медицине. В первой половине февраля руководство МГБ официально сформировало групповое «дело врачей», отобрав и включив в общее производство материалы следствия по 37 арестованным. Из них 28 были собственно врачами, а остальные — членами их семей, главным образом женами. Большинство составляли

* «Т. Михайлову. Посылаю 1 экз. хроники «Арест врачей-вредителей» для помещения в газетах на 4-й полосе справа».

профессора-консультанты и другие специалисты, работавшие в системе ЛСУК. Это П.И. Егоров, В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, Б.Б. Коган, А.М. Гринштейн, А.Н. Федоров, В.Ф. Зеленин, А.А. Бузалов, Б.С. Преображенский, Н.А. Попова, Г.И. Майоров, С.Е. Карпай, Р.И. Рыжиков, Я.С. Темкин, М.Н. Егоров (научный руководитель 2-й больницы ЛСУК), Б.А. Егоров* (профессор-консультант центральной поликлиники ЛСУК), Г.А. Каджардузов, Т.С. Жарковская. Остальные числились сотрудниками других медицинских учреждений, причем многие из них ранее работали в системе ЛСУК или в качестве штатных сотрудников, или приглашенных консультантов. Это М.С. Вовси (Центральный институт усовершенствования врачей — ЦИУВ), Н.А. Шерешевский (ЦИУВ), В.Е. Незлин (ЦИУВ), С.Е. Незлин (профессор-консультант московской поликлиники № 63), Я.Л. Рапопорт (Центральный контрольный институт сыворотки и вакцины), Э.М. Гельштейн (Боткинская больница), Я.Г. Этингер (консультант поликлиники Миннефтепрома), Р.А. Засосов (Ленинградская военно-морская академия), В.В. Закусов** (1-й Ленинградский медицинский институт им. И.П. Павлова), А.И. Фельдман (директор клиники Московского научно-исследовательского клинического института).

И хотя среди вышепоименованных большинство составляли русские, по ходу следствия дело приобретало все более отчетливый антисемитский характер. Так, в феврале профессору Вовси дополнительно инкриминировали руководство сетью групп «еврейских буржуазных националистов», якобы существовавших в целом ряде столичных медицинских учреждений. В этой связи назывались 2-й ММИ (Я.Г. Этингер, В.Е. Незлин, О.Б. Макаревич, Н.П. Рабинович и др.), 1-я Градская больница (А.Б. Топчан, Я.Л. Рапопорт, Я.И. Мазель,

* Б.А. Егорова, происходившего из дворян ученика Д.Д. Плетнева, арестовали 26 января 1952 г. за ведение «антисоветских разговоров». На него донесли, что в конце 1949 года на одном из семейных празднеств он заявил: «Вот скоро умрет Сталин, а все остальные руководители переделутся в борьбе за власть. Тогда вмешаются иностранцы, и мы с вами еще увидим на московском престоле царем Кирилла Владимировича Романова (этот великий князь умер в 1938 году, о чем Егоров, видимо, не знал. — *Авт.*)». Егорову также инкриминировали и «злобные террористические намерения в отношении руководства ВКП(б) и Советского правительства», поскольку он, увидев в свое время в газете отчет о торжественном заседании в Большом театре по случаю 70-летнего юбилея Сталина, якобы посоветовал при свидетелях: «Жаль, что во время заседания не сбросили бомбу. Были бы уничтожены глава правительства и все правительство. Тогда жить бы стало легче».

** Ленинградских профессоров Засосова и Закусова также арестовали за «антисоветские разговоры». К тому же последний, будучи в 1947–1952 годах представителем СССР в ООН в комиссии по наркотическим средствам, ранее неоднократно выезжал за границу, что давало возможность следствию обвинить его еще и в шпионаже.

Н.Л. Вильк, Э.М. Гельштейн, А.М. Гринштейн, Ш.Д. Мошковский, В.С. Левит и др.), Центральный рентгенологический институт им. Молотова (директор С.А. Рейнберг, И.Л. Тагер и др.), клиника лечебного питания (Л.Б. Берлин, М.И. Певзнер, Б.С. Левин, Г.Л. Левин* и др.) Но больше всего националистов развелось якобы в ЦУВ (Б.Б. Коган, Я.С. Темкин, Г.Ф. Благман, И.С. Шницер, С.М. Хаскин и др.). Вовси принудили дать показания**, что руководители всех этих групп, за исключением Певзнера, получали от него установки на проведение активной националистической работы. Было получено также свидетельство, что в свое время М.С. Вовси намеренно направил Я.Г. Этингера на работу в 1-ю Градскую больницу, выполняя тем самым указание Михозлса о превращении ее в опорный пункт еврейского национализма. Чтобы сделать более реалистичной картину кипучей сионистской работы врачей, следствие выжало из Вовси еще один живописный штрих: оказывается, он для обмена мнениями в кругу самых близких единомышленников устраивал неоднократно в 1951–1952 годах на своей подмосковной даче «националистические сборища», где в качестве гостей бывали профессора Я.Л. Рапорт, Е.Я. Герценберг, Б.Б. Коган, а также родственники хозяина — Х.М. Вовси, С.М. Итин.

Благодаря такой направленности следствия, наряду с производством основного дела «кремлевских врачей-отравителей», параллельно осуществлялось широкое уголовное преследование других медиков, главным образом евреев, на которых навешивался ярлык «буржуазный националист». Испросив 7 февраля санкцию у Маленкова, руководство МГБ распорядилось через три дня арестовать 60-летнюю М.Е. Вейцман, работавшую врачом в Госстрахе. Ее, может быть, и не тронули бы, но на свою беду она оказалась сестрой первого президента Израиля Хаима Вейцмана. К тому же другой ее брат, Самуил, который являлся заместителем председателя Общества по землеустройству еврейских трудящихся, был расстрелян в 1939 году как английский шпион. Еще в июне 1948 года Абакумов поставил в известность Сталина, Молотова, Жданова и Кузнецова, что Мария Вейцман, «выражающая стремление выехать в Палестину», была взята «под чекистское наблюдение». И вот теперь, когда та оказалась полностью во власти «органов», их руководители стали выжимать из нее признание о существовании «преступной связи» между ней и Хаимом Вейцманом, вплоть до его смерти в ноябре 1952 года.

* Г.Л. Левин — сын профессора Кремлевской больницы Л.Г. Левина, расстрелянного в марте 1938 года «отравителя» Куйбышева, Менжинского, Горького и сына последнего — М.А. Пешкова.

** Чтобы сделать Вовси более словоохотливым, МГБ 14 января 1953 г. арестовало его жену Веру Львовну, которую с помощью самых подлых приемов заставили оговорить мужа. Кроме того, В.Л. Вовси угрожали возможным арестом дочери и зятя.

И даже после того, как измученная ночными допросами пожилая женщина заявила, что в последний раз встречалась с братом 40 лет назад в Берлине, когда, закончив Цюрихский университет, возвращалась в Россию, ей все равно не желали верить. «Следствию все известно, — решительно выпалил в ходе очередного допроса следователь А. Иванов и уточнил: — Небезызвестный вам Михозлс, находясь в 1943 году в США, не случайно встречался с вашим братом. Мы знаем, что он получил от него вражеские установки, которые по возвращении в СССР передал вам. Отвечайте, что это были за установки?».

Уже после смерти Сталина, 20 марта 1953 г., Марию Вейцман заставили признать, что «в своей озлобленности на советскую власть и ее вождей она дошла до того, что злорадствовала по поводу смерти Жданова... и высказывала пожелания смерти Сталина». Однако 12 августа того же года узницу все же выпустили на свободу, амнистировав по указу президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г.²³⁶

ПРОПАГАНДИСТСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

Предавая всеобщей гласности «дело врачей», Сталин преследовал главным образом цель инициировать подготовку общественного мнения к будущему публичному процессу. Ведь сообщение ТАСС от 13 января заканчивалось весьма красноречивой фразой о том, что «следствие будет закончено в ближайшее время». В реализации этого замысла вождь опирался прежде всего на партийно-пропагандистский аппарат, руководство которого было им в значительной мере обновлено после XIX съезда КПСС. 20 октября 1952 г. он провел заседание президиума ЦК с приглашением ответственных работников «идеологического фронта». Для «укрепления» этого «ответственного участка работы» Сталин предложил создать постоянную комиссию при президиуме ЦК по идеологическим вопросам под председательством Д.Т. Шепилова, накопившего богатый опыт организации массовых пропагандистских кампаний в период борьбы с космополитизмом. На том же заседании Сталин подверг острой критике редактора «Правды» Л.Ф. Ильичева, и примерно через месяц Шепилову были переданы и бразды правления центральным печатным органом партии. «Теоретической» базой идеологической комиссии стал журнал «Коммунист», который возглавил член комиссии* и заведующий отделом философских и правовых наук и вузов ЦК Д.И. Чесноков.

* В состав комиссии вошли также секретари ЦК М.А. Суслев и Н.А. Михайлов, а также П.Ф. Юдин и заведующий отделом экономических и исторических наук и вузов ЦК А.М. Румянцев.

Необходимость агитпроповской реорганизации Сталин тогда же мотивировал необходимостью подготовить «достойный ответ» американцам, которые «хотят себе подчинить все»²³⁷. Показательно, что именно в октябре 1952-го по требованию Москвы из СССР был отозван американский посол Д. Кеннан, которому Кремль вменил в вину враждебные выпады в адрес Советского Союза. А вообще-то этот виток напряженности в советско-американских отношениях возник годом ранее, когда президент Трумэн подписал «Закон о взаимном обеспечении безопасности», предусматривавший специальное ассигнование в сумме 100 млн. долларов на организацию подрывной деятельности против СССР и стран Восточной Европы. Не случайно, думается, в статье «Правды» от 13 января 1953 г. «врачебный заговор» в СССР прямо увязывался с реализацией американцами этого закона, а в сообщении ТАСС об аресте «группы врачей-вредителей» прямо говорилось о том, что «большинство участников террористической группы (Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах». При этом уточнялось:

«На самом деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и Советском Союзе».

Наряду с Шепиловым ведущую роль в организации пропагандистской атаки на общество в связи с «делом врачей» играл Н.А. Михайлов*, назначенный в октябре 1952 г. секретарем ЦК и заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК. Этот чиновник даже на общем сером фоне партийной иерархии выделялся своей интеллектуальной ограниченностью, помноженной на гипертрофированную амбициозность. Нерешительный и слабовольный в обычной жизни, он был «под каблуком» у честолюбивой и властной супруги, Раисы Тимофеевны, которая открыто и бесцеремонно манипулировала и помыкала мужем, как, впрочем, и его подчиненными. Впрочем, благоволение аппаратной фортуны к таким, как Михайлов, было вполне закономерным явлением для сталинской эпохи. Ключевым пунктом в биографии этого малообразованного и недалекого партфункционера, начавшего свою трудовую деятельность чернорабочим, стало то, что в самый разгар кровавых предвоенных чисток он возглавил ЦК комсомола, негласно считавшийся самой аморальной школой советского карьеризма. В послевоенное время Михайлов активно

* В бытность Михайлова во второй половине 50-х годов министром культуры в кругах интеллигенции о нем каламбурили: «Бойся не министра культуры, а культуры министра».

включился в борьбу с «безродным космополитизмом». Документы, направленные им в то время в ЦК ВКП(б), носили откровенно антисемитский характер. Это обстоятельство, скорее всего, и предопределило кадровый взлет Михайлова на XIX съезде партии, что позволило ему вплоть до смерти вождя пребывать в высшем эшелоне партийной бюрократии.

Будучи типичным выскочкой и калифом на час, бывший комсомольский лидер стремился во всем угодить своему всевластному покровителю и потому основательно подготовился к кампании травли врачебной элиты. Возглавляемый им Агитпроп ЦК направил 12 января 1953 г. в редакции ведущих газет и журналов указание о подготовке срочной публикации соответствующих пропагандистских материалов по «делу врачей». В этой директиве, не мудрствуя лукаво, почти дословно повторялись установки печально знаменитого февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года²³⁸. Когда 13 января руководство Главлита обратилось в Агитпроп за санкцией на изъятие из библиотек и книготорговой сети медицинских трудов арестованных врачей и книги М.Б. Загорского «Михоэлс», на Старой площади сочли такой подход «либеральным». Подведомственный Михайлову аппарат доложил тогда своему шефу, что «следовало бы в приказе Главлита указать на необходимость изъятия всех произведений врачей-вредителей и всех работ Михоэлса независимо от их тематики...»²³⁹.

Стремясь во что бы то ни стало утвердиться на кремлевском олимпе, Михайлов использовал любой подходящий случай для прокламирования своей погромной позиции. Выступая 21 января 1953 г. на традиционном заседании, посвященном очередной годовщине смерти Ленина, он процитировал наверняка принадлежащие Сталину слова из правдинской передовицы:

«Но у нас еще сохранились пережитки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали — живые люди (выделено в тексте. — *Авт.*), скрытые враги нашего народа. Эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, вредили и будут вредить нам впредь. Именно об этом убедительно говорит дело врачей-вредителей — подлых шпионов и убийц, спрятавшихся под маской врачей, продавшихся работодателям-людоедам из США и Англии»²⁴⁰.

Видимо, это стремление превратить как можно больше «живых людей» в мертвых врагов и подвигло Михайлова на широкое пропагандирование «подвига» Лидии Тимашук. Буквально за несколько часов имя доселе мало кому известного скромного врача узнала вся страна. Это произошло после того, как 20 января она была приглашена в Кремль и Маленков передал ей благодарность Сталина за проявленное в 1948 году «большое мужество», когда, «вступив в противоборство с видными профессорами, лечившими Жданова... отстаивала свое врачебное мнение в отношении больного». На сле-

дующий день в газетах был помещен указ президиума Верховного Совета СССР, гласивший:

«За помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц, наградить врача Тимашук Лидию Федосеевну орденом Ленина»²⁴¹.

Нечто похожее уже происходило в начале 1937 года, когда Сталин использовал в пропагандистских целях другой одушевленный «винтик». Тогда на февральско-мартовском пленуме ЦК он поблагодарил такого же «маленького человека» — П.Т. Николаенко, рядовую агитпроповку с Украины, за помощь партии в борьбе с «засильем троцкистских вредителей», которое обнаружилось в ближайшем окружении расстрелянного вскоре секретаря ЦК КП(б) Украины П.П. Постышева. Потом, правда, Николаенко признали душевнобольной.

Выполняя социальный заказ режима, печать и радио принялись внедрять в общественное сознание образ национальной героини, новоявленной Орлеанской девы, разрушившей козни темных сил и спасшей страну и ее руководителей от нависшей над ними смертельной опасности. Наибольшую ретивость в сотворении нового народного кумира выказала журналистка О.И. Чететкина. Свою карьеру она начинала под руководством Михайлова в ЦК ВЛКСМ. Затем перешла на работу в «Комсомольскую правду», а оттуда в марте 1949-го — в редакцию «Правды», где ее назначили редактором отдела иностранной информации. Часто выезжая за границу, Чететкина была, что называется, «на крючке» у советских спецслужб, которые знали о ней буквально все, вплоть до ее интимных отношений с членом национального бюро Союза республиканской молодежи Франции Жаном Л., с которым та познакомилась в 1946 году, приехав в Париж как представитель Антифашистского комитета советской молодежи во Всемирной федерации демократической молодежи*.

20 февраля «Правда» опубликовала статью Чететкиной «Почта Лидии Тимашук», в которой прославление «простой труженицы» достигло апогея:

* Роман между советской журналисткой и сыном французского шахтера протекал так бурно, что слухи о нем очень быстро достигли ушей крупных чиновников на Старой площади в Москве. Правда, Чететкина особенно и не скрывала своего увлечения, открыто заявляя перепуганному таким вольностями начальству, что хочет выйти замуж за Жана Л. В сентябре 1947 года она даже напишет в Москву: «Я люблю этого человека (Жана Л. — *Авт.*) так, как можно любить один раз в жизни...». Однако на пути этого, видимо, искреннего и взаимного чувства оказалось тогда непреодолимое препятствие — указ Сталина от 15 февраля 1947 г., запрещающий браки советских граждан с иностранцами. Несмотря на отчаянные просьбы Чететкиной продлить командировку, она срочно была отозвана в Союз и переведена на другую работу. Размышляя над этой печальной романтической историей, приходится сожалеть, что государство, ограничивая своим гражданам свободу любить, взамен навязывало им зачастую лишь ненависть.

«Еще совсем недавно мы не знали этой женщины... теперь имя врача Лидии Федосеевны Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой мужественной борьбы с врагами нашей Родины. Она помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей. Весть о награждении Л.Ф. Тимашук высшей наградой — орденом Ленина — за помощь в разоблачении трижды проклятых врачей-убийц облетела всю нашу страну. Лидия Федосеевна стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей».

В те дни пресса запестрела статьями, имевшими явный антисемитский подтекст. Наиболее распространенной формой публикаций такого рода стали фельетоны, рассказывающие о разоблачении очередных махинаций различных темных дельцов и аферистов, которые, как на подбор, имели характерные еврейские фамилии. В центральной печати подобные материалы (о жуликоватом рентгенологе Фельдштейне или инженере-«халтурщике» Марке Иофане) стали время от времени появляться со второй половины 1952 года. «Интернационалистская» «Правда» воздерживалась от таких публикаций вплоть до 6 января 1953 г., когда на ее страницах появился фельетон о «редакторе-хапуге» из Сельхозиздата А.Я. Шапиро. Конечно, в нем не было явных антисемитских выпадов (в стране продолжал действовать закон, запрещающий возбуждение ненависти на национальной почве), однако с помощью прозрачных намеков и различных литературных приемов рисовался негативный образ, как тогда говорили, «типичного представителя» еврейской национальности. И вот 7 февраля «Правда» публикует фельетон о «враче-проходимце» В.Б. Каждане, который с помощью подлогов и фальсификаций пытался сделать карьеру на ниве здравоохранения. Интересно, что этот материал был извлечен из редакционного архива, куда был направлен в августе 1952 года с резолюцией: «Не пойдет!..». Возможно, что тогда руководство «Правды» несколько шокировали вызывающе торчавшие в смачных описаниях колоритного местечкового быта антисемитские «уши» автора. Однако в ходе начавшейся через несколько месяцев завуалированной пропагандистской кампании против еврейских националистов в медицине материал все-таки «пошел», правда, в несколько отредактированном виде (были сняты выражения типа «старый Борух» и т.п.)²⁴².

РЕАКЦИЯ В СТРАНЕ И МИРЕ

Расширявшаяся день ото дня пропагандистская истерия вокруг «врачей-шпионов» вызывала двоякую реакцию в общественном сознании — агрессивность и желание расправиться с «убийцами в белых халатах», с одной стороны, и панический, животный страх перед

ними — с другой. Соединение этих негативных эмоций с антисемитизмом и шовинизмом создавало поистине гремучую смесь, которая пробуждала в обывательской массе ненависть прежде всего к евреям-врачам, которые обвинялись в намеренном уничтожении русских людей путем заражения туберкулезом, другими страшными болезнями и сокращения их рождаемости. Вспоминая о том времени и о Сталине, поэт Д.С. Самойлов писал:

«Он сумел заразить всю страну. Мы жили тогда манией преследования и величия»²⁴³.

Казалось, по воле впадающего в старческое безумие диктатора возрождаются мрачные времена деспотичного императора Нерона, наславшего жестокие гонения на обвиненных в поджоге Рима первых христиан, среди которых было немало выходцев из Иудеи. Всплеск плебейского антисемитизма свидетельствовал о его живучести в обществе и о том, что не так уж много изменилось в менталитете обывателя с тех пор, как в начале 1924 года в сводках ГПУ отмечалось распространение слухов, что Ленина «отравили жида, стремящиеся захватить власть в свои руки... что Ленин отравлен врачами-евреями»²⁴⁴.

И вот теперь «органы» вновь через свою разветвленную агентурную сеть собрали соответствующую информацию. Уже на следующий день после опубликования 13 января хроники ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» Гоглидзе направил на имя Сталина, Маленкова, Берию, Булганина и Хрущева оперативную сводку высказываний по поводу этого сообщения представителей советской интеллигенции и иностранных дипломатов, аккредитованных в Москве*. Нечто подобное, но полученное по открытым каналам и с упором на мнения так называемых простых граждан, поступало потом наверх и из редакции «Правды» от Шепилова. В подавляющем большинстве откликов, в том числе и исходивших от «еврейских трудящихся», «врачи-вредители» гневно клеймились как «изверги рода человеческого», «продажные американские псы» и т.п., а также выдвигались требования жестоко покарать «человекозверей в белых халатах» (расстрелять, повесить и даже четвертовать). Авторы некоторых посланий в «Правду», оговорившись, что они не антисемиты и не шовинисты, пускались в общие рассуждения о том, что евреи слишком любят деньги, не хотят заниматься физическим трудом, плохо показали себя в войну и, поскольку они не заслуживают доверия и опасны для общества, то их необходимо выселить из Москвы и других крупных городов. В большей части откликов евреев выра-

* То, что за менее чем одни сутки советские спецслужбы сумели собрать интересующую их информацию в посольствах США, Великобритании, Франции, Канады, Австралии, Норвегии, Бельгии, Швеции, Финляндии, Израиля и Пакистана, свидетельствовало о высоком уровне их работы по тайному контролю за деятельностью дипломатических представительств в Москве.

жался стыд за «преступления» «презренной кучки отщепенцев» — «агентов еврейско-фашистского сионизма», «не имеющего никакой почвы среди трудовых еврейских масс», отмечалась их неблагодарность по отношению к советской власти, обеспечившей впервые в мире истинное равноправие евреев в обществе и защитившей их от полного уничтожения в годы войны. Значительно меньше было зафиксировано обращений и толков другого рода, за которыми стояли главным образом представители интеллектуального слоя еврейства. Одни из них высказывали опасения в том роде, как бы «ненависть к презренной банде из «Джойнта» не переросла в огульную ненависть ко всем евреям», и во избежание «назревающей катастрофы» («в воздухе запахло гитлеризмом») предлагали разъяснять народу («который еще темен») в печати и по радио, что «не все евреи изменники». Другие (по сводкам МГБ) прямо заявляли по поводу сообщения ТАСС от 13 января:

«Из мухи делают слона, может быть, что и было, но это не так, как написано в газете, статья в «Правде» — это просто очередная погромная статья против евреев»; «зачем это надо было публиковать, ведь это открывает ворота для самой разнузданной кампании антисемитизма, ведь так можно дойти и до погромов»; «данное сообщение — очередная провокация Советского государства с целью подорвать общественное мнение к евреям и развязать себе руки для дальнейшей расправы с евреями»²⁴⁵.

В те дни некто, представившийся как «русский интеллигент, советский человек», направил Сталину и некоторым его ближайшим сподвижникам по политическому руководству довольно глубокое по своему содержанию послание:

«... То, что антисемитизм организован у нас «сверху», — это факт. Ни для кого не секрет, что за последние годы проводится ряд мероприятий антиеврейского характера: не принимают евреев в университеты, не принимают на работу в министерства, выгоняют из ответственных аппаратов правительства и партии, значительно уменьшилось число лауреатов Сталинских премий в области науки, техники, литературы, хотя талантливых евреев ничуть не уменьшилось, и это я, как многие другие русские интеллигенты, отлично знаем. Как ни прискорбно, но фактом является то, что в СССР введена позорная царская «процентная норма» — правда, неписаная, но действующая и живущая, — об этом знает каждый кадровик в любом учреждении. ... Во всех учреждениях руководящие работники... в порядке перестраховки стараются быть подалее от евреев — «как бы чего не вышло». В семьях, где муж или жена евреи, принимаются меры, чтобы дети числились обязательно русскими. Русские мужья или жены, при всей их любви и уважении к своим супругам, расходятся или ищут пути, как бы найти приличный повод для развода. Слово «жид» за последние годы стало таким же распространенным, как русский мат. ... Руководители партии и правительства не могли не знать, не имели права не знать, какую новую волну антисемитизма вызовет сообщение от 13 января о врачах-извергах. ... Сколько изуверских бредней сейчас широко распространяется — еврей

уколами прививает рак, евреи в родильных домах убивают русских младенцев... даже извергов русского происхождения приписывают сейчас к евреям. В народе широко распространено, что Егоров, Виноградов, Майоров также евреи, но только под русскими фамилиями. ... В каждой трагедии есть свои комические стороны. И не удивительно, что в Москве говорят, что «Молотов — еврей, а Эренбург — русский». Когда транслировался доклад Михайлова в годовщину смерти В.И. Ленина, были выкрики, что говорит еврей — только потому, что тов. Михайлов картавит. ... Необходимо немедленно покончить со всем этим позором, прекратить дискриминацию и травлю евреев. ... Русская история учит, что русские интеллигенты в лучшем смысле этого слова всегда боролись против юдофобства...»²⁴⁶.

В том, что «дело врачей» используется советскими властями для нагнетания исподволь антисемитской истерии, не сомневались и иностранные дипломаты в Москве, которые почти в один голос называли «дело врачей» «сумасшедшей историей». По сводке МГБ, второй секретарь посольства Великобритании заявил, что сообщение о врачах — продолжение линии антисемитизма, начатой на процессе Сланского. За границей наиболее бурная реакция на события в СССР имела место в Израиле. 19 января министр иностранных дел этой страны М. Шарет заявил в кнессете, что правительство Бен-Гуриона «с глубоким сожалением и беспокойством наблюдает за официально развернутой в Советском Союзе антисемитской клеветнической кампанией». Сам же израильский премьер-министр в конце января — начале февраля 1953 года выступил под псевдонимом на страницах наиболее массовой израильской газеты «Давар» с серией статей, содержащих резкие выпады против коммунистического режима в СССР и лично против Сталина. Страсти в израильском обществе накалились до такой степени, что 9 февраля в Тель-Авиве на территорию миссии СССР была брошена бомба, взрывом которой были ранены три советских гражданина, в том числе и жена посланника Ершова. Через четыре дня Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем.

Действия советских властей подверглись также резкому осуждению со стороны правящих кругов и общественности США. В Нью-Йорке в те дни прошли массовые демонстрации протеста евреев. Альберт Эйнштейн направил министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, прибывшему в Нью-Йорк на очередную сессию ООН, телеграмму с выражением возмущения советской антиеврейской политикой. Выступая по национальному радио, президент Д. Эйзенхауэр утверждал, что американские спецслужбы никогда не вступали в контакт с арестованными советскими медиками и никаких поручений им не давали. Аналогичные заявления прозвучали и из уст ведущих политиков Великобритании. 25 февраля комиссия сената по иностранным делам единогласно поддержала резолюцию конгресса США, осуждавшую «преследование евреев в Советском

Союзе». Одновременно американский представитель в ООН осудил гонения на «христиан, мусульман и евреев в Советском Союзе» и заявил, что мирное сосуществование народов зависит не только от коллективной безопасности, но и от «равноправия людей»²⁴⁷.

Защищая советских евреев, власти США тем не менее проводили отнюдь не идеальную политику в отношении представителей той же национальности у себя в стране. Если в СССР евреи в глазах режима представлялись потенциальными прислужниками американского империализма и международного сионизма, то правоконсервативные круги США склонны были считать их у себя в стране «пятой колонной» мирового коммунизма. Весьма показательна в этой связи трагическая судьба печально известных супругов Розенберг, приговоренных к смерти в апреле 1951 года по обвинению в «атомном шпионаже» в пользу Советского Союза. По признанию известного американского ученого Д. Холлоуэя, ему «никогда не попадалось ничего, что позволяло бы предположить, будто Розенберги сообщили русским нечто ценное об атомной бомбе»²⁴⁸. Страшный конец этих людей стал во многом следствием их отказа участвовать в политических играх властей. Известно, что с 22 января 1953 г. американское руководство с подачи ЦРУ предприняло «концентрированные усилия с целью убедить Джулиуса и Этель Розенберг... в том, что советский режим... преследует и в последнее время решил уничтожить евреев, находящихся под его властью», а затем в обмен на обещание сохранить жизнь предложило этой «идеально подходящей к роли важного инструмента в психологической войне» чете обратиться к евреям мира с призывом порвать с коммунистическим движением. Однако перед лицом смерти супруги отвергли эту сделку. И тщетно потом А. Эйнштейн, Т. Манн, Ф. Мориак, Папа Римский, правительства Франции и других стран обращались к президенту США с просьбами о помиловании Розенбергов. В июне их казнили на электрическом стуле. По сути это была показательная расправа, акт политической мести за успехи коммунизма в мире, устрашающее жертвоприношение правящих кругов США Молоху холодной войны»²⁴⁹.

МИФ О ДЕПОРТАЦИИ

Наряду с тем, что в последнее время в международном общественном мнении фактически произошло оправдание супругов Розенберг от инкриминированного им в свое время судьей И. Кауфманом обвинения в участии в «дьявольском заговоре уничтожения богобоязненного народа» США, отживает свой век и другая легенда времен холодной войны: вошедшие сначала в публицистику, а потом и перекочевавшие в научные издания «неопровержимые» данные о планировавшемся якобы в СССР насильственном и повальном выселении

евреев в Сибирь. Утверждается, что эта акция, уже детально подготовленная — по всей стране домоуправлениями и отделами кадров предприятий были вроде бы составлены миллионы листов списков евреев (ни один из этих списков потом так и не был найден), — намечалась Сталиным на март 1953-го, но в последний момент она сорвалась из-за смерти диктатора. Говорят также, что депортация будто бы должна была сопровождаться публичным повешением «врачей-вредителей» на Красной площади в Москве и массовыми казнями евреев в других крупных городах страны, а также специально организованными властями крушениями составов с евреями на пути их транспортировки в концлагеря по Транссибирской магистрали, кстати, единственному и потому стратегическому железнодорожному пути, связывавшему центр с Дальним Востоком. Причем, по версии авторов этих холодящих душу сценариев, пригодных разве что для постановки триллеров, устраивать диверсии на железной дороге, а также творить самочинную расправу над депортируемыми должны были сформированные властями летучие отряды «народных мстителей»*. Единственным «документальным» подтверждением этих фантазий служит напечатанный сначала в США («Еврейский мир», N. Y., 11.03.99), а потом и в России («Известия», 9.01.01) и отмеченный всеми признаками примитивно сработанного фальсификата фрагмент письма еврейской общественности советскому руководству с просьбой защитить евреев от вызванного «преступлениями врачей-убийц» «справедливого» гнева советского народа, направив их «на освоение... просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера». Опубликовал этот материал, снабдив его невразумительным пояснением, Я.Я. Этингер, сильно претерпевший в свое время от сталинских репрессий.

На самом деле достоверно известно только то, что слухи о депортации появились в начале 1948-го после трагической и таинственной гибели Михоэлса, но особенно усилились к концу того же года, когда был закрыт ЕАК и начались массовые аресты его руководителей, а также деятелей идишистской культуры. Л.А. Шатуновская, получившая за близкое знакомство с Михоэлсом лагерный срок и оказавшаяся потом на Западе, писала, что в первой половине 1948 года должен был состояться открытый судебный процесс по «делу Аллилуевых» — родственников Сталина, якобы злоумышлявших против него совместно с «еврейскими националистами» (с той же Шату-

* **Raport L.** Stalin's War Against the Jews: The Doctor's Plot and the Soviet Solution. — N. Y., 1990; **Этингер Я.Я.** К сорокалетию «дела врачей» // **Еврейская газета.** — 1993. — № 4 (91); **Ваксберг А.И.** Нераскрытые тайны. — М.: Новости, 1993. — С. 293–294; **Шейнис З.С.** Провокация века. — М.: ПИК, 1992. — С. 122–124; **Айзенштат Я.И.** О подготовке Сталиным геноцида евреев. — Иерусалим, 1994. — С. 63–64; **Краткая еврейская энциклопедия.** — Иерусалим, 1996. — Т. 8. — С. 255–256 и др.

новской, ее мужем Л. Гумерманом и др.). По ее мнению, эта «важнейшая политическая антиеврейская акция» должна была стать сигналом к такому способу «окончательного решения еврейского вопроса» по-сталински, как массовая депортация советского еврейства в биробиджанскую тайгу, где уже тогда будто бы строились бараки, а к Москве и другим крупным городам подгонялись сотни товарных вагонов* для ссыльных. По версии, в общем-то наивной, другого бывшего узника ГУЛАГа, Е.И. Долицкого, работавшего до ареста в марте 1948 года в Совинформбюро, Сталин вначале хотел осуществить добровольное переселение евреев на Дальний Восток, но после того, как в середине ноября 1948-го руководители ЕАК отвергли это переданное им якобы через Сулова предложение, диктатор стал планировать насильственную акцию. Разумеется, ни Шатуновская, ни Долицкий не подкрепляют свои версии какими-либо фактами²⁵⁰.

Масштабы слухов о готовившейся властями массовой высылке евреев существенно возросли в период антикосмополитической кампании, причем до такой степени, что об этом заговорила заграничная печать. На страницах еврейских изданий (в первую очередь в Израиле, США и Великобритании) в течение 1949–1952 годов неоднократно появлялись сообщения то о вроде бы принятом советскими властями решении депортировать в Сибирь все еврейское население страны, то об уже произведенном переселении туда 400 тыс. евреев России, то о готовящейся депортации в том же направлении еще 1 млн. евреев из Украины и Белоруссии. Появление подобной информации в западной прессе было во многом обусловлено тем подспудным пропагандистским нажимом, который с конца 1949 года стали оказывать на СССР израильские руководители, стремившиеся таким образом побудить Сталина пойти навстречу их требованиям разрешить массовую эмиграцию евреев из СССР. Особую настойчивость в этом деле проявил министр иностранных дел Израйла М. Шарет. 5 октября он был информирован посланником в СССР Намиром о том, что советские евреи «живут в страхе и неуверенности в завтрашнем дне» и «многие» из них «опасаются, что скоро начнется депортация из Москвы». Через десять дней в качестве ответа Шарет направил в Москву шифротелеграмму, содержащую следующую инструкцию:

«Мы должны начать кампанию в международной еврейской прессе, особенно в США, равно как и в нееврейской прессе, по вопросу о советском еврействе, давая просочиться в прессу всей достоверной информации, имеющейся в нашем распоряжении, а также слухам».

* По сведениям, сообщенным автору одним из руководителей Еврейского университета в Москве М.С. Куповецким, который специально исследовал этот вопрос по материалам архива Министерства путей сообщения СССР, документами этого архива ничего подобного не подтверждается.

И хотя впоследствии тот же Намир, а также директор восточно-европейского департамента МИД Израиля А. Левави неоднократно сообщали Шарету о безосновательности слухов о подготовке депортации советских евреев, публикации о ней в западных средствах массовой информации не прекратились. Уже в наши дни И. Харел, руководивший с 1952 года израильской разведкой «Моссад», заявил в интервью, сославшись, правда, на недостаточные возможности «Моссада» в то время, что ничего не слышал о подобных планах Сталина²⁵¹.

Новый, еще больший всплеск тревожных толков о депортации произошел после публикации в печати сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. об аресте «врачей-вредителей» и развертывания их пропагандистской травли. На следующий день Гоглидзе среди прочего проинформировал Кремль о следующей оценке этого события посланником Израиля Ш. Эльяшивом:

«Вся миссия очень опечалена сегодняшним сообщением. В случае войны (выделено мною. — *Авт.*) может быть решено всех евреев выслать в Сибирь, и этот процесс (суд над кремлевскими врачами. — *Авт.*) явится подготовкой общественного мнения».

Еще более панические настроения возникли в кругах столичной еврейской интеллигенции. Тогда оперативники госбезопасности зафиксировали, к примеру, следующие «антисоветские разговоры», которые вел со своими знакомыми столичный театральный администратор И.В. Нежный:

«...Этим воспользуются погромщики, стоящие у тех или иных рулей, и поведут корабль к гибели... Им важно утопить евреев, и они это сделают... Вот скоро в Румынии готовится антиеврейский процесс! Там дело будет такое же, как в Чехословакии. Там Анна Паукер оказалась сионисткой — переправляла румынских евреев в Израиль... Процесс в Румынии, а прокурор здесь. Все — отсюда. Потом будет в Болгарии, потом — в Албании, потом всех жидов соберут в одну кучу и к чертям в Сибирь...»²⁵².

Этих слов Нежному не простили. И хотя с 1937 по 1951 год он был негласным информатором госбезопасности под псевдонимом «Чайковский», его, заподозрив в двойной игре и «неискренности в отношении к органам» (например, МГБ узнало, что в 1951 году Нежный предупредил известного циркового артиста и своего близкого друга Э.Т. Кио о «разработке» его Лубянской как националиста и шпиона), 6 марта арестовали за «антисоветскую националистическую агитацию»*.

* 30 апреля 1953 г. дело Нежного закрыли, а его самого освободили. В последующие годы вплоть до смерти в начале 70-х годов он продолжал широко делиться с друзьями и знакомыми своей версией о планах Сталина в отношении евреев в начале 1953 года (253).

Конечно, слухи о депортации возникли не на пустом месте. Они были спровоцированы и массовыми арестами культурной и общественной элиты еврейства, и послевоенными пропагандистскими кампаниями, имевшими явный антисемитский дух, и, наконец, почти легальной юдофобией, которая особенно в последние недели жизни Сталина закамouflированно стала нагнетаться сверху в общественное сознание, в том числе и через средства массовой информации. Основательность слухам придавало и то, что с конца 1952 года из Москвы в Казахстан стали высылаться семьи арестованных «еврейских националистов», в том числе и тайно казненных к тому времени «саковцев». Масло в огонь депортационной истерии подливали и частные экстремистские заявления, звучавшие из стана кремлевской элиты, которые потом разносились народной молвой, обрстая всевозможными леденящими кровь слухами и толками. Известно, скажем, что жена Н.А. Михайлова сказала тогда Светлане Сталиной: «Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!»²⁵⁴. Подобные высказывания хоть и свидетельствовали о том, что сталинская верхушка если и не полностью, то наверняка уж частично была заражена антисемитизмом, тем не менее вряд ли за ними стояло нечто большее. Ведь никому, к примеру, не придет в голову обвинять царское правительство в подготовке депортации еврейских подданных только на том основании, что во время революции 1905 года скандально известный черносотенец В.М. Пуришкевич предложил переселить всех российских евреев в Колымский округ Якутского края.

Страхи в еврейской среде многократно усиливались еще и по причине отсутствия в тоталитарном обществе возможности получить объективную и независимую информацию, что спонтанно компенсировалось широкой циркуляцией среди населения различных, подчас самых нелепых толков, домыслов и легенд. В результате затравленное сознание еврейского населения переполнялось самыми мрачными предчувствиями и ожиданиями. Необходимо учитывать и послевоенную ментальность европейского еврейства, только что перенесшего величайшую в своей истории трагедию и как бы по инерции ожидавшего повторения национальной катастрофы, но уже в том виде, в каком Сталин обрек на нее некоторые другие нацменьшинства, депортировав их полностью из родных мест на основании обвинения в сотрудничестве с врагом в годы войны.

Воистину мало что изменилось в России со времен Екатерины II, когда, как писал историк В.О. Ключевский, «люди судили о своем времени не по фактам окружавшей их действительности, а по чувствам, навеянными поверх этой действительности»²⁵⁵.

Но имели ли под собой реальную почву охватившие страну и мир слухи о чуть не осуществленной Сталиным депортации евреев? Конечно, потенциальная угроза депортации безусловно существовала, ибо чуть ли не с момента воцарения в России большевиков власти

постоянно практиковали насильственное выселение людей (сначала по классовым, а потом и по национальным мотивам) — отсюда и закономерные ожидания евреев в конце 40-х — начале 50-х годов, — но также верно, что реализоваться эта угроза в тех условиях не могла. И вот почему. В отличие, скажем, от насильственного выселения территориально локализованных на окраинах страны кавказских народов депортацию евреев (а это сотни тысяч человек, проживавших в густонаселенных городских центрах страны, причем не обособленно, в виде колонии (гетто), а в большинстве своем ассимилировавшись и растворившись в массе инонационального населения, главным образом русского) нельзя было провести ни молниеносно, ни тем более тайно. Ясно, что изъятие такого количества людей из нормальной общественной среды, где многие из них к тому же играли заметную роль в области науки, культуры, других общественно значимых сферах, нельзя было провести с наскока, без продолжительной подготовки. Требовались предварительные радикальные изменения социально-политического характера, и не только в советском законодательстве (прежде всего легализация антисемитизма как государственной политики), но и в официальной коммунистической идеологии, сохранявшей, несмотря на шовинистический пресс сталинизма, еще существенную толику большевистского интернационализма, что исключало введение в стране открытой официальной политики национальной дискриминации и тем более расизма. Симптоматично, например, что несмотря на всю симпатию Сталина к традиционно крепкой русской государственности, он так и не реабилитировал полностью историческое прошлое России*, и октябрьский переворот продолжал почитаться не только как великая социальная, но и национально-освободительная революция. А нагнетавшийся в общественное сознание с конца 30-х годов русский патриотизм так и не смог вытеснить пропаганду советского (безнационального) патриотизма, а, наоборот, был после смерти диктатора поглощен последним, что означало преодоление дуализма в идеологии.

Если на основе сравнительно-исторического метода исследования проанализировать антиеврейскую политику в гитлеровской Германии, то следует констатировать, что массовому выселению евреев из этой страны в конце 30-х годов (не говоря уже о моменте принятия так называемого окончательного решения еврейского вопроса

* Наряду с тем, что были «реабилитированы» Иван Грозный, Петр Великий и некоторые другие русские самодержцы, Николай I, например, продолжал именоваться в советской историографии не иначе, как Николай «Палкин», хотя в русской истории вряд ли найдется другое такое царствование, которое по духу и порядкам в государстве было бы так сродни сотворенной Сталиным империи. Последний, кстати, уже только своим в чем-то показным аскетизмом походил на этого монарха, спавшего, как известно, на походной металлической кровати.

в начале 1942 года) предшествовали многолетнее публичное идеологическое обоснование этой акции (издание «Майн кампф» Гитлера и других откровенно расистских и антисемитских работ), официальное узаконение антисемитизма как государственной политики в 1933 году, начавшееся после этого систематическое вытеснение евреев из государственных и общественных учреждений рейха, принятие расовых законов, лишивших евреев гражданских прав и определивших юридически точное понятие еврейства исходя из конкретно заданных генеалогических параметров* (без чего немислимо было организованное проведение антиеврейской политики), и, наконец, погромы ноября 1938 года и принятый тогда же указ об устранении евреев из экономической жизни. Сталин, если он действительно замысливал бы еврейскую депортацию, должен был предварительно провести послушный ему советский народ по этому страшному пути. Но диктатор не мог не понимать, что такого эксперимента его мононациональная империя, в отличие от мононациональной Германии, не выдержит, ибо обречена в этом случае на развал.

Нельзя не учитывать и такой достаточно весомый антидепортационный аргумент, заключающийся в том, что, несмотря на тотальное предание гласности после августа 1991 года всех самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка (в том числе пресловутые сотни тысяч страниц списков евреев на выселение). Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло со многими другими утаенными советским режимом секретами. Сейчас, например, опубликованы приказы Государственного комитета обороны о выселении в годы войны чеченцев, ингушей, других кавказских народов. Если брать послевоенное время, то ныне известно, что, скажем, в 1949 году на самом веру были одобрены директивы о выселении из Ленинграда и Ленинградской области 1500 человек с семьями из числа лиц, «скомпрометировавших себя связью с троцкистами, зиновьевцами, правыми, меньшевиками, эсерами, немцами, финнами на вечное поселение в Алтайский край...», о выселении из региона Кавказа дашнаков, а также греческих и турецких подданных, принятых в советское гражданство и не имеющих такового, и т.д.²⁵⁶

* В Третьем рейхе объектами антисемитской травли со стороны государства были не только «полные» евреи, но и лица, имевшие, так сказать, $\frac{1}{4}$ еврейской крови (т.е. трех бабушек-дедушек еврейской национальности), а также «полукровки», состоящие в браке с евреем (еврейкой) или являющиеся членами еврейской религиозной общины.

Думается, что масштабы антисемитизма, которые имели место в СССР в начале 1953 года, были предельно допустимыми в рамках существовавшей тогда политико-идеологической системы. Дальнейшее следование тем же курсом, не говоря уже о проведении еврейской депортации, поставило бы страну перед неизбежностью радикальных политических и идеологических преобразований (легализация антисемитизма, а значит, и введение расовой политики, отказ от коммунистической идеологии, освящавшей государственное единство советских народов, и т.д.), чреватых самыми непредсказуемыми последствиями. Ибо зверь стихийного антисемитизма мог вырваться на свободу, и тогда страна погрузилась бы в хаос национальных и социальных катаклизмов. Подобная перспектива, разумеется, Сталина не устраивала. Да и по складу своего характера он не решился бы открыто выступить против евреев, хотя в душе, особенно в последние годы жизни, мог быть, что называется, патологическим антисемитом. Поэтому вождь, ревностно оберегавший свой революционный имидж большевика-ленинца, был обречен переживать муки психологической амбивалентности, которая, возможно, и ускорила его конец. Показателен в этой связи эпизод, описанный композитором Т.Н. Хренниковым. В конце 1952 года Сталин, в последний раз присутствовавший на заседании комитета по премиям своего имени, совершенно неожиданно заявил:

«У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразия!»*²⁵⁸

Находясь вследствие быстро прогрессирующего недуга почти безвыездно на «ближней даче» и лишь изредка навещаясь в Москву в основном для того, чтобы появлениями в Большом театре или встречами с иностранными послами пресечь усиливавшиеся с каждым днем слухи о его здоровье, Сталин тем не менее был в курсе текущей политики благодаря Маленкову, Берии, другим самым доверенным приближенным, которые, конечно же, докладывали ему о негативной реакции Запада на инспирированную им шумиху в связи с «делом врачей», а также о нарастании антисемитского психоза и паники среди еврейского населения внутри страны. Осознав под воздействием этой информации, что подобное развитие событий чревато самыми непредсказуемыми последствиями, Сталин, который всегда стремился сохранить для истории свое «прогрессивное» лицо, решился на отступный маневр. Будучи когда-то непревзойденным мастером политической ретиранды, он хоть уже и не мог, как в марте 1930 года, написать нечто подобное «Головокружению от

* Идею бифуркации Сталина на почве «еврейского вопроса» отмечал и Н.С. Хрущев: «Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму» (257).

успехов», тем не менее, исходя либо из собственного умозаключения, либо из советов ближайшего окружения, нашел несколько иной выход из критической ситуации. Чтобы снять политическое напряжение, возникшее в связи с «делом врачей», Сталин, как вспоминал потом Л.М. Каганович, поручил секретарю ЦК и главе Агитпропа Михайлову подготовить от имени наиболее выдающихся и известных в стране деятелей еврейского происхождения проект соответствующего письма в редакцию «Правды». В 20-х числах января такой текст был готов, и не только в машинописном исполнении, но даже в виде газетного оттиска. Поскольку за его составление отвечал такой недалекий и заскорузлый по ментальности чиновник, как Михайлов, то в нем был выдержан конформистский кондовый стиль, заимствованный из сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. В нем присутствовала та же, в духе 1937 года, лексика, посредством которой проклиналась «шпионская банда врачей-убийц», «этих извергов рода человеческого», «продавшихся американо-английским поджигателям войны» и «завербованных международной сионистской организацией «Джойнт» — филиалом американской разведки». К позорному столбу пригвождались также «империалистическая Америка», которая «является каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации», и «главари сионизма», которые «превратили Государство Израиль в плацдарм американских агрессоров» и которые «по заданию американской и английской разведки создают террористические диверсионные группы в Советском Союзе и в странах народной демократии». Новация сработанного под началом Михайлова проекта письма состояла в том, что в нем впервые с начала пропагандистской кампании четко проводилась дифференциация между «еврейскими буржуазными националистами», именуемыми отщепенцами и выродками, и честными «еврейскими тружениками». Оказывается, первые, «продав свою душу и тело империалистам» и пользуясь тем, что «среди некоторых элементов еврейского населения нашей страны еще не изжиты буржуазно-националистические настроения», пытались «всеми мерами подогреть и раздуть среди советских граждан еврейского происхождения чувство национальной обособленности... национальную вражду к русскому и другим народам Советского Союза...», стремились «превратить обманутых ими евреев в шпионов и врагов русского народа». Но им противостоит подавляющее большинство еврейского населения, состоящее из «патриотов Советской Родины», которые «вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества». К ним и обращались вышедшие из их гущи именитые подписанты письма, призывавшие «активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружени-

ков», «повысить бдительность, разгромить и до конца выкорчевать буржуазный национализм». Завершалось послание требованием «самого беспощадного наказания» «группы врачей-убийц» и выражением уверенности в том, что это требование будет единодушно поддержано трудящимися евреями. Кроме того, в письме отмечалась выдающаяся роль Советского Союза в спасении человечества от гитлеризма и европейских евреев — от полного уничтожения, особо подчеркивалось, что несмотря на попытки Запада «создать почву для оживления в СССР антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого», «русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа»²⁵⁹.

Поддержать обращение в «Правду» должны были 59 известных ученых, артистов, литераторов, конструкторов, врачей, военных, управленцев, а также рабочих и колхозников еврейского происхождения. Однако в ходе сбора их подписей, в котором активную помощь сотрудникам ЦК и редакции «Правды» оказывали академик Минц и начальствующий журналист Хавинсон-Маринин, произошел некоторый сбой: Каганович решительно выступил против того, чтобы его имя фигурировало в общем ряду, заявив Сталину, что он не еврейский общественный деятель, а член высшего руководства партии и государства и потому должен быть обозначен отдельно. Коллизию эту разрешили быстро, предоставив Кагановичу копию письма, которую тот и подписал как персональное обращение в «Правду». Хорошо осведомленный в тайнах кремлевской политической кухни Каганович отрицал потом наличие у Сталина намерения депортировать евреев*. На пленуме ЦК в июле 1953 года он, имея в виду «националистов», заявил, что «дело врачей» было «неправильно связывать с еврейством вообще». Возникла и заминка с Эренбургом, который, прежде чем поставить свой автограф, решил заручиться благословением Сталина, направив ему записку, в которой как сторонник полной ассимиляции евреев намекнул на заведомую порочность затеи с посланием, исходящим от людей, объединенных по национальному признаку. Он также выступил против использования в письме определения «еврейский народ», которое, по его мнению, могло «ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет». Что ж, будучи искусным пропагандистом сталинской политики на Западе, Эренбург был очень ценен для режима и потому, особенно не тревожась за свою

* Не упоминает о подобных планах в своих мемуарах и такой яростный обличитель сталинских преступлений, как Н.С. Хрущев. Из приближенных Сталина только Н.А. Булганин, выйдя на пенсию, любил после изрядного возлияния поведать своим собеседникам, разумеется, «по большому секрету» о том, как Сталин поручал ему подготовку и осуществление депортации евреев.

безопасность, мог позволить себе некоторые вольности, тем более что в данном случае он не вышел за рамки ортодоксального большевизма. Незадолго до этого он немало потрудились, прикрывая от критики Запада шовинистическую политику Сталина: 27 января писатель во время вручения ему международной Сталинской премии за укрепление мира между народами заявил, явно пытаясь успокоить западное общественное мнение:

«Каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он прежде всего патриот своей Родины и он подлинный интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации, ревнитель братства, бесстрашный защитник мира».

Сомнения писателя дошли до всевышнего адресата (его записка потом была обнаружена на «ближней даче» среди других бумаг), который тем не менее не позволил ему уклониться от исполнения номенклатурного долга. Так под обращением наряду с прочими* появился и автограф Эренбурга²⁶⁰.

Высказанные писателем замечания были учтены при редактировании письма, которое в целом было несущественным и свелось в основном к тому, что из него изъяли противоречившее сталинскому учению о нациях словосочетание «еврейский народ», почему-то вкравшееся в текст. 29 января Михайлов и Шепилов направили подправленный проект Маленкову, а тот, в свою очередь, представил его Сталину. Поскольку 2 февраля на сопроводительной записке к письму появилась отметка об отправке его в архив, напрашивается вывод, что текст Сталину не понравился. Можно предположить, что тон письма — чрезмерно резкий, если не сказать, кондовый — его не устроил, ибо не способствовал достижению искомой цели: затушить скандальную ажитацию вокруг «дела врачей» в стране и в мире. Обоснованность такой догадки представляется вполне очевидной, так как составление следующего варианта письма было поручено Шепилову, слышшему среди интеллигенции либералом. О выполнении задания он отчитался 20 февраля, когда вручил Михайлову «исправленный текст проекта письма в редакцию газеты «Правда»». Хотя в идейно-концептуальном смысле сотворенное под руководством Шепилова не претендовало на новизну, но зато по форме и лексике оно разительно отличалось от того, что было раньше. Это была уже не прежняя вульгарная агитка, а вежливое приглашение «вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев». Соответствующим образом

* На подписном листе к обращению в редакцию «Правды» (хранится в РГАНИ — ф. 5, оп. 25, д. 504, л. 177–179) имеются также оригинальные автографы С.Я. Маршака, В.С. Гроссмана, М.О. Рейзена, М.И. Ромма, Л.Д. Ландау, И.О. Дунаевского и многих других видных деятелей еврейского происхождения.

преобразился и язык послания: исчезли «выродки», «отщепенцы», «шпионские банды», испарились куда-то «еврейские буржуазные националисты», не использовался даже такой ходовой пропагандистский штамп, как «англо-американские империалисты» (вместо них фигурировали «американские и английские миллиардеры и миллионеры», «зарвавшиеся еврейские империалисты»), «еврейские труженики» не призывались больше к повышению бдительности, но появилось вновь вычеркнутое было словосочетание «еврейский народ» (это мог сделать вопреки собственной теории только сам Сталин) и, самое главное, уже не выдвигалось никаких требований расправиться с «врачами-отравителями». Правда, пуце прежнего костерился Израиль и сионисты, что объяснялось неожиданно и скандално произошедшим тем временем разрывом дипотношений с этим государством. Умиротворяющая направленность письма дополнительно оттенялась внушавшей оптимизм концовкой — пожеланием начать издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в стране и за рубежом²⁶¹.

Поскольку из послания был изъят призыв «самого беспощадного наказания преступников», можно заключить, что Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по «делу врачей» (тем самым автоматически опровергается миф об открытом антисемитском судилище как сигнале к началу еврейской депортации). Если бы Сталин вскоре не умер, то скорей всего имело бы место действие, аналогичное тайной расправе над руководством Еврейского антифашистского комитета.

Как известно, обращение еврейской общественности так и не появилось в печати. Думается, сам Сталин успел незадолго до приступа смертельной болезни отвергнуть эту идею, исходя из того соображения, что публикация любой, даже выдержанной в самом оптимистическом тоне коллективной петиции евреев будет свидетельствовать о том, что в стране продолжает существовать пресловутый «еврейский вопрос». Возможно, что до диктатора в конце концов дошел смысл предостережения, прозвучавшего в письме Эренбурга:

«Опубликование «Письма», подписанного учеными, писателями, композиторами и т.д. еврейского происхождения, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины»²⁶².

То, что диктатор передумал публиковать письмо, отнюдь не означало, что он намеревался возвратиться на старые позиции. За это говорит хотя бы то, что с 20-х чисел февраля с полос «Правды» исчезла воинственная риторика, неизменно присутствовавшая на них начиная с 13 января 1953 г.

В ночь на 1 марта 1953 г. у Сталина произошел сильнейший инсульт, после которого он, впад в кому, прожил всего несколько дней.

Смертельная болезнь вождя породила поначалу в его ближайшем окружении большое смятение. Памятуя предостережение вождя, что ротозейство — это та болезнь, которой в наибольшей степени подвержены наши товарищи, а также его поучение о необходимости повышать политическую бдительность в критические моменты истории, руководство МГБ выпустило 3 марта на всякий случай (если вдруг диктатор выздоровеет*) директиву «Об аресте враждебных элементов», которая подхлестнула аресты «еврейских националистов» (были взяты под стражу «космополит» И.Л. Альтман, театральный администратор И.В. Нежный, писатель А. Исбах и др.**). Однако вскоре Сталин умер, и эта репрессивная волна быстро сошла на нет.

Поскольку даже смерть диктатора не смогла сразу же обуздать инерцию антиеврейских репрессий, то нет сомнений в том, что, задержись он на этом свете подольше, то тайное преследование так называемых «еврейских националистов» несомненно продолжалось бы. Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что эти успевшие стать уже рутинными аресты переросли бы вскоре в массивные антиеврейские гонения или тем более в новую крупномасштабную общую чистку руководящего номенклатурного слоя, якобы подготовляющуюся Сталиным с конца 1952 года. Эта довольно расхожая до сих пор версия закрепились в исторических анналах с легкой руки Хрущева и других соратников вождя, которым очень хотелось задним числом списать собственное соучастие в сталинских преступлениях утверждением о грозившей им смертельной опасности. Обосновывается такая гипотеза главным образом тем, что Молотов и Микоян были заподозрены Сталиным в шпионаже в пользу американцев и англичан и чуть ли не поэтому он не включил их на пленуме ЦК, состоявшемся сразу же после закрытия XIX съезда партии, в состав бюро президиума ЦК КПСС, негласно созданного вместо старого политбюро. При этом «смазывается» то обстоятельство, что и Молотов, и Микоян вошли в президиум ЦК, хотя и лишились личного благоволения вождя. Но подобная же совсем «не смертельная» опала была наложена тогда в силу определенных обстоятельств и на такого долголетнего члена политбюро, как Андреев. Чтобы выяснить причины, лежавшие в основе недовольства Сталина этими людьми,

* Согласно истории болезни Сталина, у того после инсульта время от времени наблюдались краткие проблески сознания (реагировал на присутствующих открытием глаз) (РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 1483. — Л. 84).

** Более того, даже после смерти Сталина, 6 марта 1953 г., видимо, в силу бюрократической инерции был принят указ президиума Верховного Совета СССР о лишении Михозлса звания народного артиста СССР и ордена Ленина, который отменили только 30 апреля 1953 г., причем указом того же органа власти, вышедшим под грифом «Без опубликования в печати».

необходимо с реальными фактами в руках разобраться по каждому случаю в отдельности. Если обратиться, к примеру, к обстоятельствам, приведшим к устранению Молотова из высшего эшелона власти (бюро президиума ЦК), то станет ясным, что этому способствовали отнюдь не подозрения в шпионаже, а совсем другое. Из сделанной первым секретарем Курского обкома партии Л.Н. Ефремовым подробной записи (кажущейся весьма достоверной) выступления Сталина на упомянутом выше пленуме следует, что основными в отношении Молотова были вот такие давно копившиеся в душе диктатора подозрения:

«Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. ... Чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? Это грубая политическая ошибка товарища Молотова. ... На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве это недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. ... Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известно товарищу Жемчужину. ... Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо»²⁶³.

Из приведенного высказывания видно, что Сталин, продолжая в общем-то доверять Молотову (в противном случае он давно бы с ним расправился), серьезно беспокоился, как бы того не использовали в антигосударственных целях «еврейские националисты», проникшие даже в семью старого соратника. Поэтому выглядят перевернутыми по смыслу с ног на голову слова, сказанные Молотовым через много лет:

«Она (Жемчужина. — *Авт.*) из-за меня пострадала... Ко мне искали подход, и ее допытывали... чтобы меня, так сказать, подмочить»²⁶⁴.

Совершенно очевидно, что главным действующим лицом в этой жизненной драме был не Молотов, а Жемчужина, которую Сталин распорядился в конце января 1953 года доставить из кустанайской ссылки в Москву. Закодированная в оперативной документации как секретный «объект-12», она снова подверглась допросам, но только в связи с показаниями арестованных врачей Виноградова, Вовси и Когана, и от нее не домогались оговора того, с кем она формально была разведена. Как «еврейского националиста» МГБ арестовало 19 февраля бывшего советского посла в Великобритании И.М. Майского, который в 1943–1946 годах был заместителем Молотова в НКВД. По тому же обвинению были взяты под стражу и три работавших вместе с Майским в Лондоне сотрудника советского посольства, в том числе С.Н. Ростовский (Эрнст Генри). От них также не требовали компромата на Молотова. Поэтому сделанное спустя

много лет Э. Генри в одном из интервью гипотетическое и не подкрепленное какими-либо доказательствами заявление о том, «что готовился процесс против Молотова и что его и нас вместе с ним спасла только смерть Сталина...»²⁶⁵, нельзя признать убедительным. Тем более, что, не успев начаться, следствие вдруг застопорилось. В последний раз Жемчужину вызвали на допрос 2 марта. Потом все неожиданно прекратилось.

ФИНАЛ «ДЕЛА» И РОЛЬ БЕРИИ

Диктатор агонизировал, а его ближайшие соратники, деля между собой власть, с нетерпением ожидали логической развязки. И вот 6 марта ТАСС сообщил, что сердце гениального продолжателя дела Ленина перестало биться 5 марта в 21 час 50 минут. Похороны Сталина, сопровождавшиеся грандиозной давкой, унесшей жизни почти 400 человек, состоялись 9 марта. О процессе над врачами (даже закрытом) теперь не могло быть и речи. Может быть, потому, что «дело» было в значительной мере инспирировано в 1951 году Маленковым и Берией, стремившимися таким образом устранить Абакумова (но в дальнейшем оно «держалось» исключительно на Сталине), они нисколько не сомневались в его фальшивом характере. К тому же, видя в нем реальную угрозу общественной стабильности в стране*, преемники диктатора хотели как можно быстрее поставить на нем крест и отмежеваться от него. И тут инициативу взял на себя Берия, который, став первым заместителем председателя Совета министров СССР и министром внутренних дел СССР, уже 10 марта своим распоряжением выпустил Жемчужину на свободу**. А через три дня он, не скрывавший уверенности в том, что «дело врачей» с самого начала было незаконным, приказал специально созданной следственной группе его пересмотреть. Это было нужно ему скорее всего для того, чтобы, публично продемонстрировав стремление к восстановлению поправленной справедливости, укрепить свою популярность в народе, и прежде всего в среде интеллигенции, особенно тяжело пострадавшей в последние годы сталинского террора. Берия надеялся на повторение того положительного для него эффекта в обществен-

* 5 марта министр госбезопасности Игнатьев уведомил Маленкова, Берию, Булганина и Хрущева, что в массе населения широко распространились антисемитские настроения и имеют хождение толки о том, что причина болезни Сталина кроется в подлых происках врачей-убийц (Пихоя Р.Г. Указ. соч. — С. 102).

** 21 марта 1953 г. постановлением президиума ЦК КПСС Жемчужину восстановили в партии. Новый партийный билет вручил ей через два дня М.Ф. Шкирятов, который по иронии судьбы за четыре года до этого оформил решение об изгнании жены Молотова из ВКП(б).

ном мнении, который имел место в конце 1938–1939 годов, когда он провел так называемую мини-реабилитацию, сменив на посту наркома внутренних дел патологически жестокого Ежова. К тому же, вскрывая беззакония, творившиеся в МГБ, Берия преследовал цель дискредитировать старое его руководство, особенно Игнатъева, и расчистить место для своих людей в этом ведомстве.

Арестованным врачам было предложено подробно изложить на бумаге претензии к следствию. Им дали понять, что новое руководство страны не сомневается в их невиновности и они должны помочь ему восстановить социалистическую законность. В результате все узники, ссылаясь на применение к ним физического и психологического насилия, отказались от прежних показаний, в которых обвиняли себя и своих коллег в тяжких преступлениях. Некоторые из них не только подвергли критике незаконные методы следствия, но и довольно искренне высказались о политике советского руководства в отношении евреев. Свое кредо по этому поводу изложил тогда профессор Я.Л. Рапопорт, глубоко и оригинально мыслящий интеллект, автор интересных и объективных мемуаров о «деле врачей». 15 марта в надежде на лучшее будущее, но в то же время с очевидной опасливой оглядкой на остававшийся неизменным в основе своей режим он писал:

«С полным чистосердечием и полной искренностью излагаю обстоятельства дела такими, какими они были в действительности... Я лично никогда не допускал мысли, что политика ограничения в отношении евреев (наличие которой я признавал) обусловлена расистскими антисемитскими побуждениями. Я утверждал, что она вызвана недоверием к евреям вследствие их многочисленных родственных связей с зарубежным капиталистическим миром (особенно США и Израилем), что такая политика в известной мере оправдана соображениями охраны государственной безопасности СССР, особенно при большой насыщенности лицами еврейского происхождения ряда учреждений, в частности медицинских. Я считал также, что состав некоторых учреждений, в частности научно-медицинских, свидетельствует о наличии националистических тенденций в подборе кадров и представляет собой ненормальное явление. Однако эти соображения не устранили чувства недовольства и обиды, особенно за молодежь, не имеющую никаких связей с еврейством и якобы вынужденную подвергаться различным ограничениям только в силу своего еврейского происхождения... В период формирования Государства Израиль я и мои единомышленники проявили большой интерес ко всем этапам и всем проявлениям борьбы этого государства за свою самостоятельность, мы следили за ней с чувством большой симпатии и испытывали чувство большой благодарности к советскому правительству за ту поддержку, которую оно оказывало организации этого государства. Однако никто из моих собеседников (даже Этингер) не высказывал взглядов на Израиль как на вновь обретенную Родину, а в дальнейшем мне и моим близким друзьям (Ш.Д. Мошковскому и др.) стало совершенно очевидным, что в современном виде Израиль — игрушечная нежизненная марионетка американских империалистов, служащая их целям и осложняющая положение евреев в СССР...»²⁶⁶.

Получив формальные доказательства изначальной фальсификации «дела врачей» и его полной юридической несостоятельности, Берия 31 марта утвердил постановление о прекращении уголовного преследования всех подследственных, по нему проходивших. На следующий день глава МВД СССР секретной запиской проинформировал обо всем Маленкова, возложив основную ответственность за инспирирование и фальсификацию «дела» на Рюмина, а также обвинив бывшего министра госбезопасности Игнатъева в том, что тот «не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у Рюмина...». Одновременно Берия «счел необходимым» «всех... арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить». Уже 3 апреля это предложение было утверждено президиумом ЦК КПСС, и в тот же день все бывшие кремлевские «врачи-вредители» были выпущены на свободу. Советские граждане узнали об этом из опубликованного 4 апреля в печати «Сообщения Министерства внутренних дел СССР», в котором говорилось также о том, что Л.Ф. Тимашук лишается ордена Ленина «в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами»²⁶⁷. После этого 2 млн. 250 тыс. советских евреев, которые после смерти Сталина пребывали в смятении, не ведая, как будут развиваться события дальше, смогли перевести дух.

На заседании президиума ЦК 3 апреля было принято решение и о привлечении к «уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, особо изощрившихся в фабрикациях... провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов»*. По сути то была формальная санкция, причем данная задним числом, ибо Берия еще 16 марта распорядился арестовать главного «зачинщика» «дела», бывшего заместителя министра государственной безопасности СССР Рюмина. И хотя в сущности этот человек являлся всего лишь послушным инструментом в руках главного творца «дела» — Сталина, ему, не обладавшему никакой поддержкой в партийно-государственных структурах, пришлось теперь расплачиваться не только за свои грехи, но и за преступления, совершенные вождем и его ближайшим окружением. Поскольку Рюмину была уготована роль козла отпущения, не было принято во внимание то обстоятельство, что его увольнение из органов безопасности и тем самым отстранение от «дела» произошло за два месяца до его кульминации — опубликования 13 января 1953 г. печально знаменитого сообщения ТАСС. Помимо того, что Рюмина обвинили в обмане правительства и инспирировании фаль-

* 4 апреля 1953 г. Берия подписал приказ МВД СССР № 0068 «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», в соответствии с которым в Лефортовской и Внутренней тюрьмах были ликвидированы созданные по указанию бывшего руководства МГБ СССР орудия для пыток и все приспособления, применявшиеся для этой цели.

шивого дела, на него фактически возложили и политическую ответственность за проводившуюся Сталиным неправильную национальную политику. 6 апреля «Правда» писала:

«Презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным им следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды. В этих провокационных целях они не останавливались перед оголтелой клеветой на советских людей. Тщательной проверкой установлено, например, что таким образом был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михозлс».

Рюмин вначале отрицал предъявляемые ему обвинения, однако вскоре вынужден был сдаться. Произошло это после того, как допрашивавшим его следователям надоели пустопорожные препирательства и они применили такой действенный метод добывания нужных показаний, как пытка строптивого заключенного пребыванием в раздетом виде в холодном карцере. 7 июля 1954 г. военная коллегия Верховного суда СССР вынесла Рюмину расстрельный приговор, который был приведен в исполнение 22 июля.

Понесли наказание и другие бывшие руководители МГБ, причем, думается, не столько за попрание «социалистической законности», допущенное ими в ходе борьбы с «еврейским национализмом», сколько за свои прошлые интриги против Берии. Последний, организовав расследование обстоятельства гибели Михозлса, представил 2 апреля в президиум ЦК записку, в которой констатировалось, что обвинения в шпионаже и еврейском национализме, выдвинутые против Михозлса в конце 1947 — начале 1948 года, были сфальсифицированы руководством МГБ. На основании этого 4 апреля были арестованы такие давние противники Берии, как бывшие заместители министра госбезопасности Цанав* и Огольцов**. Главный же организатор этой тайной операции по линии МГБ бывший министр госбезопасности Абакумов к тому времени уже почти как два года

* Цанав в 1955 году покончил жизнь самоубийством в камере тюрьмы.

** После ареста Берии Огольцов в августе 1953 года будет выпущен на свободу «полностью реабилитированным» по делу об убийстве Михозлса. Его даже возьмут на работу в МВД СССР, однако через год уволят оттуда в запас. После того как покровительствовавший ему Маленков будет выведен из руководства как член «антипартийной группы», Огольцова в 1957-м уволят «по фактам дискредитации» с работы, потом, в феврале 1958 года, исключат из партии, в 1959-м лишат генеральского звания и государственных наград. Но, как и Абакумов, Комаров и Лихачев, он понесет наказание не за беззакония, совершенные в отношении еврейской интеллигенции, а за другое преступление — «за грубое нарушение социалистической законности, в результате которого были осуждены к ВМН и длительным срокам наказания работники ленинградских высших учебных заведений» в годы войны (268).

пребывал в заключении. 19 декабря 1954 г. его расстреляют, но не за незаконные репрессии против «еврейских националистов», а за инспирирование «ленинградского дела». Одновременно с ним по тому же самому обвинению казнят бывшего руководителя следственной части по особо важным делам МГБ СССР А.Г. Леонова, а также зверски допрашивавших в свое время арестованных членов ЕАК следователей Комарова и Лихачева.

Напирая на беззакония, творившиеся в органах госбезопасности в последние годы жизни Сталина, добирался Берия и до бывшего министра Игнатъева. Но поскольку последний входил в слой высшей партноменклатуры и поддерживал Маленковым, Берии удалось только, используя формулировку «за политическую слепоту и ротозейство», добиться вывода Игнатъева из состава ЦК и снятия его с должности секретаря ЦК, которую тот получил сразу после смерти Сталина. Но недолго этому питомцу партаппарата пришлось пребывать в опале. Уже 7 июля 1953 г., то есть вскоре после ареста Берии, Игнатъева вновь ввели в ЦК, а в декабре того же года назначили первым секретарем Башкирского обкома партии.

Другие высокопоставленные партаппаратчики, активно борющиеся с реабилитированными теперь так называемыми еврейскими националистами, также в общем-то отделались булавочными уколами, да и то полученными совсем по другим поводам. Скажем, Суслов, хотя и лишился на время членства в президиуме ЦК (в июле 1955 г. его там восстановят), однако остался секретарем ЦК. С Михайловым обошлись несколько круче, выставив не только из секретарей ЦК, но и из центрального партаппарата. В качестве компенсации ему разрешили какое-то время поруководить столичной партийной организацией. Однако здесь он проявил себя не лучшим образом, и в 1954 году его отправят послом в Польшу. Громивший в свое время научные кадры Ю. Жданов перебрался на периферию, став в 1957 году ректором Ростовского университета. В провинции оказался и другой агитпроповец, бывший заведующий отделом ЦК Чесноков. В марте 1953-го его ептавили в Горьковский обком, где он возглавил один из отделов. В 1957 году он вновь объявился в столице, теперь уже в качестве председателя Гостелерадио СССР. Уже при Брежневэ эту должность наследует Н.Н. Месяцев, который находился в руководстве следственной части по особо важным делам МГБ СССР в разгар «дела врачей».

Крупным скандалом завершилась карьера бывшего руководителя Агитпропа Г.Ф. Александрова, немало потрудившегося на «идеологическом фронте» по реализации политики государственного антисемитизма. Правда, перед тем как нанести Александрову роковой удар, изменчивая и коварная судьба улыбнулась ему, позволив на время опальному директору академического Института философии вновь подняться на верхние ступени номенклатурной пирамиды.

В марте 1954 года Александрову доверили кресло министра культуры СССР. Однако долго почивать на лаврах ему не пришлось. Протезировавший ему Маленков уже в конце января 1955 года был отставлен с поста премьер-министра рвавшимся к власти Хрущевым. А вскоре то ли случайно, то ли благодаря стараниям И.А. Серова, ставленника Хрущева на посту председателя КГБ при Совете министров СССР, в ЦК поступило анонимное письмо, содержащее убийственный для карьеры Александрова компромат*. Хрущев, проводивший тогда чистку аппарата от креатуры бывшего главы правительства, решил воспользоваться удобным случаем. 10 марта 1955 г. с его подачи президиум ЦК утвердил постановление «О недостойном поведении тт. Александрова Г.Ф., Еголина А.М. и других», с которым в виде так называемого «закрытого письма ЦК» ознакомилась вскоре вся партийная масса. Александрова сняли с министерского поста, вывели из состава кандидатов в члены ЦК, лишили депутатства в Верховном Совете СССР и отправили в ссылку в Минск, назначив заведующим сектором Института философии и права АН БССР.

* Скрывавшийся под псевдонимом «Мать» автор письма требовал разоблачить и примерно наказать некоего пожилого развратника, растлившего его дочь-студентку и организовавшего нечто вроде дома терпимости, а также привлечь к ответственности многочисленное начальство, посещающее этот притон, опекающее его содержателя и пользующееся его сводническими услугами. На письме имеется помета старшего помощника Хрущева Г.Т. Шуйского, свидетельствующая о том, что он по указанию своего шефа направил его «на исполнение» секретарю ЦК П.Н. Поспелову (курировал Министерство культуры) и заместителю председателя КПК П.Т. Комарову. К расследованию подключился и КГБ, который сразу же выявил и арестовал организатора подозрительных оргий К.К. Кривошеина, человека с темным криминальным прошлым, а теперь сибаритствующего бонвивана, называющего себя «писателем» и «драматургом». Начиная с 1951 года он устраивал в своей просторной, роскошно обставленной квартире и на не менее шикарной даче в подмосковной Валентиновке так называемые литературные вечера. На них съезжались сливки номенклатурного бомонда, чтобы в приятном дамском обществе, состоявшем в основном из студенток Щукинского театрального училища, послушать под шампанское, икру и коньяк чтение новых произведений гостеприимного хозяина, набившего руку на инсценировках прозы А.П. Чехова и М.Е. Салтыкова-Щедрина. В качестве мзды за приятно проведенное время высокопоставленные гости (з. среди них помимо Александрова были его старый друг и бывший заместитель по Агитпропу А.М. Еголин, заведующий Агитпропом ЦК В.С. Кружков, директор Литературного института С.М. Петров и другие номенклатурные тузы — любители «клубнички») помогали новоявленному популяризатору русской классики протолкнуть его поделки в репертуары ведущих театров страны, в планы столичных издательств и получить при этом немалые гонорары. Эдаким светским львом на эти литературно-сексуальные междусобойчики наезжал Александров, сопровождаемый, как правило, молодой элегантно актрисой, ставшей популярной, сыграв главную роль в экранизации чеховской «Анны на шее».

Как вспоминал потом Шепилов, «в последующие годы Александров все глубже погружался в пучину алкоголизма» и в 1961 году умер от цирроза печени²⁶⁹.

Кстати, партийный интеллектual Шепилов без какого-либо ущерба для себя пережил «дело врачей». Он еще в течение трех лет оставался главным редактором «Правды», задававшей в начале 1953-го погромный тон всей советской пропаганде. Только летом 1957 года ему, а также другому, еще более крупному организатору антиеврейских кампаний, Маленкову, каким-то образом воздастся за их прежние грехи. Тогда в результате аппаратной схватки с Хрущевым они будут изгнаны с кремлевского олимпа*.

Все они — Суслов, Михайлов, Чесноков, Игнатъев, Шепилов, Маленков — закончили свой земной путь в преклонных летах и в своих постелях, и их не мучили угрызения совести за организацию и проведение антигуманной акции в далеком 1953-м. В отличие от них основной инициатор освобождения незаконно репрессированных врачей — Берия умер трагической и позорной смертью. Консерваторы в партаппарате не простили ему того, что после кончины Сталина он позволил себе ряд самостоятельных и смелых решений и поступков, которые резонно были восприняты Хрущевым и другими членами президиума ЦК как заявка на диктаторскую власть. К тому же они опасались, что, проводя по своему усмотрению расследование преступлений власть имущих в период правления Сталина и используя для этого находившиеся в его распоряжении архивные материалы, Берия в конце концов вполне может обвинить каждого из них в незаконных действиях. Например, по его указанию активно проводился пересмотр «дела ЕАК»: допрашивались бывшие руководители МГБ СССР и следователи, его сфальсифицировавшие, привлекаясь когда-то по «делу» эксперты и свидетели. 25 июня амби-

* В конечном счете Шепилов перехитрил самого себя, пытаясь получить максимальную выгоду путем лавирования между двумя противоборствовавшими номенклатурными группировками. В начале 1953-го после воцарения Маленкова он опубликовал в редактируемой им «Правде» сфальсифицированный снимок, запечатлевший не имевшую место в действительности встречу новоиспеченного советского премьера с Мао Цзэдуном. Прошло два года, и Шепилов разразился в той же «Правде» резко критической статьей, по сути обосновавшей необходимость произошедшего тогда смещения Маленкова с поста главы правительства. За это он был обласкан Хрущевым, получив из его рук пост секретаря ЦК и портфель министра иностранных дел. Минуло еще два года, и Шепилов вновь переметнулся на сторону Маленкова, «примкнув» к «антипартийной группе», которой тот верховодил. Видимо, имея в виду такое непостоянство Шепилова, а также привычку последнего фиксировать «на всякий случай» в специальной записной книжке неосторожные высказывания своих высокопоставленных собеседников, Хрущев назвал его в июне 1957-го «двуличным карьеристом», изгнав сначала с кремлевского олимпа, а потом и из партии (270).

циозный министр внутренних дел представил Маленкову материалы допроса Рюмина, которые свидетельствовали о том, что его действия по подготовке «дела ЕАК», а также ряда других «липовых» дел («ленинградского», «врачей») направлялись непосредственно Игнатьевым. На этом основании Берия настаивал на аресте последнего, что, скорей всего, было воспринято Маленковым, курировавшим в свое время Игнатьева и организовывавшим по указанию Сталина пропагандистские и репрессивные акции против «еврейских националистов», как угроза и в собственный адрес. Не случайно уже на следующий день Берия был арестован в Кремле во время заседания президиума ЦК. Показательно, что вскоре отправили в отставку генерального прокурора Г.Н. Сафонова, который считался «человеком Берии» и руководил по линии прокуратуры расследованием преступных деяний бывших руководителей и сотрудников МГБ; кроме того, как говорят, он отказался задним числом оформить санкцией арест Берии. А с 2 по 7 июля состоялся пленум ЦК, вошедший в историю как партийный суд над Берией. С одной из наиболее резких речей на нем выступил секретарь ЦК Н.Н. Шаталин*, зарекомендовавший себя при Сталине бескомпромиссным борцом с еврейским буржуазным национализмом. Он обвинил Берию ни больше ни меньше в том, что тот своей реабилитацией «врачей-вредителей» произвел на общественность «тягостное впечатление». Несостоявшемуся диктатору вменили в вину и другие прегрешения. 10 июля на допросе его спросили, почему он ратовал за восстановление Еврейского театра и настаивал на издании еврейской газеты? На что тот ответил: «Мы по линии МВД были заинтересованы... мое отношение к этим вопросам было с позиции освещения настроения интеллигенции». И потом добавил, что готовил соответствующую записку в ЦК²⁷¹.

23 декабря 1953 г. Берия был расстрелян по приговору специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Вместе с ним наряду с прочими его бывшими приближенными был казнен и С.А. Гоглидзе, который в отличие от своего бывшего покровителя немало преуспел в борьбе с «еврейскими националистами», особенно с теми из них, кто был объявлен «врачами-убийцами».

В 1956–1957 годах наследники Сталина попытались задним числом приписать себе заслугу избавления страны, а может быть, и мира, от катастрофы, которой чревата была безумная авантюра с «делом врачей», предпринятая диктатором якобы при деятельном участии Берии и «пешек» вроде Рюмина. Для обработки западного общест-

* В начале 1955 года, сразу же после смещения Маленкова с поста председателя Совета министров СССР, Шаталин, лишившись старой номенклатурной «крыши», был изгнан из секретарей ЦК и отправлен в дальневосточное Приморье руководить крайкомом партии.

венного мнения в таком духе был опять же использован Эренбург, который распространил в интеллектуальных кругах Франции версию о том, что 1 марта 1953 г. на заседании президиума ЦК КПСС ближайшие соратники Сталина, прежде всего Молотов и Каганович, решительно потребовали от него организации объективного расследования по «делу врачей» и отмены будто бы принятого им решения о депортации евреев, причем этот демарш так, мол, ошеломил диктатора, что с ним приключился удар, после которого он уже не оправился. Ясно, что эта была намеренная дезинформация, так как тот же Каганович незадолго до своей смерти признал, что «дело врачей» «пошло на убыль само собой» еще при жизни Сталина²⁷².

Так порождались оказавшиеся потом столь живучими мифы и легенды вокруг «дела врачей», которое закончилось таким же провалом, как и состоявшийся ровно за 40 лет до него не менее известный и позорный для России процесс над Менделем Бейлисом. Исход этого «дела» стал не только первым крупным, хотя и посмертным поражением Сталина, но и сильным ударом по созданной им бесчеловечной системе.

* * *

Развернувшаяся в послевоенное время в Советском Союзе аппаратная чистка была обусловлена прежде всего социально-политической природой сталинского режима, обеспечивавшего собственную дееспособность и единовластие диктатора посредством периодической кровавой прополки номенклатурно-бюрократического слоя общества. Как и в прежние годы, кадровая «война» и на сей раз разгоралась постепенно. Она началась с закручивания идеологических гаек осенью 1946 года и приобрела универсальный и одновременно широкий репрессивный характер в 1949–1950 годах, то есть после антикосмополитической кампании, достигнув тогда кульминации. Специфика послевоенного террора на «кадровом фронте» состояла в том, что он имел ярко выраженную антиеврейскую направленность, обусловленную значительным усилением политики государственного антисемитизма. Усугубление этого социального недуга происходило по нескольким — как внутрисполитическим, так и внешнеполитическим — причинам: дальнейшая шовинизация национальной политики, проводимой советским руководством; психологическая деградация дряхлевшего Сталина, выражавшаяся в параноическом изменении личности на почве юдофобии; интенсивное наслаивание в рамках холодной войны советско-американских политических и идеологических противоречий, усугубленных тем, что в контексте этого противостояния сионизм и Государство Израиль рассматривались Сталиным в качестве «ударной силы империализма США». Вследствие всего этого инфильтрация антисемитизма в общество про-

исходила столь бурно, что в начале 1953 года его проявления в стране, достигнув своего апогея, стали реально угрожать социальному строю и целостности государства, покоившегося на коммунистической идее. Такого размаха антиеврейская вакханалия достигла потому, что стоявший за ней Сталин инстинктом опытного политика чувствовал, что шовинистический популизм — это его последняя возможность «раскачать» ситуацию в стране и тем самым спровоцировать новый «большой террор», периодически необходимый для поддержания режима единовластия, и потому под воздействием личной юдофобии (превратившейся к тому времени в настоящую болезнь) не мог на какое-то время не поддаться этому соблазну. Но несмотря на серьезные проблемы с физическим и психическим здоровьем, он тем не менее не утратил полностью здравого смысла и потому не мог, в силу указанных выше причин, разыграть до конца антиеврейскую карту, то есть встать на нацистский путь «окончательного решения» «еврейского вопроса». Да и физически диктатор был уже не способен на крупномасштабную авантюру. Несомненно, что главнейшим сдерживающим фактором послужила угроза развязывания третьей (ядерной) мировой войны* (а в подготовке к ней СССР явно уступал США), которая заставила Сталина буквально на краю могилы отказаться от дальнейшего нагнетания шовинистических страстей в стране. К тому же, высшая бюрократия, значительно окрепшая в 40-е годы, вряд ли позволила бы, чтобы ее и дальше продолжали отправлять на заклинание под барабанную дробь популистских лозунгов. После войны Сталину по сути удалось устроить только одну кровавую расправу над номенклатурными бонзами — «ленинградское дело» — да и то с помощью Маленкова и Берии, которым Сталин уже так и не смог противопоставить более или менее влиятельной аппаратной группировки. Если брать общество в целом, то и оно в основе своей к концу правления Сталина устало от потрясений и жаждало стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Даже на статистике ГУЛАГа сказалась тенденция к свертыванию внутреннего террора. Если в 1946 году за так называемые контрреволюционные (политические) преступления было репрессировано 123 294 человек, в 1949-м — 75 125, то в 1952-м — 28 800 человек²⁷³.

Словом, у полностью изжившей себя сталинской диктатуры хватило пороха только на устрашающую увертюру. Ее время завершилось. Начиналась новая эпоха.

* Думается, не случайно, как мы помним, израильский посланник в Москве Эльяшив сопрягал возможность еврейской депортации с началом мировой войны. Ведь именно она позволила Гитлеру перейти к «окончательному решению еврейского вопроса», а Сталину — осуществить депортацию «изменнических» народов.

Заключение

Действия властей после смерти диктатора вселили в советское еврейство робкую надежду на лучшее будущее, тем более что с того момента гранитная твердь созданной Сталиным тюремной системы стала давать сначала мелкие, едва заметные, а потом все более явные трещины. Летом 1955-го ЦК, откликаясь, как было сказано, на ходатайства А.А. Фадеева, С.Я. Маршака, К.И. Чуковского, Л.А. Кассиля и других известных литераторов*, возобновил заглохшую было после ареста Берии прокурорскую проверку «дела ЕАК». То есть это произошло после того, как Хрущеву с помощью процесса над Абакумовым и его подручными в МГБ по фабрикации «ленинградского дела» удалось существенно «подмочить» репутацию Маленкова и сместить его с поста главы правительства. Правда, к этому времени уже не было на свете непосредственных фальсификаторов «дела ЕАК» — того же Абакумова, Рюмина, Комарова, Лихачева, которых подозрительно поспешно расстреляли еще в 1954 году, возможно, для того, чтобы обезопасить тех, кто давал им указания из Кремля и со Старой площади. Поэтому, когда проверка «дела ЕАК» была завершена, генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, докладывая 1 октября 1955 г. о результатах на Старую площадь, «списал» его на «разоблаченных врагов Абакумова и Рюмина»¹. 22 ноября военная коллегия Верховного суда СССР на основании протеста генерального прокурора и учитывая «вновь открывшиеся обстоятельства» отменила приговор 1952 года в отношении Лозовского, Фефера и других казненных тогда «еаковцев» за отсутствием состава преступления, что означало их юридическое оправдание перед законом. Спустя еще две недели родственникам были выданы военной коллегией справки о том, что все вновь реабилитированные, «отбывая наказание», «умерли» 12 августа 1952 г.** Так в период, вошедший в историю под

* На самом деле, думается, проверка была инициирована Хрущевым для того, чтобы собрать дополнительный компромат на Маленкова, ибо летом 1957 года в ходе решающей схватки Хрущева с Маленковым «дело ЕАК» опять и отнюдь не случайно выплыло на поверхность.

** Таким образом выполнялся изданный по указанию ЦК в 1955 году циркуляр КГБ № 00108, согласно которому о людях, расстрелянных в годы правления Сталина, членам их семей сообщалось только то, что они были приговорены к десяти годам лагерей и умерли там, отбывая наказание.

знаком повести-символа Эренбурга «Оттепель», вчерашние соратники Сталина, наследовавшие от него политическую власть, начали отмежевываться от наиболее тяжких преступлений его режима. Но вместе с тем в силу инерции мышления они продолжали настаивать, к примеру, на том, что письмо ЕАК Сталину о создании еврейской республики в Крыму «носит националистический характер», хотя его и «нельзя рассматривать как уголовно наказуемое деяние». Уже после громкого разоблачения преступлений Сталина на XX съезде партии Хрушев, принимая 29 августа 1956 г. в ЦК КПСС Т. Бака, Д. Солсберга и других членов прибывшей тогда в Советский Союз делегации Рабочей прогрессивной партии Канады, открыто солидаризировался со старой версией МГБ по «крымскому делу».

«Когда из Крыма выселили татар, — заявил он, — тогда некоторые евреи начали развивать идею о переселении туда евреев, чтобы создать в Крыму еврейское государство... Это был бы американский плацдарм на юге нашей страны. Я был против этой идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным».

Новому лидеру страны, как и положено, вторили высшие чиновники, повторявшие прежние обвинения в адрес руководителей ЕАК: они якобы «из националистических побуждений» пытались присвоить комитету не свойственные ему функции, а также стремились действовать от имени всего советского еврейства.

«Эти неправильные действия, — подчеркивал генеральный прокурор Руденко, — объективно способствовали тому, что еврейские националистические элементы пытались группироваться вокруг Еврейского антифашистского комитета»².

Подобные рассуждения свидетельствовали о том, что дело Сталина (в данном случае государственный антисемитизм) не умерло вместе с ним, а продолжало жить. Правда, политика эта в значительной мере модифицировалась: в целом она была смягчена, ибо из составлявших ее компонентов была изъята публичная агрессивность, а в действия проводивших ее чиновников была привнесена изощренная маскировка. Массовые антиеврейские чистки государственного аппарата и учреждений прекратились. Однако, так сказать, тихое «выдавливание» евреев продолжилось, и прежде всего из сферы, связанной с обеспечением национальной безопасности страны (армии, тайной политической полиции, ВПК, внешнеполитического и внешнеэкономического ведомств). Причем наиболее видных специалистов еврейского происхождения, задействованных в ВПК, как и прежде, не трогали, дожидаясь их естественного (в силу возраста) ухода со своего поприща.

Постепенно преодолевались и последствия антиеврейских гонений, имевших место в гуманитарно-культурной области в последние

годы правления Сталина. Поскольку была свернута пропаганда русского патриотизма, угрожавшая ключевому в системе власти в СССР лозунгу о дружбе советских народов, а значит, и монолитности империи, кадровые кампании «за чистоту русского искусства» больше не проводились. Творческие работники еврейского происхождения могли теперь более или менее спокойно смотреть в будущее, ощущая на себе плоды некоторой социально-политической либерализации, начавшейся после разоблачения «культы личности» в 1956 году. В рамках этого курса с 1958 года было возобновлено издание книг на идише, а с 1961-го на этом языке стал издаваться литературный журнал «Советиш Геймланд» («Советская Родина»). Оживилась еврейская общественно-культурная жизнь в Еврейской АО, где в 1970-м вновь после долгого перерыва на пост первого секретаря обкома партии был избран еврей Л.Б. Шапиро. Наметился определенный сдвиг и в подходе властей к эмиграции евреев из страны, полностью прекращенной Сталиным в конце 1946 года. В 1956 году 753 гражданам было предоставлено право выехать в Израиль. А начиная со следующего года то же самое смогли сделать транзитом через Польшу*, Румынию, Венгрию и Чехословакию множество евреев, имевших до войны подданства этих государств³.

Под влиянием политической либерализации в Советском Союзе с конца 50-х стало вызревать так называемое диссидентское движение, костяк которого составила интеллигенция еврейского происхождения. Началась эпоха «самиздата», и на этой ниве особую активность проявили А.И. Гинзбург, А.Э. Левитин (Краснов) и другие интеллектуалы, известные впоследствии как правозащитники.

Первые проявления открытой общественной оппозиции коммунистическому режиму были активно поддержаны Западом, использовавшему их как пропагандистское подспорье в холодной войне. В 1962 году, впервые после «дела врачей», израильский представитель поднял в ООН вопрос о положении евреев в Советском Союзе. А в октябре 1964 года президент США Л.Б. Джонсон направил состоявшемуся тогда в Нью-Йорке съезду в защиту советских евреев телеграмму, в которой осудил политику антисемитизма властей СССР. Критика внутри страны и из-за рубежа советской официальной позиции в отношении еврейской эмиграции заметно усилилась после победоносной для Израиля «шестидневной войны» 1967 года. В свою очередь, Кремль уходил во все более глухую оборону, предпочитая представлять дело таким образом, как это сделал, скажем, в октябре 1971 года А.Н. Косыгин, заявивший корреспонденту «New-York Times»:

* Если в 1956 году из Польши в Израиль эмигрировало 3635 евреев, то в 1957-м — 31 854 еврея.

«...Я должен сказать, что «еврейского вопроса» как такового у нас нет. Евреи трудятся вместе со всеми на благо социализма и являются такими же энтузиастами в строительстве коммунизма, как и граждане других национальностей Советского Союза»⁴.

Вместе с тем под воздействием начавшегося вскоре скоротечного «детанта» между Востоком и Западом советское руководство пошло на значительные уступки в вопросе выезда евреев из страны. Особенно наглядно это проявилось после визита президента США Р. Никсона в Москву и в связи с принятием американским конгрессом 4 октября 1972 г. поправки Джексона—Вэника к закону о торговле между Востоком и Западом, которая увязывала предоставление властями США статуса наибольшего благоприятствования в торговле той или иной стране со свободой эмиграции ее граждан (для СССР имелось в виду прежде всего еврейское население). В цифрах эта «уступчивость» советских властей западному нажиму выражалась следующим образом: если в 1948–1967 годах они выпустили в Израиль в общей сложности 6,9 тыс. человек, то только за 1972 год — 29,8 тыс., а в 1973-м и того больше — 33,5 тыс. В последующем в зависимости, главным образом, от причудливой конъюнктуры советско-американских политических отношений (личные контакты на высшем уровне, заключение договоров по ОСВ и т.д.) количество выдаваемых евреям разрешений на выезд из СССР то резко сокращалось, то, наоборот, увеличивалось, составив, к примеру, в 1975 году всего 11,7 тыс., а в 1979-м — более 51 тыс.⁵

Среди эмигрантов тех лет было много людей, лично пострадавших от сталинских гонений конца 40 — начала 50-х годов, а также их родственников (дочери Михоэлса, вдова поэта Маркиша с детьми и др.). Основной причиной начавшегося тогда массового еврейского исхода из России следует признать приглушенный, но продолжавший существовать государственный антисемитизм. Даже национально-религиозная мотивация не играла столь существенной роли в этой эмиграции, поскольку интенсивно протекавший в СССР процесс ассимиляции евреев зашел достаточно далеко: в 1970 году родным языком владело 17,7% советских евреев, а в 1979-м — и того меньше, 14,2%⁶. В решении вопроса о выезде из страны существенное значение имели и экономические соображения. Возможно поэтому, декларируя вначале намерение поехать на постоянное жительство в Израиль, значительное количество эмигрантов, очутившись вне пределов СССР, направлялось потом в космополитические, но богатые США.

Итак, если по окончании Второй мировой войны Западу, несмотря на все его попытки, так и не удалось даже в незначительной мере нарушить герметичность сталинского «железного занавеса» и организовать сколько-нибудь существенную эмиграцию советских евреев, то подобная брешь была пробита при геронтократическом брежнев-

ском правлении, причем после того, как этот режим, израсходовав существенную часть своего жизненного потенциала на подавление «пражской весны» 1968 года, впал в долготечной застой. Такой результат стал во многом следствием американского пропагандистского наступления на Советы, особенно усилившегося с середины 70-х годов, когда внешнеполитический курс США был уснащен лозунгом защиты прав человека, имевшим среди прочего целью заставить дряхлевшее советское руководство шире открыть перед своими евреями дверь на Запад. Контрпропаганда Москвы, пик которой пришелся на начало 1983 года (тогда был образован Антисионистский комитет советской общественности), несмотря на затраченные на нее значительные материальные средства, не могла быть эффективной. И не только в силу очевидной деградации коммунистического режима. В самом советском руководстве существовал определенный разрыв в подходах к еврейской проблеме. Если генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев придерживался при решении этого вопроса относительно либеральной точки зрения, то председатель Комитета государственной безопасности СССР Ю.В. Андропов стоял на позиции жесткого сдерживания общественной активности евреев вообще и их эмиграции из страны в частности⁷. Сторонники этой позиции — консервативные кадры партаппарата и госбезопасности — сформировались как личности еще в эпоху Сталина и настаивали на продолжении в смягченной версии его политики государственного антисемитизма. Именно эти чиновники инициировали и поддержали издание появившихся в 70 — первой половине 80-х годов многочисленных статей и книг по «еврейскому вопросу», вышедших из-под пера таких специалистов по антисионизму, как В.Я. Бегун, В.В. Большаков, Е.С. Евсеев, А.З. Романенко и др.* Один из ведущих партфункционеров 80-х годов признавал впоследствии:

«...Заложенная при «позднем» Сталине в государство «установка» — максимално нивелировать «еврейский фактор» в политике и идеологии продолжала действовать, освободившись лишь от зверских форм ее реализации... Государственный антисемитизм... уже 30 лет нравственно разлагавший советское общество, был одним из выражений его общего кризиса»⁸.

Во многом переломным как для судьбы страны в целом, так и для ее еврейских граждан в частности стал конец 80 — начало 90-х годов, окрашенный сочной палитрой политических красок горбачевской гласности и перестройки. Тогда империя, переживая период распада, начала самопроизвольно разваливаться. В 1989 году пал ключевой бастион ее внешней пограничной оболочки — Берлинская стена, внутри же страны стремительно усиливалось общественное

* Подробная историография и библиография представлена в работе А.З. Романенко «О классовой сущности сионизма» (Л., 1986).

брожение в Прибалтике, на Кавказе, других национальных окраинах супердержавы. Под напором этих процессов «еврейский вопрос» отошел в глазах руководства СССР на задний план. Слабевшему месяцу от месяца советскому режиму в его горбачевской ипостаси не оставалось ничего другого, как, демонстрируя Западу «новое человеческое лицо», в рамках общей либерализации перейти к тактике заигрывания с собственным еврейством. В декабре 1988 года комиссией политбюро во главе с А.Н. Яковлевым, одним из немногих идейных либералов в том руководстве, были публично реабилитированы в судебном порядке жертвы расстрельного «дела ЕАК». А ровно через год власти разрешили проведение первого съезда еврейских организаций и общин СССР, который возродил в масштабах страны центральное еврейское национальное самоуправление (Ваад), ликвидированное большевиками за семь десятилетий до этого. Тот же съезд направил Верховному Совету СССР, советскому правительству и ЦК КПСС обращение (осталось без ответа) с требованием незамедлительного публичного осуждения антисемитизма. Дело в том, что плоды политической либерализации пожинали не только демократические, но и шовинистические силы, организационно оформлявшиеся тогда в общественные структуры наподобие «патриотического объединения «Память»». Главными идеологическими орудиями радикальных националистов, которые негласно поддерживались консерваторами в руководстве партии и «органов», стали антиеврейская пропаганда и провокации. Дышавший на ладан официальный антисемитизм, существование которого когда-либо в СССР решительно отрицалось и при М.С. Горбачеве*, как бы передавал эстафетную палочку возрождавшемуся более агрессивному идейному антисемитизму черносотенного пошиба.

Страх перед непредсказуемым будущим, тотальный кризис горбачевского режима, развивавшийся на фоне спонтанной либерализации, привели к «взрыву» еврейской эмиграции из СССР. Только за один 1990 год страну покинуло 186 тыс. евреев. То было поистине массовое бегство людей из разрушавшегося на их глазах государства. Столь впечатляющий исход был обусловлен еще и тем, что Всемирная сионистская организация и руководство Израиля видели тогда главную свою задачу в радикальном вызволении всего советского еврейства из «плена красного фараона» и всемерно содействовали этому. Не случайно именно в это время начинает широко муссироваться пропагандистский миф о якобы готовившейся в конце жизни Сталина депортации евреев.

Последовавший вскоре распад СССР и приход к власти в Москве лидеров новорожденной российской демократии, страдавшей как от

* См. интервью с членом политбюро ЦК КПСС и главным редактором «Правды» И.Т. Фроловым, данное им летом 1991 года (9).

политической неопытности, так и от многочисленных внутренних пороков (главным из них стало отсутствие у ее лидеров государственного мышления и исторической ответственности перед страной), еще более усугубили национальные проблемы на постсоветском пространстве, в том числе и так называемый еврейский вопрос. Парадоксальным образом произошло то, что, будучи совершенно ликвидированным на государственном уровне, антисемитизм значительно усилился на политико-идеологической ниве, а также в социально-бытовой сфере. Произошло это прежде всего вследствие снятия новым демократическим режимом практически всех ограничений с социально-политической самодеятельности населения. В результате на легальных основаниях возникло множество общественных организаций (от умеренно патриотических до откровенно неофашистских), которые развернули как закамуфлированную, так и явную антисемитскую пропаганду. Другим провоцирующим моментом стало то немаловажное обстоятельство, что в судьбоносный переходный период к новому социально-политическому устройству общества верхняя власть вопреки самоочевидному императиву оказалась слабой и не способной к проведению последовательных и жизненно необходимых для страны реформ. Положение усугублялось еще и тем, что интеллектуалы еврейского происхождения, получившие наконец за многие десятилетия возможность самореализоваться как в бизнесе*, так и на политическом поприще, и хлынувшие в немалом количестве в структуры новой власти, стали заботиться в большинстве своем, как, впрочем, и многие из попавших туда представителей иных национальностей, о собственном преуспевании (прежде всего, материальном), нежели о благе народном.

* То, что до августа 1991 года препятствовало карьерному продвижению евреев в СССР — родственные связи с границей (прежде всего с враждебными СССР США и Израилем), — в последующем, в связи с ликвидацией непроницаемости государственной границы и курсом властей новой России на вхождение отечественной экономики в мировую, им в значительной мере помогло. В результате они извлекали немалую выгоду в ходе наведения мостов между западным деловым миром и алчной российской бюрократией, которая щедро оплачивала такие услуги за счет начавшейся приватизации государственной собственности. В силу этих обстоятельств евреи, решившие заняться бизнесом, который для них являлся, так сказать, исторически традиционным занятием, стали действовать на этом поприще значительно успешней русских. В какой-то мере преуспеванию бизнесменов еврейского происхождения способствовало и то, что еще в советское время они составляли значительный процент нелегальных предпринимателей теневой экономики и некоторым из них удалось скопить первоначальный капитал. Сыграл свою роль и психологический момент — стремление бывших советских евреев после десятилетий унижений и гонений во что бы то ни стало самоутвердиться и войти не только в экономическую, но и политическую элиту страны.

Очевидная неспособность новых правителей России вывести страну из продолжительного и тотального кризиса и их возрастающая непопулярность во все более нищающем народе дали в руки перешедшим в оппозицию представителям прежней власти из числа сталинистов сильные пропагандистские козыри. Опираясь на своих сторонников в управленческих структурах демократического режима и провозгласив свою партию основой для консолидации патриотических сил в стране, коммунисты предложили излечить общество от поразивших его болезней не исходя из современного опыта передовых стран, а на основе по сути догматической «идеологии государственного патриотизма». Утверждалось, что одним из главных основоположников этого учения был не кто иной, как Сталин, предпринявший в 1944–1953 годах «идеологическую перестройку», которая имела своей целью «восстановление необоснованно прерванной российской духовно-государственной традиции»¹⁰. О том, что представляла собой на самом деле эта «перестройка» и какими грозными последствиями она была чревата для государства и народа, читатель уже имел возможность узнать по изложенным выше фактам и документам. Не удивительно, что всплеск идеологического антисемитизма, который произошел вскоре после скандального падения правительства С.В. Кириенко, был во многом спровоцирован радикал-националистами из рядов КПРФ, которых немало не образумило то, что 9 декабря 1998 г. ООН причислила проявления антисемитизма к нарушениям основных прав человека.

Стремясь возвести здание будущей российской государственно-сти по образу и подобию сталинского прошлого, не позаимствуют ли современные последователи покойного диктатора из его идеологического арсенала наряду с прочим и доктрину государственного антисемитизма? То, что такая угроза реальна, можно было убедиться осенью 1998 года, когда из уст отдельных руководителей компартии Российской Федерации зазвучали откровенно антисемитские публичные выпады. Тогда явно проявилось стремление радикалов из этой организации нажать политический капитал посредством антисемитско-популистской критики крупных политических и экономических провалов, которыми было отмечено правление Б.Н. Ельцина. Однако подобного рода риторика отнюдь не способствовала массовому увеличению количества сторонников коммуно-националистов, на что те надеялись. Поэтому представляется маловероятным, что в ближайшие годы они смогут прийти к власти в России.

Определенную опасность таит в себе и стремление некоторой части правящей бюрократии, хоть в значительной мере и освободившейся в ходе «ельцинской революции» от консервативных, зараженных антисемитизмом звеньев, но еще сохраняющей родимые пятна тоталитарного прошлого, вновь встать над обществом и бесконтрольно править страной. Если нечто подобное произойдет,

то не исключен реванш номенклатурного почвенничества, и тогда государственный антисемитизм обретет новую жизнь уже не в сталинском закамуфлированном облике, а заявит о себе, говоря словами поэта, весомо, грубо, зримо. И для России это будет страшной катастрофой, которую она навряд ли переживет. Впрочем, возможность реализации такого варианта развития событий представляется сегодня минимальной. Вообще же значимость внутреннего фактора (положение дел в стране с бытовым и партийно-пропагандистским антисемитизмом), достигшая своего апогея в 90-е годы (в пору острого противостояния либеральных верхов и коммунистическо-патриотической оппозиции), ныне, когда такое устранено новой сугубо прагматической властью, явно идет на убыль. Что касается внешнего фактора, то в последующем развитии внутренних процессов в России трудно переоценить роль Запада, который в собственных же интересах должен при любых ситуациях сохранять выдержку и не срываться до чрезмерного обострения отношений с нею, невольно подыгрывая тем самым антидемократическим силам внутри евразийской державы.

Окончательно же избавиться от призрака официальной юдофобии российское общество сможет лишь сделав правильный исторический выбор: если не последует за теми, кто зовет его в тоталитарное прошлое, а поддержит политические силы, не приемлющие радикализма любой направленности и опирающиеся в своих действиях на вековую мудрость народа и присущий ему здравый смысл. Тогда дух остаточного антисемитизма, еще витающий во властных структурах, постепенно уйдет в прошлое вместе с основными его носителями — теми чиновниками старшего поколения, которые сформировались в духе сталинизма.

* * *

При подведении итогов исследования в качестве основного напрашивается вывод о том, что государственный антисемитизм возник в СССР в конце 30-х годов, когда в стране в полной мере воцарился террор, а политическая власть целиком сосредоточилась в руках Сталина, человека решительного, жестокого и наряду с этим чрезвычайно коварного и мнительного, готового подозревать в заговоре против собственной персоны кого угодно, в том числе и евреев. Дело дошло до того, что неограниченный в своем произволе диктатор, наделенный ярко выраженной трайбалистской психологией и потому мысливший категориями коллективной вины целых народов, потом подверг некоторые из них огульному наказанию. Историческое наложение друг на друга двух факторов — объективного (тоталитаризм) и субъективного (сталинизм) — сыграло решающую роль в том, что декларативно осуждаемые зако-

ном в СССР национальная нетерпимость и дискриминация были в отношении евреев тайно возведены режимом в ранг официальной политики.

Обоснованность сформулированного выше субъективного момента станет очевидной, если, обобщая данное исследование, даже схематично проследить динамику изменений, происходивших с начала XX века в отношении Сталина к так называемому еврейскому вопросу. Если иметь в виду девятисотые годы, когда Сталин, попав впервые в поле зрения Ленина, зарекомендовал себя в его глазах как всецело преданный ему и надежный «товарищ», то, как уже отмечалось выше, нет никаких более или менее веских оснований утверждать, что в тот период будущий диктатор уже был убежденным антисемитом. Несколько известных нам случайных вульгарных высказываний, сделанных им тогда на еврейскую тему, свидетельствовали, скорее, о грубости его манер и плохом воспитании, нежели о чем-то более серьезном. А если говорить конкретно, то эти высказывания можно расценить как своеобразный демагогический прием, к которому верный ученик прибегал из желания уязвить идейных врагов своего учителя — меньшевиков и бундовцев. Эти старания были по достоинству оценены Лениным, благодаря которому Сталин в начале 10-х годов вводится в руководство партии и обретает статус ее теоретика по национальному вопросу.

Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что тогдашнее отстаивание Сталиным в качестве безальтернативных догм, скажем, ленинских тезисов об изначальной порочности бундовской программы культурно-национальной автономии, «объективном» и «прогрессивном» характере ассимиляции евреев, вполне могло способствовать формированию в его сознании сначала неприязни к этому народу как таковому, а потом все более прогрессирующей личной юдофобии. Но окончательно подобное перерождение произойдет много позднее, а оказавшись в 1917 году вместе с соратниками по руководству большевистской партией у кормила власти огромного государства, Сталин, все более превращаясь в антисемита, продолжит тайные спекуляции на еврейской проблеме, применяя это демагогическое оружие в основном против конкурентов в закулисной борьбе за обладание верховной властью в партии и стране. Особенно ярко это начало проявляться со второй половины 20-х годов в ходе ожесточенной борьбы с партийной оппозицией во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Тогда свойственное натуре Сталина политическое кокетство, к которому тот прежде прибегал, чтобы, скажем, завоевать доверие Ленина, перешло в другую ипостась — в популизм, призванный обеспечить новоявленному вождю симпатии партийной массы. Будучи благодаря сводкам ОГПУ хорошо осведомленным в широком распространении в то время в партийных и комсомольских низах антиеврейских настроений, прагматик Сталин,

подстраиваясь под них, начал негласно использовать этот фактор, сделав его элементом своей тактики достижения единовластия. В результате в высших аппаратных структурах ВКП(б) возникло такое специфическое явление, как партийно-пропагандистский антисемитизм, который стал развиваться и набирать силу под прикрытием официальной идеологии марксизма-ленинизма.

После того, как в конце 30-х годов антисемитизм в этой ипостаси, ранее лишь периодически использовавшийся Сталиным в тайной агитации против соперников в борьбе за власть, был окончательно пересажен на номенклатурную почву, он обрел статус систематической государственной политики. Эта политика была нацелена на постепенное устранение «еврейского влияния» на социально-политическую и культурную жизнь общества путем проводимой сверху ассимиляции евреев, с одной стороны, и наращивания против них административно-репрессивных мер — с другой.

Семена государственного антисемитизма проросли в благодатной для него почве великодержавного шовинизма, возрожденного Сталиным под воздействием того, что в 30-е годы в соперничестве трех мировых идеологий — либерализма, коммунизма и национализма — последний стал уверенно лидировать. Именно тогда им была предложена национально-государственная концепция «старшего брата», пропагандировавшая приоритет русских в содружестве народов Советского Союза. По сути то была во многом имперская модель, поскольку во главу угла ставилось не формирование единой нации, а обеспечение добровольно-принудительного сосуществования нескольких так называемых социалистических наций, объединенных на основе строгой иерархии в единый государственно-правовой конгломерат. Как и всякая другая империя военно-феодалного типа, построенная на силе центра, авторитете вождя и этнопотенциале империиобразующего народа, СССР был обречен с самого начала. Ибо рано или поздно ресурсы центра иссякают, вожди умирают, а «старший брат» под тяжким бременем возложенной на него объединительной миссии начинает деградировать, тогда как «младшие», окраинные народы за счет донорской подпитки из центра, наоборот, наращивают свои экономические и культурные силы и все активнее стремятся к политической самостоятельности.

Подобное развитие советской империи было предопределено еще в 30-е годы. Тогда базировавшийся на единовластию и бюрократическом патриотизме сталинизм, давая последний решительный бой международному ленинизму, развернул «большую чистку» кадров. В итоге произошло практически полное обновление руководящего номенклатурного слоя, в котором вследствие кровавого вымывания многих представителей национальных меньшинств (в том числе и немалого количества евреев) возобладали молодые чиновники, главным образом славянского происхождения. На них, воспитанных в

духе абсолютной преданности Сталину, тот и стал опираться в проведении нового внутривластного курса. К концу 1930-х завершилось не только огосударствление партии с созданием единой партгосноменклатуры, но и произошло, так сказать, огосударствление юдофобии, превратившее в пустой звук слова, когда-то сказанные Сталиным:

«...Коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма»¹¹.

Возникновение государственного антисемитизма в его советской разновидности было объективно обусловлено еще и тем, что в социальной природе любого тоталитарного режима заложена жизненно важная для него необходимость использования в пропаганде образа врага как одного из средств, позволяющих верховному владыке всецело подчинить себе общество и манипулировать его мнением. Нагнетание истерии по поводу так называемых «врагов народа» и сопровождавшие ее призывы повысить бдительность, сплотиться вокруг вождя немало способствовали установлению и укреплению единовластия Сталина. То, что образ врага стал с конца 40-х годов исподволь наполняться в СССР антиеврейским содержанием (тогда жупелы «космополита» и «еврейского националиста» активно вытесняли из пропагандистского обихода разных там «троцкистов», «вредителей» и прочих «контрреволюционеров»), воспринималось как своего рода последствие произошедшего перед войной советско-германского политического сближения. В нацистской Германии, где евреи были объявлены вне закона, Гитлер, не раз заявлявший о том, что «людям нужен зримый образ врага, а не воображаемый», считал, что антисемитизм — это «наиболее ценная часть» его «пропагандистского арсенала»¹². Создавалось впечатление, что Сталин в той или иной мере подпал под влияние антиеврейского нацистского опыта, что так или иначе отразилось на формировании соответствующего курса в Советском Союзе.

Внешнеполитический фактор и в дальнейшем оказывал немалое влияние на отношение советского руководства к собственным гражданам еврейского происхождения. Скажем, начав было в годы Второй мировой войны антиеврейскую чистку в учреждениях культуры и других творческих организациях, советские верхи вскоре пошли на попятную, в том числе и из-за опасения Сталина быть обвиненным западными демократическими союзниками в тайном заимствовании у Гитлера элементов антисемитской политики. Влияние извне ощущалось и потом, в начале холодной войны, когда возникло Государство Израиль. Это событие вызвало у советских евреев мощный подъем национального самосознания. Именно тогда запущенному ранее процессу административной ассимиляции было придано сверху силовое ускорение, и он приобрел форсированный, сопряженный с

массовыми репрессиями характер. Сталину, очевидно, пришлось пережить в то время настоящий шок, и к концу 40-х годов престарелый и страдавший от многочисленных хронических недугов диктатор окончательно превратился в патологического юдофоба, которому повсюду стали мерещиться происки и заговоры сионистов. Особенно наглядно это проявилось в «деле врачей» 1953 года, когда из-за неадекватных действий Сталина возникла реальная угроза перехода государственного антисемитизма в агрессивную открытую форму, что было чревато, в свою очередь, разрушением фундаментальных основ многонационального государства и наступлением социального хаоса. Резонность такого суждения, кажущегося на первый взгляд несколько утрированным, подкрепляется тем соображением, что серьезность сложившейся ситуации осознал незадолго до своей смерти сам виновник ее возникновения — Сталин, который вынужден был пойти на попятную, свернув агрессивную пропаганду, имевшую антисемитскую подоплеку. Тем самым устранялась потенциальная возможность осуществления властями не только крупной антиеврейской акции, но и очередной радикальной номенклатурной чистки, как бы обеспечивающей «энергетическую» подпитку сталинского режима единовластия, в социально-политической природе которого «генетически» была заложена эта жизненно важная для него периодическая потребность. Поэтому все разговоры о том, что страна погружалась в кровавую пучину нового 1937 года и стояла чуть ли не на пороге Армагеддона, не имеют под собой сколько-нибудь веских научных оснований.

Можно сказать, что Сталин умер вовремя, ибо в ядерный век его единоличная диктатура превратилась в анахронизм. Наследовавшая власть бюрократия, не желая более быть уподобленной податливой глине в железных руках диктатора-демиурга и ратуя в душе за режим номенклатурной олигархии, провозгласила лозунг коллективности руководства, которому в общем-то и следовала вплоть до крушения коммунизма и распада СССР. Но и это правление несло на себе кайнову печать государственного антисемитизма, хотя он и был водворен в узкие рамки строго регламентированной негласной политики, не позволявшей провоцировать такие крупномасштабные пропагандистские и полицейско-репрессивные акции, которые имели место в недалеком прошлом (борьба с «космополитами», «дело ЕАК», «дело врачей»). К тому же, новое советское руководство приняло кардинальные меры к укрощению подпитывавшего антисемитизм великорусского шовинизма и в связи с этим отказалось от национально-государственной доктрины «старшего брата», заменив ее суловско-брежневской редакцией концепции советского народа, рассматриваемого теперь в качестве «новой исторической, социальной и интернациональной общности людей», возникшей на основе «юридического и фактического равенства всех наций и народностей

СССР». Тем самым по государственному антисемитизму был нанесен ощутимый, хотя и не смертельный удар. Если в последние годы правления Сталина эта политика была чем-то сродни разгоравшемуся пламени, то при Хрущеве и Брежневе, когда ее в значительной мере «притушили», она, подобно незримому торфяному пожару, лишь чадила и тлела. Располагая в «застойный» период ограниченными внутренними ресурсами самовоспроизводства, официальный антисемитизм как никогда ранее был взаимосвязан в эти годы с ходом внешнеполитического процесса, особенно на Ближнем Востоке и потому чаще всего рядился в тогу антисиионизма.

В отличие от госантисемитизма, другое наследие Сталина — политика «коренизации кадров» в национальных республиках продолжала усиливаться и после его смерти, что не могло не стимулировать на окраинах империи центробежные тенденции, обусловивших в конечном счете развал многонационального коммунистического государства. Случилось это в начале 90-х. Тогда канула в Лету держава, которая хоть и занимала отведенную ей историей естественную геополитическую нишу, но в отсутствие сильного лидера и фактически лишившись из-за слабости центра административно-военной и идеологической скреп (те, собственно, и обеспечивали по преимуществу ее целостность), утратила жизнеспособность. Другими словами, крах Советского Союза произошел потому, что он представлял собой, по сути, империю старого типа, которая, будучи созданной авторитарным владыкой, строила свое могущество главным образом на силе штыков и бюрократии. Возможно, поэтому СССР и оказался в проигрыше в навязанном ему соревновании с империей нового типа в лице США, которые, будучи стабильной демократией, сумели ради достижения гегемонии в мире не только постоянно наращивать и обновлять свой военно-промышленный потенциал, но и развернуть глобальную культурно-пропагандистскую и экономикотехнологическую экспансию.

Причем конечное поражение красной империи можно было предсказать еще в самом начале холодной войны, когда на вызов брошенный американцами, этими крестonosцами глобализации мира, Сталин ответил истеричной кампанией борьбы с космополитизмом. Гонения, которым советский вождь подверг тогда евреев, свидетельствовали о том, что он воспринимал этот народ в качестве своеобразного живого фермента, бродильного вещества, закваски, используемой будто бы американцами для получения отвечающего их гегемонистским амбициям «человеческого материала». Возможно, из-за подобных страхов Сталин и посвятил последние годы жизни в основном тому, чтобы максимально изолировать подвластную ему страну от внешнего мира, и прежде всего от Запада. Тем самым как бы попытался отвести ее от того позитивного пути развития в духе европеизации, на который та вступила еще во времена Петра Великого.

Но от исторического прогресса, который зиждется на извечном противоречии между тенденциями глобализации и регионализации, если и можно отгородиться, то только на время, которое, кстати, работает против государства, пораженного ксенофобией. Лишенный полноценных связей с окружающим его миром, оно рано или поздно перестает динамично развиваться, впадает в застой и начинает деградировать. Нечто подобное пережил начиная с 70-х годов и Советский Союз, который так и не сумел преодолеть кризиса, принявшего универсальный характер.

Вместе с гибелью советской империи ушел в прошлое и разедавший ее официальный антисемитизм. На обломках тоталитаризма ныне создается здание новой российской государственности. Возведение этой «новостройки», столкнувшись с массой сложнейших социально-экономических и политических проблем, идет трудно и медленно и не вышло пока из стадии «нулевого цикла». Тем временем заметно ускорившийся к концу XX столетия процесс глобализации мира бросает молодому и неокрепшему государству новое образование вызов. Выдержит ли Россия это испытание? Хочется верить, что да. Ибо в последнее время в России все решительней берут верх обнадеживающие тенденции консолидации власти, правительством В.В. Путина в полной мере осознается важность национально-государственных интересов. Есть надежда, что крупнейшая евразийская держава уже вскоре сможет избавиться от уничижительного определения «черная дыра», данного З. Бжезинским¹³. Думается, что Россия сумеет, по выражению канцлера А.М. Горчакова, «сосредоточиться» и вновь занять подобающее ей место в стремительно изменяющемся мире. И одухотворить такое «сосредоточение» могла бы идея единой российской нации, питаемая животворными соками патриотизма, но не обветшавшего, государственно-бюрократического, а рожденного свободной общенациональной волей. Впрочем, возможно, время, отпущенное историей на реализацию этой идеи, ушло вместе с XIX и XX столетиями. Ведь очевидно, что в новом, XXI веке семимильными шагами пойдет процесс размывания национальных границ и образования общечеловеческой космополитической общности.

Примечания

Введение

- ¹ Мережковский Д.С. Еврейский вопрос как русский // *Тайна Израиля. "Еврейский вопрос" в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX вв.* — СПб.: София, 1993. — С. 303.
- ² Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. — С. 205.
- ³ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М.: МП "Октябрь" — "Советская Россия", 1991. — С. 412.
- ⁴ Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879—1929. История и личность. — М.: Прогресс, 1991. — С. 137.
- ⁵ Конквест Р. Большой террор // *Нева*. — 1989. — № 10. — С. 124.
- ⁶ Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). — М.: Слово, 1992. — С. 44.
- ⁷ Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. — М.: Прогресс—Культура, 1994. — С. 35—36.
- ⁸ См., например: Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // *Вопросы истории*. — 1999. — № 7. — С. 56.
- ⁹ Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — С.198.
- ¹⁰ Кожин В.В. Россия, век XX. 1939—1964. — М.: Алгоритм, 1999. — С. 287.
- ¹¹ Литературная газета. — 1993. — 28 апр.
- ¹² Соколов А.К., Тяжелыникова В.С. Курс советской истории. 1941—1991. — М.: Высшая школа, 1999. — С. 177.

Глава I

- ¹ Сталин И.В. Соч. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1946. — С. 22.
- ² Pinkus V. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. — Cambridge University Press, 1988. — P. 143, 341.
- ³ Такер Р. Указ. соч. — С. 135.
- ⁴ Там же. — С. 137.
- ⁵ Сталин И.В. Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии (записки делегата). Соч. — Т. 2. — М., 1946. — С. 46—77.
- ⁶ Там же. — С. 50—51.
- ⁷ Такер Р. Указ. соч. — С. 134—135.
- ⁸ Сталин И.В. Соч. — Т.2. — С. 50. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 7. — С. 245—246.

⁹ Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. — Москва—Иерусалим: Гешарим, 1993. — Т. 1. — С. 47.

¹⁰ Там же. — С. 49.

¹¹ Там же. — С. 77—78.

¹² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). — Собр. 1. — Т. 23. — № 17006. Собр. 2. — Т. 36. — Отд. 2. — № 37684. Т. 40. — Отд. 2. — № 42264. Гессен Ю.И. Указ. соч. — С. 140—157.

¹³ *Соблазн социализма. Революция в России и евреи* / Сост. А.С. Серебренников. — Париж—Москва: YMCA-PRESS—Русский путь, 1995. — С. 118.

¹⁴ *Еврейская энциклопедия* / Под общ. ред. А. Гаркави и Л. Кацнельсона. Репринт. — М.: Терра, 1991. — Т. 13. — С. 650.

¹⁵ *Соблазн социализма*. — С.122—123. *Еврейская энциклопедия*. — Т. 12. — С. 615. *Энциклопедический словарь* / Брокгауз и Ефрон. Репринт. — М.: Терра, 1991. — Т. 20. — С. 530.

¹⁶ ПСЗ РИ. — Собр. 3. — Т. 2. — № 834. Т. 9. — № 6331. Розенталь И. Москва начала XX века: евреи, власть, общество // *Вестник Еврейского университета в Москве*. — 1999. — № 1 (19). — С. 99.

¹⁷ *Большая советская энциклопедия (БСЭ)*. Изд. 1. — М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. — Т. 24. — С. 74.

¹⁸ *Народы России. Энциклопедия*. — М.: БРЭ, 1994. — Т. 1. — С. 155. Рууд Ч., Степанов С.А. Политический сыск при царях. — М.: Мысль, 1993. — С. 275.

¹⁹ РГАСПИ*. — Ф. 588. — Оп. 2. — Д. 136. — Л. 15—16.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). — М.: Политиздат, 1983. — Т.1. — С. 13.

²¹ *Второй съезд РСДРП (протоколы)*. — М.: Госполитиздат, 1959. — С. 320.

²² КПСС в резолюциях... — Т.1. — С. 80—81.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.8. — С. 74.

²⁴ Там же. — Т. 30. — С. 324.

²⁵ Там же. — Т. 8. — С. 74.

²⁶ БСЭ. — Изд. 1. — Т. 24. — С. 146.

²⁷ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). — М., 1992. — С.57. Рууд Ч., Степанов С.А. Указ. соч. — С. 299.

²⁸ *Независимая газета*. — 2001. — 27 февр.

²⁹ *Евреи и русская революция. Материалы и исследования* / Ред.-сост. О.В. Будницкий. — М. — Иерусалим: Гешарим, 1999. — С. 11. Апаньич Б. В. Россия и международный капитал. — Л., 1970. — С. 199.

³⁰ Степанов С.А. Указ. соч. — С. 28.

³¹ Пайпс Р. Россия при большевиках. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 311.

³² Рууд Ч., Степанов С.А. Указ. соч. — С. 262.

³³ *Наше отечество. Опыт политической истории*. — Т.1. — М.: Терра, 1991. — С. 247.

³⁴ КПСС в резолюциях... — Т.1. — С. 204—205.

³⁵ Там же. — С. 387.

³⁶ Рууд Ч., Степанов С.А. Указ. соч. — С. 236.

³⁷ Сталин И.В. Соч. — Т. 1. — С. 40.

³⁸ Там же. — С. 56.

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 48. — С. 162.

⁴⁰ Джилас М. Лицо тоталитаризма. — М.: Новости, 1992. — С. 112.

* Российский государственный архив социально-политической истории.

- ⁴¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 48. — С. 169.
⁴² См.: Каутский К. Национальность нашего времени. — СПб., 1903.
⁴³ Сталин И.В. Соч. — Т. 2. — С. 304.
⁴⁴ Там же. — Т. 11. — С. 334.
⁴⁵ Там же. — Т. 2. — С. 333.
⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. — С. 393—408.
⁴⁷ Сталин И.В. Соч. — Т. 4. — С. 165.
⁴⁸ Там же. — Т. 2. — С. 361—363.
⁴⁹ Там же. — С. 336.
⁵⁰ Там же. — С. 292.
⁵¹ КПСС в резолюциях... — Т. 1. — С. 446—447.
⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 123.
⁵³ Там же. — С. 123, 129.
⁵⁴ БСЭ. Изд. 1. — Т. 24. — С. 82.
⁵⁵ Пайпс Р. Указ. соч. — С. 123.
⁵⁶ Рафес М.Г. Очерки по истории Бунда. — М.: Московский рабочий, 1923. — С. 406, 440.
⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 64.
⁵⁸ Кац А.С. Евреи, христианство, Россия. — СПб.: Новый Геликон, 1997. — С. 234—235.
⁵⁹ Евреи и русская революция. — С. 13. Правда. — 1917. — 25 марта.
⁶⁰ Правда. — 1917. — 25 марта.
⁶¹ Сталин И.В. Соч. — Т. 3. — С. 55.
⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 255.
⁶³ Там же. — Т. 31. — С. 167.
⁶⁴ Там же. — С. 435.
⁶⁵ Сталин И.В. Соч. — Т. 3. — С. 52.
⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 439.
⁶⁷ Там же. — Т. 32. — С. 286.
⁶⁸ Декреты Советской власти. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1957. — С. 341, 350—351.
⁶⁹ Там же. — С. 39—40.
⁷⁰ Сталин И. В. Соч. — Т. 4. — С. 32.
⁷¹ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. — М.: Госполитиздат, 1959. — С. 423.
Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 158, 161, 162, 183—184.
⁷² Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. — С. 425.
⁷³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 201. — Л. 5. Правда. — 1988. — 26 февр.
⁷⁴ Сталин И. В. Соч. — Т. 5. — С. 71.
⁷⁵ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 9. — С. 192—193.
⁷⁶ Там же. — С. 199.
⁷⁷ Устрялов Н.В. Patriotika // Смена вех. В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. — М.: Русская книга, 1992. — С. 267, 269.
⁷⁸ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 9. — С. 198—199.
⁷⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 520.
⁸⁰ Там же. — Т. 45. — С. 362.
⁸¹ Там же. — С. 212.
⁸² Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 9. — С. 209.
⁸³ Там же. — С. 208. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 693. — Л. 92—
101. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 214.

- ⁸⁴ Сталин И.В. Соч. — Т. 5. — С. 158.
⁸⁵ Там же. — С. 244, 245, 248—249.
⁸⁶ Там же. — С. 265.
⁸⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. — М.: Политиздат, 1968. — С. 696.
⁸⁸ РГАСПИ. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 113. — Л. 5.
⁸⁹ Вестник Еврейского университета в Москве. — 1994. — № 2 (6). — С. 38.
⁹⁰ Там же.
⁹¹ РГАСПИ. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 113. — Л. 6.
⁹² XV съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. — М. — Л.: Госиздат, 1928. — С. 399—400. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 85. — Д. 365. — Л. 46, 54.
⁹³ Декреты Советской власти. — Т. 1. — С. 16, 40.
⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 242—243. Декреты Советской власти. — М., 1971. — Т. 5. — С. 525. Луначарский А.В. Об антисемитизме. — М. — Л.: Госиздат, 1929. — С. 38.
⁹⁵ БСЭ. Изд. 1. — Т. 24. — С. 85.
⁹⁶ Pinkus V. Op. cit. — P. 62—63.
⁹⁷ Розенталь И. Москва начала XX века: евреи, власть, общество // Вестник Еврейского университета в Москве. — 1999. — № 1 (19). — С. 114.
Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. — М. — Л., 1929. — С. 60.
⁹⁸ Российская газета. — 1994. — 27 февр.
⁹⁹ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917—1920 гг. — М., 1998. — С. 94. Ларин Ю. Указ. соч. — С. 109.
¹⁰⁰ Ларин Ю. Указ. соч. — С. 111. БСЭ. Изд. 1. — Т. 24. — С. 98.
¹⁰¹ Десятый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. — Пг.: Гос. изд-во, 1921. — С. 5. Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. — М.: Изд. отделение ЦК РКП(б), 1922. — С. 552. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. — С. 347. Pinkus V. Op. cit. — P. 77—79. РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 131. — Л. 15. Ларин Ю. Указ. соч. — С. 115. Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 7. — С. 73. Евреи и русская революция. — С. 307.
¹⁰² Соблазн социализма. — С. 447.
¹⁰³ Троцкий Л.Д. Преступления Сталина / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. — М.: Изд. гуманитарной литературы, 1994. — С. 217.
¹⁰⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 2. — Л. 1. Троцкий Л.Д. Сталин. — Т. 2. — М.: Терра, 1990. — С. 39.
¹⁰⁵ РГАСПИ. — Ф. 89. — Оп. 11. — Д. 16. — Л. 1—6.
¹⁰⁶ Соблазн социализма. — С. 483—484.
¹⁰⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 38. — Л. 3.
¹⁰⁸ 30 Zionist Landmarks: Thirty Documents from the Central Zionist Archives. — Jerusalem, 1978. — P. 57.
¹⁰⁹ РГАСПИ. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 11800.
¹¹⁰ Там же. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 6—8.
¹¹¹ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 12 (приложение). — С. 112—113.
¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 425, 712.
¹¹³ РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 51. Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 78. — Л. 1. Д. 94. — Л. 3.
¹¹⁴ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 196. Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 2. — С. 219—220.
¹¹⁵ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 2. — Д. 136. — Л. 29, 30.

- ¹¹⁶ ГА РФ* — Ф. 1318. — Оп. 1. — Д. 570. — Л. 1169.
¹¹⁷ РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 145.
¹¹⁸ Известия. — 1919. — 19 июня. РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 87. Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 86. — Л. 69.
¹¹⁹ Там же. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 86. — Л. 105.
¹²⁰ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 45.
¹²¹ Там же. — Д. 119. — Л. 176.
¹²² Там же. — Д. 179. — Л. 22.
¹²³ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 75. — Л. 3.
¹²⁴ Вестник Еврейского университета в Москве. — 1995. — № 1 (18). — С. 140.
¹²⁵ РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 13—13об.
¹²⁶ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. — М., 1933. — С. 129. РГАСПИ. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 86. — Л. 63.
¹²⁷ РГАСПИ. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 86. — Л. 69, 70.
¹²⁸ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 154, 156.
¹²⁹ Там же. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 86. — Л. 78. Д. 65. — Л. 272. Знамя. — 1995. — № 12. — С. 180.
¹³⁰ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 10. — С. 75—88.
¹³¹ РГАСПИ. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 86. — Л. 67. Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 30, 127.
¹³² Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 155.
¹³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 53. — С. 142, 158.
¹³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 396. РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 68. Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 239. — Л. 1. Д. 256. — Л. 2—3. Д. 296. — Л. 15.
¹³⁵ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 165.
¹³⁶ Вестник Еврейского университета в Москве. — 1994. — № 2(6). — С. 40—41.
¹³⁷ РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 167. — Л. 2—10.
¹³⁸ Там же. — Ф. 76. — Оп. 3. — Д. 326. — Л. 2, 4, 5.
¹³⁹ Там же. — Л. 1.
¹⁴⁰ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 143. — Л. 176—178.
¹⁴¹ Измоздик В. Переписка через ГПУ... // Родина. — 1994. — № 9. — С. 82.
¹⁴² РГАСПИ. — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 38. Русский еврей. — 1998. — Зима. — С. 35.
¹⁴³ Там же. — Ф. 76. — Оп. 3. — Д. 326. — Л. 5.
¹⁴⁴ Там же. — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 32—37, 45—45об.
¹⁴⁵ Там же. — Л. 60—61. Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 85. — Л. 17.
¹⁴⁶ Там же. — Ф. 17. — Оп. 85. — Д. 78. — Л. 18.
¹⁴⁷ Там же. — Оп. 3. — Д. 345. — Л. 1, 5—7. Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 86. — Л. 48.
¹⁴⁸ Там же. — Оп. 85. — Д. 78. — Л. 19—22 об., 62—67, 78.
¹⁴⁹ Там же. — Оп. 60. — Д. 832. — Л. 99—100.
¹⁵⁰ Там же. — Оп. 85. — Д. 78. — Л. 25—43.
¹⁵¹ Там же. — Л. 19—22 об., 43.
¹⁵² Там же. — Оп. 162. — Д. 6. — Л. 93.

* Государственный архив Российской Федерации.

- ¹⁵³ Там же. — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 75—78 об.
¹⁵⁴ Там же. — Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 840. — Л. 12, 158—158 об., 162—164.
¹⁵⁵ Там же. — Ф. 89. — Оп. 4. — Д. 36. — Л. 3.
¹⁵⁶ Там же. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 899. — Л. 133—134.
¹⁵⁷ Там же. — Оп. 162. — Д. 11. — Л. 44.
¹⁵⁸ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенограф. отчет. — М.: Гос. изд-во "Художественная литература", 1934. — С. 167.
¹⁵⁹ Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. — М. — Иерусалим: Гешарим, 1993. — Т. 2. — С. 82.
¹⁶⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 832. — Л. 27.
¹⁶¹ Ларин Ю. Указ. соч. — С. 63. Пайпс Р. Указ. соч. — С. 124.
¹⁶² Zinger B., Belenkaja L. Stages in the Formation of Policy on the Jewish Question in the Communist party of the Soviet Union // SHVUT, Studies in Russian and East European Jewish History and Culture / Ed. V. Pinkus. — Israel, 1996. — № 3 (19). — P. 112—146.
¹⁶³ Ibid. — P. 131.
¹⁶⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 89. — Л. 3.
¹⁶⁵ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 208.
¹⁶⁶ Там же. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1308. — Л. 2.
¹⁶⁷ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 347. — Л. 3. Исторический архив. — 1993. — № 6. — С. 91.
¹⁶⁸ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 215.
¹⁶⁹ Шварц С.М. Указ. соч. — С. 58. ГАРФ. Каталог выставки "История евреев СССР в документах Государственного архива Российской Федерации". — Иерусалим, 1993. — С. 27—28. Zinger B., Belenkaja L. Op. cit. — P. 135.
¹⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 373. Ленин В.И. Биографическая хроника. — Т. 12. — М.: Политиздат, 1982. — С. 149.
¹⁷¹ Mintz M. The Birobidzhan Idea: When Was It First Proposed? // Jews in Eastern Europe. — 1995. — № 1(26). — P. 5—10.
¹⁷² РГАСПИ. — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 7.
¹⁷³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 52. — С. 80—81. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 759. — Л. 107 об., 152—153, 158.
¹⁷⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 193. — Л. 188—189.
¹⁷⁵ Там же. — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 4.
¹⁷⁶ Там же. — Л. 5.
¹⁷⁷ Исторический архив. — 1997. — № 2. — С. 166. Гессен Ю. Указ. соч. — С. 98. Аманжолова Д.А. "Горячо живу и чувствую...". Петр Гермогенович Смидович. Опыт исторического портрета. — М., 1998. — С. 257, 258.
¹⁷⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 751. — Л. 97 об.
¹⁷⁹ Там же. — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 15.
¹⁸⁰ Там же. — Л. 26—27.
¹⁸¹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 751. — Л. 28—31. Ф. 76. — Оп. 3. — Д. 306. — Л. 5.
¹⁸² Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 92. — Л. 7. Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 552. — Л. 5.
¹⁸³ Там же. — Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 193. — Л. 189.
¹⁸⁴ Там же. — Оп. 3. — Д. 573. — Л. 4.
¹⁸⁵ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 82. — Л. 47.

¹⁸⁶ Там же. — Л. 1—3, 61—61об. Первый Всесоюзный съезд ОЗЕТ в Москве. 15—20 нояб. 1926 г. Стенограф. отчет. — М., 1927. — С. 67—68.

¹⁸⁷ РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 82. — Л. 64.

¹⁸⁸ Там же. — Д. 86. — Л. 28, 143.

¹⁸⁹ БСЭ. Изд. 1. — Т. 24. — С. 55. РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 86. — Л. 143.

¹⁹⁰ Там же. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1308. — Л. 42—43 об.

¹⁹¹ Сталин И.В. — Соч. — Т. 11. — С. 297.

¹⁹² РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 82. — Л. 7.

¹⁹³ Первый Всесоюзный съезд ОЗЕТ в Москве. — С. 65. Ленинградский еврейский альманах. — 1987. — Вып. 14. — С. 37. Известия. — 1926. — 16 нояб. Против антисемитизма. Сб. статей. — М.: Жизнь и знание, 1930. — С. 123.

¹⁹⁴ Ларин Ю. — Указ. соч. — С. 97—99, 111, 121.

¹⁹⁵ Аманжолова Д.А. — Указ. соч. — С. 273, 276. Евреи и русская революция. — С. 297.

¹⁹⁶ Родина. — 1994. — № 9. — С. 79.

¹⁹⁷ РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 131. — Л. 6.

¹⁹⁸ Троцкий Л.Д. Преступления Сталина. — М., 1994. — С. 220. Его же. Моя жизнь. Опыт автобиографии. — Т. 2. — М., 1990. — С. 86.

¹⁹⁹ Троцкий Л.Д. Преступления Сталина. — С. 220—221.

²⁰⁰ Роговин В.З. 1937. — М., 1996. — С. 155.

²⁰¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. — Т. 2. — С. 247, 255.

²⁰² Валентинов Н.В. Наследники Ленина. — М., 1991. — С. 210.

²⁰³ Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории. — 1991. — № 11. — С. 59.

²⁰⁴ РГАСПИ. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 9685. — Л. 1—20.

²⁰⁵ Валентинов Н.В. Указ. соч. — С. 220.

²⁰⁶ Сталин И.В. Соч. — Т. 12. — С. 299.

²⁰⁷ Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. / Ред.-сост. В.А. Козлов, С.М. Завьялов. — М.: Историческое наследие, 1993. — С. 333, 337.

²⁰⁸ Сталин И.В. Соч. — Т. 10. — С. 324. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. — С. 399—401.

²⁰⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 832. — Л. 25—27, 108—111.

²¹⁰ Там же. — Ф. 89. — Оп. 9. — Д. 184. — Л. 1—2.

²¹¹ Правда. — 1928. — 5 мая; 1929. — 26 сент. Шварц С.М. Указ. соч. — С. 81—82. Еврейская газета. — 1996. — № 11.

²¹² Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. — 1994. — № 12. — С. 64—78. РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 82. — Л. 60.

²¹³ Собрание законов и распоряжений Правительства СССР. — 1927. — № 12. Уголовный кодекс РСФСР. — М.: Изд. Наркомюста, 1938. — С. 138. Неизвестная Россия. — Кн. 3. — С. 346—351. Куняев С.Ю., Куняев С.С. Сергей Есенин. — М.: Молодая гвардия, 1997. — С. 498—506.

²¹⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 733. — Л. 7.

²¹⁵ Там же. — Оп. 162. — Д. 8. — Л. 120. Русский еврей. — 1998. — Зима. — С. 26—27.

²¹⁶ Штурман Д. Они — ведали // Новый мир. — 1992. — № 4. — С. 239—250.

²¹⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 281. — Л. 16—17.

²¹⁸ Там же. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 86. — Л. 11—13.

²¹⁹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 212. — Л. 153—153 об.

²²⁰ Там же. — Л. 149, 157—162, 167.

²²¹ Там же. — Л. 145, 185—186.

²²² Там же. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 759. — Л. 172.

²²³ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 868. — Л. 4. Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Иерусалим, 1996. — С. 297. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. — М.: Наука, 1992. — С. 67.

²²⁴ РГАСПИ. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 162. — Л. 118. Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 868. — Л. 80—83.

²²⁵ Сталин И.В. Соч. — Т. 11. — С. 347.

²²⁶ Pinkus V. Op. cit. — P. 60.

²²⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 267. — Л. 2, 13—124.

²²⁸ Там же. — Оп. 3. — Д. 771. — Л. 4.

²²⁹ Там же. — Оп. 114. — Д. 212. — Л. 153.

²³⁰ Там же. — Оп. 3. — Д. 827. — Л. 5. Еврейская газета. — 1993. — № 5.

²³¹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 944. — Л. 41. Оп. 114. — Д. 686. — Л. 80.

²³² Pinkus V. Op. cit. — P. 75. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 980. — Л. 32. Правда. — 1936. — 18 февр.

²³³ РГАСПИ. — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 90—92.

²³⁴ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 971. — Л. 22, 107—108. Оп. 162. — Д. 18. — Л. 19.

²³⁵ Там же. — Оп. 162. — Д. 18. — Л. 125.

²³⁶ Там же. — Оп. 120. — Д. 239. — Л. 16—17.

²³⁷ Там же. — Оп. 3. — Д. 980. — Л. 66. Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 1452. — Л. 11—13.

²³⁸ Там же. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 3049. — Л. 396—398. Вайсерман Д. Как это было? — Биробиджан, 1993. — С. 225.

²³⁹ Pinkus V. Op. cit. — P. 75. Всесоюзная перепись населения 1939 года. — С. 61. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 16. — Л. 190—196. Д. 86. — Л. 180—193. Оп. 162. — Д. 22. — Л. 77. Источник. — 1997. — № 6. — С. 94.

²⁴⁰ Известия. — 1936. — 26 окт.

²⁴¹ Там же. — 25 янв.

²⁴² Сталин И.В. Соч. — Т. 11. — С. 171.

²⁴³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 833. — Л. 252. Д. 635. — Л. 13.

²⁴⁴ Новое время. — 1995. — № 1. — С. 37.

²⁴⁵ РГАСПИ. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 16464. — Л. 1—3.

²⁴⁶ Там же. — Д. 317. — Л. 1—56.

²⁴⁷ Там же. — Д. 10210. — Л. 35—43.

²⁴⁸ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1001. — Л. 7.

²⁴⁹ Там же. — Д. 999. — Л. 26. Оп. 88. — Д. 537. — Л. 116—118.

²⁵⁰ Там же. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1308. — Л. 42—43 об., 46—47. Барковец А.И. Об основных этапах деятельности “Агро-Джойнта” в СССР // Вестник еврейского университета в Москве. — 1996. — № 2 (12). — С. 141.

²⁵¹ Декреты Советской власти. — Т. 1. — С. 40.

²⁵² Ларин Ю. Указ. соч. — С. 56. Pinkus V. Op. cit. — P. 136. Всесоюзная перепись населения 1939 года. — С. 80.

²⁵³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 85. — Д. 365. — Л. 65.

²⁵⁴ Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. — Jerusalem, 1998. — P. 26, 27. Данные НИЦП “Мемориал”.

- ²⁵⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 829. — Л. 119. Оп. 3. — Д. 1006. — Л. 39.
- ²⁵⁶ Там же. — Оп. 114. — Д. 829. — Л. 122.
- ²⁵⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 829. — Л. 132.
- ²⁵⁸ Там же. — Д. 633. — Л. 2—6. Д. 637. — Л. 45—46. Д. 844. — Л. 170.
- Pinkus V. Op. cit. — P. 109.
- ²⁵⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 651. — Л. 3. Д. 857. — Л. 142. Д. 877. — Л. 115.
- ²⁶⁰ О ликвидации еврейских академических учреждений в Белоруссии см.: Герасимова И. К истории Инбелкульта и Еврейского сектора Белорусской академии наук в 20—30 гг. // Вестник Еврейского университета в Москве. — 1996. — № 2 (12). — С. 144—167.
- ²⁶¹ Там же. — Д. 819. — Л. 180—220.
- ²⁶² Известия. — 1936. — 9 и 14 окт. Советское искусство. — 1939. — 14 февр.
- Гейзер М.М. Соломон Михоэлс. — М.: Прометей, 1990. — С. 139—141.
- ²⁶³ РГАСПИ. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 5269. — Л. 1—20.
- ²⁶⁴ Там же. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 880. — Л. 83. Оп. 117. — Д. 66. — Л. 137.
- ²⁶⁵ Советское искусство. — 1938. — 10 марта.
- ²⁶⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 75. — Л. 19—20.

Глава II

- ¹ См., например: Сталин И.В. Соч. — Т. 6. — С. 370—399.
- ² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. — Т. 1. — С. 311. Его же. Коммунистический Интернационал после Ленина. — М., 1993. — С. 116.
- ³ Устрялов Н.В. Указ. соч. — С. 268. Валентинов Н.В. Указ. соч. — С. 144—145.
- ⁴ Валентинов Н.В. Указ. соч. — С. 144—145.
- ⁵ Троцкий Л.Д. Сталин. — Т. 2. — С. 244—245.
- ⁶ Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — С. 39.
- ⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 9. — Л. 54.
- ⁸ Сталин И.В. Соч. — Т. 10. — С. 68.
- ⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 16. — С. 451.
- ¹⁰ Сталин И.В. Соч. — Т. 6. — С. 399. Т. 11. — С. 152.
- ¹¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. — Т. 2. — С. 276. Его же. Сталин. — Т. 2. — С. 181. Федотов Г.П. Тяжба по России. — Т.3. — Париж: YMCA PRESS, 1982. — С. 182.
- ¹² Сталин И.В. Соч. — Т. 12. — С. 175. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. — М.: Правда, 1990. — С. 310.
- ¹³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 766. — Л. 7, 15.
- ¹⁴ Народное просвещение. — 1927. — № 10. — С. 176.
- ¹⁵ Историческая наука и борьба классов: исторические очерки, критические статьи, заметки. Вып. 2. — М. — Л., 1933. — С. 344.
- ¹⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 121. — Д. 289. — Л. 115.
- ¹⁷ Правда. — 1937. — 29 марта.
- ¹⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 998. — Л. 56. Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 807. — Л. 1. Вопросы истории. — 1989. — № 5. — С. 117—129.

- ¹⁹ Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — С. 39.
- ²⁰ Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — С. 105, 113, 119. Трояновский О.А. Через годы и расстояния (история одной семьи). — М.: Вагриус, 1997. — С. 151.
- ²¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. — М.: Правда, 1980. — С. 553.
- ²² Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. — М.: Родина, 1993. — С. 177.
- ²³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 944. — Л. 4.
- ²⁴ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. — Т. 1. — М.: МП "Рарог", 1992. — С. 157.
- ²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 345.
- ²⁶ Известия. — 1936. — 27 янв.
- ²⁷ Там же. — 21 янв. Правда. — 1936. — 10 февр. РГАСПИ. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 125. Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 190.
- ²⁸ Известия. — 1936. — 23 нояб.
- ²⁹ Сталин И.В. Соч. — Т.13. — С. 24. Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. — М.: Наука, 1991. — С.162—163. Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — С. 25.
- ³⁰ Правда. — 1936. — 14 нояб. Известия. — 1936. — 15, 18 нояб.
- ³¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 863. — Л. 5.
- ³² Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — С. 98—102. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 865. — Л. 4. Оп. 114. — Д. 277. — Л. 15.
- ³³ Маньковская И., Шарапов Ю. Культ личности и историко-партийная наука // Страницы истории КПСС. Факты, проблемы, уроки. — М.: Высшая школа, 1988. — С. 516, 517.
- ³⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 867. — Л. 5.
- ³⁵ Там же. — Оп. 114. — Д. 330. — Л. 12—13.
- ³⁶ Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М.: Политиздат, 1991. — С. 246—247. Вопросы истории. — 1995. — № 1. — С. 3—22.
- ³⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 766. — Л. 11.
- ³⁸ Там же. — Д. 477. — Л. 2. Бажанов Б. Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — М., 1990. — С. 82.
- ³⁹ Там же. — Д. 786. — Л. 12. Д. 790. — Л. 16.
- ⁴⁰ Бажанов Б.Г. Указ. соч. — С. 180.
- ⁴¹ Там же. — Оп. 3. — Д. 816. — Л. 21—23.
- ⁴² Правда. — 1930. — 7 июня. Колосков В.Н. Очерк истории марксистско-ленинской философии в СССР (30-е годы). — М.: Наука, 1978. — С. 22—24. Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. — М.: Спектр, 1992. — С. 101. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 811. — Л. 5, 21. Правда. — 1931. — 26 янв.
- ⁴³ Троцкий Л.Д. Сталин. — Т.2. — С. 212.
- ⁴⁴ Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. — М.: АИРО - XX, 1995. — С. 141—142. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 941. — Л. 14.
- ⁴⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 669. — Л. 143.
- ⁴⁶ Там же. — Д. 581. — Л. 16. Оп. 3. — Д. 941. — Л. 14. Сталинское политбюро в 30-е годы. — С. 141.
- ⁴⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 963. — Л. 2—3.
- ⁴⁸ Там же. — Ф. 88. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 3.
- ⁴⁹ Там же. — Д. 1045. — Л. 1—6.

- ⁵⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. И. Чуева. — М.: Терра, 1991. — С. 55. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1002. — Л. 29. Д. 1004. — Л. 2, 3. Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 657. — Л. 17—28.
- ⁵¹ Вопросы истории. — 1993. — № 2. — С. 5.
- ⁵² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1002. — Л. 29. Д. 1004. — Л. 2, 3.
- ⁵³ Там же. — Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 7—12. Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 58. — Л. 131—132.
- ⁵⁴ Там же. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 3218. — Л. 2.
- ⁵⁵ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 955. — Л. 42.
- ⁵⁶ Правда. — 1936. — 12 апр.
- ⁵⁷ Там же. — 26 нояб.
- ⁵⁸ Там же. — 1945. — 25 мая.
- ⁵⁹ Цит. по: Степанов С.А. Указ. соч. — С. 20—21.
- ⁶⁰ Правда. — 1936. — 26 нояб.
- ⁶¹ Федотов Г.П. Тяжба о России // Дружба народов. — 1990. — № 4. — С. 229.
- ⁶² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 751. — Л. 38.
- ⁶³ Там же. — Л. 38—47.
- ⁶⁴ Там же. — Оп. 3. — Д. 989. — Л. 20. Оп. 114. — Д. 751. — Л. 47. Известия. — 1936. — 21 янв.
- ⁶⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 629. — Л. 3. Д. 984. — Л. 113, 114. Оп. 116. — Д. 23. — Л. 15. Оп. 3. — Д. 1011. — Л. 1. Д. 1017. — Л. 10. Д. 1028. — Л. 75. Оп. 117. — Д. 255. — Л. 157.
- ⁶⁶ Там же. — Оп. 114. — Д. 821. — Л. 15.
- ⁶⁷ Там же. — Оп. 3. — Д. 978. — Л. 2. КПСС в резолюциях и решениях... — Т. 6. — М., 1985. — С. 364—366.
- ⁶⁸ Там же. — Оп. 3. — Д. 993. — Л. 78. Оп. 114. — Д. 824. — Л. 229, 231—239. Д. 864. — Л. 263—264. Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. — М.: Прогресс, 1990. — С. 391.
- ⁶⁹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 639. — Л. 6. Д. 833. — Л. 22, 26—29.
- ⁷⁰ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С. 179.
- ⁷¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 863. — Л. 170—175.
- ⁷² «Литературный фронт». История политической цензуры 1932—1946 гг. Сборник документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. — М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. — С. 34—35.
- ⁷³ Валентинов Н.В. — Указ. соч. — С. 224.
- ⁷⁴ Отечественные архивы. — 1992. — № 4. — С. 76—83.
- ⁷⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 633. — Л. 4—5. Д. 829. — Л. 135—136.
- ⁷⁶ Там же. — Оп. 3. — Д. 997. — Л. 17, 95—96. Оп. 117. — Д. 125. — Л. 41, 47—74.
- ⁷⁷ Там же. — Оп. 3. — Д. 1027. — Л. 26—27.
- ⁷⁸ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, большевика-коммуниста, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. — М.: Вагриус, 1996. — С. 377.
- ⁷⁹ Сталин И.В. Соч. — Т. 8. — С. 149—154. Вопросы истории. — 1990. — № 12. — С. 64.
- ⁸⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 85. — Д. 4. — Л. 8. XV съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. — С. 703—707.

- ⁸¹ Там же. — Оп. 3. — Д. 688. — Л. 3. Д. 804. — Л. 11. Каганович Л.М. Указ. соч. — С. 394—395.
- ⁸² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 11. — Л. 161.
- ⁸³ Там же. — Оп. 3. — Д. 911. — Л. 42—44.
- ⁸⁴ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 9. — С. 80.
- ⁸⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 917. — Л. 7—8. Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917—1991. — М.: Вагриус, 1994. — С. 256.
- ⁸⁶ Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — С. 361.
- ⁸⁷ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 9. — С. 82.
- ⁸⁸ Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и рейхсвер: тайное сотрудничество, 1922—1933. Неизвестные документы / Сост. Ю.Л. Дьяков и Т.С. Бушуева. — М.: Советская Россия, 1992. — С. 302.
- ⁸⁹ Сталин И.В. Соч. — Т.13. — С. 115.
- ⁹⁰ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 185. — Л. 110, 111.
- ⁹¹ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 160—172. № 2. — С. 211—212.
- ⁹² Гитлер А. Моя борьба / Пер. с нем. — М.: Т—Око, 1992. — С. 254—256, 273.
- ⁹³ Сталин И.В. — Соч. — Т. 13. — С. 28.
- ⁹⁴ Правда. — 1936. — 30 нояб.
- ⁹⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 772. — Л. 225—235. Д. 796. — Л. 25.
- ⁹⁶ Вопросы истории. — 1989. — № 6. — С. 57—58. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 801. — Л. 8.
- ⁹⁷ Источник. — 1994. — № 3. — С. 73. Уотт Д.К. Кто против кого устроил заговор? // Вопросы истории. — 1989. — № 6. — С. 56. Goebbels Joseph. Die Tagebücher: Sämtliche Fragmente / Hrsg. von E. Frohlich. — München: Saur Verlag, 1987. — Т. 1. — В. 3. — С. 21.
- ⁹⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 21. — Л. 107, 157. Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 3. — С. 193.
- ⁹⁹ Сталин И.В. Соч. — Т. 6. — С. 217.
- ¹⁰⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 987. — Л. 34.
- ¹⁰¹ Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей // Два взгляда из-за рубежа. — М.: Политиздат, 1990. — С. 216—219.
- ¹⁰² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 980. — Л. 10.
- ¹⁰³ Правда. — 1939. — 11 марта.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — С. 302.
- ¹⁰⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. — Кн. 1. — Т. 1—2. — М.: Воениздат, 1991. — С. 180.
- ¹⁰⁷ Арад И. Холокауст. Катастрофа европейского еврейства (1933—1945). Сборник статей. — Иерусалим: Яд Вашем, 1990. — С. 16.
- ¹⁰⁸ Фест И.К. Гитлер. Биография. — Т. 3. — Пермь: Алетейа, 1993. — С. 129—130. Арад И. Холокауст. — С. 15—16. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. — Т. 1. — М.: Воениздат, 1991. — С. 467—468.
- ¹⁰⁹ Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. — Т.1. — М.: Политиздат, 1990. — С. 123, 180.
- ¹¹⁰ Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации. Сборник документов и материалов / Под ред. И. Арада. — Иерусалим, 1991. — С. 34.
- ¹¹¹ Правда. — 1939. — 18 сент.

- ¹¹² Altshuler M. — Op. cit. — P. 9. См. также: Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Иерусалим, 1996. — С. 298.
- ¹¹³ Правда. — 1939. — 1 нояб.
- ¹¹⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 26. — Л. 76—77.
- ¹¹⁵ Altshuler M. — Op. cit. — P. 9. Год кризиса. 1938—1939. — Т. 1. — С. 172. Арад И. Холокауст. — С. 17.
- ¹¹⁶ Московские новости. — 1991. — 2 июня. — № 22.
- ¹¹⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 30. — Л. 119. Арад И. Холокауст. — С. 18.
- ¹¹⁸ Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. Советские записки. — М.: Прогресс, 1991. — С. 164—165.
- ¹¹⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 26. — Л. 156. Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории. — 1990. — № 7. — С. 95—96.
- ¹²⁰ Там же. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 489. — Л. 1.
- ¹²¹ Неделя. — 1988. — № 26 (1474).
- ¹²² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1016. — Л. 3.
- ¹²³ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — С. 298. Бегин М. В белые ночи. — М.—Иерусалим, 1991. — С. 59. Исторические сборники “Мемориала”. Вып. 1 // Репрессии против поляков и польских граждан. — М.: Звенья, 1997. — С. 88—89. Altshuler M. — Op. cit. — P. 28.
- ¹²⁴ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. — С. 5.
- ¹²⁵ Исторические сборники “Мемориала”. Вып. 1. — С. 129.
- ¹²⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 158. — Л. 102—103, 104. Исторические сборники “Мемориала”. Вып. 1. — С. 130, 132.
- ¹²⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 140. — Л. 160—164.
- ¹²⁸ Там же. — Д. 218. — Л. 111—115. Исторические сборники “Мемориала”. Вып. 1. — С. 66—67.
- ¹²⁹ Правда. — 1940. — 28 марта.
- ¹³⁰ Герасимова И. Указ. соч. — С. 144—167.
- ¹³¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 75. — Л. 22. ЦА ФСБ*. — Следственное дело П.Д. Маркиша. Протокол допроса от 8 авг. 1949 г.
- ¹³² Россия. — 1992. — № 25 (84). — 17—23 июня. Оглашению не подлежит: СССР и Германия. 1939—1941. Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. — М.: Московский рабочий, 1991. — С. 29—31. Джилас М. Указ. соч. — С. 30. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: Вече, 2000. — С. 271.
- ¹³³ Правда. — 1939. — 1 нояб.
- ¹³⁴ Невежин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 годах // Вопросы истории. — 1994. — № 8. — С. 167.
- ¹³⁵ Гейзер М.М. Указ. соч. — С. 153.
- ¹³⁶ Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии “священных боев” 1939—1941 гг. — М.: АИРО — XX, 1997. — С. 124.
- ¹³⁷ Вопросы истории. — 1994. — № 8. — С. 168—169.
- ¹³⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1009. — Л. 18—25. Сто сорок бесед с Молотовым. — С. 274.

* Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

- ¹³⁹ Оглашению не подлежит. — С. 19. Черчилль У. Вторая мировая война. — Кн. 1. — С. 166.
- ¹⁴⁰ Оглашению не подлежит. — С. 20.
- ¹⁴¹ Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. — М., 1986. — С. 99. Год кризиса. 1938—1939. — Т.1. — С. 442.
- ¹⁴² Шварц С.М. Указ. соч. — С. 124—125.
- ¹⁴³ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 456.
- ¹⁴⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. — С. 86.
- ¹⁴⁵ Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. — М.: Отечество, 1992. — С. 99—100.
- ¹⁴⁶ Московские новости. — 1991. — 2 июня. — № 22.
- ¹⁴⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 890. — Л. 204. Д. 893. — Л. 38.
- ¹⁴⁸ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. — Кн. 2. — М.: Новости, 1990. — С. 24—25.
- ¹⁴⁹ ГА РФ. — Ф. 7523. — Оп. 10. — Д. 93. — Л. 1—123. Мандельштам Л.И., Ребров М.С. Итоги выборов в Верховные Советы. — М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1939. — С. 3—56.
- ¹⁵⁰ РГАСПИ. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1592. — Л. 1—7.
- ¹⁵¹ Трояновский О.А. Указ. соч. — С. 78—81. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1015. — Л. 30—31. Д. 1016. — Л. 33.
- ¹⁵² Резолюции XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). — М., 1941. — С. 21. Трояновский О.А. Указ. соч. — С. 136. Сто сорок бесед с Молотовым. — С. 475.
- ¹⁵³ Ключевский В.О. Указ. соч. — С. 303.
- ¹⁵⁴ Сталинское политбюро в 30-е годы. — С. 138.
- ¹⁵⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 696. — Л. 185. Оп. 118. — Д. 206. — Л. 117—152.
- ¹⁵⁶ Правда. — 1937. — 29 марта.
- ¹⁵⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 772. — Л. 240—241. Сталинское политбюро в 30-е годы. — С. 42—44.
- ¹⁵⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 581. — Л. 16. Оп. 3. — Д. 974. — Л. 79.
- ¹⁵⁹ Там же. — Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1—5.
- ¹⁶⁰ Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории. — 1990. — № 4. — С. 78. Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. — М.: НТЦ “Технозос”, 1992. — С. 32.
- ¹⁶¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 987. — Л. 49. Д. 1002. — Л. 21.
- ¹⁶² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917—1960. Сборник документов / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Науч. ред. В.Н. Шостаковский. — М.: МФ “Демократия”, Материк, 2000. — С. 414. Исторические сборники “Мемориала”. Вып. 1. — С. 36—37.
- ¹⁶³ РГАСПИ. — Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 11—12. Правда. — 1938. — 19 янв.
- ¹⁶⁴ Там же. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 36. — Л. 213.
- ¹⁶⁵ Там же. — Оп. 114. — Д. 890. — Л. 68—70.
- ¹⁶⁶ Там же. — Оп. 127. — Д. 478. — Л. 46—46 об. Шварц С.М. Указ. соч. — С. 119—120. Шульгин В.В. Три столицы. Путешествие в красную Россию. — Берлин, 1927. — С. 135—137.

- ¹⁶⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 906. — Л. 156. Оп. 3. — Д. 1004. — Л. 6. Д. 1008. — Л. 24. Д. 1041. — Л. 109. Оп. 163. — Д. 1206. — Л. 45—49. Свободная мысль. — 1997. — № 6. — С. 118. № 7. — С. 111—113. Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917—1960. Справочник. — М.: МФ "Демократия", 1997. — С. 104—107. Кричевский Л.Ю. Евреи в аппарате ВЧК—ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция. — С. 344.
- ¹⁶⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 25. — Л. 15.
- ¹⁶⁹ Там же. — Оп. 114. — Д. 901. — Л. 200.
- ¹⁷⁰ Там же. — Оп. 3. — Д. 1027. — Л. 35. Д. 1041. — Л. 39. Оп. 111. — Д. 899. — Л. 67—70.
- ¹⁷¹ Там же. — Оп. 3. — Д. 1020. — Л. 26. Д. 1047. — Л. 44. Д. 1048. — Л. 21, 72.
- ¹⁷² Там же. — Оп. 117. — Д. 229. — Л. 178—182.
- ¹⁷³ Там же. — Д. 112. — Л. 96, 103—107. Д. 138. — Л. 202. Д. 279. — Л. 2—6.
- ¹⁷⁴ Там же. — Д. 279. — Л. 79—92, 99—100, 103—106, 124—146.
- ¹⁷⁵ Там же. — Оп. 125. — Д. 203. — Л. 58—80. Д. 340. — Л. 61—65.
- ¹⁷⁶ Там же. — Оп. 3. — Д. 1021. — Л. 11.
- ¹⁷⁷ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 3. — С. 199.
- ¹⁷⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 86. — Л. 15.
- ¹⁷⁹ Там же. — Оп. 114. — Д. 219. — Л. 93. Историки спорят. Тринадцать бесед. — М.: Политиздат, 1989. — С. 310—311. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. — С. 129—130, 160, 200, 228.
- ¹⁸⁰ Исторический архив. — 1994. — № 5. — С. 222. 1995. — № 2. — С. 28—30.
- ¹⁸¹ Невежин В.А. Синдром наступательной войны. — С. 190.
- ¹⁸² Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 6. — С. 208. № 7. — С. 211. № 9. — С. 212. № 10. — С. 207.
- ¹⁸³ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. — С. 5—7. Altshuler M. — Op. cit. — P. 9, 16. Шварц С.М. Указ. соч. — С. 238, 253. Die Dimension des Volkermordes / Hrsg. von W. Benz. — München: Oldenburg Verlag, 1991. — S. 560.
- ¹⁸⁴ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. — С. 39.
- ¹⁸⁵ Там же. — С. 40.
- ¹⁸⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 167. — Л. 19—20.
- ¹⁸⁷ Там же. — Д. 175. — Л. 7об.—8.
- ¹⁸⁸ Там же. — Д. 85. — Л. 83—84.
- ¹⁸⁹ Бердяев Н.А. Духи русской революции. — М.—Париж, 1922. — С. 25.
- ¹⁹⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1041. — Л. 26.
- ¹⁹¹ Там же. — Оп. 125. — Д. 35. — Л. 74.
- ¹⁹² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М.: Воениздат. — 1948. — С. 28.
- ¹⁹³ Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1. — М.: Госполитиздат, 1943. — С. 26. Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников. — М.: Госполитиздат, 1944. — С. 4—10. Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. — М.: НКО и ГлавПУ, 1941—1945. — Т. 5. — С. 79, 80, 149. Т. 12. — С. 23—24, 34—45, 58, 59. Т. 13. — С. 24, 33—35, 50—53, 74, 75, 81—83. Т. 14. — С. 13—17.

- ¹⁹⁴ Правда. — 1944. — 23 дек. 1945. — 5 апр.
- ¹⁹⁵ Там же. — 1945. — 7 мая.
- ¹⁹⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 285. — Л. 103—108. Большевик. — 1942. — № 16. — С. 40—45.
- ¹⁹⁷ Большевик. — 1942. — № 19—20. — С. 96.
- ¹⁹⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 138. — Л. 11.
- ¹⁹⁹ Правда. — 1941. — 22 сент.
- ²⁰⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 47. — Л. 51—54.
- ²⁰¹ Там же. — Д. 35. — Л. 29—30.
- ²⁰² Там же. — Д. 63. — Л. 206—206 об., 211, 213. Еврейский антифашистский комитет. 1941—1948. Документированная история / Под ред. Ш. Редлиха и Г.В. Костырченко. — М.: Международные отношения, 1996. — С.50—52.
- ²⁰³ Там же. — С. 35—47.
- ²⁰⁴ ГА РФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 916. — Л. 27—32. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 868. — Л. 42—43. Советско-израильские отношения. 1941—1953. Сборник документов в 2-х т. / Ред. Б.Л. Колокольников, Э. Беншур и др. — М.: Международные отношения, 2000. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 15—21, 24.
- ²⁰⁵ Воспоминания В. Андерса // Бегин М. Указ. соч. — С. 290—291.
- ²⁰⁶ Еврейский антифашистский комитет. 1941—1948. — С. 13—26. Redlich S. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941—1948. — Boulder (USA), 1982. — P. 15—37. Щит и меч. — 1992. — 3 сент. — № 36 (126). РГАСПИ. — Ф. 588. — Оп. 2. — Д. 136. — Л. 1—29.
- ²⁰⁷ Там же. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 59. — Л. 29. Д. 35. — Л. 62—63. Д. 106. — Л. 1—3. Д. 112. — Л. 126. Советско-израильские отношения. — Т.1. — Кн. 1. — С. 68—70. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В.П. Наумов. — М.: Наука, 1994. — С.146—149.
- ²⁰⁸ Неправедный суд. — С. 169—170, 234.
- ²⁰⁹ Михозлс Соломон Михайлович. Статьи, беседы, речи. — М.: Искусство, 1964. — С. 280.
- ²¹⁰ Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. — М.: Политиздат, 1987. — С. 159.
- ²¹¹ Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 97—99, 502.
- ²¹² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1941. — Л. 6, 109. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Собр. соч. в 9 т. — М.: Художественная литература, 1967. — Т. 9. — С. 362.
- ²¹³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 37. — Л. 112.
- ²¹⁴ ГАРФ. — Ф. 8131. — Оп. 27. — Д. 973. — Л. 123.
- ²¹⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 190. — Л. 16—17.
- ²¹⁶ Там же. — Оп. 132. — Д. 118. — Л. 8—10. Ортенберг Д.И. Сорок третий: рассказ-хроника. — М.: Политиздат, 1991. — С. 399.
- ²¹⁷ Еврейская газета. — 1995. — № 12.
- ²¹⁸ Изаков Б.Р. Легучие годы. Записки старого журналиста. — М.: Политиздат, 1988. — С. 186.
- ²¹⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 925. — Л. 71—72. Оп. 119. — Д. 211. — Л. 196.

- ²²⁰ Там же. — Оп. 3. — Д. 1047. — Л. 22.
²²¹ Там же. — Оп. 125. — Д. 127. — Л. 220. Блокнот агитатора Красной Армии. — 1944. — № 3. — С. 46.
²²² Там же. — Оп. 125. — Д. 127. — Л. 125, 200.
²²³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 127. — Л. 175 об. Независимая газета. — 1991. — 12 февр.
²²⁴ Там же. — Оп. 125. — Д. 127. — Л. 175—175 об.
²²⁵ ГАРФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 910. — Л. 28—29.
²²⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 158. — Л. 17—20. Оп. 128. — Д. 868. — Л. 87. Звенья. Исторический альманах. Вып. 1 / Ред.-сост. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. — М.: Прогресс—Феникс—Atheneum, 1991. — С. 550. Эйнштейн. — 1943. — 15 марта. ГАРФ. — Ф. Р-8581. — Оп. 2. — Д. 167. — Л. 10—11.
²²⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 349. — Л. 24. ГАРФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 910. — Л. 28—29.
²²⁸ ЦА ФСБ. — Дело Еврейского антифашистского комитета (№ 2354). — Арх. № Р-3208. — Т. 41. — С. 54—75.
²²⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 116. — Д. 162. — Л. 45. Оп. 117. — Д. 429. — Л. 87—89.
²³⁰ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 173.
²³¹ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. — С. 135.
²³² Новое время. — 1994. — № 15. — С. 57.
²³³ Литературный фронт. — С. 156—157.
²³⁴ Юность. — 1989. — № 9. — С. 73.
²³⁵ Собеседник. — 1990. — № 31.
²³⁶ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. — М.: АПН, 1989. — С. 102.
²³⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 166. — Л. 65.
²³⁸ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М., 1948. — С. 30.
²³⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1045. — Л. 15, 34.
²⁴⁰ Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. — 1998. — № 4. — С. 7.
²⁴¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 219. — Л. 5, 40.
²⁴² Литература и искусство. — 1943. — 10 апр. Русское знамя. — 1915. — 6 янв.
²⁴³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 131. — Д. 190. — Л. 33.
²⁴⁴ Там же. — Оп. 125. — Д. 222. — Л. 116. Д. 224. — Л. 3.
²⁴⁵ Там же. — Д. 222. — Л. 100. Д. 224. — Л. 24 об.
²⁴⁶ Там же. — Д. 190. — Л. 25—42.
²⁴⁷ Там же. — Д. 217. — Л. 92.
²⁴⁸ Там же. — Д. 224. — Л. 9.
²⁴⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 121. — Д. 289. — Л. 70, 89, 106.
²⁵⁰ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М., 1944. — С. 43.
²⁵¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 121. — Д. 289. — Л. 106, 112.
²⁵² Там же. — Л. 18, 48.
²⁵³ Там же. — Л. 40.
²⁵⁴ Там же. — Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 44—53.
²⁵⁵ Там же. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 431. — Л. 112.

- ²⁵⁶ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1050. — Л. 145—152.
²⁵⁷ Там же. — Оп. 125. — Д. 222. — Л. 1—10, 28, 33, 35. Д. 224. — Л. 66—75 об. Ф. 77. — Оп. 4. — Д. 75. — Л. 89—91. См.: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. — 1996. — № 2, 7, 9.
²⁵⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 224. — Л. 138—140. Оп. 114. — Д. 76. — Л. 3 об.
²⁵⁹ Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм // Тайна Израиля. — С. 332.
²⁶⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 123. — Л. 21—24.
²⁶¹ Там же. — Оп. 118. — Д. 839. — Л. 149, 153.
²⁶² Там же. — Оп. 125. — Д. 235. — Л. 146—148.
²⁶³ Там же. — Оп. 119. — Д. 12. — Л. 126—133. Оп. 125. — Д. 126. — Л. 16—17.
²⁶⁴ Там же. — Оп. 125. — Д. 124. — Л. 66—71.
²⁶⁵ Там же. — Д. 126. — Л. 11—12.
²⁶⁶ Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. — М.: Республика, 1998. — С. 350—352.
²⁶⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 333. — Л. 6.
²⁶⁸ Там же. — Оп. 125. — Д. 216. — Л. 101—104.
²⁶⁹ Там же. — Д. 216. — Л. 38—40. Д. 297. — Л. 109—116.
²⁷⁰ Там же. — Д. 367. — Л. 18—20. Д. 570. — Л. 4—7.
²⁷¹ Там же. — Оп. 3. — Д. 1051. — Л. 44. Оп. 117. — Д. 408. — Л. 90. Д. 452. — Л. 160—176. Д. 463. — Л. 156—157. Д. 672. — Л. 101.
²⁷² Там же. — Оп. 117. — Д. 347. — Л. 29, 37.
²⁷³ Там же. — Оп. 132. — Д. 230. — Л. 74.
²⁷⁴ Там же. — Оп. 3. — Д. 1042. — Л. 30.
²⁷⁵ См. подробнее: Литературный фронт. — С. 76—104. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 193. — Л. 140—148.
²⁷⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 833. — Л. 259—261.
²⁷⁷ Белингов А.В. Черновик чувств. — М.: "Александр Севастьянов", 1996.
²⁷⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 431. — Л. 160—168. Оп. 125. — Д. 212. — Л. 181—182.
²⁷⁹ Там же. — Оп. 117. — Д. 431. — Л. 147, 152—158. Д. 477. — Л. 61. — 61 об. Оп. 125. — Д. 285. — Л. 71—73.
²⁸⁰ Там же. — Оп. 125. — Д. 200. — Л. 130—134.
²⁸¹ Там же. — Д. 136. — Л. 123—125.
²⁸² Там же. — Л. 121—122.
²⁸³ Медицинский работник. — 1944. — 16 нояб. Документ ЦА ФСБ.
²⁸⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 1057. — Л. 19.

Глава III

- ¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М., 1948. — С. 196—197.
² Военно-исторический журнал. — 1994. — № 6. — С. 57—64.
³ РГАЭ*. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1643. — Л. 88.

* Российский государственный архив экономики.

- ⁴ Интервью с бывшим заместителем наркома авиационной промышленности С.М. Сандлером. Архив автора // Исторический архив. — 1996. — № 4. — С. 113—114. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1051. — Л. 9.
- ⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1054. — Л. 3. Д. 1055. — Л. 5, 71—72. Оп. 116. — Д. 244. — Л. 6. Ф. 77. — Оп. 4. — Д. 79.
- ⁶ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1054. — Л. 3.
- ⁷ Там же. — Д. 1055. — Л. 4, 5. Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. — М.: Прогресс, Феникс, 1992. — С. 445—446.
- ⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 116. — Д. 254. — Л. 1. Оп. 117. — Д. 589. — Л. 5. Правда. — 1946. — 20 марта.
- ⁹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. — М.: Издательство РАГС, 1998. — С.45—47.
- ¹⁰ Известия. — 1997. — 29 марта.
- ¹¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1058. — Л. 3. Оп. 162. — Д.38. — Л. 129.
- ¹² Там же. — Оп. 3. — Д. 1057. — Л. 2—4, 16. Интервью с С.М. Сандлером. Архив автора.
- ¹³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1058. — Л. 3. Военно-исторический журнал. — 1994. — № 7. — С. 59, 63.
- ¹⁴ Военно-исторический журнал. — 1993. — № 5. — С. 27. 1994. — № 7. — С. 54—61.
- ¹⁵ РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1371. — Л. 15—16.
- ¹⁶ Симонов Н.С. — Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. — М.: РОССПЭН, 1996. — С. 238—239.
- ¹⁷ Медведев Р.А. Несостоявшийся “наследник” Сталина // Ветеран. — 1988. — № 36.
- ¹⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1059. — Л. 95—98.
- ¹⁹ Там же. — Оп. 117. — Д. 553. — Л. 1, 15—17, 21—22. Д. 627. — Л. 174.
- ²⁰ Там же. — Оп. 3. — Д. 1057. — Л. 2—4.
- ²¹ Литературный фронт. — С. 191—197.
- ²² Там же. — С. 53, 215—221.
- ²³ РГАСПИ. — Ф. 77. — Оп. 4. — Д. 30. — Л. 25.
- ²⁴ Федотов Г.П. Тяжба о России. — Париж, 1982. — Т.3. — С. 332. Звезда. — 1990. — № 2. — С. 142.
- ²⁵ РГАСПИ. — Ф. 77. — Оп. 4. — Д. 30. — Л. 23—30. Берлин И. Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах // Звезда. — 1990. — № 2. — С. 147—148, 153.
- ²⁶ Литературный фронт. — С. 197—225.
- ²⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 808. — Л. 58. Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории. — 1990. — № 4. — С. 62. 1991. — № 11. — С. 45. Правда. — 1947. — 7 сент.
- ²⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 121. — Д. 453. — Л. 23.
- ²⁹ Правда. — 1946. — 11 марта.
- ³⁰ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сент. 1947 года. — М., 1948. — С. 22—23.
- ³¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 38. — Л. 129—133.
- ³² Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. — 1998. — № 5. — С. 11.
- ³³ Большевик. — 1946. — № 15. — С. 12.
- ³⁴ Вопросы истории. — 1998. — № 5. — С. 11—12.

- ³⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1065. — Л. 22.
- ³⁶ Там же. — Оп. 3. — Д. 1051. — Л. 36. Д. 1057. — Л. 2—4. Оп. 117. — Д. 771. — Л. 2—24.
- ³⁷ Известия. — 1946. — 14 марта.
- ³⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 598. — Л.123.
- ³⁹ Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело “КР” (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. — 1994. — № 2. — С. 58.
- ⁴⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1059. — Л. 80.
- ⁴¹ Есаков В.Д., Левина Е.С. Указ. соч. // Кентавр. — 1994. — № 2. — С. 59.
- ⁴² Правда. — 1946. — 31 окт.
- ⁴³ Там же. — 25 сент.
- ⁴⁴ Правда. — 1946. — 28 окт., 31 окт. Внешняя политика Советского Союза: документы и материалы. 1949 г. — М., 1953. — С. 162 — 163.
- ⁴⁵ Родина. — 1992. — № 8—9. — С. 55.
- ⁴⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 550. — Л. 169.
- ⁴⁷ Есаков В.Д., Левина Е.С. Указ. соч. // Кентавр. — 1994. — № 2. — С. 62—64.
- ⁴⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 699. — Л. 85. Культура и жизнь. — 1947. — 11 марта. Правда. — 1947. — 24 марта. Есаков В.Д., Левина Е.С. Указ. соч. // Кентавр. — 1994. — № 2. — С. 62—68.
- ⁴⁹ Источник. — 1994. — № 6. — С. 68—69.
- ⁵⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1066. — Л. 15. Оп. 117. — Д. 868. — Л. 5. Д. 877. — Л. 26—28, 52.
- ⁵¹ Там же. — Оп. 127. — Д. 1670. — Л.35, 105, 106.
- ⁵² Там же. — Оп. 118. — Д. 851. — Л. 51—58. Оп. 127. — Д. 1670. — Л. 39.
- ⁵³ Там же. — Оп. 127. — Д. 1670. — Л. 99.
- ⁵⁴ Там же. — Оп. 125. — Д. 477. — Л. 4—142. Д. 492. — Л. 2—6.
- ⁵⁵ Там же. — Оп. 114. — Д. 823. — Л. 16—21. Оп. 3. — Д. 1066. — Л. 48.
- ⁵⁶ Источник. — 1994. — № 6. — С. 70—79.
- ⁵⁷ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 2. — Д. 154. — Л. 1—2.
- ⁵⁸ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1066. — Л. 13, 19, 47, 81.
- ⁵⁹ Там же. — Оп. 117. — Д. 490. — Л. 168—172. Д. 917. — Л. 36—41. Оп. 125. — Д. 608. — Л. 39—44. Оп. 132. — Д. 62. — Л. 158—160.
- ⁶⁰ Аллилуева С.И. Только один год. — М.: Книга, 1990. — С. 333.
- ⁶¹ Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. — 1998. — № 5. — С. 16. № 6. — С. 4.
- ⁶² Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе (Запись и обработка диалогов В. Рубцовой). — М.: Музыка, 1994. — С. 147. Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. — 1998. — № 5. — С. 16, 19.
- ⁶³ РГАСПИ. — Ф.17. — Оп. 132. — Д. 226. — Л. 62—68. Культура и жизнь. — 1948. — 21 марта.
- ⁶⁴ Большевик. — 1948. — № 3. — С. 11. Правда. — 1936. — 27 янв., 6 февр.
- ⁶⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 620. — Л. 1—45. Вопросы истории. — 1998. — № 6. — С.8—9. Сойфер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. — М.: Лазурь, 1993. — С. 389—394.
- ⁶⁶ Вопросы истории. — 1998. — № 6. — С. 9—10. Сойфер В.Н. Указ. соч. — С. 400—401. Дневник В.А. Малышева // Источник. — 1997. — № 5. — С. 135.
- ⁶⁷ Вопросы истории. — 1998. — № 6. — С. 12. РГАСПИ. — Ф.17. — Оп. 3. — Д. 1071. — Л. 24, 25. Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 7. — С.112—113.

- ⁶⁸ Сойфер В. Н. Указ. соч. — С. 443.
- ⁶⁹ Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. — М.: Родина, 1993. — С. 103.
- ⁷⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1071. — Л. 28—29.
- ⁷¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. — М.: ГИХЛ, 1952. — Т. 2. — С. 159. Новый мир. — 1948. — № 6. — С. 293. № 2. — С. 127.
- ⁷² Карсавин Л.П. Россия и евреи // Тайна Израиля. — С. 409.
- ⁷³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 637. — Л. 94—107. Оп. 118. — Д. 329. — Л. 53. Д. 921. — Л. 76. Оп. 132. — Д. 248. — Л. 88. Культура и жизнь. — 1949. — 22 марта. Астафьева-Другач М. "Космополиты" на суде чести // Строительная газета. — 1989. — 13 июля.
- ⁷⁴ Симонов К.М. Указ. соч. — С. 124—142.
- ⁷⁵ Литературная газета. — 1948. — 5 июня.
- ⁷⁶ Правда. — 1947. — 30 июня.
- ⁷⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 127. — Д. 1653. — Л. 82, 91.
- ⁷⁸ Там же. — Оп. 132. — Д. 62. — Л. 5—35.
- ⁷⁹ Там же. — Л. 108—124, 162—197, 211—218.
- ⁸⁰ Большевик. — 1947. — № 21. — С. 16.
- ⁸¹ Троцкий Л. Д. Сталин. — Т. 2. — С. 206. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 230. — Л. 74.
- ⁸² РГАСПИ. — Ф. 77. — Оп. 4. — Д. 30. — Л. 1—8.
- ⁸³ Там же. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 617. — Л. 105.
- ⁸⁴ Там же. — Оп. 118. — Д. 39. — Л. 159—163. Д. 339. — Л. 59. Ваксберг А.И. Нераскрытые тайны. — М.: Новости, 1993. — С. 192—193. Литературная газета. — 1948. — 5 июня. 1949. — 16 февр.
- ⁸⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 56. — Л. 109.
- ⁸⁶ Там же. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 637. — Л. 60.
- ⁸⁷ Жуков И.И. Рука судьбы. Правда и ложь о Михаиле Шолохове и Александре Фадееве. — М.: Воскресение, 1994. — С. 212. Тихон Хренников о времени и о себе. — С. 178.
- ⁸⁸ Там же. — Оп. 132. — Д. 229. — Л. 9, 24—27. Д. 337. — Л. 9—10.
- ⁸⁹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 557. — Л. 143—146.
- ⁹⁰ Там же. — Оп. 118. — Д. 557. — Л. 143—158.
- ⁹¹ Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 19.
- ⁹² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 6. — Л. 86—89.
- ⁹³ Там же. — Оп. 132. — Д. 337. — Л. 75—80.
- ⁹⁴ Там же. — Ф. 77. — Оп. 4. — Д. 73. — Л. 12—13.
- ⁹⁵ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1073. — Л. 12. Борщаговский А.М. Указ. соч. — С. 54.
- ⁹⁶ Там же. — Оп. 132. — Д. 237. — Л. 13, 27—28.
- ⁹⁷ Симонов К.М. Указ. соч. — С. 192.
- ⁹⁸ РГАСПИ. — Оп. 118. — Д. 175. — Л. 60—63. Д. 202. — Л. 15. Д. 267. — Л. 224. Д. 274. — Л. 182. Культура и жизнь. — 1948. — 11 июля. 1949. — 11 янв. Наш современник. — 1999. — № 1. — С. 195.
- ⁹⁹ Борщаговский А.М. Указ. соч. — С. 55—56, 68—69.
- ¹⁰⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 27. — Л. 44, 46—51.
- ¹⁰¹ Там же. — Оп. 118. — Д. 290. — Л. 22. Д. 35. — Л. 39—46.
- ¹⁰² Там же. — Оп. 3. — Д. 741. — Л. 5. Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 5862. — Л. 2. Д. 10690. — Л. 1—199.

- ¹⁰³ Вопросы истории. — 1998. — № 3. — С. 11.
- ¹⁰⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 237. — Л. 58.
- ¹⁰⁵ Там же. — Л. 50—53.
- ¹⁰⁶ Борщаговский А.М. Указ. соч. — С. 69.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 137. — Л. 54—56.
- ¹⁰⁸ Там же. — Д. 237. — Л. 62—64.
- ¹⁰⁹ Симонов К.М. Указ. соч. — С. 191.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 116. — Л. 124. Д. 229. — Л. 17. Ф. 629. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 1. Борщаговский А.М. Указ. соч. — С. 74.
- ¹¹¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 637. — Л. 9. Оп. 116. — Д. 412. — Л. 13. Оп. 117. — Д. 159. — Л. 59, 62—65. Д. 224. — Л. 63—65. Д. 853. — Л. 85. Оп. 118. — Д. 310. — Л. 62—64. Оп. 132. — Д. 229. — Л. 6, 65 — 75. Д. 237. — Л. 13—14.
- ¹¹² Там же. — Оп. 132. — Д. 229. — Л. 34.
- ¹¹³ Документ ЦА ФСБ.
- ¹¹⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 149. — Л. 1—4, 53—56.
- ¹¹⁵ Литературная газета. — 1949. — 29 янв.
- ¹¹⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 714. — Л. 136. Оп. 132. — Д. 237. — Л. 15—16.
- ¹¹⁷ Там же. — Оп. 132. — Д. 229. — Л. 13.
- ¹¹⁸ Там же. — Л. 8.
- ¹¹⁹ Вопросы истории. — 1998. — № 6. — С. 14.
- ¹²⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 226. — Л. 1—6.
- ¹²¹ Вечерняя Москва. — 1949. — 19 февр.
- ¹²² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 229. — Л. 2—8.
- ¹²³ Там же. — Д. 237. — Л. 13—15, 25, 55, 56.
- ¹²⁴ Советское искусство. — 1949. — 5 февр., 19 февр., 26 февр.
- ¹²⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 353. — Л. 116, 118—119.
- ¹²⁶ Там же. — Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 92—95.
- ¹²⁷ Там же. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 229. — Л. 17—23.
- ¹²⁸ Правда. — 1949. — 28 февр.
- ¹²⁹ Самойлов Д.С. Памятные записки. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 355.
- ¹³⁰ Правда. — 1949. — 4 марта.
- ¹³¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 234. — Л. 54—55. Д. 235. — Л. 27—29.
- ¹³² Там же. — Оп. 3. — Д. 1075. — Л. 5. Оп. 118. — Д. 324. — Л. 70. Оп. 132. — Д. 234. — Л. 172—201. Культура и жизнь. — 1949. — 27 февр., 14 окт. Большевик. — 1949. — № 19. — С. 73—80. Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945—1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 13.
- ¹³³ Культура и жизнь. — 1949. — 27 февр. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 39. — Л. 154—155.
- ¹³⁴ Правда. — 1949. — 1 февр.
- ¹³⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 229. — Л. 30.
- ¹³⁶ Симонов К.М. Указ. соч. — С. 231.
- ¹³⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 237. — Л. 57—58. Д. 229. — Л. 8.
- ¹³⁸ Там же. — Оп. 118. — Д. 325. — Л. 231, 232. Д. 331. — Л. 82, 83. Д. 343. — Л. 45—46. Д. 376. — Л. 160—162. Д. 969. — Л. 138.
- ¹³⁹ Там же. — Д. 348. — Л. 48.

- ¹⁴⁰ Там же. — Оп. 118. — Д. 449. — Л. 4—5. Ф. 558. — Оп. 2. — Д. 154. — Л. 15. **Вопросы истории.** — 1998. — № 6. — С. 18—19.
- ¹⁴¹ **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1077. — Л. 44.
- ¹⁴² Там же. — Оп. 133. — Д. 389. — Л. 103—110.
- ¹⁴³ **Правда.** — 1954. — 27 дек.
- ¹⁴⁴ **Батыгина Г.С., Девятко И.Ф.** Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // **Вестник РАН.** — 1993. — Т. 63. — № 1. — С. 69.

Глава IV

- ¹ **Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948.** — С. 371—372.
- ² Там же. — С. 298—299. **РГАСПИ.** — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1012. — Л. 82.
- ³ **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1073. — Л. 22.
- ⁴ Там же. — Оп. 117. — Д. 611. — Л. 40. **Гороховский А.** Погромы советских времен // **Курьер (США).** — 1999. — 8 окт. (№ 86).
- ⁵ Там же. — Оп. 125. — Д. 310. — Л. 49—52.
- ⁶ Там же. — Д. 405. — Л. 32—46.
- ⁷ Там же. — Оп. 117. — Д. 622. — Л. 62.
- ⁸ **Вопросы истории.** — 1991. — № 11. — С. 31. **Еврейские вести (Киев).** — Июль 1996. — № 13—14. **Судоплатов П.А.** Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М.: ТОО "Гез", 1996. — С. 347. **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1064. — Л. 11.
- ⁹ **РГАСПИ.** — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 122. — Л. 10—42, 216. **Исторический архив.** — 1993. — № 4. — С. 51.
- ¹⁰ Там же. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 38. — Л. 189.
- ¹¹ **Хрущев Н.С.** Воспоминания // **Вопросы истории.** — 1991. — № 11. — С. 42. **Чуев Ф.И.** Так говорил Каганович. — С. 175. **РГАСПИ.** — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1012. — Л. 85.
- ¹² **РГАСПИ.** — Ф. 83. — Оп. 3. — Д. 129. — Л. 36—38.
- ¹³ Там же. — Д. 129. — Л. 2—35. Д. 128. — Л. 12—43.
- ¹⁴ **Pinkus B.** — Op. cit. — P. 148, 343. **Литературная газета.** — 1947. — 25 сент. **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1068. — Л. 1—3.
- ¹⁵ **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 310. — Л. 47—48.
- ¹⁶ Там же. — Д. 383. — Л. 45, 53.
- ¹⁷ **Маркиш Э.** Столь долгое возвращение... — Тель-Авив, 1989. — С. 99. **Советская культура.** — 1988. — 16 июня. **Оргенберг Д.И.** Сорок третий: рассказ-хроника. — М.: Политиздат, 1991. — С. 399.
- ¹⁸ **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 316. — Л. 108, 109.
- ¹⁹ Там же. — Оп. 125. — Д. 384. — Л. 25—31. Оп. 3. — Д. 1059. — Л. 83.
- ²⁰ Там же. — Оп. 117. — Д. 657. — Л. 193.
- ²¹ Там же. — Оп. 125. — Д. 383. — Л. 111—150. Оп. 117. — Д. 621. — Л. 2, 112—118.
- ²² Там же. — Оп. 127. — Д. 1651. — Л. 2. Оп. 125. — Д. 383. — Л. 119, 263. **Неправедный суд.** — С. 130—131.
- ²³ Там же. — Оп. 162. — Д. 38. — Л. 168. Оп. 3. — Д. 1065. — Л. 47—48.
- ²⁴ Там же. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 5667. — Л. 38—41. **ЦА ФСБ.** Стенограмма судебного процесса по делу ЕАК. — Т. 1. — С. 251. **Чуев Ф.И.** Так говорил Каганович. — С. 52.

- ²⁵ **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 868. — Л. 87—88.
- ²⁶ Там же. — Л. 95, 98, 116—117.
- ²⁷ **БСЭ.** Изд. 2. — Т. 15. — С. 377—379.
- ²⁸ **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 868. — Л. 122. **Известия ЦК КПСС.** — 1989. — № 12. — С. 37.
- ²⁹ **Троцкий Л.Д.** Сталин. — Т. 2. — С. 158.
- ³⁰ **РГАСПИ.** — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1012. — Л. 52. Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 938. — Л. 135—146. Оп. 128. — Д. 1057. — Л. 2.
- ³¹ Там же. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 6188. — Л. 22. **ЦА ФСБ.** Стенограмма судебного процесса по делу ЕАК. — Т. 1. — С. 254—255.
- ³² **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 1058. — Л. 134—135.
- ³³ **Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948.** — С. 368—369.
- ³⁴ **ЦА ФСБ.** Стенограмма судебного заседания по делу ЕАК. — Т. 1. — С. 67—68. **Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948.** — С. 189, 195—196.
- ³⁵ **Redlich S.** Op. cit. — P. 154. **ЦА ФСБ.** Материалы проверки по делу ЕАК. **РГАСПИ.** — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 15624. — Л. 367.
- ³⁶ **Иосиф Сталин в объятиях семьи.** — С. 177. **Аллилуева С.И.** Двадцать писем к другу. — М.: Известия, 1990. — С. 109.
- ³⁷ **Аллилуева С.И.** Указ. соч. — С. 134—136. **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 330. — Л. 18—20.
- ³⁸ **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 336. — Л. 84. **Аллилуева С.И.** Указ. соч. — С. 138—139.
- ³⁹ **Волкогонов Д.А.** Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. — М.: Новости, 1990. — Кн. 1. — С. 274—275. **Совершенно секретно.** — 1996. — № 6.
- ⁴⁰ **Аллилуева С.И.** Указ. соч. — С. 142—144.
- ⁴¹ **Сталин И.В.** Соч. — Т. 13. — С. 411. **Иосиф Сталин в объятиях семьи.** — С. 177.
- ⁴² **РГАСПИ.** — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 438. — Л. 14—18.
- ⁴³ Там же. — Д. 269. — Л. 95. **Аллилуев В.С.** Хроника одной семьи. — М.: Молодая гвардия, 1995. — С. 7.
- ⁴⁴ **Костырченко Г.В.** В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. — М.: Международные отношения, 1994. — С. 87.
- ⁴⁵ **РГАСПИ.** — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 1561. **Аллилуева С.И.** Указ. соч. — С. 143, 149.
- ⁴⁶ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 89.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ **Аллилуева С.И.** Указ. соч. — С. 149.
- ⁴⁹ **Источник.** — 1994. — № 6. — С. 112—113.
- ⁵⁰ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 90—91.
- ⁵¹ Там же. — С. 92—93.
- ⁵² Там же. — С. 93—94.
- ⁵³ Там же. — С. 95.
- ⁵⁴ **Шатуновская Л.** Жизнь в Кремле. — N.Y.: CHALIDZE Publication, 1982. — С. 309.
- ⁵⁵ **Неправедный суд.** — С. 308—309. **Источник.** — 1996. — № 6. — С. 72—78. **Аллилуева С.И.** Только один год. — С. 134. **Коммерсантъ-Daily.** — 1995. — 9 сент. **Россия, XX век. Документы.** Лаврентий Берия. 1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. — М.: МФ "Демократия", 1999. — С. 25—28.

- ⁵⁶ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 354—356.
- ⁵⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1072. — Л. 74, 213.
- ⁵⁸ Там же. — Оп. 119. — Д. 1078. — Л. 93.
- ⁵⁹ Вовси-Михоэлс Н.С. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминание о жизни и гибели. — М.: Возвращение, 1997. — С. 195. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 103—106.
- ⁶⁰ Правда. — 1948. — 15, 17 янв. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 106.
- ⁶¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 1152. — Л. 198. Вовси-Михоэлс Н.С. Указ. соч. — С. 235, 236.
- ⁶² Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 350—351. Неправедный суд. — С. 231.
- ⁶³ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 322—323. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 107—108.
- ⁶⁴ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 359—371.
- ⁶⁵ РГАСПИ. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 148. — Л. 126—131.
- ⁶⁶ Там же. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 89.
- ⁶⁷ Архивы раскрывают тайны... — М.: Политиздат, 1991. — С. 308.
- ⁶⁸ Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 211—218. Кн. 2. — С. 68. Правда. — 1947. — 30 нояб.
- ⁶⁹ Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 276, 280—281, 287. Бар-Зохар М. Бен-Гурион. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — С. 221—227.
- ⁷⁰ Правда. — 1948. — 23 апр., 6 мая.
- ⁷¹ РГАСПИ. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1362. — Л. 132—135. Мурашко Г.П. Дело Сланского // Вопросы истории. — 1997. — № 3. — С. 15. Эндриу К., Гордиевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. — М.: Nota Bene, 1992. — С. 419—420. Судоплатов П.А. Указ. соч. — С. 344—345. Грин С. Делая выбор. — М., 1985. — С. 60—63. Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 337.
- ⁷² Правда. — 1948. — 29 мая. Независимая газета. — 1998. — 11 апр.
- ⁷³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 446. — Л. 20. Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 349.
- ⁷⁴ Там же. — Оп. 118. — Д. 797. — Л. 102.
- ⁷⁵ Васильева Л.Н. Кремлевские жены. — М.: Вагриус, 1992. — С. 236.
- ⁷⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 445. — Л. 64. ГАРФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 58. Д. 20. — Л. 60. Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 289. Неправедный суд. — С. 364—365.
- ⁷⁷ Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 399.
- ⁷⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 39. — Л. 104. Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 87.
- ⁷⁹ Самоилов Д.С. Указ. соч. — С. 241.
- ⁸⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 12. — Л. 116—123.
- ⁸¹ Там же. — Оп. 118. — Д. 828. — Л. 27—32. Интервью с В.А. Эдельштейном от 14 апр. 1995 г. Архив автора.
- ⁸² Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 375—383.
- ⁸³ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943—1966 / Ред. М. Альшутлер, И. Арад, Ш. Краковский. — Иерусалим, 1993. — С. 31.
- ⁸⁴ Правда. — 1948. — 21 сент.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Эйникайт. — 1948. — 25 сент.
- ⁸⁷ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 46.

- ⁸⁸ Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 122—124.
- ⁸⁹ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. — С. 296.
- ⁹⁰ Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 400. Звенья. Вып. 1. — С. 551. Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 324.
- ⁹¹ Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 435. Советские евреи пишут Илье Эренбургу. — С. 75. РГАСПИ. — Ф. 629. — Оп. 1. — Д. 110. — Л. 12—13. Rubenstein J. Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Erenburg. — N.Y.: Basic Books, 1996. — P. 261—262. Меир Г. Моя жизнь. Автобиография. — Израиль, 1989. — Кн. 2. — С. 281.
- ⁹² Восленский М.С. Номенклатура. — С. 414.
- ⁹³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 237. — Л. 3. Оп. 118. — Д. 945. — Л. 69. Советские евреи пишут Илье Эренбургу. — С. 76. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Собр. соч. в 9 т. — Т. 9. — С. 572—574.
- ⁹⁴ Генри Э. Письмо "исторического оптимиста" // Дружба народов. — 1988. — № 3. — С. 233.
- ⁹⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 608. — Л. 201—202. ГАРФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 910. — Л. 175—176.
- ⁹⁶ РГАСПИ. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 1—5. Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1195. — Л. 36—42. Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 401.
- ⁹⁷ Там же. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1195. — Л. 100—102. Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 151—156. Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 307—308, 314.
- ⁹⁸ Там же. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 608. — Л. 42—51. Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 69, 89.
- ⁹⁹ Там же. — Оп. 128. — Д. 446. — Л. 270. Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 44.
- ¹⁰⁰ Там же. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1195. — Л. 23.
- ¹⁰¹ Там же. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 176—214. Иванов К.П., Шейнис З.С. Государство Израиль, его положение и политика. — М.: Госполитиздат, 1959. — С. 110.
- ¹⁰² РГАСПИ. — Ф. 629. — Оп. 1. — Д. 97. — Л. 15.
- ¹⁰³ Там же. — Д. 1012. — Л. 72—86.
- ¹⁰⁴ Там же. — Ф. 589. Биографический материал И.С. Фефера.
- ¹⁰⁵ Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 39—40.
- ¹⁰⁶ Там же. — С. 41—42. Судоплатов П.А. Указ. соч. — С. 341.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 649. — Л. 18—39.
- ¹⁰⁸ Там же. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 15624. — Л. 341.
- ¹⁰⁹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 127. — Д. 478. — Л. 46—46 об. Неправедный суд. — С. 198—199, 202, 209—210. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 127—128.
- ¹¹⁰ Неправедный суд. — С. 131. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 42, 128—129.
- ¹¹¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 35. — Л. 83. Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации. — С. 41—42. Пикер Г. Указ. соч. — С. 397.
- ¹¹² Неправедный суд. — С. 214.
- ¹¹³ Там же. — С. 172. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 33.
- ¹¹⁴ Маркиш Э. Указ. соч. — С. 172.
- ¹¹⁵ Неправедный суд. — С. 28, 173—174.

- ¹¹⁶ РГАСПИ. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1012. — Л. 78.
- ¹¹⁷ Неправедный суд. — С. 209.
- ¹¹⁸ ГАРФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 910. — Л. 34. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 48.
- ¹¹⁹ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 136—139.
- ¹²⁰ РГАСПИ. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 6188. — Л. 22—23. Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 246. — Л. 169—172, 179.
- ¹²¹ Неправедный суд. — С. 136.
- ¹²² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 122. — Д. 84. — Л. 99.
- ¹²³ Там же. — Л. 25, 34.
- ¹²⁴ Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации. — С. 30. Народы России. Энциклопедия. — Т. 1. — С. 156. Максудов С. Оценка потерь еврейского населения СССР от фашистского геноцида // Независимая газета. — 1991. — 10 дек.
- ¹²⁵ Советско-израильские отношения. — Т.1. — Кн.1. — С. 101—107. Холокост. Сопротивление. Возрождение. Сборник документов и материалов / Отв. редактор и отв. составитель А.Е. Гербер и И.А. Альтман. — М. — Иерусалим, 2000. — С. 203—204. Лакер В. История сионизма. — М.: Крон-Пресс, 2000. — С. 778, 787—788.
- ¹²⁶ Лысенко А.Е. Религия и церковь на Украине накануне и в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. — 1998. — № 4. — С. 48. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 165. — Л. 77—79.
- ¹²⁷ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 366.
- ¹²⁸ Неправедный суд. — С. 24, 280.
- ¹²⁹ ГАРФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 916. — Л. 29. Неправедный суд. — С. 178.
- ¹³⁰ Бар-Зохар М. Указ. соч. — С. 161.
- ¹³¹ Pinkus V. Op. cit. — P. 164. Рид Д. Спор о Сионе. — М.: Твердь, 1992. — С. 449—450. Документы и материалы по истории советско-польских отношений в 12 т. — Т. 8. — М.: Наука, 1974. — С. 467—472. Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953—1967. — М.: "Прогресс—Культура", 1994. — С. 174. Советско-израильские отношения. — Т.1. — Кн. 1. — С. 164.
- ¹³² ЦА ФСБ. Следственное дело ЕАК. Обвинительное заключение. — С. 2. Неправедный суд. — С. 377.
- ¹³³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 458. — Л. 31—32.
- ¹³⁴ Захаров В.В., Кулишов В.Д. Анатомия Холокоста. Начало начал. Германия, 1933—1939. — М.: Совершенно секретно, 2000. — С. 345.
- ¹³⁵ Коммунист. — 1991. — № 3. — С. 106.
- ¹³⁶ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 116—122. Неправедный суд. — С. 210. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 51—52.
- ¹³⁷ РГАСПИ. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1012. — Л. 9—20.
- ¹³⁸ Там же. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 472. — Л. 83.
- ¹³⁹ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 127. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 52.
- ¹⁴⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 472. — Л. 83.
- ¹⁴¹ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 127. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 52.
- ¹⁴² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 405. — Л. 21—26.
- ¹⁴³ Там же. — Оп. 118. — Д. 39. — Л. 107.
- ¹⁴⁴ Там же. — Оп. 128. — Д. 1057. — Л. 118.
- ¹⁴⁵ Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 57.
- ¹⁴⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1074. — Л. 7. Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 15624. — Л. 308—310, 315—316.
- ¹⁴⁷ Литературная газета. — 1989. — 15 марта.
- ¹⁴⁸ Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 129.
- ¹⁴⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 114. — Д. 738. — Л. 39. Оп. 118. — Д. 296. — Л. 63—64.
- ¹⁵⁰ Там же. — Оп. 162. — Д. 39. — Л. 108.
- ¹⁵¹ Меир Г. Моя жизнь. — Кн. 2. — С.281—282. Советско-израильские отношения. — Т.1. — Кн. 1. — С. 427. Советские евреи едят Илье Эренбургу. — С. 350.
- ¹⁵² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 1078. — Л. 93. Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 453.
- ¹⁵³ РГАСПИ. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 6188. — Л. 12—26.
- ¹⁵⁴ Там же. — Л. 10—11.
- ¹⁵⁵ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1073. — Л. 56.
- ¹⁵⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. — С. 473.
- ¹⁵⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1074. — Л. 58.
- ¹⁵⁸ Там же. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1195. — Л. 15—16.
- ¹⁵⁹ Вопросы истории. — 1991. — № 11. — С. 60.
- ¹⁶⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1071. — Л. 5.
- ¹⁶¹ Там же. — Д. 1059. — Л. 83, 89. Оп. 117. — Д. 771. — Л. 9—12. ЦА ФСБ. Следственное дело ЕАК. — Т. 9. — Л. 98. Т. 10. — Л. 69.
- ¹⁶² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 127. — Д. 1670. — Л. 164—166.
- ¹⁶³ Источник. — 1998. — № 3 (34). — С. 119—123.
- ¹⁶⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 758. — Л. 163—170.
- ¹⁶⁵ ЦА ФСБ. Материалы проверки по делу ЕАК. — Т. 1. — Л. 23.
- ¹⁶⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 163. — Д. 1123. — Л. 146—147.
- ¹⁶⁷ Пихоя Р.Г. Указ. соч. — С. 80. Аргументы и факты. — 1993. — № 20. Некрасов В.Ф. Тринадцать "железных" наркомов. — М.: Версты, 1995. — С. 289—290.
- ¹⁶⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 177. — Л. 10.
- ¹⁶⁹ Там же. — Оп. 3. — Д. 1089. — Л. 85. Оп. 162. — Д. 46. — Л. 19—21. НИПЦ "Мемориал". — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 3896. Судоплатов П.А. Указ. соч. — С. 352—353. Еврейские вести (Киев). — 1996. — № 111—112. Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. — 1998. — № 7. — С. 18—22.
- ¹⁷⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1090. — Л. 16. Д. 1091. — Л. 22.
- ¹⁷¹ Данные НИПЦ "Мемориал".
- ¹⁷² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 20. — Л. 224. Оп. 119. — Д. 662. — Л. 113—115. Кокурин А., Петров Н. МГБ: структура, функции, кадры (1946—1953) // Свободная мысль. — 1997. — № 11. — С. 113.
- ¹⁷³ Военно-исторический журнал. — 1993. — № 3. — С. 62—70.
- ¹⁷⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 493. — Л. 219—220.
- ¹⁷⁵ Там же. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 6913. — Л. 1—218.
- ¹⁷⁶ Там же. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 639. — Л. 10—18.
- ¹⁷⁷ Литературная газета. — 1989. — 18 окт.
- ¹⁷⁸ РГАСПИ. — Ф. 589. — Оп.3. — Д. 7180. — Л. 1—62. Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. — С. 79.
- ¹⁷⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1091. — Л. 72—75.
- ¹⁸⁰ Там же. — Оп. 114. — Д. 624. — Л. 106. Оп. 3. — Д. 1008. — Л. 24. Д. 1041. — Л. 71. Оп. 118. — Д. 849. — Л. 145—147. Д. 964. — Л. 172—176.

- Оп. 119. — Д. 117. — Л. 26—31. Д. 290. — Л. 104. Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994. — С. 116.
- ¹⁸¹ Документ ЦА ФСБ.
- ¹⁸² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 438. — Л. 219. Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. — С. 237—269. Альтман И.А. История и судьба “Черной книги” // Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. / Под ред. В.С. Гроссмана и И.Г. Эренбурга. — Вильнюс: “ЙАД”, 1993. — С. V—XVII. Неправедный суд. — С. 378. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 68—73.
- ¹⁸³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 48. — Л. 2—21, 80. Неправедный суд. — С. 11.
- ¹⁸⁴ Неправедный суд. — С. 175—176.
- ¹⁸⁵ Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 144—149. Исторический архив. — 1994. — № 1. — С. 59.
- ¹⁸⁶ Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 149—150.
- ¹⁸⁷ Неправедный суд. — С. 380.
- ¹⁸⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1096. — Л. 9.
- ¹⁸⁹ Эйникайт. — 1946. — 24 сент., 12 окт.
- ¹⁹⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 459. — Л. 24—29.
- ¹⁹¹ Там же. — Д. 562. — Л. 1.
- ¹⁹² Там же. — Л. 2—5.
- ¹⁹³ Там же. — Оп. 117. — Д. 877. — Л. 18—19.
- ¹⁹⁴ Там же. — Оп. 3. — Д. 1074. — Л. 24. Оп. 118. — Д. 305. — Л. 20—22.
- ¹⁹⁵ Там же. — Оп. 132. — Д. 229. — Л. 4.
- ¹⁹⁶ Там же. — Оп. 118. — Д. 333. — Л. 111—112.
- ¹⁹⁷ Там же. — Оп. 125. — Д. 634. — Л. 118. Оп. 132. — Д. 240. — Л. 89. Д. 149. — Л. 1—2.
- ¹⁹⁸ Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 155—156.
- ¹⁹⁹ Там же. — С. 159.
- ²⁰⁰ Наш современник. — 1999. — № 1. — С. 208—211.
- ²⁰¹ Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 157—161.
- ²⁰² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 216. — Л. 1, 7, 8. Оп. 125. — Д. 594. — Л. 198—203.
- ²⁰³ Там же. — Ф. 17. — Оп. 133. — Д. 389. — Л. 158—164. Наш современник. — 1999. — № 1. — С. 206—208.
- ²⁰⁴ Там же. — Оп. 125. — Д. 634. — Л. 118. Оп. 132. — Д. 240. — Л. 89.
- ²⁰⁵ Там же. — Оп. 125. — Д. 634. — Л. 283—285.
- ²⁰⁶ Там же. — Оп. 132. — Д. 239. — Л. 4—6.
- ²⁰⁷ Там же. — Л. 8—10, 18.
- ²⁰⁸ Там же. — Л. 11—15, 16—17, 19—26.
- ²⁰⁹ Там же. — Д. 240. — Л. 162.
- ²¹⁰ Там же. — Оп. 117. — Д. 600. — Л. 47.
- ²¹¹ Там же. — Д. 343. — Л. 196.
- ²¹² Там же. — Д. 597. — Л. 44—45.
- ²¹³ Там же. — Оп. 128. — Д. 1057. — Л. 25.
- ²¹⁴ Там же. — Оп. 49. — Д. 3000. — Л. 48.
- ²¹⁵ Там же. — Оп. 127. — Д. 1702. — Л. 187—192, 194—196, 203—204. Оп. 118. — Д. 39. — Л. 105—110. Д. 428. — Л. 40—53. Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 6592. — Л. 59.

- ²¹⁶ Там же. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 428. — Л. 46.
- ²¹⁷ Там же. — Л. 65—66.
- ²¹⁸ Там же. — Д. 26. — Л. 68. Д. 428. — Л. 48, 52—53. Д. 494. — Л. 151—159. Оп. 3. — Д. 1070. — Л. 16. Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 15.
- ²¹⁹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 49. — Д. 3003. — Л. 10, 23. Биробиджанская звезда. — 1993. — 20 апр.
- ²²⁰ Там же. — Оп. 118. — Д. 428. — Л. 31—32. Д. 494. — Л. 151—158. Д. 544. — Л. 25. Д. 846. — Л. 197. Оп. 132. — Д. 102. — Л. 9—14. Оп. 49. — Д. 3004. — Л. 110—111.
- ²²¹ Там же. — Оп. 132. — Д. 240. — Л. 161. Оп. 119. — Д. 1053. — Л. 108.
- ²²² Там же. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 6592. — Л. 154—160, 169, 175.
- ²²³ Там же. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 39. — Л. 110.
- ²²⁴ Там же. — Д. 351. — Л. 148. Оп. 132. — Д. 111. — Л. 62.
- ²²⁵ Там же. — Оп. 3. — Д. 1070. — Л. 12.
- ²²⁶ Там же. — Оп. 128. — Д. 445. — Л. 48. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 160.
- ²²⁷ Там же. — Оп. 125. — Д. 405. — Л. 98—103. Оп. 117. — Д. 946. — Л. 144.
- ²²⁸ Там же. — Оп. 132. — Д. 111. — Л. 44—68. Д. 285. — Л. 202, 205, 217. Д. 497. — Л. 28—29, 58—61, 84—97, 99—107. Д. 569. — Л. 91—94. Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 129. — Л. 61—62.
- ²²⁹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 132. — Л. 109—118.
- ²³⁰ Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 439.
- ²³¹ Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 353—354. РГАСПИ. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 38—122. Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1195. — Л. 36.
- ²³² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 783. — Л. 30, 216.
- ²³³ Там же. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 122. Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1362. — Л. 95.
- ²³⁴ Известия. — 1992. — 26 июня.
- ²³⁵ РГАСПИ. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 51.
- ²³⁶ Большевик. — 1950. — № 4. — С. 39—40. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 582. — Л. 184.
- ²³⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 45. — Л. 16. Мурашко Г.П. Дело Сланского // Вопросы истории. — 1997. — № 3. — С. 6—7, 19. Российская газета. — 1993. — 10 февр. Известия. — 1990. — 14 дек. Эндрю К., Гордиевский О. Указ. соч. — С. 418—419.
- ²³⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 717. — Л. 151—154.
- ²³⁹ Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. — М.: Россия молодая, 1994. — С. 169.
- ²⁴⁰ РГАСПИ. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 29.
- ²⁴¹ См. подробнее: Koenen G. Die DDR und die “Judenfrage” // Der Spätstalinismus und die “Jüdische Frage” / Hrsg. von N. Lobkowicz, L. Luks, D. O’Sullivan. — Köln: Böhlau Verlag, 1998. — S. 237—270.
- ²⁴² СССР и Польша. Механизмы подчинения. 1944—1949. Сборник документов / Под ред. Г.А. Бордюгова и Г.Ф. Матвеева. — М.: “АИРО—XX”, 1995. — С. 274—275.
- ²⁴³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 39. — Л. 143, 179—182.
- ²⁴⁴ Там же. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 25.
- ²⁴⁵ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 12. — С. 40.

Глава V

- ¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 922. — Л. 93—94. См., например: *Большевик*. — 1949. — № 18. — С. 27—40.
- ² *Вопросы истории*. — 1998. — № 9. — С. 13.
- ³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1069. — Л. 15, 23, 32. Д. 1070. — Л. 3, 23, 42—43. Д. 1072. — Л. 42. Оп. 116. — Д. 369. — Л. 6—7. Оп. 118. — Д. 80. — Л. 76, 78. Д. 96. — Л. 130—141.
- ⁴ *Пикер Г.* Указ. соч. — С. 150—151.
- ⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 328. — Л. 72—73. Оп. 119. — Д. 383. — Л. 88.
- ⁶ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 467. — Л. 93, 95. Оп. 119. — Д. 383. — Л. 87—88.
- ⁷ *Там же*. — Оп. 3. — Д. 1075. — Л. 42. Д. 1076. — Л. 25—26. Оп. 118. — Д. 447. — Л. 213.
- ⁸ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 897. — Л. 92—95. Д. 931. — Л. 126—130.
- ⁹ *Там же*. — Оп. 119. — Д. 862. — Л. 5—192.
- ¹⁰ *Там же*. — Оп. 117. — Д. 528. — Л. 211. Д. 866. — Л. 15. Оп. 118. — Д. 562. — Л. 117, 117об., 125.
- ¹¹ *Там же*. — Оп. 3. — Д. 1085. — Л. 70. Д. 1082. — Л. 2. Оп. 118. — Д. 919. — Л. 73. Д. 932. — Л. 35. Д. 952. — Л. 171. Оп. 119. — Д. 147. — Л. 111.
- ¹² *Там же*. — Оп. 118. — Д. 752. — Л. 124, 125. Оп. 119. — Д. 107. — Л. 66. Д. 228. — Л. 132—142. Д. 1076. — Л. 1—3, 86—99.
- ¹³ *Там же*. — Оп. 3. — Д. 1085. — Л. 70. Оп. 118. — Д. 991. — Л. 47—51. Оп. 119. — Д. 57. — Л. 80—83.
- ¹⁴ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 615. — Л. 73—74. *Федотов Г.П.* Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса) // *Тайны Израиля*. — С. 454.
- ¹⁵ *Там же*. — Оп. 3. — Д. 1072. — Л. 37. *Вопросы истории*. — 1990. — № 5. — С. 58—59. *Российская еврейская энциклопедия* / Гл. ред. Г.Г. Брановер. — М.: ЭПОС, 1994. — Т. 1. — С. 468.
- ¹⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 1020. — Л. 238—239. Оп. 119. — Д. 100. — Л. 105—110.
- ¹⁷ *Там же*. — Оп. 133. — Д. 293. — Л. 137—149.
- ¹⁸ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 333. — Л. 97—129.
- ¹⁹ *Там же*. — Д. 695. — Л. 21—22.
- ²⁰ *Там же*. — Оп. 3. — Д. 1072. — Л. 19. Оп. 118. — Д. 333. — Л. 87.
- ²¹ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 345. — Л. 13—14.
- ²² *Там же*. — Д. 333. — Л. 106.
- ²³ *Там же*. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 165.
- ²⁴ *Там же*. — Ф. 364. — Оп. 5. — Д. 10. — Л. 2.
- ²⁵ *Там же*. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 143. — Л. 36—43. Д. 153. — Л. 36. Д. 397. — Л. 5. Ф. 629. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 53.
- ²⁶ *Там же*. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1077. — Л. 55. Ф. 629. — Оп. 1. — Д. 87. — Л. 24—25, 49.
- ²⁷ *Там же*. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 567. — Л. 7—8. Д. 614. — Л. 135—136. Оп. 132. — Д. 116. — Л. 91—102.
- ²⁸ *Там же*. — Оп. 3. — Д. 1089. — Л. 66.
- ²⁹ *Там же*. — Оп. 125. — Д. 565. — Л. 138—140. Оп. 132. — Д. 118. — Л. 2, 6—7, 27—28.

- ³⁰ *Там же*. — Оп. 132. — Д. 118. — Л. 41—47, 71.
- ³¹ *Там же*. — Д. 339. — Л. 53—62.
- ³² *Там же*. — Оп. 3. — Д. 967. — Л. 2. Оп. 118. — Д. 780. — Л. 41—43. Оп. 132. — Д. 276. — Л. 28—33.
- ³³ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 580. — Л. 76—79. Д. 615. — Л. 20. Д. 969. — Л. 69—71.
- ³⁴ *Там же*. — Д. 854. — Л. 16. Оп. 132. — Д. 297. — Л. 1—5. Д. 402. — Л. 6.
- ³⁵ *Комсомольская правда*. — 1951. — 8 марта.
- ³⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 133. — Д. 312. — Л. 52.
- ³⁷ *Симонов К.М.* Указ. соч. — С. 216, 232.
- ³⁸ *Там же*. — С. 252.
- ³⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 452. — Л. 4—6.
- ⁴⁰ *Там же*. — Оп. 133. — Д. 390. — Л. 81—84.
- ⁴¹ *Там же*. — Оп. 119. — Д. 452. — Л. 13—15. Оп. 132. — Д. 474. — Л. 77—78.
- ⁴² *Там же*. — Оп. 118. — Д. 694. — Л. 14, 157—158. Оп. 119. — Д. 150. — Л. 174—178. Д. 1005. — Л. 114, 118—128. Оп. 133. — Д. 332. — Л. 138—139, 149—150.
- ⁴³ *Там же*. — Оп. 119. — Д. 118. — Л. 230.
- ⁴⁴ *Там же*. — Оп. 3. — Д. 1085. — Л. 90—92. Оп. 119. — Д. 118. — Л. 235—236.
- ⁴⁵ *Там же*. — Оп. 132. — Д. 295. — Л. 1—2.
- ⁴⁶ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 931. — Л. 133—150, 188—190. Оп. 132. — Д. 122. — Л. 90—109, 152—155, 175—181. Д. 294. — Л. 70—72.
- ⁴⁷ *Там же*. — Оп. 132. — Д. 294. — Л. 106—120.
- ⁴⁸ *Там же*. — Оп. 132. — Д. 209. — Л. 104—107. Оп. 133. — Д. 298. — Л. 201—202. *Советско-израильские отношения*. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 205—206. *Боровой С.Я.* Воспоминания. — М. — Иерусалим: Московский еврейский университет, 1993. — С. 159.
- ⁴⁹ РГАСПИ. — Оп. 118. — Д. 959. — Л. 11. Д. 1003. — Л. 56—61. *Хрущев Н.С.* Воспоминания // *Вопросы истории*. — 1991. — № 11. — С. 42.
- ⁵⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 404. — Л. 65—73. Д. 720. — Л. 71—80. Д. 968. — Л. 142—149.
- ⁵¹ *Фадеев А.А.* Советская литература на подъеме. Доклад на XI пленуме правления ССП // *Правда*. — 1947. — 30 июня.
- ⁵² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 1002. — Л. 7. Оп. 118. — Д. 784. — Л. 15—20.
- ⁵³ *Первый Всесоюзный съезд советских писателей*. Стенограф. отчет. — С. 89.
- ⁵⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 230. — Л. 46—48.
- ⁵⁵ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 443. — Л. 94—104. Оп. 132. — Д. 234. — Л. 38—47.
- ⁵⁶ *Там же*. — Оп. 3. — Д. 1074. — Л. 27—28. Оп. 118. — Д. 749. — Л. 43—48. Оп. 119. — Д. 763. — Л. 31—41. Оп. 132. — Д. 308. — Л. 1—7, 20—35.
- ⁵⁷ *Там же*. — Оп. 118. — Д. 315. — Л. 57—74. Д. 408. — Л. 2—4. Оп. 119. — Д. 852. — Л. 18—84. Оп. 133. — Д. 224. — Л. 1—13, 36—46. *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* "Дело славистов": 30-е годы. — М.: "Наследие", 1994. — С. 100—101. *Эткинд Е.Г.* Во славу старинного друга // *Нева*. — 1990. — № 1. — С. 181—185.

- ⁵⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 220. — Л. 18—20.
- ⁵⁹ Адамова-Слиозберг О. Л. Путь. — М.: Возвращение, 1993. — С. 195.
- ⁶⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 66. — Л. 82 об.
- ⁶¹ Там же. — Д. 66. — Л. 80—84. Д. 147. — Л. 54—63. Д. 216. — Л. 162—182.
- ⁶² Там же. — Оп. 118. — Д. 750. — Л. 184—186.
- ⁶³ Там же. — Оп. 119. — Д. 106. — Л. 128—130.
- ⁶⁴ Там же. — Оп. 3. — Д. 1069. — Л. 14. Оп. 132. — Д. 418. — Л. 147. —
Культура и жизнь. — 1948. — 21 февр., 21 марта.
- ⁶⁵ Там же. — Оп. 118. — Д. 45. — Л. 2.
- ⁶⁶ Там же. — Оп. 127. — Д. 1655. — Л. 76.
- ⁶⁷ Там же. — Оп. 118. — Д. 64. — Л. 51—52.
- ⁶⁸ Там же. — Оп. 3. — Д. 1070. — Л. 37. **И примкнувший к ним Шепилов: правда о человеке, ученом, воине, политике.** — М.: Звонница — МГ, 1998. — С. 143.
- ⁶⁹ Там же. — Ф. 78. — Оп. 1. — Д. 294. — Л. 63—66. **Неизвестная Россия.** — Кн. 3. — С. 350—351. **Вечерняя Москва.** — 1928. — 4 апр. **Комсомольская правда.** — 1928. — 5 апр.
- ⁷⁰ РГАСПИ. — Ф. 78. — Оп. 1. — Д. 294. — Л. 89—91.
- ⁷¹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 721. — Л. 4. Д. 771. — Л. 6. Оп. 113. — Д. 812. — Л. 17.
- ⁷² **Воспоминания профессора Московской консерватории Д.Р. Рогаль-Левицкого // Независимая газета.** — 1991. — 12 февр.
- ⁷³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 324. — Л. 69.
- ⁷⁴ Шварц С.М. Указ. соч. — С. 229.
- ⁷⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 419. — Л. 209—211.
- ⁷⁶ Там же. — Л. 212.
- ⁷⁷ **Советская культура.** — 1990. — 7 апр. **Культура и жизнь.** — 1949. — 20 февр.
- ⁷⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 418. — Л. 210—214. Оп. 3. — Д. 1074. — Л. 3.
- ⁷⁹ Там же. — Оп. 132. — Д. 418. — Л. 201—209. **Тихон Хренников о времени и о себе.** — С. 135—138.
- ⁸⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 420. — Л. 205—206.
- ⁸¹ Там же. — Оп. 119. — Д. 211. — Л. 83. Оп. 132. — Д. 276. — Л. 20—27. Оп. 132. — Д. 420. — Л. 35—36, 187—191.
- ⁸² Там же. — Оп. 119. — Д. 241. — Л. 138. Д. 312. — Л. 5. Оп. 133. — Д. 330. — Л. 137—139.
- ⁸³ **Литературная газета.** — 1995. — 19 июля.
- ⁸⁴ **Вовси-Михозлс Н.С.** Указ. соч. — С. 198—200.
- ⁸⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 133. — Д. 396. — Л. 117.
- ⁸⁶ Там же. — Л. 118.
- ⁸⁷ Там же. — Оп. 133. — Д. 396. — Л. 120—127.
- ⁸⁸ Там же. — Оп. 125. — Д. 633. — Л. 81.
- ⁸⁹ Там же. — Оп. 118. — Д. 436. — Л. 160—165.
- ⁹⁰ Там же. — Д. 247. — Л. 202—214.
- ⁹¹ Там же. — Д. 322. — Л. 145—154, 162, 242—249.
- ⁹² **Ибрагимов (Капчинский) О.Ш.** Судебная коллегия установила... // **Международная еврейская газета.** — 1996. — № 9. Рукописная справка, составленная О.Ш. Ибрагимовым по документам ЦА ФСБ.
- ⁹³ **Ключевский В.О.** Указ. соч. — С. 299—300.

- ⁹⁴ **Сталин И.В.** Относительно марксизма в языкознании // **Правда.** — 1950. — 20 июня.
- ⁹⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 664. — Л. 154—157. Д. 695. — Л. 161—176.
- ⁹⁶ Там же. — Оп. 127. — Д. 1805. — Л. 1—3.
- ⁹⁷ Там же. — Л. 143.
- ⁹⁸ Там же. — Оп. 118. — Д. 758. — Л. 22—32.
- ⁹⁹ Там же. — Оп. 3. — Д. 1074. — Л. 63. Д. 1094. — Л. 93. Оп. 119. — Д. 183. — Л. 184—186. Оп. 132. — Д. 276. — Л. 11—19. **Фриш С.Э.** Сквозь призму времени. — М.: Политиздат, 1992. — С. 342—344.
- ¹⁰⁰ **Сойфер В.Н.** Указ. соч. — С. 441.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1087. — Л. 39.
- ¹⁰² Там же. — Оп. 132. — Д. 332. — Л. 98. Оп. 133. — Д. 252. — Л. 58.
- ¹⁰³ Там же. — Оп. 118. — Д. 443. — Л. 33—41. Оп. 119. — Д. 138. — Л. 30, 34. **Фриш С.Э.** Указ. соч. — С. 365.
- ¹⁰⁴ **Литературная газета.** — 1948. — 29 авг. **Вопросы философии.** — 1947. — № 2.
- ¹⁰⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1073. — Л. 51, 56. Оп. 118. — Д. 317. — Л. 115—124. Оп. 132. — Д. 13. — Л. 63—73. Д. 33. — Л. 31—33. Д. 34. — Л. 1—25 об., 43—44, 51—58.
- ¹⁰⁶ Там же. — Оп. 132. — Д. 220. — Л. 164—165.
- ¹⁰⁷ Там же. — Д. 71. — Л. 74—81, 102—106. Ф. 558. — Оп. 2. — Д. 154. — Л. 17—18.
- ¹⁰⁸ Там же. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 64. — Л. 13—43.
- ¹⁰⁹ Там же. — Д. 64. — Л. 54—60. Д. 212. — Л. 16. Д. 209. — Л. 7—47.
- ¹¹⁰ Там же. — Оп. 118. — Д. 333. — Л. 185.
- ¹¹¹ Там же. — Д. 573. — Л. 174—179.
- ¹¹² Там же. — Д. 339. — Л. 134—138.
- ¹¹³ Там же. — Оп. 119. — Д. 339. — Л. 108. Оп. 133. — Д. 8. — Л. 240. Д. 286. — Л. 236.
- ¹¹⁴ Там же. — Д. 340. — Л. 105—116. Оп. 132. — Д. 160. — Л. 51.
- ¹¹⁵ Там же. — Оп. 118. — Д. 369. — Л. 61—63. Д. 451. — Л. 55—56. Оп. 132. — Д. 221. — Л. 49—50.
- ¹¹⁶ Там же. — Оп. 118. — Д. 369. — Л. 30—65. Д. 451. — Л. 55—56. Оп. 132. — Д. 222. — Л. 35—38.
- ¹¹⁷ Там же. — Оп. 132. — Д. 382. — Л. 15—16, 25—28. **Батыгин Г., Девятко И.** Дело профессора З.Я. Белецкого // **Свободная мысль.** — 1993. — № 11. — С. 102.
- ¹¹⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 494. — Л. 239.
- ¹¹⁹ Там же. — Л. 243.
- ¹²⁰ Там же. — Оп. 3. — Д. 1083. — Л. 55. Оп. 119. — Д. 446. — Л. 4. Оп. 132. — Д. 160. — Л. 98.
- ¹²¹ Там же. — Оп. 132. — Д. 137. — Л. 100—114.
- ¹²² Там же. — Оп. 133. — Д. 285. — Л. 97—101, 117.
- ¹²³ Там же. — Оп. 132. — Д. 33. — Л. 40—44.
- ¹²⁴ **Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.** О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны // **Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945—1985).** — С. 17—18.
- ¹²⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1066. — Л. 48.

- ¹²⁶ Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. — 1998. — № 6. — С. 18.
- ¹²⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 352. — Л. 17—18. Д. 458. — Л. 261—272.
- ¹²⁸ Там же. — Д. 477. — Л. 77. Д. 545. — Л. 47—48. Оп. 132. — Д. 158. — Л. 98.
- ¹²⁹ Там же. — Оп. 125. — Д. 616. — Л. 169—174.
- ¹³⁰ Сталин И.В. Соч. — Т. 9. — С. 315.
- ¹³¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 33. — Л. 1—4, 45—50, 53—62.
- ¹³² Там же. — Оп. 118. — Д. 818. — Л. 28—32. Оп. 132. — Д. 345. — Л. 64.
- ¹³³ Там же. — Оп. 132. — Д. 345. — Л. 48—50.
- ¹³⁴ Там же. — Оп. 118. — Д. 342. — Л. 99—104. Д. 768. — Л. 89—91. Д. 785. — Л. 71—86. Оп. 119. — Д. 102. — Л. 96, 101. Д. 284. — Л. 168. Д. 300. — Л. 98. Оп. 132. — Д. 221. — Л. 33—35. Д. 388. — Л. 11—84.
- ¹³⁵ Там же. — Оп. 119. — Д. 1006. — Л. 123. Воспоминания И.И. Наумова. Архив автора.
- ¹³⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 221. — Л. 41—42. Вопросы истории. — 1949. — № 2. — С. 3—13, 151—158. № 3. — С. 152—159. Закс А.Б. Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // Вопросы истории. — 1989. — № 6. — С. 165. Новая и новейшая история. — 1993. — № 5. — С. 182.
- ¹³⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1076. — Л. 51. Оп. 118. — Д. 425. — Л. 2—14, 24—29, 66—74. Д. 788. — Л. 148. Д. 813. — Л. 60—61. Свидетельство Е.Г. Гимпельсона. Архив автора. Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 205.
- ¹³⁸ Закс А.Б. Трудные годы // Вопросы истории. — 1992. — № 4—5. — С. 158.
- ¹³⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 307. — Л. 1—102.
- ¹⁴⁰ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. — 1999. — № 3. — С. 149.
- ¹⁴¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 237. — Л. 36—49.
- ¹⁴² Там же. — Д. 144. — Л. 31—34. Литературная газета. — 1992. — 4 марта.
- ¹⁴³ Там же. — Оп. 118. — Д. 328. — Л. 57. Д. 479. — Л. 96—104.
- ¹⁴⁴ Новая и новейшая история. — 1992. — № 6. — С. 160.
- ¹⁴⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 479. — Л. 100—101. Д. 575. — Л. 143—149.
- ¹⁴⁶ Там же. — Оп. 119. — Д. 1093. — Л. 1—4.
- ¹⁴⁷ Там же. — Оп. 133. — Д. 5. — Л. 5—41. Большевик. — 1951. — № 15. — С. 21—35.
- ¹⁴⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 133. — Д. 5. — Л. 44.
- ¹⁴⁹ Большевик. — 1951. — № 19. — С. 71—80.
- ¹⁵⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 133. — Д. 293. — Л. 110—116.
- ¹⁵¹ Там же. — Оп. 118. — Д. 456. — Л. 140—156. Оп. 132. — Д. 209. — Л. 77—83.
- ¹⁵² Там же. — Оп. 118. — Д. 448. — Л. 84—92. Д. 457. — Л. 2. Д. 855. — Л. 82—86. Оп. 119. — Д. 668. — Л. 68—74. Оп. 132. — Д. 220. — Л. 39—40.
- ¹⁵³ Там же. — Оп. 119. — Д. 78. — Л. 81.
- ¹⁵⁴ Там же. — Оп. 133. — Д. 252. — Л. 3—60. Д. 303. — Л. 21—33, 71—72. Отечественные архивы. — 1992. — № 3. — С. 65—67. № 5. — С. 32—34. Панеях В.М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // Вопросы истории. — 1993. — № 10. — С. 19.

- ¹⁵⁵ Там же. — Оп. 119. — Д. 459. — Л. 54—61. Кентавр. — 1992. — Ноябрь-дек. — С. 69—70.
- ¹⁵⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 713. — Л. 69—74.
- ¹⁵⁷ Там же. — Оп. 118. — Д. 87. — Л. 93—94.
- ¹⁵⁸ Там же. — Оп. 132. — Д. 205. — Л. 18—28.
- ¹⁵⁹ Там же. — Оп. 119. — Д. 713. — Л. 69—74.
- ¹⁶⁰ Там же. — Оп. 3. — Д. 1072. — Л. 12—13. Соيفер В.Н. Указ. соч. — С. 421—422.
- ¹⁶¹ РГАСПИ. — Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 35—36.
- ¹⁶² Там же. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 55. — Л. 103.
- ¹⁶³ Там же. — Оп. 118. — Д. 314. — Л. 6—7. Д. 703. — Л. 114—129. Д. 774. — Л. 116—126.
- ¹⁶⁴ Там же. — Д. 993. — Л. 119.
- ¹⁶⁵ Там же. — Оп. 118. — Д. 890. — Л. 66—70. Оп. 132. — Д. 348. — Л. 83—104 об. Д. 382. — Л. 13—17.
- ¹⁶⁶ Там же. — Оп. 119. — Д. 159. — Л. 84—88. Оп. 132. — Д. 968. — Л. 47—52.
- ¹⁶⁷ Там же. — Оп. 119. — Д. 851. — Л. 5—14. Д. 993. — Л. 194—198. Соифер В.Н. Указ. соч. — С. 517.
- ¹⁶⁸ Там же. — Оп. 3. — Д. 1005. — Л. 18. Оп. 162. — Д. 26. — Л. 148.
- ¹⁶⁹ Там же. — Оп. 119. — Д. 919. — Л. 39—49. Д. 940. — Л. 88—89. Оп. 132. — Д. 116. — Л. 9—15. Известия. — 1995. — 18 янв. Воспоминания И.Б. Збарского. Архив автора. РГАНИ*. — Ф. 5. — Оп. 25. — Д. 527. — Л. 32—34.
- ¹⁷⁰ РГАСПИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 895. — Л. 119—123, 128.
- ¹⁷¹ Там же. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 361. — Л. 19—31.
- ¹⁷² Там же. — Оп. 117. — Д. 497. — Л. 101—105. Оп. 125. — Д. 361. — Л. 37—49.
- ¹⁷³ Правда. — 1989. — 25 авг.
- ¹⁷⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 606. — Л. 116—119. Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 895. — Л. 124—132. Дементьев И.Д. Илья Саввич Галкин: ученый, педагог, организатор отечественной науки // Новая и новейшая история. — 1998. — № 3. — С. 200—215. Петров И.Ф. Авиация и вся жизнь. — М.: Изд. ЦАГИ, 1993. — С. 91.
- ¹⁷⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1068. — Л. 8.
- ¹⁷⁶ Сонин А.С. "Физический идеализм". История одной идеологической кампании. — М.: Изд. Физико-математическая литература, 1994. — С. 122.
- ¹⁷⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 211. — Л. 105—115. Фриш С.Э. Указ. соч. — С. 351—352.
- ¹⁷⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 211. — Л. 9—75.
- ¹⁷⁹ Там же. — Д. 276. — Л. 11—19.
- ¹⁸⁰ Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 3. — С. 134—157. Вопросы истории. — 1993. — № 8. — С. 113.
- ¹⁸¹ Петров И.Ф. Указ. соч. — С. 92.
- ¹⁸² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 523. — Л. 234. Оп. 133. — Д. 256. — Л. 1—9. — Д. 274. — Л. 66—68. Исторический архив. — 1994. — № 3. — С. 215—223. Сонин А.С. Указ. соч. — С. 161.
- ¹⁸³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 117. — Д. 656. — Л. 17.

* Российский государственный архив новейшей истории.

- ¹⁸⁴ Там же. — Оп. 118. — Д. 822. — Л. 164. Д. 861. — Л. 177. Оп. 119. — Д. 50. — Л. 157. Д. 190. — Л. 149. Д. 192. — Л. 3. Оп. 134. — Д. 248. — Л. 145—150. **Мининберг Л.Л.** Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941—1945 гг.). Очерки. — М.: ИЦ—Гарант, 1995. — С. 415.
- ¹⁸⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 116. — Д. 669. — Л. 27. Оп. 118. — Д. 822. — Л. 164. Д. 861. — Л. 177. Оп. 119. — Д. 50. — Л. 157. Д. 90. — Л. 149. Д. 124. — Л. 156. Д. 192. — Л. 3. Д. 919. — Л. 176. Оп. 134. — Д. 270. — Л. 1—2. Оп. 162. — Д. 48. — Л. 7, 48—50. **РГАНИ.** — Ф. 89. — Оп. 18. — Д. 22. — Л. 1—3.
- ¹⁸⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 908. — Л. 45—51. Оп. 119. — Д. 75. — Л. 63. **Гродзовский Г.Л.** Кто рвется к власти // **Молодая гвардия.** — 1990. — № 5. — С. 257.
- ¹⁸⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 75. — Л. 81—91.
- ¹⁸⁸ Там же. — Оп. 118. — Д. 952. — Л. 153—159.
- ¹⁸⁹ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 278.
- ¹⁹⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 1030. — Л. 112.
- ¹⁹¹ Там же. — Оп. 118. — Д. 1007. — Л. 126. Оп. 119. — Д. 1. — Л. 7—10. Д. 34. — Л. 232. Д. 35. — Л. 65—66. Д. 56. — Л. 138—142. Д. 71. — Л. 166—167. Д. 124. — Л. 145. **Хрущев Н.С.** Воспоминания // **Вопросы истории.** — 1991. — № 11. — С. 56.
- ¹⁹² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1042. — Л. 27. Оп. 114. — Д. 877. — Л. 178—182. Оп. 118. — Д. 352. — Л. 146—162. Д. 448. — Л. 164. **Труд.** — 1988. — 13 окт.
- ¹⁹³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1077. — Л. 32. Оп. 118. — Д. 448. — Л. 126, 131—143. Д. 536. — Л. 223—225.
- ¹⁹⁴ Там же. — Оп. 118. — Д. 744. — Л. 222—227. **Труд.** — 1988. — 13 окт.
- ¹⁹⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 128. — Д. 608. — Л. 83. **Хрущев Н.С.** Воспоминания // **Вопросы истории.** — 1991. — № 11. — С. 48—49.
- ¹⁹⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 910. — Л. 32. **Вопросы истории.** — 1991. — № 11. — С. 49.
- ¹⁹⁷ Там же. — Оп. 3. — Д. 1028. — Л. 12, 40.
- ¹⁹⁸ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 265.
- ¹⁹⁹ По подсчетам сотрудников музея московского завода им. А.И. Лихачева.
- ²⁰⁰ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 118. — Д. 773. — Л. 178—194.
- ²⁰¹ Там же. — Д. 668. — Л. 119—120 об. Д. 748. — Л. 45—54. Д. 752. — Л. 153. Д. 952. — Л. 71. Д. 964. — Л. 177. Оп. 119. — Д. 173. — Л. 207—208.
- ²⁰² Там же. — Оп. 118. — Д. 408. — Л. 219—225. Д. 871. — Л. 107. Д. 896. — Л. 126. Оп. 119. — Д. 290. — Л. 63—69. Оп. 132. — Д. 116. — Л. 27—30.
- ²⁰³ Там же. — Оп. 118. — Д. 842. — Л. 66—67, 74.
- ²⁰⁴ Там же. — Оп. 119. — Д. 9. — Л. 119.
- ²⁰⁵ Там же. — Оп. 3. — Д. 1080. — Л. 100, 101. Д. 1081. — Л. 19, 33. Оп. 118. — Д. 617. — Л. 141. Оп. 119. — Д. 1. — Л. 63.
- ²⁰⁶ Там же. — Оп. 3. — Д. 1082. — Л. 192—195.
- ²⁰⁷ Там же. — Оп. 119. — Д. 724. — Л. 127. Д. 895. — Л. 138, 142. Д. 917. — Л. 44—50.
- ²⁰⁸ Там же. — Оп. 119. — Д. 111. — Л. 11—25. Д. 223. — Л. 2—12. Д. 254. — Л. 117—123. Оп. 132. — Д. 285. — Л. 46—52. **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 275—276. **Каганов В.** Нелегальные еврейские общины Кузбасса // **Вестник Еврейского университета в Москве.** — 1994. — № 2 (6). — С. 46—53.

- ²⁰⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 1024. — Л. 55—77.
- ²¹⁰ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 301—302.
- ²¹¹ **Рапопорт Я.Л.** На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. — М.: Книга, 1988. — С. 117. **Столяров К.А.** Голгофа. Документальная повесть. — М., 1991. — С. 9, 48—49.
- ²¹² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 119. — Д. 12. — Л. 90—92. **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 298—300.
- ²¹³ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 303—304.
- ²¹⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 46. — Л. 19—21. **Судоплатов П.А.** Указ. соч. — С. 359. **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 305. **Хрущев Н.С.** Воспоминания // **Вопросы истории.** — 1991. — № 11. — С. 54.
- ²¹⁵ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 1483. — Л. 80, 84.
- ²¹⁶ **Джилас М.** Указ. соч. — С. 56, 73.
- ²¹⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 48. — Л. 20—21, 80. **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 307.
- ²¹⁸ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 308.
- ²¹⁹ **Известия ЦК КПСС.** — 1989. — № 3. — С. 154.
- ²²⁰ **Источник.** — 1997. — № 1. — С. 3—15. **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 311—315.
- ²²¹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1064. — Л. 42, 44. Д. 1096. — Л. 41.
- ²²² Там же. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 5837. — Л. 27—28.
- ²²³ **Столяров К.А.** Указ. соч. — С. 77. **Пихоя Р.Г.** Указ. соч. — С. 88—89.
- ²²⁴ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 328—329.
- ²²⁵ **Шрейдер М.П.** НКВД изнутри. Записки чекиста. — М.: Возвращение, 1995. — С. 63.
- ²²⁶ **Московские новости.** — 1988. — 7 февр. **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 331—332.
- ²²⁷ **Костырченко Г.В.** Указ. соч. — С. 334—335.
- ²²⁸ **Аллилуева С.И.** Только один год. — С. 315.
- ²²⁹ **Валентинов Н.В.** Наследники Сталина. — С. 218—219.
- ²³⁰ **Пихоя Р.Г.** Указ. соч. — С. 90.
- ²³¹ Там же.
- ²³² **Известия ЦК КПСС.** — 1989. — № 3. — С. 155. **Источник.** — 1997. — № 5. — С. 140—141.
- ²³³ **Правда.** — 1952. — 21 нояб. **Адибеков Г.М.** Указ. соч. — С. 169.
- ²³⁴ **АП РФ***. — Ф. 3. — Оп. 58. — Д. 222. — Л. 1. РГАСПИ. — Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 174. **Лазарев В.И., Хаустов В.Н.** Органы государственной безопасности СССР (1945—1954 гг.) // **Советское общество: будни холодной войны /** Под ред. В.С. Лельчука и Г.Ш. Сагателяяна. — Москва—Арзамас, 2000. — С. 194. **Совет Народных Комиссаров СССР, Совет Министров СССР, Кабинет Министров СССР. 1923—1991.** Энциклопедический справочник. — М.: Мосгорархив, 1999. — С. 443, 468.
- ²³⁵ **Троцкий Л.Д.** Сталин. — Т. 2. — С. 202, 207. **РГАНИ.** — Ф. 5. — Оп. 16. — Д. 602. — Л. 1.
- ²³⁶ РГАСПИ. — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 1195. — Л. 1—4. **РГАНИ.** — Ф. 89. — Оп. 18. — Д. 23. — Л. 1—3.
- ²³⁷ **Шепилов Д.Т.** Воспоминания // **Вопросы истории.** — 1998. — № 7. — С. 33—35.

* Архив Президента Российской Федерации.

- ²³⁸ Аджубей А.И. Те десять лет // *Знамя*. — 1988. — № 6. — С. 105—106.
- ²³⁹ ГАРФ. — Ф. 9425сч. — Оп. 1. — Д. 830. — Л. 1. Московский комсомолец. — 1998. — 10 янв.
- ²⁴⁰ Правда. — 1953. — 13, 22 янв.
- ²⁴¹ Там же. — 21 янв.
- ²⁴² Медицинский работник. — 1952. — 21 нояб. РГАСПИ. — Ф. 364. — Оп. 13. — Д. 4. — Л. 1—234.
- ²⁴³ Самойлов Д.С. Указ. соч. — С. 165.
- ²⁴⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 84. — Д. 708. — Л. 15, 17.
- ²⁴⁵ РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 25. — Д. 504. — Л. 3 — 93, 98—127.
- ²⁴⁶ Там же. — Л. 95—97.
- ²⁴⁷ Там же. — Л. 128. Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 416, 421—426. Говрин Й. Указ. соч. — С. 18—46.
- ²⁴⁸ Найтли Ф. Шпионы XX века. — М.: Республика, 1994. — С. 287.
- ²⁴⁹ Кравцов Б. Бегство из гетто. — Л.: Лениздат, 1984. — С. 149—150. Независимая газета. — 1998. — 12 мая.
- ²⁵⁰ Шатуновская Л.А. Указ. соч. — С. 335—339. Еврейский антифашистский комитет у М.А. Суелова (из воспоминаний Е.И. Долицкого) // *Звенья*. Вып. 1. — С. 535—554.
- ²⁵¹ РГАСПИ. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 86. — Л. 26. *Jewish Chronicle*. — July 29, 1949; November 23, 1951; May 9, 1952. Советско-израильские отношения. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 85, 86, 107, 130—131, 192—193, 199—200, 337—339. Независимая газета. — 1999. — 5 окт.
- ²⁵² РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 25. — Д. 504. — Л. 130. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 346.
- ²⁵³ Маркиш Э. Указ. соч. — С. 306—307.
- ²⁵⁴ Аллилуева С.И. Только один год. — С. 135.
- ²⁵⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. — С. 290.
- ²⁵⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 1075. — Л. 27, 28, 42. Россия. — 1992. — № 26 (85). — 24—30 июня.
- ²⁵⁷ Хрущев Н.С. Воспоминания // *Вопросы истории*. — 1991. — С. 56, 59.
- ²⁵⁸ Тихон Хрепников о времени и о себе. — С. 179.
- ²⁵⁹ РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 25. — Д. 504. — Л. 173—179.
- ²⁶⁰ Источник. — 1997. — № 1. — С. 142. Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. — С. 174. Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 1. — С. 192. Правда. — 1953. — 28 янв.
- ²⁶¹ РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 25. — Д. 504. — Л. 138—168, 187. Источник. — 1997. — № 1. — С. 143—146.
- ²⁶² Источник. — 1997. — № 1. — С. 142.
- ²⁶³ Ефремов Л.Н. Дорогами борьбы и труда. — Ставрополь, 1998. — С. 12—14.
- ²⁶⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. — С. 466.
- ²⁶⁵ Дружба народов. — 1988. — № 3. — С. 239.
- ²⁶⁶ Исторический архив. — 1996. — № 4. — С. 136. Костырченко Г.В. Указ. соч. — С. 356—357.
- ²⁶⁷ Лаврентий Берия. 1953. — С. 21—25.
- ²⁶⁸ Совет Народных Комиссаров СССР, Совет Министров СССР, Кабинет Министров СССР. 1923—1991. — С. 379—380.
- ²⁶⁹ Вопросы истории. — 1998. — № 5. — С. 7. Настоящее. — 1999. — Май.
- ²⁷⁰ Правда. — 1995. — 24 янв. Исторический архив. — 1993. — № 4. — С. 18. 1994. — № 12. — С. 55—56.

- ²⁷¹ Пихоя Р.Г. Указ. соч. — С. 128. Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 2. — С. 157. Военно-исторический журнал. — 1990. — № 3. — С. 84.
- ²⁷² Авторханов А. Указ. соч. — С. 89—90. Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. — С. 176.
- ²⁷³ Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923—1953 (источники и их интерпретация) // *Отечественные архивы*. — 1992. — № 2. — С. 28.

Заключение

- ¹ РГАСПИ. — Ф. 589. — Оп. 3. — Д. 15624. — Л. 370.
- ² Там же. — С. 364—369. Источник. — 1994. — № 3. — С. 99.
- ³ Еврейская эмиграция в свете новых документов // *Сб. док. под ред. Б. Морозова*. — Тель-Авив, 1998. — С. 31. Говрин Й. Указ. соч. — С. 148.
- ⁴ Известия. — 1971. — 24 окт.
- ⁵ Говрин Й. Указ. соч. — С. 148. АП РФ. Информация братским партиям в связи с измышлениями антисоветской пропаганды о якобы нарушении прав личности в СССР (протокол № 201 заседания политбюро ЦК КПСС от 14 янв. 1976 г.). Герман В. Реакционная сущность идеологии и политики международного сионизма. — М.: Общество "Знание", 1976. — С. 25.
- ⁶ Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. — М.: Политиздат, 1980. — С. 24.
- ⁷ Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС 20 марта 1973 г. // Еврейская эмиграция в свете новых документов. — С. 164—168.
- ⁸ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 335, 336.
- ⁹ Еврейская газета. — 1991. — 2 июля.
- ¹⁰ Зюганов Г.А. Россия — родина моя. Идеология государственного патриотизма. — М.: Информпечать, 1996. — С. 141—143.
- ¹¹ Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — С. 28.
- ¹² Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. — М.: МИФ, 1993. — С. 182.
- ¹³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Междунар. отношения, 2000. — С. 108.

Именной указатель

Абакумов В.С. 281—283, 291, 338, 342, 352, 376, 382—390, 396, 397, 405, 406, 422, 423, 426—428, 435, 444, 447—450, 453—460, 469, 478, 490, 491, 503, 512, 557, 580, 599, 615, 620, 621, 630—634, 637, 640, 646, 647, 656—658, 662, 685, 688, 689, 695
Абдулов О.Н. 554
Абдыкалыков М. 253
Абрамович Г.Н. 614
Абрамович (Рейн) Р.А. 66, 128
Авенариус Г.А. 554
Авербах М.М. 632
Авербух И.М. 496
Авриэль И. 402
Авторханов А. 19
Агасфер 311
Агранов (Сорендзон) Я.С. 210
Аграновский А.А. 528, 531
Агурский С.Х. 64, 68
Адамова-Слиозберг О.Л. 540
Адамович А.Ф. 175
Аджемян Х.Г. 252
Адлер В. 37
Азадовский М.К. 538
Азарх Р.М. 378
Айзенберг 482
Айзенберг А.С. 625
Айзенштадт (Железнов) Л.А. 479
Айзенштадт (Железнова) М.С. 479, 480, 612, 620—622
Айзенштадт Я.И. 672
Айхенвальд Ю.А. 540
Акива 424
Акивис М.А. 410
Акопов С.А. 625
Аксельрод З.М. 192, 193, 478
Аксельрод П.Б. 26
Акулов Н.С. 601, 602, 605, 606
Александр I 28, 104, 194
Александр II 29

Александр Македонский 310
Александр Невский 194, 250, 252
Александр III 29, 31, 105, 164
Александра Федоровна 36
Александров В.Я. 596
Александров Г.Ф. 212—215, 217, 227, 246, 248, 251—257, 264, 265, 267—269, 271, 274, 275, 284, 285, 287, 288, 292, 300—303, 318, 334, 347, 362, 363, 368, 374, 379, 468, 477, 488, 561—564, 566—572, 605, 689—691
Алексинский Г.А. 26, 27
Алексинский М.А. 167
Алигер М.И. 408, 409, 413
Алидин В.И. 459
Алиханов А.И. 609
Алиханян С.И. 594
Аллен 523
Аллилуев Л.С. 377
Аллилуев П.С. 377
Аллилуев Ф.С. 379
Аллилуев С.Я. 378
Аллилуева А.С. 240, 377—379, 381, 386, 387
Аллилуева Е.А. 377, 381, 382, 384, 386
Аллилуева Н.С. 201, 373, 378
Аллилуева (Политковская) К.П. 381, 386
Аллилуева (Сталина) С.И. 304, 309, 373—377, 379, 382, 384, 478, 586, 645, 655, 675
Алтаузен Д.М. 110
Альский М. 64
Альтванг 261
Альтер В. 232—236
Альтман И.Л. 323, 325, 327, 331, 334—338, 340, 345, 683
Альтман Н.И. 78
Альтшулер Л.В. 604
Альтшуллер М.З. 580
Анастасия Романовна 373

Андерс В. 233—235
Андреев А.А. 82, 166—168, 202, 259, 272, 374, 516, 564
Андреев Е.Е. 294, 365, 511
Андрианов В.М. 208, 336, 347, 589
Андрианова В.П. 539
Андропов Ю.В. 699
Антипов Н.К. 176
Антокольский П.Г. 539
Антонеску Й. 500
Антонов В. 552
Анцелович Н.М. 200
Аполлонов А.Н. 457
Арбат И.А. 362
Аргинская И.И. 456
Аржанов (Зильберман) М.А. 576, 578
Аристов А.Б. 659
Ариэль И. 402
Аркадьев Г.П. 187
Арканов 260
Аракчеев А.А. 253
Арнольд-Шнейдерман А.И. 532
Аронес Ф.Л. 492
Аронштам Л.Я. 541
Аросев А.Я. 169, 170
Арсенидзе Р. 26
Арсеньев А.М. 593, 594
Арсеньев (Лейбман) Б.Я. 579
Аршавский С.З. 627, 628
Асеев Н.Н. 270
Астангов М.Ф. 554
Астахов Г.А. 194, 197, 198
Ататюрк М.К. 165
Ауслендер С.А. 69
Афанасьев С.И. 614
Ахад-Гаам (Гинцберг У.И.) 135
Ахматова (Горенко) А.А. 284—288, 292, 314, 316, 526, 556
Аш (Асех) Ш. 231, 238, 466

Баазов Д. 408
Баазов М.Д. 408
Бабель И.Э. 459
Багрицкий (Дзюбин) Э.Г. 409
Бадаев А.Е. 245
Бажанов Б.Г. 156
Бак Т. 696
Бакулев А.Н. 240
Балашов П.С. 541
Балицкий А.В. 175
Бальфур А.Д. 62, 97

Барамия М.И. 463
Баранов А.М. 623
Баранов Д. 170
Барбель Э.М. 71
Бар-Кохба 413
Бару И.В. 526
Барух Б. 295, 367
Бассехес А.И. 261
Батиста Р.Ф. 184
Бауман К.Я. 160, 166
Бауэр О. 37, 40, 41
Бах А.Н. 272
Бахмутский А.Н. 488—494, 515
Бахрушин С.В. 252
Бевин Э. 147, 403
Бегичева А. 325, 326
Бегун В.Я. 699
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 151, 152
Бейлис М. 195, 318, 693
Бек Ю. 187
Беленькая Л.С. 622
Беленький А.Я. 554
Беленький Г.Я. 554
Беленький З.М. 128, 129
Беленький М.С. 450, 479
Беленький Я.З. 554
Белецкий З.Я. 254—256, 561, 564, 567—571
Беликов В.В. 266
Белиловский Н.А. 137
Белинкин А.А. 618
Белинков А.В. 269, 270
Белинский В.Г. 315
Белкин М.И. 460
Белкин Р. 520, 521
Белобородов А.А. 618
Белов А.М. 640
Белов Ф.И. 643
Белогорский-Вайсберг Б.Л. 266
Белый В.А. 549
Белых Г. 527
Бельский Л.Н. 210
Бельченко С.С. 392
Бельчиков Н.Ф. 539
Бен-Айзик М. 85
Бен-Гурион (Грин) Д. 231, 401 — 403, 419, 437, 504, 506, 670
Бенедиктов И.А. 598
Бенеш Э. 181
Бергельсон (Бердисон) Д.Р. 135, 137, 236, 395, 397, 423, 424, 430, 435, 450, 469, 473, 476, 541

Бергсон А. 259, 269
Бердяев Н.А. 225, 259
Беренгольц 64
Берестенев В.Ф. 565
Берзин Я.К. 452
Беритов (Бериташвили) И.С. 595
Берия Л.П. 126, 189, 197, 209—211,
215, 217, 232—235, 243, 276, 279—
282, 290, 304, 318, 349, 353, 368,
389, 422, 439, 440, 456, 462—464,
470, 489, 516—518, 546, 552, 562,
599, 603, 604, 607—609, 613, 614,
619, 629, 633, 642, 649, 654, 656,
659, 668, 678, 685—689, 691—695
Берлин И. 287, 651, 652
Берлин Л.Б. 631, 651, 652, 662
Берлин М. 651
Берлинраут Л.Я. 82
Берлянд М.Л. 360, 362
Берман А. 499
Берман Б.И. 594
Берман М.Д. 200, 210
Берман Я. 499, 504
Берман-Юрин К.Б. 215
Бернадская Е.И. 589
Бернадский Р.Ю. 531
Берснев И.Д. 323
Берут Б. 460, 554
Берхина Л.З. 362
Бесчастнов А.Д. 503
Бжезинский З. 709
Библер В.С. 567
Билль-Белоцерковский В.Н. 546
Биллярчик Н.В. 121
Биро З. 502
Бисноват М.Р. 613
Благман Г.Ф. 662
Бланк А.Д. 170
Бланк М.И. 170
Блантер М.И. 395
Блатин А.Я. 528
Блейз Г.Д. 549
Блейман М.Ю. 554
Блиндерман В.М. 460
Блинов А.С. 457
Блюм С.И. 362
Блюмкин И.М. 622
Богатин И.Я. 130
Богданов П.А. 120
Богров Г.И. 36
Богров Д.Г. 36
Бокшицкий М.Л. 574
Болеславский 541
Большаков В.В. 699
Большаков И.Г. 196, 263, 554
Бондаренко Ф.П. 264
Бор Н. 607, 608
Бордадын А.Ф. 215, 217
Борейшо (Гольдберг) М. 395
Борисов П.А. 558
Боровой А. 420
Боровой С.Я. 535
Бородин А.П. 151
Бородин (Грузенберг) М.М. 329, 330,
541
Бородин Н.М. 330
Бородин П.Д. 625
Борохов Б. 83, 84
Борщаговский А.М. 20, 23, 320, 323,
325, 327, 328, 331—334, 339—343,
345, 531
Бочков В.М. 243
Бояджиев Г.Н. 323, 325, 331—333,
338, 340, 345
Боярский Б.С. 125
Боярский В.А. 502, 503
Брагин А.Г. 92, 106
Бранзбург И.Ф. 493
Брауде И.Л. 632
Брауде М.Д. 130
Браул Я.Е. 441
Браун А.А. 596
Браун А.Д. 596
Браун У. 89
Брахман А.Л. 126
Брегман С.Л. 247, 395, 450, 467, 469,
470, 474
Брежнев Л.И. 517, 624, 659, 689, 699,
708
Брейтер З.М. 84
Брменер С.М. 630
Брик О.М. 270
Бриккер З. А. 247, 451, 555
Броверман Я.М. 384, 460
Бровман Г.А. 345, 539
Бродский Л.И. 56
Броз Ж. 297
Бройдо Г.И. 78, 92
Бронтман Л.К. 522, 524
Бронштейн Я.А. 135, 136
Брославский И.М. 580
Броун (Стамбулов) 362
Брохин З.С. 494
Бруевич Н.Г. 557

Брук Б.Л. 115
Брускин А.Д. 200
Бруцкус Б.Д. 59, 75, 101, 110
Бруцкус Ю.Д. 71, 75
Брюллов К.П. 645
Брюшлов Ю.В. 260
Бубеннов М.С. 322, 528—530
Бубнов А.С. 155, 166, 167
Буденный С.М. 57, 107
Будиш Я.П. 491
Будневич О.К. 410
Будников А.В. 280, 281
Булатников А.А. 623
Булатов Д.А. 205
Булгаков М.А. 551
Булганин Н.А. 167, 613, 659, 668, 680,
685
Бусалов А.А. 643, 644, 652, 661
Бутов Ф.М. 579
Бухарин Н.И. 140, 141, 146, 149—
151, 153—156, 158, 160, 166, 173,
177, 306, 335, 368, 600, 646, 648
Бушуев С.К. 252
Бызов А.П. 458
Быков Р.Д. 515
Быховский А.И. 479, 610
Быховский Б.Э. 254, 571
Бэлза И.Ф. 544, 549
Бюкар (Лапшина) А. 344
Бялик Б.А. 537
Бялик Х.-Н. 86, 424, 537, 538
Бялый Г.А. 538
Вавилов Н.И. 597
Вавилов С.И. 558, 560, 604, 605
Вагнер Р. 196
Вайнберг М.С. 551, 552
Вайнштейн А.И. 67, 96, 123, 125
Вайнштейн Г.И. 197
Вайнштейн О.Л. 587, 589
Вайнштейн Ц.З. 362
Ваксберг А.И. 19, 672
Валентинов (Вольский) Н.В. 103, 104
Валери П. 270
Валленберг Р. 281
Ванаг Н.Н. 146, 258
Ванников (Фукс) Б.Л. 201, 515, 604
Ванников И.Л. 456
Варбург И.О. 120, 199, 420
Варга Е.С. 215, 217, 218, 376, 572, 573
Варшавский Я.Л. 323, 325, 328, 332,
333, 338
Варьяш И.А. 216
Василевская Е.А. 318
Василевский А.М. 653
Василевский В.С. 415, 532
Василевский (Тарасов) Л.П. 241
Василенко В.Х. 639, 640—642, 645,
648, 650, 652, 656, 661
Василенко С.Н. 545
Васильев А.Н. 580
Васильев И.А. 175
Васильев П.Н. 110
Вассерман Л.Ш. 492
Ватенберг И.С. 362, 380, 452, 469, 473
Ватенберг-Островская Ч.С. 380, 452,
469, 473
Вахтангов Е.Б. 72
Вдовиченко В.Г. 331, 341, 342, 346,
523
Вегер Е.И. 112
Вегер И.М. 297
Вегер Т.И. 297
Вейцман Е.М. 567
Вейцман М.Е. 662, 663
Вейцман С.Е. 129, 662
Вейцман Х. 62, 119, 129, 231, 239,
272, 402, 404, 434, 482, 495, 662
Вейцман Э. 402
Векслер И.И. 538, 539
Векслер Л.А. 549
Векслер М.Б. 260
Веприк А.М. 550, 551
Вергелис А.А. 481
Веритэ И.Г. 600
Верн Ж. 31
Верт А. 295, 344
Вертипорох В.В. 406
Верховцев И.Л. 525
Веселовский А.Н. 315, 536
Вехтер Г. 198
Вигдорова Ф.А. 528
Виккер И.М. 362
Викторов В.Н. 293
Викторова Р.К. 632
Виллард О.Г. 198
Вильбушевич М.В. (Шохат М.) 127
Вильк Н.Л. 632, 662
Виноградов В.Н. 635, 636, 639—642,
645—648, 650—652, 654, 656, 661,
670, 684
Виноградов И.М. 604
Виппер Р.Ю. 587
Витлин А.Л. 590

Вишневецкий Я.С. 616
Вишневский В.В. 328, 334, 340
Власик Н.С. 279, 640, 641, 656, 657
Власов Ан.Ал. 601
Власов Ан.Ан. 434, 435
Власов И.А. 406
Вовси В.Л. 662
Вовси М.С. 89, 631, 632, 645, 647,
650, 652—654, 661, 662, 664, 684
Вовси Х.М. 662
Вознесенский А.А. 589, 593
Вознесенский Н.А. 220, 284, 289,
303, 347, 432, 454, 510, 511, 572,
573, 615, 641
Воин Ф.М. 456
Войков П.Л. 102
Войтинская О.С. 261, 266, 568
Волин А.А. 472
Волин Б.М. (Фрадкин И.Е.) 395
Волков А.В. 364
Волков А.П. 457, 458, 496
Волковыцкий В.А. 233
Волкотрубенко И.И. 612
Волобуев П.В. 584
Вольпин (Есенин) А.С. 540
Вольтер Ф. 311
Вольф М. 94, 95
Вольф Ф. 183
Воробьев В.П. 598, 599
Воронский А.К. 268
Воронцова-Дашкова Е.Р. 275
Ворошилов К.Е. 142, 430, 486, 546,
558, 659
Ворошилова (Горбман) Е.(Г.) Д. 404
Восленский М.С. 18
Вургафт А.А. 211
Выгодский С.А. 574
Выдрин Л.Ф. 408
Выдрин Ф.И. 408
Высрева 260
Вышинский А.Я. 234, 243, 405, 444,
449, 503, 670
Выштынецкий И.С. 616

Габович М.М. 260
Габрилович Е.И. 554
Гайсинович С.А. 167
Галеви Ф. 551
Галич (Гинзбург) А.А. 342
Галкин И.С. 604, 605
Галкин С.З. 137, 192, 236, 395, 435,
450, 454, 482, 496, 552

Галлай М.Л. 614
Гальперин М.П. 545
Гамалея Н.Ф. 452
Гамарник Я.Б. 555
Ганин А.А. 107, 108
Гаркуша В.Н. 633, 638
Гароди Р. 345, 572
Гатовский Л.М. 574
Геббельс Й. 181, 223, 255
Гегель Г. 38, 157, 254, 255, 311, 563
Гегечкори Е.П. 463
Гедике А.Ф. 260, 545
Гейден К. 200
Гейдрих Р. 181, 185, 224
Гейзенберг В. 608
Гейне Г. 424
Геллер Б. 483
Геллер Л.Н. 216
Гельбрас П.С. 216
Гельфанд Е.Л. 487, 488
Гельфанд М.О. 320
Гельштейн Э.М. 630, 632, 647, 660—
662
Геминдер Б. 499, 502, 503
Генкин Б.С. 625
Генкин Я.М. 83
Генкина Р.Б. 591
Генкина Э.Б. 582, 584
Герасимов А.М. 416
Геринг Г. 178, 185, 187, 603
Герман Ш.М. 569
Герцель 495
Герценберг Е.Я. 662
Герцль Т. 14, 31
Герцович 213
Гершберг С.Р. 522, 524
Гершвин Д. 542
Гершензон М.О. 78
Герэ Э. 501
Геселевич А.М. 630
Гикало Н.Ф. 541
Gilboa Y.A. 18
Гилельс Е.Г. 260, 261
Гилельс Э.Г. 260, 261
Гилинский А.З. 200
Гиляревский С. А. 645
Гиммлер Г. 434
Гимпельсон Е.Г. 582
Гиндина Н.Я. 410
Гинзбург А.И. 697
Гинзбург В.Л. 606

Гинзбург Г.Р. 260
Гинзбург Л.С. 260
Гинзбург С.З. 515, 516
Гинзбург С.Л. 260, 549
Гинзбург С.М. 85
Гинцбург Г.Е. 29
Гинцбург Д.Г. 91
Гирш М. 91
Gitelman Z.Y. 18
Гительсон Г.И. 71
Гитлер А. 15, 19, 20, 119, 120, 177—
179, 183, 185, 187, 194, 196—198,
200, 222, 223, 225, 246, 273, 275, 412,
428, 429, 498, 509, 603, 677, 694, 706
Гладштейн Я. 476, 477
Глебов 261
Гнедин (Гельфанд) Е.А. 197, 239
Гнесин М.Ф. 78, 551, 553
Гнесина Е.Ф. 553
Говоров Л.А. 653
Гоглидзе С.А. 463, 490, 649, 656—
659, 668, 674, 692
Гоголь Н.В. 543
Гозенпуд А.А. 325
Голант В.Я. 589
Голев Я.И. 510
Голик В.А. 459
Голованов Н.С. 544—546
Головенченко Ф.М. 317, 340, 416, 487
Головчинер В. 486
Голодед Н.М. 177, 541
Голубов-Потапов В.И. 136, 389—392
Гольдберг Б.Д. 67
Гольдберг (Вейф) Б.Ц. 237, 238, 366,
369—372, 417, 428, 442, 443, 466,
470, 480, 600
Гольдвассер (Эмиот) И.Н. 479, 492
Гольде Ю. 96
Гольдельман С.И. 69
Гольденберг (Викторов) Я.З. 522,
524—526
Гольденвейзер А.Б. 260—262, 545
Гольдентрихт С.С. 540, 567
Гольдман Н. 239, 241
Гольдштейн Б.Э. 261
Гольдштейн И.И. 376, 377, 379,
382—389
Гольдштейн Л.В. 410
Гольдштейн Я.Е. 618
Гольдштюкер Э. 499
Голяков И.Т. 510
Гомулка В. 460, 504

Гонор Л.Р. 395, 480, 611—613
Гонтарь А.Ю. 478
Гончаров И.А. 311
Горбатов Б.Л. 270, 272, 314, 337,
338, 395
Горбачев М.С. 700
Гордиенко М.В. 371
Гордина 441
Гордон О.Л. 630
Гордон С.В. 442, 476, 478, 482
Горелик Б.Е. 261
Горелик Е.И. 534
Горелик Э.С. 381, 387
Городецкий Е.Н. 582
Горчаков А.М. 709
Горшенин К.П. 440
Горький М. (Пешков А.М.) 38, 59,
89, 107, 110, 154, 267, 331, 376, 537,
647, 662
Готвальд К. 499, 501—504, 657
Гоффеншефер В.Ц. 537, 566
Гофштейн Д.Н. 78, 359, 397, 407,
423, 424, 469, 473, 476
Грановский (Азарх) А.М. 137
Грановский В.Р. 591
Гребнев Н. (Рамбах Н.И.) 528, 529
Греков Б.Д. 590
Грибачев Н.М. 337
Грибоедов А.С. 316
Григорьев И.Ф. 512
Григорьев Н.А. 56
Григорьян Г.М. 280, 281
Григулевич И.Р. 211
Грикман Г.К. 197
Грин У. 235—236
Гринберг Г.А. 606
Гринберг З.Г. 376, 377, 383—385,
387, 389, 396, 423, 447
Гринберг М.А. 261, 549
Гринберг (Гриднев) 362
Гринберг Я.С. 271
Гринштейн А.М. 630, 645, 653, 661,
662, 664
Гришаев П.И. 465, 469, 473
Гришпан Г. 185
Гроер И.А. 130
Громов Г.П. 472
Громыко А.А. 400, 401, 421, 449, 467
Гроссман А.В. 104
Гроссман В.С. 462, 466—469, 681
Грубиан М.М. 478
Груздев И.А. 537

Грушевский М.С. 174, 356
Грюнбаум И. 434
Губельман М.И. 247, 395, 450
Губергриц М.М. 359, 360
Гувер Г. 89, 98
Гувер Э. 239
Гузенко И.С. 249
Гузиков Е.М. 262
Гуковский Г.А. 538, 539
Гумилев Н.С. 538
Гуральский Я.Я. 396, 397
Гурвич А.Г. 595, 596
Гурвич А.С. 325, 328, 331, 333, 334, 338, 340, 341, 345, 348
Гурвич П.А. 590
Гуревич Е.З. 456, 457
Гурко Г. 335
Гурман М.Л. 271
Гусаров Н.И. 398, 477, 485
Гусев А.Г. 489

Дадионова Ф.И. 541
Дан (Гурвич) Ф.И. 26
Данин Д.С. 339, 340, 527
Данюшевский С.И. 516
Двинский Б.А. 515, 517, 518
Деборин (Иоффе) А.М. 156, 157, 563, 585, 590
Деборин Г.А. 585
Дейч Л.Г. 478
Демешкан (Калапова) Е.Б. 317, 318
Деникин А.И. 56, 69, 512
Денисов А.И. 576
Держинская К.Г. 546
Дерибас Т.Д. 79, 83
Дер Нистер (Каганович П.М.) 430, 476, 478, 480
Дехтярев И.К. 441
Дехтярь А.Я. 627, 628
Джилас М. 39, 637
Джонсон Л.Б. 697
Джугашвили Я.И. 373
Дзержинский Ф.Э. 70, 76—78, 81, 554
Диманштейн С.М. 60, 61, 64, 66, 68, 70, 72, 74, 84, 88, 115, 121, 123, 124, 126, 129, 133, 137, 154, 230
Димитров Г.М. 363, 644, 653
Дмитриев Л.Д. 470
Дмитрий Донской 250
Добросельская М.В. 541
Добрушин И.М. 78, 192, 430, 478, 481, 487, 496

Добрынин 71
Додзин 541
Долгополов 261
Долецкий Я.Г. 161
Долицкий Е.И. 364, 396, 397, 673
Доллер М.И. 182
Домбровский Ю.О. 540
Донской М.С. 145
Дорлиак К.Н. 260
Дородницын А.А. 613
Дорн А.П. 461
Достоевский Ф.М. 225, 228
Драгунский Д. А. 395, 404
Драйзер Т. 238
Дрезен Э. 168
Дрейден С.Д. 336
Дрейфус А. 14
Дрейцер Г.Ю. 533
Дридзо В.С. 445
Дридзо Г. 507
Друнина Ю.В. 539
Дубинский Д. 236
Дубнов С.М. 59, 232
Дудель С.А. 590
Дукельский С.С. 201
Дулькина Т.И. 591
Дунаевский И.О. 395, 551, 681
Дунаевский М.М. 610
Дунец Х.М. 135, 136
Дуринов М.А. 460
Дымшиц В.Э. 479, 517
Дэвис 370

Евграфов В.Е. 562
Евнович А.А. 364
Евсеев Е.С. 699
Егнарлов В.С. 199
Еголин А.М. 285, 301, 477, 536, 690
Егоров Б.А. 661
Егоров М.Н. 660, 661
Егоров П.И. 639—645, 648, 652, 656, 661, 670
Егорова Е.Я. 643
Ежов Н.И. 121—124, 136, 160, 166, 181, 197, 205, 207, 208, 210, 377, 461, 642, 646, 648, 649, 686
Екатерина II (Великая) 28, 91, 144, 203, 556, 675
Елизавета Петровна 28
Елизарова-Ульянова А.И. 170
Елисеев И.И. 638
Ельцин Б.Н. 702

Ельчанинова 260
Емельянова Н.П. 260
Енукидзе А.С. 112, 374
Епишев А.А. 458
Ермилов В.В. 340, 529
Ермолов Н.Г. 459
Ершов П.И. 419, 499, 670
Есенин С.А. 107, 159, 324, 376
Ефимов А.Е. 252
Ефремов Л.Н. 684
Ефремов С.А. 174

Жаботинский В.Е. 60, 69, 75, 380
Жарковская Т.С. 661
Жданов А.А. 137, 154, 157—162, 167, 168, 195, 202, 211—213, 216, 217, 220, 250, 254, 257, 258, 264, 271, 274, 276—280, 282—301, 303—309, 314, 319, 320, 324, 326, 329, 330, 347, 349, 356, 367, 380, 397, 441, 448, 468, 508, 510, 542, 561, 566, 572, 595, 605, 635, 638—645, 648, 656, 657, 662, 663, 665
Жданов Ю.А. 301, 306—309, 380, 558, 561, 563, 570—572, 583, 587, 594, 595, 597, 598, 606—609, 655, 689
Жданова Е.Ю. 645
Жданова З.А. 159
Жебрак А.Р. 594
Жегалова А.К. 533
Жезлов М.С. 616
Жемчужина (Карповская) П.С. 137, 201, 202, 368, 381, 393, 432, 440, 445—450, 454, 651, 684, 685
Жид А. 270
Жилин П.А. 588
Жирмунский В.М. 538
Житловский Х.И. 135
Житомирский Д.В. 261, 544, 549
Жиц Г.М. 352, 395, 450, 490
Жолио-Кюри Ф. 345
Жолтовский И.В. 312, 313
Жордания Н.Н. 463
Жук И.А. 260
Жуков Г.К. 244, 283, 473
Жуковский С.Б. 210
Журавский Г.Е. 593
Забара Н.И. 482
Завадовский М.М. 594, 597
Заварзин А.А. 596

Загорский М.Б. 665
Задионченко (Зайончик) С.Б. 515, 519
Зайцев В.В. 386
Зайцев Н.В. 580
Зак Я.И. 261
Закаржевский Л.К. 591
Заковский Л.М. 210
Закусов В.В. 661
Залесский В.Ф. 323
Залка М. (Франкль Б.) 378
Залуцкий 554
Зальцман И.М. 515, 616—618
Зальцман Р. 237
Замбровский Р. 504
Занде С.М. 527
Запорожец А.И. 218
Зарубин В.М. 238
Зарянов И.М. 470, 627
Заславский Д.И. 89, 333, 421, 523, 524, 526
Засосов Р.А. 661
Засулич В.И. 26
Затонский В.П. 132, 176
Збарский Б.И. 299, 395, 598—601, 631, 632
Звавич И.С. 585, 586
Зверев А.Г. 510
Зверев А. 617
Зеленин В.Ф. 641, 647, 652, 660, 661
Зеликсон Е.Ю. 528
Зеликсон М.З. 625
Зелинский К.Л. 268, 270
Зелинский Н.Д. 597
Зельдович Я.Б. 604
Зельцер Г.Ш. 627, 628
Землячка (Залкинд) Р.С. 91, 381, 515
Зильбер Л.А. 294
Зильберман Х.А. 482
Зильберштейн М.Н. 488, 494
Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 48, 54, 102, 104, 142, 153, 215, 577, 650, 704
Зисмап М.Д. 360
Зицер Е.У. 579
Злобин И.Д. 187
Зорин В.А. 502
Зотов И.С. 591
Зошенко М.М. 269, 270, 284—286, 288, 292, 314, 316, 526, 556
Зубатов С.В. 127

Зубок Л.И. 585—587
Зуева Т.М. 264
Зускин В.Л. 393, 395, 423, 426, 448,
469, 473, 474, 484

Ибрагимов В. 95, 96, 111
Иван Грозный 148, 203, 288, 373, 676
Иван III 148
Иваненко Д.Д. 601
Иванов А. 663
Иванов В.В. 346
Иванов В.Н. 449
Иванов Л.Н. 574
Ивич А. (Бернштейн И.И.) 623
Ивич Л.А. 526, 527
Игнатов Н.Г. 659
Игнатовский В.М. 175
Игнатъев Н.П. 31
Игнатъев С.Д. 456—458, 462, 465,
470, 472, 496, 613, 627, 634, 637,
643, 646, 648, 659, 685—687, 689,
691, 692

Идельсон А.И. 67, 71
Идельсон М.И. 616
Изаков Б.Р. 271, 522—524
Иисус Христос 14
Ильин И.А. 148, 149
Ильицкий 357
Ильичев Л.Ф. 265, 266, 347, 411, 523,
525, 526, 537, 573, 663
Ильф И. (Файнзильберг И.А.) 324
Инбер (Шпенцер) В.М. 268, 299
Ингал 270
Иосиф Флавий 311
Иофан Б.М. 395
Иофан М. 667
Иоффе А.М. 560, 601, 605
Ипполитов-Иванов М.М. 545
Ирский Г.Л. 554
Исаев 342
Исбах А. (Бахрах И.А.) 318, 683
Итин С.М. 662

Кабалевский Д.Б. 262, 543
Кавани Л. 580
Каверин Ф.Н. 323
Каган А.Я. 478, 479, 482
Каган З.Ш. 479
Каганович И.Б. 580
Каганович Л.М. 54, 112, 113, 118,
136, 153, 172, 173, 198, 199, 203,
206, 240, 247, 353, 357—359, 361,

394, 411, 424, 430, 436, 462, 489,
515, 535, 546, 659, 679, 680, 693
Каганович Мария М. 174, 515
Каганович Михаил М. 201, 240, 278,
394
Каганович Юлия М. 394
Каганович Юлий М. 515
Каджардузов Г.А. 633, 661
Каждан В.Б. 667
Казакевич Г.Л. 118
Казакевич Э.Г. 328
Казаков И.Н. 647
Казаринская Е.С. 480
Каиров И.А. 318, 592—594
Калашников Г.С. 323, 347
Калигула Г. 655
Калинин М.И. 84, 92, 96, 97, 100, 117,
118, 120, 222, 278, 369, 490, 635
Калманович М.И. 200
Кальм (Кальмеер) Д.С. 268
Каменев (Розенфельд) Л.Б. 39, 46,
48, 52, 73, 78, 90, 92, 102, 104, 153,
215, 650, 704
Каменев С.М. 167
Каменева (Бронштейн) О.Д. 73
Каменецкий Е.И. 526, 527
Каменский З.А. 566, 567, 571
Каминская Л.А. 591, 592
Каминский Г.Н. 200
Каммари М.Д. 157
Кан А. 302
Кант И. 255, 269, 311
Кантер С.П. 533
Кантор Э. 238
Капица П.Л. 299, 601, 602, 605, 607
Каплан (Лан) В.И. 573, 574
Каплан Р.Э. 622
Капланский Я.Л. 628
Каплер А.Я. 374, 375
Капустин Я.Ф. 618
Капчинский М.Я. 555
Карев Н.А. 156
Карелина 391
Карл Великий 194
Карп С. 201, 448
Карпай С.Е. 635, 638, 640, 642, 648, 661
Карпельсон Х.А. 451
Карповский В.И. 449
Карсавин Л.П. 311
Касперский М.А. 512
Кассиль Л.А. 220, 695

Катков М.Н. 253
Катон Старший 52
Каутский К. 34, 37, 39, 40, 59, 116
Кауфман 260
Кауфман И. 671
Кафтанов С.В. 558, 561, 564, 565,
603, 605, 606
Качалов (Шверубович) В.И. 546
Квиринг Э.И. 93
Квислинг В. 413
Квитко Л.М. 137, 192, 230, 236, 366,
395, 397, 424, 435, 439, 450, 469,
473, 474
Кедрина З.С. 341
Кедров Б.М. 562, 563, 564, 566, 567,
571
Кедров М.С. 563
Кейтель В. 187
Келдыш Ю.В. 261
Келле В.Ж. 569
Келли Ф. 453
Кеменов В.С. 251
Кенигсберг Р.З. 493
Кеннан Д.Ф. 344, 664
Керенский А.Ф. 17
Керлер И. Б. 492
Керр А.К. 460
Кертман Л.Е. 590
Кессених В.Н. 601
Кестлер А. 403
Кивин С.А. 82, 84
Никоин И.К. 604, 609
Кио (Гиршфельд-Ренард) Э.Т. 674
Кипер М.Н. 126
Кипнис И.Н. 359, 360, 478
Кириенко С.В. 702
Кириченко А.И. 485
Киров (Костриков) С.М. 159, 459
Кирпичев М.В. 293
Кирпотин В.Я. 537
Киршон В.М. 522
Киселев Е.Д. 429
Клайн Д. 420
Кларин 238
Клейнер И.М. 200
Клименко И.Е. 94
Клионский И.Б. 404
Клычков С.А. 107
Клюева Н.Г. 293, 294, 296—301, 451,
556
Ключевский В.О. 675
Кляцкин М.М. 621, 622

Кнорин В.Г. 155
Князев 554
Ковальчик Е.И. 325
Коварский Н.А. 554
Ковтунов М.М. 555
Коган 261
Коган Б.Б. 645, 647, 650—654, 661,
662, 664, 684
Коган Л. 328
Коган М.А. 621
Коган М.Б. 651
Коган Ю.С. 625
Кожевников В.М. 328, 333, 342, 478,
483, 522
Кожевников Ф.И. 576
Кожевникова П.Г. 579
Кожин В.В. 21
Кожухов С.И. 587, 588
Козинцев Г.М. 554
Козлов В.П. 24
Козлов Г.А. 574
Козлов И.А. 598
Козолупова М.С. 260
Колчак А.В. 512
Кольчев (Сиркес) О.Я. 254
Кольман Э.Я. 157, 158, 256
Кольцов (Фридлянд) М.Е. 92, 106,
239, 459
Комаров В.И. 382—384, 387, 453,
457, 688, 689, 695
Комаров П.Т. 690
Компанец А.С. 607
Кон Ф.Я. 72
Кондаков Н.И. 246, 247
Кондратьев Н.Д. 592
Конев И.С. 653
Конквест Р. 19
Константинов Н.Ф. 568, 571
Константинов Ф.В. 157
Коняхин И.М. 465, 469
Копелев Л.З. 302, 523
Коппель И.Я. 623
Коржавин (Мандель) Н.М. 540
Корнблум А.Э. 522, 524
Корнейчук А.Е. 325, 360
Коровин Е.А. 576, 578
Королев 260
Королев В. 195
Королев Н.А. 457
Королев С.П. 612
Корона М. 239
Косарев А.В. 459

Косиор С.В. 82, 83, 176
Косминский Е.А. 587
Коссов Д.Г. 522, 523
Коссовский В. 43
Костырченко Г.В. 21
Косыгин А.Н. 280, 510, 516, 697
Косырев А.Х. 392
Кот С. 233, 234
Котляр С.О. 450
Кочина Ш. 515
Кравченко В.А. 345, 453
Крайбих К. 499
Красин Л.Б. 93
Краскова Л. 326
Красный-Адмони Г.Я. 30
Крашинский 64
Крейзер Я.Г. 395, 450
Крейтер В.М. 512
Кремер С.М. 122
Крестинский Н.Н. 59, 71, 119, 127
Кржевская М.А. 383
Кривицкий А. (З.Ю.) 341, 531
Кривошеин К.К. 690
Криницкий А.И. 155
Криницкий-Бампи 64
Криппс С. 233
Крипякевич И. 356
Крихели А. 475
Кроль А.Н. 362
Крон (Крейн) А.А. 320, 323, 525
Кроткий Э. (Герман Э.Я.) 524
Круглов Б.А. 392
Круглов С.Н. 208, 652
Кружков В.С. 246, 257, 552, 553, 562, 690
Крупская Н.К. 166, 168, 170, 425, 445
Крути И.А. 268
Кривелев И.А. 563, 566, 567, 571
Кубе В. 224
Кузаков К.С. 303
Кузнецов А.А. 279, 282, 289, 302, 304, 305, 321, 367, 368, 395, 397, 422, 475—477, 489, 510, 556, 557, 617, 618, 641, 642, 644, 662
Кузнецов А.Н. 305, 330, 563
Кузнецов Г.В. 593
Кузьмин Б.Н. 644
Куйбышев В.В. 647, 648, 662
Кульбак М.С. 135, 136
Кун Б. 91, 501
Куницкий С.Д. 583
Кунишников П.В. 643

Кунц Ч. 117, 118
Купер Э.А. 260
Куперин И.И. 643
Куперман Ф.М. 597
Куповецкий М.С. 673
Куприянов П.А. 301
Купышева Н.Н. 645
Курчатов И.В. 296, 603, 604, 609, 611
Кусевицкий С.А. 364
Кутник Э.Г. 536
Кутузов М.И. 250, 587, 588
Кушниров А.Д. 192, 481

Лавочкин С.А. 479, 613
Ландау Л.Д. 606, 607, 609, 681
Ландер К.И. 90
Ландсберг Г.С. 606, 607
Ларин Ю. (Лурье М.З.) 17, 74, 92—97, 106, 111—113, 116, 173
Ласкин Б.С. 325, 341, 524
Ластовский В.У. 175
Лацис М.Я. 70
Лебедев В.Е. 392
Лебедев В.З. 554
Лебедев В.И. 252
Лебедев П.И. 324, 486, 487, 543, 544
Лебедев П.Н. 603
Лебедев-Полянский П.И. 538
Левави А. 674
Левин Б.С. 631, 662
Левин Г.Л. 662
Левин Л. 231, 443
Левин И.Д. 578
Левин И.С. 615
Левин Л.Г. 647, 662
Левин Н.Я. 480, 622
Левин О. 195
Левин С. 385
Левин Ф.М. 339, 340, 345, 539
Левина Р.С. 215—218, 385—387
Левина Ф. 328
Левит В.С. 632, 662
Левит-Гуревич С.М. 555
Левитан М. 72
Левитин (Краснов) А.Э. 697
Левитин М.Е. 490, 493, 494
Левченко Г.И. 653
Лейкинд А.А. 380
Лейкман М. 619
Лейтес А.М. 339—341, 478
Леманы 120, 420
Лемин И.М. 574

Лемкин Р. 505
Лемперг Л.О. 534
Ленгинер 210
Ленин (Ульянов) В.И. 26, 27, 33, 34, 36—40, 42, 43, 46—56, 58—60, 62, 63, 66, 71, 73, 74, 83, 92, 103, 123, 126, 133, 140, 143, 144, 147, 149, 150, 152, 158, 164, 169—171, 197, 198, 203, 215, 245, 310, 329, 332, 339, 367, 399, 401, 404, 444, 456, 555, 558, 563, 577, 582, 598—600, 608, 665, 668, 670, 686, 704
Ленский Х. 86
Ленч Л.С. 524
Леонов А.Г. 387, 453, 457, 689
Леонов И.С. 216
Леонов Л.М. 326, 346
Леонов (Гуревич) М.А. 567
Леонтьев Я.Л. 260, 264
Леотович М.А. 606, 609, 610, 611
Лепешинская О.Б. 595
Лерер-Баша Л.И. 532
Лесли Р. 451
Лещинер С.А. 627, 628
Лещинский Я.Д. 275
Либерберг И.И. 121
Либерман 71
Либерман С.А. 627, 628
Лившиц А.М. 623
Лившиц А.Х. 410
Лившиц Е.М. 606
Лившиц И.Б. 549
Лившиц М.А. 568
Лившиц С.А. 526, 527
Лившиц Э.Л. 622, 625
Лимони М.Я. 623
Лимчер Л.Ф. 631
Линецкий В.Н. 362
Лисович В.М. 621, 622
Литваков М.И. 67, 125, 135—137
Литвин К.З. 357
Литвиненко-Вогельмут 598
Литвинов (Валлах) М.М. 26, 89, 93, 178, 187, 196—198, 239, 241, 363, 515
Лифшиц В.Я. 577
Лифшиц М.Н. 476
Лихачев Д.С. 539
Лихачев И.А. 266, 619, 620
Лихачев М.Т. 383, 384, 386, 387, 396, 453, 457, 502, 637, 688, 689, 695
Лихачев Н.П. 145
Лиховицер В.Г. 597

Лиходеев Л. (Лидес Л.И.) 528
Лихолат А.В. 590
Логинов Л.Т. 592
Лозовский (Дридзо) С.А. 193, 197, 230, 235—237, 246, 361—365, 370, 371, 380, 385, 396, 397, 427—430, 432, 438, 440, 442—446, 451, 452, 467—471, 473, 507, 515, 536, 541, 560, 584, 586, 627, 695
Лойцкер Х. 360
Локшин Е.С. 260
Ломоносов М.В. 597
Лоуренс Д. (Аравийский) 196
Лукацкий А.А. 516
Лукомский П.Е. 642
Луначарский А.В. 17, 72, 74, 158, 165, 166, 545
Луппол И.К. 156
Лурье 71
Лурье Н.Г. 478
Луцкий В.М. 442, 524
Лысенко П.Д. 598
Лысенко Т.Д. 215, 307, 308, 559, 561, 563, 594, 596—598, 604, 609
Львов М.Я. 580
Любавский М.К. 145
Любарский А.В. 534
Любарский С.Е. 95, 130
Любимов А.В. 510
Любченко А.П. 176
Людвиг Э. 147, 177
Люльев Л.В. 611
Лютер М. 52
Лялин С.Н. 459

Мабович М. 405
Мавродин В.В. 589
Магид А.С. 525
Магидов Р. 344, 397, 551
Мадд С. 451
Мажар Н.К. 459
Мазе Я.И. 70
Мазель Л.А. 261, 544, 549
Мазель Я.И. 632, 661
Мазур Г.Г. 456
Май-Маевский В.З. 56
Майоров Г.И. 639—643, 648, 650, 653, 656, 661, 670
Майрановский Г.М. 461
Майский (Ляховецкий) И.М. 119, 185, 231, 241, 363, 585, 590, 684
Макаревич О.Б. 661

Макдональд Д.К. 417
Макаров В.Е. 455, 457, 502
Маккавеи 409, 424
Макклой Д.Д. 434
Маклярский М.Б. 462, 542, 555
Максимов А.А. 561, 563, 571, 608, 609
Маленков Г.М. 122, 129, 132, 191, 205—209, 211—213, 217, 220, 222, 248, 250, 255—259, 263, 266, 273, 274, 276, 277, 279, 281—285, 287, 288, 290—292, 304, 308, 309, 318, 322, 324, 329, 330, 332, 333, 338, 340—342, 344—349, 352, 362, 365, 368, 374, 383, 389, 411, 416, 422, 426, 432, 440, 443—445, 448, 455—457, 459, 462, 464, 470, 472, 473, 485—487, 496, 503, 510, 512, 516, 521, 525, 526, 530—533, 539, 546, 550, 554, 562—564, 567—569, 571—574, 578, 579, 583, 590, 593, 594, 596—600, 602—606, 608, 609, 611—614, 617—619, 623, 624, 630, 632, 634, 638, 646, 654, 657, 659, 660, 662, 665, 668, 678, 681, 685, 687—692, 694, 695
Маленкова В.Г. 445
Малиновский Р.В. 42
Малкевич 122
Мальшев В.А. 618
Мальшев И.И. 512
Мальтинский Х.И. 494
Малюгин Л.А. 323, 325, 331—334, 336, 340, 341, 345, 580
Манасевич-Мануйлов И.Ф. 35
Мандельберг М. 64, 72
Мандельштам Л.И. 601, 605, 606
Манн Т. 110, 238, 671
Мануильский Д.З. 355, 357, 403
Манфред А.З. 583, 590
Мао Цзэдун 691
Марецкий Д.П. 155
Марецкий Г.П. 155
Марджанов (Марджанишвили) К.А. 73
Марк Аврелий 310
Маркиш П.Д. 136, 137, 192, 193, 195, 230, 231, 233, 236, 366, 393—395, 397, 430, 435, 436, 450, 469, 470, 473, 476, 477, 484, 487, 541, 627, 698
Маркиш Э.Е. 23, 430, 698
Марков А.М. 641, 645
Маркс К. 40, 47, 179, 310, 408, 424, 456
Марлей 119
Марр В. 14
Марр Н.Я. 78, 168
Мартов (Цедербаум) Ю.О. 26
Мартынов И.И. 544
Маршак С.Я. 231, 395, 469, 681, 695
Маршалл Д. 401
Масс В.З. 325
Махно Н.И. 56
Масленников В.А. 575
Масленников И.И. 187
Матулевич И.О. 622
Маханов А.И. 215
Мацкин А.П. 323, 325, 331, 332
Маяковский В.В. 100, 452, 537
Мдивани П.Г. 54
Медалье Ш.Я. 130
Медведев Р.А. 249, 283
Медынский Е.Н. 593
Межлаук В.И. 605
Меир (Мейерсон) Г. 402, 405—407, 413—415, 419, 446, 447, 485, 491, 499, 627
Мейер 316
Мейерхольд В.Э. 459, 545
Мейман Н.С. 607
Мейтус Ю.С. 547
Мелик-Пашаев А.Ш. 260
Мельман С.М. 216
Мельник Л.Г. 535
Мельников (Мельман) Н. 328
Мельцер Ю.И. 373
Мендельсон А.С. 574
Мендельсон Л.А. 216
Менжинский В.Р. 77, 78, 80, 647, 648, 662
Менухин И. 238
Меньшиков М.А. 421
Мережин А.Н. 54, 67, 74, 96, 125
Мережковский Д.С. 13
Меркулов В.Н. 235, 280, 281, 320, 516, 544
Мессен-Гиссер Б.С. 625
Мессерер А.М. 260
Месяцев Н.Н. 465, 489
Мехлис Л.З. 124, 155, 171, 208, 218, 244, 268, 515, 516, 659
Миколайчик С. 392, 460
Микоян А.И. 240, 293, 432, 503, 648, 683
Микоян И.А. 240
Миллер А. 320
Миллер Б.И. (Мейлер Б.С.) 492

Миль М.Л. 613
Мильх Э. 603
Мильштейн С.Р. 211, 462, 463
Миллюков П.Н. 35
Милютин Н.Г. 591
Миндлин А.Б. 45
Минин К. 252
Мининберг Л.Л. 24
Миңц И.И. 252, 581—584, 680
Миңц Х. 504
Миңц Я.Г. 627, 628
Мирзаханов И.А. 612
Миронов А.Н. 460, 644
Миронов Л.Г. 109
Миронов Н.Р. 459
Мирская 268
Митерев Г.А. 273, 294, 296, 299, 300, 427
Митин М.Б. 156, 157, 161, 162, 215, 254—257, 308, 561, 563, 564, 566—568, 570, 571, 596
Михайлов Н.А. 348, 528, 530, 539, 591, 659, 660, 663—666, 670, 675, 679, 681, 689, 691
Михайлова Р.Т. 664
Михоэлс (Вовси) С.М. 135—138, 185, 231, 233, 236—239, 242, 245, 265, 272, 335, 359, 365, 366, 368, 369, 371, 376—379, 381, 383—385, 387—398, 412, 422, 423, 426, 427, 429—433, 435, 436, 438—440, 443, 446, 448, 461, 462, 466—469, 471, 474, 480, 482, 486, 487, 491, 494, 506, 518, 522, 523, 555, 578, 599, 618, 619, 621, 651—653, 658, 662, 663, 665, 672, 683, 688, 698
Михоэлс-Вовси Н.С. 551, 698
Мицкевич 554
Мичурин И.В. 307
Мишин В.П. 612
Мишуриц Е.Р. 623
Моисей 433
Мойн 437
Мокульский С.С. 537
Молотов (Скрябин) В.М. 74, 129, 137, 151, 160, 166, 168, 179, 186, 189, 195—198, 201, 202, 211, 226, 234, 235, 237, 245, 279, 295, 296, 303, 314, 319, 362—364, 368, 397, 398, 406, 421, 422, 429, 430, 432, 440, 445, 446, 448—450, 484, 546, 648, 651, 662, 670, 683—685, 693
Молочников Н.В. 377, 381
Монин Д. 80
Мопассан Г. 551
Моран Р.Д. 531
Моргентау Г. 69, 420, 433
Мордвинов А.Г. 313
Мордкович Н.М. 524
Мориак Ф. 671
Мороз Г.В. 380
Морозов Г.И. 375—377, 379, 380, 382, 384
Морозов И.Г. 380, 381
Морозов М.А. 468
Москвин И.М. 546
Мостославский П.М. 621, 622
Мострас К.Г. 260
Мотылев В.Е. 214
Мотылева Т.Л. 318, 537
Мочалов В.В. 425
Мошковский Ш.Д. 632, 662, 686
Музис 270
Мурадели В.И. 304
Мурзин Д.К. 452
Муромец Илья 152
МуССолини Б. 424
Мяковский Н.Я. 262, 543, 545
Надточеев Д.И. 587
Назаренко И.Д. 357, 358
Намир (Немировский) М.И. 406, 414, 415, 419, 447, 449, 535, 673, 674
Наполеон I 14, 147, 194, 256, 509
Насонов Д.Н. 596
Натан 231
Наумов В.П. 21
Наумов И.И. 24, 581
Наумович 391
Небольсин В.В. 260
Невский (Кривобоков Ф.) В.И. 153
Невяжский Я.И. 623
Недосекин В.И. 611
Нежный И.В. 674, 683
Незлин В.Е. 89, 641, 661
Незлин С.Е. 632, 660, 661
Нейгауз Г.Г. 545
Нейман Б.В. 591
Некрашевич С.М. 175
Некрит М.И. 362
Нельганс 482
Немирович-Данченко В.И. 73, 265, 376
Немчинов В.С. 594

Немыкин В.В. 518
Нерон 668
Несмеянов А.Н. 605
Нечкина М.В. 252, 582
Никитин 568
Никитин А.Е. 160
Никитин Д.М. 128
Никовский А.В. 174
Николаевская Е. 270
Николаевский Б.И. 104, 169, 655
Николаенко П.Т. 666
Николай I 28, 29, 94, 145, 147, 676
Николай II 31, 35, 36
Николай Николаевич 44
Никсон Р. 698
Никулин Л.В. 340
Нилус С.А. 35, 545
Ницше Ф. 37, 228, 255, 269
Новик П. 371, 372, 380, 443
Новиков А.А. 280—283
Новогрудский Г.С. 526
Ноздрев В.Ф. 601—605
Носенко И.И. 618
Ноткин А.И. 574
Нудельман А.Э. 611
Нусинов И.М. 89, 192, 193, 230, 302,
314—318, 435, 439, 476, 477, 480

Обухова Н.А. 546
Огнецвет Ю. (Каган Э.С.) 528
Оголевец А.С. 549
Огольцов С.И. 235, 389, 390, 392,
456, 614, 658, 659, 688
Ойзерман Т. И. 562
Ойстрах Д. Ф. 260, 261, 395, 547.
Оксенгорн П.З. 493
Окуневская Т.К. 337
Окунь А. 623
Олевский М.З. 610
Олейников 67
Олеша Ю.К. 324
Омельченко К.К. 540, 541
Орбели И.А. 551
Орбели Л.А. 594, 595
Орджоникидзе Г.К. 105, 154
Орешин П.В. 107
Орликова 261
Орлов В.И. 531, 532
Орлов (Шапиро) В.Н. 287
Орловский П.Е. 587
Ортенберг (Вадимов) Д.И. 243, 244
Оруэлл Д. (Блэр Э.) 249, 581

Островитянов К.В. 573—575
Островский 260
Островский А.Н. 316
Оттен Н.Д. 554
Очкин А.Д. 635
Ошеревич Г.Ш. 479
Ошеревич И.П. 136

Павел, апостол 310, 477
Павлов Б.П. 527
Павлов И.П. 594, 595
Павлова А.А. 625
Павловский С.Г. 460
Пазовский А.М. 264, 544, 546
Пайкин Я.М. 540
Пайн М. 71
Пайпс Р. 18, 188
Палкин А.М. 460
Пальгунов Н.Г. 316, 533, 534
Панкратова А.М. 157, 252—254,
256—258, 582, 583
Панов Д.Ю. 604
Пантелеев И.Ф. 652
Пантофель-Нечецкая Д.Я. 260
Панюшкин А.С. 365
Папалекси Н.Д. 605
Паперный З.С. 322
Парвус (Гельфанд) А.Л. 197
Парамонов А.А. 597
Парин В.В. 294, 296, 297, 299, 451
Паркер Р. 344, 375, 415
Парнас Я.О. 451, 452
Пасманник Д.С. 69
Пастернак Б.Л. 270, 287, 387
Пастернак Л.О. 600
Патоличев Н.С. 367
Паукер А. 504
Паукер М. 504
Пащенко 526
Певзнер М.И. 630—632, 651, 652, 662
Пегов Н.М. 659
Пекелис М.С. 260, 549
Пеккер Я.И. 579
Первенцев А.А. 322
Первухин М.Г. 659
Перельман Е.Б. 600
Перельмутер Б.Л. 527
Перетц В.Н. 539
Перец И.Л. 376, 552
Персин Б.Ю. 621, 622
Персов С.Д. 478—480, 600, 620—622
Персон Д.М. 551

Петер Г. 501
Петерсон Р.А. 110
Петлюра С.В. 56, 69, 174
Петр I (Великий) 28, 147, 148, 194,
225, 256, 288, 298, 314, 509, 676, 708
Петров Б.Д. 209, 426, 451
Петров В.М. 182
Петров В.Р. 546
Петров Е. (Катаев Е.П.) 324
Петров И.Ф. 608
Петров С.М. 690
Петровский Г.И. 92, 172
Печуро С.С. 456
Пешков М.А. 647, 662
Пий XI 146
Пий XII 434, 671
Пикассо П. 416
Пилсудский Ю. 192
Пилогин Н.А. 612
Пименов В.Ф. 342
Пинес 360
Пинкевич А.П. 167
Pinkus В. 18, 349
Пинскер Л.С. 14
Пинский Д. 541
Пионтковский А.А. 579
Писаревский Д.С. 320, 323, 347
Пистрак М.М. 167
Питовранов Е.П. 342, 457, 658
Пихоя Р.Г. 21
Пичета В.И. 175
Платнер А.Х. (И.М.) 393, 397, 478,
479
Платон 269
Платонов С.Ф. 145
Плетнев Д.Д. 642, 647, 648, 661
Плеханов Г.В. 44, 272, 456
Плисецкая М.М. 395
Плоткин Л.А. 538
Плоткин Ц.Я. 408
Погодин (Стукалов) Н.Ф. 342
Победоносцев К.П. 253
Повзур Н.Ф. 392
Пожарский Д. 252
Поженян Г.М. 539
Покровский М.Н. 145, 146, 149, 157,
252, 256, 258, 582, 583
Покровский С.А. 577
Полевой (Кампов) Б.Н. 522
Поликарпов Д.А. 211, 213, 215, 268,
269, 318, 540, 591, 593

Поликарпов Н.Н. 277
Поликовский В.И. 614
Поляков С.С. 91
Полянкер Г.И. 360, 478
Полянский Д.С. 489
Полянский И.В. 406, 497
Поневежский А.С. 526, 527
Пономарев Б.Н. 161, 363, 364
Пономаренко П.К. 192, 208, 222, 472,
489, 518, 525, 618, 659
Попков П.С. 618, 641
Попов А.Д. 323
Попов Г.М. 208, 305, 313, 324, 328,
366, 367, 525
Попов Д.М. 596
Попов Н.Н. 176
Попова Н.А. 661
Поскребышев А. С. 244, 248, 272, 278,
304, 441, 517, 525, 526, 656, 660
Поспелов П.Н. 157, 161, 162, 211,
213, 256, 332, 333, 339, 348, 353,
411, 415, 524, 525, 531, 690
Постышев П.П. 153, 154, 176, 306, 666
Потемкин В.П. 213, 214, 217, 267, 275
Предводителя А.С. 601—605
Презент И.И. 594, 596, 597
Прейгерзон Г.И. 408
Преображенский Б.С. 636, 653, 660,
661
Преображенский Е.А. 122, 127
Прилуцкий 391
Прицкер И.Я. 597
Прокофьев А.А. 288
Прокофьев В.Н. 320, 323, 327, 347
Прокофьев Г.Е. 522
Прокофьев С.С. 306, 543
Пруст М. 270
Прут И.Л. 325
Прутков Козьма 20
Пуанкаре Р. 146
Пудовкин В.И. 182
Пузанов А.М. 591
Пузин А.А. 211, 544
Пукшанская Л.М. 591, 592
Пуришкевич В.М. 675
Путин В.В. 709
Пухлов Н.Н. 471
Пушкин А.С. 214, 250, 316
Пырьев И.А. 263
Пятаков Г.Л. 49, 92, 605

Рабинков Г.Б. 492
Рабинович Б.С. 130
Рабинович Д.А. 261, 268, 551
Рабинович И. 80
Рабинович М.Б. 589
Рабинович М.М. 623
Рабинович Н.П. 661
Рабинович С.П. 610
Рагинский М.Ю. 580
Радек (Собельсон) К.Б. 146, 177, 181, 199
Радищев Л. 17
Разгон И.М. 582
Разумный А.Е. 555
Разумовская Н. 584
Разыграев П.П. 503
Райзер Д.Я. 517, 518
Райzman Ю.Я. 263, 580
Райк Л. 460, 501, 502
Райхман Л.Ф. 234, 460, 462
Райцин Б. 499, 502
Раковский Х.Г. 56
Ракоши (Рот) М. 500—502
Ральцевич В. 157
Рамзин Ф.Б. 533
Раневская (Фельдман) Ф.Г. 263
Ранкович А. 501
Рапава А.Н. 463
Рапорт И.Б. 626—628
Rapport L. 672
Рапорт Я.Д. 211
Рапорт Я.Л. 23, 632, 660—662, 686
Раппапорт Г.М. 183
Расин Г.В. 531
Раскин А.Б. 341
Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 189
Распутин (Новых) Г.Е. 44
Рассыпнинский А.Ф. 458
Рат Э. 185
Ратнер И. 406
Рафес М.Г. 125, 126
Рахманинов С.С. 553
Рачковский П.И. 35
Рашкес И.М. 125
Реваи И. 501
Ревуцкий А. 69
Редене С.Ф. 377, 381
Редлих Ш. 21
Резник О.С. 269, 320
Резник Я.Б. 592, 593

Рейзен М.О. 681
Рейнберг С.А. 662
Рейнхардт В.В. 589
Рейф А.Е. 456
Реннер К. (Шпрингер Р.) 37, 41
Ренуар Ж. 238
Репин А.К. 280, 281
Репин И.Е. 416, 645
Решевский С. 496
Риббентроп И. 194, 198
Риер Б.И. 555
Робсон П. 238
Ровинский Л.Я. 266
Рогаческий И.Г. 404
Родионов М.И. 280, 289
Розанов Я.С. 121
Розен Ж. (И.Б.) 91, 94, 95, 113, 129, 130, 131
Розенберг А. 199
Розенберг Дж. 671
Розенберг Д.Н. 98, 120, 429, 439, 442, 443, 471, 491
Розенберг С.Г. 266
Розенберг Э. 671
Розенблом Б.Д. 197
Розенвальды 120
Розенгольц А.П. 200, 605
Розенталь Д.Э. 267
Розенталь И.С. 592
Розенталь М.М. 566—568
Розенфельд Я.С. 589
Розенцвейг Б.И. 531
Розенштейн 355, 356
Рознер Э.И. 542
Розовский Н.С. 321
Рокк 482
Рокфеллеры 98, 420
Романенко А.З. 699
Романов К.В. 661
Романовы 257
Ромашов Б.С. 322, 346
Ромм М.И. 263, 264, 681
Ромул Августул 148
Роскин Г.И. 293, 294, 296, 297, 299—301, 451, 556
Ростовский С.Н. (Генри Эрнст) 684, 685
Ротбаум 554
Ротшильды 62, 199
Рошаль Г.Л. 183

Рубин Б.А. 597
Рубин Р. 500
Рубинштейн 492
Рубинштейн Н.Л. 252, 584, 585, 587, 592
Рубинштейн Р.Б. 71
Рубинштейн С.Л. 592
Руденко Р.А. 372, 462, 472, 695, 696
Рудзутак Я.Э. 277
Рудник Н.Л. 362
Рудницкий К.Л. 332
Рудный 526
Рузвельт Ф.Д. 184, 185, 236, 295, 420, 437, 438, 585, 586
Рузвельт Э. 302
Румбольд 178
Румянцев А.М. 590, 663
Рутенберг А.М. 494
Рухадзе Н.М. 463
Рухимович М.Л. 200
Рыжиков Р.И. 633, 661
Рыклин Г.Е. 524
Рыков А.И. 104, 169, 170, 173, 177, 277, 306, 396, 600, 646, 648
Рыскин (Рыськин) А.Б. 122
Рыхлецкий И.З. 516
Рюмин М.Д. 387, 388, 455—460, 462—465, 469, 470, 472, 473, 632—637, 643—646, 648, 649, 687, 688, 692, 693, 695
Рюриков Б.С. 319, 323, 346, 347
Рютин М.Н. 153
Рябцева Г.В. 591
Рясной В.С. 658

Сабинин Д.А. 594, 597
Сабуров М.З. 220, 659
Савченко С.Р. 359
Садовников 260
Садовский П.М. 265
Саймон Д. 420
Салтыков-Щедрин М.Е. 147, 480, 690
Самойлов (Кауфман) Д.С. 343, 407, 668
Самойлович Д.Л. 616
Самосуд С.А. 260, 264
Самородницкий Д.Я. 621, 622
Сандлер С.М. 614, 615, 621
Сапронов Т.В. 104
Сатюков П.А. 347

Сафо 287
Сафонов Г.Н. 472, 628, 692
Сахаров 260
Сахаров А.Д. 604, 609
Сахновский И.Д. 527
Свадковский И.Ф. 593
Сванидзе А.С. 374
Сванидзе Е.С. 374
Сванидзе (Корона) М.А. 374
Свердлов А.Я. 460
Свердлов Я.М. 61, 409, 424
Светланов Е.Ф. 553
Светличный М.П. 459
Светлов В.И. 256
Светлов П.Г. 596
Свешников А.В. 544
Свинелупов М.Г. 455
Северин Е.Е. 362
Сейрес М. 302
Селезнев Н.П. 280, 281
Селектор М.З. 566, 567, 571
Селивановский Н.Н. 457
Сельвинский И.Л. 268—270, 287
Семашко Н.А. 106
Сенин И.С. 440
Сен-Санс К. 547
Сербин И.Д. 611, 612, 624, 625
Сергеев 390—392
Сергей Александрович 30
Сергейчук К.Я. 510
Сергиев П.Г. 273
Сергиевский И.В. 346
Сергий (Страгородский И.Н.) 290, 291
Серебряков Л.П. 127
Серебряный 498
Сермаи И.З. 539
Серов И.А. 188, 391, 690
Сиган 554
Сидоров А.Л. 583, 584, 590
Сикорский 270
Сикорский В. 233, 234
Симанович А.С. 44
Симкин Б. 619
Симонов К.М. 249, 268, 270, 271, 314, 320, 322, 327, 333, 334, 337—343, 345, 347, 383, 529—532
Симонов П.В. 493
Синицын И.Ф. 625
Синклер Э. 238
Скобелыцын Д.В. 604

Скрыпник Н.А. 93, 173, 175, 176
Сланский Р. 502, 503, 657, 670
Слепов Л.А. 509
Слиозберг М.Л. 610
Слицин Л.И. 71
Слободской М.Р. 341
Слуцкий А. 91
Слуцкий А.И. 520
Слуцкий Б.А. 492
Слуцкий Б.В. 456, 457
Слуцкий М.С. 448
Смидович П.Г. 80, 82, 93—95, 106,
112, 113, 128
Смирнов А.П. 93, 96
Смирнов Е.И. 299, 642, 657
Смирнов П.П. 252
Смит Г.Д. 476
Смит У.Б. 294, 370, 428, 620
Смоляр Г. 483
Снз (Клейнбаум) М. 418
Сойфер С.Л. 626
Сойфертис Л.В. 266
Сокирко Н.А. 626
Соколов А.К. 21
Соколов К.А. 621, 650
Соколов М.А. 645
Соколов Н. 32
Соколов С.И. 363
Соколовская Е.А. 622
Соловьев Н.В. 441
Солод Д.Д. 434
Солодарь Ц.С. 462
Соломонович И.Д. 616
Солсберг Д. 696
Сонкин Г.А. 621
Соркин Г.З. 394, 396, 397, 440, 454
Сорокин Г.А. 383, 384, 386, 449
Сороко Ш. 270
Сосонкин Л.Э. 362
Сотник Е. 409
Софроницкий В.В. 261
Софронов А.В. 321—324, 326—328,
333, 334, 337, 339—343, 345, 483,
529
Спасский Б.И. 601
Спивак Э.Г. 359, 360, 478, 480
Спиваковский М.З. 493
Спиноза Б. 424, 571
Ставский (Кирпичников) В.П. 268
Сталин В.И. 277—280, 374, 379, 645,
655

Сталин (Джугашвили) И.В. 15, 18—
21, 24—27, 37—42, 45—55, 59, 61,
68, 70, 73—76, 82, 83, 86, 92, 93,
95, 98, 99, 102—105, 109, 111—114,
116, 117, 120, 123—125, 128, 132,
136, 138—164, 166, 167—174,
176—183, 186, 189, 193, 194, 196—
209, 211—213, 215, 217—222, 226,
233—238, 240, 244, 245, 247—255,
257, 258, 263—265, 267, 268, 270—
292, 294—300, 302—309, 312—314,
317—319, 322, 324—330, 332—335,
342, 343, 345—353, 355—358,
361—364, 367, 368, 370, 372—384,
387—390, 394, 396—399, 401, 403,
404, 407, 411, 416, 417, 421—424,
430—433, 435—438, 441, 443—450,
452—457, 459, 462, 463, 469, 470,
472—475, 477, 478, 481, 487—489,
492, 496, 500—513, 515—517,
519—521, 524—526, 528—532, 534,
540, 543, 544, 546, 547, 552, 553,
555, 556, 558, 560—562, 568—571,
574, 576, 577, 580, 582—585, 588—
591, 594, 595, 597—599, 603, 607,
608, 611—613, 616—620, 624, 625,
627—629, 631—640, 642, 643,
645—651, 654, 655, 657—666,
668—670, 672—678, 680—683, 685,
687—689, 699, 702—708
Станиславский (Алексеев) К.С. 72,
73, 265, 320, 545, 546
Станиславский М.О. 109
Старцев А.И. 318, 537
Старшинов Н.К. 539
Стасов Д.В. 545
Стахурский М.М. 358
Стеймацкий Е.М. 71
Степанец А.И. 459
Степанов А.Н. 243
Стерник И.Б. 579
Стецкий А.И. 155, 157, 160
Столетов А.Г. 603
Столетов В.Н. 559, 563, 594
Столыпин П.А. 35, 36
Столяров Г.А. 260
Страшун И.Д. 299
Строгович М.С. 578
Стронг А.-Л. 344, 523
Стронгин Л.И. 450, 468

Стэн Я.Э. 156, 321
Субоцкая А.М. 321
Субоцкий Л.М. 320—322, 340, 345,
527, 539
Субоцкий М.М. 321
Суворов А.В. 250
Суворов С.Г. 301
Сугихара С. 188
Судаков И.Я. 265, 266
Судоплатов П.А. 239, 634
Сук В.И. 545
Сулла А. 459
Султан-Галиев М.Х. 54, 73, 95, 124
Суриц Я.З. 178, 363
Сурков А.А. 270, 483
Суров А.А. 322—324, 338, 340, 342
Суслин А.Г. 493, 494
Суслов М.А. 292, 293, 301, 302, 305,
318, 322, 336, 346, 347, 363, 366—
368, 395, 421, 468, 480, 487, 489,
502, 513, 524—526, 532—534, 548,
549, 553, 558, 569—572, 574, 588,
606, 617, 659, 663, 673, 689, 691
Суханов Д.Н. 455, 546
Сухарев Г.Н. 122
Сучков Б.Л. 302, 303, 325
Сучков Ф. 269
Сыромятников Б.И. 252
Тагер И.Л. 662
Таиров (Корнблит) А.Я. 73, 151,
272, 287, 487
Такер Р. 18, 19, 26
Талалаевский М.А. 360, 476, 478
Талызин Ф.Ф. 645
Таль (Кристал) Б.М. 150, 160, 171
Тальми В.Л. 453
Тальми (Тальминовицкий) Л.Я. 452,
453, 469, 473
Тамаркина Р.В. 261, 270
Тамм И.Е. 609
Танкилевич А.Г. 628, 629
Тарабукин Н.М. 544
Тарасов П.А. 552, 553
Тарле Е.В. 145—147, 252, 255, 587—
589
Тацит К. 22, 304
Твардовский А.Т. 529
Тверской А.М. 496
Тевосян И.Ф. 517, 614
Тейтельбаум А.М. 534

Телингатор С.Б. 600
Тененбаум 554
Терлецкий Я.П. 601
Теумин Э.И. 452, 469, 470, 473
Тёмкин Я.С. 645, 653, 661, 662
Тиберий 287
Тимащук Л.Ф. 638, 640—642, 656,
665—667, 687
Тимирязев А.К. 601—603, 608
Типпельскирх В. 197
Тито И.Б. 297, 308, 501, 502
Тихон (Белавин В.И.) 63
Тихонов Н.С. 268, 316, 317
Товстопалов А.И. 520
Товстуха И.П. 82, 152, 155
Токаев Г.А. 453
Токарь А.П. 480
Токин Б.П. 596
Толбухин Ф.И. 653
Толстой А.Н. 225, 226, 255, 265, 376
Толстой Л.Н. 250, 543
Томпсон 370
Толчан А.Б. 630, 632, 661
Топчиев А.В. 557, 558
Торез М. 644
Торквемада Т. 112
Трайнин А.Н. 435, 578
Трайнин И.П. 575—578
Трауберг И.З. 554
Трауберг Л.З. 263, 554, 589
Трахтенберг И.А. 573
Треппер Л.З. 133
Третьяков А.Ф. 657
Триллессер М.А. 106
Трипп Б. 451
Троицкий (Троцкий) Б.И. 129
Троскунов Л.И. 534—536
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 37, 43,
48, 52, 56, 59, 73, 92, 95, 102—105,
122, 140, 141, 143, 145, 153, 155,
158, 193, 199, 211, 241, 257, 268,
299, 311, 456, 460, 583, 600, 659, 704
Трояновский А.А. 585
Трояновский О.А. 147
Трумфельдор И. 75
Трумэн Г. 292, 295, 399, 401, 402,
420, 664
Тубянский М.И. 78
Тумерман Л.А. 381, 387, 673
Туполев А.Н. 277

Тур, братья (Тубельский Л.Д., Ры-
жей О.Л.) 325, 461, 462
Турмилов А.И. 215
Тухачевский М.Н. 152, 178, 180,
181, 472
Тюрин А.К. 365
Тюркин П.А. 134, 167, 168, 213
Тюрякулов Н.Т. 124

Уайз С. 103, 239
Уборевич И.П. 180
Уваров С.С. 144
Угаров А.И. 161
Угер Г.А. 381
Угрюмов А.Л. 579
Уилсон Г.М. 434
Улановская М.А. 456
Улерианова Л.А. 456
Ульрих В.В. 281, 471
Ульянова М.И. 170
Уманская М.В. 527
Уманская Н.К. 239
Уманский К.А. 185, 231, 239, 241
Уманский Н.Л. 611
Уоллес Г.Э. 295, 418
Уралов 525
Урынсон И.С. 130
Успенский А.И. 210
Устинов Д.Ф. 611, 612
Устрялов Н.В. 50, 141
Усышкин М.М. 32, 75
Утехин Г.В. 457
Уфлянд Н.Е. 456
Уэллс Г. 602

Фадеев А.А. 267, 268, 271, 314—
316, 319—324, 326—328, 333—
335, 337, 339, 341—343, 348, 394,
477, 478, 483, 542, 567, 695

Фадерман И.Л. 632
Файер Ю.Ф. 260
Файнгар И.М. 574
Фаргаши Б.С. 216
Фаркаш М. 501
Федоренко Я.Н. 653
Федоров А.Н. 641, 643, 648, 661
Федосеев Г.С. 270
Федосеев П.Н. 256, 301, 302, 347,
378, 379, 562, 573
Федотов Г.П. 144, 164, 287, 518

Федотов П.В. 406
Федькин Г.И. 578, 579
Федюнин В.А. 235
Фейгель И.И. 630
Фейгенсон Н.И. 597
Фейнберг С.Е. 260
Фейхтвангер Л. 150, 182, 220, 238
Фельдман А.И. 645, 653, 661, 664
Фельдман Г. 263
Фельдштейн 667
Феня 16
Ференс Н.И. 516
Фефер И.С. 86, 135, 236—239, 242,
359, 361, 365, 366, 368—371, 384,
385, 390, 393—397, 404, 414, 417,
422—427, 429—431, 433, 435, 436,
438—440, 442, 443, 448, 456, 466—
471, 473, 476, 482, 484, 487, 490,
491, 494, 496, 541, 630, 651, 695

Филиппов (Юдин) И.Ф. 362
Филиппова Р.Г. 622
Финнинберг Э.И. 476
Финкельштейн А.З. 622
Финн (Хальфин) К.Я. 325, 462
Фиттерман Б.М. 621, 622
Фихте И. 254, 255, 256
Фихтенгольц М.И. 260, 261
Фишер Г. 71
Фишер Э. 227
Флиер Я.В. 260, 261
Фогельсон Л.И. 632
Фок В.А. 609
Форд Г. 88
Форестол Д. 401
Фрадкин М.М. 349
Франк И.М. 607
Франкфурт 360
Фраткин Б.А. 610
Фрауенфельд Г. 429
Фрейд З. 259
Френкель Н.А. 211
Френкель Я.И. 606
Фридланд Г.С. 135, 146, 258
Фридман А. 86
Фридман Н.М. 43
Фридман Н.М. 494
Фролов И.Т. 700
Фрумкин А.Н. 395, 450, 560, 601, 605,
606

Фрумкина (Эстер) М.Я. 65, 67, 76,
92, 117, 125, 126
Фукус А.Л. 130
Фурман В.Л. 456, 457
Фурцева Е.А. 318

Хавин А.Ф. 362
Хавин И.Е. 615
Хавинсон (Маринин) Я.С. 161, 523,
524, 526, 680
Хавкин М.П. 122
Хазан Д.М. 516
Хазанов Б.А. 610
Хазанович 233, 234
Хазард Д. 631
Хайкин С.Н. 450
Халдей Е.А. 533
Халип Я.Н. 362
Хаммер А. 240
Ханна Г.В. 396, 397
Харел И. 674
Харик И.Д. 135, 136
Харитон Ю.Б. 604
Хархурим И.Г. 441
Хаскин С.М. 662
Хатаевич М.М. 176
Хачатурян А.И. 262, 543, 553
Хвильевой Н.Г. 172, 175
Хвыля А.А. 176
Хейфец Г.М. 395, 414, 425, 460
Хенкина М.С. 484
Хесин Г. 542
Хесин С.С. 362
Хигрин 554
Хилленкойтер Р. 401
Хляп С.Р. 518
Хмельницкий Б. 250
Холлоуэй Д. 671
Холодов (Меерович) Е.М. 333, 334,
340
Хорол Д.Ш. 484
Хорти М. 500
Храпченко М.Б. 195, 262, 543, 544
Хреников Т.Н. 305, 543, 548, 549, 678
Христианович С.А. 604
Хрулев А.В. 381
Хруничев М.В. 278, 279
Хрушев Н.С. 104, 105, 192, 289, 305,
318, 356—358, 361, 440, 450, 459,
462, 477, 483, 517, 519, 531, 534—

536, 552, 553, 580, 598, 616, 619, 620,
624, 633, 638, 657, 659, 668, 678,
680, 685, 690, 691, 695, 696, 708

Хубов Г.Н. 261
Худяков С.А. (Ханферянц А.А.) 280
Хургин И.Я. 64
Хуциев М.М. 311
Хьюз Ч.Э. 586

Цанава (Джанджтава) Л.Ф. 390—
392, 398, 463, 688
Царапкин С.К. 401, 402
Цевилев 122
Цейтлин Л.М. 550
Цемах Н.Л. 73
Цукерман В.А. 261
Цулукидзе А.Г. 279
Цюрупа А.Д. 92

Чайковский П.И. 214
Чан Кайши 141, 329
Чаплин Ч.С. 238
Чарный 64
Чарный М.Б. 526
Чаянов А.В. 592
Чекменев Е.М. 189
Чемберлен Н. 184
Чемерисский (Чемеринский) А.И. 66,
74, 83, 96, 117, 125—128
Чепцов А.А. 470—474, 479, 480
Черваков В.Ф. 645
Червинский М.А. 325
Червяков А.Г. 177
Чериковер Э. 70
Черноуос Б.Н. 490, 491
Чернышов В.В. 191
Черняк Я.З. 566
Черняк-Июльский Р.В. 532
Черток Б.Е. 611
Черчилль Р. 287
Черчилль У. 183, 197, 290, 437, 438,
585
Чесноков Д.И. 564, 567—571, 663,
689, 691
Чехов А.П. 690
Чехов М.А. 546
Чечеткина О.И. 666
Чичерин Г.В. 92, 97
Членов Е.В. 32, 62
Членов М.А. 24

Чобруцкий С. 239
Чойбалсан Х. 600
Чубарь В.Я. 129, 172
Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.)
287, 376, 695
Чудкаев С.Е. 128

Шабанов А.Н. 600
Шагал М.З. 78, 395
Шагинян М.С. 169, 340
Шалаян Ф.И. 73
Шамберг В.М. 445
Шамберг М.А. 444, 445
Шамберг С.А. 445
Шапиро А.Я. 667
Шапиро Г. 375
Шапиро Е.А. 512
Шапиро Л.Б. 697
Шапиро Н.А. 616
Шапиро Н.И. 594
Шапорин Ю.А. 262, 552
Шапуров (Шапиро) М.С. 554
Шарангович В.Ф. 177
Шарет (Шертон) М. 401, 419, 670,
673, 674
Шария П.А. 463, 562
Шаталин Н.Н. 208, 211, 255, 266, 268,
273, 692
Шатский Н.С. 512
Шатуновская Л.А. 381, 387—389,
672, 673
Шахманович Н.А. 71
Шахматов А.А. 539
Шахурин А.И. 240, 278—283
Шахурин В.А. 239, 240
Шахурина (Лурье) С.М. 240
Шварц С.М. 17, 547
Шварцборд Ш. 69
Шварцман Л.Л. 459—461, 512, 658
Швейцер В.Л. 378
Шверник Н.М. 472
Шебалин В.Я. 262, 306, 543, 544
Шевелев М.И. 515
Шевченко Т.Г. 224
Шейнин Л.А. 247, 395, 450, 462
Шейнин Л.Р. 195, 196, 240, 461, 462,
542, 580
Шейнис З.С. 19, 219, 400, 536, 672
Шейнман И.Б. 623
Шекспир У. 331

Шеллинг Ф.В. 255
Шепилов Д.Т. 251, 301, 305, 307—309,
319, 321, 323, 324, 326—330, 332,
333, 338—347, 415, 416, 469, 478,
483, 486, 487, 509, 543, 544, 548, 561,
563—565, 567, 569, 573, 574, 577,
583, 638, 659, 663, 664, 681, 691
Шептицкий А. 434
Шептовицкий Э.Я. 130
Шерешевский Н.А. 632, 660, 661
Шеффер Л.Б. 555
Шехтер 130
Шиманов Н.С. 280—282
Шимелиович Б.А. 89, 236, 392, 394,
395, 426, 427, 430, 435, 452, 461,
462, 469—471, 473, 522, 525, 627,
651, 653
Шимелиович И.А. 426
Шимелиович Ю.А. 64, 426
Шимелиович Я.А. 426
Шимко В.С. 527
Ширинский В.П. 551
Широкий В. 503
Ширшов П.П. 510
Шитиков А.П. 493
Шифрин 213
Шиффы 199
Шишкин И.И. 645
Шишкин С.Н. 614
Шишков В.М. 427
Шишмарев В.Ф. 536
Шкирятов М.Ф. 110, 121, 247, 365,
410, 411, 443, 447, 448, 455, 456,
472, 489, 511, 525, 576, 577, 593,
600, 617, 618, 659, 685
Шкловский В.Б. 269, 270, 527
Шкляр 86
Шкундин З.И. 576
Шлегель Ф. 144
Шлинг О. 502
Шлифер С.М. 239, 413, 495, 496
Шлифштейн С.И. 261, 544, 549, 551
Шмаглит Г.Э. 621
Шмальгаузен И.И. 563, 594, 597
Шмерлер Ю.Б. 404
Шмидт А.И. 621
Шмидт (Гольдшмидт) И.П. 589
Шнеерсон Г.М. 544
Шнеерсон (Михайлов) 362
Шнеерсоны 130

Шницер И.С. 662
Шнурре К.Ю. 194, 197
Шолом-Алейхем (Рабинович С.Н.)
137, 237, 369, 537
Шолохов М.А. 225, 322, 530
Шопенгауэр А. 311
Шор Д.С. 78—80
Шостакович Д.Д. 262, 289, 306, 543,
552
Шпрах Ф.П. 125
Шрейдер М.П. 109
Штамбергер 499
Штейн Б.Е. 219, 400, 585—587
Штейн В.М. 589
Штейнберг И.И. 614
Штейнберг Л.П. 260
Штейнберг М.О. 260
Штерн Б. 451
Штерн Л.С. 236, 272, 273, 300, 381, 395,
450—452, 469—473, 595, 599, 630
Штернберг Л.Я. 85
Штернберг Я.М. 478
Штор 272
Штрайхер Ю. 197
Штумм Б. 198
Штюрмер Б.В. 605
Шуб Л.З. 517
Шубняков Ф.Г. 389, 390, 392, 397, 457
Шубов 482
Шуйский Г.Т. 690
Шульгин В.В. 209
Шумаков И.В. 458
Шумейко Г.В. 368
Шумский А.Я. 172, 173, 175
Шумяцкий Б.З. 182

Щербаков А.С. 159—162, 206, 217,
218, 220, 221, 225—227, 230, 236,
237, 241, 243—247, 250—259, 262,
263, 265, 269—272, 274, 277, 361,
364, 374, 432, 466, 539, 546, 601,
602, 632—638, 643—645, 648
Щербаков М.И. 303, 475, 476
Щербина Н.Н. 465
Щипачев И.Я. 562, 564
Щипачев С.П. 289

Эвентов Л.Я. 573
Эггерт З.К. 587
Эдельштейн В.А. 410

Эдельштейн И.С. 512
Эдисон Т. 293
Эйдельман Г.Н. 129
Эйдельман Н.Я. 337
Эйдельман Я.Н. 337
Эйдинов (Вышедский) А.Ф. 619—622
Эйдинов Г.Б. 515, 621
Эйдлин 260
Эйзенхауэр Д. 295, 510, 670
Эйзенштейн С.М. 182, 195, 196, 220,
231, 263, 287
Эйнис В.Л. 632
Эйнштейн А. 13, 110, 231, 235, 238,
395, 408, 466, 467, 476, 608, 670, 671
Эйтингон Н.И. 211, 460, 462
Эйхе Р.И. 301
Эйхенбаум Б.М. 285
Эйхенгольц М.Д. 318
Элиович Л.И. 536
Элькина Д.Ю. 591
Эльштейн 269, 270
Эльяшив (Фридман) Ш. 674, 694
Эмдин Г.М. 533
Энгельс Ф. 310
Эпштейн 239
Эпштейн 541
Эпштейн З.Х. 627, 628
Эпштейн М.С. 167
Эпштейн Ш. (А.Б.) 230, 236, 245, 246,
366, 425, 430, 431, 435, 436, 438, 440
Эренбург И.Г. 219, 220, 225, 228, 230,
231, 241, 246—248, 255, 272, 341,
392, 407—417, 421, 430, 462, 466,
467, 469, 479, 494, 530, 578, 670,
680—682, 693, 696
Эрлих А.И. 340
Эрлих Г.М. 32, 67, 232—236
Этингер Я.Г. 630—633, 635, 637, 641,
661, 662, 664, 686
Этингер (Ситерман) Я.Я. 19, 631,
632, 635, 672
Эттли К. 399
Эфрос А.М. 73
Ювеналий (Поярков В.К.) 498
Юдилович Я.Т. 618
Юдин П.А. 516
Юдин П.Ф. 157, 161, 254—257, 561,
567, 571, 663
Юдинцев С.Д. 594

- Юдович Э.З. 628
Южин А.И. 73
Юзефович (Шпинак) И.С. 330, 395, 427, 428, 432, 436, 443, 444, 469, 473, 586
Юзовский Ю. (И.И.) 323, 325, 326, 328, 331, 333, 334, 336, 338, 340, 345, 522, 537
Юнович М.М. 261
Юсим Я.С. 623, 624
Юсупов У.Ю. 357
Ющинский А. 195
- Я**года Г.Г. (Иегуда Е.Г.) 77, 83, 200, 207, 600, 646—648
Яковлев А.И. 252, 253
- Яковлев А.Н. 700
Яковлев А.С. 277—279, 615
Яковлев (Хольцман) Б.В. 340, 341, 527, 537
Яковлев В.С. 596
Яковлев Н.Д. 612
Яковлев (Эпштейн) Я.А. 592
Якубсон В.Р. 578
Ямпольский А.И. 260, 261, 550
Ямпольский В. Е. 547
Янгель М.К. 612
Ярмицкий А.И. 494
Ярославский (Губельман) Е.М. 85, 95, 106, 152, 153, 228, 247, 273, 450, 633
Ярославцев 260
Ярцев Г.А. 324

Важнейшие источники и литература

Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (бывш. Центральный партийный архив при ЦК КПСС). — Ф. 2, 5, 17, 76, 77, 81, 82, 83, 88, 89, 151, 445, 588, 589.

Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 1318, 7523, 8114, 8131, Р-8581, 9425сч.

Российский государственный архив экономики. — Ф. 8044.

Российский государственный архив новейшей истории. — Ф. 5, 11, 89.

Архив Президента Российской Федерации. — Ф. 3.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Авторская коллекция копий документов МГБ СССР о политическом преследовании представителей еврейской общественности и культуры, а также отдельных деятелей еврейского происхождения.

Документальные публикации

Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. В 2-х тт. **Документы МИД СССР.** — М.: Политиздат, 1990.

Дневник В.А. Малышева // Источник. — 1997. — № 5. — С. 129—135.

Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В. Будницкий. — М. — Иерусалим: Гешарим, 1999. — 479 с.

Еврейский антифашистский комитет. 1941—1948. Документированная история / Под ред. Ш. Редлиха и Г.В. Костырченко. — М.: Международные отношения, 1996. — 414 с.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. — М.: Родина, 1993. — 222 с.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В.П. Наумов, Ю.В. Сигачев. — М.: МФ "Демократия", 1999. — 504 с.

"Литературный фронт". История политической цензуры 1932—1946 гг. Сб. документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. — М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. — 270 с.

Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В.П. Наумов. — М.: Наука, 1994. — 399 с.

Соблазн социализма. Революция в России и евреи / Сост. А.С. Серебренников. — Париж—Москва: YMCA-PRESS—Русский путь, 1995. — 523 с.

Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943—1966 / Ред. М. Альтшулер, И. Арад, Ш. Краковский. — Иерусалим, 1993. — 539 с.

Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941—1953. В 2-х кн. / Под ред. Б.Л. Колоколова, Э. Бенцура и др. — М.: Международные отношения, 2000.

Сталинское политбюро в 30-е годы. Сб. документов / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. — М.: АИРО — XX, 1995. — 333 с.

Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сб. документов и материалов / Под ред. И. Арада. — Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1991. — 424 с.

Статьи, книги, выступления политических и общественных деятелей

Сталин И.В. Сочинения. — Т. 1—13. — М.: Госполитиздат, 1946—1951.

Тайна Израиля. “Еврейский вопрос” в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX вв. / Сост. В.Ф. Бойков. — СПб., София, 1993. — 499 с.

Троцкий Л.Д. Преступления Сталина / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. — М.: Изд. гуманитарной литературы, 1994. — 308 с.

Троцкий Л.Д. Сталин. Т.2 / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. — М.: Терра, 1990. — 303 с.

Мемуары

Аллилуев В.С. Хроника одной семьи. — М.: Молодая гвардия, 1995. — 318 с.

Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. — М.: Известия, 1990. — 176 с.

Аллилуева С.И. Только один год. — М.: Книга, 1990. — 381 с.

Боровой С.Я. Воспоминания. — М.: Иерусалим: Московский еврейский университет, 1993. — 383 с.

Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. — М.: Советский писатель, 1991. — 400 с.

Вовси-Михоэлс Н.С. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминание о жизни и гибели. — М.: Возвращение, 1997. — 236 с.

Джилас М. Лицо тоталитаризма / Пер. с сербско-хорватского. — М.: Новости, 1992. — 544 с.

Маркиш Э. Столь долгое возвращение... — Тель-Авив, 1989. — 221 с.

Меир Г. Моя жизнь. Автобиография. В 2-х кн. — Израиль: Библиотека—Алия, 1989.

Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, большевика-коммуниста, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. — М.: Вагриус, 1996. — 570 с.

Рапорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. — М.: Книга, 1988. — 271 с.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. — М.: АПН, 1989. — 478 с.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. И. Чуева. — М.: Терра, 1991. — 623 с.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М.: ТОО Гей, 1996. — 508 с.

Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе (Запись и обработка диалогов В. Рубцовой). — М.: Музыка, 1994. — 345 с.

Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории. — 1990. — № 4, 7; 1991. — № 11,12; 1992. — № 1.

Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. — М.: Международные отношения, 1995. — 461 с.

Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. — М.: Отечество, 1992. — 205 с.

Шатуновская Л.А. Жизнь в Кремле. — Нью-Йорк: CHALIDZE Publication, 1982. — 312 с.

Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. — 1998. — № 4, 5, 6, 7.

Исследования и научно-популярные издания

Аманжолова Д.А. “Горячо живу и чувствую...” Петр Гермогенович Смилович. Опыт исторического портрета. — М., 1998. — 307 с.

Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). — М.: Слово, 1992. — 142 с.

Альтман И.А. История и судьба “Черной книги” // Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. / Под ред. В.С. Гроссмана и И.Г. Эренбурга. — Вильнюс: ЙАД, 1993. — С. V—XVII.

Арад И. Холокауст. Катастрофа европейского еврейства (1933—1945). Сб. статей. — Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1990. — 165 с.

Барковец А.И. Об основных этапах деятельности “Агро-Джойнта” в СССР // Вестник еврейского университета в Москве. — 1996. — № 2 (12). — С. 134—143.

Батыгина Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. — 1993. — Т. 63. — № 1. — С. 61—72; № 2. — С. 143—151.

Бэзменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: Вече, 2000. — 507 с.

Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. — М.: Прогресс—Культура, 1994. — 399 с.

Ваксберг А.И. Нераскрытые тайны. — М.: Новости, 1993. — 304 с.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. — М.: “Новости”, 1990.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М.: МП “Октябрь”—“Советская Россия”, 1991. — 618 с.

Гейзер М.М. Соломон Михоэлс. — М.: Прометей, 1990. — 280 с.

Герасимова И. К истории Инбелкульта и Еврейского сектора Белорусской академии наук в 20—30-х гг. // *Вестник Еврейского университета в Москве*. — 1996. — № 2 (12). — С. 144—167.

Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. — Москва—Иерусалим, 1993. — 483 с.

Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: 1917—1920 гг. — М.: ИРИ РАН, 1998. — 257 с.

Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. — М.: Республика, 1998. — 493 с.

Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953—1967. — М.: Прогресс—Культура, 1994. — 335 с.

Захаров В.В., Кулишов В.Д. Анатомия Холокоста. Начало начал. Германия, 1933—1939 годы / На русск. и англ. яз. — М.: Совершенно секретно, 2000. — 550 с.

Кац А.С. Евреи, христианство, Россия. — СПб.: Новый Геликон, 1997. — 476 с.

Кожин В.В. Россия, век XX. 1939—1964. — М.: Алгоритм, 1999. — 396 с.

Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. — М.: Международные отношения, 1994. — 398 с.

Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. — М.: Наука, 1991. — 294 с.

Курс советской истории. В 2-х кн. 1917—1991 / Под ред. А.К. Соколова. — М.: Высшая школа, 1999.

Лакер В. История сионизма. — М.: Крон-Пресс, 2000. — 848 с.

Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. — М.—Л.: Госиздат, 1929. — 311 с.

Логинов В.М. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. — М.: Современник, 2000. — 223 с.

Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // *Вопросы истории*. — 1999. — № 7. — С. 41—59.

Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. — М.: Прогресс, 1990. — 481 с.

Мининберг Л.Л. Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941—1945 гг.). Очерки. — М.: ИЦ—Гарант, 1995. — 549 с.

Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии “священных боев” 1939—1941 гг. — М.: АИРО—XX, 1997. — 283 с.

Пайпс Р. Россия при большевиках. — М.: РОССПЭН, 1997. — 670 с.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. — М.: Издательство РАГС, 1998. — 733 с.

Розенталь И. Москва начала XX века: евреи, власть, общество // *Вестник Еврейского университета в Москве*. — 1999. — № 1 (19). — С. 110—120.

Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945—1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. — М.: Международные отношения, 1995. — 509 с.

Сойфер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. — М.: Лазурь, 1993. — 702 с.

Сонин А.С. “Физический идеализм”. История одной идеологической кампании. — М.: Физико-математическая литература, 1994. — 223 с.

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. — М.: Прогресс, 1991. — 477 с.

Такер Р. Сталин у власти. История и личность. — М.: Весь мир, 1997. — 645 с.

Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917—1991. — М.: Вагриус, 1994. — 510 с.

Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. — 263 с.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. — М.: Nota Bene, 1992. — 766 с.

Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. — 346 P.

Die Dimension des Völkermordes / Hrsg. von W. Benz. — München: Oldenburg Verlag, 1991.

Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. — Cambridge University Press, 1988.

Redlich S. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941—1948. — Boulder (USA), 1982.

Rubenstein J. Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Erenburg. — N.Y. Basic Books, 1996.

Der Spätstalinismus und die Jüdische Frage. Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus // Hrsg. von L. Luks. — Böhlau Verlag, Köln, 1998.

Zinger B., Belenkaja L. Stages in the Formation of Policy on the Jewish Question in the Communist Party of the Soviet Union // *SHVUT, Studies in Russian and East European Jewish History and Culture / Ed. by B. Pinkus.* — № 3 (19). — Israel, 1996. — P. 112—146.

Справочные издания

Еврейская энциклопедия / Ред. А. Гаркави и Л. Кацнельсон. Репринт. — М.: Терра, 1991.

Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 1—8. — Иерусалим, 1992—1996.

Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. — М.: Политиздат, 1991. — 461 с.

Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г.Г. Брановер. — Т. 1—3. — М.: Энос, 1994—1997.

Геннадий Васильевич Костырченко

**Тайная политика
Сталина**

ВЛАСТЬ И АНТИСЕМИТИЗМ

Книга издается в авторской редакции

Художественный редактор *А.С. Скороход*

Технический редактор *Г.В. Лазарева*

Компьютерная верстка *Е.В. Мельниковой*

Подписано в печать 18.03.03
Формат 60 x 90^{1/16}. Бумага офсетная
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная
Усл. печ. л. 49,0. Уч.-изд. л. 56,05
Изд. № 6/2003. Тираж 3000 экз.
Цена договорная. Заказ № 2738.

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спаская, 20
Тел. отдела реализации: 975-30-09
E-mail: inter-rel@mtu-net.ru
сайт: www.inter-rel.ru

Качество печати соответствует качеству предоставленного
оригинал-макета

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В.И. Смирнова
214000, г. Смоленск, проспект Ю. Гагарина, 2
Тел.: 3-01-60, 3-14-17, 3-46-20

Костырченко Г.В.

K72 Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Изд. 2-е, доп. М.: Междунар. отношения, 2003. — 784 с.

ISBN 5-7133-1071-X

Первое фундаментальное научное исследование об использовании антисемитизма как одного из инструментов осуществления тоталитарного сталинского режима. Базируется на документальной основе с привлечением ранее засекреченных материалов из архивов высших органов КПСС и советского государства. Прослеживаются два тесно связанных между собой процесса: сосредоточение абсолютной власти в руках Сталина и его прераставшие в юдофобию целенаправленные практические действия, усиливавшееся стремление списать реальные политические проблемы на происки «еврейских националистов».

Исследование содержит обоснованные выводы о необходимости преодоления антисемитизма как формы национальной нетерпимости с целью дальнейшей этнополитической интеграции народов России.

УДК 323.12 (=924) (47+57)
ББК 63.3 (2)-36